This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 176.25

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817),

27 Nov — 23 Dec, 1897.

P Slav 176.25

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817),

27 Nov – 23 Dec, 1897.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ LXI. — ТОМЪ CCCLXII. — 1/13 НОЯБРЯ 1897.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ВОСЕМЬДЕСЯТЪ-ВОСЬМОЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академич. переулокъ № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1897

79/b/2
P Slav 176.25
~~Slav 30.2~~
Nov 27 -- Dec 23
Sever Fund.

2603

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-

ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ.—КНИГА 11-я.

НОЯБРЬ, 1897.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Гас. Остр., 5 л., 28.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1897.

Стр.

I.—ТОБОЛЬСКАЯ ГУБЕРНІЯ ВЪ ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ. — Матеріалы для біографіи В. А. Арцимовича, за время управленія его тобольскою губерніею (1854—58 гг.).—I.—**Сн—евъ.** 5

II.—ЭКЗОТИКИ.—Романъ въ трехъ частяхъ. — Часть вторая: XI-XXII. — **Гр. Евг. В. Салиасъ** 41

III.—РЕФОРМАЦІОННОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ КИТАѢ.—VIII-XVIII.—Окончаніе.—**И. С. Попова.** 85

IV.—НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ЯЗЫКОВЪ.—1803—1846 гг.—Біографическій очеркъ.—I-XIV.—**В. И. Шенрока** 134

V.—ИЗЪ ГЮЙО.—**Н. И. Вейнберга.** 174

VI.—МАЛЕНЬКІЙ ІОГАННЕСЪ.—De kleine Johannes, Fred. van Eeden.—V-XIV.—Окончаніе.—Перев. съ голланд. **Е. Н. Половцовой.** 176

VII.—СИЛЬВЕСТРЪ МЕДВѢДЕВЪ, по новымъ изслѣдованіямъ.—**А. Н. Пыпина.** 248

VIII.—ДВА БЕРЕГА.—Les deux Rives, roman par Fern. Vandérem.—X-XVIII.—Перев. **А. Б—г—** 286

IX.—НАШЪ ДЕНЕЖНЫЙ ВОПРОСЪ.—I.—**Л. З. Слонимскаго.** 337

X.—РОДИНА РУССКОЙ ПОЭЗІИ.—Стих. **Влад. С. Соловьева** 347

XI.—ХРОНИКА.—Министерскія программы для начальныхъ народныхъ училищъ.—**Н. М. Горбова** 349

XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Миѣнія губернскихъ совѣщаній по вопросу о сельскомъ общественномъ призрѣніи.—Недостатки существующаго порядка: неудачныя попытки его оправданія и даже его идеализаціи.—Проектируемыя совѣщаніями реформы: передача дѣла призрѣнія въ руки волости, учрежденіе волостныхъ попечительствъ, увеличеніе средствъ призрѣнія.—Всесословная волость, какъ единственная возможная основа для правильной организаціи общественнаго призрѣнія. — Роль, при этомъ, земства и государства. . . 364

XIII.—ПРОФЕССОРСКІЙ ГОНОРАРЪ въ нашихъ университетахъ.—Письмо въ Редакцію.—**Н. И. Карѣева** 384

XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Французскія политическія партіи. — Рѣчи Ноншарѣ и Мелина. — Особенности парламентаризма во Франціи.—Административная рутина и ея послѣдствія.—Парламентскіе подвиги въ Австріи. —Министерскіе кризисы въ Греціи и Сербіи. 399

XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Матеріалы для біографіи Гоголя, В. И. Шенрока, т. IV.—И. А. Бѣлоголовый, Воспоминанія и другія статьи.—К. К. Случевскій, По сѣверо-западу Россіи. Т. I; По сѣверу Россіи. Т. II; По западу Россіи.—**Т.**—С. А. Венгеровъ, Крит.-біографич. Словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. V.—**А. П.**—Курсъ физики, О. Д. Хвольсона, т. I.—М. П-въ.—Новыя книги и брошюры 411

XVI.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. —I. G. Meredith, The amazing Marriage.—II. W. Kawerau, Hermann Sudermann, eine kritische Studie. III. Flaces-Fokschanean, Anton Tschechow, Russische Liebelei. Sonja Kowalewska, Jugenderinnerungen.—**З. В.** 432

XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Вопросъ о гонорарѣ за слушаніе университетскихъ лекцій.—Гонорарный уставъ 1884-го года.—Справедливо ли неравномѣрное распредѣленіе гонорара между учащими?—Значеніе гонорара для студентовъ. — Возможность совершенной отмѣны гонорара.—Два слова о нашихъ историко-филологическихъ факультетахъ.—Закладка памятника гр. М. Н. Муравьеву. 445

XVIII.—ИЗВѢЩЕНІЕ.—Отъ Попечительства о домахъ Трудолюбія и Работныхъ домахъ, состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, о подпискѣ на журналъ „Трудовая Помощь“ 462

XIX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Исторія русской литературы, А. Н. Пыпина, т. I.—„Историческое Обозрѣніе“, т. IX, и. р. Н. И. Карѣева. — Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ.—Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ, А. Тимофеева.—Очеркъ коммерч. географіи, Д. Д. Морева.

XX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XVI стр.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1898 года.
(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ТОБОЛЬСКАЯ ГУБЕРНІЯ

ВЪ

ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ

07.1997

Матеріалы для біографіи Виктора Антоновича Арцимовича за время управленія его тобольской губерніею (1854—58 гг.).

Тобольская губернія, которою управлялъ В. А. Арцимовичъ четыре года, принадлежитъ къ числу обширнѣйшихъ, по пространству, губерній. Она почти вдвое обширнѣе Франціи, и содержитъ въ себѣ свыше 121 милліона десятинъ, или около 1.200.000 квадратныхъ верстъ. Вообще, въ этомъ краѣ все представляется въ большихъ размѣрахъ: рѣка—великанъ, лѣсъ—дремучій, луга и пастбища—необозримые; пахотныя поля въ южныхъ округахъ (уѣздахъ) — обширныя, тундры на сѣверѣ—громадныя. Такъ, по крайней мѣрѣ, было лѣтъ сорокъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, лѣса значительно поубавились, преимущественно вслѣдствіе лѣсныхъ пожаровъ, весьма частыхъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ и заброшенныхъ костровъ, разводимыхъ лѣсными путешественниками-бродягами и бѣглыми ссыльными и каторжными. Иныя рѣки вслѣдствіе того обмелѣли и, какъ слышно, Тура и Тоболъ дѣлаются уже мало и не всегда судоходными.

Жителей въ губерніи, въ 1854 году, числилось до милліона (994.509). Главнѣйшее населеніе составляли государственные крестьяне, занимавшіеся по преимуществу земледѣліемъ и скотоводствомъ. Ихъ было 739.427 душъ. Помѣщичьихъ крестьянъ—

всего 2.809 душъ; ссыльно-поселенцевъ—51.937 человѣкъ; инородцевъ считалось всего 71.865. Изъ послѣднихъ осѣдлые татары разселены были въ центральныхъ и южныхъ уѣздахъ, а бродячіе и кочевые жили—остяки въ тобольскомъ и березовскомъ округахъ, самоѣды въ березовскомъ, и вогулы въ туринскомъ округахъ; занимались они рыболовствомъ и звѣроловствомъ.

Тобольскъ, бывшій когда-то намѣстнической резиденціей и мѣстомъ жительства сибирскихъ митрополитовъ, въ 1854 году представлялъ собою довольно захолустный городъ. Интеллигентное общество въ городѣ было небольшое и во главѣ его стояли семейства декабристовъ, поселившихся послѣ отбытія каторги. Это были семьи—Муравьева, фонъ-Визина, Анненкова и Свистунова, а также безсемейные—Штейнгель и Башмаковъ. Чиновниковъ съ университетскимъ образованіемъ даже на высшихъ должностяхъ было очень мало.

Хорошихъ магазиновъ, даже книжныхъ лавокъ и библіотекъ не было, и все, въ чемъ нуждалось болѣе состоятельное общество, привозилось, по заказу, два раза въ годъ съ ирбитской и нижегородской ярмарокъ; книги и журналы выписывались изъ Петербурга и Москвы.

Купечество торговало обыденными предметами первой необходимости; немногіе же, богатые, отправлялись ежегодно весною съ ватагами рабочихъ на рыбныя ловли (пески) по рѣкамъ Иртышу и Оби и даже на Обской губѣ. Тамъ они проводили цѣлое лѣто и позднею осенью, уже съ заморозками, возвращались въ Тобольскъ съ массой разной рыбы, добытой собственными ватагами и обмѣненной у остяковъ и самоѣдовъ на муку, а иногда и на водку, торговать которой среди инородцевъ было запрещено закономъ. Отъ инородцевъ же они получали шкуры и шкурки звѣрей и звѣрковъ, которыя везлись ими для продажи на зимнія ярмарки.

Составъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій въ то время представлялъ въ Сибири вообще значительную разницу сравнительно съ великороссійскими губерніями. Тамъ дѣйствовали особыя учрежденія, возникшія по мысли Сперанскаго.

Къ сожалѣнію, благая мысль Сперанскаго не принесла ожидаемыхъ результатовъ. Движеніе дѣлъ и самое управленіе тормазились, злоупотребленія и произволъ начальниковъ процвѣтали такъ же, какъ и прежде. Кромѣ того, всесильный въ то время винный откупъ существовалъ и въ Сибири—и деморализировалъ чиновничество.

В. А. Арцимовичъ былъ назначенъ исправляющимъ долж-

ность тобольскаго губернатора въ мартѣ мѣсяцѣ 1854 года, а пріѣхалъ въ Тобольскъ въ іюлѣ, вмѣстѣ съ шуриномъ своимъ Владиміромъ Михайловичемъ Жемчужниковымъ, еще только начинавшимъ тогда службу въ качествѣ чиновника особыхъ порученій.

Въ то время губернаторами назначались люди въ почтенныхъ лѣтахъ; В. А. Арцимовичу было всего только 33 года. Несмотря на молодость, онъ пріѣхалъ въ Тобольскъ вполнѣ ознакомленный не только съ мѣстными условіями губерніи, но и почти со всѣмъ личнымъ составомъ управленія, такъ какъ назначеніе его губернаторомъ послѣдовало черезъ два года послѣ подробной ревизіи управленія западной Сибири генералъ-адъютантомъ Н. Н. Анненковымъ, при которомъ В. А. состоялъ старшимъ чиновникомъ, то-есть, главнымъ лицомъ, на которомъ лежала вся масса сложной работы по этой ревизіи.

Въ 1854 г., по пути въ Тобольскъ, въ первомъ отъ границы пермской губерніи большомъ селѣ Тугулымскомъ, В. А. обозрѣвалъ волостное правленіе, въ которомъ было введено образцовое управленіе государственныхъ имуществъ, и былъ пораженъ сложностью письмоводства, такъ какъ въ этомъ правленіи производилось до 1.000 дѣлъ въ годъ съ массою книгъ для счетоводства и письмоводства! Далѣе, въ городѣ Тюмени осмотръ тюремнаго замка и больницы вызвалъ первую бумагу новаго губернатора, характеризующую его требованія, а также положеніе острога и больницы.

„При осмотрѣ тюремнаго замка,—говорилось въ предписаніи къ мѣстному окружному начальнику,—замѣчены слѣдующія упущенія: 1) больныя дѣти, находящіяся въ тюрьмѣ при родителяхъ, содержатся въ арестантскихъ камерахъ, лишаясь необходимаго въ ихъ положеніи надзора и призрѣнія. Оправданіе, что такъ поступлено съ ними по просьбѣ ихъ матерей, недостойно уваженія и показываетъ неумѣстное послабленіе и недостатокъ заботливости о здоровьѣ лицъ, ввѣренныхъ попеченію тюремнаго начальства; 2) какъ въ зданіи, такъ и во дворѣ, замѣчена большая неисправность. Въ цейхгаузахъ одежда арестантовъ и другіе предметы въ совершенномъ безпорядкѣ: вещи умершихъ арестантовъ разбросаны повсюду, безъ надлежащихъ описей. Вездѣ соръ и нечистота; рядомъ съ предметами, подлежащими храненію въ цейхгаузѣ, находятся такіе, которымъ тамъ вовсе не мѣсто. Съѣстные припасы содержатся небрежно, испорченные не выбрасываются, свѣжіе хранятся въ дурной посудѣ; даже кадки съ водой, находящіяся въ арестантскихъ камерахъ, имѣютъ течь, производящую гніеніе половъ; камеры для аре-

стантовъ нечисты, стѣны ихъ покрыты паутиной; 3) на дворѣ не устроенъ стокъ для нечистотъ, помойныя ямы не покрыты, нужныя мѣста не вычищены; 4) въ больницѣ и аптекѣ та же неопрятность. Даже не принято никакихъ мѣръ къ успокоенію больныхъ отъ разныхъ насѣкомыхъ, видимо и сплошными стаями покрывающихъ стѣны, ни къ очищенію испорченнаго и крайне вреднаго для больныхъ воздуха въ двухъ женскихъ камерахъ, находящихся возлѣ нужныхъ мѣстъ. Такая небрежность къ установленію порядка и опрятности тѣмъ неизвинительнѣе, что тюремное начальство всегда имѣетъ возможность и даже обязано для нравственной пользы самихъ арестантовъ употреблять ихъ на работы и пріискивать имъ постоянное занятіе. Совокупность всѣхъ сихъ замѣчаній заставляетъ предполагать, что найденныя неисправности не были извѣстны тюремному комитету, который, въ противномъ случаѣ, обратилъ бы на нихъ вниманіе".—Поэтому В. А. возложилъ на окружного начальника, какъ по должности, такъ и по званію директора тюремнаго комитета: „1) имѣть ближайшее наблюденіе за исправленіемъ всѣхъ замѣченныхъ упущеній и безпорядковъ и за постепеннымъ приведеніемъ тюменской тюрьмы въ лучшее состояніе, и 2) обо всемъ замѣченномъ довести до свѣдѣнія членовъ тюремнаго комитета, дабы оный, удостовѣрясь о всѣхъ неисправностяхъ на мѣстѣ, по внимательномъ обсужденіи, принялъ и съ своей стороны зависящія отъ него мѣры къ искорененію и предупрежденію подобныхъ упущеній на будущее время, исполняя тѣмъ самымъ благотворительное дѣло, угодное Богу и Государю Императору".

Не въ лучшемъ положеніи найдены были и городская больница, и пожарная команда, которая оказалась вполнѣ негодною, ибо трубы были попорчены, кишки текли, а поршни ходили тяжело, самая же команда не умѣла сидѣть во время ѣзды на пожарномъ обозѣ и не понимала приказаній городничаго.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Тобольскъ (3-го іюля), В. А. вступилъ въ исправленіе обязанностей губернатора и сказалъ собравшимся къ нему чинамъ управленія слѣдующую краткую рѣчь:

„Чѣмъ отдаленнѣе край, тѣмъ строже должно быть наблюденіе за сохраненіемъ порядка и исполненіемъ законовъ"... Это слова, произнесенныя Государемъ Императоромъ, когда я удостоился представляться ему по настоящей моей должности. Предупреждаю васъ, м. г., что я во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ буду руководствоваться помянутымъ, священнымъ для меня указаніемъ. Надѣюсь, что и вы, въ кругѣ опредѣленныхъ вамъ занятій, будете единодушно стремиться къ одной со мною цѣли

и доставите мнѣ чаще случай и удовольствіе свидѣтельствовать о вашихъ трудахъ и заслугахъ, чѣмъ принимать мѣры исправленія и взысканія. Отъ губернскихъ мѣстъ буду требовать строгаго наблюденія за подчиненными, а отъ уѣздныхъ—исполнительности и уваженія къ губернскимъ установленіямъ. Отъ обоихъ же —вниманія къ нуждамъ управляемыхъ и строгости къ нарушителямъ порядка".

Программа, выраженная этою рѣчью, была хотя и высказана въ немногихъ словахъ, именно — требовалось вниманіе къ нуждамъ населенія и строгость къ нарушителямъ порядка,—но она заключала въ себѣ все, что только требуется для хорошаго управленія отъ всякаго служебнаго дѣятеля, и исполненіе ея стоило самому губернатору много труда въ теченіе всего четырехлѣтняго управленія губерніею. Этою же программою руководствовался и самъ В. А. Арцимовичъ не только въ Тобольскѣ, но и во всю свою свыше, чѣмъ пятидесятилѣтнюю служебную дѣятельность.

Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ писемъ В. М. Жемчужникова къ его отцу, сенатору Михаилу Николаевичу—очень интересныя и характерныя; писавшему ихъ было тогда всего 24 года.

(5-го іюля.) „Россія вообще, а Сибирь въ особенности, на каждомъ шагу шевелятъ умъ и сердце, вызываютъ къ дѣятельности, рождаютъ мысли, предположенія, желанія, словомъ, не даютъ покоя: всюду хотѣлось бы поспѣть, все бы сдѣлать;— короче: Россія, богатая добрыми свойствами и народа и природы, есть такой изобильный рудникъ, на разработку котораго можно, съ удовольствіемъ, посвятить всѣ силы и нѣсколько жизней. Богатство добрыхъ началъ ея такъ велико, что оно само собою завлекаетъ всякаго мыслящаго въ любовь къ ней и въ такую дѣятельность, для которой нѣтъ ни границъ, ни удовлетворенія... Я просилъ Виктора (В. А. Арцимовичъ) и получилъ обѣщаніе давать мнѣ сколь возможно болѣе дѣлъ и порученій, не жалѣя меня нисколько. Я теперь расположенъ работать, лишь бы не мелочную работу. Не знаю: могу ли пристраститься къ службѣ, но пока, видя возможность дѣлать пользу, я жажду дѣла и буду служить, не посвятивъ себя вѣчной службѣ; такъ, увидя утопающаго, я бросился бы за нимъ, не обрекая себя вѣчному и единственному спасенію утопающихъ. Болѣзнь моя: жажда быть полезнымъ, безъ различія на какомъ поприщѣ:—на службѣ ли чиновной, или безчиновной" [1])...

---

[1]) Влад. Мих. пробылъ въ Тобольскѣ до конца апрѣля 1855 г., когда поступилъ на службу въ стрѣлковый полкъ императорской фамиліи. Во время похода съ пол-

(27-го іюля). „Вновь учрежденному комитету по устройству города и полиціи написаны инструкціи съ выпискою статей, относящихся до благоустройства города. Жители города, особенно послѣ наводненія, бѣдны. Пока мы собрали на городъ только 200 рублей, зато для помощи послѣ наводненія—до 900 р., чего, впрочемъ, слишкомъ мало; городскихъ же доходовъ нѣтъ!..

„Здѣсь производится огромный рекрутскій наборъ, и я увѣренъ, что нигдѣ нѣтъ такихъ славныхъ рекрутовъ, какъ въ Сибири; здѣшній народъ—богатыри; отцы и матери не плачутъ, а нервически воютъ, сыновья же ихъ ждутъ пріема со страхомъ, а какъ примутъ, пойдутъ распѣвать по всему городу. Пѣсни здѣшнія презамѣчательныя; разбойнически-разгульныя, могучія и нѣкоторыя преоригинальнаго напѣва—речитативами. Въ концѣ берутъ не вверхъ, а внизъ, поютъ согласно, замѣтно обозначая (отбивая) мѣры и всякій варьируетъ по своему. При этомъ рекруты ходятъ толпами съ утра до вечера или (принятые) распѣваютъ въ казармахъ. Готовясь къ безусловному послушанію, они, напослѣдокъ, ни въ чемъ не хотятъ подчиниться принятымъ правиламъ и даже поясами не опоясываются, а обвязываются черезъ плечо“...

(15-го августа). „Говорятъ, что во времена намѣстничества Чичерина тобольскія власти еще болѣе нынѣшняго самоуправничали и кутили, но это только такъ говорятъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ, не менѣе замѣчательныя продѣлки бывали здѣсь до самаго пріѣзда Виктора (В. А.). Вотъ для сравненія. Чичеринскій полиціймейстеръ ѣздилъ по городу не иначе какъ съ бутылкой шампанскаго въ рукахъ и двумя трубачами на крыльяхъ дрожекъ, причемъ трубачи трубили на весь городъ въ знакъ того, что полиціймейстеръ веселится. Тогдашнія власти собирались нѣсколько разъ въ лѣто въ здѣшній городской садъ, извѣстный подъ именемъ прокурорскаго, или въ палатку полкового командира; въ первомъ случаѣ, когда пиршество происходило въ саду, то запирались съ большимъ запасомъ вина и женщинъ въ многочисленные гроты, нарочно для этого устроенные, и не выходили оттуда по недѣлямъ, между тѣмъ какъ музыканты, разумѣется, мѣняясь, не умолкали ни день, ни ночь. То же самое дѣлалось и въ палаткѣ полкового командира, съ тою разницею,

---

комъ на югъ Россіи, на мѣсто военныхъ дѣйствій, онъ писалъ отцу: „Мы подъѣхали прямо къ церкви (въ Задонскѣ). Я отслужилъ молебенъ чудотворной иконѣ Божіей Матери, молясь не о томъ, чтобы остаться живымъ (Богъ знаетъ—нужна ли моя жизнь—и потому самъ укоротитъ или продлитъ ее), но о томъ, чтобы исполнить *свой долгъ*, какъ слѣдуетъ и умереть честно и по-христіански, успѣвъ помолиться также и о томъ, чтобы благословилъ Богъ тебя и родъ твой“.

что къ увеселеніямъ прибавлялись военныя забавы, то-есть стрѣльба изъ ружей и пушекъ. Это прошлое, а вотъ настоящее. Одинъ изъ предшественниковъ Виктора бралъ не только деньгами, но и вещами, не только большими кушами, но и по полтиннику, не только дорогими вещами, но и мелочью, не только съ мужчинъ, но и съ женщинъ, называемыхъ благородными дамами. Онъ кутилъ на чужой, обыкновенно купеческій, счетъ, и напившись пьянъ (въ Тобольскѣ или, при ревизіи, въ другихъ городахъ), ѣздилъ съ купцами, въ одной рубахѣ, горланя пѣсни. Увидя у кого бы то ни было и какую бы ни было вещь, онъ ее выпрашивалъ, а потомъ, когда она надоѣстъ, вымѣнивалъ на другую. Сибирская торговля, то-есть, мѣна, въ домѣ его не прекращалась. Это новый Чичеринъ! [1]) А вотъ новый полиціймейстеръ: онъ, правда, ѣздилъ не съ трубачами, а какъ здѣсь водится, съ казаками, но при этомъ съ палкой, никому не давая дороги, и при этомъ всѣхъ встрѣчныхъ—кого ударитъ (не разбирая званія, но разбирая отношенія), кого захватитъ въ полицію—для выкупа... Теперь здѣсь суетня, работаютъ день и ночь, ожидая ревизіи; согласно духу XIX вѣка, открытія слѣдуютъ за открытіями: тамъ растрачены суммы, здѣсь открываются цѣлые шкафы недоложенныхъ и утаенныхъ дѣлъ; тутъ настоящіе разбои и грабежи властей,—словомъ, сюрпризы удивительные!"

Исполняя начертанную себѣ и предложенную подчиненнымъ

[1]) Въ Тобольскѣ объ этомъ губернаторѣ разсказывали такой случай. Одною изъ доходныхъ его статей была отдача съ подряда или поставка хозяйственнымъ способомъ муки для двухъ громадныхъ казенныхъ винокуренныхъ заводовъ. Поставка эта требовала разрѣшенія главнаго начальника края. Разъ какъ-то этотъ начальникъ края не утвердилъ предположенія губернатора, поручивъ заготовку муки хозяйственнымъ способомъ своему чиновнику особыхъ порученій (впослѣдствіи нажившему въ Сибири громадное состояніе). Губернаторъ раздосадовалъ на это и, желая не дать возможности чиновнику нажиться, послалъ довѣренное лицо слѣдить за тѣмъ чиновникомъ и аккуратно записывать: по какимъ цѣнамъ будетъ куплена мука у крестьянъ по разнымъ селамъ и деревнямъ. Все это было довѣреннымъ лицомъ исполнено въ точности, но чиновникъ особыхъ порученій, замѣтивъ, что за нимъ слѣдили, прежде явки къ главнокомандующему края съ донесеніемъ о заготовкѣ хлѣба, рѣшился заѣхать въ Тобольскъ къ губернатору. Одновременно туда явилось и довѣренное лицо губернатора. Оба просили доложить его превосходительству о своемъ пріѣздѣ. Губернаторъ принялъ сначала генералъ-губернаторскаго чиновника. А тотъ заявилъ прямо губернатору:—Зачѣмъ вы послали слѣдить за мною?! я порядочный человѣкъ, какъ и вы, и потому прямо скажу вамъ, что при покупкѣ хлѣба я заработалъ столько-то тысячъ. Не угодно ли вашему превосходительству получить половину этой суммы?— Губернаторъ взялъ эту половину, и когда вслѣдъ за тѣмъ явилось въ его кабинетъ довѣренное лицо съ подробнымъ отчетомъ о цѣнахъ, по которымъ куплена чиновникомъ особыхъ порученій мука, начальникъ губерніи, сказавъ, что теперь ему уже такой отчетъ не нуженъ, кинулъ отчетъ въ топившійся каминъ.

программу, В. А. немедленно принялся за работу, посвящая ей все время съ ранняго утра до поздняго вечера, такъ какъ въ общемъ губернскомъ управленіи, состоявшимъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ губернатора, оказалось большое накопленіе дѣлъ и множество распоряженій высшей власти безъ всякаго движенія. Кромѣ того, на первыхъ же порахъ имъ были обревизованы городская полиція въ Тобольскѣ, тамошній земскій судъ и городская дума. При этомъ два засѣдателя земскаго суда (становые) Соколовъ и Третьяковъ, были преданы суду. Городская полиція оказалась также бездѣятельною въ дѣлопроизводствѣ и неисправною по полицейскимъ обязанностямъ. Въ ней открыто было болѣе 300 бумагъ и предписаній, даже не внесенныхъ въ книги полиціи. Кромѣ того отыскано до 260 векселей, не разобранныхъ и оставленныхъ безъ всякаго движенія. Что же касается до тобольской городской думы, то она не представляла отчетности по городскимъ и казеннымъ суммамъ съ 1842 года, т.-е. въ продолженіе 12 лѣтъ! Независимо отъ того, тотчасъ же по пріѣздѣ въ Тобольскъ, при осмотрѣ тюремнаго замка, В. А. былъ пораженъ, въ полномъ смыслѣ слова, ужаснымъ помѣщеніемъ арестантовъ и ссыльныхъ. Острогъ этотъ представлялъ собою старое, небольшихъ размѣровъ зданіе, подпираемое во многихъ мѣстахъ, по ветхости, деревянными столбами, а между тѣмъ въ немъ должна была помѣщаться вся та масса ссыльныхъ и каторжныхъ, которая постоянно направлялась въ Тобольскъ изъ всѣхъ губерній Россіи. Правильно и удобно размѣстить всѣхъ людей было невозможно въ такомъ маленькомъ зданіи, какимъ былъ старый острогъ. Отъ этой тѣсноты и самой ветхости стѣнъ и половъ тюремнаго замка, издававшихъ зловоніе, воздухъ въ арестантскихъ камерахъ былъ невозможенъ: онъ переполненъ былъ міазмами, а это влекло за собою распространеніе болѣзней между арестантами. Между тѣмъ, въ Тобольскѣ въ то время уже красовались стѣны подъ крышею новаго обширнаго тюремнаго замка, но полная достройка его не оканчивалась цѣлыя 12 лѣтъ изъ-за препирательствъ съ подрядчиками и по случаю нѣкоторыхъ злоупотребленій, обнаруженныхъ при этой постройкѣ. Прежнее губернское начальство завело по этому предмету канцелярскую переписку, составлявшую настоящую волокиту, грозившую, казалось, никогда не окончиться. В. А., переговоривъ предварительно съ епархіальнымъ архіереемъ, состоявшимъ вице-президентомъ мѣстнаго тюремнаго комитета, собралъ членовъ этого комитета и горячо говорилъ въ немъ о печальномъ состояніи арестантовъ, помѣщавшихся въ

старомъ острогѣ; комитетъ убѣдился въ необходимости принять энергическія мѣры къ скорѣйшему окончанію всѣхъ работъ по устройству новаго тюремнаго зданія, не испрашивая разрѣшенія высшаго начальства, съ производствомъ работъ, внѣ правилъ, хозяйственнымъ способомъ и съ ассигнованіемъ на это всего экономическаго капитала, состоявшаго въ завѣдываніи комитета. Немедленно былъ образованъ особый хозяйственный комитетъ для окончанія постройки острога изъ людей энергическихъ и честныхъ, и работа въ тюремномъ замкѣ закипѣла.

Окончивъ ревизію тобольскихъ учрежденій [1]), В. А. выѣхалъ для обозрѣнія присутственныхъ мѣстъ въ туринскомъ, тюменскомъ, ялуторовскомъ, ишимскомъ и курганскомъ округахъ и въ городѣ Петропавловскѣ.

Въ туринскомъ округѣ, стоящемъ вдали отъ большихъ дорогъ, В. А. замѣтилъ особенное благочестіе и патріархальную кротость жителей. Нигдѣ въ другихъ мѣстахъ не было столькихъ благолѣпныхъ храмовъ и такого усердія къ возведенію и украшенію ихъ, какъ въ туринскомъ. При такихъ качествахъ жителей управленіе округомъ не было затруднительно и получило, общій съ народомъ, характеръ патріархальнаго спокойствія. Тѣмъ не менѣе, по полиціи обнаружено, что городничій (Черепановъ), вопреки установленнымъ правиламъ, наказалъ одного мѣщанина розгами, употребивъ при этомъ странное средство: наказаніе сквозь мокрую тряпку, что̀ сдѣлано, по объясненію городничаго, для уменьшенія, а по словамъ наказаннаго — для увеличенія боли. Кромѣ того, въ туринскомъ окружномъ казначействѣ обнаруженъ недостатокъ 500 рублей и потому смѣненъ казначей.

Окружный судъ въ Тюмени оказался неудовлетворительнымъ, ибо рѣшалъ мало дѣлъ, многимъ изъ нихъ давалъ неправильный ходъ, а иныя оставлялъ безъ движенія требованіемъ излишнихъ свѣдѣній и справокъ, которыя были до того странны, что ихъ можно отнести только или къ намѣренному продолженію дѣла, или къ весьма мелочному, вовсе не служебному любопытству. Самый составъ суда былъ неудовлетворителенъ. Такъ, окружный судья

---

[1]) В. М. Жемчужниковъ 2-го сентября писалъ: „мы намѣрены выѣхать въ будущій вторникъ. Тобольскъ сталъ оживляться: Викторъ уже далъ ему въ загородномъ саду два гулянья, въ два царскіе дня. Садъ былъ превосходно, хотя и дешево, иллюминованъ, загородный домъ былъ убранъ по-деревенски, рябиной, березками: просто и мило. Въ немъ происходили танцы. Отъ этихъ вечеровъ тоболяне въ восхищеніи... Другихъ новостей сообщать некогда, потому что оканчиваю до отъѣзда составленіе отчета по ревизіи здѣшнихъ мѣстъ. Здѣсь между чиновниками, до которыхъ отчетъ касается, онъ произвелъ что-то въ родѣ удара по лбу“.

былъ прикосновенъ къ дѣламъ: 1) объ обидахъ одному мѣщанину, 2) о неправильномъ освобожденіи изъ острога конокрада, и 3) о неправильныхъ дѣйствіяхъ по разысканію имѣнія купца Аласкова.

Тюменская городская полиція найдена была съ запущеннымъ дѣлопроизводствомъ, и совершенное ея бездѣйствіе влекло за собою застой дѣлъ въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ. Для понужденія полиціи дать отвѣтъ на отношенія или предписанія по каждому дѣлу посылалось по нѣсколько десятковъ подтвержденій и притомъ совершенно безполезно. Такъ, по одному дѣлу объ убитомъ сидѣльцѣ Гоненковѣ изъ суда въ полицію послѣдовало 49 подтвержденій.

Въ ялуторовскомъ округѣ В. А. обратилъ вниманіе на состояніе переселенцевъ и раскольниковъ и изучалъ причины образованія тамъ раскола. Кромѣ того, губернатора тамъ поразило особенное распространеніе отравленій между супругами и любовниками и значительное число дѣлъ объ употребленіи фальшивыхъ денегъ. По обоимъ этимъ предметамъ сдѣланы особыя распоряженія, именно: усилено наблюденіе за непродажею ядовъ и вообще сильно дѣйствующихъ веществъ, и вмѣнено въ обязанность разыскивать самый источникъ изготовленія фальшивыхъ монетъ.

Сопутствовавшій В. А., во время перваго его объѣзда части губерніи, В. М. Жемчужниковъ, въ письмѣ, отъ 2 октября 1854 г., сообщаетъ: „Вотъ нѣсколько анекдотовъ о бывшемъ здѣшнемъ управленіи: 1) одинъ засѣдатель (становой) напоилъ, во время ярмарки, нѣмца-лекаря до пьяна, уговорилъ его надѣть навыворотъ медвѣжью шубу и, привязавъ ему на шею цѣпь, вывелъ его на площадь, гдѣ заставлялъ плясать, какъ медвѣдя, для чего немилосердно билъ его палкой, чтобы тотъ ревѣлъ и тѣмъ еще болѣе походилъ на медвѣдя; 2) казачій офицеръ, ужаснѣйшій буянъ, привязалъ къ лошади городничаго ослиныя уши и велѣлъ казакамъ вести ее къ городничему, а самъ, провожая ее по улицамъ, подгонялъ метлой. Городничій, разсердясь, забылъ, что это его лошадь, и велѣлъ отрубить ей голову. Изъ этого началось дѣло: „объ отрубленной городничимъ у лошади головѣ“. 3) Этотъ же офицеръ схватилъ на улицѣ тринадцатилѣтнюю дѣвочку и заперъ ее у себя въ домѣ; мать узнала, пришла требовать, онъ ее прогналъ; она пришла съ квартальнымъ, тотъ велѣлъ квартальнаго высѣчь, но казаки не посмѣли; тогда онъ прибилъ его и выгналъ; дѣвушку освободили только съ помощью всей полицейской команды. За эту исторію окружному начальнику, кото-

рый освободилъ дѣвушку, сдѣланъ выговоръ и его обошли наградой, а офицера, въ наказаніе, перевели изъ уѣзднаго города въ губернскій! 4) Городовой архитекторъ связался съ женою засѣдателя. Засѣдатель уговорилъ его разъ шуткою надѣть кольчугу и взять въ руки саблю, а самъ призвалъ подготовленныхъ свидѣтелей и затѣялъ дѣло, что архитекторъ хотѣлъ убить его, для чего приходилъ къ нему въ домъ въ кольчугѣ, съ обнаженной саблей. 5) Окружной судья, исполняя должность городничаго, пьяный, укралъ при обыскѣ у одного мѣщанина двѣ серебряныя ложки. 6) Засѣдатель земскаго суда наказывалъ крестьянъ тѣмъ, что ѣздилъ на нихъ по деревнѣ верхомъ, погоняя плеткой. 7) Засѣдатель окружнаго суда укрывалъ въ подпольѣ всѣхъ бѣглыхъ, самъ освобождалъ ихъ изъ острога и дѣлился съ ними краденными вещами.

Въ курганскомъ округѣ, незадолго до ревизіи, было большое переселеніе крестьянъ изъ внутреннихъ губерній. Сибирскіе старожилы, привыкнувъ къ раздолью въ земляхъ, весьма недружелюбно отнеслись къ новымъ переселенцамъ, и отъ этого между ними безпрерывно возникали споры о границахъ земель, о потравѣ хлѣбовъ и тому подобное. В. А. принялъ мѣры къ упорядоченію этихъ отношеній и къ устройству переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ ихъ поселенія.

Значительнс населенный, съ обиліемъ удобныхъ земель, ишимскій округъ имѣетъ сосѣдство съ киргизскою степью и потому въ немъ было значительное число бродягъ, проходящихъ этимъ округомъ во внутрь Россіи. Поэтому же въ немъ было много арестантовъ, преимущественно по дѣламъ о конокрадствѣ и бродяжничествѣ, а въ земскомъ судѣ было сильное накопленіе дѣлъ со множествомъ арестантовъ.

Несмотря на краткость времени съ пріѣзда В. А. Арцимовича въ тобольскую губернію, онъ успѣлъ уже въ октябрѣ мѣсяцѣ, то-есть черезъ три мѣсяца со дня вступленія въ должность губернатора, не только обревизовать означенные выше округа, но и принять мѣры къ исправленію недостатковъ управленія и лично представить объ этомъ подробную записку главному начальнику края въ городѣ Омскѣ.

Отношенія В. А. къ генералъ-губернатору, генералу отъ инфантеріи Г. Х. Гасфорту, который самъ избралъ В. А. губернаторомъ, какъ человѣка близко знакомаго съ краемъ во время ревизіи западной Сибири генералъ-адъютантомъ Анненковымъ, были довольно хорошія, хотя и не близкія.

Гасфортъ былъ во время венгерской кампаніи, 1848 г.,

дивизіоннымъ генераломъ, отличался храбростью и прославился знаменитымъ отступленіемъ безъ потери людей при внезапной встрѣчѣ съ многосильнымъ непріятелемъ. Человѣкъ онъ былъ умный и образованный, но съ дѣломъ управленія краемъ не могъ быть знакомъ, такъ какъ всю службу до генералъ-губернаторства провелъ въ арміи. Кромѣ того, онъ обладалъ большимъ самолюбіемъ и не жаловалъ людей съ собственной иниціативой. Люди, близко его знавшіе, говорили, что для того, чтобы провести какое-либо дѣло, всего лучше было закинуть ему объ этомъ мысль и затѣмъ оставить все въ покоѣ. Черезъ нѣсколько времени генералъ усвоивалъ себѣ ту мысль и проводилъ ее уже какъ свою собственную.

Главнѣе же всего было то, что Г. Х. Гасфортъ не могъ хорошо знать людей, его окружавшихъ, и въ числѣ ихъ нѣкоторые, и притомъ болѣе вліятельные, были съ дурными правилами. Быть можетъ, это происходило и отъ того, что ни у кого недоставало мужества открыть глаза генералъ-губернатору на дурныхъ, окружавшихъ его, чиновниковъ. Для этого, впрочемъ, нужно было представить ясныя для оцѣнки доказательства, а между тѣмъ темныя дѣла совершаются всегда подъ покровомъ непроницаемой тайны.

В. А. на первыхъ же порахъ замѣтилъ неудобства для управленія губерніею, истекавшія отъ вліянія чиновъ главнаго управленія непосредственно на лицъ, подчиненныхъ губернатору, и въ первую же поѣздку свою въ Омскъ, то-есть въ октябрѣ 1854 года, лично представилъ особую записку генералъ-губернатору о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя были имъ встрѣчены и которыя стѣсняли власть его свыше границъ, опредѣленныхъ закономъ.

В. М. Жемчужниковъ, 3-го ноября, писалъ своему отцу: „Чиновники въ Омскѣ до сего времени держали всю тобольскую губернію въ такой зависимости, что положеніе чиновниковъ въ ревизію Виктора было престранное: и чорту кочерга, и Богу свѣча: не берутъ взятокъ — ихъ тѣснятъ тѣ; берутъ — тѣснитъ Викторъ! Теперь, если вѣрить началу и обѣщаніямъ Гасфорта, губернаторъ, относительно чиновниковъ, получитъ свою власть: они не будутъ распоряжаться за него. Гасфортъ принялъ и Виктора и меня очень хорошо; мы каждый день обѣдали у него. На словахъ онъ согласился съ Викторомъ во всемъ. Но опасно, что онъ до-нѣльзя самоувѣренъ, самохвалъ и слабъ характеромъ... Пріемъ Гасфорта и вообще наше появленіе въ Омскѣ произвело благопріятное впечатлѣніе, подѣйствовало нравственно;

такъ что если у Гасфорта достанетъ силы, окружающіе его противодѣйствовать Виктору побоятся... На музыкальномъ вечерѣ у Гасфорта (гдѣ вставали, когда онъ стоялъ, и садились, когда онъ сидѣлъ), оркестръ игралъ очень порядочно. 30-го октября, утромъ, мы выѣхали изъ Омска, а 1-го декабря пріѣхали въ Тобольскъ; всего сдѣлали 2.382 версты, но еще не видали значительнѣйшей части губерніи: березовскаго, пелымскаго и тарскаго округовъ".

Въ запискѣ Арцимовича ген.-губернатору говорится, что „означенныя затрудненія имѣютъ свое историческое начало", которое онъ и изложилъ, не вдаваясь, впрочемъ, въ подробности.

„Въ управленіе западною Сибирью князя Горчакова, начальники губерніи д. с. с. Энгельке, а затѣмъ и д. с. с. Прокофьевъ, первый по системѣ, а второй по неспособности, уронили свою власть въ высшей степени, не принимая на себя рѣшенія почти ни одного дѣла, и всѣ административныя мѣры, опредѣленіе и увольненіе чиновниковъ окружного управленія отъ нихъ были изъяты и перешли непосредственно къ главному управленію западной Сибири; въ губерніи же развивалась только безплодная переписка, направленная единственно къ тому, чтобы сложить съ себя отвѣтственность по всѣмъ болѣе важнымъ дѣламъ. Метода эта до того укоренилась и вошла въ обыкновеніе, что всѣ безъ исключенія присутственныя мѣста въ тобольской губерніи слагали свою работу и отвѣтственность на высшую власть. Это невольно отразилось и въ самомъ главномъ управленіи, гдѣ, вопреки сибирскимъ учрежденіямъ, сосредоточивалось рѣшеніе многихъ самыхъ мелочныхъ дѣлъ"...

Полный стремленія принести елико возможно больше пользы на своемъ посту, но стѣсненный во всемъ, В. А. Арцимовичъ, по самой природѣ своей, не могъ идти по стопамъ своихъ предшественниковъ, и находилъ необходимымъ вывести управленіе губерніею изъ вредной и опасной колеи, и съ этою цѣлью испрашивалъ распоряженія генералъ-губернатора, во-первыхъ, чтобы всѣ подвѣдомственныя губернатору учрежденія и лица не имѣли прямого и непосредственнаго сношенія съ главнымъ управленіемъ и не осмѣливались бы, минуя власть губернскую, испрашивать разрѣшеніе у власти высшей въ краѣ; во-вторыхъ, чтобы опредѣленіе, увольненіе и перемѣщеніе чиновниковъ, составляющихъ окружное управленіе, производились, по точному смыслу закона, черезъ посредство начальника губерніи, и чтобы въ главномъ управленіи не принимались просьбы объ опредѣленіи на такія должности, утвержденіе въ которыхъ предоставлено или самому

губернатору, или, по его представленію, главному управленію, и въ-третьихъ, при д. с. с. Энгельке и Прокофьевѣ главное управленіе дѣйствовало непосредственно на начальниковъ отдѣленія общаго губернскаго управленія и вообще на дѣлопроизводителей и, замѣтивъ по какому-либо дѣлу медленность или упущеніе, дѣлало распоряженіе черезъ начальника губерніи объ истребованіи отъ нихъ объясненій и разсмотрѣніи ихъ установленнымъ порядкомъ. Между тѣмъ, по степенямъ власти, непосредственной отвѣтственности передъ генералъ-губернаторомъ подлежатъ начальники губерній, лица же низшія отвѣчаютъ передъ ближайшими своими начальниками. Кромѣ того, съ установленіемъ при В. А. постоянной и общей повѣрки дѣлопроизводства, не представлялось бы и надобности въ прежней системѣ требованія объясненій, помимо начальника губерніи, отъ подвѣдомственныхъ ему мѣстъ и лицъ.

Записка эта сначала не произвела никакого дѣйствія, и В. А., какъ будетъ изложено ниже, долженъ былъ только постепенно отвоевывать себѣ власть, принадлежавшую ему, какъ губернатору.

Изъ переписки, которую вели между собою В. А. и его тесть, сенаторъ, М. Н. Жемчужниковъ, видно слѣдующее:

28-го января 1855 года, М. Н. Жемчужниковъ, между прочимъ, писалъ:

„Мнѣ досконально неизвѣстно: условился ли ты съ генералъ-губернаторомъ, при свиданіи въ Омскѣ, въ системѣ дѣйствій къ истребленію взятокъ и взяточничества, и призналъ ли Гасфортъ полезнымъ, для водворенія порядка, имѣть съ тобою, помимо окружающихъ его и тебя, конфиденціальную переписку по такимъ служебнымъ обстоятельствамъ, о которыхъ не должны знать окружающіе его? Напримѣръ: 1) что назначеніе рекрутъ въ Ялуторовскѣ неудобно по малочисленности города и отдаленности отъ твоего надзора, и 2) что опредѣленіе въ омскій земскій судъ засѣдателемъ того, которому ты, какъ вредному для службы лицу, приказалъ подать въ отставку изъ секретарей тобольской думы, можетъ быть принято за потворство злонамѣреннымъ людямъ, и что ты, при опредѣленіи чиновниковъ, вообще желалъ бы пользоваться довѣренностью уважаемаго тобою начальника“.

Письмомъ, отъ 3-го апрѣля 1855 года, В. А. благодарилъ М. Н. Жемчужникова за стараніе пріобрѣсти для тобольской губерніи чиновниковъ, а затѣмъ говорилъ: „я теперь останусь совершенно въ рукахъ здѣшнихъ чиновниковъ, бо̀льшею частію развращенныхъ до основанія. Съ отъѣздомъ Володи (шурина,— В. М. Жемчужникова) придется взяться самому за редакцію бу-

магъ, ибо здѣсь не могутъ выразить мысли прямой и благородной. Чѣмъ болѣе знакомлюсь и всматриваюсь въ дѣла и ходъ управленія, тѣмъ болѣе сознаю свое безсиліе къ добру. Только губернаторъ-злоупотребитель можетъ здѣсь найти подпору и помощниковъ: всѣ готовы грабить народъ, но мало охотниковъ содѣйствовать устройству и благосостоянію жителей. Сперанскій, учрежденіемъ совѣта главнаго управленія при генералъ-губернаторѣ, передалъ власть въ руки мелкихъ чиновниковъ. Мысль его была ограничить самоуправство начальниковъ края, но онъ водворилъ господство подъячихъ. Я не преувеличу, если скажу, что власть начальника губерніи здѣсь находится въ параличѣ. Со времени введенія сибирскихъ учрежденій, всѣ дѣйствія клонились къ обезсиленію губернаторовъ, и пока сибирскій комитетъ не обратитъ вниманія на безгласное и стѣсненное положеніе здѣшнихъ начальниковъ—нѣтъ надежды на успѣхъ и улучшеніе. 30 лѣтъ совершеннаго уничиженія не могутъ не отразиться и въ настоящее время. Здѣсь привыкли *неуважать власть* губернаторскую, и голосъ его ничтоженъ... Понимая это исключительное положеніе, я въ дѣйствіяхъ своихъ крайне остороженъ, и выжидаю обстоятельствъ и времени, чтобы высказать съ пользою мои замѣчанія... Съ Гасфортомъ я на время прекратилъ частную переписку. Онъ недостаточно уважаетъ мои мысли. Съ установленіемъ лѣтней дороги окончу объѣздъ губерніи, поѣду въ Омскъ (резиденція генералъ-губернатора) и попытаюсь коснуться *деликатныхъ струнъ*. Тогда окончательно рѣшу: возможно ли продолжать или нужно будетъ, при первомъ удобномъ случаѣ, искать другого назначенія".

На это, 21-го апрѣля 1855 года, М. Н. прислалъ отвѣтъ: „Изъ твоего письма я вижу непріятное положеніе твое по служебной части. Зная благородство чувствъ твоихъ, я очень понимаю состояніе души твоей. Дружески прошу тебя: береги свое здоровье и не принимай близко къ сердцу встрѣченныхъ тобою препятствій къ искорененію зла. Въ столь отдаленномъ краѣ тебѣ не приходится быть въ разладѣ съ главнымъ начальникомъ. Къ тому же онъ, какъ должно полагать, самъ нисколько не причастенъ къ злоупотребленію, и даже искренно желалъ бы истребить эту язву. Но, къ сожалѣнію, не властенъ! Надобно имѣть снисхожденіе и къ нему. Однимъ словомъ, ты долженъ вооружиться терпѣніемъ. Слава Богу, что и начальникъ твой, и подчиненные твои, и всѣ жители ввѣреннаго края, вполнѣ поняли твои достоинства и увѣровали въ твою честность и справедливость. Это уже много значитъ и много пособитъ, ежели не

къ совершенному исправленію злодѣевъ, то къ обузданію ихъ; а между тѣмъ жители края, знакомясь съ введеннымъ тобою порядкомъ управленія и правдою, будутъ помогать тебѣ въ этомъ изъ собственнаго ихъ интереса... Богъ поможетъ тебѣ и разсѣваемыя тобою сѣмена законности, порядка и честности непремѣнно произрастутъ и дадутъ плоды"...

Изъ копій съ оффиціальной переписки видно, что упомянутая выше записка В. А., представленная въ Омскѣ генералъ-губернатору, долго оставалась безъ всякаго отвѣта, а распоряженіе В. А. о томъ, чтобы начальники отдѣленій подвѣдомственнаго ему общаго губернскаго управленія сносились съ начальниками отдѣленій главнаго управленія не донесеніями, а отношеніями, подняло цѣлую бурю среди чиновниковъ главнаго управленія. Они доложили все это дѣло въ превратномъ видѣ, и ген.-губернаторъ, 15-го марта 1855 года, прислалъ исправлявшему должность тобольскаго гражданскаго губернатора требованіе, чтобы впредь отдѣленія общаго губернскаго управленія на требованія отдѣленій главнаго управленія отвѣчали не увѣдомленіями, а донесеніями.

На это В. А., 18-го апрѣля, довелъ до свѣдѣнія генералъ-губернатора, что, найдя при вступленіи въ управленіе губерніею чрезвычайное во всѣхъ учрежденіяхъ накопленіе дѣлъ и вредное бездѣйствіе губернской власти, онъ обратилъ вниманіе и на сдѣланное при ревизіи западной Сибири, въ 1851 году, замѣчаніе о недостаткѣ вліянія и ослабленіи власти въ краѣ гражданскаго губернатора и всѣхъ вообще губернскихъ мѣстъ надъ мѣстами окружными. Руководствуясь въ этомъ отношеніи закономъ, онъ, В. А., вездѣ и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ старался поставить губернскую власть на ту степень, которая опредѣлена для нея сибирскими учрежденіями, дабы имѣть достаточно силы и вліянія къ искорененію или хотя къ уменьшенію тѣхъ неустройствъ, которыя существуютъ во многихъ установленіяхъ. При этомъ вниманіе его остановилось и на отношеніяхъ канцеляріи общаго губернскаго управленія къ канцеляріи главнаго управленія. Замѣтивъ преобладающее вліяніе сей послѣдней, простиравшееся до такой степени, что требованія ея исполнялись съ необыкновенною поспѣшностью, между тѣмъ какъ самыя строгія предписанія генералъ-губернатора и министерскія, по несравненно важнѣйшимъ дѣламъ, нерѣдко оставались по нѣскольку мѣсяцевъ, и даже лѣтъ, безъ исполненія, В. А. старался установить тотъ послѣдовательный порядокъ, по степени важности предметовъ и давности производства, какой установленъ зако-

нами для всѣхъ вообще дѣлъ. Съ другой стороны, въ видахъ возстановленія въ сношеніяхъ со всѣми мѣстами законныхъ формъ, В. А. обратилъ вниманіе и на тѣ статьи сибирскихъ учрежденій, по которымъ отдѣленія главнаго управленія не даютъ никакихъ новыхъ приказаній, а самъ совѣтъ главнаго управленія никакой исполнительной власти не имѣетъ, и всѣ предписанія исходятъ отъ генералъ-губернатора; въ формахъ же сношеній, помѣщенныхъ въ приложеніи къ статьѣ 296, не заключается формы *предписаній* отъ канцеляріи главнаго управленія, и самыя сношенія этой канцеляріи дѣлаются не иначе какъ по приказанію генералъ-губернатора. Въ доказательство отступленій отъ закона въ формахъ прежняго письмоводства, В. А. представилъ генералъ-губернатору копію съ требованія начальника I отдѣленія главнаго управленія въ канцелярію общаго губернскаго управленія. Вопреки всѣмъ узаконеніямъ, въ этомъ требованіи I-е отдѣленіе главнаго управленія, *отъ своего имени*, поручало канцеляріи общаго губернскаго управленія „*немедленно* оному *донести*: не встрѣчается ли препятствій къ назначенію березовскому исправнику, за выслугу въ Сибири узаконеннаго срока, прибавочнаго жалованья, и если нѣтъ, то *представить* формулярный и краткій о немъ списки, *за надлежащимъ подписомъ*, на предметъ исходатайствованія ему прибавочнаго жалованья". Не говоря объ отступленіи въ этомъ требованіи отъ узаконенной формы, оно обращало на себя вниманіе самою странностью содержанія, по которому аттестація чиновника требуется отъ канцеляріи, и канцеляріи же поручается войти съ представленіемъ формулярнаго списка за подписью губернатора. Полагая, что подобныя отношенія между канцеляріями, допускающія вмѣшательство многихъ лицъ въ управленіе, были бы прямымъ нарушеніемъ правъ начальника губерніи и противны правильной администраціи, и основываясь на томъ, что начальникъ отдѣленія главнаго управленія имѣетъ голосъ только совѣщательный, В. А. ходатайствовалъ передъ генералъ-губернаторомъ о принятіи во вниманіе изложенныхъ выше соображеній и о подтвержденіи, дабы начальники отдѣленій главнаго управленія и канцелярія общаго губернскаго управленія, въ сношеніяхъ своихъ во всей точности соблюдали формы, приложенныя къ 296 ст. сибир. учрежд., и дабы первые не входили съ подчиненною губернатору канцеляріею въ переписку отъ своего имени и по такимъ дѣламъ, которыя не подлежатъ вѣдѣнію канцелярій.

Представленіе это было весьма непріятно генералъ-губерна-

тору, и онъ, 7-го мая 1855 г., за № 667, отвѣчалъ начальнику губерніи оффиціальною бумагою, въ довольно рѣзкой формѣ, такого содержанія:

„Хотя въ исполненіи *предписанія* моего, отъ 12-го марта, не могло встрѣтиться никакихъ неудобствъ или недоразумѣній, и хотя, при множествѣ обременяющихъ меня разнородныхъ и важныхъ занятій, я не желалъ бы входить вторично въ переписку о предметѣ, который уже былъ мною обсужденъ во всей подробности и разрѣшенъ окончательно, но какъ изъ представленія вашего видно, что вы руководствуетесь не совсѣмъ вѣрнымъ взглядомъ на образъ дѣйствій главнаго управленія и неточнымъ примѣненіемъ закона, то я считаю нужнымъ, противъ выводовъ вашихъ, сообщить вамъ, м. г., слѣдующее:

„Чрезвычайное запущеніе въ дѣлахъ прежняго времени и бездѣйствіе власти губернскаго начальства обратили на себя особое мое вниманіе задолго еще до назначенія вашего пр—ства исправляющимъ должность губернатора, и я принялъ строгія и рѣшительныя мѣры къ прекращенію безпорядковъ, но при этомъ никакого *преобладающаго вліянія* канцеляріи главнаго управленія, ни мною, ни генералъ-адъютантомъ Анненковымъ, не замѣчено, и въ чемъ именно состояло это вліяніе — мнѣ неизвѣстно. Можетъ быть, вы подразумѣваете здѣсь опредѣленіе чиновниковъ на мѣста, зависящее отъ начальника губерніи, по непосредственному распоряженію генералъ-губернатора, *но это мною отмѣнено*, хотя бездѣйствіе вашего предмѣстника и незнаніе имъ своего дѣла поставляли меня иногда въ необходимость назначать къ нему чиновниковъ прямо отъ себя. Если же вліяніе канцеляріи заключалось въ настояніяхъ о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ, то оно приносило не вредъ, а пользу... Во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что губернаторы не были и не могли быть стѣсняемы въ своихъ правахъ вмѣшательствомъ канцеляріи главнаго управленія, ибо всѣ дѣйствія ея, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе четыре года, совершались не иначе какъ по непосредственному моему указанію и разрѣшенію, или съ моего вѣдома. Формы сношеній канцелярій, какъ согласныя съ закономъ, были мною одобрены, и потому, если ваше пр—ство признавали необходимымъ ихъ измѣнить, то должны были испросить на это предварительное мое разрѣшеніе...

„О неправильномъ требованіи свѣдѣній о добавочномъ содержаніи березовскому исправнику мнѣ докладывалъ начальникъ I-го отдѣленія главнаго управленія еще въ прошломъ году, объяснивъ, что въ редакцію означенной бумаги вкралась дѣй-

ствительно ошибка, которой онъ не досмотрѣлъ... Вслѣдствіе сего, замѣтивъ тогда же статскому совѣтнику Анненскому это упущеніе, я подтвердилъ ему, чтобы впредь редакція подобныхъ бумагъ была тщательнѣе провѣряема, и въ настоящее время считаю излишнимъ дѣлать по сему предмету какое-либо новое распоряженіе... Посему, не находя никакого основанія къ отмѣнѣ сдѣланнаго мною распоряженія, я покорнѣйше прошу в. пр-ство принять оное къ точному руководству и исполненію, присовокупляя, что я подтвердилъ и начальникамъ отдѣленій главнаго управленія соблюдать впредь установленный закономъ порядокъ сношеній съ канцеляріями губернскихъ совѣтовъ и обращаться къ нимъ съ требованіями не прямо отъ себя, а отъ моего имени, и по такимъ только предметамъ, которые входятъ въ кругъ дѣйствій канцелярій, а в. пр-ству, еслибы замѣтили отступленіе отъ сего порядка, доводить объ этомъ до моего свѣдѣнія и быть увѣреннымъ, что никакихъ неправильныхъ дѣйствій съ ихъ стороны я не попущу и не стерплю".

Несмотря на ядовитость редакціи этой бумаги и стараніе въ ней обѣлить необѣлимыя дѣйствія канцеляріи главнаго управленія, результаты, которыхъ добивался В. А., были достигнуты. Какъ послѣ грозы очищается воздухъ, такъ и послѣ выписаннаго грознаго предложенія генералъ-губернатора разъяснилось дѣло и вошло въ свои законныя рамки: значеніе канцеляріи стало ослабѣвать, и власть губернатора начала вступать въ свои законныя права, въ особенности послѣ громогласнаго заявленія генералъ-губернатора объ отмѣнѣ имъ порядка опредѣленія на должности, зависящія отъ самого губернатора. Такое отвоевываніе власти обходилось не дешево, и много тяжелаго, даже нравственныхъ мукъ перенесъ В. А. Арцимовичъ. В. М. Жемчужниковъ, въ письмѣ отъ 17-го апр., писалъ своему отцу: „Для Сибири весьма многое можно сдѣлать; въ отношеніи же того, что въ ней и для нея дѣлается, она, быть можетъ, изощреннѣе всѣхъ другихъ странъ въ Россіи—въ подлости, своекорыстіи и преобладаніи взяточничества. Въ доказательство послѣдняго скажу, что Виктора (В. А.) никто изъ васъ (т.-е. отца и братьевъ В. М.) и другихъ не назоветъ слабымъ, а онъ бы искренно желалъ (только не хочетъ просить), чтобы его перевели отсюда, потому что нѣтъ ничего разорительнѣе для чувствъ, души, а можетъ быть и здоровья, какъ видѣть, что при всемъ усердіи, желаніи и возможности, не только не можешь сдѣлать ничего существенно хорошаго, но и остановить хотя бы десятую долю зла. Еще доказательство: всѣ честные люди, которыхъ я нашелъ, просятъ,

чтобы ихъ вытянули изъ Сибири, иначе они заглохнутъ сами, или будутъ заглушены".

В. А. Арцимовичъ продолжалъ по прежнему облегчать душу съ своимъ другомъ тестемъ, и М. Н. Жемчужниковъ съ своей стороны утѣшалъ и подкрѣплялъ его.

Въ письмѣ, отъ 10-го мая 1855 года, М. Н. писалъ: „Очень благодарю тебя за любезное письмо и стараніе ознакомить меня съ взаимными отношеніями твоими и Гасфорта. Изъ приложенныхъ при письмѣ бумагъ я вижу твою самостоятельность, осторожность и правильность дѣйствій твоихъ. Володинька (возвратившійся изъ Тобольска шуринъ В. А.) передалъ мнѣ и еще нѣкоторыя подробности о принятой тобою благородной системѣ и о противодѣйствіяхъ, съ которыми ты вынужденъ бороться. Изъ всего видно, что благородство, законность и справедливость, совершенно чуждыя управленію, служатъ основою всѣхъ твоихъ дѣйствій. Да поможетъ тебѣ Богъ въ водвореніи тобою порядка. Дѣло не легкое, но достойное тебя, и если Гасфортъ покороче сблизится съ тобою, то, конечно, устранятся и тѣ шероховатости по управленію и останется только существующій недостатокъ въ замѣщеніи должностей хорошими, честными людьми. Это, какъ по причинѣ отдаленности края, такъ и по недостатку вообще въ Россіи людей, способныхъ къ службѣ по гражданской части, еще не скоро можетъ послѣдовать. Но ты, какъ достаточно опытный въ свѣдѣніяхъ объ этомъ, *общемъ* во всей Россіи, недостаткѣ, не можешь и желать совершенія этого *чуда* для Сибири. Благоразуміе воспрещаетъ желать невозможнаго. Я вдвое болѣе тебя живу на свѣтѣ и, по свойству моего характера, всегда былъ истымъ врагомъ злоупотребленій и потому не переставалъ бороться съ лихоимцами и неправдою, но никогда и нигдѣ не могъ искоренить этой коросты, которая неразлучна недостатку образованія людей, и *только примѣръ начальника* могъ *нѣсколько укрощать* алчность злоупотребленія. Я, какъ каждый безпристрастный наблюдатель, могу безъ лести сказать, что воспитанники училища правовѣдѣнія, своею службою, положили начало доброй нравственности по управленіямъ. Они своимъ высшимъ понятіемъ о чести разлили благодатный бальзамъ по жиламъ управленія Имперіи, пристыдили множество изъ главныхъ мѣстныхъ начальниковъ и исцѣлили многое множество въ низшихъ слояхъ управленій! До этой же благодатной эпохи, *одинъ лишь страхъ* и изрѣдка добрый примѣръ начальниковъ могли *нѣсколько* сократить зло. Итакъ, любезный другъ, самъ ты знаешь: давно ли этотъ бальзамъ началъ дѣйствовать? А когда

знаешь это, то и долженъ съ благоразуміемъ покоряться обстоятельствамъ и съ терпѣніемъ ожидать плодовъ отъ добрыхъ трудовъ твоихъ. Болѣзнь входитъ пудами, а выходитъ золотниками! И напрасно было бы мечтать, что въ другихъ губерніяхъ менѣе злоупотребленій, чѣмъ въ Сибири. Я достовѣрно знаю, что въ пензенской губерніи, чембарскаго уѣзда, предводитель дворянства, при пріемѣ ратниковъ въ ополченіе отъ помѣщичьихъ имѣній, бралъ по 10 рублей!! А когда предводитель дворянства такъ низокъ, то можешь вообразить, каковы тѣ, кто ниже его! Этотъ случай я знаю по собственному опыту, и вѣроятно, что подобныя подлости существуютъ болѣе или менѣе и кромѣ чемб. уѣзда. Терпѣніе и терпѣніе! Богъ указалъ тебѣ путь, по которому ты и самъ желалъ идти для распространенія правды. Не отчаявайся же и не робѣй на этомъ шествіи твоемъ"...

Въ другомъ письмѣ, отъ 29-го іюля 1855 г., изъ села Павловки, гдѣ проживалъ лѣто М. Н. Жемчужниковъ, онъ говорилъ: „Проживая теперь въ провинціяхъ, я столько наслышался о разнаго рода злоупотребленіяхъ (особенно въ орловской губерніи), что *готовъ бы самъ вызваться* на производство ревизіи (въ качествѣ сенатора). Лихоимство развилось до неимовѣрности, и вмѣсто того, чтобы, при настоящемъ тягостномъ положеніи Россіи и при усиленныхъ требованіяхъ правительства [1]), оказывать возможное *законное* снисхожденіе исполнителямъ сихъ требованій, власти дерутъ шкуру съ живыхъ людей! Хотя ты и Володинька находили, что въ сибирскомъ краѣ лихоимство превзошло мѣру терпѣнія, но слышанное мною здѣсь перещеголяло Сибирь! Однимъ словомъ, я готовъ для блага Россіи добровольно принять на себя ревизію, хотя бы 10-ти и болѣе губерній. Изъ этого ты можешь судить, какъ должно быть сильно злоупотребленіе въ великороссійскихъ губерніяхъ, хотя здѣсь начальники губерній и не связаны дѣйствіями генералъ-губернаторовъ. Зло до того развито, что нельзя не отнести этого къ самимъ начальникамъ губерній! Господи! спаси добрую Россію! Господи! помоги нашему Императору обставить управленіе Россіею благонамѣренными и свѣдущими людьми... Такого начальника, какъ ты, или вовсе нѣтъ, или очень мало въ имперіи. Можетъ быть, есть опытнѣе тебя и столько же честны, какъ ты, но не столько тверды къ устраненію пристрастія, а это—тоже лихоимство"...

Таковъ дѣйствительно и былъ Викторъ Антоновичъ и онъ много

[1]) Здѣсь, конечно, М. Н. указывалъ на тяжелое время крымской войны.

и тяжко нравственно страдалъ, выбиваясь изъ силъ въ борьбѣ съ злоупотребленіями и въ обузданіи лихоимцевъ.

Взяточничество въ Сибири существовало съиздавна и никогда не переводилось. В. А. могъ только его сдерживать, и при немъ оно не только не смѣло проявляться открыто, но прикрывалось даже личиною добродѣтели. В. А. хорошо это понималъ, но зналъ также, что смѣнить лихоимцевъ легко, а замѣнить ихъ некѣмъ, и потому оставлялъ на мѣстахъ опытныхъ и знающихъ дѣло чиновниковъ (напр. исправниковъ), съ твердой увѣренностью, что они не посмѣютъ подъ его управленіемъ отклоняться отъ указаннаго имъ пути и будутъ даже сдерживать своихъ подчиненныхъ. Онъ самъ говорилъ: „вотъ этотъ чиновникъ хорошо нажился до моего управленія, и я оставляю его, по необходимости, зная, что онъ сытъ, и я увѣренъ, что онъ, изъ боязни потерять все, будетъ мнѣ хорошимъ помощникомъ".

И теперь не легко находить честныхъ и знающихъ дѣло чиновниковъ для отдаленныхъ мѣстностей, а 40 лѣтъ тому назадъ это было совсѣмъ невозможнымъ. Край былъ захолустнымъ, по климатическимъ условіямъ непривлекательнымъ и, при отсутствіи удобныхъ путей сообщенія, отдаленнымъ, а между тѣмъ содержаніе чиновникамъ, по штатамъ, было совсѣмъ ничтожно. Исправники и окружные судьи получали не болѣе 500—600 р. годового содержанія; засѣдатели (становые)—вдвое менѣе; начальникамъ отдѣленій общаго губернскаго управленія полагалось содержаніе въ 650 р., а совѣтникамъ губернскаго правленія—900 р., чиновникамъ же особыхъ порученій—всего 429 р.

Даже положеніе самого губернатора въ матеріальномъ отношеніи было обставлено нехорошо: ему полагалось всего 3.500 р. содержанія и казенная квартира. Несмотря на дешевизну жизненныхъ припасовъ въ то время въ Сибири [1]), содержаніе большого губернаторскаго дома и многіе расходы, вызываемые собственно представительностью по должности губернатора, стоили значительныхъ денегъ.

При такомъ обезпеченіи, присвоенномъ штатами, кромѣ своего шурина, В. М. Жемчужникова, Виктору Антоновичу уда-

[1]) Дешевизна въ Тобольскѣ на предметы первой необходимости, въ урожайные годы, была замѣчательная. Такъ, ржаная мука продавалась по 12 коп. за пудъ, пшеничная мука по 15 коп., овесъ отъ 60—80 к. за четверть, сѣно по 3 коп. за пудъ, дрова по 1 р. за сажень, мясо лучшее по 4 к. за фунтъ, а зимою по 2½ к.; цѣлый большой теленокъ стоилъ 1 р., со шкурою; пара рябчиковъ продавалась за 5 к., а лучшая рыба-осетрина, стерлядь и нельма—не дороже 7 к. за фунтъ; масло русское—отъ 40 до 50 к. за безмѣнъ, въ 2½ фунта.

лось пригласить къ себѣ на службу изъ Петербурга еще только трехъ молодыхъ чиновниковъ: барона А. Ѳ. Штакельберга [1]), Ѳ. А. Анненкова и А. Я. фонъ-Гюббенета [2]). Двое послѣднихъ вскорѣ переведены были чиновниками особыхъ порученій при генералъ-губернаторахъ, одинъ въ восточной, а другой въ западной Сибири, и вмѣсто одного изъ нихъ былъ опредѣленъ въ мартѣ 1855 года Я. С. Скропышевъ. Другихъ лицъ за все четырехъ-лѣтнее управленіе Викторомъ Антоновичемъ губерніею такъ и не пришлось ему пріобрѣсти, и онъ принужденъ былъ довольствоваться въ управленіи мѣстными чиновниками.

Среди нихъ нѣкоторые, впрочемъ немногіе, были почтенные люди, работавшіе „не только за страхъ, но и за совѣсть". В. А. ихъ какъ-то умѣлъ отыскивать и иногда перетаскивалъ изъ другихъ вѣдомствъ, какъ, напримѣръ, духовнаго и народнаго просвѣщенія. Другіе, какъ выше было сказано, работали только изъ страха, съ личиною добродѣтели; но всѣ вообще трудились усердно, не щадя своихъ силъ, какъ работалъ и самъ Викторъ Антоновичъ. Работа эта, часто очень тяжкая, по ея спѣшности и безпрерывности, при немъ была пріятна: въ ней всегда видна была добрая цѣль, и кромѣ того В. А. обворожалъ всѣхъ своимъ обхожденіемъ и всегда цѣнилъ высоко всякій полезный трудъ.

Кромѣ ревизій присутственныхъ мѣстъ, постояннаго наблюденія за ходомъ управленія въ губерніи, освѣженія и улучшенія состава чиновниковъ и борьбы, въ первое время, за возстановленіе губернаторской власти, необходимой для успѣшнаго управленія, текущія дѣла по управленію требовали отъ В. А. затраты всѣхъ его молодыхъ силъ.

Въ состоявшемъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ губернатора общемъ губернскомъ управленіи находилось три отдѣленія: 1) административное, равняющееся губернаторской канцеляріи въ великороссійскихъ губерніяхъ; 2) судебное съ гражданскими и уголовными дѣлами и приговорами, и 3) финансовое по наблюденію за дѣлами казеннаго управленія и завѣдыванію всѣми земскими повинностями въ губерніи. Всѣ эти дѣла рѣшались или единоличною властію губернатора, или вносились въ состоявшій подъ его предсѣдательствомъ губернскій совѣтъ, гдѣ происходили засѣданія, длившіяся почти всегда по нѣскольку часовъ, а затѣмъ составлялись часто весьма обширныя постановленія. Бумагъ, требовавшихъ подписанія губернатора въ об-

[1]) Нынѣ сенаторъ.

[2]) Нынѣ членъ госуд. совѣта, бывшій м-ръ путей сообщенія.

щемъ губернскомъ управленіи было въ одинъ годъ—25.695 штукъ, а рѣшено дѣлъ 4.443, что составляетъ болѣе 70 бумагъ и 12 дѣлъ на каждый день.

Помимо этого, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ губернатора состояли: строительная коммиссія, приказъ общественнаго призрѣнія, тюремный комитетъ, коего онъ былъ вице-президентомъ, маріинская женская школа, только-что передъ тѣмъ открытая, и, наконецъ, мужская губернская гимназія, за коей онъ наблюдалъ, въ качествѣ попечителя учебнаго округа.

Независимо отъ того, въ первые два года управленія были по два рекрутскіе набора ежегодно (очередной и частный), по 10 человѣкъ съ 1.000 душъ, такъ какъ въ то время продолжалась крымская война. Наборы эти въ Сибири были съ очередной системой, требовавшей со стороны администраціи зоркаго наблюденія за правильностью составленія очередныхъ списковъ. Зорко также приходилось слѣдить и за правильностью производства самаго освидѣтельствованія рекрутъ, и нерѣдко губернаторъ принужденъ былъ производить ихъ переосвидѣтельствованіе въ своемъ присутствіи.

Въ первый же годъ по пріѣздѣ В. А. въ Тобольскъ, какъ въ этомъ городѣ, такъ и въ значительной части губерніи, омываемой Тоболомъ, Иртышемъ и Обью, было продолжительное наводненіе. Оно происходитъ въ тобольской губерніи оттого, что Иртышъ и Обь текутъ съ юга на сѣверъ, и длина этихъ рѣкъ громадная. Тобольскъ лежитъ подъ 66^0 сѣв. широты, а Обдорскъ, находящійся при Обской губѣ, стоитъ уже за сѣвернымъ полярнымъ кругомъ. Рѣки вскрывались отъ льда сначала въ южныхъ частяхъ, а въ это время на сѣверѣ образовавшіеся въ рѣкѣ заторы задерживали теченіе воды, и вотъ вода эта начинала повышаться въ южныхъ мѣстностяхъ, затѣмъ выходила изъ русла и разливалась. Къ несчастію жителей, разливъ этотъ происходилъ очень медленно, а повышеніе воды хотя и составляло только вершокъ, а иногда и полвершка въ сутки, но продолжалось нѣсколько недѣль. Затѣмъ происходило стояніе воды на высшемъ уровнѣ и такое же медленное спаденіе ея. Поэтому всѣ низменныя мѣста оставались затопленными весною цѣлый мѣсяцъ, а иногда и долѣе, на огромныхъ пространствахъ. Такъ, напримѣръ, по тракту отъ Тюмени къ Тобольску послѣдніе два почтовые перегона, протяженіемъ до 60 верстъ, были залиты водою, и даже почта перевозилась въ этомъ мѣстѣ на лодкахъ. Такъ какъ и послѣ спада водъ требовалось еще время для осушки почвы, то обработка земли долго дѣлалась невозможною

и сельскіе жители лишались цѣлаго урожая, независимо отъ потерь, понесенныхъ ими отъ затопленія ихъ домовъ. Жители низменныхъ частей города Тобольска несли также большіе убытки. Для В. А., съ его сердечнымъ отношеніемъ къ людямъ, такое несчастіе составляло много заботъ. Онъ устроивалъ комитеты для пособія лицамъ, пострадавшимъ отъ наводненія, принималъ въ нихъ лично живое участіе, а въ затопленныя мѣста, внѣ города, посылалъ довѣренныхъ лицъ, снабжая ихъ деньгами изъ своего кошелька, не богатаго средствами, для оказанія помощи особенно бѣднымъ семьямъ крестьянъ.

Также въ первую зиму управленія губерніею В. А. былъ озабоченъ особеннымъ дѣломъ по перевозкѣ изъ Тобольска пушекъ и снарядовъ къ нимъ въ Иркутскъ. 9-го января 1855 года, получено было отношеніе начальника артиллерійскаго гарнизона сибирскаго округа о томъ, что послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ отправкѣ, изъ тобольскаго склада, какъ можно поспѣшнѣе въ Иркутскъ, на защиту Камчатки и юго-восточныхъ береговъ Сибири, 4-хъ пушекъ 24-фунтовыхъ, 19 пушекъ 18-ти-фунтовыхъ, 528 ядеръ 24-хъ-фунтовыхъ, 660 ядеръ 18-ти-фунтовыхъ и 48.850 картечной дроби № 6; всего приблизительно съ укупоркою до 5.180 пудовъ. Немедленно произведены были въ Тобольскѣ торги и переторжка; но подрядчики запросили большія цѣны за перевозку въ виду того, что снѣгъ у Иркутска сходитъ обыкновенно къ марту мѣсяцу, а наибольшія трудности для доставки тяжестей представляетъ именно гористое мѣстоположеніе передъ Иркутскомъ, начиная отъ Ачинска.

Имѣя въ виду, что, по подряднымъ цѣнамъ, перевозка каждой пушки обошлась бы казнѣ въ 2.100 рублей, В. А. рѣшилъ перевезти всю означенную тяжесть на перемѣнныхъ лошадяхъ. Открыта была подписка для сбора по этому случаю пожертвованій и устроены были маскарадъ и концерты въ Тобольскѣ и Ишимѣ. Все это дало сбора 6.006 р. 55 к.; кромѣ того, одинъ тобольскій житель, мѣщанинъ Александровъ, пожертвовалъ сани, а тюменскій купецъ Шешуковъ—15 саней; тарскій же купецъ Щербаковъ просилъ принять 300 р. на прогоны для провоза пушекъ и снарядовъ собственно по тарскому округу. Такъ какъ всего нужно было имѣть 44 саней, то 29 были изготовлены въ Тобольскѣ, съ отводами, вагами, подушками, желѣзными тормазами (для спуска съ горъ) и кольцами для увязки пушекъ. Все это было быстро сдѣлано тобольскимъ полиціймейстеромъ Кувичинскимъ, и тотчасъ же послѣ пробы пушекъ, онѣ, а также снаряды, были уложены въ сани, увязаны и отправлены въ даль-

ній путь. Собранныхъ денегъ хватило на прогоны до Томска, то-есть на половину пути отъ Тобольска до Иркутска. Изъ ассигнованныхъ же на эту перевозку казною 15.000 р. понадобилось взять только 336 р. 87 коп. на прогоны и суточныя деньги чиновникамъ, командированнымъ какъ для сопровожденія пушекъ, такъ и для распоряженій по заготовкѣ подводъ. Весь транспортъ былъ благополучно доставленъ 8-го февраля до Томска, пробывъ въ пути всего 10 дней (1.500 верстъ), сани же, по освидѣтельствованіи ихъ въ Томскѣ, оказались безъ всякой порчи. Крестьяне везли этотъ транспортъ съ радостью, говоря, что везутъ царскую прислугу, и готовы были везти всѣ сани даромъ; но, принявъ въ соображеніе частые рекрутскіе наборы и значительныя подати, В. А. отклонилъ это пожертвованіе крестьянъ и приказалъ платить прогоны всѣмъ безъ исключенія.

Здѣсь кстати упомянуть, что въ прежнее время довольно часто производилось такъ называемое *шельмованіе* преступниковъ, т.-е. препровожденіе ихъ на колесницѣ со связанными руками и съ надписью на висящей на груди доскѣ названія преступленія. Это дѣлалось съ барабаннымъ боемъ, а затѣмъ производилось самое наказаніе преступника плетьми, на эшафотѣ. Въ Тобольскѣ, по множеству преступниковъ, такія наказанія совершались часто, почти каждую недѣлю, и преступники возились по главнымъ улицамъ. Печальное и тяжелое зрѣлище представляли эти колесницы, барабанный бой и любопытныя толпы народа—и В. А. приказалъ производить шельмованіе раннимъ утромъ и перевозить преступниковъ не по главнымъ, а второстепеннымъ улицамъ, гдѣ меньше народа. На первыхъ же порахъ В. А. поразила случайная встрѣча на улицѣ съ только-что наказаннымъ на эшафотѣ преступникомъ. Его не везли, а несли—или вѣрнѣе тащили арестанты, окровавленнаго, полуобнаженнаго, съ текущею изъ множества ранъ кровью... В. А. тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе объ устройствѣ особаго и удобнаго экипажа для препровожденія въ острожную больницу понесшихъ наказаніе, и о томъ, чтобы наказанные были закрыты и не видны народу.

Чтобы совладать со всѣми описанными дѣлами, В. А. занимался ими постоянно, почти безъ отдыха. Съ ранняго утра его можно было застать уже въ его кабинетѣ, помѣщавшемся въ нижнемъ этажѣ губернаторскаго дома; здѣсь ежедневно принималъ онъ доклады полиціймейстера о положеніи города, здѣсь же чередовались доклады строительной коммиссіи и приказа общественнаго призрѣнія и здѣсь же принимались всѣ лица подчиненныхъ

ему управленій, являвшіяся или съ экстренными докладами, или за полученіемъ разрѣшеній и наставленій, а иногда и головомоекъ отъ губернатора. Затѣмъ, къ 10—11 часамъ В. А. отправлялся или прямо въ общее губернское управленіе, гдѣ ожидала его ежедневная работа по докладамъ начальниковъ отдѣленій, или предварительно заѣзжалъ въ тюремный замокъ, арестантскую роту или городскую больницу. Домой В. А. возвращался уже часамъ къ 4—5, прямо къ обѣду. Но и здѣсь онъ не былъ одинъ среди своей семьи, такъ какъ къ обѣду часто приглашались или лица, пріѣзжавшія въ Тобольскъ по дѣламъ службы, или начальники губернскихъ учрежденій, и кромѣ того ежедневно обѣдали у него приближенные къ нему молодые чиновники. Послѣ обѣда слѣдовалъ небольшой отдыхъ, а затѣмъ В. А. опять принимался за работу и только окончивъ ее посвящалъ нѣсколько времени чтенію любимыхъ имъ журналовъ и въ особенности „Revue des Deux Mondes“.

Въ первый же годъ своего управленія, В. А. обревизовалъ между прочимъ казенную палату и губернское правленіе. Губернское правленіе, въ которомъ находилось еще особое отдѣленіе, завѣдующее распредѣленіемъ ссыльныхъ и къ которому присоединены были дѣла нотаріальныя, найдено было въ большомъ запущеніи, также какъ и обширная казенная палата, завѣдывавшая и дѣлами государственныхъ имуществъ и соляною частію, какъ по добычѣ озерной соли, такъ и по перевозкѣ и продажѣ ея. Въ палатѣ этой обнаружено было взяточничество по рекрутскимъ дѣламъ со стороны одного изъ канцелярскихъ чиновниковъ, женатаго на дочери унтеръ-офицера и приходившагося шуриномъ совѣтнику хозяйственнаго отдѣленія палаты, гдѣ производились рекрутскія дѣла. Чиновникъ этотъ велъ роскошную жизнь, имѣлъ лучшіе экипажи и лошадей въ городѣ, и нахальство его бросалось всѣмъ въ глаза. Онъ былъ, конечно, немедленно устраненъ отъ должности. Запущенность дѣлопроизводства казенной палаты и губернскаго правленія очень озабочивали В. А., и онъ нашелъ необходимымъ освѣжить составъ этихъ учрежденій назначеніемъ въ нихъ болѣе дѣятельныхъ совѣтниковъ, о чемъ и велъ оживленную, конфиденціальную переписку съ генералъ-губернаторомъ, окончившуюся уже въ слѣдующемъ году, въ благопріятномъ для Виктора Антоновича и для самого дѣла смыслѣ.

Въ началѣ второго года своего управленія, В. А. объѣхалъ тарскій, омскій и ишимскій округа и обревизовалъ въ нихъ окружныя присутственныя мѣста, осмотрѣлъ громадный казенный екатеринпнскій винокуренный заводъ съ каторжными рабо-

чими, вблизи г. Тары, заѣзжалъ почти во всѣ этапныя зданія, устроенныя для дневокъ и ночлеговъ ссыльныхъ, пересылавшихся въ то время изъ Тобольска въ глубь Сибири пѣшеходнымъ способомъ, ревизовалъ многія волостныя правленія и для этого проѣхалъ въ самый юго-восточный уголъ губерніи, къ озеру Чаны, гдѣ находится юдинское волостное правленіе. По возвращеніи въ Тобольскъ, начались приготовленія къ устройству всего необходимаго для перевода арестантовъ во вновь отстроенный тюремный замокъ въ Тобольскѣ. Острогъ этотъ, какъ было уже упомянуто выше—одинъ изъ обширнѣйшихъ въ то время въ Россіи, такъ какъ независимо отъ 400 подслѣдственныхъ арестантовъ, содержавшихся до окончанія производившихся о нихъ дѣлъ, а равно приговоренныхъ по судебнымъ приговорамъ къ тюремному заключенію; черезъ острогъ этотъ проходили не только присылаемые изъ внутреннихъ губерній, для водворенія въ тобольской губерніи, въ ссылку и на житье, но и приговоренные къ такой же ссылкѣ и въ каторжныя работы въ другихъ губерніяхъ Сибири. Такихъ арестантовъ было: до 8.300 лишенныхъ правъ состоянія, до 1.200 сосланныхъ на житье въ Сибирь, до 140 бѣглыхъ, возвращенныхъ въ Сибирь, и до 1.000 человѣкъ, слѣдовавшихъ за ссыльными по собственной волѣ,—то-есть, всего почти 11.000 человѣкъ. Хозяйство для такой массы народа было большое, а удобно размѣстить арестантовъ и все необходимое для самого тюремнаго хозяйства стоило большихъ трудовъ и заботъ В. А., который неустанно слѣдилъ за всѣмъ, что относилось къ облегченію положенія арестантовъ и въ особенности семействъ ихъ, слѣдовавшихъ въ Сибирь добровольно. Усердно помогали въ этомъ гуманномъ дѣлѣ Виктору Антоновичу два—три довѣренныхъ его лица и въ особенности дамское отдѣленіе попечительнаго о тюрьмахъ комитета, состоявшее подъ предсѣдательствомъ супруги Виктора Антоновича.

Мысль о необходимости устройства хорошаго тюремнаго замка въ Тобольскѣ была выражена покойнымъ Государемъ Александромъ Николаевичемъ, въ бытность его въ Тобольскѣ еще Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, въ 1837 году; самая же постройка зданія продолжалась недолго, но она оставалась недоконченною, какъ говорилось выше, цѣлыя 12 лѣтъ изъ-за возникшихъ пререканій съ подрядчиками и канцелярской переписки. Осуществить мысль Государя Наслѣдника выпало на долю Виктора Антоновича. 23-го ноября 1855 года торжественно освящена была тобольскимъ архіепископомъ, въ присутствіи всѣхъ директоровъ и директриссъ мѣстнаго тюремнаго комитета и массы народа,

церковь въ новомъ острожномъ зданіи, а въ послѣдующіе затѣмъ дни переведены въ новый замокъ изъ стараго острога всѣ арестанты. Во все время управленія Виктора Антоновича губерніею острогъ этотъ содержался въ образцовомъ порядкѣ [1]).

Въ концѣ декабря 1855 года, В. А. порѣшилъ обозрѣть самый отдаленный отъ Тобольска березовскій округъ съ его заполярнымъ обдорскимъ краемъ. Изъ предшественниковъ В. А. въ Березовъ ѣздилъ въ 1827 году губернаторъ Бантышъ-Каменскій, занимавшійся историческими изслѣдованіями и вырывшій изъ могилы трупъ современника и знаменитаго сподвижника Петра Великаго, князя Меншикова, умершаго, какъ извѣстно, въ ссылкѣ и похороненнаго въ Березовѣ. Тѣло князя Меншикова, по прошествіи 30 лѣтъ послѣ его погребенія, оказалось сохранившимся въ совершенной цѣлости: оно было замерзшее и находилось на глубинѣ никогда не оттаивавшей земли.

Разстоянія между городами тобольской губерніи вообще очень большія,—отъ Тобольска до Березова, напр., 1.000 верстъ,—поэтому путешествіе въ Березовъ и въ особенности въ Обдорскъ и притомъ зимою составляло своего рода подвигъ.

По положенію сибирскаго комитета, съ 1-го января 1855 года, въ березовскомъ округѣ учреждено было особенное военно-окружное управленіе и поручено военному штабъ-офицеру, въ лицѣ майора Г. А. Колпаковскаго [2]).

До него, въ этомъ отдаленномъ краѣ, давно не посѣщавшемся губернскимъ начальствомъ, господствовалъ произволъ и беззаконіе, доходившіе до того, что полицейское начальство, совмѣстно съ „окомъ царевымъ“, стряпчимъ, содержало одного ссыльно-поселенца (Волохова) въ острогѣ, прикованнымъ къ стѣнѣ цѣпью. Сдѣлано это было, согласно рѣшенію мѣстнаго окружнаго суда, будто бы за дерзость, неповиновеніе и буйство; въ дѣйствительности же вся вина поселенца заключалась въ потерѣ конверта, при которомъ онъ былъ присланъ изъ Тобольска и который ему самому былъ данъ на руки. Стряпчій и городничій арестовали его за потерю конверта и отобрали отъ него 1.500 р. налич-

[1]) Здѣсь не лишнее отмѣтить слѣдующій замѣчательный фактъ, доказывающій сердечную отзывчивость на все доброе вообще со стороны русскихъ женщинъ. Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ объ открытіи въ Тобольскѣ женскаго отдѣленія тюремнаго комитета, такъ тотчасъ же со всѣхъ концовъ Россіи начала высылаться въ это тюремное отдѣленіе масса пожертвованій и вещами и деньгами для облегченія участи несчастныхъ женщинъ и дѣтей.

[2]) Впослѣдствіи степной генералъ-губернаторъ и членъ военнаго совѣта. Скончался 23-го апрѣля 1896 г.

ными деньгами, перстень и другія вещи; когда же онъ сталъ требовать росписки въ полученіи отобраннаго отъ него имущества, его обвинили въ дерзости и предали суду, который и приговорилъ его къ содержанію на цѣпи, а имущества и денегъ онъ такъ и лишился. Затѣмъ въ Обдорскѣ были притѣсненія волостного старшины, инородческаго князя Тайшина, мѣстнымъ засѣдателемъ Кушелевскимъ, вынудившія князя ѣхать въ Петербургъ на оленяхъ, прямымъ путемъ по тундрамъ, для того только, чтобы принести на засѣдателя жалобу непосредственно Государю Императору помимо мѣстныхъ властей [1]). Противъ этого же Тайшина строились козни со стороны другого вліятельнаго и богатаго инородца, Эръ-Паипа, добивавшагося власти волостного старшины и выражавшаго даже желаніе принять христіанство со всѣми инородцами его ватаги, лишь бы стать во главѣ волости на мѣсто князя Тайшина. Все это вело къ жалобамъ одного на другого и разбирательству возникшихъ между ними пререканій. Другой засѣдатель въ Кандинскѣ (Кожевниковъ) породнился съ казаками, опустился и предавался пьянству. Всѣ его мысли были направлены къ тому, чтобы поѣхать въ тундры въ такое время, когда инородцы возвращаются съ промысла, и набрать для себя побольше мѣховъ и рыбы. Онъ нарочно возилъ для этого съ собою непомѣрной величины лодку.

Викторъ Антоновичъ спѣшилъ совершить поѣздку на далекій сѣверъ, въ виду полученныхъ свѣдѣній о свирѣпствовавшемъ въ то время между остяками и самоѣдами эпидемическомъ тифѣ. Надлежало принять мѣры какъ къ скорѣйшему прекращенію болѣзни, такъ и для изысканія способовъ къ предотвращенію подобнаго несчастія на будущее время. Съ этою цѣлью, немедленно по полученіи свѣдѣній объ эпидеміи, былъ командированъ въ березовскій край особый врачъ, а съ собою В. А. взялъ высшаго въ губерніи медицинскаго администратора—инспектора врачебной управы (Типякова) и выѣхалъ изъ Тобольска 24-го декабря 1855 года, чтобы быть въ Обдорскѣ въ январѣ мѣсяцѣ, во время сбора тамъ остяковъ и самоѣдовъ изъ всѣхъ ихъ поселеній для

[1]) Тайшинъ считался христіаниномъ, но въ душѣ, какъ и большинство принявшихъ христіанство его сродичей, былъ идолопоклонникомъ. Въ его чумѣ (жилище) засѣдатель нашелъ идоловъ, но затѣмъ возвратилъ ихъ ему, получивъ съ Тайшина 1.000 р. и 7 чернобурыхъ лисицъ. Чтобы сбыть лисицъ повыгоднѣе, надо было ихъ продать остякамъ же, для сдачи въ ясакъ (подать мѣхами, идущая въ кабинетъ Его Величества), а чтобы заставить инородцевъ покупать лисьи шкуры, перемѣнили старшину и самый пріемъ ясака производили не въ инородческой управѣ, а въ квартирѣ засѣдателя.

продажи мѣховъ и сдачи ясака, во время обдорской ярмарки. Кромѣ инспектора врачебной управы, съ В. А. отправились два молодые чиновника, составлявшіе его путевую канцелярію.

Верстахъ въ 250 отъ Березова, въ большомъ селеніи Кондинскомъ, съ монастыремъ и миссіонерами для обращенія язычниковъ въ христіанство, была сдѣлана остановка для ревизіи дѣлъ мѣстнаго отдѣльнаго земскаго засѣдателя. Остановки, иногда очень значительныя, были и на всякой станціи, гдѣ собирались инородцы, и они, черезъ переводчика, внимательно выслушивались и разспрашивались Викторомъ Антоновичемъ о ихъ нуждахъ.

Въ Кондинскомъ монастырѣ В. А. встрѣтилъ образованнаго и симпатичнаго игумена-миссіонера Арсенія, прожившаго въ этомъ монастырѣ восемь лѣтъ. При монастырѣ находилось училище для обученія дѣтей остяковъ. Оно было въ удовлетворительномъ состояніи, и остяки, по отзыву архимандрита, оказались понятливыми и очень способными къ образованію. В. А. выслушалъ въ Кондинскѣ литургію, послѣ которой игуменъ произнесъ проповѣдь. Утѣшительно, по словамъ Виктора Антоновича, было встрѣтить въ отдаленной и дикой странѣ духъ вѣры и образованія. Монастырь этотъ устроенъ еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Самое же христіанство между остяками начало распространяться при Петрѣ Великомъ, находившимся на покоѣ сибирскимъ митрополитомъ Филоѳеемъ Лещинскимъ (въ монашествѣ Ѳедоромъ), который съ 1712 по 1727 годъ обратилъ въ христіанство до 40.000 инородцевъ и построилъ въ ихъ селеніяхъ 37 церквей.

Затѣмъ, по пріѣздѣ въ Березовъ, была произведена ревизія всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и осмотрѣнъ этотъ маленькій городокъ, съ его небольшими двумя церквами и скромными могилами знаменитыхъ ссыльныхъ: князей Меншикова, Алексѣя Григорьевича Долгорукова и графа Остермана.

Изъ Березова до Обдорска сообщеніе производится зимою только на оленяхъ. Для каждаго изъ пассажировъ были приготовлены крытыя нарты, запряженныя тройкою и четверкою оленей. Ѣзда на этихъ животныхъ была очень быстрая, и весь путь въ 322 версты совершенъ былъ въ полторы сутки. Путь лежалъ по широчайшей Оби и иногда все видимое вокругъ пространство было покрыто глубокимъ снѣгомъ и представляло громадную снѣжную пустыню, такъ какъ самоѣды и остяки зимою покидаютъ свои чумы у рѣки и удаляются въ другія мѣста для звѣриной ловли. Только въ немногихъ мѣстностяхъ изрѣдка попадались поселенія и въ числѣ ихъ и русскія.

На половинѣ дороги, между Березовомъ и Обдорскомъ, находится село *Мужы*, съ деревянною церковью и нѣсколькими избами. Остяцкое слово *мужы* означаетъ *омутъ*, который дѣйствительно и существуетъ вблизи села и изобилуетъ рыбою. Здѣсь В. А. узналъ, что мѣстный священникъ дерется съ инородцами при неисполненіи ими его требованій. Кромѣ того, весною, когда инородцы отправляются на лѣтніе рыбные промыслы, а зимою на звѣриные, этотъ пастырь ѣдетъ въ юрты и забираетъ всѣхъ тѣхъ инородцевъ, которые не были у него на исповѣди, налагаетъ на нихъ эпитиміи и держитъ ихъ до полученія выкупа. Онъ же изгонялъ изъ церкви всѣхъ инородцевъ, у которыхъ обшиты малицы (шубы) мѣхомъ изъ собачьей шкуры, говоря, что Господь воспретилъ дѣлать одежду изъ шкуръ подлаго звѣря.

Конечно по возвращеніи въ Тобольскъ, В. А. передалъ обо всемъ этомъ мѣстному архіепископу.

Въ Обдорскѣ В. А. пробылъ нѣсколько дней. Несмотря на то, что пребываніе его въ этомъ поселеніи происходило 5, 6 и 7 января, погода стояла съ очень слабымъ морозомъ, и это значительно облегчало совершеніе того празднества, которое устроилъ В. А. инородцамъ многихъ ватагъ, пріѣхавшимъ издалека въ Обдорскъ, какъ по случаю прибытія къ нимъ начальства, такъ и для сдачи ясака.

5-го января, произведена была ревизія дѣлопроизводства мѣстнаго засѣдателя, а 6-го числа, въ день Крещенія Господня, В. А. слушалъ литургію въ мѣстной церкви. Маленькій храмъ этотъ былъ наполненъ инородцами. Они, какъ принявшіе христіанство, такъ и идолопоклонники, глубоко чтутъ святителя Николая, угодника Божія, и, какъ разсказывали мѣстные жители, часто можно видѣть, что инородецъ подходитъ къ церкви со шкурою какого-нибудь звѣря, кладетъ ее на церковную паперть и, обращаясь къ висящему надъ дверью образу, говоритъ на своемъ языкѣ: „Я былъ на морѣ (или на рѣкѣ), во время бури, думалъ, что не выберусь изъ опасности и погибну. Вспомнилъ тебя (св. Николая Чудотворца) и спасся отъ смерти. На вотъ тебѣ это“!— (при этомъ онъ указываетъ на положенную на паперть шкуру). Такія пожертвованія обращаются въ деньги и идутъ на украшеніе храма.

Остяки и самоѣды—очень простой и добрый народъ. Питается онъ по преимуществу рыбой и мясомъ добытыхъ звѣрей, причемъ рыба и мясо ѣдятся и въ варенномъ, и въ сыромъ видѣ. Хлѣбъ они пекутъ въ видѣ прѣсныхъ, тонкихъ лепешекъ; кромѣ того, употребляютъ муку въ видѣ болтушки или похлебки, за-

правляемой рыбьимъ жиромъ. Языкъ ихъ очень бѣденъ; напримѣръ, корова называется *мисъ*, а *инкъ* — вода; смѣсь же этихъ словъ: *мисизинкъ*, означаетъ молоко (коровья вода). Точно также слово: коса, означается тремя словами: торнъ-сердта-карты (торнъ —трава, сердта—рѣзать, карты—желѣзо), т.-е. желѣзо для рѣзанія травы. На такомъ языкѣ они могутъ выражать очень немногія понятія объ отвлеченныхъ предметахъ. Разсказываютъ, что когда однажды разъясняли инородцамъ молитву Господню и пришлось при этомъ объяснять имъ слово *лукавый* (избави насъ отъ лукаваго), то понадобилось изложеніе многихъ дурныхъ свойствъ, присущихъ лукавому. Тогда инородцы закричали: „Понимаемъ, понимаемъ. Этотъ лукавый—нашъ засѣдатель“.

Викторъ Антоновичъ останавливался въ Обдорскѣ, въ большомъ домѣ мѣстнаго зажиточнаго купца-рыбопромышленника Чечурова. Туда, въ большой залъ, послѣ обѣдни, собрались два князя—обдорскій, Иванъ Тайшинъ, и кумеватскій, Семенъ Артанзіевъ, и многіе самоѣдскіе старшины. Всѣ они представили акты на разныя отличія. Тайшинъ и Артанзіевъ предъявили грамоты на княжеское достоинство, въ бархатныхъ переплетахъ, съ государственною печатью, въ особомъ серебряномъ-вызолоченномъ ковчегѣ, за собственноручною подписью императрицы Екатерины II. Князья одѣты были въ малиновые бархатные кафтаны, съ воротникомъ и полами, обшитыми золотымъ галуномъ, и въ парчевые полукафтаны; на поясахъ были кортики. Одинъ изъ старшинъ былъ крестникомъ одного изъ великихъ князей; онъ принялъ христіанство въ Петербургѣ. У него была особая пожалованная ему одежда; и, наконецъ, нѣсколько старшинъ имѣли также пожалованные имъ въ разное время кафтаны голубого, зеленаго и краснаго цвѣтовъ и также кортики.

Осмотрѣвъ эти знаки отличія, В. А. черезъ переводчика сказалъ собравшимся старшинамъ, что ему пріятно видѣть эти знаки, доказывающіе Высочайшую милость и вниманіе начальства къ заслугамъ старшинъ. Всѣ они поклонились. Затѣмъ губернаторъ спросилъ о нуждахъ подчиненныхъ имъ инородцевъ и поручилъ сопровождавшимъ его чиновникамъ записать заявленія старшинъ, для собранія свѣдѣній по предмету ихъ заявленій и обсужденія ихъ въ Тобольскѣ. Послѣ того В. А. заявилъ, что любовь и вниманіе Государя къ инородцамъ выразились посѣщеніемъ ихъ начальниками. Такъ, недавно главный начальникъ края, то-есть цѣлыхъ четырехъ губерній, посѣтилъ ихъ, чтобы узнать о ихъ нуждахъ; теперь же, съ такою же цѣлью, пріѣхалъ къ нимъ и онъ, губернаторъ. Старшины опять кланялись. Викторъ же Анто-

новичъ продолжалъ говорить, указавъ на то, что вниманіе къ инородцамъ выразилось и назначеніемъ въ ихъ край особаго окружного начальника, который представляетъ око губернатора на мѣстѣ. Старшины горячо благодарили за это, изъявляя и знаками большую радость, доказывавшую, что Г. А. Колпаковскимъ они очень довольны. Далѣе, В. А. говорилъ, что инородцы должны цѣнить это вниманіе къ нимъ и съ своей стороны содѣйствовать, чтобы усилія правительства имѣли полный успѣхъ. Это же можетъ быть достигнуто точнымъ исполненіемъ требованій и указаній начальства. „Сердце мое болѣло,—продолжалъ В. А., — когда я узналъ, что вашъ народъ посѣтило несчастіе, именно та болѣзнь, которая теперь распространена между вами по всѣмъ чумамъ. Я привезъ съ собою главнаго медика всей губерніи для того, чтобы придумать мѣры къ предупрежденію подобныхъ несчастій на будущее время. Поэтому, вы должны содѣйствовать съ своей стороны, исполняя указанія врача, который самъ съ вами переговоритъ и выслушаетъ всѣ ваши мѣстныя свѣдѣнія. Мнѣ извѣстно, что одно изъ главныхъ богатствъ вашихъ состоитъ въ оленяхъ, и на этотъ предметъ я обращаю особенное вниманіе. Когда были у васъ падежи оленей"? На это полученъ былъ отвѣтъ, что падежи были въ 1848 и 1853 гг. и по премуществу *на камнѣ* (вблизи Урала) — въ трехъ дняхъ пути отъ Обдорска. Тамъ остались кости павшаго скота, не бывшаго закопаннымъ. Поэтому В. А. указалъ, что князь Тайшинъ долженъ самъ отправиться вмѣстѣ съ засѣдателемъ на мѣсто нахожденія костей и распорядиться и тщательно наблюсти за тѣмъ, чтобы всѣ онѣ были закопаны глубоко въ землю.

Въ заключеніе В. А. роздалъ старшинамъ привезенные изъ Тобольска для нихъ подарки, состоявшіе изъ халатовъ, кубковъ изъ польскаго серебра, чайныхъ приборовъ и угостилъ ихъ и обдорскихъ чиновъ и гражданъ завтракомъ, на которомъ провозглашенъ былъ тостъ за Государя Императора. Князю Тайшину особенно понравилась наливка изъ черной смородины, и онъ раза два просилъ дать ему этого вкуснаго напитка. Во время завтрака В. А. спрашивалъ Тайшина: ходитъ ли въ церковь семья его? Онъ обѣщалъ на другой же день отправиться въ церковь съ женою и дочерью.

Послѣ завтрака дано было угощéніе самоѣдамъ и остякамъ, пріѣхавшимъ на ярмарку и стоявшимъ на улицѣ передъ домомъ Чечурова. Для этого было куплено нѣсколько живыхъ оленей, которые и переданы въ распоряженіе толпы инородцевъ.

Обѣдъ полудикаго народа былъ замѣчательно своеобразенъ.

Тотчасъ же появились у каждаго остяка и самоѣда въ рукахъ ножи, олени заколоты, въ нѣсколько минутъ сняты съ оленей шкуры и затѣмъ каждый изъ угощавшихся обѣдомъ отрѣзалъ себѣ окровавленными руками кусокъ мяса и, макая его въ кровь, скопившуюся въ полости убитаго животнаго, пожиралъ это сырое, окровавленное мясо съ особеннымъ наслажденіемъ, искусно подрѣзывая куски у рта подъ самымъ своимъ носомъ. При этомъ два казака раздавали инородцамъ хлѣбъ и водку.

На другой день по утру, по предложенію мѣстнаго священника, В. А. былъ на крестинахъ двухъ инородцевъ, изъявившихъ желаніе креститься. Одинъ изъ нихъ, котораго В. А. былъ воспріемникомъ, былъ родной братъ крестника великаго князя [1]). По возвращеніи отъ обѣдни и осмотра приходскаго училища, въ которомъ обучалось до 20 мальчиковъ, В. А. угостилъ чаемъ обратившихся въ христіанство и принималъ все семейство Тайшина. Тифозная горячка въ березовскомъ краѣ свирѣпствовала въ то время чрезвычайно сильно. При проѣздѣ В. А. во многихъ юртахъ находились больные, а въ Обдорскѣ, въ томъ домѣ, гдѣ онъ остановился, за нѣсколько передъ тѣмъ дней умерли двое дѣтей, а во время пребыванія В. А. въ домѣ лежали еще двое безъ надежды на выздоровленіе. Въ такомъ положеніи были почти всѣ дома въ Обдорскѣ. Получивъ объ этомъ свѣдѣнія еще въ Березовѣ, В. А. взялъ съ собою двухъ врачей, которые и подавали пособіе жителямъ. Горячки въ томъ краѣ появлялись довольно часто, а въ ту зиму въ округѣ умерло до тысячи человѣкъ. Но ужаснѣе горячки существуетъ тамъ мѣстная болѣзнь—сѣверная проказа (лепра). Она прилипчива и переходитъ отъ одного къ другому не только черезъ прикосновеніе, но и черезъ передачу вещей. Чаще всего она обнаруживается сперва на губахъ, которыя покрываются бѣлою кожицею, а у другихъ захватываетъ прямо внутренность рта и горла. Тогда голосъ зараженнаго дѣлается осиплымъ и остается такимъ на всю жизнь. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, больной страдаетъ несносною ломотою въ костяхъ, по всему тѣлу развиваются лишаи, нако-

[1]) По возвращеніи въ Тобольскъ, В. А. отправилъ въ Обдорскъ для своего крестника образъ Спасителя, золотой крестъ и халатъ, а для своей кумы, жены священника, шолковую матерію на ризки. Въ препроводительномъ съ этими вещами письмѣ къ священнику, В. А. просилъ священника, при передачѣ крестнику образа и креста, благословить его и объяснить, что крестъ и образъ суть только наружные признаки христіанства, но что крестникъ долженъ имѣть и образъ и крестъ Спасителя въ своемъ сердцѣ.

нецъ дѣлаются на костяхъ утолщенія, исчезаетъ носъ, а на тѣлѣ, и въ особенности на лицѣ, являются пятна и наросты.

Возстановивъ поколебленную власть губернатора во всей ея силѣ и неустанно работая и слѣдя за подчиненными органами управленія, В. А. Арцимовичъ въ 1856 году испытывалъ уже удовольствіе, видя приносимые его дѣятельностью плоды, выразившіеся въ значительномъ улучшеніи дѣятельности городской и земской полицій, непосредственно соприкасающихся съ народомъ, и въ правильныхъ и болѣе энергическихъ дѣйствіяхъ всѣхъ губернскихъ мѣстъ тобольской губерніи, составъ которыхъ онъ успѣлъ, съ большими трудностями, нѣсколько обновить, замѣнивъ нѣсколькихъ совѣтниковъ способными и хорошими работниками.

Тѣмъ не менѣе, дѣйствующія въ Сибири особыя учрежденія сильно тормазили ходъ дѣлъ по управленію губерніею, и В. А., въ маѣ мѣсяцѣ 1856 года, всесторонне разработалъ вопросъ о преобразованіи тобольскаго губернскаго правленія, какъ главнаго органа, завѣдывающаго полиціею всей губерніи.

Но представленію В. А. Арцимовича генералъ-губернаторъ не далъ дальнѣйшаго движенія, и оно такъ и заглохло въ архивѣ главнаго управленія. Между тѣмъ, еслибы оно осуществилось, губернаторъ, какъ высшій начальникъ полиціи, могъ имѣть бо́льшее и ближайшее вліяніе на часть полицейскую, и самое значеніе губернскаго правленія могло бы усилиться; оно пріобрѣло бы бо́льшее уваженіе отъ мѣстъ окружныхъ, потому что тогда власть надъ всѣми полицейскими чиновниками сосредоточивалась бы въ одномъ губернскомъ правленіи и не дробилась бы на-двое. Кромѣ того, дѣла губернскаго правленія получили бы тогда лучшее направленіе и болѣе правильный разборъ, и по нимъ постановлялись бы рѣшенія, а не мнѣнія или заключенія, подлежащія вторичному разсмотрѣнію.

ЭКЗОТИКИ

Романъ въ трехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XI *).

Баронесса Вертгеймъ послѣ знаменательнаго вечера у Герцлиха, когда онъ получилъ при ней извѣстіе о смерти жены, цѣлыхъ два дня ходила какъ въ чаду, а ночью просыпалась ежеминутно. Самъ баронъ уже недѣли двѣ зналъ, что его жена при смерти, но ни слова не говорилъ ей. Для нея оно явилось какъ ударъ. Случившееся было, конечно, событіемъ въ ея жизни—и крупнымъ, вліяющимъ на все существованіе. Конечно, она давно знала, что если баронъ овдовѣетъ, то онъ тотчасъ женится на ней... Но госпожа Герцлихъ здравствовала. И вдругъ самое невѣроятное, о чемъ и онъ, и она, изрѣдка мечтали, стало фактомъ, а не грёзой.

Нежданный переломъ въ жизни не помѣшалъ, однако, баронессѣ хлопотать все о томъ же мудреномъ дѣлѣ, гдѣ героями были—Загурскій, англичанинъ и Скритицына. Разумѣется, только первый заставлялъ ее близко принять все къ сердцу.

Баронесса позвала къ себѣ Эми, т.-е. попросила графиню Кору снова привезти молодую дѣвушку, и, не предупреждая ее, позвала къ себѣ и Френча. Съ другой стороны, не объясняя ничего англичанину, она постаралась, чтобъ онъ снова началъ надѣяться. Когда Френчъ обѣщалъ быть непремѣнно, баронесса на всякій случай позвала и Загурскаго.

Ей, какъ полководцу-стратегу, уже пришелъ въ голову планъ

*) См. выше: окт., 429 стр.

генеральнаго сраженія... Эми, напуганная тѣмъ, что̀ баронесса собралась ей объявить, окончательно даетъ слово бѣжать... Счастливый Френчъ извинится предъ Загурскимъ. Этотъ проститъ. И все уладится!

Едва только Эми появилась съ графиней, какъ баронесса принялась ей объяснять, что ея положеніе ужасное, что она на краю гибели, и одно спасеніе—скорѣе выходить замужъ, чтобы взять свое состояніе изъ рукъ дяди.

Эми, печальная и угнетенная, оживилась и изумленно поглядѣла на баронессу.

— Чѣмъ скорѣе вы выйдете замужъ и за кого бы то ни было, тѣмъ лучше,—говорила она рѣшительно.—Вашъ дядюшка на ваши деньги играетъ на биржѣ—и сильно. И чѣмъ это можетъ кончиться—никому неизвѣстно.

Лицо Эми стало вдругъ сурово. Баронессѣ показалось, что она разсердилась.

— Я считаю долгомъ вамъ сказать это, какъ другъ. И надо спѣшить. Это можетъ вдругъ кончиться погромомъ. Онъ останется при своихъ двухъ грошахъ. А вы тоже останетесь при этихъ грошахъ.

— Это клевета!—выговорила, наконецъ, Эми, вспыхнувъ.

— Клевета? Прекрасно! Черезъ недѣлю я вамъ дамъ доказательство, что это—сущая правда. Но знайте, что въ такихъ дѣлахъ всякій день дорогъ. Не было бы поздно.

Эми ничего не отвѣтила. Наступило молчаніе.

— Да. Просто жаль васъ,—снова заговорила баронесса.—Вы любите Френча, онъ васъ тоже. Вы сирота, стало быть независимы. Наконецъ, этимъ бракомъ вы можете спасти себя отъ нищеты.

Баронесса упорно и долго уговаривала Эми, и къ ней присоединилась, конечно, и графиня Кора, но Эми отмалчивалась, качала головой и повторяла на разные лады почти одно и то же.

— Такъ, вдругъ, я не могу... Я его люблю. Меня не страхъ гнѣва дяди останавливаетъ, а страхъ моей будущности. Тогда, прошлый разъ, я поступила необдуманно, рѣшаясь на бѣгство.

Разговоръ этотъ былъ прерванъ появленіемъ горничной, доложившей, что графъ Загурскій—какъ приказывала баронесса—прямо прошелъ къ ней въ кабинетъ и ожидаетъ ее. Баронесса тотчасъ вышла къ графу и нашла его, какъ всегда, веселымъ, безпечно улыбающимся.

— Очень вамъ благодаренъ, баронесса,—заговорилъ онъ, взявъ ея обѣ руки и поочередно но два раза поцѣловавъ ихъ.—

Franchement. Не охота подставлять свой лобъ подъ пистолетъ человѣка, хорошо стрѣляющаго. Я не трусъ, j'ai fait mes preuves. Но все-таки. Я жить еще хочу!

— Ужъ если не вамъ желать жить, такъ кому же?—отвѣтила баронесса.—Если не ваша жизнь красна и должна длиться долго, то чья же тогда? Да и потомъ, вы нужны другимъ... Есть личности, которыя готовы покуситься на самоубійство, если съ вами приключится несчастіе. А это много значитъ!

— Ну, это, баронесса, послѣднее дѣло! Нѣтъ ни одного молодого человѣка, у котораго бы не было такой женщины. Вѣдь вы говорите про женщинъ? Друзей у меня нѣтъ. Я не съумѣлъ ихъ пріобрѣсти.

— А я?...

— Вы?.. Да... Но вы женщина.—И графъ подумалъ:—„Ты тоже влюблена въ меня".—И прибавилъ:—Однако, перейдемте къ дѣлу! Вы ждете Френча сейчасъ? И думаете, что онъ извинится...

Баронесса посмотрѣла на часы и отвѣтила:

— Да, онъ даже долженъ былъ быть немножко раньше. Вѣроятно, онъ сейчасъ же явится.

Баронесса не успѣла произнести этихъ словъ, какъ дверь отворилась и появился лакей, доложившій о Френчѣ. Она тотчасъ пошла въ гостиную.

— Это очень мило,—заговорила она, когда они сѣли.—Я думала, вы заупрямитесь. Я хочу, чтобы вы видѣлись.

— Нѣтъ, баронесса. Я явился по вашему приказанію, но видѣть mam'zelle Amy я не хочу.

— Послушайте. Это нелѣпое упрямство. Подобное поведеніе уже никакъ не приведетъ насъ къ цѣли.

И баронесса начала убѣждать Френча, что онъ долженъ видѣться и переговорить съ Эми. Англичанинъ спокойно и холодно отвѣтилъ два раза: „Нѣтъ"!—и по его голосу чувствовалось, что это безповоротно.

— Когда же вашъ поединокъ? — спросила она трусливо и уже начиная сомнѣваться въ успѣхѣ.

— Не знаю. Я хочу прежде видѣться съ графомъ.

— Да! Видѣться?.. Зачѣмъ? Когда?

— Простите, баронесса... Это — мое дѣло.

— Но я спрашиваю, потому что... Хотите вы его видѣть сегодня...

— Да. Конечно.

— Онъ здѣсь, monsieur Френчъ.

— Здѣсь? У васъ?

— Хотите сейчасъ видѣть его?

— Да.

— Стало быть, вы, наконецъ, согласны... Вы рѣшитесь...

— Простите, предоставьте это мнѣ... намъ двоимъ. Мы сейчасъ повидаемся, объяснимся—и все дѣло кончится.

— Браво! Отлично!

Баронесса поднялась, отворила дверь, прошла комнату, отворила вторую дверь и выговорила:

— Графъ, г. Френчъ здѣсь, и если вы желаете съ нимъ видѣться, то пожалуйте!

Френчъ слышалъ эту фразу, но не слыхалъ отвѣта Загурскаго. Баронесса, простоявъ нѣсколько мгновеній въ дверяхъ, какъ бы колеблясь, быстро вернулась къ Френчу, не затворяя за собою дверей, и выговорила:

— М-г Френчъ, мнѣ кажется... Конечно, это пустяки, подробность. Un détail insignifiant... Вы должны пройти въ ту комнату, гдѣ графъ Загурскій, а не онъ придти сюда.

И баронесса улыбнулась добродушно, но въ то же время какъ бы обращаясь съ просьбой.

— Совершенная, сущая правда, баронесса! Если бы мнѣ это пришло на умъ, то я бы первый предложилъ это. Тысячу разъ правы вы, и правъ графъ... Позвольте!

И Френчъ, пройдя обѣ двери и затворивъ послѣднюю за собой, очутился предъ стоящимъ среди комнаты Загурскимъ съ цилиндромъ въ рукѣ и въ перчаткахъ. Френчъ остановился около дверей, поклонился кивкомъ головы. Графъ сдѣлалъ тоже.

— Я являюсь сюда по просьбѣ добрѣйшей баронессы, которая вмѣшалась въ наше съ вами дѣло съ самыми благими намѣреніями.

— Я точно также, г. Френчъ! Я надѣюсь, что вы не заподозрите меня въ томъ, что я просилъ...

— О, никогда! Возможно ли это! Ни вы, ни я—мы никого ни о чемъ не просили. Но я знаю, что за меня просила молодая и милая личность.

— За это искреннее объясненіе, г. Френчъ, я отвѣчу искренностью... За меня тоже просила баронессу милая и близкая мнѣ личность.

— Итакъ, графъ, по желанію этихъ дамъ, я долженъ здѣсь извиниться предъ вами, что самымъ безсмысленнымъ образомъ, Богъ вѣсть почему, оскорбилъ васъ. На самую простую фразу, брошенную подъ музыку среди оживленнаго бала, я отвѣчалъ оскорбленіемъ. Въ головѣ вашей тогда были вальсы, польки,

туры, ордена и всякій вздоръ котильонный. Вы сказали что-то, чего, вѣроятно, и сами не сознавали и даже не слыхали. И вотъ теперь, съ глазу на глазъ, я имѣю честь покорнѣйше просить васъ извинить меня, простить. Я считаю, что глупѣе я никогда не поступалъ, какъ въ этотъ несчастный вечеръ. Если вы пожелаете когда-либо, чтобы я извинился предъ вами публично, предъ всѣми назвалъ себя легкомысленнымъ, то я и это сдѣлаю. Но, графъ, врядъ ли это будетъ возможно. Помимо теперешняго моего извиненія, вы никогда другого не получите, потому что я не все еще сказалъ. Извиниться—я извинился, почесть свой поступокъ безсмысленнымъ—тоже счелъ, но при этомъ я прошу васъ поступить со мной настоящимъ джентльменомъ. Дайте мнѣ ваше честное слово, что вы послѣ моего извиненія исполните одну мою просьбу. Даете ли вы мнѣ слово?

— Съ большой охотой! Даю честное слово! Все, что̀ прикажете, и все, что̀ въ предѣлахъ возможности.

— Вы должны, графъ, назначить мнѣ день и часъ, хотя бы черезъ недѣлю и болѣе, какъ вамъ позволятъ ваши личныя дѣла... Назначить мнѣ день и часъ и мѣсто — городокъ на границѣ Бельгіи или Швейцаріи. И въ назначенное вами время въ назначенномъ мѣстѣ мы должны драться на условіяхъ, которыя будутъ выяснены секундантами. Поединокъ нашъ долженъ быть серьезный.

— Признаюсь, г. Френчъ,—началъ графъ, точно также улыбаясь, какъ и всегда, какъ если бы дѣло шло о гонкѣ на велосипедѣ.—Я не понимаю ничего...

— Очень просто, графъ! Я извинился съ удовольствіемъ, потому что дѣйствительно считаю себя виновнымъ, считаю дѣйствительно мой поступокъ безсмысленнымъ, но драться съ вами я хочу, я обязанъ. Убивать васъ стараться—не знаю, не думаю... Можетъ быть... Сопернику не говорятъ предъ дуэлью, что въ него цѣлить не будутъ, что онъ въ безопасности—это очень наивно, если его выстрѣлъ второй. Я говорю, не знаю... можетъ быть... Но вы должны стрѣлять и стараться меня убить. Если я останусь цѣлъ и невредимъ, то мы будемъ драться снова и... не говорите—нѣтъ! Это глупо! Нѣтъ того порядочнаго человѣка, котораго бы нельзя было заставить драться. А ужъ такого, какъ вы, конечно, легко заставить драться хоть десять разъ. Вотъ все, что̀ я имѣю вамъ сказать! Итакъ, вы мнѣ дали честное слово; извольте мнѣ сейчасъ же назначить, когда и гдѣ и какъ все это состоится?

Загурскій хотѣлъ что-то сказать, что-то спросить, но потомъ вдругъ опомнился, сдѣлалъ рѣзкій жестъ и вымолвилъ:

— Впрочемъ, что-жъ, ваше дѣло! Я далъ слово, вотъ мой отвѣтъ: около Бельгарда за версту есть прелестное мѣстечко, находящееся уже на швейцарской территоріи, въ кантонѣ женевскомъ. Это мѣстечко находится какъ разъ на крутомъ берегу Роны.

— Я это мѣстечко знаю, графъ. Когда вы будете тамъ?

— Навѣрное? Въ будущую субботу около полудня.

— Благодарю васъ и вполнѣ увѣренъ, что если вы будете живы, то въ субботу въ двѣнадцать часовъ вы будете на мѣстѣ. Позвольте просить васъ сохранить все въ тайнѣ, и ничего не объяснять баронессѣ.

— Но это невозможно!—воскликнулъ Загурскій.

— Вы ей скажете, что я извинился. И это правда.

— Да, такъ... другое дѣло! — воскликнулъ Загурскій и разсмѣялся звонко и добродушно, какъ если бы ему разсказали какой-нибудь самый смѣшной анекдотъ.

Оба раскланялись издали, оставшись на томъ же разстояніи, и Френчъ вернулся въ ту же комнату, гдѣ его ждала баронесса. Черезъ пять минутъ, снова отказавшись видѣться съ Эми, Френчъ, ничего не объясняя, но изысканно вѣжливо поцѣловавъ два раза протянутую ему руку, вышелъ изъ дома.

Баронесса поняла, что все уладилось. Загурскій подтвердилъ это и далъ даже честное слово, что Френчъ извинился.

XII.

Между тѣмъ срокъ, положенный для того, чтобы письменно и формально отказаться отъ руки Эми, уже истекалъ. А угроза оставалась въ силѣ. Дю-Кло выбивался изъ силъ, рыскалъ и хлопоталъ, перевидѣлъ массу людей, но результата не добился никакого. Враговъ Френча онъ не видалъ... Всѣ относились холодно или благодушно... Кто былъ дѣйствующее лицо—отгадать было невозможно... Кого ѣхать умолять—никто не зналъ.

Въ послѣдній день до полуночи пробылъ Френчъ дома, тщетно ожидая Дю-Кло, и, какъ аккуратный англичанинъ, ровно въ полночь сѣлъ за письменный столъ и написалъ нѣсколько строкъ. Это была записка къ Эми по-англійски:

„Miss Amy,—не такъ давно я сказалъ вамъ, что люблю васъ и люблю первый разъ въ жизни. Я хотѣлъ посвятить вамъ всю

мою жизнь. Вы отвѣчали мнѣ, что раздѣляете мое чувство. Я сталъ счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, но это счастіе продолжалось недолго. Вы объяснились съ вашимъ опекуномъ, получили отказъ отъ него, а дѣйствовать энергично по собственной волѣ вы не рѣшились. Я понимаю васъ и не обвиняю. Пишу вамъ, чтобы сказать:—прощайте навсегда! Когда вы получите это письмо, меня въ Парижѣ уже не будетъ, а черезъ нѣсколько дней вы узнаете, какая постигла меня судьба.—Вамъ глубоко преданный—Ліонель Френчъ".

Когда письмо это было уже въ конвертѣ и адресъ Эми надписанъ, Френчъ собрался, несмотря на второй часъ ночи, выйти немного погулять въ Елисейскихъ-Поляхъ и подышать воздухомъ, такъ какъ чувствовалъ себя дурно отъ страшнаго волненія, въ которомъ провелъ весь день. Но едва только онъ собрался выйти, какъ раздался звонокъ и появился Дю-Кло.

— Ничего сдѣлать нельзя!—заявилъ онъ.—Крайне сожалѣю! Я употребилъ всѣ усилія и не добился ничего.

Френчъ опустилъ голову и выговорилъ едва слышно.

— Что же?! Я этого ожидалъ!

— Обидно то, что срокъ кратокъ... Я увѣренъ, что еслибы у насъ было время еще около недѣли, то мы добились бы согласія на ваше предложеніе. Но такъ спѣшно это оказалось немыслимымъ. Тѣ, которые должны согласиться на ваше предложеніе, должны были посовѣтоваться съ кѣмъ-то, а на это надо время. Вообще, всѣ удивляются и подозрѣваютъ васъ. Какіе у васъ мотивы, чтобы въ такомъ дѣлѣ давать такъ мало времени?

— Да вѣдь они же,—воскликнулъ Френчъ,—поставили срокъ этотъ? Они же хотятъ меня завтра утромъ арестовать?

— Повторяю вамъ, что̀ говорилъ уже вчера. Они только согласились на это, и подъ какимъ-то внѣшнимъ давленіемъ, какъ бы по неволѣ, передали дѣло по довѣренности. Они удивляются, что тотъ, который за это взялся, спѣшитъ, и подозрѣваютъ, что вы спѣшите. И только себѣ вредите, ибо переговорить, посовѣтоваться, обсудить все—времени не даете.

Послѣ молчанія въ продолженіе нѣсколькихъ мгновеній Дю-Кло развелъ руками и выговорилъ:

— Вотъ!..

Френчъ пожелалъ снова слышать отъ него подтвержденіе того, что онъ согласенъ ѣхать на границу Швейцаріи въ качествѣ секунданта.

— Я же вамъ далъ слово!—отозвался Дю-Кло.

Френчъ пожалъ ему руку, поблагодарилъ машинально, и

когда гость скрылся за наружными дверями, онъ опустился на стулъ въ столовой. Въ двѣнадцать часовъ ночи, когда онъ сѣлъ писать письмо Эми, онъ зналъ, что все кончено, что фортуна противъ него. Но все-таки, вѣроятно, былъ лучъ надежды, почти не сознаваемый. Теперь же и этотъ маленькій лучъ померкъ!.. И та темнота, которая царила въ небольшой столовой, была свѣтомъ сравнительно съ той нравственной тьмой, которая заволокла душу и всѣ помыслы молодого человѣка.

„Конецъ всему! Конецъ существованію. Въ двадцать-семь лѣтъ!—думалъ и шепталъ онъ.—А давно ли я былъ убѣжденъ, что выбрался съ проселка на торную, широкую дорогу. И впереди сіяло яркое солнце. Ко мнѣ простирала объятія любимая женщина и любящая... Въ ея образѣ неслась ко мнѣ на встрѣчу фортуна, сіяющая какъ радуга и несущая всѣ блага земныя. А съ ними—долгое, счастливое и спокойное существованіе на землѣ. Теперь все померкло... Могильная тьма и могильный холодъ! А рѣшись Эми завтра утромъ бѣжать, все было бы снова спасено“!..

На другой день въ десять часовъ утра письмо Френча было тайно передано горничной Эми, которая еще спала. Френчъ рѣшился ждать до полудня, но ждать какъ на угольяхъ. Каждую минуту могли явиться личности, облеченныя властью, и въ первомъ попавшемся фіакрѣ отвезти его туда, гдѣ будетъ ожидать его позорный столбъ и нравственная смерть.

Френчъ сѣлъ у окна и сталъ наблюдать за всѣми экипажами, которые останавливались около ихъ дома. Планъ его былъ простой.

Если онъ увидитъ сомнительныхъ господъ около дверей дома, то немедленно покинетъ свою квартиру и спрячется этажемъ ниже, въ пустой, незанятой квартирѣ и, пропустивъ ихъ вверхъ, выйдетъ на улицу. Но онъ все еще надѣялся. Эми, получивъ его письмо, дастъ знать ему при помощи ихъ семафора, что она рѣшается на отчаянный шагъ.

„Не можетъ быть—конецъ всему“!

Онъ лихорадочнымъ взглядомъ смотрѣлъ то внизъ, на тротуаръ, не подходятъ ли сомнительныя личности, т.-е. полицейскіе, то на окна квартиры Эми. Неужели не появится хоть какого-нибудь значка?!

Увы! Извѣстно, что въ человѣческой жизни, въ самыхъ важныхъ дѣлахъ и вопросахъ, даже въ историческихъ событіяхъ огромнаго значенія, первенствуетъ и рѣшаетъ всевластный, всесильный, маленькій атомъ, крошечный отвлеченный микробъ. Имя ему—случай. И этотъ микробъ настолько всемогущъ, что,

быть можетъ, онъ—творецъ того шара, который называется земнымъ, и на которомъ страдаетъ человѣчество невѣдомо отчего и невѣдомо для чего...

Эми, измученная нравственно за нѣсколько дней, совершенно не спавшая всю ночь, встававшая нѣсколько разъ и бродившая по своей спальнѣ, не находя себѣ мѣста, заснула глубокимъ и почти болѣзненнымъ сномъ. Однако она твердила себѣ самой: —Я рѣшусь... Я боюсь раскаянія больше, чѣмъ будущей дѣйствительности, если я ошибусь. Если я рѣшусь, то, быть можетъ, я буду мучиться всю жизнь, но я не буду жалѣть и упрекать себя въ неразумiи и слабоволiи.

Около часу молодая дѣвушка проснулась. При видѣ горничной съ письмомъ, она соскочила съ постели, въ двѣ или три секунды прочла письмо, бросилась къ своему комоду и, схвативъ красный платокъ, повѣсила его на стеклѣ оконной рамы. Затѣмъ отъ волненія она стала искать еще что-нибудь красное, чтобы усилить значеніе своего отвѣта. Она кликнула горничную и спросила, нѣтъ ли еще чего-нибудь краснаго...

— Найди... Скорѣй... Что-нибудь!..

Горничная, видя ея лицо, бросилась искать. Перерывъ все въ комодѣ, она достала нѣсколько пунцовыхъ лентъ. Эми схватила ихъ и стала развѣшивать по всему окну. Это было не такое „да“, какія бывали прежде. Все окно было теперь красное. И Эми, волнуясь, смотрѣла на его окна. Но тамъ не появлялось ничего.

Прошло минутъ десять ожиданія. Прошло полчаса, уже превратившихъ душевное состояніе Эми въ пытку. Наконецъ, прошло еще полчаса простого, тупого и безсмысленнаго ожиданія. Эми позвала горничную и глухимъ голосомъ приказала ей идти на квартиру Френча, чтобы спросить, дома ли онъ,—хотя эта справка казалась ей безсмысленной.

Горничная вернулась смущенная, даже перепуганная и объяснила барышнѣ, что г. Френчъ вышелъ изъ квартиры еще до двѣнадцати часовъ. Но главное—не это. Главное заключается въ томъ, что около полудня въ его квартиру явилась полиція, чтобы его арестовать. Не найдя его, эти трое агентовъ сидятъ и теперь въ квартирѣ, въ ожиданіи его возвращенія, но шутятъ между собой, что начальство ихъ дало маху, и что г. Френчъ перехитрилъ.

Консьержъ думаетъ, что квартирантъ врядъ ли явится обратно, такъ какъ въ каминѣ много слѣдовъ сожжённыхъ бумагъ; осталась въ квартирѣ только мебель и платье, а все важное исчезло.

Въ ящикахъ его письменнаго стола все вынуто. Однимъ словомъ, по всему видно, что г. Френчъ бѣжалъ отъ полиціи.

Эми разсмѣялась, услыхавъ подобное предположеніе, и начала смѣяться все сильнѣе, все веселѣе... Наконецъ, хохотъ ея превратился во что-то такое страшное, дикое, съ такими криками, что Дубовскій, сидѣвшій довольно далеко за писаніемъ писемъ, услыхалъ, вскочилъ и со всѣхъ ногъ бросился въ спальню племянницы. У Эми былъ самый сильный истерическій припадокъ. Черезъ часъ она была уже въ постели, а князь послалъ за двумя докторами. Мгновеніями ему казалось, что Эми несомнѣнно помѣшалась.

Френчъ былъ, конечно, въ Парижѣ, но на окраинѣ города, въ простой crémerie, у старика, преданнаго ему человѣка, и рѣшилъ скрываться тутъ до дня, назначеннаго для поединка. Разумѣется, случай съ элегантнымъ и блестящимъ молодымъ человѣкомъ, котораго хорошо знали въ высшемъ обществѣ сенъ-жерменскаго предмѣстья и интернаціональнаго круга, сильно поразилъ всѣхъ и французовъ, и экзотиковъ. Вѣсть, что онъ долженъ былъ быть арестованъ за какое-то мошенничество, и что онъ спасся бѣгствомъ, облетѣла всѣхъ быстро, но почти никто вѣрить не хотѣлъ. Только Дубовскій повѣрилъ сразу и говорилъ всѣмъ:

— Въ странныя времена мы живемъ! Странный этотъ городъ Парижъ!

На что̀ виконтъ Кергаренъ замѣтилъ:

— Времена, конечно... вы правы. Но Парижъ тутъ ни при чемъ. Теперь только у кафровъ, готтентотовъ или папуасовъ не бываетъ подобныхъ случаевъ. Любовь, честь и религія вытѣсняются все болѣе и болѣе наслѣдіемъ нѣкоторыхъ геніевъ и великихъ людей, которое мы получили.

— Какъ! великихъ людей?..

— Да. Стефенсоновъ, Гутенберговъ, Шопенгауэровъ, да и разныхъ иныхъ...

Вмѣстѣ съ тѣмъ распространилась молва, что молоденькая русская, которую всѣ любили, опасно заболѣла простудой, смѣшанной съ чѣмъ-то нервнымъ. За исключеніемъ пяти-шести лицъ, никто не зналъ, что эта болѣзнь находится въ связи съ бѣгствомъ и исчезновеніемъ красиваго англичанина.

Когда вѣсть достигла графа Загурскаго, онъ былъ пораженъ страшно, и взволновался болѣе всѣхъ. Ему вдругъ приходилось рѣшить важнѣйшій вопросъ и щекотливый. Онъ долженъ драться съ Френчемъ! Онъ далъ честное слово быть въ субботу около

Бельгарда. А между тѣмъ, дерутся ли порядочные люди съ такими людьми, которыхъ арестовываютъ за дѣяніе, именуемое по-французски: escroquerie?

„Ѣхать въ Швейцарію драться, или нѣтъ“?—задалъ себѣ вопросъ Загурскій.

XIII.

Грёзевская головка просто преслѣдовала хладнокровнаго Адріана Николаевича Рудокопова цѣлыя сутки.

Думая о дѣвочкѣ-дѣвушкѣ, которую изъ жалости надо спасти отъ безнравственнаго испанца, онъ невольно вспоминалъ глаза, взглядъ этого своего найденыша среди Парижа.

— Въ нихъ, этихъ свѣтлыхъ, свѣтлѣйшихъ глазахъ есть что-то, чего не назовешь...

И вдругъ на утро, собираясь на свиданіе, Рудокоповъ испугался.

— А если она не явится?! Пропадетъ!

И послѣ недолгаго размышленія онъ сказалъ вслухъ:

— Что ты, Адріанъ, съ ума, что-ли, спятилъ?

Выѣхавъ отъ себя нѣсколько позже условленнаго времени, будто на смѣхъ себѣ самому, онъ двинулся на кругъ Елисейскихъ-Полей. Выйдя изъ кареты, онъ тотчасъ увидѣлъ дѣвушку, издали совсѣмъ дѣвочку.

— Слава Богу! Какъ я счастлива!—воскликнула она, бросаясь къ нему.

— Хотите ходить или сѣсть?—спросилъ онъ, стараясь быть холоднѣе и не напускать на себя „дури“.

— Лучше сядемте. Я устала... Я сегодня встала въ пять часовъ, чтобы, покуда мать спитъ, сбѣгать тихонько въ улицу Poissonnière. Тамъ въ модномъ магазинѣ „La Parisienne“ мнѣ кузина обѣщаетъ мѣсто съ большимъ жалованьемъ. Пятьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ. Подумайте!

— Ну и что же?—спросилъ Рудокоповъ, садясь на первую же скамейку.

— Взяли бы... Знаютъ чрезъ кузину, что я усердная и скромная... Да вотъ мама... Помогите мнѣ!

— Хорошо. Но надо мнѣ знать всѣ подробности... Какъ васъ зовутъ?

— Claire Fournier... Clairette...

И Рудокоповъ разспросилъ эту убогую свѣтлоглазую Клэретту, толково и подробно, обо всѣхъ ея дѣлахъ и горестяхъ. И онъ ахнулъ мысленно. Онъ ошибся. И грубо ошибся.

Это не былъ цвѣтокъ еще не распустившійся и уже увядшій... а былъ цвѣтокъ самый чистый, свѣжій, пахучій, полный задатковъ для скораго и пышнаго расцвѣта... Даже онъ—наканунѣ этого расцвѣтанія, если не хватитъ морозъ, если не изомнетъ его праздная и грязная рука прохожаго.

Медикъ, скептикъ, пессимистъ, брюзга, Адріанъ Николаевичъ слушалъ повѣсть злоключеній дѣвушки-дѣвочки, „съ какой-то правдой“ въ глазахъ и узналъ повѣсть самую неинтересную, банально-простую, глупую, пошлую и ужасную... Онъ слушалъ и все болѣе любилъ этого найденыша на парижской мостовой. За что—трудно сказать. Да вотъ за эту „правду“ въ глазахъ. За ту душевную чистоту, которая властна, покоряетъ себѣ...

Клэретта родилась въ Парижѣ и провела дѣтство, играя среди переулка невдалекѣ отъ кабака, вертепа и полицейскаго участка...

Грязь мірка—много грязнѣе улицы, въ которой родилась Клэретта,—не коснулась ея ни на волосъ. Она страстно защищалась отъ нея съ рожденія, и не знала этого. Она была очень умна отъ природы, съ золотымъ сердцемъ, и не знала этого. Считая зло—зломъ, она просила прощенія у всѣхъ, извиняясь тѣмъ, что она—дурочка. Повѣсть ея была проста и кратка.

Нищета... Отецъ умеръ... Мать не работаетъ, потому что отовсюду ее выгоняютъ. Она пьетъ запоемъ... Когда она пьяна, то надо изъ дому, т.-е. изъ мансарды, уходить на улицу—днемъ; ночью надо ночевать на лѣстницѣ, или изъ милости на полу у консьержки, потому что мать можетъ съ пьянаго безумья убить чѣмъ попало. Когда она трезва, то отъ зари до зари ругаетъ ее, попрекаетъ въ дармоѣдствѣ и посылаетъ faire de l'argent. О мѣстѣ она и слышать не хочетъ! Пятьдесятъ, даже сто франковъ?! Да это идіотство, когда дѣвочка не уродъ. Сто франковъ не за тридцать дней работы, а за одинъ вечеръ можно имѣть. И за какой трудъ? За то, чтобы поужинать въ лучшемъ ресторанѣ съ шампанскимъ.

Вотъ уже съ полгода дочь тихо, наивно, но упорно борется. Но надо, наконецъ, уступить...

Она брала мѣста уже четыре раза. Мать является пьяная, дѣлаетъ скандалы хозяевамъ и требуетъ дочь къ себѣ. Конечно, ее гонятъ. Жалѣютъ, но разсчитываютъ, чтобы не имѣть дѣло съ пьяной грубіянкой.

Выслушавъ все, Рудокоповъ выговорилъ твердо:

— Завтра я буду у васъ. А послѣ-завтра мы придумаемъ, что дѣлать. Я васъ не оставлю. Ни за что!..

— Oh, mon bon monsieur!—снова заплакала Клэретта, и свѣтлые глаза ея договорили, какъ глубоко она счастлива.

— Да... Мы забыли... Главное... Какъ вы знаете этого герцога?.. На улицѣ встрѣтились?..

— Какого герцога?

— Ну, Боже мой, этого стараго, что̀ вчера былъ съ вами въ кафе́?

— Онъ не герцогъ. Что̀ вы!.. Онъ—содержатель... Какъ это называется? Un loueur de remises. У него каретный дворъ. Но деньги у него, конечно, большія.

— Что̀? Что̀-о?—воскликнулъ Рудокоповъ. — Онъ это вамъ сказалъ, такъ рекомендовался?

— Да...

— Вы съ нимъ на улицѣ познакомились?

— Нѣтъ. У насъ бываетъ m-me Jacquot... Богъ ее знаетъ, кто она. Мама ее очень любитъ и уважаетъ. Я ее не люблю за то, что она тоже вторитъ матери, что я не должна поступать на мѣсто... Потомъ она иногда напаиваетъ мать... Она недавно и привела къ намъ въ гости этого monsieur Jean... Фамилія его—Domingo. Иностранная фамилія. Онъ вѣдь испанецъ. Онъ себя называетъ Juan. Ну, вотъ, съ этого дня онъ за мной заходитъ, и мы идемъ гулять... И онъ начинаетъ приставать, чтобы я скорѣе рѣшалась. Онъ обѣщаетъ матери сейчасъ же дать тысячу франковъ, а меня одѣть во все новое... Въ томъ же магазинѣ все купить—„A la Parisienne“. Тамъ изъ-за моей кузины дешевле все можно имѣть.

— А-я-яй! А-я-яй!—вырвалось у Рудокопова.—Какъ захвораешь, да буду лечить,—уморю! —проговорилъ онъ вслухъ по-русски.

— Que dites-vous?—удивилась она.

— Стрихнину ему закачу, — снова по-русски и серьезнымъ голосомъ проговорилъ Рудокоповъ, и прибавилъ:—Ну, слушайте меня... Какъ ваша фамилія, во-первыхъ?

— Я уже сказала вамъ. Вы забыли. Фурнье́.

— А вашъ адресъ?

— Rue de la Goutte d'Or, 120.

— Дикое названіе... Золотая Капля? Ну, а имя ваше?

— Я тоже вамъ уже сказала. Clairette.

— И оно, имя это, идетъ къ вамъ. Къ вашему милому свѣтлому личику, свѣтящимся глазамъ. Ну, послушайте, Clairette. Завтра я буду у вашей матери и обѣщаю ей то же, что̀ и этотъ мерзавецъ. Только не въ „A la Parisienne“, а гдѣ ни на есть. За-

тѣмъ, все, въ чемъ мы съ вашей матерью будемъ уговариваться,— вы не вѣрьте... Я буду врать. Я вамъ найду мѣсто, должность... Мать васъ не найдетъ, чтобы скандалы дѣлать. Затѣмъ вы будете знать мой адресъ, и каждый разъ, какъ вамъ будетъ что̀ нужно, вы приходите или напишите... Ну, да это все послѣ обсудимъ... А покуда вотъ вамъ мое рѣшеніе и обѣщаніе. Слѣдовательно, успокойтесь. Только дайте мнѣ слово больше съ герцогомъ не выходить гулять.

— Съ какимъ герцогомъ?

— Ну, я такъ зову въ шутку это пугало—вашего Доминго. Ну, а теперь мнѣ пора домой. Поѣдемте. Я вамъ покажу, гдѣ я живу, а затѣмъ фіакръ довезетъ васъ домой. Мнѣ пора. Надо переодѣваться, чтобы ѣхать въ гости обѣдать.

— Какой вы счастливый!

— Какъ?.. Чѣмъ? Что въ гости ѣду?..

— Обѣдать отправитесь... Я ужъ сколько дней только двумя булками пробавляюсь... А этотъ Доминго меня все мороженымъ да какимъ-то крѣпкимъ питьемъ угощаетъ.

Рудокоповъ, вставшій уже со скамьи, стоялъ слегка разиня ротъ и глядѣлъ въ лицо Клэретты. Затѣмъ онъ полѣзъ въ карманъ, досталъ портмонѐ и вынулъ двадцать франковъ.

— Вотъ вамъ. Пріѣдете домой, сейчасъ же идите обѣдать куда-нибудь.

— Что̀ вы!..—смутилась и покраснѣла Клэретта.—На чужія деньги!.. Ни...

Рудокоповъ опѣшилъ... Онъ собрался просить, но она предупредила его.

— Ни за что! Ни за что на свѣтѣ. И не просите.

Онъ сталъ уговаривать ее, но она упорно стояла на своемъ.

— Это безсмысленно! Взять для ресторана денегъ нельзя, а взять тысячу франковъ можно! Вѣдь вы согласились, чтобы я уплатилъ эту сумму вашей матери, чтобы она васъ оставила въ покоѣ.

— Это—другое дѣло... То не мнѣ... Да я и сама не знаю!.. Еслибъ, вотъ, Доминго далъ мнѣ денегъ на обѣдъ, я бы взяла, хотя бы какъ уплату за тоску гулять съ нимъ и слушать его объясненія въ любви. Но отъ васъ мнѣ стыдно. Вы мнѣ нравитесь...

— Оттого и надо взять,—усмѣхнулся Рудокоповъ.

Клэретта мотнула головой и стала своими будто прозрачными голубыми глазами смотрѣть въ небо, очевидно, думая о чемъ-то, что̀ вдругъ пришло ей на умъ.

— Странно!.. — пролепетала она будто себѣ самой. — Вотъ еслибы на мѣстѣ Доминго были вы...

— Ну, возьмите пять франковъ, три... Только на сегодняшній обѣдъ.

— Пять сантимовъ не возьму.

— Да вѣдь вы голодны, бѣдная!

— И еще какъ! — разсмѣялась Клэретта. A me ronger les ongles.

Рудокоповъ будто колебался, но при этихъ словахъ вымолвилъ отчаянно, какъ еслибы рѣшался на какой исключительный шагъ:

— Вы примете мое приглашеніе вмѣстѣ обѣдать гдѣ-нибудь?

— Oh, oui! oui!— чуть не подпрыгнула Клэретта.

— Такъ ѣдемте!..—И Рудокоповъ прибавилъ по-русски:—Да! Вотъ и не плюй въ колодезь.

Чрезъ минуту Клэретта радостно болтала въ каретѣ и объясняла что-то. Рудокоповъ не слушалъ и сидѣлъ насупившись.

— Чертовскій городъ! Я, Адріанъ, да вдругъ ѣду съ уличной дѣвочкой въ трактиръ обѣдать. Тьфу!

И онъ задумался, философствуя на эту тэму.

— Je n'ai pas de chance... Другія—счастливыя... Вотъ, что живутъ въ деревняхъ. А я неудачница, да еще и дура... Une sotte primée poursuivie par la guigne et la dèche, — говоритъ мнѣ мать. Со мной все худое творится...

— Какая вы глупая или неудачница?! Вздоръ! — отозвался онъ.—Это—Парижъ! Вы, просто, щепочка, или... une épave de Paris.

Клэретта поняла и разсмѣялась.

— Такъ подымите cette épave, и положите въ карманъ.

— Я подниму и отложу въ сторону, туда, гдѣ нѣтъ прохожихъ...

XIV.

Однажды рано утромъ, около десяти часовъ, въ домѣ баронессы Вертгеймъ появилась графиня Кора, пріѣхавшая въ простомъ фіакрѣ. Люди еще убирали комнаты и не мало удивились появленію гостьи. Горничная заявила, что баронесса еще не звонила, стало быть не просыпалась.

На просьбу графини разбудить барыню, горничная, смущаясь, отказалась, говоря, что, живя три года въ домѣ, никогда еще этого не дѣлала безъ особаго приказа самой баронессы.

— Mademoiselle Lina?—спросила графиня.

— Барышня у себя.

Графиня быстро направилась въ комнату Кисъ-Кисъ. И теперь только люди замѣтили, что явившаяся спозаранку графиня взволнована и необычно сумрачна.

Войдя къ молоденькой баронессѣ, графиня даже не поздоровалась съ ней, а выговорила глухо:

— Кисъ-Кисъ! Идите будить мамà. Скажите—я здѣсь. Очень, очень важное дѣло... Ужасное дѣло.

Лина сразу увидѣла по измѣнившемуся лицу графини, что дѣло дѣйствительно важное, и тотчасъ же отправилась въ спальню матери... Графиня осталась среди комнаты какъ истуканъ и ждала не садясь и даже не шелохнувшись.

Дыханіе ея было тяжело и прерывисто, какъ если бы она вбѣжала по лѣстницѣ.

Лина явилась чрезъ минуту съ отвѣтомъ.

— Мамà проситъ васъ войти. Она—въ постели, но если дѣло...

Графиня не дала ей договорить и двинулась.

Войдя въ спальню баронессы, она остановилась на половинѣ комнаты и громко вымолвила, почти выкрикнула:

— *Онъ* уѣхалъ... Вдругъ. На югъ. Не предупредивъ, не сказавъ...

Баронесса быстро поднялась и сѣла въ постели.

— Когда?—тихо и глухо спросила она...

— Сегодня рано утромъ. Или ночью. Ну, въ шесть часовъ. И по ліонской дорогѣ. Вѣдь это... Вы понимаете...

Баронесса ничего не отвѣтила.

Еслибы занавѣсы были больше открыты и еслибъ въ спальнѣ не царилъ полумракъ, то графиня увидѣла бы, какъ перемѣнилось лицо баронессы, стало испуганнымъ и растереннымъ.

— Отвѣчайте! Говорите!—отчаянно вскрикнула Кора и, сдѣлавъ два шага, сѣла на кровать въ ногахъ баронессы Вертгеймъ.

— Что же?.. Конечно... Навѣрное... Они насъ провели. Это было условлено. Que la volonté de Dieu soit faite!—глуше прибавила баронесса и перекрестилась.

И обѣ женщины смолкли и сидѣли, не двигаясь.

Извѣстіе, полученное Корой и сообщенное баронессѣ, было вѣрно. Графъ Загурскій рано утромъ выѣхалъ съ поѣздомъ изъ Парижа на Женеву чрезъ Ліонъ съ тѣмъ, чтобы остановиться на границѣ въ Бельгардѣ.

Всѣ эти подробности графиня узнала только теперь изъ за-

писки Загурскаго, присланной имъ уже съ вокзала, съ предупрежденіемъ, что если на другой день вечеромъ она не получитъ отъ него депеши, то можетъ считать его убитымъ. И она тотчасъ же выѣхала къ баронессѣ, единственной женщинѣ въ Парижѣ, которая относилась къ Загурскому дружески, сердечно. Такъ по крайней мѣрѣ думала Кора.

Дѣйствительно, баронесса была настолько поражена извѣстіемъ, что поднялась съ постели и начала одѣваться совершенно автоматически. Но если она забыла думать о томъ, что занята утреннимъ туалетомъ при графинѣ, то Кора, съ своей стороны, ничего не видѣла, даже не знала—гдѣ сидитъ и что творится кругомъ нея.

Прошло болѣе получаса мертваго молчанія. Баронесса была уже причесана и въ пеньюарѣ.

— Идемте завтракать,—услыхала Кора и отвѣтила:

— Завтракать...

И она будто проснулась отъ тяжелаго сна, чтобы перенестись въ еще болѣе тяжелую дѣйствительность.

— Если онъ будетъ... будетъ убитъ... что я буду дѣлать?— вдругъ спросила она, вставая.

Баронесса не отвѣтила, только глянула на Кору, и ея глубокіе „осенніе“ глаза, всегда тихіе, вспыхнули, засіяли.

— Онъ не будетъ убитъ,—шепнула она.

— Почему?.. Зачѣмъ такъ говорить! — вдругъ вскрикнула, будто озлобилась, Кора. Ей стало страшно, что такое утвержденіе принесетъ только бѣду, несчастье.

„Сглазить! Хуже будетъ“,—думалось ей.

— Нѣтъ, онъ не будетъ убитъ, — заговорила баронесса.— Можетъ, будетъ раненъ, но...

— Смертельно...

— Нѣтъ. Раненъ легко... Но смертельно, или убитъ... Никогда!

— Почему же это?—снова вскрикнула Кора.

— Мнѣ это говоритъ что-то. Сердце говоритъ. Я испугалась, когда вы объявили... Но теперь я спокойна, спокойнѣе...

Графиня повѣрила не столько словамъ, сколько голосу баронессы. Ей стало легче. И въ то же мгновеніе слезы полились ручьемъ по ея красивому лицу.

Она двинулась вдругъ къ баронессѣ, обняла ее и поцѣловала.

Та отвѣчала на поцѣлуй, и лицо ея стало темнѣе...

Казалось, что поцѣлуй графини былъ ей не по-сердцу.

Женщины перешли въ гостиную, гдѣ былъ накрытъ завтракъ, и уже тамъ сидѣла, въ ожиданіи матери и гостьи, сумрачная и насупившаяся Кисъ-Кисъ... Она была не въ духѣ и дулась за то, что долго ждала.

Однако, едва только она завидѣла мать и графиню, какъ догадалась по ихъ лицамъ, что есть что-то новое, очень серьезное.

„Но что̀ такое“?—думалось ей. И ломая себѣ голову, она все-таки не могла догадаться. Когда сѣли за столъ, она пристально присмотрѣлась снова къ обѣимъ и не вытерпѣла.

— Мама̀, отчего вы отъ меня скрываете?.. Вѣдь я вижу. На васъ лица нѣтъ. Что̀ такое?

Баронесса объяснила въ двухъ словахъ.

— Наконецъ-то!—вырвалось у Кисъ-Кисъ.—Пора было. Тянули дѣло безъ конца. Давно бы ужъ все могло быть кончено и забыто.

Графиня съ ненавистью поглядѣла на дѣвушку-подростка, на „скороспѣлку“, какъ она ее звала.

— Я ничего не сказала...—отозвалась Кисъ-Кисъ, понявшая взглядъ.—Я не желаю худого ни графу, ни Френчу... Надо надѣяться, что ничего худого и не будетъ... Одна комедія—pour se rendre intéressant.

— Не говори такъ! — глухо замѣтила баронесса и, поднявшись, прошла въ гостиную за флакончикомъ со спиртомъ.

— У васъ сердца нѣтъ!—рѣзко сказала Кора.

— Сердце?.. Ба!.. Сердце не должно быть бульваромъ,—мѣстомъ, отведеннымъ pour les flaneurs. Мое сердце есть и будетъ кельей, обиталищемъ одного человѣка, если я встрѣчу въ жизни такого... Но я вижу уже теперь, что это мудрено, даже невозможно... Поэтому, пускай оно будетъ лучше пустымъ и свободнымъ, нежели—un lieu de réunion.

— У кого доброе сердце, тотъ разсуждать такъ не станетъ,—отвѣтила графиня.

— Да. По-вашему—вотъ что̀ доброе сердце...

И Кисъ-Кисъ подала графинѣ коробку съ сардинами.

— Я бы не желала имѣть такую дочь, какъ вы... потому что...—сказала Кора раздражительно и не договорила.

— А я бы тоже не желала ни за что имѣть такую мать, какъ вы, потому что...

— Почему?

— Скажите вы прежде—почему.

— Потому, что вы—заблудившаяся овечка. Не можете оси-

лить того, что̀ раньше времени узнали. Vous êtes sous le poids de votre précocité.

— Ба-ба-ба! Précocité! Précoce! Prématurée!..—Я это слышу всякій день. И только дивлюсь несообразительности людей. Я—то̀ же, что̀ всѣ мы, дѣвочки или дѣвушки моихъ лѣтъ... Разница только въ томъ, какая у кого изъ насъ мать: позволяющая высказываться просто, откровенно, или заставляющая молчать, если не лгать и притворяться... Поэтому вотъ я бы и не желала имѣть такую мать, какъ вы, графиня... Вы бы заставили меня комедіантствовать отъ зари до зари. И я бы васъ возненавидѣла. А мою мать я люблю за то, что она даетъ мнѣ полную свободу. Ты слышишь!—прибавила она, обращаясь къ вернувшейся за столъ баронессѣ:—Je t'adore!..

— Вы и мать не любите! — усмѣхнулась Кора. — Это не любовь.

— Извините... Можетъ быть, не по-вашему. Люблю по-своему. Какъ могу и умѣю... — вдругъ обидчиво выговорила Кисъ-Кисъ.

— Вы умѣете только ластиться... Именно—„кошечка“.

— Всякій любитъ на свой ладъ! Иныя могутъ съ аппетитомъ кушать, или гулять, или спорить, въ тѣ самыя минуты, когда яко-бы, дорогое для нихъ существо на волосокъ отъ смерти.

Кора бросила салфетку и вскочила изъ-за стола.

— Кисъ-Кисъ!—воскликнула баронесса.—Это и жестоко, и невѣжливо. — И она, вставъ, подошла къ графинѣ.

— Полноте. Пора вамъ привыкнуть къ этой болтушкѣ, которую я избаловала.

— Нѣтъ... Я ѣду. Мнѣ нехорошо... Изъ всего, что̀ она говорила, это вотъ... это—правда. Недостаетъ только вечеромъ въ театръ ѣхать...

Баронесса стала удерживать пріятельницу, прося кончить завтракъ, но графиня надѣла шляпку и нервно, поспѣшно простилась и вышла.

— Какъ тебѣ не стыдно, Кисъ-Кисъ!—заговорила баронесса, оставшись наединѣ съ дочерью.—Ты становишься, право, невозможной.

— Я ее не люблю, мама̀. Она говоритъ, я безъ сердца... А она—безъ ничего...

— Что̀ ты хочешь сказать?

— Сама не знаю. Она мнѣ представляется куклой. Есть люди, которые съ бурей, адомъ на душѣ—невозмутимо спокойны. И чѣмъ сильнѣе эта замкнутость, тѣмъ сильнѣе боль... А есть люди, которые мечутся и кричатъ, когда буря въ ихъ сердцѣ—

буря въ стаканѣ воды. Они будто рисуются и предъ людьми, и даже предъ собой... Ils font parade своимъ горемъ или несчастьемъ.

— Графиня не такова. И ты знаешь, что она страстно привязана къ Загурскому.

— Покуда онъ съ ней... Покуда онъ ее не бросилъ. А если броситъ—она возьметъ другого... Pardon... третьяго.

— Какой вздоръ! Это сплетня, выдуманная, кажется, Дубовскимъ.

— Нѣтъ, мама. Я знаю навѣрное... Когда она пріѣхала во Францію и еще до знакомства съ Загурскимъ — она уже была „привязана"—pour me servir de ton mot—къ одному человѣку, котораго мы знаемъ... но котораго я не назову.

— Откуда ты можешь это знать, Кисъ-Кисъ?

— Знаю я это случайно, отъ ея брата. Только потому, что онъ идіотъ, а я „кошечка", я къ нему ластилась, покуда это не выманила.

— Зачѣмъ?

— Чтобы имѣть оружіе противъ твоей графини-куклы и комедіантки. Да... И теперь вотъ то же самое комедіантство... Не притворство полное, а занятіе, развлеченіе. Повѣрь, что теперь она не въ отчаяніи, не боится, не страдаетъ. Она себя,—какъ это докторъ Рудокоповъ говоритъ часто,—она себя... „заводитъ", кажется.

— Взвинчиваетъ...

— Да, да... Повѣрь мнѣ, что даже ты, изъ дружбы къ графу, больше безпокоишься о судьбѣ его, чѣмъ она...—И Кисъ-Кисъ странно заглянула матери въ глаза. Баронесса мгновенно потупилась и стала что-то искать на столѣ.

Наступило молчаніе.

— Мама!—вдругъ заговорила Кисъ-Кисъ.—Говорятъ, что у насъ, женщинъ, пылкая любовь, если не всегда, то зачастую, переходитъ въ дружбу или въ ненависть... Ненависть можетъ ли перейти въ пылкую любовь?

— Говорятъ, бываетъ. Конечно, очень рѣдко.

— А дружба?

— Что?..

Кисъ-Кисъ, вмѣсто отвѣта на вопросъ матери, опять такъ же глянула ей въ глаза. И баронесса, будто вдругъ пойманная, на этотъ разъ не потупилась... Слезы заблистали въ ея глазахъ... Кисъ-Кисъ вскочила съ мѣста, бросилась къ матери и, ставъ на колѣни, вымолвила:

— Прости меня!.. Я хотѣла знать!

Баронесса зажала ротъ платкомъ, какъ бы боясь, чтобы плачъ не перешелъ въ рыданіе. Затѣмъ она быстро встала и пошла къ себѣ; Кисъ-Кисъ хотѣла слѣдовать за ней, но мать, не отнимая платка отъ лица, подняла другую руку на дочь, какъ бы умоляя оставить ее одну.

Кисъ-Кисъ осталась одна и задумалась... Странная улыбка появилась на губахъ ея.

„Что же вы всѣ нашли въ немъ?—думала она по-французски.— Его портреты во всѣхъ модныхъ журналахъ появляются разъ въ недѣлю, а за стеклами магазиновъ портныхъ—выставляются. Отличный танцоръ, ѣздокъ, стрѣлокъ, пловецъ, циклистъ, гимнастъ— это правда. Но отъ головы до пятъ—нуль... Нѣтъ. Я не такого выберу... Увидите. Разумѣется, не въ мужья, а послѣ замужества; выйду за какого-нибудь. Да. Но надо скорѣе замужъ. Скорѣе. А подходящаго никого нѣтъ. Будь Гастингсъ-Машоновъ милліонеръ, —сейчасъ бы пошла за него. Онъ только кажетъ уменъ и хитеръ... И самъ это думаетъ о себѣ. Стало быть, еще глупѣе и слѣпѣе того, чѣмъ могъ бы быть отъ природы. Вотъ партія—д'Оканья. Да, Кисъ-Кисъ, еслибы ты была дѣйствительно настоящей „кисынькой“, ты бы эту старую крысу не упустила“.

И дѣвочка глубоко и почти тяжело задумалась... Прійдя въ себя, она ахнула:

— Что же это я? Съ ума сошла!

И она быстро прошла къ себѣ и стала одѣваться,ославъ горничную сказать своей гувернанткѣ миссъ Джонсъ, чтобы она скорѣе тоже одѣвалась... Черезъ часъ, худая и желтая миссъ вмѣстѣ съ юной баронессой была уже на Итальянскомъ бульварѣ... Миссъ осталась ждать на скамейкѣ, а Кисъ-Кисъ исчезла подъ воротами дома, гдѣ была квартира Гастингса-Машонова.

Черезъ полчаса она вышла довольная и веселая, и обѣ двинулись домой.

Баронесса, которая заперлась у себя, вышла только къ обѣду, спокойная, холодная, даже суровая, но будто старше, будто постарѣвъ... Глаза были тусклѣе, а въ очертаніи рта, губъ, явилась особая складка, которая будто мѣшаетъ улыбаться... При ней улыбка всегда—гримаса.

Кисъ-Кисъ приглядѣлась къ матери и мысленно проговорила:

„Люди сами себя терзаютъ. Нельзя просто жить. Надо умѣть жить“...

XV.

Въ этотъ же день графиня Нордъ-Остъ просидѣла дома одна и сама съ собой разсуждала, сама себя будто готовила къ роковому извѣстію и заранѣе утѣшала, доказывая, что ея привязанность къ Загурскому — не истинное глубокое чувство, а вспышка... Капризъ! Привычка!

И дѣйствительно, чуткая сердцемъ и себялюбивая Кора странно любила графа. Она даже сама называла всегда свои чувства къ нему „странными", или „неясными", или „très drôles". Она была убѣждена, что способна на безумную, беззавѣтную страсть, но никто еще не съумѣлъ ей внушить подобную. Загурскаго она любила изъ мелкаго тщеславія кружкового. Онъ былъ первымъ въ ихъ обществѣ. Кромѣ того, онъ не былъ у ея ногъ, не поклонялся ей, а по французской поговоркѣ—se laissait aimer. Какъ волкъ онъ въ лѣсъ смотрѣлъ, хотя она всячески, насколько могла, собою жертвовала. И самолюбивую женщину, быть можетъ, именно это и привязывало. Однако эта независимость его, легкое, полушутливое отношеніе къ ней и къ ихъ связи, если порабощало ее, то подчасъ и раздражало, язвило. Кромѣ того, эта связь дорого обходилась Корѣ не въ переносномъ, а въ настоящемъ смыслѣ.

Загурскій страшно сорилъ деньгами, былъ всегда безъ гроша и постоянно бралъ у нея взаймы десятками тысячъ. До сихъ поръ онъ не отдалъ ей, конечно, ни одной копѣйки, и даже удивлялся, съ трудомъ вспоминалъ, когда она говорила—сколько дала ему.

Между тѣмъ графиня, имѣвшая еще съ годъ назадъ очень большія средства, тысячъ до сорока доходу въ годъ, теперь смутно сознавала, что ея состояніе пошатнулось. Она это чуяла только, но вѣрно не знала. Она ничего, конечно, не понимала въ дѣлѣ управленія большими имѣніями, которыя были у нея въ двухъ захолустныхъ губерніяхъ, но по письмамъ своего главнаго управляющаго нѣмца, понимала, что все вдругъ пошло на новый ладъ и нехорошо... Когда понадобилось Загурскому восемьдесятъ тысячъ, тому около года, онъ попросилъ ихъ у нея—pour quelque temps. Она написала управляющему ихъ прислать. Онъ предложилъ заложить одно изъ имѣній. Это „заложить" графиня поняла какъ-то по-своему. Выходило, что ей давали деньги даромъ, зная, что она—богатая и порядочная женщина. Тому назадъ три мѣсяца, пришлось закладывать другое имѣніе, чтобы

распутаться... Приходилось вдругъ платить большія деньги не здѣсь, въ Парижѣ, а тамъ, въ Россіи, неизвѣстно за что...

Загурскому же все чаще и чаще нужны были деньги—pour quelque temps.

Однимъ словомъ, графиня начала путаться и нуждаться въ деньгахъ, чего никогда не бывало. „Надо свести счеты, распутаться“, писалъ ей тотъ же управляющій... Какіе счеты? Онъ не объяснялъ, а она не понимала.

Наконецъ, вдругъ недавно управляющій написалъ ей, что ея главное имѣніе могутъ продать за долгъ, если она тотчасъ не внесетъ хотя бы часть капитала, тысячъ въ тридцать.

— Le diable n'y comprend rien!—рѣшила графиня.

Вслѣдствіе этого за послѣднее время ей пришлось уже раза два отказать Загурскому въ деньгахъ просто за неимѣніемъ ихъ... И графъ страшно озлобился, раздражился и сталъ съ нею холоднѣе, началъ иронизировать еще больше и грубѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ началъ ухаживать за миссъ Скай, намекалъ на бракъ съ ней.

Съ тѣхъ поръ что Кора была подругой графа au vû et au sû ихъ круга знакомыхъ, и, по мнѣнію всѣхъ, у него подъ башмакомъ или въ полной его власти, она два раза чуть-чуть не измѣнила ему.

Тотъ же Лiонель Френчъ, до знакомства его съ Эми, сильно ухаживалъ за нею, и еслибы не внезапная перемѣна вслѣдствіе увлеченія его Эми Скритицыной, то еще невѣдомо, продолжалъ ли бы Загурскій теперь при ней свою роль cavaliero serviente. И чувство къ нему графини было странное. Чѣмъ внимательнѣе и ласковѣе былъ онъ къ ней, тѣмъ тише и будничнѣе становилось это чувство. Но каждый разъ что являлось охлажденіе и чудилась измѣна съ его стороны, чувство ея разгоралось въ пылкую, бурную страсть.

И женщина, иногда анализируя себя и эту любовь, сама ничего не могла понять и объяснить.

Теперь она спрашивала себя: „Если онъ будетъ убитъ,—какъ я это перенесу“?

И внутреннее чувство отвѣчало правдиво:

„Aprѐs tout, il n'est pas le seul au monde“!

Графиня рѣшила, что ей надо выѣхать съ визитами, чтобы разсѣяться; тогда забота о Загурскомъ и душевное волненіе станутъ легче. Приказавъ подать экипажъ, она рѣшила проболтаться до обѣда.

Совершенно случайно визиты графини оказались такими ин-

тересными, все, что̀ она узнала въ видѣ новостей, было такъ неожиданно и странно, что черезъ часъ она и думать забыла о Загурскомъ.

Въ ту минуту, когда Кора садилась въ карету, къ ней приблизился молодой человѣкъ замѣчательной красоты и, поклонясь, подалъ ей записку. Она сѣла, но приказала кучеру обождать.

— Отъ miss Skay,—сказалъ онъ и продолжалъ держать снятый черный котелокъ надъ плечомъ. Графиня почти узнала подавшаго записку, но боялась ошибиться. Это былъ франтъ, одѣтый по послѣдней модѣ, но все было просто и скромно элегантно.

— Вы у миссъ Ирмы, кажется?..

— Точно такъ, ваше сіятельство... Я—выѣздной лакей миссъ.

Графиня пробѣжала записку, и лицо ея стало серьезно. Миссъ Скай писала, что съ ней случилось невѣроятное приключеніе, и она умоляетъ графиню заѣхать тотчасъ.

— Черезъ полчаса я буду... Скажите миссъ, что я...

И графиня, невольно глянувъ въ красивое лицо креола, въ его удивительные огненно-черные глаза, поняла, почувствовала, что онъ знаетъ содержаніе записки, знаетъ, что̀ случилось...

— Что̀ такое у васъ...—сорвалось у Коры, и она прибавила: — У миссъ?

— Не могу знать! — ледянымъ голосомъ отвѣтилъ лакей, а лицо его сказало:—ты — дура.

Графиня даже сконфузилась и приказала кучеру ѣхать къ виконтессѣ Кергаренъ.

— Что̀ съ миссъ Ирмой?

Вотъ вопросъ, который задала себѣ Кора, но догадаться было, конечно, невозможно. Вѣдь не братъ же ея вдругъ сдѣлалъ миссъ предложеніе, а она это „нежданное“ называетъ „невѣроятнымъ“ и зоветъ Кору на помощь, немедленно, спѣшно.

— Нѣтъ! Что-нибудь иное! Непріятное!—рѣшила она.

У Кергареновъ ожидалъ графиню первый сюрпризъ. Она нашла виконта взбѣшеннымъ, но холодно спокойнымъ. Только лицо и глаза выдавали его, а голосъ и улыбка были всегдашніе. Виконтесса была въ нервно-смѣшливомъ настроеніи, а юная Марія Турдза была съ заплаканными глазами. Такое ихъ разное состояніе духа было энигмой, но объяснилось просто.

За четверть часа до пріѣзда графини въ домѣ произошло нежданно и быстро нѣчто особенное.

Герцогъ Оканья, въ гостяхъ у нихъ, случайно оставшись на нѣсколько мгновеній въ гостиной глазъ-на-глазъ съ юной

румынкой, поцѣловалъ ее... Она вскрикнула и, побѣжавъ, налетѣла въ залѣ на вернувшагося домой виконта. Узнавъ, въ чемъ дѣло, виконтъ кликнулъ людей и приказалъ, указывая на герцога:

— Flanquez moi ça à la porte!

Когда герцогъ сталъ что-то объяснять, виконтъ взялъ его за бортъ сюртука, какъ разъ тамъ, гдѣ былъ вышитъ шолкомъ рыцарскій крестъ ордена Калатравы, и повелъ его къ лѣстницѣ... Оканья пошелъ охотно, понимая, что упираться не безопасно... Далѣе, конечно, не было ничего, но виконтъ все еще былъ взбѣшенъ. Марія, поплакавъ отъ испуга, успокоилась, а виконтесса, видѣвшая, какъ мужъ велъ герцога, двигаясь спокойными, но большими шагами, а струхнувшій Оканья едва поспѣвалъ за нимъ маленькими и частыми шажками, уже въ четвертый разъ принималась истерически хохотать...

Но у американки съ безчисленными милліонами графиню ожидала новость совсѣмъ иного рода. Если испанскій грандъ не побоялся пошалить и пошутить и былъ вышвырнутъ на парадную лѣстницу хозяиномъ, то другой экзотикъ, венгерецъ, но не магнатъ, а богема, рѣшился просто и храбро овладѣть американскими милліонами. Миссъ Ирма, взволнованная и все еще перепуганная, хотя уже прошло часа четыре, разсказала графинѣ, что во время урока въ мастерской художника учитель сталъ объяснять ученицѣ нѣчто къ скульптурѣ совсѣмъ не относящееся, сталъ клясться въ давней, безумной любви и грозиться самоубійствомъ съ отчаянія. Но понявъ по ея отвѣтамъ, что приходится только исполнить угрозу по отношенію къ себѣ, предпочелъ перейти на угрозы ей... И дѣло дошло до того, что креолъ лакей, услышавъ крикъ своей барыни, ворвался въ мастерскую...

Между нимъ и художникомъ произошло нѣчто худшее, чѣмъ между виконтомъ и грандомъ. Оба нѣсколько пострадали. Но тѣмъ временемъ миссъ Ирма выбѣжала изъ маленькой квартиры Іодака и, сѣвъ въ свою карету, вернулась домой безъ шляпки и пальто. Графиня Кора была поражена разсказомъ, но затѣмъ была поражена еще болѣе... Американка попросила совѣта, обратиться ли ей къ подлежащимъ властямъ съ жалобой на оскорбленіе и доводить ли дѣло до трибунала.

Разумѣется, графиня убѣдила миссъ, хотя не безъ труда, что лучшее для нея—никому даже не разсказывать ничего.

— Но уроковъ я больше брать у него не буду!—заявила миссъ Ирма рѣшительно.

Графиня улыбнулась и подумала:

„На такой женить брата положительно совсѣмъ легко“!..

XVI.

Эми была больна серьезно, и ее лечилъ другъ Рудокоповъ. Но помимо его было еще два доктора, и оба—знаменитости, которые однако перебранились изъ-за ея болѣзни и такъ поссорились, что и впослѣдствіи остались врагами. Опредѣляя діагнозъ, и тотъ и другой однако равно фантазировали.

У молодой дѣвушки была та болѣзнь, на которую лекарствъ нѣтъ, за исключеніемъ древнѣйшаго и простѣйшаго—времени. Только время могло излечить рану въ сердцѣ... И Рудокоповъ лечилъ дѣвушку увѣщаніями и философствованіемъ.

Френчъ еще не дрался на дуэли, а для нея уже пересталъ существовать, какъ еслибы былъ убитъ... Живой Френчъ былъ уже не тѣмъ, котораго она любила. Тотъ былъ идеальнымъ человѣкомъ, а этотъ—воръ и даже un escroc... Исчадіе среды народовъ fin de siècle, какъ говоритъ Рудокоповъ.

Именно онъ, Адріанъ Николаевичъ, и раздвоилъ этого Френча въ ея сознаніи, совѣтуя Эми любить перваго, созданнаго ея фантазіей и потребностью любить, но зато презирать того авантюриста, который втерся въ ея среду, вкрался даже въ ея сердце.

Былъ ли мозгъ нервно больной дѣвушки не въ нормальномъ положеніи, или по натурѣ своей была она способна на холодную разсудительность, но Эми достигла того, что оплакивала переставшаго жить Френча, того самаго, который собственно никогда и не жилъ, а былъ созданъ ея довѣріемъ, наивностью. А тотъ, что въ дѣйствительности жилъ и живъ на свѣтѣ, былъ ей чуждъ вполнѣ, и что бы съ нимъ ни приключилось, ей было безразлично.

Рудокоповъ, видя, какой успѣхъ имѣетъ его „леченіе“ болѣзни, то изумлялся мужественности мысли и чувствъ въ дѣвушкѣ, не достигшей еще двадцати лѣтъ, то начиналъ сомнѣваться и подозрѣвать, что она не освободилась отъ своего чувства, но скрываетъ это отъ него.

Однажды вечеромъ онъ явился въ свой обыкновенный часъ, послѣ обѣда, съ рѣшеніемъ узнать навѣрное, вылечилъ онъ свою паціентку или обманывается. Онъ слышалъ о выѣздѣ графа Загурскаго ради поединка въ Швейцарію, и рѣшилъ сказать это Эми. И сказать рѣзко, сразу, безъ приготовленій и предисловій.

Войдя въ спальню къ больной, онъ, какъ всегда, весело спросилъ:

— Ну что, Любовь Борисовна?.. Много хуже или много лучше?

— Ничего... Такъ себѣ...—отвѣтила Эми.

— Ничего—лучше всего. Умное слово и хорошее понятіе. Его и Бисмаркъ облюбовалъ. Русскій человѣкъ только три хорошія слова и выдумалъ:—Авось! Ничего! Ни въ жисть!

— И французы говорятъ: jamais de la vie!—улыбаясь, замѣтила Эми.

— Извините. Это совсѣмъ не то. Французу скажешь: кажется, дождикъ собирается? А онъ отвѣтитъ: jamais de la vie! А это „ни въ жисть“ есть почти клятва. Послушайте. „Авось“ есть великая предпріимчивость безъ самонадѣянности. При „авосѣ“ россіянинъ какъ будто полагается больше на обстоятельства и на Бога конечно, но и на самого себя. „Ничего“ есть чистѣйшій и величайшій объективизмъ, или философское отношеніе къ явленіямъ жизни человѣческой. Спросятъ: „плохо, братъ, мучаешься, страдаешь“? Отвѣтъ: „Ничего“! Спросятъ: „Что, братъ, радъ, что милліонъ получилъ“?—„Ничего“! А вотъ это третье—„Ни въ жисть“—есть твердо установившіяся правила и убѣжденія, при которыхъ человѣкъ не только ручается за себя въ настоящее мгновеніе, но и всегда, въ будущемъ... Ну-съ... Вотъ что, Любовь Борисовна... Должно быть, завтра мы узнаемъ, кто кого подстрѣлилъ или пристрѣлилъ, полякъ англичанина, или Френчъ Загурскаго. Они оба теперь...

Эми шевельнулась, и глаза ея, устремленные на Рудокопова, блеснули ярче...

— Что? Испугались, что сына Альбіона подстрѣлятъ. Такъ?!—вскрикнулъ онъ.

Эми молчала, но отвела глаза отъ лица Рудокопова и стала смотрѣть въ занавѣсъ своей постели.

Рудокоповъ вздохнулъ умышленно глубоко и громко.

— Обидно! Я думалъ, я васъ вылечилъ.

— Да...—тихо отозвалась Эми.—Это такъ... Вдругъ. Но подумавъ...

— Что же?

— Мнѣ все равно...

— Да вѣрно ли? Вѣрно ли?

— Вѣрно... Что же мнѣ до этого Френча! Если онъ убитъ будетъ, то даже лучше... Тотъ умеръ, такъ пускай ужъ лучше и этотъ будетъ мертвымъ. Лучше будетъ... Какъ-то легче... Совсѣмъ конецъ будетъ...

— Вѣрно вы разсуждаете, моя дорогая... Но такъ ли вы чувствуете? Вѣдь сердечко ёкнуло, когда я объявилъ?

— Да... Сразу... А теперь... Мнѣ все равно.

— Ну, и слава Богу. Я вѣдь нарочно сразу бухнулъ. Теперь и я вѣрю въ вашу конвалессенцію комплектную. — И онъ подумалъ про себя: „А вотъ какъ твоя собственная конвалессенція-то... Когда она будетъ“?

Рудокоповъ считалъ себя больнымъ, заболѣвшимъ отъ проказы, распространенной въ Новомъ-Вавилонѣ.

Уже была недѣля, какъ онъ устроилъ или пристроилъ ту дѣвушку-ребенка, что̀ спасъ отъ матери и отъ герцога.

Онъ нашелъ въ матери отвратительную женщину, и только подивился, какъ уцѣлѣла, не погибла Клэретта гораздо ранѣе.

Однако госпожа Фурньé согласилась разстаться съ дочерью при условіи „не знать“, гдѣ она пристроится, только за тройную цѣну противъ той, что̀ требовала съ господина Доминго.

Рудокоповъ тотчасъ помѣстилъ Клэретту, на жалованье въ сто франковъ, въ книжный магазинъ на лѣвомъ берегу Сены, и ежедневно заѣзжалъ повидаться. По его разсужденію, мѣсто было безопасное и со стороны матери, по дальности разстоянія, и со стороны посѣтителей. Быть commise въ книжной лавкѣ, или въ кондитерской и даже въ модномъ магазинѣ—огромная разница.

И все было отлично, все устроилось. Клэретта была счастлива: въ магазинѣ ее полюбили; въ домѣ, гдѣ у нея была квартира въ двѣ комнаты съ кухней, тоже полюбили.

Но Рудокоповъ былъ недоволенъ... И не Клэреттой! А собою!..

Всякій день, бесѣдуя съ ней, онъ говорилъ дѣвушкѣ, что такъ какъ все наладилось, то онъ перестанетъ навѣдываться въ магазинъ. Клэретта соглашалась, но умоляла, взамѣнъ этого, бывать вечеромъ у нея въ квартиркѣ... Но этого Рудокоповъ уже просто... боялся.

XVII.

На третій день послѣ внезапнаго выѣзда графа Загурскаго изъ Парижа, около четырехъ часовъ дня, Кисъ-Кисъ получила письмо съ нарочнымъ, и узнала почеркъ Гастингса-Машонова.

Дѣвушка, подростокъ годами, но далеко не подростокъ одностороннимъ развитіемъ, прошла къ себѣ въ комнату, съ письмомъ въ рукахъ, степенно-медленной походкой, которую сдерживала отъ волненія. Не разрывая конверта, она положила его на столъ

и стала ходить по комнатѣ... Она боялась развернуть и прочесть.

— Въ первый разъ этакое со мной, — сказала она себѣ вслухъ.—Бѣдная мама, если онъ... Но, можетъ быть, онъ только раненъ... Все-таки она испугается... Нѣтъ. Авось тотъ... Какъ это странно, Боже мой... Еслибы не мама, то конечно я, какъ знакомая, предпочла бы бѣду съ нимъ, нежели съ этимъ тихимъ, симпатичнымъ англичаниномъ. Единственный, который мнѣ нравился... Ну, однако надо...

Кисъ-Кисъ взяла письмо въ руки и вымолвила:

— Бѣдная мама, если онъ... Если съ нимъ что-нибудь... А я чую, что съ нимъ...

Рѣзко, трусливымъ движеніемъ разорвала она конвертъ, прочла двѣ строки, вскрикнула и бросилась бѣжать въ комнату матери какъ безумная.

— Мама! Мама!—кричала Кисъ-Кисъ еще въ гостиной. И когда она ворвалась къ матери, то баронесса, встревоженная ея голосомъ, поднялась къ ней на встрѣчу.

— Что съ тобой?—произнесла она пугливо.

— Мама! Мама!.. Онъ невредимъ!.. Депеша пришла. Это—письмо Гастингса. Мы условились, и онъ мнѣ обѣщалъ первымъ въ Парижѣ узнать все, и тотчасъ мнѣ сообщить... Вотъ, читай: „Загурскій невредимъ. Френчъ убитъ"!

Баронесса слегка поблѣднѣла, на секунду задохнулась, но быстро оправилась и, поднявъ правую руку, сдѣлала едва замѣтное крестное знаменіе.

— Слава Богу... Для тебя... Для васъ... Но мнѣ жаль бѣднаго Френча... Даже очень... Очень жаль! — выговорила Кисъ-Кисъ. И лицо ея стало грустнымъ.

— Да. Конечно... — вымолвила баронесса какъ бы машинально и, отойдя, сѣла въ кресло. Душевное волненіе, охватившее ее, перешло въ слабость.

Черезъ минуту она оправилась окончательно, лицо ея просвѣтлѣло совсѣмъ. Она будто помолодѣла на десять, пятнадцать лѣтъ и казалась красивой молодой женщиной.

— Вотъ, мама, еслибы ты всегда такой была! — замѣтила Кисъ-Кисъ.—Надо однако дать знать графинѣ.

— Если Егоръ Егоровичъ обѣщалъ тебѣ узнать первымъ... то, конечно, она не знаетъ еще ничего.

— Я ей сейчасъ напишу два слова.

Кисъ-Кисъ побѣжала къ себѣ, сѣла за свой маленькій письменный столъ и быстро написала нѣсколько строкъ красивымъ

и мелкимъ, какъ бисеръ, почеркомъ. При этомъ она ухмылялась, и глаза ея свѣтились страннымъ свѣтомъ. Въ это мгновеніе ясно сказывалось, что изъ этой дѣвочки-„кошечки“ разовьется женщина-„тигрица“.

Кисъ-Кисъ писала графинѣ—и не по опрометчивости, а умышленно, слѣдующее:

„Chère comtesse... Мама слишкомъ взволнована и велитъ мнѣ сообщить вамъ извѣстіе, полученное сейчасъ отъ Гастингса-Машонова, имѣющаго депешу изъ Бельгарда, что поединокъ графа съ Френчемъ окончился трагически. Если одинъ невредимъ, то другой зато убитъ на мѣстѣ. Мнѣ, лично, все-таки жаль молодого человѣка“.

„Ваша—Лина Вертгеймъ“.

„P. S. Навѣстите насъ. Мама очень взволнована“.

И, складывая листокъ, Кисъ-Кисъ какъ-то ласково и мягко, по-кошачьи, проводила по немъ пальчиками, а сама сіяла и улыбалась. Только глаза ея сверкали не радостью, а злорадствомъ.

— А ты, ma chère comtesse, знаешь, что я вашего Загурскаго терпѣть не могу. Стало быть, это „все-таки“ имѣетъ великое значеніе послѣ того, что „мама взволнована“. Да. Le mot vaut son pesant d'or! Ну, вотъ посмотримъ, свернетъ тебя это въ постель хоть на одинъ день, или нѣтъ.

Черезъ полчаса, записка Кисъ-Кисъ была уже въ рукахъ графини, но злое ухищреніе дѣвочки-подростка не удалось. За часъ передъ тѣмъ Кора уже имѣла шутливую депешу.

„Sain et sauf. Pauvre adversaire dans les champs Elysées, mais pas ceux de Paris. Zahoursky“.

Вслѣдствіе этого графиня даже не замѣтила коварнаго двусмыслія въ словахъ Кисъ-Кисъ. Приди эта записка ранѣе, она, конечно, достигла бы своей жестокой цѣли.

Получивъ депешу Загурскаго, графиня почувствовала однако слезы на глазахъ.

„Да,—подумала она.—Я его странно люблю. А все-таки люблю“.

И вдругъ ей пришло на умъ.

„Что, если онъ теперь, вернувшись, пріударитъ за миссъ Скай... и въ самомъ дѣлѣ женится на ней? Что же тогда?! Что же бы было лучше... Потерять „такъ“? Или потерять женитьбой?

И, взволновавшись, Кора встала, прошлась изъ угла въ уголъ и опять сѣла на другое кресло. Внутреннее чувство, которое всколыхнулось въ ней, говорило громко:

— Если подобное возможно и случится... то, конечно, лучше,

еслибы онъ былъ убитъ теперь... Оплакивать я могу, но уступить... насильно уступить! Никогда не смогу. Бросить его—могу! Но быть брошенной имъ—никогда! Стало быть, самолюбіе... Да нечего объяснять, что и почему. Не я одна на свѣтѣ такъ сужу... Вѣроятно, всѣ связи—таковы. Кто это говорилъ мнѣ, опредѣляя связи въ большомъ свѣтѣ... Une livre d'amour contient un quart de oisivetė, un quart d'amour-propre, un quart d'habitude et un quart de nécessité...

Между тѣмъ, не успѣла Кисъ-Кисъ послать свою лукавую жестокую записку графинѣ, какъ лакей доложилъ баронессѣ, что явился отъ имени барона Герцлиха г. Ферштендлихъ. Это былъ factotum барона.

Такое посѣщеніе случалось изрѣдка и всегда ради довольно важныхъ причинъ. Баронесса приказала просить повѣреннаго барона и немного снова взволновалась, такъ какъ нервы ея все еще не успокоились отъ перенесеннаго.

Ферштендлихъ явился улыбающійся и поднесъ баронессѣ большой футляръ-шкатулку, обитую голубымъ бархатомъ.

— Что такое?—удивилась она.

— Извольте открыть и изслѣдовать все тщательно и подробно, а затѣмъ дать мнѣ росписку въ полученіи,—улыбнулся Ферштендлихъ.

— Росписку?

— Ну, вашу визитную карточку съ надписью: „получила".

Баронесса открыла футляръ и въ немъ оказалось нѣчто въ родѣ бонбоньерки изъ севрскаго фарфора съ бронзой. На крышкѣ была въ овалѣ прелестная тонкая живопись по фарфору, копія съ одной изъ извѣстныхъ картинъ Бушé, изображающей влюбленную чету...

— Конфекты? — удивилась баронесса. — Мнѣ, или дочери?..

Ферштендлихъ ничего не отвѣтилъ, а только сдѣлалъ жестъ, приглашающій открыть и баулъ.

Баронесса отперла его крошечнымъ ключикомъ, висѣвшимъ тутъ же на цѣпочкѣ, и, открывъ, увидѣла какой-то простой сложенный листъ бѣлой бумаги. На немъ лежала визитная карточка барона съ надписью: „Ma corbeille de mariage".

Листъ оказался исписанъ на двухъ страницахъ мелкимъ почеркомъ и былъ слишкомъ характеренъ, чтобы сразу не догадаться, что это—оффиціальный документъ... Пробѣжавъ его, баронесса поняла, что это—нотаріальный актъ.

— Ради Бога, скажите...—сказала она.—Что это? Я ненавижу читать эти бумаги.

— Баронесса, это актъ, которымъ баронъ передаетъ вамъ въ собственность милліонъ... только не французскій, а русскій.

Баронесса вспыхнула и руки ея, державшія листъ, задрожали.

— Это—милліонъ рублей. Извольте мнѣ теперь дать визитную карточку, что свадебная корзинка въ цѣлости доставлена и получена.

— Сейчасъ!—глухо и упавшимъ голосомъ произнесла баронесса, и тотчасъ же прошла къ себѣ въ спальню, чтобы избавиться отъ свидѣтеля того чувства, которое ее охватило всю.

Чувство это всколыхнулось въ ней съ страшной силой и, казалось, схватило сердце и мозгъ въ тиски.

— Подачками!.. Всю жизнь... Теперь... Я... Сама!

Эти обрывки мыслей пробѣжали будто электрическимъ токомъ и опять вернулись, и опять будто обожгли и сердце, и мозгъ.

— Я...—выговорила баронесса вслухъ.— Я!—повторила она. —Да. Я... Я...

Ей казалось, что она стала другая или раздвоилась вдругъ... Одна изъ двухъ стала неизмѣримо больше, выше... И другая, прежняя,—искала, звала эту новую.

Кисъ-Кисъ, найдя Ферштендлиха въ гостиной, догадалась, что есть что-нибудь новое и интересное, и быстро прошла къ матери.

Въ двухъ словахъ баронесса объяснила дочери, въ чемъ дѣло. Кисъ-Кисъ всплеснула руками и воскликнула:

— Узнаю барона!.. Узнаю! Вотъ человѣкъ! Это мало — „что“ онъ дѣлаетъ. Мало. А „какъ“ онъ дѣлаетъ. Какъ?! Вотъ кого я бы обожала всѣми моими...

И дѣвочка запнулась, почуявъ, что въ вырвавшихся словахъ будто заключается упрекъ...

— Мама! Мама... И все сразу въ одинъ день... Для тебя это... вѣдь... второй.

— Что второй?..

— Второй милліонъ въ какой-нибудь часъ.

Баронесса улыбнулась радостно.

— Скажи, мама... Который изъ двухъ милліоновъ больше?

И Кисъ-Кисъ обняла мать и, ласкаясь къ ней или, вѣрнѣе, ластясь, какъ всегда бывало, шепнула ей на ухо:

— По правдѣ... второй вѣдь меньше... Безъ перваго второй бы и не нуженъ, ни къ чему. Онъ дорогъ послѣ перваго, большущаго милліона. Такъ вѣдь, мама? Это тоже—verständlich.

— Полно шутить... Чего ты не выдумаешь!—отозвалась баронесса, смущаясь...

— Мамà! А Ферштендлихъ-то настоящій, живой, versteht nicht, почему онъ такъ долго ждетъ въ гостиной.

— Правда. Но надо написать. Такъ нельзя.

— Нѣтъ, мамà. Надо ѣхать сію секунду и поцѣловать... Руку поцѣловать!.. А покуда, дай карточку. Я напишу на ней: „Мамà будетъ сейчасъ у васъ“.

Кисъ-Кисъ вышла. Баронесса глубоко задумалась, но вдругъ черезъ нѣсколько мгновеній какъ-то встрепенулась и, схвативъ актъ, стала что-то искать глазами... Наконецъ, она нашла въ срединѣ первой страницы то, что̀ хотѣла и прочла.

„...сданы на храненіе въ Государственный Банкъ на имя баронессы Юліи Герцлихъ, рожденной Шмидтъ, и могутъ быть получены лично ею или уполномоченнымъ отъ нея лицомъ“.

— Это баронесса Герцлихъ получила, а не баронесса Вертгеймъ...—шопотомъ произнесла она.—Стало быть, полнаго довѣрія нѣтъ. Почему? Неужели онъ можетъ догадываться и подозрѣвать? А все это проклятая дуэль надѣлала.

Кисъ-Кисъ вернулась бѣгомъ въ комнату и, будто читая мысли матери, спросила:

— Мамà! А что̀ если... Я шучу... Что̀ если вдругъ... Ну, другая бы женщина... взяла бы да и вышла замужъ за кого-нибудь, за другого? Ну, хоть бы вотъ за графа, что-ли...

— Кисъ-Кисъ!.. Это пытка!—вскрикнула вдругъ баронесса.—Это нравственная пытка—твои разсужденія!

XVIII.

Послѣ четырехъ дней отсутствія, графъ Загурскій снова появился въ Парижѣ и сталъ по неволѣ героемъ дня.

Трагическій исходъ дуэли былъ всѣми принятъ чуть не съ радостью.

Еще до поединка ходилъ слухъ, что оба противника стрѣляютъ равно превосходно, и потому надо ожидать двойной катастрофы...

Когда оказалось, что блестящій, всѣми любимый графъ (дамами—за красоту, а мужчинами—за любезность) цѣлъ и невредимъ, заплатилъ же жизнью сомнительный англичанинъ, онъ же и оскорбитель безъ серьезнаго повода,—всѣ нашли, что справедливость восторжествовала. Однако, были люди, которые задавали вопросъ, никому въ голову не пришедшій ни разу: зачѣмъ и почему скромный, всегда корректный въ отношеніяхъ, умный

англичанинъ счелъ нужнымъ нелѣпо оскорбить хорошаго стрѣлка, qui a fait ses preuves, и не счелъ возможнымъ извиниться, не пожелалъ уклониться отъ опаснаго поединка?

Загурскій не разыгрывалъ героя, напротивъ, онъ, какъ добрый малый, былъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, подъ гнетомъ происшедшаго. На всѣ вопросы, обращенные къ нему о подробностяхъ поединка и смерти Френча, онъ отдѣлывался полуфразами и переводилъ разговоръ на другое.

Только графинѣ и затѣмъ баронессѣ сказалъ онъ прямо—что никогда не предполагалъ, чтобы ему пришлось въ жизни разыграть роль палача по неволѣ.

— Это тэма для драмы,—сказалъ онъ.—„Le bourreau malgré lui". Я долженъ былъ убивать по неволѣ, не желая того. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало быть убитымъ. Онъ просилъ меня объ этомъ и грозился, что если я не исполню его просьбы, то онъ меня въ наказаніе убьетъ.—Баронессѣ, съ которой графъ, по возвращеніи, сталъ какъ-то гораздо ближе, дружнѣе и чаще видался, онъ признался, прося никому не говорить,—„et surtout pas à cette bavarde de Cora",—что по пріѣздѣ на мѣсто онъ получилъ письмо отъ Френча, которое тотъ, по прочтеніи, просилъ сжечь и никогда никому о содержаніи его не говорить...

— Ну, вотъ, послѣ этого письма, я и разыгралъ роль палача. Еслибы я его не убилъ, онъ, въ отместку, убилъ бы меня. А еслибы промахнулся, то сталъ бы искать новой ссоры, новаго поединка. Вообще жаль этого человѣка. Мало такихъ хорошихъ, симпатичныхъ, честныхъ и несчастныхъ людей.

— Честныхъ?—спросила баронесса, знавшая кое-что отъ Герцлиха.

— Да... Честныхъ, честнѣйшихъ... Но больше ни слова не скажу. Бросимте тревожить память несчастнаго человѣка. Пускай все останется въ тайнѣ. Онъ такъ хотѣлъ. Какое несчастіе для mamzelle Скритицыной, что она не пошла за него замужъ, не рѣшилась бѣжать! Она была бы счастлива съ нимъ. Такихъ людей мало на свѣтѣ... Ихъ совсѣмъ почти нѣтъ въ наше время... Но довольно. Царство ему небесное.

Графиня была бурно радостна, встрѣтивъ графа невредимымъ; на утро послѣ возвращенія его, между ними произошла снова ссора, какія бывали всегда. Но поводъ былъ новый. До сихъ поръ поводомъ служила ревность Коры, или же черезчуръ рѣзкія выходки графа, иронизированіе, обидныя шутки... Кора иногда теряла терпѣніе и отвѣчала, что она не рабыня его, не

содержанка его, не актриса Діана Д'Альбре, привыкшая къ грубому обращенію своихъ содержателей.

Въ этихъ размолвкахъ на нѣсколько дней, на недѣлю, волновалась одна Кора. Загурскій же всегда добродушно относился къ „горячкѣ" Клеопатры Михайловны, какъ называлъ онъ ее при этомъ, и нетерпѣливо ждалъ, чтобы она перестала „дуться".

На этотъ разъ ссора произошла крупная и совершенно иного характера. Графу снова были нужны деньги... Его дуэль подняла на ноги его кредиторовъ... Онъ вернулся невредимъ, но кредиторы, разъ поднявшись, не отступали, будто боясь другой, второй дуэли...

Денегъ у графини не было... У нея было только письмо, полученное наканунѣ отъ управляющаго, приходившаго въ отчаяніе, что „ея сіятельство" не даетъ приказаній и указаній, какъ поступать въ виду продажи ея главнаго имѣнія.

Убѣдясь лично изъ письма управляющаго, которое Загурскій внимательно прочелъ, въ какомъ положеніи денежныя дѣла графини, онъ началъ смѣяться, подшучивать, но кончилъ тѣмъ, что заявилъ:

— Alors, ma bonne, je vous tire ma révérence... Мнѣ нужна женщина, которая могла бы мнѣ иногда помочь, выручить... И я займусь теперь пріисканіемъ такой... Если не янки въ юбкѣ, эта „Скайка", то другая какая. Лучше бы эта. Но вѣдь она пожелаетъ, конечно, бракосочетанія, а я до такихъ сочетаній не охотникъ. Стало быть, надо другую какую искать. Есть у меня одна на примѣтѣ, но въ ней нѣтъ ни молодости, ни красоты, ни забавности... Зато состояніе... приличное, года на три хватитъ... Такъ вотъ, ma bonne, пожалуйста, ne m'en voulez pas.

— Ты серьезно говоришь?—спросила Кора, мѣняясь въ лицѣ отъ гнѣва.

— Понятно. Какія тутъ шутки! Sérieux comme la mort.

— Хорошо. Помни только, что я этого никогда не позволю и не допущу.

— Ба! Какимъ же это образомъ, Клеопатра Михайловна?—разсмѣялся Загурскій дерзко, почти нахально, что̀ противорѣчило его изящной фигурѣ.

— Я этого не позволю! Слышишь? Не по-зво-лю!—протянула Кора дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ.

— Vous êtes ridicule, ma bonne!—воскликнулъ Загурскій, вставая. И, взявъ шляпу, онъ надѣлъ ее на голову...

— Впрочемъ, franchement... — заговорилъ онъ, хихикая.— Вѣдь мы другъ другу ужъ успѣли и надоѣсть. Ça a duré trop. Ты

какъ-то будто постарѣла! Tu es fanée, ma chère fleur. Да потомъ длинные романы à la Eugène Sue скучны, пріѣлись. Теперь въ модѣ Мопассаны... Des études, des ébauches... Такъ и въ жизни. Въ любви... Да. Да. Ça a duré trop.

— Графъ Альфонсъ Загурскій, извольте выйти вонъ!—вскрикнула Кора, указывая на дверь.

Лицо Загурскаго вдругъ потемнѣло, и онъ, грозясь пальцемъ, глухо выговорилъ:

— Ну, я этого слова не забуду, графиня.

XIX.

Между тѣмъ, вскорѣ же по возвращеніи въ Парижъ вмѣстѣ съ своимъ секундантомъ, взятымъ случайно и необдуманно, Загурскій раскаялся.

Онъ встрѣчалъ Мойера въ обществѣ, зналъ, что тотъ журналистъ—полу-румынъ, полу-французъ, умный, благовоспитанный. Заняться опредѣленіемъ, что̀ это за личность и какая у него репутація, Загурскому и на умъ не пришло.

Оказалось, что въ Парижѣ и въ особенности въ большомъ свѣтѣ, куда журналистъ протерся, на него многіе смотрѣли такъ же, какъ и баронъ Герцлихъ...

Многіе, конечно, полюбопытствовали узнать, на какихъ условіяхъ состоялся поединокъ. По словамъ Мойера, все было просто, правильно и законно. По мнѣнію же людей даже несвѣдущихъ, оказалось вдругъ, что дуэль была не поединкомъ, а простымъ убійствомъ. Первый выстрѣлъ принадлежалъ графу Загурскому, какъ оскорбленному, а между тѣмъ разстояніе между противниками было назначено—въ шесть шаговъ. Стрѣляя отлично, графъ могъ промахнуться только умышленно... Поэтому пуля и положила на мѣстѣ противника, войдя въ щеку и выйдя въ затылокъ. Мойеръ оправдывался тѣмъ, что ему поручено было поставить самыя тяжелыя условія, и д'Ульгату слѣдовало ихъ смягчить и не соглашаться.

Самъ Загурскій объяснялъ, что и на двадцать-пять шаговъ онъ попалъ бы все-таки въ голову противника, такъ какъ на этомъ разстояніи на десятокъ выстрѣловъ въ игральную карту болѣе двухъ промаховъ никогда не дастъ.

Однако нашлись люди въ той же пестрой экзотической средѣ, которые будто избѣгали графа.

Д'Ульгатъ не могъ оправдать противную сторону, такъ какъ

все еще оставался съ тѣломъ убитаго въ Женевѣ, гдѣ предполагались похороны.

Найдя на Френчѣ письмо на свое имя, онъ узналъ, что долженъ телеграфировать въ Ирландію, его матери... Въ ожиданіи ихъ, д'Ульгатъ пробылъ около недѣли въ Женевѣ, а когда вернулся въ Парижъ, то встрѣтилъ также холодный пріемъ во многихъ домахъ, гдѣ бывалъ.

Установилось общее мнѣніе, что хотя корректный англичанинъ, принятый въ большомъ свѣтѣ, и оказался вдругъ сомнительной личностью, тѣмъ не менѣе это не давало, конечно, права польско-русскому графу и двумъ французамъ убить его какъ собаку...

Однако вскорѣ же всѣ тѣ, кто не кланялись, или избѣгали, или косились, или были холоднѣе по отношенію къ Загурскому, Мойеру и д'Ульгату, постепенно снова стали вести себя съ ними по прежнему.

Поводомъ послужило письмо госпожи Френчъ, напечатанное въ „Mappemonde", въ которомъ уже очень пожилая и почтенная женщина объясняла, что ея старшій сынъ искалъ смерти. Если графъ Загурскій изъ чувства долга не хочетъ огласить то, что знаетъ, и себя оправдать, то она, мать покойнаго, считаетъ своимъ долгомъ увѣрить всѣхъ, что графъ велъ себя при поединкѣ и продолжаетъ теперь вести себя какъ истинный джентльменъ.

XX.

Умный былъ человѣкъ докторъ Рудокоповъ, а поступилъ какъ младенецъ или какъ односторонне умный человѣкъ, не признающій бытія того, чего онъ не видитъ или не понимаетъ. Любовь для Рудокопова не существовала. Онъ признавалъ настроеніе любовное, которое, какъ музыкальная пьеса, прозвучитъ и канетъ куда-то... Колебаніе воздуха отъ звука прекратилось—и нѣтъ ничего... А гдѣ же этотъ романъ, или nocturno, или симфонія? Въ нотахъ—каракульки, въ инструментѣ совсѣмъ ничего не осталось, въ воздухѣ тоже ничего. Что летало—улетѣло. Въ мозгу, въ памяти что-то осталось, но это—отраженіе того, что было, а не само оно.

Такъ и любовь... Симфонія... Хорошая... Но это не дѣйствительность. Это—миражъ... И непремѣнно проходящій и краткосрочный. Въ противномъ случаѣ, это—притворство или сумасшествіе.

Рудокоповъ самъ никогда не любилъ ни одной женщины и,

по его словамъ, встрѣчалъ только куколъ, самокъ, психопатокъ. Однако онъ соглашался съ опредѣленіемъ одного изъ своихъ товарищей по университету и сознавался, что онъ самъ—„существо средняго рода“. И надо говорить про него: „Сіе Адріано Рудокопово“. При чемъ „оно“, существо доброе и дѣльное, женщиной быть не можетъ, а мужчиной быть не хочетъ.

Считая, что у его Любочки, которую онъ любилъ, тоже было „настроеніе“, тоже прозвучала въ ней и улетѣла симфонія любовная, Рудокоповъ отнесся небрежно къ извѣстію о смерти „сумнительнаго англичанина“, падкаго на приданницъ.

Когда пришло извѣстіе о катастрофѣ, Дубовскій запретилъ людямъ въ домѣ и равно просилъ знакомыхъ обождать и не объявлять объ этомъ Эми, чтобы понемногу приготовить ее къ извѣстію.

Рудокоповъ обѣщалъ молчать, но самъ думалъ:

„Да, ея Френчъ уже давно умеръ. Она сама это понимаетъ и даже чувствуетъ. Что же ей до этого другого Френча, что теперь застрѣлили“...

И докторъ, болтая о чемъ-то съ Эми, уже вполнѣ оправившейся, не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Ну, Любовь Борисовна, отъ вашей парочки Френчей, знаете, совсѣмъ ничего не осталось. Одного вы похоронили, а другого Загурскій прикончилъ.

— Какъ? Когда?.. Они дрались развѣ?—спокойно спросила молодая дѣвушка.

— Да, и графъ его убилъ наповалъ.

Эми посидѣла нѣсколько мгновеній молча, потомъ начала бѣлѣть, а затѣмъ опрокинулась на подушки безъ сознанія и не приходила въ себя два часа, несмотря ни на какія употребленныя средства. Придя въ себя, она показалась доктору въ крайне странномъ и, конечно, опасномъ положеніи.

XXI.

Чрезъ мѣсяцъ весь великосвѣтскій кружокъ Парижа, но не мѣстный, состоящій изъ аборигеновъ, а наносный, состоящій изъ экзотиковъ, былъ въ полномъ сборѣ въ церкви Saint-Germain-l'Auxerroix, гдѣ совершался обрядъ бракосочетанія извѣстнаго богача банкира съ извѣстной въ обществѣ une femme de Balzac.

— Il fallait bien finir par là!—говорили одни. — C'était tapageux...

— Tout est bien, qui finit bien!

— Можетъ быть, это не конецъ, а начало...

— Начало чего?..

— Второго романа.

— Вдовецъ и вдова—говорятъ, это самые счастливые браки.

— Да. И преимущественно когда обоимъ вмѣстѣ болѣе ста лѣтъ. А этимъ, кажется, капельку не хватаетъ для сотни.

— Il fait une grosse sottise!

— Почему?

— C'est une femme sur le retour. Si elle allait retourner...

Въ церкви, въ группѣ молодежи, былъ и журналистъ Мойеръ. Онъ не былъ приглашенъ, а назойливо явился самъ. Странно улыбаясь или сдерживая смѣхъ, Мойеръ подъ звуки органа мурлыкалъ изъ „Belle Hélène“ пѣсенку: „Le mari de la reine! Ri... de la reine! Ri... de la reine“...

Въ числѣ шаферовъ на свадьбѣ былъ и графъ Загурскій—у невѣсты, и герцогъ Оканья—у жениха.

Двѣ личности не были на свадьбѣ, и ихъ отсутствіе было замѣчено: графиня Нордъ-Остъ и Любовь Скритицына не присутствовали.

Молодая дѣвушка была серьезно больна и даже въ продолженіе недѣли чуть не при смерти. И ни для кого не было теперь тайной, какія причины вызвали опасную нервную болѣзнь. Что касается до красавицы-графини, то ходилъ слухъ съ сотней варіантовъ, что она поссорилась съ своимъ другомъ баронессой предъ самой свадьбой.

— Почему?—изумлялись близкіе люди, въ родѣ герцога Оканья, д'Ульгата.

— За графиней сталъ ходить по пятамъ японецъ виконтъ Фушигама.

— Что же баронессѣ до этого?

— Она слишкомъ обрадовалась замѣнѣ.

Мойеръ подхватилъ болтовню, сплетни и пересуды. И черезъ два дня послѣ вѣнчанія, когда молодые уѣхали на двѣ недѣли въ Пиренеи, въ газетѣ „Mappemonde“ появилась „Nouvelle à la main“.

„На дняхъ въ Парижѣ была блестящая свадьба, которой предшествовалъ разрывъ между двумя давнишними пріятельницами. Когда стали доискиваться причины ссоры, то кто-то сказалъ: Cherchez l'homme! На это многіе отвѣчали: Oh, alors... Il est tout trouvé“.

Черезъ недѣлю газета перешла въ другія руки, и ходилъ слухъ, что ее за крупную сумму купилъ баронъ Герцлихъ. Зато тот-

часъ появилась новая газетка: „Le Parisien“, съ тѣми же именами сотрудниковъ, что̀ исчезли со столбцовъ „Mapremonde“. Въ ней говорилось съ пѣною у рта объ евреяхъ и ихъ эксплуатаціи всѣхъ и всего. Въ „Mapremonde“ появилась тотчасъ статья, надѣлавшая много шуму въ журнальномъ мірѣ, подъ заглавіемъ: „Jacques l'Eventreur de la Presse“.

Въ ней говорилось, что таинственный лондонскій преступникъ Жакъ-Распарыватель, безнаказанно рѣжущій женщинъ и ускользающій отъ рукъ правосудія, не такъ опасенъ обществу, какъ журналисты, которые подъ псевдонимомъ таскаютъ въ грязи и позорятъ чье-либо честное имя клеветами и выдумками, и не по злобѣ, а ради преступной выгоды...

Однимъ словомъ, статья бичевала новое, все сильнѣе развивающееся въ печати явленіе—шантажъ. Кто разумѣлся подъ именемъ Жака-Распарывателя Прессы—было ясно...

Однако въ газеткѣ „Le Parisien“ не унялись, и въ ней начали появляться возмутительные намеки на нѣкоторыхъ иностранцевъ. Появился разсказъ: „Duc D'Ocanaille“, осужденный на галеры за détournements de mineures. Затѣмъ появились путевыя письма изъ Америки, гдѣ описывалась милліонерша mistriss Irka-May, влюбленная въ своего лакея. Наконецъ, былъ пущенъ слухъ, что одинъ молодой русскій князь, извѣстный идіотъ, помѣщенъ въ maison de santé! Одновременно упоминался и превозносился постоянно богачъ д'Ульгатъ, аристократъ древняго рода, потомокъ крестоносцевъ...

Вскорѣ у газетки завелись вдругъ крупные фонды, она увеличилась въ объемѣ и прекратила нападки и намеки на извѣстныхъ Парижу экзотиковъ. Разумѣется, они постарались смѣнить гнѣвъ на милость.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ газетѣ стала превозноситься до небесъ замѣчательная красавица и замѣчательная пѣвица, равной которой Парижъ еще не видалъ, вдобавокъ обладательница бриллянтовъ на полмилліона. Ее называли то „La belle D'Albert“, то „La Dame aux Diamants“, то, наконецъ, „Nouvelle Diane chasseresse“.

Одновременно бульварный міръ много толковалъ о журналистѣ Мойерѣ, который внезапно разбогатѣлъ и страшно сорилъ деньгами.

За это же время Владиміръ Ивановичъ Дубовскій ближе сошелся съ Гастингсомъ-Машоновымъ, понявъ, что это человѣкъ не простой, а въ самомъ дѣлѣ omnipotentia.

Дубовскій, зайдя однажды къ новому пріятелю, нашелъ у него журналиста Мойера, который держался какъ у себя дома.

Послѣ его ухода, Егоръ Егоровичъ объяснилъ, что Мойеръ—золотой человѣкъ, умница—и на всѣ руки. Будетъ депутатомъ и министромъ не позже двухъ-трехъ лѣтъ...

Дубовскій увидѣлъ на столѣ пріятеля французскую бумагу, гербовую, оффиціальную — донесеніе очень высокопоставленному лицу съ подписью крупнаго политическаго дѣятеля. Онъ, удивляясь, попросилъ объясненія.

Машоновъ заявилъ таинственно и самодовольно:

— Эта бумажка теперь у меня—спасибо Мойеру. А стоитъ она мнѣ пять тысячъ франковъ только... Въ Берлинѣ ей цѣна десять или двадцать тысячъ марокъ, да главное съ прибавкой почетной награды.

— Неужели такая личность, какъ онъ,—показалъ Дубовскій на подпись,—продастъ важную бумагу?..

— Не знаю. Это не мое дѣло,—смѣясь, отозвался Машоновъ, а самъ думалъ:—„Экой дуракъ! Не понимаетъ, что документъ не купили, а стибрили, и что деньги обыкновенно получаетъ не тотъ, у кого воруютъ“.

Узнавъ, что Дубовскій собирается въ Россію, Машоновъ предложилъ сдѣлать полъ-дороги вмѣстѣ, такъ какъ онъ тоже собирался въ Берлинъ по крайне важному дѣлу.

XXII.

Когда Эми нѣсколько оправилась, Рудокоповъ передалъ ей письмо, давно пришедшее на ея имя.

Письмо было отъ Френча. Онъ писалъ:

„Эми! Когда вы будете читать эти строки, отъ меня останется на землѣ лишь трупъ въ гробу. Сердце, которое билось, чувствовало и любило васъ, будетъ... не знаю чѣмъ... Не хочу думать и говорить объ этомъ. Теперь я тамъ; придетъ день, и вы будете тоже тамъ... Но со мною ли? Когда писались эти строки, я этого не зналъ... Теперь, когда вы ихъ читаете — я знаю... Я васъ любилъ, васъ одну, за все мое земное существованіе... Любилъ искренно, глубоко, честно!.. Моя жизнь была слѣпой судьбой отдана вамъ, въ ваши руки, на вашъ произволъ, на вашу прихоть. Вы этой жизнью простодушно, по-дѣтски, играли, и проиграли ее дьяволу, отцу горя и несчастія. Но довольно... Вѣдь я уже мертвъ... Ничего вернуть нельзя. Можно вернуть одно — память обо мнѣ; мой земной обликъ—честнаго человѣка, или негодяя?.. Весь вопросъ въ этомъ. Ради этого я и

пишу письмо, которое моя несчастная мать передастъ или перешлетъ вамъ... Эми, я—честный человѣкъ. Честь тамъ, гдѣ я теперь, не существуетъ... Но вы еще на землѣ, и я хочу, чтобы тамъ, гдѣ вы теперь, я былъ достоинъ вашихъ милыхъ, чистыхъ, дорогихъ мнѣ слезъ. Да, Эми, я чѣстный былъ человѣкъ. Вотъ моя исповѣдь. Крестъ, который я несъ на землѣ, и подъ тяжестью котораго я изнемогъ и палъ на пути,—палъ, чтобы не встать... Вотъ онъ! Это—исторія мизернаго существованія гордаго человѣка...

„Я и братъ мой—дѣти бѣдной семьи... Братъ мой, младшій—сынъ мужа моей матери. Я, ея старшій сынъ—сынъ лорда, самаго древняго и богатаго рода, пэра Англіи, который обожалъ меня, собирался жениться на моей матери, чтобы узаконить мое положеніе... Но внезапная смерть его сказала свое рѣшающее слово. Мужъ моей матери, г. Френчъ, изъ жалости, далъ мнѣ свое имя, вмѣсто имени громкаго въ лѣтописяхъ Англіи.

„Покинувъ школу, мы съ братомъ переселились во Францію, чтобы легче и скорѣе выбраться изъ мрака нужды; оба хорошо подготовленные для спеціальныхъ занятій, мы поступили на службу въ банкирскій домъ Фингера, тѣсно связаннаго съ домами Ротшильдовъ. Наша карьера дѣлалась быстро; насъ полюбили, мы были полезнѣе другихъ, будущее обѣщало быть блестящимъ. Но зараза Парижа коснулась брата. Покуда я съ трудомъ вошелъ и вращался въ лучшемъ обществѣ, братъ попалъ въ иную, тоже блестящую среду, но прокаженную... Женщина сгубила его. Однажды братъ оказался преступникомъ: онъ сдѣлалъ подлогъ и растрату страшно крупной для насъ суммы.

„Я обожалъ мою мать... Моя мать нѣжно относилась ко мнѣ, но насиловала себя... Ея мужъ попрекалъ ее мною, и она не могла любить меня. Зато она обожала, боготворила настоящаго сына, а не поддѣльнаго. Я зналъ, что послѣдствія страшнаго поступка брата убьютъ мать. Я долго колебался, но рѣшился, однако, взять преступленіе брата на себя... Я васъ тогда еще не встрѣтилъ, Эми. При раскрытіи всего дѣла и начатаго слѣдствія, я отправился къ главѣ банкирскаго дома, къ 80-ти-лѣтнему старику Фингеру, и сознался во всемъ... во всемъ, чего не сдѣлалъ, не могъ сдѣлать по натурѣ. Старикъ, всегда любившій меня, какъ родного, всегда отличавшій и ставившій въ примѣръ другимъ,—былъ пораженъ до слезъ. Да. Я видѣлъ слезы, ради себя, на глазахъ чужого мнѣ человѣка. Старикъ объяснилъ мнѣ, что я долженъ искупить содѣянное, что денегъ ему не жаль, но молодого человѣка, котораго онъ лю-

билъ и уважалъ, страшно жаль, въ смыслѣ разочарованія... Все, что̀ сталъ говорить мнѣ этотъ безконечно-добрый, сердечный старецъ, взволновало меня настолько, что я, взявъ съ него слово въ сохраненіи тайны, признался снова... въ правдѣ. „Я честный! честный“!—закричалъ я ему, упавъ предъ нимъ на колѣни и цѣлуя его руки, какъ у родного дѣда.

„Фингеръ сдержалъ слово, тайна не была обнаружена, но дѣло было затушено и прекращено, якобы по недостаточности уликъ. Я былъ уволенъ изъ дома Фингеровъ, а черезъ два мѣсяца послѣ меня былъ уволенъ и братъ... Мы уѣхали въ Англію, чтобы быть около матери, но вскорѣ я бѣжалъ отъ бѣдной женщины... Она не могла простить мнѣ мою низость, безчестность и, наконецъ, пагубное вліяніе на судьбу ея милаго, честнаго сына, пострадавшаго изъ-за меня. „Ты—мой живой позоръ! — говорила мнѣ мать постоянно. — Ты не сынъ мнѣ. Въ моемъ родѣ не было ни одного такого“...

„Вскорѣ братъ умеръ отъ несчастнаго случая на охотѣ. Моя мать съ трудомъ пережила эту потерю, и стала жить лишь памятью о сынѣ и обожаніемъ этой памяти... Могъ ли я придти и отнять у нея это послѣднее?.. Я оставался въ Парижѣ и продолжалъ работать съ клеймомъ на лбу, по счастію невидимымъ, скрытымъ по приказанію милаго и добраго старца....

„И вотъ вдругъ, среди безрадостной, безразсвѣтной жизни, я встрѣтилъ васъ... За годъ до этой встрѣчи я могъ жениться на дѣвушкѣ, соотечественницѣ, съ огромнымъ состояніемъ. Но я не любилъ ее... Я ни разу, никогда, ни къ одной женщинѣ, не почувствовалъ того, что̀ видѣлъ въ другихъ, кругомъ, повсюду... Безумно полюбивъ васъ, Эми, я, какъ ребенокъ, не сознавалъ и не зналъ, какъ именуется то, что̀ я чувствовалъ.

„Все, что̀ было между нами — вы знаете... Одновременно, чуть не въ одинъ день, вы сказали мнѣ „люблю“, а невидимая, вражеская, демонская рука подняла, вырыла на свѣтъ старое, забытое дѣло, прежнее мое преступленіе, котораго я не совершилъ... Изъ любви къ вамъ, я бы пошелъ на все, не пожалѣлъ бы матери. Но братъ не могъ уже свидѣтельствовать и сознаться... Старикъ Фингеръ не могъ сказать правду и заступиться за меня. Онъ тоже былъ на томъ свѣтѣ, унеся съ собой мою тайну—и, слѣдовательно, мое спасеніе.

„Въ эти дни, Эми, потерявъ голову, я рѣшился на самое дурное дѣяніе всей моей жизни... Я обѣщалъ моимъ врагамъ уплатить свой долгъ... вашими деньгами, въ будущемъ, когда вы станете моею... Простите мнѣ это... Я зналъ, что, отдавъ мнѣ

себя, вы не пожалѣете ничего, чтобы спасти меня,—не только денегъ...

„Когда вы не рѣшились стать моею, по слабости воли, и когда я погибалъ, ожидая всякій день позора и казни за чужое преступленіе, — я рѣшился кончить это жалкое существованіе... Мнѣ предстоялъ выборъ... Или ваше презрѣніе ко мнѣ живому, или вашу добрую память о мнѣ, какъ о мертвецѣ. Рѣшиться на самоубійство я не могъ. Одно и единственное благо моей жизни —религія—не позволяло мнѣ это... Я ирландецъ-католикъ, ультрахристіанинъ. Идти на вѣрную смерть Христосъ дозволялъ мнѣ, но поднять свою руку на самого себя... этого даже вы, Эми, не заставили бы меня сдѣлать. А мое чувство къ вамъ было для меня второй религіей...

„И вотъ я нашелъ человѣка, способнаго стать палачомъ изъ-за чувства самосохраненія. Но не могу понять, какъ умный Загурскій не догадывался, что я, становясь подъ его выстрѣлъ, никогда бы не сталъ стрѣлять въ него, еслибы онъ промахнулся... Я бы сталъ искать по свѣту другого палача и, конечно, нашелъ бы его.

„Вотъ вся правда, Эми. Ужасная правда... Вотъ доказательство, что человѣкъ не имѣетъ права играть и жертвовать своей честью, даже и ради родной матери или родного брата. Судьба наказываетъ его за это... Я рѣшился поступить со своей честью какъ съ игрушкой, а затѣмъ встрѣтилъ васъ, а въ васъ—наказаніе... Теперь я молю объ одномъ... Истинно хорошимъ людямъ трудно, труднѣе жить на свѣтѣ. Дьяволъ ежечасно на стражѣ около нихъ, чтобы отнять ихъ у Бога, взять себѣ... А если не одолѣть совсѣмъ, то хоть потѣшиться, заставить проклинать благо, данное имъ Создателемъ... Молю васъ, Эми, не оступитесь въ жизни, не станьте несчастны. Я хочу, чтобы вы были счастливы. Страстно хочу. Это—мое послѣднее желаніе, моя послѣдняя мольба Творцу міра. Мнѣ что-то говоритъ, что дьяволъ около васъ... или будетъ около васъ и погубитъ. Знайте это... Защищайтесь и завоюйте счастіе жизни.

„Если душа человѣка, ушедшая въ иные міры, иногда возвращается и витаетъ на землѣ, то моя, Эми, будетъ не возвращаться лишь, а пребывать на этой землѣ, всегда, съ вами, охраняя васъ и моля Творца о томъ, чтобы ваша чаша земного существованія не была отравлена... Но я боюсь, боюсь за васъ... Что-то говоритъ мнѣ:—До скораго свиданія!“

Гр. Евг. Сальясъ.

РЕФОРМАЦІОННОЕ ДВИЖЕНІЕ

ВЪ

КИТАѢ

Окончаніе.

VIII *).

Ничто не можетъ сравниться съ тѣми ужасными бѣдствіями, которыя причиняетъ Китаю Желтая-рѣка, когда ея бѣшеныя волны, прорвавшись въ какомъ-нибудь мѣстѣ бурнымъ и неудержимымъ потокомъ, истребляютъ все попадающееся имъ на пути; плодородныя нивы обращаются ими въ безплодныя пустыни, цвѣтущія деревни и фермы уносятся цѣликомъ, и масса человѣческихъ жизней дѣлается жертвою этой грозной стихійной силы. Затѣмъ, какихъ матеріальныхъ жертвъ каждый разъ стоитъ китайскому правительству только загражденіе прорывовъ,—не считая затратъ на поддержаніе существованія пострадавшихъ,—можно судить по тому, что загражденіе недавняго прорыва Желтой-рѣки въ Чжэнъ-Чжоу, провинціи Хэ-Нань, обошлось казнѣ въ 20 милл. рублей.

Въ виду такой жизненной важности этого вопроса для Китая, авторъ разсматриваемаго нами сочиненія [1]), прежде чѣмъ предложить для урегулированія теченія Желтой-рѣки и ослабленія при-

---

*) См. выше: окт., 474 стр.

[1]) „Тэнъ-ши-вэй-янь“ („Предостереженіе объ опасностяхъ, могущихъ угрожать въ цвѣтущее время“), сочин. мандарина Тао-гуань-ина.

чиняемыхъ ею золъ нѣкоторыя мѣры, замѣчаетъ, что прорывы Желтой-рѣки происходятъ главнымъ образомъ отъ засоренія нижняго ея теченія наносными песками. Проходя болѣе 800 верстъ по равнинѣ, рѣка, почти на всемъ протяженіи до моря, потребовала, вслѣдствіе того, сооруженія береговыхъ плотинъ, земля для которыхъ бралась не со дна рѣки, а съ прибрежныхъ полей. По мѣрѣ осыпанія въ рѣку вершинъ плотины, земля для исправленія ихъ бралась опять съ тѣхъ же полей. Благодаря этому, съ теченіемъ времени, русло рѣки оказалось значительно выше прибрежныхъ полей. Вслѣдствіе наклонности воды стремиться внизъ происходило то, что рѣка обращалась въ поля, а поля въ рѣку. Вотъ причина неоднократнаго перемѣщенія русла Желтой-рѣки. Послѣ такого объясненія, для борьбы съ этимъ зломъ, авторъ предлагаетъ: 1) ослабленіе верхняго теченія рѣки, пролегающаго между горъ, что могло бы быть достигнуто устройствомъ у подошвы горъ водоемовъ съ проведеніемъ въ нихъ воды изъ горныхъ долинъ при помощи канавъ, отводомъ воды при помощи каналовъ въ другія рѣки, а при отсутствіи таковыхъ—въ прорытые по обѣимъ сторонамъ Желтой-рѣки каналы, водою изъ которыхъ мѣстные жители могли бы пользоваться для орошенія полей; 2) открытіе побочной рѣки, для отвода извѣстной доли воды изъ Желтой-рѣки другимъ путемъ въ море; наиболѣе удобнымъ исходнымъ пунктомъ для отдѣленія этого рукава авторъ считаетъ Чжэнъ-Чжоу въ Хэ-Нани, потому что отсюда естественные водяные пути идутъ прямо до извѣстной рѣки Хуай, а отсюда чрезъ оз. Хунъ-Цзэ въ море; наконецъ, 3) устройство громаднаго озера для скопленія въ немъ воды изъ Желтой-рѣки. Лучшимъ мѣстомъ для этого авторъ признаетъ западный Ордосъ въ алашанскомъ княжествѣ, гдѣ въ древнѣйшія времена были озера, имѣвшія въ окружности болѣе 500 верстъ. Озеро это должно имѣть одинъ или два выхода на западѣ для пріема воды изъ Желтой-рѣки, и одинъ на восточной сторонѣ озера — для спуска воды. Для регулированія количества воды, выходы эти должны быть снабжены шлюзами, которые при небольшой водѣ въ рѣкѣ должны быть закрыты, такъ что рѣка и озеро остаются совершенно самостоятельными, внѣ всякой зависимости другъ отъ друга. Въ случаѣ громаднаго и быстраго напора воды въ рѣкѣ, для впуска ея въ озеро открывается западный шлюзъ. Какъ бы ни былъ силенъ и быстръ напоръ воды, но при существованіи огромнаго бассейна въ 500 верстъ въ окружности, естественнымъ образомъ, вода должна будетъ потерять добрую половину своей силы. Кромѣ того, масса песку и камней будетъ оставлена въ озерѣ,

вслѣдствіе чего нижнее теченіе рѣки не будетъ засариваться, и такимъ образомъ, даже при полной водѣ въ рѣкѣ, разливъ ея будетъ невозможенъ, коль скоро главная масса воды будетъ течь свободно. Въ подтвержденіе справедливости своего взгляда, авторъ указываетъ на рѣку Мэкензи въ С.-Америкѣ, гдѣ три естественныхъ озера, принимая въ себя излишекъ водъ ея, а вмѣстѣ съ ними камни и песокъ, предупреждаютъ ея разливъ. То же самое значеніе имѣло и Меридово озеро въ Египтѣ для Нила. Но этимъ не ограничивается польза устройства озера въ Монголіи. Имъ занята будетъ площадь, не пригодная для земледѣлія и не вполнѣ удовлетворяющая цѣлямъ скотоводства; такимъ образомъ, отъ этого не пострадаютъ ни казенные, ни частные интересы. Затѣмъ, представляя человѣку возможность распоряжаться уровнемъ воды въ рѣкѣ по своему усмотрѣнію, озеро дастъ возможность прибрежному населенію постоянно и регулярно пользоваться водою изъ Желтой-рѣки для орошенія своихъ полей, чего оно не имѣетъ теперь при отсутствіи озера, когда, при поднятіи въ ней воды, она разливается на громадное пространство, а при спадѣ ихъ русло ея оказывается слишкомъ удаленнымъ отъ прибрежныхъ жителей. При возможности регулировать уровень воды въ рѣкѣ, остаткомъ ея влаги для тѣхъ же оросительныхъ цѣлей могутъ воспользоваться омываемые ею восточные предѣлы Шэнь-Си, западныя Сань-Си, центральныя области Хэ-Нани, западныя Шань-Дуна, сѣверныя Ань-Хуа и южныя Чжили. Мало того, съ устройствомъ этого озера, вода въ нижнемъ теченіи Желтой-рѣки, вплоть до самаго моря, превратившись изъ мутной въ прозрачную, будетъ содѣйствовать размноженію въ ней рыбы и облегченію по ней судоходства.

Нѣкоторые говорятъ,—замѣчаетъ авторъ,—что урегулированія Желтой-рѣки можно было бы достигнуть обращеніемъ ея ложа, на всемъ протяженіи нижняго ея теченія, лежащаго гораздо выше уровня окружающей мѣстности, въ береговую плотину, съ предварительнымъ сооруженіемъ другой, параллельной ей, береговой плотины, и затѣмъ спускомъ воды въ это новое русло; но опасаются, какъ бы не сдѣлаться посмѣшищемъ всего міра, такъ какъ это грандіозное дѣло, сопряженное съ матеріальными затратами и удрученіемъ народа, не легко осуществимо. Признавая всю трудность осуществленія этого плана, какъ всякаго другого новаго предпріятія, авторъ, однако, видимо отдаетъ ему преимущество предъ существующею нынѣ палліативною системою загражденія прорывовъ по мѣрѣ образованія ихъ.

Въ заключеніе авторъ указываетъ на сходныя, по характеру

своему, съ Желтой-рѣкою рр. Миссисипи и Амазонку, которыя, благодаря правильно устроеннымъ и обсаживаемымъ деревьями береговымъ плотинамъ, или дамбамъ, превратились въ глубокія рѣки съ быстрымъ теченіемъ, уносящимъ въ море песокъ и грязь, и такимъ образомъ утратили свою разрушительную силу.

IX.

Въ Европѣ и Америкѣ главными стимулами, по словамъ автора, для поднятія торговли являются выставки, служащія къ поощренію ея, компаніи или общества, служащія къ регулированію торговли, и таможенные тарифы, имѣющіе цѣлью поддержаніе и охраненіе ея. Но Китай не съумѣлъ своевременно воспользоваться хорошими сторонами этихъ трехъ стимуловъ и избавиться отъ ихъ недостатковъ. Что же удивительнаго, что, несмотря на постоянные толки о торговлѣ, она находится въ плачевномъ состояніи!—восклицаетъ авторъ.

„Извѣстно, что произведенія человѣческаго труда различаются между собою, какъ по качеству самаго труда, такъ и матеріала; и потому, если Китай, усвоивъ иностранные способы производства, будетъ постепенно стремиться къ усовершенствованію ихъ, то со временемъ грубыя произведенія его обратятся въ тонкія и искусныя; но если онъ, продолжая охранять свою старину, не будетъ обращать ни на что вниманія, то само собою разумѣется, что и хорошія произведенія его труда обратятся въ плохія. Во избѣжаніе застоя въ производительности и упадка ея, въ западныхъ странахъ и въ Америкѣ и устроиваются выставки, служащія мѣриломъ успѣха, достигнутаго тою или другою страною въ разныхъ областяхъ произведеній человѣческаго труда.

„Начало выставкамъ положено было въ Англіи лондонскою выставкою, за которою слѣдовали парижская, вѣнская, филадельфійская, парижская и въ Чикаго, 1892 г., въ память исполнившагося четырехсотлѣтія со дня открытія Америки Колумбомъ, по размѣрамъ и обстановкѣ представлявшая величайшее и небывалое міровое зрѣлище“... Перечисляя разные отдѣлы этой выставки, авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что выставка эта, устройство и содержаніе которой обошлось болѣе 22 милл. долларовъ, должна была дать отъ однихъ входныхъ билетовъ около 18 милл. долларовъ. „Неужели американцы, до такой степени не щадившіе ни трудовъ, ни матеріальныхъ затратъ на устройство этой выставки, имѣли въ виду доставить міру только великолѣпное зрѣ-

лище? Собравъ въ своихъ стѣнахъ сокровища человѣческаго труда всего міра и произведенія всѣхъ царствъ природы, выставка имѣла въ виду расширеніе знаній, поощреніе талантовъ, поднятіе торговли и промышленности. Ближайшія выгоды ея заключались въ томъ, что она дала громадный заработокъ гостинницамъ, телеграфамъ, пароходамъ, желѣзнымъ дорогамъ и т. п.".

„Все то, чего мы не видѣли и не слышали, какъ бы прекрасно ни было въ теоріи, остается недоступнымъ для нашего подражанія. Когда же произведенія міровой промышленности собираются въ одномъ мѣстѣ, съ цѣлью соревнованія въ искусствѣ, то, благодаря этому, мы получаемъ возможность усовершенствоваться въ томъ, что̀ мы уже умѣемъ, и изучать то, чего не умѣемъ, съ гораздо большею легкостью, чѣмъ на основаніи собственныхъ соображеній и измышленій. Сравнивая произведенія разныхъ странъ, мы будемъ въ состояніи лучше понять, какъ удобнѣе приняться за развитіе и расширеніе въ нашей странѣ того, что̀ уже въ ней существуетъ, и приступить къ постепенному насажденію и усвоенію того, чего въ ней нѣтъ, гораздо скорѣе, чѣмъ бы это мы сдѣлали при нашемъ узкомъ кругозорѣ и малоопытности"...

Въ своемъ увлеченіи могущественнымъ вліяніемъ выставокъ на развитіе человѣчества авторъ доходитъ до того, что признаетъ возможнымъ даже безъ всеобщаго обученія и путешествій, при помощи однѣхъ выставокъ, освободиться отъ невѣжества и развить свой умъ.

„Непосредственно послѣ выставокъ замѣчается подъемъ умственныхъ силъ народа, улучшеніе ремеслъ и искусствъ, увеличеніе естественныхъ богатствъ и процвѣтаніе торговли. Вотъ польза выставокъ для государства и народа въ дальнѣйшемъ будущемъ. Такимъ образомъ, принося государству и народу непосредственную выгоду въ настоящемъ, выставки сопровождаются еще безконечными, благодѣтельными послѣдствіями въ будущемъ. Относиться подозрительно къ выставкамъ только въ силу того, что въ древности не было ничего подобнаго, и отказаться отъ усвоенія того, чего нѣтъ у насъ и что̀ есть у иностранцевъ—что̀ же это такое?

„За послѣдніе годы торговля Китая пришла въ упадокъ, народныя силы истощены, государственная казна опустѣла, во всемъ мы уступаемъ другимъ, во всемъ находимся въ зависимости отъ другихъ—и, несмотря на это, надменно заявляемъ, что мы—великое государство, а они (т.-е. иностранцы)—маленькія государства! Конечно, есть средства достигнуть богатства и

силы, не повелѣвая и не получая приказаній. Но страдать самомнѣніемъ, или самоуничиженіемъ, ничего не видѣть и не слышать, всецѣло предоставить народъ его мукамъ и страданіямъ, не обращая на нихъ ровно никакого вниманія,—развѣ такъ, въ самомъ дѣлѣ, поступали люди мудрые? Поэтому, при желаніи обогатить китайскій народъ, необходимо поднять торговлю; а при желаніи поднять торговлю—необходимо открыть выставку, начавъ съ Шанхая, какъ главнаго китайско-иностраннаго торговаго центра, связаннаго со всѣмъ міромъ пароходными и телеграфными сообщеніями"... Затѣмъ, авторъ излагаетъ въ порядкѣ постепенности всѣмъ извѣстную процедуру организаціи международныхъ выставокъ, начиная съ реализаціи необходимыхъ для устройства выставки средствъ посредствомъ выпуска акцій и съ извѣстною субсидіей отъ правительства. Если же устройство, въ настоящее время, въ Китаѣ всемірной выставки будетъ признано явленіемъ несвоевременнымъ, потому что на промышленность и производительность въ немъ до сихъ поръ недостаточно обращено вниманіе, что она не идетъ, какъ на Западѣ, путемъ постояннаго прогресса и не дала еще выдающихся результатовъ, то авторъ совѣтуетъ, по примѣру Японіи, пока ограничиться разными мѣстными выставками, рекомендуя, чтобы на нихъ, кромѣ разныхъ мѣстныхъ произведеній, показывались еще и новѣйшія иностранныя машины, пріобрѣтаемыя правительствомъ. При этихъ условіяхъ, онъ надѣется, что лѣтъ чрезъ десять китайская промышленность не только далеко оставитъ за собою японскую, но даже будетъ въ состояніи сравняться съ англійскою и американскою. На покрытіе расходовъ по устройству этихъ мѣстныхъ выставокъ, которыя будутъ весьма значительны, авторъ рекомендуетъ обратить тѣ громадныя суммы, которыя ежегодно затрачиваются во всѣхъ провинціяхъ въ Китаѣ на устройство разныхъ религіозныхъ процессій, не только совершенно безполезныхъ, но даже вредныхъ по тѣмъ волненіямъ и безпорядкамъ, которыми онѣ иногда сопровождаются.

X.

„Совершая путешествіе по старинному, водою, въ обыкновенной лодкѣ, и сухимъ путемъ на колесахъ со скоростью ста ли (около 55 верстъ), для совершенія кругосвѣтнаго путешествія потребовались бы цѣлые годы. При такихъ условіяхъ, возможно ли было духовное объединеніе и мыслимъ ли былъ обмѣнъ извѣстіями? Тогда, для облегченія и ускоренія сношеній, западными людьми

были изобрѣтены пароходы и желѣзныя дороги, которые по своей удивительной быстротѣ явились чѣмъ-то чудеснымъ, доселѣ невиданнымъ.

„При обширности Китая въ немъ уже сдѣланъ незначительный опытъ пароходства. Что же касается желѣзныхъ дорогъ, то неоднократныя сужденія о нихъ до сихъ поръ не привели еще къ положительнымъ результатамъ; безконечные толки и споры при дворѣ также не привели къ одному, опредѣленному рѣшенію. А между тѣмъ, посмотрите на Америку, гдѣ постройка великой тихо-океанской желѣзной дороги содѣйствовала образованію значительныхъ торговыхъ центровъ и быстрому увеличенію населенія пустынныхъ мѣстностей"... Какъ живой примѣръ громаднаго значенія желѣзныхъ дорогъ для военныхъ цѣлей, авторъ приводитъ слѣдующій случай: „Наканунѣ войны Германіи съ Франціей, германскій полководецъ, обратившись къ французскому послу, сказалъ, что, въ случаѣ войны, Германія въ теченіе двухъ недѣль въ состояніи сосредоточить на границѣ вполнѣ готовую стотысячную армію. Слова его дѣйствительно оправдались, и онъ одержалъ надъ французами полную побѣду. Сибирская желѣзная дорога, имѣющая въ непродолжительномъ времени быть оконченною, связывая съ Петербургомъ и Москвою всѣ лежащіе по ней пункты, въ то время какъ страны, омываемыя Атлантическимъ океаномъ, также находятся въ связи съ Владивостокомъ, дастъ возможность совершить путешествіе изъ Шанхая въ Европу въ какихъ-нибудь 20 дней вмѣсто 30—35. Естественно, что при такихъ условіяхъ пассажирское движеніе между Европою и дальнимъ азіатскимъ Востокомъ направится по этому пути. Затѣмъ, въ случаѣ пограничныхъ недоразумѣній, отъ русской столицы до границъ Китая потребуется только полмѣсяца пути, тогда какъ намъ, для мобилизаціи, потребовались бы чуть не мѣсяцы и годы. Въ настоящее время Китай съ трехъ сторонъ охваченъ Англіей, Франціей и Россіей, которыя, наперерывъ другъ передъ другомъ, стремятся открыть себѣ доступъ въ Китай при посредствѣ желѣзныхъ дорогъ: Англія чрезъ Непалъ въ Тибетъ и чрезъ Бирму въ Юнь-Нань, Франція—изъ Аннама въ Юнь-Нань и Гуанъ-Си, и Россія—изъ Сибири въ Маньчжурію. Съ проведеніемъ этихъ желѣзныхъ дорогъ торговыя сношенія, конечно, сдѣлаются болѣе быстрыми и удобными, но въ то же время нашъ невѣжественный народъ, преслѣдующій исключительно матеріальныя выгоды, можетъ сдѣлаться народомъ чужимъ намъ, если мы не будемъ въ силахъ защищать его, а другіе будутъ оказывать ему покровительство. Яснымъ доказательствомъ справедливости этого мнѣнія могутъ

служить Бирма, Аннамъ, Ликейскіе о-ва и сѣверо-восточная Маньчжурія, сдѣлавшіеся достояніемъ Англіи, Франціи, Японіи и Россіи. Въ то время, когда обширныя и весьма удобныя для земледѣльческой культуры пустыни окраиннаго Китая, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, благодаря привлеченію туда бездомнаго населенія внутренняго Китая, станутъ обращаться въ плодородныя нивы и торговые центры,—во внутреннемъ Китаѣ, вслѣдствіе отсутствія желѣзныхъ дорогъ, по прежнему будутъ царить запустѣніе, бѣдность и безплодіе. При сравненіи видимаго богатства однихъ и бѣдности другого, мыслимое ли дѣло, чтобы все приграничное населеніе охотно мирилось съ голодомъ и не было обращено врагомъ въ свою служебную силу? Стоитъ только одному небольшому чужеземному отряду ворваться къ намъ форсированнымъ маршемъ, чтобы въ безлюдномъ краѣ ожидать немедленнаго пораженія арміи и потери территоріи. Еслибы у непріятеля не было желѣзныхъ дорогъ, то намъ, конечно не было бы необходимости обзаводиться ими прежде всѣхъ; но если онѣ есть у всѣхъ и отсутствуютъ только у насъ, то мы неизбѣжно будемъ побиты, особенно если принять во вниманіе, что у иностранцевъ при арміяхъ есть походныя желѣзныя дороги".

Развивая далѣе свою мысль о настоятельной необходимости введенія желѣзныхъ дорогъ въ Китаѣ, авторъ перечисляетъ тѣ выгоды, которыя онѣ дадутъ ему, а именно: увеличеніе государственныхъ рессурсовъ; быстроту мобилизаціи арміи въ случаѣ надобности; сокращеніе ея и сбереженіе на расходахъ по коммиссаріатству; развитіе разработки горныхъ богатствъ; расширеніе торговли и увеличéніе таможенныхъ доходовъ; сокращеніе почтовыхъ расходовъ при быстротѣ передачи корреспонденціи; возможность болѣе тщательнаго контроля за дѣятельностью провинціальныхъ властей, затрудняемаго нынѣ обширностью пространствъ, занимаемыхъ Китаемъ; объединеніе всѣхъ провинцій Китая и усиленіе въ нихъ государственной власти; измѣненіе народныхъ нравовъ, рутины привилегированнаго служилаго и ученаго сословія и постепенный поворотъ въ его пренебрежительномъ отношеніи ко всему иностранному; сбереженіе громадныхъ расходовъ казны, которыхъ требуетъ нынѣ доставка въ Пекинъ съ юга, по каналу или моремъ, податного казеннаго риса, и наконецъ, болѣе быстрое и безопасное доставленіе въ столицу казенныхъ суммъ, слѣдующихъ изъ провинцій. Несмотря на такія многообразныя и несомнѣнныя выгоды желѣзныхъ дорогъ и отсутствіе всякаго вреда ихъ, педанты утверждаютъ, что желѣзныя дороги отнимутъ хлѣбъ у извозчиковъ, поведутъ къ разрушенію

жилищъ и кладбищъ, лежащихъ на ихъ пути, и, въ случаѣ войны, значительно облегчатъ и ускорятъ наступленіе непріятеля. Но эти господа не понимаютъ того, что отъ желѣзныхъ дорогъ идетъ множество побочныхъ вѣтвей, на которыхъ извозный промыселъ, благодаря въ особенности имѣющему усилиться и развиться торговому обмѣну, найдетъ для себя значительный спросъ, подвозя грузы для желѣзной дороги и увозя съ ней товары, предназначаемые для мѣстностей, расположенныхъ по сторонамъ ея. Жилища и кладбища, лежащія на пути, по которому должна пройти дорога, вѣроятно будутъ обходимы ею. На возраженіе, что желѣзными дорогами можетъ воспользоваться непріятель, можно замѣтить, что онъ съ такою же легкостью можетъ воспользоваться нашими военными и торговыми паровыми судами, въ случаѣ, если у насъ не будетъ на нихъ людей. Не говоря уже о томъ, что участки желѣзныхъ дорогъ, лежащіе на пути движенія непріятеля, могутъ быть приведены въ негодность, остальными же мы будемъ продолжать пользоваться. Въ былое время вопросъ о постройкѣ пароходовъ и телеграфовъ въ Китаѣ былъ встрѣченъ такою массою порицаній, сомнѣній и насмѣшекъ, что чуть, было, не былъ брошенъ на полъ-пути; а между тѣмъ, когда, благодаря рѣшимости правительства, онъ прошелъ, весь Китай нынѣ единогласно сознаетъ пользу пароходовъ и телеграфовъ. А такъ какъ польза отъ желѣзныхъ дорогъ вдвое болѣе, чѣмъ отъ пароходовъ, и въ Китаѣ гораздо болѣе сухопутныхъ, чѣмъ водяныхъ сообщеній, то какъ же можно медлить съ постройкою ихъ и упускать благопріятный моментъ, чтобы затѣмъ, подпавъ подъ власть врага, предаваться позорному раскаянію! А какую громадную пользу принесли бы желѣзныя дороги во время такихъ страшныхъ голодовъ, какими въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ къ ряду была поражена провинція Сань-Си, когда за нѣсколько десятковъ ланъ серебра невозможно было провезти, туда одного мѣшка хлѣба, а изъ того, который приходилъ туда, половина шла на содержаніе возчиковъ, а другая, достигнувъ мѣста назначенія, облегчала участь весьма небольшого числа голодающихъ. Тяжело вспомнить объ ужасномъ зрѣлищѣ, которое представляли трупы людей, погибшихъ голодною смертью! А будь желѣзныя дороги—ничего бы этого не было.

„Не менѣе важное значеніе имѣла бы желѣзная дорога для болѣе равномѣрнаго распредѣленія населенія Китая. Въ обильной землею сѣверо-западной части его нашло бы средства къ существованію праздное населеніе переполненной людомъ юго-западной части его. Не мѣньшую пользу принесли бы Китаю

желѣзныя дороги повсемѣстнымъ установленіемъ наиболѣе равномѣрныхъ цѣнъ на хлѣбъ и на всѣ остальные жизненные продукты"... По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ авторъ находитъ, что постройка желѣзныхъ дорогъ въ Китаѣ является дѣломъ настоятельной и неотложной необходимости.

XI.

Несмотря на то, что громадное значеніе и польза телеграфовъ давно уже сознаны всѣмъ Китаемъ, и главные административные торговые центры его, не исключая даже самой закоснѣлой провинціи его Хунань, связаны между собою и съ столицею телеграфными линіями, тѣмъ не менѣе авторъ настоящаго сочиненія находитъ нужнымъ посвятить телеграфу отдѣльную главу, въ которой онъ съ особенною силою старается указать великое приложеніе его во время военныхъ дѣйствій. Въ доказательство этого онъ приводитъ франко-прусскую войну, въ которой телеграфъ оказалъ несомнѣнную, великую услугу Пруссіи, въ значительной степени содѣйствуя ея блестящимъ успѣхамъ, и находитъ, что, въ виду громадности Китая, телеграфы имѣютъ для него болѣе существенное и жизненное значеніе, чѣмъ для какой-либо другой страны. Вмѣстѣ съ этимъ онъ выражаетъ сожалѣніе, что Китай до сихъ поръ не въ состояніи самъ приготовлять всего необходимаго для телеграфовъ матеріала и принужденъ уплачивать за него иностранцамъ довольно значительныя суммы. Затѣмъ, вмѣсто деревянныхъ столбовъ, легко подвергающихся гніенію и порчѣ, онъ совѣтуетъ, по примѣру иностранныхъ государствъ, употреблять желѣзные; служебный персоналъ телеграфнаго вѣдомства составлять изъ лицъ, получившихъ спеціальное образованіе въ телеграфныхъ школахъ, и наконецъ, всѣ воздушныя телеграфныя линіи въ Китаѣ, эксплуатируемыя нынѣ почти что частнымъ синдикатомъ, рекомендуетъ выкупить въ казну. Въ связи съ телеграфами авторъ указываетъ на другія болѣе новѣйшія изобрѣтенія въ области электротехники—телефоны, фонографы, до сихъ поръ не получившіе въ Китаѣ особенно широкаго распространенія, и которые встрѣчаются только, особенно первые, въ открытыхъ для торговли съ иностранцами портахъ.

Въ древнія времена въ Китаѣ для передачи правительственныхъ распоряженій и извѣстій существовали почтовыя станціи, которыя были учреждены не только внутри страны, но и въ пограничныхъ областяхъ, гдѣ онѣ носили спеціальное названіе Тай-Чжанъ,

или военныхъ станцій, а на самой границѣ назывались пикетами, или караулами. Въ нынѣшнемъ своемъ составѣ почтовыя учрежденія Китая состоятъ въ вѣдѣніи военнаго министерства, а въ провинціяхъ подчинены провинціальнымъ судьямъ. Въ настоящее время всѣ указы, доклады, правительственныя бумаги и вообще вся казенная корреспонденція препровождаются по станціямъ и станкамъ съ пѣшими или конными почтарями. Кромѣ того, въ военное время, для пересылки спѣшныхъ депешъ на станціяхъ увеличивается численный составъ лошадей. Что же касается частной корреспонденціи, то она, направляясь чрезъ частныя почтовыя конторы, при трудности пути, иногда пропадаетъ безслѣдно. Правительство ежегодно затрачиваетъ громадныя суммы на содержаніе десятковъ тысячъ людей для почтовой гоньбы, нѣсколькихъ сотъ чиновниковъ и станцій, а между тѣмъ, замедленія и упущенія въ отправленіи казенной корреспонденціи составляютъ явленіе довольно частое, такъ что почтовыя учрежденія въ ихъ настоящемъ видѣ рѣшительно не приносятъ выгоды правительству, частная же корреспонденція не имѣетъ къ нимъ ровно никакого отношенія. Прежде и въ западной Европѣ почтовыя учрежденія ограничивались также исключительно пересылкою казенной корреспонденціи, когда въ прошломъ столѣтіи, по требованію прусскаго парламента (?), въ городахъ, торговыхъ посадахъ и мѣстечкахъ были открыты почтовыя конторы съ пріемомъ казенной и частной корреспонденціи. Въ Китаѣ, англичане, французы и американцы завели въ Шанхаѣ свои почтовыя конторы [1]), которыя, за уплатою всѣхъ расходовъ по содержанію ихъ, давали еще владѣльцамъ ихъ извѣстный доходъ. Изъ этого видно, что почта безъ особыхъ затрудненій можетъ дать казнѣ весьма значительный и быстрый доходъ и явиться полезнымъ учрежденіемъ какъ для правительства, такъ и для народа. Мы постоянно горюемъ о бѣдныхъ и скорбимъ о сирыхъ, не сознавая того, что великая польза заключается въ доставленіи удобствъ народу и государству. Безъ устали мы напрягаемъ свои силы къ изысканію средствъ на образованіе арміи, не сознавая, что тайная болѣзнь наша заключается въ томъ,

[1]) Въ прошломъ году китайскимъ правительствомъ сдѣлана попытка къ организаціи на первыхъ порахъ правительственныхъ почтовыхъ учрежденій при всѣхъ существующихъ, въ открытыхъ для иностранной торговли 23 портахъ, таможняхъ, съ порученіемъ главнаго завѣдыванія ими генералъ-инспектору таможенъ, сэру Роберту Харту, съ тѣмъ, что сообщеніе между портами и внутреннимъ Китаемъ будетъ пока поддерживаться, за извѣстную плату, существующими китайскими частными конторами, обязанными заявить объ этомъ подлежащей таможнѣ.

что мы ничего не видимъ и ничего не слышимъ. Болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, между всѣми иностранными государствами образовался всемірный почтовый союзъ, къ которому примкнуло даже такое небольшое государство, какъ Японія, а Китай, по свойственной ему закоснѣлости, отказался отъ этого [1]). Въ изданномъ въ Парижѣ, въ 1894 г., статистическомъ обзорѣ относительно количества писемъ, приходящагося на каждаго человѣка въ каждомъ государствѣ, о Китаѣ даже нѣтъ упоминанія. Дѣло касается государственнаго достоинства, подавая иностранцамъ поводъ относиться къ Китаю съ пренебреженіемъ и считать его ниже Японіи, въ которой почтовыя учрежденія, благодаря серьезному отношенію къ нимъ, постепенно получили такое развитіе, что уже въ настоящее время приносятъ правительству довольно значительный чистый доходъ. Существовавшія въ открытыхъ портахъ Японіи иностранныя почтовыя конторы всѣ закрыты, и вся корреспонденція иностранцевъ пересылается японскими почтовыми учрежденіями, такъ что весь почтовый доходъ поступаетъ въ кассу японскаго правительства. Быстрый и срочный обмѣнъ корреспонденціи и крайне небольшая плата, взимаемая за доставленіе ея, сдѣлали то, что все населеніе Японіи единогласно признаетъ правительственную почту учрежденіемъ въ высшей степени полезнымъ и удобнымъ. Всякая мѣра, полезная для государства и народа, къ какому бы времени она ни относилась и какой бы національности ни принадлежала, безъ сомнѣнія, можетъ быть осуществлена.

„По поводу организаціи почтовыхъ учрежденій въ Китаѣ нѣкоторые замѣчаютъ, что открытіе въ 23 провинціяхъ Китая нѣсколькихъ тысячъ почтовыхъ конторъ и, затѣмъ, содержаніе ихъ потребуютъ громадныхъ расходовъ, которые едва ли могутъ быть покрыты получаемыми отъ нихъ доходами. Напрасное безпокойство,—отвѣчаетъ на это авторъ.—Пусть посмотрятъ на Америку: тамъ въ 64.337 почтовыхъ конторахъ, по отчетамъ 1893 г., отъ продажи марокъ и конвертовъ было выручено 64.209.491 долларъ. Вотъ какіе доходы доставляютъ почтовыя учрежденія! Въ Китаѣ, при его обширномъ пространствѣ съ громаднымъ населеніемъ, на которомъ все болѣе и болѣе сказывается вѣяніе времени, безъ сомнѣнія, не будетъ недостатка въ корреспонденціи, а слѣдовательно и въ крупныхъ доходахъ отъ нея для казны. Убытковъ отъ почтовыхъ учрежденій быть не можетъ. Но если,

[1]) Въ нынѣшнемъ году имъ сдѣлано заявленіе о присоединеніи его къ всемірному почтовому союзу.

при устройствѣ ихъ идетъ рѣчь объ экономіи, то, въ такомъ случаѣ, самое лучшее, на первыхъ порахъ, въ видѣ опыта, открыть почтовыя отдѣленія при телеграфныхъ и пароходныхъ конторахъ, такъ какъ между этими послѣдними и почтою существуетъ взаимная зависимость, и они идутъ рука объ руку"... На дальнѣйшее возраженіе нѣкоторыхъ, что если Китай, по примѣру иностранцевъ, будетъ взимать по 2 цента за письмо внутренней и по 5 центовъ за письмо международной корреспонденціи, онъ не получитъ никакой выгоды,—авторъ отвѣчаетъ, что при введеніи почтовыхъ учрежденій въ Китаѣ плата за корреспонденцію не должна быть слишкомъ низкою. Дѣло въ томъ, что всѣ иностранныя предпріятія не только начинаются съ солидными капиталами, но даже субсидируются правительствомъ, что̀ даетъ имъ возможность мириться съ временными убытками. Въ Китаѣ же, при незначительныхъ капиталахъ, вложенныхъ въ предпріятіе, малѣйшій убытокъ тотчасъ же вызываетъ толки, имѣющіе обыкновенно своимъ послѣдствіемъ прекращеніе самаго дѣла. Въ виду этихъ обстоятельствъ плата за корреспонденцію не можетъ не быть нѣсколько высокою, и кажется, что размѣръ ея долженъ быть опредѣленъ сообразно съ разстояніемъ. Такъ, напримѣръ, при разстояніи не свыше 500 ли (267 верстъ) можно было бы взимать за каждое письмо $1\frac{1}{2}$ цента, въ предѣлахъ 1.000 ли—по 2 цента и т. д., прибавляя $\frac{1}{2}$ цента за каждыя 500 ли.

„Возражая противъ почтовыхъ учрежденій, нѣкоторые замѣчаютъ, что въ Китаѣ нѣсколько сотъ лѣтъ существуютъ почтовыя станціи, на которыхъ работаетъ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ и этимъ трудомъ снискиваютъ себѣ пропитаніе. Съ введеніемъ почтовыхъ учрежденій по западнымъ образцамъ, старинныя почтовыя станціи естественно̀ будутъ упразднены. Чѣмъ же будутъ жить десятки тысячъ почтарей? Они будутъ вынуждены поднять знамя бунта и предаваться грабежамъ и разбоямъ, какъ это было при концѣ прежней династіи, въ началѣ XVI ст. Такія разсужденія напоминаютъ человѣка, который, подавившись однажды, отказывается совсѣмъ отъ пищи. Съ такими людьми не стоило бы толковать о вопросахъ, касающихся благоустройства человѣчества. Бунтъ уволенныхъ отъ службы ямщиковъ при той династіи былъ вызванъ неумѣньемъ распорядиться и успокоить ихъ. Такъ какъ въ новыя почтовыя учрежденія будетъ поступать какъ частная, такъ и казенная корреспонденція, то для отправленія ея потребуется гораздо болѣе людей, чѣмъ прежде, не говоря уже о томъ, что въ тѣхъ мѣстахъ внутренняго Китая, гдѣ еще нѣтъ

пароходныхъ и телеграфныхъ сообщеній, ямщики, какъ люди опытные, конечно, останутся по прежнему на своихъ мѣстахъ, съ тою только разницею, что прежняя заработная плата, выдававшаяся съ учетомъ, и которой едва хватало на пропитаніе, замѣнится вполнѣ достаточнымъ содержаніемъ. Прежнія почтовыя станціи, по приведеніи ихъ въ извѣстность, могли бы быть обращены въ почтовыя конторы съ переименованіемъ почтовыхъ смотрителей въ почтмейстеры, которые бы исключительно занимались отправленіемъ казенной и частной корреспонденціи, со взиманіемъ, смотря по разстоянію, той же платы, что и въ приморскихъ почтовыхъ конторахъ, основанныхъ при телеграфныхъ станціяхъ и пароходныхъ конторахъ"... Изъ личнаго состава прислуги прежнихъ почтовыхъ станцій авторъ предполагаетъ оставить только наиболѣе здоровыхъ и сильныхъ, съ увеличеніемъ имъ содержанія и установленіемъ строгихъ правилъ поощренія и наказанія.

Что же касается частныхъ почтовыхъ конторъ, число которыхъ особенно возрастаетъ за послѣдніе годы и которыя служатъ источникомъ существованія для безчисленнаго множества людей, то, для предупрежденія возможнаго съ ихъ стороны противодѣйствія, авторъ рекомендуетъ, предъ закрытіемъ ихъ, обратиться чрезъ посредство мѣстныхъ властей къ чувству патріотизма и сознанію высшаго долга ихъ представителей, заявивъ имъ, что для блага государства и пользы народной ихъ заведенія тогда-то закрываются, но что желающіе могутъ участвовать въ почтовомъ дѣлѣ своимъ капиталомъ, получая на него отъ казны солидный акціонерный процентъ. Рабочіе этихъ частныхъ почтовыхъ конторъ также могли бы поступить на службу въ правительственныя конторы. На возраженіе, что, при отсутствіи въ Китаѣ почтоваго пароходства, поддерживающаго сообщеніе съ другими странами свѣта, для него немыслима въ почтовомъ дѣлѣ конкурренція съ иностранцами, авторъ отвѣчаетъ предложеніемъ сначала приступить къ международному почтовому союзу, а потомъ завести свое почтовое пароходство, услугами котораго также будетъ пользоваться нѣсколько милліоновъ китайцевъ, живущихъ на островахъ индійскаго архипелага, въ Америкѣ и Австраліи. Кромѣ того, съ теченіемъ времени оно можетъ заняться самостоятельною перевозкою грузовъ изъ Китая въ чужія страны и обратно. Для облегченія и быстроты передачи почтовой корреспонденціи въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ Китая, гдѣ не существуетъ ни пароходовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, авторъ рекомендуетъ въ наиболѣе важныхъ пунктахъ ихъ построить дере-

вянныя дороги, съ колесами и вагонами особенной системы, стоимость постройки которыхъ составитъ около 0,3 стоимости желѣзной дороги, а подвижного состава—около 0,6 стоимости желѣзнодорожнаго подвижного состава; притомъ же онѣ легко могутъ быть обращены въ настоящія желѣзныя дороги. По мнѣнію автора, почтовыя учрежденія служатъ какъ бы артеріями нашей планеты, повсюду разносящими извѣстія. При отсутствіи почтовыхъ учрежденій, ничтожныя разстоянія являются громадными, и, въ случаѣ прекращенія сношеній, Китай съ своею немощною почтою, конечно, не въ состояніи будетъ бороться съ иностранными почтовыми учрежденіями, отличающимися необыкновенною быстротою.

XII.

Главу о банкахъ авторъ начинаетъ слѣдующимъ изреченіемъ одной классической книги въ Китаѣ: „только святой человѣкъ въ состояніи приносить добрую пользу человѣчеству (міру); но доставлять пользу себѣ, не доставляя ея другимъ, не есть добрая польза; доставлять пользу народу, не доставляя ея государству, также не есть добрая польза“. Переходя отъ этого классическаго нравственнаго правила къ дѣйствительному положенію вещей, авторъ находитъ, что со времени открытія взаимной торговли между китайцами и иностранцами отливъ китайскихъ денегъ за границу съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивается, и потому всѣ лица, принимающія къ сердцу мірскіе интересы, думаютъ помочь этому злу, держась иностранной практики; но, къ сожалѣнію, большая часть изъ нихъ гоняется за верхушками и забываетъ основы и суть дѣла. Процвѣтаніе иностраннаго дѣла въ Китаѣ зависитъ главнымъ образомъ отъ торговли, а развитіе послѣдней находится въ тѣсной зависимости отъ банковъ, и потому въ иностранныхъ государствахъ для поддержанія торговли существуетъ множество банковъ, которые служатъ главнымъ двигателемъ всевозможныхъ предпріятій. „Скажемъ,—говоритъ авторъ,—нѣсколько словъ о важнѣйшихъ видахъ пользы, доставляемой банками какъ частнымъ лицамъ, такъ и правительствамъ. Процвѣтаніе или упадокъ ихъ косвеннымъ образомъ вліяютъ на государственныя основы; они устанавливаютъ связь между всѣми слоями общества и между всевозможными пунктами внѣ зависимости отъ разстояній; сосредоточивая въ своихъ стѣнахъ рессурсы всего государства, они съ необыкновенною легкостью удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ, изыскиваютъ для правительства средства къ осу-

ществленію громадныхъ сооруженій, напримѣръ, желѣзныхъ дорогъ, снабжаютъ его рессурсами на удовлетвореніе неотложныхъ нуждъ, исполняя все это за опредѣленные необременительные проценты. Въ то время какъ случайныя затрудненія въ оборотахъ нашихъ банкирскихъ домовъ вызываютъ массу затрудненій, иностранные банки, благодаря энергичнымъ усиліямъ, имѣютъ возможность изворачиваться, не производя пагубнаго вліянія на рынокъ, вслѣдствіе чего торговля получаетъ возможность развиваться. Затѣмъ, какъ казенныя суммы, такъ и частныя сбереженія, безъ всякаго опасенія могутъ быть помѣщаемы въ банки для приращенія $^0/_0$. Далѣе, китайскіе купцы, проживающіе въ чужихъ краяхъ, или ведущіе заграничную торговлю, получатъ возможность дѣлать переводы, не подвергаясь разнымъ стѣсненіямъ со стороны иностранцевъ. Такимъ образомъ, жизнь народная и государственные разсчеты находятъ для себя опору въ банкахъ.

„Что же касается выгодъ, получаемыхъ самими банками, то о нихъ можно составить себѣ понятіе по слѣдующимъ даннымъ: уплачивая по годовымъ вкладамъ 5, по полугодовымъ 4, по трехмѣсячнымъ 3 и по текущимъ счетамъ по $2^0/_0$, они сами получаютъ отъ 7 до $10^0/_0$, не считая того, что по вкладамъ, взятымъ обратно до истеченія срока, они не даютъ процента. Кромѣ того, имѣя въ кассѣ извѣстный фондъ, они пользуются правомъ выпуска на извѣстную сумму банковыхъ билетовъ, имѣющихъ обращеніе наравнѣ съ монетою, при чемъ отношеніе между фондомъ и количествомъ билетовъ не всегда строго соблюдается. Операціи съ векселями, траттами, краткосрочными ссудами подъ вѣрное обезпеченіе даютъ банкамъ громадныя выгоды. Доставляя людямъ столько удобствъ, банки и сами получаютъ огромную пользу“. Такимъ образомъ, никто въ такой степени не оправдываетъ изреченія „о принесеніи человѣчеству доброй, т.-е. всеобщей пользы“, какъ банки (!)... Особенно важное экономическое значеніе придаетъ авторъ тѣмъ банкамъ, которые, принимая на книжку мелкія народныя сбереженія, могущія въ большинствѣ случаевъ быть непроизводительно-затраченными, этимъ самымъ содѣйствуютъ накопленію богатствъ въ странѣ.

Послѣ такихъ общихъ разсужденій, авторъ переходитъ къ одному изъ старѣйшихъ иностранныхъ банковъ въ Китаѣ, а именно „Hongkong & Shanghai Banking Corporation“, въ основаніи котораго хотя и участвовали китайскіе капиталисты и донынѣ продолжаютъ участвовать въ немъ, тѣмъ не менѣе китайскіе коммерсанты не пользуются въ немъ тѣми удобствами и льготами, какія предоставляются этимъ финансовымъ учрежде-

ніемъ другимъ иностранцамъ. Находя преобладающее вліяніе въ Китаѣ этого иностраннаго банка несовмѣстнымъ съ національными интересами, авторъ, внѣ основанія солиднаго національнаго банка, не видитъ другого средства къ поднятію китайской торговли и поддержанія ея значенія на рынкахъ. „Между тѣмъ, къ открытію національнаго банка въ Китаѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, встрѣчается серьезное затрудненіе, заключающееся въ отсутствіи необходимыхъ для сего рессурсовъ, такъ какъ, благодаря войнамъ и почти ежегоднымъ засухамъ и наводненіямъ, казна совершенно истощена. Но если бы даже и удалось, при крайнемъ напряженіи силъ, достать необходимый для сего капиталъ, предпріятіе это, по мнѣнію тѣхъ же лицъ, встрѣтилось бы съ новымъ затрудненіемъ—обычнымъ недовѣріемъ и подозрительностью китайской натуры. Вдобавокъ къ этому, слухи объ убыткахъ разныхъ акціонерныхъ предпріятій послѣднихъ лѣтъ заставляютъ всѣхъ быть на сторожѣ и относиться съ недовѣріемъ къ возможности ихъ осуществленія, устойчивости и продолжительности ихъ существованія, и такимъ образомъ дѣло въ концѣ концовъ погибаетъ. Кромѣ того, китайскіе богачи, любя помѣщать свои капиталы въ недвижимую собственность, никогда не рѣшатся отдавать ихъ въ ссуду, или же сами занимать у другихъ. Бѣдняки же, хотя бы и желали заплатить деньги, но у нихъ нѣтъ ни имущества, ни товаровъ для обезпеченія займа. А потому, хотя бы банкъ и былъ открытъ, но онъ, конечно, не дастъ тѣхъ громадныхъ дивидендовъ, какіе даютъ банки иностранные. Соглашаясь, что при настоящихъ условіяхъ не легко собрать въ народѣ нѣсколько милліоновъ ланъ, авторъ не находитъ, чтобы правительству было трудно изыскать ихъ, и поэтому рекомендуетъ сначала открыть правительственный банкъ въ Пекинѣ, съ отчисленіемъ для образованія основного капитала его 0,4 всей пошлины, взимаемой въ морскихъ таможняхъ съ иностранцевъ, что составитъ около 9.000.000 руб., и съ назначеніемъ управляющимъ его одного изъ членовъ министерства финансовъ. Провинціальныя отдѣленія этого банка должны находиться въ главномъ завѣдываніи управляющихъ финансовою и гражданскою частями провинціи. Затѣмъ, онъ рекомендуетъ открыть частный банкъ съ капиталомъ въ 10.000.000 ланъ (15.000.000 р.), раздѣленнымъ на 100.000 акцій, участниками въ которомъ могутъ быть лица всѣхъ состояній. Всѣ операціи этого банка должны регулироваться правилами, существующими для подобныхъ учрежденій въ иностранныхъ государствахъ. Банку этому должно быть предоставлено право выпуска подъ контролемъ правительства банко-

вихъ билетовъ на сумму, равную его капиталу. Билеты эти должны быть во всякое время безпрепятственно размѣниваемы на серебро. Для бо̀льшаго укрѣпленія за ними всеобщаго довѣрія, правительство должно объявить, что половина всѣхъ поступленій въ казну и выдачъ изъ нея будетъ производиться билетами этого банка. Правительственная дѣятельность по отношенію къ банку должна ограничиваться исключительно общими мѣрами, содѣйствующими успѣху предпріятія и предупреждающими злоупотребленія безъ малѣйшаго посягательства на раздѣленіе власти, которая должна быть сосредоточена въ рукахъ выбраннаго изъ среды акціонеровъ умнаго, опытнаго и честнаго директора и десяти помощниковъ его, или членовъ, выбранныхъ изъ той же среды. Затѣмъ, остальной персоналъ банка и его отдѣленій долженъ быть пополняемъ по рекомендаціи и за отвѣтственнымъ поручительствомъ чиновныхъ лицъ и акціонеровъ. Однимъ словомъ, голосъ общественнаго мнѣнія долженъ быть единственнымъ руководителемъ его дѣятельности.

Предвидя возможность большихъ злоупотребленій при оцѣнкѣ залоговъ, поступающихъ въ банкъ, авторъ рекомендуетъ при этой операціи строго и неуклонно держаться правилъ, соблюдаемыхъ въ иностранныхъ банкахъ, въ основѣ которыхъ лежитъ исключеніе всякаго лицепріятія, вызываемаго кумовствомъ, сватовствомъ и вліяніемъ сильныхъ.

„Въ наше время,—говоритъ авторъ,—разработка минеральныхъ богатствъ является одною изъ настоятельныхъ мѣръ къ созданію могущества и обогащенію. Каждый изъ металловъ и минераловъ, имѣя свое спеціальное назначеніе, является такимъ предметомъ, безъ котораго нельзя обойтись одного дня. Благодаря этому, человѣкъ началъ добывать минералы весьма рано. Еще Гуань-Цзы, одинъ изъ знаменитѣйшихъ государственныхъ людей и ученыхъ (VII-го столѣтія до Р. Хр.), замѣчаетъ, что присутствіе на поверхности земли киновари означаетъ, что въ нѣдрахъ ея находится золото; магнитнаго камня—мѣдь и серебро; свинца—серебро, и охры—желѣза. Вотъ до какой степени совершенства,—восклицаетъ авторъ,—достигла уже минералогія въ то время, несмотря на то, что химія тогда еще не составляла особой науки.

„Извѣстно, что своимъ могуществомъ и богатствомъ западныя государства обязаны выгодамъ, получаемымъ отъ разработки минеральныхъ богатствъ. Тамъ, подъ строгимъ руководствомъ правительствъ, организація капиталовъ и эксплуатація богатствъ являлись дѣломъ легкимъ, а при всеобщемъ глубокомъ интересѣ

къ дѣлу выборъ горныхъ инженеровъ оказывался правильнымъ. Были машины, замѣнявшія трудъ человѣческій, и желѣзныя дороги, служившія для перевозки. Благодаря всему этому, явилась возможность углубляться въ нѣдра земли и извлекать оттуда неистощимую выгоду.

„Минеральныя богатства обширнаго и обильнаго дарами природы Китая неистощимы. Всѣмъ извѣстно, что Юнь-Нань производитъ мѣдь и олово, Сань-Си и Гуй-Чжоу—каменный уголь и желѣзо, Ху-Нань, Ху-Бэй и Цзянъ-Си—мѣдь, желѣзо, свинецъ, олово и каменный уголь, Шань-Дунъ и Ху-Бэй—свинецъ, и Сы-Чуань—мѣдь, свинецъ, каменный уголь и желѣзо. Къ сожалѣнію, разработка этихъ богатствъ, по большей части, была запрещена; благодаря этому обстоятельству, ни количество, ни качество ихъ, ни толщина пластовъ, ни глубина шахтъ никому неизвѣстны. Причина запрещенія разработки минеральныхъ богатствъ при настоящей династіи объясняется нѣкоторыми боязнью повторенія тѣхъ волненій и золъ, которыми, благодаря необузданному произволу евнуховъ во взиманіи пріисковыхъ пошлинъ и безпощаднымъ поборамъ, сопровождалась разработка минеральныхъ богатствъ при одной изъ прежнихъ династій (1368 — 1644 гг.). Другіе же объясняютъ это запрещеніе глубоко укоренившимся въ народѣ суевѣріемъ, что при разработкѣ минеральныхъ богатствъ легко можетъ быть повреждена драконова сила, или магнетическіе, животворные подземные токи, сообщающіе извѣстной мѣстности всѣ ея счастливыя качества“.—Само собою разумѣется, что авторъ отрицаетъ всякое вліяніе сокрытыхъ въ нѣдрахъ земли богатствъ на сообщеніе данной мѣстности счастливыхъ или несчастныхъ свойствъ, и при этомъ замѣчаетъ, что разработка желтугинскихъ золотыхъ пріисковъ, кай-пинскаго каменнаго угля, разныхъ пріисковъ и копей на Формозѣ (принадлежавшей еще Китаю) и учрежденіе въ Юнь-Нани должности главнаго горнаго инспектора, указываютъ на то, что въ Китаѣ рутина мало-по-малу начинаетъ уступать мѣсто новымъ вѣяніямъ. Впрочемъ, существующая до сихъ поръ неувѣренность относительно пользы и доходности горнаго дѣла зависитъ отъ не всегда удачнаго выбора людей и способовъ разработки. Для успѣха горнаго дѣла, по мнѣнію автора, требуются слѣдующія условія: приглашеніе первоклассныхъ горныхъ инженеровъ, въ особенности изъ Бельгіи, горная академія которой пользуется всемірною извѣстностью, съ устраненіемъ всякаго иностраннаго сброда, даромъ получающаго содержаніе; пріобрѣтеніе усовершенствованныхъ машинъ и инструментовъ, имѣющихъ замѣнить человѣческій трудъ, не упуская при

этомъ изъ виду, что при дешевизнѣ людского труда въ Китаѣ и нежелательности лишенія бѣднаго люда заработка, машины должны являться только помощниками человѣческому труду въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣку не подъ силу справиться съ работою; машины также должны быть изготовлены въ Бельгіи; разработка должна производиться частными лицами подъ руководствомъ чиновниковъ, являющихся съ одной стороны защитниками частныхъ предпринимателей, а съ другой — блюстителями казеннаго интереса; выкупъ площадей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, или, въ случаѣ несогласія ихъ, безпристрастная оцѣнка земли и обращеніе оцѣночной суммы въ акціонерный капиталъ, съ выдачею на него установленныхъ процентовъ. При этомъ авторъ распространяется объ иностранныхъ узаконеніяхъ, регулирующихъ права частныхъ лицъ на открытыя въ нѣдрахъ ихъ земли богатства, и возстаетъ противъ установленія съ горныхъ производствъ опредѣленной государственной пошлины, а рекомендуетъ взиманіе ея смотря по количеству добычи. Также возстаетъ онъ и противъ высокой пошлины въ Китаѣ на каменный уголь, особенно разрабатываемый по мѣстному, первобытному способу, доступному небогатымъ людямъ, исключающей всякую возможность конкурренціи его съ иностраннымъ продуктомъ.

„Во главѣ всякаго горнаго предпріятія долженъ стоять человѣкъ выносливый, привыкшій къ лишеніямъ, который бы самъ вникалъ во всѣ отрасли дѣла, не принималъ бы на службу безъ разбора близкихъ ему людей, хорошо обходился бы съ рабочими, не раздувалъ бы дѣло и давалъ точный и гласный ежегодный отчетъ о финансовыхъ результатахъ предпріятія, которое только при этихъ условіяхъ встрѣтитъ горячую и единодушную поддержку общества.

„По словамъ иностранцевъ, количествомъ минеральныхъ богатствъ опредѣляется сила или безсиліе извѣстной страны. Въ виду справедливости этого мнѣнія, лицамъ, стоящимъ у кормила правленія въ Китаѣ, предубѣжденія которыхъ, подъ вліяніемъ множества перемѣнъ, постепенно разсѣеваются, слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе на правильную разработку неистощимыхъ минеральныхъ богатствъ Срединнаго царства, какъ потому, что они составляютъ естественный устой богатства и силы государства и народа, такъ и потому что, въ виду истощенія ихъ на Западѣ,—Франція изъ Тонкина, Англія изъ Бирмы и Россія изъ Сибири, при помощи желѣзной дороги, были бы не прочь попользоваться нетронутыми запасами ихъ въ Китаѣ.

Иностранная монета появилась въ Китаѣ при Цянь-Лунѣ

(1736 — 1796). По формѣ и стоимости она была неодинакова и на первыхъ порахъ была не въ особенно большомъ ходу. Со времени заключенія иностранцами торговыхъ договоровъ съ Китаемъ, въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія, обращеніе ея постепенно приняло до такой степени широкіе размѣры, что она стала появляться повсюду, куда только проникала нога иностранца, и не только въ большихъ торговыхъ центрахъ, но и въ захолустьяхъ, съуживая при этомъ районы обращенія китайскаго серебра. Такимъ успѣхомъ иностранная монета въ Китаѣ обязана своей точно опредѣленной стоимости, сравнительной портативности и тому, что мелкая монета принимается наравнѣ съ крупною, безъ всякаго учета,—тогда какъ китайское серебро, представляя слитки вѣсомъ въ 100, 50, 10, 5, 3 и 2 лана (1 л.=приблиз. 3 золотникамъ) и притомъ не одинаковой пробы и не по одному вѣсу, сопровождается весьма чувствительными потерями при разсчетахъ, въ видѣ учетовъ разницы въ вѣсѣ и качествѣ серебра, а также въ возмѣщеніе потерь при дробленіи его, и открываетъ маклерамъ и кущамъ широкое поприще для всевозможныхъ обмановъ и злоупотребленій.

Наибольшимъ обращеніемъ въ Китаѣ пользуются мексиканскіе доллары, извѣстные подъ именемъ „монеты съ орломъ“ (инъвэнь), или же, чаще всего, „англійской монеты“, такъ какъ наибольшее количество ея ввозится англичанами. Кромѣ того, встрѣчаются еще, хотя нынѣ и весьма рѣдко, старинные испанскіе піастры. Допущеніе свободнаго обращенія въ Китаѣ иностранной монеты, по мнѣнію автора, сопряжено для него съ безчисленными невыгодами. Такъ, иностранные доллары принимаются по вѣсу, какъ чистопробное серебро, несмотря на то, что проба заключающагося въ нихъ серебра по большей части составляетъ 90%; на эту низкопробную и притомъ безпошлинно-ввозимую монету иностранцы пріобрѣтаютъ на сотни милліоновъ товаровъ, получая въ то же время за свои произведенія китайское чистое серебро, которое они переливаютъ въ доллары, снова ввозимые ими въ Китай; мало того, они не отказываются отъ искусственнаго и иногда довольно значительнаго повышенія стоимости своей монеты.

„Чеканка и введеніе въ обращеніе въ Китаѣ собственной монеты не только устранитъ всѣ вышеуказанныя невыгоды, но и создастъ еще для всей страны однообразную опредѣленную единицу, внеся порядокъ туда, гдѣ прежде царилъ хаосъ, и послужитъ къ постепенному уменьшенію и, наконецъ, даже къ прекращенію ввоза иностранной монеты въ Китай,—не говоря уже

о томъ, что допущеніе къ обращенію въ Китаѣ иностранной монеты несовмѣстно съ его государственнымъ достоинствомъ"...

Въ виду того, что китайцы, не уступая въ любостяжаніи иностранцамъ, не имѣютъ, однако, честности послѣднихъ, авторъ опасается, что безъ строгаго надзора за чеканкою монеты легко можетъ случиться, что не вся монета будетъ однообразной пробы, какъ это случилось въ сороковыхъ годахъ съ однимъ губернаторомъ, начавшимъ-было чеканить плитки одинаковаго съ долларами вѣса, вмѣсто которыхъ вскорѣ стали появляться не только неполнопробные, но даже поддѣльные. Поэтому, монетное дѣло въ Китаѣ авторъ полагалъ бы организовать на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ: учредить при министерствѣ финансовъ общую контрольную монетную палату; открыть въ провинціяхъ монетные дворы, съ порученіемъ ближайшаго завѣдыванія каждымъ изъ нихъ честному и опытному финансисту, по выбору мѣстнаго ген.-губернатора или губернатора; опредѣлить въ законодательномъ порядкѣ форму монеты и пробу серебра, съ назначеніемъ строгаго наказанія за измѣненіе ея, и выпускать ее въ обращеніе не иначе, какъ послѣ личнаго удостовѣренія высшей мѣстной власти и общей контрольной палаты въ ея доброкачественности, при помощи химическаго анализа. Образцовая монета, съ обозначеніемъ времени ея отливки, должна храниться въ желѣзномъ шкафу въ министерствѣ финансовъ. Для удобства обращенія монеты, ея вѣсъ и подраздѣленія должны быть одинаковы съ вѣсомъ и подраздѣленіями иностранной монеты [1]).

XIII.

Въ виду громаднаго вреда, причиняемаго опіумомъ, много разъ въ Китаѣ заходила рѣчь о запрещеніи употребленія его. Къ сожалѣнію, сначала принялись за это дѣло черезчуръ горячо, а потомъ бросились въ другую крайность, стали относиться къ нему слишкомъ либерально, благодаря чему эта застарѣлая язва постепенно охватила весь Китай до такой степени, что является неизлечимою до сего дня. Еслибы, при заключеніи нанкинскаго договора, Китай, соглашаясь на открытіе портовъ для иностран-

[1]) Послѣ появленія въ свѣтъ настоящей книги, китайское правительство, сознавъ всю невыгоду отсутствія въ странѣ однообразной монетной единицы, успѣло уже открыть монетные дворы въ слѣдующихъ мѣстахъ: Кантонъ, Фу-Чжоу, Нанкинѣ, У-Чанѣ (провинціи Ху-Бэй) и въ Тянь-Цзинѣ. Въ скоромъ времени ожидается открытіе монетнаго двора въ Маньчжуріи, Сы-Чуани и Ань-Хуа.

ной торговли и на увеличеніе военной контрибуціи, твердо настаивалъ на принятомъ имъ рѣшеніи о категорическомъ запрещеніи ввоза опіума, то, въ виду еще незначительной культуры его въ Индіи и ограниченнаго ввоза его въ предѣлахъ Китая, англичане легко измѣнили бы свое требованіе. Съ другой стороны, и китайскому правительству не трудно было принять противъ опіума запретительныя мѣры, такъ какъ курильщиковъ тогда было еще мало и разведеніе этого растенія въ Китаѣ не приняло значительныхъ размѣровъ. Но этотъ благопріятный случай былъ упущенъ. Число курильщиковъ опіума съ каждымъ днемъ стало возрастать и ввозъ его увеличиваться, такъ что въ концѣ концовъ онъ явился однимъ изъ главныхъ предметовъ ввоза, составляя въ общемъ около 100.000 ящиковъ въ годъ, при цѣнѣ болѣе 500 ланъ (750 рублей по настоящему курсу) за ящикъ. Исключивъ 110 ланъ пошлины, иностранный купецъ получитъ около 400 ланъ за ящикъ. Такимъ образомъ, за годовой запасъ опіума Китай уплачиваетъ болѣе 40.000.000 ланъ. Кромѣ того, въ настоящее время опіумъ разводится чуть не по всему Китаю; причемъ такія провинціи, какъ Сы-Чуань и Гуй-Чжоу, повсемѣстно покрыты маковыми полями, общій сборъ опіума съ которыхъ во всемъ Китаѣ составляетъ около 120.000 ящиковъ въ годъ, вѣсомъ въ 120 гиновъ (172 фунта) каждый. Въ общей сложности, количество привознаго и туземнаго опіума составляетъ 26.640.000 гиновъ; прибавивъ къ этому $^{6}/_{10}$ опіумнаго пепла, подбавляемаго къ опіуму при изготовленіи изъ него пасты для куренія, мы получимъ 42.624.000 гина опіумной смѣси, потребляемой въ Китаѣ. Полагая на каждаго курильщика по 6 гиновъ опіума въ годъ, мы получимъ болѣе 4-хъ милл. прямыхъ потребителей опіума; затѣмъ, въ нѣсколько разъ болѣе наберется китайцевъ, воздѣлывающихъ опіумъ для собственнаго употребленія. Благодаря этому зелью, масса людей дѣлается преступниками, подрываетъ здоровье и теряетъ состояніе.

Глубоко скорбя, что Китаемъ упущенъ былъ благопріятный случай, благоразумные китайцы не перестаютъ помышлять объ искорененіи зла. Мало того, между самими англичанами есть поборники правды, которые, признавая отравленіе опіумомъ Китая дѣломъ противнымъ международному праву и позорнымъ для Англіи, основали противу-опіумное общество. Но, къ сожалѣнію, англійское правительство, имѣя въ виду, что эта постыдная торговля въ теченіе десятковъ лѣтъ служила къ ея обогащенію, и въ настоящее время, въ виду постепеннаго истощенія залежей угля и желѣза, является главнымъ источникомъ для содержанія

индійской арміи, продолжаетъ пребывать въ нерѣшительномъ положеніи. Впрочемъ, для окончательнаго искорененія зла, развивавшагося постепенно и пустившаго слишкомъ глубокіе корни, необходимо принять безпристрастныя мѣры какъ къ прекращенію доступа въ Китай иностранному опіуму, такъ и къ постепенному запрещенію воздѣлыванія и куренія его въ самомъ Китаѣ. Для достиженія первой цѣли авторъ признаетъ вполнѣ раціональною ту мѣру, на которую индійское правительство согласилось только послѣ продолжительныхъ переговоровъ съ китайскими делегатами. Мѣра эта, къ сожалѣнію отвергнутая китайскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, какъ несовмѣстная съ достоинствомъ государства, заключалась въ отдачѣ вывоза изъ Индіи всего количества опія въ руки китайской компаніи на 50 лѣтъ, съ постепеннымъ уменьшеніемъ ежегодно ввозимаго въ Китай количества опіума, до полнаго прекращенія его. Что̀ могло быть выгоднѣе этой мѣры, благодаря которой Китай, безъ всякихъ затрудненій, въ сравнительно непродолжительный срокъ освободился бы отъ этой страшной заразы! Что же касается искорененія куренія опіума, то для этого авторъ предлагаетъ двѣ мѣры: первая заключается въ изданіи приказовъ съ приглашеніемъ курильщиковъ опіума заявить въ четырехмѣсячный срокъ о куреніи ими опіума, а затѣмъ обязать ихъ въ годичный срокъ оставить эту привычку, въ случаѣ же неоставленія ея — чиновниковъ лишать должностей, ученыхъ — ученаго званія, служителей исключать изъ службы, купцовъ—подвергать денежному штрафу, солдать—выгонять изъ службы, а всѣхъ остальныхъ—подвергать наказанію. Еслибы наказанныя такимъ образомъ лица не оставили своей привычки въ полугодовой льготный срокъ, то таковыхъ отправлять въ ссылку на границу. Но опасаясь, что такая строгая мѣра легко можетъ повести къ разнымъ придиркамъ, вымогательствамъ и угнетенію слабыхъ, не принеся, однако, дѣйствительной пользы, авторъ проектируетъ для искорененія куренія опіума другую, болѣе мягкую мѣру, заключающуюся въ ограниченіи нѣкоторыхъ, впрочемъ весьма существенныхъ, правъ курильщиковъ опіума, а именно: въ недозволеніи принимать участіе въ соисканіи ученыхъ степеней, открывающихъ карьеру въ Китаѣ; въ запрещеніи поступать въ военную службу, покупать должности и чины и занимать муниципальныя должности. Конечною степенью наказанія по этому проекту для чиновниковъ полагается лишеніе должностей, если они въ 3-хъ-лѣтній срокъ не избавятся отъ злополучной страсти. Эта мѣра, — замѣчаетъ авторъ, — болѣе медленная, но зато болѣе гуманная,

заключающаяся въ воздѣйствіи на душу человѣка и разсчитанная на то, что лица, связанныя между собою узами родства и дружбы, несомнѣнно будутъ вліять другъ на друга въ освобожденіи отъ этой пагубной привычки. Но для усиленнаго осуществленія освобожденія Китая отъ этого бича необходимо, чтобы примѣръ шелъ сверху, отъ правящихъ классовъ, которые, сами освободившись отъ этого порока, могли бы требовать этого и отъ другихъ.

Не довольствуясь вышеизложенными мѣрами къ искорененію куренія опіума въ Китаѣ, и не считая предметъ, въ виду его жизненной важности для страны, достаточно исчерпаннымъ, авторъ посвящаетъ ему другую статью, въ которой прежде всего настаиваетъ на томъ, что всѣ мѣры противъ опіума должны быть приняты безотлагательно, потому что со всякимъ зломъ гораздо легче бороться въ началѣ, а когда оно успѣетъ пустить слишкомъ глубокіе корни, задача искорененія его является не подъ силу даже мудрымъ государственнымъ людямъ, которые съ болью въ душѣ отступаютъ передъ нею. Затѣмъ, оставляя въ сторонѣ двѣ понудительныя къ искорененію опіума мѣры, приведенныя въ первой статьѣ, онъ съ энтузіазмомъ рекомендуетъ развитіе въ широкихъ размѣрахъ собственной культуры опіума, какъ одного изъ надежныхъ и неубыточныхъ для Китая средствъ къ полнѣйшему искорененію этого зла, и называетъ не понимающими современнаго положенія дѣлъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что усиленіе культуры опіума поведетъ къ усиленному потребленію его въ странѣ, къ оставленію воздѣлыванія полезныхъ злаковъ, къ обращенію такого извѣстнаго цивилизованнаго государства, какъ Китай, въ ущербъ его достоинству, въ страну закопченную опіумомъ, къ распространенію куренія его въ тѣхъ мѣстахъ, куда иностранный продуктъ еще не проникалъ и, наконецъ, что, благодаря крѣпости и полнотѣ вкуса иностраннаго опіума, и усовершенствованнымъ способамъ его культуры въ Индіи, едва ли слабый китайскій продуктъ съ его первобытною обработкою будетъ въ состояніи конкуррировать съ нимъ и постепенно вытѣснять его изъ Китая.

„Рѣшеніе вопроса—говоритъ авторъ—о прекращеніи ввоза опіума въ Китай на половину зависитъ отъ противодѣйствія Англіи, которая, однако, ничего не можетъ сказать противъ усиленной культуры китайскаго опіума, съ цѣлью прекращенія ввоза ея собственнаго; а когда ввозъ ея опіума въ Китай сократится до такой степени, что уже не будетъ составлять существенной статьи дохода для индійскаго бюджета, тогда Англія, чтобы из-

бавиться отъ всеобщихъ нареканій и стяжать славу благодѣтельницы человѣчества, вѣроятно по собственному почину подниметъ вопросъ о прекращеніи ввоза его въ Китай. Искорененіе же разведенія и куренія опіума въ самомъ Китаѣ встрѣтитъ для себя благопріятную почву въ слабости мѣстнаго продукта, обусловливающей и слабость пріобрѣтаемой къ нему страсти. Не должно безпокоить насъ и то, что усиленное разведеніе опіума захватитъ земли, находящіяся нынѣ подъ другими полезными злаками, потому что одна десятина мака по доходности равняется 10 десятинамъ риса или другого хлѣба; а это дастъ земледѣльцу полную возможность закупать хлѣбъ для своего пропитанія въ другихъ странахъ, напримѣръ въ Кохинхинѣ, гдѣ рисъ даетъ три жатвы въ годъ. Настолько же неосновательны опасенія относительно того, что дешевизна мѣстнаго опіума, вызванная усиленною культурою его, поведетъ ко всеобщему потребленію его, потому что куреніе его находится въ зависимости отъ характера человѣка, а не отъ стоимости продукта. Тѣмъ менѣе заслуживаетъ вниманія замѣчаніе о подмѣси къ опіуму постороннихъ веществъ, потому что всякая примѣсь къ этому ядовитому веществу, дѣлая его болѣе слабымъ, образуетъ и болѣе слабое пристрастіе къ нему. Напрасны также опасенія, что совершенно свободная культура опіума поведетъ къ распространенію его въ тѣхъ мѣстахъ, куда иностранный продуктъ еще не достигаетъ, потому что и въ настоящее время онъ воздѣлывается уже чуть не по всему Китаю, а въ Цинъ-Цзянѣ на Императорскомъ каналѣ и въ Хань-Коу съ успѣхомъ вытѣсняетъ иностранный и, безъ сомнѣнія, благодаря своей дешевизнѣ, вытѣснитъ его совершенно, коль скоро къ обработкѣ его будутъ примѣнены секретные способы, практикуемые въ Индіи.

„Однимъ словомъ, лица, утверждающія, что Китаю не слѣдуетъ разводить собственнаго опіума, защищаютъ англійскіе интересы и желаютъ обѣднѣнія Китая. Къ такимъ лицамъ, между прочимъ, относится весь штатъ иностранной морской таможни, генералъ-инспекторъ которой, сэръ Робертъ Хартъ, въ виду уменьшенія ввоза опіума на 4.000 ящиковъ въ первый годъ послѣ обложенія его, кромѣ таможенной пошлины, еще и ликиномъ, просилъ распространить эту мѣру и на мѣстный опіумъ“...

Сводя вмѣстѣ все вышеизложенное, авторъ приходитъ къ тому заключенію, что понудительныя мѣры къ искорененію куренія опіума, въ извѣстный опредѣленный срокъ, подъ страхомъ законной кары, были бы лучшимъ средствомъ освободиться отъ этого зла. Второе мѣсто въ ряду средствъ противъ опіума онъ отводитъ широ-

кому распространенію культуры мѣстнаго опіума,—а на предоставленіе вопроса объ опіумѣ его собственной судьбѣ, съ единственнымъ разсчетомъ увеличенія съ него пошлинъ и сборовъ, для покрытія до нѣкоторой степени настоятельныхъ нуждъ, авторъ смотритъ какъ на послѣднюю изъ мѣръ, уподобляя ее подливанію масла въ огонь, и выражаетъ увѣренность, что истинный патріотъ едва ли согласится на нее.

XIV.

Обращаясь къ одному изъ жгучихъ вопросовъ китайской внѣшней политики, всегда стоившихъ Китаю не малыхъ хлопотъ, заботъ и матеріальныхъ затратъ, а именно: къ миссіонерству, или христіанской пропагандѣ, авторъ со вздохомъ замѣчаетъ, что допущеніе христіанской пропаганды внутри Китая является одною изъ главныхъ причинъ непрочности мира его съ иностранцами. Иностранцы—говоритъ онъ—домогаются отъ Китая двухъ вещей: торговли и права религіозной пропаганды. Хотя торговля и подрываетъ выгоды китайскаго населенія, но съ этимъ зломъ, при извѣстной энергіи и воодушевленіи, поднятіи собственной торговли и ограниченіи нѣкоторыхъ правъ иностранцевъ, еще можно справиться. Совсѣмъ другое дѣло, по его словамъ, представляетъ пропаганда. Миссіонеры непремѣнно требуютъ доступа внутрь страны. Благодаря тому, что между обращенными ими китайцами бываютъ и хорошіе, и дурные люди, у нихъ съ язычниками возникаютъ ссоры, въ которыхъ интересы христіанскихъ прозелитовъ находятъ постоянную поддержку въ военныхъ силахъ иностранцевъ. Это вызываетъ озлобленіе обиженныхъ, которое неоднократно сопровождалось погромомъ христіанскихъ храмовъ.

Обращаясь къ исторіи христіанства, авторъ замѣчаетъ, что, исходя изъ одного источника, оно само раздѣлилось на три главныя отрасли: протестантство, католичество и восточно-католичество, или православіе. Религіозныя несогласія между послѣдователями разныхъ христіанскихъ сектъ послужили поводомъ къ продолжительнымъ, ожесточеннымъ и кровопролитнымъ войнамъ, а религіозный фанатизмъ нѣкоторыхъ западныхъ государствъ, по мнѣнію самихъ же иностранцевъ, содѣйствовалъ ихъ обѣднѣнію и порожденію внутреннихъ смутъ. Опасенія испытать подобныя бѣдствія привели къ захвату Рима и уничтоженію свѣтской власти папы, къ изданію майскихъ законовъ въ Германіи, къ устраненію вмѣшательства духовенства въ дѣла государственныя и прекращенію имъ содержанія въ Австро-Венгріи, къ измѣненію школь-

ныхъ правилъ въ Голландіи, съ исключеніемъ изъ нихъ Закона Божія и освобожденіемъ школъ изъ-подъ власти духовенства, и къ разнымъ ограниченіямъ имущественныхъ и другихъ правъ духовенства въ Португаліи, Испаніи, Италіи и Швейцаріи. По мнѣнію нѣкоторыхъ германскихъ ученыхъ, религія поведетъ въ будущемъ къ нарушенію добрыхъ отношеній между великими европейскими государствами.

„Съ распространеніемъ христіанства въ Китаѣ,—продолжаетъ авторъ,—всѣ иностранныя государства, въ заключаемыхъ ими съ нимъ договорахъ, на первомъ планѣ выговаривали для своихъ миссіонеровъ свободу путешествія по всему Китаю, съ огражденіемъ ихъ безопасности. Отличаясь полнѣйшею религіозною терпимостью, покоящеюся на широкихъ основаніяхъ ученія его мудреца, Китай допускаетъ даже магометанство и буддизмъ, какъ религіи, увѣщевающія людей къ добру. Но лишь только появилось христіанство (западное ученіе), какъ Соединенные-Штаты С. Америки и Франція стали употреблять всѣ свои силы къ оказанію ему исключительнаго покровительства. Негодные люди вступаютъ въ христіанство, потому что видятъ въ немъ оплотъ для себя. Какихъ только беззаконій не творятъ такіе христіане подъ защитою миссіонеровъ! Они обманываютъ глупыхъ поселянъ, обижаютъ и притѣсняютъ слабыхъ, захватываютъ чужихъ женъ, похищаютъ чужое имущество, не платятъ пошлинъ и податей, убиваютъ мирныхъ жителей и т. д. Если миссіонеръ будетъ человѣкъ справедливый, то онъ, безъ сомнѣнія, не попуститъ подобныхъ беззаконій; если же это будетъ человѣкъ упрямый и пристрастный, то, въ случаѣ вызова къ суду кого-либо изъ обращенныхъ, онъ укрываетъ его въ храмѣ, а по произнесеніи надъ нимъ суда даетъ ему возможность убѣжать за границу. Мѣстныя власти, изъ опасенія вызвать войну, боятся поднять голосъ противъ подобнаго правонарушенія. Невозможность же для потерпѣвшей стороны поддержать свое право порождаетъ всеобщее глубокое негодованіе и вызываетъ чувство мести, результатомъ чего являются безпрестанные случаи разрушенія храмовъ, поношенія миссіонеровъ и драки обращенныхъ съ язычниками. При безпристрастномъ взглядѣ на дѣло, сами вѣропроповѣдники должны были бы устыдиться собственнаго поведенія, какъ не только несогласнаго съ намѣреніями Верховнаго Существа, но совершенно противнаго основаніямъ добраго сосѣдства. А между тѣмъ, когда какой-либо сановникъ, которому поручено разсмотрѣніе какого-либо миссіонерскаго дѣла, по отдаленности разстоянія или по неполному знакомству съ обстоятельствами дѣла, иногда замедлитъ

рѣшеніемъ его, то иностранцы пользуются этимъ для разныхъ вымогательствъ. Несмотря на то, что мѣстныя власти за допущеніе безпорядковъ уже разжалованы, онѣ требуютъ еще отправленія къ подлежащему правительству соболѣзновательнаго письма и уплаты вознагражденія потерпѣвшимъ, хотя главные виновники уже понесли наказаніе. Правительство великодушно снисходитъ къ такому образу дѣйствій иностранныхъ правительствъ и подавляетъ въ себѣ ничтожное неудовольствіе, а народъ, у котораго еще уцѣлѣла совѣсть, терпѣливо готовится къ мести.

„Торговля опіумомъ и миссіонерская пропаганда, начало которымъ положено было Англіей и Франціей—вотъ двѣ дѣйствительныя причины раздора Китая съ иностранцами и глубокой ненависти всего китайскаго населенія къ иностранцамъ вообще, за невозможностью отличить ихъ по національностямъ.

„При искреннемъ желаніи, чтобы язычники и обращенные христіане жили между собою въ мирѣ и согласіи, необходимо изыскать для этого дѣйствительныя мѣры. Люди, обратившіеся въ христіанство, само собою разумѣется, остаются китайскими подданными, питающимися китайскимъ хлѣбомъ и живущими на китайской землѣ, которымъ наше либеральное правительство дозволило свободно исповѣдывать христіанство, какъ ученіе, имѣющее цѣлью направлять людей къ добру, но оно не можетъ допустить, чтобы подъ покровомъ его совершались всевозможныя неправды, противныя духу самаго ученія и несогласныя съ договорами“... Поэтому, при пересмотрѣ договоровъ, авторъ признаетъ необходимымъ включить въ нихъ слѣдующее постановленіе: имена и фамиліи, а также и мѣста родины китайцевъ, обращающихся въ христіанство, должны быть заявляемы мѣстному начальству, которое не иначе включаетъ ихъ въ особые списки и гарантируетъ защиту и покровительство, обезпеченныя имъ договоромъ, какъ по удостовѣреніи въ томъ, что они не преступники. По всѣмъ возникающимъ дѣламъ они будутъ судимы по китайскимъ законамъ; причемъ мѣстнымъ властямъ вмѣнено будетъ въ обязанность относиться съ одинаковымъ безпристрастіемъ ко всѣмъ, безъ различія религіи. Что же касается самихъ миссіонеровъ, то они также должны находиться подъ надзоромъ мѣстныхъ властей и, въ случаѣ вмѣшательства въ дѣла мѣстнаго управленія, захвата власти и давленія, немедленно должны быть удаляемы изъ Китая по распоряженію своего посланника. При такихъ условіяхъ добропорядочные люди не будутъ имѣть основаній враждебно относиться къ христіанству и его послѣдователямъ. Въ случаѣ несогласія иностранцевъ на включеніе въ

договоры подобныхъ постановленій, авторъ предлагаетъ ввести ограниченіе нѣкоторыхъ правъ лицъ, принявшихъ христіанство, а именно: вѣчное пребываніе ихъ потомковъ въ состояніи простолюдиновъ, запрещеніе имѣть наложницъ и поступать въ военную службу. Этимъ путемъ онъ полагаетъ также возможнымъ упорядочить вопросъ о христіанской пропагандѣ.

XV.

Въ Кантонѣ, Макао, Гонконгѣ и Сватоу въ прежнее время практиковалась продажа китайцевъ за границу, для чего тамъ существовали особыя учрежденія, носившія названіе конторъ для найма рабочихъ. Разсѣянные повсюду сообщники, или агенты, своимъ угожденіемъ страстямъ, перспективою обогащенія и заманчивостью путешествія увлекали въ свои сѣти китайцевъ, которые, по выходѣ въ море, становились рабами, закабалившими себя за 50—60 долларовъ. Въ настоящее время этотъ позорный промыселъ сосредоточивается въ Макао. Непрерывное развитіе земледѣлія и горнаго промысла въ Америкѣ, Африкѣ и на островахъ Южнаго океана, при недостаткѣ туземной рабочей силы, вызываетъ необходимость привлеченія ея изъ другихъ странъ. Но такъ какъ, въ виду слишкомъ низкой заработной платы, охотниковъ оказывалось мало, то пущены были въ ходъ разныя приманки; когда же и онѣ мало помогали, тогда обратились къ похищенію рабочихъ и продажѣ ихъ. Этимъ путемъ изъ Китая ежегодно увозились за границу десятки тысячъ рабочихъ. Многіе изъ этихъ несчастныхъ умирали въ пути, или же сами налагали на себя руки. Тѣ же изъ нихъ, которымъ посчастливилось достигнуть мѣста назначенія, опредѣлялись на самыя тяжелыя работы. Усталъ рабочій, его подгоняютъ плетьми; заболѣлъ онъ, ему не даютъ отпуска. Съ восходомъ солнца онъ выходитъ на работу и съ закатомъ солнца возвращается въ свою тюрьму. Спастись онъ не имѣетъ возможности, ищетъ смерти и не находитъ ея. Между этими несчастными иногда попадаются люди изъ знатныхъ фамилій, по ошибкѣ попавшіе въ пропасть и утратившіе всякую надежду когда-либо увидѣть родной очагъ.

Какъ велико количество вывозимыхъ изъ Китая рабочихъ, можно видѣть изъ словъ одного англичанина—Гарриса: въ 1891 г. чрезъ одинъ Сингапуръ ихъ прослѣдовало въ разные пункты болѣе 160.000 человѣкъ. Тѣ изъ нихъ, которые попадаютъ въ Сингапуръ и ближайшія къ нему колоніи, еще не осо-

бенно бѣдствуютъ. Наибольшія страданія и жестокости выпадаютъ на долю тѣхъ, которыхъ судьба забросила въ Перу и другія республики Южной Америки, а также на Борнео и мелкіе острова Восточнаго океана. Безвыходное положеніе этихъ несчастныхъ не можетъ не вызывать глубокаго состраданія людей.

Нѣкоторые замѣчаютъ, что всѣ эти китайцы отправляются на работы по собственной охотѣ, а не по принужденію, и въ доказательство этого указываютъ на то, что прежде посадки ихъ на суда португальскій чиновникъ въ Макао опрашиваетъ каждаго изъ нихъ, и нежелающихъ отсылаетъ обратно. На это нашъ авторъ возражаетъ, что въ большинствѣ случаевъ на вопросы чиновника отвѣчаютъ за рабочихъ ихъ похитители; да и вообще, замѣчаетъ онъ, даже при добросовѣстности китайскаго и португальскаго делегатовъ, имъ трудно уберечься отъ всѣхъ уловокъ и хитростей, къ которымъ прибѣгаютъ заинтересованныя въ дѣлѣ лица. А между тѣмъ, продажа людей въ рабство запрещена законами. И хотя въ Китаѣ въ настоящее время она извѣстна подъ именемъ найма рабочихъ, но въ сущности наемъ этотъ ничѣмъ не отличается отъ работорговли. Война сѣверныхъ и южныхъ штатовъ Америки началась также изъ-за торговли рабами и послужила къ окончательному ея уничтоженію. Въ настоящее время торговля эта остается только въ Китаѣ, гдѣ, несмотря на его давнія дружественныя отношенія съ иностранными державами, иностранцы позволяютъ себѣ въ сообществѣ съ китайскими негодными купцами заниматься этимъ противозаконнымъ и пагубнымъ для человѣчества промысломъ. А американскіе Соединенные-Штаты, гдѣ пустынная когда-то Калифорнія, благодаря китайскимъ рабочимъ, обратилась въ богатѣйшую страну, нынѣ воздвигли гоненіе противъ этихъ самыхъ рабочихъ, сопровождавшееся поджогами и грабежами и окончательнымъ воспрещеніемъ имъ доступа на земли Штатовъ, только потому, что дешевизною своего труда они составляютъ конкурренцію туземному рабочему классу.

Для прекращенія позорной торговли китайцами и упорядоченія вопроса о наймѣ ихъ въ качествѣ рабочихъ за границу, необходимо, по мнѣнію автора,—основываясь на международномъ правѣ, заключить съ иностранными державами договоръ на слѣдующихъ основаніяхъ: если въ извѣстной странѣ потребуется столько-то рабочихъ, то правительство ея должно предварительно заявить объ этомъ китайскому посланнику или консулу для доведенія до свѣдѣнія китайскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, которое предлагаетъ мѣстнымъ властямъ озаботиться отысканіемъ требуемаго

количества. Далѣе, китайское правительство назначаетъ своихъ агентовъ въ Гонконгъ, Макао и другіе важные порты. До выхода китайскихъ рабочихъ въ море, командиръ судна обязанъ представить агенту списокъ рабочихъ, отправляющихся на его суднѣ, прося его посѣтить судно для провѣрки списка, къ которому онъ прилагаетъ печать и доноситъ своему губернатору для должнаго увѣдомленія подлежащаго китайскаго посланника. По прибытіи судна къ мѣсту назначенія, капитанъ представляетъ списокъ рабочихъ китайскому чиновнику, для вторичной провѣрки, послѣ чего рабочіе поступаютъ къ нанимателямъ, которые обязываются обходиться съ ними человѣколюбиво. При отсутствіи китайскаго чиновника, формальности эти, по порученію китайскихъ властей, исполняются мѣстнымъ почтеннымъ китайскимъ купцомъ, занимающимъ должность старшины. Если бы кто изъ трудолюбивыхъ и долго прожившихъ въ странѣ китайскихъ рабочихъ пожелалъ остаться въ странѣ, то ему должно быть дозволено приписаться съ правами, предоставленными туземцамъ, и онъ не можетъ подвергаться, какъ въ Соединенныхъ-Штатахъ, безпричинному остракизму. Лица, которыя будутъ поставлены во главѣ этого дѣла, обязаны знать, что тутъ имѣется въ виду не стѣсненіе китайской эмиграціи, а защита китайскихъ подданныхъ за границею, и потому не должны дѣлать вымогательствъ и этимъ навлекать на себя порицаніе и насмѣшки. Такъ какъ на всѣхъ островахъ Южнаго океана, разсѣянныхъ тамъ въ огромномъ количествѣ, было бы трудно учредить повсюду консульства, то защиту китайцевъ на нихъ, съ согласія иностранныхъ правительствъ, можно было бы поручить китайскимъ почтеннымъ коммерсантамъ.

XVI.

Въ западной Европѣ, — объясняетъ далѣе авторъ, — нѣтъ ни одного государства, которое не имѣло бы долговъ, и всякій долгъ, разрѣшенный парламентомъ, не теряетъ своей обязательной силы даже въ томъ случаѣ, когда заключившее его государство сдѣлалось добычею другого. Въ случаѣ предпринятія государствомъ какихъ-либо громадныхъ сооруженій или войны, при недостаткѣ рессурсовъ на покрытіе предстоящихъ расходовъ, имъ заключаются внутренніе процентные займы, которые, являясь помощью народа правительству въ нуждѣ, въ то же время заключаютъ въ себѣ идею помѣщенія богатства въ средѣ собственнаго народа и нежеланія предоставленія выгодъ чу-

жимъ странамъ. „Во время недоразумѣнія Франціи съ Аннамомъ, когда кантонская провинція крайне нуждалась въ средствахъ для усиленія своей береговой обороны, я, — говоритъ авторъ, — представилъ проектъ внутренняго займа съ разрѣшеніемъ казначействамъ морскихъ таможенъ выпуска облигацій, которыя бы принимались по номинальной цѣнѣ безъ всякаго учета въ уплату пошлинъ, податей и другихъ сборовъ, при чемъ лицамъ, ссудившимъ милліонъ ланъ, властями должно быть оказываемо особенное вниманіе". По мнѣнію автора, „деньги—это также вода, и не бѣда, когда онѣ находятся въ постоянномъ обращеніи, а вотъ бѣда, когда онѣ находятся въ застоѣ. Поэтому, еслибы китайское правительство сдѣлало опытъ заключенія внутренняго займа для покрытія государственныхъ расходовъ, съ гарантіею соблюденія полнаго безпристрастія и совершенной добросовѣстности, то эта прекрасная мѣра временной помощи государству въ его нуждахъ послужила бы къ созданію великолѣпнаго дѣла на безконечныя времена. По своимъ неисчислимымъ выгодамъ, она далеко оставила бы за собою такія мѣры, какъ открытіе пожертвованій съ продажею чиновъ, иностранные займы, сопряженные съ ущербомъ для государства, и учрежденія Ли-Цзиня [1]), обременительнаго для народа"... Къ иностраннымъ займамъ авторъ рекомендуетъ обращаться только въ тѣхъ случаяхъ, когда внутренніе займы не покроютъ суммъ, потребныхъ правительству, и при томъ никакъ не дороже какъ изъ 5% годовыхъ, чтобы не очутиться въ положеніи Турціи, Персіи и Египта, въ которыхъ, благодаря огромнымъ долгамъ, заключеннымъ за слишкомъ большіе проценты, финансы находятся въ чужихъ рукахъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ чего является постепенный упадокъ ихъ силъ. „При извѣстномъ всякому огромномъ пространствѣ Китая и обиліи естественныхъ богатствъ, которыми онъ далеко превосходитъ другія страны, доходы его весьма значительны [2]), а займовъ мало. Благодаря этому, Китаю не нужно платить высокихъ процентовъ для заключенія значительныхъ займовъ, и то, что прежніе внѣшніе займы его были заключены изъ 7 и даже 8% годовыхъ, происходило или отъ хищничества агентовъ, заключавшихъ ихъ, или же отъ учетовъ

[1]) Чрезвычайный сборъ на военныя потребности, установленный въ началѣ 50-хъ годовъ и не отмѣненный до нынѣ.

[2]) Весьма ничтожны сравнительно съ пространствомъ, населеніемъ и богатствами страны. Весь государственный доходъ Китая опредѣляется приблизительно въ 100.000.000 ланъ (150.000.000 рублей), что не составляетъ даже 40 коп. на каждую душу населенія. Народъ, вѣроятно, платитъ въ 5 разъ болѣе, чѣмъ получаетъ казна.

иностранныхъ банковыхъ учрежденій". Изъ иностранныхъ банкировъ, пользующихся всеобщимъ довѣріемъ и извѣстностью, у которыхъ за сходный процентъ можно занять значительныя суммы, авторъ рекомендуетъ Ротшильда и Беринга.

Обращаясь, затѣмъ, къ способамъ осуществленія займовъ, авторъ излагаетъ основныя понятія о выпускѣ займовъ, ихъ реализаціи и погашеніи облигацій посредствомъ тиражей, и при этомъ замѣчаетъ, что система тиражей представляетъ существенныя неудобства для владѣльцевъ значительнаго количества облигацій, такъ какъ они не могутъ знать заранѣе, когда ихъ капиталъ освободится, что̀, конечно, не можетъ остаться безъ вліянія на величину процента самаго займа; но эти неудобства въ значительной степени устраняются опредѣленіемъ точныхъ сроковъ погашенія займа. Хотя, по замѣчанію автора, китайское правительство всегда соразмѣряло свои расходы съ доходами, но для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ ему случалось прибѣгать къ внѣшнимъ займамъ, которые, благодаря колебанію курса фунтовъ стерлинговъ, доставили Китаю громадный ущербъ, а потому заключеніе внѣшнихъ займовъ должно быть прекращено навсегда и замѣнено выпускомъ срочныхъ государственныхъ облигацій, приносящихъ извѣстный процентъ и имѣющихъ безобманное обращеніе. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы облигаціи эти пользовались мѣньшимъ довѣріемъ, чѣмъ иностранныя, и чтобы китайскому министерству финансовъ оказывалось меньшее довѣріе, чѣмъ какому-нибудь частному банковому учрежденію. Заключеніе иностранныхъ займовъ авторъ допускаетъ только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ—и, притомъ, во избѣжаніе излишнихъ расходовъ и учетовъ, не чрезъ мѣстныхъ иностранныхъ банкировъ, а чрезъ своего посланника въ Лондонѣ у Ротшильда и Беринга, которые, при извѣстной всѣмъ честности Китая въ исполненіи принятыхъ на себя обязательствъ, безъ сомнѣнія, не откажутся сдѣлать заемъ изъ 4—5% годовыхъ. Иностранные займы Китая гарантируются доходами съ морскихъ таможенъ. Такой солидной и вѣрной гарантіи не даетъ ни одно изъ иностранныхъ государствъ. Къ сожалѣнію, — заключаетъ авторъ, — эта въ высшей степени выгодная операція не попадаетъ ни въ руки китайцевъ, ни солидныхъ иностранныхъ домовъ, а отдается какимъ-то иностраннымъ маклерамъ.

XVII.

Хотя несчастная для Китая японско-китайская война должна была въ значительной степени ослабить, въ глазахъ китайскихъ патріотовъ, безошибочность соображеній и плановъ нашего автора относительно обороны страны, показавъ имъ, кто друзья Китая и кого ему слѣдуетъ остерегаться, тѣмъ не менѣе едва ли ей удалось подорвать самыя основы ихъ и притомъ въ глазахъ всѣхъ мыслящихъ китайцевъ. Это заставляетъ насъ, хотя и не съ такою подробностью, изложить взгляды автора на оборону страны.

„Оборона Китая,—говоритъ онъ,—со стороны моря представляется въ настоящее время не такою легкою задачею, какъ это было прежде, когда иностранцы, отдѣленные отъ насъ громадными океанами и морями, не располагали еще быстродвижными, сильными паровыми судами, и когда они еще не были нашими близкими сосѣдями. Теперь, съ занятіемъ всѣхъ острововъ Южнаго океана, Кохинхины, Аннама и Бирмы, они стали нашими ближайшими сосѣдями, мыслимое ли дѣло сдѣлать Китай неуязвимымъ и недоступнымъ для непріятеля, еслибы онъ сталъ принимать оборонительныя мѣры, начиная съ СВ. до Южнаго океана, на протяженіи чуть не 6.000 миль въ 9 провинціяхъ, а именно: въ Хэй-Лунъ-Цзянѣ, Гиринѣ, Фынъ-Тянѣ, Чжили, Шань-Дунѣ, Цзянъ-Су, Чжэ-Цзянѣ, Фу-Цзянѣ и Кантонѣ, съ ихъ главными портами и пунктами Хунь-Чулемъ, Ню-Чжуаномъ, Люй-Шунемъ, Дагу, Чифу, Вэй-Хай-Вэй'емъ, Усун'омъ, Чунъ-Мин'омъ, Чжа-Пу, Ма-Цзян'омъ, Амоемъ, Сватоу, Кантономъ, Лэй-Чжау, Цюнъ-Чжау и Бэй-Хай'емъ, не считая безчисленнаго множества бухтъ и заливовъ, разсѣянныхъ по громадному побережью Китая и доступныхъ для судовъ? Поэтому для дѣйствительной обороны такой громадной береговой линіи ее необходимо раздѣлить на три участка: сѣверный, средній и южный, съ образованіемъ въ каждомъ изъ нихъ особой флотиліи, или эскадры. Сѣверный участокъ, начинаясь въ Маньчжуріи, будетъ обнимать Ню-Чжуанъ, Люй-Шунь-Коу, Дагу и Чифу, съ главными укрѣпленными пунктами въ Люй-Шун'ѣ и Вэй-Хай'ѣ. Средній, начинаясь отъ Хай-Чжоу въ устьѣ Янъ-Цзы-Цзяна, долженъ обнимать Чунъ-Минъ, У-Сунъ, Чжа-Пу, Динъ-Хай и Ма-Цзянъ, съ главными оборонительными центрами въ Чунъ-Минѣ и на Чусанѣ. Южный участокъ, начинаясь отъ Амая, долженъ обнимать Сватоу, Чаю-Янъ, Сы-Ао, Ху-Мынь, Лао-Вань-Шань, Ци-Янъ-Чжоу, Долэй-Чжоу и Цюнъ-

Чжоу съ главными оборонительными центрами въ Нань-Сю (южный кантонскій лиманъ) и Цюнъ-Чжоу.

„Во главѣ каждой эскадры долженъ стоять адмиралъ съ двумя флагманами. Кромѣ обычныхъ ученій, малыхъ маневровъ по временамъ года и большихъ въ концѣ года, изъ каждой эскадры ежегодно должно быть отправляемо въ дальнее плаваніе по одному судну, сначала въ Аннамъ, Сіамъ, Филиппинскіе острова и Сингапуръ, а потомъ въ Индію, Персидскій заливъ, Красное и Средиземное моря, Атлантическій и Великій океанъ". Затѣмъ, въ видахъ чрезвычайной важности для Китая морского дѣла, авторъ рекомендуетъ, чтобы во главѣ флота былъ поставленъ одинъ изъ князей или важныхъ сановниковъ; но такъ какъ въ настоящее время между ними нѣтъ ни одного лица, основательно знакомаго съ морскимъ дѣломъ, которому можно было поручить этотъ важный постъ, то нѣкоторыми признается необходимымъ командированіе за границу на нѣсколько лѣтъ одного изъ молодыхъ князей, съ цѣлью всесторонняго изученія морского дѣла, чтобы, по возвращеніи въ отечество, онъ могъ принять на себя высшее завѣдываніе всѣмъ флотомъ.

Въ военное время связь между тремя отдѣльными эскадрами вообще должна выражаться въ томъ, что, въ случаѣ появленія непріятеля въ районѣ одной изъ нихъ, двѣ другія должны быть готовы идти къ ней на помощь. Въ частности, планъ морской обороны сѣвернаго Китая [1]), по идеѣ автора, въ общихъ чертахъ заключается въ томъ, что, для прегражденія непріятелю доступа въ Чжилійскій заливъ, два отряда судовъ должны держаться въ двухъ противоположныхъ пунктахъ—на оконечности Шаньдунскаго мыса у горы Чэнъ-Шань и въ устьѣ Я-Лу-Цзяна, а третій летучій отрядъ долженъ постоянно крейсировать между двумя помянутыми пунктами. При наступленіи непріятеля съ юга, задача южной эскадры, поддерживаемой среднею и сѣверною, должна заключаться въ удерживаніи непріятеля отъ движенія на сѣверъ.

„Но для того, чтобы флотъ былъ на высотѣ своего призванія, Китаю необходимо разъ навсегда отказаться отъ своихъ старыхъ порядковъ и серьезно приняться за дѣло реорганизаціи флота. Для этого, по замѣчанію бывшаго инструктора китайскаго флота, англичанина Ланга, необходимо прежде всего поднять значеніе моряковъ, которые, какъ всѣ лица военнаго сословія, не поль-

[1]) При условіи укрѣпленія тыла Люй-Шуньской бухты батареями, а фронта торпедами.

вуются въ Китаѣ уваженіемъ, благодаря чему въ рядахъ ихъ мы не встрѣчаемъ, какъ на Западѣ, ни принцевъ крови, ни другихъ, менѣе родовитыхъ лицъ. Въ то время, какъ на Западѣ кадры морскихъ офицеровъ пополняются исключительно людьми, получившими спеціальное образованіе въ морскихъ корпусахъ, въ Китаѣ даже адмиралы постепенно дослуживаются до этого высокаго званія изъ нижнихъ чиновъ, а иногда даже просто назначаются изъ сухопутныхъ офицеровъ. Неудивительно, что въ прежнихъ морскихъ сраженіяхъ наши моряки совершенно терялись и не знали, что имъ дѣлать. Далѣе, по окончаніи кампаніи, матросы распускаются по домамъ, снабженные средствами, которыхъ не хватаетъ даже на дорогу, а семейства убитыхъ и раненыхъ остаются безъ всякаго призрѣнія. Такимъ образомъ, для того, чтобы китайскій флотъ имѣлъ дѣйствительное боевое значеніе, по мнѣнію автора, необходимо поднятіе значенія военнаго сословія вообще, надлежащая подготовка офицеровъ для флота въ спеціальныхъ морскихъ корпусахъ и опредѣленіе срока службы во флотѣ нижнихъ чиновъ, съ оказаніемъ въ извѣстныхъ случаяхъ вспомоществованія ихъ семействамъ"...

Переходя къ оборонѣ сухопутныхъ границъ Китая, авторъ замѣчаетъ, что въ самой глубокой древности оборона сухопутныхъ границъ всегда составляла предметъ особаго безпокойства и заботъ правительства. „Къ сожалѣнію, появленіе въ настоящее время на сценѣ заморскихъ державъ еще болѣе содѣйствовало увеличенію заботъ и безпокойствъ правительства, и особенно въ направленіи сухопутной границы. Общаго взгляда на современное положеніе дѣлъ и на географическую карту достаточно для того, чтобы убѣдиться, что центръ тяжести обороны Китая въ настоящее время лежитъ на сушѣ, а не на морѣ, такъ какъ сильные сосѣди теперь окружаютъ его почти со всѣхъ сторонъ; на югѣ онъ граничитъ съ французскимъ Аннамомъ и съ англійскою Бирмою, на западѣ—съ Индіей, и на СВ. и СЗ. на огромномъ пространствѣ—съ владѣніями Россіи. Изъ этихъ сильныхъ сосѣдей первымъ объектомъ обороны, по мнѣнію автора, должна быть Россія, постоянно питавшая коварные замыслы противъ Китая, доказательствомъ чего служитъ захватъ Амурскаго и Уссурійскаго края въ то время, какъ Китай занятъ былъ войною съ англичанами и французами. Конечно, не съ доброю цѣлью ведетъ она и теперь свою желѣзную дорогу чрезъ Сибирь въ Владивостокъ по безплоднымъ и пустыннымъ мѣстамъ, не щадя для этого громадныхъ матеріальныхъ средствъ. Въ виду проведенія этой желѣзной дороги, дающей Россіи возможность

быстраго сосредоточенія значительныхъ военныхъ силъ на крайнемъ Востокѣ, главное вниманіе Китая должно быть сосредоточено на оборонѣ Маньчжуріи, которая должна состоять въ увеличеніи числа обучаемыхъ по-европейски оборонительныхъ силъ края, постройкѣ укрѣпленій въ важныхъ стратегическихъ пунктахъ, ускореніи проложенія желѣзной дороги чрезъ Маньчжурію и, въ особенности, возведеніи по границѣ земляныхъ укрѣпленныхъ лагерей, громадная польза которыхъ въ оборонѣ страны, по мнѣнію автора, несомнѣнно доказана исторіей. Пересѣченная высокими горами и пиками, Маньчжурія представляетъ всѣ необходимыя условія для устройства такихъ земляныхъ лагерей, или городковъ. Для обезпеченія войскъ продовольствіемъ, авторъ настоятельно рекомендуетъ заведеніе въ Маньчжуріи хлѣбопашныхъ колоній, развитіе которыхъ, кромѣ того, содѣйствовало бы постепенному развитію и обогащенію самой страны.

„Но всѣ эти мѣры едва ли будутъ въ состояніи гарантировать въ полной мѣрѣ неприкосновенность Маньчжуріи, если только не будетъ обращено самое серьезное вниманіе на обезпеченіе неприкосновенности Кореи, которая, благодаря непосредственному сосѣдству съ Маньчжуріей, является естественнымъ ея оплотомъ. Гибель Кореи сдѣлаетъ положеніе Маньчжуріи опаснымъ. Къ сожалѣнію, государство это, несмотря на всѣ усилія Китая, направленныя къ поддержанію его посредствомъ введенія его въ сношенія съ иностранцами, нисколько не заботится о самоусиленіи, не проявляетъ никакой энергіи, не умѣетъ заняться развитіемъ естественныхъ богатствъ и образованіемъ необходимыхъ талантовъ. А между тѣмъ, Россія уже давно заглядывается на эту, богатую разными минералами, и особенно золотомъ, страну, желая обратить ее въ свою колонію, и оттуда уже составлять дальнѣйшіе планы къ поглощенію Маньчжуріи. Съ своей стороны, и Японія давно уже имѣетъ виды на Корею. Такимъ образомъ, Корея является страною, которую Россія и Японія непремѣнно будутъ оспаривать другъ у друга, а Китай во что бы то ни стало будетъ стремиться къ сохраненію ея неприкосновенности; но только едва ли онъ одинъ будетъ въ состояніи справиться съ этою задачею, потому что такому обширному и сильному своею арміею государству, какъ Россія, такъ же легко будетъ взять Корею, какъ тигру—собаку, особенно когда сибирская желѣзная дорога будетъ окончена; съ другой стороны, и Японіи, островъ которой Цусима отдѣленъ отъ корейскаго порта Фусана только нѣсколькими десятками миль, не трудно будетъ завладѣть Кореею“... Въ виду опасности, угрожающей Кореѣ съ двухъ сторонъ, авторъ не находитъ

для парализованія ея другого, лучшаго и надежнѣйшаго средства, какъ заключеніе Китаемъ съ Англіею секретнаго договора относительно защиты общими силами территоріальной неприкосновенности Кореи. „Англія, безъ сомнѣнія, въ своихъ собственныхъ интересахъ должна будетъ согласиться на заключеніе договора, направленнаго противъ извѣстной своимъ вѣроломствомъ и захватами Россіи, которая, овладѣніемъ Кореи достигнувъ исполненія своихъ желаній на Востокѣ, вѣроятно, не преминетъ обратить вниманіе на Индію, чего такъ опасается Англія, вся сила которой заключается въ ея колоніяхъ. Что же касается Японіи, то она сама заявляетъ, что на Востокѣ нарождается новая Англія, и заявленіе это едва ли по вкусу Англіи. Такимъ образомъ, общность интересовъ, эта великая движущая сила, заставляетъ Китай и Англію соединиться для сохраненія территоріальной неприкосновенности Кореи. Но другіе полагаютъ, что самою лучшею мѣрою было бы объявленіе Кореи государствомъ, состоящимъ подъ общимъ протекторатомъ всѣхъ великихъ державъ.“...

Продолжая излагать свои взгляды на оборону Китая со стороны сухопутной границы, авторъ находитъ, что хотя принятіе оборонительныхъ мѣръ противъ Россіи и является дѣломъ настоятельной необходимости, тѣмъ не менѣе нельзя не быть на сторожѣ и противъ Англіи и Франціи, вниманіе которыхъ давно уже привлекала къ себѣ славящаяся своими несмѣтными минеральными богатствами провинція Юнь-Нань; въ прежнее время ихъ отдѣляли отъ нея бывшія вассальныя владѣнія Китая: Тонкинъ, Аннамъ, Бирма и Сіамъ; но теперь два первыя владѣнія сдѣлались добычею Франціи, вторая захвачена Англіей, а Сіамъ находится подъ ихъ совмѣстнымъ давленіемъ. Такимъ образомъ, Юнь-Нань лишилась всѣхъ своихъ оплотовъ и, благодаря непосредственному сосѣдству съ Англіею и Франціею, является совершенно открытою для ихъ вторженій. И, вѣроятно, недалеко то время, когда англійская желѣзная дорога чрезъ Бирму, а французская чрезъ Тонкинъ проникнутъ въ предѣлы Юнь-Нани [1]). Въ виду этого, Китаю необходимо принять самыя дѣятельныя мѣры къ укрѣпленію Юнъ-Наня, Сы-Мао, Мэнъ-Цзы и другихъ важныхъ пограничныхъ пунктовъ образованіемъ въ нихъ отборныхъ гарнизоновъ и возведеніемъ сильныхъ укрѣпленій, вооруживъ ихъ новѣйшими, большого калибра, орудіями. При этомъ, во избѣжаніе громадныхъ затратъ и большихъ затрудненій, съ

[1]) Соглашеніемъ, заключеннымъ съ Китаемъ лѣтомъ настоящаго года, Франціи предоставлено право проведенія желѣзной дороги въ провинціи Гуанъ-Си и Юнь-Нань.

которыми сопряжена перевозка орудій изъ Шанхая въ Юнь-Нань, авторъ рекомендуетъ устройство на мѣстѣ орудійнаго и оружейнаго завода, подъ руководствомъ опытнаго иностраннаго механика, а для покрытія военныхъ расходовъ—разработку всевозможныхъ минеральныхъ богатствъ провинціи. Сопредѣльный съ Индіею и также богатый минеральными произведеніями Тибетъ также долженъ быть предметомъ не меньшей заботливости Китая въ смыслѣ обороны его. По послѣднему договору англичане уже добились права торговли на границѣ Тибета, у Сиккима, и захвата значительнаго пространства земли. А между тѣмъ, Тибетъ имѣетъ для Китая особенно важное значеніе потому, что онъ служитъ естественнымъ оплотомъ для одной изъ богатѣйшихъ и населеннѣйшихъ провинцій его—Сы-Чуань, которая съ паденіемъ его уже не будетъ пользоваться продолжительнымъ спокойствіемъ. „Не надѣйся,—замѣчаетъ Сунь-Цзы (знаменитый стратегъ VI вѣка до Рождества Христова),—что непріятель не придетъ, а надѣйся на то, что ты готовъ встрѣтить его". Слѣдуя этому правилу, Китай не долженъ медлить необходимыми приготовленіями.

Главу, посвященную обученію войска, авторъ начинаетъ сѣтованіями на то, что „современные китайскіе стратеги ставятъ своею исключительною задачею не подготовку и обученіе солдатъ, а наемъ для потребностей данной минуты людей, которые съ большими затратами кое-какъ формируются въ извѣстныя части только для показа, безъ всякихъ дѣйствительныхъ результатовъ, и затѣмъ распускаются, чтобы въ случаѣ тревоги, второпяхъ, снова собрать ихъ. Мыслимое ли дѣло набранную второпяхъ и не обученную толпу посылать противъ непріятеля! Что же касается болѣе чѣмъ восьмисотъ-тысячной регулярной арміи, состоящей изъ знаменныхъ маньчжуръ и китайцевъ, въ которой кавалеристъ получаетъ 2 р. 25 к., а пѣхотинецъ отъ 1 руб. 50 до 1 р. 80 к., то она, состоя изъ людей старыхъ, слабосильныхъ и безпутныхъ, является рѣшительно никуда негодною, не говоря уже о томъ, что дѣйствительная численность ея, благодаря злоупотребленіямъ начальства, гораздо ниже номинальной. Свою полную непригодность армія эта показала во время инсурреціонныхъ движеній пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, когда въ провинціяхъ Ху-Нань и Ань-Ху были образованы отряды милиціонеровъ, которымъ и принадлежитъ честь подавленія возстанія. Впрочемъ, въ настоящее время отряды и этихъ милиціонеровъ, благодаря рутинѣ и устарѣлости людей, почти не отличаются отъ иррегулярной арміи.

Для преобразованія военныхъ силъ Китая, авторъ рекомен-

дуетъ набрать для каждой провинціи изъ регулярныхъ и милиціонныхъ войскъ по отдѣльному корпусу извѣстной численности, съ пополненіемъ ихъ, въ случаѣ недостатка, здоровыми и крѣпкими людьми изъ мѣстнаго населенія. Образованіе и обученіе этихъ корпусовъ должно производиться по иностранному образцу. Точно также по этому же образцу въ каждой провинціи должны быть основаны военныя школы, назначеніе которыхъ будетъ состоять въ подготовленіи для арміи образованныхъ, дѣльныхъ и опытныхъ офицеровъ. Далѣе, во всѣхъ военно-морскихъ округахъ для подготовленія морскихъ офицеровъ должны быть устроены морскіе корпуса.

Само собою разумѣется, что эти провинціальные корпуса должны быть одинаково экипированы и снабжены прочнымъ и удобнымъ оружіемъ и провіантомъ. Кромѣ ежедневнаго обученія людей, однажды въ мѣсяцъ должны быть производимы малые маневры и одинъ разъ въ годъ большіе. При такихъ условіяхъ авторъ надѣется на образованіе въ Китаѣ дѣйствительной арміи, которая не будетъ непроизводительно истреблять казенный хлѣбъ. На возраженіе, что 75.000.000, затрачиваемыхъ нынѣ на содержаніе разныхъ войскъ, едва ли будетъ достаточно на покрытіе всѣхъ военныхъ расходовъ при новомъ режимѣ, авторъ отвѣчаетъ, что главное достоинство арміи заключается въ ея качествѣ, а не въ количествѣ, и потому совѣтуетъ въ проведеніи военной реформы не выходить изъ предѣловъ вышеуказанной суммы.

Начало слѣдующей главы авторъ посвящаетъ описанію военныхъ судовъ различныхъ типовъ, съ критическою оцѣнкою относительныхъ достоинствъ ихъ, при чемъ онъ отдаетъ предпочтеніе легкимъ, быстроходнымъ крейсерамъ и канонерскимъ лодкамъ съ тяжелою артиллеріею—предъ громадными, дорого стоющими броненосными судами. Указавъ на задачи каждой изъ трехъ китайскихъ эскадръ,—о чемъ было подробно сказано въ главѣ о морской оборонѣ,—авторъ обращаетъ вниманіе на крайне недостаточное знакомство своихъ моряковъ съ водяными путями не только въ далекихъ моряхъ, но даже по китайскому побережью, и рекомендуетъ пріобрѣтеніе англійскихъ морскихъ картъ, изданіе ихъ на китайскомъ языкѣ въ особо учрежденномъ гидрографическомъ отдѣлѣ и разсылку на всѣ суда, съ обязательствомъ для командировъ и офицеровъ ихъ заниматься повсюду тщательною провѣркою ихъ. Результаты провѣрки должны быть доставляемы въ гидрографическій отдѣлъ каждые полгода въ теченіе 2 лѣтъ, по истеченіи которыхъ отдѣломъ составляется новая исправленная карта и разсылается по флоту для руководства.

Затѣмъ авторъ признаетъ совершенно необходимымъ основаніе военно-морского порта, который служилъ бы базою для всѣхъ операцій флота. Но гораздо важнѣе всего этого подготовка матросовъ и образованіе опытныхъ офицеровъ, безъ чего и самый флотъ съ его военно-морскимъ портомъ сдѣлается добычею непріятеля. Признавая за англійскимъ флотомъ съ его высокою организаціею и образцовыми порядками первенствующее значеніе въ ряду другихъ флотовъ, авторъ рекомендуетъ своему правительству снова пригласить извѣстнаго англійскаго офицера, въ родѣ адмирала Ланга, поручивъ ему обученіе всего китайскаго флота. Что касается морскихъ школъ, основанныхъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Китая, преподаваніе въ которыхъ ведется иностранными спеціалистами, то воспитанники ихъ, не теряя времени, должны быть отправляемы въ плаваніе, которое, кромѣ доставленія имъ практическихъ знаній въ морскомъ дѣлѣ, пріучитъ ихъ къ перенесенію трудовъ и лишеній, воспитаетъ въ нихъ духъ мужества и хладнокровія въ виду опасности. Само собою разумѣется, что какъ на практической эскадрѣ, такъ и вообще во всемъ флотѣ, должна быть поддерживаема самая строгая дисциплина.

Указавъ на то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Китая и въ настоящее время существуютъ народныя ополченія, чрезвычайно серьезно относящіяся къ своему дѣлу и далеко оставляющія за собою негодныя правительственныя войска, авторъ дѣлаетъ общій очеркъ военной службы въ Германіи и Франціи, гдѣ, благодаря всеобщей воинской повинности и системѣ запасовъ, каждый гражданинъ оказывается знакомымъ съ военнымъ дѣломъ и въ минуту опасности способенъ постоять за отечество. Что же касается Англіи, то тамъ, кромѣ регулярной арміи, существуютъ еще территоріальныя войска, формируемыя городами и селеніями изъ добровольцевъ и въ случаѣ военныхъ дѣйствій употребляемыя для мѣстной обороны. Въ Китаѣ, при его обширности и многолюдствѣ, слѣдовало бы избрать одного правдиваго, честнаго и знакомаго съ военнымъ дѣломъ офицера и учредить воинскій приказъ, для обученія поморянъ и жителей пограничныхъ областей военному искусству по смѣшанной иностранно-китайской системѣ, начавъ дѣло обученія съ десятниковъ, которые потомъ будутъ обучать свои десятки, а эти послѣдніе—своихъ домашнихъ. Этимъ путемъ каждый китаецъ пріобрѣтетъ знакомство съ военнымъ дѣломъ. Состоя подъ командою пятидесятниковъ, сотниковъ и тысяцкихъ, эта народная рать, годичное нахожденіе въ рядахъ которой должно быть обязательно для всякаго китайца отъ 16 до 40 лѣтъ

безъ различія состоянія, должна находиться въ вѣдѣніи мѣстныхъ властей, которымъ вмѣстѣ съ главнымъ командиромъ будетъ принадлежать завѣдываніе матеріальною частью рати. Содержаніе ея производится на средства мѣстнаго населенія, и отчеты о поступленіи суммъ и ихъ расходованіи должны быть публикуемы ежегодно для всеобщаго свѣдѣнія.

Въ ряду мѣръ, имѣющихъ содѣйствовать обезпеченію неприкосновенности владѣній Китая и развитія его торговли, кораблестроительное дѣло является одною изъ болѣе настоятельныхъ.

Съ устройствомъ въ Фу-Чжоу и Шанхаѣ кораблестроительныхъ верфей и мастерскихъ, китайцы достаточно съумѣли ознакомиться съ иностранными методами строительнаго дѣла и сами могутъ строить машины. Эти весьма значительные для начала дѣла результаты были достигнуты цѣною болѣе чѣмъ двадцатилѣтнихъ трудовъ и громадныхъ затратъ, въ виду которыхъ нѣкоторые даже рекомендовали прекращеніе работъ и закрытіе мастерскихъ. Но дѣло въ томъ, что Китай, по неимѣнію собственнаго матеріала для постройки судовъ, обязанъ былъ закупать его съ большими накладными расходами за границею; далѣе, модели судовъ, рисунки, главный надзоръ за работами и пробою судовъ—все это производилось иностранными и притомъ не всегда особенно искусными и усердными техниками, пользовавшимися однако громадными окладами. Удивительно ли, что при такихъ условіяхъ суда, выходившія съ помянутыхъ двухъ верфей, обходились не только дороже покупныхъ, но даже уступали имъ по своимъ качествамъ.

Нынѣ, въ виду того, что главнымъ матеріаломъ для постройки кораблей является желѣзо и сталь, Китаю настоятельно необходимо приступить къ разработкѣ желѣза. Затѣмъ, необходимо пригласить искуснаго иностраннаго литейщика и знатока химіи и отдать ему въ науку понятливыхъ мальчиковъ, съ назначеніемъ особой награды за выучку каждаго изъ нихъ. Такимъ образомъ, при нахожденіи желѣза по всему Китаю и при разработкѣ каменнаго угля, судостроительный матеріалъ является обезпеченнымъ.

Что же касается мастерового персонала для кораблестроенія, то для образованія его необходимо отправить за границу способныхъ и здоровыхъ молодыхъ людей въ возрастѣ около 20 лѣтъ и знающихъ китайскій и иностранные языки, которые бы на лучшихъ и обширнѣйшихъ верфяхъ посвятили себя изученію кораблестроительнаго дѣла и лѣтъ черезъ десять, по возвращеніи въ отечество, были распредѣлены на китайскихъ верфяхъ съ

принятіемъ въ свое вѣдѣніе той или другой отрасли кораблестроительнаго дѣла, и кромѣ того подготовляли бы для этого дѣла и молодое поколѣніе. Нечего опасаться недостатка въ людяхъ, но бѣда въ томъ, что они могутъ не встрѣтить должнаго поощренія въ высшихъ сферахъ, отсутствіе рѣшительнаго направленія въ которыхъ было причиною того, что, несмотря на громадныя затраты, въ теченіе 50 лѣтъ не было подготовлено людей, на которыхъ можно было бы положиться въ минуту нужды. Въ настоящее время фу-чжоу'ская [1]) и шанхайская верфи исключительно служатъ для потребностей правительства. Въ видахъ экономіи и уменьшенія отлива денегъ за границу было бы цѣлесообразно, чтобы помянутыя верфи, кромѣ исполненія казенныхъ работъ, брали на себя исполненіе частныхъ заказовъ. Надобно думать, что китайскіе судохозяева предпочтутъ пріобрѣтать суда у себя же въ Китаѣ, чѣмъ заказывать ихъ за границею, особенно если въ цѣнахъ не будетъ значительной разницы.

Въ западныхъ государствахъ въ настоящее время по преимуществу употребляется огнестрѣльное оружіе; при этомъ стремленіе имѣть самое совершенное оружіе заставляетъ ихъ часто мѣнять его. Въ Японіи производство оружія также достигло такой степени совершенства, что она сама въ состояніи изобрѣтать новое оружіе, тогда какъ Китай можетъ приготовлять его только по готовымъ образцамъ. Послѣ такого вступленія авторъ обращается къ описанію орудій и ружей всевозможныхъ системъ, съ указаніемъ ихъ относительныхъ достоинствъ и недостатковъ; затѣмъ онъ переходитъ къ описанію разныхъ видовъ пороха, съ объясненіемъ ихъ свойствъ и употребленія, говоритъ о вооруженіи батарей и употребленіи минныхъ загражденій, необходимости соблюденія крайней осторожности въ выборѣ оружія, во избѣжаніе обмановъ и подлоговъ, которымъ такъ часто приходилось подвергаться Китаю со стороны иностранцевъ. Для этого онъ рекомендуетъ, чтобы пріобрѣтеніе всевозможнаго оружія производилось чрезъ посредство спеціально командируемаго лица, основательно знакомаго съ оружейнымъ дѣломъ и сильнаго въ химіи. При этомъ авторъ съ своей стороны предлагаетъ общія правила для руководства при выборѣ орудій, ружей и пороху. Но для сохраненія полной самостоятельности въ военное время и въ виду важныхъ неудобствъ, могущихъ возникнуть вслѣдствіе невозможности пріобрѣтенія вооруженія у нейтральныхъ, авторъ

[1]) Находившаяся за послѣдніе годы въ крайнемъ небреженіи фу-чжоу'ская верфь, благодаря приглашенію въ настоящемъ году французскихъ морскихъ инженеровъ и техниковъ, вѣроятно будетъ поставлена на надлежащую высоту.

настоятельно рекомендуетъ устройство въ разныхъ провинціяхъ Китая собственныхъ орудійныхъ, оружейныхъ и пороховыхъ заводовъ, съ соблюденіемъ при пріемѣ снарядовъ строгаго контроля для того, чтобы они не оказались начиненными пескомъ и землею, вмѣсто пороха, какъ это было констатировано въ Фу-Чжоу во время послѣдней французско-китайской войны 1884 г. Особенное вниманіе онъ обращаетъ на необходимость строгаго контроля за храненіемъ и содержаніемъ оружія, которое отъ недосмотра и нерадѣнія, покрываясь ржавчиной, приходитъ въ совершенную негодность.

Въ заключеніе этой главы авторъ выражаетъ сожалѣніе, что тѣмъ невѣждамъ, которые до сихъ поръ стоятъ за возможность одержанія побѣдъ при помощи луковъ, стрѣлъ, бердышей и копій, не приходится лично участвовать въ войнѣ для того, чтобы во очію убѣдиться въ опустошительномъ дѣйствіи ядеръ и пуль.

Будучи представителемъ націи болѣе склонной къ мирнымъ занятіямъ, чѣмъ къ боевымъ подвигамъ, авторъ съ особенною симпатіею относится къ вопросу о прекращеніи войнъ и воцареніи всеобщаго мира на землѣ, и потому настоящую и послѣднюю главу его сочиненія мы позволимъ себѣ представить въ болѣе подробномъ извлеченіи.

XVIII.

„Древнѣйшіе цари Китая,—говоритъ нашъ авторъ, — блиставшіе своими добродѣтелями, не обращали вниманія на войну и внушали, что оружіе есть зло, и война — опасное дѣло, къ которому можно прибѣгать только въ крайности. Съ упадкомъ могущества Чжоу'скаго дома, со времени династій Цинь и Хань (за два съ половиною и за два вѣка до Р. Хр.), утвердившихся въ Китаѣ силою оружія, начались нескончаемыя войны. Расширеніе владѣній и споры изъ-за городовъ сопровождались ужаснымъ истребленіемъ человѣчества: тамъ льются потоки крови, здѣсь возами возятъ трупы, старые и слабые дѣлаются жертвою оружія, кровью и мясомъ людей утучняются пустынныя поля; пустѣютъ деревни и села и пустѣетъ казна. Какъ больно и нестерпимо должно было быть все это для чувства человѣколюбія! Не прибыльна ненасытная жажда войны; злополучіемъ является самая лучшая армія. Судьба непостоянна. Процвѣтаніе и упадокъ быстро смѣняютъ другъ друга. Мы видимъ изъ

исторіи, что воинственные государи Запада, снѣдаемые жаждою величія и славы, ненасытно предавались войнамъ до истощенія силъ. Такъ, владыки Рима и Франціи, поглотивъ всѣ государства и овладѣвъ всею Европой, думали, что не имѣютъ соперниковъ, а въ концѣ концовъ погибли сами и разорили свои царства. Въ теченіе продолжительнаго существованія вселенной миръ и смуты поочередно смѣняли другъ друга. Государства слабыя дѣлались добычею сильныхъ. Арміи великихъ государствъ съ каждымъ днемъ увеличиваются, ихъ вооруженіе съ каждымъ днемъ совершенствуется. Безъ конца появляются новые методы, изощряется военное искусство, и все это для захвата новыхъ земель и истребленія человѣчества. Одинъ нападаетъ, другой защищается; орудія и снаряды громадной тяжести употребляются для уничтоженія городовъ и разрушенія селъ и деревень; массы убитыхъ наполняютъ ихъ. Какая жестокость и безчеловѣчіе! Во время прусско-французской войны въ сраженіи при Шпандау (?) погибло нѣсколько десятковъ тысячъ, при Мецѣ въ одинъ день погибло около 100 т. (?); въ одномъ изъ сраженій Россіи съ Турціей пало 32.000 человѣкъ. По словамъ газеты „Таймсъ“, съ 1852 по 1877 г., въ теченіе 25 лѣтъ, пало на полѣ бранномъ болѣе 1.900.000 человѣкъ и истрачено на военныя потребности 12.065 милліоновъ. А сколько людей заболѣло отъ тягостей и лишеній военной жизни, сколько разорилось купцовъ, сколько погибло имущества и сколько причинено всевозможныхъ убытковъ и вреда— невозможно исчислить. Никогда бѣдствія войны не достигали такихъ поражающихъ размѣровъ, какъ въ настоящій вѣкъ. При врожденной жесткости характера европейцевъ у нихъ рѣдко прекращались войны, продолжавшіяся иногда по 30—40 лѣтъ. Трудно вообразить себѣ тѣ бѣдствія, которыя были бы послѣдствіемъ будущей всеобщей войны!

„Причины раздоровъ и войнъ по большей части коренятся въ томъ, что государства, при наружной искренности, втайнѣ стремятся къ захватамъ и подъ прикрытіемъ проложенія торговыхъ путей въ сущности высматриваютъ земли. Государства родственныя мало-по-малу дѣлаются врагами, связанныя общими интересами превращаются въ непріязненныя. Въ исключительной заботливости о своемъ величіи и одолѣніи врага,. они не обращаютъ вниманія на разореніе своего народа. Какое ужасное безчеловѣчіе и какая огромная несправедливость! Притомъ, рвеніе къ расширенію владѣній непремѣнно требуетъ увеличенія арміи, а слѣдовательно и расходовъ на нее. Такъ, напримѣръ, Англіи въ

прежнее время содержаніе арміи обходилось въ 100.000.000 ланъ (1 л. по настоящему курсу=1 р. 50 к.), а въ послѣднее время стоитъ 140.000.000 л. Военный бюджетъ другихъ государствъ также съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Такимъ образомъ, даже въ мирное время масса народнаго богатства тратится на содержаніе армій. Какъ же не бѣднѣть народу и не страдать подъ тяжестью налоговъ? Что же лучше? Беречь народъ, или же губить его? Довольствоваться своею землею, или же заботиться о расширеніи ея? Чѣмъ вести войны изъ-за преобладанія въ теченіе сотни лѣтъ, не лучше ли тысячи лѣтъ наслаждаться благами мира? Пусть каждый владѣетъ своею страною и заботится о своемъ народѣ; пусть онъ замѣнитъ чувствомъ небесной любви— несправедливости и притѣсненія, характеризующія времена упадка человѣчества; пусть не превозносится и не унижается, не обманываетъ и не подозрѣваетъ—и тогда наступитъ продолжительное спокойствіе, миръ, и прекратятся войны. Государства будутъ пользоваться выгодами промышленности и торговли безъ различія національностей, и благодаря повсюду проникающимъ желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ они будутъ находиться въ одинаково близкихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Не хорошо ли это? Конечно, хорошо. Но я не смѣю думать, чтобы это непремѣнно осуществилось. Люди, не принадлежащіе къ одному племени, безъ сомнѣнія, имѣютъ различныя наклонности, насильственное измѣненіе которыхъ въ концѣ концовъ вызываетъ протестъ. При этомъ, сильные совершенно открыто даютъ волю своимъ хищническимъ наклонностямъ, а слабые стараются тайкомъ удовлетворить своей алчности. Начинаются войны, сопровождаемыя бѣдствіями и нескончаемыми безпорядками, которые не прекращаются, пока не разольются на необозримое пространство, подобно буйнымъ волнамъ потока. Впрочемъ, когда бѣдствіе достигаетъ крайнихъ предѣловъ, то оно непремѣнно смѣняется благополучіемъ. Это естественный законъ; заботиться же о спокойствіи во время опасности — это дѣло человѣческое. И судя по настоящему положенію дѣлъ, во всѣхъ европейскихъ государствахъ начинаетъ проявляться чувство раскаянія въ причиняемыхъ бѣдствіяхъ,—доказательствомъ чего служатъ все чаще повторяющіеся случаи прекращенія войнъ и разрѣшенія разныхъ недоразумѣній при содѣйствіи и посредствѣ третьихъ державъ. Затихли немного сторожевые огни, и человѣчество отдохнуло нѣсколько отъ бѣдствій войны. Громадность затратъ на военныя издержки, истощающія всѣ запасы страны, не вознаграждаемая

даже въ случаѣ побѣды и сопровождаемая еще урономъ военныхъ силъ и ущербомъ престижа въ случаѣ пораженія, заставляетъ мудрыхъ правителей заботиться о мѣрахъ наступленія и обороны, чтобы заранѣе обезпечить за собою побѣду, но никто изъ нихъ не желаетъ легкомысленно начинать войну. Но эра всеобщаго умиротворенія наступитъ съ объединеніемъ вселенной подъ властью мудреца, питающаго отвращеніе къ убійству, который долженъ будетъ появиться въ то время, когда великія смуты достигнутъ крайнихъ предѣловъ. Когда міръ долго находится въ состояніи объединенія, то за этимъ непремѣнно должно слѣдовать раздѣленіе. Китай, по мнѣнію автора, долго находился въ состояніи объединенія, а иностранный міръ — въ состояніи великаго раздѣленія, за которымъ должно послѣдовать великое объединеніе. Когда, съ наступленіемъ этого времени, появится мудрецъ, то онъ, несмотря на то, что умомъ, мужествомъ, силою и искусствомъ будетъ превосходить всѣхъ, не будетъ, однако, пользоваться всѣми этими качествами, а единственно при помощи своей всеобщей любви возвратитъ этотъ міръ къ его единству, которое будетъ сопровождаться единствомъ путей сообщенія, единствомъ просвѣщенія и нравственности,—и всѣ народы поклонятся ему. Тогда суда потеряютъ свою крѣпость, орудія — свою силу, умъ и сила физическая не будутъ имѣть приложенія, и оружію негдѣ будетъ показать свое превосходство. Прекратятся войны, мѣсто которыхъ заступятъ просвѣщеніе и цивилизація, и всякое живое существо получитъ свое опредѣленное мѣсто. Вникая въ высшіе законы и всматриваясь въ настроеніе народовъ, сопоставляя прошедшее и настоящее, проникая сокровенное и уразумѣвая ясное и видя, какъ варвары изъявляютъ нынѣ свою покорность (сыну Неба), посылая ему дары и представляясь ему, мы вправѣ надѣяться на наступленіе славной эры въ недалекомъ будущемъ, быть можетъ, лѣтъ чрезъ 500“...

Такимъ образомъ, по мнѣнію нашего автора, золотой вѣкъ долженъ будетъ наступить, когда всѣ народы міра объединятся подъ властію китайскаго мудреца-гуманиста. Но предвкушеніе такого блестящаго торжества китайской цивилизаціи нисколько не помѣшало автору, какъ мы видѣли, рекомендовать Китаю, пользуясь свободнымъ временемъ, заняться административными и судебными реформами, поднятіемъ просвѣщенія, приведеніемъ въ

порядокъ городовъ (укрѣпленій), очисткою окружающихъ ихъ каналовъ, подготовленіемъ хорошихъ полководцевъ, дисциплинированной арміи и заготовленіемъ въ достаточномъ количествѣ войскового довольствія и усовершенствованнаго оружія. Но, конечно, все это для того, чтобы прекратить всякія поползновенія иностранцевъ къ презрительному и дерзкому обращенію ихъ съ Китаемъ.

П. Поповъ.

Пекинъ.
1-го августа 1897 г.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ

ЯЗЫКОВЪ

1803 — 1846 гг.

Біографическій очеркъ.

Имя Н. М. Языкова занимаетъ не послѣднее мѣсто въ Пушкинской плеядѣ. Его поэзія всего живѣе воспринималась современниками въ годы его жизни, но постепенно время перваго впечатлѣнія сглаживалось, и критика, отдавая справедливость смѣлой и оригинальной поэзіи Языкова, стала находить въ его произведеніяхъ преобладаніе внѣшняго эффекта надъ живымъ, искреннимъ чувствомъ, указала часто встрѣчающуюся вычурность и неточность выраженій, а многое просто признала не въ пользу поэта. Гоголь въ своей горячей, задушевно-восторженной характеристикѣ поэзіи Языкова, отвергая мнѣніе критиковъ, находившихъ у послѣдняго бѣдность таланта и мыслей, полагалъ, что „временно свѣтъ любви погаснулъ въ душѣ его“, и ждалъ отъ него „огнедышащаго слова“, — тогда какъ Бѣлинскимъ былъ сдѣланъ упрекъ Языкову именно въ холодности, недостаткѣ истиннаго поэтическаго воодушевленія: „Въ эстетическомъ отношеніи общій характеръ поэзіи Языкова чисто реторическій, основаніе зыбко, паѳосъ бѣденъ, краски ложны и форма лишена истины“. Такой безпощадный отзывъ о поэзіи Языкова прочли его почитатели въ 1845 г. въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ обычномъ обзорѣ литературныхъ явленій за предшествующій годъ. Бѣлинскій

признавалъ, однако, серьезную *историческую заслугу* Языкова въ томъ, что его оригинальность, представляя полезный противовѣсъ господствовавшей нѣкогда во всѣхъ родахъ поэзіи рабской подражательности и слѣпой рутинѣ, „дала возможность каждому писать не такъ, какъ всѣ пишутъ, а какъ онъ способенъ писать“, и тѣмъ способствовала удачному разрѣшенію романтическою литературою одной изъ ея главныхъ задачъ.

Отзывъ Бѣлинскаго о поэзіи Языкова остается послѣднимъ словомъ эстетической критики, и едва ли подлежитъ измѣненію въ будущемъ; но біографія поэта извѣстна только въ самыхъ общихъ чертахъ. Между тѣмъ, указанное критикомъ историческое значеніе Языкова уже даетъ ему несомнѣнное право на вниманіе потомства. Безъ труда доставшаяся слава избаловала своего легкомысленнаго фаворита дешевыми тріумфами. Талантъ Языкова быстро проложилъ себѣ широкую дорогу на литературномъ поприщѣ,—но поэтъ, упоенный громкимъ успѣхомъ, одурманенный поклоненіемъ шумнаго роя беззаботныхъ буршей, не заглядывалъ въ будущее, и съ безпечной веселостью отпраздновалъ свои молодые годы. Поэтому, его произведенія не богаты разнообразіемъ и глубиной содержанія, что̀ неизбѣжно должно было сильно ограничить ихъ значеніе. Впечатлѣніе, производимое ими, не возбуждало разногласія. Самъ Языковъ величалъ себя „поэтомъ радости и хмеля“. Панаевъ въ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“ назвалъ его „поэтомъ разгула и свободы“. Бѣлинскій находилъ, что его паѳосъ—„поэзія юности“. И этими опредѣленіями дѣйствительно исчерпывается его характеристика, какъ поэта.

I.

Языковъ родился 4-го марта 1803 года. Родиной его былъ Симбирскъ. Самое названіе имѣнія его предковъ (Языково) указываетъ на давнюю принадлежность рода къ мѣстному дворянству. Отецъ его велъ обычный образъ жизни провинціальнаго помѣщика: зиму проводилъ въ губернскомъ городѣ, участвуя на выборахъ, а на лѣто уѣзжалъ въ деревню. Женатъ онъ былъ на своей землячкѣ, Е. А. Ермоловой. Отъ этого брака родились три сына: Петръ, Александръ и Николай, и три дочери: Александра, въ замужествѣ Валуева, Прасковья, вышедшая впослѣдствіи за Бестужева, и Екатерина, жена извѣстнаго поэта-славянофила Хомякова. Николай былъ младшимъ изъ братьевъ и, оставшись рано сиротой по смерти отца, привыкъ относиться

къ старшимъ братьямъ съ почтительной любовью и особымъ благоговѣніемъ — обстоятельство, имѣвшее важное значеніе въ его жизни, такъ какъ оно развило въ немъ крайнюю несамостоятельность и безхарактерность. На живого и веселаго мальчика привыкли смотрѣть въ семьѣ слегка, во всемъ отдавая предпочтеніе болѣе основательнымъ отъ природы старшимъ братьямъ. Постоянное подчиненіе младшаго брата, поставленнаго на почтительное разстояніе отъ старшихъ, невольно заставляло игнорировать его соотвѣтственный ростъ и развитіе. Установилась прочная нравственная зависимость будущаго поэта почти отъ сверстниковъ, существенно отличающаяся отъ естественной и законной зависимости ребенка отъ взрослыхъ. Послѣдняя, основанная на временномъ превосходствѣ старшихъ, постепенно сглаживается, тогда какъ первая, подавляя самостоятельность, переходитъ и въ другіе возрасты. По крайней мѣрѣ Языковъ до смерти остался подъ ферулой братьевъ...

На двѣнадцатомъ году Языковъ былъ отданъ въ институтъ горныхъ инженеровъ въ Петербургѣ. Оставляя родину, онъ уносилъ съ собой любовь къ картинамъ волжской природы и пѣснямъ волжскихъ рыбаковъ. Такъ какъ эти предметы его юношеской поэзіи тѣсно связаны съ выросшей на той же почвѣ національной гордостью и сильнымъ патріотическимъ чувствомъ, зашевелившимся еще въ душѣ отрока, то очевидно, что ранніе годы Языкова уже способствовали въ извѣстной степени опредѣленію его поэтической физіономіи. Воспоминанія дѣтства остались ему навсегда дороги. Въ счастливые дни своей привольной жизни въ Тригорскомъ, Языковъ, желая выразить сильнѣе степень упоенія обворожительнымъ гостепріимствомъ, не нашелъ лучшаго способа, какъ сравнить его съ впечатлѣніями ранняго дѣтства въ родномъ Симбирскѣ. Впрочемъ, незлобивая душа поэта, повидимому, не знала вовсе горечи воспоминаній, и любила воскрешать въ памяти одну свѣтлую сторону прошедшаго. Языкову неизвѣстно было свойственное менѣе мягкимъ натурамъ раздраженіе окружающимъ, отчего, можетъ быть, мы и не встрѣчаемъ у него глубокихъ элегій, и особенно ни малѣйшаго намека на сатиру. Съ каждымъ предметомъ воспоминаній онъ непремѣнно соединялъ что-нибудь отрадное и задушевное. О Петербургѣ онъ, напр., говоритъ такъ:

...„мнѣ мила
Страна, гдѣ первую награду
Мнѣ муза пылкая дала“.

Какую именно награду дала Языкову его муза въ Петербургѣ, мы не знаемъ, но, конечно, это были только первые ученическіе опыты, не появившіеся въ печати...

Домъ Языковыхъ въ Петербургѣ былъ постоянно оживленъ множествомъ гостей, сходившихся въ свободные часы проводить время въ непринужденной дружеской бесѣдѣ, въ спорахъ о литературѣ, объ искусствѣ, въ забавахъ и шуткахъ. Кружокъ составился изъ людей молодыхъ, образованныхъ, веселыхъ, и имѣлъ въ себѣ много привлекательнаго. Николай Михайловичъ, находясь на положеніи младшаго члена семьи, нисколько этимъ не тяготился и не мечталъ, подобно большинству юношей, о преждевременной самостоятельности. Дома и въ школьной средѣ онъ держалъ себя свободно и просто, относясь ко всѣмъ съ дружелюбной привѣтливостью своего широкаго сердца и безпечно принимая отголоски симпатіи, вызываемой его сердечной общительностью. Но занятія его шли плохо, въ чемъ отчасти былъ виноватъ выборъ заведенія, куда его отдали только потому, что тамъ уже воспитывались старшіе братья. Между тѣмъ, склонности ихъ были совершенно противоположныя: тогда какъ братья дѣлали большіе успѣхи въ естественныхъ наукахъ, а одинъ изъ нихъ сдѣлался впослѣдствіи довольно извѣстнымъ минералогомъ, нашъ поэтъ лишь безплодно провелъ время въ институтѣ. Скоро оказалось, что веселый, румяный, разбитной юноша гораздо больше отличался острымъ умомъ и золотымъ сердцемъ, нежели любовью къ математикѣ, составлявшей главный предметъ обученія въ школѣ. Подобно большинству поэтовъ, онъ чувствовалъ отвращеніе къ числовой мудрости.

Однажды онъ писалъ братьямъ, уже изъ Дерпта: „Признаюсь, мнѣ очень надоѣдаетъ муза математики. Нѣтъ, лгу: это не муза!.. При всей увѣренности въ необходимости притворяться влюбленнымъ въ это худощавое, муміальное существо, при всемъ желаніи заслужить благосклонность его, весьма легкую, но тѣмъ болѣе скучную, при всемъ этомъ я желалъ бы вычеркнуть минуты, проведенныя въ такихъ занятіяхъ, изъ послужного списка моей жизни“. Неудивительно, что при такой глубокой антипатіи къ главному предмету преподаванія Языковъ потерпѣлъ полнѣйшее фіаско сначала въ горномъ институтѣ, потомъ въ инженерномъ корпусѣ. Несходство натуры Языкова и его братьевъ очень ярко проявилось въ ихъ отношеніяхъ къ предметамъ своихъ главныхъ занятій: тогда какъ послѣдніе умѣли себя дисциплинировать и работали основательно, у юнаго поэта не было ни на волосъ усидчивости. Ему оставалось только искренно пре-

клоняться передъ братьями, изъ которыхъ на его глазахъ вырабатывались люди дѣла, умѣвшіе разумно разнообразить свою трудовую учебную жизнь освѣжающими удовольствіями хорошаго общества, тогда какъ нашъ поэтъ бралъ отъ жизни только то, что̀ доставалось само собой, а обстоятельства и не требовали отъ него напряженной борьбы, потому что семейство Языковыхъ принадлежало къ хорошо обезпеченнымъ. Говоря о жизни молодого Языкова въ Петербургѣ, нельзя не упомянуть, что на общемъ свѣтломъ фонѣ воспоминаній юноши объ этой порѣ ярко выступаетъ горячее сочувствіе личности одного изъ воспитателей, съумѣвшаго въ немъ подмѣтить и взлелѣять искру поэтическаго пламени. Личность эта—преподаватель русской словесности, А. Д. Марковъ, памяти котораго его бывшій питомецъ посвятилъ впослѣдствіи прочувствованное стихотвореніе.

По окончаніи курса въ горномъ институтѣ, Языковъ перешелъ по совѣту братьевъ въ инженерный корпусъ, хотя начиналъ ясно сознавать свое призваніе и чувствовать вкусъ къ словеснымъ наукамъ. Братья, искренно любившіе его и относившіеся сочувственно къ его поэтическому служенію, не рѣшались, однако, зная его непостоянство, при опредѣленіи его карьеры соображаться съ его страстью къ поэзіи. Мягкій характеръ Н. М—ча не допускалъ его до открытаго протеста; зато онъ заявилъ крупный пассивный протестъ нехожденіемъ на лекціи и исключительнымъ углубленіемъ въ поэзію. Когда онъ рѣшилъ, наконецъ, бросить институтъ, то и здѣсь дѣло не обошлось безъ колебаній. Собственныя наклонности молодого человѣка какъ-то не внушали къ себѣ довѣрія и рѣшительно не принимались въ разсчетъ окружающими, такъ какъ поверхностный характеръ юноши производилъ на всѣхъ впечатлѣніе самаго ненадежнаго легкомыслія. „Съ удовольствіемъ вижу я въ твоемъ братѣ Николаѣ мальчика съ хорошими способностями и прекраснымъ сердцемъ“,—писалъ однажды А. М. Языкову его пріятель, молодой студентъ Д. Н. Свербеевъ, но онъ же предостерегалъ своего друга: — „Братъ твой лѣнится и въ институтъ не ходитъ. Несмотря на наши убѣжденія, онъ непремѣнно хочетъ оставить институтъ, не имѣя ничего лучшаго. *Мое мнѣніе, что позволять сіе ему никакъ не должно*“. Случайно перемѣна заведенія совпала для Н. М—ча съ измѣненіемъ домашней среды: старшій братъ его, Петръ Михайловичъ, оканчивалъ свои послѣдніе экзамены и собирался оставить Петербургъ, а второй, Александръ, уже переселился на родину. Между тѣмъ шестнадцатилѣтній юноша все еще нуждался если не въ надзорѣ, то въ возбуж-

дающемъ къ труду живомъ примѣрѣ. Возникалъ вопросъ, какъ устроить молодого Языкова, чтобы занятія его могли подвигаться впередъ. Онъ былъ отданъ сначала къ одному изъ профессоровъ; но вскорѣ профессоръ получилъ казенную квартиру въ зданіи самого института, и Языкову пришлось думать о новомъ устройствѣ. Временно онъ поселился у названнаго выше студента Свербеева, но не надолго, потому что послѣдній собирался ѣхать за границу. Къ счастью, стихи Языкова обратили на себя вниманіе профессора словесности въ дерптскомъ университетѣ и извѣстнаго литератора Воейкова. Онъ отнесся съ большимъ поощреніемъ къ молодому таланту и открылъ ему страницы своего журнала „Новости Литературы“. Онъ же настойчиво приглашалъ Языкова въ Дерптъ для занятій словесными науками, преподаваніе которыхъ, по его мнѣнію, особенно высоко было поставлено въ мѣстномъ университетѣ. Языкову улыбалась надежда легко овладѣть нѣмецкимъ языкомъ (этимъ, по его выраженію, „истиннымъ алмазнымъ ключомъ ко всему прекрасному и высокому“), знаніе котораго такъ необходимо всякому не совсѣмъ шаблонно-образованному человѣку. Но въ университетъ надо было держать вступительный экзаменъ. Оставивъ институтъ и Петербургъ, Н. М—чъ поѣхалъ сперва на короткое время на родину, гдѣ производилъ впечатлѣніе симпатичнаго счастливца-юноши, охотника до шутокъ и развлеченій, не опаснаго остряка, весело порхающаго изъ клубовъ въ гостиныя, и изъ гостиныхъ въ клубы,—и только черезъ годъ пріѣхалъ въ Дерптъ. Въ это время онъ былъ еще полонъ петербургскими впечатлѣніями, и особенно воспоминаніями о столичныхъ театрахъ, при чемъ больше всего восторгался Семеновой и Каратыгинымъ... Въ Дерптѣ онъ долго не могъ обжиться, и сначала утѣшалъ себя надеждой на переѣздъ къ нему матери, но когда это предположеніе разрушилось, ему пришлось подумать серьезнѣе о собственномъ устройствѣ въ незнакомомъ городѣ.

Непривычка распоряжаться собой при этомъ сказалась въ поразительныхъ размѣрахъ: не получая больше мѣсяца писемъ отъ братьевъ, онъ посылаетъ имъ письмо за письмомъ съ разспросами о томъ, какую нанять квартиру и проч. Наконецъ, онъ пишетъ брату П. М—чу: „Не стану упрекать васъ, любезнѣйшій братецъ, въ неотвѣтности на письма, ибо теперь совершенно увѣрился въ напрасности такового труда“. Отчаявшись такимъ образомъ въ своевременномъ полученіи совѣтовъ брата, поэтъ, ради практики въ языкѣ, рѣшился поселиться въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ семействѣ. Узнавъ объ его намѣреніи, Воей-

ковъ отрекомендовалъ его одному изъ своихъ товарищей, лектору русскаго языка, Боргу, извѣстному въ то время переводчику произведеній русской поэзіи. У Воейкова была очевидная цѣль—доставить обоимъ знатокамъ и любителямъ русской поэзіи пріятное для нихъ и полезное для литературы сближеніе. Репутація Борга, какъ лектора и переводчика, была весьма почтенная, и Языковъ считалъ себя очень польщеннымъ рекомендаціей Воейкова. Восхищеніе его увеличилось еще больше, когда при личномъ знакомствѣ почтенный лекторъ оказался добрымъ и снисходительнымъ старикомъ, въ которомъ юноша нашелъ отца и друга. Молодому человѣку жилось у него весело и привольно; стѣсненій никакихъ не было. Семья Борга также произвела на него благопріятное впечатлѣніе и черезъ нѣсколько дней онъ чувствовалъ себя въ ней своимъ человѣкомъ. Обо всемъ этомъ Языковъ писалъ братьямъ: „Воейковъ—вотъ что̀ значатъ стихи мои!—рекомендовалъ меня въ домъ къ одному извѣстному литератору, фонъ-Боргу. Оный Боргъ принялъ меня какъ родного, и я нашелъ въ немъ человѣка, совершенно удовлетворяющаго требованіямъ вкуса во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ полюбилъ меня, и я полюбилъ его,—и дѣло въ шляпѣ“! Скоро Языковъ такъ сжился съ радушно пріютившимъ его нѣмецкимъ семействомъ, что пользовался въ немъ правами самаго близкаго родственника, такъ что, напримѣръ, когда вся семья уѣзжала на праздники за городъ или въ деревню къ знакомымъ, то ее неизмѣнно сопровождалъ Языковъ. При этомъ любопытно, что иногда ему было скучно во время этихъ поѣздокъ, но чувство деликатности не позволяло ему отклонять ихъ, и привѣтливость добродушныхъ нѣмцевъ въ значительной мѣрѣ вознаграждала его за скуку. Всѣмъ было пріятно съ веселымъ и нетребовательнымъ юношей, а самъ ученый глава семьи нашелъ въ Языковѣ кладъ: по просьбѣ его Языковъ, не безъ основанія прослывшій богачомъ въ скромномъ нѣмецкомъ городкѣ, выписывалъ изъ Петербурга книги и помогалъ своему хозяину въ самыхъ занятіяхъ русской литературой. Но у поэта туго подвигалось изученіе нѣмецкаго языка, хотя изо всѣхъ знакомыхъ Борга только одинъ еще зналъ кое-что по-французски, а всѣ остальные, кромѣ родной рѣчи, никакой не понимали совершенно. Пришлось удовлетворяться бесѣдой на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ. „Я уже начинаю привыкать къ нѣмецкому образу жизни,—писалъ Языковъ,—и какъ бы то ни было, говорю по-нѣмецки“. Языковъ пытался прибѣгнуть и къ иному способу для ознакомленія съ нѣмецкимъ языкомъ: онъ вызвался обучать по-русски одного знакомаго нѣмца, а самъ

учился у него нѣмецкому языку. Но всего этого было мало, и Языкову хотѣлось поскорѣе научиться читать произведенія германской литературы.

Не находя большого удовольствія въ чуждомъ ему дерптскомъ обществѣ, Языковъ начерталъ-было программу усерднаго и систематическаго труда и нѣкоторое время слѣдовалъ ей. Съ первыхъ же дней онъ испыталъ обаяніе успѣшной работы, начиналъ-было уже втягиваться въ атмосферу скромной и трудовой нѣмецкой жизни, и даже преждевременно торжествовалъ свое перерожденіе. „Я чувствую въ себѣ большое преобразованіе,— говорилъ онъ,—и радуюсь, что оно произошло въ Дерптѣ“:

„Здѣсь человѣку нѣтъ цѣпей,
Здѣсь умъ божественный не скованъ,
И геній ласками страстей
И нѣгой чувствъ не очарованъ“.

Въ это время Языковъ былъ еще чуждъ студенческой обстановки и, скромно проводя дни въ семьѣ труженика-профессора, нисколько не сочувствовалъ безпорядочной жизни буршей. Онъ такъ отзывался о нихъ и о своихъ планахъ и надеждахъ: „Вотъ мой планъ (а мои планы походятъ на хамелеона): когда укрѣплюсь въ латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, то рѣшительно оставлю Дерптъ—и поѣдемъ въ чужеземію: здѣсь студенты живутъ очень весело, занимаются больше танцами и фантами, и часто звонъ внутренней колокольни заглушаетъ профессорскія лекціи“. Думалъ ли поэтъ, что самъ скоро втянется въ эту презираемую имъ среду?! Пока онъ былъ еще невинный идеалистъ, съ умиленіемъ мечтавшій о „сидящей на высотѣ“, какъ онъ называлъ музу; онъ собирался скорѣе кончить университетскій курсъ и тогда „давай Богъ чернилъ и перьевъ“.

Между тѣмъ Языковъ писалъ стихи и посылалъ ихъ братьямъ; онъ и здѣсь обнаруживалъ крайнюю зависимость отъ ихъ мнѣній и нерѣдко выслушивалъ ихъ строгіе приговоры; если стихи удостоивались одобренія, то посылались Воейкову, въ противномъ случаѣ—уничтожались. Однажды братъ его Петръ Михайловичъ остался неудовлетворенъ стихотвореніемъ „Родина“ и совѣтовалъ ему написать что-нибудь болѣе крупное. Такимъ образомъ, какъ видно, онъ убѣдился въ призваніи брата, но хотѣлъ побудить его строже относиться къ своему таланту. Вслѣдствіе этого совѣта Языковымъ была задумана большая поэма съ сюжетомъ изъ скандинавской жизни, подъ названіемъ „Гаквинъ“, но не была окончена, за неимѣніемъ подъ руками подробной географической

карты Швеціи, безъ которой Языковъ опасался надѣлать непростительныхъ промаховъ...

Довольно существенное вліяніе на литературныя упражненія Языкова имѣлъ профессоръ Перевощиковъ, читавшій латинскій языкъ и русскую литературу. Познанія его въ области послѣдней, по словамъ Н. М. Языкова, признавались даже неблагосклонными къ русскимъ профессорами-нѣмцами, едва ли, впрочемъ, компетентными въ этой оцѣнкѣ. Въ глазахъ юнаго поэта мнѣнія Перевощикова имѣли большой вѣсъ; между прочимъ, подъ его вліяніемъ онъ довольно пренебрежительно относился къ Пушкину, предубѣжденіе къ которому было потомъ ослаблено только личнымъ знакомствомъ и дружбой съ великимъ поэтомъ.

До чего нелѣпы были, однако, сужденія Перевощикова, доказываетъ то, что въ произведеніяхъ Пушкина онъ находилъ признаки большого дарованія, но не признавалъ въ нихъ „тонкаго, эстетическаго достоинства", прибавляя, что „безъ послѣдняго въ поэзіи такъ же, какъ въ сапожномъ искусствѣ, труднѣе скроить вѣрно, чѣмъ сдѣлать хорошій рантъ". Въ сужденіяхъ о музѣ Языкова Перевощиковъ отчасти сходился съ мнѣніемъ его братьевъ; онъ также былъ склоненъ смотрѣть на его произведенія какъ на блестящую надежду въ будущемъ, но пока не удовлетворялся ими, находя въ нихъ слѣды чуждыхъ заимствованій. Онъ даже пробовалъ руководить Языковымъ, поощрялъ его въ намѣреніи брать сюжеты для стихотвореній изъ русской исторіи, а иногда предлагалъ ему свои темы, для чего понадобилось достать Карамзина, лѣтопись, опытъ о стихосложеніи Востокова.

Между тѣмъ Воейковъ не переставалъ покровительствовать Языкову и притомъ не только въ отношеніи литературы, но старался также доставлять ему пріятныя и полезныя знакомства, вводилъ его въ дома своихъ друзей и родныхъ, гдѣ рекомендовалъ съ такой стороны, что молодого человѣка принимали съ распростертыми объятіями, причемъ изъ всѣхъ лицъ, съ которыми Языковъ получалъ возможность познакомиться черезъ Воейкова, его, какъ и другихъ, больше всѣхъ интересовала находившаяся въ отсутствіи жена послѣдняго, о которой, по словамъ Языкова, говорили „какъ о явленіи необыкновенномъ". Ухаживанія Воейкова за юнымъ поэтомъ доходили до такой степени, что становились странными и ставили въ недоумѣніе. Братья предостерегали Николая Михайловича, что Воейковъ его „захвалитъ", и самъ онъ писалъ: „не знаю, что хочетъ со мной сдѣ-

лать Воейковъ: онъ во всякомъ письмѣ къ своимъ роднымъ меня расхваливаетъ".

Между тѣмъ приготовленія къ экзаменамъ продолжались въ прежнемъ порядкѣ: дни проходили однообразно за нѣмецкими и латинскими лексиконами, и, въ ожиданіи удачнаго исхода трудовъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока довольно стоически сдерживались порывы вдохновенія. Братья продолжаютъ нерѣдко спрашивать у Николая Михайловича, что онъ дѣлаетъ, что новаго произвела его муза, но получаютъ отъ него основательный отвѣтъ, что ихъ требованія и желанія заключаютъ въ себѣ противорѣчіе, что, предавшись вдохновенію, онъ неизбѣжно отказался бы отъ сухой работы надъ изученіемъ иностранныхъ грамматикъ и словарей. „Ты требуешь отъ меня,—писалъ онъ брату Александру Михайловичу,—стиховъ; сдѣлай милость, впередъ не требуй: твое желаніе можетъ меня заставить усердно приняться за музу и на время забыть—

И долгъ свой разумъ просвѣщать,
И діалектъ гораціанскій...

Я это знаю изъ опытовъ. Буду ожидать, когда муза моя сама вырветъ на нѣсколько минутъ нѣмецкій лексиконъ изъ рукъ моихъ, и только тогда ты получишь стихи".

Сильно тяготился Языковъ изученіемъ грамматикъ и вокабулъ, но надежда проникнуть современемъ въ святилище нѣмецкой и классическихъ литературъ заставляла его позабывать о трудностяхъ и до нѣкоторой степени научала терпѣнію, запасъ котораго сдѣлался еще необходимѣе, когда, по совѣту Жуковскаго, къ изучаемымъ прежде языкамъ присоединился еще греческій. Къ тому же нѣмцы-профессора, настаивавшіе на систематическомъ изученіи каждой науки, настоятельно требовали не раньше приступать къ изученію литературныхъ произведеній на греческомъ языкѣ, какъ основательно побѣдивъ всѣ грамматическія тонкости. Минуты досуга и отдыха отъ своихъ главныхъ занятій Николай Михайловичъ посвящалъ чтенію журналовъ, книгъ историческаго содержанія, изученію произведеній народной словесности и народныхъ сказокъ.

Переселившись, вѣроятно, ради полнаго уединенія, на другую квартиру, недалеко отъ своего друга Борга, Языковъ почувствовалъ себя легко въ новой для него скромной обстановкѣ, которую онъ такъ описываетъ брату: „Комната моя очень малая и въ полномъ смыслѣ на чердакѣ; въ мои двери не прошелъ бы даже Н. А. Чемадуровъ, а лѣстница совсѣмъ піитическая: узка и

крючковата, какъ дорога къ Парнассу. Мнѣ очень нравится мое уединенное жилище; заглядѣться некуда; окно на дворъ, заставленный дровами; загуляться по комнатѣ тоже невозможно, ибо надобно было бы поворачиваться послѣ каждыхъ двухъ шаговъ".

Эту же комнату онъ изобразилъ потомъ въ стихахъ. Шутка эта составляла почти единственный случай нарушенія стихотворческаго поста, который долженъ былъ наложить на себя Языковъ, чтобы (по вступленіи въ университетъ) „аппетитнѣе ѣсть скоромную пищу", а пока въ головѣ его зарождались разнообразные поэтическіе планы, но оставались безъ приложенія, и „вся милиція надеждъ и мыслей смиренно ожидала генерала науки, чтобы уповательнѣе выступить на поприщѣ славы", причемъ приходилось „колесить по дорогѣ къ Аполлону".

Свиданіе съ Жуковскимъ съ особенною силой пробудило въ Языковѣ страсть къ поэзіи. Въ бесѣдахъ съ Жуковскимъ вопросъ о литературной будущности Языкова, естественно, долженъ былъ выступить на видный планъ. Личность Жуковскаго произвела на Языкова самое благопріятное впечатлѣніе, переданное имъ въ слѣдующихъ словахъ: „Жуковскій очень простъ въ обхожденіи, въ разговорѣ, въ самомъ языкѣ, такъ что, кланяясь съ нимъ, говоря съ нимъ, смотря на него, никакъ не можно предполагать то, что̀ мы читаемъ въ его произведеніяхъ". Жуковскій отнесся къ молодому поэту самымъ дружелюбнымъ образомъ, или, по выраженію Языкова, „принялъ его съ разверстыми объятіями въ обоихъ смыслахъ" (т.-е. собственномъ и переносномъ); совѣтовалъ не увлекаться похвалами и легко достающейся славой, работать надъ усовершенствованіемъ таланта, заботиться о пріобрѣтеніи полезныхъ познаній и между прочимъ непремѣнно научиться греческому языку, недостатокъ знакомства съ которымъ, по сознанію Жуковскаго, сильно вредилъ его собственной поэтической дѣятельности.

Живя среди нѣмцевъ, Языковъ хранилъ въ душѣ глубокое патріотическое чувство, сѣмена котораго, созрѣвшія еще въ отрочествѣ, вопреки податливой несамостоятельности его характера, не могли быть заглушены на чужбинѣ. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ говоритъ о родинѣ:

Я давно простился съ вами,
Незабвенные края!
Подъ чужими небесами
Отцвѣтетъ весна моя;
Но ни въ громкомъ шумѣ свѣта,
Ни подъ бурей роковой,
Не слетитъ со струнъ поэта
Голосъ родины чужой.

Погружаясь внѣшнимъ образомъ въ окружающую среду, онъ тѣмъ охотнѣе предавался наединѣ воспоминаніямъ о дорогой родинѣ, а въ стихотвореніяхъ—прославленію ея прошлаго. Отсюда двойственность предметовъ его музы, съ любовью останавливавшейся и надъ отдаленными эпохами родной старины, и надъ воспѣваніемъ меченосцевъ Ливоніи. Проф. Перевощиковъ, видимо, замѣтивъ въ поэзіи Языкова симпатичное ему настроеніе, старался поощрять его, но, не имѣя достаточно вкуса и такта, иногда ставилъ своего слушателя въ самое затруднительное положеніе. Ему не нравилась одна подробность въ направленіи Языкова, именно заподозрѣнный въ немъ либерализмъ, который онъ усматривалъ, вѣроятно, въ изображеніи безславной эпохи русской исторіи и въ мрачномъ окончаніи стихотворенія. Перевощиковъ предложилъ юному поэту представить Баяна на развалинахъ Владиміра во время татаръ, мечтающаго о прежней славѣ Россіи, сѣтующаго о настоящемъ горестномъ ея положеніи и во снѣ видящаго ея будущую славу.

Со времени поступленія въ дерптскій университетъ Николай Михайловичъ былъ, наконецъ, признанъ взрослымъ въ семейномъ кругу. Теперь онъ привлекался уже къ заботамъ объ одной изъ младшихъ сестеръ. Отъ него требуютъ и возлагаютъ на него надежду, что онъ хотя въ письмахъ не откажется принять участіе въ заботахъ о воспитаніи сестры. Его просятъ почаще писать сестрѣ, высказывать ей свои мысли, рекомендовать книги для чтенія. Сначала такая перемѣна въ отношеніяхъ со стороны домашнихъ и это неожиданное лестное довѣріе къ его непризнаваемому прежде голосу въ общихъ семейныхъ вопросахъ немного смутила непривычнаго къ тому Языкова: онъ готовъ отказаться отъ предлагаемыхъ ему заботъ о любимой сестрѣ, но, безъ сомнѣнія, никакъ не по недостатку участія къ ней, а только по крайнему недовѣрію къ самому себѣ. Николай Михайловичъ впервые задумался надъ вопросомъ, что можетъ сдѣлать и онъ съ своей стороны для пользы близкихъ къ нему людей. Но съ непривычки вопросъ этотъ пугаетъ его: онъ сомнѣвается въ своей компетентности въ дѣлѣ такой важности, и робкая совѣсть представляетъ ему множество преувеличенныхъ сомнѣній. Онъ еще не увѣренъ, въ состояніи ли о чемъ-нибудь разсуждать и писать основательно. „Для такого подвига,—говоритъ онъ,—должно бы пожить больше въ Дерптѣ“, т.-е. поучиться. Но, впрочемъ, онъ не отклоняетъ безусловно возлагаемую на него заботу и обѣщаетъ начать переписку съ сестрой и помогать ея развитію, какъ умѣетъ и можетъ.

Но странною и поразительною показалась бы тому, кто имѣлъ бы возможность и взялъ бы на себя трудъ внимательнаго пересмотра писемъ Языкова, рѣзкая противоположность между этой робкой неувѣренностью въ себѣ и блистательными успѣхами и почетнымъ мѣстомъ, которое получилъ въ то же самое время этотъ даровитый юноша въ текущей литературѣ, какъ всѣми признанный поэтъ, сотрудничества котораго наперерывъ добивались журналы, и подписью котораго дорожили до того, что испрашивали у него позволенія поставить ее, если онъ не соглашался, а иногда даже злоупотребляли его именемъ, подписывая намекающіе на него иниціалы подъ непринадлежащими ему стихотвореніями. Между тѣмъ, университетская и литературная жизнь Языкова продолжали постоянно взаимно мѣшать другъ другу, и поэтъ оставался въ самомъ ненормальномъ положеніи. Обширные поэтическіе замыслы и смѣлые научные планы, являясь въ избыткѣ, порождали такое обиліе неудобоисполнимыхъ въ короткое время задачъ, что у молодого человѣка, не развившаго въ себѣ способности самообладанія, укоренилась пагубная привычка приводить въ исполненіе только незначительную часть задуманнаго, оставляя остальное на неопредѣленное время и оправдывая это своей поэтической натурой и своей естественной противоположностью съ „деревянными нѣмцами“. Между тѣмъ, при широкихъ задачахъ Языкова была положительно необходима желѣзная настойчивость. Узы школьнаго ученія во время яркаго разсвѣта литературной славы сковывали поэта по рукамъ и ногамъ и затрудняли свободный полетъ его творческой фантазіи; приходилось подавлять въ себѣ вдохновеніе, откладывать „стихобореніе“ на будущее время, обращаясь къ нему только урывками, изрѣдка, и считая серьезный литературный трудъ дѣломъ будущаго. Но и въ этой рѣшимости Языковъ не былъ послѣдователенъ: находя для себя нѣкоторыя лекціи сухими и обременительными, онъ искалъ товарищей для совмѣстныхъ занятій, и вмѣсто того подвергалъ себя новымъ соблазнамъ развлеченій и отсрочекъ. Въ то же время письма доказываютъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что это былъ юноша чрезвычайно любознательный, съ богатыми и разнообразными познаніями, съ большимъ развитіемъ, и, наконецъ, не чуждый даже научныхъ интересовъ. Время, проводимое имъ въ Дерптѣ, далеко не пропадало для него даромъ и не только въ смыслѣ развитія и знакомства съ жизнью и мѣстными нравами, но особенно въ смыслѣ образовательномъ: за юношу, столько читающаго и такъ тонко и глубоко понимающаго и оцѣнивающаго прочитываемое, столь бога-

таго умственными интересами, нельзя было бы не порадоваться. Не говоря уже о живомъ интересѣ къ исторіи въ довольно широкихъ размѣрахъ и въ весьма осмысленномъ видѣ; не говоря о горячемъ участіи къ текущей и старинной русской литературѣ, доказываемомъ постоянными цитатами (въ письмахъ) болѣе или менѣе извѣстныхъ произведеній того времени, а тѣмъ болѣе съ классическими произведеніями русской и иностранной литературы и подробными сообщеніями объ этихъ произведеніяхъ, которыми въ высокой степени интересовались и оба его брата, Николай Михайловичъ съ живымъ увлеченіемъ изучалъ произведенія древнихъ и новыхъ литературъ. Нѣмецкую литературу онъ зналъ довольно основательно и высоко цѣнилъ великихъ ея корифеевъ, что, впрочемъ, неудивительно, потому что постепенно онъ вполнѣ овладѣлъ нѣмецкимъ языкомъ. Но онъ охотно читалъ и изучалъ древнюю литературу и притомъ отчасти въ подлинникахъ, и западно-европейскую въ самыхъ широкихъ размѣрахъ по нѣмецкимъ и русскимъ переводамъ. Онъ былъ въ упоеніи отъ Байрона, Шекспира и Вальтеръ-Скотта и намѣревался даже подражать послѣднему въ собственной литературной дѣятельности. Онъ много говорилъ въ своихъ письмахъ о впечатлѣніи, вынесенномъ изъ изученія Горація, Тибулла, Сафо, Кальдерона и проч. Все это читалось, разумѣется, по собственному свободному побужденію и потому воспринималось всей душой, со всѣмъ упоеніемъ поэта и эстетика по природѣ. Но у Языкова не было въ запасѣ настолько силы воли, чтобы воздержаться на время вовсе отъ поэтическихъ порывовъ и отъ увлеченій обществомъ, чтобы поскорѣе добиться осуществленія своей цѣли и уже потомъ безъ-завѣтно отдаться главной задачѣ своей жизни. Онъ никакъ не могъ съ настойчивостью схимника отказаться на время отъ соблазновъ общественной жизни. Съ пыломъ неопытнаго юноши онъ кинулся въ омутъ удовольствій и окружилъ себя „минутной младости минутными друзьями“. Мы видѣли раньше, что Языковъ въ сущности многому не сочувствовалъ въ жизни дерптскихъ студентовъ и вовсе не увлекался ею слѣпо; но мало-по-малу онъ сживался съ тѣмъ, что прежде самъ осуждалъ, и не отставалъ отъ товарищей. Студенческій кружокъ повліялъ на него своими вредными сторонами, втянулъ его податливую на удовольствія натуру въ разсѣяніе и разгулъ и ослабилъ ярко горѣвшее въ немъ пламя стремленія къ самосовершенствованію. Сначала Языковъ, впрочемъ, тяготился частыми посѣщеніями неработающихъ студентовъ, которые „хотя сидятъ и не долго, но часто приходятъ и въ большомъ количествѣ“, потому что въ такихъ лю-

бителяхъ праздности въ Дерптѣ, какъ и вездѣ, не было, конечно, недостатка, а суровый долгъ гостепріимства обязывалъ относиться благодушно и сдержанно къ безплодной тратѣ времени. Иногда, правда, были въ числѣ другихъ и дѣльные, мыслящіе товарищи, но преобладала безцѣльно гуляющая и прожигающая юность толпа. Отсутствіе опредѣленныхъ сроковъ для экзамена и академическая свобода, чрезвычайно полезныя сами по себѣ для каждаго работающаго студента, были губительны для безпечнаго поэта, чему сильно способствовало поэтическое пренебреженіе Языкова къ дипломнымъ формальностямъ. Все это располагало Языкова не спѣшить окончаніемъ курса и возлагать надежды на мудрѣйшаго учителя—время, относительно котораго онъ самъ такъ мѣтко выразился однажды, что этотъ учитель, къ несчастію, очень неаккуратенъ и часто позволяетъ себѣ опаздывать на уроки. Такимъ образомъ, Языковъ невольно, но въ иномъ смыслѣ исполнилъ совѣтъ Жуковскаго, считавшаго чрезвычайно полезнымъ для молодого человѣка подольше оставаться въ стѣнахъ университета. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе онъ входилъ уже добровольно въ студенческій кружокъ и сталъ забывать для него сдѣланныя въ Дерптѣ семейныя знакомства. Сначала онъ былъ только привѣтливъ и ласковъ съ товарищами, но въ короткое время талантъ и литературная слава создали ему оригинальную роль пѣвца свободныхъ студенческихъ гимновъ. Къ нему собирались во множествѣ, проводили цѣлыя ночи, пѣли и предавались разгулу. Гостепріимный хозяинъ, увлекаемый заразительной веселостью окружающаго общества и очарованный волшебнымъ обаяніемъ юныхъ восторговъ, привлекаетъ къ себѣ рой удалыхъ буршей, прославляющихъ его и вьющихся около его тріумфальной колесницы. Николай Михайловичъ уже не примиряется только съ этой жизнью—онъ упоенъ и забывается въ чаду веселья и вакхической поэзіи. Онъ не считаетъ часы быстро летящей жизни, а поэтическая мечта о скромной и независимой долѣ „свободнаго пѣвца“, при природной беззаботности и при обезпеченности состоянія, наконецъ, благодаря окружающему его завидному ореолу литературной славы, еще больше мѣшаетъ ему думать о будущемъ и оглядываться на прошедшее, и быстрыми и вѣрными шагами ведетъ его къ участи „свободно-бездипломнаго“ любителя просвѣщенія. Его нисколько не страшитъ медленное осуществленіе задуманныхъ плановъ. Онъ не отказывается отъ нихъ и не сокращаетъ ихъ, оставаясь вѣрнымъ даже изученію греческой грамматики, не забываемому имъ ради поэзіи и наслажденій юности; но сколько поэтическихъ замысловъ оставлено навсегда

за штатомъ! Онъ самъ говоритъ о себѣ: „у людей нашего десятка существуетъ съ начала до конца привычка все отлагать до будущаго и ничего не дѣлать въ настоящемъ; я еще не вовсе свободенъ отъ этой иногда, даже рѣдко небезполезной, но часто и почти всегда не туда, куда слѣдуетъ, ведущей привычки“ (письмо, отъ 19 февраля 1824 г.).

О многихъ литературныхъ планахъ Языкова мы узнаемъ только случайно изъ его переписки съ братьями. Несмотря на приведенныя выше слова, Николай Михайловичъ, казалось, былъ очень далекъ отъ настоящаго сознанія невознаградимости потерянныхъ минутъ и грозномъ отчетѣ, котораго рано или поздно потребуетъ жизнь отъ человѣка, имѣвшаго какіе-нибудь идеалы. Онъ какъ бы не подозрѣвалъ, что безпощадная жизнь мчится съ неумолимой быстротой, оставляя за флагомъ безпечныхъ мечтателей. Если сопоставить и сообразить, какіе широкіе и прекрасные планы образованія должны были служить цѣлямъ поэтическаго призванія Языкова, то по неволѣ становится грустно и жаль его неумѣнья дорожить временемъ и считать его.

Въ это время онъ еще пѣлъ „при звонѣ дерптскаго стекла“:

„Я не забуду никогда
Мои студенческіе годы,
Раздолье Вакха и свободы,
И благодатнаго труда“!

II.

Литературная жизнь Языкова, напротивъ, катилась плавно и счастливо: публика интересовалась его стихотвореніями, редакторы искали его сотрудничества. Въ числѣ послѣднихъ особенно ухаживалъ за нимъ Аладьинъ, издатель „Невскаго Альманаха“, присылавшій ему въ подарокъ всѣ наиболѣе интересныя новыя книги и буквально осыпавшій его личными мелкими одолженіями. Булгаринъ тоже *задаривалъ* Языкова, такъ что ему было совѣстно и приходилось „отплачивать стихами“ для „Сѣвернаго Архива“ и „Сына Отечества“. Дельвигъ же, еще въ 1823 г., явно и торжественно признавъ своими посланіями Языкова собратомъ по Парнассу, въ перепискѣ своей съ Пушкинымъ упоминаетъ уже его имя, какъ будущаго полезнаго и даровитаго сотрудника „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“. Пушкинъ съ своей стороны отвѣчалъ ему сочувственно: „Раздѣляю твои надежды на

Языкова и давнюю любовь къ непорочной музѣ Баратынскаго". Онъ же вскорѣ писалъ Языкову, желая привлечь его къ участію въ издаваемомъ Погодинымъ „Московскомъ Вѣстникѣ": „Непремѣнно же будьте нашъ. Погодинъ вамъ убѣдительно кланяется". Журналы и альманахи безъ имени Языкова считались чѣмъ-то неудавшимся. Однажды, когда Языковъ прислалъ Аладьину стихи для „Невскаго Альманаха" съ непремѣннымъ условіемъ отнюдь не печатать его подписи, Аладьинъ умолялъ его отмѣнить грозное рѣшеніе. Послѣ многократныхъ сообщеній братьямъ о надоѣдливости Аладьина, Николай Михайловичъ писалъ: „Аладьинъ продолжаетъ надоѣдать мнѣ. Вотъ въ чемъ дѣло: я послалъ ему черезъ Княжевича элегіи, которыя ты знаешь, но съ условіемъ не выставлять подъ ними моего имени; теперь онъ пристаетъ ко мнѣ съ просьбою сдѣлать противное и старается поддѣть меня на уду лести — к.....! Я ему не отвѣчаю"!..

Булгаринъ расхваливалъ Языкова въ своихъ „Литературныхъ листкахъ"; Измайловъ присылалъ ему „Благонамѣренный" и просилъ принять участіе въ журналѣ, а однажды обратился къ Языкову съ такой крайне настоятельной просьбой, что Языковъ разсказывалъ объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Видно, у Измайлова въ журналѣ великій постъ! Княжевичъ Владиславъ проситъ у меня позволенія напечатать мое путешествіе въ Ревель, но я боюсь, чтобы оно не слишкомъ поддержало прежній характеръ „Благонамѣреннаго", и притомъ, оно мнѣ не принесетъ никакой чести въ литературѣ, потому что не все то достойно вниманія публики, что̀ пишется для одного дома и что̀, можетъ быть, даже онаго недостойно (письмо, отъ 22-го августа 1825 г.). Прежде другихъ были для Языкова открыты страницы журнала, издаваемаго Воейковымъ—„Новости Литературы"; потомъ „Сѣверная Пчела", „Сѣверный Архивъ", „Соревнователь Просвѣщенія", „Альціона" и „Полярная Звѣзда", не говоря уже о „Сѣверныхъ Цвѣтахъ", украшались его стихами. „Полярная Звѣзда" особенно понравилась Языкову съ самаго появленія своего на литературной аренѣ; туда послалъ онъ къ Бестужеву и Рылѣеву одно изъ любимыхъ своихъ раннихъ стихотвореній— „Родину".

Дѣло доходило до того, что Языковъ говорилъ: „Надобно признаться, я еще ничего доселѣ не писалъ независимо: то издатели альманаховъ, то жена издателя „Инвалида", побуждали меня выходить со стихами въ публику, и послѣдняя, Воейкова, имѣетъ

полное право называться пробудительницей и звѣздой моего таланта поэтическаго, ежели онъ у меня есть". Къ Воейковой же относятся слѣдующія слова въ другомъ письмѣ Языкова: „Я доставлю тебѣ новые списки первенцевъ моей музы послѣ долгаго безплодія; только замѣть, при отданіи въ печать одного перваго, чтобы торопились тиснуть; въ противномъ случаѣ Воейковъ перехватитъ, ибо матерь почтенной супружницы издателя „Инвалида" препроводила, кажется, это стихотвореніе къ извѣстной дочери". Наконецъ, даже Дельвигъ „приставалъ" къ Николаю Михайловичу, почему онъ былъ вынужденъ написать брату: „Сдѣлай милость, отдай ему отрывокъ изъ моей несуществующей повѣсти „Ала", начиная со стиха: „Родитель доходилъ"; если можно, да не выставляется мое имя; у тебя, помнится, есть эти стихи.

Наконецъ, вотъ мнѣніе о поэзіи Языкова, высказанное Пушкинымъ въ 1824 и 1826 годахъ. Въ 1824 г., получивъ „Полярную Звѣзду", Пушкинъ писалъ ея редактору: „Между поэтами не вижу Гнѣдича—это досадно; нѣтъ и Языкова—и его жаль"; а въ 1826 онъ говорилъ уже: „Ты изумишься, какъ онъ развернулся и что изъ него выйдетъ: если ужъ кому завидовать, такъ вотъ кому я долженъ бы завидовать" (Соч. Пушк., VII, 167). В. А. Жуковскій, въ знакъ особаго благоволенія, подарилъ Языкову изящный экземпляръ своихъ стихотвореній. Однимъ словомъ, всюду прославляли Языкова и курили ему ѳиміамъ, чего впрочемъ отчасти и заслуживало необычайно могучее развитіе его дарованія.

Но Языковъ, слѣдуя совѣтамъ брата своего Александра Михайловича, туго поддавался на лесть и не спѣшилъ отправлять свои стихотворенія въ печать, желая, насколько было возможно при отмѣченномъ нами усиленномъ спросѣ на нихъ, какъ можно тщательнѣе ихъ обработывать. Онъ посылалъ ихъ обыкновенно не тотчасъ въ редакцію журналовъ, а предварительно въ руки своихъ искренно уважаемыхъ имъ братьевъ, „судей нелицепріятныхъ", такъ какъ они не торопили его, а напротивъ, удерживали отъ преждевременнаго выпуска стиховъ въ свѣтъ. Къ тому же онъ ждалъ ихъ суда и, сообразно съ отвѣтомъ, рѣшалъ участь своихъ произведеній. Къ числу такихъ цензоровъ поэтическихъ произведеній Языкова еще слѣдуетъ отнести коротко знакомаго съ нимъ съ дѣтства и извѣстнаго въ свое время литератора, А. Н. Очкина. Многія стихотворенія Языкова, не одобренныя этими цензорами, не увидѣли свѣта; нѣкоторыя изъ нихъ сохранились только въ его письмахъ. Николай Михайловичъ говоритъ съ

признательностью объ этомъ родственномъ руководительствѣ въ одномъ изъ первыхъ своихъ печатныхъ произведеній въ прочувствованномъ посланіи къ брату Александру Михайловичу. Въ этомъ посланіи онъ называетъ себя въ отношеніи къ брату —„тобою жизни научѐнный“ и—„тобой воспитанный поэтъ“.

III.

Въ числѣ другихъ предметовъ Языкову было необходимо во время приготовленій къ экзаменамъ основательно заняться исторіей, и вотъ, отрываясь отъ классиковъ и другихъ обычныхъ занятій, юноша принимается усердно изучать русскую и всеобщую исторію, съ увлеченіемъ слушаетъ лекціи Эверса, къ знаніямъ котораго въ области русской исторіи и способности излагать ихъ онъ относился всегда съ особеннымъ уваженіемъ; продолжаетъ слушать Перевощикова и пользоваться его совѣтами, выписываетъ изъ Петербурга книги по русской исторіи. Но не всегда можетъ онъ, живя въ Дерптѣ, имѣть подъ руками всѣ необходимыя руководства, и вотъ онъ съ нѣсколькими товарищами составляетъ складчину, благодаря которой, они выписываютъ книги и дѣлятся ими другъ съ другомъ. Онъ съ нетерпѣніемъ напоминаетъ въ письмахъ къ брату и друзьямъ о высылкѣ книгъ по русской и иностранной литературѣ, и особенно историческихъ сочиненій. Кромѣ того, онъ просилъ прислать ему вновь вышедшіе томы исторіи Карамзина, изданіе сочиненій Державина, комедію „Горе отъ ума“, переводы Мартынова съ классическихъ языковъ и проч. Въ интересахъ своей поэтической дѣятельности онъ изучаетъ спеціальную исторію ливонскаго края. Увлеченіе Языкова русской исторіей и его замѣчательная свѣжесть и чуткость патріотическаго чувства обнаруживались при всякомъ благопріятномъ случаѣ, особенно во время путешествій: когда случалось ему встрѣчать какіе-нибудь памятники или остатки древностей, то любовь къ родинѣ громко говорила въ душѣ его. Такъ, проѣзжая изъ Дерпта на родину и возвращаясь назадъ, онъ радовался, что ему представлялась возможность непосредственно узнавать Россію. Однажды случилось ему провести съ семействомъ Борга цѣлую недѣлю въ деревнѣ, принадлежавшей нѣкогда современнику Петра Великаго, Вильбоа. Молодой студентъ съ живой любознательностью осматривалъ сохранившіяся отъ того времени комнаты, которыя носили еще печать „прежняго великолѣпія“, интересовался старинной живописью и т. п.

Эту страсть къ изученію отечественной старины и достопримѣчательностей Языковъ въ высокой степени обнаруживалъ въ продолженіе всего студенчества въ своихъ поѣздкахъ; такъ, уже подъ конецъ своей дерптской жизни онъ ѣздилъ въ Изборскъ, въ Печору. И нерѣдко живыя впечатлѣнія, вынесенныя изъ путешествій, давали пищу его воображенію и способствовали поэтическому творчеству. Но, къ сожалѣнію, онъ нерѣдко уступалъ природной наклонности откладывать исполненіе своихъ замысловъ, иногда ограничивался отрывками и набросками, вмѣсто того, чтобы обработать сюжетъ вполнѣ. Къ числу такихъ отрывковъ принадлежатъ, напримѣръ, стихотворенія: „Разбойники“ и „Меченосецъ Аранъ“. Послѣднимъ особенно занятъ былъ Языковъ въ 1825 г. Первоначально повѣсть была задумана въ несравненно болѣе широкихъ размѣрахъ и должна была состоять изъ нѣсколькихъ частей. Это произведеніе должно было явиться несравненно болѣе крупнымъ, чѣмъ большинство стихотвореній Языкова. Любопытно, что Грибоѣдовъ, обѣщая ему изложить подробно и откровенно свое мнѣніе, сдѣлалъ замѣчанія на этотъ отрывокъ, въ которомъ Языковъ признавалъ вѣскость сужденія очень умнаго человѣка, но все-таки почему-то остался не вполнѣ имъ доволенъ. Кажется, это сужденіе было причиной того, что „Аранъ“ не былъ оконченъ, такъ какъ приходилось измѣнить планъ его. На вопросъ брата о томъ, въ чемъ будетъ состоять продолженіе его повѣсти, Николай Михайловичъ отвѣтилъ, что онъ самъ не знаетъ, а планы у него есть, какъ и всегда; „но вѣдь ты знаешь,—прибавляетъ онъ,—что мои планы часто мѣняются“...

Чаще всего Николай Михайловичъ жаловался просто на безплодіе своей музы: „Я предполагалъ, что напишу много стиховъ во время праздниковъ; но не такъ вышло: моя муза вовсе почти безмолвствовала“. Въ другой разъ онъ писалъ: „Не правда ли, что моя муза теперь не такъ плодородна, какъ бывало прежде, и это отъ того только, что мнѣ нѣтъ времени ею путемъ заниматься; можетъ быть, это охлаждаетъ ея ко мнѣ благосклонность, но по крайней мѣрѣ не охладитъ моего усердія сдѣлаться оной достойнымъ“. При этомъ онъ успокоивалъ себя латинской пословицей: „homo sum et nihil humani a me alienum puto“.

IV.

Говоря о литературной жизни Языкова въ двадцатыхъ годахъ, нельзя не коснуться его увлеченія Воейковой, вызвавшаго цѣлый рядъ стихотвореній въ честь этой „дамы его сердца", какъ нельзя умолчать и о *чрезвычайно странной особенности его характера*, имѣвшей, съ одной стороны, возбуждающее дѣйствіе на его талантъ, а съ другой, вмѣстѣ со многими указанными прежде обстоятельствами, отвлекавшей его вниманіе отъ главныхъ цѣлей его жизни и дѣятельности: это его любовь, или вѣрнѣе—двѣ его страсти: къ Воейковой и къ Дыриной. Нечего и говорить о томъ, что обѣ эти одновременно существовавшія и уживавшіяся одна съ другой страсти не были даже подобіемъ истинной любви, какъ признавалъ это и Языковъ, и какъ можно убѣдиться уже по самой неестественности такого одновременнаго увлеченія двумя личностями вмѣстѣ. Ничего серьезнаго въ чувствѣ Языкова не было, но по своей живости и воспріимчивости онъ былъ пораженъ, подобно большинству тогдашнихъ жителей Дерпта, красотой Воейковой и ея нравственными качествами. Онъ незамѣтно сдѣлался, какъ и многіе, горячимъ ея поклонникомъ и, наконецъ, „трубадуромъ". Онъ увѣряетъ, что Воейкова его вдохновляетъ, онъ пишетъ ей стихи въ альбомъ, интересуется ея пріѣздами въ Дерптъ и отъѣздами въ Петербургъ. Дырина же становилась предметомъ его пѣснопѣній во время отсутствія Воейковой изъ Дерпта; она всегда оставалась, такъ сказать, въ резервѣ, о чемъ Николай Михайловичъ „ничто же сумняся" и благодушно повѣствуетъ братьямъ. Но все это такъ оригинально, что мы предпочитаемъ привести собственныя слова Языкова:

„Что касается меня по части сердечныхъ чувствованій,—пишетъ онъ,—я говорю, что̀ самъ въ себѣ замѣтилъ: въ то время, когда здѣсь нѣтъ Воейковой, я охотно посѣщаю Дырину; пишу даже стихи и вообще чувствую что-то ни на что̀ не похожее; но Воейкова пріѣзжаетъ сюда всякій разъ для меня торжественно, и при ней все прежнее исчезаетъ во мнѣ, какъ снѣгъ передъ лицомъ солнца, и я дѣлаюсь частнымъ ея, т.-е. Дыриной, зрителемъ и посѣтителемъ". Это странное обстоятельство поэтъ объясняетъ излишней раздражительностью своихъ чувствованій и шутливо сравниваетъ себя съ мыслителемъ, „который довольствуется и тѣмъ, что̀ имѣетъ, но не пропускаетъ случая пользоваться лучшимъ, когда можетъ выбирать". Однажды, выписывая въ письмѣ стихи, посвященные Воейковой: „Она меня очаровала",—Языковъ,

прибавляетъ въ поясненіе къ нимъ: „видишь ли, что и я умѣю во-время притворяться! Это—общее свойство поэтовъ".

По поводу другого стихотворенія: „Забуду-ль васъ когда-нибудь", онъ комментируетъ его: „Сдѣлай милость, не толкуй въ любовную сторону этихъ стиховъ: здѣсь одна комплементика—слѣдствіе недостатка времени, духа и обстоятельствъ для произведенія чего-нибудь достойнѣйшаго моей музы, игрушка ума или кимвалъ бряцаяй". Но всего откровеннѣе выразился объ этомъ поэтъ въ слѣдующемъ, пропущенномъ въ печати, четверостишіи въ посланіи къ Вульфу, 1826 г. („Мой другъ, учи меня рубиться"); въ этомъ стихотвореніи, передъ стихомъ: „Теперь служу иному чувству", было пропущено:

„Я пѣлъ виновныя мечты,
Я посвящалъ рукой безбожной
Дары поэзіи подложной
Очамъ подложной красоты".

Тѣмъ не менѣе, хотя и подогрѣтое въ значительной степени воображеніемъ, преклоненіе Языкова передъ Воейковой было довольно сильное, что̀ подтверждается многими стихотвореніями, посвященными этой якобы плѣнительницѣ сердца поэта. Этому божеству расточались щедрыя жертвы; цѣлые вечера проводилъ нашъ поэтъ въ тайномъ восхищеніи ея красотой. Кромѣ поэтической дани, онъ доказывалъ свое увлеченіе еще другими способами, напр. путешествіемъ пѣшкомъ къ ней въ деревню изъ Дерпта, что̀ подало поводъ къ сочиненію въ кружкѣ пріятелей насмѣшливой легенды о ежедневномъ, будто бы, тридцати-шестиверстномъ странствованіи поэта для лицезрѣнія своей богини. Но Воейкова оставалась равнодушной и невнимательной къ явному ухаживанію поэта; она желала только получать отъ него стихи въ альбомъ и потомъ передавать ихъ въ „Инвалидъ" или „Новости Литературы", въ то же время показывая видъ, что рѣшительно не подозрѣваетъ восторговъ своего пламеннаго обожателя. Раздосадованный Языковъ излечился отъ своего увлеченія, но долго не могъ примириться съ разыгранной имъ незавидной ролью неудачнаго вздыхателя.

Отрезвленіе произошло около половины 1825 г., когда тактика сирены вполнѣ уяснилась Языкову; объ этомъ онъ сообщалъ въ такой формѣ: „Теперь я вижу и очень ясно, что вся ея благосклонность ко мнѣ имѣла цѣлью только вытащить у меня стиховъ! Она успѣла, к.....!—впрочемъ, надѣюсь, въ послѣдній разъ; мнѣ жаль только времени нѣсколькихъ вечеровъ, когда я

противъ воли стихотворствовалъ; разъ семь она получала отъ меня альбомъ съ новыми стихами и затѣмъ снова ко мнѣ его присылала! Воейкова теперь, вѣрно, уже въ Петербургѣ. Она уѣзжала отсюда въ сопровожденіи, до первой станціи, многихъ кавалеровъ, дамъ и проч. Говорятъ, зрѣлище было умилительное! Я просидѣлъ дома... Надѣюсь ее еще видѣть нынѣшнимъ лѣтомъ; впрочемъ, едва ли она будетъ на меня сильно дѣйствовать. Мнѣ на нее даже досадно: она могла изъ меня все сдѣлать, могла заставить меня произвести что-нибудь истинно-поэтическое—и не умѣла или не хотѣла, окаянная"! Когда секретъ разъяснился, Языковъ началъ писать, въ пику своему прежнему „предмету", посланія къ Дыриной, расточая ей мадригалы, а въ другихъ стихотвореніяхъ говоря съ досадой о своемъ миновавшемъ увлеченіи; просьбы же Воейковой о новыхъ стихотвореніяхъ холодно отклонялъ: „Къ „Воейкову", — говоритъ онъ,—видно, дошелъ слухъ о моей повѣсти („Аранъ"), онъ просилъ у меня—черезъ жену, разумѣется,—изъ нея отрывокъ, и я ничего не отвѣчалъ его почтенной половинѣ, кромѣ того, что она можетъ располагать всѣмъ, что̀ мною написано въ альбомѣ; а это немного: тутъ всего стиховъ съ двадцать изъ „Арана". У меня съ Воейковой теперь какъ-то все разстроилось, все кончается, и я снова обращаюсь къ Дыриной: напишу для нея нѣсколько стихотвореній и буду изъяснять въ нихъ свои центробѣжныя чувства въ разсужденіи моей важнѣйшей повелительницы". Наконецъ, передъ отъѣздомъ Воейковой изъ Дерпта, ей было показано убійственное невниманіе: „Я ничего рѣшительно не написалъ, даже не притворился влюбленнымъ"!

Между тѣмъ въ семейной обстановкѣ Языковыхъ произошла крупная и неожиданная перемѣна: старшій братъ Николая Михайловича, Петръ, такъ успѣшно подвизавшійся въ прежніе годы на научномъ поприщѣ, вдругъ, неизвѣстно почему, охладѣлъ къ своимъ любимымъ занятіямъ. Младшій Языковъ, узнавъ объ этомъ отъ брата Александра, не мало удивлялся и безпокоился по поводу такихъ невѣроятныхъ извѣстій. Онъ отвѣчалъ, что не можетъ вѣрить подобнымъ слухамъ, и продолжалъ заботливо разспрашивать о томъ, что̀ творится съ братомъ. Сначала отъ него тщательно хранили тайну, потомъ стали понемногу намекать на то, что въ жизни брата ожидается большая перемѣна. Николай Михайловичъ былъ чрезвычайно заинтригованъ такими сообщеніями, но, догадавшись, въ чемъ дѣло, и, узнавъ, кто была избранница сердца его брата (Петръ Михайловичъ женился на Елизаветѣ Петровнѣ Ивашевой), былъ въ большомъ восторгѣ и

съ удовольствіемъ говорилъ, что выборъ брата Петра показываетъ, что онъ — „geschmakvoll“. На предстоящее по поводу свадьбы торжество отъ Николая Михайловича ожидали стиховъ, да и самъ онъ хотѣлъ украсить ими свои новыя родственныя отношенія къ будущей невѣсткѣ. Наконецъ, бракъ состоялся, и Николай Михайловичъ отъ души привѣтствовалъ своего брата и его избранницу. Все это происходило во второй половинѣ 1824 г., когда начинается длинный переворотъ въ перепискѣ Языкова съ братьями по причинѣ переѣзда его надолго въ Симбирскъ.

V.

Въ этотъ промежутокъ времени, Пушкинъ вступаетъ въ переписку со своимъ младшимъ братомъ по Парнассу, при чемъ не юный Языковъ, но, напротивъ, Пушкинъ сдѣлалъ первый шагъ. Услышавъ, что Языковъ собирался пріѣхать въ Тригорское, къ П. А. Осиповой, Пушкинъ просилъ его товарища по дерптскому университету, А. Н. Вульфа, пригласить къ себѣ Языкова: „Уговори Языкова, да отдай ему мое письмо; такъ какъ я подъ строгимъ присмотромъ, то если вамъ обоимъ заблагоразсудится мнѣ отвѣчать, то пришли письмо подъ двойнымъ конвертомъ на имя сестры твоей Анны Николаевны“. На этомъ письмѣ, въ припискѣ, было прибавлено нѣсколько словъ самою Анной Николаевной Вульфъ: „Александръ Сергѣевичъ вручилъ мнѣ это письмо къ тебѣ, мой милый другъ; онъ давно собирается писать къ тебѣ и къ Языкову; но я думала, что это будетъ только на словахъ. Пожалуйста отдай тутъ вложенное письмо къ Языкову, и если можешь, употреби все стараніе уговорить его, чтобы онъ зимой сюда пріѣхалъ съ тобой. Пушкинъ этого очень желаетъ; покамѣстъ пожалуйста отвѣчай скорѣе на это письмо и пришли отвѣтъ отъ Языкова скорѣе“. Мы не знаемъ, какъ и что̀ отвѣчалъ черезъ Вульфа Пушкину Языковъ, но для насъ особенно важно, съ какимъ нетерпѣніемъ послѣдній ждалъ его къ себѣ. На этотъ разъ ожиданія пока не оправдались.

Съ января 1825 года возобновляется переписка Языкова съ братьями. Въ первомъ письмѣ къ нимъ, писанномъ съ дороги, Языковъ сообщаетъ о своихъ впечатлѣніяхъ во время проѣзда черезъ Петербургъ. Наслышавшись заранѣе о произведенныхъ наводненіемъ 7-го ноября 1824 г. ужасахъ разрушенія, которые предстояло ему увидѣть въ Петербургѣ, Языковъ не мало былъ удивленъ противорѣчіемъ между фантастическими размѣ-

рами, въ какихъ представляли по слухамъ это бѣдствіе въ Москвѣ, и тѣмъ, что онъ увидѣлъ собственными глазами на мѣстѣ. Онъ убѣдился во-очію, что слѣдствія гибели далеко не были такъ ужасны, какъ ихъ рисовала молва.

Въ Москвѣ разсказывали, напримѣръ, что биржу унесло теченіемъ на Дворцовую площадь, что дома всѣ развалились, а Кронштадтъ навѣки покончилъ свое существованіе. Этими-то толками и ихъ бившею въ глаза несостоятельностью и объясняется самое заключеніе Языкова, что будто все обстоитъ благополучно и что ничего въ сущности не произошло ужаснаго. Мало того: онъ даже находилъ возможнымъ шутить, говоря, что отъ наводненія Петербургъ много выигралъ, и что оно принесло населенію гораздо больше пользы, нежели вреда. Насколько легко отнесся Языковъ къ ужасному бѣдствію, постигнувшему тогда Петербургъ, показываютъ особенно шутливымъ тономъ передаваемые имъ анекдоты о спасеніи одного изъ его пріятелей, пережидавшаго конца наводненія на площадкѣ лѣстницы второго этажа перваго попавшагося зданія, гдѣ онъ былъ пріятно окруженъ „толпой эмигрантокъ изъ магазина Курта“, такъ что послѣ сожалѣлъ, что наводненіе кончилось слишкомъ скоро. По поводу того же наводненія Языковъ предается юмористическимъ соображеніямъ и говоритъ, что его нельзя разсматривать какъ наказаніе за грѣхи, потому что оно отличается существенно отъ всемірнаго потопа, истребившаго всѣхъ, кромѣ семейства Ноя, и притомъ оно распространялось исключительно на населеніе нижнихъ, подвальныхъ этажей. Съ полнымъ равнодушіемъ передаетъ Языковъ слухи и о цѣлой шайкѣ промышленниковъ, которые изъ общаго бѣдствія пытались извлечь матеріальныя выгоды.

VI.

Первое время по водвореніи снова въ Дерптѣ Николай Михайловичъ долженъ былъ посвятить необходимымъ мелочамъ житейскаго обихода: онъ пишетъ братьямъ обычный отчетъ о новомъ устройствѣ относительно квартиры и стола, о домашнемъ бытѣ и распредѣленіи ежедневныхъ занятій; затѣмъ, слѣдуютъ просьбы о присылкѣ денегъ на неизбѣжный студенческій мундиръ и проч.; а затѣмъ жизнь его пошла своимъ обыкновеннымъ порядкомъ. Мы отмѣтимъ въ ней нѣкоторые, сколько-нибудь выдающіеся эпизоды.

Какъ юноша, обращавшій на себя общее вниманіе своимъ

талантомъ, и какъ природный русскій, Языковъ естественно долженъ былъ явиться въ Дерптъ въ качествѣ присяжнаго представителя студенчества: пріѣзжалъ ли кто-нибудь изъ царской фамиліи, въ парадной встрѣчѣ обыкновенно предстояло участвовать Языкову; по крайней мѣрѣ, если на него не возлагалась прямо обязанность произносить приличные торжественному случаю привѣтственные стихи,—онъ зналъ, что всѣ отъ него ждали этого; когда посѣщалъ университетъ для ревизіи министръ народнаго просвѣщенія, или какое бы то ни было высокопоставленное лицо, на видный планъ старались обыкновенно выставлять Языкова.

Въ половинѣ 1825 г., состоялось посѣщеніе дерптскаго университета А. С. Шишковымъ. Посѣщеніе министра было громкимъ событіемъ въ провинціальной тиши. Его долго ждали, готовясь къ приличному пріему такого важнаго сановника, о немъ толковали задолго до пріѣзда, при чемъ заранѣе не мало подсмѣивались надъ добрымъ старикомъ. Но непосредственное впечатлѣніе, произведенное Шишковымъ, неожиданно для всѣхъ оказалось въ его пользу. Дерптскій университетъ былъ передъ тѣмъ въ нѣкоторой опалѣ. Многимъ казалось, что самый характеръ ревизіи долженъ быть враждебный, подготовленный предубѣжденіями. Вышло напротивъ: когда Шишковъ пріѣхалъ въ университетъ, то отнесся ко всему университетскому составу самымъ сочувственнымъ и дружелюбнымъ образомъ; его привѣтливое обхожденіе, чуждое всякаго заискиванія или погони за популярностью, обворожило профессоровъ и студентовъ, и Шишковъ оставилъ Дерптъ, сопровождаемый выраженіями благодарности и шумными овиціями, между тѣмъ какъ прежде можно было скорѣе опасаться враждебныхъ манифестацій.

Въ концѣ 1825 года, неожиданная кончина императора Александра I, присяга Константину Павловичу и вступленіе на престолъ Николая I, наконецъ событія 14-го декабря, быстро смѣняя другъ друга, держали общество въ какомъ-то напряженіи. Общее вниманіе было приковано къ политическимъ происшествіямъ, заставлявшимъ говорить о себѣ и волноваться. Въ Дерптѣ относились сдержаннѣе къ событіямъ дня, но и здѣсь интересъ былъ возбужденъ въ крайней степени.

Языковъ подробно описываетъ свои первыя впечатлѣнія при печальномъ извѣстіи о кончинѣ императора Александра; онъ передаетъ довольно обстоятельно, какъ отразилось это извѣстіе въ дерптскомъ обществѣ, говоритъ о рѣчи пастора и т. д. По поводу политическихъ волненій, Языковъ и здѣсь обнаруживалъ

прежнее одинаковое, безразлично шутливое отношеніе къ серьезнымъ и незначительнымъ вещамъ: такъ, онъ привыкъ, вслѣдствіе указанныхъ нами причинъ, смотрѣть на все окружающее взоромъ наблюдательнаго и остроумнаго подростка, нейтрально присматривающагося къ тому, что дѣлается старшими. О какомъ бы важномъ событіи ни приходилось говорить ему, мы постоянно встрѣчаемъ его неизмѣнно милую, затѣйливую, остроумную шутку; и нельзя не подивиться въ Языковѣ легкому отношенію къ тому, что происходило на бѣломъ свѣтѣ. По поводу 14-го декабря, Языковъ передаетъ весьма забавно разныя не имѣющія серьезнаго интереса исторіи чисто-анекдотическаго характера и относится къ событію какъ малолѣтній шалунъ, подглядывающій за старшими: „это дѣло насъ не касается, — говоритъ онъ,—мы живемъ спокойно, пока Богъ грѣхамъ терпитъ“, и возвращается къ анекдотамъ. А между тѣмъ, этотъ человѣкъ занималъ уже видное мѣсто въ литературѣ, и талантъ его развертывался съ изумительной быстротой. Самыя стихотворенія свои Языковъ все еще пишетъ по разнымъ незначительнымъ случаямъ и все еще слушаетъ совѣтовъ Перевощикова, хотя уваженіе къ послѣднему замѣтно ослабѣваетъ. Перевощиковъ, довольный своимъ вліяніемъ на молодого поэта и исполненіемъ со стороны послѣдняго нѣкоторыхъ своихъ указаній, дошелъ до невѣроятныхъ крайностей: онъ прямо отзывался о Языковѣ въ глаза какъ о будущемъ великомъ талантѣ, и не начиналъ лекціи, пока послѣдній не входилъ въ аудиторію. Такое раболѣпство подорвало довѣріе къ его авторитету и заставило Языкова отнестись болѣе критически къ любимому прежде профессору, чему способствовалъ также примѣръ товарищей. Случайно обнаруженная Перевощиковымъ безтактность по поводу мнимаго оскорбленія, будто бы нанесеннаго ему однимъ студентомъ, возбудила противъ него, пользовавшагося до тѣхъ поръ безразличнымъ отношеніемъ молодежи, цѣлую бурю негодованія.

Прежде Перевощикова слушали и могли понимать лишь немногіе студенты, тогда какъ большинство не могло даже посѣщать его лекцій, по недостаточному знанію русскаго языка, на которомъ онъ читалъ; его знало, кромѣ слушателей, еще очень ограниченное число студентовъ, но теперь всѣ были вооружены противъ него. Кончилось тѣмъ, что самое имя Перевощикова сдѣлалось нарицательнымъ для обозначенія всякаго рода отрицательныхъ величинъ, напр., вмѣсто: „ни у кого изъ насъ нѣтъ денегъ“,—говорили: „Перевощиковъ hat Geld“; вмѣсто: „меня никто не любитъ“,—„Перевощиковъ liebt mich“. Впрочемъ, Пере-

вощиковъ уже давно сталъ терять понемногу свое обаяніе на Языкова. Когда онъ совѣтовалъ послѣднему перевести на русскій языкъ нѣмецкіе стихи, пѣтые на торжественномъ собраніи 12-го декабря 1825 г., то это не было исполнено Языковымъ, по отвращенію его къ несамостоятельной дѣятельности переводчика...

VII.

Быстро промелькнули для безпечнаго студента первые четыре года, проведенные въ Дерптѣ. Приходилось подумать о томъ, чтобы съ честью разсчитаться съ alma mater. Братья нерѣдко напоминали поэту, что пора бы сдать экзамены и покончить съ Дерптомъ. Эти напоминанія заставили-было Николая Михайловича стряхнуть свою лѣнь и приняться за усиленныя занятія. Былъ, между прочимъ, одинъ стимулъ, который долженъ бы былъ, повидимому, въ значительной степени подвинуть дѣло и помочь исполненію благого намѣренія—наконецъ, серьезно засѣсть за работу: этимъ стимуломъ была все усиливавшаяся тоска по родинѣ. Если первые годы Николай Михайловичъ, повидимому, совершенно вжился въ дерптскую жизнь, то теперь онъ все болѣе начинаетъ тяготиться ею. Ему уже сначала было не по душѣ отказываться на чужбинѣ отъ дорогихъ съ дѣтства чисто-русскихъ обычаевъ. Онъ возмущался тѣмъ, что въ Дерптѣ очень холодно относятся къ Россіи и ко всему русскому. Николаю Михайловичу казалось, напротивъ, необходимымъ хотя насильственными мѣрами противодѣйствовать этому, какъ думалось ему, пагубному для Россіи отчужденію: онъ съ своей стороны находилъ желательнымъ какъ можно болѣе широкое и возможно скорѣйшее распространеніе въ остзейскихъ губерніяхъ русскаго языка и русскихъ обычаевъ. Особенно во время торжественныхъ праздниковъ и масляницы было ему тяжело и грустно: масляница, великій постъ, праздникъ Пасхи—все это совершенно иначе проводилось въ Дерптѣ, нежели въ Симбирскѣ и въ Петербургѣ, и все это непріятно поражало не столько религіозное, сколько національное чувство Языкова. „Если бы я былъ императоръ россійскій,—говоритъ онъ,—я бы заставилъ ихъ пить квасъ, и ѣсть русскіе блины, и ходить въ русскую церковь, и говорить по-русски, да обрусѣютъ и да принадлежатъ вовсе къ огромному государственному тѣлу Россіи“. Здѣсь звучитъ уже весьма замѣтная впослѣдствіи у Язы-

кова славянофильская нотка. Мало-по-малу Николай Михайловичъ начинаетъ явно завидовать тѣмъ изъ бывшихъ дерптскихъ жителей, особенно студентамъ, которые оставляли Дерптъ и пе́реселялись въ великорусскія губерніи. Онъ, не стѣсняясь, выражалъ эту зависть въ стихахъ и въ перепискѣ. Казалось бы, ему слѣдовало приложить стараніе и усилить энергію, но для безхарактернаго и облѣнившагося юноши это было почти непреодолимою трудностью; къ тому же постоянно встрѣчались подготовленныя предъидущею жизнью помѣхи и препятствія, которыхъ онъ не хотѣлъ или не былъ уже въ силахъ устранить. Языковъ гораздо больше собирался налечь на занятія, нежели осуществлялъ на дѣлѣ это доброе намѣреніе.

Такое настроеніе съ особенной силой стало проявляться послѣ поэтическаго пребыванія Языкова въ Тригорскомъ. Лѣтомъ 1826 года давно желаемое Пушкинымъ свиданіе и почти совмѣстная жизнь въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ съ молодымъ поэтомъ наконецъ состоялись. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, возвратимся назадъ и объяснимъ предшествующія личному свиданію отношенія Языкова къ Пушкину.

VIII.

Подъ вліяніемъ Перевощикова, у Языкова сначала установилось насмѣшливое и даже чуть не презрительное отношеніе къ нашему великому поэту. Вотъ, напримѣръ, его отзывъ о „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“:

„Я читалъ въ спискѣ „Бахчисарайскій Фонтанъ“ Пушкина. Эта поэма едва ли не худшая изъ всѣхъ его прежнихъ. Есть нѣсколько стиховъ прекрасныхъ, но вообще они какъ-то вялы, невыразительны и даже не такъ гладки, какъ въ другихъ стихотвореніяхъ. Что-то, каковъ будетъ его романъ въ стихахъ „Евгеній Онѣгинъ“! Его тоже, какъ и „Бахчисарайскій Фонтанъ“, впередъ расхвалили;—чтобы такъ же не обмануться“!

Поразительнымъ кажется этотъ странный взглядъ Языкова на поэзію Пушкина. Правда, принимая непосредственное участіе собственными произведеніями во многихъ журналахъ и тѣмъ съ живѣйшимъ интересомъ слѣдя за отечественной литературой и журналистикой, Языковъ неутомимо слѣдилъ за всѣми выходящими книгами и къ большинству изъ нихъ относился чрезвычайно строго; но въ то же время онъ восторгался всѣми дѣйствительно замѣчательными произведеніями: „Орлеанской Дѣвой“, новыми

баснями Крылова, но особенно комедіей „Горе отъ ума“; еще прежде онъ просилъ убѣдительно, въ цѣломъ рядѣ писемъ, прислать ее для прочтенія и снять для этой цѣли копію, ибо, какъ извѣстно, комедія появилась въ печати только въ 1832 г. Впрочемъ, причина суроваго приговора надъ „Бахчисарайскимъ Фонтаномъ“ вскорѣ отчасти разъяснилась: „Я уже получилъ отъ Сленина „Бахчисарайскій Фонтанъ“ (какое глупое предисловіе!). Прежде читалъ я его въ спискѣ и притомъ женскомъ, а женщины не знаютъ ни стихосложенія, ни вообще грамматики, и теперь вижу, что въ этой поэмѣ стихи гораздо лучше прежнихъ, уже хорошихъ“. Но все-таки Языковъ долго оставался при прежнемъ мнѣніи о нѣкоторыхъ, будто бы замѣченныхъ имъ, недостаткахъ поэмы. Соглашаясь съ мнѣніемъ Перевощикова, говорившаго, что „у этой поэмы голова преогромная, а туловище съ ноготокъ“, Языковъ прибавляетъ отъ себя: „Жаль, что Пушкинъ мало или, лучше сказать, совсѣмъ не заботится о планахъ и характерахъ и приводитъ много положеній совсѣмъ ненужныхъ и лишнихъ; напр.: зачѣмъ сидитъ Гирей? зачѣмъ такъ много разсказывается объ евнухѣ? зачѣмъ купаются жены Гирея? Притомъ, характеровъ нѣсколько ясныхъ только одна Марія, а важнѣйшія лица, самъ ханъ и Зарема,—одинъ вовсе не изображенъ, а другая чуть-чуть; но этого мало для всего прекраснаго цѣлаго“. Вліяніе на Языкова сужденій Перевощикова замѣтно и въ слѣдующемъ отрывкѣ: „Перевощиковъ замѣчаетъ, что изъ всѣхъ сочиненій Пушкина онъ видитъ, что онъ самъ не имѣетъ характера и постоянныхъ правилъ нравственности, и приводитъ латинскую пословицу: „qui proficit in litteris et deficit in moribus, plus deficit, quam proficit“. Объ Онѣгинѣ Языковъ говоритъ (собственно о его первой главѣ): „Онѣгинъ мнѣ очень, очень не понравился! Думаю, что это—самое худое изъ произведеній Пушкина. Мы, русскіе, мѣримъ слишкомъ маленькимъ аршиномъ умственныя творенія и думаемъ, что наша мѣра такая же, какъ у просвѣщенныхъ народовъ! Если Пушкинъ изобразилъ себя подъ именемъ лица, разговаривающаго съ поэтомъ, то не дай Богъ лихому татарину быть Пушкинымъ.“!.. По выходѣ второй главы, читаемъ почти такой же неблагопріятный отзывъ въ письмахъ Языкова объ „Онѣгинѣ“: „Я читалъ вторую главу „Онѣгина“ въ рукописи—не лучше первой! То же отсутствіе вдохновенія, та же риѳмованная проза. Вотъ кого должны уважать мы на безлюдьи“!

Но особенно неблагосклонно отнесся Языковъ къ невинному фарсу, разыгранному Пушкинымъ по поводу мнимаго аневризма

въ ногѣ. Странно видѣть, до какого ригоризма доходилъ Языковъ, возмущавшійся со стороны Пушкина необдуманнымъ безпокойствомъ Мойера изъ-за небывалой болѣзни.

При такомъ явномъ недоброжелательствѣ Языкова къ Пушкину, неудивительно, что когда Пушкинъ пригласилъ его къ себѣ, то Языковъ писалъ братьямъ, что онъ затрудняется, что̀ отвѣчать на это предложеніе, и ѣхать ли къ нему, и даже примѣнялъ къ нему стихи:

„Вѣдь съ ними связаться—
Лишь грѣхъ суеты"!

IX.

Первое знакомство Языкова съ Пушкинымъ совпало съ тѣмъ временемъ, когда ему не въ моготу уже было оставаться въ Дерптѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ недоставало энергіи для улучшенія своихъ дѣлъ. Въ это время его стали сильно безпокоить долги, сумма которыхъ неожиданно возросла до убійственныхъ размѣровъ. Когда мать Николая Михайловича собиралась ѣхать въ Москву на коронацію, она предполагала проѣхать оттуда въ Петербургъ, въ надеждѣ увидѣться тамъ съ сыномъ, который, какъ она была увѣрена, къ тому времени будетъ кандидатомъ университета и оставитъ Дерптъ. Эта удача была бы тѣмъ болѣе кстати, что любимая его сестра, Пируша (Прасковья Михайловна), выходила замужъ, и такое совпаденіе семейныхъ радостей было бы особенно отрадно. Но Николай Михайловичъ не могъ не чувствовать замѣтныхъ пробѣловъ въ своихъ знаніяхъ, и, какъ человѣкъ самолюбивый и неспособный къ недобросовѣстному риску на удачу, поспѣшилъ разувѣрить мать въ ея иллюзіяхъ. Онъ писалъ по этому поводу: „Мои дѣла съ университетомъ едва ли могутъ благополучно кончиться, ежели потороплюсь и стану держать экзамены будущею зимою. Это не такъ легко, какъ думаютъ многіе; притомъ же и мое самолюбіе не позволитъ мнѣ приступить къ этому безъ увѣренности въ успѣхѣ. Итакъ, могу сказать только, что, можетъ быть, этакъ на святой будущаго года буду свободенъ, и во всякомъ случаѣ, что̀ называется, ежели Богъ поможетъ".

Между тѣмъ, подоспѣло и другое обстоятельство, явившееся естественнымъ слѣдствіемъ не преступной, конечно, но во всякомъ случаѣ и не похвальной безпечности поэта. Добрый и довѣрчивый, онъ былъ очень далекъ отъ мысли остерегаться лож-

ныхъ друзей и безсовѣстной эксплуатаціи, и, конечно, при своей крайней неопытности и неосторожности, сдѣлался жертвой обмана. Какъ въ сношеніяхъ своихъ съ массой студентовъ, онъ подчинялся общему теченію и, не сочувствуя ихъ нравамъ и привычкамъ, въ глубинѣ души постоянно какъ-то попадалъ въ концѣ концовъ въ унисонъ съ нею, являясь въ глазахъ ея „добрымъ товарищемъ“,—такъ и въ отдѣльныхъ случаяхъ его природная мягкость сослужила ему не совсѣмъ хорошую службу. Принимая и угощая товарищей, весело проводя съ ними время, Языковъ не имѣлъ и въ мысляхъ оглядываться на то, какіе люди его окружали и полезно ли для него сближеніе съ ними; мало того: онъ безусловно довѣрилъ своему сожителю веденіе хозяйственныхъ дѣлъ и не заботился считать, сколько выходитъ у него денегъ. Изъ побужденій дружелюбной общительности и искренней пріязни къ одному изъ недавно окончившихъ курсъ студентовъ, очень бѣдному человѣку, но прилежному юношѣ, хорошо знакомому съ тѣми курсами, которые приходилось изучать Языкову, Николай Михайловичъ далъ ему у себя квартиру и столъ и, кромѣ того, платилъ ему болѣе тысячи рублей въ годъ за совмѣстныя съ нимъ занятія, потому что одинъ онъ всегда занимался неохотно и вяло. Этого своего товарища, называя его не по имени, а „добрымъ и ученымъ птенцомъ“, онъ расхваливалъ въ одномъ письмѣ братьямъ, утверждая, что сожительство съ нимъ ему особенно по душѣ. Но вдругъ, вѣроятно къ крайнему изумленію братьевъ, въ слѣдующемъ же письмѣ, черезъ какія-нибудь двѣ недѣли, онъ сообщаетъ имъ о перемѣнѣ своего рѣшенія и говоритъ уже, что у него явилось „благодатное намѣреніе“ жить одному. „Я уже начинаю брать свои мѣры (противъ безпечности и лѣни), — писалъ онъ теперь, — напримѣръ, буду жить совершенно одинъ. Я уже успѣлъ, славу Богу, замѣтить, что житіе съ кѣмъ бы то ни было въ отношеніи ученія вредитъ больше, нежели приноситъ пользу оному“. Теперь у Языкова льются доводы въ пользу одиночества, въ числѣ которыхъ самый убѣдительный—тотъ, что онъ не можетъ работать и предаваться вдохновенію, если рядомъ есть кто-нибудь, если онъ видитъ передъ собою что-нибудь иное, кромѣ маленькаго клочка лазури. Даже успѣхъ своей прежней литературной дѣятельности онъ приписывалъ частымъ отлучкамъ изъ дому своего товарища и возможности сосредоточиться наединѣ. Какъ видимъ, Николаю Михайловичу непріятно и стыдно было признаться въ истинѣ; ему не хотѣлось сразу объяснить дѣйствительную причину неожиданнаго своего одиночнаго устройства; ему обидно было, что

„ученый и добрый птенецъ“ такъ увлекся въ своей эксплуатаціи пріютившаго его пріятеля, что послѣднему совѣстно было заглянуть въ кошелекъ. Конечно, Языковы были люди обезпеченные и даже потеря нѣсколькихъ тысячъ для нихъ не составила бы чего-нибудь рокового и убійственнаго, но обстоятельство было все-таки прискорбное, и о немъ надобно было писать и объяснять его братьямъ. Николай Михайловичъ не рѣшался на это до послѣдней крайности.

X.

Именно во время этой неожиданной катастрофы Языковъ получилъ внезапно приглашеніе пріѣхать въ Тригорское. Желаніе посѣтить по дорогѣ нѣкоторыя интересныя поэту мѣстности, какъ, напр., Изборскъ, Псковъ, Печоры, усиливаемое сознаніемъ, что это всего удобнѣе сдѣлать еще въ бытность въ Дерптѣ, когда это ничего почти не стоитъ, еще болѣе побуждало Николая Михайловича принять приглашеніе, и вотъ онъ уже далъ слово. Но гдѣ взять денегъ? Безъ сомнѣнія, надо писать братьямъ. Въ началѣ іюня онъ, наконецъ, рѣшается приступить къ этому щекотливому для него дѣлу, судя по нерѣшительности и осторожности его пріемовъ (онъ недавно только получилъ деньги изъ дому). Онъ пишетъ Петру Михайловичу: „Я жду денегъ, чтобы отправиться къ Пушкину. Уже вамъ было писано объ этомъ. Нѣкоторые философы говорятъ, что счастіе—въ ожиданіи; едва ли это правда и вообще, а теперь же я никакъ не соглашусь признать истиннымъ это изреченіе, и это было бы говорить противъ сердца и собственнаго убѣжденія, а я еще не привыкъ притворяться даже на словахъ“! Въ слѣдующемъ письмѣ, уже изъ Тригорскаго, онъ говоритъ прямѣе: „Не знаю, какая враждебная причина побуждаетъ и побуждала тебя такъ долго не оживлять моихъ финансовъ. Дѣло въ томъ, что она чуть было не остановила моего путешествія въ Псковскую губернію и знакомство съ Пушкинымъ. Да не тутъ-то было; я, что называется, перевернулся, и теперь—тамъ, гдѣ желалъ бы быть, и хвала за то Провидѣнію! Вотъ въ чемъ дѣло: мое неумѣнье обращаться съ деньгами, происходящее прямо отъ неуваженія къ тому, что̀ я получаю—ни за что̀, ни про что̀,—отъ безпечности поэтической, отъ недовѣрчивости къ будущему и вообще изъ всего, что̀ переводитъ деньги и множитъ долги значительно; все это со мной сдѣлалъ мой почтеннѣйшій и искони меня знающій въ

этомъ отношеніи менторъ, квесторъ и медлитель [1]). Долги мои въ Дерптѣ возросли до неимовѣрности [2]); я назвалъ бы ихъ неоплатными, если бы... понимаешь? И такъ, собери свои (могу сказать: мои, но не хочу) всѣ силы нынѣ и пришли мнѣ денегъ, больше, больше, нежели обыкновенно требовалъ, просилъ и получалъ. Сдѣлай вотъ что: возьми тысячу рублей (или больше— смотря по твоему уваженію къ моему таланту, братству, откровенности и памяти моего сердца), прибавь еще столько, да полстолько, да четверть-столько, да еще первое столько — и тогда, о, тогда!.. ты не превзойдешь моихъ ожиданій! Я совершенно успокоюсь духомъ, когда буду въ состояніи всѣми помышленіями предаться Господу Богу моему, поэзіи, и тогда возвеличу тебя славословіемъ". Такъ, жертва довѣрчивости, Языковъ долженъ былъ говорить съ братомъ тономъ проигравшагося корнета, сознающаго свою вину, но вынужденнаго брать бравурныя ноты.

Пока, однако, Языковъ съумѣлъ забыть эти дрязги и наскучившій ему Дерптъ, всей душой предаваясь поэзіи и наслаждаясь радушнымъ пріемомъ хозяевъ Тригорскаго, при чемъ его жизнь была украшена привольнымъ общеніемъ съ другимъ поэтомъ, котораго хотя онъ и не признавалъ и не оцѣнилъ еще по достоинству, но полюбилъ за прямодушіе и открытый, симпатичный характеръ. Какъ проводилъ время Языковъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ въ Тригорскомъ, — слишкомъ извѣстно. Языковъ олисалъ этотъ эпизодъ своей жизни въ извѣстномъ стихотвореніи: „Тригорское". Въ письмахъ же онъ такъ изображаетъ свои счастливые дни на берегахъ Сороти: „Изобиліе плодовъ земныхъ, благораствореніе воздуха, благорасположеніе ко мнѣ хозяйки, женщины умной и доброй, миловидность и нравственная любезность и прекрасная образованность дочерей ея, жизнь, или, лучше скажу, обхожденіе совершенно вольное и беззаботное, потомъ деревенская прелесть природы, наконецъ сладости и сласти искусственныя, какъ-то: варенье, вишни и проч. — все это вмѣстѣ составляетъ нѣчто очень хорошее, почтенное, прекрасное, восхитительное, и однимъ словомъ, житье"! Дѣйствительно, время это Языковъ считалъ самымъ счастливымъ въ своей жизни и любилъ вспоминать о немъ до самой смерти. Но тутъ же, въ Тригорскомъ, онъ продолжалъ предаваться разгулу, повредившему его здоровью...

---

[1]) Т.-е. братъ—Петръ Михайловичъ.

[2]) „Ученый и добрый птенецъ" злоупотреблялъ даже извѣстностью Языкова, забирая безъ счета и мѣры на его имя въ долгъ въ лавкахъ и магазинахъ.

XI.

Дни очарованія, какъ и все прекрасное въ жизни, быстро промелькнули и незамѣтно приблизилась снова дерптская жизнь и дала о себѣ знать оставленными на время прозаическими дрязгами, безъ которыхъ нельзя было обойтись и въ тѣ счастливыя времена даже обезпеченнымъ Языковымъ. Петръ Михайловичъ, какъ оказалось изъ отвѣтнаго письма, отнесся не слишкомъ благодушно къ его оплошности и остался недоволенъ хотя шутливымъ, но вызывающимъ тономъ со стороны виновнаго брата, отличавшагося всегда кроткимъ характеромъ. И тутъ-то уже пришлось Николаю Михайловичу объяснить причину своего банкротства.

„Письмо твое, отъ 25-го іюля, я получилъ, прочелъ его нѣсколько разъ со вниманіемъ необыкновеннымъ и съ чувствомъ очень непріятнымъ, а именно съ чувствомъ сознанія моего неблагоразумія“... Затѣмъ, въ серединѣ письма онъ объясняетъ: „Вотъ причина долговъ моихъ, такъ тебя удивившихъ: самое благонамѣренное и похвальное желаніе просвѣщенія внушило мнѣ, за полтора года передъ симъ, мысль пожить это время съ нѣмцемъ, и начало моего знакомства съ однимъ человѣкомъ сего рода совершенно удовлетворяло моему желанію. Съ полною возможностью его исполнить и съ пріятными надеждами взялъ я къ себѣ существо это, съ условіемъ кормить, поить, освѣщать его и за уроки платить ему 1.000 руб. въ годъ. По части учебной съ начала и до конца во всѣхъ смыслахъ все шло хорошо, и я радовался при мысли, что кромѣ пользы, мною пріобрѣтенной отъ моего сожительства, я дѣлаю еще доброе дѣло, доставляя возможность жить порядочно человѣку, въ этомъ нуждающемуся и этого достойному. Онъ укрѣплялся все болѣе и болѣе въ моей квартирѣ, *становился постепенно безпечнѣе* о самомъ себѣ и о моихъ деньгахъ, рѣшительнѣе и самовольнѣе въ доставленіи симъ послѣднимъ большаго обращенія, возымѣлъ много пріятелей, у коихъ тоже много пріятелей, сталъ пользоваться знаменитостью моего имени у купцовъ и кончилъ тѣмъ, что я увидѣлъ совершенную необходимость съ нимъ разстаться и перемѣнить даже собственное житье-бытье“. Къ этой первой непріятности вскорѣ присоединилась другая, существеннѣйшая: нѣжное, хрупкое отъ природы здоровье Николая Михайловича, хотя и казавшагося по наружности цвѣтущимъ и свѣжимъ юношей, не выдержало ночныхъ бодрствованій и раннихъ увлеченій и по-

требовало самыхъ усиленныхъ попеченій о себѣ. Въ концѣ 1826 г., Николай Михайловичъ сталъ нерѣдко жаловаться на головныя боли и приливы, даже на ломъ въ головѣ. Сначала онъ приписывалъ всѣ эти недуги своему полнокровію и сидячей жизни, и находилъ утѣшеніе въ томъ, что самый родъ болѣзни означаетъ скорѣе излишекъ здоровья, но это утѣшеніе, конечно, скоро оказалось несостоятельнымъ. Скоро онъ начинаетъ жаловаться уже на то, что не можетъ болѣе успѣшно работать, „такъ какъ послѣ непрестаннаго сидѣнія голова стала болѣть несносно, такъ что цѣлый мѣсяцъ, безъ хвастовства сказать, я ходилъ какъ угорѣлый; для отвращенія дальнѣйшихъ худыхъ слѣдствій сего недуга предписано мнѣ многохожденіе, отнимающее бо́льшую и лучшую часть времени и принудившее меня отложить рѣшительныя занятія до будущаго полугодія“.

XII.

Въ то же время родные сильно настаивали на свиданіи, которое постоянно откладывалось Николаемъ Михайловичемъ подъ разными предлогами. Продолжаются жалобы на головныя боли, объ экзаменахъ упоминается вскользь и съ видимымъ неудовольствіемъ.

Необходимое для сосредоточенныхъ занятій ровное настроеніе духа омрачалось еще осадой, которой Николаю Михайловичу приходилось подвергаться со стороны кредиторовъ, пока не удалось ему наконецъ тронуть своей участью брата Петра и подѣйствовать обѣщаніемъ, что учебныя дѣла пойдутъ гораздо лучше, когда наступитъ „финансовое довольство“. Языкова со всѣхъ сторонъ торопятъ: родные съ экзаменами, журналисты и альманашники—съ новыми стихами, кредиторы—съ уплатой долговъ. Наступало тяжелое время раскаянія за прошлое, приходилось сознаться, что онъ мало „безпокоился о наполненіи головы свѣдѣніями политическихъ наукъ, такъ какъ онѣ не его околотокъ и къ нимъ не лежитъ его сердце“; и за этимъ сознаніемъ постепенно слѣдовали сѣтованія на сухость другихъ наукъ, какъ напр. статистики: „я началъ-было мой трудъ повтореніемъ статистики“, жаловался Языковъ, „сидѣлъ день и два, ничего не высидѣлъ—хоть брось! теперь примусь за исторію и политическія науки: авось будетъ лучше, и черезъ нихъ уже дойду до совершенной суши“. Тоска и отвращеніе къ обязательнымъ занятіямъ шли crescendo: черезъ мѣсяцъ мы уже читаемъ въ одномъ изъ

писемъ: „На меня нашла теперь сильная, но, къ несчастію, неотвратимая тоска: читаю такую сушь, учу даже наизусть,—что голова вянетъ: вообще науки, въ которыхъ меня пытать станутъ, не мой околотокъ и вовсе не привлекательны юношѣ парнасскому". Матери же Николай Михайловичъ пишетъ: „Вы справедливо замѣчаете, что наши планы не совершаются. Такова судьба человѣческая вообще и въ особенности людей, одаренныхъ воображеніемъ пылкимъ и нравомъ безмятежнымъ".

Каждый студентъ, отъѣзжающій изъ Дерпта на родину, возбуждалъ въ Языковѣ живую зависть; такъ, онъ говорилъ о своемъ пріятелѣ Татариновѣ: „Ужъ онъ давно сидитъ въ кругу милыхъ и кровныхъ, давно лакомится сельскимъ, родимымъ воздухомъ, плодами и яствами некупленными и ласками непродажными, а все это очень, очень много и сильно дѣйствуетъ на душу чувствительную, на юношу, стосковавшагося по родинѣ"! 22-го іюня 1827 г. онъ писалъ: „Знаешь ли, что̀ мнѣ донынѣ мѣшало и, можетъ быть, мѣшаетъ трудиться во всю ивановскую, какъ другіе —это именно тяжелая мысль, что я могу блистать на поприщѣ парнасскихъ состязаній и живу въ полномъ бездѣйствіи по сей части, принужденный добиваться чего-то такого, что̀ въ моемъ смыслѣ мнѣ вовсе не нужно, зане чувствую себя способнымъ существовать для одной поэзіи и одною поэзіею". Между тѣмъ, и свиданіе съ родными, и рѣчь объ экзаменахъ, все отдалялось на неопредѣленное время. Въ концѣ лѣта 1827 года, Николай Михайловичъ поселился въ небольшой деревушкѣ Камби, верстахъ въ двадцати отъ Дерпта, и, наслаждаясь сельской тишиной и природой, всей душой отдался освѣжающимъ впечатлѣніямъ изящнаго. Языковъ называетъ свое счастіе истинно гораціанскимъ и превозноситъ добровольное отшельничество въ стихахъ и перепискѣ. Онъ предполагалъ даже провести въ Камби всю осень и захватить часть зимы, но черезъ нѣсколько времени пришелъ къ убѣжденію въ необходимости устранить отъ себя все сколько-нибудь заманчивое и привлекательное и предпочелъ снова замкнуться въ уединеніи. А тревога родныхъ все возрастала, поддерживаемая и разогрѣваемая какими-то сплетнями, на которыя Николай Михайловичъ отвѣчалъ однако, что онъ благодаритъ за участіе въ немъ, проявляющееся въ желаніи родныхъ провѣрить эти слухи, но что ему все равно, что̀ бы о немъ ни говорили. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что только изрѣдка и лишь едва замѣтная тѣнь неудовольствія пробѣгала между братьями, и то только подобіе ея, потому что единственное нѣсколько рѣзкое письмо было цитированное нами выше (по поводу не-

удовлетворительнаго состоянія финансовыхъ его дѣлъ), тогда какъ содержаніе значительнаго большинства писемъ составляетъ дружелюбная бесѣда о событіяхъ дня, о литературныхъ новостяхъ, о состояніи и дѣлахъ дерптскаго университета.

XIII.

Содержаніе писемъ Языкова въ 1828 г. ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ прошлогоднихъ: онъ такъ же раздѣлялъ свое мѣстопребываніе между Дерптомъ и Камби, такъ же стремился поскорѣе покончить съ Дерптомъ и такъ же время отъ времени признавался, что „еще мѣсяцъ прошелъ безъ плана и безъ цѣли", но утѣшался тѣмъ, что „оный какъ капля въ море опущенна", въ другой разъ — „что трудно быть своихъ привычекъ властелиномъ", и все-таки не переставалъ надѣяться, что наступающій годъ будетъ послѣднимъ годомъ пребыванія въ Дерптѣ, предполагая, разумѣется, что оно завершится успѣшнымъ экзаменомъ и полученіемъ диплома. Онъ самъ добродушно иронизируетъ надъ собой и надъ своимъ недѣятельнымъ характеромъ, восхищается стихами Баратынскаго:

Еще не породивъ прямого просвѣщенья,
Избытокъ породилъ убійственную лѣнь.

Наконецъ, не дождавшись его пріѣзда къ роднымъ, братъ его Александръ Михайловичъ рѣшился навѣстить его въ Дерптѣ; но его пріѣздъ только еще сильнѣе растравилъ тоску поэта, заставивъ послѣдняго живѣе почувствовать тягость одиночества. Цѣль этой поѣздки была, однако, отчасти достигнута: молодому человѣку напомнили рѣшительнымъ образомъ „несообразность и неблагопріятность" долговременнаго пребыванія въ Дерптѣ. Одинъ изъ товарищей Николая Михайловича кончилъ въ это время курсъ и въ душѣ безпечнаго поэта снова зашевелилось сильное желаніе „поскакать на курьерскихъ, чтобы по крайней мѣрѣ догнать, такъ какъ уже опередить нельзя человѣка, ѣхавшаго на своихъ долгихъ". Александръ Михайловичъ засталъ у брата все то же разгульное студенчество, отъ котораго такъ рѣшительно хотѣлъ, повидимому, отказаться послѣдній. Но не далѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, Николай Михайловичъ успокоивалъ его, что все это общество „перемѣнилось отъ мала до велика".

Заканчивается этотъ годъ писемъ слѣдующимъ откровеннымъ сознаніемъ: „Поздравляю васъ съ новымъ годомъ, а я его встрѣчу

досадно и горестно, какъ ученикъ встрѣчаетъ учителя, несущаго ему выговоръ... и за дѣло! Никогда мнѣ не было здѣсь такъ скучно и грустно, какъ нынѣ, такъ отчаянно-досадно! Все мнѣ надоѣло, всѣ мнѣ надоѣли, я ни на что не похожъ. Мнѣ стыдно, мнѣ совѣстно! Сижу сложа руки, жду чего-то, какого-нибудь чуда; но чудесъ давно уже не бывало"!

XIV.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше усиливалось въ Языковѣ малодушіе, отчаяніе; онъ совершенно опускаетъ руки. Приводимъ цѣликомъ его письмо къ брату отъ 2-го января 1829 г. „Вотъ въ чемъ дѣло, мой почтеннѣйшій! Сообразивъ и то и сё, прошедшее, настоящее и будущее, усмотрѣвъ, къ несчастію, что второе все-таки разительно похоже на первое, и что послѣднее мнѣ ничего хорошаго не обѣщаетъ, ежели я еще дольше останусь въ Дерптѣ, гдѣ мнѣ все и всѣ надоѣло и надоѣли; гдѣ жизнь моя, такъ сказать, гніетъ въ тинѣ бездѣйствія, обстоятельствъ глупыхъ и глупостей ежедневныхъ, гдѣ, наконецъ, убѣдился я въ невозможности порядочно приготовиться къ экзамену; rebus sic strantibus (а кое-какъ не хочу его выдержать),—я, нижеподписавшійся, рѣшился спастись отсюда въ Симбирскъ, гдѣ мѣсяца въ два могу надѣяться кончить оное, ежели нужно, приготовленіе благополучно и экзаменоваться, напр., хоть въ Казани. Кромѣ того, что здѣсь духъ мой упалъ до точки замерзанія, что я чѣмъ дольше здѣсь, тѣмъ дальше отъ цѣли,—еще и мое здоровье требуетъ большой поправки, возможной только въ благорастворенiи воздуха, при хорошемъ движеніи, при образѣ жизни порядочномъ. Этотъ пунктъ меня сильно безпокоитъ и повергаетъ въ какое-то безконечно-тяжелое состояніе. Знаю, что̀ вы противъ этой рѣшительности сказать можете; знаю, что я не могу опровергнуть всего этого; но мнѣ теперь не до діалектики. Я спасаюсь! Правда, что я потеряю здѣсь послѣдніе два года, но сколько выиграю тѣмъ, что не потеряю еще болѣе. Вотъ разсчетъ очень естественный! На слѣдующей почтѣ изложу все это подробнѣе. Я жду, по вашему обѣщанію, денегъ, по полученіи котораго количества напишу вамъ, сколько будетъ стоить мое освобожденіе, которое никакъ не можетъ быть дорого, потому что спасаетъ тысячи и тьмы... и буду просить васъ, какъ можно скорѣе исполнить это мое желаніе, зане оно послѣднее въ Дерптѣ".

Дѣла были уже такъ запутаны, что Языковъ почувствовалъ

себя въ положеніи утопающаго. Его письма, всегда безпечныя и веселыя, становятся воплемъ самообличенія. Онъ уже не щадитъ себя, называетъ самъ себя безпутнымъ, сравниваетъ себя съ блуднымъ сыномъ и умоляетъ спасти его, дать ему возможность выбраться изъ Дерпта, бросить разгульную жизнь и честно расплатиться съ кредиторами,—намекаетъ даже на самоубійство. Ему страшно даже сказать настоящую цифру долга, ибо, уже послѣ многихъ уплатъ, онъ долженъ былъ объявить еще—28.000 долга! Получая постоянно упреки и предвидя новые, онъ говорилъ теперь съ непритворнымъ смиреніемъ: „Все, что вы мнѣ говорили и говорить будете, я уже давно сказалъ себѣ“... Но, конечно, не одно суровое осужденіе встрѣтили его письма въ родныхъ: въ ихъ отвѣтныхъ письмахъ много было теплаго, сердечнаго участія и любви къ несчастному юношѣ, что значительно ободрило его падшій духъ. За такое сердечное отношеніе онъ отъ души благодарилъ ихъ.

В. Шенрокъ.

ИЗЪ ГЮЙО

(„Vers d'un Philosophe“).

I.

РАБОТА ФИЛОСОФА.

Пробило шесть часовъ; день конченъ трудовой—
Для рукъ рабочаго отрадное мгновенье!
Какая благодать, какое облегченье—
Изъ мрачной мастерской спѣшить къ себѣ домой!

Подъ небомъ голубымъ привольнѣе и шире
Усталымъ дышется; забытъ на время трудъ—
Рабочій—съ пѣсенкой зашелъ присѣсть въ трактирѣ,
У дѣвушекъ—просторъ для бойкихъ пересудъ.

И каждый думаетъ: „дождался окончанья“!..
Счастливцы!.. Только я... *мой* день рабочій я
Не кончу никогда; онъ дологъ, какъ желанья
Людскія; дологъ онъ, какъ жизнь сама моя.

И день, и ночь въ себѣ я чувствую движенья
Идей въ зачатіи; чтобъ вывесть ихъ на свѣтъ,
Мой утомленный мозгъ отъ тяжкихъ мукъ рожденья
Не знаетъ отдыха; ему покоя нѣтъ!

II.

ИДЕЯ.

Какой-то формою неясною и зыбкой,
Парящею въ таинственную высь,
Свѣтясь, какъ лучъ, во мнѣ съ улыбкой
Проходишь ты... Остановись!

Какъ шаткое мерцаніе разсвѣта,
Ты—слышу я—встаешь въ моей груди...
Что ты?—еще темно мнѣ это;
Я жду тебя, какъ то, что впереди...

Блистанья твоего спасительная сила
На сколько озаритъ всю бездну темноты?
Быть можетъ, цѣлый міръ въ себѣ ты заключила?
Иль истина, быть можетъ, ты?..

Отъ страха и надежды сладкой
Блѣднѣю я... И трепетъ въ глубинѣ
Моей души передъ твоей загадкой...
Какую ты откроешь тайну мнѣ?..

Во власти внутренняго взора
Живетъ, горитъ мое все существо.
О, погоди, не улетай такъ скоро,
Не исчезай для сердца моего!

Ты, въ душахъ всѣхъ людей—и гордой, и смиренной,
И мощной, и больной—гостящая не разъ,
О, сдѣлайся яснѣй, стань меньше отдаленной
Для самыхъ любящихъ, для жадно ждущихъ глазъ!

Не удѣляй со скупостью такою
Свой свѣтъ для тѣхъ, чья жизнь и счастье—ты;
Дразнящею твоею красотою
Насытиться мнѣ дай до полноты!

Не исчезай, безсмертная идея!
Блаженъ, кому дано тобою овладѣть
И, за твое крыло схватившись, не робѣя,
Въ высь будущаго улетѣть!..

Петръ Вейнбергъ.

МАЛЕНЬКІЙ ІОГАННЕСЪ

— De kleine Johannes, Frederick van Eeden.

Окончаніе.

V *).

Случалось ли вамъ бродить когда-нибудь въ солнечный день по лѣсу, когда солнце такъ тихо и ясно освѣщаетъ разноцвѣтную листву, когда вѣтки трещатъ, а сухіе листья шуршатъ подъ ногами?

Въ это время лѣсъ кажется усталымъ; онъ стоитъ въ задумчивости и живетъ старыми воспоминаніями. Голубой туманъ охватываетъ его таинственною красотою, какъ бы сновидѣніемъ, и блестящія осеннія паутины парятъ въ воздухѣ, слегка раскачиваясь,—наводя чудные, тихіе сны.

Изъ сырой земли, между мхомъ и сухими листьями, вдругъ загадочно вытягиваются удивительныя формы различныхъ грибовъ. Одни—толстые, безформенные и мясистые, другіе—длинные и худые, съ круглой ножкой и блестяще окрашенной шапочкой. Это крайне странные фантастическіе образы.

Въ это же время можно видѣть на гнилыхъ пенькахъ деревьевъ безчисленные маленькіе стебельки съ черными верхушечками, какъ бы обожженными. Нѣкоторые ученые люди считаютъ ихъ за родъ губокъ. Но Іоганнесъ узналъ другое: это—свѣчи. Онѣ горятъ въ тихія осеннія ночи, а гномы читаютъ при свѣтѣ ихъ свои крошечныя книжечки.

*) См. выше: окт., 550 стр.

Этому выучилъ его Виндекиндъ въ одинъ изъ тихихъ осеннихъ дней, когда Іоганнесъ вмѣстѣ съ одуряющимъ запахомъ лѣсной почвы вдыхалъ въ себя и мечтательное настроеніе.

— Отчего на листьяхъ ясени такія черныя пятна?

— Да и это тоже дѣлаютъ гномы,—сказалъ Виндекиндъ.— Когда они пишутъ ночью, то остатки изъ своихъ чернильницъ они вытряхиваютъ на листья. Они терпѣть не могутъ деревьевъ. Изъ ясеннаго дерева дѣлаютъ они кресты и палочки къ мѣшкамъ для церковнаго сбора.

Іоганнесу захотѣлось подробнѣе узнать о маленькихъ трудолюбивыхъ гномахъ, и онъ взялъ съ Виндекинда обѣщаніе отвести его къ одному изъ нихъ.

Долгое время жилъ онъ съ Виндекиндомъ вмѣстѣ и былъ такъ счастливъ своей новой жизнью, что совсѣмъ не чувствовалъ раскаянія въ томъ, что далъ обѣтъ забыть обо всемъ предшествовавшемъ этой жизни. Впрочемъ, онъ никогда не былъ одинъ, и раскаянію некогда было зародиться. Виндекиндъ никогда не оставлялъ его, а съ нимъ каждое мѣстечко было родина. Спокойно спалъ онъ въ качавшемся гнѣздѣ болотнаго дрозда, висѣвшемъ между зелеными тростниковыми стеблями, даже тогда, когда кричала болотная выпь, или каркали вороны, предвѣщая несчастье. Никакого страха не чувствовалъ онъ при сильнѣйшемъ дождѣ или при бушевавшей бурѣ; онъ спасался тогда въ пустыхъ дуплахъ или гнѣздѣ кролика, или же подлѣзалъ подъ маленькій плащъ Виндекинда, прижимался къ нему и прислушивался къ его голосу, когда онъ разсказывалъ сказки.

И вотъ ему предстояло увидѣть гномовъ.

День какъ разъ былъ подходящій—тихій-тихій. Іоганнесу уже казалось, что онъ слышитъ ихъ тоненькіе голоса и шуршаніе ихъ ножекъ, но всего еще былъ полдень. Птицы всѣ улетѣли; одни дрозды уплетали еще перезрѣлыя ягоды. Одинъ изъ нихъ отсталъ при отлетѣ стаи. Съ растопыренными крыльями висѣлъ онъ зацѣпившись и барахтался, едва не разодравъ себѣ лапки. Іоганнесъ освободилъ его, и онъ съ радостнымъ щебетаньемъ быстро полетѣлъ въ даль.

Грибы были заняты оживленной бесѣдой.

— Посмотрите на меня,—сказала толстая „чертова губка“. —Видѣли ли вы когда-либо что̀ подобное? Посмотрите какъ толста и бѣла моя ножка и какъ блеститъ моя шапка. Я перерось всѣхъ. И это въ одну ночь.

— Баа! — сказалъ красный мухоморъ: — ты довольно неуклюжъ, такъ теменъ и такъ грубъ. Я же, напротивъ, покачи-

ваюсь на моей стройной ножкѣ, какъ тростникъ. Я поразительно красенъ, подобно рябинѣ, и разукрашенъ изящными крапинками. Я красивѣе всѣхъ.

— Молчите,—сказалъ Іоганнесъ, знавшій ихъ раньше:—вы оба ядовиты.

— Это добродѣтель!—сказалъ мухоморъ.

— Можетъ быть, ты—человѣкъ?—забормоталъ насмѣшливо толстякъ:—тогда бы я хотѣлъ, чтобы ты меня попробовалъ.

Этого Іоганнесъ, конечно, не сдѣлалъ. Онъ взялъ сухіе прутики и воткнулъ ихъ въ мясистую шапочку. Это было очень смѣшно, и всѣ захохотали, даже группа тоненькихъ грибковъ съ черными головками, вышедшихъ изъ-подъ земли всего два часа тому назадъ и стремившихся тоже посмотрѣть на свѣтъ Божій. Толстякъ посинѣлъ отъ злости; при этомъ сказалась его ядовитая порода.

Дождевики поднимали свои круглыя надутыя головки на четырехгранныхъ ножкахъ. Отъ времени до времени изъ отверстія круглой головки вылетало темное облачко, повидимому, очень тонкой пыли. Тамъ, гдѣ эта пыль падаетъ на сырую почву, тамъ появляются, переплетаясь между собой въ черной землѣ, нити, а въ слѣдующемъ году выростаютъ сотни новыхъ дождевиковъ.

— Какое чудное существованіе,—говорилъ одинъ другому.—Пускать пыль—вотъ цѣль жизни! Какое счастье имѣть возможность пылить все время, пока живешь!

И съ благоговѣніемъ къ своему дѣлу стали они пускать пыльныя облака въ воздухъ.

— Правы они, Виндекиндъ?

— Отчего же нѣтъ? Что же можетъ быть для нихъ важнѣе? Ихъ счастье, что они не желаютъ бо́льшаго, такъ какъ не умѣютъ ничего другого.

Когда спустилась ночь, и тѣни отъ деревьевъ расползлись въ равномѣрной темнотѣ, таинственная жизнь лѣса не прекратилась. Вѣточки трещали и хрустѣли, сухіе листики шуршали тутъ и тамъ между травой и низкимъ кустарникомъ.

Іоганнесъ чувствовалъ едва слышные удары легкихъ крыльевъ и сознавалъ присутствіе невидимыхъ существъ. Онъ различалъ уже шопотъ голосовъ и подпрыгиваніе маленькихъ ножекъ. Вотъ, тамъ, въ темной глубинѣ кустарника, только-что показался маленькій синій огонекъ и исчезъ. Еще одинъ, и еще... Чу!.. Онъ сталъ внимательно прислушиваться и услышалъ шуршаніе въ листкахъ совсѣмъ около себя, у темнаго пенька. Синіе огоньки

побѣжали по пеньку и остановились у верхушки. Теперь уже Іоганнесъ видѣлъ вездѣ огоньки; они мерцали между темной листвой, мелькали по землѣ, и огромная свѣтящаяся масса сіяла издали синимъ пламенемъ.

— Что это за огонь? — спросилъ Іоганнесъ: — онъ горитъ великолѣпно.

— Это гнилой пень,—сказалъ Виндекиндъ.

Они подошли къ тихому ясному огоньку.

— Теперь я тебя представлю Вистику [1]). Онъ—самый старый и самый умный между гномами.

Когда Іоганнесъ подошелъ ближе, онъ увидѣлъ его сидящимъ у собственнаго огонька. Ясно можно было различить при голубомъ свѣтѣ морщинистое лицо съ сѣдою бородою; онъ громко читалъ, сдвинувъ брови. На головѣ его былъ надѣтъ колпачокъ отъ жолудя съ маленькимъ перомъ; передъ нимъ сидѣлъ паукъ-крестовикъ и слушалъ его.

Когда оба приблизились, гномъ посмотрѣлъ, не поднимая головы изъ-за своей книжечки, и приподнялъ брови. Паукъ тотчасъ же убѣжалъ.

— Здравствуйте! — сказалъ гномъ;—я—Вистикъ, а кто вы оба?

— Меня зовутъ Іоганнесомъ. Мнѣ очень хочется съ тобою познакомиться. Что это ты читаешь?

— Это не для тебя, — сказалъ Вистикъ: — это только для пауковъ-крестовиковъ.

— Все-таки покажи мнѣ, Вистикъ! — попросилъ Іоганнесъ.

— Нѣтъ, этого я не могу сдѣлать: это — священная книга пауковъ, которую я взялъ на сохраненіе и не долженъ ни въ какомъ случаѣ передавать въ чужія руки. У меня есть также священныя письмена жуковъ, бабочекъ, ежей, кротовъ и всего, что здѣсь живетъ. Они не всѣ умѣютъ читать, и когда они хотятъ что-нибудь узнать, я имъ читаю. Для меня это большая честь; это—почетная должность, понимаешь ты?

Человѣчекъ нѣсколько разъ покивалъ головой и поднялъ указательный палецъ кверху.

— Чѣмъ ты былъ теперь занятъ?

— Исторіей одного паука, Критцельфлинка, знаменитаго героя крестовиковъ, жившаго давно и имѣвшаго паутину, протянутую надъ тремя деревьями, въ которой онъ въ одинъ прекрасный день поймалъ тысячу-двѣсти мухъ. До этого героя пауки

[1]) Wistik—составлено изъ двухъ голландскихъ словъ: wist ik—если бъ я зналъ!

не плели паутинъ и питались травой и падалью; этотъ же паукъ обладалъ свѣтлой головой и доказалъ, что и живыя существа созданы для пищи пауковъ. Въ то же время онъ нашелъ способъ дѣлать искусныя сѣти, благодаря сложнымъ вычисленіямъ, такъ какъ онъ былъ большой математикъ; крестовики вѣдь плетутъ свои сѣти обыкновенно паутинку за паутинкой, именно такъ, какъ онъ училъ, только въ гораздо мéньшихъ размѣрахъ, потому что и родъ пауковъ очень выродился. А этотъ герой ловилъ большихъ птицъ въ свою паутину и убивалъ тысячи своихъ собственныхъ дѣтей—это былъ великій паукъ. Но въ концѣ концовъ сильная буря снесла героя вмѣстѣ съ его сѣтью и тремя деревьями, къ которымъ она была прикрѣплена, въ отдаленные лѣса, гдѣ его память вѣчно будутъ чтить за огромную способность къ убійству.

— И это все правда?—спросилъ Іоганнесъ.

— Въ этой книжечкѣ все это сказано,—сказалъ Вистикъ.

— Вѣришь ты этому?

Маленькій гномъ мигнулъ однимъ глазомъ и притронулся указательнымъ пальцемъ до носа.

— Въ священныхъ книгахъ другихъ животныхъ, въ которыхъ говорится объ этомъ героѣ, онъ представленъ страшнымъ и презрѣннымъ чудовищемъ. Но я не придаю этому значенія.

— А есть также книжечка гномовъ, Вистикъ?

Вистикъ нѣсколько недовѣрчиво посмотрѣлъ на Іоганнеса.

— Въ сущности что̀ ты за существо такое, Іоганнесъ? Въ тебѣ есть нѣчто,—нѣчто человѣческое, хотѣлъ бы я сказать.

— Нѣтъ, нѣтъ, успокойся, Вистикъ,—сказалъ Виндекиндъ,—мы эльфы. Іоганнесъ прежде жилъ много среди людей. Но все-таки ему ты можешь вѣрить. Это тебѣ не повредитъ.

— Да, да, все это прекрасно, но я считаюсь между гномами самымъ умнымъ, и я долго и прилежно учился, пока узналъ то, что̀ теперь знаю. Я долженъ быть остороженъ при моей мудрости. Если я буду пробалтываться, то могу лишиться своей репутаціи.

— Въ которой же изъ книжекъ, полагаешь ты, заключается истина?

— Я уже много читалъ, но не думаю, чтобы мнѣ могла попасться такая. Это не можетъ быть ни книжка эльфовъ, ни книжка гномовъ. Тѣмъ не менѣе она должна существовать.

— Можетъ быть, это людская книжка?

— Такой я не знаю, да и не думаю, чтобы въ ней была истина, потому что настоящая книжечка должна приносить огром-

ное счастье и покой; въ ней прямо должно стоять все такъ, какъ оно есть, чтобы никто не могъ ни спрашивать, ни желать бо́льшаго. А люди до того, думаю, еще не дошли.

— О, нѣтъ!—засмѣялся Виндекиндъ.

— Но развѣ есть такая книжечка?—спросилъ Іоганнесъ съ напряженнымъ любопытствомъ.

— Да! да!—шепталъ гномъ:—я знаю это изъ старыхъ, старыхъ разсказовъ. Постойте. Я знаю даже, гдѣ она находится и кто ее могъ бы найти.

— Отчего же у тебя ея еще нѣтъ?—спросилъ Виндекиндъ.

— Терпѣніе—все будетъ! Нѣкоторыхъ подробностей я еще не знаю, но скоро я ее найду. Я много для этого въ своей жизни работалъ и много искалъ... Для того, кто ее найдетъ, жизнь станетъ похожа на солнечный ясный осенній день,—голубое небо сверху и голубой туманъ вокругъ; ни одинъ листокъ не шелохнется, ни одна вѣточка не затрепещетъ, ни одна капля не упадетъ; тѣни не будутъ мѣняться, и золотыя верхушки деревьевъ никогда не поблѣднѣютъ. И что́ намъ кажется яснымъ—станетъ для нашедшаго эту книжечку темнымъ, а что́ для насъ есть счастье—будетъ печалью для тѣхъ, кто ее прочтетъ. Да, это все я знаю, и когда-нибудь ее найду.

Гномъ поднялъ брови кверху и приложилъ палецъ къ губамъ.

— Вистикъ, не могъ ли бы ты меня научить... — началъ Іоганнесъ, но прежде чѣмъ онъ кончилъ, онъ почувствовалъ сильный порывъ вѣтра и увидалъ надъ собой огромную черную фигуру, быстро и неслышно пронесшуюся.

Оглянувшись на Вистика, онъ только видѣлъ, какъ его ножка исчезла въ дуплѣ. Гномъ вмѣстѣ съ книжечкой прыгнулъ въ свою норку. Свѣчка начала тускнѣть и, наконецъ, совсѣмъ потухла.

— Что́ это такое было?—спросилъ Іоганнесъ, прижавшись въ темнотѣ къ Виндекинду.

— Сова,—сказалъ Виндекиндъ.

Оба нѣкоторое время молчали.

Потомъ Іоганнесъ спросилъ:

— Вѣришь ты тому, что́ Вистикъ говорилъ?

— Вистикъ совсѣмъ не такъ уменъ, какъ онъ самъ думаетъ. Такую книжечку онъ никогда не найдетъ, да и ты ее тоже не найдешь.

— А есть такая?

— Книжечка эта существуетъ, какъ существуетъ твоя тѣнь. Но какъ бы ты ни бѣжалъ за нею и какъ бы ты осторожно ни

ловилъ ее, ты ее никогда не поймаешь и никогда не схватишь. И, наконецъ, ты увидишь, что ищешь самого себя. Не будь глупымъ и забудь болтовню гнома. Я тебѣ разскажу сотни прекрасныхъ исторій. Пойдемъ со мной. Лучше полетимъ на опушку лѣса и посмотримъ, какъ влажные покровы росы на спящихъ нивахъ исчезаютъ подъ лучами нашего благого отца. Пойдемъ.

Іоганнесъ пошелъ, но словъ Виндекинда онъ не понялъ и его совѣту не послѣдовалъ. И въ то время, какъ онъ глядѣлъ на занимавшееся блестящее осеннее утро, онъ все еще думалъ о книжечкѣ, въ которой сказано, почему все на свѣтѣ такъ, какъ оно есть,—и молча повторялъ про себя: „Вистикъ, Вистикъ“!

VI.

Іоганнесу казалось, что въ слѣдующіе за этимъ дни ему уже не было такъ весело и хорошо съ Виндекиндомъ ни въ лѣсу, ни на дюнахъ. Мысли его не были больше наполнены всецѣло тѣмъ, что говорилъ Виндекиндъ и что онъ ему показывалъ. Каждый разъ онъ думалъ о книжечкѣ, но говорить объ этомъ не рѣшался, а то, что онъ видѣлъ, уже не казалось ему такимъ прекраснымъ и такимъ чудеснымъ, какъ прежде. Облака стали черны и тяжелы, онъ сталъ бояться ихъ, ему казалось, что они должны были его придавить. Онъ сталъ сожалѣть о бѣдныхъ усталыхъ деревьяхъ, когда осенній вѣтеръ безъ устали тормошилъ и стегалъ ихъ, такъ что свѣтлая нижняя поверхность ихъ листьевъ переворачивалась кверху, а желтая листва и сухіе сучья развѣвались по воздуху.

То, что Виндекиндъ ему разсказывалъ, его болѣе не удовлетворяло. Многаго онъ не понималъ, а на вопросы, которые онъ ставилъ и которые его такъ часто занимали, онъ никогда не получалъ ясныхъ, удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Іоганнесъ постоянно думалъ то о книжкѣ, въ которой все должно было быть написано такъ ясно и просто, то о томъ вѣчно солнечномъ, тихомъ осеннемъ днѣ, который бы затѣмъ послѣдовалъ.

— Вистикъ! Вистикъ!

— Іоганнесъ, я боюсь, что ты все-таки останешься человѣкомъ. Даже твоя дружба—человѣческая; первый, кто съ тобой послѣ меня поговорилъ, отнялъ все твое довѣріе ко мнѣ. Ахъ, моя мать была права.

— Нѣтъ, Виндекиндъ. Но вѣдь ты гораздо ученѣе Вистика;

ты такъ же много знаешь, какъ та книжечка. Зачѣмъ же ты мнѣ не говоришь всего? Ну, посмотри. Зачѣмъ завываетъ вѣтеръ въ лѣсу такъ, что деревья должны гнуться до земли? Посмотри! они ужъ обезсилѣли; лучшія вѣтви ломаются, и сотнями срываются листья еще зеленые и свѣжіе. Они такъ устали, что не могутъ болѣе держаться, а между тѣмъ суровый и злой вѣтеръ съ новой силой потрясаетъ и побиваетъ ихъ. Зачѣмъ это такъ? Чего онъ хочетъ, этотъ вѣтеръ?

— Бѣдный Іоганнесъ! Ты говоришь какъ человѣкъ.

— Сдѣлай, чтобы было тихо, Виндекиндъ. Я хочу тишины и солнечнаго свѣта.

— Ты просишь и желаешь какъ человѣкъ; на это нѣтъ ни отвѣта, ни исполненія твоихъ желаній. Если ты ничего лучшаго не придумаешь спрашивать и желать, то тотъ осенній день для тебя никогда не настанетъ, и ты будешь такимъ же, какъ тысячи другихъ людей, которые говорили съ Вистикомъ.

— Развѣ ихъ такъ много?

— Да, тысячи. Вистикъ держалъ себя съ тобой такъ таинственно, на самомъ же дѣлѣ онъ глупый болтунъ, который не можетъ сохранить тайны. Онъ самъ надѣется найти книжечку у людей и дѣлится своею мудростью съ каждымъ, кто только можетъ ему помочь. И онъ уже многихъ черезъ это сдѣлалъ несчастными. Они вѣрятъ ему и начинаютъ искать книжечку такъ усердно, какъ усердствуютъ многіе при исканіи золота. Они жертвуютъ всѣмъ, забываютъ всю свою работу и все счастье, запираются, окружаютъ себя толстыми книгами, странными инструментами и аппаратами. Жизнь и здоровье кладутъ они на это, забывая о голубомъ небѣ и нѣжной, щедрой природѣ и даже о своихъ собратьяхъ. Правда, временами они открываютъ важныя и полезныя вещи, въ родѣ кусковъ золота, выбрасываемыхъ ими изъ норъ на поверхность земли; но сами они не заботятся далѣе объ этихъ драгоцѣнностяхъ, предоставляя другимъ ими наслаждаться, и продолжаютъ напрягать всѣ усилія, роются и копаются въ темнотѣ. Не золота ищутъ они, но все ту же книжечку; и чѣмъ глубже они погружаются въ исканіе ея, чѣмъ дальше уходятъ отъ цвѣтовъ и свѣта, тѣмъ надежда и ожиданіе ихъ возрастаютъ. Нѣкоторые отъ работы тупѣютъ, забываютъ о своей цѣли и доходятъ до жалкихъ глупостей. Гномъ доводитъ ихъ тогда до ребячества; можно наблюдать, какъ они выстроиваютъ себѣ башенки изъ песку и затѣмъ высчитываютъ, сколько песчинокъ нужно еще наложить для того, чтобы эти башенки развалились; устроиваютъ водопадики и высчитываютъ каждую

выемку, каждую водяную волну; вырываютъ ямки и употребляютъ все свое терпѣніе и остроуміе на то, чтобы сдѣлать ихъ гладенькими и безъ камешковъ. Если помѣшать такимъ людямъ, ослѣпленнымъ своею работою, и спросить ихъ, что они дѣлаютъ, они серьезно и важно посмотрятъ на тебя и пробормочутъ: „Вистикъ! Вистикъ"! . Да, всему виной противный маленькій гномъ. Берегись его, Іоганнесъ.

Но Іоганнесъ устремилъ свой взоръ на качающіяся и шумящія деревья; надъ его ясными дѣтскими глазами нѣжная кожа сложилась въ складки. Еще никогда онъ не смотрѣлъ такъ серьезно.

— И все-таки, ты вѣдь самъ сказалъ, что книжечка эта существуетъ. О, я знаю: навѣрное тамъ сказано и о большомъ свѣтѣ, котораго ты не хочешь мнѣ назвать.

— Бѣдный, бѣдный Іоганнесъ!—сказалъ Виндекиндъ, и его голосъ звучалъ среди рева бури подобно примиряющему гимну.— Люби меня, люби всѣмъ твоимъ существомъ. Во мнѣ ты найдешь больше, чѣмъ желаешь. Ты будешь понимать то, чего не можешь себѣ и представить, и ты самъ будешь тѣмъ, что ты стремишься постигнуть. Небо и земля будутъ твоими повѣренными, звѣзды— твоими ближними, безконечность—твоимъ жилищемъ. Люби меня! Люби меня! Охвати меня крѣпко, подобно вьющемуся хмелю вокругъ дерева, останься мнѣ вѣренъ, какъ озеро своему дну. Во мнѣ одномъ спокойствіе, Іоганнесъ!

Слова Виндекинда замерли, но все еще казалось, что звуки гимна не смолкали, доносясь издалека, торжественно и ритмично, сквозь свистъ и бушеваніе вѣтра, мирно, подобно лунному свѣту, показавшемуся среди проносившихся облаковъ.

Виндекиндъ раскрылъ объятія, и Іоганнесъ заснулъ на его груди, защищенный голубымъ плащикомъ.

Но ночью онъ проснулся. Тишина спустилась на землю, луна зашла за горизонтъ. Неподвижно висѣла истомленная листва; молчаливая тьма окутала лѣсъ.

Тогда снова въ головѣ Іоганнеса зароились вопросы, подобно привидѣніямъ, быстро слѣдуя одинъ за другимъ, прогоняя прочь успокоительныя мысли.—Зачѣмъ люди такіе, какіе они есть? Зачѣмъ онъ долженъ былъ ихъ оставить и потерять ихъ любовь? Зачѣмъ должна быть зима? Зачѣмъ должны падать листья, а цвѣты умирать? Зачѣмъ? Зачѣмъ?

Въ это время снова въ кустахъ показались голубые огоньки. Они приходили и уходили. Какъ прикованный, смотрѣлъ на нихъ

Іоганнесъ. Онъ видѣлъ большой свѣтлый огонекъ на темномъ стволѣ дерева. Виндекиндъ спалъ крѣпко и спокойно.

„Еще одинъ вопросъ“,—думалъ Іоганнесъ и выскользнулъ изъ-подъ голубого плаща.

— Ты опять здѣсь?—сказалъ Вистикъ и дружелюбно кивнулъ головой.—Это меня очень радуетъ. Гдѣ же твой другъ?

— Тамъ. Я хотѣлъ только объ одномъ еще спросить. Хочешь мнѣ на это отвѣтить?

— Ты, вѣрно, былъ среди людей? Неужели ты думалъ о моей тайнѣ?

— Кто найдетъ книжечку, Вистикъ?

— Да, да! вотъ оно, вотъ оно что! Будешь ли ты мнѣ помогать, если я тебѣ скажу?

— Если я могу, конечно.

— Такъ слушай, Іоганнесъ.

Вистикъ сдѣлалъ большіе глаза и поднялъ брови кверху, больше, чѣмъ когда-нибудь. Потомъ онъ прошепталъ, вытянувъ руку впередъ:

— Люди обладаютъ золотымъ ящикомъ; эльфы обладаютъ золотымъ ключикомъ. Недругъ эльфовъ никогда его не найдетъ; другъ людей только можетъ его открыть. Весенняя ночь—вотъ для этого настоящее время, а красношейка знаетъ рѣшеніе этого вопроса.

— Это правда? Неужели это правда?—вскричалъ Іоганнесъ, и вспомнилъ о своемъ ключикѣ.

— Да,—сказалъ Вистикъ.

— Почему же никто его еще не нашелъ? Такъ много людей его ищутъ.

— Я не говорилъ ни одному человѣку, никому о томъ, что я тебѣ довѣряю. Я не находилъ еще никогда друга эльфовъ.

— У меня есть то, что тебѣ нужно, Вистикъ! Я могу тебѣ помочь,—ликовалъ Іоганнесъ.—Я спрошу Виндекинда.

Онъ побѣжалъ по мху и сухимъ листьямъ, спотыкаясь нѣсколько разъ, и его шаги были тяжелы. Толстыя вѣтки трещали подъ его ногами, тогда какъ прежде не наклонялся ни одинъ стебелекъ. Наконецъ, онъ добрался до густого папоротника, подъ которымъ они спали. Какимъ низкимъ показался онъ ему!

— Виндекиндъ! — крикнулъ онъ и испугался звука своего голоса.

— Виндекиндъ! — прозвучалъ совсѣмъ человѣческій голосъ; испугавшаяся ночная птица, пронзительно закричавъ, полетѣла прочь.

Подъ папоротникомъ было пусто. Іоганнесъ никого не видѣлъ. Голубые огоньки исчезли; было холодно и совершенно темно вокругъ. Наверху, на звѣздномъ небѣ, выдѣлялись черныя верхушки деревьевъ.

Еще разъ крикнулъ онъ,—больше не посмѣлъ. Его голосъ, казалось, осквернялъ тихую природу, а имя Виндекинда звучало насмѣшкой.

Тогда бѣдный маленькій Іоганнесъ упалъ на землю и зарыдалъ горькими слезами раскаянія.

VII.

Утро было морозное и сѣрое. Черныя блестящія вѣтки, оголенныя бурей, плакали въ туманѣ. По мокрой, повисшей травѣ бѣжалъ маленькій Іоганнесъ, смотря прямо впередъ, въ ту сторону, гдѣ просвѣчивалъ лѣсъ, какъ будто тамъ была его цѣль. Его глаза были красны отъ слезъ и оцѣпенѣли отъ страха и горя. Такъ онъ бѣжалъ всю ночь, какъ бы ища свѣта; вмѣстѣ съ Виндекиндомъ, исчезло спокойствіе и сознаніе безопасности въ родномъ лѣсу. Въ каждомъ темномъ углу для него сидѣли привидѣніемъ его покинутость и одиночество, и онъ не рѣшался оглянуться назадъ.

Наконецъ, Іоганнесъ дошелъ до опушки лѣса. Онъ увидѣлъ поляну, на которую медленно падалъ мелкій моросившій дождь. Среди поляны, возлѣ голой ивы, неподвижно стояла лошадь съ опущенной головою; вода капала медленно съ ея блестѣвшей спины и склеившейся гривы.

Іоганнесъ побѣжалъ дальше, вдоль лѣса. Онъ посмотрѣлъ потухшимъ, боязливымъ взглядомъ на одинокую лошадь и на моросившій сѣрый дождь, и тихо вздохнулъ.

„Теперь все пропало,—думалъ онъ,—теперь солнце никогда больше не выглянетъ. Для меня все и навсегда останется такимъ, какъ оно теперь“.

Но въ своемъ отчаяніи онъ все-таки не рѣшался остановиться: „тогда,—думалъ онъ,—наступитъ самое ужасное“.

Наконецъ, онъ увидѣлъ желѣзныя ворота какой-то усадьбы и домикъ подъ липой съ свѣтложелтыми листьями.

Онъ вступилъ въ ворота и пошелъ по широкимъ аллеямъ, гдѣ коричневые и желтые липовые листья густымъ слоемъ покрывали землю. На боковыхъ грядкахъ росли въ безпорядкѣ лило-

выя астры въ перемежку съ нѣкоторыми другими пестрыми осенними цвѣтами.

Такъ онъ дошелъ до пруда, около котораго стоялъ большой домъ съ окнами и дверями, доходившими до земли. Розовые кусты и плющъ росли по стѣнамъ. На половину безлиственныя каштановыя деревья стояли вокругъ, а на землѣ, между опавшей листвой, виднѣлись блестящіе коричневые каштаны.

При видѣ всего этого леденящее, почти мертвящее чувство оставило его. Онъ вспомнилъ о своемъ собственномъ домѣ; тамъ тоже были каштановыя деревья, и онъ всегда въ это время ходилъ собирать гладкіе каштаны. Ему даже почудилось въ эту минуту, что онъ слышитъ хорошо знакомые голоса, звавшіе его. Онъ опустился на скамейку передъ большимъ домомъ и далъ волю своимъ слезамъ.

Какой-то странный, но знакомый запахъ заставилъ его поднять голову. Около него стоялъ человѣкъ въ бѣломъ передникѣ, съ трубкой во рту. Вокругъ пояса его висѣли ремешки изъ липовой коры, которыми онъ, очевидно, подвязывалъ цвѣты. Іоганнесъ отлично зналъ этотъ запахъ; онъ напомнилъ ему его садъ и садовника, который приносилъ ему красивыхъ гусеницъ и вынималъ для него яйца изъ гнѣздъ скворцовъ.

Іоганнесъ не испугался, несмотря на то, что стоявшій около него—былъ человѣкъ. Онъ разсказалъ ему про свое одиночество и какъ онъ заблудился, и съ благодарностью послѣдовалъ за нимъ въ маленькое жилище подъ липой съ желтой листвой.

Тамъ сидѣла жена садовника и вязала черные чулки. Надъ каменнымъ угломъ на очагѣ висѣлъ большой котелъ съ водой и кипѣлъ. Около огня сидѣла кошка со сложенными передними лапками, совсѣмъ какъ Симонъ сидѣлъ въ то время, когда Іоганнесъ покинулъ домъ.

Іоганнесъ сѣлъ близъ огня, чтобы осушить обувь. „Тикъ-такъ, тикъ-такъ“, говорили стѣнные часы. Іоганнесъ смотрѣлъ на паръ, съ шумомъ вырывавшійся изъ котла, и на маленькіе огоньки, быстро и задорно прыгавшіе по кускамъ угля.

„Ну, вотъ я среди людей“,—думалъ онъ. Но это сознаніе не было ему непріятно. Онъ чувствовалъ себя успокоившимся. Люди были добры и ласковы, спрашивали, чего бы ему больше всего хотѣлось.

— Больше всего мнѣ хотѣлось бы остаться здѣсь,—отвѣчалъ онъ.

Здѣсь его оставятъ въ покоѣ, а дома опять наступили бы страданія и слезы. Онъ долженъ былъ бы молчать, а ему бы го-

ворили, что онъ поступилъ дурно. Онъ опять долженъ былъ бы все увидѣть и все опять передумать съ начала.

Хотя онъ очень стремился къ своей каморкѣ, къ отцу и Престо, но рѣшился лучше томиться мечтами, нежели вынести тяжелую, удручающую встрѣчу. Кромѣ того, ему казалось, что здѣсь никто не помѣшаетъ ему думать о Виндекиндѣ.

Виндекиндъ навѣрное ушелъ, думалъ онъ, далеко, въ ту солнечную страну, гдѣ пальмы склоняются къ голубому морю. Ему хотѣлось здѣсь каяться и ожидать Виндекинда. Поэтому-то онъ сталъ умолять добрыхъ людей позволить ему остаться у нихъ. Онъ хотѣлъ помогать имъ ходить за садомъ и цвѣтами, только на эту зиму, такъ какъ въ глубинѣ души онъ надѣялся, что Виндекиндъ вернется вмѣстѣ съ весной.

Садовникъ и его жена подумали, что Іоганнесъ убѣжалъ изъ дому, потому что съ нимъ худо обращались. Они приняли въ немъ участіе и позволили ему остаться у нихъ.

Все шло по его желанію. Онъ остался и помогалъ ухаживать за цвѣтами и за садомъ. Ему дали каморку для спанья и кровать изъ досокъ, окрашенныхъ въ синій цвѣтъ. Оттуда онъ глядѣлъ по утрамъ, какъ мокрые желтые липовые листья проносились мимо окна, а ночью темные стволы, съ которыми звѣзды играли въ прятки, раскачивались во всѣ стороны. Онъ давалъ звѣздамъ имена, и самую свѣтлую изъ нихъ назвалъ Виндекиндомъ.

Цвѣтамъ, которые онъ почти всѣ зналъ еще дома, разсказывалъ онъ свои приключенія,—серьезнымъ большимъ астрамъ, разноцвѣтнымъ цинніямъ, бѣлымъ хризантемамъ, цвѣвшимъ долго, до поздней осени. Когда всѣ другіе цвѣты уже умерли, хризантемы все еще стояли, и даже когда однажды выпалъ первый снѣгъ и Іоганнесъ рано утромъ пришелъ посмотрѣть на нихъ, они все еще поднимали свои веселыя личики и говорили: „Да, мы еще здѣсь! этого ты отъ насъ не ожидалъ“! Они бодро держались, но черезъ три дня и они умерли.

А въ теплицѣ въ это время красовались пальмы и папоротники и висѣли своеобразныя кисти орхидей, во влажномъ, удушливомъ воздухѣ. Съ удивленіемъ смотрѣлъ Іоганнесъ на чудныя чашечки цвѣтовъ и думалъ о Виндекиндѣ. Какъ холодно и безцвѣтно казалось ему все, когда онъ выходилъ наружу, и сырой снѣгъ, съ черными слѣдами отъ ногъ, и шумящіе мокрые скелеты деревьевъ.

Когда снѣжные хлопья цѣлыми часами подъ рядъ безшумно падали, заставляя опускаться вѣтви подъ тяжестью постоянно увеличивавшагося пуховаго слоя, Іоганнесъ охотно шелъ въ ли-

ловатый сумракъ занесеннаго снѣгомъ лѣса. Тамъ была тишина, но не смерть. И это было нисколько не менѣе красиво, нежели лѣтняя зелень, — особенно когда блестящая бѣлизна торчащихъ сучьевъ выдѣлялась на свѣтло-голубомъ небѣ, или когда съ тяжело обремененнаго куста стряхивалась снѣжная листва, разлетавшаяся въ мелкія пылинки.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ, когда онъ зашелъ такъ далеко, что вокругъ него не было ничего, кромѣ снѣга и снѣжныхъ вѣтвей, на половину бѣлыхъ, на половину черныхъ, и всякій звукъ, всякая жизнь, казалось, замерли подъ блестящимъ пуховымъ покровомъ, ему показалось, что онъ увидѣлъ, какъ передъ нимъ пробѣжало какое-то маленькое бѣленькое животное. Онъ послѣдовалъ за нимъ; оно не было похоже ни на одно изъ знакомыхъ ему; но когда онъ хотѣлъ его схватить, оно быстро исчезло около одного изъ пней. Іоганнесъ заглянулъ въ круглое черное отверстіе, въ которомъ оно исчезло, и спросилъ себя: „неужели это Вистикъ“?

Онъ мало думалъ о немъ. Вистикъ казался ему дурнымъ, и онъ не хотѣлъ, думая о немъ, ослаблять тѣмъ своего раскаянія. А жизнь у двухъ добрыхъ людей не возбуждала почти никакихъ вопросовъ; онъ долженъ былъ по вечерамъ читать вслухъ изъ большой черной книги, въ которой много говорилось о Богѣ, но онъ хорошо зналъ эту книгу и читалъ разсѣянно. Ночью послѣ прогулки въ лѣсу онъ не спалъ и, лежа на своей постели, смотрѣлъ на холодныя пятна луннаго свѣта на полу. Вдругъ онъ увидѣлъ, что двѣ маленькія ручки показались надъ досками его кровати и крѣпко прицѣпились къ ея краю. Потомъ показалась макушка бѣлой мѣховой шапочки между двумя ручками и въ заключеніе онъ увидѣлъ пару серьезныхъ глазъ, съ высоко надвинутыми бровями.

— Здравствуй, Іоганнесъ!—сказалъ Вистикъ:—я пришелъ сюда на минуту, чтобы напомнить тебѣ о нашемъ уговорѣ. Ты не могъ еще найти книжечки, потому что весна еще не наступила. Но ты, конечно, о ней думаешь? Что это за толстая книга, за которою я тебя видѣлъ? Это не можетъ быть настоящая. Не вѣрь этому.

— Я этого и не думаю, Вистикъ,—сказалъ Іоганнесъ. Онъ отвернулся и пробовалъ заснуть; но ключикъ не выходилъ у него изъ головы. И когда онъ въ другой разъ снова сталъ читать толстую книгу, онъ снова думалъ о ключикѣ, и тогда онъ ясно видѣлъ, что книга, которую онъ читалъ, не была настоящая.

VIII.

„Ну, теперь онъ придетъ“!—думалъ Іоганнесъ, когда въ первый разъ стаялъ снѣгъ, и тутъ, и тамъ, группами показались подснѣжники. „Придетъ ли онъ“?—спрашивалъ онъ у подснѣжниковъ. Но они этого не знали и продолжали смотрѣть своими опущенными головками въ землю, какъ будто бы имъ было совѣстно той поспѣшности, съ которою они выскочили, и какъ будто они хотѣли снова попрятаться.

Подулъ ледяной восточный вѣтеръ, и снѣгъ навалился высоко надъ бѣдными скороспѣлыми существами.

Много недѣль спустя, показались фіалки; ихъ сладкимъ ароматомъ наполнилась чаща; когда же солнце хорошенько прогрѣло покрытую мохомъ землю, распустились также сотнями и тысячами пестрыя примулы.

Скромныя фіалки со своимъ сильнымъ ароматомъ были только таинственными предвѣстниками приближающихся чаръ; веселыя же примулы олицетворили жизнерадостную дѣйствительность. Проснувшаяся земля задержала первые солнечные лучи, и примулы соткали себѣ изъ нихъ свой золотой уборъ.

„Теперь! Теперь онъ придетъ навѣрное“!—думалъ Іоганнесъ. Напряженно слѣдилъ онъ за вѣтками деревьевъ, какъ почки изо дня въ день понемногу надувались, выпираясь изъ коры, какъ выглянули первые свѣтлозеленые носики листьевъ между коричневыми чешуйками.

Долго смотрѣлъ Іоганнесъ на зеленые листики: онъ ни разу не видѣлъ, чтобы они при немъ вытягивались, и все-таки ему казалось, что они замѣтно увеличивались, стоило ему отвернуться отъ нихъ хоть на минуту. „Они боятся расти, когда я на нихъ гляжу“,—думалъ онъ.

Уже листва начала бросать тѣнь, но Виндекиндъ все еще не приходилъ; ни одинъ голубь не садился возлѣ Іоганнеса, ни одинъ мышенокъ не заговаривалъ съ нимъ. Когда онъ обращался къ цвѣтамъ, они только качали головками, но не отвѣчали.

„Мое наказаніе еще не окончено“,—думалъ онъ.

Однажды, въ одинъ солнечный весенній день, онъ пришелъ къ пруду около дома. Всѣ окна были открыты настежъ. Можетъ быть, туда въѣхали люди?

Уже кусты черемухи около пруда покрылись совсѣмъ нѣжными листиками, всѣ вѣточки какъ бы окрылились тонкими зелеными крылышками. На травѣ, возлѣ черемуховыхъ кустиковъ,

лежала дѣвочка. Іоганнесъ разсмотрѣлъ только ея свѣтлоголубое платье и бѣлокурые волосы. Красношейка, сидѣвшая у нея на плечѣ, клевала у нея изъ руки. Вдругъ дѣвочка повернула голову и увидѣла Іоганнеса.

— Здравствуй, мальчикъ!—сказала она и привѣтливо кивнула головой.

При этихъ словахъ дрожь пробѣжала по тѣлу Іоганнеса съ головы до ногъ. Это были глаза Виндекинда, это былъ его голосъ.

— Кто ты?—спросилъ онъ. Его губы дрожали отъ волненія.

— Я—Робинетта, а это моя птичка. Она тебя не испугается. А ты любишь птицъ?

Красношейка не испугалась Іоганнеса; она даже сѣла къ нему на руку. Это было совсѣмъ какъ прежде. Должно быть, это—Виндекиндъ, это голубое существо.

— Разскажи же, какъ тебя зовутъ?—говорилъ голосъ Виндекинда.

— Развѣ ты меня не знаешь? Ты не знаешь, что меня зовутъ Іоганнесомъ?

— Откуда же мнѣ это знать?

Что бы это значило? А все-таки это былъ знакомый сладкій голосъ, все-таки это были тѣ же темные, глубокіе, какъ небо, глаза.

— Что ты такъ на меня смотришь, Іоганнесъ? Развѣ ты меня когда-нибудь видѣлъ?

— Я думаю, да.

— Ну, это ты, конечно, видѣлъ во снѣ.

— Во снѣ? — повторилъ Іоганнесъ.—Неужели въ самомъ дѣлѣ я все это видѣлъ только во снѣ? Или, можетъ быть, и теперь я вижу сонъ?

— Гдѣ ты родилась?—спросилъ онъ.

— Очень далеко отсюда, въ большомъ городѣ.

— Среди людей?

Робинетта засмѣялась. Это былъ смѣхъ Виндекинда.

— Я полагаю. А ты—нѣтъ?

— Ахъ, да... и я тоже.

— Тебя это огорчаетъ? Развѣ тебѣ люди не милы?

— Нѣтъ, да и кому же они милы?

— Кому? Нѣтъ, Іоганнесъ, какой ты, право, забавный мальчикъ! Ты, можетъ быть, больше любишь животныхъ?

— О, гораздо больше! И особенно цвѣты!

— Собственно говоря, иногда и я думаю такъ же. Но это несправедливо. Мы должны любить людей, говоритъ отецъ.

— Почему же это несправедливо? Я люблю кого хочу, справедливо это или нѣтъ—все равно.

— Ну, Іоганнесъ! Развѣ же у тебя нѣтъ родителей или кого другого, кто о тебѣ заботится? Развѣ ты ихъ не любишь?

— Да, — сказалъ Іоганнесъ, задумчиво.—Я люблю моего отца, но не потому, что это справедливо. И не потому также, что онъ человѣкъ.

— Почему же?

— Этого я не знаю; потому что онъ не такой, какъ всѣ люди, потому что онъ также любитъ цвѣты и птицъ.

— И я также люблю ихъ, Іоганнесъ. Ты видишь?—И Робинетта подозвала красношейку опять къ себѣ на руку и привѣтливо заговорила съ ней.

— Это я вижу,—сказалъ Іоганнесъ,—и ты мнѣ тоже мила.

— Уже? Такъ скоро!—засмѣялась дѣвочка.—Кого же ты больше всего любишь?

— Кого?..—Іоганнесъ медлилъ. Произнести ли ему имя Виндекинда? Боязнь назвать это имя людямъ была неразрывно связана со всѣми его мыслями. И тѣмъ не менѣе, бѣлокурое существо въ голубомъ платьѣ не могло быть никѣмъ инымъ. Кто же иначе могъ дать ему такое чувство спокойствія и счастья?

— Тебя!—сказалъ онъ вдругъ, открыто смотря въ ея глубокіе глаза. Онъ смѣло выдавалъ всего себя и въ то же время немного боялся; напряженно слѣдилъ онъ за тѣмъ, какъ будетъ принятъ его драгоцѣнный даръ.

Снова Робинетта залилась звонкимъ смѣхомъ; но потомъ она схватила его за руку, и взглядъ ея не сталъ холоднѣе, но голосъ менѣе задушевенъ.

— Но, Іоганнесъ,—сказала она:—какъ же это я такъ скоро заслужила твою любовь?

Іоганнесъ ничего не отвѣтилъ и продолжалъ смотрѣть ей въ глаза съ возрастающимъ довѣріемъ. Робинетта встала и положила руку на плечо Іоганнеса. Она была выше его.

Они пошли вмѣстѣ черезъ лѣсъ и нарвали такія большія охапки колокольчиковъ, что могли бы зарыться въ ворохѣ прозрачныхъ цвѣтовъ. Красношейка была съ ними; она перелетала съ одного куста на другой и глядѣла на нихъ своими блестящими черными глазами.

Они говорили мало, но искоса поглядывали часто другъ на друга. Оба удивлялись встрѣчѣ и не сознавали ясно, какъ имъ относиться другъ къ другу. Но вскорѣ Робинетта должна была идти домой; ей было жаль уходить.

— Мнѣ надо идти, Іоганнесъ. Хочешь со мной еще когда-нибудь пойти гулять? Ты, право, милый мальчикъ,—сказала она, разставаясь.

Когда она ушла, и въ воспоминаніи остался только одинъ ея образъ, онъ болѣе не сомнѣвался въ томъ, кто она была такая. Она была тѣмъ самымъ, кому онъ подарилъ всю свою дружбу; имя Виндекинда звучало въ его сознаніи все слабѣе и слабѣе и, наконецъ, смѣшалось съ именемъ Робинетты.

И все вокругъ него стало опять такимъ же, какъ прежде. Цвѣты весело закивали головками, а ихъ ароматъ развѣялъ тоску, которую онъ ощущалъ до сихъ поръ. Среди нѣжной зелени и чарующаго мягкаго весенняго воздуха онъ чувствовалъ себя дома, подобно птицѣ, нашедшей свое гнѣздо. Раздвинувъ руки, онъ глубоко вздохнулъ. Онъ захлебывался отъ избытка счастья. Идя по дорогѣ къ дому, онъ все время видѣлъ передъ собой голубое платье и бѣлокурые волосы, въ какую бы сторону ни смотрѣлъ. Съ нимъ было такъ, какъ бываетъ, когда посмотришь на солнце, и свѣтлый кругъ все время стоитъ потомъ передъ глазами.

Съ того дня Іоганнесъ ходилъ каждое утро къ пруду. Онъ уходилъ рано, какъ только просыпался отъ возни воробьевъ въ плющѣ, вившемся у его окна, или отъ щебетанія и протяжнаго писка скворцовъ, порхавшихъ около водосточной трубы и бушевавшихъ, согрѣвшись первыми солнечными лучами. Тогда онъ спѣшилъ по сырой травѣ къ дому и ждалъ за сиреневыми кустами, пока не откроется стеклянная дверь и не появится свѣтлый образъ.

Потомъ они уходили въ лѣсъ и къ дюнамъ, лежавшимъ на границѣ лѣса. Они болтали обо всемъ, что видѣли, о деревьяхъ, о растеніяхъ и о дюнахъ. Іоганнеса охватывало странное чувство; голова его слегка кружилась, когда онъ шелъ вмѣстѣ съ ней; иногда ему казалось, что онъ снова становится такъ легокъ, что можетъ летать по воздуху. Но этого не происходило. Онъ разсказывалъ ей исторіи о цвѣтахъ и животныхъ, которыя онъ слышалъ отъ Виндекинда. Но какимъ образомъ онъ все это узналъ—онъ забылъ, и Виндекиндъ болѣе не существовалъ для него; онъ видѣлъ одну только Робинетту. Для него было наслажденіемъ, когда она ему улыбалась, и онъ видѣлъ выраженіе дружбы въ ея глазахъ; онъ говорилъ съ ней такъ, какъ прежде съ своей собачкой, все, что ни попало, не задумываясь и не боясь. Въ тѣ часы, когда онъ ея не видѣлъ, онъ думалъ о ней, и при каждой работѣ, которую онъ дѣлалъ, онъ спрашивалъ себя, одобритъ ее или нѣтъ Робинетта.

Она сама казалась ему такой радостной; всякій разъ, когда его видѣла, она улыбалась и ускоряла шаги. Она ему говорила также, что ни съ кѣмъ она такъ охотно не гуляла, какъ съ нимъ.

— Но, Іоганнесъ, — спросила она однажды: — откуда ты знаешь, о чемъ думаютъ майскіе жуки, что̀ поютъ дрозды, какъ смотритъ кроликово жилье и каково на днѣ морскомъ?

— Они мнѣ это разсказывали, — отвѣтилъ Іоганнесъ, — и я самъ былъ въ норѣ кролика и на днѣ пруда.

Робинетта сдвинула тонкія брови и полунасмѣшливо посмотрѣла на него. Но онъ глядѣлъ такъ довѣрчиво и правдиво.

Они сидѣли подъ сиреневыми кустами, съ которыхъ свѣшивались на нихъ лиловые цвѣты. У ногъ ихъ блестѣлъ прудъ съ тростникомъ и водяными растеніями. Они смотрѣли, какъ черные жучки, кружась, скользили по водѣ, и какъ красные паучки озабоченно опускались внизъ и снова появлялись на поверхности. Тамъ кипѣла самая бойкая жизнь. Іоганнесъ смотрѣлъ, погруженный въ воспоминанія, и наконецъ сказалъ:

— Однажды я опустился въ воду; я скользилъ по стеблю тростника и достигъ дна. Оно все покрыто опавшими листьями; идти по немъ такъ легко и мягко. Тамъ вѣчныя сумерки съ зеленымъ оттѣнкомъ, потому что свѣтъ падаетъ сквозь зеленую водяную массу. Надъ моей головой, я видѣлъ, свѣшивались длинные, бѣлые корешки ряски. Саламандры плавали очень близко около меня,—онѣ вѣдь очень любопытны. Это кажется очень страннымъ, когда такіе большіе звѣри плаваютъ надъ тобой, а далеко впередъ ничего не видно, кромѣ зеленоватой тьмы. Изъ этой темноты звѣри выступали какъ черныя тѣни: водяные жуки съ лапками-веслами и плоскіе водяные пауки, да изрѣдка маленькая рыбка. Я шелъ очень долго,—нѣсколько часовъ, думаю я; тамъ по срединѣ былъ большой лѣсъ изъ водяныхъ растеній, по которымъ ползали улитки, а водяные пауки строили блестящія гнѣздышки. Колюшки шныряли и смотрѣли на меня нерѣдко съ раскрытымъ ртомъ и дрожащими плавниками—такъ онѣ были удивлены. Тамъ я познакомился съ угремъ, которому я чуть не наступилъ на хвостъ. Онъ разсказалъ мнѣ о своихъ путешествіяхъ; по его словамъ, онъ доходилъ до самаго моря. Его сдѣлали королемъ пруда, такъ какъ никто не путешествовалъ такъ далеко. Но онъ всегда лежалъ въ тѣни и спалъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда онъ пожиралъ то, что̀ другіе ему приносили. Онъ ѣлъ страшно много. Это происходило оттого, что онъ былъ ихъ королемъ. Всѣ охотно желали имѣть толстаго короля,—это нравилось. Ахъ, тамъ въ прудѣ было чудесно!

— Отчего же ты не можешь и теперь туда спуститься?

— Теперь?— переспросилъ Іоганнесъ и посмотрѣлъ на нее большими задумчивыми глазами.—Теперь? Теперь я ужъ больше не могу, я утону. Да теперь это болѣе и не нужно. Мнѣ здѣсь лучше, около сирени и около тебя.

Робинетта удивленно покачала бѣлокурой головкой и провела рукой по волосамъ Іоганнеса. Потомъ она посмотрѣла на свою красношейку, подбиравшую вдоль пруда повидимому разныя лакомства. Та тотчасъ же оглянулась и посмотрѣла на обоихъ своими ясными глазками.

— Понимаешь ли ты что-нибудь, птичка?—Птичка посмотрѣла довольно хитро и продолжала клевать и рѣзвиться.

— Разсказывай мнѣ дальше, Іоганнесъ, о томъ, что ты еще видѣлъ.

Іоганнесъ говорилъ охотно, а Робинетта слушала его внимательно и даже съ благоговѣніемъ.

— Почему же все это прекратилось вдругъ? Почему же ты не можешь со мной пойти всюду туда? Я бы тоже охотно пошла.

Іоганнесъ силился что-то припомнить, но какой-то свѣтлый туманъ отдѣлялъ его отъ той пропасти, черезъ которую онъ недавно переступилъ. Онъ не сознавалъ хорошо, какъ это случилось, что онъ потерялъ свое прежнее счастье.

— Я хорошо самъ не знаю, не спрашивай объ этомъ. Одно злое маленькое существо все испортило. Но теперь счастье опять здѣсь, даже еще лучшее, чѣмъ прежде.

Запахъ сирени доносился до нихъ отъ кустовъ; слышалось жужжаніе мухъ на поверхности воды, а мирные солнечные лучи охватывали ихъ сладкой истомой. Вдругъ рѣзко прозвучалъ колоколъ, и Робинетта заторопилась домой.

Когда Іоганнесъ въ этотъ вечеръ вернулся въ свою каморку и сталъ смотрѣть на лунныя тѣни отъ плюща, скользившія по окну, ему показалось, что въ окно какъ будто что-то стукнуло. Онъ подумалъ, что листья плюща, дрожавшаго отъ вѣтра, ударились о стекло. Но звукъ послышался такъ внятно три раза, одинъ за другимъ, что Іоганнесъ открылъ окно и осторожно выглянулъ. Листья плюща блестѣли въ голубомъ свѣтѣ; подъ ними былъ цѣлый потаенный міръ; тутъ были пещеры и пропасти, въ которыя попадали лишь искорки луннаго свѣта, вслѣдствіе чего мракъ казался еще гуще.

Долгое время Іоганнесъ глядѣлъ на чудесный міръ тѣней; наконецъ онъ увидѣлъ совершенно ясно высоко около окна, подъ большимъ листомъ плюща, очертаніе маленькаго человѣка. Онъ

тотчасъ же узналъ Вистика по большимъ удивленнымъ глазамъ съ высоко поднятыми бровями. На кончикѣ его длиннаго носа луна отражалась въ маленькой точкѣ.

— Ты меня забылъ, Іоганнесъ? Отчего ты обо мнѣ не думаешь? Теперь настало время. Ты не спрашивалъ красношейку, по какой дорогѣ идти.

— Ахъ, Вистикъ, зачѣмъ мнѣ спрашивать? У меня теперь есть все, чего я только могъ желать. У меня есть Робинетта.

— Но это вѣдь не долго продлится. И ты можешь быть еще счастливѣе, и Робинетта—также. И неужели ключикъ долженъ тамъ оставаться? Подумай только, какъ будетъ хорошо, если вы оба найдете книжечку. Спроси красношейку; я тебѣ помогу.

— Спросить я и самъ могу когда-нибудь, — сказалъ Іоганнесъ.

Вистикъ кивнулъ головой и быстро сталъ спускаться внизъ.

Долго еще смотрѣлъ Іоганнесъ на темныя тѣни и на блестящіе листья плюща, прежде чѣмъ онъ легъ спать. На слѣдующій день онъ спросилъ красношейку, не знаетъ ли она дорогу къ золотому ящику. Робинетта слушала съ удивленіемъ. Іоганнесъ видѣлъ, какъ красношейка кивнула головой и искоса посмотрѣла на Робинетту.

— Не здѣсь! Не здѣсь!—пропищала птичка.

— Что это такое, Іоганнесъ?—спросила Робинетта.

— Ты ничего не знаешь объ этомъ, Робинетта? Не знаешь, гдѣ его найти? Тебѣ не нуженъ золотой ключикъ?

— Нѣтъ, нѣтъ!—разскажи мнѣ, что это значитъ.

Іоганнесъ разсказалъ, что онъ зналъ о книжечкѣ.

— Ключикъ-то у меня, и я думалъ, что золотой ящикъ у тебя. Такъ ли это, птичка? Птичка дѣлала видъ, что она ничего не слышитъ, и порхала между молодой зеленой листвой бука.

Они сидѣли на склонѣ дюны, гдѣ росли маленькіе буки и сосны. Зеленая тропинка вела вверхъ, а они сидѣли съ краю дороги, на густомъ темномъ мху. Черезъ верхушки маленькихъ деревьевъ виднѣлось зеленое море со свѣтлыми и темными волнами.

— Я думаю, Іоганнесъ,—сказала Робинетта задумчиво,—что я могу найти для тебя то, чего ты ищешь. Но что ты разумѣешь подъ ключикомъ? И какъ ты его досталъ?

— Да! какъ это было? Какъ это было? — бормоталъ Іоганнесъ, стараясь припомнить, и смотрѣлъ черезъ листву въ даль.

Въ это время на солнечной синевѣ неба, какъ будто, выросли передъ ихъ глазами двѣ бѣлыхъ бабочки. Онѣ кружи-

лись, трепетали и блестѣли при солнечномъ сіяніи; совершая неопредѣленные и прихотливые круги, онѣ подлетѣли совсѣмъ близко.

— Виндекиндъ, Виндекиндъ!—вдругъ прошепталъ Іоганнесъ, погруженный въ воспоминанія.

— Кто это — Виндекиндъ? — спросила Робинетта. Красношейка полетѣла къ нимъ, и Іоганнесу показалось, что сидѣвшія передъ нимъ въ травѣ маргаритки вдругъ страшно испугались и стали глядѣть на него своими большими бѣлыми глазами.

— Это онъ тебѣ далъ ключикъ?—спросила дѣвочка. Іоганнесъ кивнулъ головой и молчалъ, но она хотѣла знать все.— Кто это былъ?—продолжала она.—Это онъ тебя всему выучилъ? Гдѣ онъ?

— Теперь его ужъ больше тутъ нѣтъ. Теперь Робинетта, никто другой, какъ Робинетта, только Робинетта.—Онъ схватилъ ее за руку и прижалъ къ ней свою головку.

— Глупый мальчикъ! — сказала она и засмѣялась.—Я хочу тебѣ помочь найти книжечку—я знаю, гдѣ она.

— Такъ я долженъ пойти за ключикомъ, а онъ вѣдь далеко.

— Нѣтъ, нѣтъ, это совсѣмъ не нужно. Я найду и безъ ключа,—завтра, завтра, я тебѣ обѣщаю.

Когда они шли домой, бабочки летѣли впереди ихъ.

Въ эту ночь Іоганнесу снились отецъ, Робинетта и многіе другіе. Это были добрые друзья; они окружили его и смотрѣли на него задушевно и довѣрчиво. Вдругъ всѣ лица измѣнились, ихъ взгляды стали холодны и насмѣшливы; онъ боязливо оглянулся — со всѣхъ сторонъ его окружали темныя, враждебныя лица. Онъ почувствовалъ невыразимый страхъ и съ плачемъ проснулся.

IX.

Долго сидѣлъ Іоганнесъ и ждалъ.

Воздухъ былъ морозный, и большія облака безконечными и непрерывными вереницами проносились низко надъ землею. Они разстилали во всѣ стороны темно-сѣрыя колыхавшіяся свои мантіи, верхушки же ихъ освѣщались яснымъ свѣтомъ, который проглядывалъ откуда-то сверху. Необыкновенно быстро мѣнялись свѣтъ и тѣни, подобно то вспыхивающему, то потухающему огню. Іоганнесу стало жутко; онъ, не переставая, думалъ о книжечкѣ, едва вѣря, но все-таки надѣясь, что онъ ее сегодня же найдетъ. Между облаками, гораздо выше, страшно высоко, вид-

нѣлось чистое небо и на немъ нѣжныя бѣлыя перистыя облачка, мирно раскинувшіяся въ неподвижномъ покоѣ.

— Вотъ такъ должно быть,—думалъ онъ,—такъ высоко, такъ свѣтло, такъ тихо...

Въ это время пришла Робинетта. Красношейки съ ней не было.

— Іоганнесъ,—громко крикнула она;—ты можешь придти и видѣть книгу.

— Гдѣ же красношейка?—съ разстановкой спросилъ Іоганнесъ.

— Она не полетѣла со мной, да вѣдь мы же не гулять идемъ.

Онъ пошелъ рядомъ съ нею, продолжая думать про себя: „Не можетъ быть“!

Но все же онъ шелъ за бѣлокурой головкой, указывавшей ему дорогу.

Ахъ! съ этого момента Іоганнесу стало плохо. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы его исторія на этомъ закончилась. Не снился ли вамъ когда-нибудь волшебный садъ съ цвѣтами и животными, которыя бы васъ любили и съ вами бесѣдовали? И не являлось ли у васъ во снѣ сознаніе, что вы скоро проснетесь—и всей прелести конецъ? Вы напрасно силитесь задержать свѣтлые образы и не хотите видѣть холоднаго утра.

Такое чувство охватило Іоганнеса, когда онъ пошелъ за Робинеттою. Они взошли въ жилье по длинному корридору, гдѣ гулко раздавались ихъ шаги. Онъ чувствовалъ запахъ платьевъ и кушаньевъ; ему вспомнились дни, когда онъ долженъ былъ оставаться дома, вспомнились школьные уроки, все, что въ его жизни было темнаго и холоднаго.

Наконецъ, онъ взошелъ въ комнату, гдѣ были люди. Сколько ихъ было тамъ, онъ не видѣлъ. Они, повидимому, болтали между собою, но когда онъ вошелъ, наступила тишина. Онъ обратилъ вниманіе на коверъ съ большими, невозможными цвѣтами и яркими, рѣзкими красками. Они показались ему такими же странными и неуклюжими, какъ цвѣты на обояхъ дома въ его каморкѣ, гдѣ онъ спалъ.

— Это мальчикъ садовника? — произнесъ какой-то голосъ прямо передъ нимъ;—подойди сюда, дружокъ, ты не долженъ бояться.

Вдругъ онъ услышалъ другой голосъ возлѣ себя:

— Ну, Робби, какого же ты нашла милашку!

Что это все значило? Снова надъ его темными дѣтскими

глазами сложились глубокія складки, и онъ въ смущеніи испуганно оглядывался кругомъ.

Тутъ сидѣлъ мужчина, одѣтый въ черное платье, и глядѣлъ на него сѣрыми холодными глазами.

— И ты бы хотѣлъ узнать книгу книгъ? Меня удивляетъ, что твой отецъ, садовникъ, котораго я знаю за благочестиваго человѣка, не далъ тебѣ ее.

— Онъ мнѣ не отецъ; мой отецъ далеко отсюда.

— Ну, это все равно. Смотри, мальчикъ! Читай ее часто, она на твоемъ жизненномъ пути...

Но Іоганнесъ тотчасъ узналъ книгу. Онъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, нѣтъ! это не то, что̀ я разумѣлъ. Я знаю, что это не то!

Онъ услышалъ возгласы удивленія и почувствовалъ на себѣ взгляды, пронизывавшіе его со всѣхъ сторонъ.

— Что̀? О чемъ ты говоришь, мальчуганъ?

— Я знаю эту книгу: это—человѣческая книга. Но ея недостаточно,—иначе среди людей были бы миръ и тишина, а ихъ нѣтъ. Я говорю о другой: въ той книгѣ всякій, кто ее видитъ, не можетъ сомнѣваться, потому что тамъ написано, почему все такъ есть, какъ оно есть,—ясно и отчетливо сказано все.

— Что̀ это такое? Откуда онъ это взялъ?

— Кто тебя научилъ этому, дружочекъ?

— Я думаю, ты начитался глупыхъ книгъ, мальчикъ, и повторяешь вздоръ!

Такъ звучали голоса. Іоганнесъ чувствовалъ, какъ щеки его горѣли, голова его начинала кружиться, вся комната пошла передъ нимъ кругомъ, и большіе цвѣты на коврѣ заколыхались. Гдѣ былъ тотъ мышенокъ, который такъ дружески предостерегалъ его тогда въ школѣ? Вотъ теперь бы была нужна его помощь.

— Я вовсе не повторяю вычитанный вздоръ,—а тотъ, кто меня этому научилъ, сто̀итъ больше, чѣмъ мы всѣ. Я знаю языкъ цвѣтовъ и животныхъ, я—ихъ другъ. Я знаю, что̀ такое люди, и какъ они живутъ. Я знаю всѣ тайны эльфовъ и гномовъ, потому что меня они больше любятъ, чѣмъ людей.

Іоганнесъ слышалъ хихиканье и смѣхъ вокругъ себя. Въ его ушахъ стоялъ шумъ.

— Онъ, должно быть, начитался Андерсона.

— Онъ просто глупъ.

Человѣкъ, сидѣвшій противъ него, сказалъ:

— Если ты знаешь Андерсона, мальчуганъ, то ты долженъ

бы быть проникнутъ его благоговѣніемъ передъ Богомъ и Его словомъ.

— Богъ! Это слово Іоганнесъ зналъ, и тутъ онъ вспомнилъ о Виндекиндѣ.

— Я не понимаю, что̀ такое Богъ...

Воцарилась страшная тишина, въ которой чувствовались ужасъ и испугъ. Взгляды пронизывали Іоганнеса. Было совсѣмъ такъ, какъ во снѣ прошлою ночью.

Человѣкъ, одѣтый въ черное, поднялся и схватилъ его за руку.

— Слушай, мальчуганъ, я не знаю, глупъ ли ты, или совсѣмъ испорченъ, но такого богохульства я не допускаю. Убирайся вонъ и болѣе не попадайся мнѣ на глаза! Понялъ?

Всѣ смотрѣли холодно и враждебно, совсѣмъ какъ ночью, во снѣ.

Іоганнесъ боязливо оглянулся.

— Робинетта! Гдѣ Робинетта?

— Какъ же! Портить мое дитя! Берегись! И чтобы ты никогда съ ней болѣе не говорилъ!

— Пустите меня къ ней! Я не хочу отъ нея уходить! Робинетта!—и онъ заплакалъ.

Она же сидѣла, полная страха, въ углу и не поднимала глазъ.

— Прочь, негодный! Развѣ ты не слышишь! Чтобы духу твоего не было!

Его больно схватили за руку, провели по тому же проходу, стеклянная дверь хлопнула за нимъ, и Іоганнесъ очутился на дворѣ, подъ темными, низко нависшими облаками.

Онъ болѣе не плакалъ; медленно переступая, онъ смотрѣлъ прямо передъ собой. Мрачныя морщины надъ его глазами стали еще глубже, и съ этихъ поръ онѣ болѣе уже никогда не сходили съ его лба.

Красношейка сидѣла въ липахъ и смотрѣла на него. Онъ остановился и тоже молча посмотрѣлъ на нее. Но уже не было болѣе выраженія довѣрія въ ея пугливыхъ глазкахъ, а когда онъ приблизился къ ней на шагъ, птичка быстро улетѣла.

— Назадъ! назадъ! человѣкъ! — прощебетали воробьи, сидѣвшіе на садовой дорожкѣ, и разлетѣлись въ разныя стороны.

Распустившіеся цвѣты тоже не улыбались болѣе, но смотрѣли серьезно и равнодушно, какъ это они дѣлали при всѣхъ чужихъ.

Но Іоганнесъ не обращалъ на нихъ вниманія; онъ думалъ только о томъ, какъ его люди обидѣли; ему казалось, какъ будто

чьи-то холодныя, жесткія руки осквернили святыню его души; „они должны мнѣ повѣрить,—думалъ онъ,—я достану мой ключикъ, и покажу имъ его“!

— Іоганнесъ! Іоганнесъ! — позвалъ чей-то тонкій голосокъ. Тутъ было гнѣздышко между листьями илекса, и изъ него выглядывали большіе глаза Вистика;—куда ты идешь?

— Это все ты виноватъ, Вистикъ! — сказалъ Іоганнесъ.— Оставь меня въ покоѣ!

— И зачѣмъ ты объ этомъ говоришь съ людьми, люди вѣдь тебя не понимаютъ. Зачѣмъ ты разсказываешь людямъ о такихъ вещахъ? Это довольно глупо!

— Они осмѣяли и обидѣли меня. Это—презрѣнныя низкія существа; я ихъ ненавижу!

— Нѣтъ, Іоганнесъ, ты ихъ любишь!

— Нѣтъ! Нѣтъ!

— Иначе тебѣ не было бы такъ больно, что они не такіе, какъ ты; тебѣ было бы все равно, что бы они ни говорили. Ты долженъ бы меньше думать о людяхъ.

— Я хочу достать мой ключикъ. Я хочу имъ его показать.

— Этого ты не долженъ дѣлать, они все равно тебѣ не повѣрятъ. Къ чему бы это послужило?

— Я хочу имѣть мой ключикъ, спрятанный подъ розовымъ кустомъ. Можешь ты мнѣ его найти?

— Да, конечно! У пруда, да? Тотъ кустъ я знаю.

— Такъ отведи меня туда, Вистикъ.

Вистикъ влѣзъ на плечо Іоганнеса и сталъ указывать ему дорогу. Они бѣжали цѣлый день; было вѣтрено, и то-и-дѣло шелъ дождь; къ вечеру облака приняли мирный характеръ и вытянулись въ длинныя золотыя и сѣрыя полосы.

Когда они приблизились къ дюнамъ, хорошо извѣстнымъ Іоганнесу, на его душѣ просвѣтлѣло, и онъ сталъ шептать:— Виндекиндъ, Виндекиндъ!

Вотъ и кроликова норка, и дюна, на которой онъ когда-то спалъ. Сѣрый оленій мохъ былъ мягокъ и влаженъ и не хрустѣлъ подъ его ногами. Розы отцвѣли и желтый ослинникъ со своимъ одуряющимъ запахомъ сотнями поднимался повсюду. Еще выше тянулись длинные гордые звѣробои со своими толстыми пушистыми листьями.

Іоганнесъ искалъ глазами повсюду бурый кустъ дикой розы.

— Гдѣ же онъ, Вистикъ? я его не вижу.

— Я ничего не знаю,—сказалъ Вистикъ;—ты вѣдь пряталъ ключикъ, а не я.

Тамъ, гдѣ прежде цвѣлъ кустъ, было лишь поле желтыхъ ослинниковъ, равнодушно смотрѣвшихъ вверхъ. Іоганнесъ обратился къ нимъ и къ звѣробоямъ; но эти послѣдніе были слишкомъ горды; ихъ высокіе цвѣты были значительно выше его ростомъ. Тогда онъ сталъ разспрашивать маленькія трехцвѣтныя фіалки, росшія на пескѣ.

Никто ничего не зналъ о розовомъ кустѣ. Всѣ выросли въ это лѣто, даже такъ много воображавшій о себѣ высокій звѣробой.

— Ахъ, гдѣ же онъ? Гдѣ онъ?

— Такъ и ты меня обманулъ?—сказалъ Вистикъ.—Я такъ и зналъ: всѣ люди таковы.—И онъ скользнулъ съ плеча Іоганнеса и побѣжалъ отъ него прочь по травѣ. Въ отчаяніи оглянулся Іоганнесъ еще разъ, и въ это мгновеніе увидѣлъ маленькій розовый кустикъ.

— А гдѣ же большой кустъ? — спросилъ Іоганнесъ:—большой, который былъ здѣсь прежде?

— Мы не говоримъ съ людьми, — отвѣтилъ кустикъ. Это было послѣднее, что онъ слышалъ; все живущее вокругъ него молчало, и только тростникъ колыхался при легкомъ вечернемъ вѣткѣ.

„Такъ я человѣкъ!—думалъ Іоганнесъ:—нѣтъ, это не можетъ быть. Я не хочу быть человѣкомъ. Я ненавижу людей“.

Онъ усталъ, и голова его отупѣла. Онъ сѣлъ съ краю полянки на мягкій сѣрый мохъ, распространявшій влажный, сильный запахъ.

„Ну, вотъ, я теперь не могу ни возвратиться, ни увидѣть снова Робинетту. Гдѣ мой ключикъ? Гдѣ Виндекиндъ? И зачѣмъ долженъ былъ я разстаться съ Робинеттой? Я не могу отъ нея отказаться. Вѣдь я умру, если ея не будетъ! Неужели я долженъ жить и быть человѣкомъ, человѣкомъ, какъ всѣ другіе, которые надо мной смѣялись“?

Въ это время онъ вдругъ увидѣлъ двухъ бѣлыхъ бабочекъ, летѣвшихъ къ нему со стороны солнца. Напряженно сталъ онъ слѣдить за ихъ полетомъ, не покажутъ ли онѣ ему дорогу. Онѣ порхали надъ его головой, то слетаясь вмѣстѣ, то снова разъединяясь и описывая причудливые круги въ воздухѣ. Медленно удалялись онѣ по направленію отъ солнца, и полетѣли, наконецъ, надъ дюнами, ближе къ лѣсу, высочайшія верхушки котораго еще горѣли въ яркокрасныхъ лучахъ заходящаго солнца, сіявшаго изъ-подъ длиннаго ряда облаковъ.

Іоганнесъ послѣдовалъ за ними. Когда онѣ были уже надъ первыми деревьями, онъ увидѣлъ, какъ темная тѣнь, летѣвшая

съ страшнымъ шумомъ за ними, догнала ихъ. Въ то же мгновеніе онѣ исчезли. Черная тѣнь быстро подлетѣла къ нему; онъ отъ страха закрылъ лицо руками.

— Эй! мальчуганъ! что̀ ты тамъ сидишь и нюнишь?—сурово прозвучалъ около него сильный насмѣшливый голосъ. Іоганнесу показалось, что къ нему подлетѣла большая черная летучая мышь; но когда онъ поднялъ голову, то увидѣлъ на дюнѣ чернаго человѣчка, ростомъ немного больше его самого. У него была большая голова, съ большими ушами, выдѣлявшимися на свѣтломъ вечернемъ небѣ, и тощее тѣльце на тонкихъ ногахъ. На его лицѣ Іоганнесъ могъ разглядѣть только маленькіе блестѣвшіе глазки.

— Если ты что-нибудь потерялъ, мальчишка, то я тебѣ помогу искать,—сказалъ онъ. Но Іоганнесъ молча покачалъ головой.

— Посмотри, хочешь отъ меня получить это?—началъ онъ снова, и разжалъ руку. Іоганнесъ увидѣлъ что-то бѣлое, едва шевелившееся. Это были бѣлыя бабочки, трепетавшія, умирая, разорванными и поломанными крылышками. Іоганнесъ почувствовалъ, какъ морозъ пробѣжалъ у него по кожѣ, какъ будто кто-то подулъ ему въ затылокъ, и со страхомъ посмотрѣлъ на необыкновенное существо.

— Кто ты? — спросилъ онъ.

— Ты хотѣлъ бы знать мое имя? Ну, зови меня Плейзеромъ, просто Плейзеръ [1]). У меня есть и другія, лучшія имена, но тѣхъ ты еще не поймешь.

— Ты человѣкъ?

— Вотъ чудакъ! Кажется, у меня есть и руки, и ноги, и голова,—посмотри еще, какая голова-то,—а онъ спрашиваетъ, человѣкъ ли я! Іоганнесъ, Іоганнесъ! — И человѣкъ засмѣялся пискливымъ — рѣзкимъ голосомъ.

— Какимъ образомъ ты знаешь, кто я такой? — спросилъ Іоганнесъ.

— Ахъ, для меня это пустяки. Я знаю еще гораздо больше. Я знаю, откуда ты идешь и что̀ ты хочешь здѣсь дѣлать. Я знаю страшно много, почти все.

— Ахъ, господинъ Плейзеръ...

— Плейзеръ, просто Плейзеръ, безъ величаній.

— Знаешь ли ты также...

---

[1]) Pluizer—отъ голландскаго глагола „pluizen“ (плейзенъ)—разматывать, расщеплять, напримѣръ, канаты, а въ переносномъ смыслѣ—подвергать все разлагающему скептицизму.

Но Іоганнесъ вдругъ замолчалъ. „Онъ вѣдь человѣкъ“, подумалось ему.

— О твоемъ ключикѣ? ты это думаешь? Конечно.

— Но я думалъ, что люди ничего не могутъ объ этомъ знать.

— Глупый малый! Да вѣдь Вистикъ же многимъ разболталъ эту тайну.

— Ты и съ Вистикомъ знакомъ?

— О, да! это одинъ изъ моихъ лучшихъ друзей, а у меня ихъ такъ много. Но это я зналъ и безъ Вистика. Я знаю гораздо болѣе Вистика. Онъ хорошій малый, но глупъ, ужасно глупъ. Не то, что я! не то!—И Плейзеръ самодовольно хлопнулъ худощавою ручкою по своей большой головѣ.

— Знаешь ли, Іоганнесъ,—продолжалъ онъ,—въ чемъ большая ошибка Вистика? Но ты никогда не долженъ говорить ему этого, а то онъ очень разсердится.

— Ну, въ чемъ дѣло? — спросилъ Іоганнесъ.

— Онъ совсѣмъ не существуетъ. Это большая ошибка, которой онъ не хочетъ признавать. А онъ говоритъ про меня, что я не существую, но это онъ лжетъ. Меня вдругъ нѣтъ! Какъ бы не такъ!

Плейзеръ спряталъ бабочекъ въ карманъ, и вдругъ всталъ передъ Іоганнесомъ на голову. Потомъ онъ отвратительно оскалилъ зубы и высунулъ длинный языкъ Іоганнесу, которому и безъ того было жутко съ этимъ необыкновеннымъ существомъ съ глазу на глазъ, въ уединенномъ мѣстѣ, при наступавшей ночи. Теперь же онъ задрожалъ отъ страха.

— Это очень удобный способъ смотрѣть на міръ,—сказалъ Плейзеръ, продолжая стоять на головѣ.—Если ты хочешь, то я и тебя этому выучу. Ты увидишь все гораздо яснѣе и правдивѣе.

И онъ похлопалъ тонкими ножками въ воздухѣ и поворачивался на рукахъ. Когда румяная вечерняя заря освѣтила снизу его перевернутое лицо, оно показалось Іоганнесу отвратительнымъ; маленькіе глазки блестѣли на свѣту, открывая бѣлокъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его обыкновенно не видно.

— Видишь ли,—когда стоишь такъ, то кажется, что облака—земля, а земля—крыша міра. Это можно такъ же смѣло утверждать, какъ и противоположное. Въ сущности, нѣтъ ни верха, ни низа. Тамъ, на облакахъ, было бы хорошее мѣсто для прогулокъ.

Іоганнесъ смотрѣлъ на длинныя облака. Ему казалось, что они были похожи на вспаханное поле, изъ красныхъ бороздокъ

котораго сочилась кровь. Надъ моремъ блестѣло подобіе воротъ, какъ бы ведущихъ въ гротъ изъ облаковъ.

— Можно ли туда пойти и туда войти?—спросилъ Іоганнесъ.

— Вздоръ!—сказалъ Плейзеръ, и снова всталъ на ноги, къ большому успокоенію Іоганнеса.

— Глупости! Когда ты будешь тамъ, то тамъ будетъ то же, что и здѣсь, и будетъ казаться, что эта красота отошла немного дальше. Въ этихъ красивыхъ облакахъ туманно, сѣро и холодно.

— Я не вѣрю тебѣ,—сказалъ Іоганнесъ.—Теперь я вижу хорошо, что ты человѣкъ.

— Поди ты! Ты мнѣ не вѣришь, потому что я человѣкъ? А ты кто? Развѣ ты что-нибудь другое?

— Ахъ, Плейзеръ, развѣ и я человѣкъ?

— А ты что же думалъ? что ты эльфъ? Эльфы не влюбляются.—И Плейзеръ сѣлъ, скрестивъ ноги, прямо передъ Іоганнесомъ и оскалилъ зубы, не сводя съ него глазъ. Іоганнесу стало невыразимо душно и не по себѣ отъ этого взгляда; ему захотѣлось исчезнуть или сдѣлаться невидимымъ. Но въ то же время онъ не могъ отвести отъ него глазъ.

— Только люди влюбляются, Іоганнесъ, слышишь ли?! И это хорошо, потому что иначе ихъ давно бы ужъ не существовало. А ты влюбленъ по уши, хотя совсѣмъ еще молодъ. О комъ ты думалъ сейчасъ?

— О Робинеттѣ,—прошепталъ едва слышно Іоганнесъ.

— Къ кому ты наиболѣе стремишься?

— Къ Робинеттѣ.

— Безъ кого, думаешь ты, ты не можешь прожить?

Губы Іоганнеса тихо прошептали: — Робинетта.

— Такъ вотъ, мальчуганъ,—хихикалъ Плейзеръ: — съ чего же ты вообразилъ, что ты эльфъ? Эльфы не влюбляются въ людей.

— Но вѣдь это Виндекиндъ... — пролепеталъ Іоганнесъ въ замѣшательствѣ. Тогда глаза Плейзера блеснули злобно и лукаво, и онъ схватилъ Іоганнеса своими костлявыми руками за ухо.

— Что за глупость! Этимъ болваномъ ты меня хочешь напугать? Этотъ еще глупѣе Вистика, гораздо глупѣе. Онъ ничего не понимаетъ. А самое худшее—это то, что онъ не существуетъ вовсе и никогда не существовалъ. Я одинъ существую, понимаешь? и если ты мнѣ не вѣришь, то я тебѣ дамъ почувствовать, что я тутъ на лицо.

Онъ сталъ сильно трясти бѣднаго Іоганнеса за уши. Іоганнесъ вскрикнулъ.

— Но вѣдь я его такъ долго зналъ, и я такъ далеко съ нимъ странствовалъ!

— Во снѣ ты все это видѣлъ, говорю я. Ну, гдѣ же твой розовый кустъ и твой ключикъ? Говори. Теперь ты не видишь сновъ? А это—чувствуешь?!

— О! — вскрикнулъ Іоганнесъ, потому что Плейзеръ его ущипнулъ.

Было уже темно, и летучія мыши съ рѣзкимъ крикомъ пролетали низко надъ ихъ головами.

— Можно мнѣ идти домой?—взмолился Іоганнесъ.—Къ моему отцу?

— Къ отцу? Что ты будешь тамъ дѣлать?—спросилъ Плейзеръ.—Не очень-то онъ тебя ласково приметъ, послѣ того какъ ты пропадалъ столько времени.

— Я скучаю по дому,—сказалъ Іоганнесъ, и ему представилась свѣтло освѣщенная комната, гдѣ онъ часто сидѣлъ съ отцомъ и прислушивался, какъ тотъ, царапая перомъ по бумагѣ, писалъ по вечерамъ. Тамъ было такъ мирно и уютно.

— Да, тогда бы тебѣ не слѣдовало уходить и пропадать съ этимъ дуракомъ, который не существуетъ. Теперь же ужъ поздно. Ну, да это ничего, я ужъ о тебѣ позабочусь. Я ли это буду дѣлать, или твой отецъ, это въ сущности выйдетъ на одно. Твой отецъ—тоже плодъ воображенія. Развѣ ты его самъ избралъ? Ты думаешь, что нѣтъ другого, кто былъ бы такъ же добръ и такъ же уменъ? Я такъ же добръ, да вдобавокъ еще гораздо умнѣе, да, много умнѣе.

У Іоганнеса не хватало болѣе духу отвѣчать; онъ закрылъ глаза и слабо кивнулъ головой.

— А у Робинетты тебѣ тоже нечего искать, — продолжалъ человѣчекъ.

Онъ положилъ Іоганнесу руки на плечи и сталъ говорить ему на ухо:

— Она точно такъ же водитъ тебя за носъ, какъ и всѣ другіе. Развѣ ты не видѣлъ, что она осталась сидѣть въ углу, когда надъ тобой издѣвались, и не проронила ни одного слова въ твою защиту? Она также не лучше другихъ. Она нашла тебя милымъ и играла съ тобой такъ же, какъ забавлялась бы майскимъ жукомъ. Для нея ровно ничего не значило, что ты ушелъ. А о книжечкѣ она ничего не знала. Я же, я знаю, гдѣ она, и я тебѣ помогу ее найти. Я знаю почти все.

Іоганнесъ начиналъ уже ему вѣрить.

— Пойдешь со мной? Хочешь вмѣстѣ со мной искать?

— Я такъ усталъ!—сказалъ Іоганнесъ:—дай мнѣ гдѣ-нибудь поспать.

— Я не очень люблю сонъ, — сказалъ Плейзеръ: — для этого я слишкомъ подвиженъ. Человѣкъ долженъ всегда бодрствовать и думать. Такъ и быть, я оставлю тебя въ покоѣ не надолго. До завтра.

Онъ постарался улыбнуться поприв ѣтливѣе, насколько могъ. Іоганнесъ смотрѣлъ машинально въ его блестящіе глазки, пока все не померкло. Голова его отяжелѣла, онъ прислонился къ склону дюны, покрытому мхомъ. Казалось, глазки все еще свѣтились, пока не превратились въ звѣзды на темномъ небѣ. Ему чудились доносившіеся издалека звуки голосовъ, земля уходила изъ-подъ него... Наконецъ, онъ забылся.

X.

Онъ еще не совсѣмъ проснулся, какъ уже смутно сталъ сознавать, что во снѣ съ нимъ произошло нѣчто особенное. Но онъ не хотѣлъ этого знать, не хотѣлъ очнуться. Ему хотѣлось продлить сонъ, который медленно уходилъ отъ него, какъ легкій туманъ; тамъ была Робинетта, снова къ нему пришедшая и гладившая его по волосамъ, какъ прежде; тамъ былъ его отецъ, Престо и садъ съ прудомъ.

„Ай! это больно“!—Іоганнесъ открылъ глаза, и при разсвѣтѣ дня различилъ совсѣмъ близко маленькую фигуру и ощутилъ руку, которая тянула его за волосы.

Онъ лежалъ въ кровати, а свѣтъ былъ блѣденъ и равномѣренъ, какъ бываетъ въ комнатѣ.

Лицо, склонившееся надъ нимъ, снова вернуло его ко всему горькому и трудному, что произошло вчера. Это была физіономія Плейзера, правда, менѣе похожая на привидѣніе, болѣе человѣческая, но тѣмъ не менѣе такая же противная и возбуждавшая такой же ужасъ, какъ вчера.

— Ахъ! не мѣшай мнѣ! Дай мнѣ еще увидать мой сонъ!— просилъ онъ.

Но Плейзеръ трясъ его.

— Ты съ ума сошелъ, лѣнивецъ? Сны и мечтанія—это глупости; съ этимъ далеко не уѣдешь. Человѣкъ долженъ работать, думать и искать; для этого-то онъ и человѣкъ!

— Я не хочу быть человѣкомъ. Я хочу мечтать!

— Это вздоръ. Ты долженъ! Теперь ты у меня во власти

и со мной вмѣстѣ ты долженъ работать и искать. Только со мной ты можешь найти то, что̀ ты ищешь. И я тебя не оставлю, пока мы этого не найдемъ.

Іоганнесу становилось жутко отъ такихъ рѣчей. Но въ то же время онъ чувствовалъ, что находится во власти какой-то гнетущей, непреодолимой силы. Онъ подчинился безъ сопротивленія.

Не было ни дюнъ, ни деревьевъ, ни цвѣтовъ. Онъ находился въ маленькой, слабо освѣщенной комнаткѣ, изъ окна которой, насколько онъ могъ видѣть, виднѣлись дома и снова дома, печальные и безцвѣтные, длинными, однообразными рядами.

Повсюду поднимался дымъ тяжелыми клубами, и снова опускался и расходился по улицамъ въ видѣ бураго тумана. По улицамъ стремительно бѣгали люди, подобно большимъ чернымъ муравьямъ. Оттуда глухо доносился смутный гулъ.

— Посмотри, Іоганнесъ!—сказалъ Плейзеръ:—развѣ это не мило? Это все люди,—и всѣ дома, которые ты только видишь, даже за той синей башней, также сверху до низу полны людьми. Развѣ это не удивительно? Это будетъ почище, чѣмъ муравейникъ.

Съ боязливымъ любопытствомъ прислушивался Іоганнесъ—какъ будто ему показывали большое, страшное чудовище. Ему казалось, что онъ стоитъ на спинѣ страшилища и видитъ, какъ черная кровь переливается по его толстымъ жиламъ, и черное дыханіе сотенъ ноздрей доходитъ до него. И ему стало страшно отъ угрожающаго шума грозныхъ голосовъ.

— Посмотри, какъ всѣ люди бѣгутъ, Іоганнесъ, — продолжалъ Плейзеръ.—Ты видишь, какъ они всѣ спѣшатъ и какъ всѣ чего-то ищутъ, не правда ли? Но забавно, что никто въ точности не знаетъ, чего онъ, собственно, ищетъ. Поискавъ немного, они обыкновенно встрѣчаются съ личностью, которую зовутъ докторомъ Гейномъ [1]).

— Кто это такое?—спросилъ Іоганнесъ.

— Одинъ изъ моихъ хорошихъ знакомыхъ, я тебя ему представлю. Этотъ Гейнъ спрашиваетъ всѣхъ: „ищешь ты меня“? Большинство обыкновенно отвѣчаетъ: „о, нѣтъ, совсѣмъ не тебя“! На это Гейнъ возражаетъ: „ты, все равно, ничего другого не найдешь, какъ только меня“. И тогда ужъ они съ Гейномъ по неволѣ должны помириться.

Тутъ Іоганнесъ понялъ, что Плейзеръ говорилъ о смерти.

— И это всегда такъ бываетъ? Всегда?

---

[1]) Hein—такъ называлась въ старинныхъ голландскихъ легендахъ—смерть.

— Конечно всегда. Но каждый день приходятъ новыя массы людей, которые тоже и тотчасъ же начинаютъ искать, сами не зная, чего ищутъ, пока не находятъ доктора Гейна; это тянется уже давно и протянется не малое время.

— И я ничего другого не найду, Плейзеръ, ничего кромѣ...

— Да, Гейна ты навѣрное когда-нибудь найдешь, но это ничего не значитъ, все-таки продолжай искать! Не переставая, ищи!

— А книжечка, Плейзеръ?—ты хотѣлъ дать мнѣ возможность найти ее?

— Ну, посмотримъ! Мы должны также и это искать и искать. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, чего ищемъ. Этому насъ научилъ Вистикъ. А есть и такіе, которые ищутъ всю свою жизнь только то, чтобы узнать, чего они, собственно, ищутъ. Это—философы, Іоганнесъ. А когда приходитъ докторъ Гейнъ, то и ихъ поиски прекращаются.

— Это ужасно, Плейзеръ!

— О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Докторъ Гейнъ очень добродушный человѣкъ. Но его не признаютъ такимъ.

Кто-то споткнулся на лѣстницѣ передъ дверью. Заскрипѣли деревянныя ступени. Кто-то постучался въ дверь, и послышался звукъ, какъ будто желѣзо ударилось о дерево.

Вошелъ длинный, тощій человѣкъ. У него были глубоко впавшіе глаза и длинныя руки. Холодное дуновеніе пронеслось по комнатѣ.

— Вотъ какъ!—сказалъ Плейзеръ.—Это ты? Садись. Мы только-что о тебѣ говорили. Какъ дѣла?

— Большая работа! много работы! — сказалъ длинный человѣкъ и отеръ потъ съ костляваго, блѣднаго лба.

Неподвижно и со страхомъ смотрѣлъ Іоганнесъ на его глубоко впавшіе глаза, пристально на него направленные. Они были очень серьезны и темны, но не страшны и не враждебны. Послѣ нѣсколькихъ мгновеній Іоганнесъ вздохнулъ свободнѣе, и его сердце стучало менѣе сильно.

— Это—Іоганнесъ,—сказалъ Плейзеръ: — онъ слышалъ о книжечкѣ, въ которой сказано, почему все на свѣтѣ такъ есть, какъ оно есть; и вотъ теперь мы хотимъ искать ее вмѣстѣ, не такъ ли?

И Плейзеръ многозначительно улыбнулся.

— Ахъ, да; ну, это хорошо!—дружелюбно сказалъ Гейнъ и кивнулъ Іоганнесу.

— Іоганнесъ опасается, что не найдетъ ея, но я сказалъ ему, что все-таки надо очень прилежно искать.

— Конечно,—сказалъ Гейнъ,—прилежно искать, это—самое главное.

— Онъ думалъ, что ты такой страшный; но теперь ты видишь, Іоганнесъ, что ты ошибался. Не правда ли?

— О, да!—дружески сказалъ Гейнъ:—обо мнѣ говорятъ много худого. У меня не представительная наружность, но я не дѣлаю ничего дурного.

Гейнъ слегка улыбнулся, какъ улыбается тотъ, кто занятъ серьезнымъ дѣломъ, о которомъ въ эту минуту какъ разъ говорятъ. Потомъ его темный взглядъ отъ Іоганнеса перенесся вдаль и сталъ бродить по большому городу. Іоганнесъ долго не рѣшался заговорить, наконецъ онъ тихо сказалъ:

— Ты меня теперь же возьмешь съ собой?

— Что ты разумѣешь, юноша?—спросилъ Гейнъ, выведенный изъ задумчивости. — Нѣтъ, теперь еще нѣтъ. Ты долженъ вырости и стать хорошимъ человѣкомъ.

— Я не хочу стать человѣкомъ—такимъ же, какъ другіе.

— Мало ли что! — сказалъ Гейнъ:—тутъ ничего не подѣлаешь!

Видно было, что эти рѣчи ему привычны. Онъ продолжалъ:

— Мой другъ, Плейзеръ, научитъ тебя, какъ стать хорошимъ человѣкомъ. Этого можно достичь различными путями, и Плейзеръ выучиваетъ этому великолѣпно. Это нѣчто прекрасное и желательное — стать хорошимъ человѣкомъ! Не относись къ этому легкомысленно, юноша!

— Искать, думать, понять!—сказалъ Плейзеръ.

— Конечно, конечно,—замѣтилъ Гейнъ, и, обращаясь къ Плейзеру, спросилъ:—къ кому ты думаешь его отвести?

— Къ доктору Цифрѣ [1]), моему старому ученику.

— Ахъ, да, это хорошій ученикъ, образецъ человѣка. Почти совершенство въ своемъ родѣ.

— А увижу ли я опять Робиннету?—спросилъ, дрожа, Іоганнесъ.

— О комъ юноша говоритъ?—спросилъ Гейнъ.

— Ахъ, онъ уже былъ влюбленъ, и тѣмъ не менѣе воображалъ, что онъ эльфъ! Ха, ха, ха!—засмѣялся Плейзеръ.

— Нѣтъ, милый, это лишнее,—сказалъ Гейнъ:—отъ всего этого ты у доктора Цифры совсѣмъ отдѣлаешься. Кто ищетъ

[1]) Представитель сухой, quasi-научной дѣятельности.

того, что ты ищешь, тотъ долженъ лишиться всего остальнаго. Все или ничего!

— А я хочу изъ него сдѣлать цѣльнаго человѣка; я хочу ему показать, что такое, собственно говоря, любовь; тогда ужъ онъ и самъ выкарабкается изъ этой ямы,

И Плейзеръ опять весело захохоталъ; Гейнъ снова перенесъ свой темный взоръ на бѣднаго Іоганнеса, который съ трудомъ удерживалъ рыданія. Онъ все-таки стыдился Гейна.

Гейнъ вдругъ всталъ.

— Мнѣ надо идти,—сказалъ онъ,—я теряю время. Здѣсь мнѣ много дѣла. Прощай, Іоганнесъ, мы съ тобою еще увидимся. Только ты не долженъ меня бояться.

— Я не боюсь тебя; я хотѣлъ бы, чтобы ты меня теперь же взялъ съ собой. Пожалуйста, возьми меня съ собой!

Но Гейнъ мягко отстранилъ его; онъ привыкъ къ такимъ просьбамъ.

— Нѣтъ, Іоганнесъ, теперь берись за работу, ищи и ищи. Меня болѣе не проси. Я зову только одинъ разъ, но зато всегда своевременно.

Когда Гейнъ исчезъ, Плейзеръ опять началъ дурачиться. Онъ прыгалъ черезъ стулья, катался кубаремъ, взлѣзалъ на шкафъ и на каминъ и выдѣлывалъ въ открытомъ окнѣ головоломные фокусы.

— Вотъ это и былъ Гейнъ, мой хорошій другъ!—крикнулъ онъ.—Развѣ ты не находишь его милымъ? Немножко безобразенъ онъ, этотъ милый уродецъ! Онъ бываетъ и веселымъ, когда его работа ему по-сердцу. Но часто она ему надоѣдаетъ. Вѣдь эта работа очень однообразна.

— Кто указываетъ ему, Плейзеръ, куда онъ долженъ идти?

Плейзеръ недовѣрчиво и испытующе покосился на Іоганнеса.

— Почему ты спрашиваешь объ этомъ? Онъ идетъ своей дорогой и беретъ тѣхъ, которые ему подвертываются.

Позднѣе Іоганнесъ узналъ, въ чемъ тутъ дѣло. Теперь же онъ другого объясненія не имѣлъ, и вѣрилъ, что Плейзеръ не вретъ.

Они вышли на улицу и двинулись за кишѣвшей толпою. Черные люди суетились, смѣялись, болтали, повидимому, такъ весело и беззаботно, что Іоганнесъ удивлялся. Онъ видѣлъ, какъ Плейзеръ многимъ кивалъ головой, но ни одинъ не отвѣчалъ на его поклонъ; всѣ смотрѣли впередъ, какъ будто ничего не видѣли.

— Теперь они идутъ и смѣются; можно подумать, что никто изъ нихъ меня не знаетъ. Но это только такъ кажется. Когда

я остаюсь съ ними наединѣ, тогда они ужъ не могутъ не признавать меня, и тогда тотчасъ проходитъ ихъ веселость.

Іоганнесъ ясно чувствовалъ, что кто-то идетъ за ними. Обернувшись, онъ замѣтилъ того длиннаго, блѣднаго человѣка, шедшаго среди людей большими неслышными шагами. Онъ кивнулъ Іоганнесу.

— А его видятъ люди?—спросилъ Іоганнесъ Плейзера.

— Конечно, всѣ видятъ, но и его они не хотятъ знать. Эта гордость, впрочемъ, простительна.

Шумъ и гулъ довели Іоганнеса до какого-то отупѣнія, которое вскорѣ заставило его даже забыть свои страданія. Узкія улицы и высокіе дома, раздѣлявшіе синеву неба на длинныя полосы, люди, проходившіе мимо него, шуршаніе ногъ и шумъ экипажей—разрушили прежніе призраки и мечтанія прошедшей ночи, подобно тому, какъ буря разрушаетъ отраженія на водной поверхности. Ему казалось, что ничего другого не существуетъ, кромѣ людей, и что онъ долженъ возиться съ ними, съ ними нестись въ безпокойномъ удушливомъ водоворотѣ.

Наконецъ, они пришли въ болѣе тихую часть города, гдѣ стоялъ большой домъ съ большими однообразными окнами. Наружность дома была сурова и непривѣтлива. Внутри его было тихо, и Іоганнесъ, войдя, ощутилъ смѣсь чуждыхъ ему острыхъ запаховъ съ основнымъ затхлымъ запахомъ погреба. Въ одной изъ комнатъ, среди странныхъ предметовъ, сидѣлъ одинокій человѣкъ. Онъ былъ окруженъ книгами, банками, желѣзными инструментами, которые всѣ были неизвѣстны Іоганнесу. Одинокій солнечный лучъ падалъ черезъ его голову въ комнату и искрился на стеклянныхъ сосудахъ съ яркими разноцвѣтными жидкостями. Человѣкъ пристально и внимательно смотрѣлъ въ мѣдную трубку и не шевелился.

Когда Іоганнесъ подошелъ ближе, онъ услышалъ шопотъ:

— Вистикъ, Вистикъ!

Возлѣ этого человѣка, на длинной черной скамейкѣ, лежало что-то бѣлое, чего Іоганнесъ не могъ хорошо разглядѣть.

— Здравствуйте, докторъ!—сказалъ Плейзеръ, но докторъ не поднималъ головы.

Іоганнесъ испугался, потому что бѣлый предметъ, въ который онъ пристально всматривался, вдругъ болѣзненно и судорожно задвигался. То, на что онъ смотрѣлъ, оказалось пуховой шубкой кролика. Головка, съ двигающимся носикомъ, лежала запрокинутой въ мѣдные захваты, а четыре лапки были привязаны вдоль тѣла. Одно мгновеніе продолжалось отчаянное стараніе освободиться,

и снова маленькое животное лежало неподвижно, только судорожное біеніе окровавленной шеи указывало на то, что оно еще живо.

Іоганнесъ увидѣлъ круглый, добродушный глазъ, пристально устремленный въ пространство въ безсильномъ ужасѣ, и ему показалось, что онъ узналъ этотъ глазъ. Да, на этомъ нѣжномъ тѣльцѣ, теперь отчаянно трепетавшемъ, когда-то покоилась его голова въ ту первую чудную ночь эльфовъ. Всѣ воспоминанія изъ его прежней жизни стремительно нахлынули на него. Не отдавая себѣ отчета, онъ бросился къ звѣрку.

— Подожди, подожди, бѣдный кроликъ, я тебѣ помогу,—и онъ быстро старался развязать шнурочки, которыми были связаны нѣжныя лапки.

Но въ то же время кто-то крѣпко схватилъ его за руки, и рѣзкій смѣхъ раздался въ его ушахъ.

— Что это значитъ, Іоганнесъ? Что за ребячество? Что подумаетъ о тебѣ докторъ?

— Чего хочетъ этотъ мальчикъ?—спросилъ докторъ удивленно.

— Онъ хотѣлъ стать человѣкомъ, вотъ почему я съ нимъ пришелъ къ вамъ. Но онъ еще совсѣмъ ребенокъ! Это, во всякомъ случаѣ, не приведетъ тебя къ тому, чего ты ищешь, Іоганнесъ!

— Нѣтъ! этотъ путь невѣренъ,—сказалъ докторъ.

— Господинъ докторъ, освободите кролика!

Плейзеръ такъ сжалъ ему обѣ руки, что онъ содрогнулся.

— А каковъ былъ уговоръ, Іоганнесъ?—шепталъ онъ ему на ухо.—Мы должны искать! Мы здѣсь не въ дюнахъ у Виндекинда, или у глупыхъ тварей. Мы хотѣли быть людьми, людьми! Понимаешь ты?! Если ты хочешь остаться ребенкомъ, если ты недостаточно силенъ, чтобы помогать мнѣ, то я тебя оставлю; тогда ищи одинъ.

Іоганнесъ молчалъ и вѣрилъ. Онъ хотѣлъ быть сильнымъ. Онъ закрылъ глаза, чтобы не видѣть кролика.

— Милый, юноша, — сказалъ докторъ:—ты, кажется, немножко чувствителенъ для начала. Это правда, въ первый разъ довольно непріятно видѣть такія вещи. Я и самъ неохотно смотрю на нихъ и всячески, насколько возможно, обхожу ихъ. Но это неизбѣжно, и ты долженъ понять, что мы—люди, а не животныя, и что благо человѣчества и науки стоитъ выше блага нѣсколькихъ кроликовъ.

— Слышишь ли?—сказалъ Плейзеръ:—наука и человѣчество!

— Человѣкъ науки, — продолжалъ докторъ, — стоитъ выше всѣхъ другихъ людей. Но тогда ужъ онъ долженъ приносить въ

жертву великой наукѣ маленькія слабости, свойственныя обыкновеннымъ людямъ. Хочешь ты быть такимъ человѣкомъ? Сознаешь ли ты, что въ этомъ твое призваніе, юноша?

Іоганнесъ колебался; онъ понималъ слово „призваніе“ такъ же мало, какъ и майскій жукъ.

— Я хотѣлъ найти книжку,—сказалъ онъ,—о которой мнѣ говорилъ Вистикъ.

Докторъ удивился и спросилъ:

— Вистикъ?

Но Плейзеръ быстро заговорилъ:

— Онъ хочетъ именно этого, докторъ, я хорошо это знаю. Онъ хочетъ искать высочайшей мудрости, онъ хочетъ узнать суть вещей.

Іоганнесъ кивнулъ головою.

Да; насколько онъ могъ понять, именно это и было его цѣлью.

— О, въ такомъ случаѣ ты долженъ быть сильнымъ, Іоганнесъ, а не мелкимъ и мягкосердечнымъ. Въ такомъ случаѣ, я тебѣ помогу. Но взвѣсь хорошенько: все или ничего!

И Іоганнесъ дрожавшими руками сталъ помогать снова завязать распустившіяся веревочки вокругъ лапокъ кролика.

— Посмотримъ,—сказалъ Плейзеръ,—не могу ли и я показать тебѣ столько же интереснаго, какъ и Виндекиндъ.

XI.

Когда они распрощались съ докторомъ, пообѣщавъ скоро опять вернуться, Плейзеръ повелъ Іоганнеса по всѣмъ закоулкамъ большого города; онъ показалъ ему, какъ живетъ это чудовище, чѣмъ оно дышетъ и питается, какъ само себя пожираетъ и само изъ себя снова возрождается.

Плейзеръ питалъ особую любовь къ бѣдному кварталу, гдѣ люди жили скученно, гдѣ все сѣро и мрачно, гдѣ воздухъ тяжелъ и сыръ.

Онъ вошелъ съ нимъ въ одно изъ большихъ зданій, изъ котораго поднимался кверху дымъ, на который Іоганнесъ обратилъ вниманіе еще въ первый день. Тамъ царилъ оглушительный гулъ, повсюду свистѣло, шумѣло, топотало, визжало, большія колеса вращались и длинные ремни безконечно передвигались; стѣны и полъ были черны, стекла въ окнахъ разбиты или запылены. Громадныя трубы высоко поднимались надъ чернымъ

зданіемъ и выбрасывали толстые, витые столбы дыма. Среди этой массы колесъ и машинъ Іоганнесъ увидѣлъ безчисленное множество людей съ блѣдными лицами, черными руками и платьемъ, работавшихъ молча и непрерывно.

— Что же они такое?—спросилъ онъ.

— Колеса, тоже колеса, — смѣялся Плейзеръ, — или люди, если хочешь. То, что они дѣлаютъ, они дѣлаютъ годами, изо дня въ день. Можно быть человѣкомъ и въ этомъ родѣ тоже.

Они пошли по грязнымъ улицамъ, гдѣ узкая полоска видимаго голубого неба равнялась величинѣ пальца и еще затемнялась развѣшеннымъ платьемъ. Тамъ кишѣли массы людей; они тѣснились, кричали, смѣялись и даже пѣли время отъ времени. Въ домахъ комнаты были такъ малы, темны и смрадны, что Іоганнесъ, входя въ нихъ, едва рѣшался дышать. Онъ видѣлъ растрепанныхъ дѣтей, ползавшихъ по голому полу, и молодыхъ дѣвушекъ съ всклокоченными волосами, укачивавшихъ пѣсенками тощихъ младенцевъ. Онъ слышалъ споры и брань, а всѣ лица кругомъ казались усталыми, тупыми и безучастными.

Іоганнеса охватила невыразимая скорбь. Но это чувство не имѣло ничего общаго съ прежними душевными страданіями, которыхъ онъ теперь самъ стыдился.

— Плейзеръ,—спросилъ онъ:—люди всегда здѣсь жили въ такой бѣдности и въ такой скорби? И тогда, когда я...—но онъ не рѣшался продолжать.

— Конечно,—и это они называютъ счастьемъ, Да они и не живутъ въ скорби; они къ этому привыкли и не знаютъ ничего другого. Это—глупыя, равнодушныя животныя. Посмотри вонъ на тѣхъ двухъ женщинъ, сидящихъ передъ своими дверями. Онѣ такъ же счастливо смотрятъ на грязную улицу, какъ ты прежде смотрѣлъ на свои дюны. Объ этихъ людяхъ тебѣ нечего сокрушаться. Иначе тебѣ пришлось бы сокрушаться и о кротахъ, которые никогда не видятъ дневного свѣта.

Іоганнесъ не зналъ, что отвѣтить, но не могъ удержаться отъ слезъ.

А среди всей этой шумной суеты и возни онъ постоянно видѣлъ того блѣднаго человѣка съ впалыми глазами, медленно ходившаго неслышными шагами.

— Гейнъ все-таки добрый малый, не правда ли? —онъ уводитъ отсюда людей. Но и здѣсь его также боятся.

Когда спустилась ночь и сотни огоньковъ замигали въ дрожавшемъ отъ вѣтра воздухѣ, отражаясь въ темныхъ водахъ длинными, колеблющимися столбиками, они оба все еще продолжали

идти по безмолвнымъ уже улицамъ. Старые высокіе дома, казалось, приваливались отъ усталости одинъ къ другому и засыпали. Большинство изъ нихъ уже закрыло глаза. Кое-гдѣ свѣтились еще желтоватымъ блѣднымъ свѣтомъ окна.

Плейзеръ разсказывалъ Іоганнесу длинныя исторіи о тѣхъ, кто тамъ жилъ, о страданіяхъ, вынесенныхъ за этими стѣнами, о борьбѣ нищеты и горя съ жаждою жизни, которая тамъ происходила. Онъ не только не скрывалъ отъ него самыхъ печальныхъ сторонъ, но еще выискивалъ съ любовью самое низменное и самое невыносимое, и хихикалъ отъ удовольствія, когда Іоганнесъ отъ всѣхъ этихъ ужасныхъ разсказовъ блѣднѣлъ и молчалъ.

— Плейзеръ,—спросилъ вдругъ Іоганнесъ:—знаешь ли ты что-нибудь о великомъ свѣтѣ?

Онъ думалъ, что вопросъ этотъ выведетъ его изъ тьмы, плотно и страшно его обступившей.

— Пустая мечта! Выдумки Виндекинда!—сказалъ Плейзеръ. —Фантазіи и чепуха. Ничего нѣтъ, кромѣ людей и меня самого. Неужели ты думаешь, что кто-либо сталъ бы доставлять себѣ удовольствіе, управляя такимъ хламомъ, какой здѣсь на землѣ? И если бы былъ такой великій свѣтъ, то онъ не оставилъ бы здѣсь столькихъ во тьмѣ.

— А звѣзды, звѣзды?—спросилъ Іоганнесъ, какъ будто надѣясь, что этотъ видимый свѣтъ поможетъ ему выйти изъ густого мрака.

— Тѣ звѣзды? Да знаешь ли, о чемъ ты говоришь, юноша? Вѣдь это не огоньки тамъ наверху, не фонари, подобные тѣмъ, которые ты здѣсь видишь вокругъ. Это все міры; каждый гораздо больше нашего, со всѣми его тысячами городовъ, и среди нихъ мы носимся, какъ маленькая песчинка, и нѣтъ ни верха, ни низа. Повсюду, во всѣ стороны міры, все—міры, и это нигдѣ не кончается, никогда.

— Нѣтъ, нѣтъ!—вскрикнулъ Іоганнесъ боязливо:—не говори этого, не говори! Я вижу надъ собой огоньки, на большомъ темномъ полѣ.

— Да видѣть ты ничего другого и не можешь, какъ только огоньки. И еслибы ты всю жизнь глазѣлъ кверху, ты все-таки видѣлъ бы только огоньки на темномъ полѣ. Но ты можешь, ты долженъ узнать, что̀ это за міры, и что ни верха, ни низа нѣтъ; среди этихъ міровъ нашъ земной шарикъ, вмѣстѣ со всей бѣдной, кишащей на немъ, кучкой людей, есть ничто, и исчезнетъ онъ, какъ ничто. Итакъ, не говори мнѣ болѣе о звѣздахъ, какъ будто бы ихъ было всего нѣсколько дюжинъ, — это глупости!

Іоганнесъ молчалъ. Онъ былъ подавленъ; надежды на видимый свѣтъ, который могъ бы помочь выйти изъ внутренняго мрака, разлетѣлись въ прахъ.

— Ну, пойдемъ,—сказалъ Плейзеръ,—посмотримъ на что-нибудь веселое.

Пріятная звучная музыка неслась къ нимъ на встрѣчу. Въ одной изъ темныхъ улицъ стоялъ большой домъ; изъ многочисленныхъ высокихъ оконъ его разливался свѣтъ. Длинный рядъ экипажей стоялъ передъ домомъ. Въ тихихъ улицахъ глухо раздавался топотъ лошадей, качавшихъ головами, какъ будто чему-то поддакивая. Свѣтъ изъ оконъ отражался въ посеребренныхъ пуговкахъ упряжки и въ полированныхъ стѣнкахъ каретъ.

Внутри все было освѣщено. Щурясь отъ яркаго свѣта, смотрѣлъ Іоганнесъ на блескъ сотенъ горѣвшихъ огней, на пестрые цвѣта, зеркала и цвѣты. Свѣтлыя фигуры скользили мимо оконъ; онѣ склонялись другъ къ другу съ смѣющимися физіономіями и любезными жестами. Во всѣхъ залахъ, до самаго дальняго конца ихъ, двигались богато разодѣтые люди, одни медленными шагами, другіе быстро кружась. Смѣсь громкаго смѣха, веселыхъ голосовъ, шуршанія шаговъ и шелеста одеждъ, смѣсь всего этого неслась на волнахъ мягкой ласкающей ухо музыки, услышанной Іоганнесомъ еще издали, и вырывалась на улицу. Снаружи, около окопъ, стояли двѣ темныя фигуры. Только лица ихъ ярко и неравномѣрно освѣщались блескомъ, въ который они съ жаднымъ любопытствомъ всматривались.

— Вотъ хорошо-то! Вотъ прелесть!—воскликнулъ Іоганнесъ, плѣненный видомъ столькихъ красокъ, свѣчей и цвѣтовъ.— Что тамъ происходитъ? Можемъ мы туда войти?

— Зачѣмъ? Неужели это тебѣ нравится? Или ты, можетъ быть, все-таки предпочелъ бы кроликову нору? Смотри, какъ люди смѣются, блещутъ и преклоняются; смотри, какіе гладенькіе и молодцоватые мужчины, и какъ пестро разряжены женщины. А какое вниманіе къ танцамъ—точно это важнѣйшее дѣло въ свѣтѣ!

Іоганнесу вспомнились пляски въ кроликовой норѣ, и онъ увидѣлъ многое, что очень ихъ напоминало. Но это все было, конечно, въ гораздо бо́льшихъ размѣрахъ и гораздо болѣе блестяще.

Молодыя женщины въ богатыхъ украшеніяхъ казались ему эльфами, когда онѣ поднимали длинныя бѣлыя руки вверхъ и склоняли головки на бокъ въ оживленныхъ танцахъ. Лакеи ходили съ достоинствомъ среди гостей и предлагали, съ учтивыми поклонами, дорогіе напитки.

— Какъ великолѣпно! Какая прелесть!—восклицалъ Іоганнесъ.

— Очень мило, не правда ли?—сказалъ Плейзеръ.—Ну, теперь ты долженъ увидѣть кое-что и дальше твоего носа. Ты все видишь милыя, улыбающіяся лица,—не такъ ли? Такъ вотъ эта улыбка, въ большинствѣ случаевъ, ложь и притворство. Привѣтливыя старыя дамы сидятъ по стѣнкамъ залы съ удочками; какъ вокругъ пруда; молодыя женщины—приманки; мужчины—рыбы. И какъ онѣ любезно между собой ни разговариваютъ, въ душѣ онѣ завидуютъ другъ другу при каждой удачной ловлѣ. А если какая-либо изъ этихъ молодыхъ женщинъ дѣйствительно веселится, то потому, что она красивѣе одѣта или болѣе привлекаетъ къ себѣ мужчинъ, нежели другія; мужчинамъ доставляютъ особенное удовольствіе оголенныя шеи и руки. За этими смѣющимися глазами и привѣтливыми губками кроется нѣчто совсѣмъ другое. Даже почтительные лакеи вовсе не думаютъ почтительно. Если бы вдругъ вышло наружу все, что̀ думаетъ каждый, то прекрасный праздникъ тотчасъ же прекратился бы.

Послѣ того какъ Плейзеръ указалъ ему на все это, Іоганнесъ ясно увидѣлъ притворство въ лицахъ и въ движеніяхъ; онъ увидѣлъ, какъ тщеславіе, зависть и скука сквозили чрезъ улыбающуюся маску и выходили совсѣмъ наружу, лишь только люди ее снимали хотя бы на мгновеніе.

— Чтожъ!—сказалъ Плейзеръ,—надо быть снисходительнымъ. Должны же люди тоже повеселиться. А иначе веселиться они не умѣютъ.

Іоганнесъ почувствовалъ, что кто-то за нимъ стоитъ. Онъ обернулся.

Это была знакомая длинная фигура. Блѣдное лицо было такъ рѣзко освѣщено, что глаза казались большими темными впадинами. Гейнъ тихо что-то бормоталъ и показывалъ пальцемъ въ яркую залу.

— Посмотри!—сказалъ Плейзеръ:—онъ опять выискиваетъ.

Іоганнесъ посмотрѣлъ по направленію, куда указывалъ палецъ. И онъ увидѣлъ, какъ пожилая дама, разговаривая, закрыла на мгновеніе глаза, и какъ хорошенькая, молоденькая дѣвушка на минуту содрогнулась, пріостановилась на ходу и взглядъ ея какъ бы оцѣпенѣлъ.

— Сейчасъ и конецъ?—спросилъ Плейзеръ Гейна.

— Это мое дѣло, — отвѣтилъ послѣдній.

— Я хотѣлъ бы показать Іоганнесу это же самое обще-

ство еще разъ,—сказалъ Плейзеръ.—При этомъ онъ прищурился, хихикая.—Согласенъ?

— Сегодня вечеромъ?—спросилъ Гейнъ.

— Почему жъ и не сегодня?—сказалъ Плейзеръ.—Тамъ вѣдь, все равно, нѣтъ ни часовъ, ни времени. Теперь тоже, что̀ было всегда, а то, что̀ будетъ—всегда и прежде было.

— Я не могу идти съ вами сейчасъ же,—сказалъ Гейнъ,—у меня слишкомъ много работы. Но вы и безъ меня найдете дорогу.

Затѣмъ они прошли по пустыннымъ улицамъ, гдѣ мерцали при ночномъ вѣтрѣ газовые рожки, а темная холодная вода съ шумомъ ударялась о стѣны каналовъ. Ласкающая музыка звучала все слабѣе и смолкла наконецъ въ тишинѣ, охватившей спящій городъ.

Въ это время вдругъ полились съ вышины полные металлическіе звуки, подобно свѣтлой радостной пѣснѣ.

Эти звуки, раздавшіеся такъ неожиданно съ высокой башни и разнесшіеся надъ спящимъ городомъ, проникли до глубины омраченной души маленькаго Іоганнеса. Съ удивленіемъ взглянулъ онъ вверхъ. Звуки росли, ясные, чистые, радостно поднимаясь и могуче нарушая мертвую тишину. Какъ чуждо звучали для него эти радостные праздничные звуки среди общаго сна и удручающаго горя.

— Это часы,—сказалъ Плейзеръ;—они всегда одинаково радостны, изъ года въ годъ. Каждый часъ они поютъ ту же пѣснь, съ тою же силой и съ той же веселостью. Ночью эта пѣснь звучитъ даже веселѣе, чѣмъ днемъ; часы какъ будто радуются тому, что имъ не зачѣмъ спать, что они всегда одинаково счастливо могутъ пѣть свою пѣснь, даже тогда, когда внизу подъ ними тысячи людей плачутъ и страдаютъ. Особенно весело звучитъ эта пѣснь, когда кто-нибудь умираетъ.

Радостные звуки полились снова.

— Наступитъ день, Іоганнесъ,—продолжалъ Плейзеръ,—когда за однимъ изъ такихъ оконъ, въ скромной комнаткѣ, слабо будетъ горѣть свѣча, печальная свѣча, изрѣдка мерцающая, при чемъ вздрагиваютъ тѣни по стѣнамъ. Ни звука не будетъ слышно въ комнатѣ, ничего, кромѣ легкаго, подавленнаго рыданія. Тамъ, на кровати, подъ бѣлымъ пологомъ, съ длинными тѣнями въ складкахъ, будетъ лежать нѣчто—тоже бѣлое и спокойное. Это будетъ маленькій Іоганнесъ. И тогда вдругъ, такъ же громко и весело, ворвется въ комнату та же пѣснь, празднуя первый часъ наступившей смерти.

Двѣнадцать громкихъ ударовъ съ длинными промежутками одинъ за другимъ прогудѣли въ воздухѣ. При послѣднемъ ударѣ Іоганнесу вдругъ показалось, что все это ему снится, что онъ больше уже не идетъ, а паритъ надъ улицей, увлекаемый рукою Плейзера. Дома и фонари скользили мимо при быстромъ полетѣ. Дома уже стояли рѣже другъ отъ друга. Они образовали отдѣльные ряды, раздѣленные темными таинственными углубленіями, въ которыхъ нечистоты, мусоръ, сваленныя балки какъ-то странно выдѣлялись, освѣщенные газомъ.

Наконецъ, показались большія ворота съ тяжелыми столбами и высокой рѣшеткой. Мигомъ перелетѣли они черезъ нее и опустились на сырую траву, около большой кучи песку. Іоганнесу показалось, что онъ попалъ въ садъ, потому что онъ слышалъ вокругъ шелестъ деревьевъ.

— Ну, будь внимателенъ, Іоганнесъ, и попробуй затѣмъ утверждать, что я не болѣе знаю, чѣмъ Виндекиндъ.

При этомъ Плейзеръ громкимъ голосомъ произнесъ короткое таинственное имя, заставившее Іоганнеса содрогнуться.

Со всѣхъ сторонъ оно повторилось во мракѣ, и вѣтеръ подхватилъ его пронзительными переливами, пока оно не замерло въ вышинѣ.

Вдругъ Іоганнесъ замѣтилъ, что трава стала выше его головы, а маленькій камень, который только-что лежалъ у его ногъ, закрылъ все передъ его глазами.

Плейзеръ, тоже ставшій маленькимъ, схватилъ камень обѣими руками и съ напряженіемъ всѣхъ силъ отвалилъ его. Смутные крики тонкихъ высокихъ голосковъ раздались изъ отверстія, открывшагося подъ камнемъ.

— Эй, кто тамъ? Что это такое?

— Невѣжа!—раздалось одновременно.

Іоганнесъ увидѣлъ, какъ забѣгали черныя фигуры. Онъ узналъ проворную черную жужжелицу, бурую уховертку съ тонкими щипцами, круглыхъ многоножекъ и извивающихся тысяченожекъ. Среди нихъ длинный червь съ быстротою молніи скрылся въ свою пору.

Плейзеръ пошелъ напрямикъ сквозь эту крикливую шайку къ норѣ земляныхъ червей.

— Эй, ты, длинный, голый повѣса! Выходи-ка со своимъ краснымъ носомъ!—крикнулъ Плейзеръ.

— Что надо?—спросилъ червь изъ глубины.

— Ты долженъ выйти, потому что я долженъ войти, понимаешь ли, плѣшивый обжора!

Осторожно высунулъ дождевой червь свою остроконечную голову изъ отверстія, пощупалъ ею немного кругомъ и тогда уже медленно придвинулъ свое длинное оголенное тѣло къ поверхности земли.

Плейзеръ оглянулся на другихъ животныхъ, тѣснившихся вокругъ него съ любопытствомъ.

— Кто-нибудь изъ васъ долженъ идти съ нами и намъ свѣтить. Нѣтъ, черный жукъ, ты слишкомъ толстъ, а отъ твоей тысячи ножекъ у меня голова закружится. Эй, ты, тамъ, уховертка! Твой видъ мнѣ нравится. Иди и неси свѣтъ въ твоихъ ножницахъ! Жужжелица, а ты бѣги и найди блуждающій огонекъ или факелъ-гнилушку!

Его повелительный голосъ производилъ впечатлѣніе на насѣкомыхъ, и они ему повиновались.

Они вошли въ ходы, принадлежавшіе червямъ. Впереди шла уховертка съ свѣтящейся гнилушкой, за ней—Плейзеръ и Іоганнесъ. Тамъ было узко и темно. Іоганнесъ видѣлъ песчинки, слабо освѣщенныя блѣднымъ голубымъ мерцаніемъ. Онѣ казались ему большими, какъ камни, полупрозрачными; отъ тренія тѣла дождевого червя онѣ образовали плотную, гладкую поверхность.

Самъ дождевой червь съ любопытствомъ слѣдовалъ за ними. Оглядываясь, Іоганнесъ видѣлъ, какъ его острая головка то выползала впередъ, то поджидала, пока подползетъ длинное тѣло.

Они, молча, спускались долго въ глубину. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дорога для Іоганнеса была слишкомъ крута, Плейзеръ поддерживалъ его. Казалось, не было конца; все новыя песчинки, и все уховертка шла внередъ, изворачиваясь вмѣстѣ съ извилинами ходовъ. Наконецъ дорога стала шире, и стѣны раздвинулись. Стали появляться черныя и сырыя песчинки, складываясь въ сводъ, на которомъ водяныя капли образовали блестящія полосы, а черезъ своды спускались корни деревьевъ, похожіе на окаменѣлыхъ змѣй.

Вдругъ передъ Іоганнесомъ появилась вертикальная стѣна, черная и высокая, загородившая весь проходъ. Уховертка обернулась.

— Прекрасно! теперь надо проникнуть далѣе. Это ужъ дѣло дождевого червя. Онъ здѣсь какъ дома.

— Ну, показывай намъ дорогу,—сказалъ Плейзеръ.

Медленно придвинулъ дождевой червь членистое тѣло къ черной стѣнкѣ и сталъ ее ощупывать. Іоганнесъ увидѣлъ, что это было дерево. Кое-гдѣ оно распалось уже въ бурую пыль.

Червь сталъ сверлить, и наконецъ длинное гибкое тѣло проскользнуло въ дыру.

— Ну, теперь ты!—сказалъ Плейзеръ и втиснулъ Іоганнеса въ маленькое сырое отверстіе.

Было мгновеніе, что онъ чуть не задохся въ мягкой сырой щепкѣ, но вслѣдъ затѣмъ онъ почувствовалъ, что голова его освободилась, и онъ съ усиліемъ выкарабкался изъ узкаго отверстія. Казалось, передъ нимъ было большое пустое пространство. Полъ былъ холодный и сырой, воздухъ сжатъ и невыносимо удушливъ. Іоганнесъ едва рѣшался дышать и выжидалъ съ невыразимымъ ужасомъ.

Онъ слышалъ голосъ Плейзера, звучавшій гулко, какъ будто въ большомъ погребѣ.

— Сюда, Іоганнесъ, за мной!

Онъ чувствовалъ, что земля передъ нимъ образовала гору; съ помощью Плейзера онъ перешелъ черезъ нее въ полной тьмѣ. Ему казалось, что онъ переходилъ черезъ какую-то ткань, подававшуюся подъ его ногами. Онъ спотыкался въ канавкахъ и на холмикахъ, слѣдуя постоянно за Плейзеромъ, который все время велъ его вплоть до болѣе плоскаго мѣста, гдѣ онъ прицѣпился къ длиннымъ стеблямъ, колебавшимся подъ его рукой подобно слабому тростнику.

— Здѣсь удобно стоять! Свѣту!—крикнулъ Плейзеръ.

При этихъ словахъ издали показался слабый огонекъ, опускавшійся и поднимавшійся вмѣстѣ съ тѣмъ, кто его несъ.

Чѣмъ ближе онъ придвигался и чѣмъ болѣе блѣдное мерцаніе наполняло пространство, тѣмъ болѣе у Іоганнеса захватывало духъ.

Гора, на которую онъ взошелъ, была длинная и бѣлая; тростникъ, за который онъ держался, былъ бурый и сбѣгалъ внизъ блестящими волнами.

Онъ узналъ высокую, вытянутую фигуру человѣка; холодная же поверхность, на которой онъ стоялъ, оказалась его лбомъ.

Передъ нимъ были, подобно двумъ глубокимъ темнымъ ямамъ, впавшіе глаза, а слабый свѣтъ освѣщалъ тонкій носъ и страшную застывшую улыбку мертвеца на открытыхъ губахъ.

Плейзеръ засмѣялся рѣзкимъ смѣхомъ, но звукъ мгновенно замеръ среди сырыхъ деревянныхъ стѣнъ.

— Этого ты не ожидалъ, Іоганнесъ!

Длинный червь проползъ между складками одежды мертвеца; онъ осторожно приблизился къ подбородку и скользнулъ по застывшимъ губамъ въ чернѣющее отверстіе рта.

— Это та самая первая красавица танцовавшаго общества, которую ты нашелъ красивѣе эльфъ. Тогда нѣжными ароматами были пропитаны ея одежды и локоны, горѣли жизнью глаза, улыбались губы; теперь это, конечно, нѣсколько измѣнилось,—не правда ли?

При всемъ ужасѣ, Іоганнесу какъ-то не вѣрилось. Такъ скоро? Только-что было великолѣпіе, а теперь?..

— Ты мнѣ не вѣришь? — захихикалъ Плейзеръ. — Полстолѣтія прошло между тѣмъ временемъ и настоящимъ. Тамъ нѣтъ ни времени, ни часовъ. Что было прежде, то будетъ всегда, а что будетъ, всегда и прежде было. Ты себѣ этого представить не можешь, но долженъ вѣрить. Здѣсь все дѣйствительность, и все, что я тебѣ показываю—правда, чистая правда! Этого твой Виндекиндъ не могъ утверждать.

Хихикая, скакалъ Плейзеръ по мертвому лицу и отвратительно подшучивалъ. Онъ сѣлъ на брови и потянулъ длинныя рѣсницы вверхъ, открывая глазное яблоко. Глазъ, который Іоганнесъ раньше видѣлъ горѣвшимъ жизнью, глядѣлъ тупо и неподвижно въ пространство.

— Ну, дальше!—вскрикнулъ Плейзеръ:—есть вѣдь еще кое-что, что намъ надо посмотрѣть!

Дождевой червь медленно выполз изъ праваго угла рта, и они двинулись дальше въ страшный походъ. Не назадъ, но по новымъ столь же длиннымъ и темнымъ переходамъ.

— Тутъ старье!—сказалъ дождевой червь, когда снова черная стѣна перегородила дорогу.—Этотъ ужъ очень давно здѣсь!

Въ этотъ разъ было менѣе отвратительно. Іоганнесъ не видѣлъ ничего, кромѣ безформенной массы, изъ которой торчали бѣлыя кости. Сотни червей и насѣкомыхъ молча занимались работой. Ворвавшійся свѣтъ возбудилъ удивленіе.

— Откуда вы? Кто несетъ сюда свѣтъ? Мы совсѣмъ не нуждаемся въ немъ!

Они быстро разбѣжались по бороздамъ и впадинамъ. Но вслѣдъ затѣмъ они узнали собрата.

— Ты былъ здѣсь по близости?—спрашивали его черви.—Дерево еще твердо.

Одинъ изъ червей сталъ это отрицать.

Пошли дальше. Плейзеръ давалъ поясненія и показывалъ Іоганнесу тѣхъ, кого онъ зналъ. Они наткнулись на обезображенное лицо съ выпученными глазами, вздутыми черными губами и щеками.

— Это былъ изящный господинъ,—радостно сказалъ онъ:—

жаль, что ты не видѣлъ его!—богатый, важный и гордый. Свою надутость онъ сохранилъ.

Такимъ образомъ шли они дальше. Попадались и тощія, высохшія фигуры съ бѣлыми волосами, казавшимися сизыми при слабомъ свѣтѣ, маленькія дѣти съ большими головами и старческимъ выраженіемъ лица.

— Посмотри, эти ужъ послѣ смерти постарѣли! — сказалъ Плейзеръ.

Они дошли до человѣка съ большой бородой и съ раскрытыми губами, изъ-за которыхъ блестѣли бѣлые зубы.

Въ серединѣ лба виднѣлось небольшое круглое черное отверстіе.

— Этотъ сунулся въ дѣло доктора Гейна. Отчего бы не потерпѣть немного! Все равно, и безъ того попалъ бы сюда.

И снова потянулись ходы и переходы, снова вытянутыя фигуры съ неподвижно усмѣхающимися лицами и окостенѣлыми, сложенными руками.

— Ну, далѣе я не пойду,—сказала уховертка;—я тутъ никого не знаю.

— Повернемъ назадъ,—сказалъ дождевой червь.

— Впередъ! Непремѣнно впередъ!—вскричалъ Плейзеръ.

Шествіе тронулось далѣе.

— Все, что ты видишь, существуетъ,—сказалъ Плейзеръ,—все это правда. Только одно неправда—это ты самъ Іоганнесъ. Тебя здѣсь нѣтъ, и ты не можешь быть здѣсь.

Онъ громко разсмѣялся, увидя при этихъ словахъ испуганное выраженіе лица Іоганнеса.

— Это тупикъ; тутъ ходу нѣтъ, я не пойду дальше,—сказала уховертка сердито.

— А я все-таки хочу идти далѣе,—сказалъ Плейзеръ, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончался ходъ, онъ сталъ разгребать землю обѣими руками.

— Помогай мнѣ, Іоганнесъ!

Противъ воли, съ тоскою на сердцѣ повиновался Іоганнесъ и сталъ копать сырую, мягкую землю.

Молча и въ поту продолжали они работать, пока не наткнулись на черное дерево.

Дождевой червь втянулъ членистую головку и уползъ назадъ. Уховертка уронила свѣтильникъ и тоже повернула назадъ.

— Вы не войдете, дерево слишкомъ ново, — сказала она, уходя.

— Я хочу! — сказалъ Плейзеръ, выцарапывая ногтями, похожими на когти, длинныя бѣлыя щепки изъ дерева.

Невыразимая тоска стиснула сердце Іоганнеса. Но онъ долженъ былъ, онъ не могъ поступать иначе.

Наконецъ, открылось передъ ними темное пространство. Плейзеръ взялъ свѣтильникъ и быстро вползъ.

— Сюда, сюда! — вскрикнулъ онъ и побѣжалъ въ тотъ конецъ, гдѣ помѣщалась голова.

Дойдя до рукъ, спокойно сложенныхъ на груди, Іоганнесъ долженъ былъ вздохнуть. Онъ взглянулъ на худые, блѣдные, едва освѣщенные съ верхней стороны пальцы. Вдругъ онъ узналъ ихъ! Онъ узналъ ихъ форму и складки между пальцами, узналъ длинные посинѣвшіе ногти. Онъ узналъ черное пятнышко на указательномъ пальцѣ. Это были его собственныя руки.

— Сюда, сюда!—кричалъ голосъ Плейзера съ другого конца. —Посмотри, узнаешь ли ты его?

Несчастный Іоганнесъ хотѣлъ направиться къ свѣту, мерцавшему невдалекѣ. Но онъ не смогъ этого сдѣлать. Огонекъ потухъ, наступила полная темнота, и онъ потерялъ сознаніе.

XII.

Іоганнесъ погрузился въ глубокій сонъ, въ ту бездонную глубину, когда ничего не снится.

При медленномъ переходѣ изъ этой тьмы къ сѣрому свѣжему утреннему свѣту, ему стали видѣться разные сладкіе сны изъ прежняго времени. Но онъ проснулся, и сны отлетѣли, какъ капли росы съ цвѣтовъ.

Спокойно и привѣтливо было выраженіе его глазъ, когда въ полудремотѣ проносились передъ ними милые образы.

Но при видѣ дневного свѣта острая боль, подобная боли при свѣтобоязни, заставила его снова закрыть глаза. Онъ увидѣлъ то же, что и прошедшимъ утромъ. Какъ давно, давно это было! Онъ сталъ вызывать въ своемъ представленіи все, что было, часъ за часомъ, начиная съ печальнаго утра и кончая страшною ночью. Ему не вѣрилось, чтобы всѣ эти ужасы произошли въ теченіе одного дня. Казалось, что начало его страданій терялось гдѣ-то далеко, въ сѣромъ туманѣ.

Безслѣдно исчезли изъ его сознанія сладкіе сны.

Плейзеръ затормошилъ его, и печальный день снова начался, вяло и безцвѣтно, обѣщая въ будущемъ много-много такихъ же

дней. Но то, что̀ онъ увидѣлъ въ прошлый вечеръ, во время страшнаго пути, оставалось при немъ. Было ли это только страшный сонъ?

Когда онъ нерѣшительно спросилъ объ этомъ Плейзера, тотъ посмотрѣлъ на него насмѣшливо и удивленно.

— Ты про что̀ говоришь?

Но Іоганнесъ не замѣтилъ насмѣшки въ его лицѣ; онъ спросилъ, было ли это все на самомъ дѣлѣ, такъ какъ онъ ясно и отчетливо видѣлъ все, и теперь все это у него передъ глазами.

— Нѣтъ, Іоганнесъ, какой ты, право, глупый!

Іоганнесъ не зналъ, что̀ ему думать.

— Мы тебѣ скоро дадимъ работу. Тогда ты не будешь дѣлать такихъ глупыхъ вопросовъ.

Они пошли къ доктору Цифрѣ, который долженъ былъ помочь Іоганнесу найти то, что̀ онъ искалъ.

Въ одной изъ оживленныхъ улицъ Плейзеръ вдругъ пріостановился и показалъ Іоганнесу на одного человѣка въ толпѣ.

— Узнаёшь ли ты его? — спросилъ Плейзеръ, громко засмѣявшись, когда Іоганнесъ поблѣднѣлъ и съ ужасомъ глядѣлъ тому во слѣдъ.

Въ прошедшую ночь онъ его видѣлъ глубоко подъ землею.

Докторъ принялъ ихъ ласково и сталъ дѣлиться съ Іоганнесомъ своею мудростью.

Іоганнесъ слушалъ его цѣлыми часами, и въ этотъ день, и въ другіе, послѣдующіе дни.

То, чего онъ искалъ, докторъ тоже еще не нашелъ. Но онъ „почти“ нашелъ, говорилъ онъ. Онъ хотѣлъ, чтобы Іоганнесъ достигъ того же, чего достигъ онъ; тогда имъ станетъ легче вдвоемъ стремиться къ одной цѣли.

Іоганнесъ внималъ и учился, прилежно и терпѣливо, цѣлыми днями, цѣлыми мѣсяцами. Онъ мало питалъ надежды, но понималъ, что теперь онъ долженъ идти все впередъ, насколько это возможно. Ему было, однако, странно, что въ то время, какъ онъ искалъ свѣта — чѣмъ дольше онъ его искалъ, тѣмъ темнѣе становилось вокругъ него. При этомъ, все то, за изученіе чего онъ принялся, было сначала всегда ясно и интересно; но чѣмъ дальше проникалъ онъ въ глубину, тѣмъ пустыннѣе и мрачнѣе становилось вокругъ. Онъ началъ съ растеній и животныхъ, со всего, что̀ его окружало; но когда онъ много и долго смотрѣлъ на все это, то начиналъ видѣть однѣ только цифры. Все распадалось на цифры,—цѣлые листы бумаги, полные цифръ. Докторъ Цифра находилъ это великолѣпнымъ и говорилъ, что

становится свѣтлѣе, когда собираются цифры; Іоганнесъ же чувствовалъ себя въ полной тьмѣ.

Плейзеръ не оставлялъ его ни на минуту и подгонялъ всякій разъ, когда онъ былъ не въ духѣ или уставалъ. Онъ отравлялъ ему всякую минуту наслажденія или восторга.

Іоганнесъ поражался и радовался, когда онъ увидѣлъ, какъ тонко устроены цвѣты, какъ они превращаются въ плоды, и какъ насѣкомыя, сами того не зная, помогаютъ имъ въ этой работѣ.

— Это великолѣпно! — говорилъ онъ.—Какъ это все точно вычислено и какъ тонко и цѣлесообразно сдѣлано!

— Да, удивительно цѣлесообразно! — отвѣчалъ Плейзеръ.— Жалко только, что бо́льшая часть этой цѣлесообразности и тонкости не приноситъ никакой пользы. Изъ сколькихъ цвѣтовъ получаются плоды, и изъ сколькихъ косточекъ выростутъ деревья?!

— Но, повидимому, все это устроено по одному грандіозному плану,—возражалъ Іоганнесъ.—Смотри, пчелы ищутъ медъ для себя, и не знаютъ, что онѣ помогаютъ цвѣтамъ, а цвѣты привлекаютъ пчелъ своими красками. Планъ общій, и оба работаютъ надъ его осуществленіемъ, не сознавая этого.

— Это все очень хорошо, но многаго тутъ не хватаетъ. Когда пчелы находятъ возможнымъ, онѣ продѣлываютъ дыру снизу цвѣтка и уничтожаютъ тѣмъ всю сложную организацію. Хорошо мастерство, когда пчела можетъ надуть мастера!

При удивительныхъ сопоставленіяхъ и сравненіяхъ человѣка съ животными дѣло шло еще хуже.

Во всемъ, что́ Іоганнесъ находилъ прекраснымъ и искуснымъ, тотъ указывалъ несовершенства и ошибки. Плейзеръ называлъ ему всевозможныя муки и страданія, могущія выпасть на долю людей и животныхъ, и съ особенною любовью выбиралъ всегда самое ужасное и самое противное.

— Мастерица-природа, Іоганнесъ, хитро́ все учинила, но во всемъ что-нибудь да забыла, и потому на долю людей осталась масса дѣла. Посмотри, сколько нужно заплатокъ, чтобы зачинить всѣ дыры! Посмотри только вокругъ себя! Дождевой зонтикъ, очки, даже платья и жилища, все это — дѣло рукъ человѣческихъ и совсѣмъ не входитъ въ общій планъ. Мастерица-природа не подумала о томъ, что люди могутъ мерзнуть или читать книги, къ которымъ ея планъ не подойдетъ. Она дала своимъ дѣткамъ платья, не подумавъ о томъ, что они могутъ вырости изъ нихъ. Между тѣмъ всѣ люди давно выросли изъ своей естественной одежды. Они сами за все при-

нимаются и нисколько не заботятся о природѣ или ея планѣ. То, чего она имъ не дала, они сами дерзко и самопроизвольно берутъ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда она отдаетъ ихъ прямо въ руки смерти, они обходятъ смерть долгое время съ помощью разныхъ своихъ хитростей.

— Но въ этомъ вѣдь вина людей!—вскрикнулъ Іоганнесъ:—зачѣмъ они легкомысленно отворачиваются отъ природы?

— О, глупый Іоганнесъ! Если нянька даетъ грудному ребенку играть съ огнемъ, и онъ обжигается,—кто виноватъ? Дитя, не знавшее, что̀ такое огонь, или нянька, знавшая, что оно можетъ обжечься? И кто виноватъ, когда люди гибнутъ въ горести и противоестественности: они сами, или мастерица-природа, сравнительно съ которой они—несвѣдущія дѣти?

— Они не несвѣдущія, они знали...

— Іоганнесъ, когда ты говоришь ребенку: „не трогай огня, будетъ больно“! и когда ребенокъ все-таки это дѣлаетъ, потому что онъ не знаетъ, что̀ значитъ больно,—можешь ли ты снять съ себя вину и сказать: „вотъ, дитя было предупреждено“? Ты зналъ вѣдь, что оно не послушается тебя. И люди такъ же глухи и глупы, какъ дѣти. А кто не принимаетъ въ разсчетъ ихъ глупости—похожъ на того, кто изготовляетъ стеклянныя латы и не соображаетъ, что онѣ разобьются, или беретъ стрѣлы изъ глины, не подумавъ о томъ, что онѣ переломятся?

Слова эти западали въ душу Іоганнеса, какъ горячія огненныя капли. И въ его груди выростала скорбь, вытѣснявшая всѣ его прежнія страданія и заставлявшая его теперь часто плакать по ночамъ, въ тихіе безсонные часы.

Ахъ, сонъ! сонъ! Прошло время, много дней прошло послѣ того, когда сонъ сталъ для него милѣе всего. Во снѣ не было ни мысли, ни боли; а по временамъ сны даже утѣшали, возвращая его къ прежней жизни.

Все это было такъ чудесно во снѣ!—днемъ же онъ себѣ совсѣмъ не могъ представить, какъ это было тогда, раньше. Онъ зналъ только, что его стремленія и его страданія были все-таки много лучше пустого, мертваго чувства, которое онъ узналъ теперь. Однажды онъ почувствовалъ опять страстное стремленіе къ Виндекинду, а въ другой разъ онъ съ часа на часъ ждалъ появленія Робинетты. Какъ это было прекрасно! Робинетта! Онъ все еще стремился къ ней, но чѣмъ болѣе онъ учился, тѣмъ болѣе исчезало это страстное стремленіе, потому что и оно было расчленено. Плейзеръ разъяснилъ ему, что̀ такое любовь.

Тогда онъ устыдился самого себя, а докторъ Цифра говорилъ,

что въ этомъ отношеніи еще цифръ нѣтъ, но что и онѣ скоро будутъ. Такимъ образомъ, становилось все темнѣе и темнѣе вокругъ маленькаго Іоганнеса.

Онъ чувствовалъ даже нѣкоторую радость, что во время своихъ странствованій съ Плейзеромъ онъ не встрѣтилъ Робинетты.

Когда онъ говорилъ объ этомъ Плейзеру, тотъ ничего не отвѣчалъ и хитро улыбался. Но Іоганнесъ понималъ, что эта улыбка—зловѣщая.

Тѣми часами, въ которые Іоганнесъ не учился и не работалъ, Плейзеръ пользовался, чтобы показать ему людей.

Онъ переносилъ его всюду—въ больницы, гдѣ въ большихъ палатахъ лежали больные длинными рядами, съ блѣдными, раздирающими душу, лицами, съ тупымъ выраженіемъ отъ боли, гдѣ царила печальная тишина, прерываемая стонами и кашлемъ. Плейзеръ показывалъ ему и тѣхъ, которые никогда не покинутъ больницы; а когда въ опредѣленные часы цѣлыя массы людей стекались къ дому, чтобы навѣщать больныхъ, Плейзеръ говорилъ:

— Посмотри, они всѣ знаютъ, что они сами когда-нибудь вступятъ въ этотъ домъ, въ эти мрачныя палаты, съ тѣмъ, чтобы въ концѣ концовъ тоже быть вынесенными отсюда въ черномъ гробу.

„Какъ же они могутъ быть когда-нибудь веселыми“! — думалъ Іоганнесъ.

Плейзеръ повелъ его въ маленькую залу въ верхнемъ этажѣ, гдѣ царилъ грустный полумракъ и куда доносились отдаленные звуки фортепіано, помѣщавшагося въ сосѣдней квартирѣ; звуки эти были мечтательно грустны и лились не прерываясь. Плейзеръ указалъ ему на больного, тупой взоръ котораго былъ обращенъ на узкую полоску солнечнаго свѣта, медленно проходившую вдоль стѣны.

— Вотъ этотъ лежитъ здѣсь уже семь лѣтъ, — сказалъ Плейзеръ.—Онъ былъ морякомъ, видѣлъ пальмы Индіи, голубыя озера Японіи, лѣса Бразиліи. А теперь въ долгіе дни семи долгихъ лѣтъ онъ утѣшается этой полоской свѣта и отдаленными звуками фортепіано. Онъ отсюда ужъ никогда не выйдетъ, а такое его состояніе можетъ продлиться еще нѣсколько лѣтъ.

Съ этого дня Іоганнесъ считалъ самымъ страшнымъ сномъ тотъ, когда онъ видѣлъ себя проснувшимся въ этой маленькой залѣ, въ грустной полутьмѣ, при мечтательныхъ звукахъ, съ сознаніемъ, что до самой своей смерти ничего другого онъ не увидитъ, кромѣ вѣчныхъ сумерокъ.

Плейзеръ водилъ его по большимъ церквамъ и заставлялъ его слушать, что̀ тамъ говорилось. Они бывали и на большихъ празднествахъ, и во многихъ частныхъ жилищахъ.

Іоганнесъ знакомился съ людьми, и ему часто случалось думать о своей прежней жизни, о сказкахъ, слышанныхъ имъ отъ Виндекинда, и о томъ, что̀ онъ пережилъ. Встрѣчались люди, которые напоминали ему знакомаго свѣтляка, узнавшаго среди звѣздъ своихъ умершихъ товарищей; другіе напоминали майскаго жука, который былъ старше другихъ на одинъ день, и такъ много говорилъ о серьезномъ призваніи въ жизни. Онъ слышалъ также разсказы, которые напоминали ему Критцельфлинка, героя пауковъ, или угря, который ничего не дѣлалъ и котораго питали потому, что молодой толстый властитель долженъ имѣть внушительный видъ. Себя самого онъ сравнивалъ съ молодымъ майскимъ жукомъ, который не зналъ, что̀ такое жизненное призваніе, и который летѣлъ на свѣтъ. Ему казалось, что съ нимъ было то же, что̀ съ тѣмъ жукомъ; что онъ, искалѣченный, безпомощно ползалъ по ковру съ ниточкой вокругъ тѣла, тонкой, впивавшейся въ его тѣло, за которую его тянулъ и рвалъ Плейзеръ.

О, до сада онъ никогда не доползетъ, — и когда же придетъ какая-нибудь тяжелая нога, чтобы его раздавить?!

Плейзеръ смѣялся надъ нимъ, когда онъ говорилъ о Виндекиндѣ. И мало-по-малу онъ начиналъ вѣрить тому, что Виндекинда никогда и не было.

— Но, Плейзеръ, тогда вѣдь и ключика нѣтъ, тогда ничего нѣтъ!

— Ничего! Ничего! Есть люди и цифры; вотъ это дѣйствительно существуетъ; цифръ безконечно много.

— Но, Плейзеръ, въ такомъ случаѣ ты меня обманулъ! Дай мнѣ возможность отдохнуть, не заставляй меня искать, оставь меня одного!

— Развѣ ты забылъ, что̀ говорилъ Гейнъ? Ты долженъ стать человѣкомъ, цѣльнымъ человѣкомъ!

— Я не хочу, это ужасно!

— Ты долженъ, разъ ты этого захотѣлъ. Взгляни на доктора Цифру,—развѣ онъ находитъ это ужаснымъ? Будь такимъ, какъ онъ.

Это была правда. Докторъ Цифра, казалось, былъ постоянно спокоенъ и счастливъ. Неутомимо и непоколебимо шелъ онъ своей дорогой, учась самъ и уча другихъ, довольный и равнодушный.

— Посмотри на него, — говорилъ Плейзеръ:—онъ видитъ

все, и въ то же время не видитъ ничего. Онъ дѣлаетъ наблюденія надъ людьми, какъ будто онъ самъ—совсѣмъ иное существо, не имѣющее съ ними ничего общаго. Среди болѣзней и горя онъ проходитъ такъ, какъ будто онъ неуязвимъ, и обращается со смертью, какъ будто онъ самъ безсмертенъ. Онъ хочетъ понимать лишь то, что̀ видитъ, и всѣ выводы, къ которымъ онъ приходитъ, для него безразличны. Онъ доволенъ всѣмъ, что̀ для него понятно. Такимъ долженъ быть и ты.

— Этого я не смогу никогда!

— А въ такомъ случаѣ и я не могу тебѣ помочь.

Таковъ бывалъ всегда безнадежный конецъ ихъ бесѣдъ. Іоганнесъ сталъ вялъ и равнодушенъ, искалъ и искалъ, но уже не отдавая себѣ отчета, чего онъ искалъ и зачѣмъ. Онъ сталъ подобенъ тѣмъ многимъ, которые соглашались съ Вистикомъ.

Настала зима; онъ едва это замѣтилъ.

Однажды туманнымъ утромъ, когда грязный снѣгъ лежалъ на улицѣ, а съ деревьевъ и крышъ падали капельки, онъ совершалъ съ Плейзеромъ свой обычный ежедневный обходъ.

На одной площади онъ встрѣтилъ толпу молодыхъ дѣвушекъ со школьными книжками въ рукахъ. Онѣ перебрасывались снѣжками, смѣялись и дразнили другъ друга.

Звонко раздавались ихъ голоса надъ снѣжной площадкой. Не слышно было ни шума шаговъ, ни каретъ, звучали лишь бубенчики лошадей и изрѣдка хлопала дверь лавки. Звонко раздавался въ тишинѣ весе́лый смѣхъ.

Іоганнесъ видѣлъ, какъ одна изъ дѣвушекъ посмотрѣла на него и стала слѣдить за нимъ.

На ней была шубка и черная шляпа. Онъ какъ будто видѣлъ это лицо, но въ то же время не могъ вспомнить, кто она была такая. Она привѣтливо кивнула ему разъ, другой.

— Кто это? Я ее знаю.

— Да, это такъ. Ее зовутъ Маріей; а нѣкоторые называютъ ее Робинеттой.

— Нѣтъ, этого не можетъ быть! Она непохожа на Виндекинда. Это совсѣмъ обыкновенная дѣвушка.

— Ха, ха, ха!—раздался смѣхъ Плейзера.—Она не можетъ походить на кого-нибудь, кто не существуетъ. Но она и есть та самая... Ты такъ къ ней стремился, я теперь и отведу тебя къ ней.

— Нѣтъ, я не хочу ее видѣть. Пусть лучше бы я увидѣлъ ее мертвой, какъ видѣлъ другихъ.

И Іоганнесъ болѣе не сталъ оборачиваться, но быстро пошелъ впередъ, бормоча про себя:

— Теперь все кончено! Ничего нѣтъ! Ничего!

XIII.

Однажды, въ началѣ весны, въ одно тихое прекрасное утро, ясный солнечный свѣтъ залилъ своими теплыми лучами весь городъ. Свѣтлые лучи дошли и до той комнатки, въ которой жилъ Іоганнесъ; на низкомъ потолкѣ они искрились и трепетали длинной полоской; это было отраженіе ряби воды въ каналѣ.

Іоганнесъ сидѣлъ передъ окномъ въ солнечномъ свѣту и смотрѣлъ на городъ, казавшійся при такомъ освѣщеніи совсѣмъ другимъ. Сѣрый туманъ превратился въ блестящую солнечную синеву, въ которой потонули концы длинныхъ улицъ и далекія башни. Бѣлые края черепичныхъ крышъ серебрились. На всѣхъ домахъ солнечный свѣтъ отражался свѣтлыми линіями и яркими полосками. Блѣдновато-голубой воздухъ придавалъ всему теплые тона. Вода, казалось, жила. Бурыя почки вяза налились и блестѣли, а шумливые воробьи порхали между вѣтвями.

Іоганнесъ смотрѣлъ на все это и чувствовалъ себя какъ-то странно. Весеннее солнышко навѣяло на него сладкую дремоту, не то—забвеніе, не то—нѣгу. Мечтая, смотрѣлъ онъ на блескъ волны, на разбухающія почки, и прислушивался къ щебетанію воробьевъ. Отрада и восторгъ слышались въ этихъ весеннихъ звукахъ.

Такъ мирно настроенъ онъ не былъ уже давно; такимъ счастливымъ онъ тоже не чувствовалъ себя давно.

Это былъ прежній солнечный свѣтъ, который онъ теперь вновь узналъ. Это было солнце, которое прежде когда-то манило его въ даль, тянуло его въ садъ, гдѣ онъ въ тѣни старой стѣны ложился на теплую землю, и, подолгу наслаждаясь свѣтомъ и теплом, не спускалъ глазъ съ грѣвшихся на солнцѣ стебельковъ растеній.

Онъ вспомнилъ теперь, какъ ему бывало хорошо въ той тишинѣ, которая придавала его сердцу какое-то увѣренное чувство любви къ родинѣ. То было много лѣтъ тому назадъ, на лонѣ матери земли. Ему вспомнилось все прошедшее, но онъ не плакалъ и не стремился къ нему. Онъ сидѣлъ тихо, мечтая и желая только одного, чтобы свѣтило солнце.

— Что ты сидишь такъ задумчиво, Іоганнесъ?—вскрикнулъ Плейзеръ:—ты знаешь, я терпѣть не могу дремоты и мечтаній.

Іоганнесъ умоляюще поднялъ задумчивые глаза.

— Дай мнѣ остаться такъ еще немножко!—просилъ онъ:—солнце такъ хорошо!

— И что ты тамъ нашелъ въ солнцѣ?—сказалъ Плейзеръ. —Оно не что иное, какъ большая свѣча, и не все ли равно—сидишь ли ты при свѣтѣ свѣчки или солнца! Посмотри! тѣ тѣни и тѣ свѣтлыя пятна на улицѣ — это не что иное, какъ отраженіе свѣта, спокойно горящаго и не мерцающаго. А источникъ этого свѣта, солнце—лишь крохотное пламя, освѣщающее крохотный кусочекъ міра. Тамъ, тамъ, за этой синевой, подъ тобой и надъ тобой, тамъ мракъ, холодъ и снова мракъ. Тамъ ночь и теперь, и во вѣки вѣковъ!

Но его слова не произвели дѣйствія на Іоганнеса. Тихіе теплые солнечные лучи проникали его всего насквозь и наполняли всю его душу; въ ней были миръ и ясность.

Плейзеръ повелъ его въ холодное жилище доктора Цифры. Нѣкоторое время передъ нимъ еще носились солнечные яркіе образы, затѣмъ они мало-по-малу стали блѣднѣть, и къ полудню Іоганнесъ погрузился въ обычную полную тьму.

Когда же наступилъ вечеръ, и онъ снова шелъ по улицамъ, воздухъ казался ему душнымъ и наполненнымъ влажными весенними запахами. Все пахло въ десять разъ сильнѣе, и въ узкихъ улицахъ онъ задыхался, зато на открытыхъ площадяхъ до него доносился запахъ травы и древесныхъ почекъ. А надъ городомъ, въ спокойныхъ облачкахъ, въ нѣжной зарѣ западной стороны неба, чувствовалась близость весны.

Сумерки спускались на городъ — какъ бы покрываломъ изъ самыхъ нѣжныхъ тоновъ. Въ улицахъ было тихо, только вдали гдѣ-то звучалъ трогательный мотивъ шарманки; дома возвышались подобно чернымъ тѣнямъ на красномъ вечернемъ небѣ, а острыя верхушки зданій и трубы походили на безчисленное множество поднятыхъ кверху рукъ.

Іоганнесу казалось, что солнце, освѣщая послѣдними заходящими лучами большой городъ, прощается съ нимъ тою улыбкою, которая прощаетъ всѣ заблужденія. И онъ чувствовалъ его нѣжную теплоту на своихъ щекахъ.

Тоска сжала сердце Іоганнеса, такая тоска, что онъ не могъ продолжать путь, и, глубоко вздыхая, обратилъ лицо къ далекому небу. Весна снова звала его, и онъ слышалъ ея зовъ. Ему хо-

тѣлось отвѣчать, ему хотѣлось идти къ ней на встрѣчу! Въ немъ заговорили раскаяніе, любовь и прощеніе.

Полный стремленій и ожиданій, онъ смотрѣлъ вверхъ, и слезы текли изъ его глазъ.

— Что̀ съ тобою Іоганнесъ? не веди себя такъ глупо, вѣдь люди смотрятъ на тебя,—сказалъ Плейзеръ.

Печально и мрачно вытянулись по обѣимъ сторонамъ длинные, однообразные ряды домовъ; отъ нихъ вѣяло затхлымъ воздухомъ; они, казалось, отвѣчали жалобными звуками на весенній привѣтъ.

Люди сидѣли у дверей и на лѣстницахъ, чтобы тоже наслаждаться весной; это показалось Іоганнесу насмѣшкой. Грязныя двери стояли настежъ, а спертый воздухъ за ними поджидалъ этихъ людей. Вдали замирали грустные звуки шарманки. „О, улетѣть бы отсюда, далеко, на дюны, къ морю“!

Но онъ долженъ былъ вернуться въ высокую маленькую комнатку; зато спать въ эту ночь онъ не могъ.

Онъ думалъ о своемъ отцѣ и о длинныхъ прогулкахъ, которыя онъ съ нимъ продѣлывалъ, когда онъ, бывало, шелъ позади него въ десяти шагахъ, и когда отецъ писалъ для него буквы на пескѣ. Онъ думалъ о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ среди кустарниковъ ростутъ фіалки, и о тѣхъ дняхъ, когда онъ ихъ искалъ вмѣстѣ съ отцомъ. Всю ночь лицо отца стояло передъ нимъ именно такимъ, какимъ онъ видывалъ его при мирномъ свѣтѣ лампы, прислушиваясь къ скрипу пера, которымъ тотъ писалъ.

Съ этихъ поръ Іоганнесъ каждое утро сталъ просить Плейзера отпустить его домой къ отцу, чтобы увидѣть еще разъ садъ и дюны. Теперь только онъ понялъ, что любилъ отца болѣе, чѣмъ Престо и свою каморку, потому что только изъ-за отца и просилъ Плейзера.

— Ну, хоть скажи мнѣ, какъ онъ живетъ, и сердится ли онъ еще на меня за то, что я такъ долго отсутствовалъ?

Плейзеръ пожималъ плечами.

— А еслибы ты и узналъ, какъ же тебѣ это помогло бы?

А весна продолжала его звать все громче и громче. Каждую ночь снились ему темнозеленыя болота, холмы дюнъ и солнечный свѣтъ, проглядывавшій сквозь нѣжную молодую листву.

„Такъ не можетъ дольше продолжаться, — думалъ Іоганнесъ:—я не могу болѣе этого выносить“.

И часто, когда ему не спалось, онъ тихо вставалъ, подходилъ къ окну и всматривался въ темноту ночи. Онъ смотрѣлъ, какъ легкія, похожія на пухъ, облачка медленно скользили по

лунѣ и мирно продолжали плыть по искрившемуся морю. Онъ думалъ о томъ, какъ должны тамъ вдали дремать дюны во влагѣ ночи, какъ волшебно должно быть въ густой рощицѣ, гдѣ навѣрное ни одинъ листокъ не шелохнется, и гдѣ воздухъ пропитанъ ароматомъ влажнаго моха и свѣжихъ березовыхъ вѣтокъ. Ему казалось, что онъ слышитъ, какъ издалека черезъ поля доносится хоръ лягушекъ, и чудилось ему пѣніе единственной птицы, которая осмѣливается нарушать торжественную тишину, начиная пѣніе тихо и жалобно и внезапно его обрывая, послѣ чего тишина кажется еще болѣе торжественной. И все это манило его къ себѣ. Онъ опустилъ голову на подоконникъ и рыдалъ, закрывъ лицо руками.

— Я не могу! Я не въ силахъ этого вынести. Если мнѣ нельзя будетъ скоро уйти туда, я умру!

Когда Плейзеръ, на слѣдующее утро, пришелъ будить его, онъ все еще сидѣлъ у окна, гдѣ заснулъ, положивъ руки подъ голову.

Дни проходили, становились длиннѣе и теплѣе, и никакого измѣненія не наступало. Но Іоганнесъ не умеръ и долженъ былъ переносить свои страданія.

Однажды утромъ докторъ Цифра сказалъ ему:

— Не хочешь ли, Іоганнесъ, пойти со мною? мнѣ нужно навѣстить больного.

Докторъ Цифра славился своею ученостью, и многіе звали его къ больнымъ и умирающимъ. Іоганнесъ часто его сопровождалъ.

Плейзеръ былъ въ это утро необыкновенно веселъ. Онъ постоянно вставалъ на голову, танцовалъ, кувыркался и продѣлывалъ всевозможныя сумасшедшія шутки. Онъ многозначительно хихикалъ, точно готовя кому-то неожиданность.

Но докторъ Цифра былъ серьезенъ, какъ всегда.

Въ этотъ разъ имъ предстояло цѣлое путешествіе, сначала по желѣзной дорогѣ, потомъ пѣшкомъ. Они отправлялись дальше обыкновеннаго. Еще ни разу Іоганнесъ не былъ за-городомъ.

Былъ теплый, чудный день. Изъ вагона желѣзной дороги Іоганнесъ видѣлъ большой зеленый лугъ съ высокой травой и пасшимся скотомъ. Онъ видѣлъ бѣлыхъ бабочекъ, вившихся надъ усѣянной цвѣтами землей среди дрожавшаго отъ жары воздуха.

Вдругъ онъ встрепенулся: онъ увидѣлъ длинный рядъ дюнъ.

— Однако, Іоганнесъ,—хихикалъ Плейзеръ,—твое желаніе исполнилось таки!

Едва вѣря своимъ глазамъ, Іоганнесъ устремилъ взоръ по

направленію къ дюнамъ. Онѣ подвигались все ближе и ближе. Казалось, что длинныя канавы по сторонамъ дороги вертѣлись около своей оси, а отдѣльныя жилища быстро мелькали мимо нихъ.

Вотъ появились деревья: густые каштаны въ роскошномъ цвѣту, на которыхъ висѣли тысячи кистей большихъ бѣлыхъ и красныхъ цвѣтовъ, темныя голубовато-зеленыя сосны, стройныя липы.

Такъ это—правда! онъ снова увидитъ свои дюны! Поѣздъ остановился; они всѣ трое пошли пѣшкомъ подъ тѣнистой листвой.

Вотъ и темно-зеленый мохъ съ круглыми пятнами солнечнаго свѣта, и запахъ хвои, и свѣжій духъ березы!

„Неужели это правда? Неужели это дѣйствительность?—думалъ Іоганнесъ,—неужели счастіе наступаетъ“?!

Его глаза блестѣли и сердце громко стучало. Онъ начиналъ вѣрить своему счастью. Эти деревья, эта почва были ему хорошо знакомы; по этой лѣсной дорожкѣ онъ часто ходилъ.

На дорогѣ никого не было, кромѣ нихъ, но Іоганнесъ постоянно оглядывался, какъ будто за нимъ кто-то шелъ. Ему казалось, что между дубовой листвой мелькала темная человѣческая фигура, которая при поворотахъ дорожки куда-то исчезала.

Плейзеръ поглядывалъ на него загадочно и не безъ хитрости. Докторъ Цифра шелъ большими шагами и глядѣлъ въ землю.

Дорога становилась все знакомѣе, все милѣе; Іоганнесъ узналъ каждый кустикъ, каждый камень. Вдругъ онъ почувствовалъ, что сердце его замерло: онъ стоялъ передъ своимъ прежнимъ жилищемъ.

Каштанъ передъ домомъ все такъ же разстилалъ свои большіе тѣнистые листья, похожіе на ладони. До самой верхушки красовались чудные бѣлые цвѣты среди густой листвы.

Онъ услышалъ знакомый шорохъ раскрывшейся двери и на него пахну́ло знакомымъ запахомъ его жилья. Съ щемящимъ чувствомъ утраченной отчизны узналъ онъ этотъ входъ, эти двери, каждую мелочь, потому что все это было когда-то частью его дѣтской жизни, правда, одинокой, но полной мысли. Со всѣми этими предметами онъ когда-то велъ бесѣды, съ ними онъ жилъ общею жизнью, въ которую не впускалъ ни одного человѣка. Теперь онъ чувствовалъ себя чужимъ и вытолкнутымъ изъ стараго жилья, изо всѣхъ этихъ комнатъ, переходовъ и угловъ. Онъ сознавалъ, что возвратъ къ прошлому былъ немыслимъ; ему казалось, что онъ ходитъ по кладбищу; на душѣ было такъ же грустно, такъ же смутно.

Еслибы еще Престо выскочилъ, стало бы веселѣе; но Престо, конечно, или околѣлъ, или сбѣжалъ.

Но гдѣ же отецъ?

Іоганнесъ оглянулся на открытую дверь и на освѣщенный солнцемъ садъ, и увидѣлъ, что человѣкъ, который ему, казалось, слѣдовалъ за нимъ по дорогѣ, подходилъ теперь къ дому. Онъ приближался и какъ будто бы выросталъ. Когда онъ былъ уже въ дверяхъ, большая холодная тѣнь легла на полу сѣней. Іоганнесъ узналъ высокаго человѣка.

Въ домѣ стояла мертвая тишина.

Они молча поднялись по лѣстницѣ. Тамъ была ступенька, которая всегда скрипѣла подъ ногами, Іоганнесъ и это помнилъ. И теперь онъ услышалъ, какъ она три раза скрипнула, и этотъ скрипъ звучалъ подобно болѣзненному стону. Въ четвертый разъ послышались какъ бы сдавленныя рыданія.

Вверху Іоганнесъ дѣйствительно услышалъ вздохи, медленные и правильные, какъ тиканье часовъ. Это были тяжелые, странные звуки.

Дверь въ его дѣтскую каморку была открыта. Іоганнесъ бросилъ въ нее быстрый, пугливый взглядъ. Странные цвѣты на обояхъ смотрѣли на него удивленно и безжизненно. Стѣнные часы остановились.

Они взошли въ комнату, откуда доносились звуки. Это была спальня отца. Солнце весело освѣщало ее, и лучи его падали на закрытый зеленый пологъ кровати. Симонъ, котъ, сидѣлъ на подоконникѣ и грѣлся. Тяжелый запахъ вина и камфоры наполнялъ комнату. Тихіе стоны слышались теперь ближе.

Іоганнесъ услышалъ шопотъ тихихъ голосовъ и шуршаніе боязливыхъ шаговъ. Зеленый пологъ былъ раздвинутъ.

Онъ увидѣлъ лицо отца, которое за послѣднее время такъ часто представлялъ себѣ. Но теперь это было совсѣмъ другое лицо, блѣдно-матовое, съ сѣрыми тѣнями. Ласковое и умное выраженіе исчезло, и глаза глядѣли неподвижно и пугливо. За полураскрытымъ ртомъ виднѣлись зубы, а за полу-закрытыми вѣками—бѣлки глазъ. Голова запрокинулась въ подушки, и при каждомъ стонѣ больного ритмически поднималась, чтобы въ слѣдующее мгновеніе снова склониться на бокъ.

Неподвижно стоялъ Іоганнесъ у кровати и пристальными, вытаращенными глазами вглядывался въ хорошо знакомое лицо. О чемъ онъ думалъ, онъ не зналъ, но онъ не смѣлъ пошевелиться, онъ не смѣлъ схватить старыя, морщинистыя руки, безпомощно лежавшія на бѣлой простынѣ.

Все потемнѣло вокругъ него,—и солнце, и свѣтлая комната, и зелень сада, и ясное голубое небо,—все, что было за нимъ, все почернѣло, стало непроницаемо, и среди этой тьмы онъ не видѣлъ ничего, кромѣ блѣдной головы, лежавшей передъ нимъ. И не переставая думалъ онъ объ этой бѣдной головѣ, которая, казалось, такъ устала и все-таки каждый разъ съ болѣзненнымъ стономъ должна была снова подниматься и снова опускаться.

Но вотъ правильныя движенія на минуту измѣнились. Стоны ослабѣли, вѣки медленно раскрылись, глаза, блуждая, искали чего-то и губы пытались что-то прошептать.

— Здравствуй, отецъ!—прошепталъ Іоганнесъ, со страхомъ и дрожью смотря въ тревожно вращавшіеся глаза. Одно мгновеніе усталый взоръ остановился на немъ, и легкая, едва замѣтная улыбка проскользнула по впалымъ щекамъ. Худая рука, отдѣлясь отъ простыни, поднялась кверху, сдѣлала неувѣренное движеніе въ сторону Іоганнеса и болѣзненно упала назадъ.

— Ну, вотъ еще! — сказалъ Плейзеръ. — Пожалуйста, безъ трогательныхъ сценъ!

— Посторонись, Іоганнесъ,—сказалъ докторъ Цифра:—надо посмотрѣть, въ чемъ дѣло.

Докторъ началъ изслѣдованіе. Іоганнесъ отошелъ отъ постели и сталъ у окна. Онъ смотрѣлъ на яркую траву и ясное небо, на широкіе листья каштана, на которыхъ сидѣли толстыя мухи, блестя на солнцѣ голубымъ цвѣтомъ. Стоны снова раздались и при томъ съ прежнею правильностью.

Черный дроздъ въ саду скакалъ по травѣ; большія красновато-черныя бабочки кружились надъ цвѣточными грядками; изъ листвы высокихъ деревьевъ доносилось до Іоганнеса мягкое ласкающее воркованіе лѣсныхъ голубковъ.

А внутри комнаты раздавались все тѣ же стоны. Онъ долженъ былъ слушать ихъ; они доносились правильно, неотразимо, какъ непрерывно падающая капля, способная довести до сумасшествія. При каждомъ промежуткѣ онъ напряженно ожидалъ. Стоны наступали снова, ужасно, мучительно, какъ приближающіеся шаги смерти.

А въ саду царствовали миръ и тепло. Все грѣлось на солнышкѣ и все наслаждалось. Травки трепетали и листья шумѣли, полные нѣги; высоко надъ верхушками деревьевъ, въ мерцавшей синевѣ парилъ ястребъ, спокойно взмахивая крыльями.

Іоганнесъ ничего не понималъ; все происходившее передъ нимъ казалось ему неразрѣшимой загадкой. Въ его душѣ все спуталось и померкло. „Какъ это все можетъ быть въ моей

душѣ одновременно"?—спрашивалъ онъ себя.—„Я ли это?' Неужели это мой отецъ? Мой родной отецъ"?

Ему казалось, что онъ думалъ о комъ-то постороннемъ. Это ему когда-то разсказывали, разсказывали о Іоганнесѣ, о домѣ, гдѣ онъ жилъ, и объ его отцѣ, котораго онъ покинулъ и который долженъ былъ умереть. Это не о немъ была рѣчь, а просто разсказъ. Правда, грустный разсказъ и даже очень! Но это его не касается.

Да! Да! И все-таки! Это былъ онъ самъ, Іоганнесъ!

— Я не понимаю, въ чемъ дѣло,—сказалъ докторъ Цифра, поднимаясь;—это загадочный случай.

Плейзеръ всталъ около Іоганнеса.

— Не хочешь ли и ты подойти и посмотрѣть, Іоганнесъ? Это любопытный случай. Докторъ не можетъ понять его.

— Оставь меня,—сказалъ Іоганнесъ, не оборачиваясь,—я не могу думать.

Но Плейзеръ подошелъ къ нему сзади и сталъ по своей привычкѣ рѣзко шептать ему на ухо:

— Не думать?! Тебѣ кажется, что ты могъ бы не думать? Ты ошибаешься. Ты долженъ думать. Хотя бы ты и смотрѣлъ на зелень и на голубое небо, это тебѣ не поможетъ. Виндекиндъ, все равно, не придетъ. А этотъ больной человѣкъ, все равно, умретъ. Это ты видишь такъ же хорошо, какъ и мы. Чѣмъ онъ страдаетъ, какъ ты думаешь?

— Я не знаю, я не хочу этого знать.

Іоганнесъ замолчалъ и сталъ прислушиваться къ стонамъ, которые звучали въ его ушахъ подобно тихой укоризненной жалобѣ. Докторъ Цифра дѣлалъ замѣтки въ книжечкѣ. У изголовья сидѣла темная фигура, которая пришла вмѣстѣ съ ними; опустивъ голову, протянувъ длинную руку къ больному, она, не отводя глубоко-впалыхъ глазъ, смотрѣла на часы.

Рѣзкій шопотъ надъ ухомъ Іоганнеса раздался снова.

— Чего ты такъ огорчаешься, Іоганнесъ? Твое желаніе исполнилось. Тамъ лежатъ дюны, тамъ солнечные лучи озаряютъ зелень, тамъ вьются бабочки и поютъ птицы. Чего тебѣ еще нужно? Или ты ждешь Виндекинда? Если ужъ онъ гдѣ-либо, такъ это тамъ. Почему же онъ не приходитъ? Или онъ боится нашего мрачнаго друга у изголовья умирающаго? Но вѣдь онъ самъ всегда существовалъ. Видишь ли ты теперь, Іоганнесъ, что все это было дѣло воображенія? Слышишь ли стоны? Они стали тише, чѣмъ прежде; скоро они прекратятся совсѣмъ. Ну, такъ что же? Вѣдь стоновъ было много и тогда, когда ты скитался между розами на дюнахъ.

Что же ты теперь стоишь, грустишь и не идешь къ дюнамъ, какъ прежде? Взгляни, тамъ все цвѣтетъ, благоухаетъ и поетъ, какъ будто бы ничего и не произошло. Отчего же ты не принимаешь участія во всемъ этомъ веселіи и во всей этой жизни? То ты жалуешься, и тебя тянетъ сюда; вотъ я тебя привелъ, куда тебѣ хотѣлось,—и опять нехорошо! Смотри, я даю тебѣ свободу, иди въ лѣсъ, ложись въ прохладной тѣни и слушай, какъ будутъ жужжать мухи; вдыхай ароматъ молодыхъ травъ, ты свободенъ, ну, иди же! Ищи опять Виндекинда! Ты не хочешь? Такъ ты все-таки только въ меня одного вѣришь? Развѣ все неправда, о чемъ я тебѣ разсказывалъ? Кто лгалъ: Виндекиндъ, или я? Прислушайся къ стонамъ, какъ они отрывисты и слабы. Скоро все стихнетъ... Но не оглядывайся же такъ боязливо, Іоганнесъ. Чѣмъ скорѣе наступитъ тишина, тѣмъ лучше. Больше ужъ ты не будешь съ отцомъ дѣлать далекихъ прогулокъ, никогда не будешь съ нимъ искать фіалокъ. Съ кѣмъ онъ гулялъ въ теченіе тѣхъ лѣтъ, пока ты отсутствовалъ? Да, объ этомъ ты ужъ спросить его больше не можешь; этого ты никогда не узнаешь. Теперь ты долженъ однимъ мною довольствоваться. Если бы ты зналъ меня нѣсколько раньше, ты бы не смотрѣлъ теперь на все такъ безнадежно. Ты еще далеко не тотъ, какимъ ты долженъ быть. Думаешь ли ты, что докторъ Цифра, на твоемъ мѣстѣ, повѣсилъ бы такъ голову? Его огорчило бы это настолько же, какъ и того кота, который грѣется на солнцѣ. И это правильно. Къ чему служитъ отчаяніе? Развѣ цвѣты учили тебя этому? Они тоже не печалятся, когда одинъ изъ нихъ срывается неизвѣстной рукой. Развѣ это не счастіе? Они ничего не знаютъ—вотъ почему они счастливы. Но разъ ты началъ хоть что-либо познавать, ты долженъ знать все, чтобы быть счастливымъ. Этому я одинъ могу тебя научить. Все или ничего! Слушайся меня. И что тебѣ въ томъ, что онъ отецъ твой? Онъ—умирающій человѣкъ, а это —самое обыкновенное дѣло. Слышишь ли ты еще стоны? Едва, едва слышны... Ну, кажется, конецъ!

Съ стѣсненнымъ сердцемъ взглянулъ Іоганнесъ на постель.

Котъ Симонъ спрыгнулъ съ подоконника, потянулся и, мурлыкая, улегся рядомъ съ умирающимъ на постели.

Бѣдная усталая голова болѣе не шевелилась; она спокойно лежала, вдавленная въ подушки, но изъ полуоткрытаго рта все еще вылетали отрывистые слабые звуки. Они становились все тише и были едва слышны.

Тогда сидѣвшій у изголовья Гейнъ перевелъ глаза съ часовъ къ опущенной головѣ и поднялъ руку. Все стихло. Легкая

тѣнь легла на застывшее лицо. Наступила мертвая, тяжелая тишина!

Іоганнесъ ждалъ, все еще чего-то ждалъ.

Но раздававшіеся ранѣе стоны не возобновлялись. Было тихо, мертвенно, щемяще тихо.

Напряженное ожиданіе послѣднихъ часовъ исчезло, и Іоганнесу показалось, что душа его освободилась и упала въ темную бездонную пустоту. Онъ падалъ все глубже и глубже. Кругомъ него было темно и тихо. Голосъ Плейзера звучалъ какъ бы издалека:

— Итакъ, и эта исторія окончилась.

— Ну,—сказалъ докторъ Цифра,—теперь ты можешь самъ разсмотрѣть, что̀ такое съ нимъ было. Это я тебѣ предоставляю. Я долженъ уйти.

Котъ выгнулъ спину; около трупа ему стало холодно, и онъ пошелъ искать солнышка, чтобы согрѣться.

Іоганнесъ увидѣлъ, какъ Плейзеръ взялъ ножъ, внимательно осмотрѣлъ его и подошелъ къ кровати.

Этотъ моментъ вывелъ Іоганнеса изъ состоянія отупѣнія. Прежде чѣмъ Плейзеръ подошелъ къ кровати, онъ уже стоялъ передъ нимъ.

— Что̀ ты хочешь дѣлать?—спросилъ онъ. Глаза его были широко раскрыты отъ ужаса.

— Хочу посмотрѣть, что̀ это такое съ нимъ было, отчего онъ умеръ,—сказалъ Плейзеръ.

— Нѣтъ!—рѣшительно отвѣтилъ Іоганнесъ, и его голосъ зазвучалъ твердо, какъ голосъ взрослаго мужчины.

— Это что̀ значитъ?—спросилъ Плейзеръ, свирѣпо блеснувъ глазами.—Можешь ли ты мнѣ это запретить? Развѣ ты не знаешь, какъ я силенъ?

— Я этого не хочу,—проговорилъ Іоганнесъ. Стиснувъ зубы, онъ глубоко вздохнулъ и пристально посмотрѣлъ на Плейзера, вытянувъ руку по направленію къ нему.

Плейзеръ подошелъ ближе. Тогда Іоганнесъ схватилъ его за колѣно и сталъ съ нимъ бороться.

Плейзеръ былъ силенъ, онъ это зналъ; еще никому не удавалось побороть его. Но Іоганнесъ не уступалъ и твердо стоялъ на своемъ.

Ножъ снова блеснулъ передъ нимъ. Изъ глазъ посыпались искры, замелькали красные круги, но онъ все-таки не поддавался и продолжалъ бороться.

Онъ зналъ, что̀ произойдетъ, если онъ будетъ побѣжденъ.

Онъ зналъ это по опыту. Но то, что было позади него, былъ трупъ его отца, и онъ ни за что не хотѣлъ допустить, чтобы его трогали.

Пока они боролись, тяжело дыша, позади ихъ лежало мертвое тѣло, все такъ же вытянутое и неподвижное, какъ и въ тотъ моментъ, когда только-что наступила зловѣщая тишина; бѣлки глазъ виднѣлись узкой полоской, углы рта были приподняты и сложились въ застывшую усмѣшку. Когда оба, въ пылу борьбы, задѣвали за кровать, голова мертвеца слегка переваливалась то въ одну, то въ другую сторону.

Іоганнесъ все еще держался, хотя дыханіе начинало измѣнять ему, и онъ ничего больше не видѣлъ.

Глаза затянула какая-то кроваво-красная завѣса; но онъ все еще боролся. Мало-по-малу руки его стали разжиматься, не ощущая болѣе сопротивленія; онѣ устало опустились внизъ, а въ сжатыхъ кулакахъ не оказалось ничего.

Когда онъ оглянулся, Плейзера уже не было. Одинъ Гейнъ еще сидѣлъ у кровати и кивалъ ему головой.

— Это было хорошо съ твоей стороны,—сказалъ онъ.

— Неужели онъ снова придетъ? — прошепталъ Іоганнесъ.

Гейнъ покачалъ головой.

— Никогда. Кто разъ отважился побороть его, тотъ болѣе его не увидитъ.

— А Виндекиндъ? Увижу ли я опять Виндекинда?

Долго мрачный человѣкъ глядѣлъ пристально на Іоганнеса. Его взглядъ не возбуждалъ болѣе ужаса, былъ мягокъ и серьезенъ; онъ притягивалъ Іоганнеса подобно глубокой безднѣ.

— Я одинъ могу отвести тебя къ Виндекинду,—наконецъ, сказалъ онъ. — Только съ моей помощью ты можешь найти книжечку.

— Такъ возьми меня съ собой, теперь ужъ никого нѣтъ; возьми и меня, какъ другихъ; мнѣ ничего больше не нужно.

Гейнъ снова отрицательно покачалъ головой.

— Ты любишь людей, Іоганнесъ. Ты этого не зналъ, но ты всегда ихъ любилъ. Есть что-то чудесное въ томъ, что заставляетъ стать хорошимъ человѣкомъ.

— Я не хочу; возьми меня съ собой...

— Нѣтъ, нѣтъ. Ты хочешь, и ты не можешь иначе...

Съ этими словами длинная темная фигура стала исчезать передъ глазами Іоганнеса, она расплылась въ неопредѣленныя очертанія; легкое сѣрое облако пронеслось по комнатѣ и исчезло въ солнечныхъ лучахъ.

Іоганнесъ склонилъ голову къ краю постели и плакалъ надъ умершимъ человѣкомъ.

XIV.

Спустя долгіе часы поднялъ онъ голову. Косые солнечные лучи, падавшіе въ комнату, отливали красноватымъ оттѣнкомъ. Они походили на прямые золотые прутья.

— Отецъ, отецъ!—прошепталъ Іоганнесъ.

А снаружи, внѣ печальной комнаты, вся природа наполнялась золотисто-багрянымъ солнечнымъ сіяніемъ. Ни одинъ листикъ не шевелился и все замерло въ нѣмомъ очарованіи.

Въ воздухѣ вмѣстѣ со свѣтомъ какъ бы едва слышно проносился нѣжный шелестъ; свѣтлые лучи, казалось, пѣли:

— „Сынъ солнца! сынъ солнца"!

Іоганнесъ поднялъ голову и прислушался. Въ его ушахъ звучало:

— „Сынъ солнца! сынъ солнца"!

Казалось, то былъ голосъ Виндекинда. Только онъ одинъ звалъ его такъ; неужели онъ его теперь призывалъ?

Но въ это время онъ взглянулъ на блѣдное лицо, лежавшее рядомъ, и ему не хотѣлось больше прислушиваться.

— Бѣдный, милый отецъ!—сказалъ онъ.

Вдругъ звуки опять раздались около него, уже со всѣхъ сторонъ, такъ сильно, такъ могуче, что онъ задрожалъ отъ необыкновеннаго умиленія.

— „Сынъ солнца! Сынъ солнца"!

Іоганнесъ поднялся съ своего мѣста и выглянулъ въ садъ. Какой свѣтъ! Какой чудный свѣтъ! Онъ заливалъ всѣ верхушки деревьевъ, блестѣлъ въ травѣ и искрился въ темныхъ тѣняхъ. Онъ наполнялъ весь воздухъ вплоть до синей выси, гдѣ зарождались впервые вечернія облачка.

За зеленой лужайкой, между деревьями и кустами, виднѣлись холмы дюнъ. На ихъ верхушкахъ горѣло яркое золото, а въ ихъ тѣни отливало синевою неба.

Спокойно раскинувшіяся дюны, казалось, были покрыты одѣяніемъ изъ нѣжныхъ цвѣтовъ. Ихъ легкія, едва уловимыя очертанія дѣйствовали на душу умиротворяюще, подобно молитвѣ. Іоганнесъ опять почувствовалъ себя такъ, какъ тогда, когда Виндекиндъ училъ его молиться.

Да не онъ ли это—та свѣтлая фигура въ голубомъ плащѣ?

Тамъ что-то мерцаетъ среди свѣта въ золотисто-голубомъ туманѣ... Не Виндекиндъ ли это манитъ его?

Іоганнесъ выбѣжалъ на солнце и замеръ на мгновеніе. Его охватили чары свѣта, и онъ не смѣлъ пошевелиться среди всеобщей тишины.

Свѣтлое видѣніе не исчезало. Это былъ Виндекиндъ! Несомнѣнно—онъ. Сіявшая голова съ золотистыми волосами была обращена къ нему, ротъ полуоткрытъ, какъ будто онъ его звалъ къ себѣ. Онъ манилъ его правой рукой, лѣвою же что-то поднялъ кверху и держалъ высоко въ своихъ гибкихъ пальцахъ. Это что-то блестѣло и сіяло въ его рукѣ.

Съ крикомъ блаженнаго восторга, при видѣ сбывшейся надежды, бросился Іоганнесъ на встрѣчу милому видѣнію. Оно отдѣлилось отъ земли и неслось передъ нимъ съ улыбающимся лицомъ и манящей рукой. По временамъ оно касалось земли, при чемъ медленно наклонялось, потомъ снова легко и быстро поднималось и неслось далѣе, подобно сѣмени, гонимому вѣтромъ.

Іоганнесу также хотѣлось подняться и летѣть туда съ нимъ, какъ бывало прежде и какъ случалось еще иногда во снѣ. Но земля притягивала его ноги, его шаги ступали по прежнему тяжело по травянистой землѣ. Съ трудомъ онъ выискивалъ дорогу между кустами, которые, царапая, задѣвали его за платье, а вѣтки хлестали по лицу. Задыхаясь и спотыкаясь, карабкался онъ на покрытые мхомъ склоны дюнъ. Но онъ все-таки шелъ и шелъ, не спуская глазъ съ сіяющаго Виндекинда и съ того, что блестѣло въ его поднятой кверху рукѣ.

Наконецъ, онъ добрался до средины дюнъ. Въ долинахъ цвѣли розы и тысячи желтыхъ чашечекъ тянулись къ солнцу. Цвѣло много и другихъ цвѣтовъ, свѣтло-голубыхъ, желтыхъ и пурпурныхъ; знойный жаръ стоялъ въ маленькихъ долинахъ и нѣжилъ пахучія травы. Сильные смоляные запахи наполняли воздухъ. Идя все дальше, Іоганнесъ вдыхалъ ихъ ароматъ, запахъ тиміана и сухого оленьяго мха, мягко подававшагося подъ его ногами. Было волшебно хорошо.

Какъ было бы хорошо, и какъ бы онъ былъ счастливъ, еслибъ онъ только былъ вмѣстѣ съ Виндекиндомъ!

Онъ замѣтилъ около чуднаго видѣнія, за которымъ стремился, порхающихъ пестрыхъ бабочекъ: маленькихъ, красныхъ, черныхъ, бойкихъ, съ шелковистыми небесно-голубыми крылышками. Надъ его головой жужжали золотые жуки, живущіе на дикихъ розахъ; толстые шмели кружились и гудѣли въ опаленной травѣ.

А этотъ Виндекиндъ летѣлъ все дальше и дальше. Іоганнесъ

долженъ былъ спѣшить за нимъ едва переводя духъ. Крупный репейникъ царапалъ его; онъ съ трудомъ карабкался на песчаные холмы; острая трава врѣзалась ему въ пальцы. Онъ пробрался черезъ низкій березовый лѣсокъ, гдѣ трава ему была по колѣни; водяныя птицы поднимались съ небольшихъ стоячихъ водъ, блестѣвшихъ между кустарниками. Запахъ бѣлыхъ цвѣтовъ густого боярышника смѣшивался съ запахомъ березы и мяты, роскошно разросшейся на болотистой почвѣ.

Вотъ, кончился лѣсъ, а съ нимъ и зелень, пестрые цвѣты, и среди блѣдной и жидкой травы дюнъ виднѣлся лишь одинъ блѣдножелтый репейникъ.

На вершинѣ послѣдняго ряда дюнъ Іоганнесъ снова увидѣлъ обликъ Виндекинда. Въ поднятой рукѣ по прежнему что-то ослѣпительно блестѣло. Могучій, немолчный гулъ доносился, таинственно маня съ той стороны, вмѣстѣ со свѣжимъ вѣтеркомъ. То былъ шумъ моря. Іоганнесъ чувствовалъ, что оно здѣсь близко, и медленно взбирался на послѣдній холмъ. Тамъ онъ опустился на колѣни и окинулъ взоромъ необъятное море.

Золотые лучи залили его всего своимъ свѣтомъ. Вечерніе облака столпились какъ бы для проводовъ дневного свѣтила. Они окружали опускавшееся солнце кольцомъ огромныхъ раскаленныхъ до-красна скалъ. По морю разстилался широкій огненный, пылающій, лучезарный путь, который велъ ко входу далекаго неба.

За солнцемъ, куда глазъ едва могъ проникнуть, въ глубинѣ свѣтового грота, переливались нѣжные, голубые и свѣтло-красные цвѣта. По всему широкому небосклону блестѣли огненные языки и яркія полосы, переходившія то въ отдѣльныя кровавыя пятна, то въ блѣдныя линіи потухавшаго огня.

Іоганнесъ ждалъ, пока солнечный дискъ не коснулся конечной точки огненной полосы, которая вела къ нему.

Тогда онъ посмотрѣлъ внизъ и увидѣлъ въ самомъ началѣ пути свѣтлый образъ, за которымъ онъ слѣдовалъ. Небольшое судно, блестящее и прозрачное, какъ кристаллъ, плавно колыхалось на широкой огненной полосѣ. На одной сторонѣ лодки стоялъ стройный образъ Виндекинда, державшій въ рукѣ все тотъ же ярко-блестящій предметъ. На другомъ концѣ Іоганнесъ узналъ мрачнаго Гейна.

— Виндекиндъ! Виндекиндъ! — воскликнулъ Іоганнесъ.

Приближаясь къ чудесной лодкѣ, онъ взглянулъ на далекій, конечный край пути. Вдругъ отъ свѣтлой поверхности, окруженной огненными облаками, отдѣлилась темная фигура. Она становилась все больше и больше. Медленно приближался этотъ

человѣкъ, спокойно шедшій по волновавшимся подъ его ногами огненнымъ водамъ.

Красноватыя, пылающія волны поднимались и опускались подъ его ногами, а онъ все приближался тихо и величественно.

Это былъ человѣкъ; его лицо было блѣдно, а глаза глубоки и темны, такъ глубоки, какъ глаза Виндекинда, но въ его взглядѣ было безконечно много той нѣжности и грусти, какихъ Іоганнесъ еще не видѣлъ ни въ однихъ глазахъ.

— Кто ты? — спросилъ Іоганнесъ.—Ты человѣкъ?

— Я—болѣе, чѣмъ человѣкъ!

— Кто же ты, наконецъ? — опять спросилъ Іоганнесъ.

— Не называй мнѣ никакихъ великихъ именъ,—сказалъ онъ въ отвѣтъ;—когда-то они были чисты и святы, какъ священническія одежды, и драгоцѣнны, какъ питательныя зерна; но они сдѣлались шутовской одеждой глупцовъ. Не называй ихъ, потому что смыслъ ихъ утраченъ, чистота ихъ сдѣлалась предметомъ насмѣшки. Кто хочетъ меня узнать, тотъ долженъ забыть тѣ имена и прислушаться къ себѣ самому.

— Я тебя узналъ, я тебя узналъ!—воскликнулъ Іоганнесъ.

— Да, это я былъ въ тебѣ, когда ты плакалъ о людяхъ, хотя ты не понималъ своихъ слезъ. Это былъ я, который вселилъ въ твою душу любовь, и которую ты тоже не могъ понять. Я былъ съ тобой, и ты меня не видѣлъ; я трогалъ струны твоей души, и ты меня не узнавалъ.

— Почему же я увидѣлъ тебя только теперь?

— Много слезъ должны пролить тѣ глаза, которымъ суждено меня увидѣть.

— Я знаю тебя! Я вновь узналъ тебя. Я хочу быть съ тобою!

Іоганнесъ протянулъ къ нему руки, а онъ показалъ на блестящее судно, медленно двигавшееся по огненному пути.

— Посмотри!—сказалъ онъ:—вотъ путь ко всему тому, къ чему ты стремился. Другой дороги нѣтъ. Выбирай. Только тамъ тотъ большой свѣтъ, который ты желалъ постигнуть. А туда,— и онъ указалъ на темный востокъ, — гдѣ страдаетъ человѣчество, туда лежитъ мой путь. Не блуждающій огонекъ, который потухъ, а я буду тебя сопровождать. Теперь ты знаешь правду. Выбирай!

Іоганнесъ медленно перевелъ свой взоръ отъ манившаго его облика Виндекинда и протянулъ руки по направленію къ таинственному существу. И вмѣстѣ со своимъ спутникомъ онъ пошелъ на встрѣчу холодному ночному вѣтру, по тяжелой дорогѣ,

къ большому мрачному городу, гдѣ жили люди, неразлучные съ своимъ горемъ...

Можетъ быть, когда-нибудь, я снова разскажу вамъ о маленькомъ Іоганнесѣ, но на сказку мой разсказъ тогда уже болѣе походить не будетъ.

Съ голландскаго перев. Е. Н. Половцова.

СИЛЬВЕСТРЪ МЕДВѢДЕВЪ

ПО НОВЫМЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ.

— Сильвестръ Медвѣдевъ. Его жизнь и дѣятельность. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія. Александра Прозоровскаго (въ „Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ", 1896, и отдѣльно. М. 1897).

— Сильвестръ Медвѣдевъ. Очеркъ изъ исторіи русскаго просвѣщенія и общественной жизни въ концѣ XVII вѣка. Ивана Козловскаго, окончившаго курсъ историко-филологическаго факультета. Кіевъ, 1895.

Исторія нашей старой литературы до сихъ поръ недостаточно выяснена, въ особенности по состоянію ея основныхъ источниковъ: множество памятниковъ, между прочимъ и основныхъ, остается неизвѣстнымъ, и такимъ образомъ прежде всего изученіе ихъ возможно лишь для тѣхъ, кто можетъ посвящать время работѣ надъ архивнымъ матеріаломъ на мѣстѣ; трудность увеличивается тѣмъ, что самый архивный матеріалъ не вполнѣ описанъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже далеко не для всѣхъ доступенъ. Замѣтимъ, напримѣръ, что нѣкоторыя писанія Сильвестра Медвѣдева, дѣятеля конца XVII вѣка, хранились за печатью до пятидесятыхъ годовъ XIX столѣтія. Понятно, что свѣдѣнія о старыхъ временахъ нашей литературы оставались неполными, отрывочными, часто невѣрными; а затѣмъ, когда явилась возможность изслѣдованія, оно по необходимости направилось въ особенности на самое раскрытіе матеріала и на изученіе монографическое. Это послѣднее было совершенно естественно, такъ какъ прежде всего для историческаго изслѣдованія нужно было обезпечить обстоятельное знаніе самыхъ фактовъ. Должно замѣтить притомъ, что до новѣйшаго періода нашей исторической литературы, который начинается съ эпохи реформъ,

съ конца пятидесятыхъ годовъ, изслѣдованіе было крайне затруднено еще съ другой стороны, а именно, со стороны цензуры. До тѣхъ поръ господствовали особаго рода цензурныя соображенія (сохранявшіяся впрочемъ и долго послѣ, даже до нашихъ дней), находившіяся въ соотвѣтствіи съ общимъ характеромъ административныхъ взглядовъ. Какъ въ практической жизни современнаго общества и народа все предполагалось идущимъ по предписанному порядку и на бумагѣ „все обстояло благополучно“, такъ это предполагалось и въ прошедшемъ; во время дѣятельности извѣстнаго Негласнаго комитета это соображеніе высказалось откровенно въ прямомъ запрещеніи историкамъ касаться мрачныхъ эпохъ русской исторіи и въ запрещеніи этнографамъ указывать какія-либо отрицательныя черты народнаго быта. Когда съ эпохи реформъ наступило нѣкоторое освобожденіе и для литературы, однимъ изъ первыхъ результатовъ его было чрезвычайное расширеніе историческихъ и этнографическихъ интересовъ. Это было, безъ сомнѣнія, великое пріобрѣтеніе и для науки, и для общественнаго сознанія. Съ этихъ поръ впервые стали возможны многія изученія, которыя до тѣхъ поръ были почти немыслимы: изученіе людей и событій XVIII вѣка, изученіе раскола, даже изученіе древней письменности, какъ рядомъ съ этимъ началось усиленное изслѣдованіе народнаго быта. Не было принято къ этому развитію науки никакихъ особыхъ мѣръ, увеличилась только внѣшняя возможность изслѣдованія: довольно было сдѣлать болѣе доступными архивы, устранить до извѣстной степени цензурныя стѣсненія, и въ литературѣ открылась оживленная работа по изученію старины и народной жизни, потому что глубокій интересъ къ этому изученію существовалъ уже ранѣе, и теперь онъ только могъ быть приложенъ къ дѣлу.

Къ числу предметовъ, которые привлекали особенное вниманіе историковъ, принадлежала, между прочимъ, та критическая эпоха нашей исторіи, какую представляетъ XVII вѣкъ. Это было время усиленнаго броженія, когда въ русской жизни несомнѣнно сказывалось стремленіе выйти изъ прежней неподвижности, расширить умственный горизонтъ, основать школу; и въ то же время вспыхнула страшная вражда противъ всякой новизны со стороны приверженцевъ стараго порядка вещей, въ видѣ церковнаго раскола. Это броженіе, которое въ прежнее время изображалось обыкновенно чисто внѣшнимъ образомъ, очевидно, представляло собою цѣлый историческій процессъ, глубокое значеніе котораго обнаруживалось уже тѣмъ, что, напримѣръ, расколъ увлекъ огромную массу народа и, несмотря на всѣ преслѣдованія цер-

ковныя и гражданскія, удержался до сихъ поръ во многихъ милліонахъ русскаго народа; а съ другой стороны, тѣ слабыя и неувѣренныя стремленія къ западному образованію, какія можно услѣдить въ XVII вѣкѣ, завершились преобразованіями Петра, которыя дали совсѣмъ иной видъ общественной и національной жизни, и впервые открыли возможность русской науки и новѣйшей литературы. Уразумѣть истинное значеніе этихъ явленій возможно было только при внимательномъ и детальномъ изученіи всего того строя русской жизни, какой господствовалъ въ московской Россіи XVII столѣтія. Кромѣ внѣшней исторіи, важнымъ вопросомъ было разслѣдованіе той старой литературы, которая, по обычаю древнихъ вѣковъ, существовала почти только въ рукописяхъ. Новыя изслѣдованія естественно направились въ рукописныя библіотеки и архивы. Началось усиленное изданіе памятниковъ и изученіе старыхъ писателей и литературныхъ движеній, по рукописямъ. Сколько новаго и чрезвычайно важнаго исторически открывалось при этомъ, можно видѣть по тому, что только за послѣднія десятилѣтія были или открыты или впервые изданы такіе первостепенные памятники старой письменности, какъ Стоглавъ, Домострой, и писанія Іосифа Волоцкаго, Максима Грека, Зиновія Отенскаго, Арсенія Суханова, лѣтописцы и историки XVII вѣка, слѣдственныя дѣла о Никонѣ, о стрѣлецкомъ бунтѣ, автобіографія Аввакума и многочисленныя писанія по расколу; предприняты были біографіи такихъ дѣятелей, какъ Петръ Могила, Дмитрій Ростовскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ; далѣе, раскрывались сочиненія Посошкова, Татищева и т. д.; указывались впервые архивные документы о важнѣйшихъ событіяхъ XVII вѣка и временъ Петра и т. д. Передъ историками представала совсѣмъ новая картина, гдѣ можно было видѣть тѣсную связь событій съ историческимъ складомъ жизни, народнымъ преданіемъ и вѣрованіемъ, съ новыми понятіями, какія начинали волновать наиболѣе чуткихъ и образованныхъ людей; гдѣ за событіями и книгами открывалась борьба жизненныхъ элементовъ, личныхъ, общественныхъ и національныхъ.

Но эта новая картина раскрывалась только понемногу. Какъ мы сказали, самая возможность этихъ изученій начинается почти только съ конца пятидесятыхъ годовъ. По свойству матеріала, по неизбѣжной медленности архивнаго труда, старые памятники могли быть изучаемы только по частямъ и постепенно. Разъ полученные факты дополнялись потомъ другими находками, которыя открывали новую сторону предмета, давали новую точку зрѣнія; сами изслѣдователи приступали къ своей работѣ съ раз-

личными взглядами,—такъ что нѣсколько полное представленіе о предметѣ получалось иногда только послѣ многократныхъ попытокъ охватить его содержаніе. Въ концѣ концовъ въ нашей исторіографіи послѣдняго времени естественно развилось стремленіе къ монографическому изслѣдованію по архивнымъ матеріаламъ, которое ставитъ себѣ болѣе тѣсныя задачи, но зато старается исполнить ихъ самымъ подробнымъ исчерпывающимъ образомъ. Въ настоящее время можно насчитать довольно много подобныхъ монографій по литературѣ XVII и XVIII вѣка, и между ними весьма почетное мѣсто займетъ книга г. Прозоровскаго.

Сильвестръ Медвѣдевъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ кануна Петровской реформы. Питомецъ и другъ Симеона Полоцкаго, онъ сталъ его преемникомъ въ Спасской школѣ, унаслѣдовалъ у него большое книжное знаніе, книжную дѣятельность, близость ко двору царя Ѳедора Алексѣевича, потомъ царевны Софьи; но не унаслѣдовалъ его осторожности и уклончивости: вмѣшавшись въ догматическій споръ того времени, онъ навлекъ на себя ожесточенную вражду патріарха Іоакима и его ближайшихъ приверженцевъ, былъ замѣшанъ въ дѣлѣ Шакловитаго и былъ казненъ въ 1691 за мнимое участіе въ его политическихъ замыслахъ. На изслѣдованіяхъ о Медвѣдевѣ можно въ особенности видѣть то, что мы сейчасъ указывали,—какъ медленно и черезъ какой рядъ неточностей, даже въ рукахъ весьма знающихъ изслѣдователей, пріобрѣталось, наконецъ, первое ясное представленіе о самыхъ фактахъ его біографіи и церковно-литературной дѣятельности и первое правильное пониманіе его личнаго и общественнаго характера. Напримѣръ, въ тридцатыхъ годахъ не знали даже года его казни и относили ее къ 1720 году; до послѣдняго времени не была выяснена принадлежность Медвѣдеву даже нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ его трудовъ; еще болѣе важное колебаніе было въ самой оцѣнкѣ его характера. Догматическій споръ, въ которомъ принялъ дѣятельное участіе Медвѣдевъ, въ то время до крайней степени возбудилъ страсти тогдашнихъ церковныхъ и общественныхъ партій. Съ догматическимъ, собственно обрядовымъ, вопросомъ связанъ былъ споръ о двухъ искомыхъ направленіяхъ для начинавшейся русской школы и цѣлаго просвѣщенія: партіи считались тогда одна „греческою“, другая „латинскою“; одна въ сущности была консервативною, настаивала на „греческомъ ученіи“, которое по старой памяти считали единственно правильнымъ приверженцы старины; другая утверждала необходимость школы „латинской“, въ которой видѣла новую, болѣе богатую науку. Уже вскорѣ Петръ рѣшилъ споръ тѣмъ,

что сталъ искать не греческой и не латинской науки, а европейской, и не науки схоластической, а реальной и практической. Но наканунѣ реформы вопросъ не дошелъ еще до этой прямой постановки и держался еще на почвѣ старой церковной книжности. Извѣстно, что первыя вліянія книжной науки шли въ Москву изъ южной и западной русской школы, выросшей въ борьбѣ противъ католичества и уніи и заимствовавшей оружіе этой борьбы изъ латино-польской схоластической школы. Кіевъ, Львовъ и западная Русь въ XVI—XVII столѣтіи были въ этомъ схоластическомъ направленіи несравненно ученѣе Москвы, и послѣдняя по неволѣ обращалась къ южнымъ и западно-русскимъ ученымъ, когда церковныя нужды требовали большаго книжнаго знанія, чѣмъ находилось тогда въ самой Москвѣ: такими нуждами были исправленіе и новые переводы книгъ, устройство школы, наконецъ, преподаваніе въ самомъ царскомъ семействѣ. Южнорусскіе, или „черкасскіе“, западно-русскіе, или „литовскіе“, ученые были несомнѣнно люди православные, и у себя дома они съ великою ревностію вели борьбу за православіе, тѣмъ болѣе трудную, что приходилось бороться не только съ католической церковью, но и съ польской политической властью, которая всѣми средствами поддерживала католичество и унію. Въ Москвѣ не могли этого не видѣть; тѣмъ не менѣе, когда западные и южные ученые появлялись въ Москвѣ, московскіе люди вообще смотрѣли на нихъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, которое иной разъ переходило въ прямую вражду. Московскимъ людямъ, ничего не видавшимъ, кромѣ своихъ порядковъ, привыкшимъ къ своему обиходу, казалось подозрительнымъ все, что̀ не было похоже на московскій обычай; а пріѣзжіе черкасскіе и литовскіе ученые дѣйствительно отличались отъ московскихъ людей не только другими обычаями, но также и нѣкоторыми особенностями въ самыхъ церковныхъ взглядахъ, незамѣтно проникавшими отъ вѣкового сосѣдства съ католичествомъ и отъ литературнаго вліянія латинскихъ книгъ. Если въ Москвѣ того времени господствовало убѣжденіе, что послѣ паденія Константинополя, и еще ранѣе, послѣ флорентинскаго собора, истинное православіе заключается только въ Москвѣ; если московскіе люди нерѣдко смотрѣли въ этомъ отношеніи свысока на самихъ грековъ, прежнихъ учителей, и когда притомъ чистота православія предполагалась не только въ догматѣ, но и въ безразличномъ по существу обрядѣ, и самый обрядъ считался догматомъ, то понятно, что малѣйшее отступленіе отъ московскаго обычая должно было внушать подозрѣнія. Такъ московскія церковныя власти

были очень недовѣрчивы къ Симеону Полоцкому; но онъ былъ неуязвимъ, во-первыхъ, по своей осторожности, а во-вторыхъ, и главное, по своей близости ко двору,—тѣмъ не менѣе впослѣдствіи враги его не усумнились называть его прямо не только латинянниномъ, но и іезуитомъ: при этомъ, кромѣ того, полагалось, что такой латинянинъ непремѣнно подосланъ отъ папы для разрушенія православія. Какъ ближайшій ученикъ, другъ и сотрудникъ Полоцкаго, Сильвестръ Медвѣдевъ, сначала лицо безобидное, вскорѣ однако оказался въ весьма неблагопріятномъ положеніи, потому что на него перенесено было все то недовѣріе, какое старая московская партія духовенства, съ патріархомъ во главѣ, питала къ Полоцкому: Медвѣдева спасало только расположеніе къ нему царя Ѳедора Алексѣевича, а потомъ царевны Софьи,—но когда положеніе самой царевны стало колебаться, а затѣмъ совершилось ея паденіе, и участь Медвѣдева была рѣшена. Раздраженіе противъ него было еще сильнѣе, чѣмъ противъ его учителя: Медвѣдевъ имѣлъ неосторожность весьма рѣшительно вмѣшаться въ церковный споръ, гдѣ его противниками были приближенные патріарха Іоакима, греки братья Лихуды и чудовскій монахъ Евѳимій, а въ сущности самъ патріархъ, и въ этомъ спорѣ держаться мнѣнія, на дѣлѣ весьма распространеннаго въ самой русской старинѣ, но которое осуждалось теперь какъ латинское. Споръ, въ основѣ котораго была враждебность стараго московскаго преданія къ начинающимся новизнамъ, враждебность старыхъ московскихъ книжниковъ къ ученымъ пришельцамъ (и ихъ союзникамъ), потому что первые чувствовали, какъ изъ ихъ рукъ ускользаетъ книжный и съ нимъ нравственный авторитетъ, — когда притомъ въ самомъ кругу старины произошелъ страшный разрывъ въ расколѣ, противъ котораго этотъ авторитетъ уже оказывался безсильнымъ. Рѣзкое столкновеніе и книжная полемика между двумя сторонами произошли по отдѣльному литургическому вопросу — о времени пресуществленія св. даровъ на литургіи: совершается ли оно во время произнесенія іереемъ словъ Спасителя: „пріимите, ядите“ и пр., или же послѣ произнесенія іереемъ молитвы: „и сотвори убо“ и пр. Но вопросъ, который, повидимому, могъ бы рѣшиться спокойнымъ изслѣдованіемъ церковнаго преданія, поставленъ былъ съ такою крайнею нетерпимостью, которая была бы непонятна, еслибы, какъ мы сказали, въ этомъ вопросѣ не были замѣшаны самые жгучіе интересы стараго московскаго преданія. Медвѣдевъ, державшійся взгляда, который считался латинскимъ, въ полемикѣ не былъ побѣжденъ; онъ не уступилъ противникамъ, — но

это еще болѣе разжигало вражду къ нему; онъ имѣлъ кромѣ того неосторожность отзываться не совсѣмъ уважительно о самомъ патріархѣ, что „онъ, святѣйшій, человѣкъ бодрый и добрый, а учился мало и рѣчей богословскихъ не знаетъ“. И когда затѣмъ Медвѣдевъ примѣшанъ былъ къ дѣлу Шакловитаго, былъ взятъ къ розыску, пытанъ, приговоренъ къ смерти и наконецъ казненъ, противная партія торжествовала,—и если еще во время полемики братья Лихуды и инокъ Евѳимій извергали на него цѣлые потоки ругательствъ и проклятій, то послѣ осужденія и казни составлена была особая повѣсть „о разстригѣ Медвѣдевѣ“, гдѣ даже гибель противника не умѣрила ненависти и гдѣ съ злобною радостью разсказывается, какъ онъ былъ пытанъ „огнемъ и бичми“ и какъ, наконецъ, онъ былъ „главоотсѣченъ“...

Исторія долго не наступала для Медвѣдева. Хотя давно уже стали извѣстны отзывы современниковъ, что это былъ „чернецъ великаго ума и остроты ученой“ (записки гр. Матвѣева), что должно было бы обратить вниманіе на человѣка, вызвавшаго отзывъ, столь рѣдкій для человѣка XVII-го столѣтія, о Медвѣдевѣ даже до недавняго времени повторялись отзывы его злѣйшихъ противниковъ, что это былъ „неукъ“, ересіархъ, латинянинъ, грубый честолюбецъ, возмутитель, понесшій казнь, достойную его дѣяній. Изслѣдованіе только мало-по-малу стало разъяснять истинную сущность дѣла, по мѣрѣ того, какъ приводился въ извѣстность рукописный матеріалъ библіотекъ и архивовъ.

Трудъ г. Прозоровскаго есть самое замѣчательное изъ всего, что представляетъ литература о Медвѣдевѣ. Авторъ поставилъ себѣ задачей разсмотрѣть весь этотъ архивный и библіотечный матеріалъ, прослѣдить шагъ за шагомъ біографію Медвѣдева, насколько сохранились о ней извѣстія, провѣрить всѣ, высказанные въ литературѣ, взгляды на его личный характеръ и историческую дѣятельность, подробно разобрать его книжные труды. Все это исполнено чрезвычайно добросовѣстно, быть можетъ даже съ нѣкоторымъ излишествомъ. Авторъ началъ съ того, что разсмотрѣлъ всю существующую у насъ литературу о Медвѣдевѣ, важное и неважное; потомъ въ болѣе краткомъ видѣ повторилъ еще разъ этотъ разборъ въ настоящемъ изслѣдованіи,—что не устранило для него необходимости снова говорить объ этихъ сочиненіяхъ въ самомъ текстѣ, по поводу тѣхъ или другихъ частныхъ вопросовъ. Въ результатѣ авторъ приходитъ къ выводу, что „безъ близкаго знакомства съ документами архивовъ и библіотекъ совершенно невозможно писать какое-либо изслѣдованіе по русской исторіи“,—но этотъ выводъ разумѣется самъ собою,

когда изслѣдователь ставитъ себѣ ту или другую спеціальную задачу, для рѣшенія которой матеріалъ остается неизданнымъ. Трудъ г. Прозоровскаго въ самомъ дѣлѣ и основанъ главнымъ образомъ на рукописномъ матеріалѣ [1]).

На основаніи этого матеріала авторъ собралъ, сколько было возможно, обстоятельныя свѣдѣнія о біографіи Медвѣдева, какихъ доселѣ еще не было: разыскалъ по разнымъ документамъ годъ его рожденія, его семью, имена отца и матери, и т. д.: отца звали Агаѳоникомъ, мать — Стефанидой, — но имя отца далѣе прямо указывается однимъ документомъ, гдѣ Медвѣдевъ названъ по отчеству. Авторъ выслѣдилъ первую службу Медвѣдева, поступленіе подьячимъ въ тайный приказъ; нашелъ по сохранившимся расходнымъ книгамъ приказа годы и мѣсяцы службы, жалованье, какое получалъ Медвѣдевъ, и т. д. Съ основаніемъ Спасской или Заиконоспасской школы Симеона Полоцкаго, Медвѣдевъ вмѣстѣ съ тремя другими подьячими тайнаго приказа отданъ былъ (начальствомъ) въ эту школу учиться „по латинямъ и грамматики“: подьячихъ видимо отдали въ школу для пользы службы. Это было въ 1665 году: Медвѣдеву было тогда 24 года.

Описывая эту школу, авторъ опредѣляетъ ее какъ „чисто латинскую“. Далѣе, авторъ указываетъ злоупотребленіе этимъ терминомъ, когда людей, знавшихъ латинскій *языкъ*, готовы были по этому одному считать и людьми латинской *вѣры*; но подобнымъ образомъ и самъ онъ говоритъ о школѣ Полоцкаго. Она была основана, думаетъ авторъ, несомнѣнно по иниціативѣ самого Полоцкаго: „невозможно думать, чтобы „тишайшій“ и благочестивѣйшій царь Алексѣй, особенный любитель и почитатель всего православно-греческаго, по собственному почину задумалъ основать въ Москвѣ — „въ винницѣ Христовѣ великороссійскаго народа“ — школу строго латинскую (?), съ латинскимъ направленіемъ (?), явно и съ перваго раза враждебнымъ направленію православно-греческому (?)... Полоцкій былъ на Москвѣ первымъ представителемъ малорусскаго, чисто-латинскаго направленія“ (стр. 66—67). Авторъ сказалъ слишкомъ много. Можно было бы повторить слова его: невозможно думать, чтобы тишайшій и

[1]) Намъ кажется только не весьма удобнымъ способъ цитированія рукописей. Всего чаще авторъ, приводя какой-либо текстъ, указываетъ только № и такой-то листъ рукописи той или другой библіотеки или архива: самое содержаніе рукописи, т.-е. цитируемое сочиненіе, остается читателю неизвѣстно. Это — въ родѣ того, какъ называть въ цитатѣ не сочиненіе, а нумеръ книги на библіотечной полкѣ. Самое изложеніе, ради обстоятельности, слишкомъ растянуто: многія цитаты повторены по нѣскольку разъ, — послѣ перваго раза ихъ можно было бы уже считать извѣстными.

благочестивѣйшій царь Алексѣй, особенный любитель и почитатель всего православно-греческаго, держалъ при себѣ человѣка съ такимъ латинскимъ, явно враждебнымъ православію направленіемъ и даже дѣлалъ его наставникомъ его дѣтей!.. Что Полоцкій самъ задумалъ основаніе школы, это не спасло бы ея, еслибы она дѣйствительно до *такой* степени была латинская. Медвѣдевъ сталъ любимѣйшимъ ученикомъ Полоцкаго, его другомъ, питалъ къ нему настоящее поклоненіе, сдѣлалъ его своимъ идеаломъ и образцомъ и, слѣдовательно, былъ именно напитанъ латинскимъ ученіемъ, враждебнымъ православію? Такимъ образомъ, авторъ самъ подтверждалъ бы тѣ злостныя обвиненія, какими впослѣдствіи осыпали Медвѣдева его противники Лихуды и инокъ Евѳимій, и которыя, однако, авторъ считаетъ злостными и недобросовѣстными. На дѣлѣ, конечно, ни Полоцкій ни его ученикъ не были латинянами, т.-е. католиками. Вражда перваго не къ греческому православію, а къ тогдашнему московскому духовенству (если она была) и обратно, заключалась въ томъ, что онъ чувствовалъ себя ученымъ человѣкомъ между невѣждами и обскурантами, и все латинство его заключалось вѣроятно только въ извѣстныхъ школьныхъ мнѣніяхъ, непонятныхъ въ Москвѣ, или въ отличныхъ отъ западно-русской жизни обрядностяхъ, которыя въ Москвѣ готовы были принять за латинство. Мы увидимъ дальше, что и для тѣхъ „латинскихъ“ мнѣній, въ которыхъ упорно обвиняли Медвѣдева его противники, провозглашая его настоящимъ еретикомъ, г. Прозоровскій находитъ достаточное объясненіе въ предѣлахъ православной книжности и обычая.

Медвѣдевъ учился у Полоцкаго три года. Біографъ рѣшительно возстаетъ противъ стараго обвиненія, что Медвѣдевъ былъ „неукъ“, повтореннаго, къ удивленію, даже такимъ ученымъ, какъ Н. Ѳ. Каптеревъ. Г. Прозоровскій старается доказать, что школа Полоцкаго давала не одно элементарное образованіе, а могла быть приравнена къ нынѣшней средней школѣ: Медвѣдевъ „послѣ почти трехлѣтняго обученія въ Спасской школѣ Симеона Полоцкаго прекрасно изучилъ латинскій (и польскій) языкъ, риторику и піитику, весьма близко ознакомился съ исторіей, богословіемъ и (отчасти) съ философіей: позднѣйшія сочиненія Медвѣдева почти по всѣмъ отраслямъ указанныхъ сейчасъ наукъ служатъ неопровержимымъ доказательствомъ справедливости этой мысли“. Но эти старанія доказать, что школа Полоцкаго могла равняться средней школѣ, довольно безполезны потому, что въ данномъ случаѣ обученіе вовсе не было похоже на обыкновенное школьное преподаваніе. Медвѣдевъ не былъ обыкновенный ученикъ:

сами враги его среди ругательствъ признаютъ его особенныя дарованія; онъ началъ учиться уже двадцати-четырехъ лѣтъ и, конечно, быстро усвоивалъ ученіе; кромѣ того, въ эти годы онъ жилъ даже вмѣстѣ съ Полоцкимъ и школа продолжалась цѣлыми днями въ постоянныхъ бесѣдахъ; въ его распоряженіи была богатая библіотека учителя, и у самого Медвѣдева была потомъ большая библіотека, въ которой было много ученыхъ книгъ, латинскихъ и польскихъ, по богословію, исторіи и другимъ наукамъ. Біографъ указываетъ, что Медвѣдевъ былъ знакомъ также и съ греческимъ языкомъ. Вѣроятно, уже теперь, а главное потомъ, во время своей службы справщикомъ, Медвѣдевъ очень хорошо познакомился и съ церковными славянскими книгами... Братья Лихуды могли говорить свысока о неучености Медвѣдева, потому что сами они обучались въ падуанскомъ университетѣ, но въ Московскомъ царствѣ никакого подобія университета не было. Медвѣдевъ пріобрѣлъ все то знаніе, какое было возможно въ тогдашнихъ русскихъ условіяхъ, и если онъ былъ „неукомъ“, то чѣмъ были бы его московскіе противники и самъ патріархъ Іоакимъ? Приводя слова братьевъ Лихудовъ о неучености Медвѣдева, слова, которыя повторялись и нѣкоторыми новѣйшими изслѣдованіями, біографъ приходитъ къ окончательному заключенію, что братья Лихуды „лгутъ безъ зазрѣнія совѣсти“.

Черезъ три года ученія „по латинямъ“ Медвѣдевъ былъ опять потребованъ на службу, потому что все это время продолжалъ числиться подьячимъ тайнаго приказа. Въ 1668 году онъ былъ причисленъ къ посольству боярина Ордина Нащокина, который отправлялся на съѣздъ съ шведскими уполномоченными въ Курляндіи и потомъ съ польскими уполномоченными въ Андрусовѣ; въ указѣ было сказано, что Медвѣдевъ съ товарищами отправленъ былъ съ бояриномъ „для наученія“. Онъ прожилъ въ нѣмецкихъ и польскихъ земляхъ около полугода. Вернувшись въ Москву, онъ продолжалъ свою службу въ тайномъ приказѣ... Свѣдѣнія объ его жизни за эти годы совсѣмъ отсутствуютъ. Судя по всему, напримѣръ по дальнѣйшей его перепискѣ съ Полоцкимъ, по его великой привязанности къ своему наставнику, надо полагать, что и теперь онъ продолжалъ съ нимъ свои сношенія и свою науку. Затѣмъ извѣстно, что въ 1671 году Медвѣдевъ выѣхалъ изъ Москвы въ Молченскую пустынь въ Путивлѣ, вмѣстѣ съ строителемъ этой пустыни Софроніемъ, и года черезъ два здѣсь же онъ принялъ монашество: изъ „грѣшнаго Симеона (Сеньки) Медвѣдева“ сталъ уже „недостойнымъ монахомъ грѣшнымъ Сильвестромъ Медвѣдевымъ“.

Авторъ подробно останавливается на вопросѣ о томъ, что̀ побудило Медвѣдева принять монашество. Самъ Медвѣдевъ говорилъ только, что хотѣлъ „устранитися міра и его молвы“. Біографы расходились во взглядахъ на тѣ побужденія, какія имъ руководили. Одни думали, что онъ почувствовалъ склонность къ духовному званію; другіе полагали, что въ монашествѣ онъ надѣялся свободнѣе заниматься науками; третьи соображали, что онъ питалъ честолюбивыя цѣли, такъ какъ понималъ, что „такое удаленіе отъ міра и его молвы гораздо вѣрнѣе можетъ приблизить его къ тому независимому положенію въ мірѣ, какого по справедливости искала его ученость и требовали его дарованія“,— нѣкоторымъ изслѣдователямъ казалось даже, что Медвѣдевъ вообще былъ „карьеристъ“ (?); иные думали, наконецъ, что Медвѣдевъ руководился „артистическимъ чутьемъ“, желаніемъ „побыть одному среди сельской природы и вырваться на свободу изъ-подъ постояннаго контроля“ (?) и т. д. Г. Прозоровскій замѣчаетъ: „Къ сожалѣнію, біографъ Медвѣдева встрѣчаетъ для себя почти неодолимое препятствіе при рѣшеніи вопроса о томъ, что̀ побудило Семена промѣнять должность подьячаго приказа тайныхъ дѣлъ на нелегкія обязанности, соединенныя съ принятіемъ на себя „ангельскаго чина“ и съ нѣкоторою необходимостью заняться извѣстнымъ „умнымъ дѣланіемъ“. Ни самъ Медвѣдевъ, ни кто-либо изъ близкихъ къ нему лицъ не сочли нужнымъ оставить для потомства какую-либо запись по интересующему насъ вопросу. Вотъ почему въ данномъ случаѣ становятся неизбѣжными разнаго рода предположенія и догадки, иногда ни на чемъ даже необоснованныя“. Авторъ склоняется къ тому наиболѣе вѣроятному мнѣнію, что Медвѣдевъ, принимая монашество, руководился идеями своего наставника. Онъ „принялъ монашество, если не по прямому настоянію Полоцкаго, то подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ послѣдняго или, точнѣе, подъ вліяніемъ воззрѣнія Полоцкаго на жизнь мірскую и—особенно—монашескую... Жизнь въ мірѣ и, въ особенности, семейная жизнь казалась Полоцкому совершенно несовмѣстимою съ расположеніемъ къ наукѣ: по его мнѣнію, она налагаетъ на человѣка многіе труды и обязанности, рѣшительно противодѣйствующіе интересамъ научной дѣятельности—это съ одной стороны. Съ другой... по воззрѣнію Полоцкаго, „всякъ человѣкъ въ мірѣ семъ есть борецъ или воинъ, ибо искушеніе или брань есть житіе человѣческое на земли, брань же съ плотію, съ міромъ, съ демономъ: брань о отечествѣ небесномъ“. Такой взглядъ Полоцкаго на условія монашеской жизни и личный примѣръ его, конечно,

произвели глубокое впечатлѣніе на Семена Медвѣдева, для котораго не обрѣталось ничего „въ душевнѣмъ домѣ тако драго и честно, яко скрыжали сердца, въ нихъ же суть при божественныхъ заповѣдехъ и твоя (т.-е. Симеона Полоцкаго) грѣшныя моея души ко спасенію написанныя словеса“. Рѣчи „устоглаголаннаго онаго учителя“—С. Полоцкаго—глубоко залегали въ душѣ Медвѣдева, и опредѣляли собою какъ нравственную, такъ и практическую его жизнедѣятельность“. Это, безъ сомнѣнія, одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ біографіи Медвѣдева. Опредѣленіе его побужденій въ этомъ рѣшительномъ шагѣ его жизни должно дать понятіе о цѣломъ характерѣ, о побужденіяхъ его дальнѣйшей церковно-общественной дѣятельности, имѣвшей такой печальный конецъ. Авторъ подробно опровергаетъ мнѣнія, высказанныя прежними изслѣдователями; и въ самомъ дѣлѣ, могло ли способствовать ученымъ занятіямъ удаленіе въ захолустную пустынь, гдѣ именно онъ испытывалъ недостатокъ въ книгахъ; и тѣмъ менѣе могло ли это удаленіе способствовать честолюбивымъ планамъ, когда онъ надолго ушелъ въ пустынь, гдѣ его могли совсѣмъ забыть. Въ этой пустыни и въ другой сосѣдней онъ провелъ нѣсколько лѣтъ и притомъ цѣлыхъ два года онъ жилъ въ монастырѣ, еще не принимая монашества, потому что все еще находилъ себя неприготовленнымъ. Все это очень мало вяжется съ какими-нибудь преднамѣренными честолюбивыми планами... Лишь очень немногіе изъ прежнихъ изслѣдователей признавали въ Медвѣдевѣ это искреннее увлеченіе монашествомъ, пониманіе котораго онъ заимствовалъ у своего учителя Полоцкаго; объясненіе этого характера, сдѣланное г. Прозоровскимъ, представляется значительно доказаннымъ.

Изъ пустыни Полоцкій переписывался съ своимъ наставникомъ. Писемъ Медвѣдева сохранилось немного, но всѣ онѣ одинаково исполнены выраженіями самой преданной любви къ учителю и просьбами о духовномъ руководительствѣ и помощи. Такъ въ одномъ письмѣ онъ говоритъ: „вспомогай ко пресвятой Троицѣ твоихъ о мнѣ грѣшнемъ святыхъ молитвъ пріискреннимъ ходатайствомъ, дабы животворящая всемилосердая Троица своея дѣля благости и твоихъ ради о мнѣ бываемыхъ прилѣжныхъ къ ней молитвъ, моей къ ней всемощной силѣ прошеніе исполнила, и паки даровала и главныхъ моихъ трехъ непріятелей ми побѣдити: лукаваго бѣса, скверное мое тѣло и міръ сей прелестный, — и тако въ побѣдѣ сея жизни время преживше, улучити отъ Подвигоположника Христа Іисуса истиннаго Бога неувядаемый вѣнецъ славы“.

Въ другомъ мѣстѣ Медвѣдевъ удивляется великимъ достоинствамъ своего учителя, изображая ихъ, по словамъ біографа, „въ чертахъ возвышенныхъ, проникнутыхъ силою и искренностью чувства“. Приводимъ еще эту цитату, потому что она опять можетъ поставить на правильную точку зрѣнія объ отношеніяхъ этихъ двухъ лицъ и о настроеніи, какое владѣло самимъ Медвѣдевымъ. „Сія вся,—говоритъ онъ,—и оныя пречестности твоея великія добродѣтели и считая, яко разумъ глубочайшій, премудрость чистую, мирную, кроткую, благопокоривую, исполненную милости и плодовъ благихъ, несумнѣнную и нелицемѣрную,—постоянство незыблемое, благоговѣйство истинное, совѣсть непорочную, бодрость чудную, въ словеси мѣрность христіанскую, пріемность доброхвальную, увѣтливость удивительную, щедрость богатую, милость велію, помощь усердную, любовь нелицепріемную,—сердечно веселящеся и еще извѣстную благочестія къ расширенію надежду усматриваю: ибо возрастающимъ твоего преподобія лѣтомъ, восточной церкви вящшіе благіе плоды возрастати не престанутъ“ (стр. 135). Далѣе, перечисляя творенія Полоцкаго, Медвѣдевъ призываетъ на него соотвѣтственныя награды отъ праведнаго Бога. „И подаждь, Боже праведный, заслугъ мздовоздатель, тако великому около хвалы его житіемъ и словомъ тщанію, пречестности твоей, на небеси за Вѣнецъ Вѣры пріяти вѣнецъ живота, якоже вѣнчающій милостію и щедротами рече въ Апокалипсіи: „буди вѣренъ до смерти, и дамъ ти вѣнецъ живота“; и за Обѣдъ Душевный снѣсти обѣдъ въ царствіи Божіи... за Вечерю же Душевную со убѣжденными на вечерю вѣчныя всякихъ благихъ исполненной сладости ввестися, и тамо насытитися славою Божественною, за Жезлъ Правленія да послетъ ти Господь отъ Сіона жезлъ силы, имъ же да возгосподствуеши посредѣ враговъ твоихъ... къ тому же да умножитъ убо Онъ, превышній окормитель всяческихъ, въ крѣпости тѣлесе лѣта святости твоей во утвержденіе и расширеніе христіанскія нашея восточныя вѣры, въ богатое возвращеніе и благолѣпіе церкве святыя православныя“ (стр. 136).

Біографъ замѣчаетъ, что если въ этихъ и подобныхъ выраженіяхъ намъ представляется нѣкоторая аффектація, то она происходила отъ возбужденнаго настроенія и привычной реторической формы и не была только льстивымъ преувеличеніемъ. Медвѣдевъ всегда говорилъ о Полоцкомъ въ тонѣ этого полнаго преклоненія, также въ письмахъ къ постороннимъ лицамъ, и потомъ, по смерти Полоцкаго, когда не могло быть мѣста для лести.

И за эти годы опять нѣтъ никакихъ ближайшихъ біографическихъ свѣдѣній о Медвѣдевѣ. Въ апрѣлѣ 1677 Медвѣдевъ прибылъ въ Москву и уже не возвратился въ Путивль. Этотъ переѣздъ въ Москву объясняли различнымъ образомъ: что таково было желаніе Симеона Полоцкаго, что самъ Медвѣдевъ хотѣлъ свидѣться съ своимъ учителемъ, или, наконецъ, что поѣздка была вызвана случайнымъ поводомъ: Медвѣдевъ хотѣлъ хлопотать, и дѣйствительно хлопоталъ, за своего путивльскаго друга, игумена Софронія, который подвергся тогда немилости. Какъ бы то ни было, обстоятельства сложились такъ, что Медвѣдевъ остался въ Москвѣ по „не единократному“ приказанію самого царя Ѳедора Алексѣевича... Впослѣдствіи ненависть къ Медвѣдеву его враговъ была такова, что объ отъѣздѣ его изъ Путивльской Пустыни составилась легенда, которую передавалъ чудовскій инокъ Пименъ. „Повѣда самовидецъ истины,—разсказывается въ этой анекдотической повѣсти, Чюдова монастыря іеродіаконъ Пименъ о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ сице: егда изыде онъ, Сильвестръ, изъ Молчинской пустыни къ Москвѣ, и провождаху его изъ монастыря нѣцыи отъ монаховъ, съ ними же и онъ Пименъ,—и егда отъѣха изъ монастыря яко поприща два, и въ той часъ абіе излетѣ изъ монастыря змій черный превеликій, яко саженей двадцати или тридцати, и поднявся на воздухъ излетѣ вслѣдъ его и исчезе. Въ той же часъ и другое Божья гнѣва знаменіе бысть: древо дубъ, превеликій и толстый, стояй недалеко отъ монастыря, подлѣ пути, безъ всякой причины падеся. И сіи двѣ повѣсти повѣда намъ о. Пименъ, засвидѣтельствуя Богомъ и всею правдою, яко бысть тако истинно и неложно при немъ самомъ, видящемъ сицевая непрелестно“...

„Вотъ даже до чего дошло дѣло,—говоритъ г. Прозоровскій:—самый отъѣздъ Медвѣдева на Москву сопровождался двумя знаменіями „гнѣва Божья“, не предвѣщавшими ничего хорошаго будущему „терну латинскаго злочестія“, состоявшему въ близкомъ родствѣ съ „плевело-сѣятелемъ діаволомъ“, какъ завѣряли послѣ враги Сильвестра“ (стр. 145—146).

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву Медвѣдевъ удостоился самаго любезнаго вниманія со стороны молодого царя, который, безъ сомнѣнія, наслышался объ его дарованіяхъ отъ Симеона Полоцкаго. Царь (въ іюлѣ 1677) спрашивалъ его объ его постриженіи, велѣлъ жить въ Москвѣ, велѣлъ дать ему лучшую келью въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, рядомъ съ келіей Полоцкаго. Обстоятельства сложились очень благопріятно: онъ пользовался благосклонностью царя, жилъ опять вмѣстѣ съ своимъ учителемъ,

который былъ въ его глазахъ „милостивымъ отцемъ и благодѣтелемъ, любомудрственнѣйшимъ грамматикомъ, всепремудрственнѣйшимъ риторомъ, витійственнѣйшимъ въ логичествѣ, яснозрительнѣйшимъ въ философіи, источникомъ всѣмъ богатно разливаемаго всякія божественныя премудрости". Продолжая поучаться у столь премудраго наставника, Медвѣдевъ былъ у него не только чтецомъ и исполнителемъ различныхъ порученій, но и сотрудникомъ, уже довольно самостоятельнымъ. По словамъ г. Прозоровскаго, „смотря на свои труды, какъ на первые, правильно выполненные, опыты удовлетворенія умственныхъ запросовъ и потребностей русскаго общества, Полоцкій долженъ былъ сознавать себя основателемъ новой литературной школы. Соотвѣтственно тому, въ послѣдніе годы своей жизни Симеонъ пожелалъ, такъ сказать, подвести итогъ своей литературной дѣятельности, окончательно приготовивъ къ изданію главнѣйшія свои сочиненія прежнихъ лѣтъ. Трудъ этотъ былъ исполненъ Симеономъ при дѣятельномъ участіи и энергичной помощи Сильвестра",—и свидѣтельствомъ этого остаются списки сочиненій Полоцкаго, сдѣланные Медвѣдевымъ и исправленные авторомъ, причемъ и самъ переписчикъ дѣлалъ въ этихъ спискахъ дополненія и поясненія. Приводя примѣры, біографъ замѣчаетъ: „Нельзя здѣсь не обратить вниманія и на тотъ фактъ, что Сильвестръ иногда позволялъ себѣ не соглашаться съ мнѣніями своего учителя,—фактъ, свидѣтельствующій для насъ то любопытное и крайне интересное явленіе, что при всемъ своемъ безграничномъ уваженіи и даже благоговѣніи къ „устоглаголанному" Сильвестръ, однако, не могъ поступиться истиной и дорогой для него свободой открыто высказывать свои собственныя мысли: это—весьма характеристичная для Медвѣдева черта, особенно замѣтно проходящая черезъ всю вторую половину его жизни". Кромѣ того, эти примѣры, „обнаруживая въ своемъ авторѣ близкое знакомство съ текстомъ книгъ св. писанія и умѣнье искусною рукою исправлять чужія ошибки и выяснять чужія недомолвки, какъ нельзя лучше свидѣтельствуютъ и съ почти непререкаемою очевидностью говорятъ за полную подготовленность Медвѣдева къ болѣе или менѣе успѣшнымъ занятіямъ его по должности книжнаго справщика" (стр. 158, 163).

Дѣло въ томъ, что вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, съ 1678, Медвѣдевъ былъ назначенъ въ число справщиковъ московскаго печатнаго двора. Извѣстно, какимъ больнымъ мѣстомъ тогдашней церковной жизни былъ вопросъ объ исправленіи книгъ, которое, между прочимъ, было однимъ изъ поводовъ возникновенія раскола

и однимъ изъ его оправданій. Такимъ образомъ назначеніе въ справщики, на которыхъ лежала главная отвѣтственность за текстъ, принятый въ новыхъ изданіяхъ, свидѣтельствовало о большомъ довѣріи, какое внушали тогда знанія ученика Симеона Полоцкаго. Разобравъ изданія, въ которыхъ принималъ участіе Медвѣдевъ со своими товарищами, біографъ считаетъ возможнымъ воздать имъ великую честь за умѣлое исполненіе задачи. При изданіи Апостола они пересматривали обширный рукописный и старопечатный матеріалъ, дѣлали сличенія съ греческимъ текстомъ и при этомъ нигдѣ не вставляли собственныхъ словъ. „Такимъ образомъ, Іосифу, Никифору и Сильвестру удалось сдѣлать множество исправленій въ чтеніяхъ и переводѣ, привести славянскій текстъ въ ближайшее соотвѣтствіе съ греческимъ, не прибавивъ собственно отъ себя ни одного выраженія и ни одного слова. Послѣднее какъ нельзя лучше доказывается тѣмъ фактомъ, что славянскій переводъ Апостола, изданный въ полной Библіи 1751 г. и съ того времени неизмѣнно остающійся у насъ въ употребленіи, не только не отличается отъ текста, установленнаго Іоакимовскими справщиками, но представляетъ полнѣйшее съ нимъ сходство, за исключеніемъ весьма немногихъ и слишкомъ мелкихъ чертъ“ (стр. 182).

Въ августѣ 1670 г. Симеонъ Полоцкій умеръ. Медвѣдевъ назначенъ былъ строителемъ Заиконоспасскаго монастыря, которому царь особенно покровительствовалъ; онъ унаслѣдовалъ и положеніе Симеона Полоцкаго при дворѣ; наконецъ, сталъ преемникомъ своего учителя и въ церковно-общественной дѣятельности. Медвѣдевъ, по словамъ біографа, сдѣлался главою той партіи московскихъ ученыхъ, представителемъ которой былъ Полоцкій, и „почти на однихъ своихъ плечахъ вынесъ тяжелую борьбу съ многочисленными противниками тѣхъ началъ цивилизаціи, за которыя ратовали главные предшественники Петровскихъ реформъ“.

Въ чемъ же состояла эта борьба?

Біографъ указываетъ, что по смерти Полоцкаго Медвѣдевъ „сталъ въ *довольно близкія отношенія* къ государскому двору и пользовался здѣсь большимъ успѣхомъ; онъ сталъ *главнымъ лицомъ* (?) при дворѣ, и остался вполнѣ вѣренъ стремленіямъ своего учителя, хотя и не имѣлъ потребной въ такихъ случаяхъ ловкости придворнаго духовника и наставника юго-западныхъ школъ: Сильвестръ дѣйствовалъ рѣзко и энергично, не умѣя по временамъ двуличничать и скрывать своихъ убѣжденій“. И дальше біографъ говоритъ: „Исполняя разнаго рода просьбы и поруче-

нія царя, Сильвестръ вступалъ по временамъ въ откровенную бесѣду и переписку съ нимъ, давалъ ему нѣкоторые полезные совѣты, можетъ быть даже въ области политики, въ которой Медвѣдевъ былъ довольно свѣдущъ, и вообще былъ для царя Ѳедора, можно сказать почти безъ преувеличенія, незамѣнимымъ человѣкомъ, которому позволялось даже принимать участіе на семейныхъ государевыхъ празднествахъ" (стр. 190, 192). Это показаніе остается однако неяснымъ; напримѣръ, участіе въ семейныхъ празднествахъ заключалось только въ томъ, что Медвѣдевъ составилъ вирши на одно такое празднество, какъ дѣлалъ нѣкогда его учитель. Главное было то, что царь Ѳедоръ благосклонно принялъ желаніе Медвѣдева возобновить Спасскую школу и велѣлъ построить въ монастырѣ особыя хоромы для ученья; и вниманіе царя усилило извѣстность Медвѣдева въ московскомъ церковномъ кругу. Медвѣдевъ мечталъ превратить свою школу въ академію, составилъ для нея „привилей" въ стихахъ, который впослѣдствіи представилъ царицѣ Софьѣ въ январѣ 1685 г.,—но, какъ увидимъ, это дѣло не состоялось и было только поводомъ къ столкновеніямъ Медвѣдева съ противною партіею.

Когда Медвѣдевъ былъ занятъ устройствомъ своей школы, явился въ Москву нѣкто Янъ Бѣлободскій, который показалъ, что, услышавъ о намѣреніи царя открыть въ Москвѣ училище, хотѣлъ предложить себя въ учители. Это былъ человѣкъ съ неяснымъ прошлымъ: западно-русскій уроженецъ, онъ живалъ и съ протестантами, и съ католиками; при нѣкоторыхъ богословскихъ познаніяхъ, былъ человѣкъ не установившійся, какъ полагаютъ, даже индифферентный къ церковнымъ вопросамъ и, вѣроятно, предполагавшій, что въ неученой Москвѣ можетъ устроить свои дѣла въ качествѣ преподавателя. Еще въ Литвѣ, т.-е. въ западно-русскомъ краѣ, іезуиты обвиняли его въ протестантской ереси, а въ Москвѣ неправославіе Болободскаго было скоро замѣчено [1]).

[1]) Г. Прозоровскій говоритъ, что іезуиты назвали Бѣлободскаго „кацермистромъ" (стр. 198); но потомъ постоянно пишетъ это слово „карцермистръ"; это есть Ketzermeister.

Дальше, г. Прозоровскій, какъ намъ кажется, напрасно пользуется словами И. Соколова, чтобы опредѣлить тогдашнее церковное броженіе въ Москвѣ: „въ тогдашнее смутное время въ церковной жизни *русскихъ*, время господства своего рода энциклопедизма (?), въ наиболѣе либеральныхъ кружкахъ общества стало входить въ моду наружное индифферентное отношеніе ко всѣмъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ: вѣру, по выраженію И. Соколова, мѣняли тогда какъ одежду, смотря по обстоятельствамъ, по сезону. Къ такому разряду лицъ принадлежалъ и Бѣлободскій"

Между прочимъ противъ него возсталъ и Медвѣдевъ, желая именно оберечь школу отъ вторженія протестантскихъ ученій, къ которымъ относился съ большою враждой. Любопытно, что теперь, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, самъ патріархъ Іоакимъ поручилъ Медвѣдеву разборъ поданнаго Бѣлободскимъ исповѣданія вѣры, и Медвѣдевъ немедля составилъ отвѣтъ, по словамъ біографа, весьма обстоятельный и подробный, изобличающій въ самомъ авторѣ человѣка съ богатою богословскою эрудиціей и съ большимъ искусствомъ въ „логичествѣ“ (стр. 203). Такимъ образомъ за это время Медвѣдевъ, хотя и былъ, какъ всегда, ученикомъ Полоцкаго, не внушалъ патріарху недовѣрія: напротивъ, онъ былъ справщикъ на печатномъ дворѣ и признанный полемистъ,—но прошло немного времени и характеръ отношеній совершенно измѣняется.

Въ 1682 году произошелъ Стрѣлецкій бунтъ и Медвѣдевъ, описывая ужасы этихъ событій, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ то же время происходило сильное религіозное волненіе: раскольники, видя стрѣлецкую дерзость, „начаша на св. церковь ратовати, народъ простъ возмущати,—присовокупиша лестными глаголаніи къ тому своему злому начинанію многихъ служивыхъ людей, граматѣ неумѣющихъ“; но волненіе происходило и въ кругу людей грамотныхъ. По словамъ Медвѣдева, происходило „въ царствующемъ градѣ въ вѣрѣ колебаніе и ереси прозябеніе отъ неискусныхъ нашей вѣры,—римскія, люторскія и калвинскія книги на польскомъ языкѣ читающихъ, а разсудити праведнаго отъ неправеднаго не могущихъ“. Изъ самыхъ словъ Медвѣдева можно видѣть, въ чемъ состояла одна изъ существенныхъ причинъ броженія. Расколъ начался лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ безъ всякихъ римскихъ или люторскихъ воздѣйствій; причинами его были собственныя нестроенія въ русской церкви, а вмѣстѣ невѣжество народа, неприготовленность массы духовенства помочь народному недоумѣнію. Эти общія условія оставались тѣ же; и если для объясненія новыхъ раскольничьихъ волненій нечего было искать какого-нибудь одного ересіарха (ихъ было сколько угодно), то можно было бы не искать его и

(стр. 199). Но Бѣлободскій былъ не московскій русскій, а западно-русскій человѣкъ, вообще безъ твердыхъ и ясныхъ убѣжденій, а быть можетъ, просто искатель приключеній. Дальше (стр. 206), г. Прозоровскій считаетъ уже какъ бы установленнымъ фактомъ „такъ называемый польскій энциклопедизмъ“, что въ примѣненіи къ московскому обществу было бы совершенно неумѣстно. Религіозныя волненія въ московскомъ обществѣ вовсе не было мѣной убѣжденія „по сезону“; напротивъ, при всѣхъ заблужденіяхъ это была упорная борьба, дошедшая наконецъ до ножей.

для распространенія римскихъ и люторскихъ лжеученій. Довольно того, что были люди, читавшіе „римскія, люторскія и кальвинскія книги на польскомъ языкѣ“: если они увлекались этими книгами, то источникъ ереси, какъ она тогда понималась, былъ готовъ. Но тогда предполагали, что непремѣнно нуженъ ересіархъ; объ этомъ говорилъ и самъ Медвѣдевъ. Уже вскорѣ, когда въ московскомъ церковномъ кругу начался богословскій споръ, обѣ стороны обвиняли другъ друга въ ереси,—и Медвѣдевъ, ратовавшій противъ римскихъ, люторскихъ и кальвинскихъ ученій, самъ былъ объявленъ ересіархомъ.

Богословскій споръ, который разгорѣлся къ концу восьмидесятыхъ годовъ, происходилъ по упомянутому нами вопросу о времени пресуществленія святыхъ даровъ на литургіи. На Руси,—говоритъ г. Прозоровскій,—наступилъ въ церковной жизни такой кризисъ, какого она еще не переживала; по словамъ современника: „тогда бо по-истинѣ видѣти (можно было) ослабленіе рукъ у всѣхъ людей, яко нѣсть помогающаго и къ полезному укрѣпляющаго“; на Руси возгорѣлся „сикилійскій огнь“; „освоеволишася нѣціи человѣковъ, пастырей своихъ не слушающе и закона божественнаго не храняще и страхъ Божій отринувше, не суще священніи, не внемлюще кійждо своему чину, въ немже отъ Бога или отъ царя вчинишася; начаша... разглаголствовати и испытовати... бесѣдовати и вѣщати и другъ со другомъ любопрѣтися, не вѣдуще не токмо тайныхъ и сокровенныхъ, но ниже явленныхъ божественными писаніи нуждныхъ ко спасенію ихъ“... И патр. Іоакимъ говорилъ: „аще не бы всемощная десница Высочайшаго несказаннымъ своимъ Промысломъ (сикилійскій огнь не погасила), рѣдціи бы остался твердо стояще въ восточномъ отце-преданномъ благочестіи, множайшіи же, или бы негли мало не всѣ, уклонилися въ слухъ погибельный папежскаго злочестія“ (стр. 207—208).

Главными дѣйствующими лицами въ этомъ спорѣ съ одной стороны былъ Медвѣдевъ, котораго именно обвиняли въ папежскомъ злочестіи, а съ другой стороны греки братья Лихуды и чудовскій инокъ Евѳимій, за которыми стоялъ самъ патріархъ Іоакимъ, дѣйствовавшій однако именно по ихъ внушеніямъ. Медвѣдевъ очевидно не въ состояніи былъ бы спорить съ такимъ противникомъ, и если онъ не былъ уничтоженъ патріархомъ при первомъ фактѣ непокорности, то лишь по той причинѣ, что находилъ покровительство у царевны Софьи. Впослѣдствіи патріархъ и самую царевну отлучилъ отъ церкви.

Опредѣленіе той роли, какую занималъ Медвѣдевъ въ этомъ

богословскомъ спорѣ и вообще въ раздорѣ тогдашнихъ партій, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ, даже самый важный вопросъ во всей біографіи Медвѣдева, и до сихъ поръ онъ служилъ главнымъ пунктомъ разногласія между изслѣдователями. Особой заслугой г. Прозоровскаго мы считаемъ именно весьма опредѣленную постановку этого вопроса: если и раньше эта точка зрѣнія появлялась въ литературѣ, то никто до сихъ поръ не излагалъ ее съ такимъ обстоятельнымъ изученіемъ фактовъ и съ такой доказательностью, хотя съ нѣкоторыми подробностями сужденій автора можно не согласиться.

Прежде чѣмъ изучены были въ подробностяхъ самыя сочиненія Медвѣдева и его противниковъ (должно замѣтить, что по древнему обычаю споръ велся все еще только рукописными книгами) и была выяснена послѣдовательность фактовъ, новѣйшіе изслѣдователи всего чаще руководились въ своихъ заключеніяхъ тѣми злобными отзывами, какіе сдѣланы были о Медвѣдевѣ его противниками при самомъ спорѣ и какими они преслѣдовали его имя и послѣ его гибели. Эти отзывы составляютъ весьма любопытную коллекцію бранныхъ словъ на церковнославянскомъ языкѣ, гдѣ вообще Медвѣдевъ является ученикомъ іезуита (Симеона Полоцкаго), отпавшимъ отъ матери православной церкви, ересіархомъ и ближайшимъ родственникомъ діавола. Впослѣдствіи сочинена была особая повѣсть о разстригѣ Медвѣдевѣ. На этомъ основаніи у новѣйшихъ историковъ составилась репутація Медвѣдева, какъ неука, приверженца латинскихъ лжеученій, наконецъ, какъ буйнаго демагога, дерзкаго честолюбца (онъ „хотѣлъ быть патріархомъ“) и соучастника въ заговорѣ Шакловитаго. Доказательствомъ его отпаденія въ латинство служила для новѣйшихъ изслѣдователей, со словъ его тогдашнихъ враговъ, его роль въ спорѣ о пресуществленіи, и самое возникновеніе спора приписывалось именно ему. Г. Прозоровскій останавливается прежде всего на этомъ вопросѣ о личной долѣ Медвѣдева въ тогдашнихъ религіозныхъ волненіяхъ и приходитъ къ заключенію совершенно отрицательному. „Неужели,—говоритъ онъ,—виновникомъ всего этого дѣла былъ одинъ только Сильвестръ Медвѣдевъ или, точнѣе, возбужденный имъ споръ по вопросу о времени пресуществленія св. даровъ, на чемъ такъ усердно настаиваетъ извѣстный инокъ Евѳимій, а за нимъ и нѣкоторые современные намъ изслѣдователи, всѣми правдами и неправдами старающіеся завинить во всемъ „произникшій въ винницѣ Христовѣ великороссійскаго народа тернъ латинскаго злочестія“—съ одной стороны, и съ другой обѣлить

и оправдать представителей противоположной партіи, съ патр. Іоакимомъ во главѣ? При всемъ своемъ уваженіи къ свѣтлымъ сторонамъ личности и дѣятельности Сильвестра, мы рѣшительно не можемъ допустить того, чтобы считать его главнымъ и единственнымъ виновникомъ, вызвавшимъ такой замѣчательный кризисъ въ духовной жизни русскихъ второй половины XVII вѣка: единичный умъ и единичная энергія едва ли когда могли и могутъ разбудить такъ долго дремавшее общество и заставить „не токмо мужей, но и женъ и дѣтей... вездѣ другъ съ другомъ— въ схожденіяхъ, въ собесѣдованіяхъ, на пиршествахъ, на торжищахъ, и гдѣ-любо случится кто другъ со другомъ, въ яковомъ-любо мѣстѣ, временно и безвременно... разглаголствовати и испытовати, и о томъ вся вездѣ бесѣдовати и вѣщати и другъ съ другомъ любопрѣтися... о таинствѣ таинствъ... евхаристіи, како пресуществляется... и въ какое время и кіими словесы“. Нѣтъ, единичное лицо не въ силахъ вызвать такое явленіе“...

Такое усиленное волненіе должно было имѣть широкія общія причины, и самою существенною изъ нихъ было—„умственное броженіе въ москов. обществѣ, весьма замѣтно и рѣзко проходящее черезъ весь XVII в. и къ концу его выразившееся, между прочимъ, въ богословскихъ спорахъ, изъ-за которыхъ просвѣчивались серьезнѣйшіе жизненные вопросы, какихъ немного можно найти въ нашей русской исторіи. Конечно, вопросъ о времени пресуществленія св. даровъ въ таинствѣ евхаристіи оставался спеціально богословскимъ вопросомъ, но въ существѣ дѣла за нимъ скрывался другой животрепещущій по тому времени вопросъ, отъ такого или иного рѣшенія котораго находился въ прямой зависимости цѣлый строй общественной жизни, перемѣна взглядовъ и господствующаго направленія, перемѣна даже самаго вѣрованія. Вопросъ о времени пресуществленія св. даровъ былъ собственно только поводомъ и точкою отправленія для борьбы двухъ взаимно противоположныхъ началъ, двухъ цивилизацій,—это былъ остановочный пунктъ на большой дорогѣ исторической жизни русскаго народа, на которомъ встрѣтились представители и проводники двухъ противоположныхъ направленій и, встрѣтившись, никоимъ образомъ не могли ужиться другъ съ другомъ, а потому вступили въ открытую борьбу на жизнь или на смерть. Дѣло въ томъ, что на Руси съ каждымъ годомъ все болѣе и настоятельнѣе чувствовалась необходимость образованія, почему изъ-за богословскаго вопроса проглянулъ другой: какое образованіе предпочтительнѣе, какому отдать право гражданства на православной Руси—греческому или латинскому“

(стр. 210—211). Мы сказали бы только, что едва ли отъ рѣшенія полемики Сильвестра съ его противниками зависѣлъ бы до такой степени „цѣлый строй общественной жизни“ и даже „перемѣна самаго вѣрованія“. Сколько бы этотъ вопросъ ни волновалъ умы въ свое время, это все-таки былъ вопросъ второстепенный, и во всякомъ случаѣ отъ него было еще очень далеко до перемѣны даже „вѣрованія“. Самъ біографъ дальше весьма ограничиваетъ размѣры этого вопроса. Медвѣдевъ, хотя въ данномъ случаѣ упорно защищалъ мнѣніе, которое считалось латинскимъ, въ другихъ случаяхъ столь же рѣзко возставалъ противъ римскихъ лжеученій, наравнѣ съ лютерскими и кальвинскими, какъ и другіе тогдашніе ревнители православія; что же касается его мнѣнія о пресуществленіи, то оно было вообще распространено въ южномъ и западномъ православномъ духовенствѣ, и, какъ извѣстно, его придерживался такой достойный человѣкъ, какъ былъ Димитрій Ростовскій, впослѣдствіи святой. Далѣе, въ общемъ историческомъ смыслѣ полемика о пресуществленіи имѣла только частное значеніе для своего времени. Сторона братьевъ Лихудовъ, Евѳимія и патріарха Іоакима побѣдила, но вовсе не побѣдило „греческое образованіе“. Видная роль Лихудовъ тогда же и кончилась; „греческое образованіе“ получило извѣстную роль въ семинаріяхъ, но все-таки гораздо бо́льшую роль играло въ этихъ семинаріяхъ то самое латинское образованіе, за которое стояли Полоцкій, Медвѣдевъ и всѣ южнорусскіе и западные ученые люди изъ духовенства, а въ цѣломъ, гораздо болѣе широкомъ движеніи русскаго образованія получила силу не греческая или латинская, а новѣйшая европейская школа. *Этого* поворота дѣла не ожидала ни одна изъ сторонъ, боровшихся по вопросу о пресуществленіи.

Такимъ образомъ, это была борьба временная и ограничивалась тою привычною областью, въ которой вѣками пребывала древняя русская письменность. Во всякомъ случаѣ однако вопросъ задѣвалъ за живое обѣ стороны, потому что была у однихъ потребность выйти на болѣе широкій путь книжнаго образованія, а другіе упорно держались за старину и предавали проклятіямъ самую попытку этихъ новыхъ запросовъ.

Очень любопытно, что Медвѣдевъ, возставая противъ старой книжнической неподвижности, особливо нападалъ на излишнее довѣріе русскихъ къ грекамъ. Его вражда къ братьямъ Лихудамъ происходила между прочимъ оттого, что этимъ пріѣзжимъ чужеземцамъ отдано было управленіе той школы, которой онъ самъ хотѣлъ быть главою; но личная вражда имѣла основаніе

въ общемъ принципѣ. Сильвестръ,—говоритъ г. Прозоровскій,—сильно порицаетъ русское общество за безусловную вѣру по отношенію къ грекамъ, отъ которыхъ оно все принимало безъ провѣрки, „яко младенцы и яко обезьяна, человѣку послѣдствующе". „Елико, — говорилъ Медвѣдевъ, — въ Россію грековъ духовнаго чина пріѣзжаютъ, то оныхъ наши духовніи едва не всѣхъ вопрашиваютъ: „како они нынѣ вѣрятъ, и какъ у нихъ въ чинѣхъ церковныхъ творится? дабы и намъ съ вами всегда быти во всемъ согласнымъ". И еже они повѣдаютъ: „нынѣ у насъ сице и сице творится", то и наши духовніи не справяся о ономъ съ писаніемъ древнихъ св. отецъ и со уставами, абіе яко младенцы, учителемъ уподобляющеся, весьма тщатся по словеси грековъ такожде творити. А оныхъ грековъ спросити не хощутъ, тако ли прежде у нихъ издревле быша или не тако, и чесо ради нынѣ у нихъ такое бысть премѣненіе, дабы они о томъ писаніемъ отвѣтъ дали, и оное бы ихъ писаніе согласити здѣ (на Москвѣ) съ писаніемъ древнихъ св. отецъ и со уставы, и согласная бы и правая держати, а несогласная и ново отъ нихъ вводна отрѣзати... А нынѣ,—продолжаетъ Сильвестръ,—увы! нашему таковому неразумію вся вселенная смѣется, не точію же та, но и сами тіи нововыѣзжіе греки смѣются и глаголютъ: „Русь глупая, ничтоже свѣдущая". И не точію тако глаголютъ, но и свиніами насъ быти нарицаютъ, вѣщающе сице: мы куды хощемъ, тамо духовнихъ сихъ и обратимъ,—видимъ бо ихъ, ничтоже самихъ знающихъ, и намъ, яко безсловесны суще, во всемъ въ немже хощемъ послѣдствуютъ". Г. Прозоровскій справедливо замѣчаетъ, что въ горькихъ словахъ Медвѣдева сказывается „весьма важное проявленіе въ духовной жизни русскаго народа, пробужденіе сознанія въ необходимости работы собственнаго ума, въ необходимости строгой и безпощадной критики существующаго порядка вещей, когда русскіе, въ сознаніи своего безсилія во всемъ, пассивно шли за своими учеными греческими руководителями,—безпрекословно соглашались съ ними во всемъ, не пытаясь и не рѣшаясь оказать имъ въ чемъ-либо противорѣчіе или выступить противъ нихъ съ чѣмъ-либо своимъ". Г. Прозоровскій указываетъ, какъ выросло это греческое вліяніе въ старой Россіи. „Въ силу такъ, а не иначе сложившихся историческихъ обстоятельствъ, русскому приходилось брать все готовымъ у грековъ и пересаживать взятое на свою почву,—приходилось всему учиться у грека, подражать ему и въ концѣ концовъ смотрѣть на него, какъ на своего руководителя и опекуна". Западъ былъ отгороженъ отъ русскихъ людей непроницаемою стѣ-

ною: „греки на первыхъ же порахъ позаботились внушить русскимъ представленіе о латинянахъ, какъ о самыхъ злыхъ еретикахъ, съ которыми не слѣдуетъ вступать ни въ какія отношенія,—которыхъ всегда и всячески надо посторониться. Вслѣдствіе этого обстоятельства греческій авторитетъ до поры до времени дѣйствовалъ на Руси безъ всякой помѣхи и конкурренціи". Но этотъ единственный источникъ свѣта изсякъ съ паденіемъ Византіи, и въ Москвѣ „образовался полный застой и совершенная исключительность, основанная на ревнивомъ охраненіи занесенныхъ изъ Византіи древнихъ преданій: „до насъ положено,—лежи оно такъ во вѣки вѣковъ". Русскіе по необходимости коснѣли въ старыхъ понятіяхъ, которыя переходили изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ; они спѣсиво и съ презрѣніемъ смотрѣли на все чужое, иноземное; ненавидѣли все новое, и въ какомъ-то „чудномъ самозабвеніи воображали, что православный россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а святая Русь — первое государство"... Само собою понятно, что такое настроеніе самодовольнаго невѣжества, тяготѣя страшнымъ гнетомъ надъ духовною жизнью народа, сказывалось неисчислимымъ вредомъ на его умственномъ, религіозно-нравственномъ и даже матеріальномъ благосостояніи. „Мы стали,—говоритъ Юрій Крижаничъ,—исчисляя вредныя послѣдствія русскаго невѣжества,—на укореніе всѣмъ народамъ, изъ коихъ ины насъ люто обижаютъ, ины гордо презираютъ, а что̀ все прискорбнѣе — ругаютъ, укоряютъ, ненавидятъ насъ и зовутъ варварами. Варвары же,—по опредѣленію Крижанича,—суть люди, кои содержатъ въ себѣ отмѣнное злонравіе, худобу и неправду,—кои мудры на всяко зло, кои суть сильники, грабители, нещадные кровопійцы, лютые мучители, обманщики, бездушные и безбожные клятвопреступники... народы невѣжественные, кои не знаютъ ни благородныхъ наукъ, ни главныхъ промышленныхъ искусствъ,—кои лѣнивы, нерадивы, непромышленны и потому убоги" (стр. 212—214).

Должно прибавить еще для болѣе точнаго опредѣленія спора „греческой" и „латинской" партіи, что въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ „греческаго" вліянія оно не достигло даже того, чтобы внушить русскимъ людямъ необходимость школы, и наконецъ, когда вселенскіе (греческіе) патріархи побывали въ XVII столѣтіи въ самой Москвѣ, они поражены были отсутствіемъ училищъ.

Такимъ образомъ, когда Медвѣдевъ писалъ приведенныя выше слова, онъ руководился мыслью вывести наконецъ русское общество изъ безсознательнаго невѣжества и внушить самостоятель-

ную заботу о просвѣщеніи. Но „греческая“ партія еще разъ попыталась удержать вліяніе, ускользавшее изъ ея рукъ... Какъ мы раньше упоминали, появленіе въ Москвѣ кіевскихъ и западнорусскихъ ученыхъ людей возбудило уже враждебное недовѣріе въ московскомъ духовенствѣ; оно было безсильно противъ Симеона Полоцкаго, котораго все-таки подозрѣвало въ латинствѣ, потому что онъ пользовался расположеніемъ царей; но теперь оно рѣшилось повести окончательную борьбу съ такъ называемымъ латинскимъ направленіемъ, главнымъ представителемъ котораго былъ теперь Медвѣдевъ. „Противъ кіевлянъ, — говоритъ г. Прозоровскій, — образовалась здѣсь сильная партія, рѣшившаяся такъ или иначе передать учительство русскихъ единовѣрнымъ и вполнѣ православнымъ грекамъ, которые должны были уничтожить вліяніе и значеніе латинствующихъ кіевлянъ. Дѣйствительно, по вызову патр. Іоакима на Москву явились самобратія Лихуды, которые скоро пріобрѣли здѣсь рѣшающее значеніе на характеръ и направленіе въ дѣлѣ устройства школы. Послѣ этого значеніе кіевлянъ, какъ людей науки, само собою должно пасть и замѣниться значеніемъ ученыхъ грековъ“... Но когда эти греки восхваляли греческую науку, приверженцы латинской школы могли сказать, что самой греческой науки уже нѣтъ, что нынѣшніе греки берутъ свою ученость съ Запада (какъ и Лихуды учились въ падуанскомъ университетѣ). „Старомосковская партія получила поддержку и подкрѣпленіе со стороны самобратій Лихудовъ, которые, подъ болѣе или менѣе искуснымъ прикрытіемъ ревности къ чистому православію и пользуясь готовымъ уже предлогомъ (дѣло Бѣлободскаго), раздули частный вопросъ о времени пресуществленія св. даровъ, подстрекая патріарха и старомосковскую партію противъ такъ называемой латинской партіи“ (стр. 220). Мы упоминали выше, съ какой ненавистью противники Медвѣдева изображали его дѣятельность. „Въ царствующемъ великоградѣ Москвѣ, пресвѣтлосіяющемъ восточнаго благочестія, коварствомъ плевелосѣятеля врага діавола, произниче тернъ латинскаго злочестія въ винницѣ Христовѣ великороссійскаго народа, нѣкто монашескимъ святымъ образомъ извнѣ одѣянный, внутрь же не токмо ничесого монашескаго не имѣя, но лжемонахъ сый, и еретическому латинскому отъ благочестія отступству послѣдова, именемъ Сильвестръ, прозваніемъ Медвѣдевъ“. Онъ оставилъ преданія святой восточной церкви, сталъ съ помощію діавола всѣвать въ православный великороссійскій народъ латинскій обычай и ересь (о пресуществленіи), прельстилъ многихъ православныхъ людей, смутилъ церковь, ввелъ

людей въ смертный грѣхъ и т. д. Въ концѣ концовъ противники Медвѣдева добросовѣстно утверждали, что Медвѣдевъ хотѣлъ привлечь православно-россійскій народъ „къ прелестному новомудрованію западнаго костела“. Но при этомъ, — замѣчаетъ г. Прозоровскій,—у всякаго, кто изучалъ эту полемику о пресуществленіи, естественно возникаетъ вопросъ: „поддерживая латинское мнѣніе по этому предмету, возставалъ ли Сильвестръ противъ авторитета православной восточной церкви? Мутилъ ли онъ своимъ ученіемъ православную церковь? Иначе сказать: виновенъ ли Медвѣдевъ, какъ сынъ восточнаго православія, въ сложившихся такъ, а не иначе, историко-культурныхъ условіяхъ?“ (стр. 222).

Дѣло въ томъ, что этотъ вопросъ, кажется, впервые поднятъ былъ только на флорентинскомъ соборѣ въ 1439, и съ этихъ поръ соотвѣтственное изложеніе обряда внесено было въ латинскіе требники, откуда оно проникло (неизвѣстно, когда въ первый разъ и гдѣ) въ богослужебныя книги южно-русскія. Но когда вопросъ рѣшался на Западѣ, въ греческой и великороссійской церкви не выработалось по этому вопросу никакого твердоустановленнаго мнѣнія; повидимому, вопросъ считался довольно безразличнымъ. Но затѣмъ, когда извѣстная форма совершенія обряда была принята спеціально въ латинскомъ требникѣ, бывало, что это латинское мнѣніе высказывалось въ самой Москвѣ, не только не вызывая противорѣчія, но съ одобренія самихъ патріарховъ. „На Москвѣ латинское мнѣніе едва ли не впервые открыто было высказано (1666 г.) С. Полоцкимъ въ „Жезлѣ Правленія“, и не вызвало тогда никакого возраженія. Правда, латинское мнѣніе здѣсь высказано не такъ рѣшительно, какъ у послѣдующихъ (напр., у С. Медвѣдева) полемистовъ; но появленіе такого мнѣнія въ „Жезлѣ Правленія“, изданномъ отъ имени и за благословеніемъ двухъ восточныхъ патріарховъ и третьяго московскаго, для многихъ могло послужить весьма сильнымъ авторитетомъ. Извѣстны и другія указанія на существованіе среди православныхъ латинскаго мнѣнія о времени пресуществленія св. даровъ... Около этого же приблизительно времени (точнѣе, между 1675—1678 гг.) извѣстный чудовскій инокъ Евѳимій, впослѣдствіи одинъ изъ главныхъ защитниковъ православнаго образа мыслей по вопросу о времени пресуществленія св. даровъ, самъ держался и другимъ проповѣдывалъ чисто латинское мнѣніе и, что не безъинтересно для насъ въ данномъ случаѣ, дѣлалъ это съ вѣдома и, кажется, по приказанію самого патр. Іоакима“. Г. Прозоровскій обратилъ вниманіе на эту черту дѣятельности чу-

довскаго инока, которой не замѣчали историки, обыкновенно нападавшіе на Медвѣдева за его латинство и восхвалявшіе Евѳимія за его строго православное благочестіе. Есть однако цѣлое сочиненіе Евѳимія, заключающее въ себѣ наставленіе священникамъ, и здѣсь излагалось по вопросу о пресуществленіи то самое латинское мнѣніе, за которое онъ впослѣдствіи причислилъ Медвѣдева къ слугамъ діавола. „Такимъ образомъ, — говоритъ г. Прозоровскій, — въ своемъ „Воумленіи" инокъ Евѳимій, съ вѣдома и даже, можетъ быть, по прямому приказанію патріарха Іоакима, является проповѣдникомъ латинскаго мнѣнія по вопросу о времени пресуществленія св. даровъ. Но этого мало: мы должны даже сказать, что и самъ патр. Іоакимъ, поскольку онъ „благословилъ" трудъ Евѳимія въ такомъ именно видѣ, *до пріѣзда Лихудовъ на Москву* также держался латинскаго мнѣнія". Справедливость этого заключенія біографъ подтверждаетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что даже въ 1682 году, при вѣнчаніи на царство Іоанна и Петра Алексѣевичей, которое совершалъ патріархъ Іоакимъ, происходили по его приказанію извѣстныя обрядности, именно соотвѣтствующія латинскому пониманію пресуществленія (стр. 228—230). Мало того, „и раскольническіе первоучители, считающіе себя ревностными защитниками стариннаго status quo, держались латинскаго мнѣнія по вопросу о времени пресуществленія св. даровъ въ таинствѣ евхаристіи". Авторъ, какъ всегда, приводитъ факты, и продолжаетъ: „замѣчательно, что первые расколоучители, обвиняя православную церковь въ разнаго рода латинскихъ „новшествахъ", сами держались, какъ сейчасъ видѣли, чисто латинскаго мнѣнія о времени пресуществленія св. даровъ! Но этого мало: въ данномъ случаѣ необходимо имѣть въ виду, что представители старообрядчества являются вѣдь защитниками старины и, въ частности, прежнихъ церковныхъ мнѣній и обрядовъ. Отсюда, если довѣримся показанію Пустосвята, діакона Ѳедора и др., то съ бо̀льшею или мѣньшею степенью вѣроятности должны заключать, что старинная (вѣрнѣе—до-никоновская) Русь иногда держалась отчасти латинскаго мнѣнія по вопросу о времени пресуществленія св. даровъ въ таинствѣ евхаристіи".

Въ концѣ концовъ, пересмотрѣвъ, между прочимъ, древніе рукописные и печатные служебники, г. Прозоровскій заключаетъ: „уже одно только бѣглое разсмотрѣніе подлинно историческихъ свидѣтельствъ съ несомнѣнностью убѣждаетъ насъ въ томъ, что до пріѣзда на Москву самобратьевъ Лихудовъ въ Великороссіи (про Малороссію же въ этомъ отношеніи и говорить нечего)

какъ среди представителей церкви, такъ и въ богослужебныхъ книгахъ существовало латинское мнѣніе по вопросу о времени пресуществленія св. даровъ въ таинствѣ евхаристіи. Этого мало: латинскаго мнѣнія по интересующему насъ вопросу держалась не одна только Россійская церковь; нѣтъ, оно было освящено на Руси „непогрѣшимыми“ отцами соборовъ, на которыхъ присутствовали авторитетные для русскихъ въ дѣлахъ вѣры восточные патріархи, строго слѣдившіе за чистотою православія какъ у себя на востокѣ, такъ и особенно у насъ на Руси“. „Слѣдовательно, — говоритъ осторожно г. Прозоровскій, — многія лица второй половины XVII-го вѣка (и между ними такія, какъ св. Димитрій Ростовскій, Сильвестръ Медвѣдевъ и др.) могли до извѣстной степени убѣждаться и признавать за истину то положеніе или, вѣрнѣе сказать, тотъ казавшійся для нихъ неоспоримымъ фактъ, что латинскаго мнѣнія по вопросу о времени пресуществленія св. даровъ держалась иногда восточная грекороссійская церковь въ своихъ частныхъ членахъ—отъ простого мірянина до самихъ патріарховъ. Вотъ почему въ данномъ случаѣ до извѣстной степени правъ св. Дмитрій Ростовскій, по словамъ котораго „не отъ латинъ, но отъ грековъ пріятся въ россійстѣй церкви чинъ той, еже кланятися на словеса Христова, и подобаетъ содержати чинъ той, святѣйшими вселенскими патріархами и россійскими архіереями преданный; ибо и прещеніе на непокоривыя тамо положено“ и т. д. (стр. 236—237).

Такъ было до пріѣзда Лихудовъ и до диспута ихъ съ Бѣлободскимъ, послѣ чего столь распространенное прежде и даже узаконенное мнѣніе о пресуществленіи было признано латинскимъ, и тѣ, кто рѣшился стоять за него и по существу и по давнему преданію, объявлены были отступниками отъ православія и проповѣдниками латинскаго злочестія. Не твердый въ своихъ мнѣніяхъ, по словамъ г. Прозоровскаго, патріархъ Іоакимъ сталъ на сторону Лихудовъ и приставшаго къ нимъ инока Евѳимія, хотя, какъ говорятъ современники, и самъ былъ потомъ не радъ, когда изъ-за этого поднялся ожесточенный церковный споръ; но, разъ вступивши на эту дорогу, онъ не только разрѣшалъ своимъ приверженцамъ извращать факты, но самъ предалъ анаѳемѣ Медвѣдева, къ которому былъ враждебенъ по его отношеніямъ ко двору царевны Софьи.

Мы не будемъ входить въ подробности наступившей полемики. Изъ приведенныхъ фактовъ достаточно видно, насколько Медвѣдевъ могъ быть по этому вопросу обвиняемъ въ проповѣди латинскаго злочестія, когда въ дѣйствительности онъ стоялъ за

старое преданіе, котораго за два, три года передъ тѣмъ держался и самъ патріархъ Іоакимъ. Новѣйшіе историки, какъ было упомянуто выше, повѣривъ обвинителямъ Медвѣдева, сваливали на него всю вину церковныхъ волненій и латинской ереси; а на дѣлѣ онъ совершенно искренно держался старины и вмѣстѣ съ тѣмъ справедливо негодовалъ на измѣнчивость церковныхъ властей. Понятно, что слова его не могли быть пріятны патріарху Іоакиму и его приближеннымъ, которые были настоящими его внушителями. Этимъ положеніемъ существа дѣла объясняется и то, что̀ говоритъ г. Прозоровскій о самомъ тонѣ этой полемики: „Вопреки завѣренію апологетовъ инока Евѳимія, мы съ необходимостью должны отмѣтить здѣсь тотъ фактъ, что противъ спокойнаго и ровнаго тона Медвѣдева въ его „Хлѣбѣ животномъ“ инокъ Евѳимій *первый* ввелъ въ полемику и пустилъ въ оборотъ раздражительный, задорно бранчливый и совершенно неприличный въ такомъ дѣлѣ тонъ, за позднѣйшее дозволеніе чего со стороны Сильвестра тотъ же Евѳимій сталъ потомъ такъ усиленно нападать и поставлять это въ вину своему оппоненту. Собственно, безъ преувеличенія можно сказать, что почти все Евѳиміевское „Показаніе на подвергъ латинскаго мудрованія“ состоитъ изъ подбора бранныхъ словъ и неприличныхъ по своему тону выраженій, направленныхъ по адресу С. Медвѣдева“ (стр. 253).

Нѣтъ надобности излагать самый ходъ богословской полемики. Довольно сказать, что по признанію самого Медвѣдева онъ неоднократно получалъ запрещенія продолжать ее отъ „начальныхъ духовныхъ“; но считая себя правымъ, онъ не подчинялся запрещенію, и тѣмъ, конечно, крайне раздражилъ противъ себя начальныхъ духовныхъ, т.-е. самого патріарха; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ получалъ ободренія со стороны царевны Софьи. А главное, полемика велась противъ него недобросовѣстно: когда онъ дѣйствительно имѣлъ за себя „древне-преданный“ обычай, что̀ онъ и указывалъ, противники, которымъ не выгодно было признать этотъ обычай, представляли самого Медвѣдева вводителемъ латинскаго обычая и провозглашали его уніатомъ и латинщикомъ. Обвиненіе это приводило Медвѣдева въ крайнее негодованіе и ему безъ сомнѣнія искренно представлялось, что въ дѣйствіяхъ Лихудовъ, которыя были главными руководителями „греческой“ партіи, скрывается какая-то темная интрига. На вопросъ, откуда начался въ Россіи этотъ церковный раздоръ, Медвѣдевъ находитъ одинъ отвѣтъ: „мнози греки люди неправедни, сребролюбцы паче, неже боголюбцы,—вящше любятъ ложь,

неже истинну, якоже о нихъ свидѣтельствуетъ св. Павелъ, глаголя: „Критяне присноливи",—и тако они не точію самихъ себе, но и другихъ простѣйшихъ въ погибель вводятъ"; Лихуды были „лестцы и лживцы", по его мнѣнію подосланные „отъ еретиковъ люторовъ или калвиновъ или отъ римлянъ на возмущеніе нашея православныя вѣры", и надо опасаться, „дабы они своею лукаво-образною хитростью нашея православныя вѣры прежде смутя, а потомъ во ину каковую вѣру не превратили". Медвѣдевъ опять имѣлъ неосторожность упомянуть о начальныхъ духовныхъ, которые были слишкомъ довѣрчивы къ этимъ „лживцамъ". Противная партія не замедлила выставить свои обвиненія и чудовскій инокъ Евѳимій, по словамъ г. Прозоровскаго, „пользуется весьма неблаговиднымъ пріемомъ", объявляя Сильвестра авторомъ сочиненія, ему не принадлежавшаго, и взводя на него небывалыя уголовныя преступленія, подлежащія строгой отвѣтственности по „градскимъ" законамъ. „Оный боритель церкве Христовы, яко владыка пишетъ, *хотя* сицевымъ образомъ наступити и *попрати всю власть царскую же и церковную*; сего ради и къ людемъ пишетъ, яко да лукавое свое намѣреніе получитъ, еже не даждь, Господи Боже, никогда видѣти, но присно... да сіяетъ великая власть царская же и церковная... и да побѣждаетъ супостаты си" (стр. 293). Когда книжная полемика не имѣла успѣха, чудовскій инокъ призывалъ народъ противъ своего врага: „пріими оружіе и щитъ, востани въ помощь, исторгни мечъ, поборствуй по матери твоей (церкви), зашей и заключи неправедно глаголющихъ, да нѣмы будутъ устны льстивыя и лживыя,—прободай противящыяся, испусти стрѣлы... посли врагомъ и разжени тыя... да будутъ яко прахъ предъ лицемъ вѣтра... и ангелъ Господень да будетъ погоняяй и поражаяй тыя, и падутъ подъ ногами православныхъ, и да исчезнутъ и погибнутъ и въ ничтоже да будутъ". Пущена была молва, что Медвѣдевъ хотѣлъ даже убить „главу и отца всего россійскаго царства", патріарха Іоакима, и иныхъ начальныхъ духовныхъ лицъ а впослѣдствіи прибавляли даже, что онъ злоумышлялъ на „самое пресвѣтлое царское величество" царя Петра Алексѣевича. Безъ сомнѣнія, объ этихъ замыслахъ Медвѣдева внушали и самому патріарху. Медвѣдевъ сталъ бояться за свою безопасность, избѣгалъ встрѣчаться съ патріархомъ, просилъ, чтобы его отпустили изъ Москвы, но царевна Софья держала его, обѣщая свою защиту, и келья Медвѣдева была одно время охраняема стрѣльцами на случай нападенія патріаршихъ людей. Когда наконецъ отношенія царевны Софьи и Петра обострились до такой сте-

пени, что взрывъ былъ неминуемъ, Медвѣдевъ дѣйствительно бѣжалъ изъ Москвы; но было уже поздно: враждебныя дѣйствія вспыхнули. Петръ съ своими приверженцами утвердился въ Троицкой Лаврѣ, туда же отправился патріархъ Іоакимъ, и когда партія Нарышкиныхъ потребовала выдачи Шакловитаго, то вмѣстѣ съ тѣмъ потребовали и выдачи Медвѣдева. Посланные за нимъ, не нашедши его въ Спасскомъ монастырѣ, были разосланы по разнымъ направленіямъ и онъ былъ схваченъ въ одномъ монастырѣ по смоленской дорогѣ. На допросахъ онъ объяснилъ, безъ сомнѣнія, справедливо, что бѣжалъ отъ страха патріарха (т.-е. политическаго преступленія за собой не чувствовалъ); враги его говорили, что Медвѣдевъ, измѣнивъ православной церкви и пресвѣтлому величеству, „яко прежній лжемонахъ ростригa Гришка Отрепьевъ, *побѣжа* въ Польское государство, хотя не ино что, токмо смущеніе воздвигнути, и на православную нашу вѣру восточнаго благочестія брань воставити отъ римскаго костела, и всему благочестивѣйшему россійскому царству нѣкое зло сотворити“ (стр. 330).

Мы привели эти подробности, чтобы показать настроеніе, въ какомъ пребывали враги Медвѣдева. Обвиненія были безсмысленны, и онѣ показывали, что Медвѣдеву нельзя было ждать добра.

Наконецъ, взрывъ совершился: перваго сентября 1689 года пришло изъ Троицы къ царевнѣ Софьѣ требованіе выдать Шакловитаго и Медвѣдева, какъ главныхъ зачинщиковъ бунта и смертнаго убійства; 7-го сентября былъ выданъ Шакловитый, а черезъ нѣсколько дней привезенъ былъ и отысканный на бѣгствѣ Медвѣдевъ. Біографъ послѣдняго, какъ и многіе историки той эпохи, относится къ розыскному дѣлу крайне недовѣрчиво. „Никакого серьезнаго заговора на жизнь Петра, Натальи Кирилловны и патріарха рѣшительно не было... Если Шакловитый и подговаривалъ стрѣльцовъ на отчаянное дѣло, то они ни когда бы на него не рѣшились: цареубійства можно было ожидать только со стороны высшихъ бояръ, а приверженцы Софьи, даже самые близкіе къ ней, съ нескрываемымъ ужасомъ выслушивали даже одни только предположенія и намеки на страшные кровавые замыслы. Явныя нелѣпости, которыя приписывали сторонникамъ Софьи, даютъ полнѣйшую возможность оцѣнить степень достовѣрности и другихъ извѣтовъ, и судить вообще о ходѣ самаго производства дѣла. Всякая сплетня, распущенная обусурманившимся казакомъ, каждый извѣтъ ловкаго схимника или пройдохи-поляка—все служило для обвиненія противниковъ Нарышкинской партіи. Сами слѣдователи едва ли не лучше нашего

знали, что многіе извѣты или ложны, или преувеличены и чуть ли нѣкоторые не ими самими подстроены... Розыскъ надъ заговорщиками велся какъ будто только для исполненія обряда, формы". Главныхъ виновныхъ заранѣе рѣшено было казнить, а прочихъ допрашивали какъ будто для того, чтобы оправдать назначенныя казни. „Дѣйствій не было никакихъ; самъ Шакловитый, именемъ котораго названъ мнимый бунтъ, былъ обвиняемъ только въ намѣреніяхъ, да и то по извѣтамъ доносчиковъ. Другого впечатлѣнія изъ чтенія и болѣе или менѣе внимательнаго разбора „Розыскныхъ дѣлъ о Ѳ. Шакловитомъ и его сообщникахъ" и вынести нельзя: все дѣло объясняется только съ точки зрѣнія борьбы за первенство власти" (стр. 326—327). Впечатлѣніе г. Прозоровскаго не было въ этомъ случаѣ единичнымъ. Такъ думали прежде и другіе историки, напримѣръ Погодинъ. Г. Прозоровскій останавливается особливо на обвиненіяхъ, выставленныхъ противъ Медвѣдева.

„Во всемъ дѣлѣ Шакловитаго не было никакого заговора на жизнь Петра; цареубійства можно было ожидать не со стороны „худородныхъ", а со стороны высшихъ бояръ. И дѣйствительно, приверженцы Софіи съ нескрываемымъ ужасомъ выслушивали даже одни только предположенія и намеки на страшные кровавые замыслы: В. В. Голицынъ, напримѣръ, никогда не одобрялъ крутыхъ мѣръ, даже вѣнчаніе правительницы на царство считалъ дѣломъ весьма великимъ, а С. Медвѣдевъ, услышавъ о преступныхъ замыслахъ, грозилъ страшнымъ судомъ для тѣхъ, кто вздумалъ бы возстать противъ царя... Подъ пыткой Медвѣдевъ снова признался, что такъ онъ „говорилъ стрѣльцамъ для того, чтобъ тому дѣлу не быть, и чтобъ то дѣло разорить". Сталъ ли бы говорить такія рѣчи государственный преступникъ, замышлявшій будто бы на жизнь Петра?" (стр. 340). Самую крупную свою государственную измѣну Медвѣдевъ показалъ въ „пыточныхъ рѣчахъ"—что, по приказанію Шакловитаго, на портретѣ царевны подписалъ титулъ „вседержавнѣйшей самодержицы", изобразилъ семь добродѣтелей царевны и сложилъ въ похвалу ея вирши: фактъ былъ незначительный, но онъ свидѣтельствовалъ о привязанности Медвѣдева къ царевнѣ Софьѣ, и содѣйствіе ея возвеличенію виршами становилось государственнымъ преступленіемъ.

Біографъ ставитъ далѣе вопросъ: въ чемъ наконецъ выразились „воровство, измѣна Медвѣдева и возмущеніе къ бунту", и заключаетъ, что государственныхъ преступленій у него не было, кромѣ личной близости къ Шакловитому и царевнѣ Софьѣ. Еще

меньше Медвѣдевъ былъ виновенъ въ церковныхъ преступленіяхъ и намѣреніи убить патріарха. На допросахъ онъ сказалъ, что церкви святой онъ никакимъ смущеніемъ не смущалъ, и біографъ подтверждаетъ, что въ спорѣ съ Лихудами традиціонная правда была на его сторонѣ. Но—„догматическія мнѣнія Сильвестра какое имѣли отношеніе къ дѣлу о заговорѣ Шакловитаго, и имѣли ли право члены розыскной коммиссіи подвергать человѣка страшнымъ пыткамъ за то только, что онъ позволялъ себѣ открыто высказывать казавшуюся ему правду? Да, съ точки зрѣнія Нарышкинской партіи, къ которой примыкалъ потерпѣвшій пораженіе въ догматическихъ спорахъ патр. Іоакимъ, слѣдователи были вполнѣ правы: имъ необходимо было завинить Сильвестра, хотя бы для этого потребовалось нарушеніе законовъ и правды, чтобъ тѣмъ самымъ сдѣлать угодное для патріарха, оказавшаго большія услуги сторонѣ Наталіи Кирилловны и ея сына. Отсюда для насъ становится вполнѣ понятнымъ и все обвиненіе Медвѣдева въ проступкахъ противъ патріарха“. На допросахъ Медвѣдевъ не отказался, что говорилъ про святого патріарха слова, обидныя для его самолюбія, что онъ „учился мало и рѣчей богословскихъ не знаетъ“, и біографъ опять подтверждаетъ, что въ своихъ отзывахъ объ учености патріарха онъ былъ правъ.

Касаясь далѣе тѣхъ слуховъ, какіе ходили въ Москвѣ или сочинялись врагами Медвѣдева объ его честолюбивыхъ замыслахъ, именно объ его намѣреніи быть патріархомъ, а потомъ подчинить русскую церковь римскому папѣ, біографъ вообще находитъ совершенно нелѣпыми толки о пристрастіи Медвѣдева къ латинству, а затѣмъ слухи объ его замыслахъ объясняетъ однимъ болѣе позднимъ фактомъ. „Дѣло въ томъ, что пойманный въ началѣ 1691 г. Алексѣй Стрижовъ при розыскѣ открылъ небывалыя связи Медвѣдева съ мнимыми волхвами, которые будто „обнаружили замыслы Сильвестра не только на жезлъ патріаршій, но и на царскую (даже?) корону“, въ чемъ будто бы, послѣ жестокаго истязанія огнемъ и желѣзомъ, вполнѣ сознался самъ Медвѣдевъ, и за это былъ казненъ. Итакъ, признаніе самого Медвѣдева, а не иное что, по нашему крайнему разумѣнію, послужило твердымъ (?!) основаніемъ распространеннаго на Москвѣ слуха о честолюбивыхъ замыслахъ Сильвестра, мечтавшаго будто бы вступить на патріаршую каѳедру и подъ главенствомъ папы соединить русскую церковь съ римско-католическою. Мы не станемъ говорить здѣсь о полнѣйшей невозможности придавать болѣе или менѣе серьезное значеніе нелѣпому показанію, вынужденному у человѣка путемъ жестокаго наказанія огнемъ и желѣзомъ;

замѣтимъ только, что еслибы допрашивали Медвѣдева побольше и поусерднѣе, то онъ могъ бы, пожалуй, сказать вполнѣ безумныя слова: „сдѣлавшись патріархомъ и царемъ, я хотѣлъ-де быть Богомъ“.

Общее заключеніе біографа, выведенное изъ подробнаго разбора фактовъ и свидѣтельскихъ показаній, таково: „Медвѣдевъ вовсе не былъ отчаяннымъ революціонеромъ, будто бы намѣревавшимся произвести насильственный переворотъ въ сферѣ государственной и церковной жизни: обвинительные пункты ясно говорятъ сами за себя, и изъ нихъ вовсе не видно, чтобы Медвѣдевъ, дѣйствительно, былъ измѣнникомъ и заговорщикомъ; напротивъ, несмотря на страшныя истязанія во время пытокъ, онъ не нашелъ въ своей жизни ни одного преступнаго замысла; несмотря на пристрастное слѣдствіе, никто изъ свидѣтелей не могъ доказать за нимъ какой-либо серьезной вины“ (стр. 348—349).

Медвѣдевъ приговоренъ былъ къ смертной казни 5-го октября 1689. Шакловитый былъ казненъ тотчасъ послѣ розыскного дѣла, но казнь Медвѣдева оставалась безъ исполненія очень долго, болѣе года. Онъ посаженъ былъ въ „твердое хранило“, т.-е. въ крѣпкую тюрьму въ Троицкомъ монастырѣ; за нимъ учрежденъ былъ строжайшій надзоръ, онъ долженъ былъ подвергаться увѣщаніямъ для сознанія въ своей „ереси“. Полагаютъ, что казнь отложена была потому, что отъ него ожидали показаній о князѣ Василіи Васильевичѣ Голицынѣ; но, судя по другимъ фактамъ, надѣялись, кажется, добиться еще отъ него полнаго отрицанія отъ своей ереси, которое было бы окончательнымъ торжествомъ „греческой“ партіи и патріарха Іоакима.

Но здѣсь біографъ опять встрѣчается съ цѣлымъ рядомъ противорѣчивыхъ показаній, которыя прежде и приводили историковъ къ разнорѣчивымъ заключеніямъ. А именно, разсказывается, что, находясь въ твердомъ хранилѣ, Медвѣдевъ, вслѣдствіе увѣщаній мудрыхъ духовныхъ, въ числѣ которыхъ былъ даже и одинъ изъ Лихудовъ, принесъ торжественное покаяніе, отвергъ и проклялъ свою прежнюю ересь, восхвалилъ ученіе своихъ прежнихъ враговъ и, наконецъ, написалъ все это въ собственноручномъ исповѣданіи, и одновременно съ нимъ представилъ свое покаяніе другой еретикъ, іерей Савва Долгій. Свое исповѣданіе Медвѣдевъ прочелъ будто бы при свидѣтеляхъ въ одномъ изъ московскихъ храмовъ, а кромѣ того оно было разсмотрѣно на особомъ соборѣ святителей и московскаго духовенства.

Подвергнувъ всѣ эти повѣствованія и сохранившіеся документы самому внимательному разбору, біографъ Медвѣдева встрѣ-

тился, однако, съ такими противорѣчіями и невѣроятностями, что пришелъ къ рѣшительному сомнѣнію въ дѣйствительности всѣхъ этихъ событій, начиная съ того, что мнимое собственноручное исповѣданіе Медвѣдева не имѣетъ никакого подобія съ его почеркомъ и совершенно невѣроятно по своему складу и содержанію. Г. Прозоровскій заключаетъ: „Итакъ, покаянное исповѣданіе Медвѣдева рѣшительно нельзя считать его „собственноручнымъ писаніемъ“: оно составлено помимо желанія самого Медвѣдева и, какъ таковое, принадлежитъ къ числу подложныхъ документовъ, имѣвшихъ извѣстное значеніе для своего времени. Отсюда уже само собою понятно, что и самый московскій соборъ, созванный будто бы по поводу покаяннаго исповѣданія Медвѣдева (и Саввы Долгаго), долженъ представляться намъ въ крайне подозрительномъ видѣ. И мы, дѣйствительно, заранѣе утверждаемъ, что такого собора вовсе не было на Москвѣ, и дѣянія его, какъ никогда не имѣвшаго своихъ засѣданій, остаются (да такъ оно, конечно, и должно быть) совсѣмъ неизвѣстными. Замѣчательно: сами представители и сторонники греческой партіи вовсе не рѣшались утверждать фактъ созванія особаго собора на Медвѣдева“ (стр. 367).

„Такого собора,—продолжаетъ біографъ,—вовсе не было на Москвѣ, а извѣстные намъ „судъ и изреченіе синодальное“ составлены, вѣроятно, однимъ изъ приближенныхъ къ патр. Іоакиму лицъ съ худо скрытою цѣлью—выставить на показъ полнѣйшее торжество и всю безусловную правоту дѣла представителей греческой партіи, такъ неудачно ратовавшихъ съ „латинниками“ по спорному вопросу о времени пресуществленія св. даровъ въ таинствѣ евхаристіи“.

Наконецъ, Медвѣдевъ былъ казненъ 11-го февраля 1691 года.

На послѣднихъ страницахъ изслѣдованія біографъ дѣлаетъ общую характеристику Медвѣдева. Мы видѣли, какимъ извергомъ хотѣли изобразить Медвѣдева его противники, за которыми слѣдовали и многіе изъ новѣйшихъ историковъ, когда еще не были приведены сполна въ извѣстность и не разслѣдованы всѣ біографическіе матеріалы о Медвѣдевѣ. Новый біографъ, изучивъ самымъ внимательнымъ образомъ эти матеріалы, даетъ совсѣмъ иное изображеніе этого историческаго человѣка. „На самомъ дѣлѣ оказывается, что старецъ Сильвестръ, любимецъ царя Ѳедора и царевны Софьи, былъ человѣкъ мягкій, осторожный, ученый для своего времени, чего не могли отрицать и сами противники его,—глубоко образованный и широко начитанный... Это была натура энергическая, съ неутомимою жаждою дѣятельности... Вмѣстѣ съ

тѣмъ Медвѣдевъ былъ человѣкъ откровенный и, притомъ, всегда готовый постоять за свои убѣжденія: не даромъ его приговорили къ одиночному заключенію въ „твердомъ хранилѣ“ и лишили чернилъ и бумаги; не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, на заготовленномъ для Сильвестра покаянномъ исповѣданіи нѣтъ его собственноручной подписи... Спокойный тонъ большинства сочиненій Сильвестра окончательно обрисовываетъ его свѣтлую личность и его нравственные взгляды: „пастыри, по словамъ Медвѣдева, ...истинно постятся: мясъ не ядуще, плоти ближняго не ѣдятъ,—вина не піюще, крове братскія не пьютъ, ниже злостными лживыми глаголы и пагубными лестьми, яко зубами, не грызутъ брата своего“. И, замѣчательно: всею своею жизнью Медвѣдевъ доказалъ вѣрность своимъ словамъ, которыя онъ, яко добрый пастырь, напрасно старался привить погрязшимъ въ тинѣ невѣжества современникамъ. Да, у „чернца великаго ума и остроты ученой“ слово никогда не расходилось съ дѣломъ: это былъ характеръ цѣлостный и неизмѣнно вѣрный своимъ лучшимъ облагороженнымъ стремленіямъ. Вотъ почему такой человѣкъ не могъ пользоваться вполнѣ понятною для насъ терпимостью со стороны извѣрившихся самихъ въ себѣ москвичей второй половины XVII-го вѣка, которые ничего не хотѣли знать, кромѣ однихъ только прелестей полюбившагося имъ „китаизма“ со всѣми его послѣдствіями: по-истинѣ, то были „многосѣтованная и плача достойная времена“, когда „коварство плевелосѣятеля врага діавола“ не встрѣчало для себя, необходимаго въ такомъ случаѣ, массоваго отпора и пользовалось покровительствомъ со стороны многихъ... Въ Сильвестрѣ пробудилось сознаніе въ необходимости работы собственнаго ума, въ необходимости критики существующаго порядка вещей, дабы не уподобиться неразумнымъ дѣтямъ, принимающимъ все на вѣру. Сильвестра тяготили младенчески-рабское состояніе умственной жизни русскаго человѣка, та умственная подавленность наша, въ которой онъ небезосновательно винилъ грековъ; Сильвестръ сталъ искать выхода и находилъ его въ сближеніи съ западомъ, куда давно уже тяготѣли выдающіяся лица русскаго передового общества. Въ этомъ отношеніи Медвѣдевъ былъ однимъ изъ видныхъ піонеровъ XVII-го вѣка и однимъ изъ провозвѣстниковъ будущихъ реформъ Петра“ (стр. 375—376).

Правда, — замѣчаетъ г. Прозоровскій, — дѣятельность людей „латинской“ партіи могла бы дать реформѣ другую религіозную окраску, чѣмъ было при Петрѣ, когда обнаружилось „замѣтное сочувствіе къ протестантизму“ (на это можно сказать, что такое

сочувствіе къ протестантизму обыкновенно ставится на счетъ Ѳеофану Прокоповичу, который, однако, былъ также человѣкъ „латинской“ школы),—но во всякомъ случаѣ „уцѣлѣвшіе малорусскіе дѣятели и ихъ сторонники явились, по крайней мѣрѣ на первое время, помощниками и сторонниками Петра, а старомосковская партія исчезла почти безслѣдно или же примкнула къ новому свѣжему теченію, шедшему прямо отъ латинствующихъ“.

„И, замѣчательно: эти лица не порвали связи съ родною почвой; нѣтъ, оставаясь людьми русскими-православными, они умѣли взять съ запада то, что тамъ было хорошаго, не отвергая въ то же время и того изъ византійскаго наслѣдства, что принадлежитъ къ обще-человѣческому культурному достоянію“.

Въ приложеніяхъ къ своему сочиненію г. Прозоровскій помѣстилъ еще обширные тексты сочиненій Медвѣдева и тогдашней полемики, сопроводивъ ихъ обстоятельнымъ комментаріемъ. Между прочимъ, онъ подробно остановился на высказанномъ недавно мнѣніи, отвергавшемъ принадлежность Медвѣдеву извѣстнаго „Оглавленія книгъ, кто ихъ сложилъ“, по которому издавшій его нѣкогда Ундольскій назвалъ Медвѣдева отцомъ русской библіографіи. Г. Прозоровскій подробно разобралъ всѣ возраженія, какія сдѣланы были противъ рѣшенія Ундольскаго, принятаго потомъ другими историками, и нашелъ эти возраженія далеко не вполнѣ доказательными; съ своей стороны онъ предпочитаетъ по прежнему приписывать этотъ трудъ Медвѣдеву или, по крайней мѣрѣ, считать вопросъ открытымъ.

Такова новая біографія Медвѣдева. Это, безъ сомнѣнія, лучшій и наиболѣе обстоятельный трудъ о замѣчательномъ дѣятелѣ XVII-го вѣка, гдѣ авторъ сполна пересмотрѣлъ всю прежнюю литературу предмета, а главное, изучилъ обширный матеріалъ рукописей, никѣмъ до тѣхъ поръ не разсмотрѣнный съ такою полнотой. Путемъ этого внимательнаго изученія авторъ, сопоставляя фактическія данныя и не подчиняясь выводамъ предшественниковъ (впрочемъ, совершенно противорѣчивымъ въ основныхъ пунктахъ), пришелъ, какъ намъ кажется, къ правильной исторической постановкѣ запутаннаго до сихъ поръ вопроса.

Книга г. Козловскаго есть одна изъ университетскихъ работъ молодыхъ ученыхъ, какія нерѣдко являются въ послѣднее время въ кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ и выходятъ также отдѣльно. Насколько возможно было въ Кіевѣ, авторъ пользовался главнымъ образомъ печатными источниками и пособіями, но затронулъ и источники письменные, а именно, издалъ по

рукописи Григоровича „Созерцаніе краткое лѣтъ 7190 и 191 и 192“,—но, какъ вскорѣ оказалось, то же „Созерцаніе краткое“ появилось одновременно въ „Чтеніяхъ“ московскаго Общества исторіи и древностей (по нѣсколькимъ рукописямъ), какъ начало работъ г. Прозоровскаго надъ Медвѣдевымъ. Книга г. Козловскаго не вошла въ перечисленную г. Прозоровскимъ (въ 1896) литературу предмета, но находитъ свое мѣсто между предварительными работами по этому предмету, и ея содержаніе, какъ всѣ прежнія сочиненія о Медвѣдевѣ, покрыто было изслѣдованіями новаго біографа, который, какъ мы видѣли, впервые широко разработалъ архивные источники.

А. Пыпинъ.

ДВА БЕРЕГА

„Les deux Rives", roman par Fernand Vandérem.

X *).

Жеральдъ де-Мёзъ дремалъ, лежа на диванѣ у себя въ уборной и закинувъ руки надъ головой, которую онѣ обхватывали чернымъ полукругомъ. Тѣнь отъ углубленія дивана, въ которомъ лежала его голова, придавала еще бо́льшее выраженіе спокойствія его лицу. Г-жа Шамбанъ остановилась, съ нѣжностью глядя на него.

— Бѣдный Ральдо! Какой онъ хорошенькій, когда спитъ! — и, расхрабрившись, прошептала надъ нимъ: — Милый, ты спишь?

Не открывая глазъ, Жеральдъ возразилъ:

— Нѣтъ! Но притворяюсь, что крѣпко сплю.

— Къ чему? — спросила она, улыбаясь.

— А къ тому, что вы запоздали, сударыня, а я терпѣть не могу подобныхъ шутокъ! — сказалъ онъ, вставая, чтобы поцѣловать ее, и Зозе отвѣтила ему горячимъ поцѣлуемъ.

— А отгадай, откуда я сейчасъ?

— Я ни отъ кого не принимаю приказаній! — проговорилъ Жеральдъ.

— Ну, такъ знай, я прямо отъ старика Рендаля.

— А! отъ „кенгуру"?

Зозѐ широко раскрыла удивленные глаза.

— Какого кенгуру?

— Такого! Ты развѣ не замѣтила, какъ онъ забавно дер-

*) См. выше: окт., 613 стр.

жить руки,—ну, настоящій кенгуру! Только мѣшка съ дѣтенышами ему не хватаетъ.

Зозѐ разсмѣялась и принялась подробно описывать свой визитъ къ Рендалямъ, высмѣивая ихъ обстановку, всю квартиру и капустный запахъ,—представляя въ лицахъ г-жу Рендаль и ея знакомыхъ.

Жеральдъ, хоть никогда не показывалъ въ свѣтѣ своего искусства, однако былъ довольно ловкимъ акробатомъ. Слушая ея розсказни, онъ ходилъ на рукахъ вокругъ комнаты, чтобы поразмяться; ноги его, откинутыя назадъ, висѣли надъ его затылкомъ.

— Итакъ, ты намѣрена приняться за этого торговца муміями? — сдѣлавъ отчаянный прыжокъ, спросилъ онъ, выпрямляясь.

— Что-жъ тутъ такого?.. Или тебѣ это непріятно?

— Мнѣ? Нисколько! У тебя уже есть одинъ романистъ, три художника, два музыканта, одинъ скульпторъ, одинъ аббатъ... Для полноты коллекціи и кенгуру вѣдь не мѣшаетъ. Честь имѣю поздравить съ новою побѣдой! — и съ церемоннымъ поклономъ прибавилъ, указывая рукой на сосѣднюю комнату: — Мадамъ, будьте какъ дома!

Зозѐ повиновалась. Но, опустившись въ кресло, на минуту задумалась. Ей почему-то вспомнились опять двѣ смиренныя монашескія фигуры, съ четками въ рукахъ, тихо двигавшіяся вокругъ опустѣлыхъ клумбъ своего сада... И ей стало какъ-то стыдно за себя передъ ними и передъ той особой жизнью, которую онѣ избрали.

Жеральдъ внушительнымъ тономъ прервалъ ея размышленія.

— О чемъ это мы такъ задумались?

Въ одно мгновенье, словно застигнутая врасплохъ, Зозѐ встрепенулась и съ обычною своей улыбкой, улыбкой женщины счастливой въ любви,—прошептала, обнимая своего Ральдо:

— О томъ, дрянной, что васъ горячо любятъ, и изъ-за васъ сегодня промучились все утро!..

Кажется, никогда еще не работала Тереза Рендаль съ такимъ увлеченіемъ, какъ за эти дни. Таковъ ужъ былъ у нея своеобразный способъ леченія отъ того недуга, который она сама называла „приступами воспоминаній“. Масса разсудочныхъ, чисто научныхъ свѣдѣній вскорѣ захватывала и поглощала все ея вниманіе и (почти всегда) достигала цѣли. Цѣлые дни, недѣли про-

водила она надъ книгами въ библіотекахъ, а вернувшись домой и нàскоро пообѣдавъ, уже спѣшила опять усѣсться за работу, отъ которой отрывалась, только когда сонъ окончательно ею овладѣвалъ. А на другой день съ утра принималась опять за свой усиленный трудъ. Рѣдко когда „выздоровленіе“ затягивалось. Обыкновенно, оно шло быстрыми шагами подъ вліяніемъ усталости, которая подавляла странные порывы, и грандіозности всемірныхъ событій, передъ которыми ей казались смѣшными и мелкими ея собственныя, мелочныя, сердечныя тревоги и горести. Мало-по-малу Тереза входила опять въ колею своей привычной жизни, подчиняясь ея порядкамъ спокойно и безрадостно, чувствуя себя слишкомъ усталой, чтобы сопротивляться общему теченію. На этотъ разъ, въ видѣ особаго для себя наказанія, Тереза рѣшила не отклонять приглашенія на обѣдъ къ Шамбанамъ. Ей хотѣлось покарать себя тѣмъ, что она сама увидитъ, какъ достоинъ презрѣнія человѣкъ, котораго она считала возлюбленнымъ г-жи Шамбанъ,—этой ничтожной женщины, возбуждавшей въ ней только презрѣніе... И часть его она переносила на Жеральда...

Въ гордости своей, Тереза не допускала, чтобы она могла завидовать этой хорошенькой, но глуповатой женщинѣ, и она нарочно рисовала себѣ въ умѣ глупыя шутки и протяжный голосъ кутилы-Жеральда... Прелестная парочка, нечего сказать!

И Терезу брало нетерпѣніе скорѣе увидать ихъ вмѣстѣ, за обѣдомъ, и не спускать съ нихъ своего холоднаго, враждебнаго взгляда.

Передъ сномъ, Рендалю приходилось насильно отрывать дочь отъ работы. Послѣ увѣщаній и усиленной мольбы, ему наконецъ удавалось увести ее шутя, подъ-руку, въ ея комнату. Дорогой, въ корридорѣ, они останавливались, съ улыбкой прислушиваясь къ храпѣнью г-жи Рендаль, и, на порогѣ въ комнату Терезы, обмѣнивались поцѣлуями на сонъ грядущій.

Рендаль впотьмахъ, ощупью пробирался къ себѣ, думая съ сожалѣньемъ:

— Бѣдная!..—и не подозрѣвая, что она въ то же время шептала, намекая на его недостатокъ проницательности:

— Бѣдный отецъ!

Еслибъ онъ зналъ, какія тревоги и волненія твердо, какъ мужчина, переживала въ душѣ его дочь!..

Въ такомъ порядкѣ дни быстро шли за днями, и наконецъ насталъ день обѣда у Шамбановъ.

Было четверть восьмого; Тереза передъ зеркаломъ застегивала свою старую тяжелую шубку, когда въ корридорѣ послышался шумъ пререканій и въ дверь постучали.

— Войдите!—крикнула молодая дѣвушка.

Вошелъ отецъ, въ жилетѣ, съ бѣлымъ развязаннымъ галстухомъ, висѣвшимъ какъ-то на-сторону.

— Знаешь, что у насъ происходитъ?—воскликнулъ онъ.— Твоя мать находитъ, что мы слишкомъ поторопились принять приглашеніе г-жи Шамбанъ; что намъ сначала слѣдовало бы навести кой-какія справки... А! Справки?! Но у кого же и о чемъ, позвольте спросить? Она хотѣла, чтобы мы послали отказъ, —это за пять минутъ до обѣда! Ну, будь хоть ты безпристрастна: ты сама не особенно долюбливаешь эту госпожу...

— Гм!—проговорила только Тереза, не зная, что сказать.

— Ты понимаешь, конечно, откуда у нея это взялось? — продолжалъ Рендаль, двигаясь по комнатѣ:—отъ кого-жъ больше, какъ не отъ этихъ ея исповѣдниковъ? О, она живо мнѣ во всемъ призналась... Ну, ужъ и я ей объявилъ, что если эти господа впредь осмѣлятся...

Его прервало появленіе жены, которая на ходу кончала застегивать свой лифъ.

— Тсс!—шептала та: — звонятъ! Тереза, отвори! Бригитта пошла за каретой.

— Сейчасъ, мама!

Но каково же было ея изумленіе, когда въ полумракѣ лѣстницы она увидала дядю Кипріана, который вытиралъ ноги на площадкѣ и весело воскликнулъ:

— А, племянникъ, здравствуй! — но тотчасъ же, замѣтивъ шубу и бѣлыя перчатки Терезы, прибавилъ:—вы въ гости? Вотъ неудача!

Дядя вошелъ, а Тереза смущенно объяснила ему, что они отозваны обѣдать. Изъ боязни его возраженій, отъ него тщательно скрывали приглашеніе къ Шамбанамъ.

— Да, тебѣ не везетъ!—заговорилъ Рендаль, услышавъ голосъ брата и самъ предупреждая его разспросы.—Не зайдешь ли завтра вмѣстѣ пообѣдать?

— Хорошо! — согласился дядя Кипріанъ. — Гм! А можно спросить, у кого вы сегодня?

— У Шамбановъ, на улицѣ Пронѝ,—не смѣя дольше оттягивать признанье, проговорила Тереза.—Мы съ этой дамой познакомились на балу у Сольваровъ...

— Шамбанъ! Шамбанъ!.. — съ гримасой недовѣрія бормо-

талъ дядюшка, какъ бы пробуя, привыкнетъ ли его слухъ къ незнакомому для него имени.—А какъ оно пишется?

Тереза сказала.

— Ну, до свиданія! До завтра! — говорилъ дядя, пожимая руки невѣсткѣ, брату, племянницѣ и, спускаясь по лѣстницѣ, продолжалъ твердить:—Шамбанъ!.. Шамбанъ!..

Онъ гордился своимъ чутьемъ насчетъ умѣнья евреевъ скрывать еврейское происхожденіе своей фамиліи, и даже чистокровность своей собственной фамиліи подвергалъ сомнѣнію, пока не убѣдился въ противномъ. Фамилія же Шамбановъ казалась ему подозрительной, и онъ не успокоился, пока не добрелъ до пивной Клапрота, гдѣ его уже поджидалъ Шлейфманъ; онъ одинъ только могъ разрѣшить его сомнѣнія.

— Однако, вы порядкомъ запоздали!—воскликнулъ тотъ, завидя друга.

— Да, я разсчитывалъ отобѣдать у брата, но они всѣ обѣдаютъ у какой-то г-жи Шамбанъ...

— На улицѣ Прони?

— А! Вы знаете эту даму?

— О, очень мало! Прелестная женщина; я съ нею встрѣчаюсь у отца одного изъ моихъ учениковъ, Пумса—вице-директора галиційскаго банка. Она при мнѣ приглашала его супругу, и называла ей прочихъ приглашенныхъ; я тогда же узналъ, что вашъ братъ съ женой будутъ у нея. Она, кажется, высоко его цѣнитъ.

— Вы знали, что братъ приглашенъ туда, и ничего мнѣ не сказали?

— Гм! Вы сами объ этомъ молчали; а я думалъ, что вашъ братъ могъ почему-либо и не сообщить вамъ объ этомъ, и я, скромности ради... вы понимаете...

— Послушайте, Шлейфманъ! — встревожился Кипріанъ: — отвѣчайте мнѣ откровенно, порядочные люди эти самые Шамбаны?

Шлейфманъ, изъ предосторожности, чтобы не поселять, можетъ быть, раздора въ семьѣ, отвѣчалъ не сразу, обдумывая свой отвѣтъ:

— Гм! Какъ вамъ сказать? Мужъ — довольно безцвѣтная личность; онъ инженеръ и, кажется, имѣетъ дѣло съ горными заводами... Жена — женщина молодая, хорошенькая, любезная...

— Но они вѣдь евреи?

— Не могу утверждать... Можетъ быть!—проговорилъ Шлейфманъ. — Скорѣе въ ней можно заподозрить присутствіе еврейской крови, но и то въ самой, самой легкой степени.

— А ихъ фамилія?

— Фамилія?—переспросилъ галичанинъ, задѣтый въ своемъ самолюбіи тонкаго филолога: — чтожъ, можетъ быть, она, и въ самомъ дѣлѣ, офранцузившееся выраженіе Раамъ-Баалъ, или извращенное Рâмъ-Бâнъ, что означаетъ, если не ошибаюсь, нѣчто въ родѣ „высокаго кумира“, или „высшаго божества“.

— Рâмъ-Бâнъ!.. Рâмъ-Бâнъ! — повторялъ въ восторгѣ Рендаль-младшій. — Ну, да; конечно, я и былъ увѣренъ... А гости, гости? Вы, кажется, говорили...

— Право, что-то не припомню... Забылъ, совсѣмъ забылъ!

— Ну, полно, Шлейфманъ! Припомните, постарайтесь...

Искушеніе дать волю своей язвительности противъ этой негодной клики людей, не оцѣнившихъ его въ былое время, взяло верхъ, и Шлейфманъ началъ съ наиболѣе ему ненавистныхъ.

— Ну, хорошо, посмотримъ! Вотъ, напримѣръ, Живоннъ, —художникъ, его спеціальность — украшенія для бала; скульпторъ Мазуччіо, который исключительно бесѣдуетъ о скрытыхъ совершенствахъ формъ тѣхъ женщинъ, бюстъ которыхъ онъ лѣпилъ. Герштейнъ—славный малый, сущій патріархъ, съ длинной бородой, съ отечески-благодушнымъ видомъ, настоящій божій человѣкъ. Но это ему не мѣшаетъ быть однимъ изъ главныхъ заправилъ „черной банды“... Знаете, этой клики нѣмцевъ-биржевиковъ, которые спекулируютъ ежедневно противъ французскихъ фондовъ. О, на евреевъ много клевещутъ, много взводятъ напраслины; но эта подлая банда—не выдумка: она существуетъ! И, въ тотъ самый день, когда народъ захочетъ сунуть носъ въ ихъ шашни, весьма возможно, что и вашъ пріятель Шлейфманъ къ нему примкнетъ...

— Молодецъ!—промолвилъ взволнованный Рендаль.

— Супруга Герштейна — старая кляча, рутинёрка, которая воображаетъ, что можетъ все загладить щедрыми даяніями бѣднымъ и участіемъ во всѣхъ благотворительныхъ дѣлахъ. Чортова дура!—и Шлейфманъ ударилъ кулакомъ по столу:—Вотъ, зададутъ тебѣ благотворительность, когда твой каналья-супругъ всѣхъ насъ заставитъ выселить отсюда...

— Тише, тише, другъ мой!—бормоталъ дядя Кипріанъ, увѣренный въ своемъ галичанинѣ, какъ въ огнѣ, который все больше разгорается: — Ну, а еще кто?

— Еще г. де-Маркѣсъ! Вотъ тоже милашка, нечего сказать! Инженеръ-совѣтникъ... Ха-ха-ха! При двухъ обществахъ онъ уже состоялъ „совѣтникомъ“, и оба закончили свое существованіе на судѣ. Но все-таки онъ кое-какъ справляется со своими дѣлами;

говорятъ, ему помогаетъ жена... а вѣдь она не изъ красивыхъ,—такое у нея лошадиное лицо! Впрочемъ, въ ихъ кругу мужчины такъ глупы... Наконецъ, мой землякъ Пумсъ, маленькій цыганообразный брюнетикъ съ женой,—хорошенькой, рыженькой толстушкой, съ курносымъ носикомъ... настоящей „натурой“ для художника. Я, знаете, такъ всѣхъ ихъ и называю, этихъ дамъ, за ихъ любовь къ художникамъ. Будь только живописцемъ—и выбирай! стоитъ только наклониться, чтобы взять любую, какъ тряпичнику изъ кучи...

— Вы, значитъ, думаете, что и г-жа Шамбанъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! О, нѣтъ: напротивъ!—поспѣшилъ возразить Шлейфманъ.—Г-жа Шамбанъ ведетъ правильную, вполнѣ корректную жизнь,—лукаво добавилъ онъ.—Есть еще маркизъ де-Мёзъ и его сынъ...

— Ба!—поддѣльные дворяне, надо полагать?

— Нѣтъ, настоящіе,—и весьма близкіе къ Шамбанамъ. Старикъ маркизъ, вѣрно, пришелся бы вамъ по вкусу: говорятъ, онъ питаетъ отвращеніе къ евреямъ, которые его чуть не разорили...

Пламя негодованія галичанина начинало, однако, потухать, и онъ ограничился тѣмъ, что назвалъ еще нѣсколько человѣкъ, но уже безо всякихъ комментаріевъ. Наконецъ, онъ умолкъ.

— И все тутъ?—спросилъ дядя Кипріанъ.

— Все.

Рендаль-младшій придвинулся къ пріятелю и тономъ, вызывающимъ на откровенность, спросилъ:

— И всѣ они „пруссаки“, конечно?

— Нѣтъ, милый Рендаль, нѣтъ: „французы“, или, что̀ почти равносильно, признаны французскими подданными со времени войны. Мой Пумсъ—ихъ главный ветеранъ. О, я прекрасно помню, какъ онъ послѣ войны вернулся въ Лембергъ и съ какой гордостью, бѣгая изъ дома въ домъ, къ роднымъ, къ друзьямъ, повсюду хвасталъ своимъ документомъ. Можно было думать, что онъ произведенъ въ новый чинъ...

— Но это чинъ и есть!—замѣтилъ дядя Кипріанъ.

— Да, да, и всѣ они французы, за исключеніемъ Бурцига: у того въ крови жажда перемѣны. Его дѣдъ родился въ Майнцѣ и вступаетъ въ американское подданство; отецъ, вернувшись въ Парижъ, становится французскимъ подданнымъ. Но этого еще мало!—сына своего онъ дѣлаетъ англичаниномъ, чтобы только избавить его отъ военщины... О, еслибъ только они захотѣли,

они могли бы выпроводить всѣхъ этихъ туристовъ еще давнымъ давно: стоило только сдѣлать имъ жизнь тяжелѣе.

— Ну, а вы-то сами, когда примете подданство?

— Я-то, мой другъ? И въ мои годы? Стоитъ ли того хлопотать? Судьба судила мнѣ остаться безъ родины... Я такъ и умру—гражданиномъ вселенной, какъ говорилъ этотъ...

— Все это очень мило, но въ случаѣ войны... — перебилъ его пріятель.

— Увижу ли я ее, войну-то? — съ грустной улыбкой прошепталъ Шлейфманъ.—Я уже старъ и, Богъ вѣсть, доживу ли еще до нея? Хоть я и не люблю ни войну, ни дурацкіе поводы, которые ее вызываютъ, а все же мнѣ хотѣлось бы послужить Франціи, какъ странѣ наименѣе глупой и наиболѣе великодушной, какую я зналъ когда-либо...

— Ну, вы могли бы чѣмъ-нибудь инымъ быть ей полезны.

— Да; правда, правда!—шепталъ Шлейфманъ, словно самъ себѣ. Но Рендаль ужъ его не слушалъ. Онъ весь отдался своимъ мечтамъ о предстоящемъ наслажденіи, когда на слѣдующій день онъ озадачитъ брата своего разспросами:

— Ну, что? Какъ поживаетъ старина Герштейнъ? Что милая, прелестная г-жа Пумсъ? Что нашъ почтенный Бурцигъ?..

И онъ такъ громко разсмѣялся, что даже извинился, и приказалъ мальчику подать бутылку киршенвассера.

— За человѣчество, Шлейфманъ!

— За Францію!..—возразилъ галичанинъ, и друзья чокнулись.

XI.

Въ эту минуту семья Рендалей была уже на порогѣ въ залу Шамбановъ. Хозяйка дома пошла къ нимъ на встрѣчу; за нею слѣдомъ шелъ ея мужъ, который, можетъ быть, и улыбался, но этой улыбки не было видно подъ его густыми бѣлокурыми усами.

Начались представленія. Сначала знакомили дамъ: кругленькую г-жу Пумсъ, въ черномъ лифѣ, изъ котораго еще свѣжѣе и бѣлѣе выдѣлялось ея тѣло, пухлое и нѣжное, какъ всегда у рыжихъ; г-жу Маркѣсъ,—крупную блондинку съ лошадиной челюстью и крутыми боками; г-жу Зильбершмидтъ, сухощавую брюнетку, нахохлившуюся, какъ курица; г-жу Герштейнъ, угловатую и высокомѣрную, какъ самая вельможная изъ англійскихъ лэди.

Затѣмъ пришла очередь мужчинъ, но уже безъ особаго по-

рядка, а какъ ни попало; посыпались любезности, рукопожатія смѣлыя и робкія, почтительныя, какъ къ какому-нибудь иностранному властелину, ни обычаевъ котораго, ни языка не знаютъ хорошенько. Послѣднимъ подошелъ къ нему Пумсъ, маленькій человѣчекъ съ желтоватымъ лицомъ, одѣтый съ самой строгой корректностью; но что̀ всего сильнѣе поражало во всей его фигурѣ, такъ это не столько типъ банкира-вѣнца и не сѣдина на вискахъ, а свѣтло-каріе большіе глаза на выкатѣ, такіе ясные, такіе наивно-открытые, что еслибы не скрытый огонекъ лукавства, которымъ они исподтишка свѣтились, ихъ можно бы принять за глаза наивнаго, добродушнаго мальчика, удивленно поглядывающаго на необъятный Божій міръ.

Онъ говорилъ довольно сносно по-французски и одинъ изо всѣхъ присутствующихъ доводилъ свое привѣтствіе до конца. Рендаль не успѣлъ даже его поблагодарить, какъ уже всѣхъ попросили перейти въ столовую.

Г-жа Шамбанъ сѣла между профессоромъ и маркизомъ де-Мёзъ. Напротивъ нея—мужъ, а по правую руку отъ него г-жа Рендаль, по лѣвую—г-жа Маркѐсъ. Немного подальше—Тереза между Жеральдомъ де-Мёзъ и Мазуччіо, который болталъ, картавя съ чисто итальянскимъ ожесточеніемъ. Остальные размѣстились сообразно съ указаніями карточекъ изъ бристольскаго картона, на которыхъ стояли ихъ имена.

Супъ появился при полномъ молчаніи.

Очевидно, всѣ подстерегали моментъ, когда заговоритъ профессоръ; всѣ ожидали, что онъ долженъ непремѣнно сказать что-нибудь важное, необыкновенное. Дамы особенно навострили ушки, думая, что послѣ „Жизнеописанія Клеопатры“ онъ долженъ говорить (за столомъ, по крайней мѣрѣ) нѣсколько „вольно“.

Разочарованіе не заставило себя долго ждать.

Ничего не было забавнаго, ничего оригинальнаго въ этомъ нерѣчистомъ толстоносомъ господинѣ, съ тихимъ, чуть слышнымъ голосомъ и неуклюжими движеніями, какъ у префекта, который стѣсняется свѣтскихъ людей. А сообщенія его объ Египтѣ, объ удобствахъ или трудностяхъ путешествія по египетской землѣ, и безъ него нашлись бы въ „Бедэкерѣ“ или „Жоаннѣ“... Вскорѣ у профессора только и осталось слушателей, что его сосѣди, г-жѣ Шамбанъ и маркизъ де-Мёзъ.

Да онъ и самъ чувствовалъ себя не въ ударѣ. Его смущали не столько ласкающіе взгляды и мягкіе разспросы г-жи Шамбанъ, сколько окружающая роскошь. Положимъ, она далеко уступала тѣмъ богатствамъ, которыя Рендаль самъ описалъ въ особой главѣ

„Пышность двора Клеопатры“; но ни роскошь золота и серебра, драгоцѣнныхъ камней и дорогихъ украшеній, ни пышность обстановки, которою себя окружала царица, не производили на него такого внушительнаго впечатлѣнія, какъ множество цвѣточныхъ гирляндъ, блескъ серебра и граненыхъ хрустальныхъ сервизовъ за столомъ у Шамбановъ. Впрочемъ, еще болѣе смущалъ его усиленный говоръ, все разраставшійся на томъ концѣ стола, гдѣ сидѣли тѣсной кучкой Зильберштейнъ, Пумсъ и Герштейнъ, совсѣмъ какъ дома пускавшіе въ ходъ свой нѣмецкій діалектъ съ рокочущими звуками „хар“... „хор“... и т. п. Что за стѣсненія въ своемъ кругу! Что за необходимость говорить непремѣнно на оффиціальномъ французскомъ діалектѣ! Насмѣшливые взгляды, которыми Пумсъ приправлялъ свои разспросы о текущей „Krankheit“ султана, стоили того, чтобъ на нихъ посмотрѣть; равно какъ и подмигиванія Герштейна, который самъ же пустилъ въ оборотъ этотъ вымыселъ своего собственнаго сочиненія и теперь въ соотвѣтствующемъ духѣ отвѣчалъ пріятелю. По сотнѣ тысячъ франковъ приходилось на каждаго члена „черной шайки“, а Пумсу, простому приверженцу (или въ нѣкоторомъ родѣ почетному сообщнику), всего только двадцать пять тысячъ. Все равно, и на это пожаловаться нельзя; — разсуждалъ послѣдній и, взамѣнъ, сообщилъ Герштейну новый планъ галиційскаго банка касательно золотыхъ копей, нѣчто въ родѣ грандіознаго синдиката, который занимался бы на биржѣ хищеніемъ наименѣе подозрительныхъ горнозаводскихъ или пріисковыхъ акцій и бумагъ. Дѣло самое простое: пустить сначала въ оборотъ ложный слухъ о будто бы тревожномъ настроеніи и, скупивъ ихъ, повысить имъ сразу цѣну такими же ложными благопріятными вѣстями. Сущіе пустяки! Дѣтскія игрушки въ биржевомъ искусствѣ! Дѣло вѣрное... Молодой англійскій подданный, который, не переставая, любезничалъ съ хорошенькой г-жею Пумсъ по-англійски, началъ прислушиваться къ говору биржевиковъ и вернулся къ своему родному языку—нѣмецкому, для того, чтобы легче присоединиться къ ихъ планамъ и разсужденіямъ. Всѣ спорили съ Маркѣсомъ насчетъ того, какія акціи теперь выгоднѣе дискредитировать на биржевомъ рынкѣ; называли англійскія имена, которыя сами были ярче всякихъ алмазовъ: „Солнце Трансвааля“, „Ручей карбункуловъ“ и т. п.

Вдругъ взглядъ зеленыхъ глазъ маркиза отклонился въ сторону отъ его собесѣдника Рендаля и направился въ сторону шумѣвшихъ. Старикъ прислушался.

— Какъ будто упоминаютъ о золотыхъ пріискахъ? Чортъ по-

бери! Какъ бы это ухитриться, чтобъ можно было и тамъ не проронить ни слова, и не обидѣть этого Рендаля со всѣми его чертовскими розсказнями про муміи и про всякихъ „беевъ“?

Тщетно краснѣлъ маркизъ отъ натуги схватить хоть пару связныхъ словъ; до него долетали издали только урывки: „Chartered“... „Cecil Rhodes“... „de Beers“... и т. п., лишь разжигавшіе его любопытство.

— „Сто двадцать тысячъ! Сто двадцать тысячъ, вѣдь не шутка! Кажется, можно имѣть право безпокоиться“?—самъ съ собой разсуждалъ маркизъ, и, заслыша знакомое слово, не вытерпѣлъ:

— Извините, г. Пумсъ, вы, кажется, сказали: „Red Diamond“? Можно спросить, что̀ вы именно объ этихъ пріискахъ говорите?

— Пожалуйста, маркизъ!—услужливо согласился Пумсъ, которому было лестно, что де-Мёзъ съ нимъ совѣтовался; и тотчасъ же разговоръ, изъ уваженія къ маркизу, перешелъ на французскій языкъ.

Но Рендаль ничего этого не замѣтилъ. Онъ говорилъ только для своей прелестной собесѣдницы-сосѣдки, и ему казалось, что между ними дѣйствительно возникло сочувствіе.

— „Я такъ и зналъ, такъ и зналъ, что она прелесть“!..—ликовалъ онъ, разгоряченный разнородными винами:—„Настоящая гречанка, наперсница царицы Клеопатры“!..—а вслухъ между тѣмъ продолжалъ:

— Однажды, когда феллахи отказались перенести на корабль нашъ багажъ, Марьетъ-Бей бросается на нихъ... въ рукѣ у него револьверъ...

Зозѐ удивлялась его разсказамъ, ахала и молчала лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда для нея недоступна была философія профессорскихъ сужденій. Тогда ея взглядъ скользилъ по всѣмъ присутствующимъ и ото всякаго получалъ въ отвѣтъ улыбку,—а отъ Жеральда, напримѣръ, добродушную гримаску, въ которой участвовали и носъ его, и губы, и щеки. И въ этой гримаскѣ она угадывала его мысль: „Ну, да! Ну, да: мы съ тобой близки, разумѣется“!..

Но бѣдная Тереза Рендаль чувствовала себя одинокой, заброшенной: вниманіе ея сосѣдей скорѣе тяготѣло къ ихъ другимъ сосѣдкамъ—г-жѣ Маркѐсъ и г-жѣ Зильбершмидтъ. Мазуччіо чуть не лежалъ головою на плечѣ Жермены, а Жеральдъ, съ пылающимъ лицомъ, чуть не вплотную придвинулся къ пухленькой толстушкѣ Зильбершмидтъ. Зозѐ, однако, присматривалась

также и къ Терезѣ; ея старчески-подозрительный, холодный взглядъ, полный пренебреженія, безпокоилъ хозяйку дома.

— „Право, можно подумать, что она видитъ предъ собою какихъ-то чернокожихъ, дикарей!.. Ба!.. да она просто сердится, бѣдняжка! Это вполнѣ понятно"!—и Зозѣ взглядомъ показала своему Ральдо, чтобы тотъ занялся своей сосѣдкой.

Но было уже поздно. Обѣдъ кончился; хозяйка осторожно двинула своимъ стуломъ. Гости задвигались.

Жеральдъ вскочилъ, предлагая руку Терезѣ, и, доведя ее съ церемонной любезностью до залы, такъ же торжественно откланялся.

— Ну, что ты скажешь, дочка?—спросилъ Рендаль, подходя довольно тяжелой поступью.—Какъ обѣдъ?

— Превосходенъ! Я не жалѣю, что приняла приглашеніе; я въ восхищеніи...

— Да?—вполголоса продолжалъ профессоръ, ошибочно принимая ея слова буквально. — Г-жа Шамбанъ умѣетъ принимать гостей. Ну, признайся: правъ ли я былъ, что не слушалъ нѣкоторыхъ возраженій?

Г-жа Рендаль вспыхнула, принявъ его намекъ на свой счетъ, а Тереза прошептала, насмѣшливо надувъ губы:

— Ну, да, отецъ, конечно! Этихъ господъ не лишнее узнать поближе...

Изъ глубины залы, обнявшись за талію, прошли г-жи Пумсъ и Маркѣсъ, знавшія прекрасно, что онѣ лишь выигрываютъ отъ такого близкаго сосѣдства. Послѣдняя приподняла портьеру и обѣ вошли въ курительную. Взрывъ веселыхъ и восторженныхъ возгласовъ встрѣтилъ эту граціозную парочку.

Въ залѣ, до ея возвращенія, разговоръ шелъ вяло. Г-жа Шамбанъ просто терялась, выбирая подходящую тэму для жены и дочери Рендаля. О туалетахъ нечего и думать говорить: онѣ такъ закутаны. О театрахъ—еще того меньше: онѣ два года какъ нигдѣ не бывали. Зозѣ ломала себѣ голову, и холодный взглядъ Терезы не давалъ ей покоя. Между тѣмъ, и Рендаль чувствовалъ, что его утомилъ обѣдъ; вѣки его отяжелѣли. Онъ радъ былъ случаю очнуться, когда г-жа Шамбанъ подвела къ нему какого-то господина, говоря:

— Г-нъ Жанъ Бюкель, прекрасные романы котораго вы, конечно, читали!..

Г-жа Рендаль и Тереза, по знаку профессора, уже поднялись, готовясь прощаться.

— Уже?—съ преувеличеннымъ сожалѣніемъ замѣтила Зозѣ,

провожая ихъ въ переднюю и дорогой выслушивая бормотанья Рендаля въ видѣ извиненій.

Вздохъ облегченія вырвался у присутствующихъ: она проводила не одну, а все равно что цѣлыхъ три „юныхъ дѣвы", при которыхъ приходилось сдерживаться, измѣнять своему обычному образу обхожденія. Почтительная тишина еще царила межъ ея гостями, когда Зозѐ вернулась къ нимъ:

— Весело вамъ, нечего сказать! — воскликнула она.—Ну, какъ же онъ вамъ показался?

— Очень милъ!—рискнулъ замѣтить Жеральдъ и тѣмъ вызвалъ дружный взрывъ хохота.

— Одинъ изъ выдающихся умовъ нашего времени, — авторитетно проговорилъ Бюкель.

— Да? Въ самомъ дѣлѣ? — переспросилъ Пумсъ, который находилъ у профессора только одинъ недостатокъ: слишкомъ тихій голосъ.

Г-жа Герштейнъ говорила, что Рендаль — интереснѣйшій изъ людей; г-жа Пумсъ находила, что у него выразительное лицо, и т. п. Зозѐ стало жаль своего Ральдо. Она отошла къ нему въ сторону, и, стосковавшись по немъ за цѣлый вечеръ, шепнула голосомъ, полнымъ страсти:

— Любишь?!

И Жеральдъ движеніемъ глазъ отвѣчалъ: „да".

XII.

Три часа било на больныхъ часахъ Collége de France, когда дверь въ аудиторію отворилась и вошелъ профессоръ.

Изъ своего круглаго портфеля онъ вынулъ нѣсколько листковъ исписанной бумаги и началъ читать лекцію простымъ, ровнымъ голосомъ.

— ...„Поэтому особаго вниманія заслуживаютъ послѣдующія сообщенія, какъ дающія опредѣленное понятіе о частной и промышленной жизни египтянъ (продолжалъ онъ). Главнѣйшій изъ рисунковъ, которые мы будемъ разбирать, сохранился въ гробницѣ богатаго купца, по имени Ранофирнотпу; онъ велъ торговлю съ Ливіей и сирійскимъ прибрежьемъ"...

Рендаль всталъ и, подойдя къ доскѣ, написалъ раздѣльно: —Ра-но-фир-нот-пу!—изобразивъ его и въ іероглифахъ. Тонкая бѣлая пыль отъ мѣла подымалась у его обшлага.

Въ эту минуту дверь заскрипѣла и хлопнула; послышался

шелестъ шолковыхъ юбокъ, и струя духовъ дала понять о присутствіи дамы въ числѣ слушателей.

Профессоръ шевельнулся тревожно. Онъ зналъ, что это она, хорошенькая г-жа Шамбанъ, и это его смутило.

— ...„Одинъ изъ нихъ, который велъ торговлю“...— повторялъ Рендаль, возвращаясь на мѣсто и волнуясь, а г-жа Шамбанъ издали уже кивала ему фамильярно головою, какъ киваютъ добрымъ знакомымъ въ театрѣ, изъ одной ложи въ другую.

— „Здравствуйте, какъ поживаете“?—казалось, говорила ея хорошенькая головка; но вскорѣ Зозѣ пришлось сдержать себя, при видѣ невозмутимо-строгаго лица профессора.

Впрочемъ, не въ этомъ одномъ заключалось ея разочарованіе: она была смущена тѣмъ, что ничего не понимала изъ его лекціи; ей было странно очутиться не въ большой аудиторіи амфитеатромъ съ высокой каѳедрой, на которой въ ея воображеніи рисовался внушительный образъ лектора въ пурпуровой одеждѣ, отороченной горностаемъ. Какое разочарованіе — это узкое, сѣренькое помѣщеніе, бѣлый профессорскій столъ въ родѣ кухоннаго, куча соломенныхъ стульевъ, нагроможденныхъ въ углу, подъ выцвѣвшимъ изображеніемъ Платона!

Молодой женщинѣ становилось грустно, какъ всякому богатому человѣку при видѣ нищеты; ей было жаль и самихъ слушателей, одни изъ которыхъ были уже лысы, а другіе до того косматы, что ужъ конечно не разорялись на парикмахеровъ. Ей захотѣлось дать имъ совѣтъ одѣться, причесаться; наконецъ, даже помочь имъ изъ своего кошелька.

Шумъ стульевъ заставилъ ее очнуться. Лекція кончилась.

Рендаль куда-то исчезъ, вѣроятно, въ стѣну!.. И ни звука, ни одного апплодисмента! Зозѣ была ошеломлена; но тоже встала и вышла въ залу, выжидая, что тамъ пройдетъ профессоръ.

Прошло минутъ десять. Ее знобило. Она уже хотѣла навести справки у сторожа, какъ вдругъ появился Рендаль.

При видѣ Зозѣ онъ подавилъ движеніе досады и съ притворною улыбкою замѣтилъ:

— Вы здѣсь? Какими судьбами?

— Вы меня не узнали? Я вѣдь была у васъ на лекціи... Положимъ, не много поняла, а все-таки очень, очень интересно!

Рендаль извинился, что близорукъ, и спросилъ съ безпокойствомъ:

— А позвольте узнать, чѣмъ могу вамъ служить? Какой счастливой случайности я обязанъ?...

„Счастливой“ случайности?! Не очень-то счастливая случайность! Не могла же она, въ самомъ дѣлѣ, прямо ему сказать:

— Жеральдъ опять выкинулъ со мной штуку и на два часа отсрочилъ наше обычное свиданіе. Ну, отъ нечего дѣлать, отъ скуки, я и заглянула на вашу лекцію изъ любопытства...

Но вслухъ она проговорила съ усмѣшкой:

— Да никакой случайности, профессоръ! Просто захотѣлось васъ послушать; а теперь я поджидала васъ, чтобы пожать вамъ руку.

— Вы черезчуръ добры...—бормоталъ разсѣянно Рендаль:— Право, вы черезчуръ добры! (продолжая идти впередъ, онъ бросалъ по сторонамъ испуганные взгляды). — Ну, до свиданія; поклонъ супругу!

Но Зозѐ возразила:

— Куда же вы, профессоръ? Постойте! Позвольте, я васъ подвезу? Смотрите, что̀ за ужасная погода!

Профессоръ отказывался; но боязнь, что студенты могутъ его увидѣть во время спора и поднять на смѣхъ, побѣдила: онъ усѣлся въ карету рядомъ съ г-жею Шамбанъ.

Колеса мягко катились по рыхлому желтому снѣгу. Отъ грѣлки поднимались теплыя испаренія, смѣшиваясь съ ароматомъ фіалокъ, которыми была надушена его спутница. Чувство тепла и уютности охватило профессора, и онъ уже отечески-ласково спросилъ, желая загладить свою недавнюю рѣзкость:

— Итакъ, вы не особенно на моей лекціи скучали?

— Напротивъ! И въ слѣдующій разъ...

— Въ какой это слѣдующій разъ?

— На слѣдующей лекціи.

— Вы, значитъ, хотите опять придти?

— Да! Что̀-жъ тутъ такого? Или вамъ это непріятно?

— Помилуйте, нисколько!

Больше не могъ онъ проронить ни слова. Онъ былъ пораженъ, испуганъ. Ему ужъ чудились насмѣшки дяди Киприана:

— „Ага!.. Госпожа Рамъ-Банъ, кажется, на вашу египтологію идетъ, какъ рыбка на крючокъ! Браво! Очаровательно! Прелестно“!..

А вслѣдъ за нимъ, говоръ коллегъ, ехидные намеки и—скандалъ! Нѣтъ, нѣтъ! Ни за что̀ на свѣтѣ!.. И твердымъ голосомъ онъ возразилъ:

— Позвольте мнѣ замѣтить вамъ, что я васъ слишкомъ уважаю для того, чтобы не быть съ вами откровеннымъ. Видите ли, мнѣ кажется, что врядъ ли мои лекціи могутъ быть для

васъ полезны; и, наконецъ, Collége de France имѣетъ спеціальной цѣлью служить, такъ сказать, разсадникомъ молодыхъ ученыхъ...

— Да, да: я понимаю, что вамъ непріятно мое присутствіе, —печально перебила его Зозѐ. — Но гдѣ же мнѣ можно найти подготовку къ моему будущему путешествію въ Египетъ?

Въ смущеніи Рендаль выпустилъ изъ рукъ свой свертокъ; но Зозѐ поспѣшно его подхватила:

— Бѣдный профессоръ! Я вамъ страшно надоѣдаю?—и кинула на него нѣжный, ласкающій взоръ.

Профессоръ покраснѣлъ.

— Нѣтъ, нѣтъ: помилуйте! Только... только я ищу средства вамъ помочь...

— Вотъ мнѣ какая мысль пришла,—предложила Зозѐ, и въ ея ласковыхъ глазахъ сверкнула радость. —Только, можетъ быть, это съ моей стороны неделикатно?...

— Все равно! Пожалуйста скажите...

— Нѣтъ, нѣтъ! Духу не хватаетъ.

Наконецъ, послѣ долгаго смущенія и колебаній, г-жа Шамбанъ рѣшилась высказать свою мысль. Ей бы хотѣлось (если это не стѣснитъ профессора Рендаля), чтобы онъ иногда, хоть разъ въ недѣлю, или хоть два раза въ мѣсяцъ, заходилъ—не давать ей уроки, о, нѣтъ, такой дерзости она никогда не позволила бы себѣ...

— Нѣтъ, только бы иногда поговорить, дать кой-какія указанія... Я знаю, что это нескромно съ моей стороны, но для меня это было бы такимъ наслажденіемъ!.. Что? Вы не хотите согласиться, милый мой профессоръ?

Она положила свою маленькую ручку, затянутую въ бѣлую лайковую перчатку, на колѣни къ профессору, невольно подчиняясь искреннему, простому порыву мольбы, желанію убѣдить. Такъ точно она обошлась бы съ какимъ-нибудь добрякомъ дѣдушкой, или хоть, напримѣръ, со своимъ дядюшкой Панхіасомъ.

Рендаля глубоко смутило это миніатюрное, прелестное и такое наивное созданіе; чувство пріятнаго смущенія, которое онъ испытывалъ, онъ принялъ за простое состраданіе.

— Гм!.. гм!..—началъ онъ нерѣшительно.—Вы, все-таки, должны же допустить, что мои занятія, мои лекціи...

— Знаю, знаю!—съ грустной покорностью согласилась она.

Наступило молчаніе. Вдругъ Рендаль вздрогнулъ, замѣтно встревоженный.

— Что съ вами?

— Ничего!.. Ничего!..—былъ отвѣтъ; въ это время въ концѣ улицы, своимъ рѣшительнымъ шагомъ выступалъ дядя Кипріанъ, заставившій профессора пожалѣть, что онъ ѣдетъ съ молодой и прелестной дамой въ уютной каретѣ, а не покоится гдѣ-нибудь подъ землею, на мѣстѣ хотя бы того же самаго „Ранофирнотну“. Дядюшка приближался къ каретѣ неудержимо. Взглядъ его остановился на ней, но лишь на мгновеніе, и затѣмъ дядя Кипріанъ вошелъ въ тѣнистую аллею. Рендаль старшій облегченно вздохнулъ.

— До свиданія, пока!—проговорилъ онъ, прощаясь съ г-жей Шамбанъ.—Я подумаю, взвѣшу...

— А я-то надѣялась тотчасъ же заручиться вашимъ отвѣтомъ!—съ гримаской огорченія возразила Зозе́.

Дядя Кипріанъ могъ его встрѣтить, въ случаѣ промедленія, у самой дверцы кареты и, такимъ образомъ, открыть поле дѣятельности безграничнымъ сарказмамъ... И профессоръ поспѣшилъ отвѣтить:

— Ну, хорошо ужъ, хорошо: приду... приду къ вамъ въ четвергъ, положимъ, хоть часовъ въ пять. Вамъ это удобно?

— Превосходно!.. Благодарю васъ, благодарю!—и Зозѐ горячо потрясла ему руку, заглядывая въ лицо и сіяя восторгомъ.

— Такъ въ четвергъ я на васъ разсчитываю непремѣнно! Прощайте! до свиданія!

Карета покатилась, и въ окнѣ еще разъ мелькнула, въ знакъ прощанія, маленькая ручка въ бѣлой перчаткѣ.

День ото дня откладывалъ Рендаль необходимость подѣлиться этой новостью со своей семьею. Пришелъ и четвергъ, а его тайна все еще не была извѣстна его домашнимъ, такъ что ему какъ-то неловко стало, когда къ нему вдругъ зашла Тереза и (такое несчастье!) застала его на томъ, что онъ завертывалъ книги, предназначенныя для г-жи Шамбанъ. Впрочемъ, онъ принялъ беззаботный видъ.

— А! Вотъ и ты!—весело замѣтилъ онъ.

Тереза дала себя поцѣловать и спросила:

— А это что̀ такое? Масперо̀? Эберсъ? Ты начинаешь давать книги на прочтеніе?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я просто обѣщалъ г-жѣ Шамбанъ послать ей эти сочиненія.

— Г-жѣ Шамбанъ?

— Ахъ, Боже мой! Ну, да!—и Рендаль разсказалъ дочери

все происшедшее, за исключеніемъ, конечно, несвоевременнаго появленія дяди Кипріана.

Тереза слушала молча, но губы ея сложились въ насмѣшливую гримаску; подъ ея густыми бровями вспыхивалъ огонекъ недовольства.

— И ты пойдешь?

— Что жъ дѣлать, если обѣщался. Тамъ видно будетъ, стоитъ ли продолжать эти посѣщенія...

— Хорошо, хорошо... Какъ тебѣ угодно... Только еслибъ ты у меня спросилъ совѣта...—и голосъ ея дрогнулъ.

— Ну, что жъ тогда?—смѣло произнесъ Рендаль.

— Я бы тебѣ сказала, что сама г-жа Шамбанъ—дурочка, окружающее ее общество—самаго двусмысленнаго достоинства, и что ты напрасно затѣваешь знакомство, которое ничего тебѣ не можетъ доставить, кромѣ непріятностей и вреда... Я бы тебѣ сказала... Да нѣтъ, отецъ: изъ уваженія къ тебѣ, лучше мнѣ ничего не говорить объ этомъ!

Ея дрожащія руки коснулись его рукъ, его плечъ.

— Ого! Какъ мы вспылили!—пробуя отшутиться, заговорилъ отецъ.—Однако, сколько мнѣ помнится, тогда на обѣдѣ мы не были такъ строги... Помнишь, послѣ обѣда ты мнѣ говорила...

— Какъ, отецъ?—пожимая плечами, съ негодованіемъ воскликнула Тереза. — Ты и не догадался, что я такъ говорила въ насмѣшку? Значитъ, ты *самъ* не произнесъ этимъ людямъ должной оцѣнки?.. Да все, что бы ни говорилъ намъ дядя Кипріанъ, все пустяки и дѣтскія игрушки—въ сравненіи съ настоящей дѣйствительностью! Благородство происхожденія, религіозныя убѣжденія, народность... какое имъ до этого дѣло, этимъ господамъ? Они—совсѣмъ другіе люди, нежели мы! Слышишь, отецъ: другіе! Да, всѣ они, нѣмцы и пруссаки, французы, итальянцы, англичане,—всѣ, безъ разбора, и принадлежатъ къ особому племени, къ особой шайкѣ, съ которой *мы* никогда не породнимся!.. Какъ подумаешь, что ты, при твоемъ положеніи, твоемъ умѣ, только изъ-за того, что эта дурочка тебя обласкала, тебѣ польстила...

— Нѣтъ, позволь, позволь! Ты заблуждаешься, дитя! Ты забываешь, съ кѣмъ ты говоришь. Ты все-таки не можешь отказать мнѣ въ правѣ утверждать, что я знаю людей не хуже твоего; что я, наконецъ, до настоящей минуты, велъ всегда жизнь такую, которая ни тебя, ни меня не заставитъ краснѣть. Такъ ли я говорю?

Тереза молча дѣлала видъ, что хочетъ что-то разыскать въ книгѣ, которую перелистывала.

— Полно, полно! Предоставь всѣ эти теоріи и разсужденія твоему дядѣ Кипріану. Скажи мнѣ прямо, не бойся: эта дама тебѣ не нравится; она внушаетъ тебѣ опасенія, она тебѣ просто противна, да? Но если я увижу, что твои опасенія оправдываются, я первый сообразно съ этимъ направлю и свои поступки!.. Только, пожалуйста, не стремись возводить въ степень соціальныхъ воззрѣній свою личную непріязнь: это недостойно тебя, недостойно твоего развитія, твоихъ личныхъ качествъ! Впрочемъ, ты и сама въ душѣ это понимаешь!.. Ну, подойди же и поцѣлуй меня!—и профессоръ взглядомъ и улыбкой подозвалъ дочь къ себѣ.

Тереза подошла, подставляя ему лобъ для поцѣлуя; отецъ крѣпко обнялъ ее.

— Да нѣтъ, засмѣйся!—нѣжно приказалъ онъ, видя, что лицо дочери все еще задумчиво и сурово.

Мимолетная улыбка шевельнула ея губы.

— Ну, вотъ и чудесно!—нарочно преувеличивая свое удовольствіе, проговорилъ Рендаль, а за завтракомъ, все-таки, избѣгалъ встрѣчаться глазами съ Терезой и былъ очень доволенъ, когда оказалось, что она ушла въ библіотеку и не была при его отъѣздѣ изъ дому. Онъ на-скоро, но тщательно одѣлся, чтобы не пропустить конку,—но на улицѣ была грязь и слякоть.

Онъ позвалъ извозчика и поѣхалъ.

XIII.

Г-жа Шамбанъ поджидала профессора въ курительной, которая теперь была обращена въ „классную“. Въ центрѣ ея поставили большой круглый столъ съ темно-гранатной скатертью, англійскую тяжелую чернильницу, нарочно для этого купленную, восточныя дорогія сигары въ большомъ кубкѣ и золотообрѣзную кожаную тетрадь. Одно противъ другого красовались два кресла, въ воздухѣ носился ароматъ ирисовъ, любимыхъ духовъ Зозѐ.

Она сама поспѣшила освободить профессора отъ шляпы и перчатокъ и сѣла въ одно изъ креселъ, напротивъ профессора, и урокъ начался. Прежде всего, Рендаль продиктовалъ ей списокъ книгъ, которыя ей слѣдовало себѣ пріобрѣсти. Зозѐ писала быстро, немножко помогая себѣ губами. Розовый абажуръ электрической лампы оставлялъ въ тѣни верхнюю часть ея при-

чески, но чистый овалъ ея лица былъ ярко освѣщенъ. Пудра, которою она артистически ловко посыпала себѣ лицо, такъ впиталась въ кожу, что послѣдняя дѣйствительно казалась естественно-розоватою, бархатистою. Солнечные лучи мягко, безъ блеска, скользили по ея лицу, какъ по легкимъ складкамъ ея тонкаго, почти прозрачнаго капота. Какъ только задерживалась на мигъ рѣчь Рендаля, изъ глазъ ея лились на встрѣчу ему потоки нѣжности, а онъ самъ отодвигался отъ стола, отъ нея, еще тѣснѣе прижимая руки къ груди, какъ бы обороняясь отъ нападенія.

Наконецъ, списокъ конченъ.

— Ну, а затѣмъ?—спрашиваетъ Зозѐ.

— Затѣмъ вамъ ужъ придется, дѣлать нечего, поработать самой, какъ я уже сказалъ; можетъ случиться, что пройдутъ дни, недѣли, пока у меня явится возможность...

— Знаю, знаю, милѣйшій профессоръ! И тогда вы мнѣ только дадите дружескія указанія, совѣты.

Рендаль, между тѣмъ, уже раскрылъ большой альбомъ in-folio Эберса и принялся объяснять, перелистывая, его гравюры. Зозѐ тянулась къ нему черезъ столъ и, наклоняясь, забавлялась замѣтнымъ смущеніемъ Рендаля, когда пушистые завитки ея волосъ почти касались его лба. Онъ испуганно откидывался назадъ, и это смѣшило ее.

— О, какъ намъ неудобно! Сядемъ лучше рядомъ. Вы позволите?

— Пожалуйста,—любезно согласился профессоръ; но не прошло и пяти минутъ, какъ онъ уже раскаялся въ своемъ согласіи. Это новое сосѣдство, кажется, еще увеличило его смущенье. Близость духовъ и мягкихъ складокъ ея платья заставляла его желать, чтобы Зозѐ немного отодвинула отъ него свое кресельце съ золочеными лапками.

— На одну минуту, если я вамъ не очень помѣшаю!— вдругъ раздался голосъ г-жи Маркѐсъ, и она сама появилась въ профиль на порогѣ, приподнимая одной рукой портьеру.

— Войдите же, войдите, душечка!—пригласила ее г-жа Шамбанъ.

Онѣ поцѣловались и, съ разрѣшенія Рендаля, прошли вмѣстѣ въ гостиную; онъ вздохнулъ свободнѣе, и о своемъ смущеніи вспоминалъ лишь какъ о чемъ-то почти пріятномъ, какъ о минувшей опасности. Онъ стоялъ передъ зеркаломъ и спокойно расчесывалъ себѣ бороду, когда обѣ дамы вернулись.

— Она ужъ хочетъ уходить,—говорила Зозѐ.—Не правда ли, не слѣдуетъ ее отпускать такъ скоро?

Рендаль поклономъ пригласилъ г-жу Маркѐсъ остаться.

Подали на серебряномъ подносѣ рюмки, бутылку портвейна и бисквиты, ванильный вкусъ которыхъ очень понравился профессору. Портвейнъ развеселилъ и его самого, и его собесѣдницъ. Г-жа Шамбанъ записывала для него адресъ своего кондитера; г-жа Маркѐсъ перебивала ее, восхваляя своего. Рендаль, котораго онѣ избрали своимъ посредникомъ и судьею, любезно отказался высказать свое рѣшеніе въ пользу той или другой, смѣясь надъ ихъ спорами.

— А наша работа? Мы про нее забыли!—вдругъ вспомнила Зозѐ, но въ ту же минуту всколыхнулась портьера, и патеръ лѣтъ пятидесяти, лысенькій, кругленькій, съ большими очками на носу, съ улыбкой на устахъ, не спѣша, вошелъ въ курительную.

— А, г. аббатъ!—воскликнула Зозѐ съ такимъ искреннимъ удивленіемъ, что нельзя было сказать, подготовленный ли это былъ визитъ, или неожиданный.—Г-нъ аббатъ Турондъ,—представила она:—директоръ сиротскаго дома въ Вильдульѐ, нашъ сосѣдъ по имѣнію и нашъ лучшій другъ... Профессоръ Рендаль.

Профессоръ церемонно кланялся, по обыкновенію прикрывая торжественностью обхожденія свое презрѣніе къ духовнымъ.

— Г-нъ Рендаль, авторъ „Жизни Клеопатры“?—спросилъ аббатъ.

— Такъ точно!—подтвердила Зозѐ; и аббатъ разсыпался въ любезностяхъ.

Рендаль движеніемъ руки смиренно отстранялъ похвалы, но аббатъ тѣмъ ревностнѣе продолжалъ развивать начатую тэму, что она не была для него совершенной неизвѣстностью: онъ самъ когда-то изучалъ Египетъ съ точки зрѣнія развитія въ его предѣлахъ секты „соединенныхъ коптовъ“ и даже написалъ о нихъ статью въ спеціально-археологическомъ духовномъ журналѣ; а такъ какъ Рендаль оказался съ этимъ вопросомъ совершенно незнакомъ, то авторъ и просилъ разрѣшенія доставить ее къ нему на домъ.

— Вы отобѣдаете съ нами?—спросила, въ перерывъ, Зозѐ у добродушнаго аббата.

— Если позволите!—радушно смѣясь, отвѣчалъ тотъ.

— А вы, дорогой профессоръ?

— О, къ сожалѣнію, мнѣ это невозможно!—вздохнулъ Рендаль: — меня дома ждутъ. Повѣрьте, я бы съ удовольствіемъ...

Шамбанъ, вошедшій къ нимъ, потрепалъ жену по плечу, какъ настоящую школьницу, и спросилъ Рендаля:

— Ну, что, какъ вы довольны своей ученицей?

— Чрезвычайно доволенъ; начало идетъ прекрасно.

— Ну, много ли мы занимались! — воскликнула Зозе. — Но въ слѣдующій четвергъ... Вы вѣдь придете? Да, милѣйшій профессоръ, вы обѣщаете?

И профессоръ обѣщалъ.

Очутившись на улицѣ, онъ при свѣтѣ газоваго рожка посмотрѣлъ на часы: они показывали безъ четверти семь.

— Чортъ побери!—вырвалось у Рендаля.

Онъ кликнулъ извозчика и поспѣшилъ домой.

За столомъ, чтобы предупредить разспросы и насмѣшки, онъ самъ принялся подробно разсказывать о своемъ посѣщеніи, даже подражая южному выговору аббата.

Тереза дѣлала видъ, что ей это интересно; мать ея слушала молча, зная тщету своихъ увѣщаній противъ лицъ невѣрующихъ и свѣтскихъ; только на лицѣ ея отразилась такая печаль, когда Рендаль изображалъ аббата, что Тереза какъ-то ужъ слишкомъ усердно разсмѣялась, и это возбудило подозрѣніе отца: не надъ нимъ ли ужъ она смѣется?

На слѣдующій четвергъ онъ упомянулъ о своемъ посѣщеніи Шамбановъ лишь настолько, чтобы передать своимъ поклоны и любезности Зозе; а черезъ недѣлю и вовсе прошелъ его молчаніемъ. Наконецъ, въ четвертый разъ, часовъ около шести вечера, вмѣсто него пришла домой телеграмма или, вѣрнѣе, телеграфный бланкъ, на которомъ своимъ самымъ лучшимъ почеркомъ, подъ увѣдомленіемъ, что онъ остается обѣдать у Шамбановъ, Зозе вывела крупно подпись: *Согласна.*

Распечатала это посланіе сама Тереза и, пожавъ плечами, швырнула его въ огонь.

— Что тамъ такое?—спросила мать.

— Телеграмма: отецъ остается *тамъ* обѣдать!

Обѣ онѣ инстинктивно переглянулись при словѣ *тамъ*, и вдругъ, передъ испуганно-тревожнымъ взглядомъ матери, Тереза опустила глаза. Къ чему распространяться? Никогда между ними не будетъ такого тайнаго союза противъ отца, какой существовалъ, бывало, у нея съ нимъ — противъ матери. Дѣлать нечего, надо покориться необходимости нести одной всю тяжесть комизма этихъ приключеній, — одной, какъ всегда и во всемъ!

— Такъ, значитъ, онъ тамъ обѣдаетъ?

— Ну, да, мама! Я ужъ тебѣ сказала!—нетерпѣливо отвѣтила дочь.

— И... какъ ты думаешь, это такъ и будетъ каждый четвергъ?

— Почемъ я знаю?

— Боже мой! Боже мой! Только бы ему не повредили эти Шамбаны! Ты бы ему сказала... сказала бы ему, чтобы онъ... чтобы онъ былъ осторожнѣе, не слишкомъ съ ними сближался... Тебѣ это удобнѣе... Вы съ нимъ дружнѣе...

Сердце Терезы защемило отъ невольнаго упрека, скрытаго въ этихъ словахъ.

— Послушай, мама! Послушай: мнѣ кажется, что до сихъ поръ бѣды еще нѣтъ никакой! — начала она ласково. —Увѣряю тебя, пока намъ еще нечего бояться, и повѣрь мнѣ, лучше не будемъ придираться къ отцу. Я его знаю: придирками мы только больше сблизимъ его съ этими людьми... А тамъ—посмотримъ, подумаемъ вмѣстѣ, какъ дальше быть?

— Такъ ты согласна изрѣдка поговорить хоть со мной... объ этомъ?

Тереза встала, обняла ее и, нѣжно покачивая въ своихъ объятіяхъ, какъ ребенка, проговорила:

— Ну да, старушка моя! Какая ты странная, право! Почему жъ бы мнѣ не быть согласной?

— Не знаю... У васъ съ отцомъ иногда былъ такой сердитый видъ, когда вы сидѣли, бывало, за своими конторками, а я къ вамъ входила, что мнѣ даже страшно становилось! — и, усталыми шагами, она потащилась въ кухню предупредить Бригитту, что хозяинъ не будетъ дома обѣдать.

Съ тѣхъ поръ, ни одного четверга не пропускалъ больше Рендаль и все больше и больше увлекался прелестью своей ученицы и окружавшей ее изящной обстановки. Его убѣдили обратиться къ портному, который шилъ на Жоржа Шамбана, и тотъ даже самъ сопровождалъ его къ великому „мастеру“ Блэксу. Какъ ни спорилъ, ни оборонялся профессоръ, а Блэксъ настоялъ на своемъ, и... на готовомъ сюртукѣ, къ великому своему ужасу, Рендаль все-таки узрѣлъ самые модные шолковые отвороты!! Дѣлать нечего, приходилось покориться необходимости и терпѣть пріятное иго изящества и моды. Хорошо еще, что его домашніе молчали; и безъ того онъ самъ мучился тревожнымъ вопросомъ, какъ покрыть затраты, необходимыя при такой „свѣтской“ жизни,

когда то-и-дѣло приходится тратиться то на извозчиковъ, то на свѣжія перчатки, на живые цвѣты радушной красавицѣ—хозяйкѣ дома! Зозѐ любила цвѣты, и Рендаль не могъ отказать себѣ въ удовольствіи полюбоваться, какъ она ставитъ въ воду двѣ-три вѣтки роскошныхъ орхидей или держитъ, не выпуская изъ рукъ, пучочекъ болѣе скромныхъ, мелкихъ цвѣточковъ.

Рендаль уже мысленно прикидывалъ цифру долговъ, которыми грозили ему эти урѣзки въ бюджетѣ. На его счастье, подоспѣла къ этому времени награда—почѣтная премія за его сочиненіе, и, вмѣсто того, чтобы ее всю цѣликомъ отложить въ запасъ, на иждивеніе всей семьи, Рендаль почти съ спокойной совѣстью оставилъ себѣ, на свои личныя нужды, двѣ тысячи франковъ,—эгоизмъ, который показался бы ему во всякое другое время просто чудовищнымъ! Въ тѣсномъ кругу Шамбановъ и ихъ самыхъ близкихъ друзей Рендаль, дѣйствительно, отдыхалъ отъ домашнихъ нуждъ и мелочныхъ дрязгъ и волненій; зато домашній очагъ—хотя жена съ дочерью и ничего ему не говорили—все менѣе и менѣе привлекалъ его. Послѣ изящной обстановки Шамбановъ, еще болѣе убогой и простой казалась ему его незатѣйливая, тѣсная квартирка; платье Терезы—еще болѣе неуклюже и бѣдно, а она сама—еще болѣе некрасива.

„Бѣдная!—думалъ отецъ, приглядываясь къ ея безцвѣтному, угловатому лицу и фигурѣ:—немудрено, что она не долюбливаетъ г-жу Шамбанъ! Въ ней говоритъ просто зависть, хоть она и не сознаетъ ея присутствія въ себѣ“.—И, невольно, помимо своего обычнаго раздраженія на домашнихъ, онъ чувствовалъ порывъ искренней жалости; тѣмъ болѣе, что въ силу какихъ-то невидимыхъ волшебныхъ чаръ, товарищеское добродушіе и дружба между имъ и Терезой какъ-то притупились, охладѣли, и если они снова пробовали обойтись другъ съ другомъ по старому (что никогда теперь не удавалось), то выходили изъ этой попытки только еще болѣе раздраженными, кляня каждый самъ себя за тѣ простушки, въ которыхъ обвинялъ другого... И обычное теченіе трудовой недѣли шло впередъ неизмѣнно; но подъ наружнымъ спокойствіемъ таилась скрытая буря.

XIV.

Однажды, въ началѣ марта, въ тихую, какъ лѣтомъ, теплую ночь, Рендаль вернулся отъ Шамбановъ и замѣтилъ огонь въ комнатѣ дочери. Онъ встревожился,—часъ былъ уже очень позд-

ній — и вошелъ къ ней тотчасъ же, какъ только постучалъ, не дожидаясь отвѣта. Тереза, совсѣмъ одѣтая, лежала во весь ростъ ничкомъ на кровати, головой уткнувшись въ подушки, и рыдала.

Отецъ бросился къ ней, чтобы ее приподнять, но она уже сама встала и поспѣшно вытирала глаза. Не переставая поддерживать ее, Рендаль засыпалъ ее разспросами:

— Что ты, дитя? О чемъ? Какое у тебя случилось горе?

Тереза быстрымъ движеніемъ плечъ высвободилась изъ его объятій.

— Нѣтъ, ничего, отецъ! Благодарю! Пожалуйста, оставь меня!

— Я тебѣ больше не нуженъ? — настаивалъ озадаченный Рендаль.

— Да нѣтъ же, говорю тебѣ!.. Уйди!.. Пустяки, — просто нервы расходились!

Отецъ не посмѣлъ настаивать; тѣмъ болѣе, что въ душѣ у него глухо шевелился укоръ:—„А что, если въ ея нервахъ виноватъ ты самъ, твои четверги, твое упрямство“?

Хотя профессоръ и обѣщалъ себѣ добиться завтра же разгадки этой вспышки отчаянія, но ни на утро, ни во всѣ послѣдующіе дни, когда Тереза, повидимому, забыла и думать о происшедшемъ, у него духу не хватило.

Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, это были просто нервы? Этого рода „нервы“ мучили Терезу уже не въ первый разъ. Когда наступала весна и вся природа оживала, Тереза готовилась къ испытанію, которое ей сулила судьба. Ее вдругъ посѣщали тревожные сны; днемъ все ее разстроивало, излишне умиляло; слезы ея лились.

Въ такія минуты, ей еще ненавистнѣе была г-жа Шамбанъ, еще смѣшнѣе казался отецъ. Въ ней подымалось острое желаніе чего-то, возникали совершенно неосуществимыя стремленія.

Ей вдругъ страстно хотѣлось быть красивой,—или хотя бы только привлекательной въ глазахъ мужчинъ; быть вообще одною изъ тѣхъ женщинъ, за которыми гонятся мужчины; — быть настолько женщиной, чтобъ нравиться, чтобы дразнить другихъ... но какъ же быть? Откуда взять чары, необходимыя для того, чтобы могли понравиться эти костлявыя руки, безцвѣтное лицо, изсохшія узкія губы, выцвѣвшіе глаза? Одинъ разъ въ жизни это ей удалось, да и то лишь на одну недѣлю!

Въ отчаяніи своемъ, она доходила до того, что завидовала чуть ли не уличнымъ женщинамъ; идя по улицѣ, она почти надѣялась, что хоть кто-нибудь обратитъ на нее вниманіе, заглянетъ ей въ лицо. . Разъ какъ-то, заслышавъ за собой мужскіе шаги,

которые отъ нея не отставали, она оглянулась... и увидала человѣка почтенныхъ лѣтъ, улыбавшагося особою, противною улыбкой...

Тереза убѣжала съ отвращеніемъ... Но все же часто, думая о другихъ, она увѣряла себя, что онѣ все-таки живутъ, а она— прозябаетъ за своими фоліантами, изсохшими, какъ и она сама!

Въ одинъ прекрасный день, въ публичной библіотекѣ, Тереза, стоя, перелистывала на большой дубовой конторкѣ огромное in-folio египетскихъ законовъ „Corpus inscriptionum aegyptiacarum", какъ вдругъ на раскрытыя страницы упала широкая тѣнь, и... передъ нею, облокотившись на конторку, какъ изъ земли выросъ не кто иной, какъ ея отвергнутый претендентъ, ассиріологъ Берцель. Онъ съ добродушною улыбкой кивалъ ей головою.

— Здравствуйте, здравствуйте! — привѣтливо мигая своими небольшими глазками, заговорилъ онъ.—Хе-хе-хе! У васъ чтеніе, знаете ли, немного легкаго пошиба....

— Да? Но это еще ничего, въ сравненіи съ тѣмъ, что я уже потребовала еще...

— А именно?

Тереза назвала тѣ книги, которыя собиралась прочесть, и молодой ученый, шутя, сдѣлалъ видъ, что приходитъ въ негодованіе отъ вмѣшательства женщинъ въ область мужского труда.

— Однако, до свиданія!—крикнула ему Тереза:—вонъ мнѣ несутъ мои книжицы! Некогда теперь болтать; пойду на свое мѣсто!..

Берцель кланялся, и тоже сжимая подъ мышкой толстый томъ in-octavo, говорилъ на ходу:

— До свиданія... до скораго, надѣюсь?

Тереза машинально прослѣдила за нимъ глазами, и онъ ей показался вовсе ужъ не такимъ противнымъ по своей наружности, какъ тогда на балу. Напротивъ, онъ казался почти красивымъ посреди обстановки, въ которой чувствовалъ себя какъ дома. Ни его косматая грива, ни большіе очки, ни медлительная, безшумная походка не казались здѣсь странными. Всѣ вокругъ кланялись ему, привѣтливо улыбаясь, а онъ шелъ между рядами столовъ, и каждому радушно отвѣчалъ тѣмъ же. Принявшись за работу, молодая дѣвушка, однако, позабыла и думать о Берцелѣ. Но въ прихожей, внизу, кто-то ее окликнулъ.

— Это я! Можно выйти вмѣстѣ съ вами? Мы, вдобавокъ, сосѣди: я живу на улицѣ де-Реннь.

Тереза колебалась. Какъ всякая записная старая дѣва, она уже бросила обращать вниманіе на мелкіе, пустые предразсудки,

и не то ее смущало, что она пойдетъ по улицѣ не одна; она просто задалась вопросомъ, не наскучитъ ли ей Берцель по дорогѣ?

— Ну, хорошо! Пойдемте вмѣстѣ! — наконецъ, согласилась она.

На улицѣ моросилъ мелкій дождь.

По примѣру прочихъ пѣшеходовъ, молодой ученый открылъ зонтикъ, чтобы оградить свою даму отъ дождя. Прохожіе толкали его, концы пружинъ бороздили его сырую шляпу; случалось, что группы народа ихъ разъединяли, и тогда Тереза останавливалась на мѣстѣ, спокойно осматривалась, тутъ ли ея Берцель, и находила его довольно скоро по тому, какъ онъ издали ей улыбался, махая зонтикомъ надъ головами прохожихъ, чтобы она скорѣе его увидала. Бесѣдовать имъ пришлось только начиная съ вороть „Карусели“ и, какъ на балу, прежде всего на тэмы исключительно научнаго характера. Направлялъ разговоръ Берцель, проявляя, на ряду съ быстрымъ краснорѣчіемъ человѣка очень еще молодого, зрѣлое самообладаніе въ серьезныхъ предметахъ, какое бываетъ лишь у стараго и многоопытнаго ученаго, увѣреннаго въ себѣ. Чаще всего, она мысленно называла себя, сравнительно съ нимъ, и ненаходчивой, и неостроумной, а у него такъ ловко и пестро пересыпались строгія замѣчанія съ похвалами, колкости съ мягкимъ привѣтомъ, и его голосъ, ласкающій и бархатистый, гибкость его и подвижность бровей—дополняли впечатлѣніе. Тереза смотрѣла на него съ удивленіемъ. Какъ это онъ могъ тогда, на балу, уступать ей въ разговорѣ? Былъ ли онъ смущенъ бальной обстановкой, или хотѣлъ изъ любезности дать ей верхъ надъ собою?.. Все равно, ей было теперь съ нимъ не скучно; онъ былъ забавный и неглупый малый.

Тереза и не замѣтила, какъ они уже миновали Сену и поднимались по улицѣ Saints-Pères. Теперь ужъ Берцель, въ свою очередь, разспрашивалъ ее о ея работѣ, и Тереза охотно и подробно описывала ему распредѣленіе своихъ трудовыхъ дней и часовъ.

На поворотѣ къ бульвару Сенъ-Жерменъ, Берцель вдругъ глубоко вздохнулъ:

— А жаль! — вырвалось у него.

— Чего вамъ жаль? — спросила Тереза.

Дождь пересталъ моросить, и молодой ученый спустилъ свой зонтикъ.

— Да такъ... ничего! Впрочемъ, ужъ такъ и быть, скажу: жаль, что я вамъ не нравлюсь. О, я въ этомъ достаточно убѣ-

дился на балу у Сольваровъ, я видѣлъ это у васъ по глазамъ, когда вы уѣзжали. А между тѣмъ,—вѣрьте мнѣ или нѣтъ, какъ угодно, — чѣмъ больше я съ вами говорю, тѣмъ больше убѣждаюсь, что изъ насъ вышла бы прекрасная супружеская чета.

— Изъ насъ?

— Ну, да, именно изъ *насъ*!—настоятельно повторилъ Берцель, выпятивъ губы, какъ ребенокъ... только бородатый. — Такимъ людямъ, какъ мы съ вами, совершенно лишнее разыгрывать между собой комедію? Вѣдь насъ для того и познакомили, чтобы сосватать. Итакъ, допустимъ, что тогда, на этомъ балу, я пришелся вамъ не по вкусу... — Онъ на минуту пріостановился и внимательно взглянулъ на нее. — Чортъ побери! Я не могъ, конечно, ожидать, чтобы вы сразу же въ меня влюбились; но вы-то... вы мнѣ еще тогда нравились, вы внушали мнѣ глубокую симпатію. Я думалъ тогда: вотъ безусловно рѣдкій человѣкъ, умница, не вертушка, а другъ и товарищъ, единомышленникъ, какого я желалъ бы видѣть въ лицѣ своей жены. Простите, но меня искренно удивляетъ такой недостатокъ сужденія именно съ *вашей* стороны. Изъ нашихъ немногочисленныхъ бесѣдъ вы ясно должны были бы вывести заключеніе, что мы какъ нельзя лучше подходимъ другъ къ другу;—что у насъ одни вкусы, одни стремленія, и что намъ жилось бы хорошо и дружно... Очевидно, я вамъ не нравлюсь главнымъ образомъ вслѣдствіе моихъ физическихъ несовершенствъ; но это меня, признаться, удивляетъ... Другое дѣло, если бы вы были пустой кокеткой и вертушкой, какъ другія...

— Однако, позвольте, — съ улыбкой перебила его молодая дѣвушка.

— Пожалуйста, дайте мнѣ кончить! Если бы, говорю я, вы были дѣвушкой, какъ всѣ, падкой на бракъ съ какимъ-нибудь смазливымъ усачомъ! Но вы не изъ такихъ, а самое лучшее для насъ обоихъ было бы воспользоваться случаемъ вступить въ союзъ разсудительный, духовный и предусмотрительный,—и самое сознаніе, что мы упускаемъ такой прекрасный случай, способно вывести меня изъ себя!

И Берцель застучалъ зонтикомъ по мостовой.

— Вы кончили? — спросила заботливо Тереза.

— Да,—разсѣянно отвѣтилъ онъ, но, спохватившись, прибавилъ: — Впрочемъ, это было бы еще объяснимо, и съ вашей стороны совершенно справедливо и логично,—если бы, напримѣръ, вы любили другого.

Лицо молодой дѣвушки омрачилось, и голосомъ, въ которомъ глухо слышалась печаль, она проговорила:

— Нѣтъ, я не люблю никого, или, вѣрнѣе — люблю одно только воспоминаніе.

— А, воспоминаніе! Ну, хорошо, хорошо... Это дѣло другое... Прошу прощенья!—и видъ у него былъ при этомъ такой разочарованный, такой дѣтски-безнадежно-огорченный, что Тереза едва удержалась отъ улыбки.

— Вотъ видите, какъ вы ошибались насчетъ моихъ воззрѣній?—добродушно сказала она. — И въ доказательство того, какъ мнѣ пріятно ваше общество, я сама васъ прошу побывать у насъ въ воскресенье, въ качествѣ друга и товарища... Я была бы очень рада!

— Благодарю васъ! — безъ особой горячности произнесъ молодой профессоръ. — А все-таки жаль, что у васъ (не обидьтесь, пожалуйста!) такія заурядныя воззрѣнія на бракъ. Я не говорю,—сердце, любовь, конечно, много значатъ, но развѣ въ этомъ только одномъ заключается жизнь человѣческая? Развѣ нѣтъ на свѣтѣ такихъ чувствъ, какъ, напримѣръ, единодушіе, сочувствіе, уваженіе и дружба, — чувствъ, которыя могутъ служить достаточно прочнымъ звеномъ между двумя единомыслящими существами (лицо Терезы опять стало мрачнѣе)? Нѣтъ, нѣтъ! Не хочу больше вамъ надоѣдать и отвѣчать неблагодарностью на ваше любезное приглашеніе... До свиданія, до воскресенья!

Тереза уже повернула на улицу Notre-Dame-des-Champs, какъ вдругъ ее окликнулъ чей-то запыхавшійся голосъ.

— Все я же!—нагоняя ее, торопливо говорилъ Берцель.— Еще словечко, на прощанье: быть можетъ, въ моихъ словахъ вы усмотрите заднюю мысль дѣйствовать такъ изъ-за разсчета... (Тереза знакомъ показала, что нѣтъ.) Все равно! Я ни въ какомъ случаѣ не желалъ бы, чтобы меня смѣшивали съ общимъ сонмомъ молодыхъ людей, которые гоняются за богатыми невѣстами. Да, впрочемъ, можете справиться у профессора Рендаля: онъ знаетъ, что я ни въ чемъ не нуждаюсь. Мое начальство меня любитъ и меня поддерживаетъ; конкуррентовъ у меня немного, и большинство — второстепенныхъ. Изъ высшихъ учебныхъ заведеній я непремѣнно перейду въ Сорбонну или въ Collége de France, а оттуда — и въ институтъ. Разсудите сами, можетъ ли отсутствіе брака съ вами (за исключеніемъ личнаго моего счастія) нанести ущербъ моей жизненной или служебной

каррьерѣ?.. Согласитесь, что, въ видахъ нашей будущей дружбы, эта маленькая подробность имѣетъ свое значеніе...

— Могла бы имѣть, еслибы я въ васъ сомнѣвалась.

— Гм!—недовѣрчиво возразилъ молодой ученый:—вы говорите изъ вѣжливости, конечно... Впрочемъ, я васъ задерживаю... До воскресенья?..

— До воскресенья! — отвѣтила Тереза, уже совершенно товарищескимъ тономъ.

XV.

Зозѐ полулежала, облокотившись на подушку кровати, и задумчиво пододвинула рукою остальную кучку своихъ писемъ и газетъ. Было тутъ объявленіе отъ парфюмернаго магазина, счетъ отъ портнихи, двѣ газеты и, наконецъ, закрытое письмо, съ подписью нарочно-кривыми и неровными буквами, валившимися одна на другую. По всѣмъ признакамъ, анонимное письмо... доносъ!

Внутри, на сѣрой карточкѣ, такимъ же неровнымъ почеркомъ, было написано:

„Если у васъ не имѣется въ виду ничего лучшаго, зайдите когда-нибудь поутру, часовъ въ одиннадцать, на улицу Годо-де-Моруа, по близости дома № 12 (bis). Тамъ вамъ представится случай еще разъ убѣдиться, что друзья нашихъ подругъ дѣйствительно наши друзья“.

Зозѐ откинулась на подушки. Въ душѣ у нея не было мѣста ни надеждѣ, ни сомнѣніямъ; она только шептала машинально:

— О, Боже мой!.. О, гадкіе, злые!

Очевидно, письмо намекало на Жеральда; но кто его сообщница? Перебирая въ умѣ всѣхъ ему извѣстныхъ женщинъ, Зозѐ только внутренно изумлялась, съ какою легкостью она могла взваливать на каждую изъ своихъ подругъ такое обвиненіе. Каждая, казалось ей, поочередно, болѣе способной на обманъ, нежели предъидущая, до того, что, наконецъ, она сама совершенно запуталась въ хаосѣ подозрѣній. Горькая усмѣшка кривила ея губы: въ какомъ же омутѣ обмана и низости она живетъ, если не боится взвалить понапрасну обвиненіе на любую изъ пріятельницъ своихъ? Въ порывѣ отчаянія и злобы, она способна была относиться снисходительно только къ своему Жеральду,— своему сокровищу, котораго она, быть можетъ, должна на вѣкъ лишиться! Ей живо представилась сцена изъ послѣдняго прощанья послѣ окончательнаго объясненія съ Жеральдомъ. Она

нѣсколько разъ принимается отъ него уходить... оглядывается... возвращается, цѣлуетъ его еще, и еще... Нѣтъ, нѣтъ! Лучше не думать, не видѣть ничего!.. И бѣдная женщина зарылась съ головой подъ одѣяло.

Вдругъ часы пробили десять. Зозѐ вскочила и съ нервной горячностью заторопила горничную:

— Скорѣй, скорѣй, горячей воды, умыться! Платье бэжъ... Черную шляпу!

— Прикажете карету?

— Да, да; скорѣе! Или нѣтъ, постойте: лучше не надо!.. Да торопитесь же скорѣе!

Безъ четверти одиннадцать она уже была на улицѣ и спѣшила впередъ, впередъ, съ хищной злорадной усмѣшкой на губахъ... Подозвавъ извозчичью карету, Зозѐ прыгнула въ нее и приказала кучеру:

— Слушайте хорошенько: въ улицу Годо-де-Моруа!.. Когда я одинъ разъ постучу въ окошко,—остановиться и терпѣливо выжидать, стоя на мѣстѣ. Два—вы тронете и поѣдете шагомъ; три—рысцой... Поняли?

— Еще бы не понять,—отечески-благодушно замѣтилъ тотъ.

— Ну, ѣдемъ поскорѣй! Получите хорошо „на водку"!

По мѣрѣ приближенія къ роковому дому, храбрость молодой женщины отошла и, со вздохомъ отчаянія, глядя на № 12 bis, противъ котораго ея экипажъ остановился, она подумала:

„Здѣсь! Здѣсь!.."

Четверть часа прошло въ напряженномъ ожиданіи. Ничего и никого не видала вокругъ себя Зозѐ; но не видала также и преступныхъ сообщниковъ, которыхъ хотѣла захватить врасплохъ.

„А что, если письмо солгало"?—вдругъ мелькнуло у нея въ умѣ; но никакой радости при мысли объ этомъ она уже не ощутила. Ей казалось это даже немыслимымъ: до того часто еще и прежде въ ней зарождалось подозрѣніе по поводу шашней Жеральда. Прошло еще полчаса... Безъ четверти двѣнадцать?!

— Тѣмъ хуже для нихъ! Завтра я сама поѣду справиться у швейцара! — рѣшила Зозѐ... какъ вдругъ откинулась назадъ, пораженная: изъ-подъ воротъ 12 bis вышла дама, которая позвала извозчика; Зозѐ сразу узнала ее, несмотря на бѣлую вуалетку, на простое сѣрое платье изъ бумажной матеріи. Это была Маркéсъ,—та изъ ея пріятельницъ, съ которой она была всего дружнѣе!

Негодная! Такъ это она, она?! Ея извозчикъ чуть не задѣлъ

за колеса ея каретки. Маркѣсъ ничего не замѣчала, вся еще поглощенная радостью свиданія...

Но и Зозѐ не успѣла сосредоточить на вѣроломной все свое вниманіе: изъ проклятаго дома 12 bis уже выходилъ Жеральдъ, въ утреннемъ костюмѣ, съ пучочкомъ свѣтлой гвоздики, который „та“ ему, вѣрно, сама приколола къ отвороту.

Чуть живая отъ страсти и злобы, Зозѐ восторженно имъ любовалась, видя, какъ онъ идетъ дальше по улицѣ своей развалистой походкой, собираясь на ходу зажечь сигару.

Не помня себя, позабывъ условленные сигналы, Зозѐ спустила стекло въ передкѣ кареты и приказала кучеру тронуться.

Но не прошло и секунды, какъ она на ходу выскочила на троттуаръ.

Жеральдъ потемнѣлъ отъ злости, но сдержался, чтобы не вспылить.

— Садись!—пригласила его глухимъ голосомъ Зозѐ.

— Садиться? Вотъ еще! И какой у васъ страшный тонъ!— бормоталъ виновный, силясь улыбнуться.

— Говорю тебѣ: садись!—настоятельно и чрезвычайно смѣло повторила она.—Знай,—я ничего и никого не побоюсь, даже скандала и огласки! Поговоримъ потомъ, а пока... Кучеръ! куда-нибудь, хоть въ Булонскій Лѣсъ, или вообще въ ту сторону...

Карета покатилась.

Какъ люди привычные, оба они одновременно задернули занавѣски на окнахъ, и Зозѐ вдругъ вскричала:

— Ну?!..—но тутъ же энергія ей измѣнила, и она залилась слезами.

— Это еще что значитъ? Увѣряю тебя, я ничего не понимаю!—говорилъ Жеральдъ и, протянувъ руку, хотѣлъ обнять ее за талію.

Рѣзкимъ движеніемъ она уклонилась.

— Не трогать! Ты мнѣ противенъ со всѣмъ твоимъ враньемъ! Я видѣла сама Маркѐсъ... Понялъ ты, наконецъ?

Молчаніе Жеральда только въ конецъ разозлило ее.

— Мерзко и гнусно!.. И съ кѣмъ же? Съ моей же подругой, съ которой я была всего дружнѣе!

Жеральдъ попробовалъ немного придвинуться къ ней.

— Ну, полно, моя крошка! Не плачь же! Все это вздоръ и пустяки... Конечно, дѣло не совсѣмъ-то хорошее, но и не такое, чтобъ ужъ совсѣмъ быть дурнымъ! Знаешь, еслибъ не было неприлично... я бы тебѣ признался...

— Ну, въ чемъ же, въ чемъ?

— Въ томъ, что̀ я сейчасъ думалъ, выходя оттуда,—а именно, что мы съ нею видѣлись въ первый и, конечно, въ послѣдній разъ.

— Ты мнѣ готовъ поклясться?

— Клянусь!

Страстно и нѣжно всматривалась въ его лицо Зозѐ, и вдругъ, отталкивая отъ себя, воскликнула:

— Не вѣрю я тебѣ, не вѣрю! Лжешь!..

Она опять принималась рыдать, и Жеральду уже начала надоѣдать слезливость этой любовницы изъ мелодрамы; онъ даже усталъ защищаться и только повторялъ машинально, какъ-то больше для виду:

— Ну, полно, Зозѐ! Полно!

Рѣшительно, съ такой особой не стоило имѣть дѣла! Сейчасъ видно, что она не свѣтскаго круга. Тѣ понимаютъ, какъ себя вести; съ тѣми такъ легко, такъ пріятно имѣть дѣло, потому что онѣ знаютъ жизнь. О, никто изъ нихъ: ни крошка Шитре́, ни г-жа Божи́, ни круглолицый херувимъ Торсье́ не подняли бы такой перепалки изъ-за такой дряни. Ну, подулись бы себѣ немножко, даже, пожалуй, совсѣмъ бы разошлись; но разошлись бы благородно, безъ скандала, безъ рыданій. Два-три слова похолоднѣе, одно-два рукопожатія въ знакъ примиренія или послѣдняго „прости“—и все тутъ!

Вдругъ Зозѐ окликнула его еще разъ:

— О, Ральдо, Ральдо! Какъ это ты могъ?!..

Что̀ за прелестная наивность у этой малютки! Жеральдъ невольно улыбнулся, умиляясь передъ ея простотой.

— Какъ?.. Объ этомъ я тебѣ скажу когда-нибудь, въ другой разъ...

— Въ другой разъ? Такъ неужели ты воображаешь, что я буду еще видѣться съ тобой? — негодовала Зозе. — Неужели ты самъ не чувствуешь, что между нами все кончено?

Жеральдъ обнялъ ее, прижавъ къ своей груди.

— Значитъ, ты больше ужъ меня не любишь!.. Нѣтъ, любишь, любишь, потому что плачешь! — повторялъ онъ, лаская ее.—Ну, слушай же, что̀ я тебѣ скажу: конечно, видѣться намъ теперь, въ скоромъ времени, нечего и думать, но я и безъ того уже имѣлъ въ виду уѣхать къ теткѣ, а теперь скорѣе приведу это намѣреніе въ исполненіе, чтобы дать тебѣ время успокоиться и мнѣ простить. Я уѣду сегодня же, а когда вернусь, даю тебѣ слово, что все будетъ забыто... Ну, что̀? Согласна?

— Да, да! — задумчиво согласилась Зозѐ.—И у меня тоже есть свои планы...

— Какіе, бѣдная моя Зозо?

— Мнѣ будетъ скучно безъ тебя въ Парижѣ... Я заберу съ собою тетушку Панхіасъ, уложусь и поѣду отдохнуть къ себѣ въ деревню...

— Ну, да! Прекрасный планъ!

Наступило молчаніе. И вдругъ, повинуясь приливу восторженнаго чувства счастія и успокоенія, Зозе прижалась къ Жеральду, вздыхая съ облегченіемъ:

— О, милый Ральдо! Какъ это отрадно, что мы не разошлись!

Домой она вернулась только въ два часа.

XVI.

Часа не прошло съ момента отъѣзда г-жи Шамбанъ, какъ у ея дверей остановилась карета, изъ которой вышли Рендали—старшій и младшій. Старшій, чтобы не раздразнить младшаго, одѣлся попроще; но младшій нарядился во все парадное, постригся и побрился, а свою толстую палку замѣнилъ на этотъ разъ изящной тросточкой съ золоченымъ набалдашникомъ, полученной по наслѣдству отъ отца.

Слуга Фирликъ, не подозрѣвавшій, что г-жа Шамбанъ знала черезъ письмо профессора о намѣреніи быть у нея дяди Кипріана, отступилъ въ удивленіи:

— А, г-нъ профессоръ!—воскликнулъ онъ, поспѣшно снимая фуражку.—Дома нѣтъ, уѣхали въ имѣніе съ часъ тому назадъ, и мнѣ приказано завтра утромъ уѣхать къ нимъ. Васъ, значитъ, не предупредили?

Дядя Кипріанъ кусалъ себѣ усы отъ смѣха.

— Нѣтъ, не предупредили... Странно! Надѣюсь, ничего дурного не случилось?

— Не думаю; это вышло какъ-то такъ вдругъ вчера. Послали меня за тетушкой, укладывались вмѣстѣ, и вотъ—уѣхали! Прикажете подать бумаги и перо: можетъ быть, желаете что написать?

Рендаль былъ смущенъ безцеремонностью Зозѣ и отказался:

— Благодарю, не надо! Я напишу изъ дому. Какъ вы сказали адресъ?..

Слуга сообщилъ.

— Благодарю, запомню!

Дверь захлопнулась. Старшій Рендаль оглянулся на младшаго, стараясь говорить шутливо:

— Бѣдный, не повезло тебѣ на первый разъ!

Дядя Кипріанъ развелъ руками.

— Ну, знаешь, твоя г-жа Шамбанъ нельзя сказать, чтобъ была очень вѣжлива!...

Профессоръ не успѣлъ еще и рта раскрыть, какъ вдругъ къ крыльцу подкатили сразу два экипажа, одинъ за другимъ: изъ перваго вышелъ аббатъ Турондъ, изъ второго—маркизъ де-Мёзъ. Оба, узнавъ отъ Рендаля объ отъѣздѣ г-жи Шамбанъ, крайне удивились. Маркизъ даже про себя сильно ругнулъ своего шенапана (т.-е. сына, Жеральда), который ужъ, конечно, зналъ объ этомъ, но не предупредилъ отца.

— Что-жъ, намъ только остается разойтись по домамъ,— замѣтилъ онъ.—Вы тоже въ городѣ?

— Конечно,—возразилъ профессоръ.—Простите, я позабылъ васъ познакомить съ моимъ братомъ.

Дядя Кипріанъ раскланялся и пошелъ рядомъ съ маркизомъ позади профессора, который шелъ съ аббатомъ.

— Признаюсь, я не долюбливаю священниковъ! — проговорилъ Кипріанъ послѣ шутки насчетъ аббата, на которую, однако, не откликнулся маркизъ. И это второе замѣчаніе встрѣчено было холодно. — Но и жидовъ я тоже не терплю! — заключилъ онъ поспѣшно.

Это заявленіе нашло сочувствіе въ маркизѣ, и онъ принялся съ увлеченіемъ повѣствовать о своихъ злоключеніяхъ, во время краха. Дядя Кипріанъ, съ своей стороны, повѣдалъ новому знакомому исторію своей отставки и свою теорію „двухъ береговъ".

Маркизъ отчасти соглашался съ его нападками на свѣтское общество и главнымъ образомъ—на биржевиковъ. Бороться съ такими ловкими стратегами возможно только ихъ собственнымъ оружіемъ: хитростью, тайными развѣдками, сообразуясь въ своихъ дѣйствіяхъ съ ихъ обычной тактикой, т.-е. фальшивыми слухами, которые они нарочно распускаютъ, разнаго рода ликвидаціями и т. п. подходами. Таковъ, въ настоящее время, образъ дѣйствій свѣтскихъ людей на биржѣ.

— Да, вотъ, хоть я бы, напримѣръ! продолжалъ маркизъ.— Я въ настоящее время спекулирую на золотыхъ пріискахъ. И что-жъ, развѣ я такъ и набросился на нихъ, очертя голову? Конечно, нѣтъ! Случай столкнулъ меня въ обществѣ, у тѣхъ же Шамбановъ, съ нѣкоторыми изъ такихъ господъ-биржевиковъ, и могу васъ увѣрить, что до сихъ поръ ничего дурного не принесли мнѣ свѣдѣнія, которыя я отъ нихъ почерпнулъ.

— Ба, ба, ба! Да вы, кажется, питаете серьезное довѣріе

къ этимъ господамъ?—съ нѣкоторымъ разочарованіемъ замѣтилъ Кипріанъ.—А меня, наоборотъ, увѣряли, что между ними не мало есть такихъ, которые не дѣлаютъ обществу особенной чести...

— Кто же это васъ такъ увѣрялъ?

— Одинъ изъ моихъ друзей, нѣкто Шлейфманъ, мой единомышленникъ и, между прочимъ, славный малый!

— Вашъ другъ немного пересолилъ,—не горячась, тихонько замѣтилъ маркизъ. — Конечно, я и самъ не всякому довѣрюсь; но есть такіе основательно знакомые съ биржей люди, какъ, напримѣръ Пумсъ, вице-директоръ галиційскаго банка. Не буду увѣрять васъ, чтобы изрѣдка мнѣ не приходилось расхлебывать кой-какую кашицу; но съ тѣхъ поръ, вотъ уже полгода, я пользуюсь совѣтами Пумса... И, вдобавокъ, это такой милый человѣкъ, что радъ оказать мнѣ всякую услугу, не заставляя платить за свои совѣты тысячами униженій, какъ это дѣлаютъ другіе... Онъ еще дебютантъ на биржѣ, этотъ Пумсъ! Онъ готовъ на все за обмѣнъ рукопожатій... А вы, конечно, не прикасаетесь ко всей этой чертовщинѣ?

— Можете быть спокойны на мой счетъ! Жалкія двадцать тысячъ, которыя я наскребъ себѣ по крохамъ изъ своего жалованья, лежатъ у меня въ акціяхъ желѣзныхъ дорогъ и приносятъ хоть скромныхъ три процента, но зато вѣрныхъ. И на придачу къ пенсіи, это позволяетъ мнѣ сводить концы съ концами. И слава Богу! Ни въ какихъ спекуляціяхъ я не нуждаюсь!

Маркизъ задумался. Въ душѣ онъ сочувствовалъ честному малому, мелкому чиновнику въ отставкѣ, слишкомъ бѣдному для того, чтобы маркизу приходилось опасаться излишней фамильярности съ его стороны; даже эта самая разность общественнаго положенія ихъ сближала.

— Какъ знать? Быть можетъ, вы неправы,—началъ онъ.— Въ настоящую минуту, на этихъ акціяхъ можно цѣлое состояніе себѣ составить; и когда я вижу порядочнаго человѣка, который могъ бы такъ легко оградить себя отъ нужды, а между тѣмъ не пользуется случаемъ, мнѣ хочется крикнуть ему:—да ну же, смѣлѣе! Это такое дѣло, какого, пожалуй, цѣлый вѣкъ второго не дождешься, чортъ побери!

— Вы думаете? Въ самомъ дѣлѣ?—начиная нѣсколько колебаться, заговорилъ дядя Кипріанъ.

— И въ сущности,—продолжалъ маркизъ, — чѣмъ вы рискуете? Вѣдь, вамъ только того и надо, чтобы улучшить свое па-

стоящее положеніе, а не поживиться? О, если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ!.. Впрочемъ, если надумаете, зайдите ко мнѣ; я живу д. № 2, по Бургундской улицѣ, уголъ Бурбонской площади...

Они нагнали профессора съ аббатомъ. Братья откланялись и пошли дальше вдвоемъ.

— Ты къ намъ, обѣдать?—спросилъ Рендаль.

Дядя Кипріанъ не отвѣчалъ, задумчиво глядя на бархатистыя изжелта-алыя полоски, которыми разрисовывало заходящее солнце слинявшій небосклонъ.

— Я спрашиваю тебя, ты къ намъ, что-ли, обѣдать?—повторилъ Рендаль.

— А? Что такое? Обѣдать, къ вамъ? Нѣтъ, благодарю; Шлейфманъ меня ждетъ. Не могу его бросить. Ну, до свиданія на-дняхъ!—и онъ горячо потрясъ руку брату.

Быстро взобрался дядя Кипріанъ на имперіалъ омнибуса, и старшій издали еще видѣлъ, какъ онъ, въ знакъ привѣта, махалъ въ воздухѣ своей гибкой тросточкой съ золотымъ набалдашникомъ.

— А! Здравствуйте, дружище! Видѣли свою дамочку?—спросилъ Шлейфманъ пріятеля.

— Нѣтъ, но зато видѣлъ одного изъ вашихъ враговъ! — и дядя Кипріанъ пустился въ разсказы обо всемъ происшедшемъ.

— Ну, что вы скажете?—заключилъ онъ.

— Это еще о чемъ?

— Ну, да объ этой исторіи съ золотыми пріисками, чортъ побери!

Глазки Шлейфмана загорѣлись враждебнымъ огнемъ; съ ожесточеніемъ проводя рукой по своей косматой гривѣ, онъ проговорилъ:

— А то скажу, что все это просто грязная исторія, въ которой жиды-биржевики наживутъ себѣ массу денегъ и возбудятъ массу ненависти противъ всего своего рода и племени. Вотъ что я вамъ скажу про ваши золотые пріиски.

Рендаль младшій не могъ удержаться отъ нетерпѣливаго движенія.

— Чортъ побери! Да поймите же меня, наконецъ! Не про жидовъ я васъ спрашиваю,—про себя! Долженъ ли я, по вашему, рискнуть: да или нѣтъ?

— Вы-то, дружище?—съ жалостливой гримаской возразилъ

галичанинъ.—Да они васъ сожрутъ и проглотятъ, какъ какую-нибудь котлетку!

— Вы, значитъ, противъ этого плана?

— То-есть, онъ просто-на-просто не существуетъ, вашъ этотъ „планъ"! Это просто безуміе!.. Впрочемъ, дѣлайте какъ угодно, только никогда больше ни словомъ не заикайтесь мнѣ объ этомъ смѣхотворномъ сумасбродствѣ!..

Дядя Кипріанъ не возражалъ; недовольство на презрительный тонъ и на противодѣйствіе его планамъ, которое оказывалъ его пріятель, сжимало ему горло. Въ его возраженіяхъ онъ видѣлъ не столько дружескую заботливость, сколько гордую кичливость, присущую всѣмъ евреямъ вообще... При такихъ условіяхъ, конечно, бесѣда ихъ не могла отличаться оживленіемъ. Они простились на цѣлый часъ раньше, чѣмъ обыкновенно.

На слѣдующій день, Рендаль младшій не могъ противиться искушенію справиться въ газетахъ о ходѣ биржевыхъ операцій; но долго-долго пришлось ему биться, пока онъ нашелъ интересовавшую его графу среди цѣлаго лабиринта прямыхъ и поперечныхъ рядовъ цифръ. Наконецъ, онъ добрался до статьи повышеній. Акціи золотыхъ пріисковъ шли въ гору все crescendo, выражаясь гдѣ пятнадцатью, гдѣ двадцатью, а гдѣ и пятьюдесятью франками разницы на акцію. На другой и на третій день эта разница все шла повышаясь, и дядя Кипріанъ въ умѣ прикидывалъ, сколько барыша онъ уже успѣлъ бы заработать, не будь этого осла Шлейфмана. И каждый день это все больше и больше вліяло на его настроеніе духа.

Наконецъ, на пятый день, Кипріанъ не выдержалъ. Въ половинѣ перваго онъ забѣжалъ домой переодѣться, а полчаса спустя уже входилъ въ столовую маркиза де-Мёзъ, гдѣ тотъ еще сидѣлъ за завтракомъ въ простой тужуркѣ и съ трубкою въ зубахъ.

— А, здравствуйте!—привѣтствовалъ онъ вошедшаго:—видите, я принимаю гостей по-просту, по-домашнему. Выпьете со мной кофе, да?—и, протягивая Рендалю ящикъ толстыхъ гаванскихъ сигаръ, прибавилъ:—ну, а сигару?

— Съ удовольствіемъ!—проговорилъ бывшій чиновникъ министерства.

Во время наступившаго молчанія, дядя Кипріанъ глубокомысленно подрѣзалъ сигару, съ которой не рѣшился сорвать красный съ золотомъ поясокъ; вдобавокъ, его сильно смущала богатая обстановка столовой, несмотря на то, что хозяинъ ея былъ одѣтъ такъ скромно.

— Ну, что же новаго?

— Да... не Богъ вѣсть что!—въ смущеніи проговорилъ гость.

— А я готовъ пари держать, что вы пришли потолковать со мною о дѣлахъ! — замѣтилъ маркизъ, уставившись на него своимъ зеленымъ глазомъ.

Дядя Кипріанъ повелъ губами въ знакъ того, что не находитъ ничего возразить.

— Ага!—побѣдоносно воскликнулъ маркизъ: — что я вамъ говорилъ? Я это вѣдь сейчасъ провидѣлъ, даромъ, что у меня въ распоряженіи только одинъ глазъ!—и маркизъ ласковой рукой погладилъ свои сѣдыя баки.

— А вѣдь признайтесь, для такой высоты видъ у меня довольно недуренъ? — замѣтилъ маркизъ, подводя гостя къ огромному окну, изъ котораго виднѣлась площадь Бурбоновъ; у воротъ дворца—миніатюрный часовой съ ружьемъ, а рядомъ—его будка.

— А, вотъ гдѣ живутъ наши „чековые короли“!—саркастически замѣтилъ Кипріанъ.

— Да, да, дверь въ дверь! Дорого дадутъ за мое окно въ тотъ день, какъ загорится бунтъ!.. Однако, что жъ это мы болтаемъ? Ну, въ чемъ же у насъ вопросъ? Да! Въ золотыхъ пріискахъ, конечно?

Кипріанъ отвѣчалъ признаніемъ, что по зрѣломъ размышленіи и подъ условіемъ строжайшей тайны даже отъ брата!...

— Ну, и чудесно! Пожалуйте сюда!—перебилъ его маркизъ и ввелъ Рендаля въ большую комнату, отдѣланную по восточному саблями и ятаганами.—Итакъ, вы тоже хотите принять участіе въ дѣлѣ? Чего же проще? Сейчасъ я напишу Пумсу, и, если не раздумаете, вы завтра же къ тремъ часамъ будете у него въ банкѣ, улица Вивьенъ, 72. Согласны?

Въ то время, какъ онъ писалъ эту записку, его напутствія и наставленія сыпались не переставая:

— Только смотрите! Быть осторожнѣе, не дѣлать глупостей! Минута самая благопріятная, но все-таки необходимо быть настороже; не забывать, что можетъ налетѣть шквалъ, который всегда угрожаетъ спекуляціямъ... Конечно, это будетъ еще не сейчасъ, а все-таки не мѣшаетъ помнить въ видахъ предосторожности. Смотрите, чтобы не зарваться! Приставайте къ Пумсу разъ десять прежде, чѣмъ рѣшиться одинъ разъ отдать приказаніе на биржѣ; а при малѣйшемъ пониженіи—продавайте, продавайте во всю прыть; продавайте, не слушая никого и ничего, какъ глухой. Слышите?

Дядя Кипріанъ разсыпался въ изъявленіяхъ благодарности. А на другой день, въ три часа, благодаря своей карточкѣ, онъ тотчасъ же былъ принятъ вице-директоромъ Пумсомъ; въ глазахъ послѣдняго званіе друга маркиза де-Мёза и брата профессора Рендаля было достаточной рекомендаціей.

— Кстати, я попросилъ бы васъ не говорить брату о моемъ участіи въ биржевой игрѣ: онъ можетъ встревожиться... можетъ подумать, что мною овладѣла страсть къ спекуляціи... ну, и тому подобное...—попросилъ дядя Кипріанъ.

— Будьте спокойны, въ дѣлахъ первое дѣло—сдержанность,—проговорилъ вице-директоръ и перешелъ къ объясненіямъ, что для спекуляцій на биржѣ вовсе нѣтъ необходимости за всѣмъ слѣдить самому; что достаточно имѣть знакомство съ такимъ биржевымъ маклеромъ, какимъ для маркиза и для многихъ другихъ являлся нѣкій Таллуаръ, банковскій агентъ. Этотъ самый Таллуаръ откроетъ г. Рендалю младшему текущій счетъ, и ему придется только писать ордера.

Въ то время какъ Пумсъ говорилъ, Рендаль про себя разсуждалъ, что этотъ маленькій кругленькій человѣчекъ рѣшительно пришелся ему по вкусу. Немыслимо было себѣ представить существо болѣе любезное и услужливое и менѣе похожее на еврея. Дядѣ Кипріану приходилось по неволѣ сознаться, что его большіе каріе глаза, желтоватый цвѣтъ лица и черные усы одинаково могли придавать ему видъ креола или андалузца, видъ турка или зажиточнаго киргиза. Даже его почти незамѣтный нѣмецкій акцентъ казался дядюшкѣ совсѣмъ инымъ, нежели онъ ожидалъ отъ „пруссака“, принявшаго французское подданство.

— Очень вамъ благодаренъ!—сказалъ онъ, когда тотъ кончилъ писать свое распоряженіе Таллуару.—А сколько надо мнѣ будетъ внести? Пяти тысячъ довольно?

— Да сколько вамъ будетъ угодно: хоть двадцать тысячъ или десять су! Жаль только, что вы не пришли недѣли двѣ тому назадъ: на вашу долю пришлось бы тысячи три чистаго барыша...

— Тысячи три!—вздохнулъ печально Кипріанъ.—Ну, да теперь ужъ поздно, и думать не стоитъ! А если ужъ вы такъ считаете, что пяти тысячъ хватитъ, не будете ли такъ добры купить мнѣ акцій (золотопромышленныхъ, конечно) на пять тысячъ?

— Извольте, но какихъ? Ихъ вѣдь цѣлыя сотни.

— Право, не знаю! Вы посовѣтуйте ужъ такъ, какъ посовѣтовали и маркизу.

Пумсъ назвалъ нѣсколько пріисковыхъ акцій, которыя пользовались на биржѣ поддержкой со стороны самого банка и его приверженцевъ. Дядя Кипріанъ, смущенный этимъ перечнемъ, останавливался на тѣхъ, названіе которыхъ красивѣе или оригинальнѣе звучало, какъ-то: „Южно-африканская звѣзда"; „Ручей Карбункуловъ"; „Потокъ алыхъ алмазовъ" и т. п., причемъ Пумсъ любезно переводилъ ему эти названія на французскій языкъ. Затѣмъ, Рендаль всталъ и откланялся, горячо извиняясь, что отнялъ у него столько драгоцѣннаго времени. Банкиръ выразилъ, что—напротивъ; что онъ радъ служить и т. п., и самъ проводилъ посѣтителя до площадки, высказывая надежду увидѣться черезъ недѣлю, т.-е. послѣ разсчета, когда имъ придется опять потолковать.

— Ну, что за милый человѣкъ!—подумалъ Кипріанъ, какъ только дверь захлопнулась за нимъ.

XVII.

Всю слѣдующую недѣлю дядя Кипріанъ провелъ въ пріятной тревогѣ; его акціи все повышались, и онъ со страхомъ и трепетомъ подсчитывалъ свои барыши, которыхъ, по его разсчетамъ, должно было накопиться около двухъ тысячъ. Ему страшно было думать, что онъ можетъ ошибиться, и это портило его счастливое настроеніе. Поэтому, онъ привскочилъ отъ волненія, когда ему 29-го вдругъ подали желтый конвертъ со штемпелемъ Таллуара.

„А что если тамъ, вмѣсто ожидаемыхъ барышей, одни только убытки"?—думалось ему, и онъ дрожащими руками, стоя подъ воротами, распечатывалъ конвертъ.

Внутри лежалъ листокъ, испещренный цифрами, графами, сокращенными словами. Впрочемъ, чаще всего виднѣлись на немъ коммерческіе термины: „debet" и „credit"; а надъ ними красовалось: „Г-нъ Кипріанъ Рендаль. Счетъ открытъ начиная съ 30 апрѣля у биржевого маклера М. Таллуара, ул. Шуазель, 69".

— Гм! Будемъ хладнокровны, посмотримъ, выигралъ или проигралъ?—бормоталъ онъ, пробѣгая листокъ глазами. Наконецъ, въ уголкѣ онъ замѣтилъ подъ словомъ: „credit" цифру 2.700 франковъ.

— Двѣ тысячи семьсотъ барыша! Двѣ тысячи семьсотъ!.. Нѣтъ, это вѣрно ошибка!—и сердце у него стучало, рвалось во всѣ стороны.—Да нѣтъ! Я не ошибся, вотъ стоитъ: credit и 2.700 франковъ. Значитъ, я выигралъ, несомнѣнно!—Но вдругъ

онъ вспомнилъ наставленіе маркиза: „хоть десять разъ приставайте къ Пумсу“... и бросился прямо къ нему, въ банкъ.

— Ну, что? Кажется, намъ нельзя пожаловаться?—вскричалъ тотъ, завидя Рендаля.—Если я вѣрно разсчиталъ, вы въ выигрышѣ около полутора тысячъ?

Дядя Кипріанъ молча протянулъ ему свой листъ.

— Извольте взглянуть!

— Гм, чортъ возьми! Двѣ тысячи семьсотъ чистаго барыша! Для начинающаго вы идете блестяще. Поздравляю! И само собой разумѣется, вы сохраняете свою позицію за собой?

— Простите?.. — недоумѣвающе переспросилъ Рендаль младшій.

— Вы оставляете, конечно, свой барышъ на тѣхъ же акціяхъ?

Дядя Кипріанъ подумалъ немного и смиренно спросилъ:

— А нельзя мнѣ хоть сколько-нибудь взять оттуда?

— О, сколько угодно! Эти деньги—полная ваша собственность; вы ихъ господинъ и повелитель. Не стѣсняйтесь!

— Такъ я возьму... семьсотъ франковъ,—рѣшительно произнесъ дядя Кипріанъ.—Это округлитъ цифру, не правда ли?—и менѣе рѣшительно прибавилъ.—Здѣсь же и можно получить?

— Гм!—возразилъ Пумсъ.—Это не принято... но для васъ, какъ для пріятеля... Вотъ подпишите мнѣ довѣренность получить за васъ у Таллуара, и вамъ сейчасъ же отсчитаютъ изъ нашей кассы... А операціи свои вы довѣряете мнѣ по прежнему вести?

— Вы шутите, директоръ? Да вы должны говорить не о довѣріи моемъ, а единственно о моей благодарности! Я твердо увѣренъ, что вы все устроите къ лучшему. До скораго свиданія!

Выйдя на улицу, дядя Кипріанъ на каждомъ шагу принимался ощупывать свой внутренній карманъ, который оттопыривался подъ напоромъ цѣлыхъ семисотъ франковъ. Въ головѣ у него мелькали планы, полныя стремленій къ расточительности. Повинуясь имъ, онъ зашелъ въ ближайшій табачный магазинъ и потребовалъ дорогихъ сигаръ. Нюхая и пощупывая ихъ по серединкѣ, какъ знатокъ, онъ долго выбиралъ и, наконецъ, остановилъ свой выборъ на ящикѣ сигаръ по франку штука и на придачу два пакетика американскихъ папиросъ. Въ двухъ шагахъ оттуда, онъ замѣтилъ спеціальный магазинъ трубокъ, которыя красовались на выставкѣ, однѣ стоймя, другія—лежа, третьи—наискосъ, въ мягкихъ нарядныхъ футлярахъ. Дядя Кипріанъ разглядывалъ ихъ, покачивая головою и думая, что онѣ пристали лишь княжескимъ устамъ. Какъ вдругъ у него мелькнула мысль: не купить ли такую трубку своему старому другу Шлейфману,

котораго онъ искренно любилъ, не взирая на его споры. Онъ зашелъ въ магазинъ и такъ долго, такъ тщательно выбиралъ, что на часахъ пивной Клапрота было уже безъ четверти часъ, когда онъ до нея добрался.

— Вотъ вамъ подарочекъ, Шлейфманъ,—началъ онъ, садясь рядомъ съ галичаниномъ.—Возьмите-ка, откройте, это ваше!

Шлейфманъ, не спѣша, развязалъ пакетъ.

— Трубка!—воскликнулъ онъ, ворочая въ рукахъ футляръ.

— Да, и пренарядная! Плодъ моихъ сбереженій на папиросахъ за цѣлые полгода.

Трубка изображала сирену, хвостъ которой обвивалъ чубукъ до самаго янтаря; головка ея, въ которой было отверстіе, служила для огня.

— Восхитительная! *Колоссальная*!—повторялъ Шлейфманъ, употребляя въ видѣ похвалы высшее изъ германскихъ выраженій.

— Чудесно! Курится легко, такъ что ребенку, кажется, было бы впору! Какъ вы любезны, милый мой Кипріанъ!

Онъ ухватился за футляръ и, разглядывая его отдѣлку внутри и снаружи, вдругъ ударилъ кулакомъ по столу:

— Рендаль! Посмотрите-ка на меня!

— Весьма охотно!—отозвался отставной чиновникъ, искоса вскидывая глазами на пріятеля.

— Вы, другъ мой, играете на биржѣ?

— Я?—будто возмущаясь, переспросилъ Кипріанъ.

— Ну, да, вы! Вы играете на акціяхъ,—поберегитесь! За эту забаву вы можете поплатиться дороже, нежели вы думаете,— и онъ положилъ трубку на столъ рядомъ съ футляромъ.

— Какъ вы мнѣ надоѣли, Шлейфманъ!—заворчалъ Кипріанъ. —Вы меня огорчаете тѣмъ, что знать не хотите моего вниманія. А я-то старался, выбиралъ ее, какъ для самого себя!.. А мнѣ въ награду приходится только пожинать предреканія всякихъ золъ! Ну, да! Ну, я игралъ на биржѣ и выигралъ семьсотъ франковъ. Только это ужъ кончено дѣло, больше не буду! Ну, довольны вы, что-ли, зловѣщій воронъ?

— Не будете?—поддразнилъ его Шлейфманъ. — Ни слова вамъ не вѣрю! *Не будете*,—послѣ такихъ-то крупныхъ барышей? Вы, кажется, за дурака меня считаете, Рендаль?

— Ну, хорошо, не вѣрьте! Я не могу заставить васъ повѣрить. Такъ и условимся: значитъ, я играю на биржѣ; играю до того, что духъ захватываетъ отъ страха!.. Такъ вы мнѣ возвращаете эту трубку?

Шлейфманъ съ невольнымъ сожалѣніемъ поглядывалъ на сирену, покоившуюся на боку.

— Мнѣ не хотѣлось бы обидѣть васъ, мой другъ; только мнѣ кажется, что я не долженъ бы принимать отъ васъ этой трубки...

— Полно вамъ церемониться! Берите ее скорѣй обратно!— ласково уговаривалъ его Кипріанъ:—вѣдь я поклялся вамъ, что больше не играю!

— И слава Богу, если вы только говорите правду,—пробормоталъ тотъ, зажигая трубку, и принялся курить, повторяя: —Чудесно! Колоссально!

— Кстати,—началъ опять дядя Кипріанъ.—Вы понимаете, что по этому поводу я долженъ отплатить маркизу какой-нибудь любезностью? Вамъ было бы очень непріятно, напримѣръ, позавтракать съ нимъ въ ресторанѣ?

— Между нами будь сказано, я не очень къ этому стремлюсь.

— Что такъ?.. А! понимаю! Враждебность маркиза къ евреямъ? Но будьте спокойны, я ужъ достаточно предупредилъ его, что вы еврей, но изъ числа *хорошихъ*.

— Да не употребляйте же вы этого выраженія!—нервно остановилъ его Шлейфманъ.—Кажется, я уже вамъ объяснилъ, что нѣтъ *дурныхъ* евреевъ; можно еще, пожалуй, допустить, что есть *выродившіеся* евреи.

— Но если бы вы знали,—продолжалъ дядя Кипріанъ:— сколько хорошаго онъ мнѣ наговорилъ про нѣкоторыхъ изъ вашихъ единовѣрцевъ!

— Одно изъ двухъ: или онъ смѣялся надъ вами, или онъ не искренній католикъ.

— Онъ-то? Да онъ обожаетъ патеровъ!

— Онъ можетъ ихъ обожать, конечно; но, въ качествѣ ревностнаго католика, онъ ни въ какомъ случаѣ не *можетъ* любить евреевъ; католичество вѣдь единственная и всемірная вѣра! Пока на свѣтѣ будетъ еще хоть одинъ еретикъ, гоненія на нихъ не прекратятся. И, наконецъ, это даже вполнѣ естественно; всякая вѣра поддерживается лишь фанатизмомъ и падаетъ, благодаря вѣротерпимости.

— Значитъ, вы одобряете варѳоломеевскую ночь, инквизицію и драгонады?—вскричалъ Рендаль младшій, задѣтый грубостью этихъ афоризмовъ.

— А равно и терроръ!—докончилъ самъ Шлейфманъ.— Или, вѣрнѣе, я не одобряю, а только могу себѣ объяснить. Это мѣры, полезныя для цѣлей ихъ партіи. Нельзя уничтожить на-

родныя вѣрованія съ помощью однихъ только разсужденій; вѣра рождается и развивается въ крови и можетъ процвѣтать лишь подъ страхомъ гоненія.

— Слѣдовательно, еслибъ опять возникла революція, вы просто-нà-просто снесли бы мнѣ голову?

— Какъ знать? Пожалуй, если бы вы черезчуръ разбогатѣли!— съ насмѣшливой полуулыбкой замѣтилъ Шлейфманъ.

Хоть не особенно пріятна была эта шутка его собесѣднику, тотъ все-таки сдѣлалъ видъ, что она его забавляетъ.

— Ну хорошо ужъ, хорошо! А пока вы еще не снесли мнѣ головы, вы должны заплатить мнѣ за нее... Такъ-то, старина! Да или нѣтъ: согласны на завтракъ съ маркизомъ!.. Разъ, два, три...

— Ну, пожалуй, согласенъ, — проговорилъ Шлейфманъ, — только черезъ годъ, или, скажемъ точнѣе: на другой день послѣ краха вашихъ пріисковъ. О, въ этотъ день я буду радъ побесѣдовать съ вашимъ пріятелемъ-маркизомъ о евреяхъ и вѣротерпимости!

— Съ вами нѣтъ возможности говорить серьезно ни минуты!—замѣтилъ Кипріанъ.—Тѣмъ хуже для васъ! Вы отказываетесь: и безъ васъ обойдется!

Ничего не возражая, Шлейфманъ старательно принялся набивать пустой черепъ своей сирены.

— А вашъ братъ?—вдругъ спросилъ онъ:—Что онъ думаетъ обо всемъ объ этомъ?

— Мой братъ? Лучше не поминайте про него! Не знаю, что съ нимъ самимъ творится вотъ уже двѣ недѣли. Если бы мнѣ сейчасъ сказали, что ему такъ сильно досаждаетъ отъѣздъ г-жи Рâмъ-Бâнъ, я бы не удивился! Къ нему просто невозможно подступиться... О пріискахъ ему, конечно, ни гу-гу!—прибавилъ онъ конфиденціально.—Тогда нотацій и воркотни не оберешься.

Шлейфманъ пообѣщалъ сохранить тайну, а дядя Кипріанъ, воздѣвъ руки горѣ, воскликнулъ:

— Мой братъ? Э, да онъ теперь такая дрянь!..

XVIII.

Противъ обыкновенія, мнѣніе дяди Кипріана не было преувеличеннымъ. Съ того дня, когда братъ его потерпѣлъ неудачу въ своемъ посѣщеніи улицы Прони, его настроеніе, дѣйствительно, сильно измѣнилось. Ему больнѣе было такое невниманіе его хорошенькой пріятельницы, чѣмъ онъ даже самъ могъ себѣ

представить. Напоминалъ ли ему видъ Кипріана совмѣстно испытанную неудачу, или онъ просто опасался его разспросовъ, только при каждомъ свиданіи профессоръ все какъ-то холоднѣе принималъ брата.

Всѣ его мысли были теперь заняты попытками додуматься: что за причины могли вызвать такой внезапный отъѣздъ г-жи Шамбанъ,—семейныя непріятности, или что другое; онъ стремился разобраться въ невольно возникающемъ вопросѣ: почему все это такъ больно отозвалось на немъ самомъ, профессорѣ Рендалѣ?

Дружески нѣжное чувство, которое онъ питалъ къ молодой женщинѣ, не допускало его предположить, чтобы у нея была съ кѣмъ-нибудь любовная интрига; и, наконецъ, даже самый молодой и красивый изъ ея завсегдатаевъ, Жеральдъ де-Мёзъ, человѣкъ вялый, разочарованный, вовсе не казался способнымъ воспламенить сердце такой подвижной и наивной женщины, какою была въ глазахъ Рендаля г-жа Шамбанъ... А все-таки грустно становилось профессору при мысли, какъ мало онъ значилъ для нея; какъ мало она цѣнила и понимала его чувство, если могла такъ скоро о немъ позабыть! Онъ подробно разбиралъ всѣ свои обиды на г-жу Шамбанъ; старался убѣдить себя, что ее стоитъ только презирать... Но тщетно! Онъ могъ только сожалѣть о происшедшемъ.

Единственно, что давало ему возможность забыться, такъ это работа и забота о его новомъ ученомъ трудѣ. Онъ говорилъ Терезѣ:

— Это будетъ такого рода трудъ, котораго пожалуй ждетъ такой же успѣхъ, какъ и предъидущій. Теперь я пока ничего больше тебѣ не скажу... Надо, чтобъ онъ хорошенько созрѣлъ...

Эта книга должна была называться: „Праздные люди въ древнемъ Египтѣ“, и представлять собою скорѣе картинки нравовъ, вмѣстѣ съ историческими данными, нежели сухой и строго-научный трудъ. Профессоръ хотѣлъ поставить на видъ въ своемъ новомъ сочиненіи, что главнымъ общественнымъ двигателемъ является погоня за наслажденіями вообще и за любовными приключеніями въ особенности. Къ женщинѣ и къ побѣдѣ надъ нею клонятся всѣ усилія рода человѣческаго; имъ обязаны своимъ происхожденіемъ и своимъ постояннымъ процвѣтаніемъ усовершенствованія и искусства; для нихъ заготовляются на фабрикахъ и заводахъ драгоцѣннѣйшія украшенія и дорогія шолковыя матеріи; для нихъ слагаются и раздаются пѣсни...

Размышляя надъ развитіемъ этой мысли, Рендаль нерѣдко

доходилъ до мигрени или до лихорадки. Факты, по его зову, спѣшили ему на подмогу и выстроивались въ стройные ряды, какъ послушные солдатики. Одна глава была уже почти готова, а именно:—глава VI, подъ названіемъ: „Любовь и любовныя отношенія въ древнемъ Египтѣ", составленная по легендамъ, по древне-египетскимъ украшеніямъ и орнаментамъ и по народнымъ сказаніямъ. Впрочемъ, и у него бывали дни мучительныхъ сомнѣній: а что, если за это опять будутъ преслѣдовать, упрекая въ желаніи парочно останавливаться на нецензурныхъ подробностяхъ историческихъ событій? Наконецъ, имѣетъ ли онъ за собою достаточно опытности для того, чтобы углубляться въ разборъ трудной загадки человѣческаго чувства? Первые два вопроса Рендаль устранялъ съ презрѣніемъ къ завистникамъ; но зато третій принимался обсуждать даже съ Берцелемъ.

— Нѣтъ, вы развѣ серьезно думаете, что надо самому быть—хоть въ прошломъ—вѣтрогономъ для того, чтобы оцѣнить такіе изгибы чувства? Словомъ,—думаете ли вы, что необходимо самому быть въ прошломъ и даже въ настоящемъ спеціалистомъ въ любви и дѣятельнымъ ея поклонникомъ? — говорилъ Рендаль своему молодому коллегѣ.

— Гм, профессоръ! Это сложный вопросъ, о которомъ я, признаюсь, не думалъ.

— Развѣ вы не находите, что есть масса такихъ чувствъ, которыя тѣмъ лучше можно оцѣнить, чѣмъ меньше испыталъ ихъ на себѣ.

— Безспорно!—согласился молодой ученый.

— И, замѣтьте: въ такихъ случаяхъ сохраняешь свѣжесть впечатлѣній, ясность сужденія, которой нѣтъ цѣны при ученомъ разборѣ. Тогда смотришь на вопросъ здраво, безпристрастно, не ослѣпленный личными ощущеніями или воспоминаніями.

— Несомнѣнно, профессоръ! Только не кажется ли вамъ, что, благодаря этому, можетъ получиться нѣкоторая излишняя холодность въ передачѣ?

— Нисколько! Главное—искренно любить тотъ предметъ, о которомъ говоришь; главное—любить любовь, если рѣчь идетъ о любви; горячность сочувствія согрѣваетъ все! Наши труды—все равно, что наши дѣти: неудачными и холодными оказываются лишь тѣ изъ нихъ, которыхъ мы не любили, развивая ихъ...

И онъ медленно возвращался къ себѣ въ кабинетъ въ то время, какъ Берцель обмѣнивался улыбкою съ Терезой, изъ разговоровъ съ которой, по нѣкоторымъ намекамъ, онъ могъ догадаться о свѣтскихъ приключеніяхъ Рендаля.

Между тѣмъ, въ четвертое воскресенье по отъѣздѣ Зозѐ, профессоръ не явился въ гостиную и лишь поздно вернулся домой, разстроенный неудачнымъ посѣщеніемъ улицы Прони, гдѣ онъ не могъ дозвониться и вдобавокъ нашелъ даже ставни на запорѣ. Онъ ходилъ туда подъ предлогомъ визита къ директору „Коллегіи“. Берцель еще болталъ съ Терезой; мать ея тутъ же читала какую-то душеспасительную книгу. Профессоръ старался казаться веселымъ; но его значительно оживили разспросы Берцеля, который ловко навелъ разговоръ на значеніе любви въ общественномъ отношеніи.

Рендаль попался на эту удочку, и уже смерклось, а онъ все еще продолжалъ разглагольствовать.

— Вы вѣдь обѣдаете у насъ? — спросилъ онъ Берцеля и отпустилъ его домой лишь въ одиннадцать часовъ вечера, совсѣмъ усталаго.

На утро онъ всталъ поздно, въ половинѣ девятаго, когда вдругъ къ нему вбѣжала Бригитта съ депешею въ рукѣ.

— Скорѣй пенснэ, Бригитта! Подайтѐ мнѣ мое пенснэ!— приказалъ онъ, волнуясь.

Вотъ что̀ стояло въ депешѣ:

„Воскресенье, веч.

„Дорогой учитель!

„Вотъ я вернулась! И, конечно, тороплюсь повидаться съ вами. Что̀, если бы намъ воспользоваться случаемъ, пока мои поставщики и мои друзья еще оставляютъ меня въ покоѣ, и, наконецъ, осуществить нашу знаменитую поѣздку въ галереи Лувра? Если никакой отмѣны не произойдетъ, то завтра въ половинѣ десятаго утра будьте на площади Карусели передъ павильономъ Сюлли. Какъ это прелестно будетъ свидѣться опять!“ Ваша ученица—З. Шамбанъ“.

Рендаль инстинктивно заглянулъ на часы, которые уже показывали девять, и бросился къ дверямъ:

— Бригитта! Бригитта!—кричалъ онъ:—Скорѣй новый сюртукъ... и лакированные башмаки!.. Шляпу!.. Да поскорѣй же!..

— Что̀ съ тобой, отецъ? — спросила Тереза, прибѣжавшая на шумъ.

Отецъ не радъ былъ, что кричалъ такъ громко. Приходилось говорить всю правду.

— Ну, опять эта г-жа Шамбанъ! — признался онъ, почесывая себѣ бороду.—Назначаетъ мнѣ rendez-vous въ Луврѣ въ половинѣ десятаго... Какъ видишь, нужно торопиться!.. Чего же ты смѣешься?—прибавилъ онъ, замѣтивъ, что Тереза улыбнулась.

— Да нѣтъ, я не смѣюсь!—возразила она уже серьезно.

— Нѣтъ, ты смѣешься. Говори, чего?

— Ты хочешь непремѣнно знать? Изволь: по понедѣльникамъ музей закрытъ.

— Ахъ, да! я и не сообразилъ! Ну, все равно. Смотри: въ запискѣ совершенно ясно: „завтра въ половинѣ десятаго".

— Не надо, отецъ! — гордо возразила Тереза, отстраняя записку.—Ты правъ: надо торопиться...

— Ну хорошо ужъ, хорошо! Все-таки благодарю тебя...

Очнулся онъ только на улицѣ, передъ главнымъ входомъ, надъ которымъ большіе часы пробили ровно половину. Профессоръ вздохнулъ съ облегченіемъ: слава Богу, не опоздалъ!

Онъ принялся неспѣшно прохаживаться взадъ и впередъ подъ сводами крыльца, наслаждаясь утреннимъ весеннимъ воздухомъ и уставясь на свои свѣтлыя шведскія перчатки. Поднявъ глаза, онъ замѣтилъ двухъ молодыхъ служащихъ въ министерствѣ, которые съ улыбкой слѣдили за нимъ.

Ну, что же тутъ такого? Ну да! Ну, онъ поджидаетъ даму... да еще—какую!! какой и свѣтъ еще не производилъ...

Слѣва къ крыльцу ужъ подъѣзжалъ открытый экипажъ, а въ немъ г-жа Шамбанъ въ темно-синемъ платьѣ; только въ отверстіе короткой жакетки виднѣлся кусочекъ шолковой двухцвѣтной блузы. Профессоръ едва подоспѣлъ помочь ей выйти изъ экипажа. Она оперлась своей хорошенькой ручкой на его руку и въ знакъ привѣта или благодарности мило, безхитростно засмѣялась.

— Что? Не очень на меня сердиты?

— О, нѣтъ, конечно!—смущенно лепеталъ онъ.—Я прежде всего счастливъ, что опять васъ вижу!.. А вашъ супругъ здоровъ?

— Благодарю васъ,—совершенно. Только вчера вернулся. Кстати, онъ поручилъ мнѣ просить васъ къ намъ въ ложу, въ оперу; сегодня даютъ: „Самсона и Далилу"! Будьте непремѣнно,—да? Конечно, будете: я такъ хочу!

Зозѣ оглядывала все вокругъ и, указывая на крыльцо, спросила:

— Это—здѣсь?

— Увы! Къ сожалѣнію, сегодня туда намъ не попасть,—возразилъ профессоръ и объяснилъ причину.

— Какая досада! — замѣтила Зозѣ, надувши губки.—Какъ разъ тогда, когда я единственный разъ свободна... Ну, куда-жъ мы пойдемъ?

— Куда вамъ угодно!.. А не зайти ли намъ вотъ въ этотъ хорошенькій садикъ?

И въ самомъ дѣлѣ, тамъ, въ этой миніатюрѣ настоящаго сада, было прелестно. Вокругъ маленькой лужайки стояли скамейки; передъ фронтономъ большого зданія тянулся рядъ уединенныхъ статуй, которыя своимъ бѣлымъ одѣяніемъ походили одна на другую и одинаково-безжизненнымъ взоромъ смотрѣли на тихій сквэръ.

— Подумаешь, и вы, милый профессоръ, будете тоже со временемъ вотъ такъ стоять на пьедесталѣ! — замѣтила Зозѐ, указывая зонтикомъ на статуи фронтона.

— Ну, это еще далеко не вѣрно... — скромно возразилъ Рендаль.

— А я... гдѣ буду я тогда?—грустно продолжала Зозѐ!

— Какія нехорошія мысли!—остановилъ ее профессоръ.— Ихъ навѣяло на васъ пребываніе въ деревнѣ?

Но Зозѐ призналась, что даже очень веселилась въ деревнѣ; что въ сущности, въ концѣ концовъ, страшно надоѣдаютъ всѣ эти городскіе выѣзды, и сплетни, и визиты, и портнихи, и вся эта свѣтская сутолока! То ли дѣло — деревенская привольная природа; тутъ же по сосѣдству два-три близкихъ друга, вотъ, какъ, напримѣръ, профессоръ...

— И если я вернулась...—продолжала она.

— Простите пожалуйста, но, прежде всего, — почему вы уѣхали? Можетъ быть, это съ моей стороны нескромно напоминать вамъ про ваше обѣщаніе...

— Нисколько... нѣтъ...—и, углубляя ожесточенно кончикъ зонтика своего въ песокъ, она прибавила:—Я уѣхала, потому что у меня... у меня было горе: мнѣ... подруга измѣнила!

— О, какъ мнѣ васъ жаль!

Зозѐ подняла къ небу глаза, подернутые грустью и слезами. Печаль преображала ее и дѣлала еще милѣе, придавая ей видъ какой-то особой святости.

— Мой бѣдный другъ!.. Вы мнѣ позволите такъ васъ называть? Не буду больше васъ разспрашивать о вашемъ отъѣздѣ; попрошу только впредь, когда бы у васъ ни случилось какое-либо горе, дѣлиться имъ со мною; а я ужъ приложу всяческія старанія къ тому, чтобы васъ нѣсколько развлечь... Я къ вамъ такъ глубоко привязанъ!

— Благодарю... благодарю!—говорила Зозе, нѣсколько удивленная настоятельнымъ тономъ его словъ.—Какъ вы добры, мой дорогой учитель!

Она повернулась къ нему въ полуоборотъ и пристально смотрѣла на него своимъ умильнымъ и лукаво-кокетливымъ взоромъ.

Рендалю показалось, что его голова въ огнѣ: онъ съ боязливою грубостью схватилъ ручку Зозе и поцѣловалъ; такъ высказалъ онъ ей свое признаніе, которое не смѣлъ выразить въ словахъ.

— Ахъ, берегитесь!—воскликнула Зозѐ, отодвигаясь.

— Чего беречься?—неловко возразилъ профессоръ, чувствуя холодный потъ на лбу и пытаясь шутить, чтобы хоть сколько-нибудь скрыть свое смущеніе.

Лицо ея не было ни гнѣвно, ни особенно строго; на немъ скорѣе отражалась тревога за нарушенную сдержанность и скромность. Что она можетъ сдѣлать? Будетъ негодовать, проститъ или отвѣтитъ улыбкой?

Но Зозѐ встала и спокойнымъ голосомъ, въ которомъ чуть дрожалъ намекъ на иронію, проговорила:

— Милый профессоръ, до свиданія! Мнѣ пора. Вы меня проводите до экипажа?

— Съ удовольствіемъ!—отвѣтилъ Рендаль, слегка пожимая ей руку; и Зозѐ первая вышла изъ узенькой калитки большихъ рѣшетчатыхъ воротъ. Рендаль шелъ за нею, машинально подергивая на рукѣ свои перчатки.

Очутившись въ каретѣ, Зозѐ снова приняла свой обычный видъ; въ глазахъ ея была и обычная смѣлость, и нѣжность.

— До свиданія же вечеромъ сегодня! —крикнула она ему.— Не забудьте же: ложа № 40!..

Переѣхавъ площадь, Зозе уже не въ состояніи была дольше сдерживать порывъ своей веселости: она до того громко и весело разсмѣялась, что уличный мальчишка, заглянувшій на бѣгу въ карету, передразнилъ ее и крикнулъ во все горло:

— Господи! Что съ нею?!...

А. Б—г—

НАШЪ ДЕНЕЖНЫЙ ВОПРОСЪ

I.

Денежная реформа не прошла еще обычныхъ стадій законодательнаго обсужденія; она проводится въ жизнь по частямъ, отдѣльными указами и распоряженіями, причемъ постепенно подвергается значительнымъ видоизмѣненіямъ на практикѣ.

Составители первоначальнаго проекта имѣли въ виду ввести у насъ металлическое денежное обращеніе на началахъ исключительно золотой валюты; они приняли новую монетную единицу—золотую, цѣною въ десять рублей кредитными, опредѣлили въ 500 милліоновъ рублей максимальное количество бумажныхъ денегъ, не покрытыхъ металломъ, и допускали дальнѣйшіе выпуски кредитныхъ билетовъ только для коммерческихъ операцій государственнаго банка, безъ всякаго отношенія къ надобностямъ казначейства, причемъ излишекъ билетовъ сверхъ милліарда рублей долженъ былъ обезпечиваться золотою наличностью рубль за рубль. Серебряному рублю присвоено было значеніе второстепенной, вспомогательной монеты; онъ не признанъ равноправнымъ съ своимъ легальнымъ замѣстителемъ—кредитнымъ рублемъ, а поставленъ ниже его, какъ терпимый лишь въ извѣстной мѣрѣ суррогатъ настоящихъ денегъ, бумажныхъ и золотыхъ. Позднѣе мысль о новой золотой десятирублевой монетѣ была, повидимому, оставлена; старые имперіалы и полуимперіалы появились въ новомъ изданіи въ видѣ монетъ въ 15 и 7 р. 50 коп., соотвѣтственно установившемуся отношенію между цѣнностью золота и курсомъ кредитныхъ билетовъ. Курсъ бумажнаго рубля фиксированъ на уровнѣ $66^2/_3$ коп. золотомъ, т.-е. одинъ рубль золотомъ оцѣненъ въ полтора рубля кредитныхъ, и на этихъ основаніяхъ объявленъ свободный размѣнъ бумажекъ

на золото. Наконецъ, недавно опубликованнымъ указомъ 29 августа внесены важныя измѣненія въ правила о размѣнномъ фондѣ и о выпускахъ кредитныхъ билетовъ. „Государственные кредитные билеты,—сказано въ этомъ указѣ,—выпускаются государственнымъ банкомъ въ размѣрѣ, строго ограниченномъ настоятельными потребностями денежнаго обращенія, подъ обезпеченіе золотомъ; сумма золота, обезпечивающаго билеты, должна быть не менѣе половины общей суммы выпущенныхъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ, когда послѣдняя не превышаетъ 600 милліоновъ рублей. Кредитные билеты, находящіеся въ обращеніи свыше 600 милл. рублей, должны быть обезпечены золотомъ *по крайней мѣрѣ* рубль за рубль, такъ чтобы каждымъ 15 рублямъ въ кредитныхъ билетахъ соотвѣтствовало обезпеченіе золотомъ на сумму *не менѣе* одного имперіала". Такимъ образомъ, дальнѣйшіе выпуски бумажныхъ денегъ производятся уже не для коммерческихъ операцій государственнаго банка, какъ предполагалось первоначально, а для удовлетворенія настоятельныхъ потребностей денежнаго оборота; вмѣстѣ съ тѣмъ норма обязательнаго металличевкаго покрытія сильно повышается, и количество кредитныхъ билетовъ, не обезпеченныхъ золотомъ, уменьшено до 300 милліоновъ рублей. Весь размѣнный фондъ перечисленъ съ нарицательной цѣны на дѣйствительную, чѣмъ устранена несообразность прежняго счета, искусственно понижавшаго цѣнность золотого запаса въ полтора раза. По новому счету числится теперь въ размѣнномъ фондѣ 862 1/2 милліона рублей золотомъ (575 милл. по нарицательной цѣнѣ).

Такъ какъ съ узаконеніемъ постояннаго и свободнаго размѣна достигнуто формальное равенство между бумажными деньгами и соотвѣтствующими имъ по цѣнѣ золотыми монетами, то финансовое вѣдомство сочло себя въ правѣ не дѣлать уже различія между суммами казначейства въ золотой валютѣ и въ кредитной; оно присоединяетъ къ размѣнному фонду всѣ вообще запасы золота, принадлежащіе казнѣ и государственному банку, перечисливъ эти суммы на кредитные билеты, вслѣдствіе чего общая цифра металлической наличности выросла сразу до 1.131.700.000 рублей. Въ этомъ смыслѣ измѣнена и форма баланса государственнаго банка. „До настоящаго времени—говоритъ „Вѣстникъ Финансовъ",—этотъ балансъ состоялъ изъ двухъ частей: счета размѣннаго фонда кредитныхъ билетовъ и счета коммерческихъ операцій банка. Съ изданіемъ упомянутыхъ указовъ (3 января и 29 августа), обѣ части баланса сливаются, причемъ кредитные билеты, выпущенные въ обращеніе (въ об-

щей суммѣ 1.068.778.167 р.), остаются въ пассивѣ баланса, а размѣнный фондъ и безпроцентный долгъ государственнаго казначейства за кредитные билеты—въ его активѣ". Въ банкѣ находилось на текущемъ счету казенное золото въ количествѣ болѣе 75 милл. руб. нарицательныхъ; съ переводомъ этихъ денегъ на кредитную валюту получается сумма въ 112.600.000 р., которая и отнесена къ текущему счету государственнаго казначейства въ кредитныхъ билетахъ, а золото остается въ активѣ банка. Самому банку принадлежало (къ 8 сентября) свыше 81 милліона рублей золотомъ, по новому счету; кромѣ того, на монетномъ дворѣ имѣлось казеннаго золота, переданнаго для перечеканки, 16.400.000 р. нарицательныхъ, или 24.600.000 р. Въ отчетѣ государственнаго банка, отъ 8 сентября, эти отдѣльныя цифры исчезаютъ, и положеніе дѣлъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: золота въ россійской монетѣ прежняго чекана, въ иностранной монетѣ, въ слиткахъ и ассигновкахъ горныхъ правленій числится болѣе милліарда (1.027.187.557 р.); имперіаловъ и полуимперіаловъ новаго чекана (въ 15 и 7 р. 50 к.) —около 104½ милл. р.; всего—1.131.677.370 р. Въ обращеніи находится кредитныхъ билетовъ на 1.068.778.167 р. Слѣдовательно, золотая наличность, имѣющаяся въ кассахъ банка, превышаетъ всю сумму бумажныхъ денегъ почти на 63 милліона рублей, такъ что „безпроцентный долгъ казначейства государственному банку" за кредитные билеты долженъ былъ бы считаться вполнѣ погашеннымъ. Тѣмъ не менѣе въ томъ же отчетѣ показанъ безпроцентный долгъ за кредитные билеты въ суммѣ 206.278.167 р., т.-е. оставлена цифра, имѣющая смыслъ лишь при существованіи спеціальнаго размѣннаго фонда въ 862½ милл. рублей; самый фондъ не выдѣленъ особо, а слитъ съ общей массой казеннаго и банковскаго золота, тогда какъ счетъ по кредитнымъ билетамъ сохраненъ прежній. Это, конечно, ошибка, которая нуждается въ исправленіи. Далѣе, мы находимъ въ отчетѣ довольно значительную сумму полноцѣннаго серебра — 27.823.877 р.; но эти серебряные рубли не присоединены къ металлической наличности банка, хотя они уже оффиціально уравнены въ цѣнѣ съ кредитными билетами и золотыми монетами новаго чекана. Полноцѣнное серебро, выпущенное въ обращеніе и остающееся въ кассахъ банка, не причислено—и не можетъ быть причислено—ни къ кредитнымъ деньгамъ, ни къ размѣнной монетѣ; оно продолжаетъ занимать какое-то совершенно неопредѣленное мѣсто въ нашей денежной системѣ, фактически исполняя функціи полноцѣнныхъ металлическихъ денегъ.

Если обратиться къ вопросу, насколько обезпеченъ свободный размѣнъ бумажныхъ денегъ на золото при настоящихъ обстоятельствахъ, то отвѣтъ получится, повидимому, безусловно благопріятный. Несмотря на повышеніе обязательной нормы золотого покрытія на 200 милліоновъ, государственный банкъ можетъ выпустить еще кредитныхъ билетовъ на сумму до 362.899.203 рублей безъ увеличенія своего металлическаго запаса: свыше 62 милл. въ дополненіе къ обезпеченному металломъ количеству бумажекъ, и 300 милліоновъ безъ обезпеченія золотомъ, согласно указу 29-го августа. Банкъ могъ бы также пустить въ обращеніе часть своего золота, въ указанномъ размѣрѣ, безъ обмѣна на кредитные билеты. Казалось бы, что въ томъ и другомъ случаѣ собранный нынѣ металлическій фондъ болѣе чѣмъ достаточенъ для поддержанія постояннаго размѣна. Однако, такое заключеніе было бы крайне обманчиво, пока существующія бумажныя деньги во всей своей массѣ сохраняютъ роль обязательныхъ орудій платежа, наравнѣ съ металломъ. Предположимъ, что государственный банкъ не воспользуется своимъ правомъ увеличить общую сумму обращающихся денегъ и будетъ выдавать свое золото только въ обмѣнъ на кредитные билеты. Какую же долю своего золота можетъ онъ тогда пустить въ обращеніе? Очевидно, только на 362 милліона рублей,—ибо дальнѣйшая выдача золота уже нарушала бы установленное закономъ равновѣсіе между количествомъ бумажныхъ денегъ и существующею въ банкѣ металлическою наличностью. Золотой фондъ представлялъ бы еще огромную цифру—769 милліоновъ рублей, а размѣнъ пришлось бы пріостановить. Поступившіе въ кассы банка кредитные билеты, въ обмѣнъ на золото, не могли бы считаться вышедшими изъ обращенія; они фигурировали бы въ активѣ банка, въ числѣ его текущихъ денежныхъ средствъ, и свободно выдавались бы обратно, такъ какъ законъ ограничиваетъ лишь новые выпуски, а не расходованіе существующихъ уже кредитныхъ билетовъ. Слѣдовательно, всякій выпускъ золота изъ кассы банка равносиленъ увеличенію общей суммы денегъ въ странѣ, въ ущербъ металлическому фонду; всякая выдача металла, умаляя запасы его въ банкѣ при сохраненіи той же нормы бумажно-денежнаго обращенія, ухудшаетъ шансы прочности размѣна. Если же государственный банкъ выпуститъ еще добавочное количество кредитныхъ билетовъ, чтобы довести его до крайней нормы, указанной въ новомъ законѣ, то никакой доли накопленнаго золота нельзя уже будетъ пустить въ публику, и самый размѣнъ сдѣлается невозможнымъ: при 1.430 милліонахъ

бумажныхъ денегъ весь металлическій фондъ въ нынѣшнемъ его размѣрѣ долженъ будетъ оставаться неприкосновеннымъ, въ качествѣ обязательнаго законнаго обезпеченія ихъ цѣнности. Размѣнъ могъ бы производиться только въ разсчетѣ на обратное поступленіе въ банкъ всего выдаваемаго имъ золота, т.-е. въ разсчетѣ на то, что золото вовсе не удержится въ обращеніи и будетъ непрерывно приходить опять къ своему источнику, оставляя въ странѣ тѣ же прежнія бумажки. Правильный размѣнъ становится осуществимымъ только при одномъ условіи,—если часть поступающихъ въ банкъ кредитныхъ билетовъ будетъ извлекаться изъ обращенія, замѣнялсь металломъ. Въ настоящее время мы имѣемъ денежную систему, при которой огромный металлическій фондъ является какъ бы парализованнымъ, обреченнымъ на неподвижность, а принципъ размѣнности бумажныхъ денегъ охраняется только отсутствіемъ дѣйствительнаго размѣна въ широкихъ размѣрахъ.

Когда говорятъ у насъ объ обезпеченіи размѣна высокимъ металлическимъ покрытіемъ, то упускаютъ изъ виду два весьма важныя обстоятельства: во-первыхъ, что въ обращеніи нѣтъ у насъ самостоятельныхъ металлическихъ запасовъ, которые служили бы надежною почвою для размѣна, вслѣдствіе чего металлъ можетъ появляться въ денежномъ оборотѣ только на счетъ золотого фонда, собраннаго государственнымъ банкомъ,—и во-вторыхъ, что наши кредитные билеты имѣютъ характеръ самостоятельныхъ бумажныхъ денегъ, не погашаемыхъ уплатою по нимъ звонкою монетою со стороны выпустившаго ихъ учрежденія, какъ это принято относительно банковыхъ билетовъ заграничнаго типа. При нашей денежной системѣ, повышеніе нормы металлическаго покрытія не только не облегчаетъ и не обезпечиваетъ размѣна, но, напротивъ, ставитъ ему неодолимыя преграды или даже останавливаетъ его совершенно. Если каждый кредитный рубль долженъ имѣть своего металлическаго двойника въ государственномъ банкѣ и если размѣненныя послѣднимъ бумажки продолжаютъ исполнять свою денежную функцію, то ни одна монета размѣннаго фонда не можетъ быть выдана изъ кассы банка безъ нарушенія законной гарантіи для соотвѣтственнаго кредитнаго билета; всякій размѣнъ дѣлается тогда немыслимымъ. Допустимъ на минуту, что размѣненные банкомъ кредитные билеты признаются тѣмъ самымъ вышедшими изъ обращенія, по крайней мѣрѣ временно, и что поэтому обезпечивающая ихъ часть металлическаго фонда освобождается для дальнѣйшаго размѣна; при такомъ предположеніи государственный банкъ могъ бы обмѣнять

все свое золото на кредитные билеты, которые затѣмъ неизбѣжно пошли бы обратно въ публику уже безъ металлическаго покрытія. Металлическій фондъ исчезъ бы цѣликомъ, а бумажныя деньги, сохранившись въ томъ же количествѣ, дѣлали бы излишнимъ обращеніе золота и позволили бы ему спокойно уйти за границу. Отсюда ясно, что было бы крайне рискованно считать обмѣненные въ банкѣ кредитные билеты изъятыми изъ оборота и не подлежащими металлическому обезпеченію, пока дѣйствительное извѣтіе части бумажныхъ денегъ путемъ обмѣна на металлъ не установлено закономъ. Размѣнъ долженъ, по крайней мѣрѣ отчасти, превратиться въ обмѣнъ, чтобы дать возможность пущенному въ оборотъ металлу удержаться въ странѣ; иначе намъ грозитъ опасность безплодной утраты собранныхъ запасовъ золота или значительной части ихъ, — опасность, которая такъ живо чувствовалась и сознавалась всѣми при первомъ извѣстіи объ открытіи размѣна безъ измѣненія и ограниченія денежной роли кредитныхъ билетовъ. Эта опасность потери золотого фонда несомнѣнно ослаблена—если не устранена—новѣйшими правительственными мѣрами, повысившими обязательную норму металлическаго покрытія; но вмѣстѣ съ тѣмъ ослабленъ самый размѣнъ, и кругъ его дѣйствія сильно сокращенъ, такъ что о металлическомъ денежномъ обращеніи не можетъ быть и рѣчи. Бумажныя деньги дѣйствуютъ у насъ по прежнему, въ прежнемъ объемѣ и значеніи, а пока этотъ порядокъ вещей не измѣнится, до тѣхъ поръ нельзя еще говорить о дѣйствительномъ и прочномъ преобразованіи нашей денежной системы. Весь достигнутый результатъ сводится лишь къ фиксаціи курса, и только для обезпеченія ея хранятся въ государственномъ банкѣ колоссальныя массы золота. Но такъ какъ твердый курсъ рубля держится на объявленномъ размѣнѣ, а размѣнъ поставленъ въ весьма узкія границы и можетъ въ каждый данный моментъ прекратиться, то внушительное на видъ зданіе денежной реформы оказывается построеннымъ непрочно.

Что же нужно для того, чтобы ввести у насъ правильное денежное обращеніе на основѣ металлической валюты? Прежде всего необходимо замѣнить часть обращающихся кредитныхъ билетовъ металломъ, дать публикѣ металлическія деньги вмѣсто бумажныхъ, для дѣйствительнаго и постояннаго употребленія, а не для кратковременнаго держанія или осмотра на ряду съ болѣе привычными и удобными кредитными. Простой здравый смыслъ—не говоря уже объ опытѣ иностранныхъ государствъ—указываетъ

намъ на замѣну кредитныхъ билетовъ низшаго достоинства металлическими деньгами, какъ на единственный путь къ дѣйствительному и окончательному регулированію денежнаго обращенія въ странѣ. Размѣнность бумажныхъ денегъ по точно опредѣленному курсу сама по себѣ нигдѣ еще не представляла достаточныхъ гарантій прочности; никакіе металлическіе фонды, при отсутствіи металла въ народномъ оборотѣ, не обезпечиваютъ цѣнности денежныхъ знаковъ отъ возможныхъ потрясеній и колебаній, подъ вліяніемъ политическихъ и промышленныхъ обстоятельствъ. Устойчивою валютою пользуются на дѣлѣ только тѣ страны, гдѣ фактически господствуетъ металлъ въ массѣ мелкихъ ежедневныхъ сдѣлокъ населенія и гдѣ бумажныя деньги или банковые билеты существуютъ только для болѣе крупныхъ суммъ и оборотовъ; но для мелкихъ будничныхъ сдѣлокъ не годится золото, и потому наиболѣе обширные каналы денежнаго обращенія должны по необходимости наполняться серебромъ, даже при безусловномъ оффиціальномъ признаніи золотой валюты.

Если оставить въ сторонѣ теоретическіе споры и имѣть въ виду только практику жизни, то нельзя не видѣть, что изъ всѣхъ государствъ Европы одна только Франція свободна отъ кризисовъ и задержекъ въ денежномъ обращеніи, и что послѣднее нигдѣ не отличается такою жизненною полнотою и эластичностью, какъ во Франціи; французы обнаруживаютъ поэтому наименьше интереса къ вопросу о биметаллизмѣ или монометаллизмѣ, который возбуждаетъ такія ожесточенныя распри въ другихъ странахъ. Прямолинейные теоретики называютъ французскую денежную систему „хромающею“, на томъ основаніи, что въ ней принципіальное первенство золота уживается съ равноправностью серебряной монеты, внутренняя цѣнность которой понизилась съ упадкомъ цѣнъ на серебро; мы видимъ, однако, что, пользуясь въ громадныхъ размѣрахъ полноцѣннымъ серебромъ, Франція не только не испытываетъ отъ этого никакихъ неудобствъ, но, напротивъ, обладаетъ безспорными преимуществами передъ государствами съ чисто-золотой валютою, какъ это сказывается всякій разъ въ моменты стѣсненія мірового денежнаго рынка. Въ такіе моменты англійскій банкъ—это богатѣйшее вмѣстилище золота, олицетвореніе золотой валюты — обращается за ссудами металла къ своему французскому коллегѣ съ хромающею валютою, и хромающая валюта, обремененная милліардами серебра, всегда оказывается на высотѣ положенія. Французскій денежный рынокъ никогда не нуждается

въ золотѣ, какъ англійскій, и это обстоятельство можно объяснить только большею растяжимостью металлическаго денежнаго обращенія во Франціи, благодаря обилію въ ней полноцѣннаго серебра. Вопреки всякимъ теоріямъ, хромаетъ не французская система, а англійская, періодически требующая чужой поддержки для сохраненія своего равновѣсія.

Съ нашей стороны было бы вполнѣ естественно взять за образецъ французскіе денежные порядки, примѣнивъ ихъ къ русскимъ условіямъ. Рублевые и трехрублевые кредитные билеты должны быть извлечены изъ обращенія, чтобы уступить мѣсто полноцѣнной серебряной монетѣ; такихъ билетовъ обращается у насъ, по оффиціальнымъ даннымъ, на 233½ милліона рублей (болѣе 104 милл. рублевыхъ и около 129.340.000 трехрублевыхъ). О какомъ-либо рискѣ замѣны бумажекъ серебромъ на эту сумму смѣшно и говорить. Серебряный рубль оффиціально вполнѣ уравненъ теперь съ кредитнымъ, по курсу на золото; онъ цѣнится также въ 66⅔ коп. металлическихъ, а не въ 50 коп. или менѣе, какъ это было раньше. Несообразность, заключавшаяся въ искусственномъ пониженіи цѣнности законной серебряной монеты сравнительно съ ея бумажнымъ суррогатомъ, не существуетъ болѣе. Серебряный рубль пущенъ въ обращеніе въ довольно значительныхъ количествахъ; по крайней мѣрѣ онъ встрѣчается несравненно чаще и удерживается въ оборотѣ гораздо крѣпче, чѣмъ золотыя монеты, о распространеніи которой такъ старательно заботилось наше финансовое вѣдомство. Золото остается для нашего денежнаго обращенія чѣмъ-то эфемернымъ и мимолетнымъ; оно исчезаетъ почти тотчасъ какъ показывается въ рукахъ публики. Ничто не мѣшаетъ теперь дѣйствительному и окончательному водворенію серебрянаго рубля взамѣнъ рублевыхъ и трехрублевыхъ бумажекъ; народъ получитъ тогда металлическія деньги, имѣющія самостоятельную внутреннюю цѣнность, которой лишены кредитные билеты. Если по вѣсу и стоимости металла нашъ серебряный рубль обходится всего въ 50 коп. или даже меньше, то все-таки онъ неизмѣримо выше и надежнѣе бумажнаго рубля, который по цѣнности своего матеріала не стоитъ и гроша. Наши серебряные рубли должны играть у насъ ту же роль, какая принадлежитъ пятифранковой серебряной монетѣ во Франціи. Полноцѣнное серебро должно причисляться къ металлической наличности, на равныхъ правахъ съ золотомъ, подобно тому, какъ это установлено во Франціи и въ Германіи. По отчетамъ французскаго банка въ кассахъ его находится обыкновенно свыше 3¼ милліарда фран-

ковъ въ металлѣ, изъ нихъ около двухъ милліардовъ золотомъ и $1^1/_4$ милліарда серебромъ; и при этомъ не дѣлается никакого различія между обѣими категоріями металлической наличности. Точно такъ же въ германскомъ имперскомъ банкѣ серебряные талеры входятъ въ составъ общихъ металлическихъ запасовъ, обезпечивающихъ билетное обращеніе. Только мы какъ будто стыдимся серебра, какъ слишкомъ дешеваго для насъ металла, и не рѣшаемся отвести ему законное мѣсто въ нашемъ металлическомъ фондѣ; мы какъ будто боимся, чтобы насъ не причислили къ тѣмъ бѣднымъ и отсталымъ народамъ, которымъ наиболѣе свойственно употребленіе серебра для монеты и которые не доросли еще до пользованія золотомъ въ своемъ внутреннемъ промышленномъ обиходѣ. Но намъ нѣтъ надобности стоять непремѣнно впереди французовъ и нѣмцевъ по части золотой валюты; мы могли бы по крайней мѣрѣ признавать серебро въ такой же степени, въ какой признаютъ его во Франціи. Во Франціи существуетъ болѣе четырехъ или, быть можетъ, до 5 милліардовъ франковъ полноцѣнной серебряной монеты; въ Германіи—около 450 милліоновъ марокъ; поэтому мы можемъ смѣло выпустить серебряныхъ рублей на $233^1/_3$ милліона, взамѣнъ кредитныхъ билетовъ низшаго достоинства, безъ малѣйшаго ущерба для нашей финансовой репутаціи и съ огромною выгодою для нашего государственнаго и народнаго хозяйства. На пріобрѣтеніе нужной массы серебра пришлось бы употребить изъ золотого фонда немногимъ болѣе ста милліоновъ рублей; а такъ какъ новые серебряные милліоны, полученные въ двойномъ числѣ, были бы вполнѣ равноправны съ золотыми, то общая сумма металлической наличности возросла бы болѣе чѣмъ на сто милліоновъ рублей безъ всякой дѣйствительной затраты. Денежное обращеніе страны сдѣлалось бы тогда въ самомъ дѣлѣ металлическимъ; размѣнъ получилъ бы реальную почву, и золотой фондъ не подвергался бы никакому риску. На широкомъ серебряномъ фундаментѣ свободнѣе и тверже держалась бы золотая надстройка; постепенно выпущены были бы въ обращеніе золотыя монеты, на мѣсто пятирублевыхъ и десятирублевыхъ бумажекъ, такъ что со временемъ остались бы въ оборотѣ только кредитные билеты высшихъ наименованій, начиная съ двадцатипятирублевыхъ. Если существуютъ монеты въ 7 р. 50 коп. и въ 15 рублей, то логическая послѣдовательность требуетъ также выпуска монетъ въ 5 и 10 рублей. Вся эта сложная монетная операція не только не поколебала бы положеніе банковскаго металлическаго фонда, но существенно увеличила бы его отно-

сительные размѣры, въ виду громаднаго сокращенія суммы обезпечиваемыхъ имъ бумажныхъ денегъ. Тогда, и только тогда окончательно утвердилась бы наша денежная система на разумныхъ и солидныхъ основаніяхъ.

Въ вопросѣ объ организаціи денежнаго обращенія надо принимать въ разсчетъ и совершившіеся факты: два года тому назадъ можно было еще спорить о золотой валютѣ, но съ тѣхъ поръ какъ она фактически или по крайней мѣрѣ номинально введена цѣлымъ рядомъ финансовыхъ мѣропріятій, теряется уже почва для спора, и всѣ заботы должны быть направлены къ тому, чтобы приспособить усвоенный принципъ къ реальнымъ требованіямъ и интересамъ большинства населенія. Въ области денежной системы нельзя безнаказанно мѣнять принятое разъ направленіе, и вотъ почему международный биметаллизмъ имѣетъ такъ мало шансовъ осуществиться на практикѣ. Каждое государство съ установившеюся металлическою валютою предпочитаетъ остаться при своей системѣ, избѣгая перемѣнъ и скачковъ, могущихъ нарушить обычный ходъ промышленныхъ и финансовыхъ дѣлъ; оттого защита существующей золотой валюты въ Германіи или въ Англіи принимаетъ характеръ національно-патріотическаго дѣла, и въ пользу золота высказываются даже люди, не разъ заявлявшіе „въ принципѣ“ свою солидарность съ идеями биметаллистовъ, какъ, напр., проф. Лексисъ. Это обстоятельство упускается изъ виду нѣкоторыми нашими публицистами, когда они ссылаются на иностранныя книжки и брошюры о денежномъ вопросѣ, появившіяся въ необыкновенномъ изобиліи за послѣднее время въ переводахъ на русскій языкъ. У насъ нѣтъ еще готовой денежной системы, которую предстояло бы охранять отъ потрясеній; мы только собираемся устроить у себя прочные денежные порядки, и съ нашей стороны было бы большою наивностью руководствоваться партійными сужденіями западно-европейскихъ противниковъ и сторонниковъ биметаллизма. Съ точки зрѣнія практической цѣлесообразности представляется для насъ наиболѣе поучительнымъ устройство денежнаго обращенія во Франціи, и мы должны по возможности приблизить нашу монетную организацію къ французской, если хотимъ достигнуть хорошихъ результатовъ въ области денежной реформы.

Л. Слонимскій.

РОДИНА РУССКОЙ ПОЭЗІИ

По поводу элегіи „Сельское кладвище“ [1]).

(Посвящается П. В. Жуковскому.)

Не тамъ, гдѣ заковалъ недвижною бронею
Широкую Неву береговой граничъ,
Иль гдѣ высокій Кремль надъ пестрою Москвою,
Свидѣтель старыхъ бурь, умолкнувшій, стоитъ,

А тамъ, среди березъ и сосенъ неизмѣнныхъ,
Что въ сумракѣ земномъ на небеса глядятъ,
Гдѣ праотцы села въ гробахъ уединенныхъ [2]),
Крестами вѣнчаны, сномъ утомленныхъ спятъ,—

Тамъ, на закатѣ дня, осеннею порою,
Она, волшебница, явилася на свѣтъ,
И принялъ лѣсъ ее опавшею листвою
И тихо шелестилъ печальный свой привѣтъ.

И пѣсни строгія къ укромной колыбели
Неслись изъ-за моря съ туманныхъ острововъ,

---

[1]) Эта извѣстная элегія (вольный переводъ съ англійскаго) была написана В. А. Жуковскимъ осенью 1802 г., въ селѣ Мишенскомъ, близъ Бѣлева, и напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“ Карамзина (ч. 6, № 24, стр. 319). Несмотря на иностранное происхожденіе и на излишество сентиментальности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, „Сельское кладбище“ можетъ считаться началомъ истинно-человѣчной поэзіи въ Россіи послѣ условнаго риторическаго творчества Державинской эпохи.

[2]) Стихъ Жуковскаго.

Но, прилетѣвши къ ней, онѣ такъ нѣжно пѣли
Надъ вѣщей тишиной родительскихъ гробовъ.

На сельскомъ кладбищѣ явилась ты не даромъ,
О, геній сладостный земли моей родной!
Хоть радугой мечты, хоть юной страсти жаромъ
Плѣняла послѣ ты,—но первымъ лучшимъ даромъ
Останется та грусть, что на кладбищѣ старомъ
Тебѣ навѣялъ Богъ осеннею порой.

Владиміръ Соловьевъ.

Москва,
12-го окт. 1897. г.

МИНИСТЕРСКІЯ ПРОГРАММЫ

для

НАЧАЛЬНЫХЪ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

Истекающее двадцатипятилѣтіе существованія народной школы по положенію 25-го мая 1874 года ознаменовано правительственнымъ актомъ чрезвычайной важности: 7-го февраля настоящаго года, утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія „Примѣрныя программы предметовъ, преподаваемыхъ въ народныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія". Такимъ образомъ, дѣятельность народной школы, жившей доселѣ въ значительной мѣрѣ свободно, самостоятельно искавшей своихъ цѣлей и путей для ихъ достиженія, впервые получаетъ опредѣленное выраженіе.

Если смотрѣть на эти программы только со стороны времени ихъ появленія, то ихъ можно признать за результатъ всей многолѣтней дѣятельности лицъ и учрежденій, участвовавшихъ въ созданіи нашей народной школы, —за выводъ изъ этой дѣятельности. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что въ сущности программы *такого* значенія не имѣютъ. Онѣ—не болѣе, какъ механическое соединеніе различныхъ программъ, между собою едва-ли согласованныхъ.

Программа Закона Божія есть перепечатка соотвѣтствующей программы для одноклассной (двухлѣтней) церковно-приходской школы. Но и послѣдняя не есть вполнѣ самостоятельный организмъ: она—лишь первая половина двухклассной (четырехлѣтней) церковно-приходской школы, и ея программа также получаетъ свое полное завершеніе во второмъ классѣ этой болѣе обширной и нормальной школы. Къ этому, можно сказать, отрывку программы присоединена „Объяснительная записка", изданная св. сѵнодомъ еще въ 1880 году и составленная въ разъ-

ясненіе общей сѵнодальной программы элементарнаго, вполнѣ законченнаго курса Закона Божія, который доселѣ и проходится во всѣхъ начальныхъ училищахъ.—Программа церковно-славянскаго языка есть также распредѣленіе на три года двухлѣтней программы одноклассной церковно-приходской школы. — Предварительныя „Общія замѣчанія“ и программа ариѳметики съ „Объяснительной запиской“ дословно заимствованы изъ „Программъ для начальныхъ училищъ с.-петербургскаго учебнаго округа“, изданныхъ въ 1889 и перепечатанныхъ въ 1896 году. Мнѣ неизвѣстно, откуда заимствована программа русскаго языка; но нельзя не быть пораженнымъ той узкостью и скудостью свѣдѣній, которыя она допускаетъ въ школу.

Приступая къ болѣе подробному разсмотрѣнію программъ, необходимо оговориться, что при этомъ неизбѣжно будетъ коснуться тѣхъ или другихъ техническихъ вопросовъ начальнаго обученія. Заранѣе въ томъ извиняясь передъ читателями, я постараюсь утомлять ихъ вниманіе этими подробностями насколько возможно менѣе.

I.

Наша народная школа шла въ своемъ развитіи по двумъ путямъ. Съ одной стороны, она старалась опредѣлить свое содержаніе; съ другой—она безспорно и неуклонно расширяла свой объемъ. Ту внѣшнюю форму, которую она теперь имѣетъ, придалъ ей одинъ изъ наиболѣе заслуженныхъ работниковъ на поприщѣ народнаго образованія, баронъ Н. А. Корфъ. Между прочимъ, именно онъ опредѣлилъ желательную продолжительность курса въ три года; но объемъ знаній, котораго онъ считалъ возможнымъ достигнуть въ то время, когда писалась его книга, т.-е. въ 1870 году, былъ чрезвычайно невеликъ. Нынѣ ученики, окончившіе, по его плану, три года обученія, оказались бы равными, по ариѳметикѣ, много-много учившимся два года; по русскому же языку, за исключеніемъ чтенія, знанія ихъ соотвѣтствовали бы едва-ли полутора годамъ занятій. Это и было понятно при неимѣніи выработанныхъ методъ, учебниковъ, при полномъ отсутствіи подготовленныхъ учителей. Наконецъ, не послѣднее значеніе въ скудости успѣховъ народной школы играло также и то обстоятельство, что въ то время, т.-е. до начала земскихъ школъ, русская деревня не имѣла ни малѣйшихъ способовъ учиться и была поголовно безграмотна. Такимъ образомъ, ученикъ сельской школы былъ окруженъ въ семьѣ одними только вліяніями, противоположными вліяніямъ школы, и не испытывалъ на себѣ ни одного, ей содѣйствующаго. Я не говорю, конечно, про обще-неопредѣленныя стремленія родителей видѣть своихъ дѣтей

грамотными. Но это было лишь въ 1870 году, и уже послѣднее изданіе „Русской начальной школы“ 1879 года—едва-ли соотвѣтствовало дѣйствительности. Къ концу 80-хъ годовъ, наоборотъ, объемъ начальныхъ знаній былъ чрезвычайно расширенъ—до такой степени, что наступило обратное движеніе, и народная школа сама старалась возвратиться въ тѣ границы, которыя указывали ей условія ея существованія и ея задачи. Такъ было, напр., даже съ начальными училищами, содержимыми московской думой. Такія же, вполнѣ естественныя, а потому вполнѣ законныя и желательныя колебанія происходили и въ опредѣленіи содержанія программы. Было время, когда наша народная школа придавала наибо́льшее значеніе методамъ преподаванія, какъ таковымъ, возлагая на ихъ разработку всю надежду относительно воспитанія и развитія учениковъ. Во главѣ этого направленія стоялъ І. Паульсонъ и отчасти К. Д. Ушинскій. Но наибольшее развитіе получилъ среди народныхъ педагоговъ другой взглядъ, по которому надлежало сообщать ученикамъ разнообразный запасъ знаній, признававшихся частью полезными практически, частью развивающими умъ. Во главѣ его стоялъ баронъ Н. А. Корфъ. Если первое направленіе едвали имѣетъ у насъ уже защитниковъ, то нельзя не сказать, что послѣдователей второго еще весьма немало. Однако, уже съ начала 80-хъ годовъ стало распространяться и, наконецъ, получило преобладающую силу третье направленіе—то, по которому народная школа должна исходить въ своей дѣятельности изъ данныхъ народной жизни и народнаго міровоззрѣнія и не стремиться навязывать своимъ ученикамъ знаній и пріемовъ мысли, не свойственныхъ естественнымъ условіямъ ихъ жизни. Ярче всего этотъ взглядъ опредѣлилъ С. А. Рачинскій. Въ отношеніи программы онъ выразился въ расширеніи церковно-религіозной стороны, въ усиленіи преподаванія церковно-славянскаго языка, церковнаго пѣнія, и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ съузилъ объемъ различныхъ фактическихъ свѣдѣній, прежде сообщавшихся въ школахъ ученикамъ, и выдвинулъ впередъ, напр., развивающее значеніе ариѳметики, какъ части математики. Распространеніе этого взгляда въ области народнаго просвѣщенія имѣло еще послѣдствіе другого рода, именно—подъ вліяніемъ его возникла церковно-приходская школа. Нельзя достаточно настаивать на томъ, что ея возникновеніе и описанное измѣненіе школы вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія были явленіями параллельными, и что первое отнюдь не можетъ считаться причиной второго. Впрочемъ, весь необходимый по этому вопросу матеріалъ во всей полнотѣ разработанъ въ извѣстномъ докладѣ Ѳ. Д. Самарина въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи 1890 года. Наконецъ, въ самое послѣднее время поставленъ хотя, повидимому, частный, но чрезвычайно важный вопросъ: это

именно—о развитіи въ народной школѣ самостоятельнаго письменнаго изложенія мыслей.—Трехлѣтняя продолжительность курса также не осталась безъ колебаній. Смѣло можно сказать, что уже повсемѣстно укоренилось убѣжденіе въ необходимости продлить его еще на годъ, сдѣлать начальную школу четырехлѣтней. Но такъ какъ прибавленіе лишняго года возможно только при соотвѣтственномъ увеличеніи количества учащихъ, а школьные бюджеты всѣхъ земствъ достигли уже крайняго напряженія и все-таки далеко еще не покрываютъ школьной нужды, то школы съ четырехлѣтнимъ курсомъ являются, насколько мнѣ извѣстно, еще совершенно единичными исключеніями. Но зато нѣтъ той сельской школы, мало-мальски порядочно поставленной, гдѣ бы не нашлось нѣсколько учениковъ, которые, кончивъ курсъ и получивъ льготное свидѣтельство, не ходили бы въ школу еще четвертую зиму. Само собою разумѣется, что много новаго они не узнаютъ; но они рады и тому, что могутъ укрѣпить полученныя знанія; они довольствуются и тѣми немногими новыми свѣдѣніями, которыя неизбѣжно встрѣчаются въ преподаваніи сравнительно изъ года въ годъ, или которыя учитель успѣетъ сообщить урывками отдѣльно для нихъ. Но болѣе всего они дорожатъ возможностью прожить еще хотя нѣсколько мѣсяцевъ въ атмосферѣ умственныхъ интересовъ и умственнаго труда, составляющей въ деревнѣ почти исключительную принадлежность школы. Финансовыя соображенія, не дозволяющія земствамъ удлиннить начальный курсъ, заставляли ихъ въ послѣдніе годы прибѣгать къ противоположной мѣрѣ (съ моей личной точки зрѣнія, крайне нежелательной). Для того именно, чтобы ограничить по возможности расходы и расширить въ то же время площадь распространенія школъ, земства подъ тѣми или другими названіями открывали школы съ двухлѣтнимъ курсомъ и потому болѣе дешевыя. Циркуляръ г. министра народнаго просвѣщенія, отъ 1-го февраля 1897 года, разъясняетъ, что право имѣть такія школы предоставлено только духовному вѣдомству, а что школы земскія не могутъ имѣть курса менѣе трехъ лѣтъ.

II.

Но какова бы ни была практическая судьба этого послѣдняго предположенія земствъ въ области народнаго образованія, его возникновеніе подтверждаетъ то, что вообще долженъ доказать представленный очеркъ развитія народной школы. До сихъ поръ наша народная школа жила при сравнительно благопріятныхъ условіяхъ и могла чутко прислушиваться къ требованіямъ народной жизни, искать все болѣе под-

ходящихъ имъ отвѣтовъ, все болѣе соотвѣтственныхъ имъ формъ. Что же новаго вносятъ сюда министерскія „Программы"?

Прежде всего, онѣ ставятъ трехгодичный курсъ *обязательнымъ*. Изданный лишь за недѣлю до ихъ утвержденія, помянутый циркуляръ г. министра народнаго просвѣщенія опредѣлилъ, что курсъ земской начальной школы не можетъ быть менѣе трехъ лѣтъ; программы говорятъ, что онъ можетъ продолжаться и долѣе: въ пунктѣ 1-мъ „Общихъ замѣчаній", предшествующихъ „Программамъ", сказано, что онѣ „составлены для школъ, гдѣ дѣти учатся въ теченіе трехъ лѣтъ по 6 мѣсяцевъ въ году, каковое количество времени слѣдуетъ считать наименьшимъ для правильнаго обученія въ школѣ". И для этого времени онѣ указываютъ „наименьшій объемъ свѣдѣній, который долженъ быть достигнутъ" (п. 2 Общ. зам.). „При особенно благопріятныхъ условіяхъ, напр., когда для каждаго отдѣленія есть особый учитель или учительница, этотъ курсъ можетъ быть расширенъ нѣкоторыми дополнительными свѣдѣніями по предметамъ, преподаваемымъ въ начальныхъ училищахъ" (съ разрѣшенія начальства,—о чемъ рѣчь ниже). Но дополнительныя свѣдѣнія эти столь невелики, что они никоимъ образомъ не могутъ потребовать лишняго года, а лишь должны наполнить остающееся свободнымъ время. Послѣднее же получается оттого, что „благопріятныя условія" ускорили ходъ обученія противъ средняго, и весь курсъ былъ пройденъ менѣе, чѣмъ въ три учебныхъ года (18 мѣсяцевъ). Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ прибавленіе лишняго года, да и вообще какого-нибудь увеличенія учебнаго времени программы не знаютъ. Онѣ говорятъ о немъ только на случай обратный. „Если школа находится при неблагопріятныхъ условіяхъ, то слѣдуетъ увеличить время обученія, но отнюдь не сокращать программы". Неясно, подразумѣвается ли подъ этимъ увеличеніемъ количество мѣсяцевъ въ году или самихъ лѣтъ обученія? Вѣроятно, послѣднее, потому что начало и конецъ учебнаго года опредѣляются по различнымъ мѣстностямъ условіями хозяйственной жизни крестьянъ и никакими мѣропріятіями и предписаніями измѣнены быть не могутъ. Но если, такимъ образомъ, здѣсь надо подразумѣвать прибавленіе лишней учебной зимы, то получается положеніе въ высшей степени странное и прямо противоположное тому, которое существуетъ нынѣ. Въ настоящее время курсъ ученія какъ въ каждомъ учебномъ году, такъ и въ смыслѣ прибавленія того четвертаго, повторительнаго года, о которомъ было сказано выше, увеличивается только въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ преподаваніе идетъ хорошо. Оно вызывается не чѣмъ инымъ, какъ именно *удовлетвореніемъ* всего населенія, учениковъ и ихъ родителей, школьными занятіями. Нѣтъ болѣе вѣрнаго показателя достоинствъ того или другого учителя, какъ раннее начало и позднее

окончаніе ежегодныхъ занятій въ его школѣ или большое количество окончившихъ курсъ учениковъ, продолжающихъ посѣщать ее. И наоборотъ: если ученики поздно собираются осенью, рано расходятся весной и бросаютъ школу ранѣе трехъ лѣтъ, то это значитъ, что школа плоха. Министерскія „Программы“ стремятся какъ разъ къ противоположному: онѣ стремятся продлить ученіе въ школѣ плохой и категорически запрещаютъ учиться долѣе трехъ лѣтъ въ школѣ хорошей. Несомнѣнно, что первая цѣль достигнута не будетъ; но привести въ исполненіе второе требованіе, при нѣкоторомъ усердіи со стороны инспекторовъ, сравнительно нетрудно. А въ усердіи этомъ можно быть увѣреннымъ: уже и теперь, когда трехлѣтній курсъ закономъ еще не былъ ограниченъ, бывали случаи, что инспектора, узнавъ о посѣщеніи школы дѣтьми, уже сдавшими экзаменъ, но желающими повторить курсъ послѣдняго года, требовали ихъ удаленія. Эти отдѣльные случаи, очевидно, должны отнынѣ стать общимъ правиломъ. При этомъ надо имѣть въ виду, что во времена барона Н. А. Корфа учебный возрастъ опредѣлялся 11—14 годами: 14-лѣтній деревенскій подростокъ—уже въ значительной мѣрѣ сформировавшійся человѣкъ,—можетъ достаточно безнаказанно прекращать ученіе. По мѣрѣ распространенія народныхъ школъ и сочувствія къ нимъ въ средѣ крестьянъ, учебный возрастъ все понижался, и въ настоящее время большинство деревенскихъ школьниковъ поступаетъ въ училище въ возрастѣ 8 лѣтъ. Извѣстно, что была даже принята общая мѣра противъ такого движенія, и льготныя свидѣтельства даются нынѣ лишь тѣмъ ученикамъ, которые достигли ко времени экзамена 11 лѣтъ (§ 16 Правилъ для выд. свид. на льгот. по воин. пов. 16-го ноября 1885 года). И вотъ у этихъ-то одиннадцатилѣтнихъ дѣтей министерскія программы безусловно отнимаютъ надежду на дальнѣйшее увеличеніе или хотя даже укрѣпленіе достигнутой ими грамотности. Конечно, можно возразить, что существуютъ двухклассныя (пятилѣтнія) министерскія училища; но, во-первыхъ, ихъ немного, а во-вторыхъ, двухклассныя училища имѣютъ столь сложную программу, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ ученики, окончившіе ихъ курсъ, отрываются отъ деревни. Здѣсь же рѣчь идетъ о курсѣ училищъ одноклассныхъ, т.-е. тѣхъ, которыя призваны обучать и воспитывать крестьянъ, остающихся дома, на землѣ. Не вызоветъ ли среди нихъ положеніе дѣла, создаваемое программами, хотя бы нѣкотораго повышенія процента рецидивизма безграмотности?

III.

Ограничивъ продолжительность курса народной школы, „Программы“ въ то же время понижаютъ и ея уровень. По заглавію, онѣ являются лишь „примѣрными“, а по п. 2 „Общихъ замѣчаній“ указываютъ „наименьшій объемъ свѣдѣній, который можетъ быть достигнутъ въ одноклассной народной школѣ“. Но въ дѣйствительности ихъ „примѣрность“ сливается съ обязательностью, а „наименьшій объемъ“, который долженъ быть достигнутъ, лишь очень немногимъ разнится отъ наибольшаго, который можетъ быть допущенъ.

„Программы“ можно бы назвать „примѣрными“ только при томъ условіи, еслибы учитель, стремясь въ общемъ къ поставленной ими цѣли школы и руководясь методическими указаніями, въ нихъ даваемыми, имѣлъ бы, однако, въ своей текущей, повседневной дѣятельности право на достаточную долю самостоятельности. Въ указаніяхъ „Программъ“ и онъ самъ, и инспекторъ, имѣли бы дѣйствительно только примѣръ того, какъ надо вести дѣло,—само же дѣло шло бы подъ тѣмъ вліяніемъ жизненныхъ условій, которыя одни только могутъ быть истиннымъ регуляторомъ народной школы. Но, какъ разъ напротивъ, „Программы“ чревычайно детально направляютъ каждый шагъ учителя. Дѣйствительнымъ руководителемъ каждой школы, разрѣшающимъ даже мелкія отступленія отъ установленной нормы, является инспекторъ. Конечно, никто не станетъ отрицать, въ общемъ, вполнѣ достаточной педагогической компетентности инспекторовъ, и было бы неумѣстно, при теоретическомъ обсужденіи дѣла, указывать на какія-нибудь отдѣльныя, неудачныя исключенія; но вопросъ въ томъ, есть ли какой-либо поводъ стремиться, какъ то дѣлаютъ „Программы“, къ полному однообразію, почти тождественности ежедневныхъ занятій во всѣхъ народныхъ школахъ,—тождественности, нарушаемой не иначе, какъ съ разрѣшенія начальства въ различныхъ инстанціяхъ? Совершенно естественна забота—оградить народную школу отъ вторженія въ нее нежелательныхъ вліяній. Не менѣе естественна забота и о томъ, чтобы дѣло въ ней шло педагогически-правильно. Огражденіе школы отъ вредныхъ вліяній имѣетъ отрицательный характеръ: такого учителя инспекторъ удаляетъ. Болѣе сложна забота о педагогически-правильной постановкѣ школьнаго дѣла: здѣсь взамѣнъ плохого учителя надо найти хорошаго. Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, инспектору или, вообще, начальству, не приходится вмѣшиваться въ ежедневные мелкіе распорядки школьной жизни. Затѣмъ, далѣе: предположимъ, что наши школы совершенно ограждены отъ вредныхъ вліяній, и что въ нихъ нѣтъ учителей, такъ сказать, педагогически-невозможныхъ,

Что же теперь остается дѣлать? Можно ли перенести отвѣтственность за ежедневную жизнь школы съ лица, непосредственно въ ней заинтересованнаго и близко къ ней стоящаго, т.-е. съ учителя, на лицо во всякомъ случаѣ болѣе отъ нея далекаго, т.-е. на инспектора? Я думаю, что нѣтъ. Почему? Да потому, что данныя для рѣшенія всѣхъ возникающихъ здѣсь вопросовъ находитъ учитель въ ежедневныхъ столкновеніяхъ съ учениками, въ тѣхъ наблюденіяхъ надъ ними, которыя накопляются въ его умѣ, даже при отсутствіи какой-либо особой наблюдательности съ его стороны. Для инспектора же, который можетъ посѣтить школу два, самое бо̀льшее три раза въ годъ, каждая школа есть своего рода *икс*; всѣ относящіеся до нея спеціальные вопросы онъ можетъ рѣшать или теоретически, на основаніи общихъ своихъ соображеній, или на основаніи показаній того же учителя. Тѣмъ менѣе могутъ предвидѣть путь, который должна избрать та или другая школа, программы, общія для всей Россіи, а между тѣмъ онѣ именно къ этому стремятся. Оказывается, что росписаніе обязательно для всей Россіи (оно, кстати сказать, совершенно непонятно), и въ немъ могутъ быть допущены колебанія лишь съ разрѣшенія инспектора (п. 5-й Общ. зам.). Распредѣленіе времени ученія по днямъ и часамъ (п. 7-й) также должно быть сдѣлано согласно указанію инспектора.

IV.

Время начала обученія церковно-славянской грамотѣ опредѣлено и точно назначено. Упражнять дѣтей въ хоровомъ чтеніи можетъ только „опытный учитель“; но кто же рѣшитъ степень его опытности, какъ не тотъ же инспекторъ? Грифеля учитель употреблять отнюдь не можетъ. По ариѳметикѣ въ первомъ году можно проходить не болѣе ста; во второмъ—обязательно не болѣе тысячи. Давать какія-нибудь объясненія на сложеніе и вычитаніе различныхъ долей въ случаѣ, если ученики сами ихъ не угадываютъ,—учитель не имѣетъ права.

Больше самостоятельности имѣетъ учитель въ распредѣленіи по годамъ программы русскаго языка. Такъ какъ въ „Объяснительной запискѣ“ къ ней говорится только о чтеніи, а по поводу грамматики никакихъ ограниченій нѣтъ, то, вѣроятно, къ ней можетъ быть приложенъ п. 9-й „Общихъ замѣчаній“, дающій преподавателямъ свободу переносить части предмета изъ года въ годъ. Я говорю: „вѣроятно“, потому, что опредѣленно пользоваться этимъ пунктомъ разрѣшено только относительно Закона Божія. Въ той же программѣ русскаго языка находится единственное указаніе на право учителя дѣлать вы-

боръ между различными методами (обученіе чтенію); но и при семъ запрещаются всѣ методы, связанные съ предметными уроками. За то программой русскаго языка поставлена очень узкая цѣль преподаванія самаго предмета, которая въ „Объяснительной запискѣ“ опредѣлена такъ: „свѣдѣнія изъ грамматики имѣютъ главною цѣлью облегчить учителю объясненіе, а ученикамъ—запоминаніе важнѣйшихъ правилъ правописанія“. Слѣдовательно, какъ бы учитель ни пользовался предоставленной ему п. 4-мъ свободой, онъ все-таки долженъ исключить изъ занятій грамматикой всю логическую, т.-е. воспитывающую умъ ея сторону, и сводить ее на нѣкоторые мнэмо-техническіе пріемы при обученіи правописанію. Но нечего распространяться о томъ, сколь ничтожна цѣна правописанія, если оно является не естественнымъ слѣдствіемъ пониманія формъ и законовъ языка, а тѣмъ конечнымъ результатомъ, къ которому должно стремиться все преподаваніе. Между тѣмъ, ни изъ общаго духа программъ, ни изъ какихъ-либо частныхъ выраженій нельзя заключить, чтобы учитель могъ расширить предѣлы своей самостоятельности, и не только распредѣлить учебный матеріалъ несогласно съ указаніями программъ, но и придать ему другой характеръ. А что этотъ послѣдній не есть случайность—косвенно доказывается тѣмъ, что, какъ было упомянуто, „могутъ быть допущены“ упражненія въ сложеніи и вычитаніи только тѣхъ дробей, гдѣ ученики „сейчасъ же угадываютъ результатъ“. Слѣдовательно, нѣкоторая механичность пріобрѣтаемыхъ познаній входитъ, повидимому, въ самую идею программъ.

Впрочемъ, программа русскаго языка стремится сдѣлать одно, чрезвычайно важное, улучшеніе въ преподаваніи этого предмета: она ставитъ обязательнымъ самостоятельное письменное изложеніе мыслей. Только едва ли это стремленіе можетъ быть осуществлено: даже „для составленія несложныхъ описаній по данному плану и писемъ по даннымъ образцамъ“, рекомендуемаго программами, недостаточно знанія одной орѳографіи, а необходимо и грамматическое пониманіе языка. А именно его-то и стараются программы не допустить въ школу—до такой степени, что, по словамъ „Объяснительной записки“, даже тѣ немногія грамматическія свѣдѣнія, которыя въ нихъ помѣщены, „должны сообщаться въ самомъ элементарномъ объемѣ“.

V.

Такъ обставлено прохожденіе того минимума, который считается обязательнымъ для народныхъ школъ. Пунктомъ 2-мъ „Общихъ замѣчаній“ дозволяется нѣсколько расширять программу, но „лишь съ раз-

рѣшенія директора народныхъ училищъ, которое дается отдѣльно для каждой школы, съ доведеніемъ о семъ до свѣдѣнія попечителя учебнаго округа". Условіе это представляется обстоятельствомъ важности чрезвычайной. Очевидно, что если для отступленія отъ такъ-называемаго „наименьшаго объема" требуется такая сложная административная процедура, то „наименьшій объемъ" этотъ есть въ сущности безусловно-обязательный максимумъ, котораго обыкновенно-идущая школа не имѣетъ права преступать. Та же, которая получитъ на то разрѣшеніе, является, очевидно, съ административной точки зрѣнія, весьма рѣзко обособленной отъ всѣхъ другихъ; притомъ она также имѣетъ свою не менѣе опредѣленную программу, ибо подъ этими „дополнительными свѣдѣніями" разумѣются отнюдь не свободно выбираемыя непосредственными руководителями школъ добавленія къ основной программѣ, а нѣкоторыя, весьма опредѣленныя, свѣдѣнія.

Программы составлены такъ: сама программа по годамъ, объяснительная записка и затѣмъ по всѣмъ предметамъ, кромѣ Закона Божія и пѣнія, особый отдѣлъ, озаглавленный: „Дополнительныя свѣдѣнія", за каковымъ заглавіемъ слѣдуетъ ссылка на помянутый п. 2-й „Общихъ замѣчаній". Эта ссылка дѣлаетъ неизбѣжнымъ заключеніе, что только эти „Дополнительныя свѣдѣнія" и могутъ быть допущены въ школу.

Такимъ образомъ, курсъ Закона Божія никакъ не можетъ быть расширенъ, и законоучители лишены возможности впредь сообщать ученикамъ, напр., притчу о Мытарѣ и Фарисеѣ, доселѣ считавшуюся необходимой для объясненія молитвы мытаря, въ новую программу не внесенную. Происходитъ же это отъ оттого, что, какъ было указано, министерскія „Программы" прямо заимствовали и признали за законченное цѣлое программу перваго класса церковно-приходской школы, по мысли ея составителей получающую свое завершеніе лишь въ программѣ 2-го класса. Что мнѣніе объ обязательности рекомендованнаго объема Закона Божія не есть преувеличеніе—доказывается слѣдующей программой церковно-славянскаго языка. Подъ рубрикой „дополнительныя свѣдѣнія" помѣщено въ ней буквально слѣдующее: „Практическое ознакомленіе съ церковнымъ Мѣсяцесловомъ". Ссылка на п. 2-й „Общихъ замѣчаній", т.-е. на необходимость разрѣшенія директора съ доведеніемъ до свѣдѣнія попечителя для того, чтобы ввести въ курсъ „дополнительныя свѣдѣнія",—имѣется на лицо и тутъ. Можно ли болѣе ясно указать на то, что „Программы" съ самой тщательной, педантической ревностью оберегаютъ школу отъ самыхъ малѣйшихъ добавленій къ тому такъ-называемому „наименьшему объему" свѣдѣній, которыя онѣ предлагаютъ. Любопытно, кстати, замѣтить, что это „практическое ознакомленіе съ Мѣсяцесловомъ" есть послѣдняя

строчка въ программѣ второго года одноклассной церковно-приходской школы.

Дополнительныя свѣдѣнія по русскому языку, допустимыя въ школѣ, охарактеризованы болѣе обще, но и болѣе неясно. Они могутъ относиться „или къ грамматикѣ... или же къ болѣе обстоятельному ознакомленію учащихся, по книгѣ для чтенія, съ отечественной исторіей и географіей... Вмѣсто книги для чтенія, могутъ служить для сей цѣли и книги или брошюры по русской исторіи и географіи изъ числа одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для народныхъ училищъ". Послѣднее добавленіе является довольно важнымъ въ двухъ противоположныхъ отношеніяхъ. Дѣйствительно, элементарные учебники географіи и исторіи доселѣ допускались, какъ учебныя пособія, лишь въ двухклассныя училища; въ одноклассныхъ же они могли появляться только въ библіотекахъ. Теперь какъ будто открытъ имъ туда доступъ и въ ихъ первомъ значеніи. Но, съ другой стороны, всѣмъ отлично извѣстно, что они фактически уже употребляются во множествѣ начальныхъ школъ. Особыя условія, при коихъ, по п. 2-му, допущено впредь ихъ введеніе въ одноклассныя школы въ качествѣ учебныхъ пособій, вмѣнивъ инспекторамъ училищъ болѣе строгое за ними наблюденіе, въ дѣйствительности, такимъ образомъ, лишь сократятъ ихъ распространеніе. Замѣчу кстати, что циркуляръ г. попечителя московскаго округа по этому предмету, о которомъ прошелъ глухой слухъ въ печати, во многихъ училищахъ доселѣ неизвѣстенъ [1]), за исключеніемъ условнаго допущенія учебниковъ исторіи и географіи. Дополнительныя свѣдѣнія содержатъ въ себѣ указанія, которыя невольно приходится объяснять себѣ какимъ-то недоразумѣніемъ. Они, сказано, „могутъ относиться *къ болѣе обстоятельному* ознакомленію учащихся *по книгѣ для чтенія* съ отечественной исторіей и географіей".

О разрѣшеніи чего долженъ просить учитель директора, и какое разрѣшеніе можетъ дать этотъ послѣдній по поводу этихъ дополнительныхъ свѣдѣній? Въ школѣ введена, положимъ, книга для чтенія Баранова; IV-й отдѣлъ—„Наше Отечество"—въ 26-ти статьяхъ даетъ очеркъ географіи и исторіи Россіи. Ученики ихъ прочли, поняли и знаютъ ихъ содержаніе. Гдѣ здѣсь граница болѣе обстоятельнаго и менѣе обстоятельнаго ознакомленія *по книгѣ для чтенія* съ отечественной исторіей и географіей? Неужели особое разрѣшеніе директора, съ доведеніемъ до свѣдѣнія попечителя, требуется для того, чтобы соединить, напр., 21-ю статью Баранова: „Смутное время", съ 22-й—„Петръ Великій", нѣсколькими переходными предложеніями,

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1897 г., іюнь: „Изъ общественной хроники".

какъ то дѣлается въ элементарныхъ учебникахъ исторіи? Въ приведенныхъ выраженіяхъ „Программъ“ чувствуется какое-то стремленіе что-то ограничить, что-то запретить, безъ того, однако, чтобы были дѣйствительные поводы запрещать и ограничивать. Да и сама основная „Объяснительная записка“ содержитъ въ этомъ отношеніи указанія довольно непонятныя. Она говоритъ: „Кромѣ статей религіозно-нравственнаго содержанія и относящихся къ изящной словесности, должны быть читаемы статьи по исторіи и географіи Россіи; статьи по естествовѣдѣнію, имѣющія отношеніе къ сельскому хозяйству, по гигіенѣ,— и другія дѣловыя статьи, помѣщенныя въ классной хрестоматіи“. Какъ надо понимать эти выраженія? По аналогіи съ различными другими указаніями „Программъ“, напр., касательно роли грамматики, должно заключить, что „Программы“ стремятся придать объяснительному чтенію внѣшній, утилитарный характеръ, и исключить изъ него все, что имѣетъ значеніе болѣе отвлеченное. Но какъ приложить эти указанія къ практикѣ? Изъ сорока статей III-го отдѣла книги Баранова, „о природѣ и человѣкѣ“, далеко не всѣ имѣютъ хотя бы отдаленное отношеніе къ сельскому хозяйству и гигіенѣ, напр., о львѣ, о бобрѣ, о тюленѣ, соколѣ и т. п. Допускаютъ ли „Программы“ ихъ чтеніе въ классѣ, или нѣтъ? Повидимому, нѣтъ. Я лично всецѣло принадлежу къ тому направленію народной педагогики, которое можно назвать „церковнымъ“, и придаю весьма мало значенія различнымъ свѣдѣніямъ по міровѣдѣнію и пр., сообщаемымъ въ школахъ. Но признаюсь, что и съ моей точки зрѣнія крайне трудно было бы найти основаніе въ пользу подобнаго ограниченія.

VI.

Наконецъ, дополнительныя свѣдѣнія могутъ относиться и къ грамматикѣ, въ особенности же къ правописанію и синтаксису простого и сложнаго предложенія. Послѣ подробной разработки, данной правописанію въ „основныхъ свѣдѣніяхъ“, расширеніе ихъ „дополнительными“ является уже своего рода виртуозностью. Синтаксисъ простого предложенія уже достаточно сообщенъ въ „основныхъ свѣдѣніяхъ“; прибавлять къ нему много нельзя; но неужели для того, чтобы сообщить дѣтямъ, что предложеніе съ однимъ подлежащимъ и двумя сказуемыми— есть слитное, надо просить разрѣшенія директора народныхъ училищъ?

Программа ариѳметики является довольно странной: основная часть ея и объяснительная записка дословно перепечатаны изъ петербургскихъ программъ, съ характернымъ опущеніемъ оговорки, допускающей перенесеніе частей курса изъ одного года въ другой. Но затѣмъ къ нимъ прибавлены „дополнительныя свѣдѣнія“, не вполнѣ согласованныя

съ основною частью. Они вводятъ въ курсъ „умѣніе вычислять площади поверхности и объемъ простѣйшихъ тѣлъ". Но вѣдь это уже было разрѣшено основной программой въ слѣдующихъ словахъ объяснительной записки: „знаніе квадратныхъ и кубическихъ мѣръ для учащихся не обязательно; но весьма желательно, чтобы преподающіе знакомили съ ними учащихся особенно въ сельскихъ школахъ". Или, можетъ быть, здѣсь подразумѣвается одно знаніе квадратныхъ и кубическихъ мѣръ, безъ умѣнія измѣрять ими площади и объемы? Кромѣ того, они рекомендуютъ сообщать дѣтямъ „умѣнье производить четыре дѣйствія надъ простыми и десятичными (конечными) дробями". Это дополненіе совершенно неисполнимо. О десятичныхъ дробяхъ и говорить нечего. Въ крайнемъ случаѣ, при очень хорошемъ преподаваніи, могли бы быть пройдены кратко простыя дроби, но лишь при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы весь курсъ ариѳметики былъ распредѣленъ по годамъ равномѣрно. А между тѣмъ, „Программы", какъ было указано, ставятъ обязательнымъ первые два года посвящать болѣе элементарнымъ упражненіямъ—до 1.000.

Есть также „дополнительныя свѣдѣнія" и въ программѣ чистописанія. При благопріятныхъ условіяхъ учитель можетъ просить, а директоръ народныхъ училищъ разрѣшить, съ доведеніемъ до свѣдѣнія попечителя учебнаго округа, ввести въ ту или другую школу „письмо круглымъ шрифтомъ (рондо), а для православныхъ тоже и славянское письмо — полууставомъ"!

Я опасаюсь, что утомилъ читателя слишкомъ длинными техническими подробностями; но онѣ были необходимы, чтобы охарактеризовать „Программы". Если бы не это опасеніе, то слѣдовало бы остановиться еще и на томъ, что онѣ исключаютъ изъ курса народныхъ школъ. Нельзя однако обойти молчаніемъ слѣдующаго: необходимость усиленія церковнаго элемента въ школахъ стала теперь для многихъ аксіомой; педагоги, въ остальномъ весьма различныхъ направленій, здѣсь болѣе или менѣе сходятся,—и вотъ именно по Закону Божію „Программы" очень скупы. Достаточно указать на то, что онѣ лишаютъ возможности ознакомить дѣтей съ новозавѣтными писаніями, не даютъ права прочитать нѣкоторыя избранныя мѣста изъ книгъ ветхозавѣтныхъ, хотя бы по сунодальному изданію: „Историческое чтеніе изъ книгъ Ветхаго Завѣта", исключаютъ столь необходимое для пониманія христіанской нравственности ученіе Спасителя о страшномъ судѣ и т. д.

Если еще по другимъ предметамъ во многихъ школахъ обыкновенныя познанія учениковъ не слишкомъ превышаютъ допускаемый

„Программами“ наибольшій объемъ, то несомнѣнно, что въ Законѣ Божіемъ всякая мало-мальски порядочная школа, съ законоучителемъ мало-мальски внимательнымъ, должна будетъ сдѣлать шагъ назадъ, чтобы приблизиться къ уровню, допускаемому „Программами“. Впрочемъ, причина такого явленія объяснена выше. Равнымъ образомъ, однако, многія и многія школы должны будутъ сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы отказаться отъ уже выработавшейся системы осмысленнаго преподаванія грамматики, какъ таковой; чтобы позволить своимъ ученикамъ угадывать ариѳметическіе отвѣты, вмѣсто того, чтобы понимать ихъ.

И вотъ результатъ, къ которому приводится теперь народная школа!... По условіямъ нашей жизни, власть инспектора народныхъ училищъ,—если не считать, конечно, канцелярскихъ и административныхъ его обязанностей, — въ педагогическомъ отношеніи имѣетъ характеръ, по преимуществу, отрицательный. Онъ можетъ, главнымъ образомъ, лишь предотвращать различныя неправильности; „Программы“ даютъ ему новый поводъ къ такимъ заботамъ. Но если отнынѣ народная школа поставлена въ опредѣленныя рамки, и есть бдительное око, слѣдящее за тѣмъ, чтобы она изъ нихъ не вышла, то въ чемъ залогъ дальнѣйшаго ея развитія? Кто будетъ имѣть право производить въ школахъ опыты и наблюденія, выходящіе изъ предписанныхъ границъ? Неужели наша школа сказала свое послѣднее слово? Неужели для нея невозможно дальнѣйшее движеніе впередъ?

Но если мы прочли еще не послѣднюю страницу ея внутренней исторіи, то, кажется, первымъ результатомъ введенія „Программъ“ въ дѣйствіе будутъ постоянные конфликты между ихъ требованіями и требованіями жизни. Ошибочно было бы думать, что наша школа должна слушать только то, что̀ говорится ей сверху. Нѣтъ! Она должна, она не можетъ не слушать и того, что̀ говорится ей снизу. Деревня проснулась; ея духовныя потребности съ каждымъ днемъ становятся все опредѣленнѣе, все настойчивѣе; церковь и школа—вотъ кто только можетъ удовлетворить ихъ. Но отвѣты, даваемые церковью, вѣчны и незыблемы. Школа же, напротивъ, обязана чутко прислушиваться къ этимъ запросамъ деревни, чтобы отвѣчать такъ, какъ это отъ нея требуютъ. Если къ учителю придутъ ученики, начавшіе понимать всю глубину и красоту богослуженія, и скажутъ, что они хотятъ „практически ознакомиться“ не только съ Мѣсяцесловомъ, но и съ Октоихомъ, то учитель долженъ будетъ имъ отказать, ибо самъ директоръ не будетъ въ правѣ разрѣшить ему такое непредусмотрѣнное программой дополнительное свѣдѣніе. Или, можетъ быть, онъ удовлетворитъ требованіе учениковъ? Я думаю, что—да, удовлетворитъ. Какую бы строгую систему ни вводили въ начальныя училища, учитель, стоя въ бѣдной, затерянной сельской школѣ, лицомъ къ лицу съ учениками,

которые томятся жаждой нравственнаго и умственнаго просвѣщенія, не можетъ указать имъ на подходящій § и сказать:—вотъ здѣсь мнѣ запрещено отвѣчать вамъ!—Нѣтъ, отвѣчать имъ—его право, его обязанность, и какъ человѣка, и какъ христіанина, и какъ члена государства! О, еслибы всѣ могли видѣть близко нашихъ деревенскихъ учениковъ,—какъ бы тягостно показалось имъ всякое слово отказа, всякое требованіе ограниченія, и какъ бы оно показалось не нужно тамъ, гдѣ есть нѣчто болѣе сильное,—бдительный судъ народнаго ума и чувства!

Но неужели же, скажутъ, невозможна никакая регламентація народной школы?—Нѣтъ, возможна,—только не въ смыслѣ наложенія мертвыхъ оковъ.

У насъ теперь дѣйствуютъ двѣ школы: церковно-приходская и земская. Я думаю, что сами защитники первой не вѣрятъ болѣе въ миѳическое сказаніе о какомъ-то особомъ направленіи ея, о какихъ-то воспитательныхъ ея преимуществахъ. Но если между обѣими школами нѣтъ внутренняго различія, то есть одно различіе—внѣшнее, на которое до сихъ поръ, кажется, не обращено достаточнаго вниманія: церковно-приходская школа именно снабжена чрезвычайно гибкою организаціей. Она легко и удобно можетъ принять форму и школъ грамотности, и одноклассной, и двуклассной начальной школы, и школы второклассной. При ней легко могутъ быть открыты, по § 7-му Правилъ, дополнительные классы по предметамъ, въ ней преподаваемымъ, ежедневные уроки для взрослыхъ, ремесленныя отдѣленія, рукодѣльные классы и воскресныя школы. Притомъ, программы ея чрезвычайно обширны, столь обширны, что, напр., одноклассныя школы, по предположенію Правилъ двухлѣтнія, едва въ три года успѣваютъ достигнуть своей цѣли.

Слѣдовательно, церковно-приходская школа можетъ отвѣтить на всякую потребность, какъ относительно степени, такъ и содержанія обученія. И вотъ, какъ разъ въ то время, когда церковно-приходская школа постоянно получаетъ все бо̀льшіе и бо̀льшіе способы исполнять свою задачу,—школа земская ставится въ узкія, непоколебимыя рамки. Я говорю не о соперничествѣ двухъ школъ,—Боже избави! Это соперничество—явленіе печальное и неестественное: всѣмъ дѣло найдется! Но чѣмъ же виновата цѣлая половина, по меньшей мѣрѣ, крестьянскихъ дѣтей, которыя осуждены—только потому, что о нихъ позаботилось земство—не видать школы, болѣе ихъ удовлетворяющей, чѣмъ та, которая узаконена министерскими „Программами“? Или тѣ знанія, которыя полезны въ церковно-приходской школѣ, за три версты отъ нея, въ школѣ земской, являются опасными и способными надмевать умъ простолюдина?!...

Н. Горбовъ.

Москва.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1897.

Мнѣнія губернскихъ совѣщаній по вопросу о сельскомъ общественномъ призрѣніи.—Недостатки существующаго порядка; неудачныя попытки его оправданія и даже его идеализаціи.—Проектируемыя совѣщаніями реформы: передача дѣла призрѣнія въ руки волости, учрежденіе волостныхъ попечительствъ, увеличеніе средствъ призрѣнія.—Всесословная волость, какъ единственная возможная основа для правильной организаціи общественнаго призрѣнія.—Роль, при этомъ, земства и государства.

Въ предыдущемъ обозрѣніи мы ознакомили читателей съ отвѣтами губернскихъ совѣщаній на вопросы министерства внутреннихъ дѣлъ, относящіеся къ мірскимъ сборамъ; теперь мы остановимся на заключеніяхъ, касающихся сельскаго общественнаго призрѣнія—одного изъ самыхъ больныхъ мѣстъ крестьянскаго быта, тѣсно связаннаго, притомъ, съ существующимъ устройствомъ сельскаго общества и волости. Общее положеніе о крестьянахъ (ст. 179), возложивъ на сельскія общества призрѣніе престарѣлыхъ, дряхлыхъ, увѣчныхъ, круглыхъ сиротъ, не указало ни формъ, ни средствъ осуществленія этой задачи, которая, по единогласному почти заявленію совѣщаній, исполняется весьма плохо или не исполняется вовсе. „Никакой правильной организаціи общественнаго призрѣнія въ деревняхъ не существуетъ“—эта стереотипная формула повторяется однимъ совѣщаніемъ за другимъ, съ самыми легкими варіаціями. Только четыре совѣщанія прибавляютъ къ ней оговорки, болѣе или менѣе измѣняющія ея значеніе. Бессарабское совѣщаніе примиряется съ теперешнимъ положеніемъ дѣлъ, такъ какъ оно „на практикѣ даетъ сносные результаты: по заявленію людей, знакомыхъ съ бытомъ деревни, нищій составляетъ тамъ довольно рѣдкое явленіе“. Саратовскому совѣщанію „неизвѣстенъ ни одинъ случай, когда бы дѣйствительно нуждающійся членъ общества не пользовался, въ крайности, участіемъ и содѣйствіемъ своего общества“. Самарское совѣщаніе утверждаетъ, что, несмотря

на отсутствіе организаціи, „нигдѣ, быть можетъ, существованіе неспособныхъ къ труду членовъ общества не обезпечено въ такой мѣрѣ, какъ въ нашей крестьянской средѣ". Народъ, по словамъ совѣщанія, не смотритъ на нищенство, какъ на позорное занятіе; отказать просящему въ кускѣ хлѣба считается тяжкимъ грѣхомъ. „Не будь этого вѣками освященнаго взгляда народа на обязательность помощи, въ тяжелый 1891—92 г. сотни и тысячи умерли бы голодной смертью". Членамъ совѣщанія случалось видѣть, какъ „въ избу большой семьи, доѣдавшей свои послѣдніе караваи испеченнаго съ лебедой и мякиной хлѣба, съ утра до ночи входили нищіе односельцы, и ни одного изъ нихъ не отпускали, не отрѣзавъ ему куска хлѣба. Въ самое тяжелое время въ отношеніи продовольствія не было никакой (?!) разницы между богатѣйшимъ и бѣднѣйшимъ жителемъ села. Никакая организація общественной помощи въ наиболѣе культурныхъ странахъ не доходитъ до этого идеала, доступнаго только простой душѣ русскаго народа". Изъ сильно преувеличеннаго, но, въ сущности, вѣрно подмѣченнаго факта совѣщаніемъ сдѣланъ совершенно невѣрный выводъ. Если крупное общественное бѣдствіе и заставляетъ звучать лучшія струны „доброй крестьянской души", если въ голодный годъ состраданіе къ чужому горю и доходитъ *иногда* до самоотверженія, то это еще не значитъ, чтобы *въ обыкновенное время*, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, можно было разсчитывать *только* на чувства массы и отдѣльныхъ лицъ, и, убаюкивая себя этой надеждой, отрицать, какъ нѣчто излишнее, правильную организацію общественнаго призрѣнія... Нижегородское совѣщаніе приходитъ къ тому же заключенію, какъ и самарское, но нѣсколько инымъ путемъ. Констатировавъ, что въ деревняхъ нижегородской губерніи „все ограничивается частною благотворительностью, сироты разбираются родственниками или посторонними бездѣтными, неимущіе и неспособные къ работѣ кормятся карауломъ воротъ, пчельниковъ, присмотромъ за дѣтьми, или собираютъ подаяніе", совѣщаніе продолжаетъ: „такой порядокъ (!) совершенно соотвѣтствуетъ условіямъ деревенскаго быта, гдѣ всякій долженъ трудиться по мѣрѣ своихъ силъ". Хорошъ *порядокъ*, при которомъ „трудиться по мѣрѣ силъ" должны „неспособные къ труду", и хорошъ *трудъ*, заключающійся въ прошеніи милостыни!.. Близорукое прекраснодушіе самарскаго совѣщанія и холодное резонерство нижегородскаго идутъ въ разрѣзъ съ общеизвѣстными фактами, подтверждаемыми и въ заключеніяхъ другихъ совѣщаній.

Самый распространенный способъ „призрѣнія" дряхлыхъ и увѣчныхъ—это переходъ ихъ, по очереди, изъ одного дома въ другой [1]).

[1]) Объ этомъ способѣ призрѣнія упоминается въ заключеніяхъ 21 губернскаго совѣщанія. Иногда призрѣваемые получаютъ отъ своихъ очередныхъ хозяевъ и по-

Когда такую кочующую жизнь добровольно ведетъ человѣкъ, нужный крестьянамъ—напримѣръ пастухъ, учитель школы грамоты,—ея неудобства переносятся сравнительно легко; но когда въ основаніи ея лежитъ двойное принужденіе—принужденіе домохозяина, обусловливаемое мірскимъ приговоромъ, принужденіе гостя, вызываемое крайнею необходимостью,—она обращается для послѣдняго въ тяжелое бремя, не всегда смягчаемое даже привычкой. Призрѣваемые—говоритъ витебское совѣщаніе—„переходятъ, по установившемуся обычаю, изъ дома въ домъ и продовольствуются отдѣльными членами общества понедѣльно, при чемъ не получаютъ почти никакой одежды; *положеніе ихъ крайне жалкое*, и поэтому большинство изъ нихъ находитъ для себя болѣе удобнымъ, если позволяютъ физическія силы, снискивать пропитаніе путемъ подаянія, нежели обращаться къ обществу съ ходатайствами о призрѣніи". Сколько бы самарское совѣщаніе ни настаивало на томъ, что нищенство не считается у насъ „позорнымъ занятіемъ", оно во всякомъ случаѣ остается занятіемъ крайне тяжелымъ, особенно въ зимнее и ненастное время, для больныхъ и дряхлыхъ людей, плохо одѣтыхъ и обутыхъ—и если его предпочитаютъ перекочевкѣ изъ дома въ домъ, то незавидна же должна быть эта послѣдняя форма „призрѣнія"! Иногда, конечно, даже она лучше предоставленія на произволъ судьбы: кто очень старъ или слабъ, тотъ охотнѣе согласится переходить изъ дома въ домъ, чѣмъ изъ деревни въ деревню, прося милостыню. Оказывается, однако, что во многихъ губерніяхъ—напримѣръ волынской, владимірской, гродненской, ковенской, олонецкой, оренбургской, орловской, подольской, полтавской, с.-петербургской, таврической, черниговской,—нѣтъ, или почти нѣтъ, даже и самаго жалкаго, самаго элементарнаго вида призрѣнія: несчастнымъ бѣднякамъ не остается ничего иного, какъ идти съ сумой куда глаза глядятъ. Въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ—вятской, казанской, калужской, костромской, нижегородской, пензенской, псковской,—„подворное кормленіе" практикуется, повидимому, только мѣстами. Еще менѣе распространены другія формы призрѣнія: выдача хлѣба изъ общественныхъ магазиновъ или вообще на счетъ общества (губерніи архангельская, бессарабская, виленская, вологодская, воронежская, екатеринославская, ковенская, минская, пензенская, рязанская, тамбовская, тверская, харьковская); выдача денежныхъ пособій (губерніи астраханская, вологодская, костромская, ковенская, минская, могилевская, пензенская, пермская, рязанская, саратовская, симбирская, смоленская, тамбовская, тверская—почти вездѣ рѣдко, въ исклю-

---

мѣщеніе, и пищу, иногда—только пищу, помѣщаясь въ собственныхъ избахъ, въ церковныхъ сторожкахъ и т. п.

чительныхъ случаяхъ); отводъ земли (самому призрѣваемому или лицу его призрѣвающему), причемъ общество иногда принимаетъ на себя уплату сборовъ, лежащихъ на отведенномъ участкѣ, или освобождаетъ владѣльца отъ натуральныхъ повинностей (губерніи воронежская, казанская, пермская, рязанская, самарская, тамбовская, тульская); отдача на попеченіе опредѣленнымъ лицамъ, съ вознагражденіемъ ихъ за то на счетъ общества или съ освобожденіемъ ихъ отъ уплаты мірскихъ сборовъ (губерніи астраханская, бессарабская, витебская, калужская, костромская, новгородская, рязанская, самарская, саратовская, симбирская, тульская, ярославская). Почти повсемѣстно призрѣніе лежитъ на обязанности однихъ только сельскихъ обществъ [1]); волость принимаетъ въ немъ участіе очень рѣдко, заботясь, притомъ, преимущественно о лицахъ, приписанныхъ къ волости (губерніи воронежская, тверская, ярославская). Болѣе активную роль волость играетъ только тамъ, гдѣ устроиваются особые пріюты или богадельни (губерніи витебская, вятская, костромская, могилевская, нижегородская, пермская, псковская, смоленская, ярославская); иногда, впрочемъ, такія учрежденія содержатся на счетъ сельскихъ обществъ (губерніи бессарабская, рязанская, самарская), церковно-приходскихъ попечительствъ (губерніи вятская, пермская, псковская, тверская) или частныхъ лицъ (губерніи вятская, казанская, нижегородская). Число богаделенъ и пріютовъ въ послѣднее время, повидимому, ростетъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе понужденія со стороны губернскихъ властей и земскихъ начальниковъ (см. заключенія совѣщаній могилевскаго, нижегородскаго, пермскаго, рязанскаго, саратовскаго, тульскаго). До какой степени нежелателенъ въ этой сферѣ крестьянскаго быта излишне-стремительный и авторитетный напоръ и натискъ—объ этомъ свидѣтельствуютъ весьма ярко факты, приводимые губернскими совѣщаніями. Въ селѣ Борисоглѣбовкѣ, новоузенскаго уѣзда самарской губерніи, крестьяне, по уговору земскаго начальника, постановили отчислить извѣстную сумму изъ доходовъ ссудо-сберегательной кассы на устройство пріюта для убогихъ. Построили хорошій домъ, снабдили его всѣмъ необходимымъ, наняли прислугу и обезпечили содержаніе призрѣваемыхъ. Несмотря на то, что въ волости немало совершенно дряхлыхъ и бѣдныхъ стариковъ и старухъ, въ пріютъ не пожелалъ поступить *никто*, и онъ остался совершенно пустымъ. Что это не исключительный случай,—замѣчаетъ самарское совѣщаніе,—„можно

[1]) *Какихъ* сельскихъ обществъ—административныхъ или хозяйственныхъ—этого изъ заключеній большинства совѣщаній не видно; только въ заключеніи ярославскаго совѣщанія указано на то, что административныя сельскія общества очень рѣдко принимаютъ на себя обязанности по призрѣнію, обременяющія, главнымъ образомъ, хозяйственныя общины.

убѣдиться и изъ отзыва бузулукскаго уѣзднаго съѣзда, который отклоняетъ мысль объ устройствѣ богаделенъ на томъ основаніи, что *каждый* дряхлый старикъ и старуха согласятся лучше питаться коркой черстваго хлѣба съ водой, чѣмъ жить хоть и въ благоустроенномъ учрежденіи, но не на свободѣ". Въ саратовской губерніи, по словамъ мѣстнаго совѣщанія, „есть четыре пріюта для сиротъ, организованные земскимъ начальникомъ, при чемъ для содержанія пріютовъ, по принципу, должна служить принадлежащая сиротамъ надѣльная земля; но организація этихъ пріютовъ на практикѣ не выдерживаетъ критики" [1]). Богадельни — говоритъ смоленское совѣщаніе — „отрываютъ человѣка отъ обыкновенной обстановки жизни, отъ знакомой среды, ибо онѣ, по необходимости, могутъ быть лишь въ извѣстныхъ центрахъ; чѣмъ лучше онѣ устроены и чѣмъ дороже стоютъ, тѣмъ бо̀льшей требуютъ централизаціи. Свобода призрѣваемаго въ отношеніи передвиженія, образа жизни и занятій стѣснена; никакія близкія связи, хотя съ чужой семьей, которыя такъ дороги призрѣваемому, невозможны; призрѣваемый чувствуетъ себя уже совершенно изъятымъ изъ общей трудовой крестьянской жизни, съ чѣмъ, какъ показываетъ практика богаделенъ, крестьяне, не одержимые болѣзнью, не мирятся до послѣдней возможности". Крестьянское населеніе—читаемъ мы въ заключеніи ярославскаго совѣщанія—„очень неохотно идетъ въ богадельни, предпочитая или жить на хлѣбахъ изъ милости у ближайшихъ родственниковъ, или же побираться Христовымъ именемъ. Вслѣдствіе этого, напримѣръ, въ рыбинскомъ уѣздѣ, въ срѣтенской волости, богадельня существуетъ только номинально, такъ какъ призрѣваемыхъ въ ней нѣтъ, т.-е. они не живутъ въ ней, а проживаютъ у родственниковъ или у частныхъ лицъ, получая изъ процентовъ съ богаделеннаго капитала ежемѣсячное пособіе на пропитаніе и на уплату за постой. Въ ярославскомъ уѣздѣ были закрыты двѣ богадельни, имѣвшія свои собственныя зданія, за отсутствіемъ желающихъ помѣститься въ нихъ, и призрѣніе производится путемъ выдачи на руки нуждающимся пособій изъ процентовъ съ капитала, предназначеннаго на содержаніе богадельни". Въ могилевской губерніи, крестьяне „неохотно поступаютъ въ дома призрѣнія, а предпочитаютъ пособія отъ волости или общества, тѣмъ болѣе, что бо̀льшая часть лицъ, нуждающихся въ призрѣніи, проживая постоянно въ селеніяхъ, имѣютъ свои собственныя хижины"... Кое-какія статистическія данныя о числѣ нуждающихся въ призрѣніи сообщаютъ только совѣщанія смоленское и тверское. Въ десяти уѣздахъ тверской губерніи (объ уѣздахъ ста-

[1]) Любопытно было бы знать, идетъ ли здѣсь рѣчь объ извѣстныхъ пріютахъ г. Жеденева?

рицкомъ и калязинскомъ свѣденій не доставлено) нищихъ насчитывается около 9.500, въ томъ числѣ 4.500 неспособныхъ къ труду. Въ смоленской губерніи (за исключеніемъ сорока волостей, о которыхъ свѣденій не собрано) на 1.168.000 жителей оказалось 5.486 человѣкъ, нуждающихся въ призрѣніи и имѣющихъ на него право по закону. Изъ нихъ только 2.039 призрѣвались на самомъ дѣлѣ; отчасти трудомъ, отчасти нищенствомъ существовало 47, исключительно нищенствомъ—3.400. Изъ числа призрѣваемыхъ 1323 пользовались пособіемъ отъ казны, 148—пособіями отъ разныхъ лицъ и учрежденій, и только 558, т.-е. 10% общаго числа нуждающихся, призрѣвались крестьянами: 56 помѣщались въ богадельняхъ, 51 жили въ церковныхъ сторожкахъ, не получая пропитанія, 79 получали пособіе отъ сельскихъ обществъ, 80 содержались на счетъ частной благотворительности крестьянъ, остальные пользовались, по приговорамъ обществъ, „подворнымъ кормленіемъ".

Таково настоящее положеніе сельскаго общественнаго призрѣнія, въ высшей степени плачевное. Это не помѣшало, однако, многимъ губернскимъ совѣщаніямъ высказаться за сохраненіе, вполнѣ, или во всемъ существенномъ, дѣйствующаго порядка (т.-е. безпорядка). Сюда принадлежатъ, прежде всего, совѣщанія бессарабское, волынское, казанское и саратовское, мотивирующія свой безусловно отрицательный отвѣтъ ссылкою на бѣдность населенія и на непониманіе имъ полезныхъ сторонъ правильно организованной помощи нуждающимся. Совѣщанія калужское и пермское полагаютъ, что прежде приступа къ реформѣ необходимо образовать и довести до значительныхъ размѣровъ особые капиталы общественнаго призрѣнія. Совѣщанія архангельское, воронежское, костромское, олонецкое, оренбургское, пензенское, симбирское, тамбовское, харьковское, черниговское, высказываются за установленіе особаго мірского сбора на общественное призрѣніе или за отчисленіе на этотъ предметъ извѣстной части общественныхъ доходовъ [1]). Завѣдываніе призрѣніемъ всѣ эти совѣщанія оставляютъ за сельскими обществами; только харьковское совѣщаніе проектируетъ образованіе при каждомъ сельскомъ обществѣ особаго комитета, изъ священника, сельскаго старосты и нѣсколькихъ выборныхъ, для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, касающихся призрѣнія. Таврическое губернское совѣщаніе, ничего не говоря о сборахъ на призрѣніе, предлагаетъ возложить завѣдываніе имъ на особыя въ каж-

[1]) Оренбургское совѣщаніе, *допуская* установленіе денежнаго сбора на общественное призрѣніе, предпочитаетъ ему патріархальныя мѣры, въ родѣ слѣдующихъ: „староста беретъ лошадь и, вмѣстѣ съ неимущими, идетъ изъ двора во дворъ, предлагая дать по ломотку хлѣба; въ концѣ объѣзда, особенно въ многолюдныхъ селахъ, оказывается собраннымъ возъ хлѣба, пудовъ 10—20".

домъ селѣ попечительства о бѣдныхъ. Симбирское совѣщаніе поручаетъ дѣло призрѣнія тому же учрежденію, которому, по мнѣнію совѣщанія, должно быть ввѣрено завѣдываніе крестьянскими опеками—опекунскому совѣту, составленному изъ волостного старшины, волостныхъ судей и сельскаго старосты, но располагающему, для пособія нуждающимся въ каждомъ обществѣ, только средствами этого общества. Уфимское совѣщаніе, также сохраняя за сборами на призрѣніе сельско-общественный характеръ, предоставляетъ назначеніе пособій волостному правленію. Самарское губернское совѣщаніе, вѣрное своему оптимизму, не видитъ надобности измѣнять положеніе вещей, открывающее полный просторъ подаяніямъ Христа ради, и предлагаетъ образовать особые капиталы, предназначенные для благотворительности, только въ богатыхъ торговыхъ селахъ. Въ одномъ лишь отношеніи самарское совѣщаніе впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою: оно считаетъ нужнымъ наблюдать, чтобы сельскія общества не уклонялись отъ исполненія своихъ обязанностей по общественному призрѣнію, между тѣмъ какъ оффиціальный надзоръ и свободная дѣятельность „простой народной души"—понятія очевидно несовмѣстимыя между собою... Послѣдовательнымъ остается и нижегородское совѣщаніе, отстаивая излюбленный имъ „естественный порядокъ". Оно полагаетъ, что „устройство полнаго призрѣнія слабыхъ и неимущихъ можетъ породить лѣнь и тунеядство, съ одной стороны, а съ другой—создать ненормальное положеніе, поставивъ призрѣваемыхъ въ лучшія условія, чѣмъ тѣ, въ которыхъ находятся весьма многіе изъ крестьянъ; да и настоятельной нужды въ этомъ не замѣчается, такъ какъ всѣ дѣйствительно нуждающіеся въ помощи въ селеніяхъ получаютъ таковую въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ всей сельской обстановкѣ и средствамъ населенія" [1]). Какимъ образомъ можно опасаться развитія *лѣни* и *тунеядства* между дряхлыми и увѣчными, неспособными трудиться—это секретъ нижегородскаго совѣщанія. Что касается до лучшихъ, будто бы, условій, въ которыя могутъ быть поставлены призрѣваемые, то, во-первыхъ, дряхлаго и больного негрѣшно немножко и побаловать, т.-е. доставить ему крошечныя удобства, отсутствіе которыхъ едва замѣчаетъ здоровый, сильный человѣкъ; во-вторыхъ, даже и при „полномъ призрѣніи" обстановка призрѣваемыхъ далеко не всегда будетъ лучше средней обстановки крестьянскаго дома, особенно если принять во вниманіе одиночество и заброшенность большинства нуждающихся въ призрѣніи. Одну только перемѣну нижегородское совѣщаніе считаетъ возможной, и то условно:

[1]) О „деморализующемъ вліяніи излишней гуманности" говоритъ и симбирское губ. совѣщаніе", но не приходитъ къ столь прямолинейнымъ выводамъ, какъ нижегородское.

переходъ дѣла призрѣнія отъ сельскихъ обществъ къ волости, если за послѣдней будетъ признано право на питейный доходъ. Питейная монополія казны—введеніе которой въ нижегородской губерніи, какъ и во всѣхъ другихъ, составляетъ только вопросъ времени, — устраняетъ питейные доходы крестьянскихъ обществъ; оговорка, сдѣланная нижегородскимъ совѣщаніемъ, равносильна, слѣдовательно, оставленію общественнаго призрѣнія въ завѣдываніи сельскихъ обществъ.

Большинствомъ совѣщаній, допускающихъ необходимость серьезныхъ преобразованій, замѣна сельскаго общества другою, болѣе крупною единицей разсматривается какъ conditio sine qua non раціональной организаціи общественнаго призрѣнія. Согласныя въ этомъ, они расходятся между собою въ выборѣ преемника сельскому обществу. Одни (владимірское, вятское, подольское, полтавское, с.-петербургское, ярославское) ограничиваются предложеніемъ замѣнить сельское общество волостью, т.-е. возложить завѣдываніе общественнымъ призрѣніемъ на волостные сходы и волостныя правленія; къ этому мнѣнію близко подходитъ тверское совѣщаніе, привлекающее волость къ *участію* въ дѣлѣ призрѣнія. Другія совѣщанія (астраханское, виленское, вологодское, витебское, гродненское, екатеринославское, ковенское, курское, могилевское, псковское) высказываются за учрежденіе особыхъ волостныхъ попечительствъ или попечительныхъ совѣтовъ. По мнѣнію совѣщаній астраханскаго, виленскаго и вологодскаго составъ этихъ попечительствъ долженъ быть исключительно крестьянскій (волостной старшина, выборные отъ волостного схода, сельскіе старосты); совѣщанія гродненское, могилевское, екатеринославское, витебское и псковское вводятъ въ него мѣстныхъ приходскихъ священниковъ; совѣщаніе витебское, сверхъ того, возлагаетъ предсѣдательство въ попечительствѣ на непремѣннаго члена крестьянскаго присутствія или земскаго начальника и создаетъ почетныхъ членовъ попечительства—постороннихъ лицъ, сдѣлавшихъ опредѣленный денежный взносъ на его надобности; такихъ же почетныхъ попечителей, изъ числа мѣстныхъ землевладѣльцевъ, желаетъ видѣть въ попечительствѣ и могилевское совѣщаніе; гродненское совѣщаніе присоединяетъ къ числу членовъ попечительства мирового посредника и постороннихъ лицъ, по приглашенію волостного старшины, а въ предсѣдатели намѣчаетъ лицо, избранное (кѣмъ ?) изъ мѣстныхъ жителей, извѣстныхъ своею благотворительностью и порядочностью; екатеринославское совѣщаніе считаетъ возможнымъ допускать въ попечительство, по приглашенію схода, и не-крестьянъ, проживающихъ въ предѣлахъ волости; ковенское и курское совѣщанія, наконецъ, не даютъ никакихъ опредѣленныхъ указаній относительно состава проектируемыхъ ими попечительствъ. По мнѣнію гродненскаго совѣщанія, одно попечительство

должно быть устраиваемо для нѣсколькихъ волостей (примѣрно — четырехъ); всѣ остальныя совѣщанія, стоящія за устройство попечительствъ, пріурочиваютъ ихъ къ отдѣльнымъ волостямъ, а екатеринославское совѣщаніе признаетъ, сверхъ того, желательнымъ, чтобы попечительства двухъ или трехъ волостей, въ случаѣ надобности, соединялись въ одно цѣлое. Совѣщанія рязанское и тульское одинаково готовы поручить дѣло призрѣнія какъ волостному попечительству, такъ и церковно-приходскому; въ составъ попечительства во всякомъ случаѣ должны входить мѣстные священники, а по мнѣнію рязанскаго совѣщанія оно должно состоять, кромѣ того, изъ земскаго начальника (какъ предсѣдателя), волостного старшины, сельскихъ старостъ, выборныхъ отъ сельскихъ обществъ и другихъ лицъ, извѣстныхъ своею благотворительностью. Минское губ. совѣщаніе высказывается за сосредоточеніе дѣла призрѣнія въ соединенномъ совѣтѣ членовъ церковно-приходскаго попечительства и волостныхъ правленій, подъ почетнымъ блюстительствомъ мѣстнаго священника. Новгородское губ. совѣщаніе предлагаетъ пріурочить дѣло призрѣнія къ приходу и поручить его церковно-приходскимъ попечительствамъ; того же мнѣнія держится одинъ изъ членовъ тверского совѣщанія, С. Д. Квашнинъ-Самаринъ, а также многіе уѣздные съѣзды воронежской губерніи. Надзоръ за попечительствами многія совѣщанія предлагаютъ возложить на земскихъ начальниковъ; псковское совѣщаніе проектируетъ съ этою цѣлью особыя уѣздныя попечительства, въ составѣ предводителя дворянства (какъ предсѣдателя), членовъ уѣзднаго съѣзда и члена уѣздной земской управы, завѣдующаго земскими богоугодными заведеніями, и при участіи, по вопросамъ, касающимся того или другого волостного попечительства, предсѣдателя его или мѣстнаго священника. Особнякомъ стоятъ, наконецъ, три совѣщанія — херсонское, орловское и смоленское: первое возлагаетъ всѣ обязанности по призрѣнію на уѣздныя земства, въ распоряженіе которыхъ долженъ поступать особый налогъ на устройство мѣстъ призрѣнія (то же самое предлагаетъ и одинъ изъ членовъ тверского совѣщанія, А. П. Апостоловъ); второе находитъ, что благотворительныя учрежденія должны быть отнесены или къ частной иниціативѣ, или, если представится возможнымъ, на счетъ государства (что не мѣшаетъ совѣщанію, однако, признавать за нуждающимся право *требовать* призрѣнія отъ сельскаго общества, черезъ посредство волостного суда); третье считаетъ общественное призрѣніе дѣломъ безусловно общегосударственнымъ и высказываетъ это убѣжденіе не мимоходомъ, какъ орловское совѣщаніе, а съ весьма обстоятельными мотивами. Объ участіи въ общественномъ призрѣніи государства, а также земства, говоритъ и новгородское совѣщаніе, относя къ вѣденію правительства и губернскаго зем-

ства содержаніе центральныхъ учрежденій (больницъ для умалишенныхъ и неизлечимо-больныхъ, работныхъ домовъ и т. п.), а къ вѣденію уѣздныхъ земствъ—содержаніе уѣздныхъ больницъ, пріемныхъ покоевъ, пріютовъ для круглыхъ сиротъ, убѣжищъ для калѣкъ и домовъ трудолюбія.

Источники, изъ которыхъ можно было бы почерпнуть средства для болѣе широкой организаціи сельскаго общественнаго призрѣнія, всѣми совѣщаніями, касающимися этого вопроса, изыскиваются почти исключительно въ сферѣ крестьянскихъ средствъ, т.-е. мірскихъ (волостныхъ и сельскихъ) доходовъ. Нѣкоторыя совѣщанія (воронежское, оренбургское, пензенское) ограничиваются указаніемъ на необходимость включить въ расходную мірскую смѣту особыя суммы на общественное призрѣніе (напр. по 18 руб. на призрѣваемаго); большинство опредѣляетъ точнѣе, откуда должны быть взяты эти суммы. Весьма многія совѣщанія предлагаютъ обратить на надобности призрѣнія, цѣликомъ или частью: 1) штрафныя суммы, т.-е. денежныя взысканія, налагаемыя земскими начальниками (или мировыми посредниками), волостными старшинами, сельскими старостами, волостными судами; 2) доходы съ мірскихъ оброчныхъ статей и проценты съ мірскихъ капиталовъ, и 3) питейный доходъ, т.-е. плату за разрѣшеніе питейной продажи (эта статья дохода, какъ мы уже замѣтили, должна отпасть съ введеніемъ питейной монополіи, если не будетъ признано справедливымъ замѣнить ее вспомоществованіемъ изъ средствъ казны). Довольно часто также идетъ рѣчь о паспортномъ сборѣ, особомъ или общемъ; но этотъ источникъ дохода уничтоженъ недавно состоявшейся отмѣной паспортнаго налога. Рѣже предлагаются: обязательная ссыпка хлѣба въ пользу нуждающихся; взиманіе особаго сбора съ жалобъ, подаваемыхъ въ волостной судъ, и съ сдѣлокъ, совершаемыхъ въ волостномъ правленіи; отчисленіе извѣстныхъ суммъ изъ чистаго дохода сельскихъ банковъ и ссудосберегательныхъ кассъ; обязательный отводъ земли подъ благотворительныя учрежденія. Всего чаще, наоборотъ, встрѣчается предложеніе установить особый сборъ на общественное призрѣніе. Иногда оно обусловливается недостаточностью другихъ источниковъ, но бо̀льшею частью дѣлается безъ всякихъ оговорокъ; нѣкоторыя совѣщанія опредѣляютъ даже приблизительный размѣръ сбора (напр., 2 коп. съ ревизской души—вятское совѣщаніе; 1-2 коп. съ десятины—минское совѣщаніе). Что касается до желательныхъ формъ призрѣнія, то о нихъ въ заключеніяхъ совѣщаній говорится мало. За учрежденіе богаделенъ (домовъ призрѣнія, помѣщеній для нуждающихся) высказываются, прямо или косвенно, совѣщанія виленское, витебское, вятское, гродненское, екатеринославское, минское, могилевское, новгородское, олонецкое, подольское, псковское, рязанское, с.-пе-

тербургское, тульское, черниговское, ярославское. Самарское совѣщаніе рекомендуетъ въ особенности устройство, на время лѣтнихъ работъ, пріютовъ (ясель) для дѣтей. Ярославское совѣщаніе находитъ, что „всѣ монастыри, братства и общины, какъ мужскіе, такъ и женскіе, безъ ущерба для святыни или своихъ историческихъ заслугъ и съ увеличеніемъ своего нравственнаго значенія, могли бы принять на себя роль государственныхъ пріютовъ для убогихъ и вообще всѣхъ достойныхъ призрѣнія". Смоленское губернское совѣщаніе признаетъ лучшей формой помощи денежное пособіе отъ казны, въ родѣ того, которое (въ размѣрѣ трехъ рублей ежемѣсячно) получаютъ, при извѣстныхъ условіяхъ, „николаевскіе солдаты" (т.-е. солдаты, поступившіе на службу при императорѣ Николаѣ I). По словамъ совѣщанія, „лицо неспособное къ труду въ той мѣрѣ, въ какой онъ можетъ дать средства къ пропитанію, но въ то же время не лишенное, вслѣдствіе тяжкаго увѣчья или болѣзни, возможности дѣлать кое-что и жить среди обычной обстановки, всегда предпочтетъ ничтожное денежное пособіе помѣщенію въ богадельню". Кромѣ того, „всякая организація дѣла призрѣнія не въ формѣ выдачи денежныхъ пособій требуетъ большихъ затратъ на ея устройство и надзоръ за нею. Всѣ эти расходы оказываются совершенно непроизводительными въ отношеніи лицъ, которыя при денежномъ пособіи могутъ сами себя устроить гораздо лучше. Богадельни и всякія иныя подобныя учрежденія необходимы лишь для призрѣнія или дряхлыхъ и больныхъ, требующихъ леченья и ухода, или же малолѣтнихъ сиротъ, если только и въ отношеніи ихъ не представляется болѣе удобной отдача на воспитаніе за вознагражденіе".

Какъ ни скудны фактическія данныя, сообщаемыя совѣщаніями, какъ ни различны ихъ взгляды на настоящее положеніе сельскаго общественнаго призрѣнія и на его устройство въ будущемъ, нѣкоторые общіе выводы изъ массы сгруппированнаго выше матеріала вытекаютъ, думается намъ, сами собою. Явно нецѣлесообразнымъ представляется, прежде всего, пріуроченіе дѣла призрѣнія исключительно къ сельскому обществу. Отношеніе между числомъ нуждающихся въ призрѣніи и числомъ членовъ общества не вездѣ и не всегда одинаково; далеко не одинаковы и средства, которыми располагаютъ общества. Въ обществахъ богатыхъ и многолюдныхъ можетъ быть сравнительно мало безпомощныхъ, безпріютныхъ стариковъ, калѣкъ и сиротъ; въ бѣдномъ и небольшомъ обществѣ ихъ можетъ быть, наоборотъ, несоразмѣрно много. Въ болѣе слабой степени здѣсь повторяется явленіе, наблюдаемое при страхованіи отъ огня или другихъ бѣдствій: чѣмъ меньше сфера дѣйствія, тѣмъ больше рискъ, тѣмъ

тягостнѣе бремя. Еслибы взаимное страхованіе отъ огня ограничивалось предѣлами селенія, всякій большой пожаръ былъ бы полнымъ разореніемъ для жителей; въ аналогичномъ, хотя и менѣе тяжеломъ положеніи находится село, въ которомъ—напримѣръ, вслѣдствіе холерной эпидеміи—внезапно и сильно увеличилось число сиротъ, разъ что призрѣніе ихъ упадаетъ всецѣло на уцѣлѣвшихъ односельцевъ. Если это не бросается въ глаза, то только потому, что обязанность призрѣнія, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, остается у насъ мертвой буквой; понимаемая и исполняемая серьезно, она сплошь и рядомъ оказалась бы непосильной для сельскаго общества. На какомъ сельскомъ обществѣ, далѣе, лежитъ обязанность призрѣнія—на административномъ или на хозяйственномъ? Если на хозяйственномъ (какъ это, судя по отзыву ярославскаго совѣщанія, часто наблюдается на практикѣ), то все сказанное нами до сихъ поръ получаетъ еще бо́льшую силу, такъ какъ общины бываютъ, сплошь и рядомъ, очень маленькія, и неравномѣрное распредѣленіе заботы о нуждающихся для нихъ особенно чувствительно; если на административномъ (какъ это можно вывести изъ буквы закона), то здѣсь гораздо меньше взаимная близость и солидарность членовъ общества, т.-е. слабѣе единственный мотивъ, говорящій въ пользу сохраненія существующаго порядка... Сосредоточеніе призрѣнія въ рукахъ сельскаго общества, и только его одного, до крайности затрудняетъ переходъ къ болѣе сложнымъ и правильнымъ формамъ призрѣнія; оно увѣковѣчиваетъ такіе первобытные пріемы, какъ „подворное кормленіе“, какъ собираніе ломтей черстваго хлѣба, какъ помѣщеніе убогаго старика въ церковной сторожкѣ или въ полу-развалившейся избѣ, безъ всякаго попеченія о его пропитаніи и одеждѣ. Все это вмѣстѣ взятое поощряетъ и развиваетъ нищенство, т.-е. одно изъ наиболѣе печальныхъ явленій деревенской жизни. Равнодушно относиться къ такимъ цифрамъ, какъ приводимыя смоленскимъ совѣщаніемъ (3.400 нищенствующихъ изъ 5.486 имѣющихъ право на призрѣніе) могутъ только счастливые обладатели сантиментальныхъ или черство-разсудительныхъ формулъ, оправдывающихъ самую жалкую дѣйствительность. Массовое нищенство—и притомъ именно нищенство въ деревняхъ, гдѣ оно весьма рѣдко обусловливается нежеланіемъ работать,—нищенство дѣтей, калѣкъ, стариковъ служитъ постояннымъ упрекомъ обществу и государству, постояннымъ напоминаніемъ о неисполненномъ ихъ долгѣ. Софизмы немногихъ совѣщаній, не желающихъ понять этой простой истины, встрѣчаютъ, къ счастію, рѣшительный отпоръ въ большинствѣ заключеній: двадцать-четыре совѣщанія (изъ числа сорока-четырехъ) стоятъ за возложеніе общественнаго призрѣнія на единицу болѣе крупную, чѣмъ сельское общество, да и въ средѣ меньшинства

высказываются взгляды, логическое развитіе которыхъ должно привести къ существенному измѣненію дѣйствующей системы (припомнимъ, напр., мнѣнія совѣщаній симбирскаго и таврическаго). Всего дальше идетъ, въ этомъ отношеніи, смоленское губернское совѣщаніе, провозглашая общественное призрѣніе дѣломъ общегосударственнымъ; но оно касается только финансовой стороны дѣла, совершенно упуская изъ виду самые органы призрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что *средства* къ призрѣнію будетъ давать исключительно государство; этимъ еще отнюдь не предрѣшается вопросъ, *кто* будетъ распредѣлять ихъ, кто будетъ назначать пособія и завѣдывать богадельнями и пріютами (пользу которыхъ, при извѣстныхъ условіяхъ, не отрицаетъ, какъ мы уже видѣли, и смоленское совѣщаніе). Возложить всѣ эти функціи на органы государственной власти. т.-е. на чиновниковъ (напр. на земскихъ начальниковъ), значило бы обратить живое дѣло въ канцелярскую работу и порвать или значительно ослабить связь, которая должна соединять, въ области призрѣнія, дѣятельность государства съ дѣятельностью мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, частныхъ обществъ и частныхъ лицъ. Государство слишкомъ далеко отъ нуждающихся; необходимы посредствующія звенья, изъ которыхъ послѣднее, низшее прямо соприкасалось бы съ населеніемъ. Такимъ низшимъ звеномъ не можетъ служить даже уѣздное земство; оно можетъ участвовать въ общемъ трудѣ, можетъ давать часть требуемыхъ имъ средствъ, но не можетъ принять на себя непосредственное веденіе дѣла—опредѣленіе вида и размѣра помощи, въ которой нуждается каждое отдѣльное лицо, своевременное ея увеличеніе или уменьшеніе, замѣну одной формы призрѣнія другою, устройство миніатюрныхъ богаделенъ или пріютовъ, предназначенныхъ для небольшой группы населенія. Все это возможно только для территоріальной самоуправляющейся единицы, болѣе обширной, чѣмъ сельское общество, но значительно меньшей, чѣмъ уѣздъ [1]). Такой единицей является *волость*. Обнимая собою нѣсколько сельскихъ обществъ, волость можетъ распредѣлять между ними болѣе уравнительно бремя общественнаго призрѣнія; близко соприкасаясь съ каждымъ обществомъ, она можетъ, при участіи его представителей, опредѣлять съ наибольшею точностью, кто изъ его членовъ нуждается въ помощи, и въ какой именно. Чтобы быть глубоко заинтересованнымъ въ дѣлѣ, нужно участвовать въ немъ какъ

[1]) Недоброжелатели земства часто упрекаютъ его за то, что оно слишкомъ мало сдѣлало и дѣлаетъ для общественнаго призрѣнія. Этотъ упрекъ несправедливъ не только потому, что у земства не хватаетъ средствъ для исполненія всѣхъ лежащихъ на немъ задачъ, но и потому, что, не имѣя органовъ на мѣстахъ, земство затруднялось взять на себя устройство дѣла, требующаго постоянной близости къ населенію.

морально, такъ и матеріально; волость не должна, поэтому, ограничиваться выдачею пособій изъ суммъ, получаемыхъ ею со стороны—отъ казны или отъ земства,—и устройствомъ, на тѣ же суммы, различныхъ благотворительныхъ учрежденій. Часть расходовъ на призрѣніе непремѣнно должна быть покрываема средствами самой волости—доходами съ принадлежащихъ ей оброчныхъ статей, процентами съ ея капиталовъ, сборами съ имуществъ, лежащихъ въ ея предѣлахъ, или съ лицъ, входящихъ въ составъ ея населенія. Само собою разумѣется, однако, что *живымъ дѣломъ* общественное призрѣніе можетъ стать только въ рукахъ *живой волости*—волости, ясно сознающей свои нужды и самостоятельно заботящейся о ихъ удовлетвореніи. Ничего подобнаго нельзя сказать о нынѣшней крестьянской волости, имѣющей почти исключительное административное значеніе. Волостной сходъ обратился почти вездѣ въ выборную машину, приводимую въ движеніе, сплошь и рядомъ, постороннею рукою; волостное правленіе сдѣлалось присутственнымъ мѣстомъ, изнемогающимъ подъ тяжестью переписки, книговодства и счетоводства. Возложить общественное призрѣніе на волость, ничего не измѣняя въ ея устройствѣ, значило бы сдѣлать шагъ не впередъ, а назадъ; средствъ для призрѣнія было бы нѣсколько больше, но призрѣваемымъ отъ этого не стало бы легче. Патріархальная рутина сельскаго схода уступила бы мѣсто канцелярской рутинѣ волостного правленія, въ лучшемъ случаѣ—формально-правильной, въ худшемъ—прикрывающей собою цѣлый рядъ злоупотребленій. Это понимаютъ, очевидно, тѣ совѣщанія, которыя, признавая неспособность сельскихъ обществъ справиться съ дѣломъ общественнаго призрѣнія, предлагаютъ передать его не общимъ волостнымъ учрежденіямъ, а попечительствамъ, существующимъ (церковно-приходскимъ) или вновь проектируемымъ (волостнымъ). Замѣчательно, что за церковно-приходскія попечительства высказываются лишь весьма немногія совѣщанія (безусловно и исключительно—даже только одно, новгородское). И это совершенно понятно. Во-первыхъ, церковно-приходскія попечительства до сихъ поръ очень мало занимались дѣломъ призрѣнія (припомнимъ, что о дѣятельности ихъ по этому предмету упоминаютъ только четыре совѣщанія); ихъ прошедшее не позволяетъ ожидать отъ нихъ многаго и въ будущемъ. Во-вторыхъ, приходъ—единица, въ большинствѣ случаевъ, недостаточно обширная для успѣшной организаціи общественнаго призрѣнія. Въ-третьихъ, тамъ, гдѣ въ средѣ населенія не мало иновѣрцевъ, опасно было бы ставить дѣло призрѣнія какъ бы на вѣроисповѣдную почву, отдавая его въ руки учрежденія, тѣсно связаннаго съ господствующею церковью. Въ-четвертыхъ, правильно устроенное дѣло общественнаго призрѣнія требуетъ участія, а слѣдовательно и контроля

со стороны государства, между тѣмъ какъ церковно-приходскія попечительства, подъ опасеніемъ потери церковнаго характера, должны оставаться въ вѣденіи духовной власти. Тѣ же самыя соображенія говорятъ и противъ смѣшаннаго состава присутствія, предлагаемаго минскимъ совѣщаніемъ. Что первой, ближайшей къ населенію всесословной самоуправляющейся единицей долженъ быть *не* приходъ—объ этомъ намъ уже не разъ приходилось говорить подробно [1]); къ тому же выводу пришло, очевидно, и большинство совѣщаній. Что касается до *волостныхъ* попечительствъ, проектируемыхъ десятью совѣщаніями (не считая тѣхъ двухъ, для которыхъ безразлично учрежденіе попечительствъ волостныхъ или церковно-приходскихъ), то они распадаются на двѣ категоріи: одни представляются, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ отдѣленіями волостныхъ правленій, сохраняющими характеръ исключительно крестьянскій; другія покидаютъ, болѣе или менѣе, почву сословнаго строя и присоединяютъ къ крестьянамъ священниковъ и другихъ мѣстныхъ жителей. Попечительства второй категоріи—это слабыя, робкія попытки приближенія къ всесословной волости. Въ заключеніяхъ совѣщаній по вопросу объ общественномъ призрѣніи повторяется, такимъ образомъ, то же явленіе, какое мы видѣли въ заключеніяхъ по вопросу о мірскихъ сборахъ: признаніе неудовлетворительности существующаго порядка, общее громадному большинству совѣщаній, приводитъ наиболѣе послѣдовательныя изъ нихъ къ мысли о коренной реформѣ—и только особыя обстоятельства, при которыхъ происходилъ опросъ совѣщаній, помѣшали этой мысли принять болѣе ясную форму и выразиться въ опредѣленныхъ очертаніяхъ.

Если разсматривать занимающій насъ вопросъ безъ предвзятой точки зрѣнія и не въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, въ какихъ онъ поставленъ программой министерства внутреннихъ дѣлъ, то именно онъ можетъ и долженъ дать множество аргументовъ въ пользу *всесословной* волости. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ парализовало и парализуетъ до сихъ поръ развитіе сельскаго общественнаго призрѣнія? Двѣ главныя причины: недостатокъ матеріальныхъ средствъ и недостатокъ личныхъ силъ. Первому передача общественнаго призрѣнія въ вѣденіе волости (т.-е. нынѣшней, крестьянской волости) можетъ пособить только отчасти, уравнительнѣе распредѣливъ тяжесть затратъ, но не облегчивъ ее абсолютно. Какіе бы ни были придуманы источники для покрытія увеличивающихся расходовъ на призрѣніе (а увеличеніе ихъ почти

[1]) См., напр., Внутреннее Обозрѣніе въ № 9 „Вѣстн. Европы“ за 1888 г.

всѣ совѣщанія признаютъ, какъ мы видѣли, необходимымъ), податное бремя, и теперь уже часто непосильное для крестьянъ, неизбѣжно возрастетъ: къ мірскимъ сборамъ присоединится или спеціальный сборъ, проектируемый многими совѣщаніями, или добавочный платежъ для пополненія пробѣловъ, образующихся въ волостныхъ доходахъ отъ обращенія той или другой ихъ части на надобности призрѣнія [1]). Безъ большого обремененія для крестьянъ *мѣстные* сборы на общественное призрѣніе могутъ быть доведены до надлежащей высоты только въ такомъ случаѣ, если къ обложенію ими будутъ привлечены *всѣ* имущества, находящіяся въ предѣлахъ волости, все равно, къ какому бы сословію ни принадлежалъ владѣлецъ. Намъ возразятъ, быть можетъ, что землевладѣльцамъ не изъ числа мѣстныхъ крестьянъ нѣтъ никакого дѣла до нуждающихся крестьянъ, и что несправедливо было бы привлекать дворянъ, купцовъ, почетныхъ гражданъ къ обязательному участію въ помощи, которою никогда не воспользуется ни одинъ изъ нихъ. Въ нашихъ глазахъ такое возраженіе не имѣетъ никакой силы уже потому, что оно идетъ въ разрѣзъ съ основными началами всякой правильной податной системы. Привлекаются къ обложенію не только тѣ, которые непосредственно имъ пользуются, и не въ такой только мѣрѣ, въ какой они имъ пользуются. Разъ что извѣстный расходъ признанъ общеполезнымъ и необходимымъ, участіе въ его покрытіи становится общеобязательнымъ, и *степень* участія регулируется состоятельностью плательщика, а не прямою заинтересованностью его въ результатахъ, достигаемыхъ съ помощью расхода. О мѣстныхъ расходахъ это можно сказать съ такимъ же правомъ, какъ и о государственныхъ. Предоставляя мѣстнымъ органамъ самоуправленія, въ той или другой мѣрѣ, право обложенія мѣстными сборами, государство признаетъ, этимъ самымъ, что расходы, ими покрываемые, соотвѣтствуютъ интересамъ мѣстности, а слѣдовательно—и государства. Основаніемъ для раздѣленія налоговъ на государственные, губернскіе, уѣздные, волостные служатъ не столько внутреннія особенности каждой группы, сколько соображенія практическаго удобства. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить, что мѣстныя нужды часто удовлетворяются изъ государственныхъ средствъ, нужды государственныя—изъ средствъ мѣстныхъ... Со времени учрежденія коммиссіи статсъ-секретаря К. К. Грота, вопросъ о реформѣ общественнаго призрѣнія поставленъ у насъ на очередь не для одного

[1]) По разсчету смоленскаго губ. совѣщанія, для удовлетворенія нуждъ общественнаго призрѣнія изъ средствъ крестьянскаго населенія понадобилось бы увеличить мірскіе сборы на 20—25%.

только крестьянства, но для всего населенія имперіи [1]). Представимъ себѣ, что въ концѣ концовъ онъ былъ бы разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ предлагаетъ разрѣшить его смоленское губернское совѣщаніе, т.-е. въ смыслѣ признанія общественнаго призрѣнія дѣломъ безусловно и всецѣло общегосударственнымъ. Никого не удивило бы, въ такомъ случаѣ, возложеніе сопряженныхъ съ нимъ расходовъ на всѣ сословія, путемъ возвышенія одного или нѣсколькихъ налоговъ, взимаемыхъ съ имуществъ, а не съ лицъ. Что же нелогичнаго и несправедливаго, затѣмъ, въ привлеченіи всѣхъ сословій къ платежу, на то же самое дѣло, *мѣстнаго* сбора, если наиболѣе цѣлесообразной будетъ признана, въ данномъ случаѣ, именно эта форма обложенія?.. Совершенно невѣрно, далѣе, что землевладѣльцамъ не-крестьянамъ нѣтъ никакого дѣла до крестьянъ, нуждающихся въ призрѣніи. Оставляя въ сторонѣ общій вопросъ о солидарности всѣхъ группъ населенія, достаточно замѣтить, что чѣмъ больше развито нищенство—этотъ неразлучный спутникъ плохо организованнаго или вовсе не организованнаго призрѣнія,—тѣмъ чаще преступленія, угрожающія въ особенности болѣе состоятельному классу [2]), тѣмъ труднѣе охраненіе порядка и проведеніе мѣръ предосторожности противъ пожаровъ и заразительныхъ болѣзней, одинаково опасныхъ для всѣхъ сословій. Общей, дружной дѣятельности въ сферѣ общественнаго призрѣнія—точно также, какъ и въ сферѣ народной школы и народной медицины—требуетъ не только чувство долга, но и простое благоразуміе.

Вмѣстѣ съ матеріальными средствами, всесословная волость, и только она одна, можетъ дать дѣлу общественнаго призрѣнія необходимыя для него личныя силы. Только здѣсь можетъ найтись не мало людей, обладающихъ достаточнымъ досугомъ и достаточнымъ обезпеченіемъ для безвозмездной работы на пользу нуждающихся въ призрѣніи. У насъ въ Россіи принципъ безвозмезднаго служенія очень мало и рѣдко примѣнимъ къ должностямъ, сопряженнымъ съ властью и требующимъ постояннаго труда—да и распространеніе его въ этой сферѣ, по многимъ причинамъ, нельзя назвать желательнымъ. Иное дѣло—наблюденіе за небольшимъ пріютомъ или богадельней, собираніе свѣденій о нуждающихся, передача назначенныхъ имъ пособій, надзоръ за содержаніемъ ихъ въ частныхъ домахъ, куда они помѣщены. Всѣ

---

[1]) Закрытіе коммиссіи, вызванное болѣзнью ея предсѣдателя, ничего въ этомъ отношеніи не измѣнило, такъ какъ продолженіе начатой ею работы поручено министерству внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Характерны, въ этомъ отношеніи, слѣдующія слова черниговскаго совѣщанія: „въ черниговской губерніи общественное призрѣніе въ селеніяхъ почти отсутствуетъ; сироты, больные, дряхлые и неимущіе или проживаютъ у своихъ родственниковъ, или *занимаются нищенствомъ или воровствомъ*“.

эти обязанности легко могутъ быть исполняемы между дѣломъ, параллельно съ веденіемъ собственнаго хозяйства или другими занятіями; ихъ можетъ принять на себя, для небольшого района, любой мѣстный житель, пользующійся довѣріемъ населенія. Между землевладѣльцами, священниками, арендаторами, врачами, учителями нетрудно будетъ отыскать и нѣсколькихъ людей, которые, по выбору волостного схода, образовали бы, вмѣстѣ съ представителями сельскихъ обществъ, центральное попечительство, для общаго завѣдыванія призрѣніемъ въ предѣлахъ волости. Вознагражденія за свой небольшой трудъ члены попечительства, безъ сомнѣнія, не потребовали бы; многіе изъ нихъ отказались бы и отъ возмѣщенія расходовъ, сопряженныхъ съ пріѣздомъ, раза два въ мѣсяцъ, въ центральный пунктъ волости. Утвержденіе волостного бюджета общественнаго призрѣнія зависѣло бы, конечно, отъ волостного схода, а гарантіи противъ чрезмѣрнаго обложенія однихъ имуществъ сравнительно съ другими могли бы быть установлены тѣ же самыя, какъ и вообще по отношенію къ мірскимъ сборамъ. Тому же попечительству—или, въ многолюдныхъ и обширныхъ волостяхъ, другому или другимъ, такимъ же образомъ составленнымъ,—могло бы быть предоставлено завѣдываніе другими отраслями общеволостного хозяйства, касающимися всѣхъ жителей волости: волостными пріемными покоями, волостными школами, дорогами, мостами, а также раздачей, въ голодные годы, продовольственныхъ пособій. Повторяемъ еще разъ: хозяйственная всесословная волость могла бы существовать рядомъ съ теперешнею, крестьянскою, разъ что эта послѣдняя, какъ чисто-административная единица, будетъ признана необходимою составною частью организаціи, созданной законами 12-го іюля 1889 года. Пока институтъ земскихъ начальниковъ сохраняетъ свой настоящій характеръ, *замѣна* крестьянской волости всесословною не представляется желательною, потому что новое учрежденіе было бы неизбѣжно подчинено земскому начальнику, а *подчиненность* (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ подконтрольностью) совершенно извратила бы его значеніе. Къ чему ведетъ, въ области хозяйственнаго самоуправленія, исполненіе чужихъ внушеній, равносильныхъ приказаніямъ — это показываетъ съ особенною ясностью исторія богаделенъ и пріютовъ, учреждаемыхъ подъ давленіемъ власти (см. выше, заключенія совѣщаній могилевскаго, самарскаго, саратовскаго, смоленскаго, ярославскаго). Ихъ неудачу отнюдь нельзя приписать недостаткамъ данной формы призрѣнія или абсолютной непримѣнимости ея къ крестьянамъ. Въ той самой ярославской губерніи, напримѣръ, гдѣ нѣсколько богаделенъ существуетъ только номинально, есть богадельни и пріюты, переполненные призрѣваемыми; цѣлая сѣть богаделенъ раскинута и въ псковскомъ уѣздѣ, и намъ извѣстно,

что это дѣло, съ помощью уѣзднаго земства, поставлено тамъ очень хорошо. И дѣйствительно, есть случаи, въ которыхъ богадельня или пріютъ незамѣнимы [1]); нужно только, чтобы при ихъ устройствѣ были приняты во вниманіе особенности крестьянскихъ нравовъ, крестьянскихъ привычекъ, и чтобы онѣ были основываемы исключительно тамъ, гдѣ въ нихъ есть безспорная потребность, сознанная и населеніемъ вообще, и самими нуждающимися. Въ виду нежеланія крестьянъ разставаться съ обычной обстановкой, небольшая богадельня, близкая къ прежнему мѣсту жительства призрѣваемыхъ, почти всегда будетъ имѣть преимущество передъ болѣе отдаленною и разсчитанною на бо́льшее число лицъ, хотя бы послѣдняя и была устроена съ гораздо бо́льшимъ комфортомъ. Во многихъ случаяхъ можно будетъ даже обойтись безъ устройства богаделенъ въ полномъ смыслѣ этого слова, а просто нанимать обыкновенныя крестьянскія избы для помѣщенія въ нихъ, подъ присмотромъ добраго человѣка, нѣсколькихъ безпріютныхъ стариковъ или калѣкъ. То же самое можно сказать и о дѣтскихъ пріютахъ. Рядомъ съ этими формами призрѣнія могутъ существовать и многія другія (напр., выдача денежныхъ пособій, снабженіе хлѣбомъ, обувью, одеждою, помѣщеніе, за плату, къ одному изъ односельцевъ), приспособленныя къ безконечно-разнообразнымъ видамъ и степенямъ нужды. Это приспособленіе будетъ тѣмъ легче и тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ меньше будетъ стѣснена свобода дѣйствій волостныхъ сходовъ и волостныхъ попечительствъ. Крайне вредно, поэтому, было бы введеніе въ составъ попечительствъ земскихъ начальниковъ или другихъ лицъ, облеченныхъ властью надъ крестьянами, а также предоставленіе этимъ лицамъ *руководящей* роли въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія.

Наилучшая организація сельскаго общественнаго призрѣнія, возможная въ настоящее время, рисуется намъ, послѣ всего сказаннаго выше, въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ. Первой ея инстанціей служила бы всесословная волость: она давала бы средства на призрѣніе, получая ихъ какъ путемъ обложенія, такъ и путемъ отчисленій изъ разныхъ волостныхъ доходовъ; она, въ лицѣ волостного схода и избраннаго имъ попечительства, сосредоточивала бы въ своихъ рукахъ общее завѣдываніе призрѣніемъ, широко пользуясь, при этомъ, содѣйствіемъ сельскихъ сходовъ и частныхъ лицъ, возлагая на нихъ исполненіе отдѣльныхъ порученій или заботу о нуждающихся въ данной мѣстности; она устроивала бы богадельни, пріюты, дома трудолюбія, или способствовала бы ихъ устройству сельскими обществами и частными лицами. Для осуществленія предпріятій, превышающихъ ея силы, она

[1]) Это признаетъ, какъ мы видѣли, даже смоленское губ. совѣщаніе, вообще нерасположенное къ призрѣнію въ богадельняхъ.

либо вступала бы въ соглашеніе съ сосѣдними волостями, либо обращалась бы за помощью къ земству или къ правительству. Пока земства—какъ уѣздныя, такъ и губернскія—располагаютъ крайне ограниченными доходами и несутъ бремя обязательныхъ расходовъ, содѣйствіе ихъ дѣлу общественнаго призрѣнія могло бы выражаться почти исключительно въ тѣхъ формахъ, въ какихъ оно практикуется и въ настоящее время (устройство больницъ, пріемныхъ покоевъ, въ рѣдкихъ случаяхъ богаделенъ, домовъ трудолюбія и т. п.). Болѣе широкимъ и разностороннимъ его могло бы сдѣлать только значительное увеличеніе земскихъ средствъ, въ особенности—предоставленіе въ распоряженіе земства опредѣленныхъ суммъ изъ общегосударственныхъ доходовъ, спеціально на надобности общественнаго призрѣнія. Право на полученіе пособій изъ этихъ суммъ могло бы быть признано за тѣми волостями, расходы которыхъ на общественное призрѣніе достигаютъ извѣстной высоты, сравнительно съ общей суммой волостного бюджета [1]). Уѣздное земство могло бы помогать волостямъ, губернское земство—уѣзднымъ; губернскія земства, въ свою очередь, могли бы получать поддержку отъ государственнаго казначейства. Нѣчто аналогичное съ этой системой имѣется на лицо и теперь, въ организаціи продовольственнаго дѣла (продовольственные каниталы общественные, волостные, уѣздные, губернскіе, имперскій). Участіе земства въ дополнительныхъ расходахъ на общественное призрѣніе представляло бы, между прочимъ, то существенно-важное удобство, что для дѣла призрѣнія не было бы надобности создавать, въ губерніи и уѣздѣ, особые органы и особый контроль: оно осуществлялось бы земскими собраніями и земскими управами, вся дѣятельность которыхъ безъ того уже подчинена административному надзору... Еслибы земство не было призвано къ болѣе активной роли въ области общественнаго призрѣнія, помощь волостямъ могла бы быть оказываема, на указанномъ основаніи, прямо изъ общегосударственныхъ средствъ, подъ строгимъ контролемъ, но съ возможно меньшимъ стѣсненіемъ мѣстной иниціативы. Рядомъ съ такой организаціей общественнаго призрѣнія остался бы достаточный просторъ для частной благотворительности, органами которой могли бы служить, между прочимъ, и церковно-приходскія попечительства, и монастыри (см. выше, заключеніе ярославскаго совѣщанія).

[1]) Извѣстный минимумъ расхода на общественное призрѣніе слѣдовало бы признать для волости обязательнымъ.

ПРОФЕССОРСКІЙ ГОНОРАРЪ ВЪ НАШИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.

Письмо въ Редакцію.

Университетскій уставъ 1884 г. установилъ „съ каждаго студента и посторонняго слушателя за слушаніе лекцій и практическихъ занятій“ „особую плату въ пользу отдѣльныхъ преподавателей, лекціями и руководствомъ которыхъ студентъ или слушатель желаетъ пользоваться въ размѣрѣ примѣнительно къ нормѣ *одного* рубля за недѣльный часъ въ полугодіе“ (ст. 129). Опредѣлить „точный размѣръ особой платы въ пользу преподавателей, порядокъ взноса сей платы и условія освобожденія студентовъ и слушателей“ уставъ предоставилъ министру народнаго просвѣщенія (ст. 130). Независимо отъ этой платы, получившей названіе *гонорара*, устанавливалась и плата „въ пользу университета — по пяти рублей въ каждое полугодіе“ (ст. 129). Такимъ образомъ, съ 1884 г. денежные взносы учащихся въ шести университетахъ, въ коихъ дѣйствуетъ новый уставъ [1]), стали складываться изъ двухъ частей—„въ пользу университета“ и „въ пользу отдѣльныхъ преподавателей“. Введеніе гонорара было совершенною новостью въ нашей университетской жизни. Этою „особою платою“ должно было увеличиться профессорское содержаніе, которое было оставлено то же самое, какимъ было по уставу 1863 г., обязанность же выплачивать эту прибавку къ профессорскимъ окладамъ возлагалась теперь непосредственно на студентовъ, что и вносило совершенно новое начало во взаимныя отношенія обѣихъ сторонъ—преподавателей и слушателей. При этомъ, однако, государство какъ бы отказывалось въ пользу учащихся отъ большей части того взноса, который падалъ на нихъ по уставу 1863 г., такъ что въ матеріальномъ отношеніи увеличеніе профессорскихъ доходовъ не сопровождалось увеличеніемъ студенческихъ расходовъ сравнительно съ временемъ, когда дѣйствовалъ прежній уставъ, который опредѣлялъ плату за слушаніе лекцій пятьюдесятью рублями въ столичныхъ университетахъ и сорока рублями въ университетахъ провинціальныхъ. Вводя плату въ пользу университета въ десять рублей въ годъ, уставъ 1884 г. понизилъ прежніе студенческіе взносы на сорокъ и тридцать рублей въ годъ, а такъ какъ

---

[1]) Университеты петербургскій, московскій, харьковскій, казанскій, кіевскій и одесскій.

особыми правилами была установлена норма въ 18 лекцій, которыя студентъ былъ обязанъ слушать въ теченіе недѣли, то размѣръ гонорара опредѣлялся въ 18 рублей въ полугодіе или въ 36 рублей въ годъ, т.-е. студентамъ приходилось и послѣ 1884 г. платить за слушаніе лекцій приблизительно столько же, сколько платилось ими раньше. Но такой порядокъ существовалъ недолго. Вскорѣ обнаружилось, что десятирублевыхъ взносовъ не хватаетъ на спеціальныя нужды университетовъ, и въ 1887 г. соотвѣтственная статья устава 1884 г. была измѣнена въ томъ смыслѣ, что, вмѣсто десяти рублей, студенты стали платить въ пользу университета по пятидесяти рублей. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось также, что и гонораръ долженъ былъ— въ виду требованій учебныхъ плановъ — превышать норму въ 36 р., такъ какъ число обязательныхъ лекцій, которыя слушаетъ каждый студентъ, во многихъ случаяхъ значительно превышаетъ восемнадцатичасовую норму. Можно сказать вообще, что теперь каждый студентъ платитъ въ видѣ гонорара отъ 20 до 25 рублей въ годъ. Если установленіе въ 1884 г. „особой платы въ пользу отдѣльныхъ преподавателей“ внесло во взаимныя отношенія профессоровъ и студентовъ новое начало непосредственнаго вознагражденія учащихъ учащимися безъ обремененія послѣднихъ новымъ расходомъ, то съ 1887 г. явилось и это обремененіе въ видѣ новыхъ сорока или пятидесяти рублей съ каждаго отдѣльнаго студента.

Взглянемъ теперь на другую сторону дѣла. Параграфъ 70-ый устава 1884 г. говоритъ слѣдующее: „Каждый факультетъ составляетъ одинъ или нѣсколько учебныхъ плановъ, въ которыхъ обозначаются какъ науки, подлежащія изученію студентами того факультета, такъ и нормальный порядокъ ихъ изученія“. Въ слѣдующемъ за этимъ параграфѣ также говорится, что „относительно изученія предметовъ своего факультета студентъ обязанъ принять въ руководство одинъ изъ утвержденныхъ надлежащимъ порядкомъ плановъ“. Оба эти *обѣщанія* устава 1884 г. остались на практикѣ мертвою буквою: въ дѣйствительности на каждомъ факультетѣ существуетъ только одинъ учебный планъ, притомъ единообразный для всѣхъ университетовъ, въ коихъ дѣйствуетъ уставъ 1884 г. Факультеты не пользуются правомъ создавать разные учебные планы, и студенты не могутъ выбирать между нѣсколькими учебными планами. Студенты прямо обязаны въ такомъ-то порядкѣ слушать такіе-то курсы при такомъ-то количествѣ лекцій, платя за нихъ столько-то и столько-то рублей. Отсюда сумма гонорара, получаемая каждымъ отдѣльнымъ преподавателемъ, обусловливается прямо числомъ читаемыхъ имъ обязательныхъ лекцій и числомъ студентовъ, обязанныхъ на эти лекціи записаться. При полной свободѣ слушанія, которой, впрочемъ, и самъ уставъ 1884 г. не имѣлъ

въ виду, гонораръ преподавателя могъ бы еще зависѣть отъ его личныхъ качествъ, т.-е. отъ его ученой репутаціи, преподавательскихъ способностей и т. п., хотя и въ этомъ случаѣ, напр., преподаватель политической экономіи, конечно, всегда имѣлъ бы болѣе гонорара, чѣмъ преподаватель санскрита; но при дѣйствующей системѣ количество гонорара вовсе не зависитъ ни отъ авторитетности самого профессора, ни отъ особаго интереса преподаваемаго имъ предмета. Римское право, напр., никоимъ образомъ не можетъ похвалиться возбужденіемъ къ себѣ интереса и любви въ нашей студенческой молодежи, но предметъ этотъ обязаны слушать (и въ довольно большомъ количествѣ) студенты одного изъ самыхъ многочисленныхъ факультетовъ, и будь профессоръ римскаго права такъ плохъ, что записавшіеся на его курсъ совсѣмъ почти не станутъ посѣщать лекцій, онъ все-таки будетъ собирать большую дань съ этихъ своихъ „подписчиковъ“. Отсюда—крайняя неравномѣрность гонорарной прибавки къ жалованью, созданной уставомъ 1884 г. въ видѣ „особой платы въ пользу отдѣльныхъ преподавателей“. Въ этомъ отношеніи, гонораръ можетъ быть изображенъ лѣствицею, ступенямъ коей соотвѣтствуютъ внизу—десятки рублей или даже просто рубли, наверху—цѣлыя тысячи рублей въ годъ. По отношенію къ гонорару факультеты и отдѣльныя каѳедры на одномъ и томъ же факультетѣ могутъ быть прямо раздѣлены на недоходныя и доходныя. Несомнѣнно, гонораръ и съ этой стороны внесъ въ университетскую жизнь новое начало. Онъ какъ бы приглашаетъ профессоровъ видѣть въ каждомъ студентѣ, приходящемъ въ аудиторію, не только слушателя, ученика, но и подписчика, кладущаго въ ихъ карманы лишніе рубли, а молодыхъ ученыхъ, мечтающихъ о профессурѣ, тотъ же гонораръ приглашаетъ расцѣнивать и самыя науки по большей или меньшей доходности учрежденныхъ для преподаванія ихъ каѳедръ. Еслибы даже существовала полная свобода слушанія, между профессоромъ и студентомъ все-таки стоялъ бы рубль, а съ представленіемъ о той или другой наукѣ все-таки соединялось бы представленіе и объ „особой платѣ“, которая для разныхъ наукъ выходитъ разная. При обязательности слѣдованія опредѣленнымъ учебнымъ планамъ этотъ студенческій рубль становится оброкомъ, который платится студентомъ профессору даже въ томъ случаѣ, когда „подписчикъ“ и не посѣщаетъ лекцій, за которыя онъ заплатилъ деньги, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отдѣльныя науки оказываются способными порождать „особую плату“ занимающимся ими, хотя бы ихъ преподаваніе велось и не особенно неудачно. Вдобавокъ, сравнительно съ тою платою, которая существовала до 1887 г., т.-е. даже въ первые годы дѣйствія устава 1884 г., теперешняя плата въ высшей степени

обременительна для студентовъ, тѣмъ болѣе еще, что и существующій процентъ освобождаемыхъ отъ платы весьма невысокъ.

Читатель, конечно, знаетъ изъ газетъ, что въ данную минуту вопросъ о гонорарѣ министерствомъ народнаго просвѣщенія подвергнутъ пересмотру. „Значительный размѣръ общей суммы этой платы, причитающейся съ того или другого слушателя, съ одной стороны, и крайне неравномѣрное распредѣленіе этой платы между преподавателями, несущими одинаковый трудъ, съ другой стороны“, наконецъ обратили на себя вниманіе самого министерства народнаго просвѣщенія, и вотъ оно въ настоящее время нашло нужнымъ просить университетскіе совѣты высказаться о томъ, „какія желательны измѣненія въ системѣ гонорара“.

При первомъ же извѣстіи о томъ, что вопросъ о гонорарѣ подлежитъ пересмотру, я напечаталъ небольшую брошюру о томъ, „какъ слѣдуетъ поступить съ гонораромъ“, и разослалъ ее профессорамъ всѣхъ шести университетовъ, въ коихъ дѣйствуетъ уставъ 1884 г. Въ этой запискѣ, которая первоначально не предназначалась къ оглашенію во всеобщее свѣдѣніе [1]), я могъ быть краткимъ, такъ какъ я былъ увѣренъ, что подробности вопроса хорошо извѣстны моимъ читателямъ; я считалъ нужнымъ познакомить ихъ лишь съ тою точкою зрѣнія, съ какой, по моему мнѣнію, слѣдуетъ разсматривать вопросъ. Иное дѣло—большая публика: она часто или совсѣмъ не знаетъ, въ чемъ тутъ дѣло, или имѣетъ о немъ невѣрное представленіе, тѣмъ болѣе, что и въ печати не всегда вопросъ ставился на надлежащую почву вслѣдствіе плохого знакомства многихъ писавшихъ съ „фактическою стороною дѣла“.

На мой взглядъ, при рѣшеніи вопроса о гонорарѣ, необходимо прежде всего остановиться на моральной сторонѣ вопроса, и раньше чѣмъ говорить, справедливо ли теперешнее распредѣленіе гонорара между отдѣльными профессорами, нужно посмотрѣть, хорошо ли еще то, что профессоръ отъ каждаго своего слушателя за каждую свою лекцію долженъ получать по рублю, и не обременяютъ ли эти рубли и безъ того скудные бюджеты нашего студенчества. Я усматриваю въ этомъ моральную сторону вопроса, ибо, думается мнѣ, взаимныя отношенія между профессорами и студентами должны покоиться на исключительно нравственныхъ началахъ, безъ всякой примѣси какихъ бы то ни было денежныхъ счетовъ.

---

[1]) Однако, мнѣ свою статью пришлось перепечатать въ газетахъ. Дѣло въ томъ, что въ одной газетѣ появилось изложеніе моей статьи, въ которое авторъ вставилъ отъ себя разсужденіе о необходимости увеличенія профессорскаго жалованья, а въ другой статьѣ по поводу этой замѣтки было сказано, что профессора думаютъ только о себѣ, а о „бѣдныхъ студентахъ“ не заботятся нисколько. Это заставило меня опу-

Непосредственное вознагражденіе за преподавательскій трудъ понятно, на нашъ взглядъ, лишь при существованіи между учителемъ и ученикомъ частнаго договора. Университетскій преподаватель и его слушатель въ такомъ частномъ отношеніи между собою совсѣмъ не находятся. Студентъ вступаетъ въ общественную школу, въ которой преподаютъ профессора, получающіе вознагражденіе за свой трудъ отъ государства. Пока университеты не были чисто государственными учрежденіями, система гонорара имѣла свой raison d'être, но если въ настоящее время система эта все еще продолжаетъ существовать тамъ, гдѣ профессора получаютъ уже и государственное жалованье, то это только своего рода анахронизмъ, который, впрочемъ, можетъ быть объясненъ не только живучестью старыхъ традицій, но и экономическими соображеніями: гонораръ, конечно, сокращаетъ расходы государственнаго казначейства на вознагражденіе профессоровъ. Однако, и на родинѣ гонорара ведется въ настоящее время противъ него сильная агитація, и въ системѣ этой предпринимаются реформы. У насъ въ Россіи гонораръ является не остаткомъ глубокой старины, когда взаимныя отношенія профессоровъ и студентовъ или государства и университетовъ были иныя, а совершеннымъ нововведеніемъ, находящимся притомъ въ полномъ противорѣчіи съ основными принципами нашего учебнаго дѣла. Университеты у насъ, какъ и другія высшія учебныя заведенія, суть учрежденія государственныя; лица, въ нихъ преподающія, находятся на государственной службѣ, т.-е. исполняютъ функціи чисто общественнаго характера, за что̀ и получаютъ казенное содержаніе. Ни въ разныхъ спеціальныхъ институтахъ и академіяхъ, ни въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ также, ни въ какихъ бы то ни было школахъ вообще, преподаватели не взимаютъ гонорара съ своихъ слушателей и учениковъ, на томъ же основаніи, какъ не взимаютъ, напр., и почтовые чиновники никакихъ гонораровъ съ получателей и отправителей корреспонденціи. Сомнительная привилегія системы гонорара предоставлена лишь университетамъ—въ подражаніе нѣмецкимъ университетамъ, гдѣ гонораръ является уже анахронизмомъ. Это дѣйствительно настоящій анахронизмъ. Вѣдь и въ настоящее время возникаютъ еще

бликовать свою статью (см. „С.-Петербургскія Вѣдомости“, № 266). Уже послѣ этого въ окт. кн. „Сѣв. Вѣстн.“ появилась замѣтка о моей статьѣ, представляющая дѣло такъ, будто я вооружаюсь противъ приватъ-доцентуры, словно и дѣлающая намекъ на то, что въ данномъ случаѣ я руковожусь мотивами невысокаго качества. Къ несчастью для автора этой замѣтки, въ своей статьѣ я говорю, что нужно найти новые способы для вознагражденія приватъ-доцентовъ, и что желательно было при разсмотрѣніи этого вопроса выслушать и ихъ мнѣнія. Предоставляю на основаніи сказаннаго судить о добросовѣстности автора.

„вольные университеты", и ни въ одномъ изъ нихъ не заводятъ гонорара. На Западѣ такихъ университетовъ существуетъ уже не мало, хотя бы и не всегда они назывались университетами. Высшіе женскіе курсы, существовавшіе у насъ въ разныхъ университетскихъ-городахъ, до половины восьмидесятыхъ годовъ, были такими же „вольными университетами". Во всѣхъ этихъ частныхъ учрежденіяхъ и въ голову никому не приходило—да не приходитъ и теперь—устанавливать систему гонорара. Члены этихъ вольныхъ университетовъ привыкли смотрѣть на себя не какъ на ассоціаціи свободныхъ преподавателей, взимающихъ по одиночкѣ мзду съ своихъ учениковъ, а какъ на товарищества, солидарно работающія надъ однимъ общимъ дѣломъ. Поэтому, еслибы даже университеты перестали быть государственными учрежденіями, — они уже не вернулись бы къ архаической системѣ гонорара. Въ настоящее время студентъ платитъ въ университетъ,—будетъ ли то университетъ государственный, или вольный,—извѣстную сумму денегъ „за право слушанія лекцій" и можетъ посѣщать всѣ читающіяся въ университетѣ лекціи, не записываясь на курсы отдѣльныхъ профессоровъ. У насъ между тѣмъ тринадцать лѣтъ тому назадъ нашли нужнымъ ввести именно такое записываніе. Къ счастію, никто еще въ Россіи не началъ подражать нѣкоторымъ нѣмецкимъ профессорамъ, еще не такъ давно лично прогонявшимъ изъ своей аудиторіи незаписавшихся, хотя, къ сожалѣнію, кое-гдѣ дѣлались общія попытки не пускать въ аудиторію того или другого профессора студентовъ, у него не записавшихся. Съ точки зрѣнія системы гонорара, т.-е. существованія между профессорами и студентами частныхъ отношеній денежнаго характера, подобная мѣра должна, конечно, считаться вполнѣ послѣдовательной, но она нарушаетъ хорошія традиціи нашихъ университетовъ, гдѣ профессора до сихъ поръ не справляются, слушаютъ ли ихъ одни записавшіеся, или и незаписавшіеся, и гдѣ студенты не привыкли встрѣчать при входѣ въ отдѣльныя аудиторіи какія-либо заставы и предъявлять на этихъ заставахъ удостовѣренія объ уплатѣ своего рода паспортнаго сбора. Однимъ словомъ, система гонорара прямо искажаетъ современную идею университета, какъ общественнаго (государственнаго или вольнаго) учрежденія, гдѣ солидарно связанные между собою общимъ дѣломъ профессора преподаютъ разныя отрасли одного и того же научнаго знанія, и гдѣ студенты имѣютъ одинаковое право слушать и тѣ лекціи, которыя не входятъ въ учебные планы избранныхъ ими факультетовъ.

Итакъ, непосредственное вознагражденіе профессоровъ студентами—принципъ совершенно неосновательный. Съ только-что указанной точки зрѣнія, онъ не могъ бы быть допущенъ и въ томъ случаѣ, если бы профессора не получали жалованья отъ государства, или даже

если бы, кромѣ гонорара, студентъ болѣе не былъ обязанъ платить что-либо еще и въ университетъ—на тѣ его нужды, которыя не удовлетворяются изъ государственнаго казначейства [1]).

Возьмемъ теперь другую сторону дѣла. Благодаря введенію системы гонорара, плата, взимаемая съ университетскихъ слушателей, возросла у насъ вдвое [2]). Сравнивая эту плату съ тою, которая существуетъ въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, мы находимъ, что почему-то университетскіе студенты должны платить болѣе, чѣмъ многіе ихъ товарищи, учащіеся въ разныхъ институтахъ и академіяхъ, и объясняется это не чѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, что университетскіе профессора берутъ съ своихъ слушателей „особую плату", которой, къ счастью, нѣтъ во всѣхъ этихъ институтахъ и академіяхъ. Профессорскіе оклады приблизительно вездѣ одинаковы, и только на университетскихъ студентовъ возлагается обременительная привилегія оплачивать ихъ трудъ дороже. Между тѣмъ, нѣтъ, думается мнѣ, никакихъ основаній для того, чтобы дѣлать университетское образованіе болѣе дорогимъ сравнительно съ образованіемъ, даваемымъ другими высшими спеціальными училищами. Наоборотъ, скорѣе можно было бы привести доводы въ пользу того, чтобы университетское образованіе было дешевле, по крайней мѣрѣ, въ данную минуту. Вѣдь въ настоящее время окончаніе курса въ университетѣ еще не создаетъ молодому человѣку сколько-нибудь прочнаго положенія въ матеріальномъ отношеніи. Сколько лицъ съ университетскими дипломами сидитъ безъ мѣста, кое-какъ перебиваясь, въ то самое время, какъ, наоборотъ, техники разныхъ наименованій уже на старшихъ курсахъ начинаютъ зарабатывать сравнительно большія деньги, а получивъ дипломы, немедленно же въ большинствѣ случаевъ начинаютъ занимать хорошо оплачиваемыя должности, въ скоромъ времени и окупающія сдѣланныя на образованіе затраты. Но и помимо этого соображенія, между университетами и спеціальными училищами есть нѣкоторая разница, тоже говорящая въ пользу удешевленія университетскаго образованія. Преподаваніе въ высшихъ техническихъ школахъ ставитъ себѣ чисто практическія цѣли: на первомъ планѣ въ нихъ—прикладная наука, притомъ имѣющая дѣло лишь съ исключительно матеріальными предметами и процессами. Если только вѣрно, что ни одна культурная нація не можетъ обходиться безъ чистой науки во всѣхъ областяхъ знанія, если вѣрно, далѣе, что основа настоящаго общественнаго просвѣщенія заклю-

[1]) Т.-е. если бы казна давала достаточно денегъ на библіотеки, кабинеты, лабораторіи, обсерваторіи, клиники и т. п.

[2]) Вслѣдъ за введеніемъ пятидесятирублеваго взноса при гонорарѣ, плата въ варшавскомъ университетѣ была повышена съ пятидесяти рублей до ста.

чается въ идеяхъ философскихъ, моральныхъ, соціальныхъ,—то истинными разсадниками такого просвѣщенія могутъ быть одни университеты. Въ данную минуту правительство занято вопросомъ объ умноженіи высшихъ спеціальныхъ школъ, коего такъ настоятельно требуютъ экономическія условія страны; быть можетъ даже, когда число такихъ училищъ возрастетъ, въ нихъ удалится нѣкоторое количество молодежи, наполняющей теперь университетскія аудиторіи. Но у страны, кромѣ экономическихъ потребностей, есть и потребности духовныя: заботиться объ увеличеніи числа всякаго рода техниковъ и затруднять доступъ въ университеты высокой платой—значитъ давать одностороннее развитіе народному просвѣщенію и наносить ущербъ истиннымъ духовнымъ интересамъ общества!

Впрочемъ, само министерство народнаго просвѣщенія находитъ „значительнымъ“ размѣръ платы, причитающейся на каждаго университетскаго студента. Въ качествѣ члена комитета общества вспомоществованія студентамъ петербургскаго университета, я довольно хорошо знакомъ съ степенью состоятельности университетскихъ студентовъ и долженъ сказать, что весьма и весьма большому числу студентовъ платить ежегодно за слушаніе лекцій около 90—100 рублей крайне затруднительно. Объ этомъ хорошо должно знать и университетское начальство. По существующимъ правиламъ студентъ обязанъ вносить плату въ университетъ вмѣстѣ съ гонораромъ профессорамъ въ началѣ каждаго семестра, но на самомъ дѣлѣ этого такъ не бываетъ. Поступленіе денегъ совершается крайне медленно, растягиваясь на все полугодіе до послѣдняго момента, когда уже нельзя болѣе отсрочивать, а такой моментъ совпадаетъ съ концомъ полугодія. Сначала обыкновенно дается студентамъ, не внесшимъ платы и гонорара, первая отсрочка, за нею слѣдуетъ вторая и т. д. О каждой отсрочкѣ студенту приходится просить начальство, а безъ отсрочки и на квартирѣ держать не будутъ, ибо видъ на жительство не уплатившимъ дается только временный—до того срока, который опредѣленно назначенъ для взноса денегъ университетскому казначею. Сколько на полученіе этихъ отсрочекъ тратится времени и у студентовъ, и у начальства, и въ канцеляріи! А эти напоминанія неуплатившимъ,—это точно какое-то „выкалачиваніе недоимокъ“. И въ концѣ концовъ въ исходѣ полугодія, т.-е. въ декабрѣ или маѣ, все-таки есть еще десятки и сотни студентовъ, не уплатившихъ своихъ 45 рублей, а потому подлежащихъ исключенію изъ университета. Правда, о томъ, чтобы ни одинъ студентъ не былъ исключенъ изъ университета, заботятся комитеты обществъ для пособія студентамъ; но эта задача оказывается превосходящею средства, коими они располагаютъ. Напр., въ 1896 г. петербургскій комитетъ долженъ былъ помочь въ уплатѣ пяти-

стамъ пятидесяти-пяти (555!) студентамъ, а это были, конечно, далеко не всѣ студенты, которые нуждались въ денежной помощи. Уже общее число кліентовъ Общества превосходитъ приведенную цифру (въ 1896 г. ихъ было 617), но вѣдь, кромѣ того, есть еще студенты, совсѣмъ освобождаемые отъ платы правленіемъ университета, студенты, коимъ правленіе выдаетъ небольшія пособія для уплаты, студенты, употребляющіе на это часть получаемыхъ ими стипендій, наконецъ студенты, имѣющіе кое-какой заработокъ и урѣзывающіе самые необходимые расходы для того, чтобы не быть исключенными за невзносъ денегъ. Итакъ, въ 1896 г. упомянутое общество оказало помощь 555 студентамъ, которые составляли только часть нуждающихся въ помощи, но и этимъ своимъ кліентамъ оно могло оказать только частичную помощь—не въ полной суммѣ взноса. Иной студентъ и проситъ только дать ему то, чего у него не хватаетъ,—десять или двадцать рублей, напр.,—но у иного нѣтъ для взноса ни копѣйки, и за него бываетъ нужно заплатить сполна. Къ сожалѣнію, просьбы послѣдняго рода исполняются лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда студенту грозитъ прямое исключеніе изъ университета, и, къ несчастью, по неимѣнію денегъ комитетъ не всегда бываетъ въ состояніи удовлетворять всѣ просьбы этого рода. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ онъ всѣмъ просителямъ выдаетъ ссуды рублей въ 15 (иногда и меньше, напр. рублей 12), что̀ представляетъ собою около трети, а иногда только около четверти семестральнаго взноса; остальныя деньги кліентъ долженъ добыть самъ, а потому очень многіе студенты вынуждаются прибѣгать къ частнымъ займамъ. Когда введена была система гонорара съ пятирублевою платою въ университетъ, студентамъ комитетъ сталъ выдавать одну гонорарную сумму въ томъ предположеніи, что пять рублей самому студенту достать будетъ уже нетрудно. Теперь студентъ, вмѣсто пяти рублей, платитъ въ университетъ уже двадцать пять рублей, а Общество вспомоществованія не въ состояніи давать нуждающимся пособія въ размѣрѣ полной гонорарной суммы, предоставляя своимъ кліентамъ доставать 25 рублей, гдѣ уже сами они знаютъ. Несмотря, однако, на это, въ 1896 г. такихъ пособій студентамъ выдано было на 14.770 рублей, что̀ составляетъ около $^3/_5$ общаго расхода Общества на пособія въ томъ же году (26.072). Замѣчательно, что въ указанномъ году и московское Общество, болѣе богатое, $^3/_5$ своихъ выдачъ (около 40 т. изъ 65 т.) употребило также на взносы за недостаточныхъ студентовъ... Нерѣдко случается, что студентъ, получившій отъ комитета пособіе рублей въ 15, не въ состояніи бываетъ набрать недостающіе 30 рублей, вторично въ комитетъ уже не обращается, боясь отказа, и въ концѣ полугодія исключается изъ университета за невзносъ платы, такъ что комитету объ этомъ остается

неизвѣстнымъ. Въ такихъ случаяхъ студентъ иногда лишается возможности продолжать образованіе или, по крайней мѣрѣ, теряетъ годъ; если же его безъ всякой потери во времени снова принимаютъ въ университетъ, то лишь по уплатѣ недоимки, и при этомъ обыкновенно отсрочки ему уже не дѣлается. Въ случаяхъ послѣдняго рода студенту сразу приходится внести рублей девяносто, напр., весь свой лѣтній заработокъ.

Понятно, что чѣмъ выше плата за ученье, тѣмъ менѣе могутъ общества вспомоществованія студентамъ помогать имъ ссудами на удовлетвореніе такихъ нуждъ, какова нужда въ квартирѣ, въ платьѣ, въ обѣдѣ, въ учебныхъ пособіяхъ и леченіи въ случаѣ болѣзни. И какъ-то при этомъ трудно не вспомнить, что при системѣ гонорара часть благотворительныхъ суммъ черезъ студенческія руки переходитъ прямо въ профессорскіе карманы!.. Можно ли въ самомъ дѣлѣ не принимать этого въ расчетъ при общемъ обсужденіи вопроса о гонорарѣ? Кажется, одного этого обстоятельства было бы совершенно достаточно для того, чтобы система гонорара была отмѣнена съ возвращеніемъ къ пятидесятирублевой платѣ, установленной уставомъ 1863 г., причемъ, конечно, желательно было бы, чтобы процентъ освобождаемыхъ отъ платы (теперь 15%) былъ повышенъ, или чтобы университетамъ предоставлено было право освобождать отъ платы всѣхъ дѣйствительно въ этомъ нуждающихся.

Но идемъ далѣе—и присмотримся поближе еще къ одной сторонѣ дѣйствующей системы гонорара.

Въ прежнія времена студентъ, заплативъ пятьдесятъ (или сорокъ) рублей, получалъ право посѣщать всѣ лекціи всѣхъ профессоровъ; тѣ же лекціи, которыя онъ считался обязаннымъ посѣщать, опредѣлялись учебнымъ планомъ. Фактически это осталось и теперь, но въ теоріи студентъ имѣетъ право посѣщать лишь тѣ лекціи, на которыя онъ записался, заплативъ за каждую изъ нихъ по рублю въ полугодіе. Сколько мнѣ извѣстно, лишь въ одномъ университетѣ сдѣлана была дѣйствительная попытка согласовать практику съ теоріей, но едва ли, однако, такой примѣръ заслуживаетъ подражанія и поощренія. Одна изъ особенностей университетскаго устройства заключается въ томъ, что университетъ не есть простое соединеніе въ одномъ зданіи и подъ однимъ управленіемъ четырехъ спеціальныхъ школъ, и что студенты одного факультета имѣютъ возможность слушать лекціи на другихъ факультетахъ. Въ прежнія времена студенту вовсе не было надобности записываться на тѣ или другія лекціи. При существующей и нынѣ обязательности слѣдованія извѣстному плану, однообразному для всѣхъ студентовъ одного и того же факультета и курса, можно было и въ настоящее время обходиться безъ этой процедуры, на которую тратится

нѣсколько дней, и которая отнимаетъ много времени совершенно напрасно у деканов и секретарей факультетов, обязанныхъ слѣдить за тѣмъ, чтобы студенты записывались именно на тѣ лекціи, на которыя они обязаны записываться: студенты одного и того же курса и факультета пишутъ на своихъ листкахъ въ сущности одно и то же, и съ этой стороны запись на лекціи является пустой формальностью. Сколько-нибудь реальное значеніе она имѣетъ развѣ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда студентъ записывается, сверхъ обязательныхъ лекцій, и на необязательныя, или когда ему представляется возможность выбирать между двумя преподавателями одного и того же предмета. Случаи второго рода сравнительно очень рѣдки: конкуррентные курсы (профессорскій и приватъ-доцентскій) читаются (да и то лишь по немногимъ предметамъ) лишь на многолюдныхъ факультетахъ (да и то далеко не во всѣхъ университетахъ). Что касается до необязательныхъ лекцій, то на нихъ студенты большею частью совсѣмъ не записываются даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ слушаютъ. Думать поэтому, что приватъ-доцентура у насъ поддерживается исключительно системой гонорара, совершенно не приходится. Если приватъ-доцентъ не читаетъ обязательнаго курса по приглашенію ли факультета, который въ такомъ случаѣ дастъ ему особое вознагражденіе, или въ качествѣ конкуррента профессору, то его гонораръ бываетъ крайне ничтоженъ,—напр. въ полугодіе отъ одного до десяти рублей. Между тѣмъ, приватъ-доцентовъ, объявляющихъ необязательные курсы, напр., въ петербургскомъ университетѣ, очень много, и число ихъ ростетъ съ каждымъ годомъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, оно доходитъ почти до ста (98), и изъ нихъ около 40% (38 человѣкъ) читаетъ лекціи на историко-филологическомъ факультетѣ, гдѣ именно гонорары приватъ-доцентовъ, не читающихъ обязательныхъ курсовъ, бываютъ крайне ничтожные. И на другихъ факультетахъ есть весьма многіе приватъ-доценты, получающіе въ видѣ гонорара нѣсколько рублей въ полугодіе [1]). Цифра гонорара вообще далеко не соотвѣтствуетъ числу слушателей. Можно было бы назвать не одного приватъ-доцента, который привлекалъ за послѣднее время въ свою аудиторію весьма большое количество слу-

[1]) Въ 1896 г. въ петербургскомъ университетѣ числилось восемьдесятъ-пять приватъ-доцентовъ, изъ коихъ пятьдесятъ-пять не получали никакого вознагражденія отъ университета. Изъ нихъ семь человѣкъ не имѣли никакого гонорара, хотя нѣкоторые изъ нихъ и читали курсы, а гонораръ тридцати-одного приватъ-доцента не превышалъ двадцати-пяти рублей въ годъ. Затѣмъ встрѣчаются гонорары отъ 25 до 100 рублей (пять случаевъ), отъ 100 до 200 рублей (три случая), отъ 200 до 300 рублей (три случая). Можно ли послѣ этого утверждать, будто приватъ-доцентура держится только системой гонорара? Прибавимъ, что изъ тридцати приватъ-доцентовъ, получавшихъ содержаніе отъ университета, пятнадцать лицъ тоже имѣли гонораръ въ размѣрѣ отъ 3 до 100 рублей въ годъ.

шателей, а гонораръ получалъ такой ничтожный, какъ если бы слушателей у него было 2—3 человѣка.

Бываетъ, конечно, и наоборотъ: если иныя лекціи, такъ сказать, слушаются даромъ, то за иныя даромъ платится гонораръ. Цифра рублей, получаемыхъ преподавателемъ (профессоромъ или привать-доцентомъ, все равно) въ видѣ гонорара, отнюдь не можетъ служить показателемъ того, сколько у него слушателей на самомъ дѣлѣ. Только закрывая глаза на дѣйствительность, можно говорить, будто большой гонораръ является выразителемъ особыхъ ученыхъ заслугъ или преподавательскихъ способностей профессора или привать-доцента. Все здѣсь, какъ было уже сказано, зависитъ отъ того, на какомъ факультетѣ и какой предметъ читаетъ тотъ или другой преподаватель. Правда, одинъ защитникъ дѣйствующей системы находитъ справедливою неравномѣрность гонорарной прибавки къ профессорскому жалованью на томъ основаніи, что обществу юристъ нужнѣе астронома, и что потому общество первому и должно платить больше; но это такая точка зрѣнія, которая едва ли нуждается въ опроверженіи. Если въ практической жизни разныя профессіи оплачиваются различнымъ образомъ въ зависимости отъ спроса и предложенія, то это еще не значитъ, что одна и та же ученая и преподавательская профессія должна оплачиваться различнымъ образомъ. Почему въ самомъ дѣлѣ профессоръ университета имѣетъ гонорарную прибавку къ жалованью, а профессоръ всякаго другого высшаго учебнаго заведенія ея лишенъ? Почему также этой прибавки нѣтъ въ другихъ университетахъ, управляющихся особыми уставами? Почему профессора многолюдныхъ факультетовъ имѣютъ прибавку, равную получаемому ими жалованью или даже превышающую ее въ полтора, въ два, въ два съ половиною раза, тогда какъ профессора на факультетахъ малолюдныхъ должны довольствоваться прибавкою, составляющею лишь нѣсколько процентовъ ихъ жалованья или даже, какъ это иногда случается, не достигающею и одного процента? Вѣдь бываютъ же случаи, когда гонораръ ординарнаго профессора равняется 6, 7, 9 рублямъ въ годъ! Если иниціаторы гонорарной системы думали, что она создастъ справедливое вознагражденіе за ученость, талантливость, усердіе къ дѣлу, то они жестоко ошибались.

Система гонорара имѣла бы еще нѣкоторый смыслъ съ точки зрѣнія ея иниціаторовъ и теперешнихъ защитниковъ, если бы существовала полная свобода слушанія, т.-е. выбора самими студентами тѣхъ предметовъ, которые они желаютъ слушать. Мы видѣли, однако, что студентъ связанъ учебнымъ планомъ. Единственная свобода выбора, которою онъ пользуется, это—свобода выбора между курсами двухъ (или вообще нѣсколькихъ) преподавателей, читающихъ одинъ и тотъ же

предметъ, но это бываетъ лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ. Такіе параллельные курсы могутъ читаться, напр., профессоромъ и приватъ-доцентомъ, или двумя преподавателями одной и той же категоріи, хотя случаи „конкурренціи“ между двумя профессорами мнѣ почти неизвѣстны. Если взять общее число приватъ-доцентовъ, преподающихъ въ настоящее время въ нашихъ университетахъ, то лишь весьма немногіе изъ нихъ окажутся читающими параллельные курсы съ профессорами. Напр., въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ такіе курсы получили, повидимому, наибольшее развитіе, они встрѣчаются главнымъ образомъ на юридическомъ факультетѣ, а на историко-филологическомъ и восточномъ, на коихъ находится почти половина всѣхъ приватъ-доцентовъ (45 изъ 98), подобныхъ курсовъ и вовсе нѣтъ. Между тѣмъ, на юридическій факультетъ приходится только около 20% общаго числа приватъ-доцентовъ, а изъ нихъ едва только одна половина конкуррируетъ съ профессорами.

Вотъ въ этихъ сравнительно немногихъ случаяхъ студентамъ, дѣйствительно, предоставлена свобода выбора, хотя и сами конкуррирующіе приватъ-доценты находятся не въ одинаковомъ отношеніи къ университету: одни изъ нихъ сверхъ гонорара получаютъ особое содержаніе, когда читаютъ по приглашенію, замѣняя штатныхъ профессоровъ, другіе—нѣтъ, такъ что цифра ихъ вознагражденія тоже не всегда зависитъ отъ числа ихъ слушателей.

Говоря объ этомъ предметѣ, нельзя не коснуться, хотя бы слегка, и еще одной стороны дѣла. Авторы устава 1884 г. хотѣли провести въ нашей университетской жизни принципъ отдѣленія экзаменовъ отъ преподаванія. Съ этою цѣлью и были введены такъ называемые „государственные экзамены“. На самомъ дѣлѣ пришлось, однако, вернуться къ старой системѣ. Экзаменаторами въ „государственныхъ коммиссіяхъ“ попрежнему являются преподаватели, читавшіе соотвѣтственные курсы, а кромѣ того, нѣсколько лѣтъ тому назадъ часть экзаменовъ перенесена была попрежнему въ факультеты (съ перваго курса на второй и со второго на третій), гдѣ, конечно, экзаменуютъ тѣ же преподаватели, читающіе курсы по предметамъ испытанія. Разъ читаются параллельные курсы, самъ собою возникаетъ вопросъ, кому по нимъ экзаменовать. Если предоставить право экзамена лишь профессору или приватъ-доценту, преподающему по приглашенію факультета, это значитъ направить „запись“ студентовъ именно къ будущему экзаменатору, въ прямой ущербъ гонорарнымъ интересамъ вольнаго приватъ-доцента. Какая же тутъ можетъ быть „свобода выбора“, когда конкурренція превращается въ монополію? Большинство студентовъ всегда предпочтетъ записаться къ тому, у кого придется держать экзаменъ, ибо курсъ именно этого

преподавателя и будетъ спрашиваться на экзаменѣ. Съ другой стороны, предоставьте право экзамена обоимъ конкуррентамъ, и тогда по человѣческой слабости весьма многіе студенты будутъ записываться у того, кто не такъ требователенъ на экзаменѣ... Едва ли, однако, *такая* конкурренція между преподавателями одного и того же предмета желательна! Я совсѣмъ не касаюсь здѣсь вопроса о томъ, какъ упорядочить эти отношенія; но пока будетъ существовать нынѣшняя система гонорара, эти отношенія не могутъ быть упорядочены такъ, чтобы рѣшеніе вопроса было вполнѣ согласно съ интересами преподаванія, съ достоинствомъ преподавателей и съ дѣйствительною пользою для студентовъ. Если даже допустить, что никто, никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ ради увеличенія своего гонорара не станетъ понижать экзаменныхъ требованій въ смыслѣ количества знаній и качества отвѣтовъ, многіе студенты будутъ записываться въ виду экзамена къ тому, кто „добрѣе“ ставитъ отмѣтки, или чей курсъ меньше и легче, хотя бы иные изъ такихъ записавшихся стали при этомъ слушать того, чей курсъ лучше, но кто строго спрашиваетъ и не щедръ на баллы. Самая возможность разговоровъ между студентами на ту тему, что такой-то заманиваетъ въ свою аудиторію поблажками на экзаменѣ, есть нѣчто въ высшей степени печальное. А вѣдь такіе разговоры бываютъ... Бываютъ и будутъ, пока будетъ существовать гонораръ, если только министерство народнаго просвѣщенія не вернется къ идеѣ отдѣленія экзаменовъ отъ преподаванія,—идеѣ, которая, однако, ранѣе другихъ новыхъ началъ устава 1884 г. потерпѣла крушеніе на практикѣ.

Введеніе гонорара сдѣлало возможнымъ еще одно явленіе, которое прежде было немыслимо. Есть въ настоящее время,—по крайней мѣрѣ, въ петербургскомъ университетѣ,—студенты, которые записываются одновременно и платятъ гонораръ по двумъ факультетамъ. Нужды нѣтъ, что слушать лекціи, въ одни и тѣ же часы читаемыя на двухъ факультетахъ, невозможно: студентъ записался и заплатилъ по двумъ факультетамъ, и это считается достаточнымъ. Право, скоро слушаніе лекцій и дѣйствительная работа будутъ замѣняться подпискою на лекціи съ уплатою въ пользу профессоровъ соотвѣтственнаго количества рублей [1]). И прежде случалось, что студентъ проходилъ *одинъ за другимъ* курсы двухъ факультетовъ, но никогда не бывало, чтобы студентъ числился *одновременно* на двухъ факультетахъ, такъ какъ предполагалось, что нахожденіе на томъ или другомъ факультетѣ заключается въ дѣйствительномъ слушаніи лекцій по этому факультету, исключающемъ слушаніе всякихъ другихъ лекцій, которыя читаются въ тѣ же часы. Только при системѣ записи на лекціи отдѣльныхъ профессоровъ среди студентовъ стало складываться такое

представленіе, что при взносѣ двойного гонорара можно по окончаніи курса получить дипломы по двумъ факультетамъ.

Въ теченіе этой осени профессора шести университетовъ должны высказаться по предложенному имъ вопросу о гонорарѣ. Я не сомнѣваюсь, что отвѣтъ для нынѣ дѣйствующей системы будетъ неблагопріятный, и я думаю, что отвѣтъ этотъ долженъ быть таковъ: *уничтоженіе гонорара съ пониженіемъ платы за слушаніе лекцій.*

Н. Карѣевъ.

---

[1]) Объ этомъ странномъ явленіи въ современной университетской жизни я уже говорилъ болѣе подробно въ книжкѣ своей „Выборъ факультета и прохожденіе университетскаго курса“.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1897.

Французскія политическія партіи.—Рѣчи Поэнкарѐ и Мелина.—Особенности парламентаризма во Франціи.—Административная рутина и ея послѣдствія.—Парламентскіе подвиги въ Австріи.—Министерскіе кризисы въ Греціи и Сербіи.

Возобновленіе парламентской сессіи во Франціи, съ 19-го (7-го) октября, не представляло на этотъ разъ большого интереса: всѣ знали заранѣе, что никакихъ крупныхъ вопросовъ не будетъ поднято палатой депутатовъ; что радикальная оппозиція не имѣетъ возможности устроить министерскій кризисъ, и что кабинетъ Мелина подвергнется обычнымъ нападеніямъ, которыя будутъ съ успѣхомъ отражены при помощи значительнаго правительственнаго большинства. Французскій парламентъ за послѣдніе годы вообще отличается безцвѣтностью; въ немъ нѣтъ политическихъ вождей, хотя есть выдающіеся ораторы, какъ Жоресъ, Дешанель, графъ де-Мэнъ. Борьба партій происходитъ главнымъ образомъ на почвѣ личныхъ счетовъ и честолюбивыхъ стремленій, имѣющихъ мало общаго съ интересами народной массы; старые политическіе шаблоны повторяются по прежнему въ болѣе или менѣе краснорѣчивыхъ формахъ, едва обращая на себя вниманіе публики. Такъ называемые радикалы, лишившись своего предводителя Клемансò, знаменитаго „свергателя министерствъ“, превратились въ пеструю, смѣшанную группу, безъ цѣльной положительной программы и безъ точныхъ руководящихъ цѣлей; подъ внѣшнимъ единствомъ скрывается внутреннее распаденіе, которое выступаетъ наружу всякій разъ, когда парламентскіе и газетные споры переходятъ на почву принциповъ. Радикаломъ считается бывшій глава министерства, Леонъ Буржуа, представитель скромнаго реформаторскаго направленія въ области государственныхъ финансовъ; къ радикаламъ причисляется также и другой бывшій президентъ совѣта министровъ, Ренэ Гоблѐ; Пельтанъ, Мильеранъ, Жоресъ,—тоже радикалы, но съ соціалистическимъ оттѣнкомъ,—и всѣ они кажутся солидарными между собою, пока дѣло идетъ о борьбѣ съ министерствомъ и съ умѣренными партіями парламента. Способы и пріемы борьбы—все тѣ же, какъ и въ былое время; но смыслъ ихъ утраченъ, и громкія фразы, производившія когда-то сильное впечатлѣніе, стали лишь безсодержательными формулами, которыя ни въ комъ не встрѣчаютъ довѣрія. Такъ какъ правительство опирается на умѣренные элементы палаты и не имѣетъ

повода враждовать съ мирными консерваторами, то оно обвиняется въ измѣнѣ республикѣ и въ скрытыхъ симпатіяхъ къ монархистамъ; обязательныя оффиціальныя сношенія съ представителями высшаго духовенства даютъ поводъ къ нападкамъ на клерикальныя наклонности кабинета, и вопросъ о клерикализмѣ обсуждается съ напускною горячностью, какъ будто въ самомъ дѣлѣ Мелинъ и его товарищи могутъ быть заподозрѣны въ тайномъ сочувствіи къ идеямъ и стремленіямъ католическихъ прелатовъ. Извѣстный возгласъ Гамбетты: „le cléricalisme—voila l'ennemi!"—имѣлъ свое логическое оправданіе, когда всѣ враждебныя республикѣ реакціонныя и охранительныя партіи объединялись во имя религіи и дѣйствовали подъ клерикальнымъ знаменемъ; съ тѣхъ поръ многое измѣнилось,—вліятельные и непримиримые враги республиканскихъ учрежденій давно сошли со сцены, католическое духовенство отказалось отъ монархическихъ традицій и оффиціально подчинилось установленному порядку вещей, а пугало клерикализма не перестаетъ служить орудіемъ въ рукахъ радикальныхъ дѣятелей. Оппозиція слѣдуетъ рутинѣ; она не можетъ изобрѣсть ничего новаго, не приспособляетъ своей тактики къ измѣнившимся обстоятельствамъ и обнаруживаетъ свое полное безсиліе среди новыхъ общественныхъ теченій. Такъ же точно и въ лагерѣ умѣренныхъ республиканцевъ не видно признаковъ умственной силы и энергіи; общій уровень парламентской жизни понизился сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, и этотъ несомнѣнный фактъ озабочиваетъ многихъ искреннихъ людей во Франціи. Срокъ полномочій нынѣшней палаты приближается къ концу; въ будущемъ году предстоятъ новые всеобщіе выборы, и въ обычныхъ разсужденіяхъ по этому поводу преобладаетъ пессимистическій взглядъ на дѣятельность парламента.

Бывшій министръ финансовъ Поэнкарѐ, въ своей рѣчи въ Гаврѣ, 9-го октября, высказалъ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній о слабыхъ сторонахъ современнаго французскаго парламентаризма. Радикалы, какъ извѣстно, требуютъ пересмотра конституціи и настаиваютъ на упраздненіи сената; но, по мнѣнію Поэнкарѐ, прежде чѣмъ говорить о недостаткахъ второй палаты, они должны были бы оглянуться на самихъ себя и отдать себѣ ясный отчетъ въ качествахъ своей собственной депутатской дѣятельности. „Въ длинномъ спискѣ рѣшеній палаты они увидѣли бы много платоническихъ пожеланій, поспѣшныхъ и необдуманныхъ постановленій, пустыхъ манифестацій и безплодныхъ резолюцій, и очень мало дѣйствительныхъ, серьезныхъ мѣръ и обстоятельно изученныхъ законовъ. При всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ палата слишкомъ часто представляетъ странѣ зрѣлище шумнаго безсилія. Дѣлаемые правительству запросы, вмѣсто того,

чтобы быть способомъ контроля по отношенію къ важнымъ актамъ министровъ или въ области общей политики кабинетовъ, становятся въ большинствѣ случаевъ праздными и дѣтскими пререканіями. Предложенія и проекты отсылаются, безъ всякаго порядка, въ многочисленныя спеціальныя коммиссіи, которыя преслѣдуютъ неясно поставленныя задачи, не заботясь о неизбѣжныхъ противорѣчіяхъ. Когда проектъ, старательно выработанный, подвергается публичному обсужденію, онъ достается въ жертву сочинителямъ запоздалыхъ поправокъ и прибавокъ, извращающихъ его смыслъ въ послѣднюю минуту. Все устроено такъ, чтобы придать парламентскому организму неровный, то лихорадочный, то замедленный ходъ, свидѣтельствующій о глубокой болѣзни: Первымъ долгомъ палаты, если она не желаетъ быть заранѣе осужденною на плачевное прозябаніе, будетъ коренной пересмотръ ея внутреннихъ порядковъ съ цѣлью положить конецъ этой возрастающей анархіи. Но недостаточно еще исправить существующія правила; нужно также—и это несравненно важнѣе—преобразовать парламентскіе нравы. Избиратели назначаютъ депутатовъ для опредѣленнаго круга дѣлъ—для обсужденія новыхъ законовъ и для вотированія бюджета. Однако, депутаты смотрятъ шире на свои полномочія; едва они выбраны, какъ они уже чувствуютъ себя способными къ выполненію всевозможныхъ задачъ; всякій изъ нихъ считаетъ себя какъ бы олицетвореніемъ цѣлой страны и въ извѣстные моменты добросовѣстно приписываетъ себѣ всѣ народныя власти. Имъ кажется, что они сами держатъ въ своихъ рукахъ народное верховенство, и что внѣ ихъ нѣтъ ничего, ни правительства, ни сената, ни администраціи, ни магистратуры. Парламентскія вліянія, проникая повсюду разными путями, нарушаютъ дѣйствіе всего политическаго механизма. Чиновники поддаются унизительнымъ ходатайствамъ, депутаты играютъ роль коммиссіонеровъ своихъ избирателей, министры вынуждены лавировать среди интригъ, правосудіе колеблется въ своей независимости и въ своемъ авторитетѣ,—вотъ наглядные результаты этихъ посягательствъ и смѣшеній. А когда правительство, какъ въ настоящее время, пытается водворить нѣкоторый порядокъ въ этомъ смѣшеніи всѣхъ элементовъ, оно дорого расплачивается за свое безразсудство: на него сыплются упреки и оскорбленія, и ему приписываютъ, какъ нѣкогда Гамбеттѣ и Жюлю Ферри, реакціонные замыслы". Познкарѐ не останавливается, однако, на вопросѣ, какъ выйти изъ этого кризиса, и какъ передѣлать политическіе нравы; онъ ставитъ діагнозъ болѣзни, но не указываетъ средствъ для ея излеченія. Пересмотръ внутренняго регламента палаты не внесетъ, конечно, никакой перемѣны въ общій характеръ и тонъ парламентской дѣя-

тельности; въ этомъ отношеніи самъ Поэнкарѐ, очевидно, не питаетъ большихъ иллюзій.

Въ томъ же духѣ говорилъ и президентъ совѣта министровъ, въ своей обширной рѣчи-программѣ, 10-го октября (нов. ст.), въ Реми-ремонѣ. Мелинъ коснулся господствующихъ парламентскихъ нравовъ лишь настолько, насколько это совмѣстимо съ его оффиціальнымъ положеніемъ; онъ направляетъ главные свои удары на радикаловъ, которые, въ соединеніи съ соціалистами, мѣшаютъ парламенту и правительству дѣйствовать для пользы страны. Въ качествѣ главы кабинета, Мелинъ проявляетъ нѣкоторый оптимизмъ; онъ разсчитываетъ на благотворные результаты предстоящихъ выборовъ, которые, по его мнѣнію, дадутъ болѣе сильное и сосредоточенное большинство и разрушатъ такимъ образомъ зловредное вліяніе радикальной оппозиціи. „Всеобщее народное голосованіе должно сдѣлать выборъ между двумя политическими направленіями — между политикою союза съ соціалистами, и старою политикою республиканской партіи. При современномъ настроеніи умовъ легко предвидѣть, что эти выборы не будутъ похожи на прежніе. Они не будутъ касаться только личностей, а будутъ происходить на почвѣ точной и ясной политической программы; сторонники выборовъ по спискамъ получатъ возможность убѣдиться— и, быть можетъ, къ своему ущербу,—что голосованіе по отдѣльнымъ округамъ вовсе не исключаетъ дѣйствія крупныхъ политическихъ теченій. Такимъ способомъ выйдемъ мы изъ двусмысленнаго состоянія, которое долго тяготѣло надъ выборами и которое причинило намъ столько зла. Эта двусмысленность не давала образоваться прочному правительственному большинству, а отсутствіе большинства объясняетъ собою то ложное и трудное положеніе, среди котораго мы бьемся такъ давно. Это главная причина того парламентскаго безсилія, на которое такъ справедливо жалуется страна. Министерства не могутъ предпринимать ничего серьезнаго и солиднаго, потому что не имѣютъ за собою достаточнаго большинства; они не могутъ управлять, такъ какъ вынуждены постоянно защищать свое существованіе противъ оппозиціи, пользующейся всѣми случаями для его низверженія. Палата не можетъ также заниматься законодательствомъ, потому что партіи, поощряемыя слабостью большинства, спорятъ между собою изъ-за власти, и вслѣдствіе этого политика овладѣваетъ всѣмъ, извращаетъ все и дѣлаетъ всякую серьезную работу невозможною. Какъ избавиться отъ этого положенія, — продолжалъ далѣе Мелинъ, — которое приноситъ столько вреда парламентскому режиму? Поможетъ ли этому панацея, столь излюбленная радикалами—пересмотръ конституціи? Но пересмотръ конституціи только усилилъ бы зло, открывъ еще бо̀льшій просторъ страстямъ и надеждамъ политическихъ партій. Реформировать

нужно скорѣе порядокъ занятій палаты депутатовъ; но эта реформа будетъ имѣть цѣну только въ томъ случаѣ, если преобразуются люди, которымъ придется ее примѣнять, и если большинство окажется достаточно сплоченнымъ и рѣшительнымъ, чтобы слѣдить за соблюденіемъ своего регламента, не смущаясь ни усиліями обструкціонистовъ, ни нападками крайнихъ. Съ какой бы стороны ни подойти къ предмету, повсюду мы видимъ предъ собою необходимость имѣть правительственное большинство, безъ котораго ничего нельзя сдѣлать, безъ котораго парламентское управленіе есть пустое слово". Министерство Мелина опирается на большинство искусственное, къ которому принадлежитъ значительная часть правой стороны палаты; это большинство можетъ служить надежной опорой въ борьбѣ противъ радикаловъ и соціалистовъ, но не въ дѣлѣ положительнаго законодательства. Мелинъ предоставляетъ будущей палатѣ заняться двумя важными вопросами, вытекающими изъ жизненныхъ потребностей демократіи,—проектами административной децентрализаціи и устройствомъ пенсіонныхъ кассъ для рабочихъ. Онъ перечисляетъ цѣлый рядъ экономическихъ и финансовыхъ мѣръ, которыя будутъ предложены парламенту еще въ нынѣшней сессіи; но онъ не надѣется на ихъ разсмотрѣніе и принятіе, въ виду противодѣйствія радикаловъ. Словомъ, во всемъ виноваты радикалы, и все шло бы прекрасно въ парламентскихъ и правительственныхъ дѣлахъ республики, еслибы не радикальная оппозиція.

Безъ сомнѣнія, для правительства очень удобно свалить отвѣтственность за неудачи на противниковъ. Если кабинетъ не исполнилъ своихъ обѣщаній и даже не приступилъ къ реформамъ, возвѣщеннымъ при его вступленіи во власть,—какъ напр., по вопросу о децентрализаціи,—то за это отвѣчаютъ радикалы, задерживающіе ходъ парламентской машины и не позволяющіе министрамъ спокойно вырабатывать и вносить свои законопроекты. Министерство удовлетворитъ и облагодѣтельствуетъ страну своими мѣропріятіями, если всеобщее народное голосованіе избавитъ его отъ назойливой оппозиціи и доставитъ ему прочное и сильное большинство. Избирателямъ дается простой и ясный совѣтъ — выбирать побольше сторонниковъ правительства и какъ можно меньше радикаловъ, если ужъ нельзя обойтись безъ нихъ совершенно. Точка зрѣнія Мелина вполнѣ естественна и понятна; но, говоря о пользѣ и необходимости большинства въ парламентѣ, онъ представляетъ себѣ это большинство не иначе какъ умѣренно-республиканскимъ, солидарнымъ съ нынѣшнимъ кабинетомъ; —между тѣмъ большинство можетъ быть и радикальное, и консервативное, и слѣдовательно оно можетъ также оказаться пагубнымъ для народа, если не будетъ имѣть противовѣса въ настойчивой и

достаточно многочисленной оппозиціи. Сами республиканцы находились въ меньшинствѣ въ первой палатѣ послѣ провозглашенія республики; и тогдашнее реакціонное большинство такъ же точно смотрѣло на республиканскую партію, какъ на тягостную обузу и помѣху для полезныхъ начинаній правительства. Всякій политическій дѣятель считаетъ свою партію единственно хорошею и разумною, а противниковъ — ненужными и стѣснительными; но въ устахъ республиканскаго министра такой взглядъ производитъ странное впечатлѣніе. Радикалы имѣли уже свое министерство—Леона Буржуа, и они въ свою очередь могутъ утверждать, что они превосходно довели бы до конца начатыя финансовыя реформы, еслибы имъ не помѣшала партія Мелина. Нынѣшній президентъ совѣта министровъ полагаетъ, что проектъ подоходнаго налога былъ опасною соціалистическою мѣрою; но подоходный налогъ издавна существуетъ въ Англіи, гдѣ никто не усматриваетъ въ немъ порожденіе опаснаго соціализма. Изъ этого видно, что и партія Мелина можетъ ошибаться, что и для нея полезно существованіе вліятельной оппозиціи, которая удерживала бы ее отъ рискованныхъ шаговъ и заблужденій. Мысль о томъ, что образованіе крупнаго умѣреннаго большинства обезсилитъ радикаловъ и отниметъ у нихъ способы противодѣйствія правительству, наглядно опровергается общеизвѣстными фактами: въ англійской палатѣ общинъ небольшая группа ирландцевъ парализовала всю парламентскую жизнь, а теперь въ австрійской палатѣ депутатовъ нѣсколько нѣмецкихъ патріотовъ, съ Шенереромъ во главѣ, поставили министерство Бадени въ фактическую невозможность опираться на существующее парламентское большинство. Непримиримая вражда оппозиціи вызывается лишь полнымъ невниманіемъ къ ея заявленіямъ и требованіямъ; зло заключается именно въ томъ духѣ нетерпимости, который побуждаетъ Мелина отрицать самое право радикаловъ на существованіе въ парламентѣ. Духъ соглашенія и компромисса, составляющій основу англійскаго парламентаризма, совершенно чуждъ французскимъ политическимъ партіямъ; онъ даже какъ будто недоступенъ пониманію такихъ людей, какъ Мелинъ. Французская борьба партій вполнѣ безплодна, выражаясь лишь въ неосуществимомъ стремленіи устранить или игнорировать противниковъ; оттого и народное представительство во Франціи отличается на практикѣ тѣми недостатками, на которые указывалъ Поэнкаре. Министерство Мелина не признавало радикаловъ, а послѣдніе съ своей стороны не признавали министерства; это состояніе войны могло препятствовать успѣшному проведенію извѣстныхъ проектовъ и мѣръ въ палатѣ депутатовъ,— но чѣмъ объяснить отсутствіе всякихъ попытокъ преобразовать внутренній строй французской администраціи, безусловно подвластной

кабинету? Измѣнить парламентскіе нравы—не во власти министровъ; но въ ихъ власти было бы повліять на нравы чиновничества и положить конецъ закулисному воздѣйствію депутатовъ на весь ходъ административной машины. Нарисованная Поэнкарѐ картина смѣшенія всѣхъ функцій, вслѣдствіе парламентскихъ вліяній, оставляетъ неяснымъ вопросъ, на который нѣтъ отвѣта и въ рѣчи Мелина. По словамъ бывшаго министра финансовъ, кабинетъ вызываетъ противъ себя ожесточенныя нападки, когда пробуетъ ограничить незаконное вмѣшательство отдѣльныхъ депутатовъ въ различныя области управленія и суда; слѣдуетъ ли отсюда заключить, что эти ограничительныя попытки касаются только лицъ, принадлежащихъ къ оппозиціи? Министерство Мелина подвергается нападкамъ только со стороны крайней лѣвой и пользуется сочувствіемъ всѣхъ умѣренныхъ фракцій палаты; и если нападки имѣютъ связь съ устраненіемъ закулисныхъ вліяній, то выходитъ, что для радикаловъ создаются особыя правила, не обязательныя для прочихъ парламентскихъ группъ, и что само правительство вноситъ систематическую порчу въ административный механизмъ, предоставляя чиновникамъ подчиняться только ходатайствамъ депутатовъ, поддерживающихъ министерство. Кабинеты мѣняются, и вмѣстѣ съ ними измѣнялось бы поведеніе администраціи относительно различныхъ парламентскихъ партій. Неужели допущеніе подобныхъ порядковъ — если они въ самомъ дѣлѣ существуютъ,—лежитъ также на отвѣтственности радикаловъ или вообще парламента? Почему нѣтъ и слѣда такого рода злоупотребленій въ Англіи, несмотря на фактическое всемогущество палаты общинъ? Еслибы французскіе министры и руководящіе политическіе дѣятели твердо установили тотъ принципъ, что сферы администраціи и суда должны быть безусловно закрыты для закулисныхъ вторженій парламентскихъ дѣльцовъ, и что никакихъ изъятій изъ общаго порядка не должно быть допускаемо для ходатайствъ депутатовъ, то ни одна партія не имѣла бы повода возражать, и всѣ по неволѣ подчинились бы системѣ, основанной на началѣ общаго равенства и справедливости; попытки нарушить обычный ходъ дѣлъ прекратились бы сами собою, и не было бы матеріала для жалобъ, въ родѣ тѣхъ, какія высказываетъ Поэнкарѐ. Кабинетъ Мелина, какъ и всякій другой, имѣлъ полную возможность провести эту необходимую мѣру, зависящую исключительно отъ усмотрѣнія и власти правительства; только собственная парламентская рутина и временныя опасенія мелкихъ личныхъ неудовольствій удерживали министровъ отъ смѣлаго шага, который постепенно очистилъ бы политическую атмосферу отъ разлагающихъ вліяній и отнялъ бы у пессимистовъ матеріалъ для обвиненій, направленныхъ по ложномъ адресу.

Насколько вообще рутинны правительственные пріемы современной

Франціи и какъ крѣпко держатся въ ней старыя традиціи предшествовавшихъ режимовъ, можно видѣть изъ недавняго „инцидента“ по случаю замѣщенія поста алжирскаго генералъ-губернатора. На этотъ спеціальный постъ, требующій большого знакомства съ колоніальною политикою и съ своеобразными мѣстными условіями, назначенъ былъ дипломатъ Камбонъ, который однако долженъ былъ выйти въ отставку, какъ говорятъ, вслѣдствіе столкновеній съ депутатами, имѣющими вліяніе въ Алжирѣ,—т.-е. вслѣдствіе тѣхъ именно закулисныхъ парламентскихъ воздѣйствій, которыми не должно бы руководствоваться министерство. Камбонъ переведенъ изъ Алжира на постъ посланника въ Вашингтонѣ, а на его мѣсто назначенъ французскій посолъ въ Вѣнѣ, бывшій полицейскій префектъ Лозѐ; но послѣдній не пожелалъ ѣхать въ Алжиръ, по семейнымъ соображеніямъ, а можетъ быть и для избѣжанія необходимости подчиняться тѣмъ же депутатскимъ воздѣйствіямъ. Въ виду упорнаго отказа Лозѐ, высокій постъ алжирскаго генералъ-губернатора довѣренъ другому полицейскому префекту, преемнику перваго по должности, Лепину. Газеты занялись этимъ назначеніемъ только потому, что исторія съ Лозѐ сдѣлалась предметомъ бульварныхъ сплетенъ; Лозѐ будто бы нарушилъ долгъ повиновенія правительству и за это оставленъ за штатомъ. Никто въ печати не обратилъ вниманія на самый выборъ кандидатовъ и на способъ передвиженія ихъ съ одного мѣста на другое: должность алжирскаго генералъ-губернатора разсматривается очевидно какъ временный переходный постъ для парижскихъ полицейскихъ префектовъ, которымъ желаютъ дать повышеніе; полицейскій префектъ, въ силу своего служебнаго ранга, считается способнымъ внезапно превратиться въ посланника-дипломата, какъ это было съ Лозѐ, или въ правителя важной и обширной колоніи, какъ это теперь случилось съ Лепиномъ. Перемѣщеніе высшихъ должностныхъ лицъ производится здѣсь по чисто внѣшнимъ основаніямъ, согласно особой табели о рангахъ, причемъ не возникаетъ даже вопроса о подготовленности кандидата къ данному посту и о необходимости имѣть въ виду серьезные государственные интересы, прямо затрогиваемые дѣлаемымъ назначеніемъ. Лозѐ, бывшій отличнымъ полицейскимъ префектомъ, попалъ въ дипломаты и не имѣлъ, конечно, случая примѣнить свою полицейскую опытность въ Вѣнѣ, гдѣ ему пришлось заниматься восточнымъ вопросомъ; и едва ли дипломатическія сношенія Франціи съ Австро-Венгріею могли выиграть отъ того, что они велись при посредствѣ лица, привыкшаго заботиться объ уличномъ порядкѣ и благоустройствѣ Парижа. При описаніи банкета въ честь президента Фора въ зданіи парижской коммерческой биржи 14-го октября, газеты сообщали, что „искусныя полицейскія мѣры для охраны порядка приняты были

новымъ генералъ-губернаторомъ Алжира, Лепиномъ, который давалъ свои указанія и распоряженія, переходя отъ одной группы къ другой тѣмъ быстрымъ и нервнымъ шагомъ, который хорошо извѣстенъ парижанамъ". Это умѣнье распоряжаться на парижскихъ улицахъ не дѣлаетъ еще Лепина пригоднымъ для управленія Алжиромъ; тѣмъ не менѣе онъ будетъ управлять Алжиромъ, разрѣшать запутанные вопросы относительно туземнаго мусульманства, чтобы затѣмъ, быть можетъ, сдѣлаться дипломатомъ по волѣ высшаго начальства. Это та самая система, при которой генеральскій мундиръ самъ по себѣ давалъ право на занятіе какого угодно государственнаго поста, безъ различія спеціальностей,—система подчиненія общественныхъ и политическихъ интересовъ формально-іерархическимъ и личнымъ. Въ Англіи вырабатывается и подготовляется для каждой служебной области особый разрядъ дѣятелей, а для колоніальныхъ владѣній создаются замѣчательные спеціалисты, какъ, напр., многіе высшіе чиновники въ Индіи; одинъ изъ лучшихъ знатоковъ египетскихъ дѣлъ, Бэрингъ, нынѣ лордъ Кромеръ, въ теченіе многихъ лѣтъ сохраняетъ свое положеніе въ Каирѣ, и оттого англійскіе интересы въ разныхъ частяхъ земного шара охраняются несравненно лучше и послѣдовательнѣе, чѣмъ какіе бы то ни было другіе. Франція не только не подражаетъ въ этомъ отношеніи Англіи, но до сихъ поръ еще придерживается старыхъ традиціонныхъ порядковъ, столь ярко освѣщаемыхъ служебными передвиженіями Лозѐ и Лепина. А измѣнить эти порядки было бы важнѣе и полезнѣе для республики, чѣмъ вести безплодную борьбу съ шумною радикальною оппозиціею и придумывать новые регламенты для исправленія политическихъ нравовъ, въ которыхъ отражаются лишь господствующіе нравы значительной части французскаго общества.

Парламентская борьба въ Австріи вступила, можно сказать, въ героическій періодъ, поражающій публику количествомъ и размѣрами жестокихъ битвъ, баснословными столкновеніями и самоотверженными подвигами, среди которыхъ совершенно теряется центральная фигура графа Бадени, главнаго виновника разыгравшагося кризиса. Небольшая горсть нѣмецкихъ депутатовъ мужественно ведетъ аттаку противъ парламентскаго большинства и правительства, пользуясь испытанными способами нападенія, которые впервые примѣнены были въ широкихъ размѣрахъ покойнымъ Парнеллемъ въ англійской палатѣ общинъ. Простые, грубые крики, которыми до сихъ поръ довольствовались единомышленники Шенерера, плохо достигали своей цѣли; палата могла все-таки продолжать свои занятія, съ болѣе или менѣе шумными перерывами, и министерство не теряло надежды довести до конца

необходимое обсужденіе законопроекта о соглашеніи съ Венгріею. Въ концѣ настоящаго года истекаетъ обычный десятилѣтній срокъ договора, на которомъ держится дуалистическое устройство австро-венгерской монархіи; а такъ какъ обстоятельства не позволили кабинету своевременно приступить къ пересмотру договорныхъ условій и возобновить соглашеніе на новый срокъ, то теперь приходится усиленно хлопотать о временномъ продленіи договора на одинъ годъ. Но безпощадная оппозиція рѣшилась не допустить и этого результата для министерства графа Бадени; она внесла формальный обвинительный актъ противъ министра-президента, требуя преданія его суду за нарушеніе конституціи произвольными административными мѣрами. Чтобы избѣгнуть безконечныхъ преній о посторонникъ дѣлахъ и вопросахъ, палата назначила спеціальныя вечернія засѣданія для разсмотрѣнія законопроекта о соглашеніи съ Венгріею. Первое такое засѣданіе, съ вечера 28 (16) октября, продолжалось безъ перерыва до слѣдующаго дня, и дѣло не подвинулось ни на шагъ, благодаря необыкновенной стойкости депутата Лекера, который принялъ на себя задачу говорить цѣлую ночь напролетъ. Говорить можно было только о предметѣ, поставленномъ на первую очередь,—о соглашеніи съ Венгріею; поэтому всѣ предложенія, запросы и протесты разныхъ оппозиціонныхъ ораторовъ были отклонены, и громкіе возгласы депутата Вольфа, сопровождаемые непрерывными стуками, не въ силахъ были предупредить формальное открытіе преній по существу. Тогда депутатъ Лекеръ попросилъ слова на законномъ основаніи и началъ въ 9 часовъ вечера рѣчь, которую окончилъ лишь въ 9 часовъ утра; для отдыха служили ему какъ бы невольные перерывы, устроиваемые Вольфомъ и другими при помощи продолжительныхъ рукоплесканій.

Очевидно, графъ Бадени ничего не добьется отъ парламента, въ которомъ дѣйствуютъ противъ него такіе неутомимые бойцы. Трудно вообще понять, почему этотъ министръ такъ упорно сохраняетъ свой постъ среди невозможной политической горячки, вызванной его безцеремонными и во всѣхъ отношеніяхъ неудачными усиліями одолѣть нѣмецкую партію. Крутыя мѣры, къ которымъ прибѣгалъ глава кабинета противъ оппозиціи, обрушились теперь всею своею тяжестью на него самого, и тѣмъ не менѣе онъ повидимому еще не пришелъ къ сознанію, что способы борьбы, практикуемые администраціею въ Галиціи, непримѣнимы къ конституціонному управленію такою страною, какъ Австрія; онъ все еще надѣется какъ будто заставить противниковъ сложить оружіе, опираясь на парламентское большинство, которое само обречено на безсиліе. Правильный ходъ политической жизни остановился въ Австріи, и кризисъ обостряется съ каждымъ днемъ, причиняя великій ущербъ государственнымъ и общественнымъ

интересамъ,—и только изъ-за того, что графъ Бадени не желаетъ сойти со сцены, чтобы уступить мѣсто болѣе подходящему политическому дѣятелю. Однако, другого исхода не можетъ имѣть современное политическое положеніе, которое и безъ того продолжалось въ Австріи слишкомъ долго.

Греція не успѣла еще оправиться отъ ужасовъ военныхъ пораженій, и ей едва только предъявленъ формальный счетъ къ уплатѣ, въ видѣ проекта мирнаго договора съ Турціею, выработаннаго при посредствѣ великихъ державъ,—а виновникъ бѣдствій, обрушившихся на греческій народъ, бывшій министръ-президентъ Дельянисъ, вновь выступаетъ на сцену, какъ ни въ чемъ не бывало, и беретъ на себя прежнюю роль руководящаго политическаго дѣятеля. Дельянисъ вовлекъ Грецію въ войну сознательно, въ надеждѣ на поддержку или сочувствіе нѣкоторыхъ иностранныхъ кабинетовъ; онъ какъ бы поддался общественному патріотическому возбужденію, которое самъ вызывалъ и поощрялъ, и обнаружилъ въ своихъ дѣйствіяхъ полное непониманіе обстоятельствъ и пренебреженіе къ самымъ необходимымъ условіямъ успѣха: онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы оттолкнуть отъ Греціи не только главныя европейскія державы, но и балканскія государства, съ которыми должна бы связывать ее общность политическихъ интересовъ, и подготовилъ роковыя событія безъ всякой заботы о средствахъ и силахъ страны, при самыхъ тяжелыхъ для нея условіяхъ внѣшняго и внутренняго положенія. Когда дѣло было окончательно проиграно въ Ѳессаліи, и нельзя было уже скрывать печальный оборотъ войны, Дельянисъ вышелъ въ отставку при общемъ видимомъ негодованіи греческихъ патріотовъ. Министерство Ралли должно было заняться ликвидаціею наслѣдства, оставленнаго этимъ злымъ духомъ современной Греціи. Мирные переговоры въ Константинополѣ тянулись очень долго, и Дельянисъ только выжидалъ момента, чтобы возобновить старую парламентскую игру.

Въ засѣданіи 30 сентября (нов. ст.), Ралли внесъ въ палату проектъ предварительныхъ условій мира и произнесъ длинную рѣчь, въ которой объяснилъ значеніе уступокъ, сдѣланныхъ Турціи, и выразилъ свою скорбь по поводу слишкомъ слабой защиты греческихъ интересовъ со стороны европейской дипломатіи. Въ заключеніе Ралли потребовалъ заявленія довѣрія къ кабинету, чтобы послѣдній могъ свободнѣе дѣйствовать и направить дальнѣйшія свои усилія къ смягченію мирныхъ условій. Дельянисъ отвѣчалъ отъ имени оппозиціи; онъ заговорилъ о чрезмѣрной тяжести предложеннаго мира и о своемъ нежеланіи принять на себя отвѣтственность за его утвержденіе, какъ будто этотъ миръ есть только результатъ неудачной политики мини-

стерства Ралли. Партія Дельяниса, потерявшая всякое право на довѣріе страны, отказала въ своемъ довѣріи правительству, и большинствомъ 93 голосовъ противъ 30 министерство было свергнуто. Любопытно, что ни Ралли, ни кто-либо другой въ палатѣ не выразили своего удивленія политическому цинизму человѣка, поставившаго Грецію на край гибели и спокойно разсуждающаго теперь объ ошибкахъ своихъ преемниковъ. Ралли скромно началъ свою рѣчь словами: „я не могу понять причину, почему Дельянисъ свергаетъ министерство". Каковы бы ни были эти причины, но не Дельянису было высказывать ихъ; ему подобало бы держаться въ тѣни, подобно Эмилю Оливье, послѣ Седана. Очевидно, въ Греціи поведеніе Дельяниса не считается возмутительнымъ; появились даже слухи о порученіи ему составить новый кабинетъ, и нѣсколько тысячъ гражданъ подписали петицію къ королю по поводу этихъ странныхъ слуховъ. Но до этого дѣло не дошло,—министромъ-президентомъ сдѣлался Займисъ, бывшій президентъ палаты, человѣкъ еще сравнительно молодой (около 40 лѣтъ), сынъ извѣстнаго государственнаго человѣка. Изъ прочихъ министровъ слѣдуетъ назвать популярнаго въ народѣ генерала Смоленскаго и двухъ нѣмцевъ по происхожденію, Стефана Стрейта, министра финансовъ, и Томана, министра юстиціи.

Перемѣна министерства произошла и въ Сербіи, но безъ видимыхъ причинъ, вслѣдствіе неожиданнаго личнаго рѣшенія короля Александра. Пробывъ за границею около трехъ мѣсяцевъ, король возвратился 7 (19) октября въ Бѣлградъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ Миланомъ, и въ тотъ же день кабинетъ Симича получилъ отставку. Либеральное министерство уступило мѣсто реакціонному или консервативному, во главѣ котораго поставленъ Владанъ Георгіевичъ, пользующійся особеннымъ расположеніемъ короля Милана. Молодой король находится теперь подъ вліяніемъ отца, и министерскій кризисъ является послѣдствіемъ обстоятельствъ и соображеній, имѣющихъ мало общаго съ государственными и народными интересами Сербіи. Сербскіе кризисы давно уже перестали обращать на себя вниманіе въ Европѣ; они слишкомъ часто разыгрываются на почвѣ чисто личныхъ отношеній, безъ всякой связи съ требованіями послѣдовательной и разумной политики. До сихъ поръ еще сербское правительство не знаетъ въ точности, какого направленія ему держаться; оно мѣняетъ политическіе принципы, какъ перчатки, и внезапность этихъ перемѣнъ и скачковъ не свидѣтельствуетъ еще пока о большой государственной опытности и дальновидности лицъ, управляющихъ Сербіею.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1897.

— В. И. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя. Томъ четвертый. М. 1898.

Огромный томъ, почти въ тысячу страницъ, заканчиваетъ давнюю работу г. Шенрока надъ біографіей Гоголя. Недавно параллельно съ этимъ трудомъ онъ велъ другой весьма сложный трудъ, заканчивая начатое Тихонравовымъ десятое изданіе сочиненій Гоголя съ подробнымъ изученіемъ рукописей и комментаріемъ. Все это вмѣстѣ составляетъ великую заслугу для истолкованія писателя, который вмѣстѣ съ Пушкинымъ стоитъ во главѣ новой русской литературы.

Біографія Гоголя представляла большія трудности внѣшнія и внутреннія. Внѣшнія — потому что біографу приходилось разыскивать самый матеріалъ, который далеко не былъ исчерпанъ въ печатныхъ изданіяхъ и находился въ частныхъ рукахъ, причемъ полученіе этого матеріала бывало соединено съ большими затрудненіями. Когда работа была уже начата, вновь открывались иногда свѣдѣнія, относившіяся къ прежнему времени, или, являясь впервые, онѣ требовали монографическаго изученія и самаго изданія и т. п.; работа осложнялась и запутывалась, вынуждала къ повтореніямъ. Не менѣе, если не болѣе, велики были затрудненія внутреннія. Рѣдко встрѣчаются люди такого сложнаго и мудренаго характера, какъ Гоголь. Біографу предстояло опредѣлить свойство геніальнаго дарованія, прослѣдить его развитіе въ условіяхъ разнообразныхъ вліяній и впечатлѣній художественныхъ и жизненныхъ, связать это развитіе съ внутренней личной жизнью писателя, разрѣшать массу недоумѣній и противорѣчій, опредѣляя въ то же время историческое дѣйствіе произведеній писателя въ обществѣ и литературѣ. Наконецъ, біографу приходилось встрѣтиться съ такимъ переломомъ въ личной и художественной жизни писателя, какіе рѣдко можно видѣть въ исторіи литературы: писатель къ концу своего поприща хотѣлъ отказываться отъ произведеній,

создавшихъ его славу и составившихъ великій историческій моментъ въ цѣломъ направленіи литературы, и, однако, на основаніи этой самой славы хотѣлъ стать учителемъ общества совсѣмъ въ иномъ духѣ, отвергая своихъ прежнихъ поклонниковъ, странно соединяя въ своей новой проповѣди смиреніе и крайнее высокомѣріе... Новѣйшій біографъ чувствовалъ всю трудность предстоявшей ему задачи изобразить столь сложное явленіе, и съ самаго начала назвалъ свой трудъ не біографіей, а только матеріалами для нея. Мы видѣли, что по свойству дѣла это и не могло быть иначе,—когда, напримѣръ, во время самой работы прибывалъ новый „матеріалъ", еще требовавшій первоначальной разработки. Но, во всякомъ случаѣ, трудолюбивыя изысканія г. Шенрока вознаграждены были множествомъ любопытныхъ и часто впервые имъ добытыхъ свѣдѣній, которыя въ первый разъ даютъ возможность имѣть передъ собою всѣ существующія данныя для біографіи писателя.

Въ предисловіи къ настоящему тому авторъ высказываетъ желаніе возвратиться вновь ко всему этому матеріалу уже съ прямою цѣлью настоящей біографіи.

„Настоящимъ томомъ,—говоритъ онъ,—заканчивается нашъ трудъ, къ которому, однако, мы предполагаемъ со временемъ вернуться, чтобы обработать его въ окончательной формѣ (т.-е. въ видѣ уже не „матеріаловъ", а самой біографіи). Мы предполагаемъ не столько расширить размѣры его, для чего едва ли можетъ найтись много новыхъ данныхъ, сколько точнѣе выяснить тѣ подробности, начиная съ мелочныхъ хронологическихъ, и устранить кое-гдѣ нарушающія стройность общаго плана невольныя возвращенія къ предыдущему, вслѣдствіе появленія въ печати новыхъ матеріаловъ, которые не могли быть приняты во вниманіе въ предшествующемъ, *уже отпечатанномъ томѣ*. Въ слѣдующей обработкѣ нашего труда, послѣ того какъ теперь готовы и собраны всѣ данныя, было бы очень легко достигнуть безусловно строгаго распредѣленія матеріала какъ по отдѣльнымъ томамъ, такъ и вообще; также явилась бы возможность опустить нѣкоторыя напечатанныя нынѣ письма, мелкія библіографическія поясненія (напр., исправленія неточныхъ датъ), полемику, пересмотръ высказанныхъ другими мнѣній и т. п. Кромѣ того, въ настоящемъ томѣ мѣстами, а особенно въ концѣ книги, гдѣ приходится имѣть дѣло съ слишкомъ отрывочными данными, мы предпочитали руководствоваться въ изложеніи преимущественно такой группировкой сообщаемыхъ свѣдѣній, которая могла бы лучше раскрыть наши взгляды на разныя стороны характера Гоголя, не задаваясь педантическимъ соблюденіемъ хронологіи во *всѣхъ мелочахъ*—тогда какъ впослѣдствіи, если взгляды эти получатъ признаніе, многіе доводы сами собой окажутся излишними

и всѣ вообще факты могутъ быть изложены въ строжайшей хронологической послѣдовательности.

„Для исполненія нашего плана въ желаемыхъ размѣрахъ было бы весьма важно возможно-широкое обсужденіе въ печати нѣкоторыхъ трудныхъ и спорныхъ вопросовъ, съ которыми мы встрѣчаемся при изученіи жизни Гоголя. Въ предполагаемомъ томѣ, напр., мы старались представить возможно болѣе полное и цѣльное, на основаніи имѣющихся фактовъ, разъясненіе постепеннаго созрѣванія въ Гоголѣ мистицизма (для чего внѣшніе факты, не имѣющіе отношенія къ данному вопросу въ промежутокъ 1840—1842 годовъ, были особо разсмотрѣны въ предыдущемъ томѣ); далѣе мы старались объяснить и разграничить въ Гоголѣ борьбу мистической самоувѣренности (которую отличаемъ отъ обыкновенной гордыни) съ мучительными сомнѣніями въ себѣ, и въ связи съ этимъ въ послѣднюю недѣлю его жизни борьбу ужаса передъ загробной отвѣтственностью съ упорнымъ желаніемъ умереть и т. п. Но было бы слишкомъ самоувѣренно съ нашей стороны считать предлагаемое объясненіе происходившаго въ душѣ Гоголя сложнаго психологическаго процесса окончательнымъ и безусловнымъ рѣшеніемъ столь трудной задачи. При всемъ томъ смѣемъ надѣяться, что тщательно собранные матеріалы должны подвинуть впередъ дѣло изученія нашего писателя и во всякомъ случаѣ устранить апріорныя или основанныя на слишкомъ недостаточномъ и отрывочномъ изученіи лжетолкованія характера Гоголя и значенія его „Переписки съ друзьями“.

Авторъ прибавляетъ, что при этомъ обсужденіи спорныхъ вопросовъ о личности Гоголя важно было бы участіе не одной чисто-литературной критики, но также спеціалистовъ психологіи, какъ для оцѣнки понятій Гоголя о церковномъ ученіи важно было бы участіе спеціалистовъ богословія.

Польза такого многосторонняго изслѣдованія не подлежала бы сомнѣнію.

Четвертый заключительный томъ біографіи обнимаетъ послѣднія десять лѣтъ жизни Гоголя. Авторъ, по обыкновенію, подробно собираетъ внѣшніе факты жизни Гоголя, обозрѣваетъ его переписку, отчасти приводитъ цѣликомъ новыя, еще неизданныя, письма; по поводу „Переписки съ друзьями“ излагаетъ отзывы критики и письма корреспондентовъ, причемъ однако почти совсѣмъ не касается переписки Гоголя съ Бѣлинскимъ по поводу этой книги, а съ другой стороны оказываетъ слишкомъ много вниманія нѣкоторымъ новѣйшимъ критикамъ, которые этого совсѣмъ не заслуживаютъ. Кое-гдѣ есть неточности. Напримѣръ (стр. 469), насмѣшливая фраза одного изъ критиковъ Гоголя, что „его объявили Гомеромъ“, намекаетъ не на Бѣ-

линскаго, а на Константина Аксакова. Замѣчаніе автора, что въ письмахъ Н. Ф. Павлова, по поводу „Переписки съ друзьями", „дѣлу сильно вредитъ тонъ глумленія, совершенно исключающій возможность сколько-нибудь серьезнаго дѣйствія писемъ на душу Гоголя", что „для человѣка, у котораго хотя бы и полныя мистицизма строки вырвались изъ глубины души, такой пріемъ убѣжденія могъ казаться только возмутительнымъ, вслѣдствіе чего пропадали или могли пропасть для него и удачные и вѣскіе доводы" и пр. (стр. 473—474),—это замѣчаніе страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ, какой отличаетъ вообще новѣйшія апологіи „Переписки", искреннія и тенденціозныя. Дѣло въ томъ, что въ 1847 году „Переписка" принималась совершенно иначе, чѣмъ можетъ быть принимаема въ 1897: для насъ, знакомыхъ съ біографіей Гоголя, „Переписка" является произведеніемъ, гдѣ рядомъ съ выраженіями искренняго мистическаго идеализма стоятъ ошибки, объясняемыя незнаніемъ русской жизни и серьезной болѣзненностью; мы смотримъ на эту книгу какъ на прошедшее, какъ на фактъ тяжелой внутренней исторіи писателя, уже вскорѣ затѣмъ кончившаго свое многострадальное поприще;—въ концѣ сороковыхъ годовъ Гоголя знали въ литературныхъ кругахъ очень немногіе, книга являлась какъ полемическое нападеніе, безъ тѣхъ психологическихъ объясненій, какія мы знаемъ теперь, являлась съ высокомѣрными рѣзкими требованіями и поученіями, реальный смыслъ которыхъ иногда не могъ не казаться возмутительнымъ. Русское общество въ небольшомъ кругу просвѣщенныхъ людей какихъ бы ни было партій выработало извѣстныя идеальныя стремленія, которыя одни оставались нравственной опорой въ тяжелыя времена гнета и застоя (какъ, напр., выработало убѣжденіе въ гнусности крѣпостного права), и великій прославленный писатель въ практическихъ сторонахъ своей книги именно настаивалъ на этихъ мрачныхъ сторонахъ русской жизни, полагая ихъ чѣмъ-то нормальнымъ и спасительнымъ. И если самъ Гоголь не смягчалъ выраженій, говоря, напримѣръ о крѣпостныхъ отношеніяхъ, можно ли было требовать отъ его противниковъ, чтобы они угадывали мистическія тонкости его философіи. Затѣмъ, каковы бы ни были процессы внутренней жизни Гоголя, въ оцѣнкѣ его характера и въ частности „Переписки съ друзьями" не должно забывать тѣхъ простыхъ сторонъ дѣла, которыя также сказывались въ проповѣдяхъ и поученіяхъ его послѣднихъ годовъ. Самъ біографъ, повидимому, соглашается съ тѣми, которые говорили о „поразительно смутныхъ представленіяхъ" Гоголя о наукѣ, прогрессѣ и т. п., объ его „фантастической самоувѣренности" и т. д.; біографъ не опровергаетъ и приводимыхъ имъ словъ Плетнева, который, при всемъ рас-

положеніи къ Гоголю, говорилъ, что онъ „самолюбивъ какъ сатана“, и т. п.

Г. Шенрокъ является вообще великимъ поклонникомъ и защитникомъ Гоголя не только въ его великихъ произведеніяхъ, но и въ тѣхъ смутныхъ процессахъ его внутренней жизни, гдѣ онъ вызывалъ нареканія даже своихъ ближайшихъ друзей. Это — нерѣдкая черта біографовъ, которые привязываются къ своему герою въ силу долгаго изученія; это—прекрасная человѣчная черта, благотворная и для самого дѣла, потому что этимъ путемъ біографъ соберетъ тѣмъ больше историческихъ и психологическихъ объясненій изучаемаго характера,— но изъ-за этого не должно забывать общихъ условій жизни, среди которыхъ дѣйствовалъ писатель, и не умалчивать о тѣхъ явленіяхъ, которыя отзывались неблагопріятно на его дѣятельности.

Въ цѣломъ трудъ г. Шенрока является довольно рѣдкимъ у насъ примѣромъ чрезвычайно трудолюбиваго и внимательнаго историко-литературнаго изученія, важнаго тѣмъ болѣе, что оно посвящено одному изъ величайшихъ писателей нашей новой литературы.

— Н. А. Бѣлоголовый. Воспоминанія и другія статьи. Посмертное изданіе. М. 1897.

„Немногіе изъ общественныхъ дѣятелей оставляютъ послѣ себя такую чистую, свѣтлую, такую добрую и славную память, какъ авторъ настоящей книги, знаменитый врачъ-гуманистъ Николай Андреевичъ Бѣлоголовый. Въ удивительной гармоніи сочетались въ этой крупной, граждански-развитой и стойкой личности высокія качества сердца, ума и характера, не только не заслонившія одно другое, какъ это, къ сожалѣнію, не разъ встрѣчается въ жизни, но прекрасно дополнившія другъ друга“. Такъ начинается небольшое предисловіе, писанное видимо близкимъ лицомъ и изображающее привлекательныя и поучительныя черты этого характера. И, безъ сомнѣнія, всѣ болѣе или менѣе близко знавшіе доктора Бѣлоголоваго подтвердятъ справедливость сказаннаго въ этомъ предисловіи. Докторъ Бѣлоголовый пользовался въ Петербургѣ большою извѣстностью и авторитетомъ, какъ врачъ, и великимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ большихъ личныхъ достоинствъ и твердыхъ убѣжденій въ предметахъ общественныхъ. Онъ не былъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи человѣкомъ индифферентнымъ, какъ огромное число всякихъ спеціалистовъ; напротивъ, съ юныхъ лѣтъ и до конца жизни онъ живо принималъ къ сердцу тѣ вопросы и тревоги, какіе волновали цѣлое общество и особенно его лучшихъ людей.

Н. А. Бѣлоголовый (1834—1895) былъ родомъ сибирякъ и проис-

ходилъ изъ старой купеческой семьи въ Иркутскѣ. Его отецъ былъ человѣкъ начитанный и былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ декабристами, и когда онъ рѣшилъ дать своимъ дѣтямъ наилучшее образованіе, то первыми учителями Бѣлоголоваго были декабристы: Н. И. Борисовъ, А. П. Юшневскій и А. В. Поджіо, жившіе не далеко отъ Иркутска; и Бѣлоголовый сохранилъ потомъ на всю жизнь дружескія съ ними отношенія. Среднее образованіе онъ получилъ въ одномъ изъ лучшихъ московскихъ пансіоновъ того времени, Эннеса, гдѣ кончилъ курсъ въ 1850, вмѣстѣ съ своимъ другомъ С. П. Боткинымъ. Въ университетъ пришлось поступать въ то время, когда, по словамъ біографа, „какъ разъ передъ этимъ, обскурантамъ удалось ввести въ университеты, кромѣ медицинскаго факультета, комплектъ въ 300 человѣкъ, и Бѣлоголовый, какъ и С. П. Боткинъ, чтобы не остаться за порогомъ университета, вынужденъ былъ поступить на медицинскій факультетъ московскаго университета". Сначала онъ думалъ-было поступить на словесный факультетъ. „На нравственное и политическое развитіе Бѣлоголоваго, безъ сомнѣнія, оказало самое сильное вліяніе вѣщее слово допѣвавшаго свою лебединую пѣснь великаго учителя—Грановскаго, но едва ли не большее еще вліяніе на дальнѣйшую дѣятельность и направленіе имѣло то юношеское, бодрое настроеніе, которое охватило все, что было живого и мыслящаго въ Россіи съ воцареніемъ Александра II". Съ этимъ настроеніемъ Бѣлоголовый остался навсегда.

Кончивъ курсъ, онъ отправился на родину, гдѣ получилъ мѣсто городового врача въ Иркутскѣ. „Даровитый врачъ, внимательно слѣдящій за движеніемъ науки, гуманный, общедоступный, безкорыстный, безукоризненный блюститель всѣхъ требованій медицинской этики и съ независимымъ характеромъ—находка и не для Иркутска, а потому Бѣлоголовый сразу занялъ видное и почетное мѣсто, импонируя какъ всесильной администраціи, привыкшей къ раболѣпству, такъ и мѣстному обществу, привыкшему дотолѣ уважать только деньги и власть. Вскорѣ по вступленіи Н. А. на общественное поприще стали обнаруживаться, по окончаніи крымской войны, первые проблески пробужденія Россіи и первые признаки предстоящей отмѣны крѣпостного права". Уже въ это время онъ показалъ твердость своихъ общественныхъ убѣжденій.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ Бѣлоголовый отправился въ Москву держать экзаменъ на степень доктора медицины. Дѣла его отца въ это время разстроились и Бѣлоголовый, выдержавъ экзаменъ, съ очень ограниченными средствами отправился писать свою диссертацію за границу. „Диссертацію писалъ онъ два года, терпя сильную нужду.

Выбирая самое дешевое мѣсто, Бѣлоголовый остановился на островѣ

Рюгенѣ на Балтійскомъ морѣ. Здѣсь онъ нанималъ уголъ въ лавкѣ мелочного торговца и, занимаясь составленіемъ диссертаціи, въ отсутствіе хозяина долженъ былъ принимать покупателей". Послѣ защиты диссертаціи въ Москвѣ, въ 1862, онъ думалъ вернуться на родину, но Боткинъ и другіе убѣдили его основаться въ Петербургѣ. Здѣсь онъ прожилъ съ половины шестидесятыхъ годовъ до начала восьмидесятыхъ, выѣзжая каждый годъ для отдыха за границу. Въ Петербургѣ онъ скоро занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ медицинскомъ мірѣ,—первое мѣсто принадлежало Боткину, который впрочемъ по нѣкоторымъ отдѣламъ медицины открыто ставилъ своего друга выше себя.

Издавна питая общественные и литературные интересы, Бѣлоголовый сблизился съ литературными кругами, особливо съ кружкомъ „Отечественныхъ Записокъ" временъ Некрасова, Салтыкова и Елисѣева, для которыхъ онъ былъ и другомъ и врачомъ. Впослѣдствіи онъ описалъ болѣзнь Некрасова и оставилъ также весьма любопытныя воспоминанія о Салтыковѣ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ его собственное разстроенное здоровье побудило его переселиться за границу, гдѣ онъ жилъ всего больше въ Швейцаріи и Ниццѣ, гдѣ опять имѣлъ многочисленныхъ кліентовъ изъ русскихъ путешественниковъ. За границей онъ снова встрѣчался съ Салтыковымъ, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ гр. Лорисъ-Меликовымъ. Въ 1894, чувствуя упадокъ силъ, онъ возвратился въ Москву, чтобы провести послѣднее время жизни на родинѣ.

Въ настоящую книгу вошло, съ немногими изъятіями, все, что̀ нашлось въ бумагахъ Бѣлоголоваго и что̀ раньше было имъ напечатано. Во-первыхъ, находимъ здѣсь воспоминанія о декабристахъ, которыхъ онъ зналъ съ дѣтства въ Сибири; воспоминанія о гр. Лорисъ-Меликовѣ, Салтыковѣ; описаніе болѣзни Некрасова и Тургенева; три встрѣчи съ Герценомъ; біографію С. П. Боткина; свиданіе съ гр. Л. Н. Толстымъ; наконецъ, воспоминанія о Сибири, разсказъ о жизни на о. Рюгенѣ и о поѣздкѣ на Уралъ въ 1866 году,—и замѣтки по медицинскимъ вопросамъ.

Всѣ эти разсказы очень интересны, и особенно тѣ, которые посвящены замѣчательнымъ людямъ нашей общественной жизни и литературы. Въ воспоминаніяхъ о декабристахъ являются передъ нами послѣдніе могикане Александровскаго времени, которые успѣли передать и молодымъ поколѣніямъ долю своего идеализма. Разсказы о Герценѣ даютъ нѣсколько любопытныхъ подробностей, если не біографіи, то личнаго характера, подмѣченныхъ съ большою наблюдательностью. Воспоминанія о Салтыковѣ, съ которымъ онъ былъ особенно близокъ, весьма интересны. Бѣлоголовый сообщаетъ нѣ-

сколько біографическихъ данныхъ изъ ранней жизни Салтыкова, слышанныхъ, конечно, имъ отъ него самого или отъ ближайшихъ друзей, и затѣмъ разсказываетъ, что̀ самъ видѣлъ и наблюдалъ. Изложеніе подробностей его болѣзни какъ будто назначено для спеціалистовъ, но имѣетъ и общій интересъ. Какъ врачъ, высоко опытный и близко изучившій своего паціента и друга, Бѣлоголовый давно уже видѣлъ въ состояніи его организма тревожные симптомы; не однажды ему казалось, что силы больного совершенно подорваны и что его писательская дѣятельность кончена. Но такъ шло нѣсколько лѣтъ. Бывали острые приступы болѣзни, но когда они проходили, тяжелая болѣзненность не прекращалась... „Словомъ, организмъ покойнаго былъ весь изгрызенъ многолѣтнею болѣзнью и въ немъ почти не оставалось ни единаго органа, который могъ бы правильно отправлять свою физіологическую дѣятельность. Можно удивляться только, какъ въ такомъ искалѣченномъ видѣ онъ могъ удержать свою жизнеспособность такое продолжительное время. Еще болѣе поразительно то, какъ въ немъ чуть не до самыхъ послѣднихъ моментовъ жизни сохранялась необыкновенная живучесть таланта и та его яркость, которая привлекала къ нему такую массу читателей и поклонниковъ. Напомнимъ, что изъ 9 томовъ полнаго собранія его сочиненій почти половина написана имъ послѣ 1875 года, т.-е. того года, когда непоправимая болѣзнь стала подтачивать его силы". Замѣтимъ еще, что именно въ самые послѣдніе дни Салтыкова была имъ написана „Пошехонская Старина", одно изъ самыхъ замѣчательныхъ его произведеній.

Газетныя извѣстія говорили уже о чрезвычайномъ успѣхѣ „Воспоминаній" доктора Бѣлоголоваго, а именно, что первое изданіе совсѣмъ или почти исчерпано. Этотъ успѣхъ объясняется какъ симпатіями, какія возбуждала личность самого автора, такъ и дѣйствительнымъ интересомъ книги.

Къ книгѣ приложены: три портрета автора, портретъ П. И. Борисова, А. П. Юшневскаго, А. В. Поджіо, гр. М. Т. Лорисъ-Меликова, С. П. Боткина, М. Е. Салтыкова, видъ могилы Н. А. Бѣлоголоваго и біографическіе очерки Г. А. Джаншіева и В. А. Крылова.

— К. К. Случевскій. По сѣверо-западу Россіи. Томъ I. По сѣверу Россіи. Съ картою сѣвернаго края, отпечатанною въ 6 красокъ, и 146 рисунками. Томъ II. По западу Россіи. Съ картою западнаго края, отпечатаннаго въ 6 красокъ, и 159 рисунками. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1897.

Въ предисловіи г. Случевскій слѣдующимъ образомъ объясняетъ происхожденіе его книги: „Въ лѣтніе мѣсяцы 1884, 1885, 1886, 1887

и 1888 годовъ я имѣлъ счастіе сопутствовать великому князю Владиміру Александровичу въ его путешествіяхъ по сѣверу и западу Россіи, а также по нѣкоторымъ центральнымъ губерніямъ. Я описывалъ эти путешествія въ корреспонденціяхъ, которыя помѣщались своевременно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и, наконецъ, въ 1886 и въ 1888 гг. появились двумя отдѣльными изданіями, не имѣющимися уже нынѣ въ продажѣ, подъ заглавіями: „По Сѣверу Россіи“ и „Балтійская сторона“.

„При просмотрѣ книги для вторичнаго изданія ея предположено было, для бо̀льшаго удобства, соединить всѣ шесть путешествій въ одно; но такъ какъ предположеніе оказалось невыполнимымъ безъ явнаго ущерба для точности содержанія, то мысль эта была оставлена и сохраненъ порядокъ, намѣченный въ первомъ изданіи, т.-е. описано шесть путей. Въ настоящемъ, второмъ, изданіи исключены всѣ подробности, касавшіяся интересовъ дня и имѣвшія въ свое время высокое, иногда политическое значеніе. Сохранены и отчасти пополнены свѣдѣнія историческія, географическія, этнографическія и проч. Несомнѣннымъ пробѣломъ въ описаніяхъ надо считать то, что не всѣ они были посѣщены августѣйшимъ путешественникомъ и поэтому войти въ описаніе не могли“.

Авторъ выражаетъ свою признательность Л. В. Вейнбергу, который взялъ на себя трудъ просмотрѣть всю работу и „придать ей современный характеръ“ (?).

Несмотря на то, что у насъ есть огромная литерату̀ра описаній разныхъ областей нашего отечества, но большинство этихъ описаній сдѣланы съ какой-либо спеціальной точки зрѣнія; это бываетъ физическая географія, статистика, этнографія, сельское хозяйство, промышленность, военное положеніе и т. п., — но у насъ въ сущности очень мало простыхъ, непритязательныхъ путешествій, которыя представляли бы наглядное описаніе страны, жителей, городовъ съ ихъ достопримѣчательностями, и т. п. Поэтому книга г. Случевскаго, особливо снабженная множествомъ рисунковъ, можетъ служить восполненіемъ весьма чувствительнаго пробѣла въ этомъ отдѣлѣ нашей литературы. Правда, путешествіе, въ которомъ принялъ участіе авторъ, было опредѣлено, такъ сказать, оффиціальнымъ маршрутомъ, и отъ наблюденія могла не разъ ускользать будничная сторона описываемой жизни; но, съ другой стороны, этотъ характеръ путешествія обѣщалъ автору возможность обозрѣть въ короткое время значительныя пространства и много любопытныхъ вещей, которыя были бы менѣе доступны простому путешественнику (напр., инженерныя сооруженія и т. п.). Само собою разумѣется, что авторъ не удовольствовался личными впечатлѣніями: кромѣ свѣдѣній, полученныхъ на мѣстѣ, онъ

воспользовался до извѣстной степени литературой по данному предмету. Второе изданіе значительно выиграло оттого, что здѣсь, какъ упоминаетъ авторъ въ предисловіи, исключены подробности, „касавшіяся интересовъ дня и имѣвшія въ свое время высокое, иногда политическое значеніе“: эти интересы дня часто бываютъ не интересами „дня“, а весьма продолжительными интересами мѣстной жизни, и объ нихъ, безъ сомнѣнія, очень трудно судить въ быстромъ путешествіи, такъ сказать, съ птичьяго полета.

Районъ путешествія не вполнѣ точно означенъ словами: „сѣверо-западъ Россіи“, которыя указали бы на гораздо болѣе тѣсный кругъ путешествія, чѣмъ оно было въ дѣйствительности. Это былъ не только „сѣверо-западъ“, но и самый формальный сѣверъ, потому что путешествіе простерлось не только въ Бѣлое море, но и въ Ледовитый океанъ и до Колы; и самый формальный западъ, потому что достигало до Варшавы и, наконецъ, захватило центральныя губерніи и крайнимъ пунктомъ его былъ на востокѣ Нижній-Новгородъ.

Рисунки большею частію весьма интересны; и для удобства читателей авторъ прибавилъ къ каждому тому не только подробное оглавленіе путешествій, но и алфавитный указатель упоминаемыхъ лицъ и географическихъ пунктовъ.—Т.

— С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (Отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Томъ V. Съ алфавитнымъ указателемъ ко всѣмъ пяти томамъ. Спб. 1897.

Въ свое время мы говорили о Критико-біографическомъ Словарѣ г. Венгерова, какъ онъ былъ предположенъ въ его первоначальной формѣ. Въ этой формѣ предпріятіе казалось намъ и кажется неисполнимымъ въ такомъ размѣрѣ для одного человѣка. Мы думали также, что для наличныхъ потребностей литературы была бы гораздо полезнѣе другая форма, а именно, словарь гораздо меньшаго объема, но словарь цѣльный. Такъ какъ ничего цѣльнаго въ этой области у насъ нѣтъ, какъ было нѣкогда во времена „Опыта“ Новикова и словарей митрополита Евгенія (подобный словарь Геннади и Собко остановился на половинѣ), то сравнительно небольшой, въ два-три крупныхъ тома, справочный словарь писателей и ученыхъ былъ бы желанной и необходимой книгой; эта книга, безъ сомнѣнія, скоро потребовала бы новыхъ изданій, и каждый разъ составитель словаря имѣлъ бы возможность расширять его бо̀льшимъ количествомъ подробностей. Съ другой стороны, такъ какъ въ справочномъ словарѣ не должно бы быть мѣста для обширныхъ критическихъ трактатовъ,—какихъ уже нѣсколько собралось въ настоящемъ словарѣ г. Венгерова, и обширность которыхъ

неизбѣжно замедляетъ ходъ цѣлаго, то авторъ могъ бы выдѣлять подобныя обширныя работы въ особые критическіе сборники, при томъ не стѣсняя своихъ собственныхъ критическихъ работъ азбучнымъ порядкомъ именъ писателей. Въ концѣ концовъ неудобства или неисполнимость первоначальнаго плана не могли не сказаться, и хотя г. Венгеровъ не хочетъ отступить отъ своей первоначальной идеи, онъ далъ теперь своимъ работамъ другое направленіе. Это направленіе онъ объясняетъ такъ:

„Съ настоящаго тома мы вводимъ *чисто-внѣшнее* измѣненіе въ расположеніе статей словаря. Ни въ чемъ не отступая отъ прежняго способа составленія самихъ статей, это измѣненіе должно въ значительной степени ускорить появленіе въ свѣтъ уже имѣющагося въ нашемъ распоряженіи и давно ждущаго очереди матеріала. Статьи теперь будутъ появляться въ словарѣ не въ алфавитномъ порядкѣ, а въ порядкѣ накопленія ихъ и по мѣрѣ того, какъ онѣ будутъ готовы къ печати. Для оріентированія же *къ концу каждаго тома* будетъ приложенъ *указатель ко всему изданію*, т.-е. въ пятомъ томѣ къ вышедшимъ *пяти томамъ*, въ шестомъ ко *всѣмъ шести*, въ седьмомъ ко *всѣмъ семи томамъ* и т. д. Слѣдовательно, нахожденіе статьи не представитъ ни малѣйшаго затрудненія.

„Гарантіей того, что Словарь, по прежнему, составляется по строго-опредѣленному плану и обниметъ всѣхъ чѣмъ-нибудь послужившихъ русской литературѣ и наукѣ, являются два нашихъ изданія, возникшихъ за время, отдѣляющее выходъ настоящаго тома отъ предыдущаго. Оба изданія должны оказать существенное вліяніе на судьбы „Критико-біогр. Словаря“, являясь для него подготовительными работами. Первая изъ этихъ подготовительныхъ работъ носитъ заглавіе „Русскія Книги“ и нашла издателя въ лицѣ Г. В. Юдина изъ Красноярска, вторая—„Списокъ“ русскихъ писателей и источниковъ для ихъ изученія“ издается Академіей Наукъ. „Русскія Книги“ выходятъ ежемѣсячными выпусками и вышло ихъ въ настоящее время 16 (А—Бетгеръ). „Списокъ печатается и вѣроятно въ концѣ настоящаго года выйдетъ первый томъ его въ одномъ изъ „Сборниковъ II отдѣленія императорской Акад. Наукъ“. Всего „Списокъ“ займетъ тома четыре и года въ три, вѣроятно, будетъ законченъ“.

Не будемъ спорить, есть ли новое расположеніе труда г. Венгерова „чисто внѣшнее“; но когда въ началѣ настоящаго пятаго тома мы видимъ алфавитный порядокъ статей, а затѣмъ статьи идутъ въ такомъ видѣ: Бринкъ, Брешковскій, Бржезинскій, Бочарниковъ, Борисъ (архимандритъ), Вешняковъ, Крушевскій, Веніаминъ (рядъ духовныхъ лицъ), Бурачковъ, Буцковскій, Бунаковъ, Дружининъ, Бондаревъ,—намъ кажется, что „словаря“ нѣтъ. Но мы, во всякомъ случаѣ,

очень рады, что г. Венгеровъ вышелъ изъ заколдованнаго круга своего первоначальнаго плана. Изданіе „Списка“ и „Русскихъ книгъ“ само по себѣ доставитъ множество полезныхъ библіографическихъ указаній, тогда какъ при прежнемъ планѣ этому матеріалу пришлось бы оставаться безъ употребленія многіе десятки лѣтъ, пока дошла бы до него очередь въ алфавитѣ „Критико-біографическаго Словаря“. Этотъ послѣдній останется, какъ видимъ по пятому тому, не алфавитнымъ словаремъ, а сборникомъ отдѣльныхъ біографическихъ и критическихъ статей. Что этотъ сборникъ будетъ очень интересенъ и полезенъ для всѣхъ занимающихся литературой, за это впередъ ручается обычное богатство свѣдѣній въ трудахъ г. Венгерова и выборъ компетентныхъ сотрудниковъ.

Въ пятомъ томѣ мы находимъ, какъ обыкновенно въ томахъ Словаря, кромѣ множества свѣдѣній о писателяхъ второстепенныхъ и мало извѣстныхъ, нѣсколько болѣе или менѣе обширныхъ статей, которыя будутъ имѣть значеніе—все равно, подходятъ ли онѣ въ алфавитъ или нѣтъ. Таковы, напр., статьи: Бодянскій (г. Сумцова), Буслаевъ (обширная статья г. Кирпичникова), Бодуэнъ-де-Куртенэ (автобіографическая записка, съ дополненіями г. Булича), Дружининъ (г. Венгерова), Бондаревъ (статья гр. Л. Н. Толстого) и др.

Самая обширная статья посвящена Дружинину. Этотъ писатель пользовался такою популярностью въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ и впослѣдствіи однако былъ такъ забытъ, что дѣйствительно могъ потребовать обстоятельнаго объясненія, какое предпринялъ г. Венгеровъ. Передъ тѣмъ на томъ же писателѣ останавливался г. Кирпичниковъ, статья котораго была настоящимъ панегирикомъ, противъ котораго г. Венгеровъ и возсталъ весьма категорически. А именно, г. Венгеровъ далеко не придаетъ большого значенія беллетристическимъ произведеніямъ Дружинина и особенно его фельетонамъ, которыми восхищался г. Кирпичниковъ. По мнѣнію послѣдняго, „Дружининъ—царь фельетонистовъ“; „фельетоны Дружинина, собранные въ 8 т. его сочиненій, можно читать съ пользою и удовольствіемъ теперь, столько лѣтъ спустя, читать не одинъ разъ, а 3—4 раза, читать до тѣхъ поръ, пока каждое остроумное сравненіе, каждая свѣжая мысль врѣжется въ память, читать почти такъ, какъ мы читаемъ великаго фельетониста древности—Лукьяна или фельетониста въ области просвѣщенія—Вольтера“. Это было конечно черезчуръ. Г. Венгеровъ, напротивъ, остается къ этимъ фельетонамъ совершенно равнодушенъ, и точно также равнодушенъ къ его повѣстямъ, кромѣ только двухъ, трехъ изъ его первыхъ произведеній. Извѣстное нѣкогда „Путешествіе Чернокнижникова по петербургскимъ дачамъ“ есть, по его мнѣнію, безплодное усиліе быть веселымъ и остроумнымъ, когда веселаго

остроумія вовсе не было въ характерѣ Дружинина. Подобнымъ образомъ „Письма иногороднаго подписчика о русской литературѣ“ приводятъ г. Венгерова въ нѣкоторое унынie.

„Будь Дружининъ авторъ однихъ только „Писемъ иногороднаго подписчика“, его положеніе въ исторіи русской критики было бы самое печальное. Отнюдь не впадая въ нетерпимость, его слѣдовало бы признать писателемъ вреднымъ, потому что дилеттантизмъ и проповѣдь равнодушія вредна со всѣхъ точекъ зрѣнія. Одновременно съ „Письмами иногороднаго подписчика“ началъ писать обзоры журналистики Аполлонъ Григорьевъ въ „Москвитянинѣ“. Это критикъ, съ которымъ еще труднѣе найти точки соприкосновенія, нежели съ Дружининымъ. Но его обзоры проникнуты такою жаждою истины, въ нихъ столько воодушевленія, столько потрачено душевнаго огня на защиту дорогихъ критику именъ и завѣтовъ, что какого бы вы ни были сами направленія, вы должны будете причислить эти безпорядочныя, безсистемныя, но пламенно призывающія къ высшимъ идеаламъ статьи Григорьева къ лучшимъ проявленіямъ русскаго духа и русскаго исканія правды. „Обзоры“ Григорьева читаются съ полнымъ интересомъ и теперь, „Письма“ Дружинина въ лучшемъ случаѣ скучны, а читателя нервнаго это щеголеватое манерничаніе, вѣчно пересыпанное анекдотами изъ „великобританской словесности“, прямо раздражаетъ“.

Въ примѣръ г. Венгеровъ приводитъ между прочимъ такое мѣсто изъ „Писемъ иногороднаго подписчика“, свидѣтельствующее о глубокомъ индифферентизмѣ писателя: „Литераторъ, умѣющій держаться вдали отъ *мизернаго ратоборства, довольно обезпеченный для того, чтобъ не зависѣть отъ того или другого изданія*, довольно лѣнивый для того, чтобъ не терять хладнокровія вслѣдствіе *книжнаго спора*, по неволѣ, отъ избытка самодовольствія, чувствуетъ желаніе поддразнивать людей съ *задорнымъ самолюбіемъ и завистливымъ настроеніемъ духа*. Ему такъ и хочется подшутить надъ однимъ спорщикомъ, выслушать доводы другого и *зѣвнуть* при ихъ окончаніи, объявивъ третьему, что онъ не понимаетъ его поступковъ, и, затронувъ каждаго, укрыться въ свою неприступную позицію“.

„Въ этихъ немногихъ строкахъ,—говоритъ г. Венгеровъ,—сказался весь Дружининъ періода „чернокнижія“, съ его великосвѣтской nonchalence, съ его отношеніемъ къ своей литературной дѣятельности, какъ къ прихоти, съ его постояннымъ и неуклоннымъ стремленіемъ показать, что онъ отнюдь не профессіональный литераторъ. Хочу, пишу, хочу, не пишу, въ гонорарѣ не нуждаюсь, ни отъ какого изданія не „завишу“ и полемизировать во имя его интересовъ не намѣренъ. А разъ это спортъ, забава—такъ изъ-за чего и горячиться. „Книжный споръ“—развѣ изъ-за этого приходятъ въ изступленіе!...

Въ общемъ, какъ бы снисходительно ни отнестись къ Дружинину періода „чернокнижія“, т.-е. къ „Иногородному подписчику“, онъ и близко не подходитъ подъ понятіе о „первомъ критикѣ“. При самомъ лучшемъ къ нему отношеніи, „Иногородный подписчикъ“ занимательный, не лишенный таланта *рецензентъ* и никакъ не больше. Его „Письма“, занявшія въ литературѣ своего времени такое руководящее положеніе, даже и малѣйшихъ попытокъ не дѣлали касаться тѣхъ вопросовъ, которые поставили критику сороковыхъ годовъ на такую высоту и сдѣлали ее центральнымъ нервнымъ узломъ журналистики“.

Фельетонную дѣятельность Дружинина г. Венгеровъ приписываетъ тому безвременью, какое господствовало въ нашей литературѣ въ послѣднихъ сороковыхъ и первыхъ пятидесятыхъ годахъ. Передъ тѣмъ умеръ Бѣлинскій, который поддерживалъ въ своемъ кругѣ лучшіе идеалы и интересы литературы; но когда этой нравственной опоры не стало, „предоставленный самому себѣ Дружининъ сталъ сочинять такія вещи, какъ „Легенда о кислыхъ водахъ“, „Жюли“ и тому подобныя великосвѣтскія новеллы и новеллеты (а также и фельетоны). Все это произведенія не только совершенно ничтожныя, но и въ значительной степени пошлыя, проникнутыя аристократничаніемъ, чуждыя какихъ бы то ни было высшихъ стремленій“. Но была одна сторона дѣятельности Дружинина, къ которой г. Венгеровъ относится съ большимъ сочувствіемъ. Это его работы по исторіи литературы и критикѣ. „Достаточно,—говоритъ г. Венгеровъ,—прочесть первую же большую критическую статью 7-го тома—писанную въ концѣ 1855 г. и посвященную Анненковскому изданію Пушкина, чтобы сразу увидѣть, что вы имѣете дѣло съ серьезно-мыслящимъ человѣкомъ, съ человѣкомъ самыхъ опредѣленныхъ и отнюдь не великосвѣтско-дилетантскихъ воззрѣній на задачи литературы“. И г. Венгеровъ указываетъ, сколько интереснаго представляетъ эта критическая дѣятельность Дружинина. „Дружининъ 7-го тома (гдѣ собраны критическія статьи) заслуживаетъ самаго полнаго вниманія; это безспорно самый выдающійся изъ нашихъ защитниковъ „чистаго искусства“ и врагъ весьма опасный критики направленія общественнаго. И если до сихъ поръ наши старанія сводились къ тому, чтобы доказать отсутствіе правъ Дружинина на вниманіе потомства, то по отношенію къ 7-му тому мы первые провозглашаемъ, что онъ несправедливо забытъ. Да, цѣлыхъ семь томовъ собранія сочиненій Дружинина могутъ спокойно продолжать лежать на полкахъ букинистовъ, въ особенности томъ съ фельетонами Чернокнижникова, защиту котораго зачѣмъ-то взялъ на себя А. И. Кирпичниковъ. Но седьмой томъ долженъ быть у всякаго, мало-мальски интересующагося русскою литературою“.

Статья г. Венгерова есть, безъ сомнѣнія, лучшее опредѣленіе зна-

ченія Дружинина изъ всѣхъ, какія были у насъ сдѣланы. Намъ показался бы только нѣсколько преувеличенно строгимъ отзывъ о фельетонахъ Дружинина и о путешествіи Чернокнижникова. Авторъ самъ вѣрно усматриваетъ первую причину безсодержательности этихъ произведеній—въ безвременьѣ: нужно только ближе представить себѣ тогдашнее положеніе литературы, чтобы отнестись снисходительнѣе къ тогдашнимъ писаніямъ Дружинина, чѣмъ относится г. Венгеровъ, видимо раздраженный панегирикомъ предшествовавшаго критика. Правда, самъ Дружининъ по складу характера и литературныхъ взглядовъ спокойнѣе, чѣмъ другіе, относился къ этому безвременью, но и на него должно было дѣйствовать общее угнетенное настроеніе, въ которомъ должно было казаться совсѣмъ невозможнымъ продолженіе традицій Бѣлинскаго. Это продолженіе явилось дѣйствительно уже съ новымъ литературнымъ поколѣніемъ. Но оживленіе дѣятельности Дружинина съ половины пятидесятыхъ годовъ показываетъ, что онъ способенъ былъ на большее, чѣмъ великосвѣтскія новеллы и фельетоны. То, что такъ осуждаетъ г. Венгеровъ въ дэндизмѣ Дружинина, также можетъ имѣть и другія объясненія: должно сказать, что этотъ дэндизмъ не былъ только свѣтской манерностью; съ нимъ соединялось большое достоинство въ его личныхъ и литературныхъ отношеніяхъ. Дружининъ не случайно сталъ первымъ иниціаторомъ учрежденія Литературнаго Фонда.—А. П.

— Курсъ физики. О. Д. Хвольсона. Т. I, стр. 630 + II, съ 317 рисунками въ текстѣ. Спб. 97.

При крайней бѣдности русской физической литературы, появленіе всякаго оригинальнаго труда по физикѣ обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ интересующихся этой наукой. Тѣмъ болѣе общее вниманіе долженъ обратить на себя выходъ въ свѣтъ такого капитальнаго сочиненія, какъ „Курсъ Физики“, составленный проф. с.-петербургскаго университета О. Д. Хвольсономъ.

Систематическихъ курсовъ физики, которые хотя бы отчасти соотвѣтствовали современному состоянію этой науки, на русскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ. Извѣстный „Курсъ наблюдательной физики“, проф. Петрушевскаго, вышелъ послѣднимъ изданіемъ еще въ 1874 году. Съ тѣхъ поръ наука значительно подвинулась впередъ; въ ней заняли первенствующее мѣсто идеи, которыя двадцать лѣтъ тому назадъ или совсѣмъ не существовали, или только нарождались у передовыхъ умовъ. Даже взгляды на самую сущность многихъ явленій (электрическихъ, магнитныхъ) совершенно измѣнились. Поэтому нѣкоторые отдѣлы курса

проф. Петрушевскаго являются въ настоящее время недостаточно полными. Почти то же самое можно сказать и о другихъ русскихъ „университетскихъ“ курсахъ физики. Въ послѣдніе годы, правда, начали появляться труды русскихъ ученыхъ, посвященные нѣкоторымъ отдѣламъ физики (напр., „Основы ученія объ электрическихъ и магнитныхъ явленіяхъ“, проф. Боргмана; „Введеніе въ акустику и оптику“, проф. Столѣтова, и др.); но, конечно, эти отдѣльныя сочиненія, при всѣхъ ихъ достоинствахъ, не могутъ замѣнить систематическаго курса.

Такимъ образомъ, въ настоящее время для систематическаго изученія физики приходится обращаться къ иностраннымъ учебникамъ, что, конечно, не можетъ не представлять большихъ неудобствъ. Выходъ въ свѣтъ „Курса физики“ проф. Хвольсона, дающаго возможность познакомиться съ основами физики въ современномъ ея состояніи и лицамъ незнакомымъ съ иностранными языками, является, слѣдовательно, очень своевременнымъ.

До сихъ поръ вышелъ только одинъ первый томъ изъ числа четырехъ, обѣщанныхъ авторомъ. Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ, кромѣ общаго введенія, механику и ученіе о газообразномъ, жидкомъ и твердомъ состояніи вещества. Особый отдѣлъ книги посвященъ еще описанію главнѣйшихъ измѣрительныхъ приборовъ и способовъ измѣренія.

Въ обширномъ, весьма интересномъ, введеніи своемъ къ курсу, авторъ коснулся, между прочимъ, вопросовъ, которыхъ, къ сожалѣнію, обыкновенно въ курсахъ физики не касаются. Именно, онъ посвятилъ цѣлую главу разсмотрѣнію тѣхъ математическихъ вопросовъ, съ которыми постоянно приходится встрѣчаться при изученіи физики. Примѣненіе математики къ физикѣ вообще представляетъ значительное затрудненіе для лицъ, не освоившихся еще съ высшей математикой, каковыми по бо̀льшей части являются начинающіе заниматься физикой; поэтому помѣщеніе въ курсѣ физики математическаго отдѣла является очень удачнымъ нововведеніемъ.

Съ большимъ интересомъ и пользой можетъ быть прочитана первая глава отдѣла, посвященнаго описанію нѣкоторыхъ измѣрительныхъ приборовъ и способовъ измѣренія, въ которой авторъ излагаетъ основные принципы производства научныхъ изслѣдованій и измѣреній и подробно говоритъ о способахъ вычисленія результатовъ измѣреній. Всякому занимающемуся физикой свѣдѣнія, сообщаемыя въ этой главѣ, будутъ въ высшей степени полезны.

Въ отдѣлѣ „механики“ особенное вниманіе обращено на гармоническое колебательное движеніе. Какъ извѣстно, этотъ родъ движенія играетъ особо-важную роль въ теоретической физикѣ, такъ какъ колебательнымъ движеніемъ частицъ эѳира и матеріи объясняются мно-

гія явленія природы (явленія свѣта, звука и др.). Всѣ явленія интерференціи, диффракціи, колебательныхъ движеній, принципы Гюйгенса и Допплера, нашли себѣ мѣсто въ этомъ отдѣлѣ труда проф. Хвольсона.

Какъ на особенность курса укажемъ еще на то, что такъ-называемая „физика частичныхъ силъ“ не выдѣлена авторомъ въ особый отдѣлъ, а свѣдѣнія изъ нея размѣщены въ трехъ отдѣлахъ, посвященныхъ твердымъ тѣламъ, жидкостямъ и газамъ. Причину этого авторъ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что, „при весьма скудныхъ нашихъ свѣдѣніяхъ о роли междучастичныхъ силъ въ различныхъ физическихъ явленіяхъ, мы во многихъ случаяхъ не можемъ рѣшить, играютъ ли эти силы какую-нибудь роль въ данныхъ явленіяхъ, а можемъ, такъ сказать, только подозрѣвать ихъ участіе“. Съ этимъ нельзя не согласиться, и въ общемъ курсѣ, конечно, гораздо удобнѣе не выдѣлять ученія о молекулярныхъ силахъ въ особый отдѣлъ. Несмотря, однако, на отсутствіе спеціальнаго отдѣла „физики частичныхъ силъ“, въ курсѣ проф. Хвольсона помѣщено множество свѣдѣній о явленіяхъ, обыкновенно объясняемыхъ дѣйствіемъ молекулярныхъ силъ. Такъ, въ немъ нашли себѣ мѣсто новѣйшія изслѣдованія, касающіяся этихъ силъ, напримѣръ изслѣдованія надъ образованіемъ сплавовъ при слабыхъ давленіяхъ и сравнительно низкихъ температурахъ, изслѣдованія надъ диффузіей твердыхъ тѣлъ и др.

Кромѣ достоинствъ самаго курса, особенную цѣнность ему придаютъ библіографическія указанія, приложенныя въ концѣ каждой главы. Всякій, кому приходилось заниматься изученіемъ спеціальныхъ вопросовъ, знаетъ, какую цѣну имѣютъ библіографическія указанія, и за помѣщеніе въ курсѣ этихъ указаній надо быть особенно благодарнымъ автору. Эти указанія особенно важны для насъ тѣмъ, что въ нихъ перечислены всѣ труды русскихъ ученыхъ, помѣщенные или въ русскихъ научныхъ журналахъ, или напечатанные по-русски, о которыхъ, вообще говоря, трудно найти свѣдѣнія въ иностранныхъ библіографическихъ указателяхъ.

Таковъ первый томъ „Курса физики“ проф. Хвольсона. Теперь надо ждать выхода остальныхъ томовъ и пожелать, чтобы этотъ выходъ не замедлился. Систематическіе курсы только тогда и получаютъ настоящую цѣнность, когда они полны и когда появленіе послѣднихъ томовъ не отдѣлено отъ времени появленія первыхъ цѣлыми годами, въ теченіе которыхъ эти первые тома успѣваютъ уже устарѣть. — М. Ш—нъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ въ редакцію поступили нижеслѣдующія книги и брошюры:

Абаза, К. К.—Азбука для начальныхъ военныхъ школъ и для обученія взрослыхъ вообще. Изд. 7-е. Спб. 98. Стр. 68. Ц. 10 к.

Аллень, Грантъ.—Бесѣды о растеніяхъ и ихъ жизни. Перев. съ англ. П. Фрейберга. Спб. 97. Стр. 188.

Аргутинскій-Долгоруковъ, А. М.—Борчалинскій уѣздъ въ экономическомъ и коммерческомъ отношеніяхъ. Тифл. 97. Стр. 322.

Батюшковъ, Г.—Бабиды. Персидская секта. Очеркъ. Спб. 97. Стр. 28.

Башмаковъ, А. А.—Институтъ родовыхъ имуществъ передъ судомъ русской юриспруденціи. Спб. 97. Стр. 98.

Бекетова. Е. А.—Два міра. Повѣсть изъ римской жизни первыхъ временъ христіанства. М. 97. Стр. 152. Ц. 35 к.

Берегъ, М. В.—Разсказы о борьбѣ человѣка съ природой. М. 97. Стр. 115. Ц. 30 коп.

Бертранъ, Луи.—Общество взаимной помощи въ Бельгіи. Спб. 98. Стр. 143. Ц. 60 к.

Бѣлоголовый, И. А.—Воспоминанія и другія статьи. Посмертное изданіе. М. 97. Стр. 654. Ц. 2 р. 25 к.

Быховскій, д-ръ С. Б.—Гигіена женщины. Менструація, беременность и роды. Понятіе о „заразѣ и зараженіи". Кіевъ, 97. Стр. 35. Ц. 40 к.

Вавинскій, Н.—Къ вопросу о нуждахъ духовно-академическаго образованія. Спб. 97. Стр. 24.

Веселовскій, Юрій.—Стихотворные переводы. Вып. 1. М. 98. Стр. 78. Ц. 50 к.

Висковатовъ, П.—Эдуардъ Губеръ и Фесслеръ. Спб. 97. Стр. 38.

Властовъ, Г.—Теогонія Гезіода и Прометей. Разборъ сказаній. Спб. 97. Стр. 579. Ц. 3 р.

Г., А. Г.—Буря, ком. въ 3 д. Кіевъ, 97. Стр. 58. Ц. 50 к.

Гартманъ, Р. фонъ.—Выписки изъ записной книжки, по вопросу о постройкѣ горной желѣзной дороги въ Крыму. Спб. 97. Стр. 31. Ц. 1 р.

Герра, К.—Исторія одной любви. М. 97. Стр. 189, in 12°. Ц. 40 к.

Гиддингсъ, Ф. Б.—Основанія соціологіи. Анализъ явленій ассоціаціи и соціальной организаціи. Перев. съ англ. Н. Спиридонова. М. 98. Стр. 118. Ц. 1 р. 50 коп.

Голубевъ, А. К.—Русскіе банки. Справочныя и статистическія свѣдѣнія о всѣхъ дѣйствующихъ въ Россіи государств., частныхъ и обществ. кредитныхъ учрежденіяхъ. Съ стѣнной таблицей, съ перечнемъ городовъ, въ коихъ находятся кредитныя учрежденія или ихъ отдѣленія. Годъ II. Спб. 97. Стр. 203 и 70.

Гребенюкъ, врачъ Е. С.—Совѣты мужчинамъ и женщинамъ, какъ предохранять себя отъ зараженія сифилисомъ и венерическими болѣзнями. Перев. съ малоросс. Спб. 97. Стр. 16. Ц. 25 к.

Гусева, М. А.—Родная Нива. Хрестоматія для II и III классовъ среднеучебныхъ заведеній и 2 классовъ приходскихъ училищъ. Спб. 97. Стр. 311. Ц. 80 к.

Гусевъ, Б.—Дѣтскій театръ: Томъ Сойеръ. Комедія въ 2 картин. Спб. 98. Стр. 48. Ц. 30 к.

Дементьевъ, Е. М.—Фабрика, что она даетъ населенію, и что она у него беретъ. Изд. 2-е. М. 97. Стр. 256. Ц. 1 р. 50 к.

Демковъ, М. И.—Исторія русской педагогіи. Ч. II: Новая русская педагогія (XVIII-й вѣкъ). Спб. 97. Стр. 691. Ц. за 2 т. 4 р.

Жюссеранъ.—Исторія англійскаго народа въ его литературѣ. Переводъ съ франц. Спб. 98. Стр. 404. Ц. 1 р. 25 к.

Засодимскій, П. В.—Задушевные разсказы. Изд. 3. М. 97. Стр. 314. Ц. 1 р. 25 к.

Златовратскій, Н. Н.—Сочиненія. Изд. 3-е, дополнен., въ 3 т., съ портретомъ автора. М. 97.

Закъ, д-ръ Н.—Переутомленіе учащихся дѣтей. Его сущность причины и мѣры борьбы съ нимъ. М. 97. Стр. 37. Ц. 30 к.

Ильенко, А. К.—Начало конца Польши. Введеніе въ исторію борьбы за объединеніе Россіи при имп. Екатеринѣ В. Издано п. р., съ предисловіемъ и объяснительною запискою, ордин. проф. Никол. Акад. П. А. Гейсмана, съ 5 табл. и 1 кроки. Спб. 98. Стр. 286. Ц. 4 р.

Казанскій, П. П.—Международный союзъ книговѣдѣнія. Од. 97. Стр. 40. Ц. 40 к.

——— Corpus juris gentium. Од. 97. Стр. 152—182. Ц. 30 к.

Карасевичъ, С.—Земля и Небо. Описаніе важнѣйшихъ явленій изъ области астрономіи въ формѣ разсказовъ для дѣтей средняго возраста. Съ 30 рис. Стр. 107. Ц. 75 к.

Карѣевъ, Н. И.—Отзывъ—сочиненіи проф. Карелина, подъ заглавіемъ: „Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія". Спб. 97. Стр. 30.

Введеніе въ изученіе соціологіи. Спб. 97. Стр. 416. Ц. 2 р.

Кулаковскій, проф. Ю. А.—Гонораръ въ русскихъ университетахъ. Кіевъ, 97. Стр. 66.

Лампа, Ант.—Силы природы и отечественные законы. Перев. съ нѣм. Э. Лесгафта. Ч. II. Спб. 98. Стр. 230. Ц. 50 к.

Ландоа, Л.—Учебникъ физіологіи человѣка, со включеніемъ гистологіи и микроскопической анатоміи и въ примѣненіи къ практической медицинѣ. Перев. съ 9-го нѣмецк. изд., п. р. и съ дополненіями проф. Н. Я. Даниловскаго, съ 375 рис. 3-е изд. Харьк. 98. Стр. 1224. Ц. 8 р.

Лексисъ, В.—Производство и потребленіе драгоцѣнныхъ матеріаловъ за послѣднее десятилѣтіе. Перев. съ нѣм. А. Гурьева. Спб. 97. Стр. 118. Ц. 1 р.

Линбергъ, А.—Маленькій географическій атласъ, съ объяснительнымъ текстомъ. М. 97. Ц. 20 к.

Майковъ, И. И.—Зачатки народнаго образованія въ Якутской области. Ирк. 97. Стр. 56.

Марченко, капит.—Петръ Великій. Духовный элементъ въ военной и политической дѣятельности Государя. Спб. 97. Стр. 136.

Мэхэнъ, А. Т., капит.—Вліяніе морской силы на французскую революцію и имперію, 1793—1812 гг., въ 2-хъ томахъ. Т. I. Перев. съ англ. п. р. Н. П. Азбилева. Спб. 97. Стр. 431.

Нансенъ, Фритіофъ.—Во мракѣ ночи и во льдахъ. Путешествіе норвежской экспедиціи на кораблѣ „Фрамъ" къ сѣверному полюсу. Полный перев. съ англ. Ч. II. Спб. 97. Стр. 304. Ц. за 2 т. 4 р.

Оршанскій, И. Г., проф.—Измѣреніе психическихъ явленій. Изъ лекцій по физіологической психологіи, читанныхъ въ Имп. харьковскомъ университетѣ. Харьковъ, 1897. Стр. 64.

Осиповичъ, А. (А. Ѳ. Новодворскій).—Собраніе сочиненій. Спб. 97. Стр. 394. Ц. 1 р. 50 к.

Паркеръ, Т.—Лекціи по элементарной біологіи, съ 88 рис. Перев. съ англ. В. Н. Львова. М. 98. Стр. 396. Ц. 2 р. 50 к.

Прессъ, Арк.—Сказки и разсказы. Спб. 97. Стр. 166. Ц. 50 к.

Пыпинъ, А. Н.—Исторія русской литературы, въ 4-хъ томахъ. Т. I: Древняя письменность. Спб. 98. Стр. 484. Ц. 3 р.

Рейхсенбергъ, Н.—Статистика и наука объ обществѣ. Перев. съ нѣмецк. А. Струве. Спб. 96. Стр. 131. Ц. 50 к.

Рубакинъ, Н. А.—Чудо на морѣ, или приключенія на волнахъ и подъ волнами. М. 97. Стр. 39. Ц. 10 к.

Савицкій, Н. П.—Первый годъ дѣятельности участковыхъ попечительствъ о бѣдныхъ г. Харькова. Харьк. 97. Стр. 20.

Скибинскій, М. А.—Новая всеобщая справочная книга и Адрессъ-Календарь на 1897 и 1898 гг. Т. I и II. М. 97. Стр. 830 и 525. Ц. 4 р. за оба тома.

Спенсеръ, Гербертъ.—Сочиненія, въ полныхъ переводахъ, исправленныхъ по послѣднимъ изданіямъ: Основаніе психологіи. Печатано съ перваго русскаго изданія, сдѣланнаго, въ 1876 г., И. И. Билибинымъ. Ч. I—V. Съ таблицею рисунковъ. Спб. 97. Стр. 391. Ц. за 4 тома—4 р. 50 к.

Старицкій, М. П.—Богданъ Хмельницкій. Историчне драма, въ V-ти діяхъ и 6-ти одминахъ, зъ апофсозомъ. Кіевъ, 97. Стр. 138. Ц. 75 к.

Старковъ, д-ръ мед. П.—Физическое развитіе воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Спб. 97. Стр. 187. Ц. 2 р.

Степановъ, Е. В.—О мѣропріятіяхъ австрійскаго правительства для улучшенія профессіональнаго образованія въ Австріи. Спб. 97. Стр. 20. Ц. 30 к.

Сѣченовъ, И.—Физіологическіе очерки. Ч. I. Съ 15 рис. Спб. 98. Стр. 192.

Терешкевичъ, А.—Начало географіи. Книга для чтенія въ начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищахъ. Ч. I: Курсъ средняго отдѣленія начальныхъ училищъ. М. 98. Стр. 187. Ц. 65 к.

Тиховъ, А.—Очерки по греческой литературѣ. Вып. 2: О Софоклѣ. Черниговъ, 97. Стр. 133. Ц. 75 к.

Толстой, гр. А. К.—Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Полное собраніе сочиненій, т. IV. Спб. 98. Стр. 359. Ц. 1 р. 50 к.

Ужанецъ, Ѳ. М.—Гетманъ Мазепа. Историческія монографіи. Спб. 97. Стр. 455. Ц. 2 р. 50 к.

Фишеръ, Эм.—Руководство къ приготовленію органическихъ препаратовъ. Перев. п. р. д-ра П. П. Вальдена. Рига, 97. Стр. 80. Ц. 65 к.

Хмѣлевскій, д-ръ И. К.—Заиканіе. Его сущность, причины, предупрежденіе и леченіе. Популярный очеркъ. Од. 97. Стр. 183. Ц. 1 р.

Худзинскій, С.—Къ вопросу о вліяніи негазированной и газированной минеральной воды Ессентукскаго источника № 4 на усвоеніе и обмѣнъ азотистыхъ частей пищи у здоровыхъ людей. Спб. 97. Стр. 63.

Шенрокъ, В. И.—Матеріалы для біографіи Гоголя. Т. IV. М. 98. Стр. 978. Ц. 5 р.

Шмуклеръ, д-ръ А. К.—Онанизмъ у дѣтей, его причины, симптомы, послѣдствія и леченіе. Изд. 2-е. Кіевъ, 97. Стр. 19. Ц. 30 к.

Янсенъ, І.—Экономическое, правовое и политическое состояніе германскаго народа наканунѣ реформаціи. Перев. съ нѣм. Спб. 98. Стр. 391. Ц. 1 р. 25 коп.

Эвальдъ, инж. Ар.—Летательныя машины. Опыты и наблюденія. Спб. 97. Стр. 56.

Bełze, Stanisław.—W stolicy Padyszacha. Варш. 98. Стр. 328.

— Библіотека самообразованія. Вып. IX: М. Ферворнъ, Общая физіологія. Т. I. М. 97. Стр. 518. Ц. 2 р.

— Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. Литературно-научный сборникъ, съ 4-мя оригинальными рисунками И. К. Айвазовскаго, заставками В. Я. Суреньенца, съ автографами авторовъ и 160 портретами, видами, типами Закавказья, турецкой Арменіи и пр.—въ текстѣ. М. 97. Стр. 152 и 128.

— Вѣдомство дѣтскихъ пріютовъ и его задачи. Состоитъ подъ Высочайшимъ И. И. Величествъ покровительствомъ. Краткій очеркъ, составленный по случаю открытія дѣятельности Комитета Главнаго Попечительства дѣтскихъ пріютовъ. Спб. 97. Стр. 210.

— Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана, 1896—1897 г. Кіевъ, 97. Стр. 95.

— Записки историко-филологическаго факультета Имп. Спб. Университета. Ч. XLIV. Спб. 97. Стр. 418.

— Изданія Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ: Насѣкомыя и другія животныя, наносящія вредъ въ сельскомъ хозяйствѣ. I. Саранча, прусъ и вреднѣйшіе виды кобылокъ. Спб. 97.

— Календарь крестный на 1898 годъ. М. 97. Ц. 15 к.

— Краткій обзоръ дѣятельности Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній за 1896—97 г. Спб. 97. Стр. 71. Ц. 30 к.

— Отчетъ по лѣсному управленію Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ за 1896 г. Спб. 97. Стр. 183, съ прилож.

— Популярная Библіотека. № 1: Я. В. Абрамовъ, Ибсенъ и Бьернсонъ. Литературная характеристика. Спб. 97. Стр. 57. Ц. 30 к. № 7: А. И. Свирскій. Несчастныя дѣти. Спб. 97. Стр. 35. Ц. 15 к. № 8: М. Б. Городецкій, Подъ землей. Очерки и картины съ натуры. Спб. 97. Стр. 79. Ц. 30 к.—№ 3: Я. В. Абрамовъ, Два великихъ француза—благодѣтель человѣчества Луи Пастеръ и апостолъ образованія Жакъ Масэ. Спб. 97. Стр. 46. Ц. 20 к.

— Программы домашняго чтенія на 3-й годъ систематическаго курса. Изданіе Комиссіи по организаціи домашняго чтенія. М. 97. Стр. 219. Ц. 50 к.

— Справочныя изданія переселенческаго управленія: Вып. I: Сибирь. Спб. 97. Стр. 210. Ц. 75 к.

— Статистическій Сборникъ по Спб. губерніи 1896 годъ. Вып. I: Сельское хозяйство и крестьянскіе промыслы въ 1895—96 сельско-хоз. году. Вып. II: Начальное народное образованіе въ 1895—96 учебномъ году. Вып. III: Матеріалы по вопросу о введеніи всеобщаго обученія въ селеніяхъ Спб. губерніи. Спб. 97.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

George Meredith. The Amazing Marriage. 2 т. Стр. 302 и 280. Leipz. 1897.

Произведенія Джорджа Мередита имѣютъ философскій характеръ. Въ своихъ лучшихъ романахъ, доставившихъ ему хотя позднюю, но большую славу, онъ описываетъ дѣйствительную жизнь и рисуетъ въ большихъ подробностяхъ быть высшихъ классовъ Англіи; но все-таки интересъ этихъ романовъ главнымъ образомъ въ философскихъ мысляхъ, своеобразныхъ и глубокихъ, которыя авторъ высказываетъ и какъ бы только иллюстрируетъ примѣрами изъ жизни. Самый языкъ Мередита—чрезвычайно отвлеченный и близокъ къ языку нѣмецкихъ метафизиковъ и Карлейля, въ которомъ такъ сильно сказывается вліяніе и нѣмецкой мысли, и нѣмецкой литературы. Мередитъ во всѣхъ своихъ романахъ говоритъ афоризмами, и нерѣдко совершенно оставляетъ въ сторонѣ развитіе фабулы, въ погонѣ за какой-нибудь чрезвычайно замысловатой формой, въ которую онъ хочетъ вылить эту мысль.

Этотъ философскій элементъ составляетъ обаяніе Мередита для нѣкоторыхъ его вѣрныхъ поклонниковъ; но туманность его ставилась ему часто въ упрекъ какъ англійской, такъ и иностранной критикой. Въ самомъ дѣлѣ, умъ и остроуміе Мередита являются часто тормазомъ для художественнаго исполненія, и всѣ его романы интересуютъ, какъ сборники изреченій, какъ необычайно виртуозная игра логическаго ума, и гораздо менѣе—какъ художественныя произведенія, которыя должны производить эстетическое впечатлѣніе.

Въ тѣхъ романахъ, однако, которые появлялись въ послѣдніе годы, уже послѣ того, какъ критика усиленно стала заниматься Мередитомъ, восхвалять его блестящія качества и указывать на его недостатки, общій характеръ романовъ Мередита сталъ нѣсколько измѣняться. Въ нихъ меньше отвлеченной философіи и больше психологіи. Они, въ общемъ, болѣе доступны и представляютъ меньше уклоненій въ область умственной гимнастики. Ту же тонкость ума, мѣткость опредѣленій и трезвое пониманіе жизни Мередитъ обнаруживаетъ съ большей простотой, рисуя жизнь и характеры людей. Это измѣненіе манеры Мередита особенно замѣтно въ его новомъ романѣ „The Amazing Marriage“ (Странный бракъ). Романъ этотъ—чисто психологиче-

ский. Конечно, Мередитъ выбираетъ для изученія исключительныя натуры. Къ нимъ его влечетъ его острый умъ и его стремленіе проникнуть въ то, что̀ есть наиболѣе сложнаго и сильнаго въ человѣческой душѣ. Это исканіе исключительныхъ натуръ составляетъ особый интересъ романа для иностранныхъ читателей, тѣмъ болѣе, что къ исключительности характеровъ въ романахъ Мередита прибавляется еще та исключительность, которая характеризуетъ всю англійскую жизнь въ сравненіи съ общеевропейской. Благодаря этому сочетанію, получается нѣчто весьма своеобразное: психологія истинныхъ островитянъ, людей, живущихъ обособленной жизнью на островѣ и составляющихъ каждый еще какъ бы особый островъ въ самомъ себѣ, гдѣ онъ непоколебимъ, неприступенъ и замкнутъ въ своей рѣзко выраженной личности. Психологія сильныхъ и уединенныхъ людей, живущихъ среди условій, способствующихъ развитію индивидуальности,—такова задача Мередита въ его новомъ романѣ, и, какъ таковая, она представляетъ несомнѣнный интересъ для пониманія Англіи и англійской жизни. Художественный талантъ Мередита остается вѣрнымъ себѣ въ этомъ новѣйшемъ романѣ и способствуетъ обаянію странныхъ, спокойныхъ героевъ и героинь его повѣствованія.

Характерна фабула романа и еще болѣе характерны дѣйствующія лица. Съ первыхъ страницъ читатель переносится въ обособленный міръ людей, которые не знаютъ вліянія извнѣ. Въ Европѣ мѣняется и внѣшній, и внутренній строй жизни, мѣняются общественныя настроенія и, подъ ихъ вліяніемъ, психологія людей; народилась сложная психологія въ области чувствъ,—въ романахъ разсматриваются уже какіе-то неуловимые оттѣнки отношеній любви, привязанности вообще, дружбы и т. д., исчезли границы между искренностью и неискренностью, между тѣмъ, гдѣ кончается правда чувствъ, и гдѣ начинается ложь отношеній,—а въ Англіи спокойныя и цѣльныя натуры знаютъ попрежнему только одну правду и остаются свободными въ своемъ слѣдованіи этой внутренней правдѣ,—какъ теперь, такъ и прежде. Сложность современной жизни не пошатнула прямолинейности ихъ натуръ. Теперь, какъ и прежде, душевныя драмы происходятъ въ области столкновеній душевнаго міра съ внѣшними обстоятельствами. Сомнѣнія и двойственность не закрались въ самую глубь души, не поселили смуту въ мотивахъ дѣйствій и не создали въ строгихъ пуританскихъ душахъ той двойственности, которая является языческимъ элементомъ нашей современности. Если весь современный романъ, какъ русскій, такъ и обще-европейскій, вышелъ изъ психологіи разлада, то въ противоположность ему англійскій романъ держится изученіемъ цѣльныхъ и сильныхъ душъ, воли, не знающей сомнѣній, и конфликтовъ, создаваемыхъ жизнью, когда она хочетъ сломить прямолинейность убѣ-

жденій и чувствъ. Романъ Мередита ярко иллюстрируетъ эту особенность психологическаго англійскаго романа. Самая фабула романа „Странный бракъ“ возможна только въ Англіи, но зато въ Англіи она не только возможна, но и характерна: дѣло идетъ о вѣчной борьбѣ мужчины и женщины въ области любви и ненависти. Мужчина и женщина разсматриваются какъ вѣчные враги, но форма этой дуэли основана на томъ, что оба противника какъ-то по-своему благородны или даже, вѣрнѣе, такъ высоко культурны, что это ихъ заставляетъ быть безконечно благородными.

Сюжетъ „Страннаго брака“ является, въ сущности, варіаціей фабулы нѣсколькихъ прежнихъ романовъ Мередита, въ особенности его „Эгоиста“. Здѣсь, какъ и тамъ, рѣчь идетъ объ освобожденіи женщины отъ связавшихъ ея личность брачныхъ узъ. И здѣсь, какъ и тамъ, всѣ симпатіи автора на сторонѣ женщины. Въ ней воплощаются для романиста душевныя качества англійской натуры: непоколебимость въ любви и непреклонность въ борьбѣ за найденную истину; въ противопоставляемыхъ имъ мужскихъ типахъ романистъ, напротивъ, рисуетъ тѣневыя стороны англійскаго характера, созданныя главнымъ образомъ условіями быта, узкимъ аристократизмомъ и себялюбіемъ. Но, въ сущности, и тѣ, и другіе—и женщины съ ихъ нравственнымъ подъемомъ, и мужчины, будто бы нравственно-искаженные, кажутся иностранному читателю образцами высшей добропорядочности, которую въ Европѣ привыкли называть джентльменствомъ. На почвѣ этого нравственнаго джентльменства всѣ конфликты чувствъ и характеровъ являются облагороженными, приподнятыми и чрезвычайно сильными, потому что каждый изъ враговъ дѣйствуетъ въ силу своей истины, своего нравственнаго долга, и дѣло идетъ только о томъ, чье пониманіе прекраснѣе и выше.

Оба главные героя романа унаслѣдовали каждый отъ своихъ предковъ сильную натуру, идущую въ разрѣзъ съ условностями ихъ общественнаго положенія. Коринтія Кирби—дочь знатной „графини Фанни“, которая изъ любви къ старому герою-адмиралу бросила мужа и вышла, несмотря на пререканія свѣта, замужъ за своего героя. Первыя главы книги посвящены передачѣ легендъ, созданныхъ смѣлымъ поступкомъ молодой женщины, которая очень открыто дала увезти себя сѣдовласому герою, такъ что самый побѣгъ ея въ заранѣе назначенный день, среди бала, на которомъ ее охраняли и гдѣ держались пари за и противъ успѣха предпріятія, окруженъ былъ разными фантастическими подробностями въ разсказахъ двухъ поколѣній. Мужъ „графини Фанни“ вскорѣ умеръ, сдѣлавшись жертвою одного изъ своихъ спортсменскихъ подвиговъ, и вдова его могла обвѣнчаться съ сѣдовласымъ адмираломъ. Они все-таки жили не въ Англіи, а въ Австріи, гдѣ родились

и выросли ихъ дѣти, Коринтія и сынъ Шилльонъ,—названные такъ по любимымъ мѣстностямъ ихъ родителей. Братъ и сестра воспитались исключительно подъ вліяніемъ отца, который, какъ всѣ герои Мередита, объединилъ свое нравственно-философское міросозерцаніе въ книгу афоризмовъ (Maxims for Men). Изреченія изъ этой книги служатъ главнымъ правиломъ для брата и сестры во всю ихъ жизнь. Юность Коринтіи проходитъ среди горъ. Она не знаетъ условностей жизни и пріѣзжаетъ послѣ смерти отца въ Англію съ чистой и прекрасной душой, но съ полнымъ непониманіемъ жизни. Въ ней много мудрости не книжной и инстинктивнаго стремленія къ благу. Но среди общества, въ которое она попадаетъ, она—полная дикарка. И первый шагъ въ этой жизни оказывается роковымъ. На балу, гдѣ она производитъ сенсацію своей дикой красотой, въ нее неожиданно влюбляется всеобщій свѣтскій баловень и одинъ изъ крупнѣйшихъ англійскихъ наслѣдниковъ, графъ Флитвудъ, привыкшій всегда дѣйствовать подъ вліяніемъ каприза. Въ промежуткѣ между двумя танцами онъ объясняется въ любви хорошенькой дѣвочкѣ,—будучи на самомъ дѣлѣ влюбленъ въ другую, болѣе близкую по духу ему женщину—и предлагаетъ ей свою руку и титулъ. На слѣдующій день Флитвудъ забылъ о своемъ предложеніи, между тѣмъ какъ Коринтія, искренняя и простая, приняла его серьёзно, объявила о немъ своимъ роднымъ и считаетъ себя невѣстой молодого аристократа, сразу покорившаго ея сердце. Она поселяется у дяди, стараго, скупого лорда, и терпѣливо ждетъ того, кого считаетъ женихомъ. Флитвудъ затѣмъ сначала хотѣлъ обратить все это въ шутку и даже на время скрылся изъ Лондона, но онъ видитъ къ ужасу своему, что слова его были приняты серьёзно и — тутъ выступаетъ на сцену чисто англійское джентльменство—считаетъ себя связаннымъ этимъ словомъ и назначаетъ день свадьбы. Наивная дѣвушка не понимаетъ всей закулисной стороны своего неожиданнаго брака, не думаетъ о томъ, почему ея женихъ къ ней не являлся, и она только черезъ другихъ получаетъ свѣдѣнія о днѣ и часѣ свадьбы, куда и является въ назначенное время. Она приноситъ своему мужу все богатство нетронутой любящей души и вѣритъ въ его любовь. Свадьба оказывается чрезвычайно странной. Послѣ вѣнца въ деревенской церкви, Флитвудъ, который заранѣе обѣщалъ своимъ друзьямъ быть на кулачномъ боѣ и потомъ на какомъ-то балу, совершенно не думаетъ нарушать своего слова, и прямо изъ церкви Коринтія попадаетъ на зрѣлище кулачнаго боя, а затѣмъ Флитвудъ оставляетъ ее съ тутъ же нанятой для нея дѣвушкой въ деревенской гостинницѣ. Онъ самъ является туда черезъ нѣсколько дней, но его сразу раздражаетъ эта навязанная ему жена, которая къ тому же постоянно обращается къ нему съ названіемъ супруга („my husband“).

Послѣ очень короткаго пребыванія съ нею, онъ уѣзжаетъ, и съ этой минуты начинается подвигъ жизни для Коринтіи, которая на пути униженій и страданій зрѣетъ душой и становится сильной и свободной женщиной. Флитвудъ исполнилъ долгъ чести, далъ имя этой чуждой ему женщинѣ, а теперь считаетъ себя свободнымъ. Онъ бы хотѣлъ, чтобъ она жила вдали отъ него, и назначаетъ ей резиденціи въ разныхъ своихъ помѣстьяхъ. Ненависть его къ ней увеличивается еще оттого, что братъ ея женатъ на той женщинѣ, которую онъ прежде любилъ. Коринтія, бывшая долго безъ вѣсти о своемъ мужѣ, очутилась подъ покровительствомъ служанки, которая сдѣлалась ея другомъ; она попадаетъ въ бѣдный кварталъ Лондона, Уайтчэпель, гдѣ живетъ среди бѣдныхъ, помогая имъ и работая среди нихъ, между тѣмъ какъ свѣтская молва создаетъ цѣлую легенду о несчастномъ попавшемся лордѣ и его уайтчэпельской графинѣ. Вернувшись въ Лондонъ, Флитвудъ узнаетъ, гдѣ его жена, требуетъ, чтобы она жила въ болѣе достойномъ ея титула мѣстѣ; но Коринтія отвергаетъ всякое вмѣшательство и требуетъ личнаго свиданія съ мужемъ, котораго покорно и вѣрно любитъ. Она выказываетъ себя дочерью своего отца на какомъ-то столкновеніи въ загородной тавернѣ, гдѣ, не узнанная мужемъ, защищаетъ его отъ напавшихъ рабочихъ. Но все это не только не смягчаетъ, а, напротивъ, еще болѣе раздражаетъ его. Коринтію, по его распоряженію, тайно увозятъ, и она нѣкоторое время спрятана въ домѣ одного изъ служащихъ Флитвуда. Освободившись оттуда, Коринтія становится иною. Любовь къ мужу убита, тѣмъ болѣе, что она вскорѣ становится матерью. Отнынѣ всѣ ея душевныя силы направлены на то, чтобы быть свободной. Она исполняетъ требованія Флитвуда, назначающаго ей мѣсто жительства, и покоряется его желанію не встрѣчаться съ нимъ. Когда онъ долженъ пріѣхать, она всегда уѣзжаетъ. Но она требуетъ свиданія для урегулированія денежныхъ дѣлъ, и когда, послѣ долгихъ пререканій, они случайно видятся, Флитвуда поражаетъ ея каменное спокойствіе, въ которомъ нѣтъ и тѣни той женственной ласки и любви, которую онъ въ первое свиданіе видѣлъ въ ней и которая тогда его раздражала. Теперь она зоветъ его „милордомъ“ и онъ уже не можетъ добиться у нея болѣе дружественнаго имени. Онъ имѣетъ возможность наблюдать Коринтію въ сферѣ ея дѣятельности среди рабочаго населенія, которое ее обожаетъ. Онъ присутствуетъ при томъ, какъ она спасаетъ толпу отъ бѣшеной собаки, подвергаясь сама большой опасности, и какъ она хладнокровно и мужественно дѣйствуетъ въ роли врача, прижигающаго рану ребенку, укушенному собакой. Эта новая Коринтія, освобожденная отъ него и расцвѣвшая новой духовной красотой, начинаетъ привлекать мужа, который такъ долго ее не видѣлъ и не понималъ. Дуэль при-

нимаетъ иной оборотъ. Флитвудъ хочетъ завоевать расположеніе своей жены, но это уже невозможно. Коринтія покорна только своимъ чувствамъ. Пока она любила Флитвуда, она сносила всѣ его униженія, не считая ихъ тѣмъ. Когда любви въ ней нѣтъ, она покорна только своимъ новымъ чувствамъ привязанности къ ребенку и къ брату. Она искренно заявляетъ мужу обо всемъ этомъ, просто, но твердо говоря о своихъ планахъ и не допуская его измѣнять ихъ. Весь интересъ романа—въ этомъ послѣдовательномъ ростѣ характера, который, достигнувъ своей зрѣлой силы, совершенно не поддается чужой волѣ, хотя она на этотъ разъ является въ образѣ проснувшагося искренняго чувства. Развитіе характера Флитвуда столь же прямолинейно. Онъ былъ легкомысленнымъ, капризнымъ законодателемъ модъ, покорнымъ только голосу чести. Когда же ему открылась красота женской души, истинно глубокой, онъ забываетъ гордость, бывшую прежде его единственнымъ закономъ, и чтобы завоевать ту, которую онъ слишкомъ поздно полюбилъ, честно и открыто вступаетъ на новый путь. Но конфликтъ между двумя натурами, изъ которыхъ обѣ, въ сущности, одинаково благородны по искренности, становится трагичнымъ. Освободившаяся душа Коринтіи свободна навѣки, и любовь Флитвуда слишкомъ поздно явилась. Онъ самъ способствуетъ тому, чтобы Коринтія могла располагать собой, какъ хочетъ, и она съ ребенкомъ уѣзжаетъ изъ Англіи на границу Испаніи, куда братъ ея отправился волонтеромъ на время вспыхнувшихъ внутреннихъ волненій. Она принадлежитъ себѣ, своему ребенку и брату, съ которымъ дѣлитъ всѣ военныя опасности, какъ дѣлитъ всю его духовную жизнь, вдохновленную поученіями ихъ отца. Лордъ Флитвудъ, разбитый первой сердечной драмой, гдѣ его сильная воля наткнулась на еще бо́льшую волю свободной души, ищетъ утѣшенія въ религіи и уходитъ отъ свѣта въ католическій монастырь. Конецъ этотъ нѣсколько не вяжется съ общимъ содержаніемъ романа. Переходъ въ католичество Флитвуда является чѣмъ-то случайнымъ, но, въ сущности, какъ всегда, Мередита не интересуетъ конечная судьба его героевъ. Онъ стремится показать трагическій конфликтъ души, которая только путемъ страданій могла достигнуть своей зрѣлости, т.-е. внутренней свободы.

У Мередита есть странная манера раздвоивать изложеніе событій на то, какъ они происходятъ въ самомъ дѣлѣ, т.-е. въ душѣ дѣйствующихъ лицъ, и на то, какими они являются въ глазахъ молвы и голоса свѣта, который требуетъ той или другой развязки въ данныхъ положеніяхъ. Этотъ голосъ свѣта или голосъ толпы требуетъ, конечно, иной развязки, и онъ показываетъ, какъ лэди такая-то или лэди такая-то употребляютъ всѣ свои усилія на то, чтобы свести поссорившихся супруговъ, о томъ, какъ эти сердобольныя дамы осуждали сначала

дикарку, поработившую лорда, потомъ лорда, угнетавшаго молодую жену, въ которой всѣ уже успѣли разглядѣть достойную свѣта лэди, и какъ, въ сущности, никто не подозрѣвалъ, что дѣло—не въ ссорѣ великосвѣтской четы, а въ томъ, что двое людей путемъ сначала недоразумѣнія и непониманія, а потомъ открытой борьбы, разошлись непоправимо въ своемъ различномъ пониманіи жизни и свободы. Очевидно, обычный англійскій романистъ свелъ бы въ концѣ,—какъ этого требовалъ голосъ молвы, о которомъ говоритъ Мередитъ,—Флитвуда и Коринтію, показавъ, какъ она умилилась его позднимъ раскаяніемъ. Но Мередитъ, прежде всего, далекъ отъ банальности, и его психологическій романъ является отдохновеніемъ отъ обычнаго типа англійскихъ романовъ, съ ихъ благополучнымъ концомъ, столь же фальшивымъ, какъ катастрофы, которыми пользуются пессимистически настроенные авторы.

Намъ приходилось, говоря о прежнихъ романахъ Мередита, говорить о манерности его слога, о томъ, что самыя обыденныя вещи онъ иногда передаетъ въ намѣренно и ненужно аллегорической формѣ. Въ разбираемомъ романѣ эта манерность нѣсколько сглаживается, но все-таки встрѣчаются истинно мередитовскія разсужденія, напр., „о черномъ и красномъ“, когда дѣло идетъ объ игрѣ въ рулетку, или разсужденія объ англійскомъ спортѣ, гдѣ все время ведутся отвлеченныя разсужденія, и приходится только догадываться о фактической подкладкѣ, о томъ, что дѣло идетъ, напр., о кулачномъ боѣ.

II.

W. Kawerau, Hermann Sudermann. Eine kritische Studie. Leipzig, 1897. Стр. 199.

Въ современной нѣмецкой литературѣ успѣли уже образоваться свои классики, т.-е. писатели, первенство которыхъ одинаково признается какъ тѣми, кто сочувствуетъ ихъ таланту, такъ и ихъ противниками. На ряду съ Гауптманомъ, къ такимъ новымъ классикамъ нѣмецкая критика причисляетъ и Германа Зудермана. Появленіе цѣлой книги, посвященной разбору его писательской дѣятельности, является достаточнымъ доказательствомъ твердаго положенія Зудермана въ современной нѣмецкой литературѣ. Его критикъ говоритъ о немъ какъ о писателѣ съ прочно установившейся славой, и, рѣзко критикуя тенденцію нѣкоторыхъ пьесъ, считаетъ литературныя достоинства автора вполнѣ неоспоримыми.

Книга Каверау интересна тѣмъ, что она останавливается главнымъ образомъ на эпическихъ произведеніяхъ Зудермана, на его ро-

манахъ и новеллахъ. Зудерманъ извѣстенъ въ Европѣ главнымъ образомъ своими пьесами, т.-е. тѣмъ, что его новый критикъ считаетъ наименѣе характернымъ. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, потому пьесы Зудермана и имѣютъ такой успѣхъ на всѣхъ европейскихъ сценахъ, что онѣ по манерѣ и сценическимъ пріемамъ напоминаютъ французскія психологическія пьесы, съ ихъ блестящимъ діалогомъ и сильными сценическими эффектами. По внутреннему замыслу гораздо интереснѣе романы и повѣсти Зудермана, въ которыхъ болѣе сильно сказывается національно-протестантскій духъ, побуждающій художника заниматься вопросами совѣсти и нравственной отвѣтственности. Этотъ этическій замыселъ критикъ усматриваетъ главнымъ образомъ въ двухъ большихъ романахъ Зудермана: „Frau Sorge“ (Забота) и „Katzensteg“ (Кошачій путь). Оба эти романа, написанные до пьесъ Зудермана, не были сразу замѣчены публикой, и только теперь, когда Зудерманъ прославился какъ драматургъ, романы эти дошли до тридцати пяти и больше изданій. Успѣхъ „Frau Sorge“ кажется критику тѣмъ болѣе знаменательнымъ, что романъ имѣетъ очень мало внѣшнихъ достоинствъ; въ немъ нѣтъ ничего сенсаціоннаго,—это простая, глубоко продуманная и проникнутая идеалистическимъ отношеніемъ къ человѣку повѣсть. Въ ней разсказывается судьба простого человѣка, инстинктивно стремящагося къ добру, и его трудная жизнь является какъ бы символомъ человѣческой судьбы вообще. Забота—Frau Sorge—стояла у колыбели его при рожденіи и вся жизнь его является подтвержденіемъ глубокомысленной народной сказки о томъ, что если крестной матерью становится Забота, то она беретъ къ себѣ душу ребенка и только тогда ее отпускаетъ, когда онъ пожертвуетъ для нея всѣмъ, что ему было дорого. Дѣтство героя романа полно всякихъ невзгодъ. Разореніе семьи началось со дня появленія его на свѣтъ, и вмѣстѣ съ наступившимъ несчастіемъ озлобился характеръ отца, который начинаетъ пить и мучить домашнихъ. Маленькій Павелъ выростаетъ въ тяжелой атмосферѣ, среди преслѣдованій отца и братьевъ, и имѣя поддержку только въ матери, близкой ему по своей страдальческой душѣ. И вся дальнѣйшая жизнь Павла становится повѣстью жертвъ для другихъ, трудной, безрадостной жизни человѣка, который не знаетъ юности, и который трепещетъ при первомъ смутномъ проблескѣ радости, потому что всегда видитъ на пути сѣрый призракъ Заботы. Готовность къ жертвамъ и забота о другихъ дѣлаютъ Павла добрымъ геніемъ его семьи. Онъ поднимаетъ благосостояніе отца, приводитъ въ порядокъ его дѣла, но сѣрая подруга его молодости не отходитъ отъ него и не даетъ ему возможности воспользоваться плодами своихъ трудовъ. Онъ не можетъ отдаться своему чувству къ дѣвушкѣ, которую любитъ, потому что и она, и

онъ, чувствуютъ тяготѣющую надъ ними судьбу, которая наглядно сказывается въ мстительныхъ дѣйствіяхъ отца Павла: онъ видитъ источникъ всѣхъ своихъ несчастій въ обитателяхъ „бѣлаго дома", т.-е. въ родителяхъ возлюбленной Павла, и ежеминутно готовъ на преступленіе. Павлу предстоитъ послѣдняя искупительная жертва передъ судьбой. Онъ долженъ совершить еще одинъ подвигъ освобожденія, который дастъ ему, наконецъ, свободно вздохнуть. Въ тотъ страшный ночной часъ, когда онъ поджигаетъ свой собственный домъ, для того, чтобы зарево остановило отца, который хочетъ свершить свою месть надъ домомъ враговъ, въ тотъ часъ, когда онъ убиваетъ своего отца, чтобы избавить его отъ преступленія и позора, и когда онъ самъ становится разрушителемъ такъ трудно добытаго имущества, въ этотъ часъ проклятіе судьбы спадаетъ съ него, и онъ можетъ начать свѣтлую жизнь, потому что Забота, Frau Sorge, старинной сказки отошла отъ него.

Замыслъ романа, какъ видно даже по намѣченному содержанію, очень своеобразенъ. Въ немъ есть двѣ стороны, изъ которыхъ каждая выясняетъ одну изъ особенностей таланта Зудермана: онъ является вполнѣ реалистомъ, рисуя постепенное подступленіе заботы къ жизни человѣка. Онъ намѣренно рисуетъ самыя обыденныя происшествія, изъ которыхъ создается сѣрая паутина, безнадежно окружающая жизнь. Происшествія гармонируютъ съ характеромъ мѣстности, въ которой они происходятъ, съ безнадежной прусской равниной, создающей безрадостныя настроенія. Это—родина художника, и онъ описываетъ ее съ поэтической грустью. Въ повѣствованіи о душевной драмѣ его героя хороши разнообразныя мелкія подробности деревенскаго быта и мелкой жизни, порождающей, однако, въ болѣе глубокихъ натурахъ, каковъ его герой, очень не мелкія настроенія и страданія. Но вмѣстѣ съ этимъ реализмомъ сказывается другая черта Зудермана: конечная цѣль его романа—не въ изображеніи торжества Заботы; напротивъ, онъ хочетъ показать возможность конечнаго освобожденія человѣка. Орудіемъ этого освобожденія является у него вѣрное исполненіе долга, готовность къ жертвамъ и трудъ, не ожидающій благодарности и награды. И выше всего онъ ставитъ долгъ человѣка по отношенію къ самому себѣ, умѣнье не поддаваться гнету обстоятельствъ и всегда идти впередъ. Эта вѣра въ человѣка является солнечнымъ свѣтомъ, освѣщающимъ романъ.

Въ двухъ другихъ своихъ значительныхъ романахъ: „Кошачій путь" (Katzensteg) и „Нѣкогда" (Es war), Зудерманъ ставитъ себѣ такую же нравственную задачу; онъ изображаетъ борьбу высшихъ нравственныхъ побужденій человѣка съ мракомъ навязанныхъ ему житейскихъ обстоятельствъ. Но въ этихъ двухъ романахъ жизнь во-

площается не въ наглядныхъ образахъ житейскихъ невзгодъ, а въ чемъ-то болѣе страшномъ по своей непонятности. Героямъ обоихъ романовъ приходится бороться съ прошлымъ, съ тѣмъ, что нѣкогда было и казалось навсегда исчезнувшимъ, но что̀ на-ново поднимается изъ прошлаго, какъ неумолимая тѣнь, давая новую жизнь старымъ грѣхамъ. То надъ молодымъ героемъ, который ищетъ смерти на войнѣ и не находитъ ея, тяготѣетъ, по возвращеніи на родину, преступленіе, совершённое его отцомъ; то старая, заглохшая любовь возрождается съ прежней силой въ человѣкѣ, который вернулся на родину, и рядъ почти забытыхъ, совершённыхъ имъ на родинѣ, злодѣяній увеличивается новыми, свершаемыми опять подъ вліяніемъ возобновленныхъ сношеній съ его демонической обольстительницей. Въ обоихъ разсказахъ прошлое является непобѣдимымъ рокомъ, чѣмъ-то такимъ, чему нѣтъ забвенія.

Строго нравственный критикъ Зудермана ставитъ ему въ упрекъ это превращеніе нравственныхъ преступленій въ какой-то непобѣдимый рокъ. Зудерманъ мастерски рисуетъ драматическое возрастаніе нравственной вины, но затѣмъ въ развязкахъ его романовъ вина эта перестаетъ быть въ зависимости отъ воли и, тѣмъ самымъ, требовать искупленія, и превращается въ стихійное зло, окружающее человѣческую жизнь; въ этомъ, въ сущности, главное достоинство этихъ романовъ, ихъ глубокій общечеловѣческій смыслъ, и странно, какъ нѣмецкій критикъ, съумѣвшій разглядѣть глубину замысловъ разбираемыхъ имъ романовъ, не могъ возвыситься до пониманія ихъ конца и критикуетъ автора, какъ это сдѣлалъ бы ограниченный нѣмецкій пасторъ, ничего не знающій, кромѣ катехизиса.

Такое же странное полупониманіе обнаруживаетъ Каверау, разсматривая мелкія повѣсти Зудермана и затѣмъ его драмы. Послѣднія онъ осуждаетъ за шаткость нравственнаго міросозерцанія автора, за то, что, обнажая язвы современнаго Берлина, показывая людей, потерявшихъ критерій добра и зла, онъ недостаточно твердо ихъ караетъ, и за то, что, рисуя нравственные конфликты, онъ не обнаруживаетъ самъ твердыхъ нравственныхъ устоевъ. Но и здѣсь мы склонны скорѣе сочувствовать художнику, чѣмъ его критику. Драмы Зудермана представляютъ много слабостей въ чисто-художественномъ отношеніи, и Каверау очень вѣрно судитъ объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ. Но онъ не правъ, требуя отъ художника формулировки нравственныхъ принциповъ. Художникъ разбирается въ мотивахъ поступковъ, рисуетъ нравственное состояніе общества, но еслибы онъ сталъ судьей, подписывающимъ приговоръ, онъ вышелъ бы уже изъ рамокъ искусства.

III.

L. Flachs-Fokschaneanu. Anton Tschechow. Russische Liebelei. Aus dem Russischen übers. München. 1897, стр. 267.—Sonja Kowalewska. Jugenderinnerungen. Berlin. 1897, стр. 265.

Переводная литература въ Германіи стала въ послѣдніе годы сильно обогащаться русскими авторами. Успѣхъ русскаго романа въ лицѣ его великихъ представителей открылъ доступъ въ Германію и менѣе крупнымъ талантамъ среди современныхъ русскихъ беллетристовъ, и въ настоящее время нѣтъ почти сколько-нибудь замѣтнаго русскаго произведенія, которое не появилось бы въ болѣе или менѣе удовлетворительной передачѣ у нашихъ ближайшихъ сосѣдей. Но самое достоинство переводовъ бываетъ весьма различное. Если приходится нерѣдко указывать на недостатки русскихъ переводовъ, то что̀ же сказать о нѣмецкихъ переводахъ съ русскаго? Еще очень недавно эпиграфъ къ „Аннѣ Карениной“: „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“, переведенъ былъ: „Rache ist süss und ich gehe vom Ass“—и этотъ курьезъ далеко не единственный. Тѣмъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ мы останавливаемся на переводахъ, соединяющихъ знаніе русскаго языка съ литературными достоинствами переводнаго стиля. Къ таковымъ несомнѣнно принадлежатъ переводы г-жи Флаксъ-Фокшанеану, выступившей недавно съ переводами разсказовъ г. А. Чехова и воспоминаній Софіи Ковалевской.

Въ сборникѣ „Russische Liebelei“ русскаго читателя непріятно поражаетъ только заглавіе, которое, очевидно, придумано издателемъ для бо̀льшаго эффекта. Оно даже не подходитъ къ содержанію сборника, въ которомъ менѣе всего рисуется „русскій флиртъ“. Переводчица объединила въ небольшомъ томикѣ четыре разсказа: „Аріадна“, „Попрыгунья“, „Припадокъ“ и „Володя большой и Володя маленькій“. Всѣ они однотонно пессимистичны и сводятся къ обличенію женскаго характера. Героини всѣхъ четырехъ разсказовъ даже какъ-то исключительно пусты, мелки и способны на „заѣданіе“ любящихъ ихъ мужчинъ отсутствіемъ серьезныхъ интересовъ и непониманіемъ душевнаго міра близкихъ имъ людей. Эта преднамѣренность въ замыслахъ разсказовъ нарушаетъ ихъ художественность тѣмъ болѣе, что для контраста мужчины выставлены какими-то невинными жертвами своихъ увлеченій, что̀ по меньшей мѣрѣ столь же преувеличенно, какъ „общеженская“ пошлость; или же, съ той же цѣлью унизить женщинъ, авторъ противопоставляетъ фатовъ, которые сразу завоевываютъ женскую привязанность, болѣе глубокимъ мужскимъ натурамъ, для которыхъ закрыты сердца женщинъ. Такая постановка вопроса должна

стать тенденціозной, какъ всякая коллективная, обобщающая психологія. Задача художника—изучать личность въ ея индивидуальной душевной жизни, а не въ томъ, что̀ ее отождествляетъ съ той или другой общественной группой.

Въ глазахъ нѣмецкой публики, быть можетъ, однако, этотъ недостатокъ не покажется такимъ, потому что тенденція г. Чехова подходитъ подъ общій тонъ той части литературы, которая любитъ заниматься вопросами дня, а въ томъ числѣ и женскимъ вопросомъ. Въ чисто художественномъ отношеніи выборъ разсказовъ въ сборникѣ „Russische Liebelei“ сдѣланъ очень удачно для характеристики г. Чехова. Только первый разсказъ, „Аріадна“,—слабый, безцвѣтный и растянутый. Въ остальныхъ же сказываются очень сильно достоинства спокойнаго и умнаго реалистическаго таланта г. Чехова. Выборъ подробностей, краткость и точность характеристикъ, отсутствіе сентиментальности и слегка насмѣшливое отношеніе къ жизни составляютъ привлекательность небольшихъ очерковъ и могутъ дать иностраннымъ читателямъ выгодное представленіе о художникѣ, который по своему пессимизму и холодному пониманію жизни болѣе всего сродни Мопассану.

Литературныя произведенія Ковалевской имѣютъ большой успѣхъ въ западной Европѣ. Такъ, нѣмецкій переводъ „Jugenderinnerungen“ вызвалъ общее сочувствіе критики и пользуется большимъ успѣхомъ въ читающей публикѣ. Этотъ успѣхъ, конечно, вполнѣ понятенъ, если бы ему даже не предшествовала громкая спеціальная слава женщины-профессора. „Jugenderinnerungen“ является для нѣмецкихъ читателей художественнымъ изображеніемъ русской жизни въ томъ, что̀ такъ сильно поражаетъ иностранцевъ: въ странномъ сочетаніи строгихъ патріархальныхъ традицій отцовъ и внезапно проснувшейся жаждой свѣта и свободы у молодежи. Недавнее прошлое русской дѣйствительности, шестидесятые годы, съ тѣмъ, что̀ въ нихъ было неудержимо молодого и идеально безкорыстнаго, оживаетъ съ полной ясностью въ запискахъ Ковалевской, столь мало похожихъ на дневники и мемуары другихъ знаменитыхъ дѣятелей на разныхъ путяхъ. Въ „Воспоминаніяхъ“ Ковалевской очень мало ея личной психологіи; душа женщины, прожившей много внутреннихъ бурь, остается закрытой для читателей въ этихъ сжатыхъ и колоритныхъ запискахъ. Лишь нѣкоторыя черты глубокой натуры автора проглядываютъ изъ-за ея объективныхъ описаній: замкнутость тихой души, любовь къ чудесному въ дѣтствѣ, стихійная жажда свѣта и умѣнье полно и широко радоваться жизни, рѣдко цѣльное чувство жизни, не покидавшее Ковалевскую и среди нравственныхъ страданій; всѣ эти элементы ея душевнаго строя рисуются въ ея разсказѣ. Но все-таки характеръ ея

воспоминаній скорѣе эпическій и представляетъ художественно законченную повѣсть; героини этой повѣсти—двѣ дѣвушки съ необычайно свѣтлой и сильной душой; онѣ тянутся къ свѣту, находя источникъ силъ только въ самихъ себѣ, въ стремленіи проявить свой внутренній міръ, и повинуясь творческому инстинкту, проснувшемуся вполнѣ самобытно. Борьба съ условіями быта въ родовитой помѣщичьей семьѣ составляетъ драматическій фонъ борьбы двухъ поколѣній. Ковалевская съ любовью и поэтическимъ чувствомъ рисуетъ то, что было красиваго и отраднаго въ этомъ враждебномъ ея духовнымъ стремленіямъ быту; но рѣзкость столкновеній между отживающимъ поколѣніемъ и двумя сестрами, всецѣло принадлежавшими будущей молодой Россіи, выступаетъ тѣмъ ярче въ ея лѣтописи.

Этотъ историческій интересъ воспоминаній Ковалевской увеличиваетъ ихъ цѣнность для иностранной публики, въ сущности еще такъ мало знакомой съ переходными моментами въ исторіи русскаго общества. Но, конечно, и чисто художественная сторона книги содѣйствуетъ ея успѣху. Широкая кисть Ковалевской въ описаніи характеровъ и типовъ, умѣнье подмѣчать подробности и передавать драматизмъ житейскихъ сценъ, ставятъ ее на ряду съ лучшими художниками-реалистами. Всякій, кто читалъ „Воспоминанія“, запомнитъ навсегда сцены расправы съ дѣвочкой-воровкой Ѳеклушей, разсказъ о дядѣ и его женѣ, убитой дворовыми, и поэтическій разсказъ о полудѣтской любви самой Ковалевской къ Достоевскому, бывшему втрое старше ея. Всѣ эти эпизоды не утратили своей художественности въ переводѣ.

Въ упрекъ переводчицѣ можно только поставить искаженіе имени автора воспоминаній, названнаго „Соней“ Ковалевской. За границей часто не понимаютъ различія уменьшительныхъ русскихъ именъ отъ полныхъ, но отъ переводчика, выказавшаго полное пониманіе русской писательницы, можно требовать цѣльности и точности въ переводѣ. Слѣдуетъ надѣяться, что въ слѣдующемъ изданіи книги фамильярное названіе „Сони“ исчезнетъ съ обложки.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 ноября 1897.

Вопросъ о гонорарѣ за слушаніе университетскихъ лекцій. — Гонораръ и уставъ 1884-го года. — Справедливо ли неравномѣрное распредѣленіе гонорара между учащими?—Значеніе гонорара для студентовъ. — Возможность совершенной отмѣны гонорара. — Два слова о нашихъ историко-филологическихъ факультетахъ. — Закладка памятника гр. М. Н. Муравьеву.

Прошло тринадцать лѣтъ со времени изданія новаго университетскаго устава—и отъ всѣхъ его нововведеній неприкосновеннымъ осталось только одно, не потому, чтобы цѣлесообразность его не возбуждала никакихъ сомнѣній, а потому, что оно слишкомъ тѣсно связано съ руководящимъ началомъ, лежавшимъ въ основаніи всѣхъ возвратныхъ реформъ восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годовъ. Это нововведеніе —назначеніе ректора, декановъ и профессоровъ, замѣнившее собою прежнюю выборную систему. Всѣ остальныя типичныя черты устава 1884-го года подверглись, если не оффиціально, то фактически, болѣе или менѣе существеннымъ измѣненіямъ. Зачетъ полугодій потерялъ свое первоначальное значеніе; переходные экзамены (изъ перваго курса на второй и изъ второго на третій) возстановлены; государственный экзаменъ, вслѣдствіе этого, сдѣлался совсѣмъ не тѣмъ, что предполагалось сначала, и отличается отъ прежнихъ выпускныхъ испытаній только приглашеніемъ предсѣдателей экзаменаціонныхъ коммиссій изъ числа лицъ, чуждыхъ данному университету (но, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, изъ среды университетскихъ профессоровъ); историко-филологическіе факультеты потеряли тотъ спеціально-классическій характеръ, который имѣлся въ виду при составленіи правилъ 1885-го года. Теперь очередь дошла и до гонорара, за который, во время подготовки новаго устава, было сломано столько копій сторонниками преобразованія. Министерствомъ народнаго просвѣщенія возбужденъ вопросъ, не лучше ли обращать гонораръ не въ пользу отдѣльныхъ профессоровъ и доцентовъ, за лекціи которыхъ онъ взимается, а въ спеціальныя средства университетовъ, съ распредѣленіемъ его между всѣми профессорами, приватъ-доцентами и лекторами, соотвѣтственно числу ихъ лекцій и практическихъ занятій. Утвердительное разрѣшеніе этого вопроса будетъ равносильно отмѣнѣ гонорара въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимали составители устава 1884 г. и понимаютъ до сихъ поръ его немногіе панегиристы. Уцѣлѣетъ, быть можетъ, *названіе* гонорара, но имъ будетъ означаться не вознагра-

жденіе, идущее непосредственно отъ слушателя къ профессору, а просто добавочная плата за право слушанія лекцій. Замѣчательно, что мысль министерства народнаго просвѣщенія не встрѣтила возраженій со стороны той газеты, которая, въ свое время, всего больше усердствовала въ пользу введенія гонорара; „Московскія Вѣдомости“ (№ 245) занесли ее, безъ протеста, въ свою лѣтопись университетской жизни. Самая горячая статья въ защиту дѣйствующей системы появилась въ газетѣ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ высказавшейся противъ гонорара [1]). Выражая собою, такимъ образомъ, только личное мнѣніе автора, эта статья, тѣмъ не менѣе, заслуживаетъ вниманія, такъ какъ въ ней искусно сгруппировано все то, что̀ можно сказать за сохраненіе гонорара. По способу защиты, если она имѣетъ исчерпывающій характеръ, можно судить иногда о достоинствѣ защищаемаго дѣла.

Разсужденія автора (г. Б. Никольскаго) сводятся къ слѣдующимъ главнымъ тезисамъ. Наука—не промыселъ, не ремесло; ученые избираютъ или, по крайней мѣрѣ, должны избирать предметъ своихъ занятій по внутреннему призванію, а не по степени вѣроятной будущей доходности. Люди становятся профессорами не вслѣдствіе окладовъ и гонорара и спеціализируются не сообразно ихъ размѣрамъ. Каждый ученый знаетъ напередъ, какого рода матеріальное обезпеченіе ожидаетъ его на избранной имъ дорогѣ; странны, поэтому, толки о мнимой несправедливости неравномѣрныхъ доходовъ профессоровъ различныхъ спеціальностей. Съ исторической точки зрѣнія гонорарная система явилась у насъ переложеніемъ на общество тѣхъ расходовъ на улучшеніе матеріальнаго благосостоянія профессоровъ, которые государство признало необходимыми, но непосильными для своего бюджета. На самомъ дѣлѣ, однако, система гонорара не связана неразрывно съ положеніемъ государственнаго бюджета, вовсе не имѣетъ главною цѣлью профессорское благосостояніе и можетъ быть сохранена при какомъ угодно уровнѣ профессорскихъ окладовъ. „Основной нервъ системы—то, что она представляется видомъ общественнаго участія въ постановкѣ и роли высшаго образованія. Совершенно справедливо, поэтому, что такое участіе должно быть обусловлено въ своихъ формахъ строго соразмѣрно съ интересами общества, т.-е. пропорціонально долѣ его вниманія къ той или другой отрасли знанія, болѣе или менѣе ему полезной и важной, къ тому или другому преподавателю, болѣе или менѣе умѣло и успѣшно удовлетворяющему текущей общественной потребности“. Правительство установляетъ однообразные профессорскіе оклады, чтобы по силѣ своихъ средствъ поддержать матеріально

[1]) См. „Новое Время“ №№ 7721, 7728, 7729 и 7741.

труженниковъ науки; но даровитость, авторитетъ, общественное значеніе ученыхъ неподсудны государству — о нихъ произноситъ приговоръ общество, реально выражая свой спросъ, свои потребности размѣрами гонорарнаго сбора. Странно было бы заставлять общество столько же расходовать на преподаваніе тремъ-четыремъ слушателямъ санскритскаго языка, сколько оно расходуетъ на преподаваніе общей анатоміи или гражданскаго права 300—400 студентамъ. Бо́льшее благосостояніе профессоровъ этихъ насущныхъ предметовъ сравнительно съ преподавателями „утонченныхъ пряностей знанія“ прямо пропорціонально ихъ сравнительной общественной пользѣ, представляя собою „естественную ренту, необходимый результатъ общественной жизни, съ законами которой ни для науки, ни для государства борьба невозможна“. Возмущаться неодинаковымъ вознагражденіемъ ученыхъ авторитетныхъ и неавторитетныхъ, популярныхъ и непопулярныхъ— такъ же смѣшно, какъ негодовать на неодинаковое, въ силу тѣхъ же условій, распредѣленіе гонораровъ между писателями, художниками, актерами, адвокатами. Это значитъ бороться противъ даровитости и авторитетности во имя бездарности и ничтожества, а такая борьба „называется насиліемъ и обскурантствомъ, хотя бы и облекалась въ хлесткую форму борьбы противъ гонорарной системы“. Въ учебномъ дѣлѣ индивидуальныя преимущества особо даровитыхъ людей всегда являются, притомъ, и корпоративными преимуществами. Даровитый профессоръ служитъ источникомъ дохода для факультета и даже университета, потому что увеличиваетъ общее число слушателей. Въ дополнительной статьѣ, возражая своимъ оппонентамъ, авторъ признаетъ, что теперешнее жалованье профессоровъ безспорно недостаточно и должно быть одинаково для всѣхъ удвоено, если не утроено; но дальнѣйшее улучшеніе благосостоянія профессоровъ не можетъ и не должно ложиться на государство, оставаясь въ зависимости отъ наличнаго спроса на ту или другую отрасль знанія и отъ даровитости профессора. „Самый посредственный лекторъ гражданскаго права или политической экономіи полезнѣе и нужнѣе обществу, чѣмъ самый геніальный астрономъ [1]), а геніальный астрономъ—чѣмъ астрономъ посредственный: въ этой соразмѣрности и устанавливаетъ гонораръ неравенство профессорскаго благосостоянія“. Гонорарамъ обезпечивается и приливъ новыхъ научныхъ силъ: чѣмъ обильнѣе гонораръ, тѣмъ бо́льшее количество конкуррентовъ можетъ быть имъ обезпечено. Безъ гонорарной системы невозможна, наконецъ, приватъ-доцентура; ее

[1]) Противъ этого положенія протестуетъ сама редакція „Новаго Времени“, „ибо, принявъ его, надо бы согласиться, что сапожникъ гораздо полезнѣе и нужнѣе Шекспира“.

должны замѣнить неподвижные постоянные штаты, съ неизбѣжнымъ непотизмомъ, искательствомъ и рутиной.

Во всей этой аргументаціи правильно только то, что̀ не имѣетъ никакого отношенія къ спорному вопросу. Да, ученый не долженъ быть ремесленникомъ; да, выборъ профессіи долженъ обусловливаться призваніемъ, а не разсчетомъ. Что̀ же, однако, слѣдуетъ изъ этого собственно по отношенію къ гонорару?—Что профессорамъ, достойнымъ каѳедры, не подобаетъ бросать ее изъ-за недостаточности связаннаго съ нею дохода? Что неприлична агитація противъ гонорара, руководимая завистью къ чужому благосостоянію, къ чужому успѣху?—И то, и другое безспорно; но развѣ противниками гонорара являются только люди, прямо заинтересованные въ его отмѣнѣ? Развѣ вопросъ о гонорарѣ занимаетъ однихъ только профессоровъ, и занимаетъ ихъ, притомъ, исключительно съ точки зрѣнія денежныхъ выгодъ? Нормальная постановка университетскаго строя дорога для всѣхъ, понимающихъ значеніе высшаго образованія. Далеко не первостепенную, но далеко и не маловажную роль играетъ въ ней матеріальное обезпеченіе учащихъ. Какъ бы равнодушно ни относились къ нему сами профессора —по крайней мѣрѣ профессора-идеалисты, безкорыстно и всецѣло преданные своей наукѣ—оно не можетъ и не должно быть упускаемо изъ виду ни обществомъ, ни правительствомъ. Нельзя успокоивать себя соображеніями въ родѣ того, что каждый профессоръ зналъ заранѣе, какія матеріальныя условія ожидаютъ его на избранной имъ дорогѣ. Эти условія могутъ измѣняться и измѣняются на самомъ дѣлѣ: жизнь становится дороже, содержаніе, прежде покрывавшее ея требованія, перестаетъ удовлетворять имъ. Никому не приходитъ въ голову подать нуждающимся—камень вмѣсто хлѣба, въ видѣ холодной формулы: „ты зналъ, на что̀ ты идешь—оставайся же при томъ, что̀ тебѣ разъ навсегда дано“. Оканчивая курсъ въ духовной семинаріи или въ военномъ училищѣ, будущіе священники или офицеры знали о скудныхъ окладахъ церковной и военной службы—но это никогда не мѣшало заботамъ объ увеличеніи средствъ, идущихъ на содержаніе войска и духовенства. Что жалованье профессоровъ, не измѣнявшееся съ начала шестидесятыхъ годовъ, крайне недостаточно—этого не отрицаетъ и авторъ разбираемой нами статьи: онъ готовъ удвоить его или даже утроить — но, къ сожалѣнію, не въ рукахъ автора находится ключъ къ государственной казнѣ. Вопросъ о гонорарѣ нельзя обсуждать въ безвоздушномъ пространствѣ, внѣ „исторической почвы“, на которой онъ возникъ, и на которой, какъ видно изъ обращенія министерства къ университетамъ, онъ остается и до сихъ поръ. При самомъ введеніи гонорара, онъ разсматривался, между прочимъ, именно какъ способъ улучшить матеріальное положеніе профессоровъ, не уве-

личивая государственные расходы на университеты. Сначала предполагалось, что эта цѣль будетъ достигнута безъ обремененія студентовъ; почти на такую же сумму, въ какой былъ установленъ гонораръ, была уменьшена плата за ученье, идущая въ университетскія средства—но вскорѣ эта плата была вновь доведена до прежней высоты, и студентамъ пришлось вносить въ университетъ вдвое или почти вдвое больше противъ прежняго (около ста рублей, вмѣсто пятидесяти). Оказалось, вдобавокъ, что этимъ путемъ увеличивается, сколько-нибудь замѣтно, содержаніе только нѣкоторыхъ профессоровъ и обезпечивается, сколько-нибудь достаточно, положеніе только немногихъ приватъ-доцентовъ. Старый вопросъ о томъ, какъ помочь *всему* вообще учащему персоналу, остается, такимъ образомъ, въ полной силѣ — и министерство, повидимому, не расположено, покамѣстъ, разрѣшить его въ смыслѣ увеличенія жалованья профессоровъ и назначенія вознагражденія приватъ-доцентамъ изъ средствъ государственнаго казначейства. Рѣчь идетъ, слѣдовательно, не о томъ, чтобы, предоставивъ *всѣмъ* учащимъ въ университетахъ *достаточныя* средства къ жизни, сохранить за *нѣкоторыми* изъ нихъ возможность обогащаться на счетъ гонорара, а о томъ, чтобы, пользуясь наличными условіями, улучшить положеніе большинства, всѣми признаваемое ненормальнымъ. Допустимъ, что жалованье профессоровъ останется нынѣшнее или будетъ увеличено лишь въ незначительной степени; неужели защитникъ „гонорарной системы“ и тогда будетъ стоять за ея неприкосновенность? Неужели, пародируя извѣстное изреченіе: périssent les colonies plutôt qu'un principe, онъ скажетъ: „пускай нуждаются математики и астрономы, менѣе важные для общества, лишь бы только благоденствовали общеполезные анатомы и юристы“?... Замѣтимъ, что мы говорили до сихъ поръ только о той сторонѣ гонорарнаго вопроса, которая касается профессоровъ: не менѣе серьезна другая, относящаяся къ студентамъ и совершенно незатронутая авторомъ разбираемой нами статьи. Мы возвратимся къ ней впослѣдствіи, а теперь остановимся на самомъ „принципѣ“ гонорара.

„Основной нервъ“ дѣйствующей гонорарной системы ея защитникъ видитъ въ томъ, что она представляется формой общественнаго участія въ постановкѣ высшаго образованія. Это было бы до извѣстной степени справедливо, еслибы отъ гонорара зависѣло мѣсто, занимаемое тѣмъ или инымъ предметомъ въ ряду другихъ, число каѳедръ, ему посвященныхъ, число студентовъ, его изучающихъ. Ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ нѣтъ; рамки университетскаго преподаванія опредѣляются закономъ и раздвигаются въ связи съ движеніемъ науки, а не съ запросами общества; послѣдними обусловливается только усиленный приливъ слушателей то къ одному, то къ другому факультету,

ни въ какомъ отношеніи къ способу вознагражденія профессоровъ не состоящій. Строго говоря, гонораръ нельзя даже назвать видомъ *общественнаго* участія въ дѣлѣ высшаго образованія; такой терминъ подходилъ бы къ субсидіямъ, получаемымъ университетами отъ органовъ общественнаго самоуправленія или отъ частныхъ обществъ [1]), но отнюдь не къ денежнымъ взносамъ частныхъ лицъ, все равно, дѣлаются ли они въ видѣ гонорара или въ видѣ общей платы за ученье. Студентовъ-юристовъ или медиковъ больше, чѣмъ студентовъ-филологовъ или математиковъ, вовсе не потому, чтобы *общество* считало первыхъ болѣе для себя полезными и нужными, чѣмъ послѣднихъ, а просто потому, что на первыхъ сильнѣе спросъ, и они скорѣе и легче могутъ найти примѣненіе для своихъ знаній. Еслибы, впрочемъ, изъ *количественнаго* преобладанія, въ общественной жизни, юристовъ и медиковъ надъ математиками и филологами и можно было заключать о *качественномъ* (въ смыслѣ полезности) превосходствѣ однихъ передъ другими, то отсюда вовсе не вытекала бы еще цѣлесообразность и справедливость высшей оплаты труда профессоровъ-медиковъ или юристовъ сравнительно съ трудомъ профессоровъ-филологовъ или математиковъ. Юристъ или медикъ, выбирая профессію, точно такъ же слѣдовалъ своему призванію, какъ и филологъ или астрономъ; ни въ томъ, ни въ другомъ выборѣ нѣтъ ни особой заслуги, ни побѣды надъ какими-либо особыми препятствіями или трудностями, ни отказа отъ какихъ-либо удобствъ или выгодъ—однимъ словомъ, ничего такого, что̀ давало бы право на особое вознагражденіе со стороны общества. Въ одинаковомъ вознагражденіи двухъ профессоровъ, изъ которыхъ одинъ, вслѣдствіе спеціальности своего предмета, имѣетъ передъ собою трехъ или четырехъ слушателей, а другой, вслѣдствіе практическаго характера преподаваемой имъ науки—нѣсколько сотенъ, мы не видимъ рѣшительно ничего страннаго; вѣдь существовала же у насъ такая система болѣе ста лѣтъ, до устава 1884 года, существуетъ же она и теперь въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ гонорара—и противъ нея не возмущалось и не возмущается общественное мнѣніе. „Утонченныя пряности“ знанія введены въ кругъ университетскаго преподаванія не изъ снисхожденія, не въ видѣ уступки, а вслѣдствіе признанія ихъ равноправности съ другими науками. Задача университета заключается не только въ томъ, чтобы дать странѣ достаточное число хорошо подготовленныхъ практическихъ дѣятелей, но и въ томъ, чтобы обезпечить поступательное движеніе науки—*науки* вообще, а не однихъ „общеполезныхъ“ ея отдѣловъ. Съ этой точки зрѣнія про-

[1]) Въ Россіи, если мы не ошибаемся, такія субсидіи существуютъ только въ формѣ стипендій, назначаемыхъ земствами и городами.

фессоръ санскритскаго языка дѣлаетъ дѣло столь же важное для общества, какъ и профессоръ гражданскаго права; „утонченныя прянности" знанія образуютъ, въ сущности, столь же здоровую пищу, какъ и наиболѣе доступные его отдѣлы, одинаково съ ними входя въ составъ великаго цѣлаго. „*Естественной* рентой"—гонораръ, какъ добавочное вознагражденіе профессоровъ „общеполезныхъ" предметовъ, не можетъ считаться уже потому, что происхожденіе его чисто искусственное; онъ призванъ къ жизни государствомъ и имъ же, безъ всякихъ затрудненій, можетъ быть уничтоженъ. Съ „законами общественной жизни" эфемерное явленіе, устранимое въ каждую данную минуту, не имѣетъ, очевидно, ничего общаго.

Столь же мало, какъ различною степенью полезности предметовъ, „гонорарная система" оправдывается и различною степенью дарованія профессоровъ. Замѣтимъ прежде всего, что на практикѣ количество гонорара сплошь и рядомъ не состоитъ ни въ какомъ отношеніи къ даровитости преподавателей, а можетъ оказаться и въ обратномъ къ ней отношеніи. Весьма нерѣдки случаи, когда предметъ, привлекающій наибольшую массу слушателей, преподается посредственно или просто плохо: но онъ занимаетъ господствующее мѣсто среди другихъ, не записаться на него нельзя, читаетъ его только одно лицо, и вотъ гонораръ ростетъ внѣ всякой пропорціи съ достоинствомъ преподаванія. Не всегда мѣняется положеніе дѣла и при конкурренціи между преподавателями: они оба могутъ стоять на одномъ и томъ же не особенно высокомъ уровнѣ, и предпочтеніе одного изъ нихъ передъ другимъ можетъ обусловливаться соображеніями, не имѣющими ничего общаго съ достоинствомъ преподаванія—напр. репутаціею снисходительности на экзаменахъ, которою пользуется одинъ изъ преподающихъ, или вліятельною ролью, которую онъ, по доходящимъ до студентовъ слухамъ, играетъ въ факультетѣ или въ правительственной экзаменаціонной коммиссіи. Возможно, конечно, и другое стеченіе обстоятельствъ: изъ двухъ лицъ, читающихъ одинъ и тотъ же предметъ, одно можетъ обладать выдающимся дарованіемъ и соединять вокругъ себя, именно вслѣдствіе этого, наибольшее число слушателей. Примириться съ высокой цифрой гонорара, выпадающаго на долю такого преподавателя, сравнительно легко (если разсматривать гонораръ только съ точки зрѣнія справедливаго распредѣленія его между учащими)—но это случаи исключительные, на которыхъ нельзя строить цѣлую систему. Аналогія между университетскими преподавателями съ одной стороны, писателями, художниками, актерами, адвокатами—съ другой, вовсе, въ занимающемъ насъ вопросѣ, не такъ велика, какъ кажется автору разбираемой нами статьи. Въ области литературы, искусства, судебной защиты, неравенство возна-

гражденія устанавливается само собою, безъ всякаго властнаго вмѣшательства. Въ основаніи его лежитъ цѣлая система свободныхъ соглашеній: прямо выраженныя соглашенія между издателями и авторами, редакторами и сотрудниками, антрепренерами и артистами, художниками и покупателями ихъ произведеній, тяжущимися и ихъ повѣренными—и безмолвныя соглашенія между публикой и тѣми, которые, если можно такъ выразиться, берутъ на себя снабженіе ея продуктами умственнаго труда (издатели, книгопродавцы, антрепренеры и т. п.). Въ силу этихъ соглашеній наибольшее вознагражденіе достается далеко не всегда наиболѣе даровитымъ, наиболѣе достойнымъ: писатель или живописецъ, угождающій вкусамъ толпы, часто заработываетъ гораздо больше великаго писателя; такъ называемый avocat des mauvaises causes—больше выдающагося судебнаго оратора; но этого нельзя устранить никакою регламентаціей, и неизбѣжному злу по неволѣ приходится подчиниться. Другое дѣло — „гонорарная система“: здѣсь неравенство вознагражденія, въ одной изъ самыхъ несправедливыхъ своихъ формъ, прямо создается и поддерживается государствомъ. Посредственный профессоръ гражданскаго права, если рядомъ съ нимъ нѣтъ даровитаго приватъ-доцента по тому же предмету, получаетъ вдвое больше геніальнаго астронома, исключительно въ силу порядка, искусственно созданнаго и во всякое время подлежащаго измѣненію или отмѣнѣ. Еслибы рѣшающее слово въ вопросѣ о гонорарѣ принадлежало самимъ учащимъ, то меньше всего, думается намъ, затруднились бы подать голосъ противъ него именно наиболѣе даровитые изъ среды профессоровъ, потому что именно для нихъ каѳедра всего чаще дорога сама по себѣ, а не какъ источникъ удобствъ или выгодъ. Съ „борьбою противъ даровитости и авторитетности во имя бездарности и ничтожества“ борьба противъ гонорара не имѣетъ ничего общаго. Отъ уничтоженія „гонорарной системы“ шансы успѣха даровитаго преподавателя не уменьшатся ни на одну іоту; они зависятъ не отъ способа вознагражденія за профессорскій трудъ, а отъ условій университетской и научной дѣятельности, въ свою очередь тѣсно связанныхъ съ общимъ ходомъ государственной и общественной жизни... Замѣтимъ мимоходомъ, что именно на тѣхъ факультетахъ, гдѣ всего выше цифры гонорара, и профессора всего чаще имѣютъ значительные посторонніе заработки: составляемые ими курсы расходятся въ наибольшемъ числѣ экземпляровъ, ихъ статьи сравнительно легко находятъ помѣщеніе въ періодическихъ изданіяхъ. Профессора медицины почти всѣ имѣютъ большую практику; профессорамъ-юристамъ скоро будетъ открытъ доступъ къ адвокатскимъ занятіямъ; многіе изъ нихъ соединяютъ съ

каѳедрой высокое положеніе на государственной службѣ. Еслибы жалованье всѣхъ профессоровъ было удвоено или утроено, а „гонорарная система“ сохранена въ настоящемъ ея видѣ, то кресло профессора-медика или юриста сдѣлалось бы чѣмъ-то въ родѣ кресла директора частнаго банка или желѣзнодорожнаго общества, что̀ едва ли нужно для процвѣтанія русской науки... Что касается до „корпоративныхъ преимуществъ“, о которыхъ говоритъ защитникъ „гонорарной системы“, то процвѣтаніе университета или факультета, насколько оно зависитъ отъ даровитости профессоровъ, одинаково возможно, безъ сомнѣнія, и при сохраненіи гонорара, и при его отмѣнѣ.

Намъ остается разсмотрѣть еще одинъ доводъ въ пользу „гонорарной системы“, по нашему мнѣнію самый серьезный или, точнѣе, единственный серьезный: это—необходимость гонорара для существованія и развитія приватъ-доцентуры. Еслибы такая необходимость была доказана, уничтоженіе „гонорарной системы“, несмотря на всѣ ея неудобства, слѣдовало бы признать нежелательнымъ: приватъ-доцентура, какъ разсадникъ свѣжихъ, молодыхъ силъ, какъ гарантія конкурренціи, поддерживающей энергію и побуждающей къ труду, имѣетъ, безспорно, въ высшей степени важное значеніе. Къ счастію, однако, неразрывной связи между преуспѣяніемъ приватъ-доцентуры и гонораромъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Приведемъ, прежде всего, нѣсколько фактическихъ данныхъ, бросающихъ яркій свѣтъ на эту сторону вопроса. Изъ росписанія лекцій, читаемыхъ, въ продолженіе текущаго полугодія, на юридическомъ факультетѣ спб. университета, видно, что общіе курсы, конкуррирующіе съ такими же профессорскими, объявлены девятью приватъ-доцентами изъ шестнадцати; остальные семь читаютъ или небольшіе спеціальные курсы, или такую часть общаго курса, которая соотвѣтствующимъ профессоромъ въ данное полугодіе не преподается. Между собою петербургскіе приватъ-доценты не конкуррируютъ вовсе. На юридическомъ факультетѣ московскаго университета изъ девяти приватъ-доцентовъ только *двое* читаютъ общіе курсы (по исторіи римскаго права), конкуррируя, притомъ, лишь между собою, такъ какъ профессоръ римскаго права ограничивается, повидимому, изложеніемъ его догмы; всѣ остальные ограничиваются небольшими спеціальными курсами. На юридическомъ факультетѣ кіевскаго университета конкурренціи нѣтъ вовсе; изъ шести приватъ-доцентовъ четверо читаютъ спеціальные курсы, двое—общіе, но по такимъ предметамъ, которыхъ не касаются профессора. На юридическомъ факультетѣ казанскаго университета изъ шести приватъ-доцентовъ общіе курсы читаютъ *пятеро*, но ни одинъ изъ нихъ не конкуррируетъ съ профессоромъ. Конкурренціи между приватъ-доцентами

нѣтъ ни въ Кіевѣ, ни въ Казани [1]). Итакъ, значительныхъ размѣровъ конкурренція приватъ-доцентовъ съ профессорами достигаетъ только въ одномъ петербургскомъ университетѣ. Если, однако, присмотрѣться поближе къ списку петербургскихъ приватъ-доцентовъ, то окажется, что изъ числа девяти лицъ, читающихъ общіе курсы, по меньшей мѣрѣ четверо занимаютъ штатныя мѣста преподавателей въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (военно-юридической академіи, александровскомъ лицеѣ), а одинъ состоитъ на службѣ въ министерствѣ финансовъ; положеніе ихъ (а можетъ быть и нѣкоторыхъ другихъ, о которыхъ у насъ нѣтъ точныхъ свѣденій) обезпечено, такимъ образомъ, помимо гонорара. Есть, затѣмъ, приватъ-доценты, получающіе, за чтеніе общихъ курсовъ, опредѣленное содержаніе; сколько ихъ въ Петербургѣ — мы не знаемъ; но весьма можетъ быть, что и это обстоятельство слѣдуетъ имѣть въ виду при разрѣшеніи вопроса о гонорарѣ. Что касается до спеціальныхъ курсовъ, то они обыкновенно посѣщаются столь слабо или, по крайней мѣрѣ, записываются на нихъ (т.-е. уплачиваютъ гонораръ) столь немногіе, что о серьезномъ значеніи гонорара здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Оказывается, въ концѣ концовъ, что гонораръ — весьма ненадежная точка опоры для развитія института приватъ-доцентовъ, въ особенности какъ силы, конкуррирующей съ профессурою. Вполнѣ возможно замѣнить эту точку опоры другою, болѣе прочною и раціональною, отнюдь не поощряя „непотизмъ, искательство и рутину“. Не установляя никакихъ „неподвижныхъ штатовъ“, можно было бы принять за правило, что каждый приватъ-доцентъ, читающій общій курсъ, получаетъ за то изъ университетскихъ средствъ опредѣленное, соразмѣрное съ числомъ лекцій, вознагражденіе, ростущее, до извѣстнаго предѣла, съ каждымъ годомъ дѣятельности лектора. Такое же вознагражденіе, но въ нѣсколько мѣньшихъ размѣрахъ и только при извѣстныхъ условіяхъ (напр. послѣ двухъ или трехъ полугодій), могло бы быть обезпечено и за приватъ-доцентами, читающими спеціальные курсы. Ни для какого произвола, а слѣдовательно и ни для какихъ заискиваній, при подобномъ порядкѣ не оставалось бы мѣста; никого не обогащая, онъ никого не оставлялъ бы вовсе обездоленнымъ, и для правильнаго роста приватъ-доцентуры обстановка была бы одинаково благопріятна на всѣхъ факультетахъ.

Возвратимся теперь къ вопросу о значеніи гонорара для студентовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ гонораръ уплачивается сверхъ платы за

---

[1]) Объ университетахъ харьковскомъ и новороссійскомъ у насъ нѣтъ подъ руками соотвѣтствующихъ свѣденій; но они едва ли измѣнили бы многое въ общей картинѣ.

ученье, вновь поднятой до прежней высоты, онъ тяготѣетъ на студентахъ тѣмъ болѣе тяжелымъ бременемъ, что не можетъ быть съ нихъ снятъ университетомъ, освобождающимъ бѣднѣйшихъ студентовъ только отъ общей платы за слушаніе лекцій. По удостовѣренію одного изъ профессоровъ, состоящаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, членомъ комитета общества для вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ, комитетъ этого общества выдаетъ пособія преимущественно на уплату гонорара (въ 1896 г. изъ 25 тысячъ рублей—14 тысячъ; другимъ обществомъ на тотъ же предметъ израсходовано 38 тысячъ изъ 65). Часть гонорара, получаемаго профессорами, складывается, такимъ образомъ, изъ суммъ, собираемыхъ благотворительнымъ обществомъ на удовлетвореніе студенческихъ нуждъ; другими словами, чтобы дать студентамъ возможность уплатить гонораръ (за неуплату котораго имъ грозитъ исключеніе изъ университета), общество по необходимости уменьшаетъ выдачи студентамъ, у которыхъ нѣтъ денегъ на квартиру, на платье, на столъ, на учебныя пособія! Ненормальность такого положенія бросается въ глаза; для получающихъ гонораръ оно должно быть еще тягостнѣе, чѣмъ для платящихъ, тѣмъ болѣе, что отдѣльный профессоръ можетъ, конечно, пожертвовать полученную имъ въ видѣ гонорара сумму на надобности студентовъ вообще, но не можетъ возвратить ее именно тѣмъ, которые ее уплатили. Этого одного было бы уже совершенно достаточно для отмѣны „гонорарной системы“, въ томъ видѣ, въ какомъ она теперь существуетъ. Несомнѣннымъ шагомъ впередъ была бы даже перемѣна, предлагаемая министерствомъ народнаго просвѣщенія, т.-е. обращеніе гонорара въ спеціальныя средства университетовъ. Ничто не мѣшало бы тогда включить гонораръ въ составъ общей платы за слушаніе лекцій, отъ взноса которой могутъ быть всецѣло освобождаемы бѣднѣйшіе изъ числа студентовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло бы несправедливое распредѣленіе гонорара, создаваемое нынѣ дѣйствующей системой. Недостигнутыми остались бы, однако, двѣ цѣли: облегченіе учащихся и обезпеченіе учащихъ. Студентамъ, за исключеніемъ самыхъ бѣдныхъ, по прежнему пришлось бы платить въ университетъ, вопреки намѣренію составителей устава 1884 года, высокую для большинства сумму — сто рублей; профессорамъ и приватъ-доцентамъ, особенно въ провинціальныхъ университетахъ, прибавка, обусловливаемая равномѣрнымъ распредѣленіемъ гонорарныхъ суммъ, не дала бы обезпеченія, на которое они имѣютъ нравственное право. Единственное правильное разрѣшеніе вопроса мы видимъ, поэтому, въ совершенной отмѣнѣ гонорара (т.-е. въ уменьшеніи на половину суммы, вносимой студентами за право слушанія лекцій) и въ принятіи на счетъ государственнаго казначейства какъ прибавки къ жалованью профессоровъ, такъ и средствъ,

необходимыхъ для вознагражденія привать-доцентовъ. При настоящемъ положеніи нашихъ финансовъ это представляется вполнѣ осуществимымъ.

Въ только-что разсмотрѣнной нами статьѣ насъ поразило одно мѣсто, не имѣющее никакого отношенія къ вопросу о гонорарѣ. Указавъ на „изумительное оскудѣніе русской исторіи и слушателями, и именами", авторъ объясняетъ его тѣмъ, что притокъ свѣжихъ силъ къ этой наукѣ „жестоко парализуется обязательнымъ по программѣ историко-филологическаго факультета, гдѣ она читается, университетскимъ изученіемъ древнихъ языковъ и классической древности". „Мнѣ извѣстны,—говоритъ онъ,—молодые историки, которые предпочли обходный путь къ своей спеціальности черезъ юридическій факультетъ по каѳедрѣ исторіи русскаго (государственнаго) права и права гражданскаго". Это—фактъ весьма знаменательный, доказывающій еще разъ съ большою наглядностью, какъ ненормально положеніе нашихъ историко-филологическихъ факультетовъ, даже послѣ смягченія правилъ 1885 г., почти вовсе не оставлявшихъ мѣсто для занятія исторіей (кромѣ древней). Общее число учащихся въ историко-филологическихъ факультетахъ и институтахъ продолжаетъ быть весьма незначительнымъ. По словамъ другой статьи „Новаго Времени" (№ 7737), изъ 14.331 студентовъ, числившихся къ 1 января 1894 г. во всѣхъ нашихъ университетахъ, на историко-филологическихъ факультетахъ было только 685, т.-е. 4,7%, при чемъ одни лишь столичные университеты имѣли достаточное число слушателей (с.-петербургскій—175, московскій—258), а въ провинціальныхъ ихъ было отъ 25 (въ казанскомъ университетѣ) до 69 (въ кіевскомъ). Изъ историко-филологическихъ институтовъ въ с.-петербургскомъ числилось 72 слушателя, въ нѣжинскомъ —60. Обученіе всѣхъ этихъ 817 человѣкъ обходилось государству приблизительно въ милліонъ рублей, т.-е. болѣе тысячи рублей на каждаго студента. Авторъ статьи, въ которой приведены эти свѣденія, дѣлаетъ изъ нихъ смѣлый выводъ: онъ предлагаетъ сохранить только оба института и три факультета (въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Кіевѣ), а остальные пять „пустующихъ" факультетовъ (въ Казани, Харьковѣ, Одессѣ, Юрьевѣ и Варшавѣ) закрыть, обративъ освободившіяся черезъ то средства на развитіе техническаго образованія. Онъ думаетъ, что сконцентрированіе лучшихъ ученыхъ силъ въ немногихъ университетахъ и институтахъ „подняло бы духъ преподаванія и внесло бы въ оживившіяся аудиторіи любовь къ классицизму", а оставшіеся за штатомъ профессора могли бы получить мѣсто окружныхъ инспекторовъ и директоровъ гимназій (какъ будто бы для административной

дѣятельности нужны тѣ же качества, что̀ и для ученой!). Само собою разумѣется, что въ такихъ героическихъ средствахъ нѣтъ никакой надобности. Закрытіе нѣсколькихъ историко-филологическихъ факультетовъ нанесло бы тяжелый ударъ университетской жизни и высшему образованію. Безъ каѳедръ философіи, исторіи, языкознанія, литературы университетъ былъ бы точно обезглавленъ; онъ пересталъ бы быть университетомъ въ истинномъ смыслѣ слова и обратился бы въ совокупность спеціальныхъ школъ, мало связанныхъ между собою. Въ наше время меньше чѣмъ когда-либо было бы умѣстно сокращеніе гуманитарнаго образованія, уравновѣшивающаго хоть отчасти ростущую силу матеріальныхъ интересовъ. Развить „любовь къ классицизму“ можно не путемъ „концентраціи“ ученыхъ силъ, а введеніемъ классической филологіи въ такія рамки, въ которыхъ изученіе ея было бы дѣломъ призванія, а не принужденія. Духъ преподаванія поднялся бы самъ собою, еслибы всѣмъ главнымъ предметамъ историко-филологическаго преподаванія было возвращено подобающее имъ мѣсто; явились бы въ достаточномъ числѣ студенты, увеличилось бы число даровитыхъ профессоровъ и привать-доцентовъ. Сила притяженія, свойственная исторіи, философіи, литературѣ, такъ велика, что даже теперь, несмотря на неблагопріятныя условія, не всѣ историко-филологическіе факультеты могутъ пожаловаться на скудость ученыхъ силъ; въ Петербургѣ, напримѣръ, привать-доцентовъ на историко-филологическомъ факультетѣ числится *тридцать пять* (вдвое больше, чѣмъ на юридическомъ), изъ которыхъ только *одинъ* читаетъ курсъ изъ области классической филологіи [1])!.. Закрыть можно было бы развѣ одинъ изъ историко-филологическихъ институтовъ — именно с.-петербургскій, для существованія котораго рядомъ съ историко-филологическимъ факультетомъ с.-петербургскаго университета едва ли есть достаточное основаніе.

3-го октября состоялась закладка памятника М. Н. Муравьеву. Для безпристрастной оцѣнки этого государственнаго человѣка еще не настало время; слишкомъ еще мало измѣнилась обстановка, при которой онъ дѣйствовалъ, слишкомъ еще свѣжо воспоминаніе о событіяхъ, въ которыхъ ему пришлось сыграть выдающуюся роль, слишкомъ много матеріаловъ, къ нимъ относящихся, еще не оглашено во

---

[1]) Значительное число привать-доцентовъ на историко-филологическомъ факультетѣ, гдѣ нѣтъ „обильныхъ гонораровъ“, доказываетъ, между прочимъ, что послѣднее—вовсе не conditio sine qua non для роста привать-доцентуры.

всеобщее свѣденіе [1]). Мы считаемъ возможнымъ сказать нѣсколько словъ не по поводу самаго торжества, происходившаго въ Вильнѣ, а лишь по поводу изумительныхъ комментаріевъ, которые оно вызвало въ нашей „охранительной“ печати. Не отличаясь, вообще, чувствомъ мѣры, она теряетъ послѣдніе его остатки, какъ только ея слуха коснутся особо излюбленныя ею имена—и къ ихъ числу принадлежитъ, рядомъ съ именемъ Каткова, имя М. Н. Муравьева. Для нея перестаетъ существовать исторія, перестаетъ существовать здравый смыслъ, перестаютъ существовать самыя элементарныя приличія. Трудно повѣрить, напримѣръ, что закладка виленскаго памятника послужила для „Московскихъ Вѣдомостей“ предлогомъ къ повторенію требованія, съ которымъ онѣ обращались во время варшавскихъ праздненствъ—требованія „привѣта съ береговъ Вислы“. „Чествовать память Муравьева“—пишетъ московская газета—„поляки могутъ наравнѣ съ русскими, коль скоро они постигли всю преступность и все неразуміе своихъ прежнихъ домогательствъ. Отрезвившись, поляки естественно должны быть признательны тѣмъ, кто содѣйствовалъ ихъ отрезвленію... Графъ М. Н. Муравьевъ принесъ своею дѣятельностью и русскимъ, и полякамъ очевидную пользу. Ну какъ же искренно примирившимся (полякамъ) не воспользоваться такою минутой (т.-е. минутой закладки памятника) для братскаго привѣта“? Само собою разумѣется, что это—шутка, но какая грубая, циническая шутка! Не лучше и серьезныя разсужденія той же газеты, очень безцеремонно обращающейся съ фактами. До назначенія Муравьева въ Вильну дѣйствія власти были „колеблющимися, слабыми“, оставаясь вѣрными „роковой, дряблой и малодушной политикѣ примиренія и ухаживанія за поляками“... Муравьевъ „въ теченіе шести мѣсяцевъ сломилъ мятежъ, уже, казалось, торжествовавшій побѣду“... Онъ былъ призванъ „взять въ свои руки дѣло, считавшееся, даже въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, если не окончательно, то въ значительной степени проиграннымъ“... „Вдохновенныя статьи Каткова и рѣшительныя, мудрыя мѣропріятія Муравьева сразу разсѣяли миражъ польскаго вопроса и дали, наконецъ, князю Горчакову возможность отвѣтить должнымъ образомъ на дерзкія угрозы европейской коалиціи“... „Никто, конечно, осязательнымъ образомъ не можетъ въ точности доказать, какова была бы судьба Россіи, еслибы эта судьба не была вручена въ 1863 г. Муравьеву; но все говоритъ за то, что, не явись

[1]) Въ „Новомъ Времени“ (№ 7759) совершенно правильно указана необходимость изданія сборника распоряженій М. Н. Муравьева, какъ генералъ-губернатора сѣверо-западнаго края.

въ то время Муравьевъ въ Вильнѣ, не только достоинство, но и самая территорія Россіи потерпѣли бы тяжкій уронъ". Муравьевъ былъ посланъ изъ Петербурга лишь для того, чтобы „удержать за Россіей, если возможно, литовскія и бѣлорусскія ея губерніи: польскія же губерніи, весь привислинскій край, считался въ Петербургѣ уже утраченнымъ. Такимъ порученіемъ московское сердце Муравьева удовлетвориться не могло: онъ поставилъ себѣ задачей не уступать врагамъ ни одной пяди русской земли, и сокрушилъ ихъ не только въ предѣлахъ ввѣреннаго ему края, но и въ смежныхъ съ нимъ очагахъ польскаго мятежа, въ кіевскомъ и варшавскомъ генералъ-губернаторствахъ"... Прочитавъ всѣ эти измышленія, невольно задаешься вопросомъ: qui trompe-t-on ici? Событія 1863 года извѣстны многимъ изъ насъ по личнымъ воспоминаніямъ; главныя ихъ черты хорошо знакомы каждому, кому не вовсе чужда исторія недавняго прошлаго. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что еще до времени назначенія Муравьева (1-го мая) какъ внутренняя, такъ и внѣшняя политика нашего правительства, совершенно опредѣлились. Къ подавленію мятежа уже были приняты энергичныя мѣры; въ царствѣ польскомъ главные отряды мятежниковъ были къ тому времени разбиты; въ сѣверо-западномъ краѣ, какъ и въ юго-западномъ, повстанцы и съ самаго начала дѣйствовали только небольшими бандами. Мятежъ нигдѣ не „торжествовалъ" и не былъ близокъ къ торжеству; перевѣсъ силъ былъ, еще до Муравьева, очевидно и всецѣло на сторонѣ правительства. Съ самаго начала было ясно, что безъ какой-нибудь посторонней помощи возстаніе обречено на неудачу; это былъ далеко не 1831-й годъ, когда поляки имѣли правильно организованную армію и вели настоящую войну противъ русскихъ войскъ. Между тѣмъ, никакой *коалиціи* между западно-европейскими державами не существовало; тремя изъ нихъ были заявлены притязанія, аналогичныя по своей основной мысли, но весьма различныя по интенсивности — и рѣшительный отпоръ всѣмъ этимъ притязаніямъ былъ данъ *апрѣльскими* депешами кн. Горчакова недѣли за двѣ до назначенія Муравьева. Итакъ, дѣло сохраненія за Россіей ея западной окраины не считалось, въ концѣ апрѣля 1863 г., ни „окончательно", ни „въ значительной" мѣрѣ потеряннымъ. Никакого „миража" Муравьеву не предстояло разсѣять; никакой серьезной опасности, благодаря мѣрамъ, уже принятымъ со стороны правительства, еще до Муравьева, русская территорія не подвергалась, достоинство же Россіи было вполнѣ охранено отвѣтомъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ. А какимъ образомъ Муравьеву можетъ принадлежать заслуга подавленія мятежа въ юго-западномъ краѣ и въ царствѣ польскомъ, которыми (за

исключеніемъ августовской губерніи) онъ вовсе не управлялъ — это тайна „Москов. Вѣдомостей“; и тамъ, и здѣсь, неуспѣхъ возстанія вытекалъ одинаково неизбѣжно изъ громаднаго неравенства силъ, боровшихся между собою, а также изъ общаго плана центральной власти, рѣшившейся, опять-таки еще до назначенія Муравьева, искать точки опоры въ народной массѣ. Безспорно, предшественникъ Муравьева въ Вильнѣ не отличался энергіей; но вѣдь нельзя сказать того же самаго о прежнихъ генералъ-губернаторахъ сѣверо-западнаго края, временъ императора Николая I—и однако уже при нихъ накоплялись тѣ горючіе матеріалы, которые вспыхнули при Назимовѣ. Съ скрытой агитаціей бороться гораздо труднѣе, чѣмъ съ явнымъ мятежомъ. Муравьевъ зналъ, противъ кого направлять удары; онъ имѣлъ, притомъ, въ своихъ рукахъ могучее орудіе—крестьянъ, не только раскрѣпощенныхъ, но и освобожденныхъ отъ фактическаго гнета, подъ которымъ польскіе помѣщики продолжали держать ихъ и послѣ 19-го февраля 1861 г., а освобожденіе крестьянъ было опять дѣломъ правительства, а не Муравьева. Отмѣчая эту особенность положенія Муравьева, нельзя не перенестись мысленно къ его дѣятельности. Еслибы, въ эпоху подготовки крестьянской реформы и вызванной ею борьбы мнѣній, побѣда осталась за тѣми, на чьей сторонѣ тогда стоялъ Муравьевъ (бывшій тогда министромъ государственныхъ имуществъ), мятежъ 1863 г. засталъ бы Россію страною крѣпостной; не могло бы быть и рѣчи о тѣхъ мѣрахъ, исполненіе которыхъ признается теперь великой заслугой Муравьева. Нельзя уже было бы въ самомъ дѣлѣ освободить крестьянъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ, оставляя крѣпостное право неприкосновеннымъ во всѣхъ другихъ; нельзя было бы также приступить къ общей отмѣнѣ крѣпостного права въ смутное время мятежа и въ виду возможной европейской войны. Если М. Н. Муравьевъ, бывшій защитникомъ крѣпостничества у насъ, явился, два года спустя, проводникомъ мѣропріятій, благопріятныхъ для крестьянъ, то это было съ его стороны лишь приспособленіемъ къ обстоятельствамъ —приспособленіемъ, конечно, весьма благоразумнымъ и полезнымъ, но дающимъ его дѣятельности совершенно иной внутренній смыслъ, чѣмъ послѣдовательная и всегда вѣрная самой себѣ освободительная политика Николая Милютина. Въ царствѣ польскомъ, съ 1864 года, и въ сѣверо-западномъ краѣ, съ 1863 года, крестьянское дѣло велось въ одномъ и томъ же духѣ, но не по однимъ и тѣмъ же мотивамъ — и съ этимъ неизбѣжно должна считаться оцѣнка людей, имъ руководившихъ... Умѣренные, сравнительно, хвалители Муравьева (см. „Новое Время“, № 7759) приглашаютъ видѣть въ виленской его статуѣ только образъ „реформатора, организатора крестьянскаго быта“—но и этому

мѣшаетъ воспоминаніе о М. Н. Муравьевѣ, какъ о министрѣ государственныхъ имуществъ... Прямолинейные панегиристы („Свѣтъ", а за нимъ и „Московскія Вѣдомости") уподобляютъ виленскій памятникъ маяку, необходимому именно тогда, когда на морѣ вѣтрено, темно и пасмурно—маяку, предостереженіе котораго особенно важно для „нашего времени умственнаго оцѣпенѣнія, помраченія и почти полной потери національной гордости". Съ помощью прошедшаго дѣлается, такимъ образомъ, попытка оказать давленіе на настоящее и на будущее. Будемъ надѣяться, что этотъ призывъ къ давно затихшимъ страстямъ прозвучитъ безслѣдно...

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Попечительства о домахъ Трудолюбія и Работныхъ домахъ, состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, о подпискѣ на журналъ „Трудовая Помощь".

Главными задачами журнала „Трудовая помощь" являются: 1) выясненіе идеи и значенія трудовой помощи, какъ одного изъ важнѣйшихъ средствъ раціональной постановки дѣла вспомоществованія бѣднымъ; 2) подробное ознакомленіе съ устройствомъ и дѣятельностью существующихъ домовъ трудолюбія и другихъ учрежденій трудовой помощи; 3) сосредоточеніе всякаго рода свѣдѣній и указаній, могущихъ быть полезными для интересовъ успѣшной постановки дѣла въ существующихъ домахъ трудолюбія и для дальнѣйшаго развитія у насъ учрежденій трудовой помощи; 4) разработка практическихъ вопросовъ, выдвигаемыхъ нуждами домовъ трудолюбія, на основѣ указаній опыта, сообщаемыхъ журналу дѣятелями домовъ трудолюбія; 5) ознакомленіе съ развитіемъ и дѣятельностью учрежденій трудовой помощи въ иностранныхъ государствахъ.

Такимъ образомъ въ программу журнала войдутъ:

1) Узаконенія и распоряженія правительства по вопросамъ общественнаго призрѣнія и благотворительности.

2) Журналы Комитета Попечительства о Домахъ Трудолюбія. Періодическія сообщенія Комитета о положеніи дѣлъ Попечительства, о новыхъ членахъ его, о пожертвованіяхъ и пр. Сообщенія о командировкахъ членовъ Попечительства для осмотра домовъ трудолюбія и результатахъ такихъ командировокъ.

3) Извлеченія изъ отчетовъ отдѣльныхъ домовъ трудолюбія. Сводныя данныя о дѣятельности домовъ трудолюбія.

4) Вопросы и отвѣты по различнымъ сторонамъ устройства и дѣятельности домовъ трудолюбія и другихъ учрежденій трудовой помощи.

5) Статьи и замѣтки по вопросамъ трудовой помощи.

6) Статьи и замѣтки по другимъ отраслямъ общественнаго призрѣнія и благотворительности.

7) Статьи и замѣтки по вопросамъ, соприкасающимся съ общественною благотворительностью.

8) Хроника. Обзоръ дѣятельности земствъ, городовъ, частныхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ въ сферѣ вспомоществованія бѣднымъ, преимущественно въ области трудовой помощи. Извѣстія о возникновеніи новыхъ благотворительныхъ предпріятій, о пожертвованіяхъ и т. д.

9) Иностранный отдѣлъ. Обзоръ иностраннаго законодательства по вопросамъ общественнаго призрѣнія и благотворительности. Хроника дѣятельности иностранныхъ учрежденій трудовой помощи и другихъ предпріятій въ области благотворительности.

10) Литературное обозрѣніе (русскія и иностранныя книги, брошюры и періодическія изданія).

Въ случаѣ надобности, въ видѣ особыхъ приложеній къ журналу, будутъ печататься оригинальные и переводные труды по предметамъ, входящимъ въ программу журнала.

Первая книга журнала выйдетъ въ свѣтъ въ ноябрѣ 1897 года. Журналъ будетъ выходить, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами около 7 листовъ. Въ теченіе перваго подписного года будетъ издано двѣнадцать книгъ—двѣ (ноябрь и декабрь) въ 1897 г. и десять книгъ въ 1898 г. Подписная плата—три рубля въ годъ (по январь 1899 г.) съ доставкою и пересылкою. За границу—пять рублей. Отдѣльныя книги журнала будутъ продаваться по 50 коп. Цѣна книгъ съ приложеніями будетъ назначаться особо, въ зависимости отъ размѣра приложеній. Для лицъ, состоящихъ на службѣ въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, при подпискѣ на журналъ чрезъ казначеевъ, а для прочихъ подписчиковъ при подпискѣ чрезъ Контору журнала—допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ уплачивается 1 руб. 50 коп., остальная же сумма вносится ежемѣсячными платежами по 50 коп. каждый разъ.

Подписка принимается: 1) въ С.-Петербургѣ—1) въ Конторѣ журнала „Трудовая помощь“, при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Цинзерлинга, быв. Мелье и К° (Невскій, 20, у Полицейскаго моста, 2) въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина (Невскій, 38), М. М. Стасюлевича (Вас. Остр. 5 лин., 28), Н. П. Карбасникова (Литейный, 46), фирмы „Издатель“ (Невскій, 68); 2) въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина (Неглинный проѣздъ) и Н. П. Карбасникова (Моховая, противъ Университета). Иногородные и заграничные подписчики обращаются въ Контору журнала (книжный магазинъ Цинзерлинга, Невскій, 20).

Адресъ редакціи—С.-Петербургъ, Инженерная ул., д. 4. Редакція для личныхъ объясненій открыта по вторникамъ и субботамъ отъ 3 до

5 час. д. Рукописи статей, замѣтокъ, сообщеній и пр. должны быть направляемы исключительно въ редакцію. Объявленія для напечатанія въ журналѣ оплачиваются по разсчету 16 руб. за страницу и 50 коп. за строку.—Книжные магазины за доставляемыя ими объявленія пользуются уступкою въ размѣрѣ 10%.—Редакторъ журнала „Трудовая Помощь“: Владиміръ Ѳедоровичъ Дерюжинскій.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Исторія русской литературы въ четырехъ томахъ, А. Н. Пыпина. Т. I: Древняя письменность. Спб. 98. Стр. 484. Ц. 3 р.

По отношенію къ нашей древней письменности, авторъ,—оставаясь при убѣжденіи, что содержаніе и методъ вообще исторіи литературы, какъ науки, составляютъ пока „исковое", и вполнѣ правильное ея построеніе еще не достигнуто нигдѣ,—полагаетъ, что изложеніе исторіи русской литературы представляетъ, въ древнемъ ея періодѣ, еще свои особенности, ей одной свойственныя. Главная особенность состоитъ въ томъ, что она не имѣетъ точно установленной хронологіи для своего матеріала, а потому авторъ въ своемъ изложеніи древняго періода исторіи русской литературы долженъ былъ слѣдовать не строго хронологическому порядку, а однородности памятниковъ, хотя бы и разновременныхъ по ихъ происхожденію, и остановился особо на „сборныхъ" трудахъ московской эпохи, каковы: Степенная книга, Хронографъ, Четіи-Минеи и т. п. Кромѣ того, авторъ не поставилъ народной поэзіи, какъ то обыкновенно дѣлалось, во главѣ всей исторіи русской литературы, въ виду того, что нашу народную поэзію мы знаемъ почти только въ новѣйшей ея формѣ, трудъ же выдѣленія въ ней древняго изъ новѣйшаго едва только начинается. Съ отдѣльными очерками изъ вышедшаго нынѣ перваго тома наши читатели отчасти знакомы, такъ какъ они являлись въ журналѣ въ теченіе послѣднихъ четырехъ или пяти лѣтъ; теперь же эти очерки представляются не только въ систематическомъ изложеніи, но и въ новой переработкѣ, съ значительными дополненіями, и, кромѣ того, снабжены библіографическими примѣчаніями.

Историческое Обозрѣніе, Сборникъ Историческаго Общества при Имп. Спб. университетѣ, издан. п. р. Н. И. Карѣева. 1897 г. Т. IX. Спб. 97. Стр. 290. Ц. 1 р. 50 к.

Въ составъ новаго выпуска „Историческаго Обозрѣнія" вошли изслѣдованія какъ по всеобщей, такъ и по отечественной исторіи. Къ числу первыхъ относятся три статьи: о современномъ состояніи египтологіи; аграрный строй Пруссіи въ половинѣ XVIII вѣка, и средневѣковыя западно-европейскія повѣсти въ русской и славянскихъ литературахъ; двѣ статьи: одна—по русской исторіи—касается населенія городовъ въ Новгородской области, въ XVI в.; въ другой —излагается исторія общественныхъ теченій въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в.—изслѣдованіе В. И. Семевскаго.

Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. Литературно-научный сборникъ. Съ 4-мя рисунками И. К. Айвазовскаго, заставками В. Я. Суреньянца, автографами и 160 портретами и иллюстраціями въ текстѣ. Москва, 1897. Стр. 58+752+128.

Независимо отъ своей благотворительной цѣли, заслуживающей всякаго сочувствія, этотъ роскошно напечатанный литературно-научный сборникъ, почти въ тысячу страницъ, съ массою иллюстрацій, портретовъ и автографовъ, долженъ обратить на себя общее вниманіе читающей публики по богатству и разнообразію своего содержанія. Въ сборникѣ помѣщены, между прочимъ, статьи: проф. А. Н. Веселовскаго, П. Н. Милюкова, М. М. Ковалевскаго, В. Д. Спасовича, Н. И. Стороженка, И. Р. Тарханова, К. А. Тимирязева, Ф. Е. Корша, гр. А. Коваровскаго, Гр. А. Джаншіева, нѣсколько писемъ Бѣлинскаго, Герцена и Салтыкова, воспоминанія Н. А. Бѣлоголоваго (о гр. Лорисъ-Меликовѣ), Н. Н. Златовратскаго, В. В. Верещагина, стихотворенія К. Р., А. М. Жемчужникова, К. Д. Бальмонта, кн. Э. Э. Ухтомскаго, очерки и разсказы В. Г. Короленка, Мамина-Сибиряка, Баранцевича и многихъ другихъ. Въ небольшомъ первомъ отдѣлѣ, имѣющемъ характеръ введенія, напечатаны статьи, представляющія отношеніе къ помощи армянскимъ сиротамъ и переселенцамъ; заключительная часть книги содержитъ въ себѣ потрясающій обзоръ турецкихъ звѣрствъ и насилій надъ армянами за послѣдніе три года, по свидѣтельствамъ очевидцевъ и по даннымъ дипломатическихъ документовъ. Точныя свѣдѣнія, собранныя представителями великихъ державъ и провѣренныя на мѣстѣ, даютъ слѣдующія цифры: убито армянъ въ Малой Азіи до начала 1896 года—37.085, разорено домовъ 39.749, насильственно обращено въ магометанство — 40.950, пущено по міру — 290.300. Эти цифры говорятъ сами за себя; онѣ опредѣляютъ объемъ тѣхъ бѣдствій, для облегченія которыхъ русское общество призывается къ посильной матеріальной помощи. Успѣхъ изданнаго нынѣ сборника является во всѣхъ отношеніяхъ добрымъ дѣломъ.

Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ, А. Г. Тимофеева. Спб. 97. Стр. 227. Ц. 1 р. 50 к.

Предпославъ въ особомъ отдѣлѣ изложеніе общихъ условій развитія и вымиранія тѣлесныхъ наказаній въ западно-европейскомъ правѣ, авторъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ представляетъ исторію того же предмета въ Россіи, и въ заключеніе перечисляетъ всѣ жестокіе виды тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ, практиковавшіеся до настоящаго времени и оставшіеся узаконенными и до сихъ поръ. Мимоходомъ авторъ касается (стр. 219) розогъ, какъ „принадлежности школьнаго обученія", и приводитъ краткій очеркъ употребленія ихъ за послѣдніе сто лѣтъ.

Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи, сравнительно съ другими государствами, Д. Д. Морева. Изд. 5-е, исправл. по новѣйш. свѣдѣніямъ. Спб. 97. Стр. 332. Ц. 2 р.

Настоящій очеркъ предназначается служить учебникомъ по упомянутымъ предметамъ въ коммерческихъ и реальныхъ училищахъ. Въ первомъ его отдѣлѣ разсматриваются пути сообщенія и средства сношеній, а во второмъ—помѣщенъ краткій обзоръ промышленности и торговли въ Россіи. Краткость очерка дѣлаетъ его полезнымъ и внѣ школы, для каждаго, кто желаетъ имѣть общія свѣдѣнія о положеніи у насъ того или другого промысла, или предмета торговли, какъ внутренней, такъ и внѣшней.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

ВЪ 1898 Г.

(Тридцать-третій годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . . . 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 85 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою. . . . . 16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . 17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . . . 19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Принимается подписка на годъ, первое полугодіе и первую четверть 1898 г.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Циндерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ:* 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха; и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — *Иногородные* и *иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются

ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., и иногородніе, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА: Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

DEC 23 1897
MASS.

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-

ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ.—КНИГА 12-я.

ДЕКАБРЬ, 1897.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1897.

Стр.

I.—ЭКЗОТИКИ.—Романъ въ трехъ частяхъ. — Часть третья. — Окончаніе.— **Гр. Евг. А. Салиаса.** 465

II.—ТОБОЛЬСКАЯ ГУБЕРНІЯ ВЪ ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ. — Матеріалы для біографіи В. А. Арцимовича, за время управленія его тобольскою губерніею (1854—58 гг.).—II.—Окончаніе.—**Ск—евъ**. 571

III.—ИЗЪ Ш. БОДЕЛЭРА.—Spleen et Idéal.—I-IV.—**О. Н. Михайловой** . . . 593

IV.—НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ЯЗЫКОВЪ. — 1803-1846 гг.—Біографическій очеркъ.—Окончаніе.—**В. И. Шенрока** 597

V.—ДВА БЕРЕГА.—Les deux Rives, roman par Fern. Vandérem.—XIX-XXVIII.—Окончаніе.—Перев. **А. Б—г—** 652

VI.—НОВАЯ КНИГА О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ. Pierre le Grand, par K. Waliszewski.—**А. Н. Пыпина** 710

VII.—ИЗЪ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.—Стих. **А. М. Жемчужникова** 754

VIII.—КАПИТАЛИЗМЪ ВЪ РОССІИ.—I.-III.—**Л. З. Слонимскаго** 756

IX.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Оффиціальныя свѣдѣнія о неурожаѣ.—Проповѣдь недовѣрія къ земству.—„Страшныя слова", возводимыя на степень аргументовъ.—Своеобразная охрана народной нравственности.—Земство и до-реформенные порядки.—Вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій на западной окраинѣ имперіи.—Губернаторскій протестъ противъ земской адвокатуры.—Податные инспектора въ уѣздномъ съѣздѣ.—„Деревенская безопасность" возвращена тому назадъ и теперь 778

X.—О СЕРЕБРѢ.—Письмо въ Редакцію.—**П. А. Тверского** 800

XI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Парламентскій кризисъ въ Австріи и отставка министерства Бадени.—Австрійскіе политическіе вопросы и конфликты.—Рѣчь графа Голуховскаго.—Внутреннія дѣла во Франціи: дѣло Дрейфуса-Эстергази.—Странныя увлеченія французской печати 806

XII.—ОСНОВАНІЕ УНИВЕРСИТЕТА ВЪ ПЕКИНѢ, и реальныхъ гимназій въ разныхъ провинціяхъ Китая.—Письмо изъ Пекина.—**П. С. Попова.** . 818

XIII.—ДВАДЦАТЬ-ПЯТЬ ЛѢТЪ СОЦІАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ. Письмо изъ Германіи—**Г. В. Іоллоса.** 827

XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—А. Осиповичъ, Собраніе сочиненій.—**Т.**—Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ, С. А. Венгерова. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ, П. Ровинскаго, т. II, ч. I.—**А. П.**—Новыя книги и брошюры. 847

XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. A. Symons. Studies in two literatures.—II.—M. Barrès. Les Déracinés.—**З. В.** 868

XVI.—ПИСЬМО М. М. СТАСЮЛЕВИЧА въ Городскую Коммиссію по народному образованію 881

XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Вопросъ о вѣротерпимости и „С.-Петербургскія Вѣдомости", — Ст. 39 устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій.—Газета „Свѣтъ" и инославческія церкви.—Нѣсколько словъ о духоборахъ.—Новыя открытія „Московскихъ Вѣдомостей".—Крестьяне и земская школа.—Инцидентъ въ уржумскомъ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ.—К. К. Гротъ † 884

XVIII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Спб. Общества „Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ". 899

XIX.—МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.—„Вѣстникъ Европы", въ 1897 г. 901

XX.—АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей въ „Вѣстникѣ Европы", за 1897 г. 905

XXI.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества, т. 99 и 100.—Экономическая исторія Англіи, Дж. Эшли.—Исторія Греціи, т. I, Ю. Белоха.—Общепонятное законовѣдѣніе, Н. П. Дружинина.

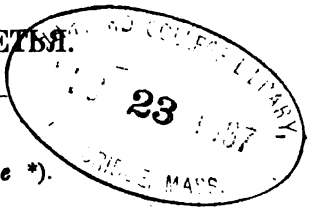
XXII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; 1-XXII стр.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1898 года.
(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ЭКЗОТИКИ

Романъ въ трехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.



Окончаніе *).

I.

Прошло около полугода. Было лѣто.

Главная резиденція, или излюбленное мѣсто сборища новыхъ номадовъ, кочевниковъ fin de siècle—Парижъ,—отчасти опустѣла. Первый подающій примѣръ бѣгства—экзотическій высшій кругъ давно исчезъ, и если не разъѣхался по своимъ родинамъ, за деньгами, за устройствомъ подпорокъ и заплатъ въ своихъ имущественныхъ дѣлахъ, то весело разсыпался по разнымъ красивымъ и живописнымъ мѣстечкамъ Европы, на водахъ и купаньяхъ. И здѣсь, всюду, въ каждомъ уютномъ и благодатномъ уголкѣ, среди патріархально-простыхъ и богобоязненныхъ аборигеновъ, временно основался свой новый кружокъ экзотиковъ, смѣлый, пестрый и... сомнительный.

Да, эта новая „интернаціоналка“—своеобразное явленіе, но и знаменіе времени. Но что̀ это? Могикане, эпигоны,—или піонеры, редтечи?.. Эта интернаціоналка, блестящая, обезпеченная, жизнерадостная, легкомысленная, не дѣлаетъ заговоровъ противъ правительствъ, не подкапывается подъ устои какого-либо государ-

*) См. выше: ноябрь, стр. 41.

ственнаго строя, и никакая въ мірѣ власть предержащая—ею не озабочена, ибо ею не смущена. Она благодушно, безсознательно, но дружно подрываетъ основы только нравственности, религіи, семьи... И особенно легкая на подъемъ въ снованіи по Европѣ, она еще болѣе легка на подъемъ въ мірѣ принциповъ, вѣрованій и традицій. И она почти не виновна, „не вѣдаетъ бо что̀ творитъ“.

— Новые калмыки? Нѣтъ! Хуже!—восклицаетъ Рудокоповъ по праву.—Калмыки кочуютъ съ своими кибитками. А эти и безъ кибитокъ!

Да. Кибитка творитъ эпигоновъ, въ ней—наслѣдіе, въ ней—все, что̀ осталось отъ отцовъ и дѣдовъ и что̀ хранится и охраняется свято и любовно. Но экзотикъ, „легкій на подъемъ“, порѣшилъ эту тяжелую кибитку за собой не таскать.

Въ числѣ другихъ семействъ, зимующихъ въ Парижѣ и уѣзжающихъ лѣтомъ, былъ и русскій сановникъ Владиміръ Ивановичъ Дубовскій съ племянницей. Эми, вполнѣ оправившаяся послѣ нервной болѣзни, къ веснѣ была отправлена докторами на югъ и на берегъ моря.

Владиміръ Ивановичъ поселился съ племянницей въ Ниццѣ, но часто отлучался по своимъ дѣламъ въ Парижъ и, наконецъ, собрался въ Россію. За это время, вторую половину зимы и весной, Дубовскій сталъ еще дѣятельнѣе, т.-е. подвижнѣе. Онъ вдругъ близко сошелся съ человѣкомъ, котораго прежде не любилъ и даже избѣгалъ. Еще недавно звалъ онъ его по фамиліи: „Чортъ его душу знаетъ!“—данной Рудокоповымъ. Теперь же онъ постоянно съ нимъ видался и ему услуживалъ на особый ладъ, удивляясь, какими пустяками интересуется этотъ новый пріятель—Егоръ Егоровичъ Гастингсъ-Машоновъ.

Дубовскій, по его просьбѣ, переносилъ ему всякія розсказни, болтовню въ обществѣ, сплетни, иногда нарочно знакомился съ вновь прибывающими русскими, сѣренькими, неинтересными, разузнавалъ и вывѣдывалъ всякіе пустяки и—передавалъ. Раза два или три Машоновъ за какой-то вздоръ горячо благодарилъ Дубовскаго. Однажды сановникъ не-у-дѣлъ вдругъ взялъ на себя какую-то статейку въ какой-то парижской газетѣ, о чемъ-то трактовавшей, и заявилъ, что авторъ—онъ... Въ другой разъ сановникъ собственноручно написалъ и подписалъ письмо—не зная, къ кому,—гдѣ была завѣдомая ложь... Но дѣло шло опять-таки о пустякахъ... О какихъ-то цюрихскихъ студентахъ или студенткахъ. Новыхъ пріятелей создало особое обстоятельство или, вѣрнѣе, обѣщаніе взаимопомощи. Одинъ обѣщалъ чрезъ своихъ друзей

въ парламентѣ „достать“ пріятелю „почетный легіонъ“. А другой обѣщалъ, въ отплату, при своихъ связяхъ, достать „Владиміра“. Но одинъ зналъ, что̀ дѣлаетъ, а другой и не вѣдалъ. Дубовскій не могъ сообразить, что въ Парижѣ высшая власть была освѣдомлена, что̀ такое monsieur de Machonoff, и равно не догадывался, что по рекомендаціи его если и можно попасть въ легіонъ, то никакъ не въ почетный... Равно не вѣдалъ Владиміръ Ивановичъ, что и на берегахъ Невы соотвѣтствующая власть давно рѣшила „Егорамъ Егоровичамъ“ крупныхъ отличій не давать, но за то денежныхъ наградъ не жалѣть... Сколько влѣзетъ!..

Когда Дубовскій собрался, въ маѣ, въ Россію, на мѣсяцъ, то возникъ вопросъ, на кого оставить племянницу, подъ чьимъ покровительствомъ.

Дѣло рѣшилось просто. Ближайшій другъ, женщина, нѣжно интересовавшаяся Эми Скритицыной за все время ея болѣзни,— предложила свои услуги. Это была баронесса Юлія Герцлихъ, жившая теперь уже на очень широкую ногу, ведшая grand train, благодаря состоянію мужа.

Баронесса была въ Парижѣ, но собиралась сдѣлать кругъ по Пиринеямъ и окончить сезонъ въ Біаррицѣ. Она обрадовалась взять Эми подъ свое покровительство, а молодая дѣвушка съ своей стороны была даже счастлива. Теперь она любила баронессу за прошлое. Съ ней, болѣе чѣмъ съ кѣмъ-либо, могла она бесѣдовать о своемъ дорогомъ прошломъ. И бесѣдовать искренно, по душѣ. А для Эми теперь оставалось отъ всего только одно— вспоминать, жить воспоминаніями.

Довольно большое общество, въ которомъ было одно французское семейство и одно англійское, образовалось съ цѣлью сдѣлать въ экипажахъ турнэ по всѣмъ маленькимъ мѣстечкамъ Пиринеевъ... Баронесса Герцлихъ съ дочерью и съ Эми примкнула тоже... Съ ними двинулся и Гастингсъ-Машоновъ, и семья Простаковыхъ, и Гастонъ д'Ульгатъ, или Дюкло...

Путешествіе туристское началось съ Монрежò въ Люшонъ. Но именно здѣсь-то, въ началѣ турнэ, общество и застряло, а затѣмъ распалось... Почти всѣ вскорѣ двинулись далѣе, а баронесса Герцлихъ, ея дочь и Скритицына, отправившіяся не столько за тѣмъ, чтобы любоваться природой, сколько за тѣмъ, чтобы провести пріятно время, пожелали отдохнуть тотчасъ же, на этомъ первомъ же пунктѣ своего кругового путешествія. Застрять въ Люшонѣ было немудрено. Въ особенности такой отчасти легкомысленной женщинѣ, какъ баронесса. Здѣсь было весело, бурно, шумно. Здѣсь, какъ и всякій годъ, были почти всѣ звѣзды па-

рижскаго полусвѣта, своего рода знаменитости, а вмѣстѣ съ ними было много извѣстныхъ парижскихъ актрисъ, изъ тѣхъ, что славятся своей игрой и на подмосткахъ, и безъ сцены, просто въ жизни.

По милости этихъ звѣздъ, звѣздочекъ, а равно и первыхъ сюжетовъ съ разныхъ парижскихъ сценъ, въ Люшонѣ была масса молодыхъ и пожилыхъ людей, французовъ и „экзотиковъ".

Всему этому бойкому и „легкому" обществу было здѣсь привольнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Въ томъ же Парижѣ существуютъ грани, тогда какъ здѣсь не было никакихъ. Здѣсь самая отчаянная женщина, о двухъ головахъ, не стѣсняясь, пила воды, гуляла по бульвару и по сосѣднимъ горнымъ тропинкамъ, кушала мороженое въ кафе́ или сидѣла въ креслахъ театра Казино, рядомъ съ молоденькими дѣвушками какой-нибудь русской или испанской семьи, съ птенцами, только впервые выпорхнувшими изъ гнѣзда. Забубенной головѣ изъ „Casino de Paris", или съ подмостковъ Variétés, было лестно и забавно пробыть мѣсяцъ между такими цыплятами и заткнуть за поясъ ихъ мамашу или ихъ старшую замужнюю сестру своими туалетами и брильянтами.

Молодыя женщины всякихъ національностей, а равно и эти птенцы, прямо выпорхнувшіе изъ гнѣздъ, присматривались, приглядывались къ этимъ звѣздамъ. Съ начала онѣ конфузились, смущались отъ близости „этихъ дамъ", отъ ихъ диктаторскихъ замашекъ, ихъ рѣчей, ихъ взглядовъ. А затѣмъ понемногу онѣ привыкали и начинали имъ подражать, а иныя даже—почемъ знать—въ тайнѣ завидовать.

Вагонъ, гостинница и курортъ—вотъ, увы, новые роковые воспитатели дѣтей... не однихъ лишь экзотиковъ!

Отличительная черта всѣхъ этихъ люшонскихъ звѣздъ была, конечно, та, что каждая изъ нихъ казалась какой-нибудь эксъ-императрицей или, по крайней мѣрѣ, милліонершей. Всѣ онѣ смотрѣли кругомъ себя настолько черезъ плечо, и на мужчинъ, и на женщинъ, что иногда чудилось, будто онѣ стѣсняются и стыдятся, въ какое неподходящее общество попали. Ни одна женщина изъ семьи монарховъ никогда не станетъ озираться такъ, какъ обыкновенно озираются на всѣхъ „ces dames".

Разумѣется, этимъ высокомѣріемъ и надменностью онѣ мстятъ за тѣ взгляды, которыми ихъ встрѣчаютъ и провожаютъ порядочныя женщины.

Эми пугливо смотрѣла на этихъ женщинъ, боялась ихъ, сама, конечно, не понимая—почему... Бѣдная Эми не могла предугадать... Но она могла предчувствовать...

Въ этой обстановкѣ, въ Люшонѣ, она, разумѣется, не жила нормально, а прозябала, но все-таки забывалась, и ей было легче.

А жилось ей теперь трудно, мудрено...

Полюбить, собираться выйти замужъ, рѣшиться тайно бѣжать, чтобы вѣнчаться... Очутиться за два шага отъ этого брака—и остановиться!.. На время! Потому что это всегда успѣется! Затѣмъ, чрезъ свое слабоволіе, потерять того, кого любишь—убитымъ... И все это пережить въ девятнадцать лѣтъ?.. Вдругъ, сразу... Подобное не проходитъ даромъ.

Въ чужомъ краю акклиматизированная „Эми“, но все-таки русская Любочка, съ простымъ, не горячимъ, а теплымъ сердцемъ, была раздавлена своей собственной участью, судьбой. Это была ея первая любовь. А любовь такъ именуемая всегда одно изъ двухъ... Или это милый жизненный анекдотъ, à l'eau de rose, оставляющій на всю жизнь воспоминаніе, что были:

Шопотъ, робкое дыханье...
Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица...
И лобзанія, и слезы,
И заря! заря!

Заря новаго дня, новой жизни, которая вытѣсняетъ изъ памяти волшебное лицо, стираетъ поцѣлуи и осушаетъ слезы.

Или же это первая любовь—и послѣдняя. Сердце ожило, жило и умерло. И ему не воскреснуть. Это—участь тысячей Ромео и Джульетъ, не рѣдкихъ и въ нашъ вѣкъ. Чаще это—нравственное самоубійство.

Эми была увѣрена, что отжила. Второй разъ она не полюбитъ. Вѣдь она по неволѣ всякаго ровняетъ съ нимъ. А онъ „оттуда“ смотритъ на нее съ такимъ свѣтлымъ ликомъ, что гдѣ же кому-либо сравняться съ нимъ „здѣсь“!

Долго проболѣвъ, хотя собственно „органическаго разстройства“, какъ говорили доктора, у нея не было никакого, Эми поднялась, стала на ноги и грустно оглянулась на окружающее... Чего-то въ этомъ Божьемъ мірѣ не хватало... Небо и солнце, природа и люди, суета, радости и горести толпы—все было попрежнему, но все это потеряло смыслъ, краски и звукъ... Все было пошло, нѣмо, сѣро... И Эми изъ свѣтской безпечной дѣвушки стала дѣвушкой тихой, разсудительной и вѣчно смотрящей куда-то чрезъ головы людей—или въ небо иного міра, или въ свое собственное пережитое, минувшее и канувшее на вѣки куда-то.

Одно сказывалось въ ней ясно, сильно, жгуче... раскаяніе! Тяжелое, гнетущее и самое ядовитое чувство изъ всѣхъ, не удаляющееся отъ времени, а будто ростущее... Чувство невозможности кого-либо или что-либо обвинить.

Виновата она сама. И что же она сдѣлала?

Погубить любимаго человѣка и разбить свою жизнь... Изъ-за чего? Изъ-за нерѣшительности, изъ-за желанія соблюсти нѣчто безсмысленное, выдуманное людьми. Условные законы приличія... А что такое эти выдумки, свѣтскія формы соблюденія правилъ общежитія сравнительно съ тяжкимъ несчастіемъ испортить свою жизнь?! Вѣдь послѣ ея бѣгства и тайнаго вѣнчанія она явилась бы въ то же общество въ качествѣ законной жены избраннаго ею... И онъ былъ бы живъ теперь, и они, двое, были бы счастливы... А „они“ теперь цѣнятъ ли ея жертву, имъ принесенную?.. Нѣтъ! Это до нихъ не касается... Наше счастье до нихъ касается... Они шумятъ и на насъ бросаются. А до нашего горя имъ дѣла нѣтъ. Они шумятъ и идутъ мимо...

И Эми горячо полюбила теперь добрую и умную баронессу, полюбила за то, что она когда-то была противъ ея слабоволія. Она всячески мѣшала ей разбить свою жизнь и помогала стать счастливой.

II.

Въ Люшонѣ вдругъ невольно всѣ замѣтили въ баронессѣ какую-то большую и странную перемѣну. Она, вѣчно довольная, свѣтски-беззаботная, болтливая и смѣющаяся, стала пасмурна, задумчива, подчасъ тревожна. Иногда она такъ грустно глядѣла, что Эми пугалась за нее... На всѣ вопросы баронесса отвѣчала дѣвушкѣ, что ей это кажется... И Эми вѣрила... Она только чуяла, но не видѣла и не понимала, что около нея начинается драма... И драма ужаснѣе ея собственной.

Съ баронессой вдругъ произошло нѣчто, смутившее ее настолько, что она, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни потеряла голову... Она, лишь свѣтски-легкомысленная, но въ жизни разсудительная, практическая женщина, уже въ двадцать лѣтъ владѣвшая собой и гордившаяся силой воли, теперь, подъ-сорокъ лѣтъ, чувствовала, что окончательно теряетъ самообладаніе, готова сдѣлать то, надъ чѣмъ всегда подсмѣивалась всю жизнь, готова идти просить совѣта у кого бы то ни было, готова бѣжать исповѣдаться.

Случилось внезапно въ Боньерѣ нѣчто очень простое, а вмѣстѣ съ тѣмъ невѣроятное, пагубное... Оно казалось, однако, баронессѣ долженствовавшимъ случиться, совершенно естественнымъ. Ей казалось, что она будто предвидѣла и предчувствовала это. Обращаясь мысленно назадъ на свое прошлое, она приходила къ убѣжденію, что теперешнее роковое сочетаніе обстоятельствъ—прямой результатъ всего ея существованія. Да! Это ужасно, но это такъ и должно было случиться.

Въ Люшонѣ неожиданно появился графъ Загурскій. Спортсменъ на всѣ руки, онъ теперь подержалъ пари, что выѣдетъ на велосипедѣ на Pic du Midi.

Пріѣхавъ, онъ тотчасъ же явился повидать друзей, баронессу Герцлихъ и Скритицыну. Молодая дѣвушка въ началѣ не могла превозмочь себя и равнодушно видѣть графа, убившаго человѣка ей дорогого. Она сказалась больной и два раза просидѣла у себя въ комнатѣ. Но Загурскій не уѣзжалъ, сталъ бывать у баронессы всякій день, и все откладывалъ свою поѣздку. Эми повидалась съ нимъ и мысленно простила его. Не онъ, а она вѣдь виновата во всемъ.

Баронесса была почти счастлива. Какъ и всѣ женщины ихъ круга, она давно милостиво, пристрастно относилась къ графу, а за послѣдній годъ была сильно увлечена имъ. Трудно было женщинѣ, даже и пожилой, относиться къ нему безразлично и холодно. Его крайне элегантная внѣшность и манера быть съ женщинами были неотразимы. Но этого мало. Баронессѣ, жизнь которой прошла такой сѣрой, представлялось, что изъ всѣхъ мужчинъ, которыхъ она встрѣчала, Загурскій—единственный человѣкъ, въ котораго она прежде, будучи моложе, могла бы влюбиться до безумія. Теперь же было поздно. Подъ-сорокъ лѣтъ!

„Да. Поздно“!—разсуждала она и обманывала себя.

Это увлеченіе, однако, не переходило извѣстныхъ границъ. Не переходило только потому, что онъ относился къ ней, какъ и ко всѣмъ женщинамъ ея лѣтъ—дружески-почтительно.

Какъ бы долго вечеромъ ни засидѣлся у нея графъ, глазъ-на-глазъ, какъ бы ни любезничалъ, увѣряя ее, что она „ясная, тихая осень“, что она въ ея годы много изящнѣе и прелестнѣе многихъ молодыхъ дѣвушекъ двадцати лѣтъ, баронесса видѣла или чувствовала по его взгляду, его голосу, что это не комплименты, что это правда, но что „все-таки“ она для него не женщина, а добрый пріятель.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Загурскій былъ самый непостоянный человѣкъ, какого только можно встрѣтить. На ея глазахъ сходился и

расходился онъ съ женщинами ихъ же среды, и увлеченья его слѣдовали одно за другимъ.

Она часто упрекала его въ этомъ, называя его „mangeur de coeurs“. Загурскій отвѣчалъ шуткой, что эти сердца „ne valent pas plus que les rognons de veau“, которые онъ тоже очень любитъ.

И баронесса, будучи давно сильно увлечена Загурскимъ, за послѣднее время была почти юношески влюблена въ него. Но она будто не хотѣла сознаться въ этомъ даже самой себѣ...

Она заставляла себя и, наконецъ, даже будто привыкла пріятельски относиться къ молодому человѣку, даже стала помогать ему въ его романическихъ приключеніяхъ. Но съ перваго дня знакомства ихъ и до послѣдняго дня въ этихъ отношеніяхъ со стороны баронессы всегда незаглушимо звучало что-то... И звучавшее было диссонансомъ. Она все чаще убѣждала и увѣряла себя, что въ ея годы даже простое увлеченіе, не только любовь, было бы безумствомъ... И одновременно она постоянно продолжала думать и продолжала говорить себѣ, что графъ—единственный человѣкъ на свѣтѣ, которому отдалась бы она и душой, и разумомъ беззавѣтно. И прежде, въ молодости, да, можетъ быть, и теперь...

Это было бы безсмысленно, безразсудно!.. Да!.. Но за то гнетъ несбывшихся въ жизни надеждъ и грёзъ спалъ бы съ души. Стало бы легче... Явилось бы примиреніе...

И вдругъ въ Люшонѣ, съ первыхъ дней пребыванія Загурскаго, который всякій день собирался на утро выѣхать на Pic du Midi, между ними незамѣтно возникли и установились какія-то новыя отношенія. Тридцати-семилѣтняя баронесса, многое видавшая и испытавшая на свѣтѣ, встрепенулась и оробѣла, какъ пятнадцатилѣтняя дѣвочка.

Сначала она глазамъ и ушамъ своимъ не вѣрила, но, наконецъ, при явныхъ доказательствахъ того, что она не обманывается, она внезапно почувствовала нѣчто странное... Ею будто овладѣла паника.

Графъ Загурскій, съ его простой, добродушной, кроткой манерой, какъ-то вдругъ нечаянно проговорившись, не замолчалъ, а продолжалъ говорить.

— Что жъ, правда,—сказалъ онъ однажды и продолжалъ уже объяснять всякій день.—Я на вашихъ глазахъ не разъ влюблялся, ухаживалъ, сходился и расходился со многими, близко вамъ знакомыми женщинами, къ вамъ же всегда относился съ извѣстнаго рода уваженіемъ. Но я теперь обмолвился, признался

и не беру словъ назадъ... Полуправду я не люблю. Да. Повторяю. У меня всегда было что-то особенное къ вамъ, болѣе сильное и глубокое, чѣмъ когда-либо къ какой-либо женщинѣ.

И Загурскій кончилъ тѣмъ, что просто, разсудительно и отчасти какъ будто грустно объяснилъ баронессѣ, что она, собственно, единственная женщина на свѣтѣ, которую бы онъ могъ полюбить серьезно не на нѣсколько мѣсяцевъ, не на годъ, какъ бывало прежде, а на всю жизнь.

— Впрочемъ, зачѣмъ лгать: „могъ бы“,—это давно совершившійся фактъ!—сказалъ онъ, наконецъ.

Разумѣется, баронесса была такъ поражена этимъ признаніемъ, что заболѣла нервно, какъ Эми, и двадцать-четыре часа оставалась въ постели, а затѣмъ цѣлыхъ трое сутокъ не видѣлась съ Загурскимъ.

Что было съ ней, что сталось, что она думала и чувствовала, можно было опредѣлить только однимъ словомъ... Паника! Паническій страхъ существа, которое вдругъ осудили на смерть.

Однако баронесса была все-таки не изъ породы женщинъ въ родѣ „Belle Hélène“, графини Нордъ-Остъ, которая говорила, что бракъ—воинская повинность. „Отбыла срокъ, обучилась и освободилась“.

Баронесса никогда не любила Герцлиха. И она очень любила его. Онъ тоже не могъ ей дать то, чего не далъ первый мужъ. Оба они были въ извѣстномъ смыслѣ равны, одно и то же. Женщинѣ, въ которой по прежнему сказывалась неудовлетворенность въ разумѣ и въ душѣ, до сихъ поръ попрекавшей и клявшей судьбу свою, все еще хотѣлось прильнуть губами къ той чашѣ, которая миновала ее, изъ которой пили и напивались кругомъ другія женщины ниже и хуже ея.

И вдругъ теперь, грёзы, мечты, сновидѣнья всей жизни хотятъ стать дѣйствительностью. Человѣкъ, который такъ долго держалъ ее подъ очарованьемъ, но былъ недосягаемъ, теперь—у ея ногъ. А она, давно почти свободная, только-что снова отдала свою свободу.

Обмануть барона, этого честнѣйшаго и добрѣйшаго человѣка, обожающаго ее, сдѣлавшаго счастье ея семьи?!

— Никогда!—рѣшила баронесса.

Затѣмъ она начала говорить это слово вслухъ. Затѣмъ все чаще и чаще... Наконецъ, она вскрикивала это слово... Какъ будто кто-то противорѣчилъ ей, спорилъ съ ней или невидимкой боролся съ ней и толкалъ ее...

Но она твердо рѣшила воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы побѣдить и освободиться отъ невидимаго врага...

Почти вскорѣ же въ Люшонъ явился парижскій знакомый, герцогъ Оканья, лечившійся въ Бигорѣ.

„Сатиръ“ обѣщалъ юной баронессѣ Линѣ пріѣхать лѣтомъ туда, гдѣ она будетъ, и сдержалъ свое обѣщаніе.

Кисъ-Кисъ, не надѣявшаяся увидѣть его, была въ восторгѣ и настолько шумно и искренно выражала его, что не одинъ герцогъ, а и другіе готовы были повѣрить, что 16-ти-лѣтняя баронесса влюблена въ пятидесятилѣтняго, неказистаго и вульгарнаго старика.

Герцогъ сталъ расхваливать уютный и тихій Bagnères de Bigorre, говоря, что Bagnères de Luchon не мѣсто для порядочныхъ семей, какъ сборище d'un monde intèrlope.

Баронесса будто очнулась отъ дремоты, и сказала себѣ:

— Что на меня нашло?! Туманъ какой-то... Именно—уѣхать. Бѣжать. Пускай онъ отправляется на свой Pic. Встрѣтимся зимой въ Парижѣ—онъ и забудетъ все, что здѣсь мнѣ напѣвалъ...

И она рѣшила тотчасъ же ѣхать въ Бигоръ, тѣмъ паче, что предполагалось и ранѣе сдѣлать цѣлую экскурсію въ Пиренеяхъ. Герцогъ выѣхалъ впередъ по желѣзной дорогѣ, вызвавшись найти и нанять виллу. Баронесса съ дочерью и Эми двинулись въ экипажахъ, горами, съ привалами и ночлегами... но участіе графа баронесса тонко отклонила.

III.

Баньеръ-въ-Бигорѣ равно всѣмъ понравился. А Эми и баронесса нашли въ этомъ уютномъ уголкѣ какое-то затишье, котораго требовало ихъ душевное настроеніе. Одна—потерявшая внезапно все, о чемъ мечтала, и несчастная, другая—обрѣвшая нежданно все, о чемъ мечтала, и тоже не счастливая, а лишь испуганная—обѣ обрадовались уголку, гдѣ царитъ миръ, гдѣ, казалось, можно укрыться даже отъ собственной своей непогоды на сердцѣ.

Между тѣмъ, покуда Эми оставалась подъ патронатомъ баронессы Герцлихъ, Дубовскій съѣздилъ въ Россію и, вернувшись снова, сидѣлъ безвыѣздно въ Парижѣ.

Владиміръ Ивановичъ любилъ ѣздить въ Россію, вѣрнѣе—въ Петербургъ, ибо далѣе береговъ Невы онъ ѣздилъ только на Pointe. Послѣ своего губернаторскаго эксперимента, онъ далъ

себѣ слово по собственной волѣ въ провинціи не бывать. Москву онъ ненавидѣлъ и называлъ — съ чужихъ словъ — „соломенной вдовой“, съ которой Петербургъ давно развелся, далъ ей отдѣльный видъ на жительство и посылаетъ средства къ существованію... Отдѣльный видъ на жительство значило—право брюзжать, право дѣлать замѣчанія, которыя кладутся подъ красное сукно.

За все время разлуки съ дядей Эми сносилась съ нимъ депешами, такъ какъ писать не любила, да и сказать было нечего, что̀ могло бы интересовать Владиміра Ивановича.

Теперь, вдругъ исчезнувшій изъ Люшона и снова совершенно нежданно появившійся въ Баньерѣ Гастингсъ-Машоновъ привезъ Эми письмо отъ дяди, довольно пространное, но безсодержательное.

Дубовскій объяснялъ, что пришелъ къ убѣжденію, что пора умирать, такъ какъ жизнь—глупая комедія и ему надоѣла. Эми мысленно развела руками.

Спрошенный по этому поводу, Егоръ Егоровичъ объяснилъ Эми, что съ Дубовскимъ дѣйствительно что-то приключилось за послѣднее время,—онъ тревоженъ и раздраженъ и все носится съ мрачными мыслями.

За то самъ Машоновъ явился въ Баньеръ радостный и сіяющій. Всѣ это замѣтили, хотя причины и не знали. А причина была важная... Машоновъ за недѣлю предъ тѣмъ получилъ какой-то германскій орденъ особаго значенія. Это былъ крестъ второго класса, но прицѣпленный такъ, чтобы отворотъ фрака на половину укрывалъ его; крестъ этотъ былъ поразительно похожъ на звѣзду... Теперь, чѣмъ болѣе Егоръ Егоровичъ наблюдалъ это явленіе въ зеркалѣ, особенно на разстояніи шаговъ десяти, тѣмъ сильнѣе убѣждался, что иллюзія полная.

— Положительно! Ну, хоть что̀ хотите... звѣзда!

Машоновъ не долго пробылъ въ Баньерѣ. Отчасти потому, что былъ недоволенъ присутствіемъ герцога Оканья и ревновалъ къ нему юную баронессу, отчасти и потому, что былъ вдругъ вынужденъ скакать въ Люттихъ. Ужъ конечно не потому, что тамъ были вдругъ арестованы какіе-то два динамитчика, о которыхъ толковали всѣ газеты.

Вскорѣ послѣ отъѣзда веселаго Егора Егоровича, Эми вдругъ получила депешу отъ дяди, въ которой онъ ее просилъ никуда не отлучаться изъ Баньера и объявлялъ свой пріѣздъ на утро, ради обсужденія важнѣйшаго дѣла...

„Дѣла, спѣшнаго до зарѣза“, и настолько серьезнаго, какихъ въ жизни Эми еще не бывало...

Дѣвушка даже оскорбилась... Послѣ пережитаго ею зимой, со стороны дяди такое опредѣленіе было даже безсердечно... Что же можетъ еще быть съ нею? Что станетъ серьезнѣе и важнѣе, чѣмъ катастрофа съ любимымъ человѣкомъ?

Баронесса, которой Эми сообщила депешу, тоже удивилась. Не только догадаться, но и догадываться было нельзя...

— Я не знаю, съ чего начать?—улыбалась Эми.

— Потерпимъ, — заявила баронесса. — Во всякомъ случаѣ, что бы съ вами ни случилось—я вашъ другъ и готова всячески помочь. Утѣшайтесь тѣмъ, Эми, что, какъ бы вамъ худо ни пришлось, вы въ лучшемъ положеніи, нежели иныя, другія женщины. Хотя бы вотъ—я...

Но объяснить что-либо баронесса отказалась... Она даже не сказала, что наканунѣ появился въ Баньерѣ графъ Загурскій, довольный и улыбающійся какъ Мефистофель... Такъ показалось баронессѣ...

Эми отлично провела ночь и вовсе не волновалась изъ-за странной депеши. Единственное, что наконецъ послѣ многихъ догадокъ пришло ей на умъ и заставляло улыбаться, было, что дядя, быть можетъ, опять хочетъ упрашивать ее выходить замужъ за своего фаворита, князя Соколинскаго.

На другой день, поднявшись нѣсколько ранѣе, Эми выѣхала на станцію, къ приходу поѣзда изъ Тарба, который привозитъ путешественниковъ съ двухъ скорыхъ поѣздовъ со стороны Бордо и со стороны Марселя. Когда поѣздъ подошелъ къ станціи, Эми стала немножко грустнѣе, думая о томъ, что сейчасъ увидитъ дядю, къ которому у нея не было дурного чувства, но все-таки, приглядываясь иногда къ улыбающемуся лицу всегда довольнаго собой человѣка, Эми невольно говорила себѣ:

„Это все случилось изъ-за тебя!.. Не будь тебя на свѣтѣ, я была бы теперь счастлива. А ты даже этого не знаешь, будто не можешь понять и продолжаешь улыбаться“...

Когда пассажиры изъ большого поѣзда высыпали на крошечную станцію, Эми, осматриваясь зорко, напрасно искала фигуру Дубовскаго. Пассажиры изъ всѣхъ вагоновъ I класса уже были давно на платформѣ, а иные уже вышли со станціи и разсаживались въ экипажи. И въ ту минуту, когда Эми рѣшила, что дядя опоздалъ на этотъ поѣздъ и возьметъ слѣдующій, къ ней приблизился молодой, плотный, бѣлесоватый блондинъ.

— Любовь Борисовна, здравствуйте — и не пугайтесь!— произнесъ онъ весело и громко.

Но Эми по неволѣ вздрогнула и отступила на шагъ... Плот-

ный господинъ въ сѣренькомъ complet, въ такомъ же сѣромъ котелкѣ, бѣлолицый и краснощекій, свѣтло-бѣлокурый, съ большими висящими желтыми усами, былъ князь Егоръ Ильичъ Соколинскій. Первая мысль Эми была:

„Неужели опять свататься“?..

И она вдругъ, глядя на князя, разсмѣялась своимъ собственнымъ мыслямъ. Князь принялъ это по-своему и объяснилъ радостью видѣть его. Онъ протянулъ руку и выговорилъ:

— Позвольте прежде всего расцѣловать вашу ручку и за себя, и за Владиміра Ивановича.

Онъ снялъ снова съ головы свой котелокъ и нагнулъ свою подъ гребенку остриженную голову, такую же желтую, какъ и его усы. Когда онъ нагнулся и цѣловалъ руку у Эми, она снова разсмѣялась. Она увидѣла между затылкомъ его и шеей три здоровенныя жирныя складки, уже знакомыя ей. Ей казалось всегда, что князя можно было взять за эти складки, какъ берутъ и поднимаютъ на воздухъ породистаго щенка мопса.

— И вы меня не спрашиваете, зачѣмъ я здѣсь? — выговорилъ Соколинскій добродушно весело.

— Очень рада, но не понимаю... А дядя?

— Ну, вотъ въ томъ-то и дѣло, что вы не спрашиваете, что̀ сей сонъ значитъ? Я являюсь вмѣсто Владиміра Ивановича. Онъ и не думалъ, и не собирался ѣхать. Онъ обманулъ васъ. Вмѣсто себя онъ посылаетъ меня.

— Зачѣмъ?—удивилась Эми.

— По очень важному дѣлу, Любовь Борисовна! И вотъ мы сегодня съ вами переговоримъ объ этомъ дѣлѣ.

— Но... — начала-было Эми, и не сказала ничего, такъ какъ просившееся на языкъ сказать было невозможно.

Она думала:

„Но неужели же ты опять пріѣхалъ дѣлать мнѣ предложеніе“?..

— Сегодня мы переговоримъ, а завтра мнѣ можно будетъ ѣхать и обратно. Даже надо будетъ ѣхать. Надо спѣшить.

— Но какое же можетъ быть это дѣло? Порученіе отъ дяди ко мнѣ?

— Да-съ!

— Касающееся меня и его? Насъ двухъ?

— Точно такъ-съ!

— Но почему же онъ самъ не пріѣхалъ, а васъ послалъ? И когда же вы пріѣхали изъ Россіи?

— Владиміръ Ивановичъ меня выписалъ изъ моего имѣнія

депешей. Я тотчасъ же полетѣлъ на его зовъ, пробылъ съ нимъ въ Парижѣ одинъ день и являюсь сюда. J'ai fais une jolie course! Подумайте, изъ Полтавы въ Баньеръ-де-Бигоръ, почти не останавливаясь. Другой отдохнулъ бы на полъ-дорогѣ, или бы захворалъ. А вотъ, какъ видите. Трёпка хорошая, а все-таки я ее вынесъ.

Между тѣмъ платформа давно уже опустѣла, и уже давно за Соколинскимъ стояли какія-то фигуры, очевидно имѣвшія „виды" и на бюллетень его багажа, и на то, чтобы, усадивъ его въ омнибусъ, везти въ гостинницу.

Эми двинулась съ платформы внутрь станціи и посовѣтовала князю ѣхать въ ту гостинницу, которая была всего ближе отъ ихъ виллы. Прежде чѣмъ садиться въ подъѣхавшій экипажъ, Эми не выдержала и спросила снова.

— Но какое же это дѣло, чтобы вдругъ нарочно выписать васъ изъ Россіи и послать сюда?.. Скажите, очень важное дѣло?

— Страшно важное, Любовь Борисовна! Такого важнаго у васъ въ жизни не было и никогда не будетъ.

И говоря это, Соколинскій улыбался, какъ еслибы дѣло шло о чемъ-то хорошемъ.

А Эми, сама не зная почему, сразу испугалась. Она будто сразу поняла теперь, что дѣло вовсе не идетъ о сватовствѣ князя.

— Ради Бога, пріѣзжайте скорѣе!—сказала она.—Я измучаюсь въ ожиданіи.

— Un brin de toilette, и я у васъ!—воскликнулъ князь.

Уже сидя въ экипажѣ Эми вспомнила, что на вокзалѣ она видѣла какую-то даму, съ густой бѣлой вуалью на лицѣ, которая, два раза попавъ ей на встрѣчу, оба раза какъ-то уклонилась отъ нея, даже отвернулась... Эми не обратила бы на это вниманія, еслибъ дама не показалась ей чрезвычайно похожей на графиню Нордъ-Остъ.

Предположеніе это не имѣло смысла, такъ какъ Эми знала, что графиня по своимъ дѣламъ, вслѣдствіе чего-то очень важнаго, была давно въ Россіи.

Между тѣмъ дама, ѣхавшая въ одномъ поѣздѣ съ княземъ Соколинскимъ съ самаго Парижа, избѣгала и его. Въ Бордо она ушла изъ-за стола, гдѣ онъ сѣлъ кофе пить. Въ По и Тарбѣ она, гуляя на платформѣ, поворачивалась къ нему спиной каждый разъ, что онъ — желавшій убѣдиться, хорошенькая ли она—подходилъ ближе.

Такимъ образомъ, дама подъ плотной бѣлой вуалью заинтересовала и Соколинскаго. Теперь, покуда Эми думала о ней,

князь, сидя въ омнибусѣ отеля, тоже вспомнилъ о ней же, жалѣя, что не замѣтилъ, въ какую гостинницу она поѣхала.

Въ это же самое время дама, избѣгавшая ихъ обоихъ, дала имъ отъѣхать отъ станціи и, въ свой чередъ сѣвъ въ омнибусъ, вмѣстѣ съ своей англичанкой горничной, спросила у нея:

— Видѣли вы миссъ Скритицыну, которая выѣхала на встрѣчу къ князю?

— Нѣтъ... Я хлопотала... Искала вашъ плэдъ, который вы забыли въ вагонѣ...

— Да. Эми Скритицына! И я не знала, что̀ чувствую. Броситься на нее хотѣлось. У меня руки дрожали!

— Напрасно. Это ребячество. Вѣдь вы еще ничего навѣрное не знаете...—отозвалась пожилая камеристка.

— Правда, Бэтси... Но я не умѣю себя сдерживать... Я въ отца!.. Онъ былъ вспыльчивъ до безумія...

IV.

Нежданно пріѣхавшій князь Георгій Ильичъ Соколинскій былъ человѣкъ еще молодой: ему шелъ двадцать-девятый годъ. Нравственно это былъ семнадцатилѣтній юноша. Жизнь какъ-то не касалась его и не коснулась. Какимъ онъ былъ, будучи мальчикомъ, такимъ остался и теперь. Онъ былъ то, что̀ называется „добрый малый“, при этомъ возведенный въ кубъ.

Когда о князѣ спрашивали чье-либо мнѣніе, то и мужчины, и женщины отзывались:

— Ахъ, онъ премилый! Un coeur d'or... Добрѣйшаа душа! Une bonne pâte!

Для мужчинъ онъ былъ болѣе привлекателенъ, чѣмъ для женщинъ. Мужчины искали сближенія съ нимъ и быстро сходились. Львицы свѣта, женщины-кокетки избѣгали его. Нѣкоторыя же если ближе сходились съ нимъ, то это были отношенія всегда товарищескія. До сихъ поръ ни одна молодая дѣвушка не увлеклась имъ, не влюбилась, не считая притворщицъ конечно...

Въ князѣ, и въ характерѣ, и во внѣшности, было что-то женское, или вѣрнѣе—бабье. Онъ былъ отчасти ниже средняго роста, не толстый, а плотный, какой-то весь округленный, весь „пышка“, весь, по-французскому выраженію, „patapouf“, плотныя ноги и руки, намеки на будущій животикъ, будто женская грудь—только съ мужскими сильными плечами, при этомъ полныя

щеки, съ румянцемъ, голова всегда остриженная подъ гребенку „на нѣтъ“ и предлинные падающіе хохлацкіе усы цвѣта соломы.

Когда Соколинскій первый разъ посватался за Эми, то въ числѣ ея аргументовъ, высказанныхъ дядѣ противъ князя, было одно вполнѣ вѣрное.

— Дядюшка,—воскликнула Эми,—вѣдь князь Егоръ Ильичъ даже на мужчину не похожъ. Ей-Богу! Онъ мнѣ чрезвычайно напоминаетъ Пелагеюшку, ключницу. Онъ добрый, хорошій, прямодушный, но онъ... Не знаю, какъ объяснить... Онъ... Пелагеюшка!

А между тѣмъ теперь, въ тридцать лѣтъ, князь еще немножко похудѣлъ и сравнялся. Будучи пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, онъ всѣхъ поражалъ своей полнотой. Узенькое платье, курточки, матросскіе воротники,—все это было для юнаго князя немыслимо, почти неприлично. Въ эту пору насмѣшники и остряки постоянно указывали на него, чтобы смѣшить дамъ... И дѣйствительно, юноша былъ забавенъ спереди, а сзади былъ... уморителенъ.

Дѣтство и юность Соколинскій провелъ въ Европѣ. Отецъ его былъ attaché русскаго посольства поочередно при трехъ маленькихъ дворахъ: въ Португаліи, въ Баденѣ и въ Бельгіи. Вѣроятно, князь Соколинскій-отецъ не обладалъ разными дарами природы, такъ какъ, несмотря на крайне большое состояніе, въ продолженіе почти пятнадцати лѣтъ оставался этимъ attaché. Впрочемъ, у него было два главныхъ занятія, на которыя уходило все время: карты и женщины.

Будучи вдовцомъ, онъ поручилъ своихъ двухъ сыновей двоюродной сестрѣ на воспитаніе, но затѣмъ, когда мальчиковъ надо было начать учить, князь взялъ ихъ и отдалъ въ пансіонъ въ Швейцаріи, около Вевé. Пансіонъ этотъ славился воспитаніемъ и образованіемъ, которое въ немъ давалось, но это было училище исключительно аристократическое. Плата была огромная, и только очень богатые люди могли отдавать въ него своихъ сыновей.

Главное вниманіе въ этомъ училищѣ обращалось на французскій языкъ, гигіену и здоровье, слѣдовательно—на спортъ въ широкомъ размѣрѣ, а затѣмъ на свѣтскій лоскъ, формы, манеры. И надо честь отдать директору этого училища, что у него всякій юноша, будь онъ русскій, итальянецъ, англичанинъ или американецъ, покидалъ школу всегда болѣе или менѣе здоровый, ловкій и крѣпкій. Но кромѣ того на всѣхъ питомцевъ школа эта клала еще одинъ свой исключительный отпечатокъ, рѣшительно

загадочный. Трудно было бы объяснить, какимъ образомъ директоръ школы достигалъ этого результата.

Вся молодежь различныхъ и противоположныхъ національностей, покидавшая скамьи школы, отличалась какимъ-то крайнимъ добродушіемъ, какимъ-то особенно-свѣтлымъ и увѣренно спокойнымъ взглядомъ на жизнь и съ сильной дозой альтруизма въ характерѣ. Практическій американецъ, хитрый нѣмецъ, угрюмый англичанинъ, простодушный россіянинъ, выходили изъ школы одинаково беззаботно-довольными добряками.

Князь не далъ однако сыновьямъ окончить полный курсъ и прямо съ береговъ Лемана вдругъ перевезъ ихъ на берега Невы и опредѣлилъ въ гвардію.

Черезъ годъ, при протекціи, оба были уже офицерами. Но отца на свѣтѣ уже не было. Онъ умеръ отъ удара въ вагонѣ. Черезъ два года послѣ этого умеръ отъ тифа и младшій князь.

И Георгій Соколинскій остался одинъ на свѣтѣ, но богачомъ. Военная служба была ему по душѣ. Только полковыя ученья, парады и маневры надоѣдали ему до смерти. А все остальное, соединенное со службой въ гвардіи, онъ любилъ. Товарищи и начальство искренно любили князя. Онъ былъ для всѣхъ „Егорушка“, и даже мало знакомые люди, заглазно, звали его такъ...

Однако все начальство, отъ полкового командира до командующаго округомъ, было одного мнѣнія, что „душа-человѣкъ“ и милый малый—невозможный офицеръ.

Вошло даже въ обыкновеніе ставить его въ примѣръ. Всякому солдату, который былъ плоховатъ, говорили:

— Да что тебя, Соколинскій, что-ли, обучалъ?

Про самаго лучшаго молодца кавалериста, солдата или офицера, говорили:

— Его Соколинскому въ обученіе отдать на полгода—и то не испортитъ!—Къ такому о себѣ мнѣнію князь или „Егорушка“ относился такъ же, какъ и ко всему на свѣтѣ, добродушно и весело. Благодушіе его доходило до тѣхъ крайнихъ предѣловъ, что самая злая клевета на него, самая смѣшная оскорбительная карикатура и самая сильная обида, что̀ случалось, конечно, рѣдко, дѣйствовали на него особенно, заставляли его искренно смѣяться. Онъ не понималъ, что̀ такое мелкое самолюбіе, что̀ такое обидчивость.

Кромѣ того, Соколинскій отъ всѣхъ богачей-гвардейцевъ отличался всегда тѣмъ, что не былъ мотомъ и не былъ скрягой, умѣлъ держаться золотой середины и жить по средствамъ. Онъ

удивительно искусно, хотя безсознательно, слѣдовалъ пословицѣ: „по одежкѣ протягивай ножки“.

Когда говорили про него иные, что на него тошно смотрѣть: „при такомъ страшномъ состояніи и этакъ скряжничать!“—то нашлись люди, которые такъ азартно вступились за то, что „Егорушка“ не скряга,—что раза два чуть не произошла исторія въ полку.

Объясненіе этого заключалось въ томъ, что Егорушка, не позволявшій себѣ истратить зря ни одного рубля, давалъ взаймы широко, черезъ край, конечно зная, что онъ даритъ.

Когда дошла очередь волей-неволей принимать эскадронъ, вопросъ сталъ ребромъ. Командовать эскадрономъ было для „Егорушки“ почти такъ же мудрено, какъ строить изъ мрамора какой-нибудь дворецъ.

Но въ тѣ самые дни, когда рѣшался вопросъ объ этомъ, пріѣзжій изъ Малороссіи помѣщикъ представился князю, высказывая желаніе познакомиться, такъ какъ они—сосѣди. И этотъ сосѣдъ, по фамиліи Бандарчукъ, объяснилъ Соколинскому, что, во-первыхъ, его управляющій обворовываетъ его ежегодно на страшно крупную сумму, во-вторыхъ, разоряетъ имѣніе на всѣ лады, а въ-третьихъ, дѣлаетъ разныя мерзости, которыя валитъ, на половину оффиціально, на самого князя. Въ двухъ губернскихъ городахъ Малороссіи съ ужасомъ разсказываютъ, и обыватели, и власти, какъ богачъ князь Соколинскій, изъ скряжничества, безчестно поступилъ съ двумя или тремя личностями—помѣщиками и купцами.

Появленіе этого сосѣда какъ-то странно повліяло на Соколинскаго. Ему вдругъ пришло на умъ, что пора бросить полкъ. Даже самый мундиръ, который тянетъ его вездѣ, надоѣлъ ему. Потолстѣлъ ли онъ съ тѣхъ поръ, или старше сталъ. Вдобавокъ на носу проклятый эскадронъ. Наконецъ, нельзя позволить позорить свое имя въ родномъ краю, гдѣ оно извѣстно за двѣсти лѣтъ, и гдѣ однако Егорушка, сначала швейцарскій школьникъ, а затѣмъ гвардейскій юнкеръ и офицеръ, конечно, съ дѣтства не бывалъ.

И съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ Соколинскій, какъ Бандарчукъ расписывалъ всѣ прелести его дѣйствительно великолѣпнаго имѣнія, гдѣ совѣтовалъ выстроить сахарный заводъ, чтобы нажить милліонъ. Черезъ два мѣсяца Соколинскій надѣлъ статское платье и чувствовалъ себя совершенно довольнымъ.

Товарищи проводили уходящаго съ тріумфомъ. За парднымъ обѣдомъ, гдѣ было и все высшее начальство, князю поднесли

великолѣпный подарокъ, и при этомъ было сказано много рѣчей. Двое изъ ораторовъ говорили особенно горячо и даже чокались съ Егорушкой со слезами на глазахъ. Никому не было извѣстно, что одинъ изъ нихъ долженъ былъ Соколинскому сорокъ-пять тысячъ, а другой и семьдесятъ слишкомъ. Но не это было замѣчательно. Особенно замѣчательно было то, что, прощаясь и лобызаясь съ этими двумя товарищами, Егорушка самъ забылъ, что они должны ему.

Вскорѣ послѣ этого Соколинскій очутился у себя на родинѣ. Здѣсь когда-то поселились послѣ свадьбы его отецъ и мать, прожили около двухъ лѣтъ, и здѣсь родился онъ. Обходя великолѣпный, большой домъ, полный чудныхъ вещей, вывезенныхъ изъ чужихъ краевъ еще дѣдомъ и прадѣдомъ, обходя замѣчательный паркъ, обходя всѣ строенія—цѣлый городокъ,—князь искренно пожалѣлъ, что ни разу не заглянулъ сюда.

Усадьба и большое село представлялись какимъ-то зеленѣющимъ островомъ среди моря. Кругомъ разстилалась гладкая, однообразная, сѣрая степь, а имѣніе стояло по срединѣ, какъ оазисъ среди Сахары.

Соколинскій тотчасъ же принялся хозяйничать, иначе говоря, Бандарчукъ, переѣхавшій къ нему на жительство, занялся всѣмъ, и даже тотчасъ началъ строить сахарный заводъ. Однако прежде всего, несмотря на увѣщанія и просьбы князя, онъ спровадилъ вора управляющаго, который плакалъ и валялся въ ногахъ, а затѣмъ, прогнанный, сталъ грозиться судомъ.

Поживъ въ имѣніи три мѣсяца, князь поѣхалъ въ сосѣдній губернскій городъ, гдѣ пробылъ около двухъ недѣль и перезнакомился со всѣмъ мѣстнымъ дворянствомъ. Затѣмъ ему захотѣлось слетать въ Петербургъ повидать полкъ, чтобы вернуться домой недѣли черезъ двѣ.

Пробывъ немного съ товарищами, ему захотѣлось тоже слетать не надолго въ Швейцарію, въ окрестности Вевé, гдѣ все еще стоялъ довольно большой домъ среди большого сада и гдѣ прошли его лучшіе юношескіе годы. Отсюда князь рѣшилъ съѣздить не надолго въ Парижъ, а затѣмъ уже непремѣнно ѣхать домой, нигдѣ не останавливаясь, и заняться хозяйствомъ „раціонально“.

Это было въ сентябрѣ, а въ октябрѣ Соколинскій, вмѣсто украинскаго неба, былъ подъ небомъ еще болѣе темнымъ и чуднымъ... Вмѣсто сѣраго мертваго океана, разверзающагося во всѣ края кругомъ его вотчины, предъ его глазами разверзался другой океанъ, настоящій, живой, подчасъ темно-голубой, мирно маня-

щій на свою тишь и гладь, а подчасъ злобно-остервенѣлый, рвущій съ бѣлой пѣной берега и утесы.

Это былъ Біаррицъ... Мекка всякаго туриста, завоеванная или подѣленная по-сезонно. Весной Біаррицъ скученъ, нелѣпъ, грубъ, онъ—Америка и резиденція янки; лѣтомъ онъ веселѣе, онъ—Кастилія и Андалузія; осенью онъ простодушно шумливъ, онъ—Петербургъ, Москва, Тамбовъ, даже Пенза и Уфа... Зимой онъ гордъ, важенъ, полонъ чувствомъ собственнаго достоинства, говоритъ на птичьемъ языкѣ и только объ одномъ—объ „интересахъ Англіи".

Разумѣется, поэтому Соколинскій и попалъ въ Біаррицъ въ октябрѣ, и на другой же день по пріѣздѣ встрѣтилъ пять человѣкъ друзей изъ Петербурга, двухъ товарищей по полку въ отставкѣ, прежняго полкового командира, прежняго своего... Однимъ словомъ, князь, пріѣхавъ въ Біаррицъ, попалъ вдругъ сразу и одновременно на Невскій, на Тверскую и на Дворянскую... И здѣсь-то впервые встрѣтился онъ съ Дубовскимъ и его племянницей и близко сошелся съ нимъ, быстро и легко понравился, какъ онъ думалъ, хорошенькой и крошечной Эми Скритицыной. И здѣсь впервые Соколинскій самъ себя поймалъ на чемъ-то удивительномъ. Онъ ахнулъ, развелъ нравственно руками и даже какъ-то испугался...

Онъ поймалъ себя на томъ, что онъ рѣшительно влюбленъ. Эта Скритицына интересуетъ его больше, чѣмъ когда-либо какая-либо женщина. Все въ ней ему мило, все дорого. Началось съ того, что ей Швейцарія и Вевé оказались тѣмъ же, что̀ и ему. Она обожаетъ Леманъ, La Dent du Midi и окрестныя горы, за то, что при нихъ или „на ихъ глазахъ" скончалась ея мать. Онъ же обожаетъ то же самое, такъ какъ лучшіе дни его жизни прошли тоже на глазахъ Лемана, Монблана и Южнаго-Зуба.

И во многомъ, если не во всемъ, сошлись Соколинскій и Эми. Казалось, они и думаютъ, и чувствуютъ на одинъ и тотъ же ладъ. Вдобавокъ, если онъ влюбился въ нее, то и она рѣшительно отвѣчаетъ взаимностью. Лицо ея становится радостнымъ всякій разъ, что она видитъ князя. И вотъ тутъ, перекрестясь, „Егорушка" собрался вдругъ прыгнуть въ холодную воду—собрался дѣлать предложеніе.

„Конечно, страшно жениться,—думалъ онъ,—да что̀ же теперь иное дѣлать? Нечего! Изъ полка вышелъ, имѣніемъ управлять не могу. Сахаръ дѣлать?.. Чортъ его возьми! Путешествовать постоянно—лѣнь, однимъ словомъ, нечего дѣлать. Ничего въ

жизни не остается, кромѣ одной женитьбы. А если жениться, то ужъ, конечно, на такой милой крошкѣ, какъ эта Скритицына".

Разумѣется, къ самому Дубовскому, съ которымъ у князя были уже теплыя и дружескія отношенія, и обратился онъ прежде Эми, какъ къ дядѣ и опекуну. Дубовскій, не говоря ни слова, обнялъ его и началъ вкусно цѣловать. Бо́льшаго счастья для племянницы онъ и во снѣ не чаялъ увидѣть.

Къ величайшему изумленію дяди и князя, Эми отказала наотрѣзъ, да еще прозвала претендента на ея руку и сердце— „Пелагеюшкой".

Соколинскій тотчасъ же скрылся и уѣхалъ въ Парижъ. И вотъ тогда-то, быстро утѣшившись, онъ создалъ въ одну зиму изъ Маріи Крюшонне—Діану д'Альбре и ухнулъ... много тысячъ рублей. Затѣмъ, загнанный Діаной, какъ почтовая лошадь, онъ спасся бѣгствомъ къ себѣ, въ Украйну...

Здѣсь, послѣ тоскливой, тошной жизни, онъ снова мысленно влюбился въ Скритицыну, и письменно сдѣлалъ ей второе предложеніе... И послѣ новаго отказа онъ снова полетѣлъ въ Парижъ къ знаменитой уже Діанѣ... На этотъ разъ актриса, пѣвица и demi-mondaine еще быстрѣе надоѣла ему... И снова вернулся князь въ свою Украйну, и долго сидѣлъ здѣсь тихо и скромно до полученія депеши Дубовскаго...

V.

Полтора часа, которые прошли въ ожиданіи, показались Эми цѣлой вѣчностью. Она измучилась, стараясь догадаться, какое дѣло, „самое важное въ ея жизни", заставило князя пріѣхать. Она все яснѣе понимала, что это, конечно, не сватовство.

Между тѣмъ Соколинскій прополоскался полчаса въ ваннѣ, потомъ не спѣша брился и причесывался, потомъ занялся своимъ туалетомъ, надѣлъ другое complet, бѣлое фланелевое, и вышелъ на улицу, бодрый, свѣжій, веселый. Казалось, что это человѣкъ не только довольный, но даже счастливый отъ чего-то недавно приключившагося. Да оно отчасти такъ и было, но Егорушка не сообразилъ, что слѣдовало скрыть свое довольство изъ приличія.

Прошло уже часа два съ его пріѣзда, когда онъ вошелъ въ садъ, окружающій виллу, въ которой Эми, изнывая отъ нетерпѣнія и безпокойства, ждала его. Она быстрыми шагами пошла къ нему на встрѣчу по саду, едва только завидѣвъ его. Но на-

сколько лицо Соколинскаго было ясно и радостно, настолько Эми была сумрачна и какъ бы испугана.

— Ну-съ, rebonjour, Любовь Борисовна!—громко и добродушно вымолвилъ князь и снова, взявъ ея руку, три раза приложился къ ней.

И снова, какъ всегда, Эми невольно увидѣла три толстыя складки его затылка.

— Какъ у васъ тутъ мило, что̀ за прелесть! — заговорилъ князь.—Вообще, когда сразу попадешь изъ нашихъ черноземныхъ степей въ Пиренеи, то невольно позавидуешь. Ну, а родиться и жить здѣсь я бы не желалъ. Эти горы должны надоѣдать.

Они пошли по дорожкѣ, и князь, хотя Эми и не спрашивала ничего, разсказалъ ей, какую интересную встрѣчу сдѣлалъ въ дорогѣ, ѣдучи отъ Кёльна до Парижа съ однимъ русскимъ, очень оригинальнымъ. Даже съ оригинальной фамиліей. Полуангличанинъ, полу-русскій... Онъ говорилъ, что знакомъ съ Эми и друженъ съ Дубовскимъ. Эми не слушала и ускоривала шагъ, чтобы войти въ комнаты и узнать, въ чемъ дѣло. Едва только вошли они въ гостиную, какъ она сѣла и вымолвила нервно:

— Ну, князь, говорите! Я немножко смущена... Въ чемъ дѣло? Какое дѣло? Вѣдь во всякомъ случаѣ въ этомъ дѣлѣ хорошаго мало? Важное, но нехорошее?

Лицо князя стало немножко серьезнѣе.

— Да, Любовь Борисовна, вы должны приготовиться. Вѣсть очень нехорошая...

— Но что̀ же это можетъ быть? У меня на свѣтѣ никого нѣтъ близкихъ, кромѣ дяди, а вѣдь онъ же здоровъ?

— Совершенно здоровъ! Почему онъ не поѣхалъ, а меня послалъ... вы сейчасъ узнаете. Но онъ совершенно здоровъ, хотя конечно пораженъ, опечаленъ очень, такъ сказать, придавленъ...

— Такъ говорите, князь. Скорѣй!

— Вотъ-съ, изволите видѣть...

Князь сѣлъ и вдругъ какъ-то смутился, будто струсилъ. Эми замѣтила это и чуть не успокоилась сразу.

„Неужели все-таки сватовство...—подумалось ей:—тоже лицо, тѣ же мигающіе глаза... И опять онъ будто заикается, пріискивая слова, съ чего начать“...

— Дѣло, Любовь Борисовна, очень важное! За всю вашу жизнь, конечно, другого подобнаго...

— Князь, я уже это сто разъ слышала. Самое важное въ моей жизни! Но ради Бога скорѣй! Какое? Что̀ именно?

— Владиміръ Ивановичъ выписалъ меня изъ Россіи и поручилъ исполнить то, на что у него не хватило храбрости—явиться и объяснить вамъ все. Онъ въ качествѣ вашего опекуна совѣстился. Изволите видѣть... Вы знаете, что̀ такое биржа и игра на биржѣ?

— Знаю, знаю!—воскликнула Эми.

И черезъ нѣсколько секундъ, не слыхавъ нѣсколькихъ словъ, произнесенныхъ княземъ, она уже смутилась, боясь, что догадалась...

— Биржа... Биржа... — заговорила она. — Дядя игралъ на биржѣ?

— Совершенно вѣрно!

— Онъ проигрался?

— Точно такъ, Любовь Борисовна.

— И стало быть... Стало быть... я пострадала въ этомъ?..

— Именно! Удивляюсь, что вы сразу догадались.

— Я не догадалась, князь. Меня предупреждали давно, что дядя играетъ. Объясняли мнѣ, что̀ такое игра биржевая. Говорили мнѣ, что онъ играетъ, ну, disons le mot, на мои деньги, и что въ случаѣ проигрыша я пострадаю.

— Совершенно вѣрно!

— Ну, что̀ же, вѣдь не Богъ знаетъ что̀ онъ проигралъ? Надо уплатить. Такъ вѣдь онъ опекунъ, онъ можетъ полновластно распорядиться.

— Любовь Борисовна,—заговорилъ князь тихо:—когда приходилось уплачивать, то дядя вашъ такъ и дѣлалъ. Я не скажу, что онъ поступалъ правильно, но что̀ дѣлать... Увлеченіе! Конечно, не слѣдовало. Слѣдовало своимъ состояніемъ рисковать, а не деньгами опекаемой племянницы. Но что̀ ужъ объ этомъ толковать: снявши голову, по волосамъ не плачутъ!

— Конечно, надо уплатить! Я не знаю, зачѣмъ онъ васъ прислалъ. Онъ могъ написать.

— Но нельзя уплатить, Любовь Борисовна!

— Какъ нельзя?

— Нельзя! Нечѣмъ!

— Я васъ не понимаю...

— Проигрышъ такъ великъ, что на уплату его должно идти все ваше состояніе.

— Что̀?!—выговорила Эми, широко раскрывая глаза и слегка мѣняясь въ лицѣ.

— Да-съ, все ваше состояніе пойдетъ на уплату или, вѣрнѣе сказать... извините—уже пошло на уплату...

— Какъ пошло?—пробормотала Эми.

— Да, Любовь Борисовна. Вы разорены. У васъ ничего нѣтъ. Въ этомъ все дѣло.

— Какъ нѣтъ? Какъ же нѣтъ?—шептала Эми черезъ силу.

Она отлично поняла все, какъ еслибы всегда занималась такими дѣлами, и спрашивала зря... машинально. Наступило молчаніе. Князь сидѣлъ передъ ней, опершись локтями на колѣни и опустивъ глаза.

— И спасти нельзя? — вымолвила Эми нѣсколько громче и хрипливо.

— Вотъ за этимъ меня князь и прислалъ! И нельзя, и можно! Надо внести очень большія деньги, и тогда черезъ нѣсколько времени, быть можетъ, все придетъ къ тому же концу—къ потерѣ. Или же будетъ спасено. Если вы знаете, что такое эта игра, то должны знать, что бумаги поднимаются и опускаются. Если удержать бумаги, купленныя Владиміромъ Ивановичемъ, за собой, внеся извѣстную сумму, то черезъ извѣстный срокъ потери, можетъ, не будетъ.

— Стало быть, надо достать эти деньги?—воскликнула Эми. —Надо ихъ занять, въ Парижѣ или въ Россіи занять и уплатить!

— Любовь Борисовна, занять негдѣ. Велика сумма. Никто ея, ни въ Парижѣ, ни въ Россіи, безъ обезпеченія не дастъ. Никакихъ средствъ спасенія, однимъ словомъ, не остается. Черезъ два, три дня у васъ не будетъ тысячи рублей въ годъ. Если хотите, даже и ста рублей въ годъ не будетъ—ничего не будетъ. Это—полная нищета.

Эми закрыла лицо руками и сидѣла блѣдная, какъ полотно.

— Есть средство, Любовь Борисовна, — началъ князь, заикаясь:—есть на свѣтѣ человѣкъ, который настолько глубоко и давно привязанъ къ вамъ, что готовъ не только жертвовать своимъ состояніемъ, но хотя бы и своей жизнью. Вамъ стоитъ сказать одно слово, и этотъ человѣкъ явится на помощь и постарается спасти ваше состояніе. Если удастся,—слава Богу. Если не удастся, онъ потеряетъ почти треть своего. Если бы вы согласились сдѣлать меня счастливымъ, то, конечно, я былъ бы счастливъ... За счастіе назвать васъ своей подругой, я какъ счастливѣйшій...

И князь началъ путать, повторяя:

— Счастливъ, счастье, счастливѣйшій...

Эми, склонившись на своемъ креслѣ, сгорбившись и осунувшись, сидѣла, съ трудомъ соображая и связывая свои мысли.

И, наконецъ, на повторенный три раза вопросъ, взволнованнымъ голосомъ она отвѣтила тихо:

— Дайте мнѣ подумать немного; завтра я дамъ вамъ отвѣтъ... Ну, послѣ-завтра...

— Бога ради, Любовь Борисовна, — вскрикнулъ Соколинскій,—скажите теперь, на что я могу надѣяться!

И онъ схватилъ ее за обѣ руки.

— Не знаю... Дайте подумать... Совсѣмъ не знаю...

— Я буду надѣяться! Я буду надѣяться!—повторилъ Соколинскій, и, поцѣловавъ обѣ руки Эми, онъ схватилъ шляпу и быстро вышелъ изъ гостиной. Когда онъ достигъ гулянья и сталъ ходить по широкому, тѣнистому, но коротенькому бульвару взадъ и впередъ, то прохожіе—туземцы и иностранцы—приглядывались къ нему и оборачивались. Соколинскій имѣлъ видъ или подпившаго человѣка, или же просто сумасшедшаго изъ категоріи веселыхъ.

Какой-то важный, толстый французъ, шедшій по гулянью съ подругой и кучей дѣтей всѣхъ лѣтъ, пріостановился и выговорилъ чуть не въ лицо князя:

— En voila un... pistolet!..

Князь увидѣлъ, услыхалъ, понялъ и, разсмѣявшись, отправился въ гостинницу.

— Уже давно, кажется, па меня всѣ таращатся!—вымолвилъ онъ.—Да авось! Даже, пожалуй, навѣрное. Вѣдь она „на улицѣ“... А я въ концѣ концовъ ничего не потеряю. Черезъ полгода эти, какъ онъ ихъ, чортъ, называлъ, непремѣнно поднимутся. Надо будетъ только опять скакать въ Россію и доставать тысячъ полтораста, двѣсти—чистоганомъ!

Въ то же время Эми только повторяла тѣ слова Соколинскаго, которыя, все объяснивъ, поразили ее. „Черезъ два-три дня ста рублей не будетъ... Нищета. Никакихъ.. средствъ спасенія нѣтъ“.

Мысли ея путались, и только понемногу овладѣла она собой.

Разумѣется, сраженная извѣстіемъ, она рѣшила тотчасъ же скрыть все отъ баронессы Герцлихъ. Ей не хотѣлось изъ самолюбія, чтобы кто-либо зналъ, при какихъ условіяхъ она согласилась выйти замужъ... если она согласится. Насильно! Изъ-за спасенія состоянія. Изъ-за боязни нищеты.

Хотя по натурѣ и по воспитанію Эми была совершенно непрактична, но, однако, могла, конечно, сразу понять, что такое „очутиться на улицѣ“.

Сколько разъ когда-то приходилось ей съ матерью толковать

о томъ, что вдругъ ея отецъ потребуетъ развода, дастъ имъ маленькій капиталецъ, какъ подачку, и онѣ останутся почти на улицѣ. При этомъ покойная Анна Ивановна постоянно твердила:

— „Я скоро умру, мнѣ все равно. А тебѣ что же? Въ гувернантки идти?“

Боязнь очутиться въ такомъ положеніи, за послѣдній годъ жизни Скритицина, являлась у его жены и дочери довольно часто. И теперь эти же опасенія и эти же мысли являлись у Эми не въ первый разъ. Разница была та, что теперь она была совершенно одна. И вдобавокъ, по словамъ Соколинскаго, ей приходилось очутиться не почти, а совсѣмъ на улицѣ.

Разсуждая, она приходила къ убѣжденію, что другого исхода, конечно, нѣтъ, какъ согласиться. Но каждый разъ, что въ ней являлась рѣшимость сказать завтра „да“, ее останавливала мысль, что Соколинскій въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ грубо и неблаговидно. Вѣдь онъ насильно заставляетъ ее выйти за себя замужъ, онъ пользуется ея безвыходнымъ положеніемъ и предлагаетъ просто продаться. Ужъ если онъ ее такъ любитъ, то могъ бы дать эти деньги взаймы. Вѣдь онъ самъ говоритъ, что можетъ быть это погромъ временный, а не окончательный, что деньги, которыя онъ даетъ, онъ, можетъ быть, вернетъ.

— Но съ какой стати будетъ онъ мнѣ дарить большія деньги!—восклицала Эми.

И весь день прошелъ въ томъ, что она колебалась, мучилась. Она обвиняла Соколинскаго, что онъ явился силкомъ покупать ее и думаетъ, что якобы вмѣстѣ съ этимъ купитъ ея любовь. Но тотчасъ же она оправдывала его. Если онъ, несмотря на два отказа, продолжаетъ настаивать на своемъ предложеніи, стало быть, онъ дѣйствительно любитъ ее глубоко.

И волнуясь, Эми окончательно надумала и рѣшила только одно... послать депешу другу Рудокопову, проводившему лѣто недалеко, въ Аркашонѣ. Несмотря на роковую роль, которую докторъ сыгралъ въ ея жизни по отношенію къ Френчу, она все-таки по прежнему любила и уважала его. Она знала, что это единственный близкій ей человѣкъ на свѣтѣ, совѣту котораго все-таки слѣдовать можно.

VI.

Дама, пріѣхавшая въ Баньеръ и скрывавшаяся отъ Соколинскаго въ пути, а отъ Скритицыной на вокзалѣ, была графиня Нордъ-Остъ.

Зачѣмъ она пріѣхала—она сама не знала.

„Мстить! Отомстить“!

Уже давно думала и повторяла она это. Но какъ отомстить? Объ этомъ она не думала. Обстоятельства выяснятъ. Послѣ ссоры съ Загурскимъ, когда она назвала его „Альфонсомъ“ и почти выгнала вонъ, графъ не являлся къ ней долго, но, встрѣчая ее въ обществѣ, любезно разговаривалъ съ ней, какъ съ хорошей знакомой. Графиня со зла кокетничала съ японскимъ виконтомъ и, таская его повсюду за собой, афишировала его.

Загурскій безвыходно сидѣлъ у баронессы, тонко и хитро любезничалъ съ Герцлихомъ и добился отъ добряка лучшаго мнѣнія о себѣ. Что касается до графини, то, видя около нея японца, онъ такъ насмѣшливо и презрительно улыбался, скаля свои жемчужные зубы, что всякій другой, помимо виконта Фушигамы, завелъ бы ссору. Благоразумный японецъ зналъ, во-первыхъ, что графъ чуть не бреттёръ, а, во-вторыхъ, что афишируемая къ нему благосклонность красавицы—собственно комедія.

Послѣ свадьбы барона Герцлиха и отъѣзда молодыхъ въ свадебное путешествіе, Загурскій вдругъ явился къ графинѣ со словами:

— Voyons, ma bonne, assez bouder.

Примиреніе состоялось тотчасъ же.

Чрезъ три дня графъ уже просилъ Кору помочь ему. Обстоятельства были такъ круты, были такіе срочные платежи, что все грозило скандаломъ. Былъ даже крайне щекотливый долгъ въ джокей-клубѣ. Проиграно и не уплачено пари въ пустую сумму—десять тысячъ франковъ. Но у графини окончательно денегъ не было... Они принялись вмѣстѣ совѣщаться—какъ быть.

Однажды, черезъ недѣлю, графъ явился сіяющій, говоря, что досталъ денегъ, но не сказалъ, откуда, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ графинѣ, что ѣдетъ на два мѣсяца въ Россію по своимъ дѣламъ. Она, конечно, тотчасъ же поручила ему заняться ея дѣлами, вызвать ея управляющаго въ Петербургъ, выяснить съ нимъ положеніе дѣлъ и принять какія нужно будетъ мѣры.

Чрезъ три недѣли, изъ письма Загурскаго, она узнала, что все обстоитъ благополучно, но надо кое-что сдѣлать, и для этого необходима довѣренность... И полная... Справивъ документъ въ консульствѣ, графиня выслала его.

Чрезъ мѣсяцъ графъ былъ въ Парижѣ, привезъ ей двадцать тысячъ франковъ и объяснилъ, что всѣ ея дѣла устроилъ, но пришлось продать ея большое имѣніе въ Рязани. Графиня ахнула

и испугалась, но Загурскій объяснилъ, что другого исхода, чтобы распутаться, не было. И она по неволѣ примирилась съ фактомъ.

Однако, прошла недѣля съ пріѣзда графа изъ Россіи, какъ по поводу пустой ссоры изъ ревности Загурскій пересталъ у нея бывать, а затѣмъ объяснилъ рѣзко, что она ему надоѣла до послѣдней степени.

— Vous m'êtes devenue insipide. Une vraie pluie d'automne.

И между Корой и графомъ произошла уже не бурная сцена, не рѣзкая ссора со словами, которыя не забываются, и которыя тоже не вырубишь топоромъ, а произошло настоящее сраженіе. Но послѣ этого графиня какъ бы обезумѣла. Любовникъ бросилъ ее, предварительно насмѣявшись надъ нею, грубо, тривіально и ядовито. Разумѣется, не обманутая любовь, а одно негодованіе волновало ее, уязвленное самолюбіе, униженіе. Послѣдняя сцена была настолько невѣроятна, что Кора въ продолженіе нѣсколькихъ дней не могла въ себя придти. Она, казалось, не вѣрила теперь тому, что̀ тогда видѣла и слышала отъ него, а затѣмъ вспоминала.

До сихъ поръ ясно видѣла она и даже однажды ей пригрезилось во снѣ, какъ онъ смѣется, добродушно, но оскорбительно глядя ей въ глаза, и какъ при этомъ блестятъ его жемчужные зубы подъ завитыми усами! Она постоянно и ясно слышала нѣкоторыя сказанныя имъ слова и фразы, какъ если бы они дѣйствительно продолжали звучать около нея.

— Mille e tre!? Совершенно вѣрно! Вы, графиня, въ числѣ даже не десятковъ, а сотенъ... И свѣтскихъ женщинъ, и продажныхъ, и маркизъ, и горничныхъ. Почему же вы думаете, что, разставшись и разойдясь сотни разъ, я долженъ теперь обречь мое существованіе на то, чтобы до восьмидесяти лѣтъ обожать васъ? За что? Что̀ вы? Фениксъ? Такими, какъ вы— полны бульвары и кафе́. Когда-то я говорилъ вамъ, что я васъ люблю. Я не лгалъ. Теперь принято называть „это“—любовью... Наконецъ, я помню, когда и какъ мы сошлись... Мнѣ тогда была нужна свѣтская женщина и русская... Pour faire enrager извѣстную вамъ Діану д'Альбре́... Я искалъ... Вы мнѣ попали подъ руку... Et ma foi!.. Мнѣ было все равно... Faute de mieux, я сталъ за вами ухаживать, мы сошлись. И вскорѣ же я разозлилъ Діану, стало быть, достигъ цѣли, благодаря вамъ. Любить же? Я не знаю, могу ли, нѣтъ ли. Можетъ быть я и встрѣчу женщину, которую полюблю, на которой женюсь... Но... Но это будетъ не то, что̀ вы, графиня. На такихъ женщинахъ, какъ вы, не женятся... on se sert de vous autres! Эти слова, послѣд-

нія, сказанныя съ громкимъ смѣхомъ, звучали непрерывно въ ея ушахъ, преслѣдовали ее.

И когда же все это случилось? Тогда именно, въ тѣ самые дни, когда она, окончательно запутавшись изъ-за него въ своихъ дѣлахъ, казалось, была наканунѣ полнаго разоренія.

Вскорѣ же послѣ этого дико-грубаго разрыва явился эпилогъ...

Изъ полученнаго письма отъ своего повѣреннаго по дѣламъ графиня узнала, что Загурскій широко, вѣрнѣе сказать, странно воспользовался данной ему довѣренностью. Онъ поступилъ... легкомысленно. Этотъ терминъ для опредѣленія извѣстныхъ поступковъ—теперь излюбленъ. Ея большое рязанское имѣніе было продано, долгъ не уплаченъ, а она получила отъ графа двадцать тысячъ франковъ.

Желая упрямо, но наивно, объясненія этого факта, она справилась на квартирѣ Загурскаго, гдѣ онъ, и узнала, что онъ выѣхалъ въ Пиренеи. Графиня удивилась, стала наводить справки черезъ знакомыхъ и черезъ людей, и вскорѣ же узнала, что графъ въ Баньерѣ, гдѣ находятся временно баронесса Герцлихъ и Эми Скритицына.

Кора поняла тотчасъ, что Загурскій не зря попалъ туда, не даромъ! Но зачѣмъ? Съ какой цѣлью? На молоденькой Эми онъ можетъ только жениться. Но для него у нея слишкомъ мало. Онъ женится только на нѣсколькихъ милліонахъ. Баронесса—его пріятельница. И какъ помогала она когда-то имъ двоимъ въ ихъ начинающемся романѣ, точно такъ же, конечно, теперь можетъ она помогать ему тамъ на водахъ.

Новый приливъ жажды мести заглушилъ въ графинѣ всѣ другія чувства. Она видѣла изъ того же письма повѣреннаго, что надо скорѣй принять кое-какія мѣры, чтобы не потерять всего состоянія, но ей было не до того. Узнавъ окончательно и вѣрно, что Загурскій въ Баньерѣ и проводитъ цѣлые дни у баронессы Герцлихъ, она тотчасъ же собралась и выѣхала.

По пріѣздѣ сюда, она остановилась въ одной изъ маленькихъ гостинницъ, на краю мѣстечка, затѣмъ поздно вечеромъ отправилась въ большой отель, гдѣ стоялъ графъ, и взяла нумеръ въ томъ же этажѣ и корридорѣ, гдѣ былъ онъ. На другой день, ранёхонько утромъ, такъ какъ Загурскій вставалъ въ полдень всегда, она переѣхала въ эту гостинницу, при чемъ ея два сундука явились съ оторванными наканунѣ мѣдными дощечками, гдѣ было выгравировано ея имя. И здѣсь, ради осторожности, она была прописана подъ именемъ г-жи Михайловой.

Графиня рѣшилась пробыть въ Баньерѣ сколько бы то ни

было, чтобы выслѣдить на гуляньѣ и на водахъ, что̀ именно дѣлаетъ Загурскій, конечно всячески стараясь избѣгать встрѣтиться съ нимъ или съ баронессой.

Черезъ два-три дня ею, однако, овладѣло недоумѣніе и сомнѣніе. Она ни разу не видѣла графа на гуляньѣ, ни около курзала, ни въ казино, ни тамъ, гдѣ толпилась днемъ и вечеромъ масса пріѣзжихъ.

Ея камеристка, подружившись съ корридорнымъ лакеемъ, принесла ей все тѣ же вѣсти, все то же, что̀ она и сама видѣла. Загурскій по цѣлымъ днямъ сидѣлъ на виллѣ баронессы, но помимо ея дочери и Скритицыной, не выходившей почти изъ своей комнаты, на виллѣ не было никого. Стало быть, никакого новаго романа нѣтъ, и баронесса ни въ чемъ своему пріятелю не помогаетъ

Не будь Эми полубольная, разбитая горемъ,—графиня готова была бы подумать, что Загурскій началъ за ней ухаживать, и, пожалуй, способенъ на еще бо̀льшую низость при помощи своей пріятельницы.

„Что̀ же ему! — думала она, злобно усмѣхаясь:—за нее заступиться некому, одинъ дядя—старый дуракъ, болтающійся по парижскимъ бульварамъ. Не онъ будетъ драться съ бреттёромъ, который искусныхъ стрѣлковъ, въ томъ числѣ и Френча, отправляетъ на тотъ свѣтъ“...

И вдругъ Кора все болѣе и болѣе начала убѣждаться въ томъ, что болѣзнь Эми вымышлена, что свѣдѣнія невѣрны, что не въ гостиной баронессы проводитъ время Загурскій, а въ комнатахъ Скритицыной. Всей нелѣпости своихъ подозрѣній ревнивица не понимала. Однажды вечеромъ англичанка заявила графинѣ таинственно, что принесла такую вѣсть, которая поразитъ ее. Новый другъ ея, Jules, корридорный, передалъ ей, что вчера около десяти часовъ вечера въ первомъ нумерѣ, самомъ дорогомъ и великолѣпно убранномъ, гдѣ остановился русскій графъ, была дама вся въ черномъ, но съ такимъ густымъ вуалемъ или, вѣрнѣе, съ двумя вуалями на лицѣ, что узнать, сколько ей лѣтъ и какова она собой—невозможно. Можетъ быть дивная красавица, а можетъ быть вѣдьма. Вдобавокъ, на ней длинная тальма, скрывающая талію и ростъ. Jules настаивалъ особенно на томъ, что эта двойная вуаль имѣетъ громадное значеніе: дама, очевидно, боится до смерти, чтобы ее кто не узналъ. Являясь, она быстро проходитъ садъ, подъѣздъ, лѣстницу и корридоръ.

При этомъ извѣстіи Кора такъ взволновалась, такъ сильно смутилась, что чувствовала, какъ у нея дрожали руки и ноги.

Понемногу успокоившись и овладѣвъ собой, она тотчасъ же послала за главнымъ управляющимъ гостинницы. Gérant, маленькій человѣчекъ, толстый и плѣшивый, съ дѣтски-свѣжимъ и веселымъ лицомъ, явился тотчасъ же. Улыбаясь какъ херувимъ, онъ всталъ въ дверяхъ съ вопросомъ, что угодно русской дамѣ.

Графиня заявила, что желаетъ перейти въ нумеръ второй, гдѣ ей будетъ удобнѣе. Gérant заявилъ, что онъ занятъ. Она предложила платить за этотъ нумеръ въ десять разъ дороже. Нумеръ стоитъ двадцать франковъ въ день, она предложила полтораста и двѣсти въ сутки, обязуясь занимать его недѣлю. Gérant объявилъ, что безъ хозяина рѣшить этого не можетъ, и ушелъ. Черезъ часъ онъ вернулся съ отвѣтовъ, что англичанинъ, занимающій этотъ нумеръ, готовъ его уступить. Цѣна же останется по-прежнему старая.

„Ну, милый графъ,—подумала Кора, злорадствуя.—Теперь будетъ мой чередъ посмѣяться. Et je rirai la dernière"...

Двое сутокъ прождала графиня очистки нумера, и волненіе ея дошло до послѣднихъ предѣловъ. На второй день оно еще болѣе усилилось, потому что англичанка, видѣвшая нумеръ при содѣйствіи Жюля, въ отсутствіи занимающаго его постояльца, принесла крайне важную вѣсть. Между этимъ нумеромъ, тамъ, гдѣ была маленькая спальня, и гостиной перваго нумера, гдѣ принималъ графъ, была дверь, конечно, запертая, но плохо затворяющаяся. И не только слышно все, что говорится въ гостиной, но можно въ небольшую скважину между несходящимися дверями видѣть все, что происходитъ тамъ.

Отъ этого извѣстія у графини такъ забилось сердце, какъ еслибы дѣло шло не о двери, а о Богъ вѣсть какомъ важномъ событіи. Разумѣется, подобная случайность играла теперь во всемъ дѣлѣ огромную роль.

Очевидно, сама судьба помогала ей. Простое, заурядное сочетаніе мелкихъ обстоятельствъ хотѣло мстить за нее...

Черезъ день, или два, она узнаетъ, кто эта женщина, скрывающаяся тщательно, услышитъ ея голосъ, увидитъ ея лицо, узнаетъ все. Вѣдь они будутъ говорить... Положимъ, что они будутъ осторожны. Но вѣдь ей нужно два-три слова, чтобы судить, отгадать.

— А затѣмъ?—воскликала графиня.—Затѣмъ!.. Я назовусь въ гостинницѣ... Я стану вездѣ бывать... Я съ ней познакомлюсь... И ей, ему, всѣмъ объявлю все, что знаю... Я на все пойду!.. Она, навѣрное, замужняя, и мужъ въ Баньерѣ. Не даромъ она тщательно скрывается... Я предчувствую, что страшно

отомщу. Если же это бѣдная Эми, то я сдѣлаю скандалъ, который опозоритъ его. Спасти дѣвочку, конечно, поздно, если она бываетъ здѣсь. А до ея позора мнѣ нѣтъ дѣла! Но лучше давай Богъ, чтобы это была иностранка — съ мужемъ, энергическимъ человѣкомъ.

VII.

Графъ Загурскій—„двойной“ экзотикъ, какъ прозвалъ его Рудокоповъ, за то, что дѣды его основались въ Россіи, а онъ основался въ Парижѣ—былъ не просто ухаживатель за женщинами, „mangeur de coeurs“, а спеціалистъ, техникъ... и даровитый техникъ... Техническая часть ухаживанья и „влюбленья“ въ себя женщинъ была доведена имъ до высшей степени совершенства. Но за то же онъ и не брезгалъ никакими средствами и фортелями. И эта его „прикладная механика“ была безошибочна и всегда и всюду побѣдоносна. Слишкомъ тонко бывала она всегда обдумана.

Дама вся въ черномъ, съ двойной бѣлой вуалью, рѣшившаяся уже два раза побывать въ отелѣ у графа Загурскаго, съ опасностью быть узнанной, была баронесса Герцлихъ.

Напрасно попробовала бороться сама съ собой уже немолодая женщина, любившая въ первый разъ въ жизни. Натура и жажда неизвѣданнаго, желаннаго съ двадцати лѣтъ—взяли свое.

За всю свою жизнь она была окружена поклонниками, но въ средѣ ихъ ни разу не нашлось ни одного, для котораго стоило пожертвовать... если не своей репутаціей женщины безупречнаго поведенія, то своей душой, своими мечтами.

— Лучше ничего, чѣмъ это, — говорила она.

Послѣ стараго мужа, болѣзненнаго брюзги и безсмысленнаго ревнивца, отъ котораго она, наконецъ, ушла, судьба никого и ничего не послала ей. Явился Герцлихъ — тоже почти старикъ. Ей было тридцать лѣтъ, ему за пятьдесятъ, но онъ, женатый и почти разведенный, такъ же, какъ и она, изображалъ собой нѣчто, чѣмъ пренебрегать было нельзя. Онъ страстно, безумно полюбилъ ее, какъ еслибы ему было двадцать лѣтъ. Для него, женившагося когда-то по разсудку, ради связей, на дочери петербургскаго сановника, баронесса была первой встрѣчей, первой любовью. Вдобавокъ, при его огромномъ состояніи, его привязанность мѣняла совершенно положеніе соломенной вдовы съ двумя дѣтьми.

Баронъ Вертгеймъ посылалъ на воспитаніе дѣтей и на прожитокъ около трехъ тысячъ. Герцлихъ могъ дать—сколько баронесса захочетъ, безъ счету.

И тридцатилѣтняя Юлія Вертгеймъ, красивая женщина, на видъ двадцати-трехъ или четырехъ лѣтъ, предпочла серьезную связь съ пожилымъ богачомъ—легкимъ и банальнымъ романамъ, которые напрашивались давно. Семь лѣтъ прожила она съ Герцлихомъ, и семь лѣтъ была ему вѣрна. Онъ ее обожалъ. Она его любила и уважала.

Теперь натура заговорила и взяла свое. Когда и какъ она рѣшилась на все, ради Загурскаго, она сама не знала. Было только ясно ей самой, что она его полюбила до потери разума, забвенія всего. Почему? За что? На это отвѣчать было трудно. Еслибы баронессѣ сказали, что она за свой поступокъ сложитъ голову на плаху,—она бы не остановилась. Быть можетъ, ихъ отношенія послѣднихъ трехъ лѣтъ сдѣлали все. Онъ былъ ея другомъ. Она была для него симпатичная женщина, которыхъ „очень“ любятъ, но въ которыхъ влюбиться уже нельзя. Это дразнило ее. И вотъ вдругъ, нежданно... отъ ея одного слова все стало зависѣть... Все! Осуществленіе грезъ всей жизни и осуществленіе трехлѣтнихъ мечтаній о немъ, Загурскомъ. И она полюбила его со всѣмъ пыломъ юности... Онъ былъ для нея тѣмъ же, чѣмъ она была для Герцлиха. Когда графъ явился въ Люшонѣ, а затѣмъ въ Баньерѣ, и вдругъ заговорилъ иначе,—она начала съ подозрѣнія.

Сто разъ пришло ей на умъ, что это—лукавство, ложь, притворство... Это—ея милліонъ, подаренный мужемъ. Можетъ быть! но она не хотѣла и думать объ этомъ. А всему, что̀ пѣлъ и напѣвалъ онъ—она хотѣла вѣрить. Обманъ? Что̀ за дѣло! Вѣдь только его слова, его увѣренья и клятвы—обманъ. А все остальное—дѣйствительность. Но это паденіе? Да! Это—гнусное преступленіе предъ обожающимъ ее человѣкомъ?.. Да. Это можетъ изъ-за пустого случая повести къ катастрофѣ? Да...

И на все, на всѣ эти ужасные вопросы баронесса Юлія отвѣчала:—да!.. трепетно и безпомощно. Эми, конечно, не знала и не подозрѣвала ничего, но лукавая и пронырливая Кисъ-Кисъ слѣдила за матерью зорко съ самаго начала, и не скоро рѣшилась повѣрить очевидности. Еще въ Люшонѣ подслушавъ, однажды, разговоръ Загурскаго съ матерью, хитрая Кисъ-Кисъ сразу все поняла.

— Ай-ай-ай!—прошептала она себѣ самой:—quel infâme! Каковъ негодяй! Вѣдь это милліонъ барона Герцлиха заставилъ

его запылать, а мама—по наивности—повѣритъ. Ай-ай-ай, что̀ дѣлать? Помѣшать, или оставить?

И Кисъ-Кисъ рѣшила покуда не впутываться не въ свое дѣло, чтобы какъ-нибудь не прозѣвать чего-либо въ своемъ дѣлѣ, гораздо болѣе важномъ. А дѣло самой Кисъ-Кисъ шло блестящимъ образомъ.

Герцогъ Оканья исполнилъ обѣщаніе, данное въ Парижѣ, и присоединился къ нимъ въ Пиренеяхъ на все лѣто.

Здѣсь, въ Баньерѣ, герцогъ и Кисъ-Кисъ почти не разставались. Всякій день они верхомъ отправлялись въ окрестности; сначала дѣлали маленькія прогулки, не далѣе деревушки Астэ, или мѣстечекъ, лежащихъ по желѣзной дорогѣ на Тарбъ; но, затѣмъ, понемногу, они стали дѣлать болѣе дальнія прогулки. Баронесса разрѣшила маленькія экскурсіи уже не верхомъ, а въ экипажѣ, лишь бы только они возвращались къ вечеру.

Однако, однажды они не вернулись. Они отправились въ Лурдъ, конечно запоздали, и баронесса получила двѣ депеши: одну отъ дочери, другую отъ герцога, извѣщавшихъ, что они ночуютъ въ Лурдѣ въ разныхъ гостинницахъ, для бо̀льшаго соблюденія приличія.

„Хотя, — прибавлялъ герцогъ въ своей депешѣ, — въ мои годы и при лѣтахъ mademoiselle Лины мы бы могли остановиться и въ одномъ отелѣ“.

Баронесса была, очевидно, слишкомъ поглощена своимъ роковымъ положеніемъ, чтобы обращать достаточно вниманія на все, что̀ творила ея дочь. Она въ буквальномъ смыслѣ потеряла разумъ и ходила какъ бы въ припадкѣ лунатизма.

Загурскій, знававшій „mille e tre“, былъ все-таки если не увлеченъ, то тронутъ любовью этой женщины,—настолько была она беззавѣтно и безгранично увлечена. До обоготворенія его и забвенія всего, что̀ не онъ.

— Это уже не осень, золотистая, теплая, тихая... — говорилъ онъ ей шутя.—Развѣ не въ Европѣ, а въ Сахарѣ...

Однако, изрѣдка баронесса замѣчала дочери по поводу герцога:

— Amuse-toi, Kiss-Kiss, mais prends garde.

— Oh, chère maman! Это не мнѣ надо говорить. Вотъ еслибы отецъ или мать герцога были живы, то хорошо бы сдѣлали, еслибы сказали ему теперь:—Amuse-toi, Fernan, mais prends garde...

— Ты воображаешь, что онъ въ тебя влюбленъ?

— Не воображаю, а знаю и вижу.

— И настолько, что захочетъ жениться?

— Да. А если не захочетъ, то... можно будетъ заставить... Да, бѣдный Оканья! Il se conduit comme un enfant, ou un crétin. Это—поведеніе ребенка, нахала или дурака. Что онъ изъ трехъ, я не знаю. Да мнѣ это все равно. Лишь бы придти къ цѣли.

— Prends garde, Kiss! — смущалась баронесса.

— Va le lui dire, à lui, maman!—усмѣхалась юная баронесса, цѣлуя мать.—Я не ты, меня не проведешь.

— Что ты хочешь сказать?

— Ничего... Но, серьезно говоря... prends garde à ton pauvre coeur, maman.

„Ахъ, еслибы только сердце! — мысленно восклицала баронесса.—До погубленнаго сердца никому дѣла нѣтъ, а до погубленной репутаціи всѣмъ дѣло“...

Однако, на второй день послѣ пріѣзда Соколинскаго, баронесса повеселѣла, ожила, и прежде всего обратила вниманіе на тревогу, замѣченную въ любимицѣ. На усиленные разспросы баронессы, что съ ней приключилось послѣ бесѣды съ Соколинскимъ и зачѣмъ онъ пріѣхалъ вмѣсто дяди, Эми откровенно разсказала все. Баронесса была поражена извѣстіемъ о катастрофѣ и разореніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ обрадована другимъ извѣстіемъ—о предложеніи князя.

— Тѣмъ лучше,—воскликнула она,—что все такъ сошлось, что обстоятельства заставляютъ васъ выйти за этого человѣка. Я никогда прежде не могла понять, почему вы, никого не любя, ему отказывали. Вы знаете, что я готова была всячески помочь вамъ по отношенію къ этому несчастному Френчу, и вы сами привели все къ бѣдѣ. Но все-таки теперь я скажу, какъ и прежде говорила: лучше выйти за Соколинскаго, за соотечественника, нежели за иностранца, хотя бы и за такого, какимъ былъ Френчъ.

— Я знаю, что онъ хорошій человѣкъ,—отвѣчала Эми:—добрый и честный, и вѣроятно любитъ меня, если такъ настойчиво хочетъ на мнѣ жениться. Съ его именемъ и состояніемъ ему легко вездѣ найти себѣ подругу жизни. Но поймите, баронесса, одно, простое, нѣчто самое простое: я не могу любить его... Я могла бы быть его другомъ, его сестрой, но женой...

Эми закрыла лицо руками и прибавила:

— Какъ это трудно! Въ немъ есть что-то для меня отталкивающее; онъ даже на мои глаза непохожъ на мужчину, онъ какая-то дама. Или добродушная, пожилая дѣвица. Я помню въ одной русской семьѣ женщину, которую звали Пелагеюшкой,

дѣвицу лѣтъ тридцатя-пяти, толстѣйшую и добрѣйшую, которую дѣти обожали. Ну, вотъ, даю вамъ честное слово, что этотъ милый и добрый князь Георгій Ильичъ точь-въ-точь эта Пелагеюшка. Даже дядя со мной въ этомъ согласился.

Баронесса начала смѣяться, но лицо Эми было серьёзно и печально.

— Послушайте, Эми, я отвѣчу банальностью, но вѣдь многое, что̀ по̀шло — правдиво и вѣрно. Я вамъ напомню пословицу: „стерпится — слюбится“! Я всю мою жизнь видѣла, насколько эта пословица часто оправдывается. Да, наконецъ, въ вашемъ положеніи другого исхода нѣтъ.

— Еслибы знать, то ужъ лучше бы было мнѣ выходить за него замужъ прежде,—отвѣтила Эми грустно.—Я бы не пережила того... что̀ со мной захотѣла судьба сдѣлать. Наконецъ, выйди я за князя прежде, не было бы того, что̀ теперь все отравляетъ...

— Что̀ именно? — спросила баронесса.

— То, что это насиліе надо мной. Нравственное насиліе! Онъ явился покупать меня, заставить меня поступить даже противъ совѣсти. Моя совѣсть возмущается при мысли выходить замужъ за человѣка ради того, чтобы спасти свое состояніе и не остаться нищей. Я всегда буду это помнить, и это помѣшаетъ мнѣ хотя немного любить его, потому что будетъ мѣшать уважать его.

— Ахъ, милая Эми, какія это все глупыя философствованія! Человѣкъ васъ любитъ, счастливъ, что можетъ спасти отъ такой бѣды, и проситъ въ то же время себѣ награду...

— Если ужъ онъ такъ любитъ,—воскликнула Эми,—отчего же онъ не предложитъ все это сдѣлать изъ любви и дружбы, не насилуя меня? Еслибы онъ поступилъ такъ, я бы на него посмотрѣла совершенно иначе. А теперь я буду вѣдь знать всю жизнь, что онъ заставилъ меня продаться...

— Да, это правда! — помолчавъ и подумавъ, вдругъ произнесла баронесса Герцлихъ.—Еслибы онъ пріѣхалъ сюда сказать вамъ, что онъ даетъ эти полъ-милліона франковъ изъ любви къ вамъ, и не потребовалъ бы ничего, то я бы сама сказала, что онъ рыцарь, и посовѣтовала бы вамъ самой предложить ему руку и сердце — въ награду. Вотъ что̀, Эми: поручите мнѣ съ нимъ побесѣдовать... О чемъ—я сама еще не знаю... Согласны вы?..

— Конечно...—отозвалась Эми грустно. — Но тутъ ничего сдѣлать нельзя. Мнѣ надо себя побороть.

VIII.

Часовъ около девяти вечера Эми, оставшаяся въ постели и въ темнотѣ, дремала, чувствуя себя слабой, измученной и истерзанной. И вслѣдствіе случайности или особаго сочетанія помысловъ и душевныхъ движеній, въ этой дремотѣ ясно, живо, какъ на яву, грезился ей тотъ человѣкъ, котораго она страстно любила, и который погибъ изъ-за нея.

Въ то же время баронесса, принявъ князя, объясняла ёму, что въ качествѣ друга Эми вмѣшивается въ дѣло, чтобы передать ему окончательное ея рѣшеніе.

— Какое?!.. — вскрикнулъ князь. — Она отказываетъ?

Баронесса сдѣлала грустно-сочувственную гримасу и даже вздохнула; князь былъ видимо страшно пораженъ. Наконецъ, онъ заговорилъ, объясняя, что уже третій разъ дѣлаетъ Скритицыной предложеніе... Что онъ знаетъ объ ея „вспышкѣ“ къ какому-то англичанину, убитому... Что онъ вновь доказываетъ ей своимъ предложеніемъ, какъ много, глубоко привязанъ къ ней. Наконецъ, она избавится отъ грозящей ей нищеты. Баронесса дала высказаться Соколинскому, нѣсколько успокоиться и заговорила въ свой чередъ.

— Завтра утромъ Эми васъ приметъ, князь, и передастъ вамъ свой отвѣтъ, что не можетъ, послѣ долгаго разсужденія и размышленія, за васъ выйти замужъ. Положеніе ея не будетъ тяжелое, такъ какъ она останется со мной, и покуда я жива, она будетъ жить у меня, какъ моя дочь. Если найдется человѣкъ, котораго она полюбитъ и захочетъ выйти замужъ, то зачѣмъ непремѣнно предполагать, что этотъ человѣкъ будетъ безъ средствъ. Если же такъ случится, то я и мужъ—мы настолько любимъ Эми, что можемъ подарить ей маленькое приданое. Вы знаете, что у моего мужа состояніе очень большое, и что ему ничего не значитъ подарить какихъ-нибудь пятьдесятъ тысячъ франковъ, хотя бы даже сто тысячъ, и подарить Эми, которую я люблю. Но не въ этомъ дѣло, князь, а вотъ въ чемъ: завтра Эми должна сама отказать вамъ. Хотите ли вы, чтобы завтра она, въ этой вотъ самой гостиной, не печальная и если не вполнѣ счастливая, то все-таки довольная, сказала бы вамъ, что она согласна? Желаете ли вы завтра утромъ стать ея женихомъ?

Князь, сидѣвшій опустивъ голову, выпрямился, поглядѣлъ на баронессу съ крайнимъ изумленіемъ и молчалъ.

— Вы меня какъ будто не поняли?

— Понялъ, баронесса, но, однако... Собственно, ничего не понялъ! Какимъ образомъ?

— Очень просто, князь! Проще нельзя! Мужчины въ извѣстныхъ случаяхъ глупѣе женщинъ. Мужчины часто подыскиваютъ сто разныхъ ключей съ разными секретами къ ларчику, который отворяется просто—пальцами. Лишь нажать пружинку, которая не только видима, но глаза рѣжетъ. Хотите, я вамъ дамъ ключъ къ этому ларчику—къ сердцу Любови Борисовны.

— Ахъ, баронесса! — вскрикнулъ Соколинскій и, привскочивъ, схватилъ руки ея и сталъ цѣловать. — Вы меня спасете! Бога ради, неужели есть средство?

— Самое простое! Но только, князь, надо меня послушаться буквально!

— Все, что прикажете! Все на свѣтѣ! На край свѣта пѣшкомъ пойду!

— Это слишкомъ далеко и долго, князь,—разсмѣялась баронесса. — Все это будетъ гораздо проще и скорѣй. Ступайте домой и напишите Любови Борисовнѣ письмо буквально такого содержанія. Скажите ей, что вы ее любите глубоко и давно, что доказали это тѣмъ, что нѣсколько разъ сватались; скажите, что вы догадались теперь, насколько ей трудно рѣшиться идти за васъ замужъ, такъ какъ она предпочитаетъ быть нищей скорѣе, чѣмъ вашей женой. Поэтому вы не хотите насиловать ея сердце и берете назадъ свое предложеніе. Но вы просите ее доказать, что она имѣетъ къ вамъ хотя бы дружбу и просите позволить вамъ, постороннему и чужому ей человѣку, дать доказательство вашей дружбы. Просите позволить внести тѣ пятьсотъ тысячъ франковъ, которые необходимы для спасенія ея состоянія, съ тѣмъ, что если дѣла поправятся, она или ея дядя возвратятъ вамъ эти деньги. Если же онѣ пропадутъ, то принять это, какъ подарокъ отъ человѣка, который ее давно глубоко любитъ.

Князь сидѣлъ передъ баронессой, глядя ей въ лицо, не сморгнувъ и бровью не двинувъ, какъ истуканъ, и наконецъ выговорилъ нерѣшительно и страннымъ голосомъ:

— Извольте...

— Неужели вы боитесь, князь, что я подвожу васъ, что вы предложите Любовь-Борисовнѣ этотъ подарокъ, и она его приметъ. И больше ничего?! Въ такомъ случаѣ, если я обманываю васъ и поступаю неблаговидно, то кто же мѣшаетъ вамъ черезъ два-три дня отказаться отъ вашего предложенія? Это будетъ такъ же неблаговидно, какъ и мой теперешній поступокъ.

— Нѣтъ, баронесса, я понялъ! Я понялъ! — воскликнулъ

князь съ радостнымъ лицомъ. — Сейчасъ же бѣгу къ себѣ и пишу Любови Борисовнѣ огромное письмо. Да наконецъ, по правдѣ сказать, честное слово, если бы даже это такъ все и приключилось, то я готовъ для нея на такое пожертвованіе. Это будетъ какая-нибудь треть или четверть моего состоянія. Что за важность! Пожить года четыре-пять поскромнѣе—и я доходами почти верну все это. Такъ, такъ! Благодарю васъ! Вы—умнѣйшая женщина, добрѣйшая женщина!

Соколинскій схватилъ руки баронессы и снова началъ ихъ цѣловать.

Черезъ нѣсколько минутъ Соколинскій вышелъ изъ виллы и не шелъ, а почти бѣжалъ къ себѣ въ гостинницу. Черезъ четверть часа онъ уже сидѣлъ за письменнымъ столомъ и писалъ. Онъ думалъ, что письмо выйдетъ на двухъ большихъ страницахъ, но скоро онъ былъ уже на четвертой страницѣ, а всего еще не высказалъ.

Наконецъ, часа черезъ полтора, тяжеловѣсное письмо въ большомъ конвертѣ было принесено и передано горничной Эми. Горничная вошла въ спальню къ барышнѣ и, видя, что она крѣпко заснула, отправилась къ баронессѣ за совѣтомъ, что дѣлать. Баронесса, улыбаясь, взяла письмо, покачала его на рукѣ и, улыбаясь, подумала:

„Да, тяжеловѣсное! Листа два, страницъ восемь... Навѣрное, Цицеронъ позавидовалъ бы“...

— Вотъ что, моя милая, если m-lle Скритицына проснется, то передайте ей письмо; если же не проснется, оставьте ее спать до утра.

Но Эми, измучившись, спала крѣпко, проснулась, увидѣла на часахъ третій часъ ночи и, тяжело вздохнувъ, рѣшила не звонить горничную. Часовъ въ десять утра она проснулась, и горничная подала ей письмо.

Дочитавъ письмо до половины, Эми перебѣжала къ окну, растворила его и продолжала читать. Лицо ея оживилось. Прочтя, она снова перечла, а затѣмъ долго просидѣла у окна, не двигаясь, но спокойная и будто грустно-довольная.

Очнувшись, она спросила, поднялась ли баронесса, и на утвердительный отвѣтъ приказала просить ее къ себѣ. Наскоро причесавшись и накинувъ пеньюаръ, Эми съ письмомъ въ рукахъ стала ждать баронессу. Наконецъ, когда эта съ умышленно-сумрачнымъ лицомъ вошла въ спальню, Эми двинулась къ ней и произнесла:

— Баронесса, я выхожу замужъ за Соколинскаго. Я согласна! И безъ всякаго горькаго чувства на сердцѣ.

— Что вы?—яко бы удивилась баронесса.

Эми поцѣловала ее и передала ей письмо князя. Баронесса прочла его въ свой чередъ и выговорила:

— Да, Эми. Я поступила бы такъ же. Un brave homme.

Въ эту самую минуту въ спальню вошла горничная и подала Эми карточку. Она взяла—и ахнула.

— Адріанъ Николаевичъ! — вскрикнула она.— Рудокоповъ. Вотъ кстати... Но что скажетъ онъ? Я даже боюсь теперь.

Чрезъ нѣсколько минутъ Эми уже сидѣла въ гостиной съ другомъ-докторомъ и передавала ему все...

Узнавъ о катастрофѣ, онъ вскрикнулъ:—Мерзавецъ!—и прибавилъ:—Простите. Сорвалось. Но хоть годъ сиди, думай—другого имени не придумаешь.

Узнавъ о рѣшеніи Эми, онъ сталъ сумраченъ и спросилъ:

— И не боитесь?

— Нѣтъ, Адріанъ Николаевичъ, не боюсь. Прочтите вотъ.

Рудокоповъ прочелъ письмо Соколинскаго, просіялъ и выговорилъ:

— И я не боюсь! Съ Богомъ! Выходите за этакаго...

И на виллѣ въ этотъ день началась сумятица. Всѣ были веселы и счастливы. Князь Соколинскій смотрѣлъ какъ безумный отъ восторга.

Времени, однако, терять было нельзя. На другой же день послѣ завтрака у баронессы съ шампанскимъ, чтобы поздравить жениха съ невѣстой, Соколинскій собрался уѣзжать въ Парижъ, а быть можетъ и въ Россію, чтобы скорѣе добыть нужныя деньги. Приходилось для этого или заложить большое малороссійское имѣніе, или два другихъ въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи. Впрочемъ, князь надѣялся избѣжать поѣздки, такъ какъ по намеку баронессы догадывался, что баронъ Герцлихъ согласится на короткій срокъ ссудить его необходимой суммой. Если бы у Герцлиха даже и не нашлось случайно тотчасъ же свободныхъ денегъ, то онъ, вращающійся въ финансовомъ мірѣ Парижа, могъ всегда ихъ достать.

Эми, вызвавшая Рудокопова, чтобы просить съѣздить повидаться съ дядей, настаивала и теперь. Докторъ всячески доказывалъ, что ему незачѣмъ ѣхать въ Парижъ, такъ какъ помочь горю онъ не можетъ, но однако кончилось тѣмъ, что онъ собрался тоже вмѣстѣ съ княземъ. Эми упросила его повидать

дядю, чтобы выяснить, не осталось ли хоть чего-либо, хоть крохъ, отъ всего состоянія.

— Только вамъ одному, Адріанъ Николаевичъ, я могу вполнѣ вѣрить,—говорила она:—да и дядя не имѣетъ права обидѣться. Можетъ быть, все преувеличено.

— А если есть крохи, вы не пойдете за князя?—спросилъ Рудокоповъ, лукаво глядя ей въ глаза.

— Нѣтъ. Все-таки пойду.

— То-то же... А то я, было, испугался... Люблю, люблю, а если можно не любить—не люблю.

И два человѣка, всегда косившіеся,—и давно,—другъ на друга, вмѣстѣ сѣли въ вагонъ. Баронесса съ дочерью и Эми, ради прогулки, собрались проводить отъѣзжающихъ до Тарба. Здѣсь они простились и къ вечеру вернулись обратно въ Баньеръ.

Рудокоповъ и Соколинскій въ первый разъ со дня знакомства провели теперь нѣсколько часовъ вмѣстѣ. Кончилось тѣмъ, что около полуночи оба сильно измѣнили свое мнѣніе, или свое предубѣжденіе другъ къ другу. Рудокоповъ, слушая повѣствованіе и даже отчасти исповѣдь Соколинскаго, думалъ про себя:

„Пустой, но добрый малый, даже очень добрый! И совершенно безхарактерный... Куда вѣтеръ дунетъ, туда и повернется. Нравственный пухъ, который съ вихремъ можетъ унестись и въ поднебесье. Кабы могла Любочка прибрать его къ рукамъ, то была бы, пожалуй, счастлива. Конечно,—банально счастлива. Если пойдутъ дѣти, то это бракосочетаніе совсѣмъ съ рукъ сойдетъ. Займется дѣтьми и забудетъ, какой пошлякъ исправляетъ должность супруга“...

Въ то же время князь, приглядываясь къ доктору, думалъ: „Онъ вовсе не такой злой и о себѣ воображающій не вѣсть что... Конечно, приглядываясь, видно, что за этимъ барином сквозитъ мужикъ, но честный, прямой... Онъ искренно любитъ Aimée, и это должно насъ сблизить“.

И при этомъ князь радостно улыбнулся. Она теперь для него не Любовь Борисовна, а—„Aimée“.

IX.

Большой нумеръ въ бель-этажѣ отеля около цѣлаго аппартамента, занятаго графомъ Загурскимъ, наконецъ освободился, благодаря стараніямъ gérant гостинницы.

Графъ не вставалъ никогда ранѣе одиннадцати часовъ, и, зная

это, Кора поднялась ранёхонько. Въ девять часовъ ея вещи были уже перенесены, и сама она перешла, покуда Бэтси караулила и прислушивалась на всякій случай, все ли тихо въ комнатахъ графа.

Очутившись рядомъ съ Загурскимъ, отдѣленная стѣной, даже только дверью, отъ одной изъ его комнатъ, Кора была взволнована. Неужели все удастся... И удастся такъ просто, благодаря лишь тому, что они въ гостинницѣ? Она будетъ свидѣтельницей, услышитъ ихъ голоса, поймаетъ ихъ на мѣстѣ... Но кто эта женщина?! Минутами графинѣ хотѣлось, въ отсутствіе Загурскаго, попробовать отворить дверь, запертую на ключъ, и затѣмъ только притворить ее. Если это сдѣлать, то она можетъ даже ворваться къ нему, когда захочетъ.

Однако, обсудивъ это хладнокровнѣе, Кора рѣшила, что это— лишнее. Ей нужны только доказательства: кто эта женщина. И если это не Эми, то все-таки она доведетъ дѣло до скандала, а можетъ быть и до страшнаго урока Загурскому. Иной испанецъ не пойдетъ драться на дуэли съ любовникомъ жены, а просто хватитъ ножомъ. А то и наймете, подошлетъ сдѣлать это.

— И это было бы заслужено вполнѣ!—восклицала Кора въ припадкѣ злобной ненависти.

Два дня просидѣла Кора безвыходно въ своемъ нумерѣ, и дошла до крайней степени раздраженія. Каждое утро и каждый вечеръ она „слышала“ Загурскаго за дверью... Онъ принималъ кой-кого изъ новыхъ знакомыхъ мужчинъ. Но чаще всѣхъ бывалъ герцогъ, жившій въ той же гостинницѣ, на другомъ краю дома. И каждый разъ они вели тривіальные разговоры о женщинахъ, любовныхъ похожденіяхъ, побѣдахъ, измѣнахъ...

Однажды вдругъ зашла рѣчь о ней. Герцогъ спросилъ, смѣясь, справедлива ли молва, что между графомъ и ею была долгая связь, порванная теперь... Загурскій отвѣтилъ, что эти вещи не говорятся и въ нихъ не признаются, но такимъ голосомъ и съ такимъ смѣхомъ, что Оканья получилъ утвердительный отвѣтъ... Тогда онъ задалъ Загурскому, смѣясь, два-три вопроса о ней, и графъ отвѣчалъ, прибавляя слова: „je le suppose“...

Наконецъ, герцогъ далъ одинъ вопросъ о ней, на который графъ отвѣтилъ, и они начали хохотать.

Кора, какъ ужаленная, отскочила отъ двери, въ негодованіи вышла въ гостиную и внѣ себя пробормотала:

— Quel animal, mon Dieu! Et j'ai aimé ça...

Наконецъ, однажды вечеромъ около восьми часовъ Бэтси вле-

тѣла къ ней, объявляя, что, со словъ пріятеля-лакея, графъ ожидаетъ визита таинственной дамы. Въ этихъ случаяхъ онъ остается дома, велитъ подавать thé complet avec théière anglaise, и посылаетъ за конфектами.

Графиня перешла въ свою спальню и, не зажигая свѣчей, сѣла въ кресло около дверей къ Загурскому. Онъ ходилъ по своей гостиной изъ угла въ уголъ и насвистывалъ что-то знакомое ей. Наконецъ, онъ вымолвилъ громко:

— Enfin...

Отвѣтъ и голосъ женщины отозвался ударомъ въ головѣ Коры. Это была баронесса Герцлихъ. Но что это значитъ?

Разговоръ, начавшійся между ними, сказалъ ей все... Сразу!

Около часа просидѣла она, прислушиваясь. Затѣмъ вдругъ поднялась, нетвердой походкой двинулась изъ спальни и, позвавъ слабымъ голосомъ камеристку, попросила воды... Не этого ожидала она! И этому никогда не повѣрила бы, если бы не собственный слухъ...

Бэтси бросилась со стаканомъ къ ней и, видя мертво-блѣдное лицо барыни, стала ее уговаривать быть спокойнѣе, хладнокровнѣе. Кора задыхалась... Ей казалось, что невидимая рука схватила ее за горло и давитъ, душитъ. Она взяла шляпку и зонтикъ и, медленно выйдя изъ нумера, спустилась по лѣстницѣ. Чистый воздухъ и движеніе были ей необходимы.

Выйдя на террасу, она оглянулась.

Здѣсь было человѣкъ десять изъ живущихъ въ отелѣ. Одни сидѣли за накрытыми столиками съ чаемъ, другіе играли въ карты, остальные бродили по дорожкамъ. Графиня сошла по ступенькамъ въ садъ. Ей хотѣлось тоже походить и даже выйти на улицу, но нравственное потрясеніе привело къ тому, что она чувствовала во всемъ тѣлѣ сильную слабость.

И она опустилась, невольно на садовую скамейку близъ самыхъ дверей, гдѣ сновала взадъ и впередъ прислуга, но, глядя на все, ничего не видѣла. Въ ушахъ ея звенѣли „ихъ“ голоса. Также и его ласковый голосъ съ тѣми же нѣжными словами, которыя она знала наизусть, слышавъ тысячи разъ... Ея голосъ былъ тѣмъ самымъ, который знала и тотчасъ же узнала Кора. Онъ вскорѣ сталъ инымъ. Никогда при ней баронесса не говорила ни съ кѣмъ такимъ голосомъ.

Сейчасъ только поняла Кора, что это женщина не теперь, здѣсь, въ Баньерѣ, полюбила этого человѣка, а давно, давно любитъ его. Она уже любила его, когда покровительствовала имъ обоимъ. И какая же это была роль?! А что съ ней было, когда

онъ уѣхалъ драться съ Френчемъ? Какъ же она, Кора, не видѣла этого, не понимала, принимала ея чувство къ нему за дружбу? Какая наивность! Виновата ли эта женщина теперь, если давно любила его? А онъ? Какая возмутительная натура! Деньги и деньги... Стало быть, и она была для него только источникъ дохода! Когда источникъ изсякъ, онъ выжалъ послѣднее, самъ, обманомъ, почти воровствомъ... И бросилъ! И прямо отправился обворовывать другую, которую всегда звалъ свысока и покровительственно: „Cette pauvre baronne“, какъ бы желая сказать: „Эта милая старушенція“!

И Кора, совершенно поглощенная этими мыслями, безсознательно глядѣла въ ярко освѣщенныя двери, настежь открытыя на террасу, гдѣ все сновалъ народъ и обитатели отеля, и гости, и прислуга. Она машинально встрѣчала всѣхъ глазами и провожала, продолжая перебирать мысленно все одно и то же, свое недавнее прошлое, тѣсно связанное съ образомъ недостойнаго человѣка, и нынѣшнее свое разочарованіе въ немъ.

И вдругъ она увидѣла даму, всю въ черномъ, въ длинной, круглой пелеринѣ скрывавшей всю фигуру, въ густой бѣлой вуали на маленькой шляпкѣ...

Дама быстрой походкой вышла изъ дверей, перешла террасу, спустившись, поровнялась съ ней, проходя въ двухъ шагахъ отъ скамейки. И вдругъ при видѣ Коры она вздрогнула и какъ бы откачнулась въ сторону, будто отстраняясь отъ нея. Это внезапное движеніе было едва уловимо, но графиня замѣтила его. И только въ этотъ мигъ догадалась она и вскрикнула:

— Это—она!..

Кора не могла видѣть и узнать тщательно укутанную женщину, а просто почувствовала, что это—баронесса...

Она порывисто, но безсознательно вскочила со скамейки, бросилась къ ней, заступила ей дорогу и хотѣла крикнуть: — „Arrêtez“!

Но голосъ пропалъ, горло сжало судорогой, языкъ не повиновался. Она взмахнула зонтикомъ, чтобы ударить ту по головѣ, но та заслонилась и ударъ пришелся по поднятой рукѣ. Графиня снова сильнѣе взмахнула. Хрупкая ручка перелетѣла пополамъ, зонтикъ упалъ на дорожку, и въ рукахъ ея остался конецъ. Баронесса, уже вскрикнувъ, пятилась и озиралась. Кора, наступая, крикнула что-то безсвязное и взмахнула обѣими руками, какъ бы собираясь сорвать съ нея вуаль. Но сильная рука схватила ее сзади.

— Voyons, mesdames! Voyons!—крикнулъ голосъ.

И она увидѣла себя уже окруженной кучкой незнакомыхъ людей, заслонявшихъ отъ нея баронессу.

— C'est la baronne Herzlich, qui sort de chez son amant!— вскрикнула она. И будто разбуженная собственнымъ голосомъ, она опомнилась и остолбенѣла.

Она не знала, что̀ сейчасъ произошло. Кто-то повелъ ее подъ-руку. Она, вся дрожащая, повиновалась, но ноги все слабѣли. Спазмъ въ горлѣ душилъ.

Чрезъ нѣсколько мгновеній графиня истерически рыдала на той же скамейкѣ, гдѣ сидѣла передъ тѣмъ, а человѣкъ двадцать, окружая ее, толковали, совѣтовали и кто-то несъ стаканъ воды.

„Какой срамъ! Какой срамъ“!—думала она про себя.

Черезъ минуту она поднялась и при помощи своей Бэтси тихо двинулась въ отель, ни на кого не глядя.

На террасѣ она разслышала голосъ, говорившій:

— Madame Mikaloff! Une dame russe.

„Слава Богу“!—подумала она.

Съ трудомъ дойдя до своего нумера, Кора тотчасъ раздѣлась и легла въ постель. Лихорадочная дрожь пробѣгала по ней, а голова горѣла какъ въ огнѣ.

— Приготовьте все, Бэтси, съ вечера. Завтра рано мы уѣзжаемъ въ Парижъ —глухо приказала она.

— All right,—отозвалась тихо камеристка.

X.

Князь Соколинскій, счастливый безмѣрно, и Рудокоповъ, тоже довольный ѝ въ духѣ, безостановочно болтали въ вагонѣ, двигаясь чрезъ Лурдъ и По на Бордо.

Здѣсь была первая болѣе долгая остановка. Едва поѣздъ подлетѣлъ къ вокзалу, докторъ, какъ-то смущаясь, заявилъ князю, что пойдетъ на телеграфъ, и тотчасъ исчезъ.

Соскучившись шагать по платформѣ, князь вышелъ въ двери и заглянулъ въ комнаты вокзала.

— Каково!—воскликнулъ онъ вслухъ, изумленный, и прибавилъ мысленно:—„Вотъ вамъ и серьезные люди“!

Онъ увидѣлъ на диванчикѣ Рудокопова и элегантно одѣтую даму. Но они были такъ далеко, что разглядѣть эту даму было невозможно. Можно было только безошибочно рѣшить, что она— молоденькая. Докторъ и она оживленно бесѣдовали, смѣялись... Когда прогремѣлъ второй разъ голосъ портьé, объявлявшій объ

отходѣ скораго поѣзда на Парижъ, они встали и расцѣловались. Князь юркнулъ въ двери и побѣжалъ къ своему вагону.

— Вотъ тебѣ и мрачный докторъ Адріанъ Николаевичъ!— смѣялся онъ.

Рудокоповъ, вернувшись, глядѣлъ однако какъ провинившійся. Разумѣется, князь ни единымъ словомъ не обмолвился и ничего не спросилъ.

По пріѣздѣ въ Парижъ, Соколинскій настойчиво сталъ просить доктора остановиться вмѣстѣ въ его гостинницѣ, хотя у того и была квартира.

Рудокоповъ, пріѣхавшій на два дня, согласился, но нѣхотя. Это былъ Grand Hôtel.

— Ну, развѣ не хорошо тутъ? — говорилъ Соколинскій съ восторгомъ.—Все есть и все подъ рукой. Умный, хитрый и полезный fin de siècle такъ и лѣзетъ въ глаза.

— Нѣтъ, воля ваша,—насмѣшливо улыбался Рудокоповъ.— По-моему, во всякой гостинницѣ непріятно жить, но въ маленькой все-таки живешь по-человѣчески. А здѣсь—что это такое? Мнѣ все думается, что эти громадныя гостинницы—какія-то фабрики, въ которыхъ фабрикуютъ путешественниковъ. Мы съ вами вовсе не пріѣхали сейчасъ изъ Пиренеевъ, это наша фантазія. Насъ сегодня утромъ здѣсь сфабриковали. Не знаю—почему, а мнѣ чувствуется всякій разъ, что я попаду въ большой отель и въ этакую муравьиную кучу, что я начинаю думать и чувствовать не такъ, какъ всегда, и не по своему, а такъ, какъ всѣ вотъ эти языцы земные, которые тутъ собрались. Вѣдь всѣ тутъ дѣлаютъ одно и то же,—ну, и чувствовать начинаютъ одинаково.

Часа черезъ два по пріѣздѣ, они оба отправились немедля по общему важному дѣлу, т.-е. прямо въ Avenue Wagram, къ Дубовскому.

Они нашли Владиміра Ивановича въ спальнѣ, въ халатѣ, въ большомъ креслѣ, и оба удивились. Рудокоповъ изумился еще болѣе, чѣмъ князь. Этотъ видѣлъ Дубовскаго нѣсколько дней назадъ проѣздомъ, и тогда уже нашелъ въ немъ перемѣну. Рудокоповъ, давно не видѣвшій Дубовскаго, невольно ахнулъ. Владиміръ Ивановичъ постарѣлъ на десять лѣтъ, если не больше.

„Не даромъ, однако, досталось!—подумалъ докторъ.—Видно, все-таки сердечный человѣкъ, если съ трудомъ мирится съ тѣмъ, какое колѣно откололъ“...

Владиміръ Ивановичъ привсталъ, кисло улыбнулся при появленіи пріѣзжихъ, обнялъ Соколинскаго и произнесъ:

— Поздравляю! Я былъ бы счастливъ, если бы...

Но вдругъ онъ заплакалъ и снова сѣлъ въ кресло, не поздоровавшись съ Рудокоповымъ.

— Простите, Адріанъ Николаевичъ! — выговорилъ онъ черезъ нѣсколько мгновеній:—Здравствуйте! Вотъ какое несчастіе! Вотъ какое непростительное легкомысліе! И въ мои годы! Какая мерзость, какая подлость — разорить племянницу, обокрасть! Ограбить! Меня надо судить, меня надо сослать. Я воръ!..

— Полноте, полноте,—заговорилъ добродушно князь:—вспомните, что вамъ, этому случаю, я обязанъ моимъ счастьемъ. И наконецъ—почемъ знать? Черезъ нѣсколько времени все можетъ вернуться, устроиться, я получу обратно свои деньги, а Aimée—свое состояніе.

И князь какъ-то самодовольно улыбнулся при мысли, что mademoiselle Скритицыной, или Любови Борисовны, для него теперь нѣтъ. Она стала для него теперь: Aimée и Amy.

— Нѣтъ, не говорите. Я не дуракъ, и я—честный человѣкъ. Поэтому я знаю, что поступилъ какъ дуракъ или какъ негодяй. Я ограбилъ опекаемую мной дѣвушку, да еще родную племянницу! На такихъ людей должна бы была существовать гильотина.

„Ну, поѣхали!—подумалъ про себя Рудокоповъ.—Наружно измѣнился, а внутренно остался тотъ же. Могила исправитъ".

И стоя передъ сидящимъ Дубовскимъ, угрюмо и упорно глядя на его пришибленную фигуру и слезливое лицо, озлобившійся Рудокоповъ думалъ:

„Умирать съ тобой будемъ, а комедіанствовать все будемъ"...

А между тѣмъ въ этой комедіи есть будто какая-то искренность! Онъ вѣдь чувствуетъ, что говоритъ, и въ то же время рисуется. Этимъ чувствомъ бахвалится, что-ли? Должно быть, истинные актеры такъ и играютъ. Нутромъ играть—прозывается. Дубовскій доказывалъ, что виновата во всемъ русская распущенность, виновата Русь, славянская кровь. Однимъ словомъ, чуть не всѣ города россійскіе отъ Днѣпра до Урала, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, монгольское иго, индо-европейская раса, все было непосредственно виновато въ разореніи Эми. Князь слушалъ, вѣрилъ и сочувствовалъ, но все-таки смотрѣлъ бодро и думалъ:

„Да, да. Россійская такая натура... Всѣ мы такъ. А все-таки, еслибы не это, то никогда бы я не былъ теперь ея женихомъ. Стало быть, все слава Богу"!..

Рудокоповъ, слушая, думалъ:

„Да. По-россійски... Снявши голову, по волосамъ плакать,

да еще на зеркало пенять. И отчего это французъ или англичанинъ, надѣлавъ бѣдъ, наглупивъ, напакостивъ, никогда не приплетаетъ и не обвиняетъ Францію или Великобританію? Англичанинъ даже и сожалѣть ни за что никогда не станетъ въ данномъ случаѣ. Фактъ—и конецъ! Нечего нюни разводить! А французъ даже станетъ доказывать самому себѣ, что такъ именно и слѣдовало поступить, и только прибавитъ: „Никто и ничто не виновно. Pas de chance! Вотъ въ чемъ причина".

Когда Дубовскій кончилъ свое нытье, высморкался и отчасти успокоился, Рудокоповъ счелъ возможнымъ начать объясненіе.

— Я явился въ Парижъ, Владиміръ Ивановичъ,—началъ онъ,—исключительно за тѣмъ, чтобы повидать васъ и объясниться по порученію Любови Борисовны. Князь выѣдетъ тотчасъ въ Россію, а я вернусь обратно въ Баньеръ, чтобы передать ей все, что̀ узнаю отъ васъ. Она желаетъ знать, какъ все это произошло и въ какомъ именно положеніи находятся дѣла.

— Конечно! конечно! Я это отлично понимаю! Она никогда не вмѣшивалась. Увы, кабы она вмѣшивалась въ мое управленіе, можетъ быть этой бѣды и не случилось бы.

„Мое почтеніе! — подумалъ Рудокоповъ. — И она виновата".

— Дѣло простое. Я, какъ сказывается, зарвался! Я испугался тому назадъ мѣсяца три-четыре,—все висѣло на волоскѣ, и я рѣшился сдѣлать этакій оборотъ, всегда удающійся. Этакій, знаете, volte-face.—Дубовскій взмахнулъ рукой, описывая кругъ. —Ну, и...

— Все ухнуло?—выговорилъ Рудокоповъ мрачно.

— Да, все пропало...

— Какъ это всегда и бываетъ!—выговорилъ снова Рудокоповъ тѣмъ же голосомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—вскрикнулъ и оживился Дубовскій:—это особенное несчастіе! Еслибы не эта рѣчь императора Вильгельма, которая тутъ смутила всѣхъ, ничего бы не было. И подумать, Боже мой, что нѣсколько словъ, сказанныхъ монархомъ, могутъ разорить сотни семействъ! Это преступно... Это грѣхъ. Я бы это, на мѣстѣ... на мѣстѣ... Я бы запретилъ!

— Такого мѣста нѣтъ, Владиміръ Ивановичъ. Это мѣсто занимаетъ Господь Богъ. Онъ одинъ можетъ имп. Вильгельму запретить выражать свои мысли. Но, право, германскій или какой другой монархъ тутъ не при чемъ. Не это, такъ что-нибудь другое приключилось бы. Какая-нибудь бомба, брошенная въ Парижѣ въ палатѣ, или просто газетная утка. Скажите-ка лучше,

когда вы позволите мнѣ быть у васъ, чтобы узнать всѣ подробности положенія дѣла. Я бы просилъ васъ ускорить это, чтобы скорѣй, если не успокоить, то хотя привезти какой ни на есть отвѣтъ Любовь-Борисовнѣ. Я бы желалъ выѣхать хоть послѣ завтра.

— Я ничего не могу вамъ сказать. Я, по правдѣ, самъ въ туманѣ! Обратитесь къ барону Герцлиху, онъ вамъ все изложитъ и объяснитъ. Я даже хорошенько не знаю, на какихъ бумагахъ произошелъ самый главный ударъ. Но вѣдь это безразлично—тѣ или другія.

— Въ такомъ случаѣ, вы позволите мнѣ повидать барона отъ вашего имени и отъ имени Любови Борисовны?

— Конечно!

Рудокоповъ поднялся и раскланялся.

— Куда же вы?—спросилъ Дубовскій.

— Прямо къ барону Герцлиху!

— Но обѣдаемъ мы вмѣстѣ?—воскликнулъ Соколинскій.— И весь вечеръ проведемъ вмѣстѣ?

Рудокоповъ хотѣлъ что-то отвѣчать, но князь схватилъ его за обѣ руки и воскликнулъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, Адріанъ Николаевичъ, мы съ вами въ дорогѣ подружились. Я прежде васъ, по правдѣ сказать, недолюбливалъ. Вы всегда смотрѣли какимъ-то букой, съ вами страшно было заговорить. А теперь я васъ узналъ ближе и полюбилъ. Мы весь день проведемъ вмѣстѣ, и если завтра вы не выѣдете обратно, то и завтрашній день проведемъ вмѣстѣ.

Все это было сказано съ такимъ неподдѣльнымъ добродушіемъ и чувствомъ, что Рудокоповъ по неволѣ смягчился, пожалъ руку князю и отвѣчалъ:

— Хорошо!

XI.

Разумѣется, у барона Герцлиха Рудокоповъ ничего въ этотъ день не добился; онъ даже видѣлъ барона на нѣсколько мгновеній. Его рвали на части всякаго рода личности. Оказалось, что на парижской биржѣ произошла наканунѣ паника, и многія крѣпкія головы закружились... Не только мелкота, но и многіе тузы биржевые струхнули.

Были, однако, люди, которые торжествовали. Въ числѣ этихъ былъ и баронъ. Онъ наканунѣ произвелъ ловкій биржевой маневръ. Умѣнье ли помогло, или чутье, или нѣчто особенное,—

какой-нибудь фортель, въ которомъ не признаются,—но дѣло въ томъ, что, при общей сумятицѣ отъ паденія бумагъ и проигрышей, у барона Герцлиха въ кассу перевалило лишнихъ тысячъ триста франковъ и ожидалось чуть не столько же.

Герцлихъ, принявши Рудокопова, быстро и спѣша объяснилъ ему, что собственно дѣло Дубовскаго ясное и подробности совершенно не любопытны: игралъ и проигрался!

— Если бы онъ не проигрался недѣлю назадъ, то все равно проигрался бы сегодня, такъ какъ на биржѣ полная паника.

— Онъ велъ свои дѣла съ вами?—сурово спросилъ Рудокоповъ.

— Не со мной, а чрезъ мою контору. Онъ не былъ моимъ компаньономъ,—у меня и нѣтъ компаньоновъ.

— Виноватъ, вы давали совѣты и собственно вели дѣла?

— Онъ велъ дѣла свои самостоятельно. Иногда, правда, онъ дѣйствовалъ по моимъ совѣтамъ.

— Жаль,—произнесъ Рудокоповъ рѣзко,—что тѣ, которыми вы помогаете, не раздѣляютъ счастія и удачи, которыми вы извѣстны въ финансовомъ мірѣ. Говорятъ, у васъ счастливая рука, но только для самого себя.

Герцлихъ слегка насупился, присмотрѣлся пристальнѣе къ лицу доктора, потомъ вдругъ улыбнулся и заговорилъ тихо и мягко:

— Трудно, г. Рудокоповъ, зачислять людей въ свою собственную удачу, какъ въ какую-нибудь компанію или въ товарищество. И я теряю часто деньги, но я не ставлю послѣдній грошъ ребромъ и не играю азартно, подобно г. Дубовскому. Послѣдній разъ, зимою, я всячески убѣждалъ его не пугаться, обождать, помочь горю терпѣніемъ,—онъ меня не послушался и потерялъ много. Долженъ сказать, что съ г. Дубовскимъ бывали и курьёзы: случалось не разъ—онъ продавалъ, положимъ сегодня, упавшія бумаги за безцѣнокъ, а завтра онѣ доходили до максимальной цѣнности; и наоборотъ, случалось, что когда онъ покупалъ что-либо, вскорѣ же все купленное лежало par terre. Я очень теперь сожалѣю, что входилъ въ его дѣла и иногда совѣтовалъ, не настаивая. Теперь меня могутъ его друзья обвинить въ томъ, что онъ разорился благодаря мнѣ. Подобное обвиненіе въ Парижѣ, г. докторъ, court les rues. Нѣтъ ни одного разорившагося человѣка, который бы не обвинялъ другого или другихъ, а не свое собственное неумѣніе или свою незадачу.

И Рудокоповъ, переданный тотчасъ же съ рукъ на руки Герцлихомъ какому-то красивому молодому человѣку, въ родѣ

секретаря, Рудокоповъ отправился въ управленіе конторы барона. Здѣсь оказалась цѣлая канцелярія, или нѣчто въ родѣ нотаріальной конторы. Рудокопову назначили явиться на другой день около полудня, чтобы показать ему книги и разъяснить болѣе или менѣе, какимъ образомъ за послѣднюю зиму Дубовскій въ своихъ дѣлахъ спускался какъ бы по лѣстницѣ со ступеньки на ступеньку, покуда не спустился совсѣмъ и не провалился въ преисподнюю.

Докторъ вернулся въ Grand Hôtel хмурый и раздраженный. Онъ заявилъ Соколинскому свое искреннее убѣжденіе, что глупаго Дубовскаго обдѣлалъ ловкій и хитрый Герцлихъ. Баронъ представлялся ему чѣмъ-то въ родѣ паука, который, разставляя сѣти и завлекая постоянно всякаго рода мухъ, мушекъ и мошкару, питается ими. „Съ міра по рублю, а себѣ—милліонъ"!—рѣшилъ докторъ.

На другой день онъ, однако, заѣхалъ къ одному изъ своихъ хорошихъ знакомыхъ—французу, витавшему тоже въ финансовомъ мірѣ.

Разспросивъ его, онъ узналъ, что у барона Герцлиха репутація безукоризненная, а что если случилась какая бѣда съ Дубовскимъ, то это только для него одного, Рудокопова, кажетъ удивительнымъ. Подобное происходитъ всякій день. Что касается до барона, то онъ извѣстенъ на весь Парижъ, какъ un parfait honnête homme.

— Даже,—прибавилъ французъ,—если вы кому скажете въ Парижѣ, что подозрѣваете Герцлиха въ чемъ-либо дурномъ, нечестномъ, то надъ вами будутъ смѣяться. Его даже Панама не запачкала. C'est beaucoup dire!

Въ назначенное время Рудокоповъ опять отправился въ управленіе и тамъ ему дали подробныя свѣдѣнія о Дубовскомъ, какъ онъ велъ свои дѣла, и не подали никакихъ надеждъ.

Рудокоповъ, однако, ничего не понялъ въ книгахъ и остался при прежнемъ голомъ фактѣ: „разореніе Любочки". Изъ управленія банка онъ, однако, снова направился къ Герцлиху.

Принятый имъ любезно и даже особенно добродушно, онъ объяснилъ, что хочетъ узнать: есть ли возможность хоть что-нибудь спасти для молодой дѣвушки при вмѣшательствѣ князя Соколинскаго. Герцлихъ, будучи уже au courant дѣла Дубовскаго, развелъ руками. Его мнѣніе было, что князь можетъ купить всѣ бумаги и держать ихъ хоть полгода, но что изъ этого выйдетъ—и сказать трудно. Еслибъ это знать—тогда бы не было биржевой игры. Затѣмъ разговоръ перешелъ на отношенія Ду-

бовскаго и Эми. Герцлихъ строго осудилъ опекуна. Онъ не зналъ, что рухнуло не его личное состояніе.

— Это мерзость. Слѣдовало бы его подъ судъ отдать, если это были не его деньги! Онъ обворовалъ несовершеннолѣтнюю. Это грабежъ прямой! И худшій, чѣмъ на большой дорогѣ, потому что онъ не съ голоду и холоду грабилъ. Во-вторыхъ, она ему родная племянница. Прямо подъ судъ!

— Любовь Борисовна на это не пойдетъ,—заявилъ Рудокоповъ.—А конечно, слѣдовало бы судить.

Баронъ спросилъ, давно ли Рудокоповъ знакомъ съ Скритицыной, и узнавъ, что онъ—бывшій домашній врачъ ея матери, Герцлихъ разспросилъ его о многомъ,—откуда онъ родомъ, какая его спеціальность, москвичъ ли онъ и т. д.

— Я изъ мужиковъ,—заявилъ докторъ, улыбаясь.

— Чтожъ, это хорошо. Даже очень хорошо! И здорово, и не зазорно. Я вотъ хуже... Я—изъ жидовъ.

Рудокоповъ разсмѣялся.

— Вотъ вы меня вчера именно въ качествѣ „жида“ заподозрили въ томъ, что я разорилъ Дубовскаго и поживился на его счетъ. Признаюсь, вы мнѣ вчера понравились, когда стали прямо и строго мнѣ выговаривать и намекать, что я смошенничалъ, ограбилъ вашего Владиміра Ивановича, и такіе благіе совѣты ему подавалъ, что всѣ его деньги положилъ себѣ въ карманъ.

Фигура Герцлиха, его голосъ, улыбка, такъ ярко говорили въ его пользу, что Рудокопову стало совсѣмъ совѣстно за его подозрѣнія, и онъ заявилъ это барону.

— Простите меня, баронъ. Я тутъ не спеціалистъ, а лично васъ я не зналъ.

— Прощаю, прощаю. Вы мнѣ очень нравитесь, господинъ „мужикъ“ Рудокоповъ. Въ нашъ вѣкъ льстецовъ, подлецовъ и лгуновъ, право, пріятно встрѣтить человѣка, рѣзко выражающаго свое мнѣніе и прямо говорящаго человѣку: „вы воръ!“ по одному подозрѣнію! Обыкновенно же люди, съ поличнымъ поймавъ вора, называютъ его страннымъ или загадочнымъ человѣкомъ... Покуда судъ не крикнетъ имъ въ уши: „Воръ! Грабитель!“—Какая тутъ загадка?! Да, господинъ докторъ и „мужикъ“, если мнѣ когда понадобится хорошій, крѣпкій человѣкъ, здоровый нравственно, я къ вамъ обращусь.

— Спасибо, баронъ... А я, чтобы доказать... завтра я переведу изъ Ліонскаго Кредита въ контору Герцлиха всѣ свои сбереженія, все нажитое трудомъ. Немного, тысячъ тридцать...

— Спасибо, докторъ. Не раскаятесь...

И новые пріятели крѣпко пожали другъ другу руки.

XII.

Между тѣмъ, баронъ Герцлихъ былъ въ этотъ день собственно не въ духѣ съ самаго утра.

У него было дѣло на рукахъ, вовсе не касающееся его финансовыхъ оборотовъ. Вдобавокъ, дѣло скверное, грязное. Надо было дѣлать нѣчто, что̀ ему претило какъ честному человѣку. А поступить иначе онъ не могъ. Уже давно откладывалъ онъ это дѣло, но наконецъ пришлось за него взяться.

Отпустивъ Рудокопова, онъ вспомнилъ.

— Ахъ, да!.. Фуй!.. Was für...

И онъ не договорилъ... Онъ хотѣлъ сказать: что̀ за гадость, мерзость!

Черезъ полчаса онъ былъ въ каретѣ и ѣхалъ на квартиру своего повѣреннаго въ дѣлахъ и фактотума. Когда баронъ вошелъ въ гостиную Ферштендлиха, онъ нашелъ у него молодого Вертгейма, какого-то молодого француза, его друга, фамилію котораго онъ забылъ, и другого усатаго господина, уже пожилого, съ военной осанкой, но державшагося скромно въ сторонѣ, какъ еслибы онъ былъ не гость, а явился по обязанности.

Баронъ поздоровался съ Вертгеймомъ и отвѣтилъ кивкомъ головы на общій поклонъ.

— Ну-съ, позвольте васъ просить, баронъ!.. Пора, уже четыре часа. Онъ можетъ сейчасъ здѣсь быть, — сказалъ Ферштендлихъ.

Баронъ прошелъ оффиціальный кабинетъ хозяина и въ слѣдующей небольшой рабочей комнатѣ опустился на кресло. Всѣ двинулись и явились сюда вслѣдъ за нимъ. Сюда же былъ позванъ низенькій человѣчекъ, невзрачный на видъ, уже старичокъ, который всѣмъ поклонился какъ незнакомый. Въ рукахъ его былъ свертокъ.

Ферштендлихъ взялъ маленькій столъ, поставилъ его за самой дверью въ кабинетъ и, обратясь къ старику, спросилъ, удобно ли ему будетъ. Тотъ только поклонился... Затѣмъ онъ приставилъ къ столику стулъ, развернулъ свой свертокъ и разложилъ линованную бумагу и карандаши.

Всѣ сидѣли молча, въ ожиданіи.

— Мнѣ это страшно непріятно!—выговорилъ вдругъ Герц-

лихъ,—то-есть, гадко. Точно въ руки берешь что-нибудь отвратительно вонючее.

— Что̀ дѣлать, баронъ,—отозвался Ферштендлихъ.—Защищаясь отъ разбойниковъ, приходится иногда быть убійцей.

— Я говорю, что надо было это давно сдѣлать,—сказалъ Вертгеймъ твердо.

— Тебѣ сколько лѣтъ?—улыбнулся баронъ.—Двадцать? А мнѣ скоро шестьдесятъ. Что̀ тебѣ кажется возможнымъ и должнымъ, мнѣ кажется... Ну, да что̀ же теперь толковать! C'est presque fait.

И снова наступило молчаніе въ комнатѣ.

Въ передней раздался звонокъ и всѣ будто встрепенулись, только Герцлихъ не шелохнулся, сидя на диванѣ. Ферштендлихъ быстро вышелъ. Уходя, онъ оставилъ дверь въ кабинетъ свой непритворенной вершка на два. Старичокъ тотчасъ же придвинулъ столикъ поближе и поставилъ его за полуоткрытой половиной двери.

Чрезъ минуту въ кабинетѣ раздались голоса. Ферштендлихъ принималъ гостя. Старичокъ уже сидѣлъ и строчилъ. Ферштендлихъ объяснялъ прибывшему, что баронъ Герцлихъ не могъ пріѣхать и поручилъ ему, какъ повѣренному, переговорить подробно о дѣлѣ, ихъ интересующемъ, и что гость можетъ объясняться такъ, какъ если бы передъ нимъ былъ самъ баронъ.

— Съ удовольствіемъ,—отозвался гость развязно и весело.— Я знаю васъ, г. Ферштендлихъ. Кто же васъ не знаетъ въ Парижѣ! А мы, журналисты, обязаны знать такихъ людей, какъ вы.

Это былъ Жакъ Мойеръ.

Послышался звукъ колесиковъ придвинутаго кресла и затѣмъ у самой полупритворенной двери раздался отчетливо голосъ Мойера:

— Извольте видѣть, я давно предлагалъ барону очень выгодную операцію: купить „Le Parisien“ за сто-пятьдесятъ тысячъ... Это—грошъ, принимая въ разсчетъ распространеніе въ Парижѣ этой новенькой и маленькой газетки.

— Но вамъ извѣстно, господинъ... Виноватъ... Ваша фамилія?

— Мойеръ.

— Вамъ извѣстно, г. Мойеръ, что у барона есть газета. Онъ купилъ ту самую, въ которой вы даже, кажется, участвовали.

— „Mappemonde“! Да. Немного, недолго...

— Слѣдовательно, согласитесь сами... имѣть двѣ газеты не имѣетъ смысла.

— Конечно... Конечно... Но вѣдь это въ смыслѣ дохода...

Покупка „Parisien“—выгодная афера. Баронъ черезъ годъ можетъ ее продать за двойную цѣну... А деньги, слава Богу, у него есть...

— Вотъ что, г. Мойеръ!—заговорилъ Ферштендлихъ другимъ голосомъ, сухимъ, дѣловитымъ и рѣшительнымъ.—Я, кажется, правильно произношу вашу фамилію. Мойеръ? Такъ? Прекрасно... Такъ вотъ-съ... Безъ всякихъ прелюдій, я вотъ что вамъ скажу... Мы здѣсь въ кабинетѣ одни. Даже во всей квартирѣ одни, такъ какъ жена и дѣти вышли гулять. Давайте говорить откровенно, на чистоту. Угодно вамъ это или нѣтъ?

— Пожалуйста! Всегда во всемъ это лучше всего!.. Это кратчайшій путь къ цѣли,—разсмѣялся Мойеръ.

— Вотъ-съ. Именно. Цѣль нашего свиданія и нашей бесѣды вамъ понятна. Пойдемте прямо къ ней. Въ газетѣ вашей...

— Не моей... Pardon. Я редактирую два отдѣла. Я—одинъ изъ сотрудниковъ. Насъ компанія...

— Мошенниковъ! — тихо выговорилъ Герцлихъ, улыбаясь. Вертгеймъ сдѣлалъ отчаянное движеніе... другіе тоже... Даже у строчившаго на столикѣ стенографа дернуло руку отъ неожиданности.

— Но вы все-таки почти главный редакторъ и можете повліять на редакцію,—заговорилъ Ферштендлихъ гораздо громче, услышавъ чей-то голосъ въ сосѣдней горницѣ и смутившись.

— Это, конечно,—отозвался Мойеръ.

— Вамъ извѣстно, что въ вашей газетѣ, которую вы предлагаете купить, почти ежедневно нападаютъ на барона на разные лады...

— Я не знаю... Право...—промычалъ Мойеръ.—Вѣдь можно во всемъ найти намекъ на себя... Когда... когда... такъ кажется...

— Итакъ, я заявляю вамъ формально и рѣшительно, что баронъ не желаетъ покупать „Le Parisien“. Но я спрошу у васъ рѣзко, прямо и прошу не обижаться. Я не имѣю цѣли говорить вамъ непріятное. Хотите денегъ?.. Газетѣ всякій лишній грошъ—не лишнее для развитія дѣла, усовершенствованія и т. д. Примите барона въ качествѣ негласнаго и неоффиціальнаго пайщика... Вы да я будемъ знать, что онъ пайщикъ...

— Съ удовольствіемъ!—воскликнулъ Мойеръ.—Это дѣлаетъ намъ честь...

— Баронъ мнѣ приказалъ просить васъ считать его пайщикомъ на тридцать тысячъ.

— О-о!—протянулъ Мойеръ.—C'est mesquin! При его состояніи, я бы...

— Вы бы ничего не дали! Вы бы начали дѣло въ судѣ о диффамаціи и выиграли бы его!—вдругъ выговорилъ Ферштендлихъ такимъ повелительнымъ голосомъ, что баронъ Герцлихъ улыбнулся; даже Вертгеймъ наклонилъ голову, какъ бы говоря: „молодецъ".

— Итакъ, господинъ... виноватъ, я все забываю вашу фамилію...

— Мойеръ.

— А имя?

— Жакъ Мойеръ... Я румынъ по происхожденію.

— Итакъ..., господинъ Жакъ Мойеръ, угодно ли вамъ получить завтра—не изъ правленія банка, а отъ меня—тридцать тысячъ? И я настолько вѣрю вамъ, что даже никакой росписки съ васъ не возьму. Потому именно, что если газета начнетъ давать хорошіе барыши, баронъ свой барышъ газетѣ подаритъ; а если вы прогорите, то онъ этихъ денегъ и при документѣ требовать не станетъ. Да и напрасно было бы требовать съ тѣхъ, съ кого нечего взять... Итакъ, угодно вамъ?

— Я, право, думаю...—началъ Мойеръ.—Я думалъ, что баронъ купитъ... А если ужъ быть пайщикомъ, то, конечно, слѣдовало бы взять паевъ тысячъ на пятьдесятъ.

— Угодно вамъ тридцать тысячъ безъ всякихъ формальностей... Вотъ эти...—выговорилъ Ферштендлихъ. И послышался звукъ отворяемаго ящика стола.—Вотъ-съ: c'est à prendre ou à laisser.

— Нечего дѣлать...—отозвался Мойеръ.

Наступила на мгновеніе пауза—и послѣ нея Ферштендлихъ спросилъ:

— Вы сочли? Тридцать, г. Мойеръ?

— Тридцать.

— Ну-съ. Теперь я надѣюсь, — выговорилъ Ферштендлихъ тѣмъ же сурово-повелительнымъ голосомъ,—что никогда не будетъ ни полъ-слова о баронѣ въ газетѣ.

И такъ какъ Мойеръ молча сдѣлалъ движеніе головой, то Ферштендлихъ прибавилъ:

— Я прошу васъ сказать мнѣ это и дать слово.

— Конечно! Конечно! Даю вамъ слово, что никогда ничего, никакого намека не будетъ на барона. Помилуйте! Если онъ пайщикъ... Это понятно.

— Онъ не пайщикъ, милостивый государь. Деньги у васъ въ карманѣ, а доказательствъ на это у меня нѣтъ никакихъ. Баронъ приказалъ подарить вамъ эти деньги, чтобы вы оставили

его въ покоѣ, не поносили бы его, не грязнили его честное имя. Ну-съ, вотъ все...

Собесѣдники поднялись... И Ферштендлихъ пошелъ провожать гостя въ переднюю.

Когда хлопнула дверь, всѣ со смѣхомъ двинулись съ мѣстъ, на встрѣчу ему.

Ферштендлихъ явился сіяющій.

— Молодецъ вы! Молодецъ!—воскликнулъ шутливо-восторженно Вертгеймъ.—Вы дипломатъ!.. Инквизиторъ! Кампеадоръ! Конкистадоръ, Вильгельмъ Завоеватель, Талейранъ и Торквемада! Вы ихъ всѣхъ олицетворяли!

— Ничего. Недурно, — улыбнулся Герцлихъ.—Мнѣ больше всего нравилось, что вы все забывали его фамилію.

— Еще бы!.. Помилуйте... Monsieur, — показалъ онъ на усатаго господина, — могъ бы думать, что предо мной сидитъ кто-нибудь другой. Голосъ ничего не доказываетъ. По крайней мѣрѣ, онъ два-три раза назвался самъ, и вовсе не протестовалъ, когда я его называлъ Мойеромъ. Ну-съ, а теперь за дѣло... Перечтите, г. стенографъ. А мы выслушаемъ, чтобы убѣдиться, что ничего не пропущено и не искажено...

Всѣ сѣли вновь. Стенографъ началъ нѣсколько медленно, но ровно читать написанное имъ и повторилъ дословный разговоръ Ферштендлиха съ журналистомъ.

Когда онъ кончилъ, то всѣ одобрили текстъ, но затѣмъ гулко разсмѣялись...

Стенографъ показалъ имъ на одно мѣсто страницы и замаралъ его карандашомъ. Это было слово барона: „мошенниковъ“, записанное имъ... по привычкѣ.

— Ну-съ. Теперь ваше дѣло,—сказалъ Ферштендлихъ, обращаясь къ усатому господину.—Завтра г. стенографъ доставитъ намъ это. Я велю набѣло переписать, баронъ и мы всѣ подпишемся и передадимъ вамъ какъ стенографическій отчетъ, такъ и наше заявленіе. Завтра вечеромъ все уже будетъ у васъ.

Черезъ минуту въ квартирѣ Ферштендлиха оставался только баронъ и молодой Вертгеймъ.

— Вотъ что, мой дорогой Ферштендлихъ,—заговорилъ баронъ. — Не печальтесь, и не волнуйтесь, и не раздражайтесь... Я рѣшилъ не преслѣдовать его судомъ... Обождемъ. Достаточно —просто держать его въ рукахъ одной угрозой.

— Какъ прикажете,—кисло отозвался этотъ.

XIII.

Съ того часа, что Соколинскій былъ въ Парижѣ, онъ внутренно волновался и колебался. Въ немъ возникъ вопросъ: съѣздить ли повидаться къ старинной пріятельницѣ, Діанѣ. Ему казалось, что въ качествѣ объявленнаго жениха ѣхать къ подобному близкому другу неловко, неблаговидно, не дѣлается. Однако, почему неблаговидно и „не дѣлается"—князь отвѣчать себѣ не могъ, а отвѣчалъ вопросомъ: „Отчего собственно"?

— Что-жъ такое! Повидаться, поговорить, провести часа два весело. Объявить о своей женитьбѣ. И больше, конечно, не видаться... потомъ.

Въ сумерки князь рѣшилъ, что ѣхать къ Діанѣ—„свинство" передъ невѣстой, и кромѣ того потому еще не надо, что Діана обладаетъ талантомъ—человѣка быстро завертѣть. И даже очень скоро и безъ труда можетъ она заставить дѣлать то, чего не хочешь. Князь приписывалъ это ловкости женщины, а не собственной безхарактерности. За обѣдомъ и послѣ обѣда онъ рѣшилъ ни за что не ѣхать.

А часовъ въ девять вечера онъ взялъ фіакръ и далъ нумеръ дома въ улицѣ Vivienne, гдѣ жила Діана...

Исторія князя и Діаны была такова, какія повторяются каждый годъ въ Парижѣ съ русскими „boyards et princes", которые влюбляются въ звѣздочекъ театральнаго міра.

Марія Крюшонé была „lancée" княземъ и стала Діаной д'Альбрé, имѣла успѣхъ на сценѣ, поклонниковъ и деньги... деньги... Но по отношенію къ нему лично этотъ случай былъ все-таки хотя и вульгарнымъ, но романомъ... Соколинскій, будучи въ гвардіи, сошелся съ двумя женщинами. Съ танцовщицей, которую его товарищи прозвали „вахмистромъ" за ея внѣшность, и затѣмъ съ какой-то поджарой, угрюмой дѣвицей, дочерью мелкаго чиновника изъ таможни.

— Экъ его угоразживаетъ!—шутили товарищи по полку.

Оба эти романа были только нелѣпы и смѣшны.

Встрѣтивъ и увидѣвъ на подмосткахъ молодую Марію Крюшонé, князь будто рѣшилъ отомстить Скритицыной за ея отказъ. Такъ онъ думалъ... Но вскорѣ онъ если не привязался сердечно, то просто сильно влюбился въ красивую, дерзко-умную и хитрую женщину. Актриса до мозга костей, она плохо играла на сценѣ и была выше головой всякой Рашели и Ристори въ жизни. Около полугода прожилъ съ ней князь въ Парижѣ, но

это была не жизнь... Онъ кубаремъ или турманомъ вертѣлся. Это была своего рода служба. И много труднѣе, и хлопотливѣе, и даже разорительнѣе военной его службы. Относительно денегъ Діана была бездонной бочкой. Но денегъ князю было не жаль для „такой“ да еще обожающей его женщины... Главное, что̀ утомило его—была масса друзей Діаны. Цѣлый полкъ! Цѣлая орава! Легіонъ! Онъ почти ни разу даже не пообѣдалъ запросто, такъ какъ ежедневно они бывали въ ресторанахъ со всей этой оравой и ежедневно бывали скорѣе пиры, нежели обѣды. Слово „обѣдъ“ къ этому сборищу, которое ѣло и пило на счетъ князя, было неподходящее.

При всемъ своемъ добродушіи, князь оглядывался на своихъ convives, друзей Діаны и поклонниковъ, и невольно думалъ:

„Господи, да они не ѣдятъ, они поглощаютъ! Хоть подъ столъ и стулья гляди,—куда это все исчезаетъ“!

И дѣйствительно, поклонники Діаны, приглашаемые ею всякій день въ одинъ изъ самыхъ дорогихъ ресторановъ, поглощали... Что̀ бы ни спрашивалось, что̀ бы ни подавалось на столъ и въ какомъ бы то ни было количествѣ, все это пропадало, и блюда уносились пустыя. Когда бывали въ блюдѣ косточки, то и тѣ, кажется, оставались не въ надлежащемъ количествѣ на тарелкахъ. Самыя мелкія, казалось, тоже исчезали. Вино, разумѣется, лилось „Арагвой и Курой“, какъ острили въ полку. Князь платилъ за эти обѣды разъ въ недѣлю по субботамъ и платилъ сумасшедшія деньги.

И этихъ денегъ ему было жаль.

Если бы собрать все то, что̀ было уплачено за эти обѣды, иногда и ужины, то, конечно, можно бы было купить небольшое имѣніе. Но это была все-таки капля въ морѣ сравнительно съ тѣми требованіями, которыя предъявляла Діана.

Наконецъ, за все время ихъ сожительства она пилила—то ласкала, то грозила, то бранилась, то умоляла князя—подарить „deux pendants“,—что̀ значило крупныя бриллiантовыя серьги. Князь упирался, такъ какъ Діана заявила, что пару серегъ менѣе двадцати-пяти тысячъ франковъ она, конечно, не рѣшится вдѣть въ уши, боясь осрамиться. Она называла другихъ demi-mondaines, у которыхъ были въ ушахъ серьги въ сто тысячъ и болѣе.

— Да вѣдь ихъ пріятели чуть не Ротшильды!—восклицалъ Соколинскій.

— Ну да, — соглашалась Діана,—за то же я и прошу дешевыя, въ двадцать пять тысячъ.

И только въ концѣ этого круговорота среди Парижа, когда князь рѣшился спастись бѣгствомъ въ Россію, хотя бы на время, онъ купилъ свой отпускъ парой серегъ въ двадцать тысячъ.

Въ сущности отношенія ихъ таковы были, что князь боялся заявить о своемъ намѣреніи ѣхать въ отпускъ. Онъ самъ дивился, насколько боится Діаны, и не зналъ, когда именно, почему и какимъ образомъ попалъ въ полное, безграничное повиновеніе.

И купивъ свой отпускъ этой парой серегъ, онъ, подъ предлогомъ путаницы въ денежныхъ дѣлахъ по имѣніямъ, сѣлъ въ вагонъ поѣзда, мчавшагося въ Кёльнъ, и былъ въ такомъ настроеніи духа, что заговаривалъ со всѣми пассажирами, весело болталъ даже съ кондукторомъ спальнаго вагона.

Пробывъ недолго въ Петербургѣ, Соколинскій уѣхалъ въ Малороссію и оставался въ деревнѣ вплоть до зимы. Когда многіе удивлялись, что онъ засѣлъ въ глуши, добродушный князь объяснялъ:

— Меня, господа, Парижъ и нѣкая Діана такъ охватили, что мнѣ и въ полгода едва отдышаться и оправиться.

И въ немъ не было ни капли преувеличенія. Князь дѣйствительно отдыхалъ. Онъ счастливъ и радъ былъ погулять въ саду и паркѣ или съѣздить верхомъ одинъ, пойти въ лѣсъ или въ болото на охоту одинъ. Главное и доставлявшее ему истинное удовольствіе—было то, что онъ могъ позавтракать и пообѣдать одинъ.

Такъ прошло около четырехъ мѣсяцевъ. Наконецъ, деревенская россійская пирвана глуши заставила себя почувствовать. Князь началъ хандрить и скучать. Переписываясь изрѣдка съ Дубовскимъ, зная, что Эми все еще свободна и скучаетъ, по словамъ ея дяди, князь, поколебавшись съ недѣлю, рѣшился и написалъ Скритицыной... Онъ сдѣлалъ ей второе предложеніе.

Письмо Дубовскаго черезъ двѣ недѣли извѣстило его изъ Парижа, что Эми очень благодаритъ за честь и т. д.

Соколинскій пріунылъ окончательно. Затѣмъ онъ началъ было ухаживать за красивой хохлушкой, дочерью дьякона, но бросилъ... И однажды вдругъ написалъ онъ письмо Діанѣ. Цѣлое нѣжное посланіе... Прошелъ мѣсяцъ, но отвѣта не было. Очевидно, что она шибко „lancée“ Соколинскимъ, не нуждалась теперь въ русскомъ „boyard et prince“. Красавица кокотка, однажды „пущенная“, летитъ вверхъ, какъ ракета, съ трескомъ, все выше и выше, покуда не лопнетъ, т.-е. не умретъ съ голоду въ мансардѣ, разбросавъ лѣвой рукой все, что загребла правой. Или же она, наоборотъ, уйдетъ на покой, постарѣвъ и подур-

нѣвъ, но съ капиталомъ въ банкирской конторѣ, стало быть rentière, или съ виллой гдѣ-либо на берегу моря, стало быть и propriétaire, вѣчно крашеная и нарумяненная и вѣкъ свой въ брилліантахъ, а стало быть на виду—„une ancienne". Все зависитъ отъ „человѣчности" натуры. Чѣмъ болѣе подобная женщина „человѣкъ", тѣмъ вѣрнѣе умретъ съ голоду и холоду на чердакѣ.

Когда въ глушь Малороссіи пришло письмо съ французской маркой и князь прочелъ путанное и безграмотное посланіе на двухъ страницахъ маленькаго листка, то сталъ тотчасъ же собираться въ Парижъ. Невѣдомо—какъ и почему, въ князѣ заговорила будто ревность. Изъ нѣсколькихъ строкъ онъ узналъ, что женщина, которую онъ пустилъ въ ходъ, лансировалъ, находится въ дружескихъ отношеніяхъ и на попеченіи милліонера португальца, и что она, конечно, будетъ очень рада, если увидитъ князя у себя въ гостяхъ, но о прошломъ нечего и заикаться, прошлое невозвратимо, и они будутъ лишь de grands amis.

Не напиши всего этого хитрая Діана, быть можетъ Соколинскій просбирался бы еще до средины зимы, застрялъ бы подорогѣ въ Петербургѣ, или бы совсѣмъ не выѣхалъ. Но это письмо или большая записка прежняго предмета страсти взбудоражила его. Казалось, онъ наивно воображалъ, отдыхая въ своемъ дивномъ малороссійскомъ имѣніи, что Діана ждетъ его въ Парижѣ, какъ нѣкая новая Пенелопа.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого португальцу было отказано отъ должности, но у князя хватило силы вертѣться и путаться съ Діаной только на два мѣсяца. На этотъ разъ онъ сдѣлалъ долгъ въ сорокъ тысячъ только и, вырываясь изъ рукъ красавца-паука, велъ себя храбрѣе, чѣмъ въ первый разъ. Онъ не купилъ своего отпуска подаркомъ, а просто и смѣло заявилъ, что уѣзжаетъ.

Діана гнѣвно упрекала его, что онъ разстроилъ ея отношенія съ португальцемъ для того, чтобы бросить ее на произволъ судьбы черезъ два мѣсяца.

— Me flanquer dans la rue,—выразилась она,—sur le pavé!

Но князь обозлился и отвѣтилъ шуткой:

— Dans une rue pavée en diamants!

И это было вѣрно. По всему видно было, что Діана не изъ тѣхъ, что разбрасываютъ лѣвой рукой то, что загребаетъ правая. Совершенно случайно князь узналъ, что большой доходный домъ въ улицѣ Vivienne, гдѣ она жила, принадлежитъ ей, и даже

если у нея, помимо этого дома, нѣтъ ничего, то и это уже очень хорошее состояніе.

Соколинскій вспомнилъ, что еще когда онъ ухаживалъ за дочерью консьержи Маріей Крюшоне́, то она говорила, что надѣется къ тридцати годамъ имѣть treize cents. И она часто повторяла:

— Не больше и не меньше тринадцати сотенъ! — Разумѣется, тысячъ, то-есть, 1.300.000 франковъ. Теперь, повидимому, пять или шесть сотенъ у нея уже было, да изъ того долга, который теперь сдѣлалъ въ Парижѣ Соколинскій, быть можетъ, одна полусотня тысячъ франковъ перешла въ карманъ Діаны. И князя это не удивляло. Единственно, что̀ его на этотъ разъ поразило и удивило—было собственно курьёзнѣйшее обстоятельство. Старики Крюшоне́ были по-прежнему консьержами, но въ домѣ дочери. И мать женщины, у которой было уже крупное состояніе, продолжала по ночамъ подниматься и дергать веревку при звонкѣ съ улицы или при крикѣ уходящихъ:

— Le cordon, s'il vous plait!

Повидавъ стариковъ и узнавъ отъ нихъ, что они „pas mal“, а дочь „très bien“, и что она дома и одна—онъ сталъ подниматься по лѣстницѣ. Когда князь, позвонивъ, спросилъ Діану, то незнакомая ему бонна смѣрила его съ головы до пятъ и отвѣтила:

— Mademoiselle est sortie.

Соколинскій улыбнулся самодовольно и, доставъ изъ кармана бумажникъ, передалъ ей визитную карточку. Видя ея нерѣшительность, онъ сказалъ громко:

— Не бойтесь. Я старый другъ...

— Le prince Skalènsky!—вскрикнула бонна, прочитавъ имя по-своему.—Oh, mon prince... Я знаю. Знаю. Входите. Я бѣгу доложить.

Князь вошелъ въ переднюю, знакомую ему хорошо... Черезъ минуту, изъ второй гостиной уже раздался веселый голосъ Діаны:

— Viens! Arrive, mon vieux...

И она быстро двигалась на встрѣчу, шурша платьемъ по ковру.

— Viens, mon chat! Viens!—вскрикнула она, появляясь въ ярко-голубомъ шолковомъ капотѣ, съ большимъ вырѣзомъ на груди и оголенными выше локтя руками. Она бросилась князю на шею и начала его цѣловать нѣсколько сжатыми губами, обдавая запахомъ крѣпчайшихъ духовъ...

Но эти духи ея, давнишніе, всегдашніе, неизмѣнные... Съ

ними столько связывалось воспоминаній, что Соколинскій въ одинъ мигъ какъ бы угорѣлъ въ нихъ, задохнулся, потерялъ разсудокъ и на поцѣлуи оффиціальные, de rigueur, отвѣчалъ громкимъ чмоканьемъ, что при его пухлыхъ губахъ выходило звонко, какъ чваканье.

— De quel toit tombes-tu, mon chat?..—заговорила Діана и, взявъ его подъ руку, потащила къ себѣ въ будуаръ...

Князь озирался веселыми, почти счастливыми глазами. Та же квартира,—не перваго раза, когда онъ былъ адъютантомъ и смотался съ ногъ,—квартира второго раза, когда онъ былъ немного самостоятельнѣе, менѣе влюбленъ и податливъ, а Діана, зато, милѣе и ласковѣе...

— Да... Да... Все то же... — воскликнулъ князь.—Вотъ и диванчикъ... Помнишь, мы разъ играли и двѣ ножки отскочили...

— Bah! Si je me rappelle? Есть мнѣ время на это!—отозвалась она.

Усѣвшись на кушетку и посадивъ князя противъ себя, она стала разглядывать его, подробно, какъ предметъ.

— Все тотъ же... Un patapouf... en nourrice... На долго ли? Надѣюсь—на всю осень и зиму... Но, знаешь, на этотъ разъ, je ne ferais pas la sotte. Въ прошлый разъ я изъ-за тебя потеряла испанца, а ты потомъ уѣхалъ.

— Португальца!—поправилъ князь.

— Все равно... Не помню... Такъ что теперь, mon chat... Я не буду дурой. On fera un acte. Да. Не иначе. Par devant notaire... У меня теперь мексиканецъ Бермудо, и я такого осла зря терять не желаю. Такіе, какъ онъ, рѣдкость.

Князь собрался-было сказать: „Я на одинъ день. Повидаться. Я женюсь“. Но онъ только подумалъ и ничего не сказалъ.

— Ты переѣдешь, конечно, ко мнѣ изъ гостинницы, въ качествѣ моего родственника... Я сейчасъ пошлю за вещами.

— Нѣтъ. Зачѣмъ... Не надо...

— Bêtises... Я сейчасъ пошлю. Гдѣ? Au Grand?

— Да. Grand Hôtel. Но я... Я на два дня въ Парижѣ,—выпалилъ онъ вдругъ храбро.

— На два дня! Oh, la bonne blague! Прошлый разъ ты тоже пріѣхалъ на два дня. Ну, хорошо. За вещами завтра пошлемъ. У меня, Dieu merci, все найдется... Прежде всего... гдѣ мы ужинаемъ? У Durand, или здѣсь?.. Знаешь что, лучше у Durand—безъ хлопотъ... Черезъ часъ будемъ назадъ... Стариной тряхнемъ.

— Діана! Я, право, на два дня, потому что...—началъ Со-

колинскій серьезнымъ голосомъ, но трусливо. — Видишь ли... Quelque chose de très grave... Je me marie...

— Hein?—не сказала, а сдѣлала Діана въ носъ насмѣшливо.

— Да. Я женюсь...

— Ты женишься? Ты? Ты?! Une seconde blague!

Князь сталъ суровѣе, насупился и произнесъ уже рѣшительно:

— Enfin... Такъ ли, сякъ ли, но я—женихъ... Я заѣхалъ только повидаться. И надо сейчасъ по одному дѣлу...

— Tra-ta-ta... Ta-ta!.. Женюсь? Женихъ?.. По дѣлу?.. Nous allons voir! Я ни глупѣе этого отъ тебя слыхала.

Соколинскій, будто нѣсколько обиженный ея отношеніемъ къ такому важному дѣлу, демонстративно поглядѣлъ на часы и всталъ.

— Bon. C'est entendu!—выговорила Діана рѣзко.—Въ такомъ случаѣ мы ужинаемъ дома и выпьемъ за здоровье невѣсты. Какъ ее зовутъ?

— Aimée.

— Très bien! Ça promet! Par toi maintenant, par d'autres plus tard.

— C'est stupide et grossier! — отозвался князь, вспыхнувъ.

— Ну, не сердись. Ты все тотъ же! Черезъ часъ обойдешься...

Діана кликнула бонну и приказала восклицаніями:

— Souper! Champagne! Absence!..

— Et si monsieur Bermudo?..—начала-было бонна.

— Absente! Absente!—перебила ее Діана.—Вы скажете ему, что мой кузенъ изъ Ліона пріѣхалъ.

— Но право же, Діана, мнѣ необходимо надо...—заговорилъ князь.

— Tais-toi! Tu m'embêtes!..—вскрикнула она и, обхвативъ его толстую шею, стала цѣловать его сжатыми губами.

— Voyons, chère amie...—началъ-было онъ.—Я въ качествѣ жениха...

— Да. Да. Въ качествѣ жениха ты долженъ прежде всего откупиться. Купить у меня мои права на тебя. Но это послѣ, а покуда—vive l'amour... falsifié!

XIV.

Разумѣется, крупный, почти небывалый скандалъ въ лѣтописяхъ Баньера огласился и въ одинъ день обѣжалъ весь городокъ. И туземцы, и французы, и иностранцы, со всѣхъ концовъ

Европы одинаково ахали, нѣкоторые негодовали, большинство смѣялось. Такъ какъ послѣ скандала Загурскій объявилъ съ досады настоящее имя графини, и оно было внесено на доску гостинницы, то публика могла по праву говорить:

— А, подумайте! les dames du monde нашего времени! Les grandes dames, именно, fin de siècle! Графиня и баронесса.—И подрались, какъ прачки! Изъ-за любовника! И въ саду гостинницы!

— Excusez du peu! — разводили руками и хохотали самые серьезные люди.

Кора отложила свой отъѣздъ на одинъ день безъ цѣли, отъ злобы, и была совершенно спокойна, какъ бы удовлетворена. Она будто достигла своего. Переломленный зонтикъ лежалъ у нея въ гостиной на столѣ, какъ трофея.

Баронесса вернулась домой какъ потерянная. Скандалъ, конечно, попадетъ даже въ мелкую мѣстную прессу и перепечатается парижскими газетами съ иниціалами фамилій—и Парижъ тоже узнаетъ, всѣ узнаютъ. Но главная бѣда не въ этомъ. Что скажетъ баронъ Герцлихъ? На этотъ вопросъ баронесса отвѣчать не могла. Сколько лѣтъ знала она барона, а между тѣмъ теперь затруднялась рѣшить, можно ли его провести или нѣтъ, можно ли его убѣдить, что она совершенно невинна, выдумавъ какую-нибудь исторію. Выходка графини—еще не доказательство!

Баронесса, потерявшись, готова была бѣжать даже къ Эми, чтобы разсказать ей всю правду и попросить совѣта, такъ какъ никого другого около нея не было. Но она колебалась. Ей, женщинѣ подъ сорокъ лѣтъ, идти разсказывать любовное приключеніе и скандалъ молодой дѣвушкѣ-невѣстѣ было и невозможнымъ, и слишкомъ тяжелымъ! И какой совѣтъ можетъ подать Эми дѣломъ!..

На другой день утромъ, почти не спавъ ночь, баронесса была поражана, еще болѣе ошеломлена... Она получила записку, узнала руку графини, злобно разорвала конвертъ и, усмѣхаясь, стала читать нѣсколько строкъ. Но едва она прочла ихъ, какъ поблѣднѣла, зашаталась и съ ней сдѣлался легкій обморокъ.

Черезъ четверть часа она была на постели, блѣдная какъ полотно, и чувствовала, что окончательно теряетъ разсудокъ.

Графиня въ нѣсколькихъ строкахъ увѣдомила баронессу, что подробно описала все приключеніе барону, и письмо уже послано въ Парижъ. Предполагая, что баронъ тотчасъ пріѣдетъ, она намѣрена доказать ему все, что знаетъ и видѣла. Помимо

нея есть еще очевидица: ея горничная. Онѣ обѣ изображали слушателей и зрителей у плохо запертой двери.

На другой день рано утромъ Загурскій все-таки явился на виллу къ баронессѣ, хотя выбралъ ранній часъ для того, чтобы менѣе народу могло его видѣть. Поставленный вопросъ—что дѣлать—послѣ двухъ часовъ совѣщанія не былъ разрѣшенъ. Дѣйствительно, что дѣлать—придумать было нельзя. Баронъ, очевидно, явится изъ Парижа завтра же, если онъ уже узналъ про скандалъ. Здѣсь онъ получитъ, конечно, новое посланіе отъ графини и узнаетъ даже подробности.

Баронесса передала графу свое глубокое убѣжденіе, что Герцлихъ, если не потребуетъ развода, то все-таки разстанется съ ней.

Загурскій былъ сильно смущенъ, но скорѣе раздосадованъ, нежели огорченъ. Онъ былъ мраченъ, задумчивъ. Но то, что бродило въ его головѣ, было, конечно, совершенно чуждо чувствамъ и ощущеніямъ, волновавшимъ баронессу. Графъ думалъ о томъ, что разрывъ Герцлиха съ женой разбиваетъ въ дребезги одинъ его сложно и ловко составленный планъ. И все—эта Кора!.. Минутами Загурскій такъ озлоблялся на графиню, что чувствовалъ себя способнымъ взять въ руки хлыстъ. Около часа дня Загурскій, мрачный, вернулся къ себѣ, но вскорѣ же получилъ записку по-французски:

„Все спасено, если мы окажемся достаточно умными и ловкими. Приходите сію минуту".

Разумѣется, Загурскій чуть не бѣгомъ направился снова на виллу.

Баронесса была права. Спасеніе явилось! И съ той стороны, откуда уже никакъ ничего ожидать было нельзя. Кисъ-Кисъ вошла къ матери и нѣсколькими словами рѣшила все. Баронесса сразу ободрилась. Кисъ-Кисъ, узнавъ о скандалѣ, происшедшемъ въ гостинницѣ, пришла объяснить матери, лукаво улыбаясь, что она можетъ вполнѣ успокоиться. Все обстоитъ благополучно.

Кисъ-Кисъ заявила, что во время самаго скандала она была подъ такой же густой вуалеткой, какъ ея мать, въ томъ же отелѣ, въ гостяхъ у герцога.

— Такимъ образомъ, — сказала она, — я тебѣ предлагаю однимъ камешкомъ двухъ воробьевъ убить! D'une pierre deux coups! Пора начать дѣйствовать рѣшительно по отношенію къ герцогу, чтобы мнѣ не стать несчастной на всю жизнь. Ты

должна только благодарить Бога, что это случилось именно одновременно.

Такъ какъ баронесса сидѣла, вытаращя глаза, какъ бы ничего не понимая и не соображая, то Кисъ-Кисъ взяла ее за руки и выговорила рѣзче:

— Maman, пойми! Ты совсѣмъ растерялась. Пойми! Слушай меня! Ты была въ отелѣ у графа для того, чтобы подстеречь меня, зная, что я иду на свиданіе къ герцогу. Ты въ этомъ убѣдилась, зашла къ графу посовѣтоваться съ нимъ, что̀ предпринять. Ну, хотя бы предпринять нѣчто рѣшительное. Прямо накрыть меня у герцога. А вмѣсто этого графиня впуталась съ своей дурацкой ревностью и сдѣлала скандалъ. А я ускользнула. Теперь немедленно вызывай депешей барона и проси Загурскаго замѣстить старика-мужа, въ качествѣ друга и молодого человѣка, и идти отъ твоего имени къ герцогу съ ультиматумомъ. Онъ долженъ стать моимъ мужемъ или... или драться съ Загурскимъ. Поняла ли ты?

Баронесса вскрикнула, схватила себя за голову, потомъ притянула къ себѣ дочь и поцѣловала ее, но глядѣла испуганными глазами.

— Неужели, неужели?.. — шептала она, какъ помѣшанная.

И она нервно разсмѣялась. Затѣмъ отъ волненія, перепуга или отъ радости слезы потекли по ея лицу. Затѣмъ она снова начала смѣяться.

— Кисъ-Кисъ, это меня спасаетъ... Я вижу, понимаю... Да, все теперь будетъ... Но скажи...

И баронесса запнулась.

— Скажи, имѣемъ ли мы право требовать отъ герцога...

— Чего, maman?..

— Ну... брака...

Кисъ-Кисъ закусила своими заячьими зубками верхнюю губу, прищурила немножко глаза, глядя въ лицо матери, и съ едва уловимымъ мимолетнымъ смущеніемъ въ лицѣ кивнула головой.

— Ты,—начала баронесса,—ты понимаешь меня?..

— Maman, c'est ridicule!—тихо отозвалась дочь.

— Но я боюсь, mon enfant... Понимаемъ ли мы другъ друга? Ты была въ гостяхъ у герцога, но вѣдь вы прежде путешествовали... Бывали вмѣстѣ, по цѣлымъ часамъ вдвоемъ, въ окрестностяхъ.

— Совершенно вѣрно, maman, но тогда я вамъ не говорила посылать Загурскаго. А теперь прошу васъ немедленно послать

его къ герцогу съ простымъ ультиматумомъ: или сдѣлать мнѣ тотчасъ же оффиціальное предложеніе, или быть имъ убитымъ.

— И мы на это, mon enfant, имѣемъ право?..

— Ахъ, maman! — вскрикнула Кисъ-Кисъ, поднялась съ кресла, хотѣла что-то сказать, но запнулась и выпалила:—Кто тутъ, наконецъ, ребенокъ!

Баронесса, взволнованная, перешла къ письменному столу и написала записку Загурскому. Графъ явился тотчасъ же, но Кисъ-Кисъ, разумѣется, ушла изъ гостиной при его появленіи. Баронесса объяснила все графу, и онъ пришелъ въ дикій восторгъ. Все было спасено. Оставалось дѣйствовать!

— Quel bonheur! Quelle chance!—кричалъ онъ, чуть не прыгая какъ мальчуганъ.

XV.

И планъ дѣйствія былъ тотчасъ же составленъ, тотчасъ же разработанъ до малѣйшихъ подробностей. Барону Герцлиху была послана депеша—пріѣзжать немедленно по весьма важному дѣлу. А затѣмъ, не мѣшкая ни минуты, Загурскій вернулся въ свою гостинницу и послалъ доложить о себѣ сосѣду гранду.

Герцогъ тотчасъ же принялъ Загурскаго и вышелъ къ нему на встрѣчу въ маленькую переднюю, улыбаясь и протягивая по обычаю обѣ руки. Но въ тотъ же мигъ онъ пересталъ улыбаться, слегка изумился и пристально присмотрѣлся къ суровому лицу пріятеля. Графъ не подалъ ему руки, а только слегка поклонился. Оканья такъ и остолбенѣлъ со своими двумя руками въ воздухѣ.

— Я къ вамъ, герцогъ, по крайне важному дѣлу. Намъ надо объясниться,—заявилъ графъ холодно.

— Пожалуйте!—едва слышно произнесъ Оканья и смутился сразу.

Черезъ минуту они уже сидѣли въ маленькой, изящно, но казенно отдѣланной гостиной, и Загурскій началъ свою заранѣе приготовленную рѣчь. Объ объяснилъ, что онъ—близкій и единственный другъ семьи Герцлиха, и является отъ имени баронессы заявить Оканья, что имъ все извѣстно, благодаря искреннему сознанію смущенной дѣвочки. Поэтому онъ является спросить у герцога, когда угодно будетъ ему явиться къ баронессѣ, чтобы попросить у нея руки ея дочери.

Оканья замѣтно поблѣднѣлъ и сидѣлъ какъ ошеломленный, не имѣя возможности заговорить или не зная, что отвѣтить.

— Что вы, mon cher duc, на это мнѣ скажете?—спросилъ Загурскій послѣ паузы.

Герцогъ по прежнему молчалъ, но разинулъ ротъ, какъ галка, хлопалъ глазами и очевидно окончательно не зналъ, съ чего начать.

— Ваша медленность отвѣчать мнѣ на простой вопросъ,— заговорилъ Загурскій,—меня положительно изумляетъ! Какъ будто вы не знаете, что дѣлать? Какъ будто вы не ожидали ничего подобнаго. Извѣстно ли вамъ наконецъ, что mademoiselle Lina еще не достигла полныхъ шестнадцати лѣтъ? Извѣстно ли вамъ, ваша свѣтлость, что законы Франціи, а вѣроятно и вашего отечества, равно наказываютъ каторгой то, что именуется во французскихъ законахъ détournement de mineure. При этомъ считаю долгомъ объяснить вамъ, что хотя вы грандъ испанскій, хотя вы иностранецъ во Франціи, но въ подобныхъ дѣлахъ, т.-е. по такимъ преступленіямъ, всякій иностранецъ судится въ мѣстномъ судѣ и по мѣстнымъ законамъ. Вы меня поняли?

Оканья хотѣлъ произнести слово „да“, но у него стало настолько сухо во рту, что онъ только шевельнулъ губами.

— Впрочемъ, успокойтесь, герцогъ, если вы завтра не явитесь къ баронессѣ просить руки ея дочери, то конечно такая порядочная семья, какъ Герцлихъ съ женой, не начнутъ грязнаго, позорящаго ихъ имя, процесса. Все останется втайнѣ, и поэтому на галеры вы уже никакъ попасть не можете. Но позвольте вамъ заявить, что я, какъ единственный другъ семейства, беру все на себя. Если mamzelle Lina не будетъ объявлена тотчасъ же невѣстой герцога Оканья, то дня черезъ три-четыре вся здѣшняя публика соберется въ церковь на похороны герцога Оканья. Я попрошу у васъ удовлетворенія и постараюсь васъ застрѣлить, что мнѣ право совсѣмъ нетрудно, такъ какъ я это не разъ дѣлалъ, и даже вамъ это хорошо извѣстно. Избѣгнуть удовлетворенія, бѣжать отъ моего вызова, я вамъ не совѣтую и пробовать. Вы ничего не выиграете. Ну-съ, я кончилъ и жду вашего отвѣта.

— Но...—началъ Оканья,—но... если...

И онъ запнулся опять. Оправившись, онъ произнесъ:

— Если я докажу, что молоденькая баронесса Вертгеймъ есть исключеніе. Что она... Что еще до встрѣчи со мной...

Загурскій поднялъ на него руку и выговорилъ тихо:

— Замолчите.—Вы лгунъ, герцогъ Оканья!

Наступило молчаніе, послѣ котораго графъ прибавилъ:

— Вы негодяй, герцогъ Оканья!

Загурскій всталъ, надѣлъ шляпу на голову, взялъ свои перчатки и трость со стола и, помахавъ ею передъ лицомъ герцога, тихо и спокойно произнесъ:

— Если вы хоть мало-мальски смышлёный человѣкъ, то поймете, въ какое положеніе вы себя ставите. Оно совершенно ясно. Черезъ нѣсколько дней—три-четыре дня—ваша свадьба съ дочерью баронессы должна быть уже назначена и какъ можно скорѣй отпразднована безъ всякихъ излишнихъ церемоній. Если же вы на это не пойдете добровольно, то, повторяю вамъ и прошу понять, черезъ тѣ же три-четыре дня вы будете въ этой же самой комнатѣ лежать въ гробу, а затѣмъ вотъ это вотъ самое тѣло—и Загурскій показалъ тростью на грудь герцога—въ видѣ трупа, прострѣленнаго мной, повезутъ хоронить въ Испанію. Ну-съ, когда прикажете придти за отвѣтомъ?

Оканья поднялъ руку, взялъ себя за голову, потомъ провелъ рукой по лбу и по лицу и выговорилъ едва слышно:

— Не знаю...

— Хорошо, я буду ждать сутки! Черезъ сутки мы здѣсь будемъ вѣроятно вмѣстѣ съ барономъ. Но я все-таки не допущу его, пожилого человѣка, рисковать собой. Я—другъ семьи и являюсь защитникомъ ихъ.

Загурскій повернулся и пошелъ изъ комнаты; на порогѣ онъ обернулся снова и усмѣхнулся:

— Я надѣюсь, ваша свѣтлость, что вы не будете пробовать уѣзжать, бѣжать... Вѣдь это было бы безсмысленное ребячество. Я даже изъ вокзала станціи не выпущу васъ, не только не позволю сѣсть на поѣздъ. Выѣзжать кататься въ экипажѣ или верхомъ съ нынѣшняго дня я вамъ запрещаю. Иначе... Или здѣсь, или среди города, или на вокзалѣ, вотъ этотъ предметъ—графъ высоко поднялъ трость передъ собой — обратится, не знаю, во что... Въ нѣчто... Отъ этого ничего не останется! И васъ, избитаго, принесутъ обратно въ эту комнату. Когда же вы выздоровѣете, то опять начнется все съизнова. Предложеніе—или удовлетвореніе. Предложеніе и бракосочетаніе—или удовлетвореніе и погребеніе.

И Загурскій, усмѣхаясь, чрезвычайно низко, чуть не въ поясъ поклонился герцогу, повернулся на каблукахъ и вышелъ изъ комнаты. Оканья двинулся, опустился въ кресло, взялъ себя за голову и забормоталъ что-то... Но онъ самъ не зналъ, что говоритъ...

XVI.

На утро съ курьерскимъ поѣздомъ баронъ Герцлихъ былъ уже въ Баньерѣ, не предупредивъ депешей о своемъ пріѣздѣ. Баронесса была въ саду съ Эми, когда увидѣла маленькій омнибусъ съ знакомымъ наверху сундукомъ съ двумя красными полосами.

— Mon mari! — выговорила она глухо и, поднявшись со скамейки, нетвердой походкой двинулась къ калиткѣ сада.

Она все-таки боялась и не рѣшила вопроса: кто побѣдитъ— графиня или она.

Баронъ вышелъ изъ кареты, и едва только жена увидѣла его лицо, какъ успокоилась. Баронъ Герцлихъ являлся, какъ отецъ семейства является въ комнату, гдѣ раскричались и расплакались, передравшись, дѣти. Взоръ его былъ строгъ, а губы улыбались.

— Что все это значитъ, chere amie?—развелъ онъ руками, предварительно расцѣловавъ жену и съ любовью оглядѣвъ ее.

— Самое ужасное дѣло! — нетвердымъ голосомъ заговорила баронесса.—Пойдемъ, я все разскажу тебѣ. Главное однако то, что близкій человѣкъ...—и голосъ ея вдругъ слегка дрогнулъ— Взялся за все и поможетъ намъ выпутаться.

Баронесса повела мужа къ себѣ въ спальню, приказавъ скорѣй подавать завтракать. И здѣсь въ полчаса времени она передала все, что приключилось. Разумѣется, на извѣстный ладъ.

Баронъ выслушалъ все и сталъ пасмуренъ. Долго молчалъ онъ и наконецъ заговорилъ кротко, но твердо.

— Да. Вотъ...—говорилъ я тебѣ сколько разъ. Нельзя было дочь такъ воспитывать, давать ей эту свободу. Ты говорила, что Лина un petit prodige. Ты мотивировала все тѣмъ, что она знаетъ и видитъ нашу связь, и, стало быть, прежде чѣмъ скрывать отъ нея многое, надо скрываться отъ нея намъ самимъ. И будетъ ложь, комедія... Ну, вотъ теперь у дѣвушки, рано развившейся на полной свободѣ, и приключилась бѣда.

— Какъ судить, Густавъ!—отозвалась баронесса.—Она будетъ герцогиней, маркизой, грандессой съ фамиліей въ нѣсколько строкъ и съ громаднымъ состояніемъ.

— Но будетъ ли она счастлива, выйдя въ шестнадцать лѣтъ замужъ за слишкомъ пятидесяти-лѣтняго человѣка? Ты объ этомъ не подумала?

— Quant à ça,—воскликнула баронесса,—Кисъ-Кисъ такая странная, такой философъ, что я за нее не боюсь. Это моя судьба

повторяется. А, право, мой Фуртъ фонъ-Вертгеймъ былъ во сто разъ дурнѣе герцога да вдобавокъ былъ не грандомъ испанскимъ, а почти аптекаремъ. Да вмѣсто зáмковъ около Севильи и Гренады у него былъ какой-то кривой домъ на Васильевскомъ Острову.

И баронесса начала весело смѣяться, но не искренно.

— Съ такой точки зрѣнія... — началъ-было Герцлихъ, но смолкъ...

Лакей доложилъ, что завтракъ поданъ, и они перешли въ столовую. Баронъ съ видимымъ аппетитомъ принялся за омлетку.

— Но какъ же быть однако? — заговорилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ.—Положимъ, что этотъ сорви-голова Загурскій, взявшись за дѣло, молодцомъ все устроитъ. Но какъ быть съ этимъ скандаломъ въ гостинницѣ? Вѣдь здѣсь всѣ останутся убѣждены, что графиня Нордъ-Остъ тебѣ мстила за графа. Вѣдь нельзя же, чтобы себя очистить, разсказать всю правду про дочь и про герцога.

— Это невозможно!—воскликнула баронесса.

— Что̀ же тогда дѣлать?

— Подумаемъ. Теперь же главное—рѣшать скорѣй съ герцогомъ. Загурскій далъ ему срокъ подумать... А затѣмъ конечно... насиліе. Да что̀ же дѣлать?

— Но какъ онъ здѣсь очутился?

— Онъ обѣщался еще въ Парижѣ Кисъ-Кисъ непремѣнно пріѣхать.

— Я не про герцога спрашиваю, а про графа.

Баронесса вдругъ вспыхнула; почувствовавъ и понявъ, что мужъ замѣтилъ краску на лицѣ, она еще болѣе растерялась.

— Юлія,—заговорилъ баронъ тихо и мягко.—Я понимаю, отчего ты вдругъ смутилась. Какъ тебѣ не стыдно! Какое ребячество! Неужели ты думаешь, что если мнѣ кто скажетъ, что ты меня обманываешь, то я повѣрю. Вѣроятно, тебѣ извѣстно, что эта сумасшедшая женщина написала мнѣ въ Парижъ безсмысленное и злое письмо.

— Кто?—черезъ силу произнесла баронесса.

— Конечно, графиня. Она мнѣ написала длинное письмо, гдѣ говоритъ Богъ знаетъ что̀... Даже клянется. Всего прелестнѣе, кстати... Она говоритъ, что ты ужъ два-три года какъ влюблена безумно въ Загурскаго, но что онъ только теперь обратилъ на тебя свое милостивое вниманіе, чтобы тащить съ тебя деньги и грабить, какъ ее ограбилъ... И сумасшедшая женщина лжетъ, чтобы добиться цѣли... Она говоритъ, что изъ своего нумера ви-

дѣла тебя у Загурскаго, и слышала, что̀ вы именно говорили... И якобы тогда только рѣшилась она мстить... И какъ!.. Драться. Еслибы это была не женщина—я бы ее теперь...

И баронъ сжалъ кулакъ.

Баронесса сидѣла предъ мужемъ на видъ спокойная. Крайнее внутреннее волненіе сказывалось только въ быстрыхъ и лишнихъ движеніяхъ, въ игрѣ съ носовымъ платкомъ, который она перебирала, то мяла, то складывала, то бросала на столъ и опять брала. Герцлихъ не глядѣлъ на жену, а спокойно ѣлъ, разглядывая каждый кусочекъ мяса, прежде чѣмъ положить его въ ротъ.

— Да... Что̀ же я хотѣлъ сказать?.. Я что-то спрашивалъ у тебя?..

— Ты, кажется, спрашивалъ, какъ Загурскій сюда попалъ. Онъ пари какое-то держалъ. Кажется, на велосипедѣ въѣхать на Pic du Midi... Ну, вотъ, потомъ съѣздилъ, ушибъ ногу и здѣсь остался на время. Я была очень рада. Тутъ вѣдь не съ кѣмъ слова сказать...

— А все-таки, Юлія... Все-таки... Онъ негодяй.

— Ты строго судишь... Вся молодежь такая теперь. Вѣдь ты про деньги говоришь, про графиню.

— Ахъ! Да! Вспомнилъ. Ты взяла мѣсяцъ назадъ у Ферштендлиха пятнадцать тысячъ, потомъ взяла недавно еще десять... Помимо того, что̀ тебѣ высылается... И просила его мнѣ не говорить, а въ разное время ихъ вычесть изъ твоихъ денегъ... Вотъ видишь, я все знаю... Да и какъ ты могла подумать, что Ферштендлихъ отъ меня что-либо скроетъ въ дѣлахъ... Ну, вотъ, кайся... Зачѣмъ ты брала?..—улыбнулся баронъ.

Баронесса глянула мужу въ глаза и вымолвила твердо:

— Загурскій просилъ у меня взаймы на время... Какъ у графини, бывало, прежде.

— Гмъ... Нехорошо... Ça devient louche...—улыбнулся баронъ, понявъ шутку.

— Ахъ, Густавъ... Я думала, что если ты узнаешь, то самъ догадаешься. Вѣдь со мной Эми... у которой долги въ Парижѣ, и которыхъ ея дядя, конечно, не уплатилъ. Я люблю ее. Я не могла этого не сдѣлать для нея. А ты сейчасъ готовъ былъ повѣрить, что я Богъ вѣстъ зачѣмъ взяла эти деньги.

— Юлія... Я шутя спросилъ. Я зналъ, что это что-нибудь въ этомъ родѣ. Я не могу тебя подозрѣвать. Пойми это.

Герцлихъ отодвинулъ отъ себя тарелку, взялъ изъ рукъ жены чашку кофе и, поставивъ ее передъ собой, выговорилъ другимъ голосомъ:

— Я не могу тебя подозрѣвать. Разъ навсегда пойми это... Я не могу перестать въ тебя вѣрить, какъ не могу перестать вѣрить въ Бога. Съ этимъ я и умру. Еслибы у меня отняли эту вѣру въ Бога и въ тебя, то отняли бы у меня все... Жизнь, солнце, воздухъ... Еслибы моя Юлія меня обманула, я бы проклялъ міръ. Если подобное можетъ случиться на землѣ, то на ней не надо жить ни минуты; надо уходить, унося съ собой въ лучшій міръ то, что̀ мы сюда принесли и что̀ здѣсь оказалось не на своемъ мѣстѣ. Ты знаешь мои мысли, мои убѣжденія, мои вѣрованія, мои упованія. Ты знаешь, что для меня Богъ, жизнь и ты, это—одно, единое, недѣлимое... Потерять что-либо одно изъ трехъ—значитъ потерять и остальное. Если мнѣ докажутъ, что Бога нѣтъ—я не захочу жить и перестану тебя любить, потому что тогда окажется, что мы твари случайныя, лишнія, безъ души безсмертной. Стало быть, жизнь была матеріальный процессъ, случайное сочетаніе и обмѣнъ атомовъ. Стало быть, то, что̀ связывало меня съ тобой, эти таинственныя святыя узы—были моей глупой выдумкой. Нѣтъ Бога и, стало быть, не было души во мнѣ, души въ Юліи моей, не было земного, но святого общенія между нами, не будетъ и встрѣчи тамъ. Если же у меня судьба грубо, скотски отниметъ мою Юлію и скажетъ: ты ошибался, ты фантазировалъ, она—та же графиня Нордъ-Остъ, она—тварь, потому что она безчестная и порочная женщина, то я скажу: бери! Но возьми и Бога, бытіе котораго я, стало быть, тоже воображаю. Возьми и существованіе, потому что оно не только не цѣнно мнѣ теперь, оно оскорбительно. Оно оскорбляетъ во мнѣ „что-то“, что̀ мнѣ дано было. Кѣмъ, когда, зачѣмъ—не знаю. Я это принесъ на землю и лелѣялъ. Оно заставило меня искать и найти Бога Премудраго и Справедливаго, жизнь полную смысла, цѣли, полную благъ, временныхъ, но чудныхъ, женщину, которой я отдалъ самое мнѣ дорогое, душу мою, и на которую я молился... Да, Юлія, Богъ, жизнь и ты—это одно... Если ты умрешь прежде меня, я, клянусь, убью себя тотчасъ же... И я скажу Богу... Если Ты справедливъ, Ты долженъ былъ отнять у меня прежде меньшее благо—жизнь, а потомъ уже...

Герцлихъ не договорилъ. Баронесса качнулась, закинула голову, и страшное рыданіе огласило комнату. Баронъ бросился къ ней... хотѣлъ обнять, что-то сказать, но она отстранила его и вскрикнула:

— Убей меня... Убей...

Баронъ замеръ, потомъ, блѣдный какъ полотно, отступилъ на шагъ.

— Неправда! Неправда!.. Не можетъ быть. Ты лжешь!— шепталъ онъ посинѣвшими губами. И вдругъ онъ упалъ на колѣни около нея и, протягивая руки, закричалъ:

— Говори! Скажи! Юлія!..

Но баронесса, схвативъ голову обѣими руками, рыдала и билась на спинкѣ кресла...

Герцлихъ поднялся и, пошатываясь, нетвердыми шагами, цѣпляясь за мебель ногами, стукаясь за двери плечами, прошелъ къ себѣ и, доставъ изъ дорожнаго мѣшка револьверъ, поднялъ его къ головѣ, дуломъ къ виску.

Прошло мгновеніе. Рука опустилась тихо. Она не дрожала и крѣпко стиснула рукоять...

— И этого нельзя. Сейчасъ! — глухо прошепталъ онъ.— Уйди, но обмани. Унеси правду съ собой.

Баронесса не бросилась за мужемъ. Она лежала безъ чувствъ на полу.

XVII.

Сильно запоздавшій въ Парижѣ докторъ Рудокоповъ явился въ Баньеръ и прямо отправился на виллу заявить барону Герцлиху, что Соколинскій уже внесъ около двухсотъ тысячъ по дѣлу Эми. Къ его удивленію, онъ узналъ, что баронъ, пріѣхавшій въ Баньеръ вчера утромъ, въ тотъ же вечеръ выѣхалъ обратно въ Парижъ, гдѣ его, однако, не ждали. Докторъ нашелъ маленькую русскую колонію въ исключительномъ положеніи: баронессу Герцлихъ—больною въ постели; юную баронессу—крайне смущенною и тоже будто хворающею, а Загурскаго—мрачнѣе ночи; Эми—тихо и покорно грустною... Онъ привезъ ей извѣстіе, что отъ ея состоянія не осталось даже и крохъ.

Эми отнеслась спокойно. Она ждала этого.

Поблагодаривъ Рудокопова за его путешествіе въ Парижъ, она попросила его остаться на нѣсколько дней, такъ какъ ей рѣшительно не съ кѣмъ было слова сказать.

Рудокоповъ подумалъ, поколебался немного, затѣмъ согласился, но въ тотъ же вечеръ послалъ депешу въ Аркашонъ:

„Остаюсь здѣсь на недѣлю. Пріѣзжай тотчасъ“.

На утро Эми объявила Рудокопову, что когда она выйдетъ гулять, то явится къ нему въ гостинницу въ гости чай пить. Отъ этого простого предложенія Рудокоповъ смутился и даже покраснѣлъ. Съ тѣхъ поръ, что Эми знала своего черезчуръ

серьезнаго Адріана Николаевича, она никогда не видѣла его столь сконфуженнымъ.

— Что̀ съ вами?!—невольно воскликнула она.

Рудокоповъ сталъ отвѣчать и путаться.

— Я не могу принять васъ, Любовь Борисовна...—выговорилъ онъ, наконецъ, какъ-то странно. И взволнованно, и будто торжественно.

— Что̀ это значитъ?—изумилась Эми.

— Я не одинъ, Любовь Борисовна.

— Не одни? Съ другомъ? Съ знакомымъ? Что̀ за важность. Вы объясните, кто я, и что вы меня знали ребенкомъ. Вы для меня и другъ, и дядя, и учитель, и все, что̀ хотите...

— Это невозможно!—отозвался онъ.—Я не съ мужчиной-пріятелемъ... Это женщина, которая пріѣзжаетъ сегодня.

Эми остановила на докторѣ изумленные глаза. Она знала давно и хорошо своего лучшаго друга и знала, какое громадное значеніе имѣетъ это признаніе. Если бы онъ заявилъ ей, что онъ постригся въ монахи или отправляется въ центральную Африку, какъ изслѣдователь невѣдомыхъ странъ, то, конечно, Эми удивилась бы гораздо менѣе.

— Докторъ Рудокоповъ—и женщина?.. Да это что̀ же? Свѣтопреставленіе!—выговорила она.

— Да, Любовь Борисовна, если не самое свѣтопреставленіе, то его начало...

— Какимъ образомъ? Когда? Кто она? Молодая? Не молодая? —закидала она доктора вопросами.

— На всѣ ваши вопросы я могу отвѣчать только, что она еще очень молода. На всѣ же остальные позвольте мнѣ не отвѣчать. Все это, приключившееся, есть просто неожиданная болѣзнь. Ну, тифъ, что-ли, инфлуэнца. Поломаетъ нѣсколько дней, ну, мѣсяцъ, и отпуститъ. Я выздоровлю, явлюсь къ вамъ, и мы вмѣстѣ посмѣемся.

— Такъ ли это, Адріанъ Николаевичъ, не лжете ли вы? Да не мнѣ, а себѣ самому?

Рудокоповъ молчалъ.

— Вотъ видите ли, стало быть, вы лжете! Зачѣмъ же вы лжете себѣ? На что это нужно?

Рудокоповъ пожалъ плечами.

— А вы не лгите, говорите себѣ правду! Вы неожиданно встрѣтили женщину и полюбили. Ну, и слава Богу!

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, Любовь Борисовна, если бы вы знали!..

Это ужасно, это безсмысленно... Нѣтъ, вѣрно вамъ говорю, это инфлуэнца. Поломаетъ и отпуститъ.

— Вы на это надѣетесь?

— Да! Крѣпко!

— И этого желаете?

Рудокоповъ помолчалъ, а потомъ развелъ руками.

— Вотъ видите ли, вы, стало быть, желаете того, чего не хотите.

Эми улыбнулась и даже весело разсмѣялась. Пожалуй, въ первый разъ съ тѣхъ поръ, что дала слово Соколинскому. Рудокоповъ тоже разсмѣялся, но еще веселѣе, радостнѣе. Эми замѣтила оттѣнокъ этого смѣха, замѣтила отблескъ его сіяющихъ глазъ, положила руку ему на плечо и выговорила:

— Адріанъ Николаевичъ, я мало жила, но уже прожила больше вашего. Я вижу по вашимъ глазамъ...

— Нѣтъ. Нѣтъ. Право. Я хочу выдать ее замужъ за хорошаго, честнаго человѣка. И тогда по неволѣ у меня окажется пріемышъ и чужая жена...

Эми вдругъ тихо вскрикнула:

— Избави Богъ! А если вдругъ... Нѣтъ! Не дѣлайте такъ, какъ я сдѣлала. Все было въ рукахъ—и ничего не осталось... Не упустите, чтобы потомъ вѣкъ раскаяваться.

И отъ этихъ простыхъ словъ Рудокоповъ сразу сталъ задумчивъ и почти мраченъ. Эти слова были повтореніемъ того, что онъ самъ себѣ говорилъ ежедневно.

— Вы ребенокъ или сумасшедшій,—заговорила Эми.—Вы выдадите замужъ ее, чтобы спасти себя, а вмѣсто этого—окажется вдругъ самоубійство...

И Эми стала горячо доказывать другу, что онъ въ своихъ поступкахъ часто бывалъ младенцемъ.

Между тѣмъ, разговаривая съ Эми, Рудокоповъ куда-то собирался и все смотрѣлъ на часы. Наконецъ, онъ вдругъ ахнулъ, будто перепугавшись. Онъ не опоздалъ, но одна мысль, что онъ могъ опоздать, взволновала его до крайности. Онъ извинился предъ Эми, быстро вышелъ изъ виллы на площадь и, нанявъ фіакръ, велѣлъ ѣхать скорѣе на вокзалъ.

— Франкъ на чай, даже два... если не опоздаемъ!—крикнулъ онъ бодро.

Кучеръ защелкалъ бичомъ направо и налѣво, и крупной рысью двинулся по маленькимъ улицамъ.

Черезъ четверть часа послѣ этого къ баньерскому вокзалу подходилъ курьерскій поѣздъ. Рудокоповъ, умѣвшій ладить съ

французами всѣхъ категорій, попросилъ у начальника станціи дозволенія выйти на платформу, гдѣ были только служащіе и носильщики.

Поѣздъ подошелъ, и сразу пустынная платформа покрылась густой толпой пассажировъ.

Докторъ сталъ предъ главными дверьми, гдѣ отбирали билеты, и внимательно приглядывался къ шумному людскому потоку, который, завернувъ съ платформы, вытекалъ въ двери.

Наконецъ, онъ увидѣлъ, бросился впередъ, противъ теченія, и, несмотря на брань, сталъ продираться на встрѣчу къ дамѣ, которую несъ этотъ потокъ.

— Віеп?..—воскликнулъ онъ вопросомъ.—Здорова?

— Ah! Je pensais déjà...—вскрикнула дама, но не договорила, бросилась къ нему и, обхвативъ рукой, начала цѣловать.

Ихъ тѣснили, толкали, нѣкоторые бранились, и они, какъ-то, наконецъ, вытолкнутые потокомъ, очутились въ сторонѣ, на свободномъ пространствѣ.

— Отчего ты не пріѣхала утромъ?

— Нельзя было, потому что портниха опоздала съ платьемъ. Я говорила, не надо заказывать. Если бы не это, on serait déjà douze heures ensemble.—И она нѣжно поглядѣла въ лицо Рудокопова.

Дама была маленькаго роста, но стройная и особенно элегантна... Дорожное шолковое платье, клѣтчатое „Damier", черное съ бѣлымъ, но со свѣтло-сѣрой отдѣлкой изъ кружевъ и лентъ, сѣрый фѣтръ на головѣ, съ заломленнымъ краемъ надъ вискомъ, гдѣ торчалъ и дрожалъ въ воздухѣ розоватый и пушистый „esprit", пыльнаго цвѣта мантилья, свалившаяся теперь съ одного плеча отъ ея движенія, все, казалось, гармонировало съ ея свѣтло-бѣлокурыми волосами, большими сѣрыми глазами и съ бѣло-розовымъ цвѣтомъ лица. Вся маленькая фигурка ея, отливавшая матовымъ блескомъ въ лучахъ заходящаго солнца, смахивала на фарфоровую куколку.

И, вѣроятно, фигурка эта была особенно мила и изящна, потому что мужчины изъ мимо двигающагося потока глядѣли и оборачивались на нее, прислушивались къ ея щебетанію.

— Gentillette!—сказалъ одинъ высокій господинъ, головой выше толпы, обращаясь къ спутнику.

— Oui. Une miss-anglaise... Ça se voit...

Дама дѣйствительно походила на миніатюрную англичанку, того исключительнаго рода, полу-нормандскаго, который судьба

избавила отъ остраго овала лица и развитыхъ скулъ съ длинными зубами. Разумѣется, эта дама была Клэретта.

Рудокоповъ подалъ ей руку и спросилъ по-русски:

— Устала?

— Нэтъ!.. Нитшево! Нэмношеки!—отозвалась она, улыбаясь и снова нѣжно заглядывая ему въ глаза.

— Но все-таки... „нэмношеки“,—повторилъ онъ радостно.

Они вышли въ двери и чрезъ большую залу направились въ багажное отдѣленіе.

Дама вдругъ прижалась къ нему крѣпче и прильнула какъ бы въ испугѣ и волненіи.

— Что ты?..

— Ce monsieur... A droite!—шепнула она.

Рудокоповъ поглядѣлъ направо и увидѣлъ герцога Оканья.

— Дьяволъ! Нужно ему было здѣсь очутиться!—злобно сказалъ онъ.

Оканья разговаривалъ съ ливрейнымъ лакеемъ и сердито объяснялъ ему что-то... Рудокоповъ хотѣлъ избѣжать встрѣчи, но испанецъ уже завидѣлъ его и поклонился.

Затѣмъ онъ приблизился и объявилъ:

— У меня багажъ запоздалъ изъ гостинницы... Представьте...

Рудокоповъ сухо отвѣтилъ:—Ah, vraiment!—и тотчасъ, повернувъ влѣво, отошелъ. Онъ сталъ пасмуренъ.

Дама, не переставшая заглядывать ему въ лицо каждую минуту, замѣтила это тотчасъ.

— Тебѣ это было непріятно,—сказала она по-французски.— Но онъ меня не узналъ.

— Неизвѣстно еще!—отвѣтилъ докторъ.

— Вѣрно тебѣ говорю, не узналъ. Какъ же ты хочешь— когда, помнишь, три мѣсяца тому назадъ, когда впервые ты меня одѣлъ, tu m'as toiletée... даже мама не узнала. Помнишь, я тебѣ разсказывала, что она меня встрѣтила у себя говоря: „Que désire madame“?..

Они вышли и, взявъ фіакръ, двинулись въ гостинницу.

— А вѣдь чего добраго, онъ и въ самомъ дѣлѣ тебя не узналъ!—вдругъ сказалъ Рудокоповъ, невольно думая все о томъ же.

— Je te le jure!—воскликнула она и, подпрыгнувъ, схватила его за шею и поцѣловала.

— Voyons! На насъ смотрятъ!—сказалъ онъ счастливымъ голосомъ.

И дѣйствительно, двое прохожихъ видѣли это. Но ни одинъ

и бровью не повелъ. Французъ все видѣлъ на своемъ вѣку. И теперь на все, что̀ видитъ, отвѣчаетъ:

— Quoi donc? La vie du monde!

Между тѣмъ, герцогъ Оканья, бранясь за опоздавшій багажъ и отдавая приказаніе своему лакею, думалъ:

„Muy bien... Muy linda! Очень хорошенькая. И что-то знакомое... Вѣроятно, я ее уже разъ съ нимъ гдѣ-нибудь видѣлъ. Какъ эти русскія разнохарактерны! И черныя, смуглыя, какъ наши хитаны, и бѣлокурыя, бѣленькія, въ родѣ нѣмокъ и англичанокъ... Да... Muy bonita, caramba“...

И герцогъ вышелъ на платформу, гдѣ прибывшій поѣздъ уже готовили къ отправленію обратно въ Тарбъ.

XVIII.

Въ эти же минуты несся къ вокзалу въ коляскѣ, чуть не вскачь, взбѣшенный графъ.

Подъѣхавъ, Загурскій выскочилъ изъ коляски и бросился на платформу. Всѣ дверцы вагоновъ-каретъ были еще растворены, а многіе отъѣзжающіе еще стояли предъ своими вагонами. На краю платформы, противъ вагона съ надписью: „Coupé-lit“, стоялъ герцогъ Оканья и вдругъ, завидя подходящаго графа, перемѣнился въ лицѣ.

— Герцогъ!—воскликнулъ графъ.—Я никогда бы не повѣрилъ, что вы заставите меня исполнить обѣщанное. Вы поступаете какъ младенецъ, ou bien comme un imbécile. Что̀ вы думаете выиграть?!

— Я ѣду въ Парижъ по дѣлу, на три дня. И вернусь...—вымолвилъ Оканья глухо.

— Вернетесь... Ха-ха-ха! C'est charmant... Ну-съ. Угодно ли вамъ сейчасъ вернуться въ гостинницу, а затѣмъ ѣхать со мной къ баронессѣ Герцлихъ, для формальнаго предложенія.

— Право же... Черезъ три дня я...

— Разъ!.. По второму разу спрашиваю васъ... Угодно ли вамъ, sans être rossé à plates coutures, исполнить это требованіе?

Герцогъ молчалъ, сопѣлъ и озирался. Никого около нихъ не было. Въ случаѣ насилія, даже некому броситься и остановить нападающаго.

— Два! Послѣдній разъ спрашиваю васъ!—крикнулъ Загурскій на всю платформу и поднялъ свою короткую, но здоро-

венную трость съ набалдашникомъ, которой можно было даже раздробить черепъ.

Герцогъ какъ-то осунулся весь и тихо выговорилъ·

— Je viens...

Онъ слазилъ въ вагонъ, взялъ небольшой сакъ, гдѣ была крупная сумма денегъ, и двинулся за графомъ.

Минутъ черезъ пять оба они сидѣли въ коляскѣ рядомъ и молчали.

— Eh bien? Quoi!? — вдругъ воскликнулъ герцогъ. —Qué, hombre! Что же? Carramba! Я ее люблю. Она меня тоже очень любитъ, несмотря на страшную разницу лѣтъ... Aprés tout... Такъ слѣдуетъ. Вы правы, графъ. Такъ слѣдуетъ. Можетъ быть, я буду вамъ обязанъ счастьемъ всей моей жизни.

— Не всей, герцогъ!—ухмыляясь, отозвался Загурскій.— Она на двѣ трети уже позади васъ... Но не въ этомъ дѣло... Слава Богу, что вы поняли и такъ разсуждаете, en honnête homme et en bon garçon. Вашу руку. Поздравляю васъ.

И они пожали другъ другу руки, причемъ герцогъ крѣпче пожалъ, чѣмъ графъ.

— Да. Да... Такъ... Вы хорошо сдѣлали, что вмѣшались. Caramba!

— Я долженъ былъ... Какъ другъ семейства. И если вы теперь неискренни и думаете все-таки со временемъ отдѣлаться, то снова клянусь вамъ всѣми святыми, что вы будете мужемъ Кисъ-Кисъ или въ землѣ. Вы вѣрите, что я не лгу... Ну, я клянусь, что...

— Нѣтъ. Нѣтъ... Вы герцога Фернана не знаете!—воскликнулъ Оканья.—Если я сказалъ: да!.. то конецъ. Un gentilhomme n'a qu'une parole.

Черезъ часъ, когда багажъ вернулся съ вокзала, герцогъ, снова занявъ большой аппартаментъ въ отелѣ, быстро переодѣвался. Затѣмъ еще черезъ часъ онъ былъ уже на виллѣ баронессы и, свѣже-умытый и припомаженный, сильно раздушенный, въ длинномъ черномъ сюртукѣ „redingote“ и высокой городской шляпѣ, почти весело оглядывался въ зеркало, покуда лакей докладывалъ. Загурскій же, ухмыляясь, прогуливался у калитки сада, какъ часовой.

„А вѣдь собственно онъ и впрямь un bon garçon, — думалъ графъ.—Другой бы заставилъ себя сѣчь, хоть по десяти разъ въ году, а на поединокъ бы не вышелъ. Вотъ и дѣлай тогда, что̀ хочешь! А до суда никто не довелъ бы“...

Между тѣмъ, герцогъ, припятый юной баронессой Вертгеймъ,

вслѣдствіе болѣзни матери, торжественно заявилъ, рисуясь и позируя предъ молодой дѣвушкой:

— Пожелаете ли вы, баронесса, осчастливить меня и стать грандессой и герцогиней д'Оканья, д'Оріуэла, Де Лосъ Эласъ, дель Кастильо Вьехо и де ла Mancha?

XIX.

На третій день, въ нумеръ, гдѣ остановился Рудокоповъ съ Клэреттой, постучали, и на слово: „Entrez", въ комнатѣ появилась Эми.

Рудокоповъ вскрикнулъ. Клэретта оторопѣла, потерялась и, вскочивъ съ мѣста, стояла какъ истуканъ.

— Зачѣмъ?! Любовь Борисовна! Зачѣмъ?—воскликнулъ онъ.

— Я пришла въ гости къ будущей госпожѣ Рудокоповой, отвѣтила Эми, и, подойдя къ Клэреттѣ, она протянула ей руку.

— Я видѣла васъ обоихъ издали вчера, въ аллеѣ Coustous, и рѣшила...—заговорила Эми по-русски, весело глядя въ смущенное лицо доктора.—И я не ошиблась. Да. Я ее такой воображала. Я не думала, что она такая же маленькая, какъ и я. Но ея лицо, ея глаза я будто предугадала... Да. Не бойтесь, Адріанъ Николаевичъ... Рѣшайтесь... Въ этихъ милыхъ глазахъ я вижу ваше будущее счастье.

Рудокоповъ стоялъ молча, взволнованный, тронутый голосомъ и словами Эми. Она повторяла буквально то, что онъ часто думалъ.

„Залогъ счастья, это—ея глаза, ихъ отвѣтъ, ихъ правда".

Клэретта, прійдя въ себя, конфузливо спросила доктора:

— C'est mademoiselle Aimée?

— Да... Это я... Я хотѣла васъ видѣть и съ вами познакомиться... Мы обѣ любимъ доктора. Я—какъ стараго друга, вы... иначе. Скажите, вы много его любите?

— Oh, oui!—произнесла Клэретта и, покраснѣвъ, опустила глаза.

— И вы не требуете, чтобы онъ на васъ женился?

— Какъ можно!—вскрикнула эта.—Развѣ я могу быть его женой? Нѣтъ, мы и такъ проживемъ. Лишь бы онъ меня не бросилъ.

И у Клэретты появились слезы на глазахъ.

Эми усадила ее, подсѣла къ ней и, обнявъ, поцѣловала. Получивъ пылкій поцѣлуй въ отвѣтъ, она стала разспрашивать ее.

Давно ли она съ Рудокоповымъ? Была ли когда кѣмъ-либо увлечена? Вѣритъ ли, что и онъ ее любитъ глубоко?

Клэретта отвѣчала на все просто, но на послѣдній вопросъ отвѣтила:

— Не знаю,—и тотчасъ же слезы полились по лицу ея.

Появленіе русской „demoiselle“, о которой она много слыхала отъ Рудокопова, ее крайне взволновало; будто чутьемъ узнала она, что этотъ неожиданный визитъ важенъ, будетъ имѣть огромное вліяніе на ихъ отношенія.

— Это дорогія слезы, Адріанъ Николаевичъ. Не заставляйте ихъ литься даромъ,—заговорила Эми съ чувствомъ.—Я насквозь ее вижу и скажу: при другомъ положеніи она не будетъ отвѣчать слезами на то, что я у нея спросила. Это даже грѣхъ... Не мудрствуйте лукаво. Не ошибитесь. По отношенію ко мнѣ вы ошиблись. Я васъ не попрекаю. Но я васъ, какъ друга, какъ человѣка, котораго люблю съ дѣтства, умоляю... Не проэѣвайте свое счастье. Чего вы хотите?.. Вы нигдѣ не найдете никогда то, что я вижу у нея въ глазахъ.

И поглядѣвъ пристально въ лицо Клэретты, Эми прибавила:

— Удивительные глаза. Ангельскіе. Что жъ, не правда ли?

— Именно,—глухо отозвался Рудокоповъ.—Въ нихъ самихъ —много правды! Той, которой такъ мало на свѣтѣ!

Наступило молчаніе и продолжалось нѣсколько мгновеній. Эми думала о себѣ, о прошломъ... о настоящемъ. Рудокоповъ, сильно взволнованный, тушилъ въ себѣ послѣдній взрывъ сомнѣнія и боязни.

— Адріанъ Николаевичъ! Бойтесь, когда-нибудь, вспоминая о Клэреттѣ, жениться на... Соколинской,—подавленнымъ голосомъ произнесла Эми, какъ бы стыдясь своего признанія.

Докторъ вскочилъ съ мѣста и, взявъ руки Эми, началъ цѣловать ихъ...

— Въ иныхъ дѣлахъ нуженъ толчокъ извнѣ, хоть легкій, но извнѣ!—воскликнулъ онъ.

— Да. Я знаю... Я на это разсчитывала, ради этого сюда пришла.

— Спасибо вамъ... Я давно борюсь съ собой!—горячо заговорилъ докторъ.—Вѣдь между Клэреттой и мной не было да и теперь какъ бы нѣтъ ничего общаго... Она не знаетъ Россіи, не знаетъ и не понимаетъ интересовъ моей жизни, не можетъ понять, что меня волнуетъ, радуетъ или озлобляетъ. Для нея книга—что-то особенное... Вы знаете ли, что она боится книгъ... Въ руки не беретъ... Разъ сто она сказала, что у нея одно

горе, одна забота—какъ бы я не свихнулся отъ того, что все читаю.

— И она права! Сто разъ права!—воскликнула вдругъ Эми.—Вы уже давно отъ книгъ свихнулись. Но только теперь она, Клэретта, васъ вылечитъ... Уже теперь она оказывается сильнѣе вашихъ книгъ. Вы говорите, что между вами нѣтъ ничего общаго... Ахъ, шутникъ вы, Адріанъ Николаевичъ! За что же вы полюбили ее, любите, привязали ее къ себѣ и себя къ ней... За что?.. Почему?

— Не знаю... Или знаю, да сказать стыдно,—усмѣхнулся Рудокоповъ.—Вамъ, пожалуй, скажу... Я люблю ее много, очень много... даже выразить не могу, какъ и насколько... Такъ и настолько, какъ можетъ любить человѣкъ, который въ мои годы не только никогда не любилъ, но отрицалъ любовь, считалъ это блажью, выдумкой или комедіей... Я признавалъ только, что люди хотятъ облагородить нѣчто существующее, скотское, замаскировавъ или одѣвъ это нѣчто въ костюмъ и назвавъ это любовью. Я повторялъ выраженіе умнаго французскаго писателя, сказавшаго: „L'amour est l'échange de deux fantaisies, et le contact de deux épidermes". Я предполагалъ, что прежде всего нужно, чтобъ мужчина и женщина были товарищами во всемъ, имѣли одного сорта мозги подъ черепами. Оказывается, что это вздоръ. Барышня, которой я увлекся въ двадцать-три года, потому что она занималась въ Цюрихѣ, увлекалась медициной, и съ которой мы начали вмѣстѣ препарировать трупы, могла быть моимъ товарищемъ во всемъ. Мозгъ ея, помню, былъ родственникомъ моему... А чѣмъ же кончилось?.. Мы и теперь друзья. Но полюбить ее, какъ я полюбилъ безграмотную Клэретту... это... это... и выразить нельзя.—И Рудокоповъ разсмѣялся.

— Обѣщали бы мнѣ разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ бытія и вѣчную жизнь за гробомъ, то и тогда я мою цюрихскую докторшу не полюбилъ бы... потому что оно... было... невозможно... противоестественно, смѣхотворно.

— Этого вамъ обѣщать никто не можетъ. А вотъ вы, Адріанъ Николаевичъ, обѣщайте мнѣ... выхватить изъ моря житейскаго—„щепочку". Не хорошо, если я была въ гостяхъ у любовницы друга!—лукаво улыбаясь, прибавила вдругъ Эми.

— Clairette! Знаешь, что̀ говоритъ mamzelle Скритицына?—воскликнулъ Рудокоповъ.—Она требуетъ, чтобы мы вѣнчались.

Клэретта замотала головой и тихо отозвалась, глядя на Эми:

— Я недостойна этого... Il m'a trouvée dans un ruisseau!

Эми не знала этой шаблонной фразы, но поняла смыслъ.

— Неправда, милая, ты не знаешь, что говоришь... Sur le pavé de Paris. Это правда. Но вѣдь и червонцы попадаются на мостовой.

Эми ушла со словами:

— Мой второй визитъ я сдѣлаю госпожѣ Рудокоповой!

Докторъ молча и нѣжно расцѣловалъ ея руки.

XX.

Въ началѣ августа мѣсяца, когда весь high life новаго Вавилона живетъ обыкновенно разсыпавшись—аборигены по своимъ замкамъ, экзотики по водамъ и купаньямъ,—многія семьи этого блестящаго оболочкой общества стягивались въ Парижъ, но съѣзжались только на время, на три дня, иныя даже на одинъ день. Мотивомъ были двѣ готовящіяся пышныя свадьбы. Всеобщая любимица, Эми Скритицына, которая весной чуть не умерла, и какъ говорили злые языки, отъ любви къ англичанину, убитому на дуэли, выходила замужъ за русскаго богача и князя. Многіе удивлялись, соображали... и злословили.

Другая готовящаяся свадьба еще болѣе всѣхъ поразила. Извѣстный пожилой и неказистый Донъ-Жуанъ и bon vivant, испанскій грандъ и богачъ, клявшійся всегда, что онъ не изъ тѣхъ людей, что женятся, вдругъ, на шестомъ десяткѣ лѣтъ, вѣнчается съ юной баронессой Фуртъ-фонъ-Вертгеймъ, которой только недавно минули полныя шестнадцать лѣтъ.

Обѣ свадьбы, много нашумѣвшія пышностью, состоялись на одной недѣлѣ, одна въ русской церкви, другая въ Saint-Sulpice. На обѣихъ свадьбахъ былъ только свой кружокъ. Всѣ были, конечно, веселы, съѣхавшись вѣнчать и провожать двѣ пары молодыхъ, одну въ Біарриць, другую въ Андалузію, гдѣ былъ главный родовой замокъ герцога. Князь Соколинскій тоже желалъ ѣхать въ свою родовую вотчину, въ Украйну, но приближеніе осенней погоды въ Россіи остановило его, такъ какъ Эми все нездоровилось, покуда она была невѣстой.

Подъ вѣнцомъ всѣхъ поразила аналогія между двумя вѣнчающимися парами.

Князь Соколинскій сіялъ и торжествовалъ, побѣдоносно озираясь кругомъ. Эми была если не печальна, то сосредоточена, задумчива и горячо молилась, не глядя и не обращая ни на кого вниманія.

Наоборотъ, герцогъ д'Оканья, казавшійся въ этотъ день не

столько старымъ, сколько будто полинялымъ, былъ какъ-то сконфуженъ. Вѣроятно, отъ того, что невѣста его была моложе его, лѣтъ почти на сорокъ. Зато шустрая Кисъ-Кисъ была прелестна. Счастье, написанное на лицѣ ея, дѣлало ее чуть не красавицей въ своемъ родѣ. Она такъ поглядывала на публику и даже на кюрѐ съ причтомъ, какъ будто „ластилась“ къ нимъ.

Кромѣ того, на свадьбѣ были два лица изъ близкихъ вѣнчающимся, которые обратили на себя всеобщее вниманіе. Это былъ дядя Эми—Дубовскій, который казался будто пришибленнымъ и конфузливо озирающимся на всѣхъ. Говорили, что онъ потерялъ все свое состояніе. Но около него былъ другой человѣкъ, который въ этой метаморфозѣ даже перещеголялъ его.

Баронъ Герцлихъ, банкиръ-милліонеръ, былъ неузнаваемъ. Онъ, всегда высоко державшій голову, avec un air martial, благодаря своимъ военнымъ усамъ и добродушно-гордой осанкѣ, теперь будто сгорбился, похудѣлъ, осунулся и постарѣлъ сразу на десять лѣтъ. Баронесса тоже сильно измѣнилась. Всѣ невольно замѣчали что-то особенное въ отношеніяхъ мужа съ женой. Баронъ былъ нѣсколько странно предупредителенъ, вѣжливъ и почтителенъ съ баронессой.

XXI.

Былъ конецъ сентября. Княгиня Соколинская вдругъ очутилась въ Парижѣ, вызванная депешей, что дядя ея опасно заболѣлъ. Эми пріѣхала тотчасъ съ мужемъ, но уже не застала Владиміра Ивановича въ живыхъ. Съ нимъ сдѣлался ударъ, и черезъ сутки онъ, не приходя въ сознаніе, скончался.

На похоронахъ Дубовскаго Эми встрѣтилась, разумѣется, съ другомъ Рудокоповымъ, и первый ея вопросъ былъ — о „щепочкѣ“.

— Надо, чтобы она скорѣе перестала ею быть,—сказала Эми.

— Я съ вами согласенъ, — отозвался докторъ.

— Что̀ вы хотитѐ сказать? Вы видите, какъ легко умирать. Дядя пользовался крѣпкимъ здоровьемъ, не хуже насъ съ вами. Если вы вдругъ умрете — она опять une épave de Paris.

— Нѣтъ, Любовь Борисовна. Она—госпожа Рудокопова, съ домомъ въ тридцать тысячъ франковъ.

Эми ахнула и чуть не бросилась цѣловать доктора.

— Зачѣмъ же вы мнѣ не написали? Я бы пріѣхала на свадьбу.

— Это была бы комедія, Любовь Борисовна. Вы были у насъ въ Баньерѣ въ гостинницѣ въ тѣ дни, когда она уже была моей женой. Хотя и не предъ людьми и закономъ, но это все то же...

Эми взяла адресъ Рудокопова, жившаго теперь въ домѣ жены въ Батиньолѣ, и обѣщалась быть черезъ день или два, завтракать.

Послѣ обряда отпѣванія, тѣло Дубовскаго долженствовало быть отправлено въ Петербургъ для погребенія въ Александро-Невской лаврѣ, но сопровождать тѣло дяди князь жену не пустилъ... Эми особенно не протестовала...

Всегда ей чуждый, дядя сталъ ей особенно чуждъ за послѣдній годъ.

Когда очень немногочисленный кружокъ знакомыхъ расходился и разъѣзжался изъ русской церкви, какой-то господинъ высокаго роста, но сильно согбенный, съ испитымъ лицомъ, подошелъ къ Эми и что-то сказалъ ей по поводу покойнаго... Затѣмъ, увидя Рудокопова, онъ громко ахнулъ и такъ протянулъ ему руку, какъ еслибъ бросился къ нему на встрѣчу.

Докторъ поздоровался, но присмотрѣлся, не узнавая, и затѣмъ слегка оторопѣлъ. Это былъ баронъ Герцлихъ...

— Что̀ съ вами, баронъ?—воскликнулъ онъ.—Вы очень измѣнились.

— Плохо, докторъ! — тихо и глухо отозвался Герцлихъ.

— Вы лечитесь? У кого? Надо серьезно заняться вамъ собою. Говорю это какъ докторъ, прямо, рѣшительно.

— Вотъ именно... Да... Но я рѣшилъ обратиться къ вамъ. Изъ всѣхъ парижскихъ докторовъ я мысленно выбралъ васъ... Но, не зная вашего мѣстопребыванія, не написалъ вамъ. Вы могли быть и въ Россіи. Завтра я васъ жду.

Когда баронъ, простившись, отошелъ, Рудокоповъ невольно заговорилъ о немъ съ Эми.

— Что̀ съ нимъ такое? Даже непонятно. Вѣдь не чахотка же вдругъ въ его годы... Это курьёзный образчикъ для медика. Завтра узна̀ю.

— Ничего не узнаете, Адріанъ Николаевичъ. Это не по части медиковъ. Это не болѣзнь... Я ее знаю... по намекамъ баронессы.

— А?! Понимаю!.. Что-нибудь нравственное. Не ошибаетесь ли вы?

— Увы, кажется, нѣтъ. Все-таки ступайте. Если я ошибаюсь—помогите ему. Это хорошій человѣкъ... Но, кажется, мотивъ — разореніе.

На утро Рудокоповъ явился къ Герцлиху и нашелъ его нѣсколько бодрѣе.

— Я себя лучше чувствую, докторъ, — сказалъ баронъ,—и знаете, отъ чего... Отъ встрѣчи съ вами... Отъ надежды, что вы мнѣ поможете... Я болѣе мѣсяца думалъ о васъ, какъ объ единственномъ человѣкѣ, къ которому я не побоюсь обратиться за помощью. Но судьба не хотѣла. Изъ-за пустяковъ. Изъ-за адреса... Какъ я радъ, что, наконецъ, встрѣтилъ васъ!

Рудокоповъ началъ разспрашивать барона, что онъ чувствуетъ, съ какихъ поръ онъ сталъ хирѣть, кто его лечитъ и чѣмъ.

Баронъ улыбался ужасной улыбкой и молчалъ, глядя въ глаза доктору. Улыбка эта непріятно подѣйствовала даже и на такого хладнокровнаго человѣка, какъ Рудокоповъ.

— Послушайте, Адріанъ Николаевичъ... Бросьте ваши опросы. Я васъ хотѣлъ давно видѣть, и терпѣливо ждалъ, рѣшивъ именно къ вамъ обратиться за помощью, а не къ кому другому. Я буду васъ спрашивать, а не вы меня. Ну-съ. Скажите мнѣ... Вы честный человѣкъ?

— Полагаю... — улыбнулся докторъ.

— Ну, а я въ этомъ глубоко убѣжденъ. Скажите, вы добрый, сердечный человѣкъ?..

— Не знаю. Кажется...

— Вы умный человѣкъ?

— Не дуракъ, думается.

— Вотъ видите ли. Вы должны мнѣ доказать эти ваши три свойства. Помогите мнѣ.

— Готовъ всей душой, баронъ.

— Даете честное слово?

— Даю. Всей душой готовъ.

— Нѣтъ. Дайте слово, что поможете.

— Если могу.

— Я знаю, что можете. Но, пожалуй, не захотите изъ-за ложнаго... какъ бы сказать?.. изъ-за ложныхъ побужденій,—ложнаго понятія о чести, о человѣколюбіи... и долгѣ врача...

— Я васъ не понимаю, — отвѣтилъ Рудокоповъ.

— Дайте слово.

— Не могу, баронъ! Я сбитъ теперь съ толку вашими словами о человѣколюбіи и особенно о долгѣ врача.

— Да. Да. Дайте. Я васъ буду умолять. Я не отстану... И вы кончите согласіемъ. Но начинать говорить, не имѣя заранѣе вашего слова, что вы поможете — ужасно.

И лицо Герцлиха, старое, осунувшееся, худое, стало вдругъ настолько печально, что Рудокоповъ вдругъ выговорилъ:

— Все... Почти все... Все, что могу—сдѣлаю. Даже больше того, что могу. Въ этомъ даю честное слово.

— Помните же... Больше того, что можете.

И, помолчавъ, Герцлихъ заговорилъ:

— Адріанъ Николаевичъ! У меня есть другъ, близкій человѣкъ, больше, чѣмъ другъ... Этотъ человѣкъ, вслѣдствіе одной причины, не хочетъ жить... Не можетъ... Онъ слишкомъ страдаетъ... А человѣческая натура слаба... мученій долго не переноситъ. Мы знаемъ, что люди часто изъ-за физическихъ страданій пускаютъ себѣ пулю въ лобъ, чтобы ихъ прекратить... Каково же, если человѣкъ изнываетъ отъ нравственныхъ мученій... И вотъ, этотъ близкій мнѣ человѣкъ рѣшилъ покончить съ собой. Для этого онъ избралъ ядъ... Почему? Чтобы всячески скрыть отъ людей, что онъ кончилъ самоубійствомъ, чтобы оно не вызвало пересудовъ и клеветъ, и не пало какъ-нибудь на кого-либо изъ остающихся на свѣтѣ... Револьверъ слишкомъ громовъ... Онъ думалъ не разъ начать заряжать револьверъ и нечаянно, по неумѣнью владѣть оружіемъ, выстрѣлить въ себя... Но куда?.. Какъ?.. А если неудача? Если онъ останется живъ... Второе самоубійство, вѣрное — уже не можетъ быть случайностью... и станетъ подозрительно. Итакъ, этому человѣку нуженъ ядъ, но такой, чтобы его и не подозрѣвали въ умершемъ... Нуженъ врачъ, который бы былъ домашнимъ врачомъ, и не допустилъ бы вскрытія тѣла... своимъ энергическимъ протестомъ. Наконецъ, нуженъ въ этомъ врачѣ человѣкъ честный, который никогда никому.. Слышите ли вы... Понимаете ли вы... Никогда! Никогда! Ни черезъ пятьдесятъ лѣтъ... Никому! Ни даже первому другу, ни женѣ своей... Онъ не скажетъ того, что знаетъ. Наконецъ, нуженъ во врачѣ этомъ другъ вѣрный и честный, который, получивъ письмо, продержитъ долго въ карманѣ и передастъ по адресу. Ну-съ, вотъ... Могу ли я васъ, Адріанъ Николаевичъ, рекомендовать этому несчастному человѣку?..

Герцлихъ смолкъ и тревожно глядѣлъ въ лицо доктора. Рудокоповъ сидѣлъ понуривши и, наконецъ, вздохнулъ тяжело.

— Это ужасно, баронъ!

— Я не говорю, что это легко доброму человѣку и честному медику... Но вѣдь я и обращаюсь нарочно къ тому, кому это трудно. Къ тому, которому это все будетъ легко, я обратиться не могу. Потому что такому будетъ тоже легко разболтать или... украсть нѣсколько милліоновъ. Несмотря на мое об-

ширное знакомство, несмотря на то, что я имѣю очень вѣрныхъ и преданныхъ мнѣ людей, въ этомъ дѣлѣ я не рѣшаюсь на нихъ положиться. Нужна абсолютная тайна. А это людямъ не подъ силу.

Наступило снова молчаніе.

— Неужели иного исхода нѣтъ...—тихо проговорилъ Рудокоповъ, и тотчасъ прибавилъ: — Простите... Это глупая фраза. Но она у меня вырвалась въ виду... ужаса положенія.

— Да. Да, докторъ. Ужасно! Ужасно!.. Я днемъ и ночью повторялъ эти слова... Выдумывалъ якорь спасенія, выдумывалъ даже соломинку... Есть соломинка, которая спасаетъ утопающихъ. Я видѣлъ это въ моей жизни... Но я не нашелъ ничего... У меня было двѣ любви въ жизни. Одна—къ Богу. Другая—къ его творенію, женщинѣ... Были двѣ вѣры... въ Праведнаго Бога и въ правду, честь этой женщины. Бога для меня вдругъ не оказалось, потому что существо это оказалось твореніемъ дьявола, исчадіемъ ада. Міръ Божій разрушился вокругъ меня. Исчезъ. Я не знаю — гдѣ онъ. Страшная пустота обступила меня... Страшная тьма налѣзла отовсюду. Я уже умеръ, но мучаюсь. Я хочу такъ умереть, чтобы не мучиться... Помогите мнѣ. Помогите.

Герцлихъ оперся локтями на письменный столъ и положилъ лицо на руки. Все его плотное туловище вздрагивало... Онъ глухо рыдалъ. Рудокоповъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ, ошеломленный и тронутый до глубины души.

— Дайте мнѣ подумать,—тихо выговорилъ онъ, наконецъ.— Дайте мнѣ привыкнуть къ мысли, что я попаду въ палачи. Я далъ слово сдѣлать больше, чѣмъ могу... Ну, вотъ, стало быть... я обязался.

Послѣ нѣсколькихъ мгновеній молчанія, Герцлихъ, наконецъ, сдержалъ себя, поднялся съ совершенно измѣнившимся лицомъ и протянулъ руку.

— Благодарю васъ... Надѣюсь на васъ. Мнѣ не стыдно того, что вы сейчасъ видѣли... Не стыдно, потому что вы, а не иной кто—свидѣтель. Это доказываетъ, насколько я васъ уважаю и даже люблю. Надѣюсь черезъ дня три имѣть отъ васъ отвѣтъ... У меня же...

Герцлихъ запнулся. Голосъ его упалъ, и онъ выговорилъ хрипливо:

— У меня все готово.

Рудокоповъ простился и быстро вышелъ подъ самымъ гнетущимъ впечатлѣніемъ.

„Несчастный. Вотъ судьба хорошихъ людей!... И котораго я уже вижу!... Что же это? по новой пословицѣ: не родись уменъ, не родись богатъ, а родись... жуликъ! И все остальное тебѣ, мошеннику, приложится. Но что же случилось“?

XXII.

Набѣгавшись съ мужемъ по Парижу, ради всякихъ покупокъ, Эми устала, и на третій день, отпустивъ князя по какому-то дѣлу, собралась въ гости къ доктору. Она условилась съ мужемъ быть дома къ шести часамъ и пораньше отобѣдать, такъ какъ въ этотъ же день они были приглашены виконтомъ Кергаренъ на вечеръ-концертъ въ его замокъ, за часъ ѣзды отъ Парижа.

— Не опоздай, Бога ради!—молилъ князь.—А то все опоздаетъ. Опоздаемъ съ обѣдомъ, съ одѣваньемъ, опоздаемъ и на поѣздъ. А концертъ, мнѣ говорили, будетъ прелестный. Не серьезный, съ вашими чертями Моцартами... Приглашены и актеры. Одинъ изъ Palais-Royal'я... Говорятъ, даже Коклѣнъ будетъ со своими новыми куплетами. Ну, просто, Эмочка,—диво. Да и замокъ Кергареновъ, говорятъ, — диво. Пожалуйста, не опоздай!

— Я-то не опоздаю. Ты не опоздай. Ты вчера обѣщался быть дома въ двѣнадцать, а вернулся-то когда? А? Чуть не на разсвѣтѣ?.. Друзья и болтовня дороже жены... Я до двухъ часовъ сидѣла, ждала.

— Ну... Ну... Вѣдь ты же простила... А теперь опять...

И Соколинскій расцѣловалъ ручки жены, какъ бы прося вторично прощенія.

Эми нашла Клэретту преобразившейся, разцвѣвшей отъ счастья. Она стала вдвое красивѣе. Дѣвочка въ ней пропала; была молодая женщина, со странно-блестящимъ, увѣреннымъ взглядомъ. Только эти глаза выдавали ея ежечасное восторженное настроеніе... Она будто ни на минуту не забывала того, что съ ней приключилось, что она имѣетъ, что ей послано судьбой... Она была радостна, какъ еслибы сейчасъ пришла изъ-подъ вѣнца... Взглядъ ея только въ рѣдкія мгновенія покидалъ лицо мужа. Она почти не отрывала глазъ отъ него, и они говорили ему, повторяли:

„Вѣдь хорошо намъ?.. Какъ хорошо“?!..

Рудокоповъ тоже измѣнился. Онъ не былъ такимъ насмѣшливо-угрюмымъ, какимъ бывалъ прежде почти всегда. Онъ те-

перь будто старался временами казаться прежнимъ брюзгой, но это не удавалось. Другой, новый Рудокоповъ сквозилъ въ немъ постоянно и, затѣняя то-и-дѣло прежняго, выдавалъ это странное притворство или лукавство.

Эми замѣтила ему это...

— Вы ёще продолжаете комедіанствовать, Адріанъ Николаевичъ, даже не со мной, а съ самимъ собой. Вотъ удивительный умъ. Человѣку будто стыдно, что онъ нашелъ на свѣтѣ то, что̀ отрицалъ...

— Мнѣ не стыдно, Любовь Борисовна... такъ, какъ бываетъ людямъ стыдно. Мнѣ стыдно предъ самимъ собой! Мой разумъ стыдится, что былъ о себѣ высокаго мнѣнія, а оказалось, что онъ... дюжинный или сотенный. Я не стыжусь того, гдѣ и какъ нашелъ я—какъ вы называете — счастье. Слитки золота, самородки находятъ люди не въ банкахъ и не въ банкирскихъ конторкахъ — а въ глуши, въ дебряхъ, въ землѣ, въ грязи... Мнѣ стыдно, что я не могу понять, какъ могло все это приключиться. Вѣдь я не мальчишка. Мнѣ тридцать лѣтъ. И какихъ еще? Которыя можно считать... каждый годъ за два. А между тѣмъ вотъ она, глупенькая, для меня... да—все!.. Мнѣ представляется, что я—большой, огромный, съ головой въ небесахъ, а она—крошечная, гдѣ-то тамъ, внизу, въ щели... И меня вдругъ начинаетъ томительно тянуть туда, къ ней... Я дѣлаюсь самъ крошечный, и счастливъ тѣмъ, что я крошечный, благодаря ей и съ нею... Все это объяснить, Любовь Борисовна, трудно. Да что̀—это... Болѣе простое не объяснишь. Я по два часа въ день занятъ... чѣмъ бы вы думали? Ея туалетомъ! Я самъ выдумываю разные фасоны и отдѣлки... Вчера я три часа пробился, отдѣлывая ленточками корсажъ ея платья. Срамъ! Нравственное паденіе!

— Какъ я рада!—воскликнула Эми.—Какъ я рада! Оказывается, что я не даромъ васъ любила и не вѣрила, что вы уродъ среди людей.

Рудокоповъ разсмѣялся, но вдругъ выговорилъ серьезно:

— А между тѣмъ, у насъ есть одинъ постоянный мотивъ для ссоръ. Да. Повѣрить трудно. Постоянный...

— Что̀ вы? Какой?

— Я часто, почти каждый вечеръ, разсказываю что-нибудь Клэреттѣ, надѣясь, что такъ понемногу я воспитаю, разовью ее и сдѣлаю грамотной... Я пробовалъ давать правильные уроки. Невозможно. Ее начинаетъ будто ломать всю... Затѣмъ, она становится печальна... А затянется урокъ—то и больна... Ну, вотъ, я и придумалъ вечерніе простые, якобы, разговоры. Но как-

дый разъ, что я говорю, она глядитъ и думаетъ... Я спрашиваю— о чемъ? Она отвѣчаетъ: „Ни о чемъ"! Или отвѣчаетъ": „Такъ. Rien du tout"! Или: „Je ne sais pas"! Вѣдь, однако, думаетъ же она о чемъ-нибудь...

И говоря это, Рудокоповъ взволновался, сталъ суровъ и сердито глянулъ на Клэретту.

— Je comprends! — воскликнула Клэретта. И она вдругъ поднялась съ мѣста, обошла столъ и, сѣвъ около Эми, сказала тихо:

— Онъ сердится за это всегда... Вамъ я скажу... Ему я не могу сказать... Когда онъ по вечерамъ говоритъ, я всегда внимательно слушаю, но не могу не думать о другомъ, о важномъ.

— О чемъ же? — спросила Эми.

— Вы ему не скажете? Даете слово?

— Даю.

— Когда мы такъ сидимъ, онъ говоритъ, а я слушаю, то всегда... Toujours, toujours, toujours... Je pense à la même chose.

— A quoi?

Клэретта нагнулась и тихо шепнула Эми на ухо:

— A ce que je l'aime...

И слезы появились у нея на глазахъ.

— Что̀ такое?! — вскрикнулъ Рудокоповъ. — О чемъ? Если это тайна, которую ты не можешь мнѣ сказать, то напрасно... Не надо ничего скрывать отъ мужа, отъ человѣка, котораго любишь...

Клэретта замотала головой.

— Отчего вы не хотите это ему сказать? — спросила Эми, изумляясь.

— Нельзя... Не надо... Это не говорится... просто въ разговорѣ. Да... А такъ—нѣтъ. Это надо беречь, въ себѣ... Я вамъ сказала затѣмъ, чтобы вы его убѣдили только, что мои мысли не дурныя, чтобы онъ пересталъ сердиться, подозрѣвать... Но не говорите, что̀ я сказала вамъ.

Эми обняла Клэретту и горячо расцѣловала.

— Вотъ видите, Адріанъ Николаевичъ, я цѣлую ее за эту ея вѣчную тайну. Стало быть, вы понимаете, что вы не имѣете права сердиться на нее... Мотивъ ссоры долженъ быть уничтоженъ. Слышите ли? Обѣщаете?

— Обѣщаю...—произнесъ Рудокоповъ, неудомѣвая, и развелъ руками. — Femina sum et omnia humana a me aliena puto...— прибавилъ онъ.

— Это что̀ такое?—воскликнула Эми.—По-испански вы заговорили.

— Нѣтъ, Любовь Борисовна. Это латинское изреченіе, но моего сочиненія. Мужчина судитъ все на свѣтѣ по-человѣчьи, а женщина судитъ все по-женски. Ну-съ, Любовь Борисовна,—разсмѣялся онъ весело.—Я предъ вами престранно исповѣдывался. Клэретта хотя коротко и на ухо, но, кажется, еще пуще моего исповѣдалась, сказавъ вамъ то, что̀ она и мнѣ не хочетъ, якобы не можетъ, сказать... Ну-съ, теперь вашъ чередъ... Вы какъ?.. Кажется мнѣ, что пора вамъ меня простить за... за мое вмѣшательство въ вашъ англійскій романъ. Простите за это названіе.

— Я и прежде на васъ не пеняла и васъ мысленно не попрекала. Я вѣрю въ судьбу. Въ предопредѣленіе свыше... Вы это знаете...

— Но теперь?... Теперь вы счастливы?

Эми вспыхнула.

— Мнѣ тоже, Адріанъ Николаевичъ, совѣстно сказать. Совѣстно тоже, гдѣ и какъ нашла я мое счастье. Да. Я люблю Жоржа... Я его зову, какъ звали товарищи въ полку: „Егорушка“. Это къ нему больше идетъ. Я люблю его много. И считаю, что такъ и должно было все быть, такъ все случиться...

— Ну и слава Богу. Онъ честный и добрый человѣкъ. А главное, онъ васъ обожаетъ. Вы должны его любить.

— Да. Именно. Я должна его любить, какъ жена мужа. Должна. Не законъ, а природа мнѣ это приказываетъ. Мнѣ нѣсколько трудно вамъ объяснить, какъ я его полюбила и люблю. Я вся его... Но потому, что онъ—весь мой. Я понемногу и недавно поняла и почувствовала простую вещь: что̀ такое бракъ... Онъ одинъ, Егорушка, существуетъ для меня на свѣтѣ... Все остальное, всѣ остальные—это, для меня, ну, вотъ, что̀ декорація на сценѣ. Она необходима для иллюзіи, но не для игры актеровъ. Она—дополненіе, безъ котораго можно и обойтись... Всѣ люди для меня будто не существуютъ. Только одинъ человѣкъ существуетъ. Онъ. И онъ на половину—я. Мы вмѣстѣ — міръ Божій. Все остальное—наша декорація Вотъ поэтому-то, Адріанъ Николаевичъ, я и не понимаю, что люди, мужчины и женщины, могутъ вступать въ бракъ два раза. Это безсмыслица. Любить можно два раза, причемъ, разумѣется, вторая любовь есть ясное доказательство, что первая была ошибкой и самообманомъ и никогда не существовала.

— Позвольте. А если первый бракъ былъ несчастный, а второй счастливый?

— Тогда первый оскверняетъ, второй мѣшаетъ ему быть таинствомъ. Это—несчастіе. Тогда не суждено узнать истинной любви, на свѣтѣ единой. Надо примириться... Но принадлежать двумъ? Два раза въ жизни чувствовать, что я—онъ, а онъ—я... Это безсмыслица. Это противъ природы и законовъ Божескихъ. Это люди выдумали, и, значитъ, это ложь. Потеряй я завтра Егорушку и стань счастливой и любящей женой другого—я бы сочла себя не женщиной, не человѣкомъ, а животнымъ. Разумѣется, еслибы я знала...—Эми запнулась и продолжала:—еслибы я знала, что онъ тоже никогда не зналъ до меня ни одной женщины, то наша связь была бы для меня еще святѣе... Но что же дѣлать! Я утѣшаюсь тѣмъ, что таковъ свѣтъ, что тогда я его не знала, и онъ для меня не существовалъ, какъ и я для него... Жизнь его и жизнь моя начались не съ рожденія, а съ мгновенія, когда началась *наша* жизнь... Я такъ утѣшаю себя.

Эми просидѣла у друзей довольно долго.

Когда она стала собираться домой, говоря, что мужъ одинъ и ее ждетъ, Рудокоповъ, вдругъ сдѣлавшись серьезнымъ, вымолвилъ:

— Скажите мнѣ, Любовь Борисовна, вы хорошо знаете баронессу Герцлихъ и, кажется, любите?

— О, да... Она—добрая, хорошая женщина, и право мнѣ ее жаль. Грустная, тяжелая ея судьба. Она вышла замужъ за одного, любя другого...

— И затѣмъ... Она поступила такъ, какъ вы или, вотъ, Клэретта не поступили бы...

— Нѣтъ! Это клевета! Отчаянная клевета! Вы это говорите вслѣдствіе того, что случилось въ Баньерѣ? Вотъ дурная-то женщина, эта графиня Кора! Вы думаете тоже, что она сдѣлала скандалъ, якобы, мстя баронессѣ за Загурскаго?

— Такъ вы думаете, что баронъ не обманутъ?

— Никогда!—воскликнула Эми.—Я бы презирала ее, еслибы...

— Но вы можете не знать этого. Баронесса не сознается вамъ. А дѣла его, говорятъ, въ полномъ порядкѣ.

— Дѣла?... Навѣрное. Жену онъ не можетъ подозрѣвать. Онъ ее обожаетъ и знаетъ, что и она его любитъ... Можетъ быть, не такъ, какъ бы онъ хотѣлъ. Онъ ей первый, лучшій другъ... А ея сердце, правда, принадлежитъ этому красивому, элегантному, но противному человѣку... Что дѣлать?... Мнѣ онъ былъ всегда противенъ... А всѣ женщины отъ него съума сходятъ...

— Такъ вы мнѣ подтверждаете, что баронесса измѣнить мужу не могла.

— Никогда. Это въ Парижѣ пущенная клевета. Я знаю ее.

— Ну, а въ обществѣ всѣ вашего же, того же мнѣнія?

— Конечно... Она знаетъ Загурскаго уже года три, кажется. Она еще не была женой Герцлиха, когда знала его и была уже въ него влюблена. И тогда никто ничего не говорилъ. Всѣ ихъ считали простыми друзьями. А теперь, потому, что онъ разошелся съ графиней Корой, а эта сумасшедшая сдѣлала скандалъ въ Баньерѣ, сейчасъ нашлись злые языки, которые выдумали цѣлую исторію. Почему же прежде этого никто не говорилъ? Не забудьте, Адріанъ Николаевичъ, что у этого франта еще кромѣ графини былъ и есть постоянный другъ—одна красавица актриса, Діана д'Альбре. Егорушка знаетъ эту Діану и даже самъ увлекался ею здѣсь, въ Парижѣ, но только уже давно тому назадъ. Онъ говоритъ, что она—любовница Загурскаго, хотя вообще самаго легкаго поведенія и вообще женщина дурная.

И уже уходя, Эми крикнула весело:

— Стыдно. Грѣхъ. Малоуміе! Подозрѣвать все, всѣхъ, всегда! Бросьте!..

XXIII.

Замокъ Кергареновъ, по имени „Trois Sources", ярко сіялъ въ огняхъ, видимый уже съ маленькой станціи желѣзной дороги, отъ которой онъ былъ въ верстѣ разстоянія.

Большой домъ старинной архитектуры, временъ Людовика XIII, съ двумя низкими, но широкими башнями по бокамъ, стоялъ на холмѣ, господствуя надъ равниной, гдѣ было селеніе и проходила желѣзная дорога, гремѣли и носились поѣзда. Съ противоположной стороны, за этимъ замкомъ съ пузатыми сѣрыми башнями и остроконечными крышами, разстилался огромный паркъ со столѣтними деревьями, съ трехсотъ-лѣтними гигантами-дубами и кедрами, а по серединѣ ихъ, недалеко отъ большой террасы дома, сверкалъ въ лучахъ полной луны большой прудъ или, вѣрнѣе, une pièce d'eau.

Это была, на сорока-саженномъ пространствѣ, какъ бы оригинальная, бѣлая лохань, полная воды по края. Прудъ, правильной, овальной формы, былъ обрамленъ бѣлыми каменными набережными или стѣнками, безъ огражденія, съ гладкой дорожкой по самому краю. На серединѣ пруда былъ островокъ съ вѣковымъ дубомъ и подъ нимъ бесѣдка съ круглой крышей на бѣ-

лыхъ колоннахъ, свидѣтельствовавшая своимъ видомъ, что ей тоже больше ста лѣтъ.

Зато прудъ, будто сдавленный и втиснутый въ каменную раму, былъ дѣломъ виконта владѣльца, объяснявшаго, что три родника, давшіе имя замку „Trois Sources“, уничтожить было нельзя, а три пруда отдѣльно казались мизерными. Теперь они стали—une belle pièce d'eau.

На станціи гостей ожидала масса экипажей изъ замка. Большинство приглашенныхъ пріѣхало еще днемъ и обѣдало у Кергареновъ, не считая большого количества лицъ, гостившихъ у нихъ и жившихъ все лѣто. Въ томъ числѣ была вся родня виконтессы, пріѣхавшая изъ Румыніи.

Князь Соколинскій съ женой явились съ послѣднимъ поѣздомъ, который могли взять около девяти часовъ вечера. Съ ними одновременно ѣхало еще нѣсколько человѣкъ и въ томъ числѣ Дюкло д'Ульгатъ, недавно женившійся на русской mamzelle Nadèje Простаковой, которую Эми немного знала.

Встрѣча съ бывшимъ секундантомъ Френча привела-было Эми въ хмурое настроеніе, но не надолго. Теперь она попрекала себя только въ томъ, что послужила косвеннымъ поводомъ къ смерти человѣка. А что ей не пришлось стать его женой, узнать счастье съ нимъ, теперь мудрено было объ этомъ судить. Тогда бы не было Егорушки. А какъ себѣ представить жизнь съ другимъ мужемъ, чѣмъ онъ? Такъ Богъ велѣлъ. И такъ хорошо, даже лучше...

Замокъ былъ переполненъ гостями, для которыхъ былъ заранѣе заказанъ обратный экстренный поѣздъ въ три часа ночи.

Помимо гостей, было человѣкъ двадцать артистовъ изъ разныхъ театровъ Парижа, музыканты, актеры, пѣвцы.

Соколинскіе пріѣхали къ концу одноактной пьесы: „Les maris de nos femmes“, которая, вѣроятно, какъ очень остроумная, настроила все общество на крайне веселый ладъ. Всѣ были подъ впечатлѣніемъ долгаго, непрерывнаго смѣха, и теперь, въ антрактѣ, разойдясь изъ залы по всему замку, толковали о пьесѣ, повторяли изъ нея фразы, остроты и каламбуры.

Послѣ недолгаго отдыха и антракта, все общество снова переполнило залу. Соколинскіе нашли и заняли свои мѣста.

— Ну, вотъ! Она!..—сказалъ вдругъ князь женѣ, показывая на подмостки.—Ты хотѣла видѣть. La belle Diane...

— Какъ? Эта?!

— Да. А что?

— Помилуй,—изумилась Эми.—Да она вовсе не такъ хороша.

Я думала, красавица. Она только недурна... Если же красива, то банально.

— Нѣтъ, ничего... Такъ издали... Вблизи она... — и князь поправился:—я думаю, она вблизи лучше.

— Да ты когда ее зналъ? Давно вѣдь...

— Давно ужъ. Не помню.

— Постарѣла она—вотъ и все...

— Н-нѣтъ. То-есть, да. Немного.

Эми, глядѣвшая изъ своего второго ряда креселъ на подмостки, вдругъ ахнула. Діана начала шансонетку и, сдѣлавъ вульгарный жестъ рукой, двинувъ бедромъ, вдругъ преобразилась и лицомъ. Оно стало и тривіально, и цинично. Она запѣла избитую, заѣзженную пѣсенку. Это былъ ея конекъ, почти sa création, которымъ она гордилась:

Il faut la voir le long de la rivière,
Boitant par devant, boitant par derrière...

запѣла Діана, усиливая всюду букву *r*. Выговаривая: derrière, она почти рычала.

Голосъ ея былъ свѣжъ, силенъ, звонокъ и пріятно подѣйствовалъ на Эми, но жесты и лицо ей претили. Князь смѣялся и помогалъ пѣнью головой.

— Она давно бросила этотъ genre, — оживленно сказалъ онъ.—Она въ „Комической“ оперѣ. Ее просили, вѣрно, спѣть это, стариной тряхнуть.

— Какія ужасныя женщины!..—прошептала Эми.

— Отчего?.. Богъ съ тобой!..

— Этакъ... при всѣхъ... вертѣть корпусомъ...

— Привычка. Да и что-жъ тутъ...

Эми была, однако, довольна, когда Діана кончила и при громѣ рукоплесканій исчезла со сцены. Ей было противно слышать „derrrrrière“, сопровождаемое жестомъ, котораго и пьяная баба не сдѣлаетъ.

Послѣ нея явилось еще нѣсколько человѣкъ артистовъ, но Эми не замѣчала и не слушала—она была, будто, отчасти не въ духѣ.

Имя Diane d'Albret было у всѣхъ на языкѣ, и это по неволѣ заставляло Эми думать о ней.

— И это твоя бывшая пассія?—сказала она наконецъ князю.

— Ну, ужъ и пассія!..—отозвался онъ.—Да и нельзя судить по глупой пѣсенкѣ.

— Однако... Вѣдь это она же, та же женщина.

— Конечно, та же. Но она кривлялась и ломалась, дѣлала гримасы.

— Мнѣ очень хочется ее видѣть еще разъ.

— Увидишь. Она по программѣ будетъ еще пѣть арію изъ „Карменъ“.

— Ты пойдешь говорить съ ней?

— А что?

— Такъ...

— Право, не знаю... — какъ-то промычалъ князь. — Если близко увижу, надо подойти. Не хорошо. За что же обижать.

— Ступай, ступай, Егорушка... Я шучу... Развѣ къ такимъ можно ревновать!—кротко и мило сказала Эми.

Между тѣмъ чередовались нумера музыки, чтенія и пѣнія... Появился наконецъ Коклéнъ и спѣлъ говоркомъ нѣсколько шансонетокъ двусмысленнаго содержанія... И все это высшее общество, гдѣ были и отроковицы, хохотало до упаду. Эти подростки только поглядывали на всѣхъ блестящими глазами и съ сдержанной улыбкой, какъ бы говоря. „Мы не понимаемъ и не знаемъ, что онъ говоритъ, но мы знаемъ—о чемъ“!

Послѣ Коклéна появилась красивая блондинка, высокая, стройная, сильно декольтированная, про которую смѣло можно было сказать, что она не „décolletée“, а „débustée“. Вся она была покрыта брильянтами, среди которыхъ, однако, было много и новоизобрѣтенныхъ камней „bluze“, которые при вечернемъ освѣщеніи отличить отъ настоящихъ невозможно. Появившаяся на эстрадѣ спѣла два сантиментальныхъ романса о розѣ и объ отечествѣ. Но она сразу понравилась Эми своимъ строгимъ выраженіемъ лица, своимъ достоинствомъ всѣхъ движеній и взгляда и истинно серьезной порядочностью. Эми не знала, что это женщина была своего рода ужасной знаменитостью и неизмѣримо ниже Діаны—нравственно. А объяснить это ей было некому, такъ какъ князь уже съ четверть часа исчезъ и не возвращался.

И Эми думалось: съ этой Діаной пошелъ онъ разговаривать или нѣтъ? Она оправдывала, однако, мужа. Всѣ мужчины таковы... Егорушка былъ когда-то влюбленъ въ эту женщину. Онъ самъ ей въ этомъ признался... Съ тѣхъ поръ, года два, или три, или больше, онъ ее не видалъ и вдругъ встрѣтилъ здѣсь... Отчего не пойти, поболтать, помянуть прошлое, глупое и смѣшное, но все-таки милое?.. Еслибы Френчъ былъ живъ, и еслибы не было никакой драмы—и она бы встрѣтилась съ нимъ черезъ года два-

три, развѣ бы ей не захотѣлось съ нимъ поговорить, помянуть... посмѣяться, конечно...

„Но мнѣ все-таки хотѣлось бы знать, съ ней онъ теперь завязъ болтать, или нѣтъ?—думала Эми. — Хотѣлось бы видѣть, *какъ* они разговариваютъ".

Между тѣмъ начался новый антрактъ, самый длинный, и гости двинулись на террасу и въ садъ и разсыпались по аллеямъ.

Виконтесса, встрѣтивъ Эми, пригласила ее, въ числѣ другихъ дамъ, покататься въ лодкахъ, съѣздить на островокъ.

— Princesse, une petite partie sur l'eau, — сказала она.— Если вы не боитесь воды и дилеттантовъ-гребцовъ.

— Précisement, vicomtesse,—отозвалась Эми.—Боюсь воды и лодокъ до смерти. У меня голова кружится. А мысль, что я совсѣмъ не умѣю плавать, заставляетъ меня трусить... J'ai une peur, à...

— Qui concerne Pasteur!— подхватилъ кто-то шутя.

— Да, правда!—разсмѣялась Эми.—Это тоже почти болѣзненная водобоязнь. Но я пойду съ вами поглядѣть, какъ вы поѣдете.

И вмѣстѣ съ тѣмъ она озиралась и думала: „Гдѣ Егорушка"?

Цѣлая кучка, съ хозяйкой во главѣ, двинулась по липовой аллеѣ, круто спускавшейся отъ дома къ пруду.

Разумѣется, когда пришлось садиться въ лодки, всѣ стали уговаривать княгиню ѣхать тоже.

— Только до острова и назадъ!—говорилъ одинъ.

— Я плаваю замѣчательно. J'ai le grix...—вторилъ другой.

— Я отвѣчаю за васъ головой передъ княземъ! — кричалъ третій.

И Эми, скорѣе изъ свѣтской вѣжливости, чѣмъ изъ желанія быть на водѣ, согласилась.

„Ну, а если начнетъ тошнить!—думалось ей.—Глупо будетъ". —И вмѣстѣ, одновременно она все думала:—„Гдѣ Егорушка? Въ залѣ не было".

XXIV.

Черезъ четверть часа, женская маленькая фигурка шла одна по дорожкѣ сада, гдѣ не было гуляющихъ гостей, веселаго говора и смѣха.

Это была Эми.

Ее уговорили сѣсть въ одну изъ лодокъ, и она сдалась, но едва только лодка отчалила отъ берега, какъ у нея стала кру-

житься голова, и она начала умолять высадить ее скорѣе обратно на берегъ.

Оставивъ ее на берегу, веселая гурьба снова двинулась къ островку, а Эми, не желая встрѣчаться съ гуляющими, завернула въ болѣе глухую часть сада. Ей было страшно грустно, хотя причинъ на это не было никакихъ...

„Гдѣ Егорушка! — думалось ей упорно.—Могъ бы хоть въ антрактѣ появиться“!

И Эми стала вдругъ почему-то снова думать объ этой женщинѣ, въ которую ея Егорушка, по его признанію, былъ когда-то давно и мимоходомъ влюбленъ.

„Странный народъ мужчины!—думалось ей:—если они способны сердечно отнестись къ такимъ... disons le mot—уродамъ, то какъ же они могутъ любить и насъ, порядочныхъ женщинъ? Я, виконтесса, молодая Вертгеймъ, баронесса Герцлихъ, милая Клэретта, мы не имѣемъ ничего общаго съ такой... не знаю, какъ назвать... Она красива и отвратительна. И кажется, что чѣмъ красивѣе будетъ „такая“, тѣмъ будетъ противнѣе. Правду сказалъ про этихъ женщинъ Кергаренъ:—Rien, que de la belle viande, que mord le passant. Фуй! Какая гадость!.. Зачѣмъ это на свѣтѣ... такое“...

Тихо двигаясь и размышляя Эми услыхала голоса и завернула правѣе, чтобы избѣжать кого-либо изъ знакомыхъ. Но вдругъ до нея достигъ добродушный смѣхъ князя. Она быстро пошла налѣво и уже собиралась крикнуть: „Егорушка“, но какое-то, мгновенно сказавшееся въ ней, странное и дотолѣ незнакомое чувство остановило ее. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и стала... Раздавался за кустами звонко и ясно, но незнакомый ей голосъ. Она присмотрѣлась сквозь чащу и увидѣла двухъ сидящихъ на скамейкѣ.

— Des blagues! Radotage et radotage!—звучалъ женскій голосъ, мягкій, пріятный, но будто умышленно искаженный, вульгарный и грубоватый, ради шутки.

— Radotage. И ты это самъ знаешь, самъ видишь! Говорю, я поражена. Это щенокъ. У нея нѣтъ ничего! Четыре палочки и костлявый кусочекъ по серединѣ. И это якобы un corps de femme? Лицо... Да развѣ одно лицо дѣлаетъ женщину?.. Да и въ лицѣ ея нѣтъ ничего... Оно безъ жизни. Une espèce de morue. Ей-Богу! Vous vous valez, mon chat. Но какая парочка! Quel couple! Seigneur, mon Dieu!.. Она—щенокъ и костяшка, а ты—пузатый волъ. Un toutou et un boeuf...—И говорившая начала отъ души хохотать.

— Какъ это все грубо!..—тихо отозвался другой голосъ.

Эми вздрогнула... Но тотчасъ же она провела рукой по лбу и мотнула головой, какъ бы отгоняя возникшую мысль...

— Ну, не сердись, mon chat. Все-таки сознайся, что послѣ меня твоя супруга должна тебѣ казаться très rigolotte. Après moi, une planche à laver! C'est pas drole! Hein! Да кабы давно, еще ничего бы... Но теперь, теперь! Неужели она тебѣ вчера не показалась смѣшна, когда ты вернулся домой? Voyons. Не злись. Я правду говорю. Поцѣлуй меня.

И женщина, охвативъ шею сидѣвшаго около нея, расцѣловала его.

— Не злись. Сознайся. По правдѣ. Еслибы я была княгиней Соколинской, а она Діаной д'Альбре, то вѣдь ты бы теперь не бѣгалъ отъ меня къ такой Діанѣ и не возвращался бы домой ночью... Ça, tu as beau dire, mon garçon, je te plais mieux. Я не костяшка. Je ne suis pas une planche, moi. Ну! Ну! Хорошо. Пойдемъ. У меня еще нумеръ и не шуточный. Изъ „Карменъ".

Они встали со скамейки и двинулись... Женщина, пробуя голосъ, сдѣлала руладу, и ея звонкіе переливы огласили садъ.

Эми стояла истуканомъ среди дорожки, схвативъ себя за голову. Все въ головѣ ея кружилось, путалось, стучало...

— Гдѣ же Егорушка?—выговорила она вслухъ.—Гдѣ Егорушка?..—безпомощнымъ воплемъ повторила она.

И тихо, будто робко, она опустилась на колѣни, закрывъ лицо ладонями и крѣпко стиснувъ ими глаза и виски... Затѣмъ, отнявъ руки отъ лица, она стала ощупывать себя, грудь, плечи, руки... Потомъ она впала въ какое-то забытье или оцѣпенѣніе. И вдругъ, дико вскрикнувъ, какъ бы отъ удара или испуга, или отъ мгновеннаго пробужденія послѣ страшнаго сна, она вскочила на ноги и бросилась бѣжать къ дому.

Пробѣжавъ всю дорожку до большой покатой аллеи, она остановилась сразу, задыхаясь.

Изъ настежь растворенныхъ, сверкающихъ оконъ дома грянула музыка. И подъ звуки оркестра, но властвуя надъ ними, пронеслось надъ ея головой давно знакомое ей:

L'amour est—enfant de Bohême,
Qui n' a jamais... jamais connu de loi!
Si tu ne m'aimes pas—je t' aime,
Et si je t' aime—prends garde à toi!

Эми вскрикнула, узнавъ голосъ, теперь знакомый, теперь проклятый, и бросилась бѣжать отъ дома внизъ... Стисиутый

каменнымъ кольцомъ прудъ лежалъ какъ огромное чудное зеркало въ бѣлой рамѣ... Она подбѣжала и замерла на краю.

— Все! Все! — всхлипывала она, озираясь и будто моля о возвратѣ всего отнятого, всего, кромѣ жизни...

А звуки музыки и соловьиная трель пѣвицы будто наполнили весь садъ, освѣщенный синеватой луной, и разсыпались, скользя по чащѣ кустовъ и вѣтвей, по темнымъ аллеямъ съ пятнами свѣта, по глади водяного зеркала и разносясь кругомъ, будто отвѣчали ей...

...Jamais!.. jamais connu de loi!..
Si tu ne m' aimes pas,—je t' aime...

Она прижала ладони къ ушамъ, чтобы не слышать, и вся трепещущая, ближе подвинулась къ открытому краю каменнаго отвѣса.

Закинувъ голову, лицомъ къ тихому синему небу, она простонала безпомощно:

— Мама! Я не могу!.. Все!.. Все, мама...

Невдалекѣ къ берегу двигались лодки съ звонкимъ говоромъ и смѣхомъ...

Раздался гулкій всплескъ воды и брызнуло кругомъ... Пронесся трепетный крикъ, робкій, слабый, будто дѣтскій:

— Sauvez-moi.. Sauvez-moi!..

Но въ отвѣтъ неслось все то же, и звенѣло повсюду:

... je t' aime...
Et si je t' aime—prends garde à toi!?

Черезъ мгновенье, бѣлая фигурка, бившаяся надъ поверхностью воды, стихла и исчезла... Большіе сверкающіе круги побѣжали, одинъ за другимъ, и расходились по тяжелой водяной глади. Наконецъ, и они убѣжали, и все исчезло... Только она—убійца —не унималась, и все грозилась:

Je t' aime—prends garde à toi...

Казалось, злой духъ — демонъ плотской страсти — вселился въ эту женщину, и ея безстыжимъ голосомъ глумился, ея продажными устами надмывался надъ жертвой пошлости и разнузданности людской...

XXV.

Прошло полгода.

Когда-то, въ высшей экзотической средѣ Парижа, много было толковъ, проникнувшихъ и въ печать, о печальной судьбѣ молоденькой русской княгини...

Общее мнѣніе было, что виновенъ виконтъ Кергаренъ въ неосторожномъ устройствѣ пруда безъ огражденій. Понятно, что вся бѣда приключилась отъ этого, въ связи, конечно, съ крайней близорукостью княгини. При обманчивомъ лунномъ свѣтѣ, она, гуляя по краю стѣнки, могла легко оступиться... Ѣхавшіе въ лодкахъ видѣли бѣлую фигуру, стоявшую на краю и вдругъ упавшую въ воду. Они поспѣшили на помощь, но было поздно... Кто это былъ — узналось только черезъ часъ, когда князь хватился исчезнувшей жены.

Весь замокъ, гости и прислуга тогда же поднялись на ноги, но только уже при лучахъ восходящаго солнца нашли и вытащили утонувшую. Всѣмъ и теперь было жутко вспоминать, какъ князь рыдалъ надъ тѣломъ жены.

Помимо князя, уже въ церкви, на похоронахъ, горько плакала молодая дама, русская по мужу — Рудокопова.

Вскорѣ послѣ гибели княгини Соколинской, смерть вырвала изъ среды экзотиковъ Парижа еще другого, тоже всѣми уважаемаго человѣка, Герцлиха. Баронъ былъ найденъ мертвымъ въ постели, и, по опредѣленію врача, онъ умеръ отъ какой-то сложной болѣзни, приведшей къ разрыву сердца.

Вдова покойнаго наслѣдовала тотчасъ же его огромное состояніе, такъ какъ родни у него не оказалось никакой.

Князь Соколинскій уѣхалъ въ Украйну, потомъ снова вернулся въ Парижъ, и вскорѣ близко сошелся съ графиней Нордъ-Остъ, какъ съ личностью, хорошо знавшей и якобы много любившей его покойную жену. Графиня, совершенно разоренная, познакомившись съ „Егорушкой“, тотчасъ догадалась и сказала себѣ:

— Voilà mon homme!

Получить разводъ и сдѣлаться княгиней Соколинской—и не трудно, и не дурно.

Въ Мадридѣ все высшее общество и дворъ королевы-регентши сводила съ ума молоденькая грандесса герцогиня д'Оканья, которая сохранила и за Пиренеями свое прозвище „Кошечки“, по-испански: el gattito... Отъ нея всѣ были въ восторгѣ, но въ особенности сходили съ ума, пользуясь ея благосклоннымъ предпочтеніемъ, старики. Однако, герцогиня добивалась, чтобы мужу дали почетную должность въ амбассадѣ, въ Россіи. Кисъ-Кисъ мечтала блеснуть на берегахъ Невы!

Не мало толковъ затѣмъ вызвалъ въ прессѣ скандальный процессъ журналиста Жака Мойера, привлеченнаго въ судъ по жалобѣ банкира Ферштендлиха и осужденнаго на три года въ

тюрьму за вымогательство денегъ, путемъ шантажа. Діана д'Альбре, красавица, умница и тварь,—своего рода дарованіе и спеціальность,—процвѣтала и будетъ процвѣтать, уродясь на свѣтъ въ самое подходящее и благопріятное время для твари... Въ наше!..

Во Флоренціи играли большую роль въ обществѣ богачи-американцы съ колоссальнымъ состояніемъ. Мистеръ Джонъ Уайтъ и его жена Ирма. Она была извѣстна своихъ талантомъ скульптора, а онъ—своей замѣчательной красотой... Ходили слухи, что онъ—бѣдный креолъ происхожденіемъ, и что все состояніе принадлежитъ его женѣ. Нашлись, конечно, и завистники милліоновъ и счастія молодой четы. Была пущена клевета, что якобы мистеръ Уайтъ—бывшій выѣздной лакей своей теперешней жены.

За это же время „экзотики" взволновались отъ слуха, что ихъ общій хорошій знакомый, милый собесѣдникъ и услужливый человѣкъ, хотя нѣсколько странная личность, Егоръ Егоровичъ Гастингсъ-Машоновъ, арестованъ въ Ганноверѣ германскимъ правительствомъ. Онъ обвинялся въ кражѣ важнаго дипломатическаго документа, а главное, въ злоупотребленіи довѣріемъ. Тайно и незаконно служа заразъ двумъ правительствамъ, онъ при помощи апокрифическихъ писемъ высокопоставленныхъ лицъ ввелъ эти два правительства въ заблужденіе, и чуть не обострилъ ихъ отношенія до полнаго разрыва. Простая молва не придавала ему этого значенія, а рѣшила, что онъ былъ наемный шпіонъ, или же просто détectif, который, служа „и нашимъ, и вашимъ", надувалъ, изъ корыстныхъ цѣлей, и насъ, и васъ,—покуда не попался...

Годъ спустя послѣ смерти Герцлиха, снова у всѣхъ на языкѣ было его имя. Его вдова, баронесса, вышла замужъ за красавца-спортсмена, графа Загурскаго, который былъ моложе жены больше чѣмъ на десять лѣтъ. Но бракъ объясняли, конечно, иными мотивами... Двадцать милліоновъ—не шутка!.. Однако, вскорѣ послѣ этой свадьбы, неожиданно оказалось правильно составленное завѣщаніе, которымъ покойный оставлялъ все свое огромное состояніе на благотворительныя учрежденія прусскихъ провинцій, Познани и Силезіи. Завѣщаніе было представлено его душеприказчикомъ, русскимъ докторомъ, а сравнительно поздній срокъ представленія былъ ясно опредѣленъ и выраженъ покойнымъ: „представить и дать законный ходъ только послѣ замужества его вдовы".

Рудокоповы часто поминали княгиню и звали ее „щепочкой", погибшей въ волнахъ экзотическаго моря... Но докторъ ужасался, что это судьба не однѣхъ „щепочекъ", а и большіе ко-

рабли погибаютъ въ этомъ морѣ, еще страшнѣе, невѣдомо какъ и почему, тайно и таинственно. Докторъ—прежній пессимистъ, скептикъ и брюзга—пересталъ существовать, а зажилъ, благоденствуя, Адріанъ Николаевичъ, смотрящій на міръ Божій чудноясными глазами своей жены, гдѣ всегда тихо сіяло и сіяетъ „такъ много правды, которой такъ мало на свѣтѣ“.

Клэретта однажды заявила мужу, что всякій долженъ жить у себя, что она перейдетъ въ „его“ вѣру, и они поселятся навсегда въ „его“ землѣ.

— Я сдѣлаюсь тоже une exotique,—говорила она:—но не такая, какъ эти всѣ...

Рудокоповъ согласился на все, но нерѣшительно и задумчиво...

Гр. Е. Саліасъ.

9-го ноября 1896 г.
Калуга.

ТОБОЛЬСКАЯ ГУБЕРНІЯ

ВЪ

ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ

Матеріалы для біографіи Виктора Антоновича Арцимовича за время управленія его тобольской губерніей (1854—58 гг.).

II *).

Окончаніе

Весною 1856 года, тобольскую губернію постигло снова наводненіе, и Виктору Антоновичу прибавилось много заботъ по облегченію участи несчастныхъ, подвергнувшихся этому бѣдствію. Начало наводненія послѣдовало въ половинѣ апрѣля, тотчасъ по вскрытіи рѣкъ: Ишима, Тобола, Иртыша, Вагая, Туры и ихъ притоковъ; въ концѣ же того мѣсяца вода стала выходить уже изъ руслъ и затоплять прибрежныя мѣста округовъ тобольскаго, курганскаго, тюменскаго и часть ишимскаго, прилегающую къ городу Петропавловску, а также низменныя части городовъ: Кургана, Петропавловска, Тюмени и Ишима. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, кромѣ Тобольска и его округа, наводненіе продолжалось не очень долго, и рѣки вошли въ берега къ концу мая; въ городѣ же Тобольскѣ и его округѣ вода не сходила почти все лѣто, а именно до августа мѣсяца. Кромѣ того, жители потопленныхъ 700 домовъ

*) См. выше: ноябрь, стр. 5.

въ городѣ были, по большей части, бѣдные люди, такъ что понесенные ими убытки, до 8.600 рублей, были для нихъ весьма чувствительны. Для помощи имъ въ Тобольскѣ открыта была подписка и собрано было всѣхъ пожертвованій свыше 1.900 рублей. Деньги эти отданы были въ распоряженіе особаго комитета, составленнаго Арцимовичемъ изъ трехъ благонадежныхъ чиновниковъ, которые во время наводненія объѣзжали, вмѣстѣ съ врачами, потопленныя мѣста для поданія помощи нуждавшимся. По сбытіи воды, сдѣлано было распоряженіе къ очищенію черезъ арестантовъ канавъ, для осушенія потопленныхъ мѣстъ и уничтоженія міазмовъ, а затѣмъ осмотрѣны были поврежденія въ домахъ для опредѣленія требовавшейся помощи, и изъ заготовленныхъ заблаговременно лѣса и кирпича произведены работы и починки, и всѣ поврежденные дома приведены въ возможное устройство. Поправки обошлись комитету слишкомъ въ 1.500 руб. Внѣ города число потерпѣвшихъ отъ наводненія простиралось до 4.333 на сумму 8.639 руб.; полей засѣянныхъ хлѣбомъ было затоплено 3.700 десятинъ, а сѣнокосныхъ мѣстъ подъ водою было болѣе 25.000 десятинъ. Пострадавшимъ крестьянамъ выданъ въ ссуду хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ.

Изъ писемъ В. М. Жемчужникова, того же времени, видно, что Виктора Антоновича предполагалось уже въ то время перевести изъ Тобольска, давъ ему другое назначеніе. Такъ, великая княгиня Елена Павловна предлагала В. А. мѣсто управляющаго ея дворцовою конторою, по случаю смерти занимавшаго это мѣсто генералъ-лейтенанта Криднера, и это предложеніе исходило непосредственно отъ самой великой княгини, но на это М. Н. Жемчужниковъ не затруднился отвѣчать, что В. А. не приметъ такого мѣста, потому что не признаётъ въ себѣ качествъ, нужныхъ для этого рода обязанностей. А министръ внутреннихъ дѣлъ заявлялъ, при свиданіи съ М. Н. Жемчужниковымъ, что онъ предполагаетъ предоставить В. А. вакансію начальника черниговской губерніи (письмо 22-го іюня); но такъ какъ Гасфортъ находилъ В. А. необходимымъ для тобольской губерніи и весьма полезнымъ для всего края, какъ примѣрнаго и единственнаго по способностямъ, правиламъ и дѣйствіямъ, то Ланской, безъ согласія генералъ-губернатора, не могъ докладывать государю о перемѣщеніи В. А. въ великороссійскую губернію (письмо отъ 8-го октября 1856 г.). Военный министръ спрашивалъ о В. А. у Ланского; тотъ превознесъ В. А. похвалами; тогда генералъ Сухозанетъ предположилъ назначить В. А. генералъ-аудиторомъ военнаго министерства, но ходатайство о Фило-

софовѣ превозмогло, и В. А. не было сдѣлано оффиціальнаго предложенія этого мѣста. Предполагалось также назначеніе В. А. директоромъ одного изъ департаментовъ министерства государственныхъ имуществъ, а великая княгиня Елена Павловна предлагала В. А. мѣсто гофмейстера при ея дворѣ съ жалованьемъ въ 6.000 р., квартирою и экипажемъ, и 3.000 р. на подъемъ, съ назначеніемъ въ то же время В. А. членомъ совѣта министерства внутр. дѣлъ; но, какъ видно изъ письма М. Н. Жемчужникова, отъ 29-го сентября 1856 г., великая княгиня затѣмъ раздумала имѣть гофмаршала при своемъ дворѣ, собираясь ѣхать за границу.

Въ письмѣ М. Н. Жемчужникова, отъ 30-го августа 1856 г., изъ Москвы, гдѣ онъ находился по случаю коронаціи государя, сообщалось: „Пишу тебѣ все, что̀ узналъ въ Москвѣ: 1) Бутковъ (управляющій дѣлами сибирскаго комитета) сказалъ, что Гасфортъ недоволенъ, что ты не признаешь нѣкоторыхъ его распоряженій, и что онъ требовалъ отъ тебя *оффиціально*, чтобы ты представилъ къ наградѣ какого-то чиновника, но ты вмѣсто того написалъ ему письмо, въ которомъ признаешь этого чиновника недостойнымъ. Гасфортъ недоволенъ также, что тебѣ назначили прибавку 2.000 р., безъ его представленія, и даже не спросили его. Самъ Бутковъ находитъ твой отчетъ (объ обозрѣніи губерніи) очень дѣльнымъ, и поручилъ Алешѣ (А. М. Жемчужниковъ) написать тебѣ, чтобы ты старался быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ Гасфортомъ; отчетъ же твой не могъ дать прочесть, потому что онъ у Гасфорта, а дастъ тогда, когда Гасфортъ возвратитъ его. 2) Я былъ здѣсь у Ланского и просилъ о перемѣщеніи тебя въ черниговскую губернію. Ланской сказалъ мнѣ, что въ настоящее время этого еще нельзя сдѣлать, а надобно подождать. Гасфортъ очень хвалилъ тебя, и когда Ланской объявилъ ему, что намѣренъ перевести тебя въ другую губернію, то онъ убѣдительно просилъ оставить тебя въ Тобольскѣ, ибо *ты одинъ только честный и совершенно способный изъ всѣхъ служащихъ въ Западной Сибири*, но при этомъ не упустилъ выразить, что онъ оскорбленъ назначеніемъ тебѣ 2.000 р. помимо его. На это Ланской отвѣтилъ ему, что прибавочное жалованье не есть награда, а пособіе, которое предоставлено усмотрѣнію министра внутр. дѣлъ. Поэтому онъ и не считалъ себя обязаннымъ спрашивать объ этомъ Гасфорта... Насчетъ же твоего перемѣщенія въ другую губернію я буду хлопотать по возвращеніи Ланского въ Петербургъ. Авось, Богъ поможетъ сдѣлать что-либо полезное для тебя. Будемъ уповать и не будемъ

унывать, а будемъ благоразумно бодрствовать. Добрый Ланской, какъ я вижу, очень желаетъ перемѣстить тебя; но онъ не совсѣмъ въ своей волѣ!! Все-таки это не препятствуетъ мнѣ дѣйствовать, чтобы освободить тебя отъ Гасфорта, который"...

Любопытно письмо М. Н. Жемчужникова къ В. А. отъ 3-го ноября 1856 г. о свиданіи его въ Петербургѣ съ Гасфортомъ. „Сегодня былъ у меня Гасфортъ... Входя въ мою гостиную, онъ имѣлъ видъ больного и началъ извиняться, что болѣзнь препятствовала ему быть у меня своевременно; къ этому онъ присоединилъ о хлопотливыхъ занятіяхъ своихъ по служебнымъ дѣламъ и о поѣздкахъ своихъ въ Царское Село, гдѣ Государь далъ ему продолжительную аудіенцію; потомъ онъ долженъ былъ сопровождать въ Царское Село свою жену, которую пригласили къ Императрицѣ, для чего сначала нужно было ей представиться ко двору, и т. д. Касательно себя онъ очень выхвалялъ милостивое вниманіе къ нему Государя, который выслушивалъ все, что̀ онъ желалъ ему объяснить, и изволилъ все уважить и утвердить, причемъ, независимо отъ полнаго отчета о состояніи края, онъ подалъ Императору особую записку о видахъ своихъ на будущее время, какъ политическихъ, такъ и относительно внутренняго устройства края. Гасфортъ говорилъ, что князь Орловъ и графъ Блудовъ особенно хорошо расположены къ нему и сильно поддерживаютъ всѣ его предположенія, о которыхъ онъ представилъ въ сибирскій комитетъ. Что всѣ министры оказываютъ ему должное уваженіе, и что Ланской, который вредилъ своими распоряженіями и прямыми сношеніями съ гражданскими губернаторами, понялъ, наконецъ, что таковыя его распоряженія противны порядку, ставятъ генералъ-губернатора и гражданскихъ губернаторовъ въ ложное положеніе, парализируютъ власть перваго. Что все это понялъ Ланской и согласился измѣнить это на будущее время; что по части министерства государственныхъ имуществъ онъ успѣлъ осуществить давнишній свой проектъ, относительно учрежденія при тобольской казенной палатѣ особаго отдѣленія, которое завѣдывало бы дѣлами государственныхъ имуществъ. Что по части военной и политической (съ западнымъ Китаемъ) приняты всѣ предположенія его и прибавлено количество войска къ его корпусу. Однимъ словомъ, онъ вполнѣ успѣлъ осуществить все, что̀ желалъ бы для пользы края, и вслѣдствіе того онъ, вскорѣ послѣ новаго года, долженъ ѣхать въ Сибирь, и хотя здоровье жены его требовало бы леченія за границею, но онъ по настоящимъ видамъ долженъ будетъ: или оставить ее въ Петербургѣ, или взять съ собою въ Сибирь. Гас-

фортъ просидѣлъ у меня болѣе часа и говорилъ безъ умолка. Болѣзненный видъ, съ которымъ онъ явился въ мою гостиную, совершенно исчезъ. Выхваляя свои качества, умственную способность, познаніе въ наукахъ, свѣдѣнія по юриспруденціи, умѣнье повиноваться и повелѣвать, свою храбрость и искусство въ военномъ дѣлѣ, свою проницательность узнавать людей и употреблять каждаго по способностямъ,—Гасфортъ выходилъ изъ себя, а я усталъ слушать его хвастовство! Рѣдко случается встрѣтить такого тщеславнаго человѣка, а между тѣмъ онъ вовсе не злой человѣкъ! Онъ не далъ мнѣ сказать ни одного слова, и уже подъ конецъ мнѣ удалось прервать его болтовню, и когда онъ увѣрялъ, что всѣ подчиненные его, кто честныхъ правилъ, любятъ и уважаютъ его, я началъ такъ: „Мой зять очень цѣнитъ вашѣ благосклонное вниманіе къ его положенію и особенно доволенъ тѣмъ, что вы дозволили ему частную переписку съ вами по служебнымъ дѣламъ“. Тутъ онъ началъ расхваливать и твои способности, и твою ретивость къ добру, и высокое благородство чувствъ твоихъ, и кончилъ такъ: „Онъ—единственный человѣкъ во всемъ краѣ, и я оказалъ полное уваженіе ему, испросивъ ему генеральскій чинъ за годъ службы въ званіи губернатора. Онъ перегналъ весь первый выпускъ училища правовѣдѣнія. Жаль только, что онъ уже началъ желать оставить тобольскую губернію, которая начала только входить въ порядокъ подъ его усерднымъ и умнымъ управленіемъ“. На это я ему сказалъ, что ты нисколько не искалъ перемѣщенія, но причиной этой молвы было предложеніе великой княгини Елены Павловны, и что ты отказался отъ ея предложенія. Тутъ онъ сказалъ, что великая княгиня сама говорила ему объ этомъ, и что онъ высказалъ ей всѣ достоинства твои и свое сожалѣніе, если тебя возьмутъ изъ Тобольска, прежде чѣмъ ты упрочишь вводимый тобою порядокъ. Что то же самое онъ доложилъ государю и сказалъ Орлову и Ланскому. Въ заключеніе онъ присовокупилъ: „В. А. ошибается, полагая, что совѣтники Главнаго Управленія стараются вредить ему. Я лично говорилъ ему объ этомъ и просилъ его убѣдиться, что если бы и вздумалъ кто подкапываться подъ его дѣйствія, то я не допущу несправедливыхъ разсужденій. Но, несмотря на мою просьбу, онъ все-таки остается въ этомъ ошибочномъ мнѣніи объ окружающихъ меня, особенно о совѣтникахъ Главнаго Управленія. Вотъ причина, по которой Виктору Антоновичу не нравится служба подъ моимъ начальствомъ. Пожалуйста напишите ему, чтобы онъ измѣнилъ это фальшивое мнѣніе, которое тревожитъ его совершенно напрасно“. Я поблагодарилъ его за

откровенность, вновь ручался за то, что ты съ тѣмъ поѣхалъ въ Сибирь, чтобы оказать возможную пользу краю, который ты нѣсколько изучилъ по случаю ревизіи, и что еслибы не предложеніе великой княгини, то, конечно, не возродилась бы молва о твоемъ перемѣщеніи, хотя Ланской, зная тебя еще по первому департаменту сената, самъ вызывался мнѣ перевести тебя въ одну изъ внутреннихъ губерній, но я отклонилъ это, какъ и предложеніе вел. кн. Елены Павловны. Относительно же сомнѣнія твоего о совѣтникахъ Главнаго Управленія,—то ты, можетъ быть, и имѣлъ основательную причину, потому что, заступивъ мѣсто А. по первому департаменту сената, ты, по дѣламъ этой экспедиціи, могъ заключить о качествахъ бывшаго оберъ-секретаря, ибо А. направлялъ дѣла не совсѣмъ честно, за что его и уволили изъ министерства юстиціи. На это онъ опять просилъ меня написать тебѣ, чтобы ты пересталъ думать, что кто-либо изъ совѣтниковъ могъ измѣнить его расположеніе къ тебѣ. Что таковое мнѣніе твое невольнымъ образомъ возстановляетъ противъ него (Гасфорта) и черезъ это можетъ утратиться обоюдная искренность и потерпитъ край, о которомъ ты имѣешь усердное попеченіе. Послѣ этого онъ добавилъ: „можете судить, каковъ край, которымъ управляетъ В. А., и какіе люди въ этомъ краю; недавно, во время отсутствія В. А. въ уѣзды, ночью вломились въ квартиру управляющаго губерніею Милордова два убійцы съ намѣреніемъ украсть у него деньги!..“

Несмотря на всѣ описанныя выше обстоятельства, долженствовавшія, само собою, волновать спокойствіе духа В. А., онъ продолжалъ заниматься дѣлами управленія губерніею съ неумалявшеюся энергіею и по вступленіи третьяго года своего губернаторства.

Такъ, онъ обратилъ вниманіе на то, что въ городахъ имѣлся значительный остаточный капиталъ, до 154.000 р. Изъ него болѣе 100.000 р. раздавалось въ ссуду мѣстнымъ купцамъ, подъ круговое ручательство по городамъ Ишиму, Петропавловску, Кургану и Тюмени, что̀ превышало, какъ, напримѣръ, въ Ишимѣ, сумму гильдейскихъ капиталовъ, объявленныхъ заемщиками и ручателями, и потому не обезпечивало розданныхъ денегъ. Въ отвращеніе такого безпорядка, вмѣнено въ обязанность думамъ и хозяйственнымъ управленіямъ непремѣнно представлять на разрѣшеніе губернскаго начальства приговоры о раздачѣ запаснаго капитала, самая же ссуда по Петропавловску ограничена до 15.000 руб., а по Кургану до 10.000 руб., съ тѣмъ, чтобы

остальная сумма была внесена, для приращенія процентами, въ приказъ общественнаго призрѣнія.

Въ этомъ же году В. А. пришлось возобновить, давно переставшій дѣйствовать, тобольскій губернскій статистическій комитетъ, которымъ и составленъ былъ первый статистическій отчетъ по многимъ разнообразнымъ формамъ, даннымъ въ руководство министромъ вн. дѣлъ.

Весь 1857 годъ, съ самаго начала вплоть до конца, прошелъ для В. А. въ треволненіяхъ по задуманнымъ имъ—оставленію службы въ Сибири и перенесенію дѣятельности въ одну изъ великороссійскихъ губерній. Съ одной стороны, онъ сознавалъ, что при его энергіи и знаніи дѣла онъ много можетъ сдѣлать для пользы края, ему ввѣреннаго, но его распоряженія и представленія не всегда утверждались главнымъ мѣстнымъ начальникомъ; съ другой же стороны, ему было извѣстно о зачаткахъ важныхъ преобразованій, намѣченныхъ съ самаго начала царствованія Царя-Освободителя, и В. А. былъ увѣренъ, что при самостоятельной дѣятельности, не будучи связанъ ген.-губернаторскими ковами, онъ можетъ быть еще болѣе полезнымъ отечеству, управляя какою-либо внутреннею губерніею Россіи.

Особенный толчокъ дѣлу объ оставленіи Арцимовичемъ Тобольска дало свиданіе М. Н. Жемчужникова съ дивизіоннымъ генераломъ Дометти, пріѣхавшимъ съ своею женою въ Петербургъ изъ Тобольска. Вотъ какъ описывалъ М. Н. свиданіе свое съ ген. Дометти и его женой въ письмѣ къ В. А., отъ 11-го янв. 1857 г.: „Онъ и она искренно любятъ васъ и видимо старались сообщить мнѣ всѣ подробности о васъ и дѣтяхъ вашихъ и вообще все то, что только могло быть интереснымъ для меня, вѣрнаго вашего друга. Усердно благодарю Бога за все то, что я знаю относительно васъ и дѣтей вашихъ. Одно только мнѣ жаль, что мой любезный другъ Викторъ *посѣдѣлъ не по лѣтамъ!* Правда, что эта сѣдина начала показываться еще при сенатскихъ занятіяхъ его, но, какъ мнѣ извѣстно также о встрѣчаемыхъ имъ *скаредныхъ* непріятностяхъ по настоящей его службѣ, то и заключаю, что избыточное умноженіе сѣдины на умной головѣ его выказываетъ внутреннее тревожное состояніе его. Изъ всего того, что я зналъ прежде о дѣйствіяхъ Гасфорта и что я узналъ отъ Дометти, который, какъ подчиненный его же, сообщилъ мнѣ и о своихъ столкновеніяхъ съ нимъ... я еще болѣе вижу необходимость поскорѣе освободиться отъ дальнѣйшихъ непріятностей, которыя заставляютъ тебя такъ много претерпѣвать. И въ этомъ полномъ моемъ убѣжденіи, что Гасфортъ *не-*

исправимъ, и что ревностные, благонамѣренные труды твои, мой любезный другъ Викторъ, не могутъ оказать существенной пользы и что все это вредитъ и твоей службѣ, и твоей чувствительности, я рѣшился вновь дѣйствовать на добраго Ланского и поѣхалъ къ нему для *положительныхъ объясненій*. Причиною къ этимъ объясненіямъ я воспользовался тѣмъ, что въ Воронежѣ открылась вакансія, и я просилъ Ланского о перемѣщеніи тебя въ Воронежъ, и просилъ такъ настоятельно, что просьба эта имѣла видъ *требованія*, основаннаго, во-1-хъ, на полномъ уваженіи къ твоимъ достоинствамъ, твоей репутаціи и настоящему твоему положенію, и во-2-хъ, на обѣщаніяхъ самого Ланского. Такое откровенное и настойчивое объясненіе исторгло полную откровенность и со стороны Ланского, который, *безъ всякаю сомнѣнія*, вполнѣ уважаетъ тебя и искренно желаетъ освободить тебя отъ Гасфорта, но, предвидя сплетню съ его стороны, что доложатъ опять о совершенной необходимости сохранить тебя для Сибири, Ланской рѣшительно отказывается дѣйствовать о перемѣщеніи тебя. Наконецъ, я предложилъ, что ты напишешь къ нему (Ланскому), что по причинѣ сильнаго ревматизма, который ты получилъ во время поѣздки въ Березовъ, ты не можешь продолжать службу въ суровомъ сибирскомъ климатѣ. Ланской обрадовался этой мысли и согласился, если ты напишешь къ нему это, доложить государю и просить о перемѣщеніи тебя въ Россію, какъ одного изъ лучшихъ губернаторовъ. Вотъ что я предлагаю тебѣ, мой любезный другъ! Если пожелаешь, то дѣйствуй".

Письмо это было получено въ Тобольскѣ въ концѣ января 1857 г., а 3-го февр. В. А. отправилъ министру внутр. дѣлъ письмо такого содержанія: „Спѣшу принести в. в. искреннѣйшую, отъ глубины души, благодарность за доброе и теплое участіе ваше въ настоящемъ моемъ затруднительномъ положеніи. Въ здѣшнемъ краѣ, при нерасположеніи ген.-губернатора, невозможно думать объ осуществленіи какихъ-либо полезныхъ начинаній по улучшенію управленія, о водвореніи законности и уменьшеніи злоупотребленій. Поэтому я весьма обрадовался изъявленному вами согласію на переводъ мой въ другую губернію. Это вниманіе в. в. къ моимъ посильнымъ трудамъ придаетъ мнѣ новыя силы для дѣятельности и укрѣпляетъ всегдашнія стремленія мои къ пользѣ общественной.

„Повергая дальнѣйшую служебную участь мою ближайшему благоусмотрѣнію в. в., я вмѣстѣ съ тѣмъ благословляю Всевышній Промыслъ, доставившій мнѣ счастливый случай быть лично извѣстнымъ вамъ по прежней моей службѣ".

Къ этому частному письму было приложено другое, на имя того же С. С. Ланского, болѣе оффиціальное. Въ немъ В. А. писалъ:

„Участіе, которое я принималъ въ ревизіи всей Западной Сибири, произведенной въ 1851 г. ген.-ад. Анненковымъ, послужило впослѣдствіи основаніемъ къ назначенію меня въ должность тобольскаго гражд. губернатора, въ коей и состою уже 3 года.

„Нынѣ домашнія обстоятельства, болѣзненное состояніе моей жены, а также весьма неблагопріятное вліяніе сильныхъ холодовъ и на мое здоровье, разстроенное во время объѣзда по сѣвернымъ частямъ губерніи, вынуждаютъ повергнуть начальническому вниманію в. в. всепокорнѣйшую просьбу о содѣйствіи къ перемѣщенію меня въ другую, не столь отдаленную губернію, съ болѣе благопріятнымъ климатомъ.

„Почту себя счастливымъ, если мои посильные, давно уже извѣстные в. в. служебные труды и дѣятельность послужатъ подкрѣпленіемъ сей моей просьбы".

Одновременно было отправлено письмо и къ ген.-губернатору слѣдующаго содержанія: „Домашнія обстоятельства, а въ особенности болѣзненное состояніе, въ которомъ находится моя жена, а также сильные ревматизмы, пріобрѣтенные мною въ поѣздку по сѣверной части губерніи, заставляютъ меня желать оставить Сибирь и перейти на службу въ страну, гдѣ климатъ болѣе благопріятный. Представивъ эти причины благоусмотрѣнію г. министра внутр. дѣлъ, я прошу о переводѣ меня въ другую губернію. Доводя о семъ до свѣдѣнія в. в., имѣю честь покорнѣйше просить не лишить участія вашего въ удовлетвореніи моей просьбы, вынужденной крайней необходимостью".

На это послѣднее письмо послѣдовалъ отвѣтъ только 2-го апрѣля изъ Омска. Ген. Гасфортъ отвѣчалъ такимъ образомъ: „По содержанію письма в. п. отъ 3-го прошлаго февраля, которое я получилъ только по возвращеніи моемъ сюда, имѣю честь васъ увѣдомить, что, получивъ нынѣ отношеніе г. министра внутр. дѣлъ, коимъ онъ спрашиваетъ моего согласія относительно перевода васъ въ одну изъ внутреннихъ губерній, я отвѣтствовалъ ему, что къ таковому перемѣщенію не имѣю съ моей стороны никакого препятствія, хотя и весьма сожалѣю, что вы оставляете тобольск. губ. въ то время, когда успѣли только съ нею ознакомиться, и я лишаюсь въ васъ, по благоразумному усердію, полезнаго и дѣятельнаго сотрудника. Не менѣе сожалѣю также и о причинахъ, побудившихъ васъ желать этого

перевода: ибо вредное вліяніе здѣшняго суроваго климата на слабую женскую организацію заставило и меня принести тяжкую дань".

Въ промежутокъ времени между письмомъ В. А. къ Гасфорту и отвѣтомъ на него, М. Н. Жемчужниковъ писалъ (отъ 31 янв.): „Еще разъ прочелъ отчетъ твой, любезный другъ мой Викторъ, и еще болѣе ознакомился и съ откровеннымъ изложеніемъ отчета, и съ положеніемъ ввѣреннаго тебѣ края, и еще болѣе понимаю, что Гасфортъ не можетъ быть доволенъ, ни первымъ, ни послѣднимъ. Таковы его свойства! Изъ всѣхъ частей, описанныхъ тобою въ твоемъ отчетѣ, одна только маріинская школа заслужила одобреніе. А эта школа, учрежденная уже при твоемъ управленіи и состоитъ подъ попечительствомъ твоей жены. Этого уже очень достаточно для возбужденія злости Гасфорта"!.. (Письмо отъ 24-го февр.): „Письмо твое къ Ланскому отвезъ самъ 19-го февр., но, къ сожалѣнію, не могъ видѣть С. С., онъ простудился. Гасфортъ выѣхалъ изъ Петербурга, а потому отправляю твое письмо къ нему въ Омскъ... Можешь вообразить, какова будетъ моя радость тогда, когда ты избавишься изъ-подъ ферулы Гасфорта"... (Письмо отъ 14-го марта): „Предваривъ Ланского о настоящемъ стѣснительномъ и непріятномъ положеніи твоемъ и разсказавъ ему нѣкоторыя продѣлки окружающихъ Гасфорта и гадкій поступокъ его касательно выпрошеннаго имъ черезъ сибирскій комитетъ Владим. креста такому чиновнику, котораго ты признавалъ подлежащимъ строгому взысканію, и проч., и проч., я отдалъ ему твое письмо отъ 3-го февр. Добрый С. С. (Ланской) прочелъ и съ *непритворнымъ* участіемъ вознегодовалъ на Гасфорта и изъявилъ искреннее соболѣзнованіе о тебѣ. Потомъ, подъ большимъ секретомъ, сообщилъ мнѣ, что онъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, по соизволенію Государя, поднесъ уже указъ къ перемѣщенію тебя въ Тверь. Государь подписалъ этотъ указъ, но Гасфортъ лично просилъ оставить тебя въ Тобольскѣ, какъ единственнаго честнаго и свѣдущаго и потому необходимаго для Сибири. Государь потребовалъ указъ назадъ и разорвалъ его".

Въ письмѣ, отъ 13-го мая, М. Н. писалъ: „Спасибо тебѣ за письмо, отъ 21-го апрѣля, и выписку изъ письма къ тебѣ отъ Гасфорта. Изъ этого письма не видно, чтобы онъ былъ озлобленъ на тебя, хотя незамѣтно также, чтобы онъ понялъ, какъ слѣдуетъ смышлёному и заботливому начальнику, какую онъ понесъ утрату въ лишеніи такого сотрудника, каковъ ты былъ ему! Что̀ это за человѣкъ, очень ясно видно изъ той рѣчи его, кото-

рую онъ сказалъ въ Омскѣ, по пріѣздѣ туда, собравшемуся туда чиновничеству. Знаю, что Ланской получилъ уже отвѣтъ Гасфорта. Знаю и то, что Л. намѣренъ приступить къ очищенію той губернаторской вакансіи, которую онъ готовитъ для тебя, но какая это губернія?—объ этомъ хранитъ въ секретѣ, а, по слухамъ, кажется, тверская. Для этого нужно, чтобы Панинъ согласился на принятіе Бакунина въ сенаторы". Но ни тверская, ни другая какая-либо вакансія не открывалась. Ланской, все какъ и прежде, просилъ М. Н. Жемчужникова имѣть терпѣніе, и такъ прошелъ весь 1857 годъ.

Въ Тобольскѣ рѣшительно никто, исключая семьи, не зналъ о всѣхъ этихъ переговорахъ и треволненіяхъ, и Викторъ Антоновичъ продолжалъ работать и управлять губерніею съ прежнею, если не съ бо́льшею энергіею.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ (должно быть, 21-го апрѣля) былъ выпущенъ первый нумеръ Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Вѣдомости эти издавались съ двумя отдѣлами: оффиціальною и неоффиціальною частями. В. А. принималъ самое живое участіе въ наполненіи интересными статьями неоффиціальной части, и вполнѣ достигъ этого. Авторами такихъ статей были и директоръ, и инспекторъ, и учителя мѣстной гимназіи, штатные смотрителя училищъ, нѣкоторые священники, одинъ офицеръ линейнаго батальона (Потанинъ), начинавшій тогда свою литературную дѣятельность, Н. М. Ядринцевъ и даже нѣкоторые чиновники, служащіе въ Тобольскѣ. Со всѣми этими лицами В. А. или сносился письмами, или лично просилъ писать статьи, которыя затѣмъ и просматривалъ, разрѣшая ихъ къ печатанію. Много писалось статей и историческихъ, и касавшихся мѣстной промышленности, и составлявшихъ „злобу дня". Всѣ онѣ были настолько интересны, что почти изъ всѣхъ №№ Губерн. Вѣд. были перепечатаны въ столичныхъ газетахъ. Типографія при губернскомъ правленіи была въ самомъ плачевномъ состояніи, и такъ какъ въ ней прежде печатались только однѣ статьи о разныхъ сыскахъ и вызовахъ, то и средства для печатанія, т.-е. печатные станки, были самаго примитивнаго устройства, а печатнаго шрифта и даже типографской краски не могло быть достаточно на изданіе такихъ №№ Вѣдомостей, какіе выпускались каждую субботу при В. А.,—страницъ въ 30 и болѣе. Поэтому пришлось все необходимое экстренно выписывать и заказывать въ Петербургѣ у Ревильона (словолитчикъ). И здѣсь В. А., слѣдя за средствами типографіи, нерѣдко прибѣгалъ къ помощи и содѣйствію своего маститаго и почтеннѣйшаго тестя, М. Н. Жемчужникова,

который, любя В. А., самъ заѣзжалъ къ Ревильону и настаивалъ на скорѣйшей высылкѣ всего необходимаго для тобольской типографіи.

Въ томъ же январѣ, во второй половинѣ мѣсяца, пріѣхалъ въ Тобольскъ ген.-губернаторъ западной Сибири для ревизіи присутственныхъ мѣстъ. Во все довольно продолжительное время пребыванія въ этомъ городѣ ген. Гасфорта, В. А. не имѣлъ ни минуты отдыха: надлежало ему и сопутствовать начальнику края, при обозрѣніи имъ всѣхъ находящихся въ Тобольскѣ учрежденій, и заниматься текущими дѣлами, и принимать у себя Густава Христіановича, и развлекать его, и вмѣстѣ съ тѣмъ составлять планъ для такихъ развлеченій на слѣдующіе дни. Тихій Тобольскъ въ это время сдѣлался неузнаваемъ: балы, вечера, спектакли, концерты и обѣды слѣдовали одинъ за другимъ, такъ какъ ген.-губернаторъ на ревизію употреблялъ только до-обѣденное время. Ревизія эта, какъ и слѣдовало ожидать, доказала, что всѣ тобольскія учрежденія подъ управленіемъ В. А. достигли возможнаго совершенства.

Тотчасъ же по отъѣздѣ Гасфорта изъ Тобольска, В. А. заболѣлъ, а между тѣмъ въ это же время было получено и предложеніе м—стра вн. дѣлъ, вызывавшее В. А. въ С.-Петербургъ, по дѣламъ службы. Болѣзнь В. А. была очень серьезна. Это было что-то близкое къ нервной горячкѣ. Онъ слегъ въ постель и передалъ управленіе губерніею предсѣдателю губ. правленія, оставивъ за собою руководительство лишь важнѣйшими дѣлами.

По поводу полученной отъ Гасфорта бумаги о результатѣ его ревизіи, М. Н. Жемчужниковъ писалъ 3 марта 1858 г.: „Достаточно понимая качества этого человѣка, я чрезвычайно былъ утѣшенъ содержаніемъ этого письма, которое вполнѣ удостовѣряетъ, что настоящее пребываніе его въ Тобольскѣ ознакомило его съ такою благородною манерою управленія, о которомъ онъ, поступивъ изъ военнаго ремесла въ руки омскихъ плутовъ, и понятія не имѣлъ. И я совершенно увѣренъ, что онъ чистосердечно сожалѣетъ всю виновность свою предъ тобою, и что то уваженіе къ твоимъ достоинствамъ, которое онъ не считалъ умѣстнымъ высказывать въ обиду окружающей его сволочи, въ настоящее время, это чувство—*вполнѣ утвердилось въ немъ*. Особенно пріятно мнѣ, что тонъ этого письма, исполненный неподдѣльнымъ чувствомъ благодарности, вовсе чуждъ того высокомѣрія, которое такъ усвоилось въ военноначальствующихъ, т.-е. тонъ этого письма гармонируетъ тону той музыки, которую ты употреблялъ на встрѣчу, угощеніе и на проводы гостя". Неза-

висимо означеннаго выше предложенія, о результатахъ ревизіи, ген. Гасфортъ написалъ В. А. письмо, отъ 5-го февраля, по поводу присланныхъ распорядителями бала, даннаго во время посѣщенія ген.-губернаторомъ Тобольска, 550 р., оставшихся отъ расходовъ по устройству этого бала и предназначавшихся въ пользу омскаго дѣтскаго пріюта. „Благородные порывы тобольск. общества, чиновниковъ, дворянъ и купечества на пользу общую,—писалъ ген. Гасфортъ,—выражались постоянно и вездѣ. Настоящій случай убѣждаетъ еще болѣе, что общество это, всегда готовое содѣйствовать видамъ и предположеніямъ правительства, ищетъ только повода, чтобы доказать на дѣлѣ свое усердіе и теплое участіе въ общественныхъ предпріятіяхъ и дѣлахъ благотворительности. Пріятно быть свидѣтелемъ таковыхъ похвальныхъ чувствъ, но еще пріятнѣе видѣть, когда стремленіе и дѣйствіе главнаго начальника на пользу края, во всѣхъ предначертаніяхъ и распоряженіяхъ къ сему, находитъ отголосокъ и сочувствіе въ его подчиненныхъ, когда сіи послѣдніе съ полною любовію и усердіемъ содѣйствуютъ первому. При такой только связи начальника и подчиненныхъ можно достигнуть стройнаго порядка въ управленіи благоустройства и возвышенія народнаго быта, развитія просвѣщенія, торговли и промышленности.

„Пользуясь настоящимъ случаемъ, я, независимо отъ изустно выраженной мною признательности тобольск. благородному обществу чиновниковъ, дворянъ и купечества, имѣю честь покорнѣйше просить письменно в. п. объявить оному повторительную мою искреннюю и совершенную благодарность какъ за означенное пожертвованіе, такъ и за обязательную встрѣчу меня въ Тобольскѣ, и то привѣтствіе и радушіе, какое было оказано мнѣ во все время моего пребыванія тамъ. Особенную же мою искреннѣйшую признательность я приношу в. п., какъ главному виновнику и двигателю всѣхъ общественныхъ по тобольск. губерніи порывовъ благотворительности, независимо отъ успѣховъ въ общемъ благоустройствѣ оной". Что же касается до самаго пожертвованія 550 р., то Гасфортъ нашелъ всего приличнѣе обратить ихъ на предположенный къ открытію въ городѣ же Тобольскѣ дѣтскій пріютъ. При этомъ онъ выразилъ надежду, что распорядители бала не откажутся исполнить эту его просьбу.

Онъ же, съ пріятностью вспоминая послѣднее пребываніе свое въ Тобольскѣ, который имъ найденъ въ обновленномъ и болѣе благоустроенномъ видѣ, чѣмъ прежде, будетъ имѣть возможность сохранить въ памяти и то, что посѣщеніе это было озна-

меновано дѣломъ благотворительности и положило зародышъ новому общеполезному заведенію въ Тобольскѣ.

Болѣзнь В. А. стала ослабѣвать къ концу февраля, и онъ началъ готовиться къ отъѣзду въ Петербургъ, заканчивая болѣе серьезныя дѣла и давая направленіе тѣмъ изъ нихъ, которыя не могли быть окончены до его отъѣзда. Съ этою же цѣлью В. А., какъ чадолюбивый отецъ, оставляющій свое любимое дѣтище на попеченіе другому лицу, передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, именно 16-го марта, далъ два оффиціальныхъ предложенія предсѣдателю губернскаго правленія — одно по общему губернскому управленію, а другое по строительной коммиссіи, въ которыхъ со всею подробностью указалъ на озабочивавшія его дѣла по губерніи, и просилъ заступавшаго его мѣсто обратить на нихъ особенное вниманіе.

Такъ, въ одномъ предложеніи В. А., изложивъ виды къ лучшему устройству управленія губерніею въ разныхъ его частяхъ по каждому предмету особо и свои частныя мысли и наблюденія о положеніи губерніи, просилъ заступавшаго его мѣсто обратить вниманіе на три дѣла: 1) объ обращеніи натуральной квартирной повинности по городу Тобольску въ денежную. Дѣло это высшей важности, и, на случай утвержденія смѣтъ о земскихъ повинностяхъ, надлежитъ заблаговременно изучить все относящееся до сего предмета и озаботиться выборомъ благонадежныхъ депутатовъ и чиновниковъ въ квартирную коммиссію, такъ какъ ею будутъ собираться съ домовладѣльцевъ деньги и производиться изъ нихъ выдачи; 2) о предполагаемомъ соединеніи притоковъ Оби съ притоками рѣки Печоры, о чемъ соображенія уже представлены ген.-губернатору, и 3) объ учрежденіи пароходства по рѣкамъ Тавдѣ, Сосвѣ и Лозвѣ для доставленія хлѣба и другихъ жизненныхъ припасовъ на уральскіе горные заводы изъ хлѣбородныхъ округовъ тобольской губерніи. Для изученія всего относящагося до этого предмета былъ командированъ на означенные заводы особый чиновникъ, который уже и докладывалъ В. А. словесно о всѣхъ изысканіяхъ, и въ непродолжительномъ времени долженъ былъ представить письменное донесеніе. Съ своей стороны, В. А. высказалъ, что учрежденіе пароходства по упомянутымъ рѣкамъ оживитъ Пелымскій край, можетъ дать тамошнему населенію новые источники для удовлетворенія ихъ потребностей и облегчитъ сбытъ хлѣба изъ богатыхъ хлѣбопашествомъ округовъ тобольской губ. Поэтому для выдачи привилегіи на учрежденіе пароходства препятствій быть не можетъ.

Въ заключеніе, В. А. обратилъ вниманіе предсѣдателя губернск. правленія еще на слѣдующее: 1) вслѣдствіе ходатайства ген.-губ-ра западной Сибири, всемилостивѣйше пожаловано 2.000 р. для раздачи пострадавшимъ отъ бывшаго въ Тобольскѣ наводненія. Хотя по этому предмету и сдѣланы всѣ нужныя предварительныя распоряженія и потребованы соображенія отъ предсѣдателя комитета, учрежденнаго для оказанія помощи пострадавшимъ отъ наводненія, но, имѣя въ виду, что скоро должно было наступить время разлива рѣкъ, а можетъ быть, чего Боже сохрани, возобновится и наводненіе, В. А. полагалъ, что окончательное распоряженіе о раздачѣ тѣхъ 2.000 р. слѣдуетъ произвести тогда, когда минуетъ время наводненія, и 2) въ виду Высочайшаго повелѣнія объ образованіи дѣтей женскаго пола, В. А. принялъ за правило—назначать женскимъ школамъ и пріютамъ, гдѣ только возможно, особыя суммы изъ городскихъ доходовъ не свыше 300 р. въ годъ. А такъ какъ ожидалось открытіе женскихъ учебныхъ заведеній въ Тюмени, Курганѣ и Ялуторовскѣ, то при утвержденіи городскихъ смѣтъ В. А. просилъ имѣть въ виду означенныя выше его соображенія.

Въ концѣ предложенія поименованы тѣ чиновники, которыхъ слѣдуетъ назначить на разныя мѣста, въ случаѣ утвержденія ген.-губ-мъ предположеній В. А., о перемѣщеніи нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ по губернскому и окружнымъ управленіямъ.

Въ другомъ предложеніи, по губерн. строительной коммиссіи, В. А. передалъ заступавшему его мѣсто нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся до устройства города Тобольска. Въ Тобольскѣ существовалъ для этой цѣли учрежденный В. А. особый комитетъ, завѣдывавшій суммами, находившимися въ собственномъ распоряженіи губернатора, подъ предсѣдательствомъ особаго чиновника (ассесора строительной коммиссіи). Назначеніе комитета состояло въ доставленіи дешевыхъ и выгодныхъ средствъ къ производству разныхъ по городу работъ: въ устройствѣ мостовъ, мостовыхъ, тротуаровъ, въ проведеніи канавъ и пр. Въ виду того, что нѣкоторые жители, по бѣдности, часто просятъ о сложеніи недоимки за произведенныя комитетомъ у нихъ работы, В. А. просилъ: по полученіи ближайшаго удостовѣренія о ихъ бѣдности, слагать подобныя недоимки по журналамъ комитета. Начатыя работы по исправленію Ирямскаго взвоза, соединяющаго подгорную съ нагорною частью города, необходимо было окончить въ теченіе предстоявшаго лѣта, такъ какъ при дальнѣйшемъ ихъ замедленіи могли разрушиться стѣны зданія архива. Для производства этихъ работъ В. А. разрѣшилъ взять кирпичъ

заимообразно изъ арестантской роты, а на покупку извести ассигновалъ деньги изъ суммъ комитета; рабочіе же должны были употребляться изъ пересыльныхъ арестантовъ, а мастеровые—изъ арестантской роты, первые—за установленный плакатъ, а послѣдніе—безплатно. Такъ какъ по этому не должно предвидѣться недостатка ни въ рабочихъ, ни въ матеріалахъ, то необходимо употребить всѣ усилія и надзоръ къ успѣшному и безостановочному ихъ окончанію. Причемъ надлежитъ заблаговременно принять мѣры къ отводу воды при таяніи снѣга и распорядиться, чтобы ходъ по взвозу, до окончанія работъ, былъ совершенно закрытъ, а еще лучше—совсѣмъ заколоченъ.

Инженеръ-поручикомъ Мингаузеномъ составленъ былъ проектъ разнымъ улучшеніямъ по городу, а докладъ по этому предмету поручено составить чиновнику особыхъ порученій. Независимо отъ изложенныхъ въ проектѣ предположеній, В. А., зная, что чиновники живутъ въ большинствѣ случаевъ на окраинахъ города, сообщеніе съ которыми весною и осенью почти невозможно, считалъ необходимымъ въ теченіе лѣта 1858 г. окончить устройство мостовъ черезъ канавы и тротуаровъ—вплоть до присутственныхъ мѣстъ.

Кромѣ того, В. А. просилъ заступавшаго его мѣсто оказать содѣйствіе къ успѣшному окончанію устройства сада при памятникѣ Ермака. Посадка деревьевъ и всѣ работы, по личному указанію В. А., должны были производиться подъ наблюденіемъ ассесора строительной коммиссіи и подъ непосредственнымъ надзоромъ командира арестантской роты.

Въ 1857 г. въ Тобольскѣ было введено спиртовое освѣщеніе главныхъ улицъ, но В. А. желалъ, чтобы такое освѣщеніе было распространено и по другимъ улицамъ, и потому просилъ, при утвержденіи смѣтъ городскимъ расходамъ, ассигновать необходимую сумму на устройство 50-ти фонарей для Никольскаго взвоза и другихъ улицъ.

Устройство въ Тобольскѣ трехъ пристаней на Иртышѣ съ портомойнями и содержаніе ихъ В. А. полагалъ предоставить арестантской ротѣ, о чемъ и просилъ управляющаго губерніею сдѣлать распоряженіе.

Отъѣздъ В. А. изъ Тобольска состоялся 18-го марта 1858 г. Онъ выѣхалъ одинъ съ прислугою предъ самымъ началомъ распутицы, напутствуемый благопожеланіями, какъ семьи своей, такъ и всѣхъ тоболянъ, горячо его полюбившихъ. Здоровье его въ то время не было еще вполнѣ возстановлено послѣ болѣзни, и это очень тревожило всѣхъ; но В. А. благополучно проѣхалъ далекій

путь. 23-го марта онъ былъ въ Перми, 29-го—въ Казани, гдѣ былъ задержанъ нѣсколько дней ненадежнымъ состояніемъ льда, такъ что въ Нижній-Новгородъ пріѣхалъ только 11-го, а въ Петербургъ—15-го или 16-го апрѣля, т.-е. пробылъ въ пути цѣлый мѣсяцъ. Дорога была ужасная, утомительная. Случалось иногда тащиться двѣ или три станціи цѣлыя сутки (письмо изъ Нижняго, отъ 11-го апрѣля).

Для жителей Тобольска и всей губерніи отъѣздъ Виктора Антоновича былъ тяжелою утратою; они были убѣждены, что онъ къ нимъ не возвратится, и знали, что не скоро пріобрѣтутъ такого нелицепріятнаго преслѣдователя всякой неправды и такого надежнаго защитника слабыхъ и угнетенныхъ. Сознаніе этой потери было всеобщимъ. Изъ сохранившихся писемъ того времени видно, напримѣръ, что крестьянинъ, везшій одного изъ провожавшихъ В. А. до первой станціи отъ Тобольска, узнавъ, что В. А. едва ли вернется изъ Петербурга, выразилъ глубокое сожалѣніе, добавивъ при этомъ, что „больно хорошъ онъ былъ для насъ, мужиковъ“, а одна вдова чиновника, сожалѣя также объ этомъ отъѣздѣ, наивно высказала: „что можно было бы исправить это дѣло тѣмъ, чтобы собраться всѣмъ и написать общую просьбу къ начальству объ отмѣнѣ перевода Виктора Антоновича изъ Тобольска“.

Съ отъѣздомъ В. А. изъ Сибири не тотчасъ окончилась его дѣятельность и вліяніе на ходъ управленія губерніей. Онъ постоянно писалъ въ Тобольскъ, и съ дороги, и изъ Петербурга, о дѣлахъ особенной для губерніи важности, указывалъ, что̀ и ка̀къ надо сдѣлать, требовалъ свѣдѣній о ходѣ этихъ дѣлъ и успокаивался только тогда, когда имѣлись извѣстія объ окончаніи ихъ. Письма объ этомъ со справками къ В. А. и отъ него въ Тобольскъ летали еженедѣльно, а нерѣдко и съ каждою почтою.

Такъ прошли весна и все лѣто 1858 г. Семья В. А. ожидала извѣстія объ его служебномъ устройствѣ, чтобы выѣхать изъ Тобольска на новое мѣсто его служенія, а жители города и губерніи, видя замедленіе въ переводѣ В. А., иногда ласкали себя надеждою, что переводъ не состоится и для нихъ все останется по старому.

В. А., вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, именно 19 апрѣля, представился Императору. Государь принялъ его въ кабинетѣ и довольно долго и милостиво съ нимъ бесѣдовалъ, разспрашивая о положеніи страны и промышленности, о состояніи городовъ

Тобольска и Тюмени и объ инородцахъ [1]). Какъ видно изъ писемъ В. А., отъ 20, 25 и 28 апрѣля, онъ въ то время не могъ еще вывести никакого заключенія на счетъ своей будущности. Встрѣтившійся съ нимъ во дворцѣ товарищъ военнаго министра, князь Васильчиковъ, приглашалъ его перейти директоромъ канцеляріи военнаго министерства, а затѣмъ черезъ нѣсколько дней предлагалъ занять мѣсто генералъ-кригсъ-коммиссара, но мѣста эти В. А. нашелъ „не по своему характеру". При свиданіи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, С. С. Ланскимъ, В. А. также не выяснилъ своего положенія относительно перевода изъ Тобольска. „Вообще сознаю себя неспособнымъ устроивать дѣла скоро и ловко, когда нужно искать,—писалъ В. А.—роль искателя, solliciteur'a—не по мнѣ"... „Сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, но въ предѣлахъ приличія и чести. Петербургская холодность часто меня смущаетъ, и, къ сожалѣнію, всѣ труды и заботы въ Тобольскѣ имѣютъ здѣсь нѣсколько отрицательное значеніе. Меня не безпокоятъ запросами и объясненіями, но ни въ комъ и нигдѣ не нахожу сочувствія къ отдаленной странѣ. Здѣсь холоднѣе, чѣмъ въ Сибири"...

19-го мая, В. А. писалъ, что послѣ свиданія съ Ланскимъ онъ самъ твердо убѣдился въ желаніи министра перевести его въ одну изъ внутреннихъ губерній Россіи. Изъ письма отъ 15 іюня видно, что, по порученію министра вн. дѣлъ, В. А. составлялъ подробныя замѣчанія о расширеніи губернаторской власти. Всѣ близкіе ему люди совѣтовали не спѣшить отъѣздомъ изъ Петербурга, указывая на то, что впослѣдствіи труднѣе будетъ выбраться изъ Сибири. Замедленіе перевода происходило частью отъ свойства характера министра, который не рѣшался смѣнять дурныхъ губернаторовъ, а частью и главнѣйше отъ важ-

[1]) Часто впослѣдствіи В. А. вспоминалъ объ одномъ эпизодѣ свиданія его съ Императоромъ. Отвѣчая на разспросы о Тобольскѣ, В. А. между прочимъ сказалъ, что нигдѣ, быть можетъ, вѣсть о восшествіи на престолъ Императора Александра Николаевича не была встрѣчена съ такою глубокою радостью, какъ въ Тобольскѣ, и нигдѣ, можетъ быть, не было вознесено о немъ столько горячихъ и благодарныхъ молитвъ. Заявленіе это нѣсколько удивило Императора; тогда В. А. разсказалъ ему, что когда въ тобольскомъ соборѣ, по случаю священнаго коронованія, послѣ торжественной литургіи и при огромномъ стеченіи народа, былъ прочтенъ милостивый манифестъ, даровавшій столькимъ ссыльнымъ свободу и облегченіе судьбы, тогда всѣ находившіеся на лицо, какъ одинъ человѣкъ, упали на колѣни и долго потомъ раздавались въ соборѣ радостныя рыданія „несчастныхъ", услышавшихъ только-что слово прощенія; съ ними вмѣстѣ плакали и всѣ присутствующіе. Государь былъ видимо растроганъ, а когда въ кабинетъ вошла Императрица, онъ попросилъ В. А. повторить разсказъ при ней.

ныхъ реформъ въ управленіи по случаю предполагавшагося назначенія ген.-губернаторовъ во всей имперіи. Въ томъ же письмѣ В. А. говоритъ: „Несмотря на нерѣшительность Ланского, я, въ случаѣ неудачи въ переводѣ, не перестану его уважать и любить за доброе направленіе, гуманныя идеи и теплое расположеніе ко мнѣ. Не онъ, а обстоятельства измѣнились. Я очень доволенъ, что пріѣхалъ въ Петербургъ, осмотрѣлся, ознакомился съ новыми взглядами и силами—и готовъ возвратиться въ Тобольскъ. Въ настоящее время въ великороссійскихъ губерніяхъ будетъ очень и очень трудно; крестьянскій вопросъ чрезвычайно затруднятъ управленіе; но, по совѣсти, не должно при подобныхъ затрудненіяхъ уклоняться отъ губернаторскаго поста. Какъ бы то ни было, а я пріобрѣлъ довольно опытности и, при любви къ отечеству, надѣюсь не быть совершенно безполезнымъ, тѣмъ болѣе, что здоровье мое значительно улучшилось. Итакъ, я только въ крайнемъ случаѣ возвращусь въ Тобольскъ, а пока намѣренъ еще выжидать... Мое положеніе здѣсь очень хорошо; никакихъ обвиненій, никакихъ оправданій, репутація возвышается, и я даже опасаюсь, что общественное мнѣніе считаетъ меня болѣе способнымъ, чѣмъ я есмь въ дѣйствительности“.

Дальнѣйшія письма показываютъ, что 21 іюня упомянутая выше записка о губернаторской власти была составлена, что В. А. сидѣлъ у министра отъ 10 до $12^1/_2$ часовъ и читалъ ему записку. Министру она очень понравилась, и онъ возложилъ на В. А. составленіе соображеній противъ повсемѣстнаго назначенія генералъ-губернаторовъ и вообще о необходимыхъ внутреннихъ преобразованіяхъ въ виду готовившейся въ то время крестьянской реформы. „Не знаю, какъ Богъ поможетъ окончить это дѣло,—писалъ В. А., 24 іюня,—а только ручаюсь, что выскажу всю истину“.

Наконецъ, 9 іюля министръ внутреннихъ дѣлъ призвалъ В. А. къ себѣ, сообщилъ ему по секрету, что калужскій губернаторъ подаетъ въ отставку, и что эта губернія готовится для В. А. Въ письмѣ, отъ 15 іюля, В. А., сообщивъ, что наканунѣ этого дня Государь лично объявилъ ему въ кабинетѣ Императрицы, что переводъ его въ Калугу состоялся, говорилъ: „Мысль, что я завезъ васъ такъ далеко, начинала меня тревожить. Благодарю Бога за все, что съ нами происходитъ. Въ Калугѣ предстоитъ много затрудненій, но надѣюсь, при твоей помощи, и здѣсь уладить и кое-что сдѣлать для общей пользы. Наконецъ, вчера я былъ принятъ въ особой аудіенціи Императрицею въ Петергофѣ, на фермѣ, гдѣ все такъ просто, такъ мило, такъ се-

мейно, что дѣйствуетъ пріятно на душу и располагаетъ къ добрымъ хозяевамъ. У Императрицы я былъ болѣе часа. Она разспрашивала подробно о маріинской школѣ и женскомъ комитетѣ и о Сибири вообще. Словомъ, бесѣда не прерывалась. Я говорилъ о тебѣ, моей помощницѣ, и не могъ не отнести чести устройства школы къ твоему теплому и христіанскому направленію. Во время разговора входили великіе князья—дѣти Императрицы, въ холстяныхъ русскихъ рубашкахъ. Они входили послѣ уроковъ поцѣловать мать и объявили, что идутъ купаться. Всѣ, кажется, во время лагеря носятъ подобныя рубашки. Въ этой мелочи много добраго и человѣческаго. Императрица благодарила меня за всѣ разсказы. Бесѣда прервалась появленіемъ Императора, который вошелъ и объявилъ ей, что, кажется, пора ѣхать. Тутъ же онъ мнѣ сказалъ, что я переведенъ въ Калугу. Не описываю тебѣ подробностей разговора. Ты можешь его легко себѣ представить, тѣмъ болѣе, что я говорилъ истину. Не знаю, какое впечатлѣніе я произвелъ на Императрицу, но доброта ея пріобрѣла во мнѣ одного изъ ея усердныхъ приверженцевъ".

Такъ закончилось губернаторство В. А. въ Тобольскѣ. Семья его успѣла выѣхать изъ города только 19 августа 1858 г. Тобольскъ осиротѣлъ и осиротѣлъ надолго, жители же его и губерніи всегда вспоминали управленіе В. А. съ особеннымъ уваженіемъ, и память о немъ, какъ о любимомъ правителѣ, сохраняется и посейчасъ. Между прочимъ, любопытно заявленіе тобольскихъ жителей, напечатанное въ № 18 „Современной Лѣтописи" за 1863 г., т.-е. черезъ пять лѣтъ послѣ оставленія В. А. Арцимовичемъ тобольской губерніи.

Приводимъ это заявленіе, имѣвшее 246 подписей, дословно: „Въ № 10 „Современной Лѣтописи" (мартъ, 1863 г.) прочли мы статью калужскаго дворянина г. Потулова, составляющую, какъ бы порицаніе тѣхъ выраженій сочувствія и признательности, съ которыми провожали В. А. калужскіе купцы, мѣщане, чиновники и нѣкоторые дворяне. Въ этой статьѣ г. Потуловъ представляетъ общественному мнѣнію такія серьезныя обвиненія на В. А., на которыя ни одинъ порядочный человѣкъ, бывшій свидѣтелемъ дѣятельности г. Арцимовича, не можетъ не отозваться безъ негодованія. Г. Потуловъ, облекаясь въ роль представителя интересовъ калужскихъ дворянъ, обвиняетъ калужскую администрацію въ пристрастномъ для крестьянъ исполненіи Положеній 19 февраля 1861 г., укоряетъ ее въ дѣйствіяхъ, наносившихъ ущербъ помѣщикамъ и ободрявшихъ крестьянъ къ своевольнымъ

поступкамъ, и, въ заключеніе, очень тонкимъ образомъ подводитъ всѣхъ трудившихся по крестьянскому дѣлу въ калужской губерніи подъ категорію такихъ людей, которые, подъ личиною какого-то оригинальнаго передового образа мыслей, стараются для осуществленія своихъ идей обходить законъ произвольными лже-толкованіями, не стыдятся желать надѣлить, кого по ихъ разсчетамъ нужно, похищеніями изъ чужого достоянія, а въ довершеніе, подрывая въ народѣ уваженіе къ закону и развивая въ крестьянахъ тлетворную мысль отрицанія правъ собственности, готовятъ для отечества самую страшную будущность.

„Вѣроятно г. Потуловъ полагалъ, что его выходки и обвиненія противъ В. А. Арцимовича такъ и останутся безотвѣтными, такъ и примутся общественнымъ мнѣніемъ на́-слово. Сильно ошибся онъ. Не будучи хорошо знакомы съ ходомъ крестьянскаго вопроса въ калужской губерніи, мы не можемъ входить въ подробное разбирательство этого дѣла; мы увѣрены, что обвиненія, взводимыя г. Потуловымъ на бывшую калужскую администрацію, вызовутъ скорый отвѣтъ изъ Калуги отъ честныхъ и безпристрастныхъ людей, въ глазахъ которыхъ происходило тамъ разрѣшеніе крестьянскаго дѣла. Мы же, зная В. А. по его административной дѣятельности въ нашей губерніи, сильно сомнѣваемся въ справедливости этихъ обвиненій. В. А. Арцимовичъ вовсе не изъ числа такихъ людей, для которыхъ законъ заключается въ личномъ произволѣ. Это совершенно несообразно ни съ его образованіемъ, ни съ его убѣжденіями. Напротивъ, бывъ свидѣтелями его дѣятельности въ Тобольскѣ, мы открыто говоримъ, что В. А. всегда ставилъ законъ выше своего личнаго мнѣнія и исключительныхъ, сословныхъ интересовъ. Между тѣмъ, у насъ, при отсутствіи самаго вліятельнаго сословія, дворянъ-помѣщиковъ, представлялось очень много случаевъ для личнаго произвола. Управляя тобольскою губерніею въ продолженіе четырехъ лѣтъ, В. А. былъ для насъ добросовѣстнымъ представителемъ правительства и честнымъ гражданиномъ. Всякое правое дѣло имѣло въ немъ ревностнаго поборника; всякій невинно-угнетенный, къ какому бы сословію ни принадлежалъ, находилъ въ немъ твердаго защитника. Не нравились его дѣйствія только тѣмъ людямъ стараго закала, которые привыкли или находили для себя выгоднымъ смотрѣть на вещи такъ, какъ смотрѣли въ невозвратно минувшее время, и какъ смотрятъ нынѣ всѣ ревнители сословной исключительности въ ущербъ общему государственному интересу и вообще всѣ тѣ, которые, то низкими про-

исками и интригами, то картинами какихъ-то ужасовъ, стараются препятствовать правительству въ проведеніи благихъ реформъ.

„Прошло уже пять лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ В. А. оставилъ Тобольскъ, но мы такъ помнимъ и такъ цѣнимъ его честную дѣятельность, что не могли остаться безмолвными слушателями порицателей его достойнаго имени и сочли священнымъ долгомъ отвѣчать имъ заявленіемъ о его вполнѣ благотворной и истинно гуманной дѣятельности въ нашемъ краѣ“...

Ск—евъ.

ИЗЪ Ш. БОДЕЛЭРА

„Spleen et Idéal".

I.

РАЗБИТЫЙ КОЛОКОЛЪ.

Ненастнымъ вечеромъ, когда встаютъ невольно
Воспоминанія,—и сладко мнѣ, и больно
Внимать прошедшему, которое безъ словъ
Съ душою говоритъ подъ звонъ колоколовъ...

Блаженъ тотъ колоколъ, который чистоту
И звучность сохранилъ, какъ въ молодые годы!
Борцу подобенъ онъ, поборнику свободы,
Который бодрствуетъ на ввѣренномъ посту.

Но если въ пѣсняхъ я излить пытаюсь муки —
Разбитая душа одни глухіе звуки
Способна издавать, похожіе на стонъ
Сраженнаго бойца, когда, смертельно раненъ,
Несчастный падаетъ на землю бездыханенъ
И, всѣми брошенный, исходитъ кровью онъ!

II.

ОСЕННЯЯ МЕЛОДІЯ.

Близятся холодъ и сумракъ печальный,
Краснаго лѣта проходитъ пора;
Сердце смущая, какъ звонъ погребальный,
Слышится стукъ топора.

Злоба и холодъ съ туманомъ морознымъ...
Рѣютъ холодные, зимніе сны
Въ сердцѣ застывшемъ, багровомъ и грозномъ,
Словно свѣтило полярной страны...

Чувствомъ унынья и смутнаго страха
Каждый ударъ поражаетъ мой слухъ;
Кажется мнѣ: воздвигается плаха—
Такъ онъ тревоженъ и глухъ.

Звуки несутся протяжно, уныло...
Гробъ ли поспѣшно кому мастерятъ!?
Лѣто недолгое осень смѣнила:
Звуки о близкомъ концѣ говорятъ...

III.

ТОСКА.

Такъ много у меня въ душѣ воспоминаній,
Какъ будто я живу столѣтья—не года!

Бюро, которое повѣстками суда
И сувенирами, листочками посланій,
Стихами, счетами долговъ завалено—
Секретовъ менѣе таитъ въ себѣ оно,
Чѣмъ утомленный мозгъ, угрюмый и унылый—
Громадный мавзолей надъ общею могилой,
Гдѣ мертвыхъ столько же, какъ въ ней, погребено.

Душой подобенъ я забытому кладбищу,
Гдѣ черви жадные, отыскивая пищу,
Какъ совѣсти укоръ, подъ насыпью могилъ
Терзаютъ трупы тѣхъ, которыхъ я любилъ.

Я—старый будуаръ; въ стѣнахъ его холодныхъ,
Среди цвѣтовъ сухихъ, нарядовъ старомодныхъ,
Благоухаютъ лишь и говорятъ душѣ—
Рисунки блѣдные безсмертнаго Буше.

Ложатся медленно, какъ хлопья снѣговыя,
Тяжелые года. Подъ гнетомъ этихъ лѣтъ,
Когда ни радостей, ни любопытства нѣтъ
И въ сердцѣ замерли вопросы роковые,
Мгновенья длинными бываютъ, какъ вѣка,
И равной кажется безсмертію тоска.
Я больше не живу, не чувствую! Отнынѣ
Я—камень, древній сфинксъ! Онъ міромъ позабытъ,
И лишь съ закатомъ дня, въ безмолвіи пустыни,
Порою пѣніе изъ устъ его звучитъ.

IV.

ДОНЪ-ЖУАНЪ ВЪ АДУ.

Когда, вручивъ оболъ зловѣщему Харону,
Спускался Донъ-Жуанъ въ ладьѣ по Киѳерону —
Рукою мстительной схватился за весло
Невѣдомый старикъ—и лодку понесло.

Подъ непривѣтливымъ и мрачнымъ небосклономъ,
Какъ призраки былыхъ безчисленныхъ побѣдъ,
Толпою блѣдною, съ рыданіемъ и стономъ,
Влачились женщины его ладьѣ во слѣдъ.

Разсчета Сганарель просилъ у господина,
И обитателямъ таинственной страны
Съ укоромъ донъ-Луисъ указывалъ на сына,
Не пощадившаго отцовской сѣдины.

Въ одеждѣ траурной, забытая Эльвира,
Печальна и грустна, какъ тѣнь иного міра,
Стояла близъ него, и взоръ ея очей
Молилъ о нѣжности и ласкѣ первыхъ дней.

Виднѣлась у руля фигура командора...
Но, опираясь на мечъ блестящій свой,
Надменный Донъ-Жуанъ, не опуская взора,
Казалось, никого не видѣлъ предъ собой.

О. Михайлова.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ

ЯЗЫКОВЪ

1803 — 1846 гг.

Окончаніе *).

XX *).

Студенческая карьера Языкова въ Дерптѣ завершилась, но не мало времени прошло, пока выяснилось окончательно, что мечтѣ объ университетскомъ дипломѣ никогда не было суждено перейти въ дѣйствительность. Отвращеніе безпечнаго поэта къ серьезному систематическому труду и особенно къ формальностямъ экзамена не могло, конечно, встрѣтить одобренія со стороны родныхъ, не мирившихся съ мыслью, что ихъ любимецъ, котораго надѣялись видѣть прошедшимъ съ честью университетскій курсъ, останется въ обидномъ положеніи недоучки, ничѣмъ себя не заявивъ на поприщѣ гражданской службы. Послѣднее считалось въ тѣ времена обязательнымъ, хотя бы исполненіе гражданскихъ обязанностей было вполнѣ номинальное и ограничивалось выслугой перваго чина. „Даже почтовые смотрители принимаютъ меня за семинариста и подсмѣиваются“,—шутливо жаловался Языковъ.

Благодаря легкому сангвиническому темпераменту и широкой общительности, ему ни на чемъ не удавалось сосредоточиться;

---

*) См. выше: ноябрь, стр. 134.

даже въ мирномъ деревенскомъ уединеніи дни проходили за днями, а между тѣмъ не было и помину не только о приготовленіяхъ научныхъ, но и на литературный трудъ недоставало времени. Къ чести Языкова надо сказать, что его благородный, открытый характеръ не позволялъ ему сваливать вину на внѣшнія помѣхи, на обстоятельства и проч. Онъ часто возлагалъ, правда, неумѣренныя надежды на благопріятную обстановку и болѣе счастливое будущее, но это—обыкновенная слабость безхарактерныхъ людей, и всегда онъ признавалъ чистосердечно за собой тотъ недостатокъ, который загубилъ его молодость и талантъ. Впослѣдствіи онъ прямо говорилъ: „Вообще судьба моя, несмотря на то, что она вполнѣ отъ меня зависитъ, или оттого-то именно, чрезвычайно странна и глупа даже. Я все какъ-то не на своемъ мѣстѣ; пишу не въ привольѣ, а урывками, все надѣюсь на лучшее будущее, а оно-то какъ-то не приходитъ". Въ этихъ словахъ весь Языковъ, и факты только подтверждаютъ сдѣланную имъ себѣ характеристику. Ему всегда казалось, что счастливая обстановка должна сама втянуть его въ работу, а на собственную энергію онъ и не разсчитывалъ. Такъ было и въ то время, когда родные начали настаивать, чтобы онъ подвергся новому экзаменному искусу въ Москвѣ. Рѣшившись ѣхать, Н. М. нетерпѣливо стремится въ Москву, и то-и-дѣло торопитъ всѣхъ, отъ кого, по его мнѣнію, могла произойти задержка, чтобы скорѣе приняться за приготовленіе къ экзаменамъ. Послѣдствія показали однако, что для подобныхъ приготовленій время давно прошло. Пріѣхавъ въ Москву, Языковъ, повидимому, имѣлъ все, что ему было нужно. Онъ былъ обставленъ самыми благопріятными условіями: помѣщенъ былъ въ семьѣ Елагиныхъ, гдѣ его окружала атмосфера умственной жизни и труда, и гдѣ не было ни одного изъ соблазновъ, обуревавшихъ его въ Дерптѣ. Вѣроятно, родные его даже больше всего имѣли въ виду именно эти счастливыя условія, направляя его въ Москву, къ Елагинымъ. Но ожиданія ихъ сбылись не вполнѣ: если съ одной стороны несомнѣнно, что жизнь у Елагиныхъ оставила довольно замѣтные слѣды въ будущности поэта и притомъ наиболѣе отрадные въ сравненіи со всѣми остальными, то съ другой—нельзя не пожалѣть, что также многія надежды, возложенныя на пребываніе поэта въ этой почтенной семьѣ, оказались неосуществленными. Во всякомъ случаѣ, Н. М. вошелъ въ нее, какъ ея истинный членъ, а не какъ временно проживавшій въ ней короткій знакомый. У него на всю жизнь установились самыя задушевныя отношенія къ Елагинымъ и Кирѣев-

скимъ. У Елагиныхъ также всѣ отъ души полюбили его и „лелѣяли, какъ птенца, не допуская ни до чего дурного“; но, къ сожалѣнію, все и ограничилось здоровымъ нравственнымъ вліяніемъ; преодолѣть же неисправимую безпечность „птенца“ Елагинымъ, конечно, не удалось.

Такъ и не пришлось Языкову войти въ колею трудовой жизни, на которую онъ не вступилъ въ отрочествѣ и ранней юности...

Отсутствіе выдержки и усидчивости въ занятіяхъ сказывалось на каждомъ шагу: случайные эпизоды его жизни, самые незначительные и кратковременные, захватывали его душу настолько, что поставленная имъ себѣ главная задача заслонялась ими, и онъ уклонялся отъ нея и вправо, и влѣво. Какъ въ бытность въ Языковѣ онъ отдался-было всей душой устройству чтеній и литературныхъ вечеровъ, въ интересахъ развитія своей младшей сестры, собирался даже, отстранивъ неудовлетворявшихъ его гувернеровъ-французовъ, посвятить ея образованію собственный трудъ, чего, конечно, никогда не выполнилъ,—такъ и въ Москвѣ его интересы всего чаще опредѣлялись случайно складывавшимися обстоятельствами. Онъ принималъ участіе вмѣстѣ съ Вяземскимъ, Пушкинымъ и Баратынскимъ въ литературной „тризнѣ“ по Дельвигѣ, но отказался отъ изданія въ память покойнаго „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“, потому что, по его откровенному признанію, „онъ не можетъ рѣшиться ни на что рѣшительное“; занимался одно время со страстью изученіемъ пламенно превозносимой имъ гомеопатіи, для чего переводилъ даже книги съ нѣмецкаго языка (сочиненія Ганемана); наконецъ, много труда посвятилъ дѣйствительно полезному дѣлу собиранія народныхъ пѣсенъ для сборника П. В. Кирѣевскаго и съ восторженнымъ сочувствіемъ относился къ судьбѣ журнала И. В. Кирѣевскаго „Европеецъ“. Но всегда и во всемъ оставался талантливымъ, пылкимъ и безпорядочнымъ дилеттантомъ. Дарованія поэта внушали къ нему уваженіе, и это составляло для него достаточное нравственное удовлетвореніе. Братъ его, Александръ Михайловичъ, писалъ о немъ Прасковьѣ Михайловнѣ Бестужевой: „На счетъ Весселя“ (шутливое прозваніе, данное родственниками Н. М., подобно тому какъ братъ его Александръ назывался Дюкъ, Прасковья Михайловна — Пикоть, а Екатерина Михайловна—Котелъ) „ты можешь быть покойна: онъ—въ хорошихъ рукахъ. Литераторы также съ нимъ познакомились, уважаютъ его; словомъ, онъ можетъ проводить свое время пришѣваючи, если кончитъ экзамены и усмотритъ за собой въ этомъ отно-

шеніи". Но этому-то именно и не суждено было исполниться. Черезъ нѣсколько времени братья уже и сами убѣдились, повидимому, въ несбыточности своей завѣтной мечты объ окончаніи имъ курса, и стали опасаться за него, чтобы „въ коварной Москвѣ его не изловили и не проэкзаменовали сперва въ сердечныхъ чувствованіяхъ", потому что онъ, „по всему замѣтно, склоненъ къ семейной жизни и скоро совьетъ себѣ гнѣздо". Одинъ изъ нихъ собирался даже, уѣзжая изъ Москвы, „оставить въ ней корреспондентовъ", потому что „чуть что опять, придется скакать выручать его".

О томъ, какъ Н. М. проводилъ свое время въ Москвѣ, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ.

Едва онъ пріѣхалъ изъ Языкова, какъ былъ уже сильно занятъ неожиданно представившимся случаемъ побывать въ Троицкой Лаврѣ, хотя и здѣсь, кажется, на первомъ планѣ было не столько религіозное побужденіе, сколько перспектива пріятной прогулки въ дружескомъ обществѣ.

Всѣ подобныя отсрочки экзаменныхъ занятій, вмѣсто бодрости и обновленія силъ послѣ отдыха, приносили ему только новое разслабленіе, потому что трудовая чаша казалась еще болѣе горькою послѣ пріятно проведеннаго времени. Какъ легкомысленный ребенокъ, Языковъ радовался каждому извѣстію, подававшему такъ или иначе надежду на освобожденіе отъ гнетущаго экзаменнаго кошмара. Вернувшись отъ Троицы, онъ по своему обычаю чистосердечно признается брату Александру: „Я досталъ тетради здѣшнихъ студентовъ и начинаю читать ихъ съ сокрушеннымъ сердцемъ—голый вздоръ! Кстати: здѣсь прошелъ съ большимъ вѣроятіемъ слухъ, что, дескать, чины уничтожены. Напиши мнѣ, что это значитъ: кого это освобождаютъ и отъ какихъ причинъ, и не освобождаютъ ли нашу братію отъ труда приготовляться къ экзамену. Дай-то Богъ"!

XXI.

Неизвѣстно, сколько времени продлилось бы это неопредѣленное положеніе Языкова, еслибы не случилось событіе, потрясшее всю Россію, а въ данномъ случаѣ помогшее разрубить Гордіевъ узелъ. Появленіе въ Москвѣ въ первый разъ азіатской холеры, застигшей врасплохъ самыхъ опытныхъ представителей медицины, навело панику на все населеніе; обычныя занятія

были забыты, и разрушились многіе планы и не такихъ неустойчивыхъ людей, какъ Языковъ.

Всеобщіе помыслы были устремлены на принятіе предупредительныхъ мѣръ противъ непрошенной гостьи. Погодинъ принялся издавать бюллетени о санитарномъ состояніи Москвы.

Языковъ только-что передъ тѣмъ провозился цѣлое лѣто съ хлопотами по полученію изъ Дерпта свидѣтельства о слушаніи имъ лекцій въ тамошнемъ университетѣ, для того чтобы пріобрѣсть право на испытаніе въ московскомъ. Вслѣдствіе тяжелой болѣзни ректора Эверса, который Языкова зналъ лично и подалъ-было ему надежду на успѣхъ, дѣло затянулось, но, благодаря ходатайству Авдотьи Петровны Елагиной (черезъ ея родственника профессора Мойра) вожделѣнное свидѣтельство было наконецъ получено. Елагины вскорѣ уѣхали изъ Москвы въ свое имѣніе, и Языковъ остался одинъ въ ихъ домѣ, вполнѣ гарантированный, казалось бы, отъ какихъ бы то ни было развлеченій въ опустѣвшей Москвѣ.

Холера, правда, пощадила поэта, и онъ отдѣлался только страхомъ, но зато она отвлекла отъ него всякій контроль, а вскорѣ по минованіи ея на него обрушились одинъ за другимъ и по нѣскольку сразу самые разнообразные недуги, не переставшіе его упорно преслѣдовать: онъ часто страдалъ отъ простудъ (особенно отъ лихорадки, головныхъ болей), также отъ солитера, мучившаго его многіе годы, отъ лома въ ногѣ, и наконецъ, отъ одной ужасной и изнурительной болѣзни, сильно пошатнувшей его и безъ того надломленное здоровье. „Укатали сивку крутыя горки"!—говорилъ онъ по этому поводу. Подъ вліяніемъ этихъ печальныхъ обстоятельствъ мысль объ экзаменѣ была наконецъ оставлена навсегда.

Въ началѣ 1831 года, Н. М. писалъ брату: „Въ концѣ будущаго февраля надѣюсь переѣхать отъ Елагиныхъ; не знаю, буду ли дѣлать то, для чего я въ Москвѣ, но навѣрное стану писать стихи, а это все-таки больше, нежели ничего не дѣлать"; а въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ уже прямо объявляетъ: „вотъ что мнѣ хочется сдѣлать съ самимъ собой: отложить попеченіе объ экзаменѣ, потому что, кажется, пора назвать глупыми мои толки объ немъ и сборы къ нему, и опредѣлиться здѣсь куда-нибудь, хоть въ архивъ, примѣрно на годъ, прожить этотъ годъ въ стихописаніи, а потомъ, получивъ чинъ, переселиться въ деревню, въ глушь заволжскую, и вести жизнь тихую, трудолюбивую и, слѣдственно, благородную и прекрасную". Языковъ надѣялся, что случай доставитъ ему мѣсто въ архивѣ, подъ

начальствомъ Малиновскаго, весьма добродушнаго, но настолько дряхлаго старика, что онъ упорно смѣшивалъ своего молодого знакомаго и постояльца (Языковъ переселился на квартиру, находившуюся въ его домѣ) съ его однофамильцемъ, прежнимъ своимъ пріятелемъ, извѣстнымъ Д. И. Языковымъ, при чемъ наивно удивлялся его моложавостя и такъ поздно пробудившейся въ немъ охотѣ къ поэзіи. Служба въ архивѣ была бы вполнѣ номинальная и никакихъ занятій по должности не требовалось, но оказалось, что для полученія ея Языкову недоставало бездѣлицы: туда принималась чиновники не иначе, какъ по именному повелѣнію. Пришлось искать другой службы, но нашлась и еще синекура—въ межевой канцеляріи, гдѣ его предшественникъ, поэтъ Е. А. Баратынскій, по словамъ Языкова, лишь однажды явился на мѣсто служенія—для принесенія присяги. Говоря объ этой службѣ, Языковъ не безъ удовольствія прибавлялъ, что „теперь онъ можетъ бездѣйствовать уже по праву“, и не мало шутилъ надъ ней въ своей перепискѣ съ братьями, сообщая, напр., что онъ былъ съ визитомъ у начальника въ праздничный день и, слѣдовательно, исполнилъ гражданскій долгъ.

Николай Михайловичъ, пріѣхавъ въ Москву, и еще раньше въ Языковѣ, возлагалъ большія надежды на Погодина и своего дерптскаго товарища Петерсона, въ смыслѣ возбужденія въ немъ энергіи и серьезнаго интереса къ наукѣ. Но послѣдній скоро получилъ мѣсто въ Одессѣ при графѣ Воронцовѣ, а вліяніе перваго не могло быть дѣйствительно уже потому, что Н. М. слишкомъ ясно видѣлъ и понималъ недостатки Погодина, какъ ученаго, и, несмотря на свое расположеніе къ нему, не могъ закрывать глаза на его слабыя стороны [1]).

---

[1]) Въ письмахъ его разсѣяно не мало довольно забавныхъ и мѣткихъ остротъ, прекрасно характеризующихъ Погодина. Языковъ сошелся съ молодымъ ученымъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву и полюбилъ его, предпринимая съ нимъ экскурсію по окрестностямъ столицы (напр., въ Новый Іерусалимъ, въ Никонову пустынь и проч.); онъ склонялъ его даже потомъ къ сожительству въ Языковѣ и проч. Но, уважая Погодина, какъ трудолюбиваго историка, Языковъ не могъ въ душѣ не смѣяться надъ его упорнымъ стремленіемъ пробраться на Парнассъ, да и о профессорствѣ послѣдняго доходили до него невыгодные отзывы студентовъ, изъ которыхъ можно было заключить, что Погодинъ „мало занимается своей каѳедрой“. Когда Погодинъ прочелъ въ домѣ Елагиныхъ свою трагедію „Марѳа“, то Языкову сразу выяснилось, какой непростительный промахъ дѣлалъ его пріятель, пренебрегая своими спеціальными занятіями, которыми могъ бы много приносить пользы, для безплодныхъ упражненій въ несродной ему сферѣ поэзіи. „Онъ похищаетъ у слушателей золото, для того, чтобы кормить своихъ читателей навозомъ“, повторялъ о немъ слышанное мнѣніе Языковъ.

XXII.

Такъ какъ Языковъ, по своей натурѣ, никогда не могъ всецѣло погрузиться въ предметъ своихъ занятій, какихъ бы то ни было, не исключая самой поэзіи, то письма его раскрываютъ намъ преимущественно литературныя отношенія и его личную жизнь. Онъ часто говоритъ о литературныхъ новостяхъ и особенно о Пушкинѣ [1]), который въ 1830 г. не разъ пріѣзжалъ въ Москву передъ женитьбою, нерѣдко навѣщалъ Языкова и умѣлъ привязать къ себѣ и его близкихъ. Уже въ началѣ 1830 года Александръ Михайловичъ Языковъ писалъ о немъ своей сестрѣ: „Пушкинъ у Весселя часто бываетъ; онъ очень забавенъ и доставляетъ намъ большое удовольствіе". Въ письмахъ Н. М. Языкова то-и-дѣло встрѣчаются краткія извѣстія о Пушкинѣ, въ родѣ слѣдующихъ: „Пушкинъ ускакалъ въ Петербургъ, печатать Годунова"; или: „18 числа сего мѣсяца (февраля), совершилось бракосочетаніе. Говорятъ, совершенство красоты. Когда

[1]) Но отзывы Языкова о Пушкинѣ, какъ о писателѣ и человѣкѣ, все еще поражаютъ насъ нѣкоторой рѣзкостью. Къ болѣе благопріятнымъ, сравнительно, можно отнести слѣдующій: „Видѣлъ ли ты, — пишетъ Языковъ брату Александру Михайловичу, — въ „Телескопѣ", № 13, „Торжество дружбы, или оправданный Александръ Анфимовичъ Орловъ"? Это—статья Пушкина. Не правда ли, что очень зла и смѣхотворна; жаль только, что въ ней не вездѣ соблюденъ одинъ ладъ зубоскальства". „Повѣсти Бѣлкина" не понравились Языкову: „Какъ тебѣ нравятся Повѣсти Бѣлкина? —спрашивалъ онъ брата,—мнѣ такъ не очень. „Выстрѣлъ" и „Барышня-Крестьянка" лучше прочихъ, а прочія не стоятъ письма, а тѣмъ паче—печати". Съ неполнымъ одобреніемъ относился Языковъ и къ трагедіи „Борисъ Годуновъ", и къ историческимъ трудамъ Пушкина: „Годуновъ раскупается слабо. Пушкинъ точно издалъ его слишкомъ и слишкомъ поздно. Добро бы хоть въ эти пять лѣтъ поправлялъ его, а то все прежнее и все не то, чего ожидать слѣдовало". Въ другой разъ мы читаемъ у него такія строки: „Неправда, что Пушкинъ сдѣланъ исторіографомъ Петра: онъ получилъ только позволеніе отъ государя рыться въ архивахъ и библіотекахъ. Въ Москвѣ прибавляютъ вѣчно втрое. Пушкинъ только и говоритъ, что о Петрѣ, котораго не возлюбляетъ. Онъ много, дескать, собралъ и еще соберетъ новыхъ свѣдѣній для своей исторіи, открылъ, сообразилъ, освѣтилъ и проч. Стиховъ, кажется, написалъ не много. Сказки его, насколько могу судить объ нихъ по нѣскольку стиховъ, имъ читанныхъ, далеко отстали отъ Жуковскаго: это не его родъ. У Жуковскаго, точно, неподражаемое искусство разсказывать просто и поэтически приключенія самыя простыя. Въ одномъ изъ первыхъ № „Европейца" будетъ его сказка о мышахъ и лягушкахъ: какъ все въ ней прекрасно; вообще, чудо нашей словесности. Пушкинъ сегодня отправился въ Питеръ. Между нами будь сказано, онъ пріѣзжалъ сюда по дѣламъ не чисто литературнымъ, или, лучше сказать, не за дѣломъ, а для картежныхъ сдѣлокъ и находился въ обществѣ самомъ мерзкомъ. Это всегда бываетъ съ нимъ въ Москвѣ; въ Петербургѣ онъ живетъ опрятнѣе. Видно, не права пословица: „женится—перемѣнится".

увижу ее, опишу тебѣ ее съ ногъ до головы. Наканунѣ у Пушкина былъ дѣвишникъ, такъ сказать, или, лучше сказать, пьянство—прощальное съ холостой жизнью".

Въ этотъ періодъ Языковъ началъ уже помышлять о перемѣнѣ направленія своей поэтической дѣятельности и о приготовленіи къ печати полнаго собранія своихъ сочиненій. Съ этой цѣлью онъ начинаетъ довольно усердно читать „Христіанское Чтеніе", Библію и другія книги религіознаго содержанія. Неудовлетворенный своей прежней поэтической дѣятельностью, которая, по его сознанію, такъ нескромна, что не всегда годится для дамъ, и еще болѣе своей недѣятельностью, Языковъ задается двумя цѣлями на 1832 годъ: во-первыхъ, написать не менѣе 2.000 стиховъ (такое оригинальное назначеніе количества стиховъ зависѣло отъ заклада, которымъ Н. М. хотѣлъ заставить себя работать); во-вторыхъ, измѣнить содержаніе своей поэзіи.

Изданіе стихотвореній было поручено въ Петербургѣ Комовскому, а самъ Н. М. Языковъ началъ собираться домой, по усиленному зову своихъ. Еще со второй половины 1831 года, у него стала являться эта мысль, о чемъ онъ велъ уже довольно продолжительную переписку съ родными. Но поѣздка не могла долго состояться, потому что онъ непремѣнно хотѣлъ дождаться пріѣзда за нимъ изъ Уфы брата Александра Михайловича, жившаго недалеко отъ этого города, тогда еще оренбургской губерніи, въ принадлежащемъ Языковымъ помѣстьѣ. На сборы ушло больше года, и Н. М-чу пришлось оправдываться передъ родными: „Не думайте, что мое обѣщаніе свидѣться съ вами наступившей весной есть аллегорія, или китайская тѣнь, или кимвалъ бряцающій"!.. Передъ оставленіемъ Москвы, Н. М-чу пришлось пережить довольно крупное событіе, случившееся съ его другомъ И. В. Кирѣевскимъ, именно запрещеніе издаваемаго имъ журнала „Европеецъ". Въ судьбѣ этого журнала онъ принималъ самое живое, горячее участіе. Въ своихъ письмахъ онъ постоянно говоритъ о будущемъ направленіи журнала, предсказываетъ ему блестящую будущность и даже старается побудить братьевъ написать для редакціи интересныя и дѣльныя статьи. Но въ началѣ 1832 года печальная судьба постигла журналъ „Европеецъ": статья издателя о „Горѣ отъ ума" вооружила противъ него многихъ москвичей, и кончилось тѣмъ, что высшая власть запретила изданіе по подозрѣнію,—будто въ журналѣ заключались неблагонамѣренныя идеи, особенно въ статьѣ: „XIX вѣкъ"; что будто слово просвѣщеніе было употреблено въ смыслѣ *свобода*; *искусное отысканіе середины*—вмѣсто конституція, и что

подъ нѣмцами въ статьѣ разумѣлись именно нѣмцы остзейскаго края. Постановлено—журналъ запретить, а цензора, пропустившаго статьи С. Т. Аксакова, посадить на гауптвахту. Кирѣевскій же, по словамъ Языкова, былъ посаженъ въ крѣпость.

Н. М. принималъ довольно дѣятельное участіе и въ собираніи народныхъ пѣсенъ для П. В. Кирѣевскаго, и поручалъ съ этой цѣлью записывать пѣсни не только своимъ братьямъ, но и младшей сестрѣ, Екатеринѣ Михайловнѣ, тогда еще почти дѣвочкѣ, и, наконецъ, управляющему Языковскимъ имѣніемъ, Балдову.

XXIII.

Вернувшись въ Языково, Н. М. очутился въ родственной домашней средѣ, и проводилъ время въ посѣщеніи сосѣдей и знакомыхъ, ѣздилъ въ губернскій городъ на ярмарку, и т. д. Онъ долго ждалъ съ нетерпѣніемъ выхода своихъ стихотвореній. Получивъ ихъ, онъ былъ чрезвычайно доволенъ тщательнымъ исполненіемъ издательскаго труда Комовскимъ. „Великолѣпно убранную книжицу трудовъ моихъ отсылаю къ Комовскому, совершившему дѣло изданія отчетливо и красиво, достохвально и совершенно“, писалъ онъ. Нѣкоторое время послѣ этого Н. М. былъ сильно занятъ разсылкой въ подарокъ своихъ произведеній и чтеніемъ рецензій въ журналахъ, изъ которыхъ иные отнеслись къ нему не совсѣмъ благосклонно. Онъ не совсѣмъ оставилъ и собираніе пѣсенъ: „Я сношусь по сей части съ Петромъ Кирѣевскимъ. Трудно—и слава Богу, что трудно—найти на Руси человѣка, могущаго столь добросовѣстно заняться распорядкомъ нашего и своего собственнаго труда сего, какъ сей Петръ Кирѣевскій. Онъ самъ Петръ, и на семъ камени должна соорудиться церковь, нами приготовляемая [1]).

Чѣмъ дольше жилъ Языковъ въ деревнѣ, тѣмъ глубже и сильнѣе погружался въ тѣсную сферу мирной семейной обстановки. Теперь, можно сказать, сбылась его давняя завѣтная мечта, которую онъ лелѣялъ съ раннихъ дней своей юности: онъ

[1]) По поводу литературныхъ отношеній Языкова, не лишне будетъ, между прочимъ, отмѣтить одинъ фактъ, показывающій, до какой степени его именемъ дорожили журналисты и „альманашники“: даже во время самаго разгара холеры въ 1830 году, они слали ему со всѣхъ концовъ обширной Россіи просьбы и приглашенія принять участіе въ ихъ изданіяхъ. „Почти ежедневно получаю я письма отъ альманашниковъ, а стиховъ у меня покуда нѣтъ ни строки, и писать ихъ, само собою разумѣется, невозможно, потому что вообще ничего дѣлать невозможно во время безпокойствъ душевныхъ, которымъ нѣтъ подобныхъ, и не дай Богъ, чтобы были“.

могъ безмятежно наслаждаться счастливой, хотя и однообразной жизнью, посвященной въ значительной степени чтенію и отчасти поэтическому творчеству, время отъ времени освѣжаясь и развлекаясь пріемомъ гостей и разъѣздами къ родственникамъ по ближнимъ деревнямъ; онъ особенно часто посѣщалъ Реньевку, Елань, Анненково, или ближайшіе губернскіе города (Симбирскъ, Пензу). Въ этой заволжской глуши ему было привольно и по душѣ [1]). Особенно часто видѣлся онъ съ братомъ Петромъ М., на отвѣтственности котораго лежали главнѣйшія хозяйственныя заботы и вообще завѣдываніе дѣлами Языковыхъ, и который былъ, такимъ образомъ, какъ бы главой семьи не только по старшинству, но и по значенію своему для другихъ братьевъ и сестеръ. П. М. нерѣдко живалъ и вмѣстѣ съ Н. М. въ Языковѣ, но чаще онъ отправлялся куда-нибудь по дѣламъ съ своимъ управляющимъ, Балдовымъ, ѣздилъ въ Симбирскъ на выборы, на праздники и т. п. Изъ другихъ родственниковъ Н. М. особенно частыя сношенія имѣлъ съ П. А. Валуевымъ. Съ обоими этими родственниками онъ предпринималъ по нѣскольку разъ въ годъ поѣздки на славившуюся въ окрестностяхъ корсунскую ярмарку, которая привлекала обыкновенно даже жителей губернскаго города. Съ нѣкотораго времени Н. М. сталъ посвящать усиленныя заботы своей младшей сестрѣ, Екатеринѣ Михайловнѣ. Какъ нѣкогда онъ давалъ совѣты, касающіеся чтенія, другой сестрѣ своей, Прасковьѣ Михайловнѣ, такъ теперь настала очередь Екатерины Михайловны. Любопытны старанія Н. М. во что бы то ни стало отговорить сестеръ отъ чтенія нѣкоторыхъ безсодержательныхъ, фривольныхъ произведеній французской беллетристики, причемъ особенно онъ вооружался противъ Евгенія Сю, и совѣтовалъ вмѣсто этого читать романы Вальтеръ-Скотта и произведенія еще недавно выступившаго тогда на литературное поприще Гоголя. „Гоголь,—писалъ онъ,—вамъ, вѣ-

---

[1]) Добрая душа Н. М. Языкова, во время его пребыванія въ Москвѣ, проявилась особенно въ слѣдующемъ благородномъ поступкѣ: когда онъ узналъ, что его слуга Иванъ Чухломскій не можетъ жениться на любимой дѣвушкѣ, потому что она, будучи свободною, страшится выйти замужъ за крѣпостного, то онъ съ своей стороны употребилъ всѣ усилія, чтобы склонить братьевъ сдѣлать доброе дѣло — отпустить слугу на волю, и заботился о томъ, чтобы поскорѣе была выдана отпускная. При всей своей безхарактерности, онъ добился желаемаго, хотя и подвергся со стороны братьевъ упрекамъ, которые онъ перенесъ съ замѣчательнымъ смиреніемъ, какъ показываютъ слѣдующія строки его отвѣта одному изъ нихъ: „Все, что ты писалъ о Чухломскомъ, совершенная правда: отпустивъ его на волю, я сдѣлалъ глупость. Дай Богъ только, чтобы она была послѣдняя или недалекая отъ послѣдней“.

роятно, понравится: это человѣкъ съ талантомъ первоклассным; обратите особенное вниманіе на „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“: что̀ это за прелесть“!

Заботясь о литературномъ образованіи своей сестры, Н. М. настойчиво совѣтовалъ ей вести подробный дневникъ, при чемъ требовалъ самаго добросовѣстнаго и внимательнаго отношенія къ ежедневно записываемымъ фактамъ; по его мнѣнію, эти упражненія должны были доставить ей случай развить ея стиль и полезнымъ образомъ занять ея умъ. Вотъ почему онъ желаетъ, чтобы она постоянно посвящала этому занятію извѣстную часть времени. По его словамъ, „писать журналъ (такъ называлъ онъ ея дневникъ) всегда полезно, какъ занятіе литературное. Пусть присылаетъ его намъ: мы будемъ сочинять замѣчанія и сообщать ихъ, и такъ у насъ завяжется пріятный споръ, обмѣнъ мыслей, литературная переписка“. Дневникомъ сестры и обнаруживаемыми въ немъ задатками, ея способностями, онъ былъ вообще доволенъ; но зато ему нерѣдко случалось дѣлать выговоры и упреки сестрѣ по другимъ поводамъ, особенно за небрежное обращеніе съ книгами. Будучи человѣкомъ крайне невзыскательнымъ и добродушнымъ, Н. М. Языковъ не могъ выносить одного—неуваженія, хотя бы только внѣшняго, къ книгамъ. Такъ же, замѣтимъ кстати, былъ онъ строгъ и къ литературной отдѣлкѣ своихъ и чужихъ произведеній, и не безъ основанія противопоставлялъ себя Погодину, говоря, что послѣдній пишетъ много и на̀скоро, а ему стихи даются не даромъ. Вотъ какъ онъ жаловался на небрежность къ книгамъ Екатерины Михайловны: „Котелъ чрезвычайно вѣтренно обходится съ книгами: ни мало ихъ не уважаетъ. Послѣ насъ въ Симбирскѣ остались въ шкапикахъ и подъ зеркаломъ французскіе лексиконы, что̀ я ему подарилъ, и теперь пріѣхала въ Языково съ книгами **, брошенными своей настоящей хозяйкой. Можно быть забывчиву и разсѣянну, да ужъ не на эту стать: это изъ рукъ вонъ“! Заботился Н. М. о здоровьѣ своей сестры: одно время до замужества ее мучила какая-то неопредѣленная боль въ боку и въ поясницѣ, которую она затруднялась растолковать врачамъ. Н. М. совѣтовалъ ей испробовать любимое его леченіе гомеопатіей, даже выписалъ для этого (а также и для совѣта о собственномъ нездоровьѣ) извѣстнаго въ то время пензенскаго доктора Петерсона, и убѣждалъ Прасковью Михайловну внимательно слѣдить за ходомъ болѣзни и не позволять сестрѣ пренебрегать серьезнымъ леченіемъ.

XXIV.

Въ серединѣ 1835 года добрыя отношенія Н. М—ча къ сестрамъ, повидимому, нѣсколько поколебались: между ними возникли небольшіе споры и несогласія, скоро, правда, прекратившіеся, но поразительные именно по своему несоотвѣтствію съ всегдашними ихъ безусловно родственными взаимными симпатіями и отношеніями. Намъ нѣтъ нужды останавливаться подробно на этихъ чисто семейныхъ дѣлахъ; ограничимся только замѣчаніемъ о томъ, что Н. М—ча нѣсколько затронули за живое жалобы обѣихъ сестеръ на брата Александра Михайловича за его мнимую „холодность“ и безучастіе къ ихъ интересамъ. Все дѣло было слѣдствіемъ утомленія обѣихъ сестеръ монотонной жизнью въ селѣ Реньевкѣ, гдѣ ихъ давила скучная, замкнутая обстановка, особенно мало удовлетворявшая младшую сестру, Екатерину Михайловну, которая была еще совсѣмъ молодой дѣвушкой, и лучшіе годы которой протекали въ глуши. Ее влекло въ столицу, ей хотѣлось увидѣть свѣтъ, и отсюда происходило недовольство своей участью и жалобы на непривлекательное положеніе, въ которомъ она находилась. Какъ любящій братъ, Николай Михайловичъ не остался равнодушнымъ къ жалобамъ сестры, и съ тѣхъ поръ у него запало искреннее желаніе доставить ей возможность пожить немного въ столицѣ, освѣжиться новыми впечатлѣніями и вынести изъ этой поѣздки много полезнаго и поучительнаго. Самое стремленіе сестры побывать въ Москвѣ было ему, любившему этотъ городъ, весьма симпатично; но, съ другой стороны, нѣсколько неосторожныхъ словъ, сказанныхъ сестрой о братѣ Александрѣ Михайловичѣ, онъ горячо принялъ къ сердцу. И здѣсь-то, единственный разъ во всей его перепискѣ, мы видимъ слѣды нѣкоторой досады и раздраженія; такъ, напр., на слова сестры, что она „предчувствуетъ, что ей предстоитъ, много слезъ“, онъ рѣзко отвѣтилъ: „Разумѣется, и я увѣренъ, что это предчувствіе сбудется, если за многія твои слезы, такъ часто доселѣ проливаемыя по пустякамъ, Господь не даровалъ тебѣ ни капли благоразумія“. Н. М—чъ былъ недоволенъ также мечтательностью сестры и ея склонностью къ грусти. „Признаюсь вамъ, мои милыя, — говорилъ онъ:—я сердечно люблю шутки; да и стихи тоже гласятъ:

„Кто морщится, вздыхаетъ,
Вѣчно смотритъ сентябремъ,
Тотъ науки жить не знаетъ
И не видитъ свѣта днемъ“.

Вскорѣ мысль Н. М-ча отправить сестеръ въ Москву была осуществлена, къ общему счастью всей семьи. Письма ихъ съ этихъ поръ снова проникнуты самымъ горячимъ родственнымъ чувствомъ. Н. М. проситъ ихъ какъ можно чаще писать о себѣ, разсказывать о мельчайшихъ подробностяхъ жизни въ Москвѣ, такъ, чтобы ему самому казалось, что онъ на нѣкоторое время перенесенъ туда. Не совѣтуя имъ часто бывать на балахъ и маскарадахъ, потому что „каждый изъ нихъ похожъ на всѣ остальные“, онъ рекомендуетъ заняться внимательнымъ осмотромъ московскихъ достопримѣчательностей. Совѣты его были приняты къ свѣдѣнію и постепенно исполнялись, но проходили мѣсяцы, и Н. М. начиналъ тосковать по сестрамъ, въ каждомъ письмѣ звалъ ихъ назадъ въ родные края. Онъ ждалъ ихъ къ зимѣ, къ масляницѣ, къ казанской ярмаркѣ, и чрезвычайно удивлялся, что онѣ не пріѣхали и къ великому посту, когда зимній сезонъ къ Москвѣ заканчивается. Но вдругъ онъ получаетъ радостную вѣсть о томъ, что Екатерина Михайловна помолвлена за Алексѣя Степановича Хомякова. Восторгъ его былъ безпредѣльный, но о немъ можетъ дать понятіе только одно изъ подлинныхъ писемъ:

Апрѣля 24-го дня 1836 года.

„Не знаю, какъ выразить тебѣ радость, которая во мнѣ кипитъ и бушуетъ, когда я читаю и перечитываю теперешнія твои письма. Эта радость такъ сильна и дѣйствительна, что я не могу ничего дѣлать, ничто на умъ нейдетъ: весь я занятъ тобою; всѣ мои помыслы слились въ одну благодарственную молитву Богу — и предметъ этой радости ты, моя милая, добрая моя, голубица моя!

„И всѣ наши такъ веселы, такъ игривы и бодры, и все это ты, все это оживилось тобою, твоимъ счастьемъ. И за все это ты должна благодарить Наталью Алекс., — не подымись она въ Москву, вы бы просидѣли въ Реньевкѣ: Пикоть одна бы не поѣхала, и проч.“.

На вопросы сестры, пріѣдетъ ли онъ въ Москву, Языковъ отвѣчалъ ей: „Это письмо застанетъ васъ возвращающимися изъ путешествія въ Троицкую Лавру: благословляю этотъ богоугодный вашъ подвигъ! Какъ понравилось всѣмъ вамъ это мѣсто? Я очень люблю его; самъ непремѣнно съѣзжу, когда я буду въ Москвѣ. А когда буду я въ Москвѣ? Вѣдь я буду же, моя милая, и, конечно, веселъ, какъ никогда нигдѣ не бывалъ въ трезвомъ видѣ“.

Другой сестрѣ, Прасковьѣ Михайловнѣ, онъ писалъ около

того же времени: „Вотъ видишь ли, моя милая Пикоть, что ты хорошо сдѣлала, что въ Москву поѣхала... таки поѣхала. У тебя сердце—вѣщунъ! Помнишь ли ты, какъ писала мнѣ, что полюбила Алексѣя Степановича, только-что увидѣла его? Итакъ, ты рада счастью нашей К., а я и не знаю, какъ благодарить тебя! А она сама такъ счастлива, такъ счастлива, что я каждый день перечитываю ея письма: такъ они милы, свѣжи, полны душою и душою Катюши. Это просто прелесть. Ей-Богу она стоитъ своего счастья".

И долго сознавался послѣ этой радости Н. М., что ничѣмъ не можетъ заняться, не можетъ писать стиховъ, ни о чемъ думать, какъ только объ этой свадьбѣ, тѣмъ болѣе ему пріятной, что онъ еще раньше хорошо зналъ и уважалъ А. С. Хомякова.

XXV.

Благоденствіе и счастливое настроеніе духа Н. М. продолжалось только до осени, съ наступленіемъ которой къ нему возвратились его недуги, заставившіе его подумать о поѣздкѣ по первому пути въ Москву или Петербургъ. Какъ ни откладывалъ онъ отъѣздъ, но вскорѣ выяснилось, что оставаться безъ правильнаго, систематическаго леченія ему было совершенно невозможно. Болѣзней у него было нѣсколько; въ томъ числѣ онъ жаловался на солитера и на завалы; кромѣ того, у него подозрѣвали болѣзнь спинного мозга и „первоначальныхъ" мускуловъ. Всѣ эти болѣзни дѣлали такіе быстрые успѣхи, что по неволѣ заставили обратить на нихъ серьезное вниманіе: Н. М. не могъ уже прямо ходить, и даже писаніе писемъ стало для него скоро непосильнымъ бременемъ, такъ что онъ былъ вынужденъ ограничиваться нетвердою подписью, которую дѣлалъ собственноручно въ концѣ продиктованныхъ писемъ [1]). Такимъ образомъ, только-что расположившись прочно устроиться въ любимомъ деревенскомъ уголкѣ, онъ долженъ былъ собираться въ Москву посовѣтоваться о своемъ положеніи съ Хомяковымъ, котораго мнѣнія во всемъ онъ ставилъ очень высоко, а если оказалось бы нужнымъ, то и остаться лечиться у Швейкерта.

[1]) Приводимъ здѣсь нѣсколько строкъ изъ письма Н. М. Языкова о смерти Пушкина: „И здѣсь надѣлала многу шуму смерть Пушкина, столь жалко погибшаго отъ руки подлаго нѣмчурки! Собираются и еще соберутся служить по немъ панихиду". Онъ писалъ также братьямъ, что въ Симбирскѣ ходило много бумагъ о смерти Пушкина, которыя онъ обѣщалъ впослѣдствіи сообщить имъ.

Проходитъ еще нѣсколько дней, и вопросъ о поѣздкѣ въ Москву является дѣломъ рѣшеннымъ. Н. М-ча начинаетъ сильно безпокоить переправа черезъ рѣки въ неудобное для этого время года (въ началѣ весны). Онъ не перестаетъ съ безпокойствомъ освѣдомляться объ очищеніи отъ льда Волги, Свіяги, Суры и проч. Мысль его всецѣло поглощена сборами въ дальній путь: „Въ Москву беру съ собой одного человѣка, за мной поѣдетъ цѣлый обозъ; придется взять кого-нибудь изъ стариковъ; можетъ быть, нужно будетъ захватить и повара; придется жить своимъ домомъ, чтобы все было въ порядкѣ“. Спутниками Н. М. въ поѣздкѣ въ Москву были его родственникъ П. А. Бестужевъ и П. В. Кирѣевскій, заботливо и самоотверженно ухаживавшіе за нимъ во все время дороги. Они пустились въ путь, какъ только прибыла давно ожидаемая имъ карета для предстоящаго путешествія и было получено извѣстіе о возможности проѣзда черезъ рѣки; путники спѣшили тѣмъ болѣе, что препятствія заставили ихъ и безъ того много промѣшкать. „Балдовъ пишетъ, что раньше апрѣля ѣхать невозможно, а Петръ Васильевичъ такъ и кипитъ нетерпѣніемъ“, — высказывалъ свои затрудненія Н. М. еще во время разлива рѣкъ, а когда онъ собрался, наконецъ, выѣзжать, „вдругъ сиверка пошла и остановила насъ, и самъ Петръ Васильевичъ оробѣлъ: онъ никогда не видывалъ этакой воздушной сумятицы и такой быстрой перемѣны изъ тепла въ холодъ; вѣтеръ такъ и свищетъ, и снѣгъ несетъ во всѣ стороны; проѣзду нѣтъ; на Сурѣ, вѣроятно, морскія волны ходятъ и перевозъ опасенъ“. Но если сборы были такъ продолжительны и неудачны, за то самая дорога оказалась необыкновенно счастливою: ровно въ недѣлю успѣли они совершить весь путь изъ Симбирска въ Москву, и больной, благодаря наступившей благопріятной погодѣ и хорошей дорогѣ, почти не встрѣтилъ никакихъ трудностей въ пути. Самое расположеніе духа его настолько улучшилось, что онъ замѣтно оживился, и съ обычной живостью предавался впечатлѣніямъ дороги.

„Къ Мурому подъѣзжали мы торжественно, — разсказывалъ онъ:—утро было прекраснѣйшее; небо ясное, воздухъ сладостный. Ока ровно какъ зеркало, и вдали, за этимъ широкимъ зеркаломъ—старинныя церкви и благовѣстъ православный. Въ Муромѣ, во Владимірѣ, такъ же, какъ и въ Арзамасѣ, оба мои спутника ходили осматривать старину и мѣстоположеніе. Петръ Васильевичъ увидѣлъ необходимость нарочно съѣздить въ эти мѣста достопамятныя и осмотрѣть ихъ“.

XXVI.

Не удалось Языкову пожить покойно въ Москвѣ. Первый же визитъ Иноземцева рѣшилъ его дальнѣйшую участь; знаменитый докторъ, тщательно осмотрѣвъ паціента, далъ ему совѣтъ какъ можно скорѣе ѣхать за границу, въ Берлинъ, чтобы пользоваться тамъ леченіемъ Борна. Онъ принялъ въ больномъ Языковѣ такое участіе, что думалъ даже сопровождать его лично вплоть до самаго Берлина. Между тѣмъ другой докторъ, Высоцкій, совѣтовалъ ѣхать къ Коппу, въ Ганау. Впечатлѣніе, произведенное обоими этими мнѣніями, было самое удручающее: родственники Н. М—ча сочли положеніе его не только серьезнымъ, но и опаснымъ, и даже безнадежнымъ. Вотъ что писалъ о немъ П. А. Бестужевъ: „Николай Михайловичъ еще не начиналъ лечиться. Вчера у него былъ Иноземцевъ; разспрашивалъ о болѣзни аккуратно и довольно долго и наконецъ предписалъ ему чужіе края. Не знаю, съ кѣмъ онъ поѣдетъ? Неужели ни который изъ братцевъ съ нимъ не поѣдетъ и оставятъ его тамъ умирать одного“?

Самому больному совсѣмъ не хотѣлось предпринимать новую утомительную поѣздку, особенно при его нелюбви ко всему иноземному. „Мнѣ какъ-то не хочется за-границу, къ нѣмцамъ, въ ихъ землю“. Несмотря на авторитетный голосъ Иноземцева, ни самому Н. М. Языкову, ни окружающимъ его какъ-то не хотѣлось вѣрить, чтобы поѣздка за границу была для него единственнымъ исходомъ; всѣмъ имъ казалось болѣе желательнымъ, чтобы онъ еще нѣкоторое время пожилъ и полечился въ Москвѣ. Но состоялась консультація изъ нѣсколькихъ извѣстнѣйшихъ врачей, и всѣ единогласно подтвердили мнѣніе своего почтеннаго собрата. Приходилось покориться жестокой необходимости, и Н. М. отправился въ сопровожденіи отрекомендованнаго Иноземцевымъ доктора. Иноземцевъ не могъ исполнить своего желанія лично сопутствовать Языкову, но сдѣлалъ для него все, что было возможно; его заботливость приводила больного въ умиленіе: „Иноземцевъ,—говорилъ онъ,—хлопочетъ обо мнѣ, какъ о родномъ братѣ“. Подъ великодушнымъ наблюденіемъ П. В. Кирѣевскаго, больной двинулся въ путь, захвативъ съ собой нарочно для того составленную дорожную библіотеку изъ сочиненій Пушкина, Жуковскаго, Библіи, Софійскаго Временника и проч. Путь державъ онъ на Смоленскъ, Брестъ, Варшаву, въ Берлинъ и Маріенбадъ. Достойно вниманія, что, несмотря на жестокую бо-

нѣзнь, не позволявшую прямо ходить (онъ ходилъ сгорбившись и согнувшись), его не покидала обычная впечатлительность и любовь къ достопримѣчательностямъ: такъ, еще при выѣздѣ изъ Москвы, за Дорогомиловской заставой, онъ съ восторгомъ любовался видомъ съ Поклонной горы на столицу, съ большимъ любопытствомъ осмотрѣлъ онъ и знаменитое Бородинское поле. Какъ прежняя поѣздка въ Москву, такъ и это заграничное путешествіе было совершено вполнѣ благополучно и съ изумительной быстротой; погода благопріятствовала и никакихъ случайныхъ задержекъ въ дорогѣ не было. Только послѣ Бреста путниковъ захватило было ненастье, и Н. М. почувствовалъ, что его растрясло и укачало. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого, вслѣдствіе сильной усталости, онъ принужденъ былъ на нѣсколько дней остановиться еще въ Дрезденѣ. Наконецъ, онъ прибылъ въ Маріенбадъ и устроился тамъ довольно удовлетворительно. „Вотъ ужъ нѣсколько дней, какъ я въ Маріенбадѣ,—писалъ онъ оттуда.—Квартиру нашли хорошую, со всѣми возможными удобствами, кромѣ печей, которыя здѣсь дѣлаются не по человѣчески: труба въ нихъ не закрывается, всѣ комнаты скоро нагрѣваются, но только часа на два, а потомъ, пожалуй, топи снова! У насъ пять покоевъ; я занимаю три кряду, съ окнами на улицу: высокія, свѣтлыя, просторныя. *Я же нанялъ бильярдъ для моціону:* я не могу еще ходить въ публикѣ, могу только ходить дома, и то съ грѣхомъ пополамъ". Въ такомъ-то ужасномъ состояніи былъ тогда Языковъ, по неволѣ устремлявшій все свое вниманіе на леченіе и окружающую обстановку. Неизмѣнный пока спутникъ его, П. В. Кирѣевскій, продолжалъ и здѣсь самоотверженно ухаживать за своимъ пріятелемъ, жертвуя своими любимыми занятіями: народной словесностью и собираніемъ народныхъ пѣсенъ. Языковъ не могъ, конечно, не оцѣнить оказываемой ему великой дружеской услуги и съ благодарностью говоритъ о немъ: „Петръ Васильевичъ сидитъ здѣсь хорошо: онъ приводитъ въ порядокъ свое собраніе русскихъ пѣсенъ съ пѣснями другихъ народовъ. Онъ заходилъ въ книжныя лавки и покупалъ все, что̀ къ этой части относится. Въ Гриммовскомъ собраніи народныхъ нѣмецкихъ сказокъ почти всѣ русскія находятся. Странно"! Такимъ образомъ, если и здѣсь находилась для Кирѣевскаго полезная работа, то все-таки его не могло не тянуть къ обычнымъ занятіямъ и обычной обстановкѣ, и потому понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ оба пріятеля ждали обѣщаннаго прибытія, на смѣну ему, Петра Михайловича Языкова. Н. М. былъ очень доволенъ перспективой совмѣстной жизни съ

братомъ въ Ганау, тѣмъ болѣе, что онъ находилъ, что эта поѣздка будетъ полезна и для самого Петра Михайловича, который такъ же „засидѣлся духовно“, какъ самъ онъ тѣлесно. Зимовать же одному въ Маріенбадѣ, „гдѣ всего 36 домовъ, которые всѣ гостинницы“, въ этой лѣсистой щели, ему казалось скучно и жутко. Между тѣмъ результаты маріенбадскаго леченія, или „водопоя“, какъ выражался Языковъ, были самые утѣшительные: „кажется, что я хожу нѣсколько отвѣснѣе прежняго, лицо сдѣлалось у меня свѣжѣе, червякъ (т.-е. солитеръ) вышелъ изъ меня, кажется, весь, и на ногахъ и на спинѣ сильная сыпь, благотворная, по словамъ здѣшнихъ медиковъ, но я все еще слабъ по прежнему, и всѣ болѣзненные припадки мои, тяжелые, мерзкіе и несносные, еще неразлучны съ бытіемъ моимъ“. Далѣе слѣдуютъ еще болѣе горькія ламентаціи: „медики говорятъ, что я поправился, а я—ей! ей!—этого не замѣчаю“ [1]). Въ половинѣ сентября Языковъ переѣхалъ изъ Маріенбада въ Ганау, куда прибылъ 20-го числа. По дорогѣ онъ останавливался на двое сутокъ въ Байрейтѣ, ожидая встрѣтить Жуковскаго, „потому что онъ засталъ оный городъ ожидающимъ всероссійскаго Наслѣдника“, который дѣйствительно и пріѣхалъ туда, но безъ Жуковскаго, уѣхавшаго въ Мюнхенъ.

Первыя впечатлѣнія Языкова въ Ганау были довольно благопріятныя: „Ганау,—говорилъ онъ,—находится подъ особеннымъ покровительствомъ св. Тихона: тишина здѣсь необычайная; слышно, какъ муха пролетитъ на улицѣ“. Въ Ганау онъ восхищался; внимательнымъ и радушнымъ пріемомъ Коппа, который, какъ оказалось, былъ уже знакомъ со многими русскими литераторами: Жуковскимъ, Вяземскимъ, Гоголемъ, Шевыревымъ. Въ шутку Языковъ прозвалъ Коппа „главнокомандующимъ“ города Ганау. Но веселое настроеніе Языкова снова смѣнилось тоскливымъ,

---

[1]) Языкова особенно стѣсняла и конфузила необходимость на каждомъ шагу прибѣгать къ чужой помощи, и „входить въ карету, и выходить изъ нея не своими ногами, а на чужихъ рукахъ“.

О Кирѣевскомъ Н. М. писалъ: „Ему подобаетъ много чести и славы за многотерпѣнное сидѣніе со мной. Онъ поѣхалъ отсюда на Прагу, на Кіевъ и потомъ уже въ Москву. И такъ не прежде марта 1839 года явится онъ въ домъ отеческій, и такъ ровно годъ жизни пожертвовалъ онъ мнѣ, промѣнялъ сладостные труды ученаго на возню съ больнымъ, на хлопоты и заботы самыя прозаическія. За терпѣніе, которымъ онъ побѣждалъ скуку лазаретнаго странствованія и пребыванія со мной, за смиреніе, съ которымъ переносилъ онъ мои невзгоды и причуды; за тихость и мягкость нрава, за доброту сердца и возвышенность духа, которыми умилялся я въ минуты моихъ страданій и болѣзненной досадливости, за все это, чѣмъ онъ меня бодрилъ, укрѣплялъ и утѣшалъ, за все да наградитъ его Богъ своей благостью“.

когда онъ узналъ, что, по мнѣнію Коппа, ему долго не слѣдуетъ выѣзжать изъ Ганау, по крайней мѣрѣ до мая 1839 года, тогда какъ ему нестерпимо надоѣла чужбина и вѣчное леченіе; онъ уже давно лелѣялъ въ душѣ мечту о возвращеніи домой. „Видно, не скоро возвращусь восвояси“, — говорилъ онъ съ тоской, и старался ободрить себя тѣмъ, что „Коппъ-молъ принялся за меня порядкомъ, хочетъ поставить меня молодцомъ и, кажется, надѣется успѣха своему доброму старанію“.

XXVII.

Въ исходѣ 1838 года пріѣхалъ наконецъ давно нетерпѣливо ожидаемый П. М. Языковъ и смѣнилъ Кирѣевскаго. П. М., какъ человѣкъ въ высшей степени практическій, быстро освоился со всей обстановкой и сошелся съ Коппомъ, который оцѣнилъ его солидныя познанія въ естественныхъ наукахъ. Н. М. не нахвалится братомъ. „П. М.,—говоритъ онъ,—являетъ дѣятельность необычайную; встаетъ рано, весь день занятъ, все осматриваетъ, все замѣчаетъ, наблюдаетъ, ведетъ журналъ всему этому, ни мало не робѣетъ на чужой сторонѣ, веселъ, мягокъ и тепелъ. Онъ прискакалъ къ намъ въ дилижансѣ, одинъ-одинёхонекъ, пробился черезъ многія нѣмецкія земли и благополучно явился въ Ганау, къ сердечному моему утѣшенію. Спасибо ему за этотъ подвигъ братской любви“! Но, несмотря и на пріѣздъ П. М., тоска Языкова по родинѣ не уменьшалась, и онъ терялъ всякое терпѣніе, утѣшая себя по крайней мѣрѣ мечтами о будущей поѣздкѣ, а пока неистово бранилъ нѣмцевъ и все нѣмецкое. Ему не нравилась и нѣмецкая зима, за то, что послѣ настоящихъ зимнихъ дней вдругъ сдѣлается тепло, „вся зима стечетъ въ Майнъ, потомъ опять холодъ и вдругъ дождь и нѣмецкій, сырой, тонкій вѣтеръ, голосомъ подобный кошачьему завыванію“. Н. М. находилъ, что всѣ времена года въ Германіи не стоютъ даже русской осени). Онъ бранилъ и нѣмецкій столъ („мало сытной пищи, а къ травкѣ-муравкѣ мы не привыкли; мяса въ обѣдъ входитъ немного, а прочее все разныя разности: травы, корепья, варенья, соленья, печенья, копченья“), и нѣмецкія сани („что у нихъ за сани! это скамейка на полозахъ съ дышломъ; запрягаютъ парой, лошадей увѣшиваютъ бубенчиками и шаркаютъ по улицамъ. На саняхъ сидятъ верхомъ!“) Но особенно онъ негодовалъ, какъ нѣкогда въ Дерптѣ, на недостаточно торжественное празднованіе св. Пасхи. Однимъ словомъ, онъ, какъ гово-

рится, не чаялъ, когда „вырвется изъ нѣметчины“, и, по свидѣтельству брата его Н. М. (въ одномъ изъ писемъ послѣдняго), его тоску и хандру разгоняли только планы о возвращеніи въ Россію, особенно съ тѣхъ поръ, какъ П. А. Бестужевъ, желая утѣшить и ободрить страждущаго, далъ обѣщаніе пріѣхать за нимъ въ Ганау и везти его домой. Воображеніе Н. М. разыгрывалось иногда до того, что онъ уже обѣщалъ въ письмахъ своей сестрѣ Прасковьѣ Михайловнѣ привезти домой много нѣмецкихъ книгъ, которыя, прибавлялъ онъ, „мы будемъ вмѣстѣ читать и почитывать“, а между тѣмъ никакія развлеченія и занятія не удавались, да и гдѣ было серьезно помышлять о нихъ, когда еще недавно приходилось радоваться, что „теперь, кажется, я хожу нѣсколько перпендикулярнѣе“. Онъ началъ-было заниматься отъ скуки англійскимъ языкомъ и хотѣлъ поскорѣе научиться ему настолько, чтобы читать Шекспира, но оказалось, что много заниматься вредно, а „учиться черезъ пень-колоду“ скучно и несносно. Что-нибудь одно“. Однажды, въ припадкѣ тоски, онъ жаловался сестрѣ: „О, Пикоть, Пикоть! на меня такая тоска находитъ, что я впадаю въ отчаяніе. Только бы поскорѣе во-свояси, на свою сторону“!

Но какъ бы въ насмѣшку надъ пожиравшимъ его нетерпѣніемъ и розовыми мечтами, которымъ онъ по временамъ предавался, несомнѣнно было одно—что раньше осени 1839-года нельзя было и думать о поѣздкѣ домой, да еще необходимо было, по совѣту Коппа, поѣхать раньше на леченіе въ Крейцнахъ и Гастейнъ, и кромѣ того, къ довершенію несчастія, случайно посѣщавшія его простуды осложняли его обычныя болѣзни и усиливали безконечное томленіе, совсѣмъ не оставляя времени „на нелечебныя занятія“. Чтобы разнообразить свое страдальческое времяпровожденіе, Н. М. прибѣгалъ къ урокамъ разныхъ наукъ и искусствъ, такъ что „поминутно шмыгали въ двери учителя: нѣмецкій, англійскій, гитарный и рисовальный“. Всѣ эти развлеченія были тѣмъ болѣе необходимы, что Н. М. самъ хорошо сознавалъ, что „настоящее леченіе начнется только съ мая, а до тѣхъ поръ идетъ только рѣшительная подготовка къ искорененію болѣзней“. Что онъ не придавалъ серьезнаго значенія всѣмъ названнымъ прежде занятіямъ, видно изъ слѣдующихъ словъ: „довольно съ меня, если въ нѣмецкой землѣ только вылечусь, а на все другое прочее найду время и дома“. Между тѣмъ изъ дому ему писали, что къ его возвращенію ему ищутъ невѣсту. На что Н. М. полусерьезно отвѣчалъ: „Спасибо Натальѣ Алексѣевнѣ за пріисканіе для меня невѣсты; это

дѣло доброе! По возвращеніи во-свояси, мнѣ будетъ до того пора жениться, что не будетъ времени самому выбирать невѣсту; подготовка-то и кстати! Впрочемъ, я возьму не изъ самыхъ тонкихъ, не летучую, не вѣтреную, не новомодную; мнѣ нужна домосѣдка, сѣдячка, а того гляди еще сидѣлка! Будущее извѣстно единому Богу. Да и то сказать: не лучше ли поискать поближе къ своимъ помѣстьямъ: столичныя мнѣ не нравятся, съ ними возни много; завези-ка этакую въ Языковскую пустыню, такъ она и пойдетъ ёжиться; всѣ онѣ, по моему мнѣнію, неудобны. Попроще, попроще"!

До самой весны Н. М. продолжалъ тянуть свою томительно-однообразную и до того грустную жизнь, что единственной отрадой для него было „піеніе кофе поутру, возставъ отъ сна", между тѣмъ какъ „все прочее вещественное и невещественное въ мірѣ" представлялось ему „прахомъ и дымомъ". Но съ наступленіемъ весны и отъ благодѣтельнаго дѣйствія постоянно принимаемыхъ имъ ваннъ съ солодомъ и содой Н. М. поправился до того, что сталъ ѣздить, въ хорошіе дни, кататься и даже сталъ ходить пѣшкомъ; расположеніе духа его значительно улучшилось. Однажды онъ писалъ о своей прогулкѣ: „Вчера ѣздилъ я за городъ дышать ароматнымъ воздухомъ и гулять подъ каштановыми деревьями въ Вильгельмсбадѣ; но то ли дѣло дома! Здѣшніе сады или лѣса удивительно пусты, въ сравненіи съ нашими; конечно, это отъ того, что здѣсь процвѣтаетъ просвѣщеніе: звѣри, звѣрки, птицы и птички ловятся на съѣденіе, или на чучела въ музеумъ, насѣкомыя также накалываются на булавки и шпильки, цвѣты собираются въ гербаріумы, и лѣса нѣмѣютъ и лишаются своей красоты"!

XXVIII.

Дорога въ Крейцнахъ по берегамъ Рейна заранѣе восхищала Н. М., хотя онъ и зналъ мнѣніе П. В. Кирѣевскаго, что Рейнъ много уступаетъ Волгѣ; ему пріятна была мысль, что онъ поѣдетъ „мѣстами живописными, виноградньйшими, въ виду рыцарскихъ замковъ и береговъ Рейна". Маршрутъ былъ назначенъ черезъ Франкфуртъ, Висбаденъ, затѣмъ берегомъ Рейна до Рюдесгейма и по переѣздѣ Рейна черезъ Бингенъ уже въ Крейцнахъ. Въ Крейцнахѣ Языкову пришлось много терпѣть отъ жары, невыносимой для него и въ годы цвѣтущаго здоровья. Но еще новая бѣда разразилась надъ нимъ: Коппъ назначилъ ему по

окончаніи леченія въ Крейцнахѣ ѣхать въ Гастейнъ, а оттуда въ Римъ. Впрочемъ, въ Римѣ ему мелькала надежда встрѣтиться съ Гоголемъ, который ему очень понравился во время его проѣзда черезъ Ганау [1]): „Въ Римѣ найдемъ мы Гоголя, который вчера (т.-е. 30-го іюня 1839 г.) былъ у насъ проѣздомъ въ Маріенбадъ. Съ нимъ весело! Онъ мнѣ очень понравился, и знаетъ Римъ, какъ свои пять пальцевъ, потому что живетъ въ немъ три года. Онъ, вѣроятно, много написалъ въ Римѣ. Въ Маріенбадѣ онъ съѣдется съ Погодинымъ и Шевыревымъ; тамъ же будетъ Шафарикъ". Путь въ Гастейнъ былъ совершонъ черезъ Дармштадтъ, Гейдельбергъ, Штутгардтъ, Ульмъ, Аугсбургъ, Мюнхенъ и Зальцбургъ, причемъ въ Мюнхенѣ братья останавливались на короткое время, чтобы осмотрѣть достопримѣчательнѣйшія произведенія искусства. Гастейнъ Н. М. Языковъ описывалъ такимъ образомъ: „Въ Гастейнѣ горы неприступнѣйшія: облака, которыя у насъ обыкновенно носятся на высотѣ, здѣсь ходятъ запросто подлѣ нашихъ оконъ, цѣпляясь за сосны и острыя скалы. Мѣсто угрюмое, дикое, трущобистое! Справа и слѣва у насъ въ виду горы, стоящія торчмя, покрытыя еловымъ лѣсомъ, за который цѣпляются облака. Прямо передъ нашими глазами бѣжитъ съ этихъ горъ рѣка: вся—грохотъ, шумъ и пѣна, и падаетъ на дно ущелья, которое ею запирается; дальше ужъ и нѣтъ дороги. Къ скаламъ приклеены большіе каменные дома и клѣтушки на

---

[1]) Приведемъ здѣсь нѣкоторые отрывки изъ писемъ Яз., касающіеся его литературныхъ знакомствъ. 12-го апрѣля 1839 г. онъ писалъ: „Третьяго дня былъ у насъ Вяземскій, возвращающійся въ Питеръ. Неправда, что онъ окривѣлъ; его глаза не хуже того, какъ были зимой. Правда, что однимъ онъ почти ничего не видитъ; но это ужъ давнымъ давно. О романѣ Гоголя онъ ничего и не знаетъ вовсе, что тотъ будто бы читалъ Тургеневу" (разумѣется, Александру Ивановичу). 25 апр. „На дняхъ былъ у меня князь Вяземскій, возвращающійся въ Россію, въ Питеръ. Онъ далъ мнѣ 1838 г. „Современникъ", который читаю съ большимъ удовольствіемъ, тѣмъ паче, что стихи въ немъ почти всѣ (именно всѣ, кромѣ Пушкина и Растопчиной),—дрянь и прахъ. Скоро будетъ возвращаться въ Римъ А. И. Тургеневъ; онъ, вѣроятно, тоже навѣститъ насъ по обыкновенію изобилующей животрепещущими новостями Европы".

Въ 1838 г. онъ писалъ по поводу „Бородинской годовщины": „Дюкъ прислалъ мнѣ стихи Жуковскаго „Бородинская годовщина"; многое хорошо! Алексѣю Степановичу слѣдовало бы воспѣть предметъ сей, какъ поэту Москвы, воину и патріарху. Я напишу стихи о Бородинѣ, когда поѣду назадъ въ Москву.

О томъ же самомъ писалъ П. М. Языковъ: „Въ Римъ обѣщалъ пріѣхать Гоголь, заѣзжалъ къ намъ, отправляясь въ Маріенбадъ. Съ Гоголемъ намъ было бы не скучно: онъ Римъ знаетъ хорошо, да притомъ онъ такого характера, что съ нимъ и въ Хивѣ весело можно провести время". (Письмо, отъ 12-го (24-го) іюля, изъ Ганау).

курьихъ ножкахъ, и все это дрожитъ отъ грома водопада, а въ лѣсѣ, домахъ и клѣтушкахъ должно кричать, чтобы тебя слышали: таковъ шумъ, стоящій здѣсь непрестанно. Сюда посылаются больные самые ненадежные, самые слабые, истомленные бременемъ жизни, истасканные рукою судьбы, и всѣ прочіе также". Говоря о больныхъ, лечащихся въ Гастейнѣ, Языковъ сообщаетъ любопытное преданіе, что еще Парацельсъ посылалъ сюда тяжело больныхъ. „Пріѣзжаютъ сюда много,—говорилъ онъ:—все слабые, калѣки, паралитики и подагрики, мнѣ подобные".

Въ Римъ предполагался путь сначала черезъ Альпы, именно черезъ С.-Готтардъ или С.-Бернардъ, но Н. М. отклонилъ этотъ маршрутъ, не желая подвергать себя неудобствамъ переѣзда черезъ горы; онъ шутилъ по этому поводу: „вѣдь мы не Суворовъ и не Наполеонъ", и утверждая, что предпочитаетъ „славѣ" удобства, избралъ иное направленіе: Зальцбургъ, Инсбрукъ, долину Инна, Констанцкое озеро, Тироль, Цюрихъ, Лозанну, Женевское озеро, Веве и озеро Комо. Въ Комо Языковъ пріѣхалъ уже въ началѣ октября. Несмотря на „благорастворенный климатъ" и превосходные виды, ему показалось тамъ очень скучно, и къ тому же онъ поразился тамошней дороговизной. По прежнему онъ повторяетъ: „все иноземное такъ надоѣло, что ни на что смотрѣть не хочется". Даже и Римъ не привлекалъ его, и онъ самъ подсмѣивался надъ собой, говоря: „Если достаточно окрѣпну, то и въ Римъ можно будетъ съѣздить посмотрѣть кое на что, чтобы послѣ имѣть право повторять: я самъ все видѣлъ! самъ все знаю". Но все-таки онъ долженъ былъ сознаться, что берегъ Средиземнаго моря—край благословеннѣйшій!—все зеленѣетъ и цвѣтетъ: померанцы, оливы во всей красѣ и свѣжести, а между тѣмъ декабрь мѣсяцъ". Онъ предполагалъ даже воспѣть море, впрочемъ, еще передъ тѣмъ, какъ увидѣлъ его: „Я въ Ниццѣ найму квартиру съ видомъ на море: надобно воспѣть и мнѣ неземную его прелесть и паче красоту".

XXIX.

Благодатный климатъ юга не остался безъ вліянія на Языкова; благодаря ему, леченіе стало подвигаться настолько быстро, что черезъ годъ онъ уже почувствовалъ себя значительно поправившимся и могъ одинъ совершать небольшія прогулки. Онъ возвратился, въ концѣ 1840 года, съ братомъ въ Г'анау и вполнѣ подчинился регламентаціи Коппа: теперь весь образъ жизни его

до послѣднихъ мелочей былъ строго соображенъ съ приказаніями врача, вліяніе котораго на паціента было тѣмъ благотворнѣе, чѣмъ осязательнѣе выяснялась приносимая ему польза. Языковъ привыкъ относиться къ Коппу съ чувствомъ благодарности и безпредѣльнаго уваженія, которыхъ по справедливости заслуживала эта крупнѣйшая знаменитость тогдашняго медицинскаго міра Германіи. Въ числѣ прочихъ драгоцѣнныхъ качествъ этого врача нельзя не упомянуть здѣсь о томъ сердечномъ вниманіи, которое онъ всегда оказывалъ даже бывшимъ своимъ паціентамъ,— тѣмъ болѣе, конечно, его отличали обычная обходительность и любезность съ тѣми, которые составляли предметъ его попеченій въ настоящую минуту. Языкова привлекала къ нему его честная, труженическая жизнь, всецѣло посвященная избранной профессіи. По поводу болѣзни Коппа, надорвавшаго свои силы неутомимой дѣятельностью, Языковъ писалъ однажды: „Несмотря на сильное ежедневное хожденіе его, все-таки непрестанная умственная работа съ четырехъ часовъ утра до девяти вечера, въ продолженіе сорока лѣтъ сряду, хоть какое тѣлосложеніе повредитъ“. Оцѣнку успѣшнаго хода собственнаго леченія у Коппа мы находимъ въ слѣдующемъ отзывѣ Языкова: „Коппъ навѣщаетъ меня всякій день. Я опять началъ ѣздить кататься и хожу гулять довольно хорошо, особенно если сравнить съ тѣмъ, какъ я ходилъ, пріѣхавши въ Ганау два года назадъ“! Еще краснорѣчивѣе говоритъ о степени улучшенія его здоровья то обстоятельство, что братъ его, Петръ Михайловичъ, могъ уже не считать настоятельной необходимостью неотлучное присутствіе при больномъ и, побуждаемый заботами о леченьѣ пріѣхавшей незадолго передъ тѣмъ за границу жены, Елизаветы Петровны, могъ ужъ болѣе или менѣе спокойно ѣхать на встрѣчу къ ней въ Дрезденъ. Такимъ образомъ, Языковъ остался на время одинъ и страшно скучалъ, осаждаемый черезчуръ часто навѣщавшими знакомыми-нѣмцами и страдая отъ почти небывалыхъ, поразительныхъ морозовъ. Такъ какъ частые визиты непрошенныхъ гостей мѣшали ему отдавать немногіе часы физическому освѣженію „отъ нашествія иноплеменниковъ“, то съ еще бо́льшимъ нетерпѣніемъ онъ продолжалъ ждать возвращенія брата, отъ котораго между тѣмъ пришло извѣстіе, что неожиданная смерть двухъ братьевъ его жены произвела на послѣднюю дѣйствіе оглушающаго громового удара и разстроила ее до такой степени, что о скорой поѣздкѣ въ Ганау невозможно было даже помышлять.

Это несчастіе было первымъ въ цѣломъ ряду неудачъ и непріятностей, обрушившихся на Языкова въ 1841 году и замед-

лившихъ его выздоровленіе, вслѣдствіе произведеннаго ими на него удручающаго дѣйствія. Вслѣдъ затѣмъ, непріятно поразило его высказанное Коппомъ мнѣніе о необходимости ѣхать лѣтомъ на воды въ Швальбахъ. Коппъ предписывалъ Н. М-чу цѣлое путешествіе, которое предполагалось расположить такъ, чтобы можно было раза три въ продолженіе его возвращаться въ Ганау. Пришлось снова погрузиться въ тоскливое пережиданіе сроковъ, опредѣленныхъ на тотъ или другой способъ леченія. Въ этотъ скорбный промежутокъ времени, Н. М-чу ничего не оставалось больше, какъ посвятить свое вниманіе и живой интересъ собственнымъ и чужимъ недугамъ. Такъ, онъ принималъ сердечное участіе въ леченіи своей невѣстки, А. П. Елагиной, и многихъ другихъ. Очень часто случалось также, что онъ спрашивалъ у Коппа заочные совѣты для родныхъ и знакомыхъ, при чемъ однажды съ нимъ произошла большая непріятность. Передавая Коппу болѣзненные симптомы одного изъ своихъ протежѐ, онъ такъ заинтересовалъ послѣдняго, что почтенный докторъ, изъ расположенія къ своему постоянному паціенту, вызвался написать письмо къ нѣкоему Р., на которое тотъ, къ крайнему смущенію и досадѣ Языкова, не догадался даже отвѣтить, что̀ было особенно неловко, въ виду недавно перенесенной Коппомъ серьезной болѣзни. Вотъ какъ писалъ объ этомъ Языковъ: „Мнѣ что-то не вѣрится, чтобы Р. поднялся въ такую даль. Думаю, что ежели онъ и выѣдетъ изъ Симбирска, то застрянетъ въ Москвѣ или Питерѣ. Я Коппа безпокоилъ, и тотъ написалъ ему письмо, какъ къ путному, а нашъ Петрикъ даже не поблагодарилъ его хотя бы словечкомъ, полагая, вѣроятно, что совѣтоваться съ первымъ врачомъ Германіи—то же, что̀ съ домашнимъ, и что невѣжливость простительна больному и притомъ на такомъ дальнемъ разстояніи“. Видно, что этотъ небольшой эпизодъ не мало огорчилъ Языкова, потому что онъ и еще повторяетъ о немъ: „Р. даже не поблагодарилъ за письмо почтеннѣйшаго медика: это ужъ глупо и невѣжливо—и намъ впередъ наука“.—Въ самомъ началѣ весны двинулся Языковъ въ Швальбахъ, но погода стояла всю весну и все лѣто самая отвратительная, такая, подобной которой не могли запомнить туземные старожилы. „Мы въ Швальбахѣ, моя милая Пикоть, — писалъ Языковъ сестрѣ, — сидимъ и ждемъ хорошей погоды,—вотъ ровно двѣ недѣли! Намъ насказали чудеса про это мѣстечко: тамъ-де рай земной, мѣстоположеніе восхитительное и жизнь самая удовольственная, а на повѣрку вышло вовсе не то: безпрестанные дожди, холода и бурные вѣтры; въ половинѣ іюля топимъ каждый день по нѣ-

скольку разъ и ёжимся". О видахъ своихъ на будущее Языковъ уже говорилъ немного, и притомъ онъ уже переставалъ предаваться мечтамъ. Своимъ онъ писалъ: „Не помню, чтобы я обѣщалъ возвратиться скоро въ Языково. Это, мои милые, дѣло будущаго. Если Коппъ, по возвращеніи моемъ отсюда въ Ганау, скажетъ мнѣ, что ему надо мной дѣлать больше нечего, то само собою разумѣется, что мнѣ надобно будетъ отправиться во-свояси".

Въ довершеніе его горестей ему было скучно въ Швальбахѣ, и во все время пребыванія въ немъ онъ не встрѣтилъ почти никого изъ русскихъ, кромѣ графини Киселевой, о которой онъ насмѣшливо говорилъ, что „она скачетъ по всѣмъ водамъ по произволу вѣтровъ". „Здѣсь мнѣ такъ скучно,—жаловался онъ,—что не запомню подобнаго мѣста и времени. Знакомыхъ ровно никого; домъ уединенный; въ окна нельзя и смотрѣть, потому что въ нихъ Борей дуетъ и свищетъ"... Вдобавокъ и выѣхать изъ Швальбаха Языкову не удалось вò-время, потому что его задержало тамъ ожиданіе Авдотьи Петровны Елагиной, проводившей лѣто на водахъ и собиравшейся взглянуть на близкаго ей страдальца. Но во всѣхъ невзгодахъ Языкова иногда отчасти успокоивало и ободряло обѣщаніе Коппа вскорѣ по возвращеніи въ Ганау поставить его на ноги настолько, чтобы явилась возможность скораго возврата на родину.

XXX.

Наконецъ, во второй половинѣ августа, Языковъ съѣхался съ женой брата въ Ганау. Тамъ же встрѣтились они съ Гоголемъ. Здѣсь наступила, въ противоположность предшествующему томленію, жизнь отрадная и веселая, о которой Языковъ долго вспоминалъ съ удовольствіемъ, утверждая, что „время летѣло во весь духъ". Цѣлый мѣсяцъ прожили они вмѣстѣ въ пріятномъ сообществѣ. Гоголь быстро освоился и сошелся со всѣми Языковыми, которые, въ свою очередь, полюбили его. У нихъ составился даже планъ всѣмъ вмѣстѣ ѣхать въ Москву и поселиться въ ней. Языковъ потомъ писалъ объ этомъ планѣ: „Мнѣ пришлось еще зиму просидѣть въ Ганау. Братъ Петръ Михайловичъ разскажетъ, почему, какъ и чего ради это сдѣлалось. Онъ отправился отсюда въ Дрезденъ, а потомъ и далѣе, и въ Питеръ, и на Русь, вмѣстѣ съ Гоголемъ, который провелъ съ нами цѣлый мѣсяцъ, ожидая рѣшенія судьбы моей на будущій годъ: еслибы мнѣ ѣхать во-свояси, то и онъ пустился бы со мною. Вышло

иначе". Дѣйствительно, хотя мечты о пріятностяхъ совмѣстной жизни въ Москвѣ были любимыми у всего тѣсно сплотившагося кружка, но такъ какъ необходимость удерживала Языкова еще на неопредѣленное время въ Ганау, то было рѣшено, что все остальное общество немедленно двинется въ путь и будетъ ожидать его возвращенія [1]).

Первое впечатлѣніе, произведенное Гоголемъ на Языкова (и на его невѣстку), было имъ довольно живо представлено въ слѣдующихъ строкахъ: „Гоголь разсказывалъ мнѣ о странностяхъ своей (вѣроятно, мнимой) болѣзни: въ немъ-де находятся зародыши всѣхъ возможныхъ болѣзней; также объ особенномъ устройствѣ головы своей и неестественномъ положеніи желудка. Его будто бы осматривали и ощупывали въ Парижѣ знаменитые врачи и нашли, что желудокъ—вверхъ ногами [2]). Вообще въ Гоголѣ чрезвычайно много страннаго—иногда я даже не понималъ словъ его—и чуднаго; но все-таки онъ очень милъ, не правда ли? А въ его огромномъ талантѣ никто, конечно, не сомнѣвается. Онъ обѣщался въ Москвѣ жить со мною вмѣстѣ". Гоголь же, какъ видно, съ особенной любовью предавался мечтамъ о будущемъ пріятномъ сожительствѣ и часто рисовалъ картину его въ своемъ воображеніи: ему „одинъ разъ мелькнулъ почти ненарокомъ московскій длинный домъ съ рядомъ комнатъ, съ пятнадцатиградусною ровною теплотой и двумя недоступными кабинетами".

Когда Гоголь поѣхалъ съ Языковыми (кромѣ Н. М.) въ Россію, то сперва они взяли путь на Дрезденъ, гдѣ вскорѣ Петру Михайловичу пришлось оставить жену, для дальнѣйшаго леченія. Въ письмахъ его къ Н. М. изъ Дрездена отражается еще то пріятное настроеніе, въ которомъ все общество оставило Ганау; Го-

[1]) Въ письмахъ изъ Швальбаха отмѣтимъ нѣкоторыя интересныя данныя, касающіяся нѣкоторыхъ нашихъ писателей: „Мельгуновъ теперь въ Вѣнѣ, гдѣ проболѣлъ всю зиму. Онъ пишетъ мнѣ, что Гоголь опять былъ въ Римѣ, а теперь ѣздитъ по Далмаціи вмѣстѣ съ Княжевичемъ и скоро будетъ въ Вѣну". (Этотъ фактъ о пребываніи Гоголя въ Далмаціи не былъ извѣстенъ до сихъ поръ). Въ Швальбахѣ Языковъ видѣлся съ Жуковскимъ и познакомился съ его женой; они много говорили о Россіи и вспоминали о Хомяковыхъ: „К. очень и очень понравилась Жуковскому. Онъ въ восторгѣ отъ Х—выхъ. Мы видѣли его и жену его; находимъ, что она ему кстати, по немъ, и что онъ будетъ съ нею счастливъ, несмотря на несообразность возрастовъ"... „На днях встрѣтился съ Бакунинымъ; это одинъ изъ московскихъ юношей, занимающихся философіей, такой, который, изъ всѣхъ тамъ судящихъ о Гегелѣ, читалъ Гегеля и теперь пріѣхалъ въ Эмсъ. Онъ мнѣ очень понравился и показался дѣльнымъ. Онъ герой и потому уже, что изъ офицерства перешелъ къ наукамъ".

[2]) О своей болѣзненной натурѣ Гоголь впослѣдствіи однажды написалъ Языкову большое письмо (см. VI, 190—192, письмо изъ Гамбурга).

голь старался и въ покинутомъ страдальцѣ поддерживать бодрость и дѣйствовать на него словомъ утѣшенія. „Отнынѣ взоръ долженъ быть свѣтло и бодро вознесенъ горѣ“, писалъ онъ: [1]) „для сего была наша встрѣча“. Отрадное расположеніе духа Гоголя объясняется, конечно, и обычнымъ оживляющимъ дѣйствіемъ на него дороги, и тѣмъ, что письмо было написано въ „душевную минуту“. Впрочемъ оно было единственнымъ веселымъ письмомъ, послѣ котораго Языкову приходилось читать чаще всего въ его письмахъ слѣды раздраженія и недовольства. Хотя и въ слѣдующемъ письмѣ Гоголь повторялъ: „у меня на душѣ хорошо и свѣтло. Дай Богъ, чтобы у тебя было такъ же свѣтло и хорошо во время твоего ганавскаго затворничества“; но уже въ этомъ письмѣ Гоголь съ неудовольствіемъ разсказывалъ о томъ, что его „предательски завезли въ Петербургъ“. Дѣло было въ томъ, что къ сопровождавшему его обществу присоединились мало знакомыя ему лица, присутствія которыхъ онъ никакъ не могъ выносить. Еще раньше, по поводу какой-то приписки Гоголя къ письму Петра Михайловича, не попавшей въ изданное г. Кулишемъ собраніе его писемъ, Языковъ съ безпокойствомъ освѣдомлялся у родныхъ: „Отчего хмурился Гоголь? Не пугало ли его путешествіе столь многолюдное и сутолочное и не робѣлъ ли онъ молодой дамы“? Въ другой разъ онъ пишетъ объ этомъ подробнѣе: „Я получилъ письмо отъ Гоголя уже изъ Москвы. Онъ недоволенъ своимъ путешествіемъ съ нашими: онъ-де завезенъ противъ воли въ Питеръ, и сдѣлалъ такимъ образомъ большой крюкъ. Вѣрно, Гоголь въ хандрѣ съ дороги. Въ Москвѣ онъ поселился въ отдаленности отъ суеты мірской, на Дѣвичьемъ-полѣ, никуда не ѣздитъ“ и т. д. Между тѣмъ, самъ Языковъ, оставшійся совершенно „одинъ-одинёхонекъ“ послѣ мѣсяца, когда онъ былъ окруженъ родными и друзьями, затосковалъ еще больше [2]).

[1]) Въ другомъ письмѣ Языковъ говорилъ о Гоголѣ: „Гоголь сошелся съ нами, обѣщался пріѣхать пожить къ намъ въ Симбирскъ, чтобы получить истинное понятіе о странахъ приволжскихъ: это будетъ намъ хорошо, жить со мною вмѣстѣ, т.-е. на одной квартирѣ, по возвращеніи моемъ въ Москву. Онъ, кажется, написалъ много новаго и ѣдетъ издавать оное. Онъ премилый, и я радъ, что братъ Петръ Михайловичъ не одинъ пустился въ дальній путь, а съ товарищемъ, съ которымъ не можетъ быть скучно, и который бывалъ и перебывалъ въ чужихъ краяхъ и знаетъ всѣ нѣмецкіе обычаи и повѣрья дорожныя“.

[2]) Въ память совмѣстной дружеской жизни въ Ганау, Языковы и Гоголь заказали себѣ портреты, о которыхъ Н. М. сообщалъ: „Извѣстія о моемъ портретѣ вполнѣ удовлетворительны. Я нарисованъ черезчуръ цвѣтущимъ и молодцоватымъ, а положеніе мнѣ дано вальтерскоттовское“. О портретѣ Гоголя: „Гоголевъ очеркъ, вопреки тому, что̀ вы о немъ пишете, очень похожъ: Копиъ узналъ его какъ разъ. Я вклею его въ мой альбомъ“. (Письмо, отъ 27-го ноября 1841).

XXXI.

Главной цѣлью пріѣзда Гоголя въ Москву было, несомнѣнно, печатаніе перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ подъ личнымъ наблюденіемъ и прежде всего, конечно, исходатайствованіе разрѣшенія для печати. Отправляясь въ Россію, онъ былъ воодушевленъ широкими надеждами и горѣлъ нетерпѣніемъ поскорѣе осуществить ихъ. На дѣлѣ оказалось, что его ожидали на родинѣ многочисленныя неудачи и разочарованія, что̀ совершенно поколебало его энергію, хотя онъ и говорилъ о себѣ, что „твердъ и пересиливаетъ и себя, и болѣзнь свою“. Цензурныя затрудненія и задержки приносили ему много горечи. Самое ужасное было для него то, что поэма не могла быть скоро напечатана, а съ этимъ были связаны для него вопросы существованія. Покидая любимый имъ Римъ, Гоголь питалъ надежду на скорое возвращеніе. Онъ писалъ П. А. Плетневу: „О, какъ бы мнѣ нуженъ былъ теперь тихій мой уголокъ въ Римѣ, куда не доходятъ до меня никакія тревоги и волненія! Но что̀ же дѣлать? У меня больше никакихъ не оставалось средствъ. Я думаю, что устрою здѣсь (въ Россіи) дѣла и могу возвратиться: вышло не такъ“! (Соч. Гог., изд. Кул., т. V, стр. 458). Пришлось обратиться съ просьбами къ властямъ, начиная отъ попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа и кончая самимъ министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровымъ, которому онъ писалъ тогда же: „Вотъ уже пять мѣсяцевъ меня томятъ мистификаціи цензуры, то манящей позволеніемъ, то грозящей запрещеніемъ ея, и, наконецъ, я уже самъ не могу понять, въ чемъ дѣло, и чѣмъ моя рукопись могла навлечь неблаговоленіе, и въ чемъ могутъ состоять обвиненія, въ силу которыхъ она задерживается“ („Русская Старина“, 1888 г., кн. 3, стр. 764—765). Гоголя особенно смущало то, что онъ не былъ въ состояніи, какъ предполагалъ, выплатить тяготившій его долгъ въ 4.000 р., сдѣланный для него Жуковскимъ съ цѣлью доставить ему возможность возвратиться изъ Москвы въ Римъ. Къ этимъ неудачамъ присоединилась еще относившаяся къ тому же времени ссора Гоголя съ Погодинымъ, такъ что общее впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ своего короткаго пребыванія въ Москвѣ въ 1842 году, было самое безотрадное. Это отразилось и на письмахъ его къ Языкову, котораго также, какъ убѣдился наконецъ Гоголь, трудно было въ скоромъ времени ожидать въ Москву. Если въ сентябрѣ 1841 года онъ писалъ своему новому пріятелю: „Жизнь наша можетъ быть здѣсь (въ Москвѣ)

полно-хороша и безбурна, кофе (любимый напитокъ Языкова) уже доведенъ мною до совершенства; никакого безпокойства нѣтъ ни отъ кого"; если онъ тогда соблазнялъ Языкова перспективой пріятной уединенной жизни въ Москвѣ,—то въ началѣ 1842 г. настроеніе его существенно измѣнилось: насколько онъ прежде стремился въ Москву, настолько теперь нетерпѣливо рвется изъ нея. Ему не терпится ѣхать за границу, все въ тотъ же излюбленный Римъ и къ другу своему Языкову, какъ ни странно могло бы показаться такое сопоставленіе въ виду пребыванія Языкова въ Ганау, вдали отъ Рима, и почти въ безпомощномъ состояніи, но Гоголю успѣла уже крѣпко запасть мысль о необходимости переселить друга въ Вѣчный городъ, который былъ всегда для него самого источникомъ неисчерпаемыхъ наслажденій. Въ согласіи же Языкова трудно было сомнѣваться при извѣстной мягкости и податливости его характера.

Быстрая перемѣна плановъ Гоголя должна была, конечно, не мало изумить Языкова. Прежде всего онъ не былъ подготовленъ первымъ восторженнымъ письмомъ, въ которомъ восхвалялась Москва и ея климатъ, самая жизнь въ ней,—къ неожиданному заявленію Гоголя, что онъ не можетъ оставаться долго въ Россіи, что не можетъ въ ней успѣшно работать и т. п. Въ третьемъ письмѣ своемъ Гоголь, такъ недавно писавшій С. Т. Аксакову: „теперь я вашъ, Москва моя родина", превозносившій ее и въ письмахъ къ Языкову,—обѣщаетъ ѣхать къ нему снова въ Ганау. Онъ писалъ уже Языкову: „Меня мучитъ свѣтъ и сжимаетъ тоска, и какъ ни уединенно я здѣсь живу, но меня все тяготятъ здѣшніе пересуды, и толки, и сплетни. Я чувствую, что разорвались послѣднія узы, связывавшія меня со свѣтомъ. Мнѣ нужно уединеніе, рѣшительное уединеніе. О, какъ бы весело провели мы съ тобой дни вдвоемъ за нашимъ чуднымъ кофеемъ по утрамъ, расходясь на легкій, тихій трудъ и сходясь на тихую бесѣду за трапезой и ввечеру. Я не рожденъ для треволненій и чувствую съ каждымъ днемъ и часомъ, что нѣтъ выше удѣла на свѣтѣ, какъ званіе монаха. Я пріѣду самъ за тобою. Здоровье мое сдѣлалось значительно хуже. Мнѣ совѣтуютъ ѣхать въ Гастейнъ... какъ кстати"! (Кул., V, 459). Строки эти поразили Языкова и произвели на него сильное впечатлѣніе, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ ожидалъ Гоголь. Странная особенность Гоголя говорить въ письмахъ о настроеніи, не посвящая своихъ корреспондентовъ въ причины, обусловливавшія его, особенность, замѣчаемая еще въ раннихъ письмахъ его юности, заставляла многихъ подозрѣвать его въ скрытности и

непонятной страсти къ мистификаціи: онъ и былъ, конечно, скрытенъ въ указанномъ выше значеніи, но это не мѣшало ему передавать близкимъ друзьямъ свои истинныя чувства. Вслѣдствіе этого онъ, для большинства людей, съ которыми имѣлъ какія бы то ни было отношенія, представлялся загадкой, и многіе изъ нихъ недоумѣвали передъ неожиданными выводами изъ извѣстныхъ одному Гоголю посылокъ. Такъ точно былъ удивленъ и сбитъ съ толку вышеупомянутымъ письмомъ и Языковъ. Онъ такъ отозвался о Гоголѣ по этому поводу въ письмѣ къ своей невѣсткѣ Елизаветѣ Петровнѣ Языковой: „Гоголь до невѣроятности раздражителенъ и самолюбивъ какъ-то болѣзненно; хотя въ немъ это незамѣтно съ перваго взгляда, но тѣмъ хуже для него! Въ Москвѣ онъ только и бываетъ, что у Хомяковыхъ. „Я ихъ люблю“,—пишетъ онъ „и у нихъ отдыхаю душою“... Но всего лучше впечатлѣніе Языкова отъ письма Гоголя раскрываютъ слѣдующія строки: „Я вчера получилъ письмо отъ Гоголя, въ которомъ онъ говоритъ, что наши путешественники“ (надо сказать, что Гоголь собирался къ Языкову съ братомъ послѣдняго Петромъ Михайловичемъ и его управляющимъ Балдовымъ) писали къ нему, чтобы онъ былъ готовъ къ отъѣзду, (письмо изъ Москвы отъ 30-го марта), Гоголь продолжаетъ хандрить немилосердно; говорятъ, что его болѣзнь крайне усиливается отъ досадъ, имъ въ Москвѣ претерпѣваемыхъ. Не знаю, что это значитъ. Я вообще не понимаю еще, что его тревожитъ и чего онъ хочетъ“. Письмо Гоголя, удивившее Языкова, въ самомъ дѣлѣ должно было показаться ему страннымъ, кромѣ указанныхъ прежде соображеній, уже потому, что ему, не посвященному въ причины хандры Гоголя, были непонятны его сбивчивыя объясненія своихъ чувствъ. Во-первыхъ, оно начиналось словами: „Письма моего ты не понялъ. Я самъ виноватъ: я писалъ его непонятно, потому что, признаюсь, мнѣ не хотѣлось, мнѣ было страхъ тяжело обнаружить передъ тобою мое положеніе. Неужели ты думаешь, что въ самомъ дѣлѣ меня могутъ смутить какія бы то ни было сплетни? Да я, пожалуй, самъ про себя готовъ на такія сплетни, какихъ еще не приснилось никому. Признаюсь, мнѣ было тяжело смущать и тебя. Я назвалъ ихъ неопредѣленно сплетнями. Мнѣ тяжело было представить иное въ печальномъ видѣ, которымъ я манилъ тебя, какъ свѣтлымъ“ (Соч. Гог., изд. Кул., т. V, стр. 467). Можно предполагать, что Языкову не много больше удалось понять изъ этого письма, чѣмъ изъ предыдущаго. Правда, Гоголь дѣлаетъ болѣе прозрачные намеки, но опять неудовлетворительные для того, кому была неизвѣстна

сущность дѣла, хотя въ самомъ бѣгломъ очертаніи. „Можно бы не смутиться,—продолжалъ Гоголь,—еслибы эти гадости состояли просто изъ однихъ подлыхъ толковъ; но эти гадости, сплетни или каверзы, или какъ хочешь вообрази ихъ себѣ, лишили меня всего, грозили отнять даже мои бѣдныя средства существованія. Эти гадости довели меня до послѣдней крайности нужды, заставили меня быть безчестнымъ передъ тѣми, у которыхъ я взялъ деньги съ обѣщаніемъ выплатить въ назначенное время", и т. д. Мы теперь знаемъ, въ чемъ было дѣло, но не зналъ того и не могъ знать Языковъ.

Между тѣмъ, сборы Гоголя и Петра Михайловича Языкова въ Ганау затягивались на неопредѣленное время. Вмѣсто того, чтобы скорѣе привести въ исполненіе свое благое намѣреніе, которымъ онъ было-оживилъ стосковавшагося брата, П. М. поѣхалъ по дѣламъ въ Симбирскъ и въ Реньевку и тамъ остался надолго. Наконецъ Гоголь, устроивъ свои дѣла по печатанію „Мертвыхъ Душъ" и видя, что ждать П. М. и Балдова пришлось бы слишкомъ долго, двинулся въ путь одинъ. Передъ отъѣздомъ онъ написалъ своему другу небольшую записочку, начинающуюся словами. „П. М. не ѣдетъ. Но я ѣду къ тебѣ" [1]).

Когда Гоголь пріѣхалъ къ Языкову, онъ началъ нѣжно и заботливо ухаживать за нимъ, какъ нѣкогда за рано угасшимъ юношей, Іосифомъ Віельгорскимъ. Но онъ не оставлялъ въ то же время мысли о совмѣстномъ путешествіи съ Языковымъ въ Римъ. Сначала они тронулись вмѣстѣ въ Гастейнъ, потомъ въ Венецію, куда прибыли во второй половинѣ 1842 г. (фактъ неизвѣстный до сихъ поръ въ біографіи Гоголя, но несомнѣннымъ образомъ засвидѣтельствованный письмомъ Языкова, отъ 26 сент. 1842 г.) и, наконецъ, въ Римъ [2]). Хлопоты и ухаживанія Гоголя были чрезвычайно полезны для Языкова и оцѣнены имъ съ должной благодарностью, но Языковъ не былъ доволенъ поѣздкой въ Римъ, гдѣ увлекавшійся Гоголь оказался плохимъ товарищемъ своему больному спутнику, который, тяготясь вообще всякимъ притокомъ впечатлѣній, не могъ, разумѣется, раздѣлять восторги Гоголя. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ Языковъ: „Не

---

[1]) Письмо это невѣрно присоединено г. Кулишемъ къ письму 30-го марта; въ подлинникѣ оно представляется совершенно отдѣльно и, безъ сомнѣнія, было писано уже на отъѣздѣ.

[2]) Вотъ нѣсколько строкъ изъ этого письма: „Я въ Венеціи, куда, подъ осѣненьемъ Гоголя, благополучно прибылъ 22 сентября, и гдѣ мы сидимъ довольно хорошо. Погода стоитъ негодная, но я все-таки уже видѣлъ площадь св. Марка и даже самый соборъ".

знаю, какъ благодарить Гоголя за все, что онъ для меня дѣлаетъ: онъ ухаживаетъ за мною и хлопочетъ обо мнѣ, какъ о родномъ; не будь его теперь со мною, я бы вовсе истомился. Вѣроятно, болѣе, нежели вѣроятно, что я рѣшусь ѣхать зимовать въ Римъ". Но о жизни въ Римѣ онъ писалъ послѣ слѣдующее: „Холодно мнѣ и скучно и даже досадно, что я согласился на льстивыя слова Гоголя и поѣхалъ въ Римъ, гдѣ онъ хотѣлъ и обѣщался устроить меня, какъ нельзя лучше; на дѣлѣ вышло не то: онъ распоряжается крайне безалаберно, хлопочетъ и суетится безтолково, почитаетъ всякаго итальянца священною особою [1]), почему его и обманываютъ на каждомъ шагу. Мнѣ же, не знающему итальянскій языкъ, нельзя ничего ни спросить, ни достать иначе, какъ чрезъ посредство моего любезнѣйшаго автора „Мертвыхъ Душъ"; я же совѣщусь его безпокоить и вводить въ заботы, тѣмъ паче, что изъ нихъ выходитъ вздоръ".

Въ Римѣ жизнь представляется Языкову неудобною въ сравненіи съ германской: „здѣсь несравненно дороже", писалъ онъ, „чѣмъ въ Германіи, хотя устройства для иностранцевъ нѣтъ такого, какъ у смышлёныхъ нѣмцевъ. Въ Ганау не было мнѣ такъ скучно, какъ теперь въ Римѣ. Я еще не могу наслаждаться осматриваніемъ здѣшнихъ великихъ достопамятностей и, вѣроятно, не буду въ состояніи это дѣлать, какъ бы слѣдовало порядочному человѣку". Кончилось тѣмъ, что, не давая Гоголю замѣтить причиняемаго имъ, вмѣсто помощи, невольнаго стѣсненія, Языковъ постарался освободиться отъ его дружескихъ услугъ и странствовать отдѣльно. Но прежде такого рѣшенія ему долго еще пришлось пользоваться попеченіями Гоголя. Такъ, въ концѣ 1842 г., Гоголь писалъ однажды А. О. Смирновой, что, узнавъ о пріѣздѣ ея во Флоренцію, хотѣлъ бы тотчасъ поѣхать къ ней, но его удерживалъ находившійся на его рукахъ Языковъ. Какъ бы то ни было, разставаясь потомъ съ Гоголемъ, Языковъ вынесъ прочное убѣжденіе въ непрактичности Гоголя и его неумѣренномъ пристрастіи къ Италіи и итальянцамъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, сообщая одному изъ братьевъ о предстоявшей поѣздкѣ Гоголя въ Италію, онъ говорилъ: „Въ Римѣ ему будетъ веселѣе; онъ любитъ Италію и даже итальянцевъ до безумія". Наконецъ, въ половинѣ 1843 года Языковъ поѣхалъ въ Россію, оставивъ Гоголя его заграничнымъ увлеченіямъ.

---

[1]) О недовольствѣ Гоголемъ Языкова ср. въ „Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ" С. Т. Аксакова („Русск. Арх.", 1890, VIII, стр. 66).

XXXII.

Сношенія Гоголя съ Языковымъ заслуживаютъ того, чтобы на нихъ остановиться и посвятить имъ особое вниманіе.

Слѣдуетъ прежде всего отмѣтить, что дружба ихъ не имѣла въ сущности той глубокой и прочной основы, которая можетъ заключаться единственно въ сходствѣ характеровъ и убѣжденій. Напротивъ, въ внутреннемъ мірѣ обоихъ, повидимому, не было достаточнаго соотвѣтствія, и ихъ пріязнь опиралась преимущественно на поверхностную личную симпатію и на нѣкоторыя внѣшнія причины, такъ или иначе способствовавшія ихъ сближенію. Мы видѣли раньше, съ какимъ сочувствіемъ встрѣтилъ Языковъ первыя произведенія Гоголя, а Гоголь, въ свою очередь, еще задолго до личнаго знакомства съ Языковымъ восхищался его стихами. Еще въ 1833 году, въ письмѣ къ своему другу, А. С. Данилевскому, говоря о разныхъ неудачныхъ явленіяхъ литературы, онъ сказалъ ему: „Не поподчивать ли тебя чѣмъ-нибудь изъ Языкова, чтобы закусить навозъ конфектами“, и вслѣдъ затѣмъ приводитъ одно изъ новыхъ его стихотвореній. При непосредственномъ знакомствѣ съ Языковымъ Гоголь нашелъ въ немъ нѣсколько глубоко симпатичныхъ сторонъ. Кромѣ того обаянія, которое производила необыкновенная деликатность, мягкость и искреннее добродушіе Языкова, Гоголя сближало съ нимъ общее имъ обоимъ убѣжденіе въ высокомъ призваніи поэта и писателя вообще, свойственная имъ обоимъ религіозность и, наконецъ, сходные тѣлесные недуги. Но нельзя сказать, чтобы между ними установилось истинное духовное общеніе и то взаимное пониманіе, какое отличало, напримѣръ, отношенія Гоголя къ Смирновой, въ которой, вслѣдствіе значительнаго сходства ихъ міросозерцаній, находило оттолосокъ каждое его слово. Прежде всего, Гоголь и Языковъ далеко не одинаковыми глазами смотрѣли на соединявшія ихъ отношенія. Языковъ видѣлъ въ Гоголѣ не болѣе, какъ одного изъ наиболѣе симпатичныхъ пріятелей — и только. Нигдѣ въ его перепискѣ не замѣтно проявленіе особенной дружбы къ Гоголю, хотя онъ относился къ нему неизмѣнно съ искреннимъ сочувствіемъ и говорилъ о немъ всегда вполнѣ серьезнымъ и уважительнымъ тономъ, что, при свойственной ему, правда, шутливой и добродушной насмѣшливости, распространявшейся на самыхъ близкихъ друзей, составляло рѣшительное исключеніе (кромѣ Гоголя, съ неизмѣннымъ уваженіемъ Языковъ относился

къ одному своему зятю, А. С. Хомякову). Но Языковъ былъ не только не склоненъ, подобно Смирновой, сочувствовать и вторить нравоучительнымъ разсужденіямъ Гоголя,—нѣтъ сомнѣнія, что письма Гоголя только скользили по душѣ его, не оставляя въ ней слѣдовъ, и по прочтеніи сдавались на „крѣпкое храненіе“ одному изъ братьевъ, и это не потому, чтобы Языковъ находилъ неудовлетворительной философію Гоголя, а просто въ силу совершенно несходнаго ихъ психическаго склада. Конечно, ничего подобнаго Гоголь и не подозрѣвалъ, иначе онъ бы не сталъ расточать передъ Языковымъ свои „душевныя открытія“, которымъ придавалъ вовсе не обыденное значеніе. Въ противоположность отвлеченнымъ разсужденіямъ, переполняющимъ большинство писемъ Гоголя послѣдняго десятилѣтія, вся переписка Языкова до послѣднихъ дней его жизни изобиловала шутками, анекдотами, сообщеніемъ новостей,—однимъ словомъ, носила характеръ совершенно внѣшній, такъ сказать, фактическій, и безусловно была чужда какихъ бы то ни было отвлеченностей. Поэтому и разсужденія Гоголя, какъ говорится, пропускались мимо ушей, и Языковъ относился къ нимъ вполнѣ безразлично, не увлекаясь ими и не поражаясь ихъ странностями [1]). Но, къ счастью, при выборѣ своихъ друзей, Гоголь, углубленный въ свой внутренній міръ, соображался не столько съ ихъ дѣйствительными качествами, сколько съ предполагаемыми, и задаваясь нравственнымъ вліяніемъ на нихъ, чувствовалъ потребность не столько въ собесѣдникахъ, сколько въ слушателяхъ. Гоголь полюбилъ Языкова не за одинъ его открытый характеръ и добродушіе, но еще больше за то, что онъ былъ для него поэтомъ, котораго ему предстояло направить на путь истинный, воодушевить возвышенными стремленіями и обратить на служеніе духовнымъ интересамъ. Выработавъ себѣ идеальный взглядъ на призваніе писателя, онъ не удовлетворялся желаніемъ осуществить его въ своей личной дѣятельности, но хотѣлъ способствовать и выполненію его другими. Оттого его письма къ Языкову наполнены различными поощреніями и совѣтами, и оттого же, когда Гоголь узналъ отъ Языкова о многообѣщающемъ поэтическомъ талантѣ И. С. Аксакова, — онъ готовъ былъ съ такой же ревностью устремить свое вліяніе на этого юнаго тогда пѣвца. Хотя другіе

[1]) Что Гоголь не казался страннымъ Языкову въ послѣднее время его жизни, видно изъ слѣдующихъ словъ его: „Не знаю, съ чего пошелъ слухъ, что Гоголь сошелъ съума и сжегъ продолженіе „Мертвыхъ Душъ“. Я вчера получилъ отъ него письмо, въ которомъ сумасшествія не замѣтно, а о своихъ сочиненіяхъ онъ обыкновенно ничего не пишетъ“ (9 окт. 1846 г.).

заботы и интересы отвлекли потомъ Гоголя отъ музы Аксакова, и притомъ онъ ею, кажется, остался не вполнѣ доволенъ, тѣмъ не менѣе тотъ живой интересъ, съ которымъ онъ принялъ пріятно поразившее его извѣстіе, заслуживаетъ упоминанія [1]). „Я порадовался,—отвѣчалъ онъ Языкову,—что у Аксакова Ивана есть талантъ. Я писалъ къ отцу, чтобы прислалъ онъ его стиховъ; напомни и ты, или, лучше,—пришли самъ“ (Соч. Гог. изд. Кул., VI, 229). Въ самомъ дѣлѣ, незадолго передъ тѣмъ, въ концѣ ноября 1845 года, Гоголь писалъ объ этомъ С. Т. Аксакову (Кул. VI, 225). Но, какъ видно изъ письма Гоголя къ С. Т. Аксакову, отъ 23 марта 1846 г., и къ Языкову, отъ 24 марта (изд. Кул. VI, 244), ожиданія Гоголя не были удовлетворены. Одно стихотвореніе очень понравилось Гоголю, и во многихъ другихъ онъ также находилъ признаки таланта, но откровенныя слова его, что онъ удивляется, почему послѣдніе стихи уступаютъ первымъ, уже не оставляютъ сомнѣнія, что похвалы его юному таланту имѣли условное значеніе. Но такъ какъ „въ юношѣ виденъ талантъ рѣшительный, стремленіе приспособить поэзію къ дѣлу и къ законному вліянію на текущія современныя событія“, то Гоголь совѣтуетъ Языкову прочесть ему свои письма о назначеніи лирической поэзіи. „Шутка не въ нашихъ мараньяхъ, — говорилъ по поводу этихъ писемъ Гоголь, — но въ томъ, что благодать Божія озаряетъ нашъ умъ и заставляетъ его увидѣть истину даже и въ мараньяхъ“. Гоголю казалось, что эти „маранья“ принесутъ пользу поэту, который „еще не воспитался и будетъ еще долго ходить и колесить около, пока не попадетъ на самое дѣло“. И очень можетъ быть, что еслибы стихотворенія И. С. Аксакова понравились ему больше, а съ другой стороны личныя отношенія ихъ были ближе, онъ сталъ бы такъ же сердечно заботиться о развитіи таланта Аксакова, какъ онъ горячо ратовалъ за очищеніе музы Языкова.

XXXIII.

Принимая участіе въ болѣзни Языкова, Гоголь также больше всего интересовался аналогіей между своимъ собственнымъ положеніемъ и положеніемъ дорогого ему скорбящаго и болящаго

[1]) Мнѣніе Гоголя было передано С. Т. Аксаковнымъ сыну, который не могъ признать его справедливымъ: „Мнѣ кажется, что я больше владѣю уже формой, чѣмъ прежде“, писалъ онъ, „что я подвинулся впередъ, тамъ, что ни говори Гоголь“. (Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ“, т. I, стр. 323).

друга, и потому его совѣты, касающіеся леченія, являются всегда болѣе или менѣе отраженіемъ тѣхъ мистическихъ взглядовъ, которые у него составлялись относительно своихъ собственныхъ болѣзней. Самой любимой темой его писемъ къ Языкову, кромѣ призывовъ къ настроенію лиры на возвышенный ладъ, были именно эти совѣты о леченіи; но въ чемъ же они состояли? Гоголь составилъ себѣ извѣстное убѣжденіе, что все спасеніе для человѣка и писателя заключается въ самоуглубленіи и умѣньѣ находить въ своей душѣ, очищенной посредствомъ молитвы, отвѣты, даваемые самимъ Богомъ. Этимъ умѣньемъ онъ хочетъ подѣлиться съ своими друзьями и такимъ образомъ принести имъ пользу. Странно видѣть, какъ мистицизмъ доводилъ Гоголя до крайняго самообольщенія. Наставляя другихъ, Гоголь не имѣлъ никакой реальной опоры въ своихъ разсужденіяхъ и, блуждая ощупью, прибѣгалъ къ молитвѣ, послѣ которой чувствовалъ себя освѣженнымъ и получалъ увѣренность, что мучившіе его вопросы разрѣшены имъ по указанію самого Бога. Само собой разумѣется, что отвѣты были тѣ, которые всего больше нравились Гоголю и больше его ободряли. Когда Гоголь спрашивалъ въ молитвѣ, зачѣмъ ему посылаются болѣзни, отвѣтъ былъ тотъ, что болѣзни нужны и благодѣтельны, и это успокоивало его, такъ какъ гораздо отраднѣе было видѣть въ болѣзняхъ таинственный путь къ совершенствованію, нежели самый неудобный и прозаическій тормазъ для дѣятельности; если онъ спрашивалъ объ успѣхѣ своей или чужой литературной дѣятельности, своей или чужой болѣзни, то отвѣтъ также получался благопріятный, и притомъ имѣвшій еще то преимущество, что, по мнѣнію Гоголя, сомнѣваться въ немъ было бы невѣріемъ и святотатствомъ. Когда Гоголь говоритъ Языкову, что „прозрѣваетъ въ его письмѣ, вслѣдствіе своего внутренняго чутья, даже сквозь самыя развлеченія и даже мази Иноземцева“, что отъ него „не такъ далеко время писанья и работы“ (Кул. VI, 31), то это могло быть не однимъ утѣшеніемъ пріятеля, но и искренней увѣренностью. Однажды даже, не имѣя возможности ѣхать къ Языкову на встрѣчу во время ихъ пребыванія за границей, Гоголь въ молитвѣ получилъ отвѣтъ, что это даже вовсе и не нужно, и можно обойтись безъ этого. „Я хотѣлъ-было ѣхать къ тебѣ на встрѣчу въ Дрезденъ,—писалъ онъ, — но оробѣлъ при видѣ разстоянія, усталъ сильно отъ поѣздокъ, да и карманъ сталъ изрядно тощеватъ. Впрочемъ, все это меня никакъ бы не остановило, еслибы я только услышалъ, что присутствіе мое нужно“ (Кул. VI, 20). Напротивъ, когда Языкову случалось дѣ-

литься съ Гоголемъ какимъ-нибудь горемъ (однажды онъ жаловался ему на своихъ противниковъ, приверженцевъ западнической теоріи), то Гоголь отвѣчалъ ему не столько на эти жалобы, сколько на свои собственныя мысли. Онъ, правда, спѣшилъ съ словомъ утѣшенія, но это слово походило скорѣе на назиданіе проповѣди, нежели на совѣты друга. Самое характерное письмо Гоголя къ Языкову—это, по моему мнѣнію, письмо, отъ 15-го февраля 1844 г. изъ Ниццы. Здѣсь Гоголь развиваетъ цѣлую теорію утѣшенія въ болѣзняхъ и скорбяхъ, не замѣчая въ своемъ увлеченіи, что всѣ его доводы основываются на цѣломъ рядѣ „*можетъ быть*“, которыя не мѣшаютъ ему эти доводы считать гораздо основательнѣе и надежнѣе самыхъ строгихъ логическихъ доказательствъ.

Любопытно, что, запутавшись въ мистическихъ толкованіяхъ, Гоголь не замѣчалъ самыхъ вопіющихъ противорѣчій самому себѣ. Такъ, отыскивая ощупью тотъ путь, который долженъ былъ привести его къ познанію отъ многихъ скрытой истины, онъ старался посвятить въ него и своихъ друзей. Онъ даетъ подробныя объясненія Языкову, какъ слѣдуетъ искать отвѣтовъ на душевные вопросы; но, желая дѣлиться съ другими своей мудростью, онъ наивно проситъ у нихъ, въ свою очередь, помощи въ такомъ же нравственномъ руководствованіи. „Будемъ добиваться отвѣтовъ изъ глубины душъ нашихъ,—пишетъ онъ Языкову,—и что̀ найдемъ тамъ въ утѣшеніе себѣ, подѣлимся по-братски“. Въ силу этого, Гоголь приглашаетъ Языкова къ письменной бесѣдѣ по поводу прочитанныхъ ими обоими книгъ духовно-нравственнаго содержанія. Но вотъ примѣръ другого, еще болѣе страннаго противорѣчія. Совѣтуя Языкову прибѣгнуть къ помощи извѣстнаго доктора Призница, Гоголь хочетъ сообщить ему собственное увлеченіе и преувеличенную вѣру въ чудесное исцѣленіе больныхъ Призницемъ. Въ леченіи Призница Гоголь цѣнилъ не столько медицинскія знанія, сколько оригинальные пріемы, имъ употребляемые. Онъ особенно восхищается, что Призницъ ни мало не смущается, напр., дурной погодой, лихорадочнымъ состояніемъ больныхъ и т. п. „Призницу это ни по чемъ“,—съ восторгомъ восклицаетъ Гоголь, и тотчасъ спѣшитъ дать мистическое объясненіе успѣхамъ его леченія. Такъ, онъ пишетъ Россети: „Не столько самая вода изумила меня своимъ дѣйствіемъ изумительнымъ, сколько геній исцѣляющаго ею, передъ которымъ мы всѣ должны поклониться, и это просто грѣхъ на душѣ нашей, если мы этого не сдѣлаемъ, — потому-что,—это значило бы не благоговѣть передъ величествомъ Божіимъ, вселившимъ въ чело-

вѣка такое откровеніе на благо намъ, въ упрекъ нашей гордости". Ясно, что при такихъ взглядахъ,—чѣмъ что̀ представлялось невѣроятнѣе и необъяснимѣе, тѣмъ больше внушало къ себѣ довѣрія со стороны Гоголя. Но когда Языковъ не послѣдовалъ совѣту Гоголя и, отчаявшись въ помощи медицины, устремился скорѣе на родину, то у Гоголя нашлась другая теорія, по которой въ сущности никакіе врачи, самые геніальные, ничего не могутъ сдѣлать, и всю надежду слѣдуетъ возложить исключительно на молитву и на помощь Божію. Такъ, Гоголь писалъ Языкову: „Мнѣ кажется, что всѣ мази и притиранія надобно понемногу отправлять за окошко. Тѣло твое возбуждали довольно; пора ему дать даже необходимый отдыхъ, а вмѣсто того слѣдуетъ дать работу духу. На болѣзнь нужно смотрѣть, какъ на сраженіе", и т. д. (Кул. т. VI, стр. 34). „Средства физическія могутъ отыскаться многія. Изъ нихъ, конечно, дѣйствительнѣе всѣхъ для тебя—Призницъ; но тебѣ нужно освѣженіе душевное" (Кул. VI, 20). Итакъ, значеніе совѣтовъ Призница и всякаго вообще леченія въ глазахъ Гоголя являлось то чрезвычайнымъ важнымъ, то совершенно ничтожнымъ. Но Гоголь все-таки съ своей точки зрѣнія былъ послѣдователенъ: онъ во всемъ и вездѣ видѣлъ тайну, которую старался угадывать болѣе или менѣе одинаковымъ способомъ.

Говоря объ отношеніяхъ Языкова къ Гоголю, нельзя умолчать о томъ, что всегдашняя деликатность перваго и безпредѣльное добродушіе давали ему нѣкоторое преимущество передъ другими друзьями Гоголя, которымъ случалось не разъ вмѣшиваться довольно безцеремонно въ его дѣла, особенно денежныя. Языковъ также былъ нѣкоторое время связанъ съ Гоголемъ щекотливыми денежными отношеніями, но онъ никогда не измѣнялъ своей мягкости и врожденной деликатности [1]).

---

[1]) Дальнѣйшія замѣчанія о перепискѣ Языкова съ Гоголемъ будутъ приведены ниже. Здѣсь отмѣтимъ только, что письма Языкова къ Гоголю, писанныя имъ въ Москву, рѣдко доходили по назначенію, чѣмъ и объясняется отчасти то, повидимому, странное обстоятельство, что ихъ почти совсѣмъ не имѣется въ бумагахъ Гоголя, принадлежащихъ его наслѣднику, Н. В. Быкову. Слѣдующія слова Языкова, отчасти указываютъ на судьбу этихъ писемъ: „Вчера получилъ я письмо отъ Гоголя, — нѣсколько строкъ; онъ до сихъ поръ не получилъ отъ меня ни одного письма съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхалъ въ Москву, а я писалъ къ нему шесть разъ! Мнѣ это тѣмъ досаднѣе, что въ одномъ изъ пропавшихъ писемъ къ нему было и письмо къ Авдотьѣ Петровнѣ (Елагиной; письмо отъ 28 янв. 1842 г.). Я все-таки не имѣю писемъ отъ Гоголя: видно, они продолжаютъ пропадать. Странно и очень досадно мнѣ, потому что я вообще пишу неохотно. Были въ моемъ письмѣ къ нему письма и со вложеніемъ стиховъ,—это еще досаднѣе писателю". (Это письмо, впрочемъ, должно быть,

XXXIV.

Въ августѣ 1843 года, Языковъ вернулся, наконецъ, въ Москву, совершенно отчаявшись въ излеченіи своихъ недуговъ, съ горькимъ сознаніемъ безпомощности и безполезно проведеннаго времени за границей. Съ тѣхъ поръ до самаго дня смерти онъ велъ безотрадную, убійственно-однообразную жизнь въ четырехъ стѣнахъ своей квартиры, лишь лѣтомъ выѣзжая изрѣдка не надолго покататься на чистомъ воздухѣ. Всѣ подробности его обихода были строго соображены съ предписаніями Иноземцева, снова взявшаго его на свои попеченія и, по старинной пріязни (онъ былъ съ Языковымъ товарищемъ по Дерпту), съ особеннымъ вниманіемъ и необычайной тщательностью слѣдившаго за ходомъ его болѣзни. Нѣсколько разъ у родныхъ возникало предположеніе о временномъ переселеніи Языкова въ Симбирскъ, но уже онъ самъ отклонялъ обыкновенно всѣ подобные планы, ясно сознавая, что такіе переѣзды были совершенно ему не въ моготу. Былъ даже случай, что вѣрный управляющій Языковыхъ, Балдовъ, пріѣзжалъ за нимъ въ Москву, но долженъ было воротиться одинъ. Языкову же приходилось ограничиваться переѣздомъ въ паркъ, въ Сокольники и проч. У него, правда, мелькала надежда, что вскорѣ Иноземцевъ отпуститъ его въ родные края, или даже являлось предположеніе о поѣздкѣ за границу (такъ, въ 1845 году Языковъ помышлялъ о поѣздкѣ къ Призницу, какъ то видно изъ письма къ нему Гоголя, отъ 15 февраля этого года, но, можетъ быть, Языковъ только не хотѣлъ противорѣчить Гоголю, въ то время находившемуся вторично въ періодѣ увлеченія Призницемъ; съ другой стороны, иногда Языкову до такой степени хотѣлось испытать другую методу леченія, что онъ и въ Москвѣ искалъ новыхъ докторовъ, напр. Гиппіуса. Но такіе сборы уже были настолько фантастичны, что

получилъ Гоголь; см. въ изданіи Кулиша, т. V, стр. 458). „Мои письма — не знаю, какой судьбой не доходятъ въ Москву“, говорилъ въ другой разъ Языковъ (письмо, отъ 5 марта 1842 г.). Отмѣтимъ также въ одномъ письмѣ Языкова слѣдующія слова о Гоголѣ: „Братъ Петръ Михайловичъ обѣщалъ прислать Гоголю собраніе словъ русскихъ, имъ же для него записанныхъ, и описаніе крестьянскихъ издѣлій или ремеслъ, имъ же составленныхъ. Гоголю то и другое теперь очень нужно, почему онъ и поручилъ мнѣ написать о томъ по принадлежности“. Въ слѣдующемъ письмѣ снова повторяется та же просьба. Наконецъ, она была исполнена, но Гоголь все-таки не скоро или даже совсѣмъ не получилъ желаемаго (см. изд. Кул., т. VI, стр. 85). О томъ, что Гоголь свободно обращался къ Языкову въ случаѣ денежныхъ затрудненій,—см. письмо Гоголя къ Шевыреву, Кул., VI, 44).

Языковъ и самъ въ нихъ плохо вѣрилъ; ему впору было развѣ заботиться о перемѣнѣ квартиръ, такъ какъ малѣйшія неудобства въ окружающей обстановкѣ были для него невыносимы; и дѣйствительно, эти жестокія прозаическія заботы часто приковывали къ себѣ вниманіе поэта. Иногда у него являлась даже мысль о покупкѣ дома непремѣнно съ небольшимъ садикомъ, потому что въ большомъ садѣ онъ, все равно, могъ бы пользоваться для своихъ рѣдкихъ прогулокъ лишь самымъ незначительнымъ пространствомъ. Но замѣчательно, что связанный болѣзнью буквально въ каждомъ движеніи, Языковъ, несмотря на живой и нѣкогда подвижной характеръ, съ обычнымъ благодушіемъ переносилъ свое тяжелое заключеніе и въ этомъ отчаянномъ положеніи не измѣнялъ природной добротѣ и долго не впадалъ въ раздражительность. Жизнь Языкова въ Москвѣ разнообразилась и оживлялась единственно тѣмъ участіемъ, которое онъ принималъ въ интересахъ литературнаго и ученаго міра. Сначала его отношенія къ этимъ интересамъ были только внѣшнія; но чѣмъ жарче разгоралась обострившаяся въ серединѣ сороковыхъ годовъ полемика между славянофилами и западниками, тѣмъ болѣе Языковъ выходилъ изъ роли спокойнаго наблюдателя и становился человѣкомъ партіи. Такъ какъ въ нашей литературѣ извѣстно только позднѣйшее, вполнѣ опредѣлившееся отношеніе Языкова къ этой полемикѣ, то необходимо съ особеннымъ удареніемъ отмѣтить, что оно сложилось постепенно. Во всякомъ случаѣ, въ первое время по пріѣздѣ въ Москву онъ былъ настолько далекъ отъ позднѣйшей запальчивости, что почти безразлично смотрѣлъ на борьбу обѣихъ партій, добродушно подсмѣиваясь надъ представителями той и другой. Можно сказать положительно, что все вниманіе его поглощалось тогда леченіемъ; если что занимало его тогда, такъ это единственно устройство его „вторниковъ“, которые были задуманы съ тѣмъ, чтобы доставить себѣ хоть какое-нибудь развлеченіе, безусловно необходимое при его общительной натурѣ и вынужденной замкнутости его жизни. Чтобы установить „вторники“, онъ даже ждалъ съ нетерпѣніемъ возвращенія изъ-за границы своего родственника Д. А. Валуева, любившаго хлопотать и устраивать. Когда „вторники“, наконецъ, состоялись, явилась новая забота: духота и громкіе разговоры, а особенно споры, сильно утомляли больного и замѣтно ему вредили. Между тѣмъ, трудно было устранить безпокойства, причиняемыя многолюдными сборищами, при чемъ оказалось, что самыми горячими и самыми интересными спорщиками были особенно дорогіе и близкіе хозяину люди. Однажды Языковъ писалъ одному изъ

братьевъ: „Послѣдній вторникъ былъ у меня очень многолюденъ. Духота чрезвычайная; разговоръ живой, но не крикливый, вѣроятно потому, что не было ни Самарина, ни Аксакова, самыхъ криковыхъ (sic) противниковъ". Эти-то „вторники" и давали содержаніе всей жизни Языкова; на нихъ-то онъ узнавалъ изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, что происходило или предполагалось въ литературномъ мірѣ.

XXXV.

1844-й годъ во многихъ отношеніяхъ былъ знаменательнымъ для московскаго общества: это былъ годъ горячаго столкновенія преобладавшихъ въ то время въ литературѣ направленій,—годъ интересныхъ и блестящихъ университетскихъ диспутовъ и публичныхъ лекцій Грановскаго, за которыми послѣдовали потомъ лекціи Шевырева, много уступавшія, правда, чтеніямъ даровитаго профессора-историка, но все-таки возбуждавшія въ обществѣ умственные интересы. По поводу лекцій Грановскаго Языковъ говорилъ: „Онѣ дѣлаютъ много шуму въ Москвѣ; преподаетъ онъ мастерски и соединяетъ увлекательную рѣчь съ глубокой ученостью и высокимъ взглядомъ на предметъ. Публика слушаетъ его жадно, увлекаясь ежедневно; многія дамы ѣздятъ, и всѣ въ восторгѣ! Это фактъ важный, замѣчательный во многихъ отношеніяхъ, явленіе утѣшительное! Бывало ли когда доселѣ, чтобы на балахъ дѣвицы и дамы съ кавалерами разговаривали о средней исторіи? Лѣтъ пятнадцать назадъ, онѣ и они едва ли знали, что она есть на свѣтѣ! А теперь это вошло въ моду; вошелъ въ моду и разговоръ по-русски—фактъ тоже первой важности". Очевидно изъ этихъ словъ, что у Языкова не было еще никакой вражды къ тому лицу, котораго онъ вскорѣ, въ стихотвореніи „Къ не-нашимъ", обозвалъ оскорбительнымъ названіемъ „блистательнаго лакея". Онъ даже высказывалъ однажды сожалѣніе, что лекціи пріостановились, потому что „бѣдный Грановскій боленъ", а о другомъ своемъ будущемъ противникѣ, Кавелинѣ, пока дружелюбно сообщалъ брату, что онъ предполагалъ прислать послѣднему свою диссертацію. Съ другой стороны, Языковъ не прочь былъ посмѣяться надъ мурмолконосцами", и особенно надъ К. С. Аксаковымъ, за то, что онъ „цѣлую недѣлю разъѣзжалъ по тѣмъ семействамъ, въ которыхъ есть дѣти, пробуя дѣльность или недѣльность воспитанія вопросами, обращенными къ развивающимся птенцамъ: кто лучше—лакей или мужикъ? или тотъ, кто пашетъ,

или кто стоитъ съ тарелкой за столомъ? И горе родителямъ, чей ребенокъ предпочтетъ лакея"! Съ ироніей, хотя и не лишенной искренняго участія и сожалѣнія, говорилъ Языковъ и о безпорядочной хлопотливости Валуева, называя его суетливость оригинальнымъ словомъ „совкость", подсмѣиваясь надъ его стремленіями во что бы то ни стало расширить какъ можно дальше свои литературныя сношенія на Востокѣ и Западѣ, для чего даже безпокоилъ какими-то справками антіохійскаго патріарха и проч. Безпристрастно относился Языковъ и къ „Москвитянину", не закрывая глазъ на его недостатки. „Редакція „Москвитянина" — такая, какихъ мало: пренегоднѣйшая; отъ нея никогда не добьешься толку, и горе тому, кто съ ней свяжется". Самъ Языковъ, хотя и находился въ сношеніяхъ съ „Москвитяниномъ", но преимущественно по давнему личному знакомству съ издателемъ и еще болѣе потому, что братъ его Петръ М. печаталъ тамъ рядъ полемическихъ статей, противъ своего соперника, геолога Квалена.

Въ началѣ 1844 года, въ письмахъ Языкова встрѣчаются еще довольно безпристрастныя сообщенія о томъ, что Кавелинъ или Аксаковъ будутъ защищать или уже защищали диссертаціи, кто присутствовалъ, какъ отнеслось къ диспуту общество. Но съ половины марта Языкова стали сильно волновать слухи о передачѣ Погодинымъ „Москвитянина" въ другія руки и даже о предполагавшемся закрытіи журнала. Намѣреніе Герцена пріобрѣсти „Москвитянинъ" и продолжавшійся успѣхъ лекцій Грановскаго все болѣе дѣлались для Языкова предметомъ захватывающаго интереса. Все это было „злобой дня" въ теченіе цѣлаго марта и апрѣля 1844 г.; московскіе ученые и литературные кружки переживали интересное время. Въ письмѣ Языкова, отъ 15 марта, читаемъ: „Лекціи Грановскаго такъ понравились публикѣ, что она желаетъ ознаменовать свое это удовольствіе ему подаркомъ, собравши по подпискѣ приличную сумму денегъ. Вопросъ: что же ему подарить, т.-е. можно ли, должно ли, позволительно ли дарить? Не будетъ ли даже вредно это общее засвидѣтельствованіе уваженія—вредно преподавателю, каѳедрѣ, слушателямъ? Мыслители раздѣляются на партіи: Алексѣй Степановичъ Аксаковъ и прочіе говорятъ одно; Дмитрій Николаевичъ (Свербеевъ), Павловъ и прочіе—другое, противное; одни предлагали книгу „Московскія Древности" въ великолѣпнѣйшемъ футлярѣ, другіе—часы настольные или прессъ драгоцѣнный. Неизвѣстно, чѣмъ кончатся эти предложенія. Павловъ думаетъ, что все съѣдетъ на нѣтъ. Крику же будетъ много съ обѣихъ сторонъ". Какъ

видно, за поднесеніе почетнаго подарка Грановскому были всѣ крупнѣйшіе вожди славянофильства; самое совѣщаніе происходило въ квартирѣ Языкова, на одномъ изъ его „вторниковъ“, причемъ увлеченіе заставило многихъ споривших забыть о болѣзни хозяина—„разговоръ былъ очень шумный“. Много было толковъ и объ обѣдѣ въ честь блестящаго лектора, и о приготовленіи его портрета въ роскошной рамкѣ. „Портретъ Грановскаго будетъ награвированъ, и такимъ образомъ почетъ оказанъ профессору безпримѣрный въ лѣтописяхъ московскихъ и рѣдкій во всѣхъ вообще, самыхъ западныхъ. Кромѣ того, ему даютъ еще обѣдъ послѣ послѣдней его лекціи. Двадцать особъ сложились деньгами и совокупились сердцемъ, да изъявятъ они свою благодарность питіемъ и пищей оному достопочтенному мужу за духовное напоеніе ихъ духовной алчбы, которое утѣшало ихъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ. Обѣдъ будетъ въ домѣ К. Аксакова. Кушанья русскія, вина дорогія, заморскія! Дмитрій Николаевичъ сядетъ подлѣ Константина Аксакова, Хомяковъ—подлѣ меня, Павловъ—подлѣ Погодина, какъ громоотводы подлѣ облаковъ, могущихъ грянуть грозно на противную сторону, и да не будетъ снова за слова спору, крику, ссоры, бури! Главнымъ распорядителемъ обѣда—старикъ Аксаковъ, а за нимъ Самаринъ. Послѣдняя лекція Грановскаго, конечно, увѣнчана громогласными неоднократными рукоплесканіями восторженной публики“.

Вскорѣ Языковъ, какъ очевидецъ, сообщалъ объ обѣдѣ слѣдующее: „Обѣдъ Грановскаго былъ очень пышенъ и очень веселъ. Противныя партіи не только съѣхались, но и сошлись, обнимались и цѣловались, и послѣ обѣда дѣлаютъ одна другой визиты; это хорошо въ нѣкоторомъ смыслѣ, но мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобы Западъ могъ искренно примириться съ Востокомъ. Увидимъ, что выйдетъ изъ видимаго жаркаго согласія, замѣнившаго собою недавнее жаркое разногласіе“. Языковъ, не испытавшій лично обаянія отъ лекцій Грановскаго, могъ судить о происходившемъ хладнокровнѣе и оказался проницательнѣе другихъ. Одной изъ ближайшихъ причинъ къ послѣдовавшему затѣмъ новому сильнѣйшему раздору послужило, между прочимъ, соревнованіе между профессорами. Оказалось, что „успѣхъ лекцій Грановскаго подгорячаетъ и другихъ профессоровъ выступать на то же поприще; горячатся также Шевыревъ и Погодинъ. Шевыревъ откладываетъ публичныя чтенія исторіи русской словесности до будущаго года, а Погодинъ торопится: того и гляди, зачитаетъ русскую исторію“. Но лекціи Погодина не состоялись. Погодинъ просилъ позволенія прочесть публично пять

лекцій о томъ же предметѣ, что̀ Грановскій. Ему отказано подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ съ перваго мая будетъ уже числиться въ отпуску, который уже данъ ему: такъ какъ же дескать! „Нельзя же такъ явно и очевидно пренебрегать формой“,—сказалъ Строгоновъ“.

Слѣдуетъ замѣтить, что Погодинъ давно уже собирался ѣхать за границу. Еще въ началѣ марта 1844 г. Языковъ писалъ о немъ: „Погодину приходится жутко; вслѣдствіе, вѣроятно, доносовъ, все изданіе съ начала вновь разсматривается духовной цензурой, каковое разсматриваніе приведетъ его, конечно, къ концу [1]). Погодинъ вообще хотѣлъ кончить свое редакторство и профессорство 1844 годомъ включительно; теперь приходится ему придвинуть поближе къ себѣ этотъ срокъ. Онъ собирается на нѣсколько лѣтъ на житье въ чужіе края, чтобы такимъ образомъ удалиться отъ шуму и отъ суетъ мірскихъ, и затѣмъ заняться трудомъ важнымъ“. Вслѣдъ затѣмъ, въ письмѣ отъ 9-го марта, сообщается о предполагавшемся переходѣ „Москвитянина“ въ руки Герцена и Грановскаго. „У Погодина торгуютъ „Москвитянинъ“, зане Михаилъ Петровичъ ѣдетъ будущимъ лѣтомъ лѣтъ на пять или на десять за границу. Герценъ, Грановскій, Крюковъ и вся эта компанія хотятъ издавать журналъ дѣльный и хорошій, въ смыслѣ развитія, какъ само собою разумѣется. Погодинъ проситъ за него,—оставляя себѣ только сборъ по подпискѣ за текущій годъ, что̀ составитъ довольно много денегъ, потому что у него 650 подписчиковъ,—еще 15.000 руб. ассигн. Они хотятъ начать свою редакцію съ 5 №. Увидимъ, что̀-то будетъ. Новые издатели приглашаютъ къ себѣ въ сотрудники Самарина и Аксакова, которые, кажется, не откажутся, желая явиться въ этомъ случаѣ оборонителями православія“. Но препятствіе къ осуществленію этихъ замысловъ явилось вслѣдствіе энергическаго протеста Шевырева, который „сильно возсталъ противъ продажи „Москвитянина“ въ руки гегелистовъ, говоря, что онъ никакъ не потерпитъ, чтобы безбожіе и развратъ проповѣдывались подъ заглавіемъ „Москвитянинъ“. Впрочемъ,—прибавляетъ Н. М. Языковъ,—журналу хозяинъ собственно Погодинъ; еще неизвѣстно, чѣмъ все кончится“. Вскорѣ онъ уже передавалъ другую новость: „Вѣроятно, какъ говорятъ, самъ Шевыревъ будетъ редакторомъ „Москвитянина“, взявъ себѣ работниковъ, и этакъ, де-

[1]) Изъ разныхъ насмѣшливыхъ сообщеній Языкова о цензурѣ приведемъ слѣдующее: „Въ 1 № „Москвитянина“ за 1845 г. цензоръ вычеркнулъ двѣ страницы о Лермонтовѣ и Баратынскомъ, по той единственно причинѣ, что нашелъ ихъ печальными“!

скать, журналъ будетъ хорошъ, и будетъ лучше прежняго". Такимъ образомъ, вмѣшательство Шевырева было главной причиной того, что переходъ „Москвитянина" въ руки Герцена не состоялся, хотя послѣ обѣда Грановскому опять возобновились-было толки о его передачѣ. Дѣло находилось нѣкоторое время въ нерѣшенномъ положеніи. Языковъ сообщалъ въ своихъ письмахъ извѣстія, указывающія на колебаніе Погодина: „Кажется, что покупка „Москвитянина" Герценомъ не состоялась, — писалъ онъ,—и что редакторомъ его, по отъѣздѣ Погодина, будетъ Шевыревъ, который, какъ слышно, хочетъ хорошенько имъ заняться". Но двѣ недѣли спустя читаемъ снова: „Судьба „Москвитянина" еще не рѣшена: еще не знаемъ, останется ли онъ подъ святой хоругвью всеисцѣляющей вѣры, или станетъ подъ черное знамя самодовольнаго разума и невѣрія? Погодинъ же, какъ слышно, остается профессоромъ. Министръ просвѣщенія ублаготворилъ его остаться въ прежней должности, позволивъ ему съѣздить въ чужіе края на годъ, съ полученіемъ обычнаго жалованья. Свои рукописи, собраніе драгоцѣннѣйшее, едва ли не важнѣйшее изъ частныхъ въ Россіи, онъ перемѣщаетъ въ университетъ, да пользуется ими всякій желающій. Подвигъ патріотическій! дѣло достохвальное! мужъ достойный почтенія"!

Отмѣтимъ нѣсколько еще болѣе интересныхъ отзывовъ Языкова о диспутахъ 1844 года.

21-го февр. 1844 г.: „Завтра Кавелинъ будетъ публично защищать свою диссертацію. Публики, вѣроятно, будетъ много. Собираются и дамы, напр. Свербеева, Хомякова, Зонтагъ. Лекціи Грановскаго продолжаются, и лучше прежнихъ".

2-го февр.: Вчера былъ диспутъ Кавелина. Всѣ думали, что и Богъ знаетъ что будетъ—ничуть не бывало! Диспутъ слабый, говорили немногіе, и то понемногу. Министръ юстиціи не присутствовалъ".

Марта 4-го: „Послѣ публичнаго защищенія диссертаціи Кавелина, которое не было довольно шумно, потому что предметъ слишкомъ новъ даже для ученыхъ, проф. Рѣдкинъ сказалъ Кавелину торжественно: „Я долженъ благодарить васъ отъ лица всего факультета за то, что вы привели въ порядокъ предметъ столь важный. Ваша диссертація—лучшее доказательство того, что въ нашемъ законодательствѣ со времени Петра I нѣтъ никакой послѣдовательности, никакого разумнаго начала". Эти слова, сказанныя въ присутствіи гр. Строганова, всего университета и публики, произвели большой соблазнъ во многихъ".

Марта 13-го „В. Крюковъ, Рѣдкинъ, Коршъ, Грановскій приняли на себя изданіе „Библіотеки для Воспитанія". Каждый изъ

нихъ взялъ на себя особое отдѣленіе подъ надзоръ: русской исторіей завѣдуетъ Погодинъ, русской словесностью Шевыревъ и Хомяковъ, и азъ присовокупилъ имя свое къ прочимъ, и даже геологъ взялся смотрѣть за отдѣленіемъ естественныхъ наукъ. Дай Богъ, чтобы все пошло по писанному плану"!

31-го мая: „Въ субботу 3-го іюня Самаринъ будетъ публично защищать диссертацію. Съѣздъ будетъ большой: духовенство, ученость, дамы и проч. Всѣ жаждутъ слышать торжественное преніе, такъ сказать, вождей".

3-го іюня: „Сегодня диспутъ Самарина. Публика собирается большая, блестящая, изящная, высокая: назову Чаадаева—и довольно! Самъ Филаретъ, вѣроятно, будетъ: онъ очень ласково принялъ Самарина, отвезшаго ему свою диссертацію; говорилъ съ нимъ о ней, и согласился съ его мнѣніемъ о Стефанѣ Яворскомъ и Θеофанѣ".

Въ началѣ іюня, безъ даты: „Диспутъ Самарина былъ торжественно-блистателенъ; доблій юноша, въ присутствіи многочисленныхъ слушателей, въ виду пышной публики, даже и кавалеровъ, твердо стоя на каѳедрѣ, защищалъ съ краснорѣчіемъ искуснаго діалектика свои положенія, защищалъ бойко, смѣло, рѣшительно и побѣдно. По окончаніи диспута, деканъ словеснаго факультета, проф. Давыдовъ, сказалъ Самарину, что его диссертація никуда не годится, ничего не доказываетъ, слаба и неосновательна, и послѣ этихъ словъ расхвалилъ его же, и назвалъ его же достойнѣйшимъ юношей. Этотъ отзывъ декана обидѣлъ публику и, вѣроятно, есть дѣло какихъ-либо тайныхъ козней. Митрополитъ не былъ на диспутѣ; Чаадаевъ былъ".

По поводу упоминанія о митрополитѣ Филаретѣ позволимъ себѣ привести одинъ забавный анекдотъ. „Недѣли три назадъ, — разсказывалъ Языковъ въ одномъ письмѣ, — М. Н. Загоскинъ, ѣхавши къ митрополиту Филарету, заѣхалъ къ Нащокину. Павелъ Воиновичъ присовѣтовалъ ему купить у Люке фунтъ конфектъ и подарить его высокопреосвященству. Загоскинъ такъ и сдѣлалъ. Оказалось, что на оберткахъ сластей красуются изображенія распятія, св. Богородицы и проч. Филаретъ замѣтилъ это генералъ-губернатору, который распорядился какъ слѣдуетъ. Съ изустнымъ отвѣтомъ на замѣчаніе митрополита былъ посланъ оберъ-полиціймейстеръ Цынскій. Ц. подошелъ къ Филарету при выходѣ его изъ собора и началъ такъ: „Такъ какъ ваше высокопреосвященство донесли его сіятельству"... Филаретъ прервалъ его словами: „не донесли, а отнеслись... и поди ты отъ меня прочь: я не хочу говорить съ тобой"!

Сент. 20: „На дняхъ начали читать университетскія лекціи новые профессора: Кавелинъ и Ефремовъ. Кавелинъ началъ очень плохо и не поправился еще; читаетъ исторію русскаго законодательства. Давыдовъ сказалъ о немъ: „что̀ это за профессоръ, читаетъ исторію русскаго законодательства по Гречу“.

О лекціяхъ Шевырева Языковъ сообщалъ въ концѣ 1844 г.: „Съ 20-го ноября начинаетъ Шевыревъ публичныя лекціи по исторіи русской литературы“; а вскорѣ затѣмъ онъ передавалъ о его чтеніяхъ слѣдующія подробности: „Шевыревъ успѣлъ начать блистательно: громъ рукоплесканій то-и-дѣло осыпалъ слова, глубоко проникавшія въ сердца многочисленныхъ слушателей. Дай Богъ, чтобы этотъ восторгъ не охладѣлъ, когда будетъ говорить о старинномъ языкѣ и рукописяхъ, о языкѣ, котораго никто не знаетъ, и о рукописяхъ, которыхъ никто и знать не хочетъ. Шевыревъ открылъ Америку: цѣлую духовную литературу древней Руси. Само собой разумѣется, что разглагольствованія объ этакихъ предметахъ не найдутъ сочувствія въ модной публикѣ. Партія Чаадаева будетъ придираться къ Шевыреву“.

2 декабря: „Шевыревъ торжествуетъ! Надо замѣтить, что онъ едва ли не ученѣе всѣхъ профессоровъ московскаго университета. Чтенія его такъ занимательны и сильны, что партія Чаадаева и партія Грановскаго,—что̀ почти одно и то же,—кричатъ и вопятъ, видя его побѣду и одолѣніе. Герценъ не ходитъ на его лекціи. Дамы говорятъ, что лекціи Шевырева патріотичны и слишкомъ раціональны. Студенты университета противъ Шевырева (онъ не потворствуетъ молодежи, которая желала ходить на его лекціи только для толкотни и публики, а Грановскій давалъ свои билеты безденежно); Аксаковъ говоритъ, что боится, какъ бы не было драки на лекціи, и готовитъ себя и кулаки свои въ защиту православія“ [1]).

XXXVI.

Къ сожалѣнію, какъ ни много осталось писемъ послѣ Языкова и какъ ни откровенно онъ всегда высказывался въ нихъ, они все-таки не даютъ намъ вполнѣ опредѣленнаго отвѣта на

[1]) Изъ цѣлаго ряда приведенныхъ выписокъ очевидно, что Языковъ постепенно становился пристрастнѣе и враждебнѣе къ противной партіи, но и въ самый разгаръ полемики у него встрѣчаются такія строки: „Вчера Валуевъ читалъ свое предисловіе къ „Историческому Сборнику“; статья публицистическая, верхоглядная, съ Хомяковскими замашками“ и проч.

то, благодаря чему именно онъ сдѣлался ярымъ ревнителемъ славянофильскихъ идей. Есть только немногія данныя, въ силу которыхъ можно предполагать, что самолюбіе его было сильно оскорблено рѣзкими критическими статьями „Отечественныхъ Записокъ“ о немъ и Хомяковѣ—статьями, принадлежавшими перу Бѣлинскаго. Но, конечно, это могло быть только рѣшительнымъ толчкомъ, а не единственной причиной раздраженія Языкова противъ западниковъ. При своей полной замкнутости Языковъ, никуда не выѣзжавшій, слѣдившій за всѣмъ происходящимъ въ литературномъ мірѣ по разсказамъ близкихъ людей, сталъ незамѣтно все болѣе проникаться ихъ взглядами и усвоивать ихъ отношенія къ тому, что̀ составляло „злобу дня“. Это обстоятельство должно было имѣть большое значеніе при его всегдашней несамостоятельности [1]). Если прибавить ко всему этому давнее нерасположеніе Языкова ко всему иностранному и, слѣдовательно, ко всякому увлеченію имъ, то этимъ, вѣроятно, будутъ исчерпаны всѣ причины, сдѣлавшія Языкова „славянофиломъ по родству“.

Во второй половинѣ 1844 года, какъ извѣстно, стало ходить по рукамъ написанное Языковымъ: посланіе „Къ не-нашимъ“, получившее въ свое время громкую извѣстность и звучными стихами (многіе находили, что никогда еще стихъ Языкова не поднимался до такой высоты), и крайней запальчивостью. Въ обществѣ и литературѣ стихи вызвали крайнее негодованіе. Кѣмъ-то было даже публично высказано рѣзкое мнѣніе, что „писать подобнаго рода стихи, швырять изъ-подъ покровительства спинной чахотки въ честныхъ людей каменьями—неблагородно“ („Вѣстн. Европы“, 1871 г., 247 стр., статья Жихарева: „П. Я. Чаадаевъ“). Но иначе смотрѣлъ на это дѣло самъ Языковъ: „Въ разсужденіи моего посланія „Къ не-нашимъ“, критики, можетъ быть, и справедливы; но вѣдь они вовсе не знаютъ, въ чемъ тутъ дѣло, и что тутъ вовсе нѣтъ пристрастія: мнѣ не нужно было опредѣлять то, что̀ знаютъ тѣ, къ кому и для кого именно писано посланіе. Едва ли можно назвать духомъ партіи дѣйствіе, какое бы оно ни было, противъ тѣхъ, которые хотятъ доказать, что

[1]) Въ своихъ воспоминаніяхъ о Герценѣ, Д. Н. Свербеевъ объяснялъ вспышки Языкова подстрекательствомъ окружающихъ: „Братъ поэта, ученый геологъ, равнодушный ко всякимъ религіознымъ, политическимъ и нравственнымъ вопросамъ, изъ любви посмѣяться надъ ближнимъ (а тутъ подъ рукой случилась ихъ цѣлая толпа), додразнилъ поэта до того, что этотъ болѣзненный человѣкъ разразился ругательными стихами на Чаадаева“ (См. „Русск. Архивъ“, 1872, 679), „Воспоминанія объ А. И. Герценѣ“, Д. Н. Свербеева.

они имѣютъ *не только право, но и обязанность презирать народъ русскій* и доказывать, что въ немъ много порчи, тогда какъ эту порчу родило и воспитало и еще продолжаетъ рождать и воспитывать то, что они называютъ своимъ убѣжденіемъ". Такъ какъ Языковъ, не бывая въ обществѣ, не могъ судить о размѣрахъ возбужденнаго посланіемъ негодованія, то онъ получалъ отъ друзей увѣщанія и предостереженія, судя по приведеннымъ строкамъ его отвѣта и по другимъ письмамъ; но замѣчательно, что въ тонѣ его отвѣта звучитъ твердая нота увѣренности въ своей правотѣ. Онъ продолжалъ настаивать на томъ, что „въ защитѣ праваго, честнаго и даже святого дѣла никакой низости" не видитъ, „какова бы форма этой защиты ни была: есть бо Духъ Божій и духъ льстечь"... „Грановскій сердится на меня о сю пору",—писалъ онъ уже 28 марта 1845 года: — „не по сердцу ему выраженіе: *блистательный лакей*. Пусть сердится: эти стихи сдѣлали свое дѣло, раздѣлили то, что не должно быть вмѣстѣ; отдѣлили овецъ отъ козлищъ; польза большая"! Любопытно, что въ числѣ людей, удерживавшихъ Языкова отъ полемики, былъ, между прочимъ, Гоголь [1]). Хотя первое впечатлѣніе,

---

[1]) Приводимъ здѣсь нѣкоторыя мелкія данныя, касающіяся отношеній Языкова къ Гоголю и Жуковскому.

7 апрѣля 1844 г. „Получилъ я письмо отъ Гоголя: онъ теперь въ Дармштадтѣ, гдѣ и Жуковскій, потому что его высочество Наслѣдникъ будетъ тамъ черезъ недѣлю, и Наслѣдникъ собирается въ Россію. Гоголь собирается лечиться и будетъ совѣтоваться съ Коппомъ и поѣдетъ лѣтомъ купаться въ морѣ. Гоголь вообще, слава Богу, здоровъ, но то-и-дѣло выдумываетъ себѣ болѣзни и часто неудачно, потому что вовсе не знаетъ, такъ сказать, анатомію тѣла человѣческаго; такъ, напримѣръ, по его мнѣнію, сердце находится въ правомъ боку, а тамъ, гдѣ обыкновенно сердце, онъ полагаетъ желудокъ. Онъ теперь пишетъ что-то о современной русской поэзіи; велитъ мнѣ для этого прислать ему во Франкфуртъ мои стихотворенія (см. письмо Гоголя, отъ 2 апрѣля 1844 г., гдѣ дата, вѣроятно, сдѣлана по новому стилю). Но съ кѣмъ пошлю я ихъ и ихъ же у меня нѣтъ! Я пошлю ему новый указъ о пребывающихъ за-границей: не побудитъ ли это его во-свояси; вѣдь ему, который живетъ своими трудами, 200 р. въ годъ сущая не-бездѣлица. Ему этихъ денегъ станетъ на полгода въ Германіи или Италіи".

27 октября. „Я получилъ письмо отъ Гоголя, гдѣ онъ говоритъ, что „петербургскіе литераторы п..., а московскіе б...". Правда, правда! Гоголь крайне сердитъ на Погодина за помѣщеніе его портрета въ „Москвитянинѣ" прошлаго года. Помнишь ли? Портретъ премерзкій"! (См. письмо Гоголя отъ 26 окт. 1844 г. по дополненію, сообщенному въ „Русск. Старинѣ" 1889, I).

11 дек. 1844 г. „Прилагаю здѣсь и письмо Гоголя: оно мой лавръ и лавръ чистый и утѣшительный. Говорятъ, что у Жуковскаго уже готовы 10 пѣсенъ „Одиссеи", и что сверхъ того онъ написалъ сказку. Почтеннѣйшій старецъ и Несторъ музъ"!

1845 г., 17 янв. „Гоголь ѣдетъ въ Парижъ, оттуда въ Италію; видно, ему наскучилъ Франкфуртъ. Въ Римѣ ему веселѣе; онъ любитъ Италію и итальянцевъ до

произведенное на Гоголя посланіемъ „Къ не-нашимъ“, было восторженное (см. изд. Кул., т.VI, стр. 166), но вскорѣ онъ писалъ уже, что „военнолюбивое расположеніе вовсе не прилично мирному характеру“ Языкова, „характеру, по существу своему настроенному къ прохладамъ тишины“. Гоголь также предостерегалъ Языкова отъ раздраженія вообще, а въ частности и противъ такъ-называемыхъ западниковъ: „Ты самъ знаешь, — говорилъ онъ, — что нельзя назвать всего совершенно у нихъ ложнымъ и что, къ несчастію, не совсѣмъ безъ основанія нѣкоторые ихъ взгляды“ (изд. Кул., VI, 179).

Въ письмахъ своихъ къ Гоголю Языковъ, должно быть, довольно энергично предавался прославленію лекцій Шевырева, потому что Гоголь замѣтилъ ему: „Я увѣренъ слишкомъ въ значительности лекцій Шевырева, но знаю также, что онъ способенъ человѣчески увлекаться, переходить нечувствительно въ излишество, и потому весьма можетъ быть, что повредилъ и себѣ, и своему предмету“. Такимъ образомъ, Гоголь не впадалъ въ ослѣпленіе относительно одного изъ друзей, тогда какъ Языковъ не могъ безъ восторга говорить о Шевыревѣ. „Лекціи Шевырева,—писалъ онъ,—возбуждаютъ злость ихъ (т.-е. западниковъ) не тѣмъ, что онъ часто обнаруживаетъ непристойныя стороны католицизма, а тѣмъ, что въ этихъ лекціяхъ ясно и неоспоримо видно, что наша литература началась не съ Кантемира, а вмѣстѣ съ самой Россіей, что эта литература развивалась совершенно сообразно развитію Россіи до Петра. Шевыревъ въ этомъ смыслѣ просто открылъ Америку, а его противники говорятъ, что они все это знали прежде. Они не знали, не знаютъ и не хотятъ знать всего, что у насъ было написано до Петра“. Вообще лекціи Шевырева казались Языкову и другимъ славянофиламъ своего рода событіемъ, живымъ словомъ, необходимымъ для пробужденія въ массѣ патріотическаго чувства и правильнаго взгляда на реформы Петра, которыя представлялись имъ печальнымъ историческимъ недоразумѣніемъ. Все это видно особенно изъ слѣдующихъ словъ, сказанныхъ Языковымъ по поводу окончанія курса публичныхъ чтеній Шевырева: „Лекціи Шевырева кончаются сильно и торжественно. Послѣднія десять произвели большое вліяніе на публику и особенно новый взглядъ на Россію до Петра и на Петровскую Россію: со временъ Петра и до на-

безумія. Гоголя перевели и по-французски, и Сенъ-Бевъ напечаталъ о немъ статью, гдѣ равняетъ Гоголя съ Шекспиромъ, и въ „Débats“ помѣщенъ переводъ его „Вія“. Я этому сердечно радъ: это освѣжитъ Гоголя едва ли не больше, чѣмъ освѣжила его холодная вода, и онъ примется за дѣло“.

шего русскіе въ первый разъ услышали публично мнѣніе, противное обнѣмеченію Руси. Дипломаты боятся, чтобы Шевыревъ не пострадалъ за свое возстаніе на полубога! Константинъ Аксаковъ хлопалъ во всѣ руки и кричалъ браво во все горло въ тѣ сладостнѣйшія минуты своей жизни, когда Шевыревъ читалъ изъ писемъ Карамзина противъ Питера".

Съ конца 1844 г. и въ слѣдующіе годы Языковъ относился уже съ самымъ горячимъ сочувствіемъ ко всему, что̀ предпринимали славянофилы, причисляя къ нимъ и Погодина съ Шевыревымъ. Онъ съ радостью говорилъ, напр., о томъ, что Очкинъ (цензоръ) пропустилъ „Слово" Погодина, „которое здѣшняя цензура исчеркала-было непутемъ" [1]). Появленіе каждой новой силы въ славянофильскомъ лагерѣ Языковъ привѣтствовалъ съ восторгомъ. Такъ, онъ возлагалъ большія надежды на Чижова, по своему обыкновенію крайне увлекаясь и преувеличивая его достоинства. „Чижовъ,—говорилъ онъ,—мужъ доблести великой. Онъ славно бы поднялъ московскій кружокъ, наши души, наши нервы, если бы имѣлъ средства въ Москвѣ остаться. Онъ теперь прямо изъ славянскихъ земель со свѣжими свѣдѣніями, глубокими убѣжденіями и притомъ краснорѣчивъ; его можно назвать звѣздой Востока". Но безусловно восторженно относился онъ къ своему зятю, А. С. Хомякову, дѣйствительно самому даровитому и замѣчательному изъ славянофиловъ. Когда въ Москвѣ пронелъ слухъ, что Герценъ, получивъ наслѣдство отъ отца (въ 1846 г.), хочетъ издавать журналъ, то Языковъ этому радовался потому, что это обстоятельство будто бы дастъ поводъ къ блестящему торжеству славянофиловъ. „Слышно,—писалъ онъ,—что Герценъ хочетъ или купить журналъ, или просить позволенія издавать новый: вѣдь онъ сдѣлался послѣ смерти отца милліонеромъ и хочетъ на Россію нагнать свой поганый духъ. Пусть его! я даже радъ буду, если въ Москвѣ пойдетъ журналъ намъ противный, его непремѣнно и рѣшительно собьютъ наши молодцы! Алексѣй Степановичъ, если только рѣшится ратовать въ журналѣ противъ духа вражьяго, побѣдитъ и низложитъ и уничтожитъ кого угодно. Онъ написалъ отвѣтъ Кавелину, и, говорятъ, такой, что этотъ щелкоперъ, читая его, будетъ рвать на себѣ волосы" [2]).

---

[1]) По этому поводу Языковъ сообщаетъ слѣдующій разсказъ: Погодинъ, встрѣтившись на балѣ у Панина съ гр. Строгоновымъ, изъявилъ ему свое удивленіе, что московская цензура не позволила перепечатывать мѣста изъ „Наказа" Екатерины. „Это такъ и должно быть,—сказалъ Строгоновъ:—при Екатеринѣ надо было послаблять, а теперь надо связывать".

[2]) Вотъ примѣры рѣзкостей Языкова: 20-го февр. 1845 г. „Сегодня диспутъ Гра-

Но если съ одной стороны въ пользу Языкова нѣсколько говоритъ сила убѣжденія (въ правотѣ и непобѣдимости своей партіи), то нельзя не отмѣтить, съ другой, что въ своемъ увлеченіи онъ нерѣдко унижался до недостойной брани противниковъ и несправедливаго къ нимъ отношенія. Такія выраженія, какъ „щелкоперъ", къ сожалѣнію, слишкомъ часто срываются съ его языка. „Вообрази,—писалъ онъ однажды брату,—что „Современникъ" переходитъ въ руки Бѣлинскаго, Тургенева, Огарева и проч. Стыдно Плетневу, что журналъ Пушкина достанется п..... и щелкоперамъ". О Бѣлинскомъ, Грановскомъ, Герценѣ, Кавелинѣ и Рѣдкинѣ онъ не могъ говорить безъ крайняго негодованія и отвращенія [1]).

новскаго; онъ почислилъ за диссертацію свою статейку о Винетѣ, ту, что уже напечатана въ Валуевскомъ Сборникѣ! Мнѣ кажется, что онъ ужъ слишкомъ важничаетъ, и что вѣтротлѣнный успѣхъ его прошлогоднихъ лекцій, успѣхъ, созданный дамами, далъ ему слишкомъ много уваженія къ самому себѣ"... „Въ Москву явится, можетъ быть, къ тебѣ извѣстный писатель и главный теперешній геній „Отечественныхъ Записокъ", Тургеневъ. Онъ авторъ статьи о Крыловѣ въ № 2 „Отеч. Записокъ", въ которомъ, какъ слышно, разбранены московскіе писатели какъ нельзя хуже. Шевыревъ покуда не ѣдетъ въ Питеръ; ему прислали прокламацію (?), что вел. княг. Елена Павловна теперь огорчена и не можетъ съ нимъ *познакомиться*. Надобно переждать время, нужное для утѣшенія огорченія, это и хорошо; его лекціи пойдутъ своимъ порядкомъ, а перерывъ не понравился бы публикѣ".

2-го февр. „Диспутъ Грановскаго былъ шуменъ и доказалъ между прочимъ, что его диссертація никуда не годится и что крайне, крайне легко заслужить любовь студентовъ. Шевыреву и Бодянскому шиканьемъ студенты не давали говорить и осыпали рукоплесканіями такому вздору, отъ котораго уши вянутъ".

Апрѣля 25-го. „Шевыревъ рѣшительно сбилъ Грановскаго, а Бодянскій и вовсе доканалъ его, доказавъ ему, что онъ вовсе не знаетъ того дѣла, о которомъ писалъ свои статьи Грановскій, такъ что онъ молчалъ, потому что и говорить ему было нечего. И предметъ диссертаціи Грановскаго не по его части: онъ изъ исторіи славянъ въ дураковскихъ; это народы, которыхъ Грановскій не знаетъ и знать не хочетъ. Бодянскій просто прочелъ Грановскому цѣлую лекцію; говорилъ полтора часа сряду и грубо, и дико, но дѣльно и разительно. Шевыреву и Бодянскому сильно мѣшало шиканье студентовъ, которые не любятъ ихъ обоихъ и обожаютъ Грановскаго за то, что онъ имъ всегда ставитъ хорошіе баллы и мирволитъ и льститъ всѣми способами. Новая профессорская партія сильна тѣмъ въ университетѣ, что за нее горой стоятъ студенты, съ которыми они за панибрата: „вы наши друзья и товарищи, а не ученики", говорятъ они имъ, а Шевыревъ и Бодянскій этого не говорятъ".

[1]) 6-го мая. „Лекціи Грановскаго восхищаютъ все меньше и меньше; самъ Дм. Ник. говоритъ, что въ этотъ годъ блистательный профессоръ читаетъ гораздо плоше, нежели третьяго года. Я думаю, что онъ и тогда читалъ такъ же, какъ теперь, и что его въ то время сгоряча расхвалили и прославили Богъ знаетъ за что".

11-го апрѣля. „Какова была сегодняшняя лекція Грановскаго? Я на ней не былъ,—спросилъ Алексѣй Степановичъ Каролину Павловну.—Знаете ли, какъ-то не хороша, слаба, скучна даже, не то, что прежде.—Я это предвидѣлъ.—Почему же?

Въ семейной обстановкѣ Языкова въ послѣдніе полтора года произошла нѣкоторая перемѣна, вслѣдствіе помѣщенія у него мальчика, племянника В. П. Бестужева, котораго онъ очень полюбилъ и о которомъ заботился и ухаживалъ съ нѣжностью отца. Еще за годъ до отдачи къ нему сестрой ея сына, она спрашивала у Н. М. совѣтовъ, куда его отдать, какъ воспитывать его, начинать ли учить латинскому языку и проч. Мальчика предназначили къ поступленію въ училище правовѣдѣнія и хотѣли везти въ Петербургъ, но Н. М. рѣшительно воспротивился противъ помѣщенія его въ учебномъ заведеніи Петербурга, который онъ тогда называлъ не иначе, какъ Вавилономъ. Съ другой стороны, онъ не совѣтовалъ рано приступать къ обуче-

---

Потому что у Грановскаго талантъ не такой, чтобы онъ могъ понять и изобразить вѣрно Людовика XI.—Нѣтъ, нѣтъ! что-нибудь другое у васъ на умѣ! Скажите! скажите!—Можно сказать и то, что Мишлé не написалъ исторію Франціи дальше Карла VII.—Это крѣпко разсердило Каролину и всѣхъ прочихъ".

11-го мая. „На обѣдѣ, данномъ Грановскому, были: Алексѣй Степановичъ, Шевыревъ, Аксаковъ. Послѣ обѣда было объясненіе Грановскаго съ Алексѣемъ Степановичемъ. Алексѣй Степановичъ, разумѣется, загонялъ его и фактами, и словомъ, и дѣломъ. Грановскій сердится на Алексѣя Степановича, какъ школьникъ на учителя, доказавшаго ему, что онъ не знаетъ урока".

26-го августа. „Герценъ послѣ отца получилъ огромное состояніе: съ милліонъ чистогану и нѣсколько домовъ въ Москвѣ. Онъ, вѣроятно, съ радости почти безвыходно сидитъ у Депре, распивая дорогія вина, и съ нимъ его компанія: Огаревъ, Сатинъ, Грановскій. На похоронахъ Полевого, когда тѣло покойника литераторы понесли въ могилу, замѣтили, что въ числѣ несущихъ нѣтъ Ѳ. Булгарина. „*Онъ можетъ теперь и не несть его*,—сказалъ какой-то острякъ:—онъ довольно уже поносилъ его живого".

Сент. 11-го. „Проф. Крыловъ, женатый на сестрѣ жены Грановскаго, сестрѣ жены Кавелина и сестрѣ Корша, прибилъ свою жену до полусмерти; гнался за нею по улицѣ и проч. Она бѣжала къ Кавелину, откуда мужъ требуетъ ее черезъ полицію. Неизвѣстно, чѣмъ кончится. Студенты, подстрекаемые братьями несчастной супруги, хотятъ освистать Крылова, когда онъ взойдетъ на каѳедру. Крыловъ боится этого шума и не начинаетъ лекцій".

Недолюбливалъ Языковъ и Сологуба. О „Тарантасѣ" онъ отзывался такъ: „Много въ немъ хорошаго, много дѣльныхъ намековъ, но нѣтъ духа Божія, который бы одушевлялъ все цѣлое. Есть и нечистоты въ мнѣніяхъ. Конечно, это плодъ вавилонскаго воззрѣнія на Россію, очень естественнаго у человѣка, возмужавшаго въ оному омутѣ теченія, въ оному піявочному депѣ (sic) всея Россіи. Эти нечистоты исчезнутъ, когда родится правда, независимое убѣжденіе, чего надѣяться отъ Сологуба можно: онъ еще не потерянный... Москва ему, кажется, не понравилась, т.-е. Шевыревскіе взгляды на Петербургъ и Аксаковская черезчурность".

23-го мая. „Тарантасъ" Сологуба здѣсь очень и очень не понравился: видно, что въ сочинителѣ нѣтъ никакого и убѣжденія и направленія. Хорошъ сонъ о Россіи, гдѣ крестьяне читаютъ „Сѣверную Пчелу" и „Отечественныя Записки". Есть нѣсколько дѣльныхъ намековъ, но изображеніе губернскихъ нравовъ невѣрно крайне. Таково мнѣніе Павла Воиновича Нащокина, извѣстнаго критика".

нію латинскому языку и вообще утомлять преждевременной умственной работой. Когда маленькій Бестужевъ былъ помѣщенъ у него, то Языковъ оказался весьма снисходительнымъ и любящимъ дядей, но самымъ плохимъ педагогомъ. Правда, онъ пригласилъ для приготовленія племянника въ гимназію извѣстнаго учителя Коссовича, который и жилъ у Языкова, но лично самъ Языковъ не могъ нисколько способствовать успѣхамъ его занятій, хотя бы простымъ надзоромъ. Съ обычнымъ чистосердечіемъ онъ признавался сестрѣ, просившей быть построже съ Володей, что это совершенно не въ его характерѣ. „Володя,—говорилъ онъ, — можетъ учиться хорошо, если за нимъ смотрѣть неослабно. Я за это не брался, и это не мое дѣло. Я и за собой не усматривалъ: куда же мнѣ смотрѣть за другимъ. У Володи нехорошее заведеніе—въ праздничные дни ничего не дѣлать"... Случалось Языкову и тяготиться иногда своимъ питомцемъ: это было въ лѣтнее время, когда наступалъ дачный періодъ, и приходилось думать объ отправленіи его въ Симбирскъ или переѣздѣ съ нимъ на дачу.

Смерть Языкова послѣдовала 26-го декабря 1846 года.

Въ половинѣ декабря 1846 года Языковъ простудился; къ застарѣвшей 15-ти-лѣтней болѣзни присоединилась горячка. Онъ счелъ ее за предзнаменованіе своей близкой смерти. Напрасно друзья старались разувѣрить его въ такомъ печальномъ убѣжденіи—онъ былъ непоколебимъ, и серьезно сталъ готовиться къ смерти: пригласилъ священника совершить послѣдній долгъ христіанина, сдѣлалъ нужныя похоронныя распоряженія, назначилъ даже, кого пригласить на свои похороны, и заказалъ блюда для похороннаго обѣда.

26-го декабря оправдалось грустное его предчувствіе смерти; въ шестомъ часу вечера Языкова не стало. 30-го декабря родные, друзья и почитатели похоронили его въ Даниловомъ монастырѣ, между могилами Венелина и Валуева.

В. Шенрокъ.

ДВА БЕРЕГА

„Les deux Rives“, roman par Fernand Vandérem.

Окончаніе.

XIX *).

Въ оперѣ, въ тотъ вечеръ, зала горѣла огнями и брилліантами, которые всегда какъ бы потухаютъ при послѣднемъ отблескѣ дня, а вечеромъ, при освѣщеніи, снова оживаютъ, разгораясь.

Какъ только появилась Зозѐ въ своей ложѣ, всѣ бинокли представителей клубовъ и перваго яруса направились на нее. Она очень повысилась въ общественномъ мнѣніи съ тѣхъ поръ, какъ съумѣла цѣлыхъ два года удерживать при себѣ, даже, такъ сказать, замуровать молодого де-Меза; это давало ей какъ бы особое право на вниманіе общества, своего рода званіе...

Къ ней летѣли благосклонныя улыбки и любопытные взгляды, которые стремились угадать, кто бы могъ быть этотъ старикъ, сидѣвшій рядомъ съ нею? Чтобы это разгадать, приходилось обождать антракта.

Тѣмъ временемъ, на сценѣ появились юныя филистимлянки. Ихъ голоса въ протяжной мелодіи передавали страсть и нѣгу, звучавшія въ словахъ напѣва.

Рендаль въ смущеніи чувствовалъ, что слова и музыка взволновали и его.

Онъ оглянулся на залу. Женщины также волновались, тяжело дышали; всѣ и каждый поддавались увлекательной нѣгѣ мелодіи.

---

*) См. выше: ноябрь, стр. 286.

Какое сравненіе съ тѣми вечерами, когда онъ, Рендаль, изрѣдка бывалъ въ оперѣ съ женой и дочерью въ ложахъ, присланныхъ ему отъ министерства! Какія перемѣны произошли въ его воззрѣніяхъ съ тѣхъ поръ! Какъ ему стала вдругъ понятна та скука, та зѣвота, которая на него тогда нападала! Тогда онъ еще не имѣлъ возможности постигнуть всю прелесть удовольствій.

Но зато теперь!..

Рендаль оглянулся вокругъ: легкомысленная веселость сквозила въ улыбкахъ зрителей, какъ бы отвѣчавшихъ на широкія улыбки танцовщицъ, которыя готовились начать танецъ жрицъ Дагона.

Отбивая ногой тактъ, онъ поглядывалъ украдкой на тонкое, миніатюрное личико г-жи Шамбанъ, на которомъ виднѣлась задумчивая улыбка. Порой, опуская бинокль, она сама взглядывала на профессора, какъ бы вознаграждая его за то, что не все время отдавала ему свое вниманіе. Когда занавѣсъ опустился, она удалилась съ мужемъ своимъ и съ профессоромъ въ аванъ-ложу и тамъ слушала внимательно его толкованія (по новѣйшимъ изслѣдованіямъ) поклоненія Дагону... Занавѣсъ взвился, когда онъ еще не кончилъ говорить.

На первомъ планѣ, на скамьѣ, утопавшей въ зелени, сидѣла Далила, и Самсонъ, задыхаясь отъ восторга и страсти, опустился на скамьѣ, рядомъ съ нею. Рендаль не могъ удержаться, чтобы не бросить въ сторону Зозѐ многозначительнаго взгляда. Дѣлая видъ, что она этого не замѣчаетъ, г-жа Шамбанъ только постаралась придать еще больше задумчивости очертаніямъ своего лица, виднаго ему въ профиль.

Между тѣмъ, профессоръ, перебирая въ умѣ происшедшее въ то же утро, началъ думать, что въ сущности онъ еще не особенно передъ нею провинился. И, собственно говоря, въ чемъ же состоитъ эта его вина? Въ томъ, что г-жа Шамбанъ внушила ему такое чувство... Чувство любви? О, нѣтъ! не любви, но какъ бы нѣжности, или ласки; чувство, которое, впрочемъ, не заходило за предѣлы отеческихъ отношеній, вполнѣ допустимыхъ между человѣкомъ уже на склонѣ дней и совсѣмъ еще молодой женщиной.

Къ чему таить отъ самого себя, что примѣровъ подобныхъ чувствъ довольно и въ исторіи древнихъ народовъ? Не говоря уже о Руѳи и Воозѣ, сколько есть примѣровъ такой нѣжной дружбы между философами и учеными, любившими самой чистой любовью своихъ учениковъ и ученицъ?.. Ну, напримѣръ, хотя бы такіе разнородные умы, какъ Сократъ и Алкивіадъ?...

На сценѣ дѣйствіе принимало болѣе драматическій характеръ. Стража филистимлянъ безмолвно пробиралась къ домику, гдѣ покоился сладкимъ сномъ Самсонъ, и окружила его.

Въ глубинѣ ложи, въ антрактѣ, профессоръ остался опять наединѣ съ г-жей Шамбанъ и, не рѣшаясь удовлетворить своему стремленію запечатлѣть еще разъ поцѣлуй на ея прекрасной ручкѣ, въ подтвержденіе своихъ неизмѣнныхъ чувствъ, пустился въ разсужденія о литературѣ и о поэтѣ Виньи, стихи котораго о „добротѣ мужской и женщины лукавствѣ“ онъ только-что ей продекламировалъ. Вдругъ дверь отворилась и вошелъ молодой де-Мезъ. Прежде всего, на порогѣ ложи Рендаль разглядѣлъ только черные усы и насмѣшливые большіе глаза.

— А, де-Мезъ! Входите же скорѣе!—воскликнула непринужденно г-жа Шамбанъ; но все-таки профессоръ замѣтилъ, что она покраснѣла и бросала на Жеральда взгляды такіе радостные и смущенные, такіе привѣтливые, что Рендалю стало досадно и неловко. Внезапный приливъ дурного настроенія духа овладѣлъ имъ, и онъ всталъ, чтобы выйти изъ ложи.

— Вы уходите, профессоръ?—спросила Зозе.

— Да, на минуточку, пройтись!

И профессоръ невольно стукнулъ дверью за собой. Въ коридорѣ, который выходилъ на лѣстницу, онъ набрелъ на Шамбана.

— Вы здѣсь?—удивился тотъ.

— Да, ужъ слишкомъ стало жарко въ этой аванъ-ложѣ,—безъ особаго одушевленія возразилъ Рендаль.—Ваша супруга осталась тамъ съ этимъ де-Мезомъ-младшимъ, или, если хотите, съ де-Мезомъ-сыномъ.

Но на Шамбана, повидимому, эта вѣсть не произвела никакого впечатлѣнія; профессоръ мысленно обозвалъ его порядочнымъ розиней, и они вмѣстѣ вошли въ ложу во время перваго звонка. Зозе была одна въ ложѣ.

— Хорошо прогулялись?—спросила она привѣтливо, съ сіяющей улыбкой.

— Недурно,—отвѣчалъ Рендаль, обезоруженный такими прелестями; но все же, до самаго третьяго дѣйствія, онъ продолжалъ дуться, не переставая думать о Жеральдѣ и относя свою безотчетную непріязнь къ его сходству съ коварнымъ негодяемъ Дасторакомъ.

Не онъ ли, на балу у Сольваровъ, былъ причиной неудачныхъ исканій достойнаго Берцеля? Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ

именно и заключался корень антипатіи Рендаля; такъ онъ и самъ рѣшилъ.

Зозé взглядомъ скользила по верхамъ, по всему театру, и профессоръ, какъ ни старался, но не могъ опредѣлить его направленія.

— А гдѣ сидитъ де-Мезъ?—не выдержалъ онъ наконецъ.

— Де-Мезъ? Не знаю; кажется, въ оркестрѣ. Впрочемъ, его вѣрно ужъ тамъ нѣтъ; онъ собирался закончить вечеръ у знакомыхъ.

— Вотъ какъ!—небрежно проронилъ Рендаль. — Я только затѣмъ и спросилъ про него, что, знаете...

Еще бы не знать! Зозé знала прекрасно, что теперь ей надо держать себя осторожно, и прикусила губы, чтобы сдержать улыбку.

Заключительный танецъ балета пришелся Рендалю по вкусу; а вернувшись домой, онъ прямо принялся за работу, которая обогатилась кое-какими замѣчаніями о состояніи нравственности въ современномъ обществѣ, замѣчаніями, которыя пришли ему въ голову за этотъ вечеръ, и которыя относились къ роли женщины, какъ двигателя общественныхъ явленій. Окончивъ, Рендаль на сонъ грядущій собралъ исписанные листки: шесть большихъ страницъ,—убористыхъ и безъ поправокъ.

Четверги у г-жи Шамбанъ возобновились; но на долю египтологіи доставалось мало вниманія. Разговоръ какъ-то нечаянно переходилъ на другіе, посторонніе предметы, на общество, на балы и моды, и порой Зозé даже сама первая прерывала бесѣду замѣчаніемъ:

— Вотъ такъ урокъ! Хорошъ, что̀ и говорить! Много я буду знать къ концу года! Какой вы плохой преподаватель...

Рендаль улыбался и пользовался случаемъ лишній разъ крѣпко прижаться губами къ ея ручкѣ; но такихъ порывовъ нѣжности больше двухъ-трехъ ему не позволялось, хоть, въ сущности, они льстили ея самолюбію. Ее забавляло видѣть, какъ низко склонялась передъ нею сѣдая голова ученаго, покоряясь чувству любви.

На третій же урокъ Зозé спросила Рендаля, почему онъ до сихъ поръ еще не познакомилъ ее со своимъ братомъ?

— А, Богъ съ нимъ! По всей вѣроятности, обидѣлся на ваше отсутствіе тогда. Что̀ же дѣлать? Такой ужъ у него шероховатый нравъ. Я даже предпочитаю больше не заговаривать съ нимъ объ этомъ, не вызывать его на раздраженіе.

— Ну, какъ хотите,—согласилась Зозé, не особенно сожалѣвшая объ этомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, было чему раздражаться дядѣ Кипріану. Вѣдь покажись онъ только на глаза Пумсу или Таллуару... Какъ знать? быть можетъ, и послѣдній тамъ у нихъ бываетъ, и нельзя поручиться за то, что эти господа, забывшись, не потреплютъ его по плечу, какъ стараго пріятеля-биржевика, такого же, какъ и они сами. А это значило бы все равно, что выдать его брату головою, со всѣми его спекуляціями и биржевыми приключеніями.

И вотъ, для того, чтобы не попасть къ Шамбанамъ, Кипріанъ пускался на такую уловку, какъ нападки на г-жу „Рâмъ-Бâнъ“; онъ горячо бранилъ ее, обзывая подозрительной особой.

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста, довольно! — выходилъ изъ себя Рендаль-старшій.—Оставь меня въ покоѣ; вѣдь я же и не предлагаю тебѣ къ нимъ идти!

— И прибавь, что разумно дѣлаешь!—подхватилъ младшій, радуясь въ душѣ успѣхамъ своей военной хитрости.

Въ сущности, ему никогда еще не жилось такъ счастливо, если не считать его страха передъ братомъ и Шлейфманомъ, отъ которыхъ онъ тщательно скрывалъ, что и на биржѣ онъ скоро надѣется достигнуть цѣли. Хоть рѣдко онъ бывалъ на биржѣ, но уже настолько привыкъ обращаться со своимъ капиталомъ, что безъ всякихъ совѣтчиковъ, вдвоемъ съ маклеромъ Таллуаромъ, нажилъ тридцать-пять тысячъ барыша. До желанной сотни оставалось только шестьдесятъ-пять тысячъ, какихъ-нибудь четыре мѣсяца работы—и затѣмъ полнѣйшій отдыхъ!

А пока Кипріанъ разрѣшилъ себѣ нѣкоторую вольность: во-первыхъ—цѣлый ящикъ сигаръ, будто бы полученный въ подарокъ отъ его друга-маркиза. Судя по неистощимому запасу лучшихъ гаванскихъ сигаръ, которыми онъ потчивалъ своего друга Шлейфмана, этотъ ящикъ былъ, вѣроятно, не ящикъ, а цѣлый сундукъ!

Та же исторія и съ трехколеснымъ велосипедомъ, который ввелъ отставного чиновника во искушеніе купить его да и сваливать свой грѣхъ на волшебныя, неизсякаемыя семьсотъ франковъ.

— Вы думаете, чего добраго, что я играю на биржѣ? Ошибаетесь, дружище, да! Это все мои экономіи на папиросы. Если захочется вдругъ одного, стоитъ лишь постѣснить себя въ другомъ. Чего же проще?!

Въ третьей своей обновкѣ, широкополой мягкой войлочной

шляпѣ, дядя Кипріанъ любилъ теперь ходить по утрамъ на прогулку. Часовъ около десяти утра, онъ закуривалъ сигару и, зажавъ ее въ зубахъ, летѣлъ на своемъ самокатѣ по бульвару Сенъ-Жерменъ, по площади Согласія, по аллеѣ Елисейскихъ-Полей, въ Булонскій лѣсъ. Его забавляла и ободряла пестрая толпа катающихся и гуляющихъ; его возбуждало всеобщее движеніе, пестрота лицъ и одежды. Онъ жадно вдыхалъ свѣжій утренній воздухъ, подставляя лицо подъ струю вѣтерка, и несся во весь духъ въ погоню за какой-нибудь почтовой каретой, нагонялъ ее, ѣхалъ немножко рядомъ и даже перегонялъ. Иной разъ, на возвратномъ пути, въ группѣ гуляющихъ онъ издали замѣчалъ почтеннаго сѣдого господина подъ-ручку съ молоденькой дамой.

„Чортъ!.. — думалъ онъ тогда: — Вѣрно мой братецъ съ г-жей Рамъ-Банъ... Покатимъ впередъ, да поскорѣе!..“ — и дѣлалъ видъ, что жмурится потому, что пыль ѣстъ ему глаза; но... тщетная предосторожность! Они и не думали на него смотрѣть: Рендаль старшій, въ подражаніе брату, тоже закрывалъ глаза, или дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ брата.

Эти утреннія прогулки по воскреснымъ днямъ были выдумкой Зозѐ, съ цѣлью похвастать передъ публикой своею дружбой съ извѣстнымъ профессоромъ Рендалемъ. Насмѣшливые, удивленные и пытливые взгляды ее не смущали.

„Смѣйтесь, дѣти мои, смѣйтесь!—думала она:—а все-таки, васъ разбираетъ зависть“!

Большею частію, изъ простого приличія, мужъ или тетушка сопровождали эту интересную парочку.

Нарядный и какъ бы помолодѣвшій, профессоръ наслаждался своими рѣдкими прогулками (черезъ воскресенье), но въ то же время не забывалъ и своихъ обязанностей, какъ историка и наблюдателя. Онъ всматривался въ отдѣльныя лица, въ пеструю толпу, которая подтверждала теорію его будущей книги, и оставался доволенъ своими наблюденіями.

Въ двѣнадцать часовъ утра, они къ завтраку уже были дома, на улицѣ Пронѝ, и подолгу засиживались за столомъ, покуривая душистую сигару и вдыхая въ себя ароматъ живыхъ цвѣтовъ, которые его украшали. Рендалю, утомленному прогулкой и завтракомъ, съ трудомъ удавалось помѣшать своимъ вѣждамъ, опаленнымъ солнцемъ, сомкнуться въ дремотѣ; въ ту самую минуту, когда онъ готовъ былъ поддаться искушенію, онъ вставалъ и спѣшилъ откланяться. Но, едва очутившись на улицѣ, уже принимался жалѣть о тѣхъ сладостныхъ мгновеніяхъ, которыхъ добро-

вольно самъ себя лишаетъ, и порывался вернуться подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, будто забылъ что-нибудь захватить съ собою, что-нибудь спросить... но что̀ именно? И вотъ, прибирая въ памяти что-либо подходящее, профессоръ раздраженно шелъ впередъ, почти съ ненавистью оглядывая свой кварталъ, злобствуя на его неуклюжія, противныя постройки...

— Благодарю покорно! Кончится контрактъ,—и вотъ тогда увидимъ, подумаю ли я его возобновить!—бормоталъ онъ.

На площадку лѣстницы къ нему доносились оживленный говоръ и смѣхъ Терезы и Берцеля,—постояннаго посѣтителя Рендалевскихъ „воскресеній“.

Однажды, когда онъ былъ уже на порогѣ, до него долетѣло имя Дасторака.

— Вотъ какъ? Вы говорите объ этомъ дрянномъ господинѣ?—удивился онъ.

— Ну, да, о Дасторакѣ...—отвѣтила Тереза.—Я все сказала г. Берцелю. Чего же намъ скрываться?

— Понятно, нечего!—согласился профессоръ.

— А знаешь, что̀ мнѣ разсказалъ Берцель? Что онъ плохо кончилъ, нашъ Дасторакъ. У него тамъ вышла какая-то подозрительная исторія съ долгами, съ какими-то нечистыми дѣлами, фальшивыми подписями... Короче говоря, его выгнали изъ службы, и онъ бѣжалъ въ Бельгію... Впрочемъ, Берцель самъ тебѣ лучше разскажетъ.

Молодой ученый повторилъ подробнѣе уже сказанное.

— Гм! Миленькій господинъ, нечего сказать!—повторила Тереза въ горячемъ порывѣ презрѣнія.

— Со стороны этого господина ничто меня не удивляетъ. Мы должны чувствовать особую признательность къ его тестю—Госсину!

Въ тотъ день, однако, онъ не ворчалъ на медлительность воскреснаго досуга; самыя утѣшительныя мечты занимали и тѣшили его. Онъ радовался возраставшей дружбѣ Терезы съ его молодымъ коллегой, а особенно тому, что злополучная ея привязанность къ щеголю Дастораку, очевидно, погибла и не будетъ мѣшать дальнѣйшему развитію его отечески-заботливыхъ плановъ о счастьѣ дочери. Да и ему самому будетъ тогда свободнѣе ухаживать за своимъ „маленькимъ другомъ“, когда ихъ сближенію не будетъ противостоять слишкомъ пристальный надзоръ Терезы; у нея тогда будутъ свои личные заботы и интересы...

И Рендаль далъ себѣ обѣщаніе слѣдить за развитіемъ этого дѣла самымъ тонкимъ образомъ, чтобъ его не испортить. А

тогда... тогда не будетъ надъ нимъ самимъ ни контроля, ни караула, ни необходимости сочинять ложь или ухитряться молчать!

XX.

Однако, послѣ обѣда обычная тревога снова овладѣла почтеннымъ ученымъ. Онъ не могъ безъ замиранія сердца подумать о томъ, что приближается лѣто, и что опять ему предстоитъ разлука съ его милой „ученицей“. Его мучилъ вопросъ: такъ ли она соскучится безъ него, какъ онъ безъ нея? И гдѣ она будетъ: на морскихъ купаньяхъ въ горахъ? Или еще гдѣ-нибудь и съ кѣмъ? Ему нравилось думать, что, можетъ быть, и она со своей стороны хоть немножко почувствуетъ нѣкоторую тревогу...

Но онъ жестоко ошибался. Ее тревожила только мысль о разлукѣ съ ея мучителемъ Ральдо, который настаивалъ на томъ, что проведетъ это лѣто непремѣнно со своимъ отцомъ въ Довилѣ. Понятно, его туда привлекали заманчивыя развлеченія въ родѣ „поло“, голубиныхъ садковъ, скачекъ и хорошенькихъ женщинъ, хоть онъ объ этомъ и не заикался. Безмолвныя слезы г-жи Шамбанъ скользили по его рѣшимости, какъ потоки дождя по оконному стеклу.

— Ну, такъ пріѣзжай и ты туда же,—развѣ я тебѣ запрещаю?—возражалъ онъ упорно.

Зозе́ пожимала плечами. Она понимала, что вблизи и ей, и другимъ будетъ замѣтнѣе ея пониженіе въ глазахъ самого коварнаго Ральдо, а слѣдовательно, и въ глазахъ общества, для котораго она имѣла нѣкоторую цѣну лишь благодаря его благосклонности къ ней. Нѣтъ, въ тысячу разъ лучше уйти, удалиться на время, и мучиться разлукой, но не испытывать на себѣ насмѣшливыхъ взглядовъ и торжествующихъ улыбокъ „этихъ дамъ“, съ которыми Жеральду пріятно забавляться флиртомъ... Лучше уже остановиться на скучномъ, но спокойномъ пребываніи у себя въ помѣстьѣ, въ сравнительной глуши, и тамъ терпѣливо поджидать коварнаго къ себѣ, обратно, въ началѣ сентября, какъ онъ самъ обѣщалъ. Конечно, есть же и сосѣди въ окрестностяхъ: Герштейны, Зильбершмидты, аббатъ Турондъ... скучно не будетъ.

— И, наконецъ, мѣсяцъ—вѣдь это только четыре недѣли,—возражалъ Жеральдъ.—А четыре недѣли мигомъ пролетятъ!

Зозе́ согласилась, но подъ улыбкой скрыла гримаску презрѣнія. Гордость мѣшала ей дать ему замѣтить свое огорченіе.

Въ четвергъ она объявила Рендалю, что ѣдетъ на лѣто къ себѣ.

— Вотъ какъ?—забормоталъ профессоръ съ такимъ смущеннымъ, такимъ умоляющимъ морганьемъ, что Зозé почувствовала къ нему жалость.—А, вы уѣзжаете... къ себѣ? Что же, прекрасно, прекрасно!

— А вы сами, дорогой учитель, гдѣ проведете лѣто?

— Я?.. То-есть, мы?.. Да мы, вѣрно, какъ всегда, поѣдемъ въ Лангрюнъ... А вы долго пробудете въ деревнѣ?

— Мѣсяцъ, два, три; это будетъ зависѣть отъ того, какъ пойдутъ дѣла Жоржа.

— Какъ это мнѣ грустно, милый другъ!—искренно вырвалось у него, и онъ горячимъ поцѣлуемъ прильнулъ къ ея рукѣ.

— „Бѣдный старичокъ"!—подумала Зозé и жалостливо вздохнула.—„Какая же я злая! Я для него вѣдь то же, что Жеральдъ для меня"!

И вдругъ въ головѣ у нея мелькнула мысль попытать счастья; кстати будетъ и развлеченіе, и средство постращать немного вѣроломнаго Ральдо...

— Но, дорогой учитель,—начала она вслухъ:—развѣ вамъ ужъ никакъ нельзя заглянуть къ намъ въ имѣнье? Это васъ не слишкомъ потревожитъ?

Профессоръ поднялъ свой наморщенный лобъ и проговорилъ съ чувствомъ облегченія и надежды:

— Меня-то? О, нѣтъ, нисколько; но жена и дочь...

— Онѣ тоже могли бы пріѣхать.

— Вы думаете?—неувѣренно замѣтилъ профессоръ.

— Конечно, если только у нихъ нѣтъ повода отвѣтить мнѣ отказомъ...

Рендаль помолчалъ, смущенный необходимостью выдать тайну своихъ мученій дома.

— Повода! Повода!..—повторилъ онъ.—Никакого повода у нихъ нѣтъ, ни малѣйшаго... Но вы ихъ не знаете... Моя дочь—дикарка; а жена—слишкомъ набожна. Съ такими людьми надо всегда быть на-сторожѣ. Вы знаете мою преданность вамъ, и можете быть увѣрены, что я приложу всѣ старанія, чтобы ихъ убѣдить...—и онъ позволилъ себѣ подтвердить свое усердіе еще однимъ горячимъ поцѣлуемъ въ ручку.

Однако, на другой день, онъ, изъ предосторожности, выждалъ, когда завтракъ пришелъ къ концу, и только тогда, за чашкой кофе, объявилъ, не поднимая головы и поцарапывая ногтемъ клеенчатую скатерть:

— Ну, дѣти мои! Мнѣ поручили передать вамъ приглашеніе.

Конечно, если оно вамъ не подходитъ, ваша воля его не принять. Только объ одномъ прошу: выслушайте меня до конца.

Въ то время, какъ онъ говорилъ, г-жа Рендаль кидала на дочь свою испуганные взгляды, а та взглядомъ же старалась ее успокоить и, какъ только отецъ кончилъ говорить, возразила ровнымъ голосомъ, безъ тѣни пререкательства или гнѣва, или хотя бы боязни:

— Это весьма любезно со стороны г-жи Шамбанъ; но что касается меня лично, я считаю, что ея предложеніе для насъ принять неудобно; мнѣ показалось бы очень удивительнымъ, еслибы мама не была одного мнѣнія со мною.

— О, конечно!—поддакнула г-жа Рендаль.

— И можно спросить, что за причина?..

— Съ *моей* точки зрѣнія, причина та,—продолжала Тереза:—что (не въ обиду тебѣ будь сказано) общество г-жи Шамбанъ—не для насъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать?..

— Кажется, это довольно ясно и безъ поясненій!

— Я обѣщалъ вамъ, что вы будете вольны соглашаться или нѣтъ, и отъ своихъ словъ не отступлюсь; но, чортъ возьми! не могу же я удовлетвориться какими-то отвратительными намеками... Прошу васъ объясниться говорить открыто! Ну, въ чемъ можете вы упрекнуть г-жу Шамбанъ?

Какъ ни сдерживался профессоръ, а все же Бригиттѣ стало жутко въ этой атмосферѣ, насыщенной раздраженіемъ, и она поспѣшила убраться себѣ во-свояси, въ кухню.

— Ну, что же? Я жду!—повторилъ профессоръ.

— Отецъ! Прежде всего пусть будетъ установлено, что мы не имѣли и не имѣемъ намѣренія тебя оскорблять въ твоихъ привязанностяхъ, а говоримъ изъ желанія добра и тебѣ самому, и намъ.

— Да ну же, ну!—подгонялъ Рендаль нетерпѣливо.

— Ну, такъ вотъ: эта г-жа Шамбанъ не такого сорта особа, у которой мы могли бы даже бывать... не только что гостить... Что-жъ, и теперь тебѣ еще ставить точки на *i*?

— Ставь, пожалуйста, ставь; не стѣсняйся!

— Не можемъ мы бывать у женщины, которая открыто, завѣдомо имѣетъ... пріятеля?

— А, вотъ какъ! Но кто же онъ, кто? Кто тебѣ сказалъ?—напустился на нее, чуть не задыхаясь, профессоръ!

— Никто; я сама видѣла, своими глазами!.. И всякій увидитъ, стоитъ только всмотрѣться. Впрочемъ, и ея подруги по-

казались мнѣ особами подобнаго же рода. Ни за что не стану я бывать въ ихъ обществѣ!

— Ты видѣла?.. Своими глазами?.. Говори же, говори: кто онъ, этотъ „молодой пріятель"?..—настаивалъ профессоръ.

— Довольно и того, что я уже сказала, и больше не скажу ничего!

Рендаль кинулъ на дочь взглядъ, полный ненависти и озлобленія, и пожалъ плечами:

— Ты жалости достойна! Свою клевету ты не оправдаешь ни искренностью чувствъ, ни даже заблужденіемъ; тобою руководятъ непріязнь и зависть... Да! Ты злобствуешь на г-жу Шамбанъ за ея миловидность, за ея красоту... Ты глупа и завистлива! Да, глупа, глупа!

— Другъ мой!—начала-было вошедшая г-жа Рендаль.

— Оставь, мама, оставь! Мнѣ бы хотѣлось только, чтобы отецъ видѣлъ *все* такъ же ясно, какъ другіе, и замѣтилъ бы, въ какую бездну смѣшного онъ самъ себя толкаетъ,—да и насъ вмѣстѣ съ собою въ придачу!

— Слышишь, какъ она смѣетъ со мной обращаться?!—съ отчаянія хвативъ кулакомъ по столу, сказалъ профессоръ женѣ. —Она съума сошла!

— Я-то съума сошла?—воскликнула Тереза и, сбѣгавъ къ себѣ въ комнату, въ одинъ мигъ вернулась съ газетами въ рукахъ. —Вотъ, смотрите! не всѣ же эти люди сумасшедшіе, какъ я!— и она дрожащею рукою развертывала газеты...

Въ отдѣлѣ „Хроники" Рендаль прочелъ: „Кто же, какъ не мой старый другъ и товарищъ, говорилъ мнѣ на дняхъ, что и женщины находятъ изученіе исторіи интереснымъ? Не дальше, какъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ, одна изъ нашихъ самыхъ хорошенькихъ женщинъ влюбилась въ древнюю исторію, и разъ въ недѣлю къ ней ходитъ *заниматься* почтенный ученый (наша недавняя знаменитость!). Поищите среди имѣвшихъ наибольшій успѣхъ прошлой осенью въ Институтѣ, и вамъ станетъ ясно, кто этотъ ученый. Древняя исторія!.."

Рендаль швырнулъ на полъ газеты и затопталъ ихъ ногами.

— Вотъ! Вотъ какъ я смотрю на твои мерзкія газеты! И кто же? Дочь моя собираетъ эти мерзости и у меня въ домѣ становится сообщницей моихъ враговъ!—Онъ въ изнеможеніи опустился на стулъ.

Тереза подбѣжала къ отцу и бросилась передъ нимъ на колѣни.

— Отецъ, отецъ! Прости меня! Ты меня не такъ понялъ...

Я виновата; я отнеслась къ тебѣ не такъ почтительно, не такъ осторожно; но ты самъ знаешь, какъ я тебя люблю... Я не могу желать нарочно обидѣть тебя... Ты меня не такъ понялъ... Ну поцѣлуй меня, прости мою горячность!

Рендаль съ умиленіемъ посмотрѣлъ на дочь, тихонько поднялъ ее и посадилъ къ себѣ на колѣни, какъ малое дитя, которое хотятъ приласкать.

— Я все забылъ, я все тебѣ прощаю... Не плачь же,—все прошло!

— Увѣряю тебя, папа,—всхлипывала Тереза:—я для твоей же пользы... Твоя репутація и твое доброе имя страдаютъ. Ты на пути къ тому, чтобы компрометтировать и то, и другое...

Рендаль, раздраженный, опять вскочилъ:

— А, значитъ, я и васъ опозорилъ! Я имя свое, ваше имя покрываю позоромъ? Что жъ, я вѣдь только тѣмъ и занимаюсь, что позорю это имя, вотъ ужъ тридцать-шестой годъ! Для того только и тружусь! О, конечно, васъ стоитъ пожалѣть: такой у васъ негодный мужъ и отецъ! Человѣкъ, который не зналъ въ жизни своей ничего, кромѣ сумасбродствъ и кутежей. Человѣкъ...

— Отецъ! Ты раздраженъ и смѣешься надъ нами. А все-таки, мой долгъ настаивать на томъ, что общество этой г-жи Шамбанъ можетъ тебѣ только повредить.

— Ну, такъ что жъ? Чего вамъ надо отъ меня? Чтобъ я не ѣздилъ къ ней гостить?

— *Прежде* всего...

— А! Значитъ, у васъ есть и *послѣ*?

— Послѣ,—мы бы еще хотѣли, чтобъ ты, не разрывая совершенно сношеній съ домомъ г-жи Шамбанъ, могъ понемногу сократить число твоихъ постоянныхъ посѣщеній и обѣдовъ въ назначенный день, такъ какъ надъ этимъ смѣются, распускаютъ сплетни...

— А, вотъ какъ?! И кто же это распускаетъ ихъ, позвольте спросить?

— Да всѣ! Всѣ твои сослуживцы въ Институтѣ, въ Collége... въ газетахъ, наконецъ...

— А, понимаю! Нашъ милѣйшій Берцель...

— И онъ, тоже,—вслѣдъ за другими. Прибавь къ этому еще насмѣшки, обидныя шутки и намеки лицъ, которыя къ намъ приходятъ, или у которыхъ бываемъ мы сами.

— Ну, очевидно, опасность серьезнѣе, нежели я себѣ ее представлялъ!—насмѣшливо возразилъ Рендаль: — мнѣ остается только поручить себя вашимъ заботамъ. Можете росписать мнѣ

дни и часы моихъ посѣщеній и даже присылать Бригитту, чтобы она меня провожала. Я—такой слабый человѣкъ, такой неопытный, такой ребенокъ...

Онъ долго говорилъ все въ томъ же духѣ, и каждое слово, каждая новая колкость еще болѣе разжигали его, тѣмъ болѣе, что слова Терезы пробудили въ немъ тревоги ревности, сомнѣнія: „а что, если она права"?..—и вдругъ онъ перемѣнилъ тонъ.

— Будетъ шутить! Довольно!.. О, я уже давно подозрѣвалъ, что противъ меня затѣвается что-то такое, подпольное... и мнѣ это было больнѣе открытой ссоры. Я хочу, чтобъ вамъ было извѣстно, разъ и навсегда, что я желаю быть самъ себѣ господиномъ, и что я вполнѣ заслужилъ довѣріе моею честной, трудовой жизнью. Если вы не хотите мнѣ его оказать, такъ и не нужно! Но тогда жизнь вмѣстѣ станетъ для насъ невыносима, и намъ уже лучше совершенно разойтись. Кажется, ясно сказано?.. А для начала, имѣю честь вамъ заявить, что съ вами вмѣстѣ или безъ васъ, а я все-таки *поду* на мѣсяцъ въ деревню къ Шамбанамъ. Посовѣтуйтесь, потолкуйте между собой, подумайте; г-жа Шамбанъ ѣдетъ еще черезъ десять дней. А до тѣхъ поръ, прошу васъ, ни слова, никакихъ пререканій по этому поводу,—да я ихъ и не потерплю. Отвѣтьте только: да или нѣтъ, не больше!..—и, уже уходя, на порогѣ, проговорилъ въ заключеніе: —Не скрою, что это положеніе дѣла весьма плачевное; пеняйте на себя, на вашу тайную враждебность отношеній... Всему же есть предѣлъ, и моему терпѣнію также; а за послѣдніе полгода вы замѣчательно имъ злоупотребляли!

Онъ исчезъ за дверью и, какъ бы желая оградить себя отъ попытокъ къ примиренію, заперся у себя въ кабинетѣ, два раза повернувъ ключъ въ замкѣ.

— Ну, что, мое бѣдное дитя? — прошептала г-жа Рендаль, и глаза ея подернулись слезами.

— Что дѣлать, мама! Мы вмѣшались слишкомъ поздно,— возразила вполголоса Тереза. — Я не подозрѣвала, что зло уже такъ вкоренилось.

— Боже мой! Что же съ нами будетъ?—слезливо повторяла ея мать.—Если мы будемъ ему перечить, онъ насъ и совсѣмъ броситъ; если будемъ молчать—эта дрянная женщина отъ насъ его отниметъ... И не съ кѣмъ посовѣтоваться; никто намъ не поможетъ; мы совершенно одиноки!..

— А можетъ быть и нѣтъ!—возразила Тереза, вставая.

— Ты вспомнила про кого-нибудь?

— Про дядю Кипріана. Только онъ одинъ можетъ при-

грозить отцу, и чудо будетъ, если мы всѣ сообща не побѣдимъ его упрямство!

— Дай Богъ, чтобы твои надежды оправдались!

— Не плачь, мама: мнѣ сдается, что не все пропало!

— Дай Богъ! — шептала мать, поднявъ глаза къ небу.

XXI.

Сильный запахъ керосина обдалъ Терезу, когда та вошла въ переднюю къ дядѣ Кипріану. Онъ сидѣлъ на маленькомъ складномъ стуликѣ, трудясь надъ чисткой своего велосипеда.

— А, мой „племянникъ"!—шевеля только однимъ угломъ рта, проговорилъ онъ, а другимъ придерживалъ толстѣйшую сигару.— Достала себѣ стулъ? Садись. Надѣюсь, ничего дурного? Не заболѣлъ ли отецъ?

— Если бы только заболѣлъ, это бы еще ничего!

— Чортъ!.. — воскликнулъ дядя въ ужасѣ: — ты меня пугаешь! Что же это такое?

— Сейчасъ скажу; только мнѣ нужно твое полное вниманіе, твоя полная преданность...

— Они твои, племянникъ! Я буду тебя слушать, а глазъ мнѣ нельзя отрывать отъ работы... Говори же скорѣе!

И въ самомъ дѣлѣ, пока Тереза говорила, онъ ни разу не поднялъ на нее глазъ, но въ то же время строго и вполнѣ хладнокровно обдумывалъ свой отвѣтъ.

За послѣдніе дни, хотя его потери на биржѣ и были незначительны, но для человѣка, привыкшаго къ сплошнымъ удачамъ, и это уже отзывалось тревогой за будущее. До того ли теперь, чтобы ссориться съ братомъ? А ссориться съ нимъ— значитъ стать въ непріязненныя отношенія къ его добрымъ знакомымъ, ко всѣмъ этимъ Шамбанамъ и ихъ шайкѣ биржевиковъ: Пумсовъ, де-Мезовъ, Толлуаровъ? Объ этомъ надо было подумать хорошенько.

— И вотъ, мнѣ пришло въ голову прибѣгнуть къ тебѣ за помощью. Только ты одинъ можешь насъ спасти, можешь силою твоего авторитета надъ отцомъ вырвать его изъ пропасти, въ которую онъ самъ себя толкаетъ,—заключила Тереза.

— Досадно!.. крайне досадно!—повторялъ Кипріанъ, какъ и во время ея разсказа, и умолкъ, по каплѣ капая керосиномъ въ отверстіе, предназначенное для смазки.

— Дядя! Ну, что же ты скажешь? — начала снова Тереза;

ее смущала такая сдержанность. — Однако, ты вѣдь раздѣляешь наше мнѣніе? Надо же остановить скандалъ! Надо вырвать отца отъ этихъ людей!

— Эхъ, племянникъ, племянникъ!—возразилъ Кипріанъ.— Это вопросъ такой деликатный. Но ты хочешь знать мое мнѣніе, прямое, дружеское? Я его выскажу тебѣ грубо, напрямикъ. Поведеніе отца твоего мнѣ и самому кажется неладнымъ и даже грустнымъ; необходимо, слѣдовательно, его пресѣчь, но какъ ты подойдешь къ такому почтенному человѣку, къ такой извѣстности, какъ твой отецъ, и скажешь: миленькій мой! я тебѣ запрещаю бывать у такой-то или такой-то дамы!?..

— Ты, значитъ, отказываешься поговорить съ нимъ серьезно? —спросила Тереза, отодвигая стулъ, на которомъ сидѣла.

— Нѣтъ, не отказываюсь; но тебѣ самой предлагаю рѣшить эту задачу. Твой отецъ такого рода человѣкъ, что можетъ, пожалуй, послать меня къ чорту, послѣ чего мнѣ останется только убираться и окончательно поссориться съ нимъ! Въ общемъ, ты понимаешь, я не отказываюсь нисколько! Но можешь ли ты, положа руку на сердце, утверждать, что у меня есть шансы на успѣхъ? Если да, то мнѣ одна секунда нахлобучить шапку, и бѣжимъ скорѣе! Если-жъ нѣтъ, то лучше будетъ для меня не подвергаться излишней непріятности. Подумай хорошенько!

— И думать нечего! — подавляя улыбку презрѣнія, отвѣтила молодая дѣвушка.—Я съ тобой согласна, что для тебя приличнѣе не вмѣшиваться въ это дѣло.

Дядя смотрѣлъ на „племянника“ своего недовѣрчиво.

— Ого! Мы, кажется, разсердились? Повторяю: я къ твоимъ услугамъ! Наконецъ, кто можетъ быть увѣренъ, что заблужденіе отца твоего продлится? Онъ потому и возмущается, что вы все дѣлаете и говорите ему наперекоръ. Въ противномъ случаѣ, я не удивился бы, если бы ты, въ одинъ прекрасный вечеръ, прибѣжала объявить мнѣ, что отецъ ѣдетъ съ вами, по-старому, въ Лангрюнъ.

Они вышли на площадку, и Тереза довольно слабо пожала дядѣ руку.

— Это еще что за вялое рукопожатіе? Извольте пожать руку мнѣ получше! — замѣтилъ тотъ. — Ну, вотъ, такъ-то! Вѣдь мы все-таки друзья?

Тереза, спускаясь съ лѣстницы, чувствовала, что ноги у нея подкашиваются, мысли мутятся. Она даже не пыталась разбирать слова и поступокъ дяди Кипріана; она просто чувствовала себя парализованной, поглупѣвшей, разбитой. По дорогѣ, про-

хожіе оглядывались на ея странное лицо безъ выраженія, какъ у пьяныхъ или у глубоко-несчастныхъ. Несчастная въ любви, быть можетъ?...

Не тревожась, что̀ могутъ про нее подумать, Тереза шла себѣ впередъ, машинально передвигая ноги, какъ вдругъ передъ нею мелькнуло одно имя, за которое она ухватилась, какъ за якорь спасенія:—Пьеръ Берцéль!

О, да! вотъ на кого еще можетъ быть надежда! Вотъ кто ей поможетъ спасти семейный очагъ, который готовъ рухнуть!..

Черезъ пять минутъ она уже звонила у дверей Пьера Берцеля.

При видѣ Терезы, у него вырвался крикъ испуга и удивленія. Было жарко, и онъ, по домашнему, былъ въ простой рубашкѣ, безъ крахмальнаго воротника, а его полная, бѣлая шея свободно выступала изъ низкаго мягкаго вòрота.

— Это вы, вы!—смущенно воскликалъ онъ, проводя рукою по своимъ всклокоченнымъ волосамъ.—Надѣюсь, ничего дурного?...

Тереза принужденно улыбнулась.

— Нѣтъ, ничего! Я пришла только попросить васъ оказать мнѣ большую услугу, дать совѣтъ...

— Вы позволите?... Я сейчасъ къ вашимъ услугамъ! — и, проводивъ гостью въ кабинетикъ, заваленный книгами, Берцель исчезъ на минутку въ сосѣднюю комнатку, откуда вернулся немного приглаженный и въ бѣломъ воротничкѣ съ галстукомъ, который все-таки успѣлъ пристегнуть.

— Вотъ и я; чѣмъ могу служить?

Тереза начала снова свой разсказъ, и Берцель прерывалъ ее иногда то возгласами, то просто качалъ головою. Эгоизмъ дяди Кипріана привелъ его въ высшую степень негодованія.

— Нѣтъ, это ужъ черезчуръ! Это ужъ слишкомъ гадко!

— А между тѣмъ это фактъ!—возразила Тереза.—Отчасти, вамъ уже извѣстны всѣ наши тревоги; а съ этой минуты и все остальное. Я къ вамъ пришла какъ къ вѣрному другу, въ скромность котораго, въ преданность и здравый смыслъ я вѣрю глубоко. Отвѣтьте безъ обиняковъ: что̀ бы вы сдѣлали на нашемъ мѣстѣ?

Берцель поднялъ обѣ руки къ небу.

— Вотъ вы мнѣ скàжете сейчасъ, что я плохо выбиралъ время для своего сватовства; а между тѣмъ, вы сами должны согласиться, что, будучи членомъ вашей семьи, я могъ бы, дѣйствительно... Еслибъ вы не были тогда ко мнѣ такъ строги, насъ не застигла бы теперь врасплохъ эта бѣда! Если бы мы тогда вступили въ бракъ, я получилъ бы право бесѣдовать съ

вашимъ отцомъ откровенно, — но теперь? Что я могу теперь для васъ сдѣлать? Ничего, или все равно, что ничего!

— Такъ вы не видите другого исхода, кромѣ женитьбы?

— Никакого!—съ глубокимъ вздохомъ проговорилъ Берцель. —Отецъ вашъ естественный защитникъ, но онъ же и повелитель. И вамъ, волей-неволей, приходится смириться передъ нимъ!

Откинувшись головой на спинку дивана, Тереза плакала, прижимая платокъ къ глазамъ.

— Вы плачете, а я... я принужденъ не мѣшать вашимъ слезамъ, не смѣя подойти, не смѣя прикоснуться къ вашей рукѣ безъ особаго разрѣшенія. Вы считаете меня другомъ,—это правда,— но такимъ, съ которымъ, при малѣйшемъ намекѣ на проявленіе чувства любви, могутъ обойтись какъ съ непорядочнымъ человѣкомъ.

— Повѣрьте, вы преувеличиваете... Правда, я была къ вамъ жестока, но съ тѣхъ поръ уже успѣла привязаться къ вамъ и полюбить васъ... больше, чѣмъ прежде!—говорила Тереза, и сочувственный взглядъ засвѣтился въ ея глазахъ, подернутыхъ слезами. Невольнымъ движеніемъ она протянула ему руку.

Берцель не бросился передъ нею на колѣни, ничѣмъ не проявилъ восторга, свойственнаго влюбленнымъ, предложеніе которыхъ принимаютъ благосклонно. Онъ только взялъ ея руку и голосомъ тихимъ, серьезнымъ, но выдающимъ глубину его волненья, проговорилъ:

— Какъ? Неужели вы... можете согласиться?...

— Не знаю... можетъ быть... потомъ...—тронутая его волненіемъ, вздохнула молодая дѣвушка.

— Благодарю! Благодарю! Увидите, какъ я буду стараться сдѣлать васъ счастливой!.. Впрочемъ, нѣтъ, нѣтъ! Лучше не злоупотреблять согласіемъ, даннымъ въ такую минуту. Нашъ бракъ долженъ состояться добровольно, сознательно съ обѣихъ сторонъ, а не принужденно... Мы не герои романа, мы не глупцы, не сумасброды, не сумасшедшіе. Я скорѣе готовъ совсѣмъ отъ васъ отказаться, нежели воспользоваться вашимъ согласіемъ въ силу обстоятельствъ или хотя необдуманной, минутной вспышки слезъ и тревоги. Потомъ, позднѣе, какъ вы говорите,—если вы и тогда еще будете испытывать ко мнѣ тѣ же чувства,—вы знаете, какое будетъ счастье для меня назвать васъ своей женою! А до тѣхъ поръ, и послѣ,—увѣряю васъ,—мы не раскаемся въ своей разсудительности.

— Вы—сама воплощенная разсудительность,—замѣтила Тереза.—Вы—добрѣйшій и честнѣйшій изъ людей. Но мнѣ не хо-

тѣлось бы уйти, не выразивши вамъ хоть чѣмъ-нибудь мою благодарность...

— Ничего нѣтъ легче!—проговорилъ Берцель. — Позвольте мнѣ,—будетъ или нѣтъ жить съ вами профессоръ Рендаль въ Лангрюнѣ,—позвольте мнѣ сопровождать васъ туда. Давно была для меня тяжела разлука съ вами, но я не рѣшался просить позволенія, изъ боязни васъ прогнѣвать. Теперь я сталъ смѣлѣе. Скажите, можно?..

— Еще бы! Даже съ радостью!

На этотъ разъ, Берцель осмѣлился поцѣловать ей руку въ знакъ благодарности, и такъ какъ Тереза нечаянно проговорилась, что ей хочется пить, мигомъ побѣжалъ и принесъ воды съ сахаромъ, въ которую влилъ нѣсколько капель рома.

— „Холостое“ хозяйство!—бормоталъ онъ въ шутку, мѣшая ложечкой въ стаканѣ.—Ничего у меня нѣтъ такого, чтобы принимать дамъ... Ну, однако, я, кажется, пускаюсь въ намеки на жизнь семейную... Я, кажется, забылъ, что исполненіе моего обѣта должно ужъ начинаться!..

Часы громко пробили три. Тереза испуганно вскочила, отставивъ стаканъ, который выпила съ жадностью, и улыбаясь глазами на шутки Берцеля.

— Бѣдная мама! Я про нее-то и забыла! Такъ до свиданія... до воскресенья! А до тѣхъ поръ, быть можетъ, и выяснится что-либо новое, хорошее!

— Это и мое тоже искреннее желаніе!—не совсѣмъ довѣрчиво сказалъ Берцель и, проводивъ свою гостью, сталъ смотрѣть изъ окна ей вслѣдъ.

Она шла по улицѣ, держась прямо и самоувѣренно, какъ это бываетъ съ женщинами, которыя убѣждены въ своей прелести, или которыя гордятся своими умственными совершенствами. Глядя на нее, молодой ученый невольно подумалъ, что это не дѣвушка, а скорѣе—мать и воспитательница по складу своего ума, настоящая глава семьи Рендалей!

Тереза исчезла за поворотомъ улицы. Берцель закрылъ окно, припоминая все, происшедшее между ними, и сердце его наполнилось горделивымъ сознаніемъ, что поведеніе ихъ обоихъ во время минувшаго свиданія, по ихъ обоюдному радушію и нравственной чистотѣ отношеній, было поведеніемъ людей не дюжинныхъ, не заурядныхъ.

— А вѣдь мы оба держали себя „шикарно“! — заключилъ онъ на жаргонѣ школьниковъ, какъ бывало на школьной скамьѣ.— О, еслибъ она только захотѣла! Какое это было бы счастье,

какое прекрасное общество для меня! Она не женщина; она—мужчина; мужчина въ самомъ благородномъ смыслѣ слова!..

XXII.

Вдоль платформы, передъ поѣздомъ, который долженъ былъ умчать его въ имѣніе Шамбановъ, прохаживался профессоръ Рендаль, въ большой, широкополой шляпѣ. Одинъ за другимъ приходили ему на память дни, протекшіе съ минуты объясненія до самаго отъѣзда. Тяжело далась ему эта затаенная враждебность, эта сдержанная раздражительность жены и дочери, которая наканунѣ отъѣзда перешла въ мягкія мольбы, въ горячіе, убѣдительные совѣты... Неосторожное замѣчаніе Терезы испортило все дѣло.

— Ну, да, отецъ, я сама сознаюсь, что мы, въ крайнемъ случаѣ, могли бы съ бо́льшей осторожностью обходиться съ г-жей Шамбанъ, не выказывать ей враждебной холодности...

— А, ты сознаешься? Только теперь ужъ поздно, поздно!— въ приливѣ пробудившагося опять негодованія проговорилъ отецъ. —Ты сознаешься, когда видишь, что я уже рѣшился стоять на своемъ; когда г-жа Шамбанъ меня ждетъ... Опоздали! Лучше было бы подумать раньше!

Профессоръ продолжалъ ворчать, и его поддерживала мысль, что еслибъ онъ послушался ихъ на этотъ разъ, то осенью онѣ, чего добраго, начали бы снова донимать его. Нѣтъ, ихъ надо проучить и проучить примѣрно!

По счастію, Бригитта прибѣжала сказать, что экипажъ готовъ, и тѣмъ прервала непріятную его воркотню. Члены семьи расцѣловались, но холодно и на-скоро, обмѣнявшись обѣщаніемъ писать другъ другу; колеса застучали по камнямъ мостовой...

Рендаль, наконецъ, одинъ, спасенъ и освобожденъ отъ пребыванія въ Лангрюнѣ!

Садясь въ вагонъ, онъ вдругъ замѣтилъ, что кондукторъ, захлопнувшій дверцы, замѣчательно напоминалъ собою дядю Кипріана.

— И ему тоже не придется больше меня обижать!

Впрочемъ, и безъ того дядя Кипріанъ ни словомъ не обидѣлъ бы брата, — онъ самъ сильно побаивался его укоровъ и взрывовъ горячаго негодованія. Только наканунѣ отъѣзда отставной чиновникъ замѣтилъ профессору:

— Итакъ, друзья мои, вы—въ разныя стороны? Что-жъ, это

своего рода отдыхъ послѣ того, какъ видишься другъ съ другомъ цѣлый годъ.

Онъ даже какъ будто самъ былъ чѣмъ-то смущенъ и глазъ не отрывалъ отъ своей тарелки. Странный малый этотъ Кипріанъ! Особый складъ ума, не поддающійся опредѣленію...

Рендаль и не замѣтилъ, какъ задремалъ въ вагонѣ.

На станціи Вильдульѐ его поджидала г-жа Шамбанъ. Она была въ батистовомъ платьѣ съ розовыми цвѣточками и въ свѣтлыхъ кожаныхъ башмакахъ. По платформѣ она прошла вслѣдъ за поѣздомъ и, остановившись у вагона, улыбалась профессору еще издали, пока онъ сходилъ со ступенекъ на платформу.

— А ваши дамы, значитъ, не пожелали пріѣхать?—лукаво спросила она послѣ первыхъ привѣтствій.

— Нѣтъ, милый другъ! Не было возможности ихъ убѣдить. Впрочемъ, я и не настаивалъ: море приноситъ Терезѣ всегда большую пользу.

— Признайтесь, онѣ очень меня ненавидятъ?

— Хе-хе, милый другъ! Вамъ, кажется, извѣстно, что у моихъ одни воззрѣнія, а у меня—другія; но онѣ привыкли не препятствовать моимъ желаніямъ, а послѣднія у насъ нерѣдко расходятся... Все равно, я уже здѣсь, а это главное!

У крыльца станціи, на дворѣ, стояла хорошенькая желтая „корзинка“; слуга почтительно поклонился профессору.

— Вотъ, Фирмѐнъ, возьмите у г-на Рендаль багажную квитанцію и получите багажъ. Вы привезете его домой на телѣжкѣ, которую я наняла.

Зозѐ усѣлась, взяла возжи, и профессоръ помѣстился напротивъ нея. Шарабанъ покатился. Любопытные остановились на тротуарѣ, глядя ему вслѣдъ съ полунасмѣшливой улыбкой.

Черезъ четверть часа, Рендаль и его спутница уже подъѣзжали къ большому дому современной архитектуры; передъ нимъ на большой площадкѣ, по угламъ, пестрѣли цвѣты, и тутъ же сейчасъ начинался паркъ, тянувшійся вдоль большой дороги.

— Самый лучшій видъ, дорогой профессоръ, открывается со второго этажа, изъ вашей комнаты: она выходитъ на нашъ lawn-tennis.

И въ самомъ дѣлѣ, равнина и холмы по сторонамъ, селенія и колокольни, высившіяся надъ ними, составляли красивую картину, напоминавшую географическую карту.

— Ну, что? Вѣдь очень хорошо?—стоя на балконѣ рядомъ съ профессоромъ, говорила Зозѐ; она сама повела его туда.

— Чудесно!—подтвердилъ онъ, прошептавъ на придачу:—Я

счастливъ, я безконечно радъ быть съ вами, милый другъ!—на что Зозé отвѣтила скромною улыбкой.

Еще свѣжѣе, еще обаятельнѣе казалась ему теперь вся ея прелестная фигурка, ея нѣжно-розовое лицо. Слѣдуя невольному влеченію, онъ, было, ужъ готовился завладѣть ея ручкой, чтобы запечатлѣть на ней горячій поцѣлуй (на что пускался лишь въ порывѣ страшной смѣлости), какъ вдругъ вошла тетушка Панхіасъ, а за нею слуга съ чемоданомъ профессора Рендаля. И съ этой минуты вплоть до слѣдующаго дня хозяйка дома и ея гость уже не оставались одни; начали пріѣзжать и чередоваться визитёры: г-жа Герштейнъ и Зильбершмидтъ съ кузиной изъ Бреславля, а въ пять часовъ—аббатъ Турондъ. До обѣда все общество собралось пить чай въ тѣни, вокругъ каменнаго стола, на которомъ разставлены были чай, пирожки и фрукты, замороженные въ шампанскомъ, которые Зозé доставала съ помощью вызолоченнаго савочка. Послѣ обѣда Рендаль попросилъ разрѣшенія удалиться по случаю усталости съ дороги, но, вернувшись „къ себѣ“, долго еще не могъ заснуть, разсматривая уютную деревенскую обстановку своей комнаты и съ удовольствіемъ вдыхая запахъ ириса, которымъ вѣяло отъ простынь, и которымъ была, казалось, пропитана вся комната, всѣ коммоды, всѣ полки въ шкафахъ, гдѣ лежали душистые подушечки и конвертики.

Рендаль ужъ началъ засыпать, какъ вдругъ въ нижнемъ этажѣ, подъ его комнатой, послышались чьи-то шаги. Это заставило его раскрыть глаза: кто бы это могъ быть? Его маленькая ученица, его „милый другъ“.

Безпорядочныя, смутныя, но плѣнительныя видѣнія смѣнялись передъ нимъ, показывая ему Зозé и вызывая его страстные вздохи и безсонницу. Наконецъ, онъ покорился необходимости и, лежа на спинѣ, неподвижно слѣдилъ за ихъ длинной вереницей, пока сонъ не прогналъ ее...

Въ десять часовъ утра г-жа Шамбанъ предложила профессору прокатиться въ лѣсъ въ шарабанѣ-„корзинкѣ“, и черезъ двадцать минутъ они ужъ были на лѣсной дорогѣ, которая поднимается вверхъ, въ миніатюрный лѣсъ Вернайля. Пони побрела шагомъ подъ листвой, окаймлявшей дорогу, и они могли любоваться ея разнообразіемъ и красотой. На обратномъ пути они сдѣлали привалъ на травѣ, и г-жа Шамбанъ закурила, извинившись, что „въ деревнѣ вѣдь нечего стѣсняться“.

— И, наконецъ, здѣсь ни души не встрѣтишь,—прибавила

она, но въ ту же минуту мимо проѣхали, не спѣша, двое велосипедистовъ.

— Очень мило!—отчетливо произнесъ первый...

Это замѣчаніе окончательно разсердило Рендаля.

— Невѣжа!—бросилъ онъ вслѣдъ велосипедисту.

— Почему же?—возразила Зозе:—въ деревнѣ такими пустяками нечего стѣсняться!

Таковы были ея воззрѣнія на деревенскую жизнь, и ими она оправдывала всѣ свои фантазіи и прихоти, которыя придумывала отъ скуки. На другой день ей захотѣлось ѣхать вдвоемъ, безъ слуги на запяткахъ.

— Прекрасная мысль!—одобрилъ профессоръ и горячо схватилъ за руку свою спутницу, такъ что рука ея дернула неожиданно возжи, и пони метнулась въ сторону.

— Сидите смирно, дорогой профессоръ!—заворчала Зозѐ, направляя лошадь на дорогу.—Вы испугали Нотту. Мы могли бы свалиться!

— Такъ что же?!—прошепталъ Рендаль и, расхрабрившись, небрежнымъ тономъ спросилъ:

— А господа де-Мезъ? Вы не слыхали, гдѣ они, что съ ними?

Стараясь удержаться, чтобы не покраснѣть, она отвѣчала:

— Право, не знаю хорошенько. Кажется, въ Довилѣ, какъ я вамъ уже говорила на прошлой недѣлѣ.

— И сюда не заѣдутъ?

— Насколько мнѣ извѣстно,—нѣтъ; по крайней мѣрѣ, не въ августѣ; а тамъ и охота подоспѣетъ.

— А, да... Прекрасно! — бормоталъ профессоръ, съ озлобленіемъ вспоминая Терезу, ея намеки и обвиненія.

Всѣ его личныя подозрѣнія касались только одного Жеральда, единственнаго молодого изъ всѣхъ частыхъ посѣтителей Шамбановъ.

— „Такъ онъ въ Довилѣ... „кажется“,—подумалъ Рендаль, —въ пятидесяти миляхъ отсюда и на цѣлый мѣсяцъ бросилъ одну свою... „пріятельницу“! Нечего сказать, хорошъ любовникъ!.. Несправедливость и мерзость людская“!..

И профессоръ презрительно усмѣхнулся.

— Вы чему-то смѣетесь, профессоръ?—спросила Зозе.

Вмѣсто отвѣта, онъ нѣжно поднесъ къ губамъ ея руку и проговорилъ:

— Да, я смѣюсь!.. Смѣюсь по одному поводу надъ злобою или, вѣрнѣе, надъ глупостью людской!..

Мало-по-малу на виллѣ все пришло въ порядокъ.

Утро посвящалось прогулкѣ въ шарабанѣ и иногда, для приличія, къ нимъ присоединялся аббатъ Турондъ, съ которымъ они доѣзжали до маленькихъ окрестныхъ городовъ.

Въ одномъ изъ нихъ особое вниманіе прохожихъ и мальчишекъ привлекла однажды живописная группа „господъ“, состоявшая изъ молодой, прелестной женщины, сѣдого, виднаго старика и аббата въ черной одеждѣ. Вокругъ шарабана собирались кучками любопытные; на порогѣ магазиновъ появлялись лавочники и подсмѣивались. Результатомъ такой сенсаціи было появленіе на другой день въ газетахъ замѣтки подъ заглавіемъ: „Сусанна“. Именъ не было названо ни одного; но по рѣзкости нападокъ на „нѣкоторыхъ служителей алтаря и друзей сиротъ“ можно было ясно видѣть прямой намекъ на аббата Туронда, завѣдывавшаго сиротскимъ домомъ.

Съ тѣхъ поръ г-жа Шамбанъ въ своихъ прогулкахъ обѣгала городовъ. Впрочемъ, эти прогулки имѣли для нея значеніе лишь какъ средство какъ-нибудь протянуть время между письмами къ Жеральду и получкой писемъ отъ него. Въ то время, какъ она, сидя у себя, внизу, писала ему длиннѣйшія посланія, разсчитанныя на то, чтобы возбудить его ревность, подзадорить его, Рендаль писалъ своимъ краткія записочки, заключавшія главнымъ образомъ вѣсти о его здоровьѣ и разспросы о здоровьѣ семейства, а жена и дочь платили ему тѣмъ же. Зозе нарочно сама чернила себя въ глазахъ своего Ральдо вымышленными разсказами и анекдотическими приключеніями, гдѣ на первомъ планѣ стояли ея неотразимыя для мужчинъ прелести, ея кокетство и усердное поклоненіе плѣненнаго Рендаля, аббата или перваго встрѣчнаго... А Рендаль, въ то же же время, въ свои письма домой вставлялъ не мало такого, что, по его мнѣнію, должно было обѣлить его „милаго друга“ въ глазахъ жены и дочери.

Обитатели большого дома сходились опять въ четыре часа, и тогда, смотря по погодѣ, оставались у себя въ саду или отправлялись съ визитами къ сосѣдямъ: въ „Сиротскій домъ“ къ аббату, къ Зильбершмидтамъ или Герштейнамъ. Никогда и нигдѣ не скучалъ профессоръ, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, когда, напримѣръ, заботы по хозяйству вынуждали Зозе оставить его одного или въ обществѣ тетушки Панхіасъ; но и тогда онъ все-таки находилъ себѣ утѣшеніе въ разговорѣ съ нею о предметѣ его сердечныхъ помысловъ. Его, напримѣръ, тревожило, что иногда, безо всякой видимой причины, Зозе бывала то безотчетно весела, то черезчуръ печальна, раздражительна, и онъ

сообщалъ объ этомъ тетушкѣ, которая, съ своей стороны, давно уже замѣтила, что разстройство племянницы совпадало съ замедленіемъ писемъ со штемпелемъ Довиля, и потому отвѣчала уклончиво:

— Такая она ужъ отъ природы! Что же дѣлать?!

Но профессоръ давалъ себѣ обѣщаніе дѣлать все, что могъ, для развлеченія своей бѣдной, скучающей ученицы. Однажды онъ рискнулъ даже играть съ нею въ „lawn-tennis"; но вскорѣ сдался, и не столько въ силу неумѣнья, сколько благодаря усталости, которая его побѣдила. Зозѐ, въ порывѣ великодушія, рѣшила больше никогда не злоупотреблять его самопожертвованіемъ. И она также усердствовала въ заботахъ о своемъ гостѣ; гуляла, разговаривала съ нимъ, читала ему вслухъ, спрашивала, какія у него извѣстія изъ дому?

— Спрашиваютъ о моемъ здоровьѣ, просятъ передать вамъ поклонъ. Двѣ, три строчки; вотъ, прочтите сами!

Она пробѣгала глазами коротенькій листокъ и, сличая его въ умѣ съ такими же, по краткости, письмами своего Ральдо, вздыхала:

— Да, дорогой учитель! Какъ вы уже сказали, все людская глупость!

Въ такіе дни, сочувствуя тревогамъ профессора, которыя были схожи съ ея собственными, она меньше противилась его поцѣлуямъ руки, и вообще такъ была внимательна къ нему, что даже заказывала его любимыя блюда. Въ одинъ прекрасный день, гуляя съ молодою женщиной, Рендаль простеръ свою смѣлость до того, что чуть не поцѣловалъ ее въ лобъ, до котораго ему было ближе, чѣмъ до руки; но въ то же мгновеніе самъ испугался своей дерзости и остановился какъ вкопанный на мѣстѣ.

— Что съ вами?—спросила Зозѐ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я прислушался къ шелесту вѣтра въ деревьяхъ,—проговорилъ онъ, продолжая идти дальше.

Послѣ такихъ ночныхъ прогулокъ, онъ долго не могъ заснуть, и считалъ число поцѣлуевъ, которые ему удалось запечатлѣть на ея ручкѣ за минувшій день: внизу, у террасы, еще два... Дѣтски-тщеславная забава, какъ онъ самъ сознавалъ.

Впрочемъ, въ порывѣ своихъ размышленій, онъ доходилъ до крайнихъ предѣловъ откровенности съ самимъ собою, когда душа бесѣдуетъ съ умомъ, какъ вѣрная супруга со своимъ супругомъ. Ну, да! нечего больше отпираться: Рендаль самъ признавалъ, что немножко влюбленъ въ свою маленькую ученицу.

Приближеніе ея онъ ощущалъ на себѣ въ видѣ волненія, внутренняго содроганія и смущенія, которыя, по всеобщему опредѣленію, считаются признаками влюбленности. Но для него лично какую могли они представлять опасность? Это былъ лишь отблескъ поздней сердечной утѣхи на склонѣ дней его. Какой же грѣхъ въ томъ, что въ скромныхъ поцѣлуяхъ изливается пылъ его юношески-восторженной страсти?..

Эти мысли огорчали его. Ему было грустно чувствовать себя такимъ старымъ, отжившимъ. Жестокая судьба свела его съ г-жей Шамбанъ слишкомъ поздно. Долго ли ему суждено пользоваться ея милымъ обществомъ?..

И подъ вліяніемъ горечи этихъ соображеній, Рендаль сѣлъ писать Терезѣ, припоминая въ то же время, что повидимому и хозяйка дома была бы рада, еслибы онъ погостилъ у нея подольше. Въ такомъ духѣ онъ и написалъ домой, прибавивъ, что г-жа Шамбанъ была бы рада видѣть ихъ у себя хотя бы въ сентябрѣ, какъ она ему неоднократно говорила, тѣмъ болѣе, что въ Парижѣ въ эту пору еще слишкомъ жарко.

XXIII.

Въ одно прекрасное утро, возвращаясь съ почты, куда онъ только-что снесъ письмо къ своимъ, четвертое по счету за эту недѣлю, Рендаль встрѣтилъ почтальона съ отвѣтомъ изъ Лангрюна.

Его дамы признавали справедливымъ его замѣчаніе насчетъ того, что до 15-го сентября „въ Парижѣ еще слишкомъ жарко“, и потому увѣдомляли, что вернутся туда не ранѣе этого срока. Ни о приглашеніи, ни о г-жѣ Шамбанъ—ни полъ-слова!

— Дуры!—съ досадой пробормоталъ профессоръ; но затѣмъ, поразмысливъ, пришелъ къ убѣжденію, что такъ оно даже и лучше. Своимъ присутствіемъ и надзоромъ онѣ только стѣснили бы его. Отсрочка получена, а что будетъ дальше—увидимъ!

Успокоенный, онъ поспѣшилъ обратно на виллу.

На террасѣ, которая шла вокругъ дома, сидѣла Зозѐ въ плетеномъ креслѣ. Она задумалась; рядомъ съ нею, на столикѣ виднѣлось нѣсколько распечатанныхъ писемъ.

— Что новаго? И вамъ письмо? Мнѣ говорилъ почтальонъ, что онъ вамъ подалъ. Оно отъ вашихъ, да? Когда же вы ѣдете?—спокойно спросила она.

Рендаль, разочарованный, смущенно смотрѣлъ на нее.

— Да я не уѣзжаю, если ужъ вы такъ любезны, что упомянули объ этомъ. Я, другъ мой, чувствую себя такъ счастливымъ, что могу не уѣзжать!—и онъ прильнулъ губами къ рукѣ молодой женщины, которая съ трудомъ удерживалась, чтобъ не выдернуть ея въ порывѣ раздраженія.

— И у меня есть новости для васъ!—заговорила она:—во-первыхъ, телеграмма отъ Жоржа: онъ пріѣзжаетъ черезъ три дня, 1-го сентября, а во-вторыхъ...

— А во-вторыхъ?..

— Я получила письмо отъ де-Мезовъ, которые пишутъ, что заѣдутъ на недѣльку къ намъ погостить.

Рендаль, губы котораго дергало отъ смущенія, попытался замѣтить:

— А какъ же вы тогда говорили?..

— Ну да! Они и будутъ на открытіи охоты въ Пуату, но оно состоится 12-го сентября...

— Это другое дѣло!—пробормоталъ побѣжденный „учитель“. И... когда они будутъ здѣсь, эти господа?

— Въ понедѣльникъ, перваго.

— Въ одинъ день съ вашимъ мужемъ?!

— Ну да! — наблюдая за нимъ исподтишка, подтвердила г-жа Шамбанъ.—Только Жоржъ будетъ вечеромъ въ Парижѣ, а де-Мезы—днемъ; собственно говоря, онъ пріѣдетъ на нѣсколько часовъ позже, чѣмъ они.

— Ну да! На нѣсколько часовъ позже!—повторилъ машинально профессоръ и, проводя рукой по лбу, прибавилъ:—если позволите, я лучше гулять не пойду, а отдохну немного!

Улыбаясь, поглядывала ему въ слѣдъ г-жа Шамбанъ, но тотчасъ же нахмурилась: вотъ, нечего сказать, будетъ удовольствіе! Старикъ принялъ въ серьёзъ банальныя сожалѣнія о его скоромъ отъѣздѣ и навязался еще на двѣ недѣли! Жоржъ какъ снѣгъ на голову, а Жеральдъ... И одного-то вечера не будетъ свободнаго для свиданія съ нимъ! Не считая, что ревность Рендаля заставитъ его слѣдить за ними шагъ за шагомъ!.. Ужасно все запутано и сложно!..

Всѣ послѣдующіе три дня Зозѐ была въ такомъ угрюмомъ настроеніи духа, что даже, повидимому, заразила имъ и своего гостя. Дядя Панхіасъ замѣтилъ ему, что и онъ что-то невеселъ.

— Ха-ха-ха! Я-то невеселъ? Ха-ха-ха! Отчего бы *мнѣ* не быть веселымъ?—разыгрывая удивленнаго, возразилъ профессоръ.

Но образъ красавца Жеральда промелькнулъ передъ его умственными очами, и его смѣхъ тотчасъ же оборвался.

Въ понедѣльникъ вечеромъ, послѣ обѣда, все общество, а также и вновь прибывшіе, размѣстились въ гостиной, которая выходила на террасу. Рендаль сидѣлъ у окна съ газетою въ рукахъ; маркизъ курилъ на балконѣ; Зозѐ въ нарядномъ голубомъ кисейномъ платьѣ и Жеральдъ, у котораго въ петличкѣ красовалась чайная роза, имѣли праздничный видъ и, сидя рядомъ на диванчикѣ, оживленно болтали. Тетушка Панхіасъ угощала всѣхъ кофе.

Маркизъ вернулся и, извинившись, что усталъ съ дороги, ушелъ „успокоить свою старость", какъ онъ говорилъ; но, подойдя проститься съ профессоромъ, увидалъ, что тотъ спитъ:

— Тс! Наша „ученость" почила! Миръ ея сну! — прошепталъ онъ, прощаясь съ молодыми людьми.

— О, пустяки! Это съ нимъ всегда бываетъ послѣ обѣда,— замѣтила тетушка и вышла съ маркизомъ, спѣша отдать еще кое-какія приказанія по хозяйству.

— Наконецъ, мы одни!—слащаво прошепталъ Жеральдъ.

— Тише, милый!

— Вотъ еще! Вѣдь онъ спитъ!

Но Зозѐ не сводила глазъ съ профессора и, не выпуская изъ рукъ руку Жеральда, потянула его за собой.

— Пойдемъ на террасу: тамъ я буду спокойнѣе!.. О, милый, вотъ мука-то, что онъ остался!—вздохнула она.

— Да! Ты уже говорила... Ну, если онъ намъ помѣшаетъ, этотъ „кенгуру", мы его высадимъ. Не велика премудрость!

Они вышли на балконъ и облокотились на бѣлыя каменныя перила. Съ того мѣста, гдѣ дремалъ Рендаль, видны были только боковыя очертанія фигуры г-жи Шамбанъ и ея голубой кисейной юбки, профиль ея тонкаго лица... Она склоняла голову нѣсколько вбокъ, въ темноту, откуда профессору уже не было ея видно, и вѣроятно для того, чтобы говорить съ Жеральдомъ, который, по догадкамъ его, долженъ былъ стоять тутъ же, но въ тѣни, рядомъ съ нею... такъ точно, какъ онъ самъ стоялъ въ первый день пріѣзда наверху, въ комнатѣ, залитой солнцемъ... Задерживая дыханіе, онъ постарался прислушаться; но стѣны, какъ обитыя ватой, смягчали звукъ спутанныхъ рѣчей. Порой, Зозѐ наклонялась куда-то, и тогда ея юбка и станъ оставались безъ головы: голова пропадала въ потемкахъ. Но къ чему ей надо было такъ сильно наклоняться?.. Вдругъ позади нея скользнула длинная тѣнь Жеральда, мелькнула его роза, его усики; послышался стукъ шаговъ внизъ по лѣстницѣ. Снизу сдержанный голосъ что-то говорилъ Зозѐ; она неподвижно прислушивалась,

приложивъ палецъ къ губамъ и дѣлала знаки, какъ бы въ видѣ отказа

Забывая всякую предосторожность, Рендаль совершенно раскрылъ глаза. Неожиданный поворотъ Зозѐ, которая уже входила въ комнату, заставилъ его поспѣшно ихъ закрыть. Она шелестѣла чѣмъ-то шолковымъ, вѣроятно накидкой, которую искала; затѣмъ на цыпочкахъ быстро удалилась... Вотъ она остановилась на порогѣ, чтобы оглянуться... Вотъ захрустѣлъ песокъ у нея подъ ногами...

— Это ужъ черезчуръ! — пробормоталъ профессоръ, вставая и потягиваясь. Онъ прислушался. Вокругъ все умолкло. Но куда же она убѣжала? Въ садъ, къ Жеральду? Но въ саду ихъ не слышно, а выходить за предѣлы сада какъ-то ужъ не совсѣмъ прилично. Впрочемъ, надо удостовѣриться!..

Въ свою очередь, онъ вышелъ на балконъ, облокотился на перила и прислушался. Ни звука, ни шороха подъ небомъ, усѣяннымъ звѣздами. Въ синеватой полутьмѣ надъ деревьями и кустами разносился сладкій ароматъ запоздалыхъ липовыхъ цвѣтовъ...

Въ обыкновенное время Рендаль особенно любилъ этотъ запахъ и жадно вдыхалъ его въ себя полной грудью; но теперь у него не было ни воли, ни силы наслаждаться имъ: онъ напрягалъ все свое вниманіе къ тому, чтобы проникнуть въ тайну темноты, взглядомъ стремился допытаться, тутъ ли они... Но нѣтъ, нигдѣ никого,—ни души! Значитъ, они, негодные, притаились въ паркѣ?!

И въ одинъ мигъ очутившись на лужайкѣ, онъ бросился впередъ по рыхлой землѣ, радуясь, что она заглушитъ его нервные, безумно-стремительные шаги. Наконецъ-то онъ ихъ настигнетъ, увидитъ своими глазами!.. Онъ бросился въ самую чащу кустовъ и деревьевъ. Онъ несся впередъ напроломъ, не обращая вниманія на сучья и колючки, преграждавшіе ему путь. Корни деревъ хватали его за ноги; вѣтви стегали ему глаза, которые онъ закрывалъ изъ боязни, что выколетъ ихъ.

Вдругъ онъ остановился. Сквозь шелестъ вѣтерка до него донесся какъ бы дуэтъ двухъ страстныхъ, томныхъ голосовъ... Ему почудилось, что сердце у него въ груди сжалось и пропало. На мигъ, онъ пріостановился, потому что ноги у него подкосились—и опять устремился впередъ, обливаясь потомъ, согнувшись втри погибели, какъ обезьяна, руками касаясь земли... Голоса становились яснѣе... и вдругъ онъ совершенно ясно могъ различить ихъ знакомые оттѣнки; но въ нихъ звучало столько

безпорядочныхъ страстныхъ возгласовъ и беззастѣнчивыхъ, необузданныхъ, но въ то же время нѣжныхъ выраженій, что онъ остановился пораженный. О, только царица Клеопатра могла, пожалуй, пасть до такой степени животнаго безстыдства!..

У него не хватило духу поднять глаза, посмотрѣть на виновныхъ... Безумный страхъ охватилъ его и увлекъ въ сторону, подальше въ чащу, чтобы уйти, спастись отъ адскихъ мукъ. И онъ стремительно помчался прочь, не разбирая дороги, съ трескомъ ломая сучья, съ нечеловѣческимъ стенаніемъ, съ шумомъ, какъ крупный звѣрь, который несется сквозь лѣсную чащу. Споткнувшись, онъ упалъ на грядку георгиновъ; но быстро очутился на ногахъ; только на колѣнкахъ у него остались комки сырой земли. Онъ не бѣжалъ, онъ шелъ теперь нервнымъ скорымъ шагомъ, чувствуя въ этомъ облегченіе. Дойдя до крыльца, онъ инстинктивно обшлагомъ рукава почистилъ свой сюртукъ, опасаясь встрѣчи съ тетушкой Панхіасъ и ея разспросовъ. Но въ гостиной не было никого; поднявшись по лѣстницѣ мягкими шагами, Рендаль бросился въ свою комнату и ногой захлопнулъ дверь, которую поспѣшилъ запереть на ключъ. Бросившись на постель, уже постланную на ночь, онъ однако, несмотря на усталость, долго не могъ успокоиться. Въ жилахъ его клокоталъ огонь озлобленія и гнѣва. Ему хотѣлось бы схватить г-жу Шамбанъ и всю ее размозжить, изломать своими руками, какъ сучья деревъ, стереть ее въ крошки, уничтожить! Его маленькая ученица!.. Да она ли это? Изъ ея ли дѣтски-скромнаго ротика вылетали такія ужасныя, безстыжія слова? Припоминая каждое изъ этихъ отвратительныхъ позорныхъ выраженій, онъ приходилъ въ ужасъ, сравнивая ихъ со своими латинскими выдержками въ „Жизни Клеопатры“. Черезъ двѣ тысячи лѣтъ, почти тѣ же слова, то же обращеніе, какимъ нѣкогда Клеопатра завлекала Антонія! Какими чудесами всемірной и неизмѣнной развращенности нравовъ весь этотъ словарь переходилъ изъ одного поколѣнія въ другое?..

О, Тереза гораздо лучше его съумѣла разгадать настоящую подкладку этой г-жи Шамбанъ! Она по заслугамъ оцѣнила и осудила ея развращенность, ограниченность ея ума. Но вѣдь она, Тереза, ея не любила, а онъ любилъ и... все еще любитъ!

— Да, да: любилъ и люблю!—съ жаромъ лепеталъ онъ, какъ бы для того, чтобы этимъ признаніемъ отречься отъ своихъ прежнихъ стараній скрыть отъ себя самого свою недостойную страсть. Стукъ ставень, которыя закрывали на ночь, и

шаги по лѣстницѣ прервали его думы. Онъ надѣялся, что г-жа Шамбанъ зайдетъ узнать о его здоровьѣ. Что ей сказать? Броситься передъ нею на колѣни, лепеча признанія въ любви, или оттолкнуть ее отвѣтомъ, полнымъ презрѣнія?

Ему не пришлось выбирать: Зозé не шла, а вмѣсто нея ему продолжали слышаться въ шелестѣ листвы ихъ страстныя, восторженныя рѣчи.

XXIV.

Вдругъ, посреди хаоса мыслей и историческихъ сравненій, въ умѣ Рендаля мелькнуло нѣчто ясное, опредѣленное. То было сознаніе, что въ дѣйствительности его маленькая ученица была его учительницей. Она воспитала, она развила въ немъ пониманіе утонченностей и житейскихъ наслажденій, реальность и осязаемость всѣхъ тѣхъ опредѣленій, которыя онъ нѣкогда употреблялъ въ своихъ книгахъ, не задумываясь надъ ними. Пока не оживила ихъ г-жа Шамбанъ, для него были звукомъ пустымъ слова: *наслажденіе, любовь, нѣга, изящество, красота, страстные порывы, нѣжность*. Послѣдній урокъ въ этомъ направленіи дала она ему, въ заключеніе, тамъ въ паркѣ, гдѣ она, можетъ быть, и теперь еще въ объятіяхъ другого забываетъ о существованіи его, профессора Рендаля!

Неизвѣданное дотолѣ чувство больно сжало ему сердце; губы дрогнули отъ ужаса и отвращенія... Онъ всталъ съ постели и потрясъ въ воздухѣ кулаками въ знакъ угрозы. Не сразу вернулся онъ къ тѣмъ мыслямъ, на которыхъ остановился.

Онъ бросился въ кресло и, пока сидѣлъ, мысленно перебиралъ весь ходъ своей житейской карьеры, длинный рядъ годовъ, проведенныхъ самымъ добродѣтельнымъ образомъ. Оглядываясь назадъ, на свое прошлое, онъ находилъ его теперь и скучнымъ, и узкимъ, и ограниченнымъ, сравнивая свой жизненный путь (до знакомства съ г-жей Шамбанъ) съ тѣми узкими, окольными тропинками, въ которыя сворачиваютъ съ большой дороги, чтобы не натыкаться на праздничное разгулье другихъ, наслаждающихся жизнью, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ... Онъ шагъ за шагомъ шелъ своей дорогой; достигнувъ одной цѣли, спѣшилъ уже ко второй... И, съ другой стороны, какое было ему дѣло до того, что люди живутъ себѣ да веселятся? Развѣ онъ самъ не зналъ, какъ дважды-два четыре, что наслажденія и грубое тщеславіе, которыми довольствуется толпа, все, все это—ничто въ сравненіи съ высшей степенью умственнаго развитія.

Изъ женщинъ онъ не зналъ ни одной, кромѣ своей жены. За исключеніемъ случайныхъ столкновеній съ женщинами во времена своего студенчества, онъ не находилъ ни одной, на которой остановилось бы его вниманіе. Онъ вспомнилъ тѣ четыре года, которые провелъ въ пустынѣ подъ начальствомъ Марьетъ-Бея, когда даже послѣдній смѣялся надъ его непорочностью и презрѣніемъ къ любовнымъ похожденіямъ. Если товарищи собирались изъ лагеря къ баядеркамъ, молодой Рендаль находилъ причины, чтобы не ходить съ ними.

— Чортъ побери! Да расшевелите же себя, наконецъ!— командовалъ ему начальникъ въ саркастическомъ тонѣ.—Вы доведете насъ до того, что мы серьезно заподозримъ васъ въ связи съ какой-нибудь муміей!

Молодой ученый смѣялся, обѣщалъ пойти съ товарищами и въ послѣднюю минуту оставался: съ баядерками ему было скучно.

Отъ той поры и до женитьбы у него не осталось ни одного воспоминанія о женщинѣ, прелести которой—какая-нибудь особая и милая черта: улыбка, ручка, миловидное лицо, поцѣлуи или ласковые взоры — запечатлѣлись бы на вѣки и доставляли бы ему тайную отраду.

А теперь... теперь онъ, уже старикомъ сѣдымъ и одряхлѣвшимъ, кипитъ жаждой любви; когда исканье наслажденій должно бы въ немъ умолкнуть, теперь онъ влюбленъ въ женщину, которая любитъ другого... Ужасная кара! Агонія чувства!.. И долго ли она будетъ продолжаться, чтобы показать ему, какого блаженства онъ себя лишилъ по своему педантизму, по своей увѣренности въ себѣ?

Рендаль подошелъ къ камину, чтобы убѣдиться въ своей старости. Въ зеркалѣ отразилось его измятое, обрюзгшее лицо, „хорошенькіе“ зубки и морщины.—Нечего сказать, есть чѣмъ прельщать женщинъ!..

Въ это время колеса кареты съ шумомъ давили песокъ на садовой аллеѣ. Послышались смѣхъ, голоса... Раздалось хлопанье дверей... Жоржъ пріѣхалъ! Рендаля вдругъ охватило желаніе сойти внизъ, подъ предлогомъ пріѣзда Шамбана. Но уже на порогѣ его остановилъ приливъ самолюбія. Слишкомъ ужъ это будетъ малодушно!

И онъ остался.

Двери внизу захлопнулись. Тишина мало-по-малу водворялась въ домѣ. Рендаль почувствовалъ, что сердце его сжалось при мысли, что теперь мужъ прошелъ къ Зозѐ... Ну, ему нельзя

позавидовать бѣдному Шамбану! Быть мужемъ вѣтрогонки, дурочки, безстыдницы, которая...

Ночь свѣжѣла. Вдали, при голубоватомъ мерцаніи звѣздъ, въ равнинѣ извивался порой въ видѣ темной змѣйки поѣздъ, свѣтившійся своими желтыми огоньками. Обманутые блѣдною окраской небосклона, пѣтухи перекликались между собой; имъ вторилъ вой собакъ. Рендаль посмотрѣлъ на звѣзды и спросилъ себя, сколько, быть можетъ, страданій, подобныхъ его собственному, испытывается на каждой изъ этихъ планетъ? Онъ принимался уговаривать себя, обращаться мыслью къ возвышеннымъ чувствамъ міровой тоски, всемірныхъ недуговъ и всего этого условнаго состраданія, этого милосердія на словахъ, всей этой гигіены эгоизма и притворной нѣжности; онъ перебиралъ въ умѣ всѣ средства, противъ личныхъ горестей, которыя предписываются въ книгахъ. Но никакого облегченія они ему не принесли.

Бѣдный мыслитель! Бѣдный ученый! Бѣдный человѣкъ!.. Теперь ужъ поздно ему призывать на помощь всѣ небесныя явленія, всѣхъ астрономовъ и ученыхъ, Ньютона, Лапласа, Гегеля и Канта! Несмотря на нихъ, въ лѣвой сторонѣ груди у него оставалось все-таки еще одно мѣстечко, болѣе реальное, чѣмъ всѣ эти призраки безсмертныхъ, которые оказывались безсильны ему помочь, безсильны завладѣть имъ!

Что-жъ теперь у него осталось послѣ этой ужасной катастрофы? Семья? Вотъ ужъ годъ, какъ ему перестало нравиться заботиться о ней, любить ее. Работа? Онъ теперь ненавидѣлъ свои труды, ихъ обманчивый обликъ, ихъ зловредную рутину!

Профессоръ закрылъ окно и сѣлъ на кровать. Конецъ иллюзіямъ! Конецъ его старческому самообольщенію!.. Завтра же онъ уѣдетъ, чтобы не видать больше никогда своей маленькой ученицы. Онъ прослезился отъ горя искренняго, безъ притворства или ревности, безъ пародіи на гордость, горя смиреннаго, которое не боится самопознанія и услаждается слезами. Въ нихъ Рендаль нашелъ успокоеніе и сонъ...

На утро, часовъ въ десять, порѣшивъ не откладывать дальше своего рѣшенія, Рендаль освѣдомился, гдѣ г-жа Шамбанъ? Оказалось, что она уѣхала кататься съ г-мъ де-Мезъ.

— Съ которымъ?—какимъ-то крикомъ вырвалось у него.

— Съ г. маркизомъ,—отвѣтилъ Фирмѣнъ;—гг. де-Мезъ и Шамбанъ еще не выходили.

— А! Хорошо, хорошо!

Онъ сѣлъ въ качалку и, въ ожиданіи хозяйки дома, пытался сдѣлать видъ, что углубился въ чтеніе газетъ. Глаза его останавливались неподвижно, и въ умѣ онъ подготовлялъ, что бы сказать, чѣмъ объяснить свой отъѣздъ. Онъ зналъ уже главное, когда изъ-за деревьевъ показалась черная гривка пони. Маркизъ издали махалъ ему рукой въ знакъ привѣта. И этотъ, туда же, отнимаетъ у него его маленькую ученицу... Скорѣй, скорѣй отсюда!

Рендаль всталъ и посмотрѣлъ на встрѣчу Зозѐ... Лицо ея было свѣжо и мило улыбалось, какъ всегда, какъ ни въ чемъ не бывало! Онъ робко пожалъ ей руку и проговорилъ, усаживаясь обратно въ свое плетеное кресло.

— Не можете ли вы мнѣ удѣлить нѣсколько минутъ?

— Съ удовольствіемъ!—непринужденно отвѣтила Зозѐ, подтащивъ свое кресло къ креслу профессора.—Ну, я васъ слушаю!—и приласкала его своимъ теплымъ взглядомъ.—Надѣюсь, ничего дурного? По крайней мѣрѣ, не со стороны вашихъ дамъ?

— Вы ошибаетесь: именно съ ихъ стороны; дѣло именно въ Лангрюнѣ,—пролепеталъ профессоръ. Невинный видъ г-жи Шамбанъ казался ему лишней дерзостью и вызовомъ.

— Ну, такъ въ чемъ же дѣло?

— Я уѣзжаю!—просто объявилъ профессоръ.

— Уѣзжаете?!—съ ловко разыгранным изумленіемъ воскликнула Зозѐ.

— Простите мнѣ мою неловкость, мою грубость: я получилъ сегодня спѣшное письмо: онѣ требуютъ моего немедленнаго возвращенія... Повѣрьте, это мнѣ такъ грустно!..

Зозѐ смотрѣла на него, обдумывая, и молчала. Теперь, когда являлась увѣренность, что онъ уѣдетъ, почему бы ей не сохранить свой невинный видъ до конца, чтобы вѣрнѣе отклонить подозрѣнія?

— Я вамъ вѣрю, дорогой учитель,—проговорила она, незамѣтно улыбаясь:—хоть, признаюсь, вы удивляете меня...

— Я удивляю васъ?—переспросилъ профессоръ, и сердце его усиленно забилось.

— Да. Я была сегодня утромъ тамъ, внизу, когда пріѣхалъ почтальонъ, и почту получила всю сама; — вамъ писемъ не было! Ну, дорогой учитель, признайтесь откровенно: кто-нибудь васъ прогнѣвалъ или чѣмъ обидѣлъ, самъ того не замѣчая? Кто же это, скажите мнѣ?—и ея глаза какъ бы искали вокругъ негодное созданіе, прогнѣвавшее ея дорогого учителя и друга.

Съ отвращеніемъ, съ негодованіемъ, которое было готово вырваться у него изъ устъ, слушалъ ее Рендаль. Это, наконецъ, черезчуръ! Такое гнусное притворство! Такое безстыдство! Онъ сдѣлалъ усиліе надъ собой, сдержался, но, оттолкнувъ свое кресло, всталъ и принялся ходить взадъ и впередъ мимо Зозѐ.

— Не спрашивайте меня ни о чемъ, прошу васъ! *Я должен* уѣхать и уѣзжаю! Не знаю, понимаете ли вы меня, и желалъ бы я, чтобъ вы не понимали... Увы! Наоборотъ, я даже боюсь, что, можетъ быть, вы поняли меня... Нѣтъ? Ну, тѣмъ лучше! Но только объ одномъ осмѣлюсь васъ просить: облегчите мнѣ всякую борьбу, отстраните всяческіе споры, и позвольте поддаться моей военной хитрости, то-есть выдумкѣ о полученномъ письмѣ, котораго я не получалъ. Рѣшеніе мое неизмѣнно: я уѣзжаю, и остаться здѣсь еще хоть на день было бы для меня терзаньемъ. Не могу я остаться, не могу!

Онъ задыхался. Зозѐ подошла и схватила его за руку; онъ не сопротивлялся.

— Я васъ не понимаю, дорогой учитель... Конечно, ваша воля... Все-таки, если я васъ чѣмъ-нибудь оскорбила, прошу у васъ прощенія!—заключила она съ волненіемъ, въ которомъ притворства было лишь наполовину.

Профессоръ отвернулся къ окну, дѣлая видъ, что смотритъ на облака, на лужайку, но въ сущности, чтобы она не видѣла его глазъ, подернутыхъ слезами.

— Благодарю васъ!.. Но мнѣ не за что васъ прощать...—покашливая, чтобы скрыть волненіе, проговорилъ онъ:—Я думаю ѣхать въ пять часовъ, не безпокойтесь обо мнѣ; пусть только Фирмѐнъ меня проводитъ... Кхе, кхе, кхе!..—Онъ нарочно продолжилъ свой кашель и печально прибавилъ:—А когда меня здѣсь не будетъ, надѣюсь, что вы будете хоть изрѣдка вспоминать про своего дорогого...—онъ поправился—своего стараго учителя, который, съ своей стороны, васъ не забудетъ...

Торжественность этого обѣщанія окончательно разстроила его; онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты, поднялся на лѣстницу и уже съ верхней площадки отвѣчалъ Зозѐ, которая бѣжала вслѣдъ за нимъ съ нѣжнѣйшей мольбою:

— Профессоръ! Дорогой учитель! Но въ Парижѣ... въ Парижѣ мы увидимся, надѣюсь?

— Конечно, непремѣнно! — уже яснымъ голосомъ говорилъ онъ сверху, чтобы не смущать домашнихъ!—Я передамъ дочери вашей порученіе... Впрочемъ, за завтракомъ еще увидимся и переговоримъ до моего отъѣзда!

XXV.

Добравшись до Парижа, Рендаль узналъ, что въ Лангрюнъ идутъ два поѣзда: вечерній и утренній. Хоть непріятно было провести ночь въ отелѣ, но профессоръ все-таки предпочелъ не тревожить своихъ, и переночевалъ въ Парижѣ, чтобы въ Лангрюнъ пріѣхать среди бѣлаго дня. Медленно спускаясь съ крыльца вокзала, профессоръ припоминалъ, какъ тяжело дались ему пять минутъ ожиданія экипажа, на крыльцѣ, въ обществѣ Зозѐ и ея домочадцевъ. Приходилось притворно улыбаться, говорить и отвѣчать на вопросы... Ужаснѣйшія муки!.. Но здѣсь, въ Парижѣ, всеобщая суета, движеніе на улицахъ дѣлали еще чувствительнѣе его одиночество, и, пробродивъ немного, онъ вспомнилъ, что пора обѣдать. Но куда пойти? Маркизъ и Шамбанъ не разъ хвалили ему ресторанъ на бульварѣ Мадлѐнъ, и онъ прямо направился туда. Обѣдъ онъ выбралъ себѣ тонкій, состоявшій преимущественно изъ любимыхъ блюдъ Зозѐ; заказалъ бутылку Сентъ-Эстефъ, бутылку замороженнаго шампанскаго. Возліянія подбодрили его и придали живость его мышленію. Къ концу обѣда его умъ былъ уже такъ настроенъ, что онъ принялся мечтать о миѳологической драмѣ въ видѣ діалога, которая должна была называться: „Геркулесъ“. Въ жилищѣ одряхлѣвшаго героя является „Порокъ“ въ видѣ женщины. Герою полагалось жаловаться на судьбу, оплакивать свою безвозвратно-ушедшую молодость и умолять боговъ, чтобы они ее вернули. Сообразно съ этимъ планомъ долженъ былъ развиваться и самый ходъ пьесы въ видѣ грандіозныхъ аксіомъ и лирическихъ жалобъ... Сверхъ того, спеціально сочиненныя строфы въ прозѣ должны быть направлены противъ „Порока“, въ видѣ женщины, то-есть, противъ г-жи Шамбанъ...

Рендаль всталъ и дрожащей рукою взялъ свою палку и шапку изъ рукъ гарсона. Поглядывая на все вокругъ, какъ въ туманѣ, онъ поднялся вверхъ по бульвару.

Сумерки спустились. Веселая толпа неслась мимо. Легкій шелестъ вѣтерка гнулъ вѣтви увядающихъ каштановъ.

Рендаль подумалъ о Зозѐ, о душистыхъ липахъ, о паркѣ... Тысячи соблазнительныхъ видѣній роились въ его распаленномъ мозгу. Ему хотѣлось бы кого-нибудь расцѣловать, сжать въ своихъ объятіяхъ... полюбить!..

У дверей въ „Олимпію“ висѣли афиши, которыя привлекли его вниманіе. На нихъ виднѣлись женщины въ трико, экви-

либристы, молодая дѣвушка, окруженная учеными собаками. Надъ афишей ярко горѣло названіе этого увеселительнаго заведенія, составленное изъ красныхъ шкаликовъ. Изъ полуоткрытыхъ портьеръ неслись звуки веселенькой легкой музыки...

Профессоръ Рендаль колебался...

Движеніемъ руки, словно воруя, онъ поспѣшно снялъ съ себя свою орденскую ленту, пошелъ прямо къ кассѣ и—исчезъ за дверью...

Поутру, спускаясь съ лѣстницы того дома, гдѣ жила Клара Ланкрé, извѣстная въ „кабачкахъ“ подъ прозвищемъ „ирландки“, Рендаль не узнавалъ самъ себя. Какой позоръ! Какое паденіе! Онъ опоздалъ на поѣздъ, онъ потерялъ всякое уваженіе къ себѣ! Еслибъ Зозѐ, еслибъ его домашніе могли его увидать въ такой обстановкѣ?!..

Но куда же дѣваться? Гдѣ пробыть до слѣдующаго поѣзда?

— Пойти, заглянуть къ Кипріану!—преодолѣвая сонъ, разсуждалъ профессоръ.

Онъ взялъ фіакръ, доѣхалъ до мѣста, но... дяди Кипріана дома не оказалось: за три минуты передъ тѣмъ онъ укатилъ на своемъ велосипедѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, въ эту самую минуту Кипріанъ остановился въ какихъ-нибудь двухъ стахъ метровъ отъ своего дома, у воротъ Шлейфмана. Поставивъ подъ сводомъ своего „коня“ (какъ онъ говорилъ), онъ поручилъ его надзору портьé и взбѣжалъ на лѣстницу.

— Идемъ завтракать? — спросилъ Шлейфманъ: — Одну минутку: натяну сюртукъ, и къ вашимъ услугамъ!

Они прошли въ кабинетъ, и Рендаль-младшій торжественно и вмѣстѣ съ тѣмъ насмѣшливо проговорилъ:

— Нѣтъ, дружище; нѣтъ: я не за вами! Мнѣ надо съ вами переговорить...

— Что случилось?

— А то случилось, что я имѣю честь представить вамъ человѣка... пропащаго человѣка! (Шлейфманъ въ ужасѣ вскинулъ руки къ небу.) Да, пропащаго: я игралъ на золотыхъ пріискахъ и проигрался!

— Такъ я и зналъ!—вскрикнулъ Шлейфманъ и съ озлобленіемъ хватилъ каблукомъ объ полъ. — А сколько вы проиграли?

— Сто десять тысячъ франковъ, другъ мой! О, нечего глаза таращить; я вѣрно говорю: сто десять тысячъ! Во время послѣдняго разсчета я былъ въ проигрышѣ только сорокъ тысячъ.

Благодаря участію маркиза де-Мезъ, который написалъ своему другу Пумсу (отцу вашего ученика), я добился отъ своего маклера Таллуара (а? какъ вамъ покажется? у меня-то „свой“ маклеръ?!), чтобы мнѣ дали отсрочку, а пока внесъ только все свое состояніе—двадцать тысячъ франковъ; оставалось покрыть остальныя двадцать. Ну, хорошо!.. Чтобы отъ нихъ освободиться, я игралъ и продолжалъ играть; проигрывалъ и еще продолжалъ проигрывать, все болѣе и болѣе упрямствуя, какъ сумасшедшій. А въ итогѣ — девяносто тысячъ убытку, что̀ вмѣстѣ съ прежними двадцатью составитъ и всѣ сто десять.

— Бѣдный мой Рендаль! Бѣдный другъ! — бормоталъ галичанинъ, качая головой.

— Это еще не все! Я просилъ еще отсрочки... Не тутъ-то было! Пумсъ меня не принялъ, а Таллуаръ послалъ къ чорту. Писалъ я маркизу, въ Довиль, но не имѣю отвѣта. Если же я до вечера не внесу сполна, то на биржѣ со мной покончатъ счеты, и вечеромъ я самъ съ собой покончу у себя на дому. Ну, говорите же: пропащій я человѣкъ или нѣтъ?

Галичанинъ, ругаясь, вертѣлся по комнатѣ, но вдругъ остановился:

— А ваша пенсія? Нельзя ли взять подъ нее въ залогъ?

— Ахъ, вы, дитя!—отечески попрекнулъ Рендаль.—Ужъ не воображаете ли вы, что я дожидался вашего совѣта? Отгадайте, что̀ мнѣ за нее даютъ? Пятнадцать тысячъ франковъ, какихъ-либо жалкихъ пятнадцать тысячъ... ни гроша больше!

Галичанинъ подумалъ немного:

— Послушайте, Рендаль, — возразилъ онъ. — У меня отложено пять тысячъ франковъ; вмѣстѣ съ вашими это составитъ двадцать; хотите?

— Вы добрый другъ!—пожимая ему руку, проговорилъ Кипріанъ. И я вамъ очень благодаренъ. Но этой суммы хватило бы лишь на двадцать процентовъ всего долга, то-есть на то, чтобы одни меня сочли честнымъ человѣкомъ, а другіе — плутомъ. А потомъ? Какъ же мнѣ жить потомъ? У меня не будетъ ни гроша; придется искать мѣста и—что̀ всего труднѣе—найти его. Нѣтъ, у меня на это не хватило бы терпѣнія. Лучше разомъ покончить!..

— Вы говорите какъ глупецъ! Покончить? Чего ради? Вы будете работать!

— Буду, конечно, если дадутъ работу!—заворчалъ Кипріанъ. —Но человѣкъ въ моихъ лѣтахъ, проигравшійся на биржѣ, не внушаетъ особаго довѣрія.

Шлейфманъ задумчиво почесывалъ свою сѣдоватую щетину.

— Послушайте, милый Кипріанъ! Вотъ что я придумалъ. Еслибъ вамъ дали теперь отсрочку, которой вы хотите, вы могли бы поправить свои дѣла?

— Не могу обѣщать; но все-таки были бы шансы... Крахъ не можетъ протянуться долго. Со всѣхъ сторонъ только и слышится, что это дѣло рукъ „черной банды“; недѣли черезъ двѣ все можетъ измѣниться. Во всякомъ случаѣ, шикарнѣе бороться до конца!

— И, понятно, вы стали бы опять играть?

— Нѣтъ, мой другъ, не сталъ бы! Я только сохранилъ бы свое „прекрасное“ положеніе и смотрѣлъ бы, что будетъ дальше.

— Вы мнѣ клянетесь головой „вашего племянника“, Терезы?

— Не очень мнѣ по вкусу эта клятва; но такъ и быть! Извольте: клянусь головой моего „племянника“, Терезы...

— Ну, вотъ что я придумалъ, — торжественно началъ галичанинъ.—Гдѣ въ настоящую минуту Пумсъ?

— Двѣнадцать ровно? Должно быть, на биржѣ.

— Пойду, поговорю съ нимъ о васъ. Онъ малый не злой, и во время моихъ соціальныхъ реформъ онъ лучше другихъ отнесся ко мнѣ; даже оставилъ за мной занятія съ его сынишкой... Надѣюсь, можно имѣть надежду... Согласны?

— Ну да; только бы выслушали васъ! — недовѣрчиво замѣтилъ Кипріанъ.

— Идемъ... возьмемъ фіакръ!..

Спустившись съ лѣстницы, Кипріанъ поручилъ портьé отвезти его „коня“ къ нему на домъ, и оба друга поспѣшили сѣсть въ экипажъ. Нѣсколько минутъ они молчали.

— Разъ въ жизни пришлось мнѣ имѣть дѣло съ жидами, —началъ Рендаль-младшій:—и, признайтесь, мнѣ не повезло!

— А маркизъ де-Мезъ—тоже жидъ?—возразилъ галичанинъ.

— Нѣтъ; но онъ „ожидовѣлъ“, а это все одно.

— А я-то? Я самъ жидъ, а вѣдь не совѣтовалъ вамъ окунаться въ эту грязь...

— Вы—дѣло другое! — перебилъ Кипріанъ. — Вы хорошій жидъ...

По обыкновенію, Шлейфманъ при этихъ словахъ движеніемъ выразилъ свое недовольство.

Сожалѣя о своей неловкости, Рендаль поторопился перемѣнить разговоръ и пустился въ описанія биржи и ея расположенія, чтобы уяснить другу то мѣсто, гдѣ пребываетъ Пумсъ.

— Сверхъ того, берегитесь служащихъ! Правда, сегодня

имъ будетъ не до шутокъ, а все-таки не мѣшаетъ, чтобы вы опасались какихъ-нибудь продѣлокъ со стороны этихъ господъ. Когда я, напримѣръ, первый разъ пришелъ на биржу, они запихали мнѣ за воротникъ бумажонку съ надписью: „рогоносецъ". Конечно, эта шалость не имѣетъ значенія; но иногда это все-таки досадно!

Экипажъ остановился у рѣшетки.

— Я здѣсь васъ подожду!—крикнулъ Кипріанъ вслѣдъ галичанину.—Дай вамъ Богъ удачи и храбрости за насъ обоихъ!

На верху надъ лѣстницей, подъ сводомъ колоннады, биржа смотрѣла угрюмо, какъ во дни разгрома. Ни смѣха, ни болтовни, ни звука веселыхъ голосовъ. На лицахъ, посинѣвшихъ отъ волненія, губы кривились въ притворную улыбку, ужаснѣе всякихъ гримасъ. И надъ этимъ зловѣщимъ молчаніемъ громко раздавались окрики служащихъ, однообразный шумъ продажи, продажи во что бы то ни стало, по какой ни есть цѣнѣ. Продажа шла бойко!..

По несчастной случайности, толпа увлекла галичанина въ группу продавцовъ пріисковыхъ акцій.

Онъ любезно приподнялъ шляпу и, остановившись передъ молодымъ блондиномъ, который только-что пересталъ кричать, проговорилъ:

— Простите, пожалуйста, — не будете ли вы добры указать, гдѣ мнѣ найти г. Пумса?

Тотъ посмотрѣлъ на него въ удивленіи:—Пумса? Въ такой день, въ такую минуту? Какъ будто только о томъ и забота! Постой, голубчикъ, вотъ тебѣ покажутъ, какой такой Пумсъ!

И на подмигиванія товарища, окружающіе принялись подталкивать, подпихивать локтями злополучнаго Шлейфмана, повторяя:

— Г. Пумсъ!.. Г. Пумсъ!.. Г. Пумсъ!.. Пумсъ!.. Пумсъ!..— и галичанинъ переходилъ изъ рукъ въ руки, отъ одной кучки къ другой; отъ „золотой валюты" къ „текущимъ счетамъ"; отъ „текущихъ счетовъ" къ „золотой валютѣ и т. д. И всякій, несмотря на трагизмъ этой минуты, давалъ волю своимъ нервамъ въ этой грубой игрѣ со старикомъ, пришедшимъ не во-время...

— Г. Пумсъ!.. Г. Пумсъ!..

Наконецъ, его вышвырнули за поворотъ бокового прохода; шляпа его слетѣла, очки покачнулись на сторону... Маленькій мальчишка на побѣгушкахъ, въ бутылочной ливреѣ, сжалился надъ нимъ.

— Вотъ, извольте!—проговорилъ онъ, подавая ему шляпу.—

Вы спрашиваете г. Пумса? Я—банковскій грумъ. Г-нъ Пумсъ теперь у себя въ конторѣ, на улицѣ Вивьенъ.

— Благодарю, мальчикъ, благодарю!—пролепеталъ галичанинъ, медленно оглядываясь на каждомъ шагу, изъ опасенія, чтобы кто не хватилъ его исподтишка, и, поглаживая рукавомъ свою шляпу, спустился съ лѣстницы.

XXVI.

Пріемная въ банкѣ была полна просителей. Одни сидѣли, глядя на свои носки, въ задумчивой позѣ; другіе кучками или попарно стояли по угламъ или въ углубленіяхъ оконъ, говорили тихонько, тѣмъ осторожнымъ шопотомъ, какимъ говорятъ въ комнатѣ умирающаго.

Одинъ только сторожъ, въ зеленой ливреѣ, невозмутимо водилъ глазами по столбцамъ газеты „Petit Journal". Онъ только чуть приподнялъ вѣки, когда Шлейфманъ подалъ ему свою карточку.

— Хорошо. Не угодно ли вамъ сѣсть?..

— Нѣтъ, не угодно!—сдерживаясь, отвѣчалъ тотъ.—Я васъ прошу тотчасъ же вручить мою карточку г. Пумсу.

— Никакъ нельзя! Г-нъ вице-директоръ въ совѣтѣ. Отдано приказаніе не стучаться къ нимъ, пока не позвонятъ... Впрочемъ, всѣ эти господа будутъ приняты раньше васъ.

— Не знаю, будутъ ли эти господа приняты раньше меня,—возразилъ Шлейфманъ:—но я еще разъ прошу васъ доложить немедля: это—вопросъ жизни или смерти!

Сторожъ критическимъ взглядомъ окинулъ просителя. Его слова, полныя драматизма, помятая шляпа, галстукъ, съѣхавшій на бокъ, иностранный акцентъ,—все обличало въ немъ бѣдняка, по всей вѣроятности еврея. Не удостоивая отвѣтомъ, сторожъ занялся снова своимъ фельетономъ.

— Ну, что же? Слышали вы меня?—пробормоталъ Шлейфманъ, выведенный изъ себя такой безмѣрной дерзостью.—Пойдете доложить, или нѣтъ?

— Когда г. вице-директоръ изволитъ позвонить,—не раньше. Раньше я не могу...

— Не можете?! Прекрасно. Вотъ сейчасъ увидимъ!..—и Шлейфманъ рѣшительно направился къ высокой двери, которую онъ считалъ дверью въ кабинетъ Пумса.

— Куда вы?—преграждая ему дорогу, воскликнулъ сторожъ.

— Куда мнѣ угодно. Отойдите прочь, чортъ побери!—сильно толкнувъ его плечомъ, возразилъ галичанинъ.

На помощь товарищу подбѣжали еще люди и окружили Шлейфмана, допрашивая его. Ихъ вмѣшательство окончательно взбѣсило послѣдняго, боявшагося повторенія биржевыхъ пинковъ.

— Да чего вы суетесь не въ свое дѣло?—раздражительно крикнулъ онъ. — Мы вѣдь, кажется, не на биржѣ. Ну, перестать, а не то первому, который до меня дотронется, я дамъ ногою куда попало.

— Какъ? Это вы, Шлейфманъ, собираетесь дать кому-то тумака? — произнесъ Пумсъ, отворившій дверь на шумъ этой свалки.

Галичанинъ приподнялъ шляпу, и тихо, вполголоса, отвѣтилъ:

— Да. Это я! Мнѣ хотятъ помѣшать васъ видѣть... А дѣло спѣшное: отъ этого зависитъ жизнь человѣка...

— Но теперь какъ разъ...

— Для спасенія жизни человѣческой не можетъ быть никакихъ „разовъ“... Повѣрьте мнѣ, вы сами, со временемъ, будете мнѣ за это благодарны.

— Ну, хорошо!—согласился Пумсъ, обмѣниваясь многозначительной улыбкой со своими.

Шлейфманъ пошелъ за нимъ. Дверь затворилась.

Пумсъ усѣлся за своей палиссандровой конторкой; Шлейфманъ, лицомъ къ нему, сталъ спиной къ дверямъ.

— Я буду говорить кратко,—началъ онъ, кладя шляпу на столъ.—Дѣло идетъ о спасеніи жизни человѣку... И этотъ человѣкъ (не скрою!) не кто иной, какъ мой лучшій другъ—Кипріанъ Рендаль. Въ какомъ онъ положеніи—мнѣ нечего вамъ пояснять. Если онъ не внесетъ, онъ погибъ на биржѣ; а я вамъ говорю,—если онъ погибнетъ на биржѣ, онъ покончитъ съ собой. Я пришелъ просить у васъ для него отсрочки.

— Я бы конечно... Я бы съ удовольствіемъ...—бормоталъ по-нѣмецки Пумсъ, предпочитавшій на этомъ языкѣ вести всякіе деликатные переговоры.

— Однако, позвольте! Я еще не кончилъ...—возразилъ тотъ. —Вы меня спросите, конечно, что̀ вамъ за̀ выгода спасти моего друга Кипріана... Та выгода, тотъ интересъ, что этотъ интересъ священный, интересъ всего вашего племени, всѣхъ вашихъ дѣтей и внуковъ, и правнуковъ...

— Къ сожалѣнію, я вынужденъ васъ остановить,—перебилъ Пумсъ, въ нетерпѣніи стуча пальцами по столу.—У насъ крахъ

въ самомъ разгарѣ... Человѣкъ двадцать меня ожидаютъ... Убѣдительно васъ прошу: будьте кратки,—вы сами обѣщали...

— И буду!—подхватилъ Шлейфманъ; но тотчасъ же пустился въ нескончаемыя разглагольствованія.

Ихъ цѣлью было доказать Пумсу, что онъ, какъ человѣкъ, руководившій первоначально биржевыми спекуляціями Кипріана, былъ обязанъ поддержать его въ минуту биржевого погрома. И въ сущности, что̀ ему стоитъ оказать чисто нравственную поддержку? Чѣмъ онъ рискуетъ? Самое бо̀льшее—своей подписью. Если бы даже и случилось ему, Пумсу, проиграть сумму, въ которой онъ поручится, обѣднѣетъ ли онъ отъ этого, пострадаетъ ли хоть сколько-нибудь его состояніе, которое опредѣляется въ три милліона или даже болѣе? И, съ другой стороны, какая честь и слава всему Израилю, какое доблестное преданіе въ его собственномъ потомствѣ, какой подвигъ великодушія будетъ въ грядущемъ связанъ съ именемъ Пумса! Изъ устъ въ уста будетъ передаваться сказаніе о богатомъ израильтянинѣ, который великодушно спасъ отъ нищеты, отъ смерти, маленькаго чиновника-христіанина, котораго вовлекло въ бѣду его стремленіе къ биржевой игрѣ, къ наживѣ... Пріумноженіе подобныхъ поступковъ сдѣлаетъ для евреевъ больше, нежели тысячи доброхотныхъ пожертвованій, тысячи санитарныхъ учрежденій, воспѣтыхъ прессою подъ шумъ громкихъ похвалъ... Такія дѣянія, такіе подвиги разнесутся дальше, чѣмъ всякая милостыня, потому что источникъ ихъ будетъ возвышеннѣе; источникъ этотъ будетъ человѣколюбіе и сама справедливость!..

Наконецъ, галичанинъ умолкъ. Пумсъ поднялъ голову, слегка мотнувъ ею и, откидываясь назадъ въ своемъ креслѣ, проговорилъ поучительнымъ тономъ:

— Милѣйшій Шлейфманъ! Я преклоняюсь передъ вашими добрыми намѣреніями. Вы—прекраснѣйшій человѣкъ; однакоже, позвольте вамъ замѣтить, что вы ничего не понимаете въ дѣлахъ... —и онъ гримасою показалъ, что считаетъ это непониманіе предосудительнымъ.—Именно ничего, ровно ничего!.. Итакъ, вы думаете, что для васъ ясно положеніе вашего друга? Да вы *аза* въ этомъ не смыслите! Если бы г. Рендаль меня послушалъ и ограничился моими совѣтами, его потеря была бы самая незначительная,—въ родѣ того, какъ, напримѣръ, у его покровителя, маркиза: тысячъ семь, восемь, много—десять! Но вашъ другъ пустился играть на свой страхъ, и онъ, понятно, „зарвался“, какъ говорится на нашемъ биржево̀мъ жаргонѣ. А теперь ему

кашу приходится „расхлебывать“... Но кто же въ этомъ виноватъ? Онъ или я? Скажите!

— Г-нъ Пумсъ! Я здѣсь не для того, чтобы разсуждать о дѣлахъ. И въ самомъ дѣлѣ, я ничего въ нихъ не понимаю. Я къ вамъ явился въ качествѣ еврея, въ качествѣ друга, поговорить съ вами по душѣ, по справедливости. Я пришелъ просить вашей помощи для порядочнаго человѣка, котораго люблю. Если вы не окажете ему поддержки,—тѣмъ хуже, тѣмъ грустнѣе! Бѣдняга покончитъ съ собою!

— Жаль, очень жаль,—промолвилъ Пумсъ:—но это еще неизвѣстно... Гм! Вы меня сбили съ толку. На чемъ я остановился? Ахъ, да, я вамъ объяснялъ, что Рендаль игралъ на биржѣ, какъ ребенокъ, какъ больной. Несмотря на это, во время разсчета 15-го числа, изъ уваженія къ его брату и къ маркизу де-Мезъ, я метался, я хлопоталъ за него и выхлопоталъ ему у маклера отсрочку и на время вытащилъ его изъ капкана, куда онъ самъ себя загналъ. Вы просите еще отсрочить? Да это невозможно! Крахъ всеобщій, и никому больше не даютъ отсрочки. И что ему можетъ дать ваша отсрочка? А, понимаю! Вы думаете, что ему пока не придется ничего платить, и что можно оттянуть еще платежъ? Жестоко ошибаетесь! Простите, но, опять-таки, это доказываетъ ваше непониманіе биржевыхъ порядковъ. Отсрочатъ ему, или нѣтъ—все равно; рано или поздно, онъ обязанъ уплатить свои девяносто тысячъ до послѣдняго сантима!

— Ну, такъ что же?..

— Такъ единственное средство спасти вашего друга—это стать мнѣ на его мѣсто, взять на себя его положеніе. Но, говоря откровенно, я нахожу это ужъ слишкомъ требовательнымъ съ вашей стороны! Мнѣ Кипріанъ Рендаль вѣдь не родня, не другъ, даже почти вовсе незнакомый человѣкъ. И вдругъ, по вашему, я долженъ лично поручиться за него въ девяноста тысячахъ (или даже больше, если пониженіе будетъ продолжаться), за господина, котораго я видѣлъ какихъ-нибудь три раза за всю мою жизнь. Нѣтъ, это было бы даже не благоразумно! Тогда на каждомъ засѣданіи биржи придется спасать такихъ господъ человѣкъ по десяти. Да моего бы состоянія на это не хватило!

Заткнувъ пальцы за проймы жилета, Пумсъ топтался около своего стола, горячась все больше и больше.

— А для чего? Для того только, чтобы прославлять „народъ свой Израиля“? Еще чего захотѣли? Очень мнѣ нужны ваши евреи! Я человѣкъ безъ предразсудковъ. По моему: всякъ за себя! Пусть себѣ сами выпутываются, какъ умѣютъ. Нѣтъ у

меня девяносто тысячъ, чтобы швырнуть ихъ за окошко! Да что вы думаете? Есть у меня хоть сколько-нибудь барыша въ этой исторіи съ пріисками? Никакой выгоды, кромѣ убытковъ: я попался, какъ и всѣ другіе. Просто ума не приложу, какъ быть...

Невольно его большіе глаза выразили обратное: онъ, конечно, не такъ попался, какъ другіе.

— Однако, пониженіе подстроено „черной бандой“,—слащавымъ тономъ возразилъ Шлейфманъ.—А черная банда,—вѣдь это ваши друзья!

— Мои друзья?—повторилъ озадаченный Пумсъ; но тотчасъ спохватился.—Да! Миленькіе друзья, нѣчего сказать! Негодяи! Дураки! Они ведутъ биржу прямо къ погибели, знать не хотятъ ничего, кромѣ пониженія да пониженія! Хитро придумано, нѣчего сказать! Я ихъ не поздравляю!

Но Шлейфманъ не отступалъ отъ своихъ возраженій.

— Однако, вы этихъ самыхъ дураковъ и негодяевъ увидите завтра же и послѣ-завтра, и будете продолжать съ ними видаться.

— Буду ли я съ ними видаться? По всей вѣроятности,—но могу васъ увѣрить, что за своимъ мнѣніемъ не постою, и еслибъ у меня сейчасъ былъ подъ рукою хоть одинъ изъ нихъ...

— Валйтъ!—вскричалъ добродушно по-нѣмецки чей-то голосъ позади Шлейфмана.

Пумсъ позеленѣлъ, оборвавъ на полусловѣ; глаза его еще расширились и готовы были выскочить. Шлейфманъ оглянулся и узналъ Герштейна,—предводителя черной банды. Онъ вошелъ какъ хозяинъ, не постучавшись; но при видѣ посторонняго на его лицѣ, благообразномъ какъ у патріарха, тотчасъ же отразилась сдержанность и скромность.

— А, вы заняты?—тихо проговорилъ онъ.

Пумсъ молча сортировалъ бумаги. Шлейфманъ отъ одного къ другому переводилъ свой взглядъ, горѣвшій негодованіемъ.

— Ну, что-жъ, г. Пумсъ? Я жду: вотъ и пришелъ тотъ самый „одинъ“, котораго вы призывали! Валяйте, не стѣсняйтесь! Скажите ему прямо ваше мнѣніе... А? Вамъ трудно припомнить? Ну, потерпите немножечко, г. Герштейнъ: это еще придетъ; онъ припомнитъ непремѣнно! А пока—присядьте.

— Что это значитъ? — леденящимъ тономъ спросилъ Герштейнъ.

— Сейчасъ вамъ объясню, любезный другъ,—запинаясь, началъ Пумсъ.—Мы говорили о Рендалѣ, братѣ профессора, кото-

рый проигралъ большой кушъ на пріискахъ... Г-нъ Шлейфманъ шутитъ...

— Я-то шучу?!—воскликнулъ галичанинъ, и хватилъ по столу такъ сильно, что чернила чуть не выплеснулись изъ чернильницы. (Онъ смѣрилъ сообщниковъ съ головы до ногъ.) Итакъ, вы— „кумовья"? Вамъ—„валѝтъ"? Вы, значитъ, два сапога — пара! А вы, г. Герштейнъ, являетесь отдать отчетъ?.. Что же, можно васъ поздравить: сегодня вамъ доходный день! Я продиктую вамъ, пишите: „Приходъ 2-го сентября: отъ г. Кипріана Рендаля девяносто тысячъ франковъ... Ура, г. Пумсъ! А сколько изъ нихъ перепадетъ на вашу долю? Тысячъ десять, пятнадцать?

Онъ злобно усмѣхался; но вдругъ черты его исказились горемъ.

— Горе! Проклятіе!.. Проклятіе!.. Да, со временъ Синая это нескончаемое, вѣчное недоразумѣніе! Богъ далъ своему народу самое высокое умственное развитіе, а этотъ народъ употребляетъ его на самыя низкія дѣла, и тотъ же Богъ наказуетъ его за то, что Его народъ избранный *Его* же не позналъ. Въ этомъ вся исторія народа Израилева, все его несчастье!.. Проклятіе! Когда же, наконецъ, все это прекратится? О, вы не изъ глупыхъ, г. Пумсъ, да и вы, г. Герштейнъ, тоже! Но вы, конечно, думаете, что Господь Богъ для того только и наградилъ васъ умомъ, чтобъ вы его изощряли надъ биржевыми операціями, чтобы загребать золота побольше? Безумные! Я вижу надъ вами десницу Всевышняго... За то, что вы измѣнили Его законамъ, вашихъ предковъ угнали въ вавилонское плѣненіе, въ Египетъ, въ Ниневію!..—и, потрясая въ воздухѣ рукой, указующей на какія-то таинственныя тѣни, онъ заключилъ: — О, вы еще того дождетесь, что Богъ васъ приведетъ, скитаясь, жить въ шатрахъ, а вмѣстѣ съ вами и многихъ другихъ, ни въ чемъ неповинныхъ, трудящихся... если они сами до тѣхъ поръ не отшатнутся отъ васъ...

— Довольно, г. Шлейфманъ! Ваши воззрѣнія намъ хорошо знакомы: вы ренегатъ, вы антисемитъ!—прервалъ его Герштейнъ, понемногу оправляясь.

— Я—ренегатъ, антисемитъ? О, Адонаи! Ты слышишь, что онъ говоритъ!

— Не говоря уже о томъ, что въ числѣ изгнанниковъ вамъ, пожалуй, прежде нашего придется очутиться: вы забываете, что мы вѣдь французы, тогда какъ вы... — ободряясь, по примѣру друга, заговорилъ Пумсъ.

Безумный хохотъ прервалъ его рѣчь.

— Французы? Это вы-то французы?!—захлебываясь отъ смѣха,

выкрикивалъ Шлейфманъ.—Вы ни французы, ни нѣмцы, ни австрійцы, ни что бы то ни было, и всего менѣе—евреи! Ваше еврейство — для васъ бремя! Оно васъ тяготитъ, оно васъ душитъ!.. Вы не рядитесь въ него, вы не гордитесь имъ; вы признаётесь въ немъ нехотя, съ сожалѣніемъ; вы не знаете его правилъ, хотя бы самыхъ простыхъ, заурядныхъ! Да еслибъ вы не боялись повредить себѣ въ дѣлахъ, пари держу, вы завтра же утромъ крестились бы въ христіанскую вѣру.

— Мы не споримъ съ бѣсноватыми! — и лобъ Герштейна покрылся багровыми полосами.

— Да вы-то сами съ кѣмъ спорите? Съ такими же „осадками“, съ такой же „изгарью“ какъ и вы сами! Я вамъ скажу вмѣстѣ съ пророкомъ Іезекіилемъ:—„Всѣ они—олово, мѣдь, и желѣзо, и свинецъ—въ горнилѣ; сдѣлались, какъ изгарь серебра... И Я во гнѣвѣ Моемъ и въ ярости Моей соберу и положу, и расплавлю васъ“!.. (Іезек. XXII, 18—20).

Этотъ текстъ онъ процитировалъ по-еврейски и перевелъ его на нѣмецкій языкъ, издавая такой потокъ громкихъ и безпорядочныхъ звуковъ, что Пумсу становилось страшно. Что могли подумать просители и сторожа? Онъ попробовалъ рискнуть расхрабриться, но голосъ его все-таки дрожалъ.

— Довольно вамъ скандалить, г. Шлейфманъ! Я васъ прошу удалиться..., а не то позову полицейскихъ!

— Что-жъ, все будетъ въ порядкѣ!.. Вы такъ и сдѣлайте, а я немного посмѣюсь еще! Арестуйте меня за кощунство! Это дважды выпало на долю пророка Іереміи, а также и Михея... и многихъ другихъ... Такъ ужъ полагается по росписанію... Нѣтъ, я остаюсь, хотя бы для того, чтобы взглянуть на это. Полицію?.. Вотъ какъ?!.. Ха, ха, ха!..

— Онъ сумасшедшій, просто сумасшедшій!—лепеталъ Пумсъ въ смущеніи.

— Вовсе нѣтъ: это—великій пророкъ!

— Увы, я вышелъ ужъ изъ лѣтъ, и очень жалѣю,—возразилъ галичанинъ.—До тѣхъ поръ, пока научнымъ образомъ будетъ изслѣдованъ и постановленъ соціальный вопросъ, какъ того желаетъ мой учитель Карлъ Марксъ, для васъ было бы все-таки, не дурно и полезно вмѣсто вашихъ льстецовъ-раввиновъ имѣть какого-нибудь Софонію проповѣдника, который наставлялъ бы васъ:—Восплачьте и возрыдайте, жители торговаго квартала! Всѣ торгаши да будутъ... — и потокъ безпорядочной нѣмецкой рѣчи заклокоталъ опять.

Пумсъ нервно затыкалъ уши. Герштейнъ судорожно мялъ

руками свою шляпу. Но вдругъ проблескъ надежды сверкнулъ въ его тревожныхъ взорахъ.

— А христіане?—побѣдоносно воскликнулъ онъ.—Развѣ и они тоже не торгаши, ваши христіане?

— Христіане насъ не касаются!—и галичанинъ широкимъ жестомъ разрѣзалъ воздухъ. — У нихъ есть свой Богъ, Который долженъ ихъ карать, и свой соціализмъ, котораго обязанность—ихъ истреблять. Но вы—вы должны всѣмъ подавать примѣръ; вы должны быть лучше другихъ; вы должны больше страдать и меньше наслаждаться! Вотъ въ чемъ ваше назначеніе, въ чемъ ваша слава: они единственныя во всемъ мірѣ, и вы избѣгнете ихъ лишь цѣною еще худшихъ мукъ. Вы—народъ Божій!

— „Ну, ужъ отъ этого-то преимущества они съ удовольствіемъ бы отказались,—подумалъ Пумсъ:—Подавать примѣръ другимъ? Вотъ еще! Очень нужно! И выслушивать еще, вдобавокъ, этотъ пророческій бредъ!.. Лучше придумать какой-нибудь предлогъ, чтобъ только убѣжать".

Пумсъ подмигнулъ Герштейну:

— А вы пришли подписывать свои бумаги?

— Да,—отвѣчалъ тотъ, подмигнувъ въ отвѣтъ.

— Ну, потрудитесь же пройти сюда, — и Пумсъ отворилъ дверь, придерживая ее, чтобы прошелъ впередъ его сообщникъ.

— Я васъ оставлю, г. Шлейфманъ!—обратился онъ къ галичанину.—Выходъ отсюда—противъ васъ; что же касается уроковъ сыну моему,—можете больше не трудиться. Вы пришлете мнѣ счетъ, сколько я вамъ долженъ,—и мы на томъ покончимъ. До пріятнаго свиданія!

Шлейфманъ, ошеломленный такой быстротой и рѣшимостью, остался стоять, какъ вкопанный, тщетно подыскивая заключительную фразу порѣзче. Потомъ, когда дверь за Пумсомъ уже затворилась:—Вы—народъ Божій!..—прокричалъ онъ съ безумной яростью, подойдя къ самой двери.

Съ вызывающе-заносчивымъ видомъ онъ грозно прошелъ черезъ пріемную и сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ.

— Ну, что? — спросилъ Рендаль.

— Да ничего! Ровно ничего!.. Ничего и слушать не хотѣлъ, каналья!

— Я готовъ былъ поклясться въ томъ, — вздохнулъ въ отчаяніи дядя Кипріанъ.

— Ну, куда же теперь мнѣ васъ везти?—Въ ресторанъ?

— Нѣтъ, мнѣ ѣсть не хочется. Лучше везите ужъ прямо домой.

Они почти подъѣзжали къ дому, гдѣ жилъ Кипріанъ, а Шлейфманъ все еще разсказывалъ про свое свиданіе.

— Я вамъ и четверти не досказалъ, — продолжалъ онъ съ лихорадочной поспѣшностью.—Я ничего не добился,—это правда! Я потерялъ урокъ, — и это правда! Но зато и наговорилъ же я имъ много такого!!

— Весьма возможно, что вы имъ всего наговорили, а все же это нисколько не мѣшаетъ тому, чтобы я былъ погибшій, безвозвратно погибшій человѣкъ.

И Кипріанъ занесъ ногу, чтобы выпрыгнуть изъ экипажа.

— Стой! Куда? — дернулъ его за рукавъ галичанинъ.

— Хочу броситься въ Сену, благо она у меня тутъ, подъ носомъ!

— Не дѣлать глупостей, Рендаль! Поговоримъ толкомъ: вашъ братъ не даромъ же приходится вамъ братомъ! Онъ выручитъ васъ, чортъ побери!..

— Ну, не въ обиду вамъ будь сказано, Шлейфманъ,—если онъ меня такъ же выручитъ, какъ вы—мнѣ остается только пожалѣть моихъ кредиторовъ!

До самой своей улицы Кипріанъ больше не разинулъ рта ни разу; но въ ту самую минуту, когда Шлейфманъ разсчитывался съ фіакромъ, онъ почувствовалъ, что ноги у него подкашиваются.

— Шлейфманъ! — вскрикнулъ онъ.

— Что?!.. — отвѣтилъ тотъ.

Раздался глухой стукъ. Большая широкополая шляпа скатилась въ канаву... Рендаль-младшій опустился на землю, какъ безжизненное тѣло, съ побѣлѣвшимъ лицомъ.

XXVII.

У кровати, на которую положили дядю Кипріана, на столикѣ Шлейфманъ писалъ наскоро депешу Евсевію Рендалю.

— Вотъ, снесите скорѣе! — приказалъ онъ прислугѣ.

— Но г. Рендаль въ городѣ. Онъ еще сегодня заходилъ и просилъ передать брату, что цѣлый день будетъ дома...

Полчаса спустя, профессоръ уже былъ около больного и выслушивалъ подробный разсказъ Шлейфмана обо всемъ случившемся.

— Мой докторъ,—докторъ Шенаръ—былъ сейчасъ и гово-

ритъ, что боится осложненія. Онъ зайдетъ еще къ вечеру... Кипріанъ игралъ на биржѣ и проигралъ девяносто тысячъ.

— Несчастный!.. Если-бъ я зналъ сначала!.. Зачѣмъ онъ скрывалъ отъ меня?

Шлейфманъ кончилъ. Водворилось молчаніе, неловкое для нихъ обоихъ.

Галичанинъ до сихъ поръ считалъ Рендаля-старшаго человѣкомъ узкаго, односторонняго развитія, хотя онъ и признавалъ его ученость; но въ то же время ставилъ ему въ упрекъ то, что онъ отклонялся отъ вопросовъ дня.

Рендаль, напротивъ, именно разбросанность Шлейфмана и ставилъ ему въ вину, обвиняя его въ желаніи вліять на пагубныя стороны характера Кипріана. Но теперь, въ виду необходимости дѣйствовать дружно у постели больного, имъ обоимъ захотѣлось въ душѣ примириться, хоть чувство честности и мѣшало имъ таить въ себѣ свои воззрѣнія другъ на друга. Рендаль первый рѣшился покривить душою.

— Обстоятельства мѣшали намъ до сихъ поръ сблизиться,— началъ онъ;—но я всегда признавалъ за вами разнообразіе развитія, твердость характера и, повѣрьте, чувствовалъ къ вамъ всегда совершенное уваженіе.

Галичанинъ отвѣчалъ похвалами ученымъ трудамъ профессора.

Неловкость ихъ взаимныхъ отношеній окончательно пропала, когда появились изъ аптеки лекарства, припарки и піявки, съ которыми они провозились надъ больнымъ до самаго вечера.

Уже смеркалось, когда Кипріанъ пришелъ въ себя и мутнымъ взглядомъ оглядѣлся, какъ будто старался что-то припомнить:

— Ахъ, да! — пробормоталъ онъ.—Биржа... крахъ!—и попробовалъ потянуться, но лѣвая половина не слушалась его.— А, параличъ!.. вотъ... тутъ! — ощупывая правой рукой лѣвое плечо и хмурясь, проговорилъ онъ. Присутствующихъ онъ узналъ не сразу, и это смутило его:

— Евсевій!.. Шлей... Шлейфманъ!..

Рендаль пожалъ ему руку. Кипріанъ печально улыбнулся:

— А? Каково они отдѣлали меня, эти молодцы? Я шлепнулся на мостовой... Шлейфманъ говорилъ тебѣ?

— Да, да, мой другъ! Не утомляйся и будь покоенъ. Мнѣ кажется, тебѣ уже лучше, это во-первыхъ; а затѣмъ—у меня отложено семьдесятъ тысячъ франковъ, которыя я не побоюсь предоставить въ твое распоряженіе. Жалованья, статей и книгъ моихъ мнѣ хватитъ на то, чтобъ намъ прожить всѣмъ вмѣстѣ, и

на то, чтобы выплачивать понемногу остальныя двадцать... Надѣюсь, ты больше не будешь мучиться!

— Ой!.. Благодарю!—разсѣянно вскрикивалъ Рендаль-младшій, котораго горчишники и піявки щипали немилосердно. Но, превозмогая боль, онъ продолжалъ: — Все равно! Я тебя такъ часто обижалъ... а все-таки никогда не думалъ, что разорю тебя своими злополучными двумя каморками и закусками въ ресторанѣ. А все потому только... потому... (Его мысль мѣшалась, безсильная разобраться въ событіяхъ прошлаго). Потому что, тебѣ на зло, я захотѣлъ попасть къ этой самой „Рâмъ-Бâнъ“ и встрѣтился съ этимъ, этимъ маркизомъ, де... де...

Вѣки его отяжелѣли, и онъ заснулъ опять, дыша тяжело и неровно, то совсѣмъ неслышно, то порывисто и шумно, какъ вѣтеръ въ каминѣ. Щеки его побагровѣли... Начиналось воспаленіе мозга... Докторъ неодобрительно надулъ губы и прописалъ болѣе сильныя средства. Рендаль предложилъ ему консультацію съ Гомбольдомъ, его коллегой по академіи наукъ.

— Боже мой! Ну, конечно, я просто участковый врачъ и больше ничего,—презрительно покачивая головой, отвѣтилъ тотъ; —но и Гомбольдъ ничего тутъ не въ силахъ измѣнить. Осложненіе такъ осложненіемъ и будетъ. Впрочемъ, если вамъ угодно...

И консультацію назначили на другой день, въ двѣнадцать часовъ.

Въ первой комнатѣ, на зеленомъ репсовомъ диванѣ, устроили постель профессору Рендалю; но онъ долго не могъ заснуть, думая тяжелыя думы. Совѣсть мучила его, какъ ни старался онъ разсуждать, разсѣявая свои сомнѣнія; онъ упрекалъ себя въ томъ, что онъ—причина несчастія, которое постигло брата. Въ ушахъ его звенѣли слова Кипріана:

— „Все это потому, что я захотѣлъ попасть къ этой самой г-жѣ Рâмъ-Бâнъ и встрѣтился съ этимъ... маркизомъ“...—Конечно, еслибы профессоръ во-время узналъ о положеніи дѣлъ Кипріана, онъ ничего не пожалѣлъ бы для того, чтобы его спасти. Но почемъ знать? Быть можетъ, безъ этой несчастной любви Рендаля къ г-жѣ Шамбанъ, и въ самомъ дѣлѣ никогда бы не встрѣтилъ онъ „этого... маркиза“?..

Профессоръ глубоко вздыхалъ, обливаясь холоднымъ потомъ. Наконецъ, подъ утро заснулъ, и въ восемь часовъ уже побѣжалъ открывать дверь вновь прибывшимъ: женѣ и Терезѣ. Позади нихъ виднѣлась бородатая голова Берцеля. Рендаль обнялъ своихъ съ необычной нѣжностью и со слезами повелъ въ комнату къ дядѣ Кипріану.

Больной все еще спалъ по прежнему тревожнымъ сномъ. Тѣло его мѣстами потемнѣло сравнительно со вчерашнимъ. Г-жа Рендаль опустилась на колѣни у его изголовья, сложивъ руки для молитвы...

Доктора явились ровно въ полдень. Консультація продолжалась недолго; д-ръ Гомбольдъ одобрилъ всѣ предписанія своего коллеги, но отказывался выразиться опредѣленно: все зависитъ отъ самой натуры.

— Ну, что я вамъ говорилъ?—замѣтилъ Шенаръ, и обѣщалъ зайти еще разъ вечеромъ. Но этотъ визитъ не принесъ ничего утѣшительнаго; за исходъ ночи докторъ не ручался. Спустя часъ послѣ ухода доктора, съ дядей Кипріаномъ сдѣлался бредъ.

Сначала больной издавалъ лишь неясныя восклицанія и жалобы, но затѣмъ ясно можно было разобрать, что онъ бранилъ своихъ враговъ, называлъ ихъ канальями, мошенниками, прощалыгами! Порой онъ ударялъ кулакомъ по воздуху, грозилъ пальцемъ кому-то, кто, вѣроятно, наваливался на него, хотѣлъ его схватить своими призрачно-длинными руками.

— О-го-го! — въ ярости ревѣлъ Рендаль-младшій. — Вотъ онъ, старикъ! О, что за руки! Уйдешь ли ты, наконецъ, старикашка? Оставь меня! Пусти!—Воображаемый призракъ душилъ его; напрасно хватался онъ за горло и опять впадалъ въ тяжелый сонъ.

Такъ провелъ Кипріанъ всю ночь. Въ сосѣдней комнатѣ сидѣла вся семья, чередуясь у постели больного съ Берцелемъ, Шлейфманомъ и съ фельдшеромъ, котораго прислалъ Гомбольдъ.

Когда жена и дочь, а также галичанинъ, задремали, Рендаль подозвалъ знакомъ Берцеля:

— Послушайте, мой другъ, — тихимъ голосомъ зашепталъ онъ:—сегодня Тереза мнѣ призналась. Значитъ, вы въ Лангрюнѣ дали другъ другу слово? Я, съ своей стороны, очень радъ. Но вы вѣдь видите, какая пришла на насъ напасть. Не говоря ужъ о бѣднягѣ Кипріанѣ, вѣдь и для насъ всѣхъ это все равно что разореніе; Тереза остается безъ приданаго; безъ какихъ бы то ни было видовъ на будущее. Я хотѣлъ непремѣнно самъ предупредить васъ, зная по собственному опыту, какъ тяжело даются издержки на хозяйство, на семью, на воспитаніе дѣтей...

— Очень вамъ благодаренъ за откровенность, дорогой учитель!—перебилъ его молодой человѣкъ, говоря такъ же тихо.— Но только этотъ печальный случай ничего не мѣняетъ въ моихъ отношеніяхъ къ m-lle Терезѣ... (Онъ пріостановился, какъ всегда, взвѣшивая свои слова, чтобъ говорить точнѣе). Я не скажу,

конечно, чтобы матеріальныя соображенія были для меня совершенно безразличны; напротивъ, для жены моей, для воспитанія дѣтей, ея приданое было бы драгоцѣннѣйшимъ подспорьемъ, нѣкоторой надеждой въ будущемъ... Но если этого подспорья нѣтъ, нашъ бракъ все-таки можетъ и помимо него состояться. Я чувствую, что во мнѣ достаточно и силъ, и энергіи трудиться, и нѣкоторое увеличеніе труда меня не испугаетъ: я еще молодъ и здоровъ, и повторяю свое предложеніе.

Между тѣмъ, Шлейфманъ всталъ и вышелъ изъ комнаты, къ фельдшеру. Рендаль и Берцель обмѣнялись сердечнымъ рукопожатіемъ и затѣмъ, каждый сидя на своемъ стулѣ, поддались дремотѣ. На разсвѣтѣ фельдшеръ пришелъ и разбудилъ ихъ всѣхъ.

Начиналась агонія и длилась долго. Непокорный духъ дяди Кипріана возмущался противъ смерти, какъ, бывало, возмущался противъ жизни. Кровь приливала къ горлу, душила его, а ему хотѣлось еще жить и дышать, и онъ здоровой рукой отпихивался отъ удушья повелительнымъ жестомъ, полнымъ негодованія... Наконецъ, дыханье прервалось. Дядя Кипріанъ, въ отчаянномъ, послѣднемъ усиліи скрививъ свое багровое, посинѣлое лицо, откинулся назадъ, побѣжденный, неподвижный и... освобожденный!

Г-жа Рендаль бросилась на колѣни и, вся въ слезахъ, принялась горячо молиться. Шлейфманъ, облокотившись на каминъ, закрылъ глаза рукою, напѣвая свои еврейскіе псалмы. Тереза рыдала, приникнувъ къ плечу отца...

Фельдшеръ распахнулъ окно, и вмѣстѣ съ роскошной свѣжестью осенняго утра въ него ворвалось ликованье щебечущихъ птицъ...

Сами того не подозрѣвая, воробьи въ саду Люксембура, порхая по вѣтвямъ, весело щебетали, въ видѣ напутствія своему старому другу Кипріану, свое послѣднее „прости“!

XXVIII.

Въ то утро, когда назначено было погребеніе дяди Кипріана, Тереза у себя въ комнатѣ перебирала его бумаги, а въ дверь постучалась Бригитта.

— Тамъ какая-то дама; кажется, г-жа Шамбанъ!—доложила она.

Барышня наморщила свои бархатныя брови.

— Но вы сказали, что господъ дома нѣтъ?

— Сказала; только эта дама говоритъ, что ей надо васъ видѣть... Она въ гостиной дожидается...

— Ну, хорошо, иду!—возразила Тереза и окинула себя въ зеркалѣ всю—и нарядъ, и лицо, и прическу,—окинула такимъ взглядомъ, какимъ смотритъ женщина, которая собирается въ рѣшительную аттаку.

Высокая креповая оборка на воротникѣ заставляла ее высоко держать голову и придавала ея лицу вообще выраженіе непріязненное, почти суровое. Ея тонкія губы, въ самыхъ углахъ, подернулись вызывающей усмѣшкой.

— А! Она хочетъ меня видѣть? Хорошо же; пусть себѣ посмотритъ. Ее тоже увидятъ и услышатъ. Ея желаніе будетъ исполнено и даже съ избыткомъ!

Тереза отворила дверь въ гостиную, гдѣ прохаживалась г-жа Шамбанъ, вся въ черномъ. И та, и другая, церемонно поклонились, кивнувъ головою и смѣривъ другъ друга взглядами съ предвкушеніемъ борьбы. Молодая дѣвушка осталась стоять и не предложила гостьѣ сѣсть.

— Я пришла выразить г. Рендалю наше сожалѣніе и сочувствіе въ его горѣ...—пролепетала Зозе́.

— Благодарю!—былъ сухой отвѣтъ.—Но отца нѣтъ дома: онъ у покойнаго дяди... Я ему передамъ ваши слова, когда онъ вернется...

Тереза умолкла. Г-жа Шамбанъ робко продолжала:

— Мы узнали случайно отъ одного изъ нашихъ общихъ друзей... маркиза де-Мезъ... Вашъ дядюшка былъ, кажется, не старъ?

— Ему было пятьдесятъ-два года...

— Человѣкъ еще молодой!—замѣтила Зозе́, невольно впадая въ крайность подъ свирѣпыми взорами Терезы; затѣмъ она повернулась и пошла къ дверямъ. — Не откажите передать профессору, что я зайду къ нему завтра утромъ!

Тереза ледянымъ тономъ возразила:

— Не трудитесь, пожалуйста: отецъ не можетъ никого принимать.

— Никого? Хотя бы изъ числа самыхъ близкихъ друзей?.. И ни для кого не будетъ исключенія... даже для меня? — съ притворной мягкостью, подъ которой таился вызовъ, настаивала Зозе́.

Ея томные взгляды, казалось, говорили, улыбаясь:

— „Вы знаете, вѣдь, я, я—г-жа Шамбанъ, то-есть та самая женщина, которая отняла у васъ отца, которая теперь имъ крѣпко завладѣла и вертитъ имъ, какъ только ей угодно“...

На этотъ нѣмой вызовъ Тереза отвѣчала, блѣднѣя:

— Даже для васъ!.. Отецъ рѣшилъ строго выдержать трауръ, а его приказаній мы не можемъ ослушаться, и надѣюсь, *никто* не будетъ стараться о томъ, чтобы онъ измѣнилъ своему рѣшенію.

— Вы, значитъ, будете мѣшать ему ходить къ его друзьямъ?

— Ни въ чемъ мы не можемъ ему помѣшать, — возразила Тереза, то сжимая, то разжимая пальцы, которыми держалась за спинку кресла.—Я даже удивляюсь, что именно *вы* употребляете такія выраженія; а между тѣмъ, вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ вамъ должно бы быть извѣстно, что наша воля ничего не значитъ передъ волей моего отца...

— Что вы хотите этимъ сказать? — съ дерзкой невозмутимостью перебила гостья.

— Я то хочу сказать или, вѣрнѣе—вы заставляете меня сказать, что цѣлыхъ полгода прошло съ тѣхъ поръ, какъ вы отняли у насъ отца, отдалили его отъ насъ, впутали его въ какую-то смѣшную исторію, ни подробностей, ни цѣли которой я не знаю; но эта исторія насъ съ мама́ не перестаетъ мучить...

— Позвольте же, однако...

— О, умоляю васъ, дайте мнѣ кончить! Вы сами вызвали это объясненіе... Вы считали естественнымъ отнять у насъ отца; должны же вы, по крайней мѣрѣ, допустить, что съ нашей стороны естественно отъ васъ обороняться? Смерть дяди можетъ намъ его вернуть, или уже вернула... Но онъ, такой обыкновенно мужественный въ тяжелое время, онъ теперь какъ-то одряхлѣлъ, состарился и плачетъ, какъ дитя. Ему нуженъ покой, нужна мирная и простая жизнь; а вамъ, среди веселья, не будетъ чувствительно его отсутствіе!.. (Зозѐ невольно покраснѣла подъ ея взглядомъ, и Тереза поспѣшила воспользоваться ея смущеніемъ). Повѣрьте мнѣ, лучше оставьте его намъ! Такъ будетъ и лучше, и честнѣе... и великодушнѣе съ вашей стороны!

Онѣ обмѣнялись взглядомъ, и въ немъ отразилось безмолвное взаимное презрѣніе.

— „Не краситъ ее трауръ, эту дѣвицу"!—думала г-жа Шамбанъ. — И Тереза, въ свою очередь, въ прелестномъ личикѣ гостьи не видѣла ничего, кромѣ низкихъ и ограниченныхъ чувствъ.

Въ дверяхъ заскрипѣлъ ключъ. Обѣ опустили глаза.

— Вы позволите?—проговорила Тереза и пошла на встрѣчу отцу. Затворивъ за собою дверь, она короткимъ, нервнымъ голосомъ сказала ему:

— Отецъ, тамъ г-жа Шамбанъ...

— Гдѣ? Гдѣ она? — залепеталъ онъ, смущаясь и краснѣя.

— Въ гостиной. Желаешь ее видѣть?

— Н-ну!.. Я думаю, пожалуй, вѣжливость того требуетъ? А? Какъ ты думаешь? — и онъ съ тревогой смотрѣлъ на дочь, какъ бы ожидая ея разрѣшенія.

— Если тебѣ угодно,—съ меньшей суровостью возразила та.

— Ну, хорошо! — согласился онъ; но взглядомъ, казалось, выжидалъ, чтобы дочь ушла, оставила ихъ вдвоемъ.

Тереза поняла, чего онъ боится, и разсудила, что лучше дать пройти этому свиданію, которое будетъ имѣть рѣшающее значеніе въ ту или въ другую сторону.

— А пока—до свиданія; я пойду къ себѣ!—сказала она и ушла.

Войдя въ гостиную, Рендаль оглянулся назадъ, стоя на порогѣ, нѣтъ ли кого въ прихожей, и заперъ аккуратно дверь.

— Дорогой учитель! — нѣжно воскликнула Зозѐ и, повинуясь не то чувству жалости, не то хитрости, чтобы обезпечить себѣ побѣду, бросилась къ нему на грудь.

Онъ не въ силахъ былъ сдержать себя. Онъ прижалъ ее къ своей груди, цѣловалъ ее въ голову, въ затылокъ, въ щеки, лепеча, захлебываясь и не понимая, о чемъ онъ больше проливаетъ слезъ: о своемъ погибшемъ братѣ, или о своемъ собственномъ разбитомъ счастьѣ...

— Милый другъ мой!.. Милый другъ!..—шепталъ онъ, опьяненный жуткимъ наслажденіемъ держать ее въ своихъ объятіяхъ... но она скоро высвободилась, считая ихъ слишкомъ продолжительными...

— А правда ли, что̀ мнѣ говорила ваша дочь, будто вы хотите прекратить съ нами знакомство? — послѣ нѣсколькихъ словъ участія, спокойно спросила она.

Профессоръ въ отвѣтъ прослезился.

— Но почему же? — настаивала Зозе́, садясь поближе къ нему на низенькую табуретку.

— Да потому что... потому...—лепеталъ Рендаль...

— Ну, скажите же! Ну, будьте откровенны! Развѣ я не другъ вашъ?

Онъ жадными глазами смотрѣлъ на нее и скорѣе вздохнулъ, нежели сказалъ.

— Потому что мое чувство къ вамъ приняло весьма рѣзкій, нежелательный и—простите за смѣлость!—преступный оборотъ.

— Какъ такъ?—прикинулась она удивленной.

— Да! это и грустно, и смѣшно!.. Въ мои-то годы!—бормоталъ онъ, покачивая головою.—Состарился ужъ я и одряхлѣлъ...

Вы въ этомъ вѣдь не виноваты; и я на васъ не сержусь... Но вы такъ прелестны!.. Прошу васъ, умоляю: не приходите больше; дайте мнѣ успокоиться и оправиться совершенно. Это будетъ даже великодушно!

Почти тѣ же выраженія, тѣ же слова, что̀ у Терезы!..

Г-жа Шамбанъ почувствовала, что ее смущаетъ такое сходство...

— Прощайте же!—вздохнула она, подавая ему руку.

— Прощайте, другъ мой!—вторилъ ей профессоръ, лицо котораго исказилось отъ душевныхъ страданій.

Въ порывѣ страсти, онъ горячо приникалъ губами къ черной маленькой перчаткѣ, самой подходящей къ похороннымъ сценамъ и къ прощаніямъ „на вѣки“.

— Прощайте, если ужъ вы такъ этого хотите! — повторила она.

— Нѣтъ, не „хочу“, а „долженъ хотѣть“!—поправилъ Рендаль. Зозѐ была уже на порогѣ и выбѣжала на лѣстницу своей особой походкой, которую онъ такъ любилъ.

— Такъ надо было!—объявилъ онъ вслухъ, стараясь въ умѣ подыскать нѣсколько примѣровъ разлукъ, знаменитыхъ въ исторіи, напримѣръ, Тита и Вероники... Но вдругъ силы оставили его и онъ упалъ съ воплемъ:

— Никогда больше я ее уже не увижу! Никогда!.. Никогда!..

Однако, ему пришлось увидѣть ее еще разъ, нѣсколько часовъ спустя, на кладбищѣ Монпарнасса, во время рѣчи, которую говорилъ надъ могилой дяди Кипріана какой-то делегатъ отъ „Братства невѣрующихъ“.

По случаю неначавшагося еще сезона, народу (особенно женщинъ) было мало, но всѣ были въ черномъ; а траурный нарядъ Зозѐ, благодаря ея изяществу, ея юной красотѣ и блѣдному на этотъ разъ, тонкому личику, еще больше выдѣлялъ ее, какъ настоящую царицу въ кругу своихъ подданныхъ; и такой на лицѣ ея былъ особенно милый отпечатокъ сосредоточенности, что Рендаль не преминулъ бы съ удовольствіемъ ей улыбнуться, еслибы не плакалъ такъ усердно. Взоръ его блуждалъ отъ могилы къ Зозѐ и обратно, и слезы его лились неудержимо—по той и по другой...

Делегатъ кончилъ и „возложилъ“ вѣнокъ изъ красныхъ иммортелей. Семья покойнаго, вмѣстѣ со Шлейфманомъ, отошла въ сторону на ближайшую дорожку, и началось цѣлое шествіе

лицъ, выражавшихъ свои соболѣзнованія... Рендаль, словно слѣпой, какъ попало, пожималъ руку всѣмъ одинаково: какъ своимъ, сочувствующимъ, такъ и равнодушнымъ: пожималъ ее и Зозе, Шамбану, маркизу и даже Жеральду съ аббатомъ Турондомъ, который чувствовалъ себя несовсѣмъ-то ловко въ кругу „свободомыслящихъ“ и вольнодумцевъ.

Всѣ прошли; никого больше не осталось, и семья покойнаго направилась къ выходу...

Шлейфманъ поотсталъ отъ другихъ и еще бродилъ вокругъ могилы своего друга Кипріана. Какъ только онъ замѣтилъ, что постороннихъ по близости больше нѣтъ, онъ сунулъ двадцать су въ руку одному изъ могильщиковъ, а затѣмъ, согласно правиламъ своей вѣры, наскоблилъ горсточку земли въ сосѣднемъ палисадничкѣ и трижды перебросилъ ее черезъ могилу. Камешки застучали, падая на крышку гроба. Галичанинъ забормоталъ по-еврейски псаломъ... Взглядъ его былъ устремленъ на небо и, казалось, хотѣлъ проникнуть въ тайны небесъ и недосягаемыхъ высотъ, гдѣ обитаютъ судьбы людскія; онъ даже ихъ не проклиналъ, а только рѣшался вопрошать.

Почему Господь терпитъ подобные погромы? Какимъ неисповѣдимымъ путямъ долженъ, по Его волѣ, служить въ такихъ преступленіяхъ Его народъ? Когда же, наконецъ, воздвигнетъ Онъ во храмѣ Своемъ, въ средѣ священниковъ Своихъ такого, который смѣло и свободно поднялъ бы голосъ, чтобы напомнить евреямъ, какъ самымъ могущественнымъ, такъ и самымъ смиреннымъ, какое сокровище справедливости и чистоты душевной Онъ вручилъ имъ торжественно у подножія Синая?

Но никакимъ знаменіемъ не отвѣтилъ Господь на его безмолвные вопросы. Только облака мирно гуляли по лазоревому небосводу... Медленно, волоча ноги, Шлейфманъ двинулся по направленію къ выходу и губы его безсознательно шептали:

— Кипріанъ! Бѣдный Кипріанъ!..

Ему вспоминались веселые часы, проведенные съ нимъ вмѣстѣ у Клапрота; вспоминались ихъ бесѣды и постепенное созиданіе теоріи „двухъ береговъ“,—теоріи, если хотите, весьма неопредѣленной, весьма оспоримой; но и она въ себѣ заключала для него свою малую толику истины. А Кипріанъ, бѣдняга! какъ онъ смѣло проповѣдывалъ ее! Съ какой радостью, съ какимъ горячимъ увлеченіемъ! Или, быть можетъ, подъ вліяніемъ безотчетнаго предчувствія?.. Увы! теперь нѣтъ больше Кипріана. Тебѣ, Шлейфманъ, дружище, предстоитъ остаться въ жизни одинокимъ, жал-

жимъ бездомникомъ, забившимся въ уголъ своего чердака, съ книгами наединѣ, а въ ресторанѣ... безъ друга!..

И глаза галичанина наполнились слезами.

Дойдя до воротъ кладбища, онъ остановился на порогѣ и посмотрѣлъ впередъ, на дорогу, гдѣ одна противъ другой стояли двѣ кареты. Въ первую, скромно-отдѣланную, усаживались Зозе, ея мужъ и Жеральдъ. Во вторую, обыкновенную наемную черную карету для погребеній, вслѣдъ за семьей Рендалей, влѣзалъ молодой профессоръ Берцель.

Оба экипажа двинулись одновременно, но свернули въ разныя стороны: одна—къ изяществу и роскоши, царящимъ на правомъ берегу, другая—къ смиреннымъ улицамъ лѣваго берега...

Мало-по-малу, оба экипажа уменьшались у него на глазахъ, катясь къ самому концу бульвара... Вотъ уже едва можно различать ихъ быстро ускользающія очертанія; одна катилась тяжело и безъ отраженій, словно черный комокъ матоваго крепа, другая же—легко, изящно, сверкая своимъ новымъ глянцемъ...

Шлейфманъ проводилъ ихъ грустной, но горделивой улыбкой.

А. Б—г—.

НОВАЯ КНИГА

О

ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ

— K. Waliszewski. Pierre le Grand. L'éducation—l'homme—l'oeuvre. D'après des documents nouveaux. Paris. 1897.

Петръ Великій былъ такое господствующее лицо въ нашей новой исторіи, что предстоитъ еще много разносторонних изслѣдованій о лицѣ и объ эпохѣ, чтобы могло быть съ извѣстной полнотой опредѣлено значеніе того и другого. Литература о Петрѣ представляетъ любопытныя отраженія различныхъ ступеней нашего общественнаго сознанія. Начинается она съ восторженнаго панегирика, въ которомъ сказался съ одной стороны оффиціальный взглядъ на великаго императора: дѣло его считалось оффиціально образцомъ для преемниковъ, потому что имъ надо было представлять себя продолжателями этого дѣла, чтобы прикрыть свою незначительность, — до временъ Екатерины II; но съ другой сказалось и искреннее преклоненіе людей, которые могли наглядно сравнивать недавнее прошлое съ новыми пріобрѣтеніями и увлекаться перспективами будущаго. Былъ, правда, не одинъ панегирикъ. Настоящіе хранители старины, люди старой вѣры, при жизни отвергавшіе Петра какъ настоящаго антихриста или его подобіе, повидимому, и долго послѣ сохранили эту вражду, и нововведенія Петра стали въ одномъ ряду съ нововведеніями Никона. Но голосъ этихъ ревнителей старины заглушался въ застѣнкахъ Преображенскаго приказа, и отрицательное отношеніе къ реформѣ большой массы народа, предан-

ной старымъ обычаямъ, почти совсѣмъ не доходило до образованныхъ слоевъ общества и не производило никакого впечатлѣнія, потому что цѣлый уровень старообрядческихъ понятій казался только упорствомъ невѣжества. Въ новой литературѣ, которая была порождена реформой, имя Петра почти обоготворялось, и здѣсь надолго сталъ авторитетомъ писатель такого значенія, какъ Ломоносовъ, безъ сомнѣнія судья въ вопросѣ о русскомъ просвѣщеніи. Въ концѣ столѣтія явился огромный трудъ ревностнаго поклонника Петра, Голикова, который надолго остался главнымъ источникомъ для біографіи Петра и для исторіи преобразованія. Если въ XVIII вѣкѣ по состоянію самой науки и по общественнымъ условіямъ трудно было ожидать критическаго отношенія къ исторіи Петра, то въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка это критическое отношеніе было невозможно по условіямъ литературы: настоящая исторія XVIII вѣка была совсѣмъ закрыта для изслѣдованія. Но что въ общественномъ сознаніи созрѣла потребность исторической критики, объ этомъ свидѣтельствуетъ возникновеніе славянофильской школы: мимо литературы, въ дружескихъ бесѣдахъ просвѣщенныхъ людей, успѣло сложиться весьма опредѣленное воззрѣніе на Петра и на все дѣло преобразованія. Это воззрѣніе было рѣзко отрицательное. Къ сожалѣнію, по упомянутымъ условіямъ литературы писатели этой школы въ концѣ сороковыхъ годовъ и въ началѣ пятидесятыхъ могли только въ самыхъ общихъ и неясныхъ чертахъ указать свою точку зрѣнія: она опредѣлилась только впослѣдствіи.

Съ этихъ поръ господствовали въ литературѣ два взгляда на эпоху преобразованій и на послѣдующее развитіе русской исторіи. По одному взгляду преобразованіе было необходимымъ переломомъ въ нашей внутренней жизни, и эта необходимость доказывалась послѣдующимъ развитіемъ внѣшняго могущества государства и возникновеніемъ и сравнительно быстрыми успѣхами науки и новой литературы. По другому взгляду, напротивъ, преобразованіе было дѣломъ противонаціональнымъ; оно было измѣной народности, порчею самобытной народной жизни, слѣпымъ подражаніемъ иноземному, и ненормальность факта обнаруживалась тѣмъ, что самый народъ раздвоился: по новому пути пошли только верхніе классы, народъ остался вѣренъ старинѣ, т.-е. настоящей національности.

Собственно говоря, несочувствіе къ реформѣ, даже прямое ея осужденіе восходитъ далеко въ XVIII вѣкъ, даже къ самымъ временамъ Петра. Ломка обычаевъ, какая происходила при Петрѣ въ столь обширныхъ размѣрахъ и иногда въ такихъ страшныхъ

формахъ, не могла не производить тяжелаго впечатлѣнія уже сама по себѣ своими суровыми пріемами, а иногда и явными излишествами; и впослѣдствіи, даже въ кругу людей новаго образованія это насильственное истребленіе старины побуждало съ любовью обращаться къ этой старинѣ и отыскивать ея лучшія стороны, о которыхъ поколѣніе половины XVIII вѣка могло слышать отъ отцовъ и дѣдовъ, — оно и само могло видѣть многіе остатки старыхъ патріархальныхъ нравовъ. Извѣстный историкъ второй половины столѣтія, кн. Щербатовъ высказалъ такую точку зрѣнія въ сочиненіи „О поврежденіи нравовъ въ Россіи", которое, однако, въ свое время не могло явиться въ печати, потому что восхваленіе старины было осужденіемъ реформы, а послѣднее было осужденіемъ новѣйшихъ нравовъ, которые изъ нея произошли; — сочиненіе кн. Щербатова могло появиться въ печати только въ наше время, лѣтъ сто спустя послѣ того, какъ оно было написано. Эта судьба сочиненія кн. Щербатова указываетъ, какъ стоялъ вопросъ о возможности критической исторіи временъ Петра. Подобнымъ образомъ осталась въ свое время неизданной записка Карамзина „О древней и новой Россіи". Но если прямая постановка вопроса въ литературѣ была невозможна, то косвенно продолжало развиваться настроеніе, въ которомъ предполагалось осужденіе исторической дѣятельности Петра. Между прочимъ „Исторія" Карамзина воспитывала нѣсколько сентиментальное отношеніе къ добрымъ старымъ нравамъ; въ параллель съ „Исторіей" и съ запиской „О древней и новой Россіи" шли въ этомъ случаѣ и стремленія стараго противника Карамзина, Шишкова, патріотизмъ котораго именно стремился къ архаическимъ формамъ и соединялся также съ ненавистью ко всему иноземному. Неясныя влеченія къ старинѣ, именно до-Петровской, сказывались въ разнообразныхъ проявленіяхъ нашей общественной мысли, хотя еще невыясненныя и недоразвитыя. Таковы намеки въ „Горѣ отъ ума", въ мечтаніяхъ декабристовъ о древней демократической свободѣ, въ нѣкоторыхъ мимолетныхъ идеяхъ Пушкина, въ сентиментальномъ романѣ Загоскина, который при своемъ первомъ появленіи увлекъ самыя свѣтила нашей литературы, и т. д. Въ концѣ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ, философско-историческія построенія славянофильской школы, въ своемъ отрицаніи реформы, имѣли уже опору въ этихъ давнихъ полусознательныхъ стремленіяхъ къ чистой народности, не испорченной чужими вліяніями и примѣсями. Вопросъ о реформѣ Петра съ этихъ поръ и до шестидесятыхъ,

даже семидесятыхъ годовъ былъ предметомъ самыхъ оживленныхъ споровъ.

Должно сказать однако, что для этихъ споровъ все еще недоставало весьма существеннаго — достаточно полной исторической разработки самой эпохи. Прежде, какъ мы видѣли, она была почти совсѣмъ закрыта для изслѣдованія. Первый опытъ такого изслѣдованія, основаннаго на широкой разработкѣ матеріала, когда впервые открылись до извѣстной степени государственные архивы,—этотъ опытъ восходитъ не далѣе какъ къ концу пятидесятыхъ годовъ (предпріятіе Пушкина въ тридцатыхъ годахъ осталось безъ послѣдствій). Это была „Исторія Петра Великаго“ Устрялова, къ сожалѣнію, оставшаяся неконченною. И въ томъ, что было имъ сдѣлано, Устряловъ далеко не вполнѣ воспользовался архивнымъ матеріаломъ, но это былъ изслѣдователь пунктуальный, и онъ уже ввелъ въ обращеніе не мало историческихъ фактовъ, до него поставленныхъ неясно, а также такихъ, которые раскрывали оборотную сторону блестящей исторіи. Послѣ того эпоха Петра вызвала труды другихъ крупныхъ историковъ, какъ Соловьевъ, Погодинъ, Костомаровъ; факты „науки и литературы“ при Петрѣ собраны были въ обстоятельномъ описаніи Пекарскаго; а затѣмъ раскрытіе архивовъ для историческаго изученія, въ началѣ просвѣщенія Александра II, повело къ цѣлому ряду частныхъ изслѣдованій о временахъ Петра и восемнадцатомъ вѣкѣ, изслѣдованій, которыя направлялись именно на закулисную сторону тѣхъ временъ, которая до тѣхъ поръ бывала извѣстна только по отрывочнымъ историческимъ слухамъ или по извѣстіямъ писателей иностранныхъ. Таковы были труды г. Есипова, М. И. Семевскаго и др. Послѣдніе изъ названныхъ писателей не задавались вовсе общимъ историческимъ вопросомъ, но матеріалъ, ими собранный, иногда на каждой страницѣ поражавшій грубыми и жестокими чертами вѣка, опять могъ давать поддержку для неблагопріятныхъ сужденій о личности Петра и цѣломъ его дѣлѣ. Костомаровъ въ своей книгѣ о Петрѣ [1]) подъ впечатлѣніемъ такихъ и подобныхъ фактовъ относился къ личности и дѣятельности Петра очень неблагопріятно; но Соловьевъ изъ-за этихъ фактовъ, которыхъ не скрывалъ, сохранилъ болѣе широкій взглядъ на цѣлую эпоху, которая была переломомъ во всей русской исторіи. Въ собственно историческомъ изслѣдованіи вопросъ о реформѣ, за или противъ, далеко не былъ рѣшенъ, но публицисты славянофиль-

[1]) Составляющей часть его „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ“.

ской школы уже рѣшили его въ практической постановкѣ и мы слышали рѣшительные призывы „назадъ“, „домой“, т.-е. въ XVII вѣкъ, въ до-Петровскія времена.

Изслѣдованія шли однако своимъ чередомъ, и чѣмъ больше собиралось фактовъ, тѣмъ яснѣе становилось, что, собственно говоря, первые начатки реформы, явное стремленіе московскихъ людей къ заимствованіямъ съ запада, задолго предшествуютъ преобразованію Петра, что эти заимствованія простирались не только на промышленную, военную и иную технику, но на литературу и науку, что такимъ образомъ въ самомъ XVII вѣкѣ не легко было бы провести грань между эпохами, когда русская жизнь была вполнѣ вѣрна старому преданію и когда началось въ ней явное стремленіе къ заимствованіямъ запада: времена царя Алексѣя во всякомъ случаѣ пришлось бы признать уже подпавшими иноземной порчѣ. Отыскиваніе такой эпохи, гдѣ русская жизнь была совсѣмъ „дома“, завело бы въ такую старину, возвращеніе которой было бы уже совсѣмъ немыслимо. Съ другой стороны, если зачатковъ преобразованія надо несомнѣнно искать въ XVII вѣкѣ, или даже еще раньше, не возможно было бы предположить, чтобы единичная воля, сколько бы ни была она могущественна, была въ состояніи такъ измѣнить цѣлую національную жизнь, чтобы лишить ее самыхъ глубокихъ ея основаній, — какъ это предполагалось въ славянофильской теоріи. Необходимо было думать, что самая возможность преобразованія опиралась, во-первыхъ, на дѣйствительныхъ потребностяхъ государственной жизни, болѣе или менѣе сознаваемыхъ самой массой, и во-вторыхъ, на потребностяхъ образованія, которыя здѣсь въ первый разъ получали какое-либо удовлетвореніе. Въ дальнѣйшей исторіи русскаго общества вовсе не случайно является знаменательный фактъ, что первое великое имя новой русской литературы, съ которымъ мирится сама славянофильская теорія, принадлежало именно человѣку изъ народа, и Ломоносовъ былъ величайшимъ и безусловнымъ поклонникомъ Петра... Новѣйшее изслѣдованіе все больше и больше направляется къ тому, чтобы разыскать и выяснить ту органическую связь, которая соединяетъ до-Петровскую старину съ дѣятельностью Петра, и съ другой стороны разыскать продолженіе самой старины въ XVIII вѣкѣ, несмотря на эту дѣятельность. Историческое изученіе все больше приводитъ къ убѣжденію, что дѣятельность Петра вовсе не была какимъ-нибудь внезапнымъ капризомъ одного человѣка, неожиданно насильственнымъ переворотомъ, но что, напротивъ, она имѣла глубокіе корни въ

предшествующей исторіи, и самый пріемъ преобразованія, при всей суровости и при всемъ томъ, что было дѣломъ исключительно геніальной личности, находятъ свое объясненіе въ общихъ условіяхъ русской жизни.

Такимъ образомъ, хотя историческое изученіе Петра очень далеко отъ полноты, въ нашей литературѣ и общественномъ мнѣніи накопилось много фактовъ и впечатлѣній, которые даютъ мѣсто для оцѣнки дѣятельности Петра съ весьма различныхъ, даже противоположныхъ точекъ зрѣнія и вызываютъ, наконецъ, потребность въ общемъ выводѣ. Но этотъ выводъ все еще труденъ, не только потому, что не доведено до конца фактическое изслѣдованіе, но и потому, что въ рѣшеніе историческаго вопроса вмѣшивается разладъ общественнаго сознанія въ пониманіи самой настоящей дѣйствительности. Старый споръ такъ называемаго славянофильскаго и западнаго направленія не прекратился донынѣ; онъ нѣсколько разъ видоизмѣнялся, перерождался въ новые оттѣнки и въ послѣднее время прежнія консервативныя стремленія выродились въ защиту народнаго невѣжества и общественнаго застоя, иногда даже неприкрываемую приличными оборотами рѣчи; восхваленія старины восходятъ даже ко временамъ Ивана Грознаго... Къ сожалѣнію, научное изслѣдованіе не всегда побѣждаетъ существующіе предразсудки и прямыя грубыя ошибки, и можетъ побѣждать ихъ только путемъ настойчиваго изученія: истина бываетъ на первое время доступна только лучшимъ и безпристрастнымъ умамъ и обыкновенно только мало-по-малу проникаетъ въ массу общества. Вопросъ объ эпохѣ Петра еще сохраняетъ современный полемическій характеръ; но сознательное или инстинктивное стремленіе къ истинѣ въ данномъ вопросѣ свидѣтельствуется, между прочимъ, постоянно являющимися новыми трудами о временахъ Петра и великій интересъ этихъ трудовъ не нуждается въ объясненіи.

Къ этимъ трудамъ присоединилась недавно книга Валишевскаго, который пріобрѣлъ недавно большую извѣстность своими оригинальными сочиненіями объ Екатеринѣ II. Имѣетъ свою немалую оригинальность и настоящая книга о Петрѣ Великомъ. Въ нашей печати она вызвала уже не совсѣмъ благопріятные отзывы, такъ какъ находили, что авторъ усиленно собираетъ мрачныя и отталкивающія черты въ личности и дѣятельности Петра и меньше заботится о томъ, чтобы собрать черты положительныя и благопріятныя: вслѣдствіе того книгу сочли односторонней. Не скажемъ, чтобы это впечатлѣніе было невѣрно, потому что дѣйствительно въ картинѣ, изображенной Валишев-

скимъ, темныя краски употреблены въ такомъ количествѣ, что изъ-за нихъ читатель съ трудомъ выдѣлитъ тѣ свѣтлыя черты, которыя сдѣлали Петра великимъ лицомъ нашей исторіи и которыя, должно сказать, иногда прекрасно указаны самимъ авторомъ. Книга Валишевскаго исполнена интереса, между прочимъ и потому, что вызываетъ на новые поиски.

Книга написана съ тѣмъ же талантомъ, какой показалъ авторъ въ своихъ первыхъ сочиненіяхъ. Личность и дѣятельность Петра онъ изучалъ весьма обстоятельно: онъ знаетъ главныя русскія сочиненія,—кромѣ стараго Голикова, труды Устрялова, Погодина, Соловьева, Костомарова, Забѣлина и пр., „Сборники“ Историческаго Общества, частныя изслѣдованія, даже многія журнальныя статьи; знаетъ старыя и новыя иностранныя книги о Петрѣ, иногда приводитъ и новые факты изъ архивныхъ матеріаловъ, особенно въ Парижѣ. Знакомство съ источниками русскими, конечно, выдѣляетъ его изъ обыкновеннаго ряда иностранныхъ писателей, пишущихъ о Россіи; авторъ бывалъ въ Петербургѣ (хотя иногда дѣлаетъ о немъ грубоватыя топографическія ошибки), знакомъ со многими чертами русскаго стараго быта,—но тѣмъ не менѣе нерѣдко производитъ впечатлѣніе такого иностраннаго писателя, которому русская исторія и русская жизнь остаются все-таки чужды и вслѣдствіе того не всегда понятны. Нѣтъ, конечно, совсѣмъ грубыхъ ошибокъ, свойственныхъ большинству иностранныхъ писателей, но есть слишкомъ скорые и рѣзкіе приговоры, которымъ недостаетъ исторической точности; есть огульныя сужденія, которымъ недостаетъ указанія условій времени и мѣста. Отъ писателя, довольно хорошо знакомаго съ нашей исторической литературой, можно было бы ожидать больше пониманія исторической перспективы, и скажемъ: больше національной терпимости. Авторъ, что называется, ставитъ всякое лыко въ строку, даже усиленно собираетъ его, не вникая въ его происхожденіе и судя о семнадцатомъ вѣкѣ, какъ будто это былъ девятнадцатый. Въ иностранныхъ книгахъ мы привыкли читать: „варварскій народъ“, „варварскіе нравы“ и т. п., но для исторической точности было бы нелишнимъ сравненіе. Нравы семнадцатаго вѣка въ самой Европѣ представляютъ примѣры, у народовъ несравненно болѣе образованныхъ, чѣмъ русскій, черты такого варварства, при которомъ другое варварство становится менѣе удивительнымъ. Не говоримъ, напримѣръ, о временахъ Тридцатилѣтней войны, когда „нравы“ совсѣмъ одичали; но въ мирное время драгоннады Людовика XIV и отмѣна Нантскаго эдикта, изгнавшая изъ Фран-

ціи цѣлыя тысячи честнаго и трудолюбиваго населенія, своимъ политическимъ варварствомъ не уступаютъ инымъ крутымъ мѣрамъ Петра. Забыть о всей тяжелой судьбѣ, пережитой русскимъ народомъ въ эпоху образованія государства послѣ татарскаго ига, не содѣйствуетъ равновѣсію историческаго приговора. Правда, раза два, три, авторъ, разсказывая объ ужасахъ Петровскаго времени, приводитъ сравненія изъ исторіи европейской, какъ нѣкоторое объясненіе; но эти сравненія отрывочны и не восполняютъ недостатка перспективы, о которомъ мы говорили.

Тѣмъ не менѣе книга Валишевскаго остается очень цѣнной по той задачѣ, какую онъ поставилъ. Историки пытались, конечно, опредѣлять личный характеръ Петра и общій складъ его дѣятельности; но еще никто не ставилъ этого вопроса спеціальной цѣлью изслѣдованія въ томъ объемѣ, въ какомъ хотѣлъ сдѣлать это Валишевскій. Книга его не есть собственно исторія царствованія; это—личная исторія Петра, опытъ объясненія его личной и политической психологіи; факты онъ предполагаетъ извѣстными и беретъ изъ нихъ лишь то, гдѣ сказывалось личное участіе Петра—въ его дѣлахъ домашнихъ и государственныхъ, въ его нравахъ и въ его воздѣйствіяхъ на жизнь общественную. Онъ собралъ много непривлекательнаго, отталкивающаго, ужаснаго; онъ мало озаботился о томъ, чтобы изъ-за этого не скрылась изъ виду великая роль, какую дѣятельность Петра заняла въ концѣ концовъ въ исторіи русскаго государства,—или авторъ не съумѣлъ этого сдѣлать... У насъ обыкновенно нѣсколько пугаются такихъ книгъ, и обыкновенно даже стѣсняется ихъ обращеніе, и это очень жаль: русскому обществу пора перестать быть малолѣтнимъ; если въ книгѣ была сказана суровая историческая правда, бояться ея не отвѣчаетъ національному достоинству; если допущена неправда, она можетъ быть опровергнута.

Приводимъ изъ книги нѣсколько эпизодовъ, дающихъ понятіе объ исторической точкѣ зрѣнія автора.

Въ предисловіи авторъ высказываетъ недоумѣніе, достанетъ ли у него силъ, чтобы изобразить великое историческое лицо, и говоритъ патетически:

„Человѣкъ, составляющій предметъ этой книги, господствуетъ надъ исторіей, и какъ будто еще теперь играетъ роль въ существованіи русскаго народа,—и приступить къ нему страшно!

„Поэтому я прихожу къ нему такъ поздно, восходя по теченію лѣтъ, отъ великой наслѣдницы идя къ создателю наслѣдства.

„Съумѣлъ ли я, наконецъ, встрѣтить моимъ взглядомъ твой

взглядъ, бронзовый исполинъ, который тамъ, на набережной Невы, въ сумеречныя ночи, сходитъ—такъ говорятъ поэты—съ своего гранитнаго пьедестала и возобновляетъ по заснувшему городу свою неутомимую побѣдоносную скачку смерти? Великій призракъ, двѣсти лѣтъ витающій въ мѣстахъ, гдѣ ты жилъ, какъ домашній духъ, близкій и страшный,—нашелъ ли я магическую формулу, которая возвращаетъ голосъ призракамъ и возобновляетъ жизнь вокругъ нихъ прахомъ прошедшихъ временъ?

„Мнѣ думалось, что я переживалъ протекшіе часы, что я прямо видѣлъ и живо ощущалъ существа и вещи, которыя ихъ наполняли. Я коснулся рукою чуда легендарнаго царства, сбывшейся сказки о хлѣбномъ зернѣ, которое въ одну минуту зрѣетъ въ рукѣ индійскаго йоги и распускается въ растеніе. И чудный человѣкъ заговорилъ мнѣ, человѣкъ, быть можетъ, единственный въ человѣчествѣ. Наполеонъ есть только величайшій изъ французовъ, или итальянцевъ, по желанію историка; онъ не есть ни Италія, ни Франція. Петръ есть вся Россія, ея духъ и ея тѣло, ея темпераментъ и ея геній, ея добродѣтели и пороки. Съ разнообразіемъ его способностей, съ многоразличіемъ его усилій, съ бурнымъ волненіемъ его страстей, онъ кажется лицомъ собирательнымъ. Потому онъ такъ великъ, и потому онъ выходитъ изъ ряда блѣдныхъ мертвецовъ, которыхъ хотятъ спасти отъ забвенія наши слабыя историческія заклинанія. Онъ не нуждается, чтобы вызывали его тѣнь; онъ здѣсь. Онъ пережилъ себя, онъ продолжается, онъ остается настоящимъ. Физіономія міра, который онъ, казалось, извлекъ изъ небытія, могла видоизмѣниться въ нѣкоторыхъ чертахъ, но принципъ его остался тотъ же. Передъ нами неизмѣримая сила, которая въ теченіе трехъ вѣковъ не поддавалась никакому исчисленію, и изъ ничтожной отчины Ивана, изъ клочка степи бѣдно населенной, сдѣлала отчину Александровъ и Николаевъ, сдѣлала имперію, превышающую пространствомъ и многочисленностью населенія всѣ имперіи, какія знала Европа, Африка и Азія, имперіи Александра и Рима, царство калифовъ и нынѣшнюю Британскую имперію со всѣми ея колоніями: двадцать милліоновъ квадратныхъ километровъ и сто-двадцать милліоновъ людей! Эта сила называлась нѣкогда: Петръ Великій. Она перемѣнила имя, но не характеръ. Это душа великаго народа, и это также душа великаго человѣка, въ которомъ, казалось, были нѣкогда воплощены мысль и воля милліоновъ существъ. И она вся въ немъ, и онъ весь въ ней; и я хотѣлъ, чтобы ея жизнь трепетала на этихъ страницахъ.

„Конечно, не только средствами моего воображенія. Я спра-

шивалъ все, что могъ мнѣ дать документъ, этотъ единственный пароль, какой есть у насъ, чтобы открывать двери, которыя каждый часъ затворяетъ за нами. Я надѣюсь, что былъ точенъ. Я убѣжденъ, что былъ искренень. Можетъ случиться, что этимъ я вызову удивленіе, разочарованіе и даже гнѣвъ. Я прошу моихъ русскихъ читателей взвѣсить ихъ впечатлѣнія. Должно всегда имѣть мужество признать себя тѣмъ, что мы есть, и даже тѣмъ, что мы были, и это мужество легко, когда мы (quand on est)— Россія".

Авторъ проситъ своихъ читателей не заблуждаться о цѣли его труда. Онъ не хотѣлъ воздвигать памятника, какъ Пушкинъ или Фальконетъ. „Петръ и безъ моего участія имѣетъ уже памятникъ, какой — я охотно желалъ бы это думать — подходитъ ему всего лучше... Надъ тѣмъ памятникомъ, о которомъ я говорю, онъ работалъ самъ своими грубыми руками, и надъ нимъ еще долго будутъ работать его преемники. Сибирская желѣзная дорога прибавитъ къ нему славный камень.

„Моя цѣль совсѣмъ другая. Съ нѣкотораго времени взгляды всего новѣйшаго міра, иногда сочувственные, иногда недовѣрчивые или враждебные, обращены къ тому громадному резервуару нравственныхъ и физическихъ силъ, который внезапно открылся между старой Европой, уставшей жить, и старой Азіей, утомленной тѣмъ, что она еще не жила. Что это: пропасть, гдѣ утонутъ общія судьбы? Или, быть можетъ, источникъ юности? Опираясь на тотъ или другой берегъ, толпы смотрятъ въ тревогѣ, испытывая глубины, бросая лотъ. Я просто приношу нѣкоторыя свѣдѣнія для всеобщаго любопытства и тревоги. Свѣдѣнія изъ исторіи, но, какъ я сказалъ, также изъ настоящей дѣйствительности. Петръ Великій не умеръ. Взгляните! Быть можетъ, часъ пришелъ. Заря неизвѣстнаго дня начинаетъ освѣщать горизонтъ. Изъ широкой рѣки поднимается облако, которое, кажется, населено призраками. Слушайте! Не стучитъ ли подкова коня по молчаливой мостовой"?

Изъ этихъ нѣсколько мистическихъ строкъ читатель можетъ видѣть однако, что авторъ умѣлъ широко взглянуть на историческое явленіе, которое ему предстояло изобразить.

Свое изложеніе онъ начинаетъ издалека. Начавъ съ разсказа о бракѣ царя Алексѣя Михайловича, онъ возвращается къ первымъ вѣкамъ русской исторіи и слѣдитъ эту исторію отъ „норманскаго завоеванія", отъ Рюрика и его потомковъ до нашествія монголовъ, возвышенія Москвы, московскихъ царей, и отмѣчаетъ первыя европейскія вліянія, гнѣздомъ которыхъ стала

потомъ Нѣмецкая слобода. Онъ разсказываетъ потомъ о дѣтствѣ Петра, о страшныхъ политическихъ буряхъ, какія ему пришлось видѣть въ годы отрочества и которыхъ потрясающее дѣйствіе историкъ считаетъ однимъ изъ условій, повліявшихъ навсегда на его характеръ. Онъ разсказываетъ объ отсутствіи правильнаго воспитанія, которое отвѣчало бы геніальнымъ способностямъ юноши и могло бы содѣйствовать образованію его нравственнаго характера. Далѣе, ранній бракъ и ранній разрывъ съ Евдокіей Лопухиной; исторія царевны Софьи и побѣда Петра. За это первое время историкъ еще не находитъ у Петра никакой иниціативы, никакого самостоятельнаго взгляда и образа дѣйствій: идетъ борьба двухъ придворныхъ партій и Петръ вовлеченъ въ нее, дѣлаясь орудіемъ аристократической партіи, которая послѣ паденія царевны Софьи становится во главѣ правленія. Самъ Петръ занятъ своими военными юношескими затѣями и разгульнымъ препровожденіемъ времени въ Нѣмецкой слободѣ.

Разсказывая о готовящемся столкновеніи съ Софьей, историкъ говоритъ: „Преображенское сдѣлалось просто центромъ естественнаго соединенія недовольныхъ всякаго рода, между которыми первое мѣсто занимали конечно, реакціонеры, какъ самые важные люди. Петръ, самъ оскорбленный, самъ униженный тѣмъ переходнымъ правленіемъ, окончанія котораго они съ нетерпѣніемъ ждутъ, Петръ есть ихъ признанный глава, будущій мститель за общія обиды,—такъ по крайней мѣрѣ они надѣются... Самъ онъ объ этомъ не заботится. Онъ развлекается. На Переяславскомъ озерѣ онъ забавляется плаваніемъ на судахъ, паруса которыхъ не наполняетъ еще никакое реформаторское дуновеніе. Подъ прикрытіемъ его имени и съ его содѣйствіемъ приготовляется борьба между молчаливымъ Кремлемъ и шумнымъ лагеремъ, гдѣ раскрывается его юношеская пылкость; но въ этомъ спорѣ, отъ рѣшенія котораго зависитъ его судьба и судьба Россіи, онъ видитъ и стремится къ одному выигрышу — большему простору для его фантазіи школьника. Пройдутъ еще годы прежде, чѣмъ онъ откроетъ свою настоящую дорогу, а пока онъ еще не заботится искать ее и послушно идетъ за первыми встрѣчными руководителями. Въ день, назначенный ими, онъ пойдетъ на приступъ, чтобы отвоевать свою власть, и предоставитъ имъ существенныя выгоды побѣды... Такъ онъ вступаетъ въ исторію, обращаясь спиной къ своей судьбѣ и къ своей славѣ“ (стр. 43—44).

Даже первыя военныя предпріятія противъ турокъ историкъ не находитъ еще собственной иниціативой Петра: это было продолженіе прежней традиціи, какъ передъ тѣмъ крымскій походъ

князя Василія Голицына. Первое проявленіе собственной инициативы, первую серьезную мысль будущей дѣятельности историкъ видитъ въ тотъ моментъ, когда неудачи подъ Азовомъ указали Петру недостаточность его прежней потѣшной войны.

„Семь лѣтъ юношескихъ импровизацій, о значеніи которыхъ можно было недоумѣвать, кончаются подъ Азовомъ, съ самымъ жалкимъ, самымъ унизительнымъ результатомъ. Именно здѣсь начинается исторія Петра Великаго.

„Петръ не есть только очень великій человѣкъ; онъ есть еще, быть можетъ, самое полное, самое широкое и самое разнообразное, какое только когда-нибудь бывало, олицетвореніе великаго народа. Мнѣ кажется, что никогда человѣческая масса не была до такой степени отожествлена, въ своихъ достоинствахъ и недостаткахъ, въ высокихъ и низкихъ ступеняхъ своего нравственнаго уровня, во всѣхъ чертахъ своей физіономіи, отожествлена въ одну индивидуальность, назначенную представлять ее въ исторіи. Если въ эту минуту Петръ открываетъ неожиданныя силы въ своемъ умѣ и въ своей душѣ, если онъ дѣлаетъ это внезапно и черезъ это становится великимъ, то и Россія будетъ показывать это изо дня въ день, изъ года въ годъ на пространствѣ двухъ столѣтій и этимъ она создаетъ свое величіе. Побитая турками, побитая шведами, испытавъ нашествіе Европы, какъ нѣкогда нашествіе Азіи, послѣ десятковъ пораженій, послѣ десятковъ мирныхъ договоровъ по волѣ побѣдителей, она будетъ постоянно расширять свои границы на ихъ счетъ, она произведетъ раздѣлы Турціи, Швеціи и Польши, и она будетъ наконецъ диктовать законы европейскому континенту, потому что она будетъ тверда и постоянна (elle aura persévéré).

„Быть твердымъ, упорно стремиться къ назначенной цѣли, повидимому даже недоступной; на избранномъ пути, даже рискованномъ; принятыми средствами, даже недостаточными; только удвоивать и утроивать усилія, какъ дѣлаетъ дровосѣкъ; умножать удары и ждать минуты рѣшительно, терпѣливо, стоически, —вся тайна въ этомъ, въ одной его душѣ, суровомъ металлѣ, выкованномъ вѣками рабства и вѣками искупительнаго труда. Величіе Петра, величіе Россіи сдѣланы монгольскимъ завоеваніемъ и терпѣливымъ геніемъ московскихъ князей, закаленнымъ на наковальнѣ, о которую стерся молотъ завоевателей“!

Слѣдуетъ разсказъ о путешествіи за границу. Историкъ передаетъ извѣстные факты, указываетъ необычайную подвижность, любознательность Петра: царь хочетъ видѣть все, работаетъ на верфяхъ, осматриваетъ всевозможные фабрики и заводы, типо-

графіи и музеи, учится всякимъ мастерствамъ до гравированія и до искусства дергать зубы; строитъ фрегатъ, дѣлаетъ себѣ кровать, устроиваетъ для себя русскую баню, готовитъ свои кушанья и т. д., но при этомъ совершаетъ и всякія странности, то скрывается подъ своимъ инкогнито и ходитъ въ платьѣ рабочаго, то заявляетъ свой царственный авторитетъ; между работой и рядомъ съ работой предается излишествамъ и т. д.

„Во всемъ этомъ,—говоритъ Валишевскій,—очевидно больше лихорадочности, чѣмъ обдуманнаго прилежанія, много каприза и даже немного безумства. Понятія о наукѣ и искусствѣ, которыя онъ пріобрѣталъ такимъ образомъ, были неудовлетворительны... Наполеонъ, со всей универсальностью его генія, самаго обширнаго и воспріимчиваго, какой зналъ новѣйшій міръ, никогда не будетъ претендовать быть великимъ медикомъ или дѣлать водки; онъ специализируетъ свои практическія познанія. Но дѣйствуя такъ, какъ онъ дѣйствовалъ, Петръ слѣдовалъ однако инстинкту, который его не обманывалъ; онъ удивительно готовился къ тому настоящему дѣлу, которое его ожидало, и которое должно было быть не постройкой какого-нибудь корабля, фабрики или дворца,—это всегда сдѣлали бы иностранные спеціалисты,—но водвореніемъ цѣлой цивилизаціи. Въ сущности онъ только продолжалъ то, чего онъ искалъ въ первый разъ ощупью въ экзотическихъ сокровищахъ Оружейной палаты: это былъ поспѣшный и конечно самый общій инвентарь промышленнаго, научнаго, художественнаго bric-à-brac, который онъ предположилъ себѣ заимствовать у западнаго міра. Только поле его любознательности увеличилось, его умъ вмѣстѣ съ этимъ расширялся: беззаботный ребенокъ, разсѣянный юноша все больше и больше превращался въ властелина. Въ Переяславлѣ или въ Архангельскѣ ему часто случалось забывать Москву и остальную имперію. Теперь было уже не то. Какъ ни былъ онъ далекъ отъ своей столицы и отъ границъ своей страны, онъ хотѣлъ, чтобы ему сообщали малѣйшія подробности, относившіяся къ общественнымъ дѣламъ, которыми еще такъ недавно онъ совершенно пренебрегалъ; онъ хотѣлъ знать происходившее изо дня въ день. Тамъ происходило многое. Его энергія приносила свои плоды. У Азова и Таганрога строились форты, на Днѣпрѣ отражали турокъ; успѣшно строились корабли“. Петръ обо всемъ получалъ свѣдѣнія и вербовалъ за границей сотни всякаго рода техниковъ, и въ двухъ стахъ шестидесяти ящикахъ онъ отправлялъ въ Москву всякаго рода вещи, нужныя для будущаго дѣла; тутъ были ружья, пистолеты, компасы, пилы, якори, китовый усъ; въ одной посылкѣ было во-

семь кусковъ мрамора, которые, безъ сомнѣнія, должны были вызвать вдохновеніе будущихъ художниковъ; въ одномъ ящикѣ было чучело крокодила,—онъ долженъ былъ послужить началомъ музея. „Правда, были нѣкоторыя остановки въ этой изумительной дѣятельности; въ перепискѣ государя съ его исполнителями бывали перерывы; отвѣты Петра иногда запаздывали. Онъ скоро извинялся въ этомъ, не безъ смущенія, почти съ покорностью: виноватъ былъ Хмельницкій, русскій Бахусъ. Ученикъ Лефорта еще не освободился, и никогда не освободится въ этомъ отношеніи, отъ старой привычки ежедневныхъ попоекъ, какія бывали нѣкогда на банкетахъ Нѣмецкой слободы. Но, въ общемъ счетѣ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, какіе онъ провелъ въ Голландіи, онъ находитъ возможность совершить громадный трудъ“ (стр. 99—101).

Вторую часть своей книги Валишевскій начинаетъ характеристикой самой личности Петра, изображеніемъ его тѣла и духа, особенностей его ума и нравственной физіономіи, затѣмъ идей и пріемовъ управленія.

„The soul's joy lies in doing (наслажденіе души состоитъ въ дѣятельности): величайшій поэтъ сѣвера разгадалъ героя великой эпопеи, образъ котораго я стараюсь вызвать, и въ нѣсколькихъ словахъ онъ указалъ его темпераментъ, его характеръ и почти весь его геній. In Thatendrange war sein wahres Genie,—сказалъ также Поссельтъ. Да, это была его сила, его величіе и успѣхъ—эта жизненная энергія, которая сдѣлала изъ него физически и морально человѣка самаго подвижнаго, самаго выносливаго въ трудѣ, самаго чувствительнаго къ „наслажденію дѣятельности“. Легенда придумала сдѣлать изъ него подкинутаго ребенка, сына родителей иностранцевъ, и это было совершенно естественно: до такой степени и въ столь многихъ отношеніяхъ онъ является въ противорѣчіи съ той средой, въ которой онъ родился! У него нѣтъ предразсудковъ, а его москвитяне наполнены ими; они фанатически религіозны, онъ—почти свободный мыслитель; они недовѣрчивы ко всякимъ новизнамъ, онъ ненасытенъ къ нововведеніямъ; они фаталисты, онъ—человѣкъ иниціативы; они крайне привязаны къ формамъ и церемоніямъ, онъ презираетъ это до настоящаго цинизма; наконецъ, и это главное, они безпечны, лѣнивы, неподвижны, какъ будто застыли на зимнемъ холодѣ или дремлютъ въ вѣчномъ снѣ, его бьетъ лихорадка движенія и труда и онъ насильственно поднимаетъ ихъ изъ этого оцѣпенѣнія и этой неподвижности или дубиной, или топоромъ.

„Любопытно было бы отмѣтить, хотя бы на нѣсколько мѣсяцевъ, графическую черту его постояннаго движенія.

„Взглянемъ только на оглавленіе его переписки съ Екатериной, всего двѣсти двадцать три письма, изданныхъ въ 1861 г. министерствомъ иностранныхъ дѣлъ: если мы взглянемъ, что онѣ датированы изъ Львова въ Галиціи, изъ Маріенвердера въ Пруссіи, изъ Царицына на Волгѣ, на югѣ имперіи, изъ Вологды на сѣверѣ, изъ Берлина, Парижа, Копенгагена, то кружится голова. Петръ то находится въ глубинѣ Финляндіи и осматриваетъ лѣса, то на Уралѣ осматриваетъ рудники; затѣмъ онъ въ Помераніи, гдѣ принимаетъ участіе въ осадѣ; на Украйнѣ, гдѣ онъ занимается разведеніемъ овецъ; при блестящемъ дворѣ нѣмецкаго государя, гдѣ онъ является своимъ собственнымъ посланникомъ, и затѣмъ внезапно въ горахъ Богеміи, въ качествѣ простого туриста. Въ 1715 г., 6 іюля, мы видимъ его въ Петербургѣ и онъ выходитъ въ море со своимъ флотомъ; 9-го онъ возвратился въ свою столицу и посылаетъ черногорцамъ успокоительное письмо по поводу насилій, совершённыхъ у нихъ турками, подписываетъ конвенцію съ прусскимъ посланникомъ, и даетъ инструкцію Меньшикову о сохраненіи строевого лѣса въ окрестностяхъ города; 12-го онъ въ Ревелѣ; 20-го онъ присоединяется къ своему флоту въ Кронштадтѣ и опять уходитъ въ плаваніе. И такъ съ начала года до конца и съ начала своей жизни до конца. Онъ всегда торопится, въ экипажѣ онъ скачетъ; пѣшкомъ онъ не ходитъ, а бѣжитъ.

„Когда, въ какіе часы онъ отдыхаетъ? Это довольно трудно себѣ представить. Со стаканомъ въ рукѣ ему случается просиживать до глубокой ночи, но и тогда онъ споритъ, говоритъ, онъ испытываетъ своихъ собесѣдниковъ своими быстрыми смѣнами веселости и дурного расположенія духа, своими выходками, своими шутками дурного тона и вспышками гнѣва, и онъ даетъ свои аудіенціи въ четыре часа утра! Въ 1721, послѣ заключенія мира съ Швеціей, въ этотъ часъ онъ призываетъ къ себѣ двухъ своихъ посланниковъ, Остерманна и Бутурлина, передъ тѣмъ, какъ отправить ихъ въ Стокгольмъ. Онъ принялъ ихъ въ коротковъ халатѣ, который оставляетъ его ноги голыми, въ большомъ ночномъ колпакѣ, подбитомъ внутри полотномъ (потому что онъ очень подверженъ испаринѣ), и его чулки падаютъ на туфли. По словамъ его дежурнаго офицера, онъ давно уже прохаживался въ этомъ костюмѣ, ожидая своихъ посланниковъ, и тотчасъ онъ схватывается за нихъ, закидываетъ ихъ вопросами, повертываетъ во всѣ стороны, чтобы убѣдиться, что они хорошо

знаютъ свое дѣло, потомъ отсылаетъ ихъ, быстро одѣвается, выпиваетъ чарку водки и бѣжитъ на корабельную верфь".

Самыя развлеченія его соединены были съ большой работой: онъ распоряжается устройствомъ празднествъ, ассамблей, иллюминацій и фейерверковъ, неутомимо угощаетъ и принимаетъ угощенія, такъ что и это требовало громаднаго запаса силъ.

Онъ былъ неутомимъ и въ домашней работѣ. „Въ 1721, предпринявъ редакцію своего морского устава, онъ самъ предписалъ себѣ способъ употребленія своего времени, который долженъ былъ пунктуально исполняться: по его журналу, письменная работа занимала здѣсь четыре дня въ недѣлю, по четырнадцати часовъ въ день—отъ пяти часовъ утра до полудня и отъ четырехъ часовъ до одиннадцати. И это продолжалось отъ января до декабря 1721. Рукопись устава вся писана его рукой и, покрытая помарками, находится въ московскомъ архивѣ. Тамъ же находятся его черновыя, которыя свидѣтельствуютъ, что самая существенная часть большого числа дипломатическихъ документовъ, относящихся къ Сѣверной войнѣ и подписанныхъ канцлеромъ Головинымъ, вышла прямо изъ его внушенія и изъ-подъ его пера. И то же надо сказать о большинствѣ важныхъ мемуаровъ и депешъ, подписанныхъ его обыкновенными политическими сотрудниками: Головинымъ, Шереметевымъ, генераломъ Вейде, а также обо всемъ законодательномъ и административномъ дѣлѣ его царствованія, какъ созданіе арміи и флота, развитіе торговли и промышленности, учрежденіе фабрикъ и заводовъ, устройство судебное, преслѣдованіе продажности между чиновниками, устройство національныхъ сбереженій. Онъ писалъ черновыя, принимаясь за нихъ по нѣскольку разъ, приготовлялъ проекты, часто во многихъ редакціяхъ, и это не мѣшало ему заниматься также своимъ домашнимъ управленіемъ, даже домашними дѣлами своихъ родныхъ и, напримѣръ, опредѣлять количество и качество водокъ, которыя должны были быть доставляемы его невѣсткѣ, царицѣ Прасковьѣ" (стр. 120—121).

Валишевскій ставитъ дальше вопросъ о личной храбрости Петра. „Находится ли у него храбрость на высотѣ его энергіи и его предпріимчиваго, даже до дерзости, генія? Онъ не ищетъ опасности, какъ его шведскій противникъ; не находитъ въ ней удовольствія. Въ началѣ онъ даже показалъ себя настоящимъ трусомъ. Таково было его поспѣшное бѣгство, ночью 8-го августа 1689 года и его мало героическое появленіе у Троицы. Въ 1700 это повторяется подъ стѣнами Нарвы. Несмотря на самыя остроумныя объясненія и апологію, передъ нами грубый фактъ: при

извѣстіи о неожиданномъ приближеніи шведскаго короля, онъ покидаетъ свою армію, оставляя команду начальнику еще не испытанному, назначенному наканунѣ, и снабжая его инструкціей, которая, по словамъ всѣхъ компетентныхъ людей, свидѣтельствуетъ столько же о безпорядкѣ мыслей, какъ и о невѣжествѣ... Но при Полтавѣ онъ мужественно исполняетъ свой долгъ, подвергаясь личной опасности въ самомъ разгарѣ битвы (это признаютъ и сами шведскіе историки). Онъ готовился къ этому заранѣе, какъ къ страшному и тягостному испытанію, безъ увлеченія, но и безъ слабости, холодно, почти печально. Это вовсе не паладинъ, у него нѣтъ никакого слѣда рыцарскаго духа, и въ этомъ онъ опять былъ русскій человѣкъ... Когда онъ разъ принялъ свое рѣшеніе, то личная опасность, какой онъ подвергался въ этомъ дѣлѣ, кажется для него общей со всѣми другими; онъ разсчитываетъ ее съ тѣмъ же хладнокровіемъ, и, если нужно, принимаетъ ее съ тою же высотою души... Имъ руководитъ всегда идея службы, *дома*, какъ вѣха, поставленная передъ его глазами, и она заставляетъ его взбираться на крутизну мужественныхъ добродѣтелей и героическихъ жертвъ; но ему нужно всегда время, чтобы подняться на вершину, и этотъ человѣкъ, въ концѣ концовъ одинъ изъ самыхъ неустрашимыхъ, рѣшительныхъ и упорныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ людей, всего скорѣе способныхъ тотчасъ падать духомъ и самыхъ малодушныхъ въ извѣстныя критическія минуты. Наполеонъ, этотъ другой великій нервный человѣкъ, также зналъ этотъ внезапный и моментальный упадокъ духа, подъ ударомъ пораженія, и эти возвраты мужества, которые вмѣстѣ съ самообладаніемъ возвращали ему еще увеличенную силу его способностей и удесятеренную находчивость; но у Петра этотъ феноменъ получаетъ болѣе рѣзкіе размѣры. Узнавъ о пораженіи самой арміи подъ Нарвой, онъ переодѣвается въ крестьянское платье, безъ сомнѣнія, чтобы тѣмъ легче избѣжать преслѣдованія непріятеля, котораго онъ считаетъ уже на своихъ пятахъ; онъ проливаетъ потоки слезъ и падаетъ въ такомъ состояніи изнеможенія, что никто не рѣшается заговорить съ нимъ о войнѣ. Онъ готовъ принять самыя унизительныя условія мира...

„Въ немъ какая-то почти парадоксальная смѣсь силы и слабости, гдѣ какъ будто сказалось столкновеніе противорѣчивыхъ прирожденныхъ элементовъ. Какъ ни твердо былъ онъ привязанъ къ великимъ предначертаніямъ жизни и дѣла, которыхъ единство и послѣдовательность составляютъ одно изъ чудесъ исторіи, въ подробностяхъ онъ былъ олицетворенное непостоянство и пере-

мѣнчивость. Его идеи и рѣшенія мѣнялись, какъ его расположеніе духа, внезапно, по дуновенію вѣтра. Это по существу человѣкъ импульсовъ. Во время его путешествія во Францію въ 1717, между всѣми тѣми, кто долженъ былъ ему служить, поднялись всеобщія жалобы на постоянныя перемѣны его намѣреній. Никто не знаетъ, что онъ будетъ дѣлать завтра, черезъ часъ, куда онъ отправится и какъ. Нельзя назначить нигдѣ продолжительность его пребыванія, нѣтъ дня, программу котораго можно было бы опредѣлить впередъ. Эта черта есть именно черта славянскаго характера, который есть сложное произведеніе основъ, культуръ, вліяній, различныхъ и крайнихъ, азіатскихъ и европейскихъ; быть можетъ, раса отчасти обязана этому тѣмъ постоянствомъ, той необыкновенной внутренней основой (fond extraordinaire), которыя она оказала въ продолжительныхъ предпріятіяхъ. Но эта смѣсь гибкости и упорства можетъ быть также индивидуальной; мы находимъ ее также у нѣкоторыхъ изъ историческихъ соревнователей великаго реформатора, и можно было бы думать, что она провиденціально назначена на то, чтобы сберегать экономію ихъ силъ. Петру она служила даже въ области самыхъ важныхъ интересовъ. Отсюда, конечно, происходила та легкость, съ какой онъ перемѣнялъ фронтъ, оборачиваясь спиной къ Турціи, чтобы стать противъ Швеціи, оставляя свои планы на Азовское море, чтобы броситься на Балтійское, но вездѣ и всегда уходя весь въ дѣло, никогда не разъединяя своего усилія. И такова же та великая легкость, съ какой всегда въ подробностяхъ онъ готовъ былъ признать неправильность личнаго сужденія, сдѣланную ошибку. Въ 1722, отмѣняя указъ, которымъ онъ вводилъ въ сенатъ, собраніе законодательное, президентовъ административныхъ коллегій, онъ не затруднился назвать свой указъ мѣрой неразсудительной. Это не мѣшало ему въ другихъ случаяхъ упорно стоять противъ всѣхъ мнѣній и всѣхъ вліяній. Никто не умѣлъ лучше повелѣвать и заставлять себѣ повиноваться".

Валишевскій останавливается далѣе на другой основной чертѣ характера Петра. „Должно замѣтить,—говоритъ онъ,—что въ ошибкахъ и слабостяхъ Петра причина ихъ бываетъ всегда только мозгъ; сердце не участвуетъ въ нихъ ничѣмъ. Петръ нисколько не сентименталенъ. Его самыя вопіющія слабости къ Меншикову и къ другимъ любимцамъ кажутся просто дѣломъ разсчета, можетъ быть не вполнѣ основательнаго. Онъ очень высоко ставилъ умственный уровень того или другого изъ своихъ сотрудниковъ, и очень низко—нравственный уровень ихъ всѣхъ.

Меншиковъ, конечно, былъ въ его глазахъ плутъ, но плутъ геніальный. Съ другими, у которыхъ не было достаточно ума, чтобы вознаградить ихъ грѣшки, хотя бы это были его ближайшіе друзья, онъ былъ очень способенъ къ твердости, даже къ суровости...

„Съ этой точки зрѣнія я не нахожу другого примѣра такого абсолютнаго отсутствія чувства. Въ теченіе процесса его сына Алексѣя, гдѣ было достаточно поводовъ къ тому, чтобы волновать его, онъ сохранялъ силу, досугъ и охоту отдаваться вмѣстѣ и другимъ дѣламъ, требовавшимъ всего присутствія духа, и своимъ обыкновеннымъ развлеченіямъ. Большое число указовъ, относящихся къ сохраненію лѣсовъ, къ монетному дѣлу, къ устройству разныхъ промышленныхъ заведеній, къ таможнямъ, расколу, сельскому хозяйству, помѣчены числами, которыя были также числами самыхъ печальныхъ эпизодовъ страшной судебной драмы. Въ то же время не была забыта и пренебрежена ни одна изъ тѣхъ годовщинъ, которыя царь имѣлъ обыкновеніе праздновать пышно и шумно. Банкеты, маскарады и фейерверки шли своимъ чередомъ.

„У него былъ запасъ неистощимой веселости, а также и очень широкой общительности. Въ извѣстныхъ сторонахъ своего характера и темперамента онъ до зрѣлаго возраста оставался ребенкомъ, съ наивной веселостью, съ потребностью изліяній и простодушіемъ юности. При каждомъ счастливомъ событіи, какое съ нимъ случалось, онъ не могъ удержаться, чтобы не сообщить свою радость всѣмъ тѣмъ, кто, по его предположенію, долженъ былъ этимъ интересоваться. Такъ онъ писалъ сразу до пятидесяти писемъ по случаю какого-либо не особенно важнаго военнаго событія, напримѣръ взятія Штетина въ 1713. Всегда онъ готовъ былъ забавляться, и въ 1711, въ Дрезденѣ, сѣвши на карусель съ деревянными лошадьми, онъ кричалъ: „скорѣе, скорѣе“, и смѣялся до слезъ, когда нѣкоторые изъ его спутниковъ попадали отъ быстроты движенія. Въ 1720, среди народныхъ увеселеній, которыя слѣдовали за заключеніемъ Ништадтскаго мира, онъ ведетъ себя какъ школьникъ на каникулахъ; онъ прыгаетъ и жестикулируетъ посреди толпы; онъ вскакиваетъ на столы и поетъ во все горло. Онъ держитъ себя уличнымъ мальчишкой и задирой до послѣднихъ годовъ своей жизни, сохраняя охоту къ грубоватымъ шуткамъ и фарсамъ...

„Какъ при этомъ характерѣ онъ внушаетъ больше страха, чѣмъ привязанности? Какимъ образомъ его смерть является для окружающихъ освобожденіемъ, концомъ внушающаго страхъ наважденія, концомъ правленія ужаса и принужденія? Это объ-

ясняется прежде всего его обычной манерой, которая отзывается обществомъ, гдѣ онъ жилъ со времени своего дѣтства, и тѣми занятіями, которымъ онъ всегда предавался съ наибольшимъ удовольствіемъ. Къ суровости русскаго барина присоединяется грубость голландскаго матроса. Но, кромѣ того, онъ необузданъ и часто вспыльчивъ, какъ ему случалось быть малодушнымъ, и вслѣдствіе той же причины, того же главнаго порока его нравственной природы: недостатка власти надъ самимъ собой. Энергія его воли часто бываетъ ниже порывовъ его темперамента; эта воля всегда находитъ себѣ повиновеніе извнѣ, но случается, что она не имѣетъ достаточно власти надъ внутреннимъ бурнымъ волненіемъ его инстинктовъ и его страстей. Слишкомъ рабское положеніе окружающихъ еще способствовало тому, чтобы развить въ немъ это враждебное расположеніе" (стр. 122 и далѣе)... Валишевскій приводитъ слова саксонскаго министра Лефорта изъ его дневника отъ мая 1721: „темпераментъ Петра никогда не былъ изъ самыхъ вѣжливыхъ, но съ каждымъ днемъ онъ становится невыносимѣе; счастливъ тотъ, кто не обязанъ быть подлѣ него". Но Валишевскій замѣчаетъ, что эта прогрессивность едва замѣтна, и приводитъ изъ самыхъ первыхъ годовъ правленія примѣры крайней грубости Петра съ своими приближенными, доходившей до жестокости, и грубости даже съ неподчиненными ему иноземцами за границей и съ дипломатами.

Историкъ останавливается дальше на пристрастіи Петра къ вину и разсказываетъ факты. Съ этимъ соединяется крайняя грубость нравовъ вообще, которая также доказывается множествомъ фактовъ. Эта грубость нравовъ вызывала въ (иностранной) литературѣ не мало сужденій, для Петра крайне неблагопріятныхъ. Валишевскій не всегда соглашается съ ними, отвергаетъ многіе разсказы, какъ мало достовѣрные, преувеличенные или прямо ошибочные (какъ, напр., у Вольтера); самъ принимаетъ только тѣ факты, которые подтверждаются достаточными свидѣтельствами,—но считаетъ возможнымъ и нужнымъ остановиться на разъясненіи того, былъ ли Петръ свирѣпый дикарь, былъ ли это „дикій звѣрь" или азіатскій деспотъ" и т. п.

Въ немъ нѣтъ ничего деликатнаго, ничего утонченнаго, и историкъ приводитъ примѣръ, какъ въ Амстердамѣ онъ находилъ великое удовольствіе въ грубыхъ фарсахъ площаднаго гаера, которымъ восхищалась амстердамская черпь и котораго онъ хотѣлъ взять съ собой въ Россію. „Это грубый человѣкъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ до конца ничего не потерялъ изъ своей природной дикости. Есть ли это свирѣпый дикарь?" И

Валишевскій такъ разъясняетъ этотъ вопросъ: „Говорили это (т.-е. что онъ былъ свирѣпый дикарь). Повидимому, ничто не установлено такъ хорошо, какъ его репутація жестокости. Но должно еще посмотрѣть, такъ ли это. Онъ часто присутствуетъ въ застѣнкѣ на допросахъ, гдѣ исполняютъ свое дѣло дыба и кнутъ, такъ же, какъ на площадяхъ при казняхъ, гдѣ дѣйствуютъ самыя возмутительныя орудія казней. Полагаютъ даже, что онъ не всегда былъ однимъ простымъ зрителемъ... Но споръ, поднятый по этому поводу, мнѣ кажется, празднымъ. Говорятъ, что при случаѣ онъ исполнялъ дѣло палача,—отчего же нѣтъ? Онъ исполняетъ же дѣло матроса или плотника, и не чувствуетъ, не можетъ чувствовать разницы. Онъ всего больше совмѣщаетъ должностей въ странѣ, гдѣ совмѣщеніе должностей есть дѣло обыкновенное, и его палачъ въ Петербургѣ является также въ спискѣ придворныхъ шутовъ! Итакъ, Петръ отрубаетъ головы? Это возможно. И онъ находитъ въ этомъ удовольствіе? Это вѣроятно, какъ что-либо дѣлать: удовольствіе дѣятельности, но это все“. Историкъ замѣчаетъ, что многіе анекдоты о Петрѣ должны быть отвергаемы à priori по ихъ очевидной нелѣпости и достовѣрными могутъ считаться только тѣ, которые подтверждаются многими ближайшими свидѣтельствами. „Итакъ,—продолжаетъ Валишевскій,—я не вижу ничего, что позволяло бы открыть въ Петрѣ подлинную черту дикихъ звѣрей: алчное удовольствіе отъ причиняемыхъ страданій, вкусъ къ крови; у него нѣтъ никакихъ слѣдовъ садизма и даже обычной видимости кровожаднаго увлеченія. Онъ суровъ, грубъ и безчувственъ. Страданіе есть въ его глазахъ только феноменъ, какъ болѣзнь или здоровье, и не трогаетъ его больше этого. Поэтому я охотно допускаю, что онъ, какъ говоритъ легенда, преслѣдовалъ осужденныхъ имъ до эшафота упреками и обвиненіями, смѣясь надъ ихъ агоніей и смертью. Но если онъ недоступенъ жалости, когда считаетъ себя въ своемъ правѣ, онъ недоступенъ также, и въ очень большой степени, для мелочности, когда, по его мнѣнію, не замѣшанъ въ дѣлѣ государственный интересъ. Знаменитое правило уголовнаго закона, за которое воздаютъ такія почести Екатеринѣ II, что лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ осудить на смерть одного невиннаго, не принадлежитъ къ историческому наслѣдству великой государыни. Петръ раньше ея написалъ это правило своей рукой и притомъ еще въ военномъ регламентѣ“!

Валишевскій продолжаетъ: „Правда, современники признали невозможнымъ объяснить многія изъ его дѣйствій иначе, какъ тѣмъ, что онъ находилъ удовольствіе заставлять другихъ дѣлать

вещи, для нихъ непріятныя, или просто причинять имъ зло",— напримѣръ, когда онъ заставлялъ молодыхъ дѣвушекъ пить вино, дряхлыхъ стариковъ прыгать на улицѣ въ видѣ скомороховъ, заставлялъ адмирала Головина употреблять при ѣдѣ уксусъ, котораго онъ не выносилъ, и т. п. „Но фактъ допускаетъ другое объясненіе. Петръ принялъ извѣстную манеру одѣваться, питаться и забавляться, которую считалъ подходящей, и такъ какъ онъ считалъ ее такою для себя, онъ находилъ ее подходящей и для всѣхъ. Это былъ его способъ толковать и свое дѣло самодержца, и свою роль реформатора. Онъ на этомъ стоитъ. Уксусъ составляетъ часть государственнаго закона, и что происходило по поводу этого снадобья съ Головинымъ, повторяется съ другими по поводу сыра, устрицъ, оливковаго масла: Петръ не пропускалъ случая пичкать ими всѣхъ тѣхъ, у кого замѣчалъ отвращеніе къ этимъ гастрономическимъ нововведеніямъ. Точно также, основавши свою столицу на болотѣ, и называя ее своимъ „парадизомъ", онъ хочетъ, чтобы всѣ строили тамъ дома и чтобы они находили удовольствіе или показывали видъ, что находятъ въ этомъ удовольствіе".

„Очевидно, что онъ не очень нѣженъ. Въ январѣ 1694, видя свою мать тяжело больной, въ опасности смерти, онъ недоволенъ, что его задерживаютъ въ Москвѣ, не можетъ выдержать и объявляетъ о своемъ отъѣздѣ. Съ ней начинается агонія въ тотъ часъ, который онъ назначилъ для отъѣзда, и затѣмъ онъ торопитъ ея похороны. Не забудемъ кровавый призракъ Алексѣя, плачевную тѣнь Евдокіи. Но должно принять во вниманіе обстоятельства, тѣсно связанныя съ нравственной точки зрѣнія съ самой личностью, и другія черты его физіономіи,—я разумѣю роковыя условія (fatalités), неизбѣжныя въ революціонномъ періодѣ, инстинкты этого человѣка, не выносившіе никакого противорѣчія, не забывая упорства его политики самой личной и самой произвольной, какая только бывала. Онъ обожалъ своего второго сына, и его переписка съ Екатериной, столь нѣжная въ томъ, что относится къ ней, наполнена выраженіями самой постоянной заботливости о здоровьѣ и благополучіи двухъ его дочерей, Анны и Елизаветы, которыхъ онъ тутъ называлъ воровками, потому что онѣ отнимали у него время... Онъ каждый день заходилъ въ ихъ комнату и слѣдилъ за ихъ уроками.

„Онъ не боялся войти въ камеру заключеннаго, который наканунѣ былъ его любимцемъ, чтобы объявить ему, что, къ своему великому сожалѣнію, онъ находитъ себя вынужденнымъ на слѣ-

дующій день велѣть отрубить ему голову. Такъ было въ дѣлѣ Монса въ 1724. Но когда его друзья кажутся ему достойными его дружбы, я нахожу, что онъ не только любезенъ съ ними, но нѣженъ и ласкаетъ ихъ даже слишкомъ. Въ августѣ 1723, на праздникѣ въ память основанія его флота, въ присутствіи его „дѣдушки", — англійскаго ботика, найденнаго въ 1688, въ сараѣ, онъ, правда, выпивши, цѣлуетъ герцога гольштинскаго въ шею, въ лобъ, въ голову, снявши съ него парикъ... Всѣ эти черты не позволяютъ видѣть въ немъ даже съ точки зрѣнія, какая насъ занимаетъ, простое повтореніе азіатскаго деспота. И какъ государь, и какъ частный человѣкъ, онъ лучше; во всякомъ случаѣ онъ—*другой*; во многихъ отношеніяхъ онъ внѣ обыкновеннаго человѣчества, выше или ниже, но онъ вовсе не лишенъ человѣчности по инстинкту или намѣренно. Рядъ указовъ, имъ подписанныхъ, показываютъ умъ, если не сердце, открытый идеямъ, если не чувствамъ, кротости. Въ одномъ изъ нихъ онъ хочетъ стать покровителемъ вдовъ, сиротъ и людей беззащитныхъ. Точно также, со стороны мозга должно искать нравственный центръ тяжести въ этомъ великомъ, безсознательномъ идеалистѣ, который былъ также и великій чувственный человѣкъ,—этотъ случай не единственный,—но который со всѣми бурными порывами его темперамента вообще, и всего чаще, умѣлъ подчинять свои ощущенія тому общему закону, котораго онъ объявлялъ себя первымъ рабомъ, предполагая такимъ образомъ пріобрѣсти право подчинять ему всѣ воли, всѣ умы, всѣ страсти безразлично, неумолимо" (стр. 133 и далѣе).

Русскаго читателя, не врага реформы, могутъ непріятно поразить, даже привести въ негодованіе эти хладнокровныя разсужденія о томъ, былъ ли Петръ свирѣпый дикарь или прямо кровожадный звѣрь, или копія азіатскаго деспота; но это неудовольствіе и негодованіе были бы весьма умѣренны у теоретическаго противника реформы, или у раскольника (онъ давно представлялъ себѣ Петра еще несравненно хуже—самимъ антихристомъ), или, наконецъ, у историка, который возмущался нарушеніемъ достоинства народа, когда грубо оскорблялись его преданія и обычаи (какъ, напр., Д. А. Ровинскій). Но Валишевскій—писатель чужой: передъ нимъ было историческое явленіе, черты котораго онъ находилъ въ документахъ, и онъ разбираетъ ихъ съ холодностью критика. Упомянутыя опредѣленія были поставлены не имъ; онъ находилъ ихъ готовыми въ сужденіяхъ современныхъ иностранцевъ или новѣйшихъ иностранныхъ историковъ. Мы видѣли, что онъ несогласенъ съ опредѣ-

леніями, слишкомъ рѣзкими, и оказываетъ Петру снисхожденіе... Но собранный имъ психологическій матеріалъ заслуживаетъ вниманія и русскихъ историковъ, потому что именно съ этой психологической стороны личность Петра остается у насъ мало выясненной.

Дальше мы еще встрѣтимся съ такими заключеніями о личности и дѣятельности Петра, которыя могутъ показаться слишкомъ суровыми, но во всякомъ случаѣ говорятъ о желаніи историка проникнуть въ тайну этого загадочнаго характера.

„Этотъ мозгъ,—говоритъ Валишевскій въ главѣ объ умственныхъ чертахъ Петра и его нравственной физіономіи,—есть безъ сомнѣнія организмъ феноменальный. Его природа и могущество его дѣйствій невольно вызываютъ теперь сравненіе съ Наполеономъ I. Та же продолжительность усилія безъ видимаго утомленія. Та же эластическая и гибкая сила. Та же способность переноситься за разъ на неопредѣленное количество предметовъ, самыхъ разнородныхъ, самыхъ несходныхъ по значенію, безъ всякаго чувствительнаго разсѣянія умственныхъ силъ, безъ всякаго ослабленія ихъ дѣйствія въ каждомъ предметѣ въ отдѣльности". Валишевскій приводитъ примѣръ, какъ въ 1698, въ Штокерау, въ окрестностяхъ Вѣны, когда его посланники спорили съ имперскими чиновниками, обсуждая подробности ихъ торжественнаго въѣзда въ столицу, „Петръ Михайловъ", вмѣшиваясь въ эти споры, которые его раздражаютъ, въ то же время, въ письмѣ къ Виніусу, занимается постройкой русской церкви въ Пекинѣ! Или, въ сентябрѣ 1706, въ письмѣ къ адмиралу Апраксину, Петръ отдаетъ приказанія по поводу происходившей тогда войны, дѣлаетъ распоряженія о переводѣ цѣлой кучи латинскихъ книгъ, а также наставленія о воспитаніи двухъ щенковъ, съ подробнымъ указаніемъ того, чему они должны обучиться: носить поноску; снимать шляпу; отдавать честь; прыгать черезъ палку; сидѣть и просить ѣсть,—и т. п.

„Это умственный очагъ, — продолжаетъ Валишевскій, — открытый всѣмъ впечатлѣніямъ, съ чрезвычайнымъ развитіемъ воспріимчивости, этой по преимуществу славянской особенности... Когда идетъ дѣло о томъ, чтобы увидѣть или узнать что-либо, его живость и безпокойство ума таковы, что въ сравненіи съ этимъ Наполеонъ есть человѣкъ терпѣливый. Прибывши въ Дрезденъ вечеромъ, послѣ путешествія, продолжавшагося цѣлый день и крайне всѣхъ утомившаго, Петръ, едва успѣвши поужинать, хочетъ, чтобы его тотчасъ вели въ кунсткамеру, мѣстный музей; онъ попадаетъ туда въ часъ и проводитъ тамъ ночь и удовле-

творяетъ своему любопытству при свѣтѣ факеловъ. Впрочемъ, это любопытство такъ же универсально и неутомимо, какъ и лишено выбора и мѣры". И Валишевскій приводитъ довольно ужасающій примѣръ изъ записокъ Долгорукова.

„Постоянно умножаемый подобнымъ образомъ, багажъ его познаній и умѣній, при громадномъ разнообразіи, сохраняетъ нѣкоторую безсвязность и элементарность. Онъ хорошо говоритъ только по-русски, и по-голландски можетъ говорить только съ моряками и о морскихъ дѣлахъ"... Петръ не умѣлъ говорить съ дипломатами, дѣлалъ дипломатическія ошибки, но умѣлъ обойти дипломатовъ, и Валишевскій приписываетъ ему „славянскую хитрость въ соединеніи съ восточными ловкими обманами". Въ военныхъ талантахъ Петра историкъ нѣсколько сомнѣвается, хотя согласенъ, что онъ съумѣлъ создать армію дисциплинированную и храбрую, „удивительное орудіе, которое обезпечило могущество и вліяніе его страны" (этого какъ будто мало). Историкъ подшучиваетъ надъ тѣмъ, что Петръ вообразилъ себя хирургомъ и любилъ дергать зубы... Историкъ подшучиваетъ надъ такимъ фактомъ: Петръ посылалъ въ Парижъ къ ученому аббату Биньону, библіотекарю короля и члену Французской академіи, одну восточную рукопись, найденную въ Сибири, и Биньонъ опредѣлилъ рукопись какъ тангутскую, между тѣмъ какъ впослѣдствіи, уже по смерти Петра, оказалось, что рукопись была манджурская. „Петръ,—говоритъ Валишевскій,—умеръ съ убѣжденіемъ, что разъяснилъ важный пунктъ національной палеографіи и этнографіи и добросовѣстно исполнилъ свое ремесло государя (métier du souverain)". Но онъ и дѣйствительно исполнилъ его добросовѣстно: онъ не былъ, и не былъ обязанъ быть, оріенталистомъ, ошибка сдѣлана была французскими учеными, а спеціальная посылка рукописи въ Парижъ съ Шумахеромъ, при тогдашнихъ удобствахъ путешествій, служитъ только къ чести Петра, который умѣлъ и здѣсь догадываться о научномъ значеніи подобныхъ вещей.

Историкъ замѣчаетъ, что „чисто практическая наклонность его ума иногда дѣлала его узкимъ и пошлымъ", и въ доказательство подшучиваетъ надъ тѣмъ, что когда Лейбницъ предложилъ ему устройство магнетическихъ обсерваторій „на всемъ пространствѣ имперіи", Петръ „готовъ былъ потерять хорошее мнѣніе, какое онъ имѣлъ о великомъ ученомъ",—и справедливо, потому что устроить тогда эти обсерваторіи было невозможно, потому что не нашлось бы для этого потребныхъ знающихъ людей. Не знаемъ, но полагаемъ, что такихъ обсерваторій не было тогда и „на

всемъ пространствѣ" несравненно болѣе образованной западной Европы. Этотъ фактъ Валишевскій взялъ изъ извѣстнаго сочиненія Бэра, „О заслугахъ Петра по расширенію географическихъ знаній"; но прямое указаніе этихъ заслугъ болѣе отвѣчало бы исторической истинѣ въ этомъ пунктѣ, чѣмъ анекдотъ Валишевскаго.

Историкъ подшучиваетъ надъ тѣмъ, что, предполагая устройство музея, Петръ между прочимъ собиралъ различныя уродливости: „великій человѣкъ опять думалъ этимъ служить наукѣ"; но, въ тогдашнихъ условіяхъ, Петръ и дѣйствительно служилъ наукѣ, потому что у насъ кунсткамера была первымъ образчикомъ естественно-историческаго музея, и тогдашніе музеи самой Европы также носили еще характеръ собранія раритетовъ и курьезовъ.

Приведенные примѣры историческихъ толкованій, къ сожалѣнію, далеко не единичны въ книгѣ Валишевскаго. Вообще онъ, конечно, совершенно понимаетъ важность условій времени и мѣста,—но, какъ видимъ, авторъ иногда забываетъ о нихъ и его заключенія становятся неумѣстны.

Далѣе, мы упоминали объ его сомнѣніяхъ въ военномъ талантѣ Петра, и, между прочимъ, опору сомнѣній онъ находитъ въ журналѣ Сѣверной войны: „Петръ, которому принадлежитъ редакція этого журнала, какъ мнѣ кажется, не блистаетъ здѣсь ни какъ историкъ, ни какъ стратегъ. Описанія сраженій, какія я здѣсь нахожу, а здѣсь почти нѣтъ ничего другого, вообще или плачевно незначительны, какъ описанія сраженія подъ Нарвой, или, когда входятъ въ подробности, завѣдомо неточны", и т. д. (стр. 142). Но, въ другомъ мѣстѣ онъ нѣсколько видоизмѣняетъ свое сужденіе: „Это историкъ ничтожный въ смыслѣ искусства, но онъ не лишенъ историческаго чувства. Онъ дурно описываетъ событія, но онъ хорошо понимаетъ ихъ смыслъ и значеніе. Онъ толкуетъ ихъ правильно даже въ письмахъ къ Екатеринѣ, гдѣ идетъ совершенно свободная, незатѣйливая бесѣда. Очевидно, онъ отдаетъ себѣ весьма точный отчетъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ и что съ нимъ случается" (стр. 147).

Мы видѣли уже, какъ Валишевскій хочетъ видѣть въ Петрѣ черты славянина и черты восточнаго человѣка. Онъ замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ: „Восточная нота слышится въ образной и пластической манерѣ его стиля",—и приводитъ примѣры. Онъ находитъ „подъ его перомъ" слѣдующее размышленіе: „два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся",—но это изреченіе есть простая русская пословица. Восточное Валишевскій увидалъ и въ дру-

гихъ подобныхъ выраженіяхъ Петра, которыя указывали только, что Петру хорошо была знакома народная рѣчь, или, напримѣръ, въ такихъ словахъ, что, учреждая должность генералъ-прокурора въ сенатѣ, Петръ „хотѣлъ помѣшать, чтобы играли въ карты съ законами, подбирая ихъ по мастямъ", фраза, которая могла бы быть столько же восточной, какъ и западной. Когда Петръ хотѣлъ, чтобы прокуроръ былъ его „окомъ", Валишевскому и это выраженіе кажется восточнымъ...

По поводу рѣзкихъ пріемовъ обращенія, пренебреженія Петра къ обычаямъ, историкъ замѣчаетъ: „Это отсутствіе разборчивости, это нрезрѣніе къ обычнымъ правиламъ поведенія, это пренебреженіе приличіями встрѣчались, однако, въ одномъ и томъ же человѣкѣ съ очень глубокимъ чувствомъ и абсолютнымъ уваженіемъ къ долгу, къ закону, къ дисциплинѣ. Почему и какъ? Безъ сомнѣнія потому, что въ упомянутыхъ его пріемахъ надо видѣть нѣчто иное, а не одно необдуманное отрицаніе необходимыхъ основаній всякаго общественнаго зданія. Съ долею каприза и фантазіи, которой надо приписать большое число неправильностей, здѣсь является болѣе серьезное побужденіе. Петръ предпринялъ преобразованіе жизни народа, у котораго мелочныя соображенія и предразсудки, на добрую половину, занимали мѣсто религіи и нравственности. Онъ довольно правильно видѣлъ въ нихъ главное препятствіе къ движенію на пути прогресса и, съ большою логикой, онъ не будетъ пропускать случая бороться съ ними...

„Петръ считалъ себя призваннымъ освободить народное сознаніе отъ этой ржавчины, накопившейся отъ вѣковъ варварскаго невѣжества. Но чтобы произвести внимательно необходимый выборъ, онъ внесъ въ предпринятый трудъ слишкомъ много своего увлеченія, личной грубости и, въ особенности, слишкомъ много страсти. Онъ наносилъ удары какъ попало. И такимъ образомъ, исправляя, онъ вносилъ порчу, и этотъ великій воспитатель былъ также однимъ изъ великихъ деморализаторовъ человѣческаго рода. Со всѣмъ своимъ величіемъ новѣйшая Россія обязана ему и большинствомъ своихъ пороковъ".

Въ этомъ заключеніи, какъ мы упоминали, съ Валишевскимъ не будутъ спорить и многіе изъ нашихъ противниковъ реформы.

Мы видѣли уже, что Валишевскій, стараясь опредѣлить свойства умственной дѣятельности Петра, вноситъ не мало ограниченій въ обычныя представленія объ этомъ предметѣ,—и мы видѣли также, что онъ не всегда сохраняетъ при этомъ должную мѣру. Въ слѣдующемъ эпизодѣ онъ ставитъ цѣлый вопросъ и дѣлаетъ не мало любопытныхъ замѣчаній.

„Неоспоримый геній Петра, какъ ни обширна была площадь, гдѣ онъ движется, не производитъ впечатлѣнія цѣльнаго взгляда, обнимающаго обширныя пространства и большія массы, но онъ до такой степени имѣетъ пониманіе и страсть къ подробностямъ, что можно было бы скорѣе сказать, что это есть множество небольшихъ взглядовъ, направленныхъ одновременно на столько же небольшихъ пунктовъ. Такимъ же образомъ, его общія идеи, когда мы ихъ открываемъ у него, всегда кажутся немного неясными и безсвязными, его намѣренія и его комбинаціи всего чаще лишены правильности и точности и, когда онъ смотритъ въ даль, его зрѣніе смутно. Это умственно близорукій человѣкъ. Созданіе Петербурга одно доставило бы краснорѣчивыя доказательства. Здѣсь начинаютъ съ исполненія; планы придутъ потомъ, и кончается тѣмъ, что являются кварталы безъ улицъ, улицы безъ выходовъ и портъ безъ воды. Сначала дѣйствовать, съ тѣмъ, чтобы обдумать позднѣе, не позаботившись обсудить ни проектовъ, если только они кажутся соблазнительными, ни средствъ, если только ихъ находятъ подъ рукой—таковъ обычный образъ дѣйствій этого молніеноснаго ума. Его способность узнавать цѣну своихъ сотрудниковъ, доходившая до предвидѣнія, по словамъ его панегиристовъ, есть одно изъ его достоинствъ наиболѣе спорныхъ. Способы, какими онъ пользовался въ этомъ отношеніи, какъ, напримѣръ, поднимать голову новыхъ субъектовъ, которые представлялись ему на смотръ, деря ихъ за волосы, и смотрѣть минуту въ бѣлки глазъ, эти скорые пріемы, которымъ удивляется столь серьезный судья, какъ Соловьевъ, доказываютъ только еще разъ ту поверхностность, которую я указывалъ уже какъ сущность всѣхъ его знаній и всѣхъ его способностей. Онъ нимало не психологъ. У школьнаго учителя онъ находитъ служанку, которая ему нравится; онъ беретъ ее въ любовницы въ ожиданіи, что сдѣлаетъ ее императрицей, и тотчасъ придумываетъ сдѣлать школьнаго учителя основателемъ національнаго обученія. Это исторія Екатерины и Глюка... Этотъ человѣкъ, скромный пасторъ ливонскаго мѣстечка, начинаетъ съ того, что обучаетъ довѣренныхъ ему молодыхъ москвитянъ гармоніи лютеранскихъ псалмовъ. Когда царь замѣтилъ это, онъ закрылъ школу и отослалъ учителя, но національное обученіе осталось на дорогѣ.

„Однажды, присутствуя при спускѣ новаго корабля, — зрѣлище, которое всегда имѣло свойство экзальтировать его мысли, —Петръ пустился въ историческую философію. Напомнивъ путь, пройденный въ Европѣ просвѣщеніемъ и культурой, напомнивъ

ихъ колыбель въ Греціи, потомъ ихъ развитіе въ Италіи, онъ выражалъ, наконецъ, убѣжденіе, что пришла очередь Россіи. „Будемъ надѣяться,—говорилъ онъ,—что черезъ нѣсколько лѣтъ мы будемъ въ состояніи унизить сосѣднія страны, поставивъ нашу страну на высшую степень славы". Такимъ образомъ сказывалась идея, какую онъ имѣлъ о цивилизаціи: это—идея фабриканта, который соперничаетъ съ сосѣдней фабрикой. Онъ былъ слишкомъ мало образованъ, чтобы анализировать и понять элементы, изъ которыхъ слагалось превосходство этихъ иностранныхъ соперниковъ, которымъ онъ завидовалъ и которыхъ имѣлъ притязаніе превзойти; онъ видѣлъ только ея внѣшнюю сторону и потому онъ считалъ ее такъ низко".

Все это не совсѣмъ такъ. Само собою разумѣется, что у Петра не могло быть возможности „анализировать элементы цивилизаціи", какъ это можетъ сдѣлать новѣйшій историкъ; нѣтъ спора также, что Петръ преувеличивалъ ожиданія—соотвѣтственно своимъ собственнымъ желаніямъ; но что въ цѣломъ его взгляды были шире, чѣмъ удѣляетъ для него Валишевскій, можно видѣть изъ того факта, что, при всей невысокой степени доставшагося ему образованія, онъ думалъ, однако, не объ однихъ корабляхъ и фабрикахъ, но также и о необходимости школъ и ученыхъ учрежденій. Ближайшій интересъ его былъ практическій—по необходимости: нужно было прежде всего отвоевать внѣшнее положеніе государства, и въ этомъ онъ достигъ своей цѣли еще при жизни: взялъ верхъ надъ Швеціей, установилъ русское вліяніе въ Польшѣ, и въ его школѣ въ первый разъ воспитались полководцы, которые должны были нѣкогда сломить силу Турціи. Это были интересы внѣшніе, военные,—но какіе интересы были и у его главнаго противника? И не есть ли обыкновенно политическое соперничество—соперничество двухъ фабрикъ?

„Умъ Петра,—продолжаетъ историкъ,—какъ ни былъ обширенъ и воспріимчивъ, кажется, однако, ограниченнымъ и стѣсненнымъ въ одну сторону, совершенно недоступнымъ для представленій отвлеченныхъ; и поэтому опять онъ очень мало способенъ судить объ извѣстномъ сцѣпленіи вещей, выводить послѣдствія отъ исходнаго пункта и, наконецъ, восходить отъ дѣйствій къ причинамъ. Онъ быстро схватываетъ практическія выгоды цивилизаціи, но даже не подозрѣваетъ необходимыхъ основаній всякаго цивилизаторскаго труда. Ему случается хотѣть начать постройку съ кровли или работать за разъ надъ фундаментомъ и надъ вершиной зданія. Быть хорошимъ плотникомъ или даже сноснымъ морскимъ инженеромъ было для него мало для того,

чтобы привести въ органическое движеніе нравственныя силы своего народа" (стр. 158—159).

Въ дѣйствительности, однако, Петръ привелъ въ движеніе эти силы! Это признаетъ въ концѣ концовъ и самъ Валишевскій, но между приведенной фразой и общимъ признаніемъ великаго вліянія, созданнаго реформой, остается въ историческомъ объясненіи пробѣлъ. Историкъ забываетъ, что каковы бы ни были частные и личные недостатки преобразованій, въ ихъ цѣломъ направленіи была глубокая историческая основа и что, кромѣ непосредственнаго результата практическихъ нововведеній, эта историческая основа, выставленная страшной энергіей Петра, производила на умы могущественное *нравственное* впечатлѣніе, и способность создать это впечатлѣніе должна быть также занесена въ итогъ его дѣятельности.

„Однимъ словомъ, онъ кажется болѣе смѣтливымъ (ingénieux), чѣмъ дѣйствительно геніальнымъ. Даже его способъ управленія есть скорѣе способъ ремесленника (artisan), чѣмъ художника (artiste), скорѣе дѣятельнаго чиновника, чѣмъ государственнаго человѣка. Необыкновенный двигатель людей и вещей, онъ показываетъ въ управленіи ими изумительную ловкость, а также и удивительную способность ассимиляціи, какую, въ меньшей степени, можно видѣть еще теперь у перваго встрѣчнаго русскаго, который, покинувъ берега Дона, гдѣ онъ не видалъ никогда машины и фабрики, и въ нѣсколько недѣль, проведенныхъ въ какомъ-нибудь промышленномъ центрѣ запада, научается послѣднимъ усовершенствованіямъ новѣйшаго мастерства и умѣнью примѣнить ихъ къ дѣлу у себя дома. Но у него нѣтъ идеи, которая была бы его собственностью, и онъ дешево цѣнитъ оригинальность у другихъ... И самое подражаніе иноземному не было въ Россіи изобрѣтеніемъ самого Петра, потому что со временъ Бориса Годунова тамъ не дѣлали ничего другого (?). Небольшой ручей ввоза польскаго происхожденія, струйку воды, которая медленно впитывалась въ сухую почву страны, Петръ смѣнилъ цѣлымъ потокомъ, водопадомъ, лавиной произведеній нѣмецкихъ, голландскихъ, англійскихъ, французскихъ, итальянскихъ. Трудъ механическій, всегда поверхностный и иногда неразумный, привязанный къ преслѣдованію внѣшнихъ цѣлей безъ всякой заботы о дальнѣйшихъ возможныхъ послѣдствіяхъ; трудъ разнородный, безсвязный и дурно подобранный, во многихъ пунктахъ безполезный и въ другихъ совершенно вредный; голландскій флотъ, нѣмецкая армія, шведское правленіе, нравы Версаля и лагуны Амстердама стоятъ въ одномъ ряду заимствованій; никакого по-

ниманія идеальной стороны предпринятаго дѣла, но постоянное подчиненіе готовымъ идеямъ...

„Однако, я указывалъ въ немъ идеалиста; я не отказываюсь отъ этого; онъ идеалистъ въ той долѣ его самого, которая ускользаетъ отъ случайностей и непослѣдовательности его ежедневнаго вдохновенія; онъ въ своей манерѣ идеалистъ—тѣмъ общимъ подчиненіемъ своей мысли и постояннымъ пожертвованіемъ своей личности той цѣли, которая не имѣетъ ничего матеріальнаго и непосредственно осязательнаго: грандіозное будущее, которое онъ считаетъ предназначеннымъ для его страны. Нельзя сказать, чтобы среди увлеченій и постоянныхъ волненій его карьеры и при короткомъ районѣ его зрѣнія, эта цѣль когда-нибудь получила совсѣмъ опредѣленныя очертанія... Далекій горизонтъ, къ которому стремится его бѣгъ, именно потому, что онъ такъ далекъ, сохраняетъ въ его глазахъ неясный видъ, смутныя линіи, что-то колеблющееся между военнымъ станомъ, наполненнымъ шумомъ оружія, и пчелинымъ ульемъ въ его плодотворной дѣятельности, очагъ жизни промышленной, умственной, даже художественной. И такъ онъ видитъ сны, но съ открытыми глазами; удовлетворяя даже въ этомъ отношеніи своему положительному духу, онъ въ концѣ концовъ почти схватываетъ и овладѣваетъ этимъ сномъ, этимъ призракомъ могущества и славы, силою своихъ стремленій и энергіею своей вѣры. Онъ дѣлаетъ больше: онъ обезпечиваетъ прочность этой галлюцинаціи далекаго чудеснаго будущаго, заставляя своихъ подданныхъ принять ее (?); возвышенный деспотъ, онъ ударами дубины и ударами топора вводитъ ее въ мозгъ ихъ костей. Изъ народа грубыхъ людей (de brutes) онъ дѣлаетъ народъ людей восторженныхъ (d'illuminés). Онъ оставляетъ послѣ себя болѣе чѣмъ легенду,—онъ оставляетъ религію, которая, наперекоръ другимъ религіямъ, одухотворяется вмѣсто того, чтобы дѣлаться матеріальной, въ наивныхъ сознаніяхъ, въ которыя она заложена. Нынѣшняя „святая Русь“, какъ онъ практическая, какъ онъ грубая, еще сверхъ того мистическая, какую мы теперь видимъ, многоглавый мессія, Россія намѣревающаяся возродить старую Европу, затопляя ее, есть дитя его дѣлъ.

„Да, это идеалистъ, это мечтатель, это великій поэтъ въ дѣйствіи, этотъ плотникъ съ мозолистыми руками,—какъ такимъ поэтомъ и мечтателемъ будетъ Наполеонъ, этотъ солдатъ математикъ съ мѣньшими странностями въ своихъ представленіяхъ (я говорю о Петрѣ), съ болѣе разсудительнымъ пониманіемъ возможностей и болѣе реальнымъ вліяніемъ на будущее“ (157—161).

Опять нѣсколько странная смѣсь широкихъ, даже поэтическихъ представленій объ историческомъ явленіи Петра съ невысокимъ представленіемъ о качествѣ его ума и съ грубыми представленіями о русскомъ народѣ. Въ изображеніи историка, на нашъ взглядъ, личность Петра двоится. Читая однѣ страницы, наполненныя строгими или насмѣшливыми сужденіями о свойствахъ его „генія", даже отрицаніемъ этого генія, не легко перейти къ другимъ страницамъ, гдѣ историкъ оказывается подъ вліяніемъ грандіознаго историческаго явленія. Въ самомъ дѣлѣ, если самъ авторъ, какъ мы видѣли, отвергаетъ теорію героевъ, являющихся какъ deus ex machina и по собственному усмотрѣнію измѣняющихъ ходъ исторіи; если Петръ, по представленію историка, былъ воплощеніемъ, олицетвореніемъ самого русскаго народа, то какимъ образомъ преобразованіе могло состояться только потому, что Петръ насильственно, а именно дубиной и топоромъ, „заставлялъ" своихъ подданныхъ принять свою галлюцинацію, притомъ такую недостаточную, ограниченную, близорукую? Русскій народъ до Петра представляется историку собраніемъ полудикихъ людей (brutes); но историкъ могъ бы сдѣлать болѣе правильное заключеніе, что реформа пустила корни именно потому, что Петръ былъ только олицетвореніемъ своего народа, и что въ самомъ народѣ была своя собственная энергія, которая только находила въ немъ исходъ. Наконецъ, „дубина и топоръ" могутъ быть совсѣмъ фальшивой фразой, если припомнить, что *никакая* сила не могла покорить тѣхъ противниковъ реформы, какихъ представлялъ, напримѣръ, расколъ. Историкъ могъ бы кромѣ того весьма ограничить свой высокомѣрный отзывъ о русскомъ народѣ, еслибы сдѣлалъ одно соображеніе: вплоть до реформы и долго послѣ масса русскаго народа, по условіямъ своей исторіи, была лишена образовательной культуры; она пребывала въ томъ патріархальномъ состояніи, въ какомъ пребывала масса и у народовъ западной Европы въ теченіе среднихъ вѣковъ и даже гораздо позднѣе: примѣръ грубаго народнаго быта на западѣ можно найти и въ самыя времена Петра. Авторъ и далѣе сохраняетъ относительно русскаго народа ту же пренебрежительную точку зрѣнія, когда говоритъ о русскихъ народныхъ обычаяхъ; но эти обычаи принадлежали къ тому патріархальному содержанію, о которомъ мы говорили, и по существу, въ лучшихъ и худшихъ сторонахъ своихъ, мало отличались отъ патріархальнаго обычая народовъ европейскихъ, гдѣ онъ сохранялся. Разница только въ хронологіи, иногда даже не очень значительная. Новѣйшій историкъ оказы-

вается къ русскому народу едва ли не строже, чѣмъ бывали старые иностранные писатели о Россіи: лучшіе изъ нихъ, сожалѣя о недостаткѣ культуры, признавали, однако, за русскимъ народомъ многія прекрасныя свойства, и нравственныя и умственныя.

Но, какъ случается у нашего историка, мы находимъ у него же и совершенно правильное представленіе вещей. Разсказывая, между прочимъ по указаніямъ Посошкова, о печальномъ положеніи народнаго быта, унаслѣдованномъ отъ старины и гдѣ такъ много мѣсто занимала умственная лѣнь и неразвитость, Валишевскій замѣчаетъ:

„Все это не помѣшало совершиться великому нравственному перевороту. Петръ бросалъ въ родную почву на лету, неправильнымъ и немного капризнымъ образомъ, сѣмена, которыя созрѣютъ и принесутъ плоды, но сверхъ того онъ далъ своему народу примѣръ жизни, гдѣ прискорбные пороки, плодъ природныхъ недостатковъ, соединились съ самыми мужественными и самыми благородными добродѣтелями, и исторія показала потомъ, на какую сторону склонились вѣсы. Народъ въ сто милліоновъ развилъ въ глазахъ стараго европейскаго міра, изумленнаго и вскорѣ встревоженнаго, силу, элементы которой, конечно, не только матеріальные. Эту силу новѣйшая Россія почерпнула въ душѣ своего героя.

„Ему она обязана также и своими умственными успѣхами, хотя школьныя учрежденія великаго царствованія считаются не безъ основанія весьма неудачными“ (стр. 468).

Было бы слишкомъ долго, а также и однообразно слѣдить за книгой Валишевскаго, въ дальнѣйшемъ продолженіи которой мы найдемъ тѣ же взгляды и пріемы, какіе мы видѣли выше. Мы остановимся еще на заключительной главѣ, гдѣ авторъ сводитъ свои разысканія въ одно общее рѣшеніе.

„Я не безъ опасеній приступаю къ этой заключительной главѣ моей книги,—говоритъ онъ.—У подножія мавзолея, гдѣ въ день похоронъ покоились останки человѣка, самаго враждебнаго покою, какого когда-нибудь носила земля, находчивое вдохновеніе помѣстило символическое изображеніе скульптора и неоконченной фигуры, которую его рѣзецъ извлекалъ изъ куска мрамора. Латинская надпись прибавила къ этому слѣдующій комментарій, запечатлѣнный наивной искренностью:

„Пусть древность умолкнетъ; пусть Александръ и Цезарь уступятъ ему первенство. Побѣда была легка полководцамъ героя,

повелѣвавшаго непобѣдимыми войсками; но тотъ, кто успокоился только въ смерти, нашелъ въ своихъ подданныхъ не людей, жаждущихъ славы или способныхъ въ искусствѣ войны, или не боящихся смерти, но грубыхъ людей, едва достойныхъ названія человѣка, и онъ сдѣлалъ изъ нихъ существа цивилизованныя, хотя они были подобны медвѣдямъ, ихъ соотечественникамъ, и хотя они отказывались быть имъ наученными и просвѣщенными".

„Десять лѣтъ спустя, это первое сужденіе потомства было пересмотрѣно въ трибуналѣ судьи, конечно, компетентнаго. Наслѣдный принцъ прусскій, будущій Фридрихъ Великій, писалъ къ Вольтеру:

„Счастливыя обстоятельства, благопріятныя событія и невѣжество иностранцевъ сдѣлали изъ царя героическій призракъ; благоразумный историкъ, частію свидѣтель его жизни, поднимаетъ покрывало и показываетъ намъ этого государя со всѣми недостатками людей и съ малыми добродѣтелями. Это не есть уже тотъ универсальный умъ, который знаетъ все и который все хочетъ изслѣдовать, но это человѣкъ, управляемый фантазіями довольно новыми, чтобы произвести извѣстный шумъ и чтобы ослѣпить; это не есть уже тотъ неустрашимый воитель, который не боится и не знаетъ никакой опасности, но государь слабый и робкій, и котораго суровость покидаетъ въ опасностяхъ. Жестокій въ мирѣ, слабый на войнѣ"... (письмо отъ 13-го ноября 1737).

„Я останавливаюсь. Такъ рано начался и такъ далеко зашелъ вокругъ царственной памяти тотъ вѣчный раздоръ, который отнимаетъ великихъ мертвецовъ у покоя могилы. За границей, особливо во Франціи, въ Англіи и даже въ Германіи, порицаніе преобладало со временъ Бёрнета (Burnet) и Руссо, Фридриха и Кондильяка до Леруа-Больё, пропуская де-Местра и Кюстина. Въ Россіи общественное мнѣніе и историческая критика, шедшая отчасти у него на буксирѣ, принимали различныя направленія. Первое движеніе рѣзкой реакціи высказалось прежде всего въ смыслѣ страстнаго превознесенія прошедшаго, осужденнаго реформой, и было выражено въ книгѣ Болтина [1]). Царствованіе Елизаветы и особливо царствованіе Екатерины II прервали это движеніе, и въ книгѣ Голикова отразилось эхо общаго энтузіазма, возбужденнаго продолжательницей великаго царство-

[1]) Хронологія не совсѣмъ удачна, потому что книга Болтина вышла только въ концѣ столѣтія.

ванія [1]). Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія совершается возвратъ реакціонныхъ идей подъ двойнымъ вліяніемъ французской революціи и Наполеоновской гегемоніи; революціонныя предпріятія возбуждаютъ отвращеніе; національное чувство пробуждается въ Россіи, какъ и въ Германіи; славянофильство рождается съ одной стороны, какъ германофильство съ другой. Петръ и его дѣло осуждены. Затѣмъ новый поворотъ. Мнѣнія устаиваются. Нѣкоторые изъ представителей славянофильской школы сами приходятъ ыъ тому, что видоизмѣняютъ свой порицательный приговоръ и смягчаютъ его. Петръ невиновенъ уже въ томъ, что отвратилъ Россію отъ ея естественныхъ и болѣе счастливыхъ судебъ, бросая ее въ объятія чуждой и испорченной цивилизаціи. Онъ сдѣлалъ ошибку только тѣмъ, что слишкомъ рѣзко предпринялъ свои преобразованія, и этой поспѣшностью и насильственностью, которая стала для него необходимымъ орудіемъ, испортилъ эволюцію, которая безъ него исполнилась бы болѣе медленно и болѣе здраво. Это почти тотъ же взглядъ, къ которому присоединился Карамзинъ въ свои послѣдніе годы. Еслибы Петръ не накинулся на свою страну, какъ ураганъ, безжалостно вырывая изъ родной почвы всѣ туземныя сѣмена культуры и безъ разбора замѣняя ихъ мякиной, собранной на четырехъ концахъ Европы, отрывками ея рѣчей, лохмотьями ея одежды, обломками ея учрежденій, обрывками ея нравовъ, крохами ея обѣдовъ,—еслибъ не было этого, его дѣло не пробудило бы въ сердцѣ ни одного русскаго ни страха, ни отвращенія; но суровый и неразсудительный, грубый и циническій, хотѣвшій цивилизовать свой народъ ударами сорока-фунтовой дубиной, онъ могъ только немногимъ людямъ внушить желаніе учиться и любовь къ наукѣ. Другихъ онъ только испугалъ и сбилъ съ толку и они надолго застыли на одномъ мѣстѣ, оглушенные и испуганные...

„Въ этой формѣ славянофильскій взглядъ чувствительно приближается къ той точкѣ зрѣнія, довольно распространенной въ западной критикѣ. Я былъ бы готовъ признать справедливость этого взгляда, но, исключая изъ вопроса личную отвѣтственность Петра или, по крайней мѣрѣ, сводя ее къ извѣстной пропорціональности. Эта отвѣтственность, какъ мнѣ кажется, могла бы въ большой мѣрѣ получить въ свою пользу облегчающія обстоятельства. Представленіе о провиденціальномъ или ро-

[1]) Многотомныя „Дѣянія“ Голикова выходили одновременно съ книгою Болтина въ концѣ столѣтія и побужденіемъ къ нимъ было именно преклоненіе передъ дѣяніями Петра.

ковомъ человѣкѣ, оказывающемъ рѣшительное и произвольное дѣйствіе на ходъ человѣческихъ событій и на естественное развитіе народовъ, это представленіе, какъ я полагаю, всѣми теперь оставлено въ исторической наукѣ, отнесено въ разрядъ романическихъ фикцій. Дѣйствительность собирательныхъ силъ, окружающая и носящая великихъ передовыхъ борцовъ человѣческой драмы, наложила свое вліяніе на новѣйшіе умы. Она достаточно очевидна въ поприщѣ и въ дѣлѣ Петра. Его программа преобразованій исходитъ не отъ него. Одинъ ли онъ исполнялъ ее? Я вижу, что власть доставлена ему партіей; потомъ я вижу его окруженнымъ группою людей, которые направляютъ его и внушаютъ ему его первыя дѣйствія: Лефортъ, Виніусъ. Этихъ иностранцевъ онъ даже не самъ лично извлекъ изъ Швейцаріи или Голландіи. Онъ нашелъ ихъ на мѣстѣ, уже расположенныхъ играть роль, сообразную съ ихъ происхожденіемъ и ихъ естественными стремленіями; онъ нашелъ ихъ готовыми вступить на сцену. И далѣе, не одни иностранцы! Курбатовъ—русскій, и Меншиковъ, и Демидовъ. Но Сѣверная война и ея вліяніе на ходъ образовательнаго движенія? Я призналъ это вліяніе. Я долженъ былъ также признать, что, бросаясь въ эту войну, Петръ слѣдовалъ теченію. На дорогу къ Балтикѣ двинулись до него. Вооружались—также. Слѣдовательно, хотѣли драться. Но темпераментъ, характеръ, личное воспитаніе великаго человѣка? Я указывалъ эти элементы. Но только я старался отмѣтить, откуда они происходили. Я прямо указывалъ Нѣмецкую слободу, первую воспитательницу юнаго царя. Развѣ Петръ помѣстилъ ее здѣсь, у порога старой столицы? Я обращалъ вниманіе читателя на основу грубости, дикой энергіи, столь очевидную въ душѣ и въ тѣлѣ народа, изъ котораго вышелъ великій человѣкъ. Вышелъ ли онъ одинъ въ эту минуту? Меншиковъ не походитъ ли на него многими чертами? Иногда онъ кажется какъ будто Созіей. И другіе, Ромодановскій съ его кровожадными вспышками, Шереметевъ съ его героической стойкостью? Наконецъ, я готовъ предположить его одинокимъ и единственнымъ, возстающимъ какъ исключительный феноменъ, падающимъ съ неба какъ аэролитъ, который увлекаетъ окружающіе элементы быстротою своего паденія и тяжестью своей массы. Я призвалъ бы еще къ допросу геній народа, способнаго подчиняться такимъ случайностямъ; я пересмотрѣлъ бы все его прошедшее, и сдѣлалъ бы ихъ прежде всего отвѣтственными за катастрофу; но въ исторіи народной массы, о которой идетъ рѣчь, я вовсе не вижу, чтобы ею можно было двигать такъ легко и вести ее

туда, гдѣ ей нечего дѣлать... Путь намѣченъ былъ до Петра; направленіе не измѣнилось послѣ него. Дѣло преобразователя не остановилось съ теченіемъ его существованія; оно продолжало развиваться наперекоръ незначительности его прямыхъ преемниковъ; оно сохранило тотъ же характеръ: оно всегда было насильственное, преувеличенное и поверхностное. Нуждаюсь ли я въ другихъ доказательствахъ, чтобы признать происхожденіе и родство этого дѣла, чтобы провозгласить, что оно есть дѣтище всей Россіи?

„Петръ есть также человѣкъ своего народа и своего времени. Онъ пришелъ въ свой часъ. Народная пѣсня этой эпохи разсказываетъ о печали какого-то неизвѣстнаго героя, страдающаго отъ избытка силъ, которыя онъ въ себѣ чувствуетъ, которыми онъ отягощенъ, и которыя не знаетъ на что направить. Это образъ и жалоба цѣлаго народа. Россія тѣхъ временъ переполнена такимъ избыткомъ физической и нравственной энергіи, осужденной на бездѣятельность вслѣдствіе ничтожества общественной жизни. Героическія времена прошли; герои остались. Петръ приходитъ кстати, чтобы дать имъ работу. Онъ грубъ и жестокъ; но не забудемъ, что онъ имѣетъ дѣло съ темпераментами, не похожими на тѣ, къ какимъ мы привыкли, съ такою силой и съ такимъ упорствомъ, о которыхъ мы только съ трудомъ можемъ себѣ составить понятіе...

„Петръ циниченъ и безнравственъ. Въ немъ прежде всего сказывается въ отталкивающихъ формахъ эта смѣсь туземной дикости съ западной испорченностью, осуждаемая порицателями его дѣла. Откуда онъ ее пріобрѣлъ? Я вижу, что онъ зараженъ ею гораздо раньше его перваго пребыванія за границей. Супружескія несчастія Евдокіи и побѣды Анны Монсъ предшествуютъ великому путешествію... Но, съ другой стороны, примѣромъ самыхъ великолѣпныхъ добродѣтелей не далъ ли онъ своимъ людямъ средства подняться изъ порочныхъ элементовъ, какъ поднимался онъ самъ?

„Наконецъ, Петръ есть человѣкъ нетерпѣливый и вспыльчивый. Въ этомъ отношеніи, я убѣжденъ, его умъ, его характеръ и темпераментъ составляютъ только выраженіе состоянія коллективной души; его рѣзкая, порывистая и лихорадочная дѣятельность составляетъ проявленіе общаго феномена. Если онъ самъ не отдавалъ себѣ точнаго отчета въ дѣйствительномъ значеніи своей роли, роли волны въ поднимающемся приливѣ,—она увлекаетъ за собою другія волны, но ее самоё несетъ приливъ подъ толчкомъ отдаленныхъ и не поддающихся исчисленію силъ,—

въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Его заблужденіе въ этомъ отношеніи было раздѣляемо другими славными дѣятелями, и въ данномъ случаѣ даже проницательные свидѣтели могли въ этомъ ошибаться. На разстояніи понять вещи легче. Приливъ бросается въ глаза и ходъ феномена рисуется отчетливо.

„Мнѣ кажется, что этотъ ходъ намѣченъ былъ въ теченіе многихъ вѣковъ; онъ долго былъ замедленъ, потомъ онъ сдѣлался быстрымъ вслѣдствіе цѣлой массы причинъ, совершенно независимыхъ отъ воли одного или многихъ людей; и потому, мнѣ кажется, отвѣтственности личныя или генерическія должны быть почти совершенно устранены въ этомъ вопросѣ.

„Эволюція, которая ввела или, скорѣе, возвратила Россію въ европейскую семью, приняла рѣзкій характеръ послѣ того, какъ она была заготовляема задолго, потому что такъ хотѣли условія, наложенныя на историческую жизнь страны. Рѣзко остановленное въ тринадцатомъ столѣтіи, дѣло цивилизаціи только въ концѣ семнадцатаго встрѣтило обстоятельства, благопріятныя тому, чтобы снова начать восходящее движеніе, и, нашедши тогда свободные пути, оно естественно ускорило свое теченіе, естественно также слѣдуя по каналамъ, которые были прорыты передъ нимъ, и отказываясь открывать себѣ новые и особенные пути. Извѣстное явленіе разлитія рѣкъ даетъ точную картину событія.

„То, что произошло въ этомъ отношеніи въ Россіи въ нравственномъ порядкѣ вещей, происходитъ впрочемъ каждый день передъ нашими глазами въ дѣлахъ матеріальныхъ. Все въ этой странѣ дѣлается рѣзко. Растительность имѣетъ здѣсь періодъ дѣятельности гораздо болѣе ограниченный, чѣмъ въ сосѣднихъ странахъ, и это отзывается на способахъ культуры...

„По той же причинѣ и эта эволюція была насильственная... Послѣднія реформы, совершеніе которыхъ Россія видѣла въ теченіе этого вѣка, имѣли тотъ же характеръ, хотя въ меньшихъ размѣрахъ...

„Изучая послѣдствія, какія имѣло для Россіи поспѣшное дѣло Петра, одинъ писатель высокаго значенія [1]) открылъ четыре неблагопріятныя явленія — зло нравственное, умственное, общественное и политическое. Я не отвѣчаю за число, но охотно призналъ бы, что, ставя такъ быстро, какъ онъ это сдѣлалъ, старую московскую грубость въ соприкосновеніе съ скептической развращенностью запада, реформаторъ выигралъ только возможность произвести нѣкогда цинизмъ, столь же возмутительный для

[1]) Леруа-Больё, L'empire des Tsars.

старыхъ русскихъ, какъ для ихъ европейскихъ сосѣдей; что, совершая насилія надъ своими подданными строгостью своихъ законовъ, жестокостью своихъ наказаній, онъ достигъ того, что научилъ ихъ лицемѣрію и низости и, съ такимъ абсолютнымъ презрѣніемъ ставя ни во что прошедшее, національныя преданія, учрежденія и даже предразсудки, онъ успѣлъ создать состояніе умовъ, отъ котораго могъ произойти новѣйшій нигилизмъ. Это въ нравственномъ отношеніи. И я думаю еще, что чрезмѣрное и слишкомъ быстрое развитіе его способностей ассимиляціи имѣло слѣдствіемъ, съ умственной точки зрѣнія, усилить въ его народѣ недостатокъ оригинальности личности, какой уже былъ у него отъ природы и отъ исторіи, и уничтожить у него всякій духъ иниціативы; что съ общественной точки зрѣнія необходимо поверхностный результатъ слишкомъ поспѣшной культуры произвелъ слишкомъ опасный разладъ между высшими и низшими слоями общества, изъ которыхъ одни исключительно пропитывались нравами и идеями запада, а другіе остались непроницаемы; наконецъ, что съ политической точки зрѣнія быстрое введеніе иностранныхъ правительственныхъ формъ не позволило организаціи, навязанной такимъ образомъ странѣ, согласоваться съ ея естественными наклонностями и стремленіями. Я нахожу все это и нахожу еще много другихъ вещей"... А именно, историкъ собираетъ еще подобныя осужденія „слишкомъ поспѣшной" реформы, подкрѣпляя себя Кюстиномъ, Сумароковымъ, Левекомъ, де-Местромъ (on rampe vers la science, on n'y vole pas), наконецъ Костомаровымъ. Въ заключеніе онъ самъ замѣчаетъ: „Но все это не сводится ли въ концѣ концовъ къ тому, чтобы сказать, что татары лучше бы сдѣлали, еслибы не произвели нашествія на Россію въ тринадцатомъ столѣтіи, предоставивъ ей свободно цивилизоваться по своему вкусу и на свой ладъ, въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ"?

„Что касается до самостоятельныхъ сѣмянъ культуры, которыя реформа Петра, въ глазахъ ея порицателей, будто бы пренебрегла или уничтожила, этотъ вопросъ стоитъ такъ же, какъ вопросъ о русскомъ искусствѣ въ постройкахъ московскаго Кремля. Споръ между археологами и художественными критиками наталкивается на трудность открыть въ нихъ самобытныя черты зодчества или орнамента внѣ болѣе или менѣе замаскированныхъ заимствованій изъ искусства Византіи или Рима, греческой древности, нѣмецкихъ среднихъ вѣковъ или итальянскаго Возрожденія. Вообще говоря, я не думаю, чтобы со стороны реформатора былъ здѣсь понесенъ какой-нибудь значительный ущербъ особливо

драгоцѣнныхъ матеріаловъ... Вообще, чего существеннаго Петръ не призналъ или не уничтожилъ? Онъ не коснулся самодержавія и только одѣлъ по-европейски чиновниковъ".

Историкъ останавливается потомъ на замѣчаніяхъ о томъ, что реформа обошлась Россіи слишкомъ дорого, ссылаясь при этомъ на книгу г. Милюкова. Онъ согласенъ, что цѣна была дорогая: „но, — замѣчаетъ онъ, — въ концѣ концовъ Россія заплатила и, принимая въ соображеніе пріобрѣтенные результаты, кто изъ русскихъ захотѣлъ бы теперь уничтожить этотъ торгъ, кровавый договоръ, заключенный его предками съ ихъ страшнымъ деспотомъ? Она заплатила и не оказалась бѣднѣе по инвентарю 1725 года. Преемники великаго расточителя въ теченіе сорока лѣтъ, до воцаренія Екатерины II, жили его наслѣдствомъ, и вдова Петра III на остатки этого наслѣдства могла занять въ Европѣ положеніе, которое извѣстно.

„Я думаю также, — и изъ всѣхъ критикъ дѣла Петра эта затронула бы меня всего больше,—что это дѣло было предпринято съ точки зрѣнія исключительно утилитарной, пренебрегавшей другими, самыми благородными, элементами культуры и цивилизаціи. Россія Петра Великаго есть лагерь, фабрика; это не есть ни очагъ свѣта, ни очагъ тепла, откуда съ благородными открытіями науки, съ блестящими стремленіями искусства идутъ лучами въ міръ высокія идеи, которыя составляютъ честь другихъ историческихъ странъ и ихъ лучшее право на славу. Я думаю впрочемъ, что славянофильскій пессимизмъ вышелъ изъ этого соображенія, которое въ 1764 явилось у Бецкаго, художественнаго сотрудника Екатерины II, и которое обдумывалъ потомъ Щербатовъ. Петръ сдѣлалъ изъ своихъ русскихъ народъ чиновниковъ, рабочихъ и солдатъ, но не народъ мыслителей и художниковъ. Человѣкъ практическій, положительный, онъ научилъ ихъ или старался научить употребленію усовершенствованнаго оружія, чтенію, счету, но не научилъ благороднымъ порывамъ ума и сердца, стремленію къ гуманитарному идеалу, культу красоты, а тѣмъ менѣе добротѣ, состраданію. Быть можетъ, размышляя объ этомъ, найдутъ дѣло естественнымъ и потому извинительнымъ. Исторія, географическія и климатическія условія, которыя я уже указывалъ, и которыя присутствовали при рожденіи и развитіи Россіи, сдѣлали изъ его существованія постоянное военное положеніе. Не имѣя естественныхъ границъ, при неблагопріятномъ климатѣ, Россія была и еще находится въ борьбѣ съ особенной коалиціей враждебныхъ элементовъ, съ людьми и вещами, съ сосѣдями и съ самой природой, для за-

щиты своей земли и для пріобрѣтенія насущнаго хлѣба. Поэтому инстинктъ сохраненія, самый тривіальный изъ всѣхъ инстинктовъ, принялъ въ ней такое развитіе, матеріальныя заботы получили такое преобладаніе, которыя легко объясняются. Наклонность къ лѣни тѣла и къ оцѣпенѣнію души, съ внезапными пробужденіями суровой воинственности, соединились въ ней подъ вліяніемъ длинныхъ періодовъ вынужденной бездѣятельности. Таковы были условія, изъ которыхъ вышелъ Петръ и его дѣло. Онъ былъ великій идеалистъ на свой образецъ, подчиняя все своему представленію, своей мечтѣ о Россіи, не только способной защитить и расширить свое матеріальное достояніе, но и способной нѣкогда потребовать себѣ умственнаго наслѣдія Греціи и Италіи. Это была только мечта. Дѣйствительность тотчасъ возвратила ее къ первоначальнымъ условіямъ, къ войнѣ за жизнь, и онъ остался воителемъ, по неволѣ занятымъ прежде всего тѣмъ, чтобы дать себѣ и дать своему народу мускулы и орудія для работы и для битвы.

„Могутъ ли быть уничтожены эти условія? Самые проницательные пророки потерпѣли слишкомъ большую неудачу, задаваясь вопросомъ о судьбахъ великой имперіи, и я не пойду по ихъ слѣдамъ. Европа не стала еще ни республиканской, ни казацкой. Прежде, чѣмъ она сдѣлается такой, новѣйшая Россія, быть можетъ, осуществитъ чаяніе своего творца, заимствуя у запада свои истинные, свои единственные несокрушимые элементы могущества и величія“.

Мы далеко не сполна указали содержаніе книги Валишевскаго, но, полагаемъ, привели достаточно примѣровъ его сужденій, чтобы дать понятіе объ его общемъ взглядѣ. Книга, во-первыхъ, свидѣтельствуетъ о томъ интересѣ, какой начинаетъ возбуждать русская исторія въ иностранной литературѣ; во-вторыхъ, что къ этому интересу присоединяется, еще не очень давно почти не существовавшее, знакомство съ русскими источниками. Валишевскій, какъ мы упоминали, владѣетъ этими источниками въ значительномъ количествѣ, хотя не вполнѣ; за то прибавляетъ къ нимъ нѣкоторыя новыя данныя изъ западныхъ архивовъ. Онъ, какъ видно, не вполнѣ знакомъ и съ нашей литературой по поводу Петра Великаго. Впрочемъ того все-таки значительнаго матеріала, который былъ въ его рукахъ, было достаточно для изученія личности и дѣла Петра Великаго.

Въ его собственномъ взглядѣ, какъ намъ кажется, остается нѣкоторое колебаніе между удивленіемъ, какое невольно извле-

кала необыкновенная личность, и отрицаніемъ, какое возбуждали въ немъ многія несочувственныя черты этой личности, а также и колебаніе между признаніемъ великаго историческаго значенія его дѣла и суровой критикой пріемовъ преобразованія. Мы видѣли примѣры того и другого, и взгляды писателя могутъ возбуждать недоумѣніе: чѣмъ же было цѣнно преобразованіе, пріемы котораго были такъ мелки и которое однако приносило столь великій историческій результатъ, что Петръ становился „творцомъ“ новѣйшей Россіи? И какъ могъ быть достигнутъ этотъ результатъ „коллективной“ личностью Петра, когда Валишевскій столь невысокаго мнѣнія о культурѣ и просвѣщеніи русскаго народа, который до Петра вызываетъ у него великое пренебреженіе (brutes)? Относительно этого послѣдняго мы замѣчали, что современный писатель относится къ русскому народу до-Петровскихъ временъ гораздо суровѣе, чѣмъ старые иностранные писатели о Россіи, которые сами видѣли этотъ народъ; въ то же время авторъ находилъ въ этомъ народѣ великую „нравственную и физическую энергію“, хотя и не развитую, и наконецъ опять заставляетъ недоумѣвать о качествахъ этого народа, когда изображаетъ именно воплощеніемъ и олицетвореніемъ этого народа историческаго дѣятеля, котораго самъ считаетъ единственнымъ въ исторіи. Не говоря объ этихъ неясностяхъ и противорѣчіяхъ, можно пожалѣть, что авторъ не воздержался отъ огульныхъ враждебныхъ приговоровъ о цѣломъ народѣ, — такіе приговоры не внушаютъ теперь довѣрія.

Есть и другія неточности въ общихъ выводахъ историка. Возводя развитіе русскаго народа къ его естественнымъ условіямъ, авторъ относитъ къ нимъ, какъ необходимость, и тѣ рѣзкіе перевороты, изъ которыхъ величайшими была реформа Петра. Выводъ слишкомъ широкъ. Съ одной стороны, одинъ изъ существенныхъ переворотовъ старой русской исторіи, основаніе московскаго царства, совершился очень медленно на пространствѣ нѣсколькихъ столѣтій; съ другой стороны, жизнь каждаго изъ европейскихъ народовъ испытывала также величайшіе и рѣзкіе внутренніе перевороты, религіозные, культурные и политическіе, и послѣдній произошелъ не далѣе, какъ въ концѣ восемнадцатаго вѣка.

Самый ходъ реформы, хотя еще не изслѣдованъ сполна, выясненъ однако настолько, что о немъ можно было бы говорить съ большею опредѣленностію. Въ одномъ мѣстѣ самъ Валишевскій указываетъ, что реформа подготовлялась задолго; слѣдовательно, можно было бы только съ извѣстными ограни-

ченіями говорить объ ея внезапности и поспѣшности. Но еще страннѣе говорить о слишкомъ поспѣшномъ перенесеніи къ намъ европейской культуры, вслѣдствіе котораго произошла и порча нравовъ и умственные недостатки (отсутствіе оригинальности и т. п.). Напротивъ, бѣда была именно въ томъ, что культура вводилась въ размѣрахъ очень ограниченныхъ: Петръ, руководясь потребностью минуты, дѣйствительно стремился къ цѣлямъ утилитарнымъ, но мысль объ основаніи академіи наукъ показываетъ однако, что ему представлялась, хотя бы и нѣсколько неопредѣленно (онъ не былъ конечно ученый человѣкъ), необходимость водворенія въ русской жизни настоящей науки (вспомнимъ, что академія должна была быть и ученымъ и учебнымъ учрежденіемъ). Ему самому не удалось этого исполнить, и скорѣе виною его преемниковъ была малая забота о школѣ: только къ концу царствованія Елизаветы былъ основанъ московскій университетъ; въ долгое царствованіе Екатерины II не было основано ни одного университета. Невозможно поэтому сказать, чтобы перенесеніе европейской культуры было слишкомъ поспѣшно. Та испорченность нравовъ, которая происходила отъ „соприкосновенія съ западной развращенностью", относится только къ извѣстной долѣ высшаго слоя, и достаточно взглянуть на произведенія нашей еще неопытной литературы восемнадцатаго вѣка, чтобы видѣть, что эта испорченность вызывала осужденія, и затѣмъ великой заслугой лучшихъ людей общества восемнадцатаго вѣка была ревностная, даже страстная, забота о расширеніи просвѣщенія, недостатокъ котораго они ясно видѣли: назовемъ Ломоносова, Татищева, Новикова. И донынѣ лучшая часть общества живо чувствуетъ этотъ недостатокъ.

Въ одномъ мѣстѣ авторъ замѣчаетъ, что онъ—небольшой поклонникъ такъ-называемыхъ принятыхъ истинъ, потому что обращеніе къ самымъ источникамъ нерѣдко весьма измѣняетъ эти истины: правило прекрасное, и мы думаемъ, что еслибы историкъ обратился къ источникамъ относительно умственной и нравственной жизни русскаго общества восемнадцатаго столѣтія, онъ значительно измѣнилъ бы свои выводы объ историческомъ дѣйствіи реформы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о самомъ ея существѣ. Современники и ближайшее потомство, безъ сомнѣнія, знали или чувствовали крайности реформы, видѣли жестокія и отталкивающія черты многихъ дѣйствій Петра (быть можетъ, новѣйшій историкъ иногда понялъ бы ихъ правильнѣе, еслибы смотрѣлъ на нихъ какъ на явленіе патологіи), но за ними они умѣли оцѣнить другое, чего и новѣйшій историкъ не могъ не замѣтить,

но чему они придали больше значенія—эту всегдашнюю мысль Петра о его „службѣ“ своему народу, его неустанную работу, которой онъ отдавался съ настоящимъ самопожертвованіемъ, его вѣчную заботу о распространеніи тѣхъ знаній (какъ бы онъ ни понималъ ихъ), пріобрѣтеніе которыхъ онъ считалъ необходимымъ для народнаго блага. Историкъ не можетъ обойти безъ вниманія того факта, что въ теченіе двухъ столѣтій имя Петра остается освященіемъ и защитой тѣхъ стремленій къ просвѣщенію, которыя въ теченіе этихъ столѣтій не однажды подвергались самымъ тяжелымъ испытаніямъ со стороны никогда не переводившагося у насъ грубаго обскурантизма. Новыя изслѣдованія ограничили чрезмѣрную идеализацію, которая со временъ Ломоносова удержалась до Пушкина; мы достаточно видимъ свѣтъ и тѣни той эпохи; но несмотря на все это въ нашей исторіи нѣтъ другого лица, память котораго оставалась бы олицетвореніемъ стремленій къ національному величію и просвѣщенію.

А. Пыпинъ.

ИЗЪ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

Посвящается памяти моей жены.

Марусю въ гробикѣ свезли и схоронили.
А мы, въ бездѣйствіи томительной тоски,
То порознь, то вдвоемъ все въ дѣтскую ходили
Взглянуть на кресельце, игрушки, башмачки...
Какой-то силою мучительной и сладкой
Тянуло насъ къ тому, что̀ было близко къ ней.
Надъ всѣмъ грустили мы; но предъ ея кроваткой,
Пустою, безъ бѣлья, грустили мы больнѣй.
Обоихъ, наконецъ, насъ утомило горе.
Мы сѣли отдохнуть; но, заглянувъ въ окно,
Увидѣли, что ночь уже настанетъ вскорѣ;
Что было на дворѣ почти совсѣмъ темно,
И капли по окну струились дождевыя.
И мы очнулися. И ночь, и дождь идетъ;
Всѣ—дома; нѣтъ одной Маруси; и впервые
Нѣтъ страха за нее, и нѣтъ о ней заботъ.
Ея отсутствіе и няню не тревожитъ.
Маруси нѣтъ... Но здѣсь и быть она не можетъ.
Тамъ, одинокая, спокойно спитъ она.
Ни мы не нужны ей, ни няня не нужна.
И нестерпимо намъ обоимъ горько стало.
Моя жена тоской измучилась; но днемъ
Ей трудно плакалось; теперь она рыдала.
И вмѣстѣ въ темнотѣ мы плакали. Потомъ
Затихли близъ меня послѣднія рыданья
И наступила тишь покоя и молчанья.

Такъ глубока была, такъ длилась тишина,
Что стало жутко мнѣ. Тихонько вставъ со стула,
Я засвѣтилъ огонь—и вижу, что жена,
Въ изнеможеніи, поникла и заснула...

Алексѣй Жемчужниковъ.

КАПИТАЛИЗМЪ

ВЪ

РОССІИ

I.

По приблизительному разсчету, въ предѣлахъ россійской имперіи существуетъ около 25 тысячъ фабрикъ и заводовъ, съ полуторамилліонною массою рабочихъ и съ производительностью въ размѣрѣ до двухъ милліардовъ рублей въ годъ; однѣ фабрики по обработкѣ волокнистыхъ веществъ производятъ на 620 милліоновъ рублей ежегодно, т.-е. почти столько же, сколько составляетъ стоимость всего нашего заграничнаго вывоза. Однихъ горнозаводскихъ рабочихъ считается до 500 тысячъ; горные промыслы и металлургія даютъ продуктовъ на 350 милліоновъ рублей въ годъ. Бумагопрядильныя и ткацкія фабрики занимаютъ около 225 тысячъ рабочихъ, при общемъ годовомъ заработкѣ ихъ въ 45 милл. рублей [1]). Такъ какъ многіе про-

[1]) По оффиціальнымъ даннымъ за 1893 годъ, опубликованнымъ въ концѣ прошлаго года, числилось всего заводовъ и фабрикъ 22.483; годовая сумма ихъ производства — 1.759.331.000 руб.; рабочихъ всего — 1.406.775 (1.094.973 мужчинъ и 311.803 женщинъ). Сводъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи за 1893 годъ. Спб., 1896, стр. 77, 86 и слѣд.—По другимъ свѣдѣніямъ, всѣхъ вообще фабрикъ и заводовъ считается въ одной Европейской Россіи и на Кавказѣ—25.386, и общая цифра ихъ производительности опредѣляется въ 1.280.301.000 р. См. Н. Нестеровъ, Пояснительная записка къ картамъ фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи, Москва, 1895, стр. 85.— Ср. также: Производительныя силы Россіи, Спб., 1896, отд. VII, стр. 58, и отд. VIII, стр. 6.

мыслы, причисляемые къ кустарнымъ или домашнимъ, устроены въ сущности на капиталистическихъ началахъ, съ участіемъ наемныхъ рабочихъ, то общая цифра промышленнаго рабочаго класса должна быть значительно выше оффиціальной, и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что не менѣе двухъ милліоновъ человѣкъ занято въ различныхъ отрасляхъ нашей промышленности, въ качествѣ болѣе или менѣе постоянныхъ наемныхъ работниковъ, не имѣющихъ самостоятельнаго хозяйства. Цифра эта еще болѣе увеличится, если мы примемъ во вниманіе многочисленные разряды рабочихъ, находящихъ себѣ занятія въ предпріятіяхъ торговыхъ, въ дѣлахъ по перевозкѣ и сбыту товаровъ, на желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ и т. п. Обширный классъ лицъ, не имѣющихъ никакого собственнаго имущества и живущихъ исключительно работою по найму, несомнѣнно у насъ существуетъ; онъ давно уже выдѣлился изъ среды земледѣльческаго населенія, съ которымъ сохраняетъ лишь внѣшнія формальныя связи. Промышленное и въ частности фабрично-заводское производство, по общей стоимости своихъ продуктовъ, быстро перегоняетъ нашу хлѣбную производительность; съ каждымъ годомъ расширяется кругъ предпріимчивости, направленной на добываніе и разработку природныхъ богатствъ; все чаще и сильнѣе привлекаются иностранные капиталы къ основанію новыхъ предпріятій и къ расширенію или улучшенію прежнихъ,—тогда какъ земледѣліе стоитъ на одной точкѣ или даже обращается вспять, благодаря вырубкѣ лѣсовъ и хищническому истощенію почвы.

Въ виду этихъ безспорныхъ и общеизвѣстныхъ фактовъ, подтверждаемыхъ краснорѣчивыми цифрами, нельзя придавать серьезное значеніе продолжающимся спорамъ о томъ, предстоитъ ли намъ пережить „капиталистическую стадію развитія“ и не можемъ ли мы миновать ее при помощи общины и артелей. Промышленный капитализмъ ростетъ и крѣпнетъ у насъ не потому, что его искусственно насаждаетъ и поддерживаетъ ошибочная экономическая политика; онъ развивается, несмотря на эту ошибочную политику, и развивался бы еще свободнѣе и шире, еслибы его не вела на помочахъ односторонняя покровительственная система, поощряющая самодовольную рутину, неподвижность и стремленіе къ монополіямъ. Неправильная покровительственная система чрезмѣрно увеличиваетъ доходность капиталистическихъ предпріятій на счетъ населенія, но не создаетъ условій для развитія капитализма тамъ, гдѣ нѣтъ для него почвы. Наша фабрично-заводская промышленность поглощаетъ лишь часть тѣхъ рабочихъ силъ, которыя неизбѣжно отпадаютъ отъ земледѣлія и

являются для него излишними; нашъ промышленно-рабочій классъ, какъ бы многочисленъ онъ ни былъ, составляетъ и будетъ еще долго составлять ничтожный процентъ сельскаго населенія, едва ли доходящій до размѣровъ его естественнаго періодическаго прироста. Фабрики и заводы притягиваютъ къ себѣ только нѣкоторую долю избыточнаго крестьянскаго элемента, фактически уже оторваннаго отъ земли или не находящаго себѣ примѣненія въ деревнѣ; поэтому промышленный капитализмъ самъ по себѣ нисколько не задѣваетъ интересовъ крестьянскаго землевладѣнія и скорѣе облегчаетъ, чѣмъ ухудшаетъ условія народнаго сельскохозяйственнаго быта.

Въ спеціальномъ изслѣдованіи о положеніи фабричныхъ рабочихъ въ трехъ промышленныхъ уѣздахъ московской губерніи, г. Е. Дементьевъ приводитъ много любопытныхъ свѣдѣній, характеризующихъ внутренній составъ и бытъ нашего рабочаго класса вообще. Въ промышленныхъ заведеніяхъ, работающихъ безъ механическихъ двигателей, участвуютъ преимущественно крестьяне, свободные отъ земледѣльческихъ занятій въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ; на лѣто они уходятъ на полевыя работы, не соблазняясь никакими фабричными приманками, и слѣдовательно связь ихъ съ землею не ослабляется подъ вліяніемъ фабрикъ, дающихъ имъ зимній заработокъ. Такъ, ручные ткачи бумаготкацкихъ мануфактуръ большею частью покидаютъ фабрику на лѣтнее время; мелкія ткацкія фабрики, причисляемыя обыкновенно къ кустарнымъ, всѣ безъ исключенія закрываются лѣтомъ, и работающіе на нихъ мѣстные жители переходятъ на полевыя работы. Но машинное производство, не допускающее лѣтнихъ перерывовъ или сокращеній въ работѣ, требуетъ участія постоянныхъ рабочихъ, и въ такихъ рабочихъ также нѣтъ недостатка. На фабрикахъ суконныхъ, бумагопрядильныхъ и ткацкихъ, дѣйствующихъ исключительно паровою силою, рабочіе остаются круглый годъ, и только тѣ изъ нихъ уходятъ на лѣто, которые имѣютъ за себя замѣстителей. „Намъ неизвѣстно,— говоритъ г. Дементьевъ, — бываетъ ли на нашихъ фабрикахъ когда-нибудь предложеніе рабочихъ рукъ меньшимъ, чѣмъ спросъ на него; но мы лично всегда наблюдали только избытокъ рукъ. Мы почти всегда встрѣчали запасныхъ самоткачей въ буквальномъ смыслѣ слова, т.-е. такихъ, которые живутъ на фабрикѣ, не получая никакого опредѣленнаго вознагражденія и перебиваясь лишь тѣмъ ничтожнымъ заработкомъ, который придется на ихъ долю при замѣщеніи того или другого ткача, почему-либо не вышедшаго на работу своей смѣны. Во время же про-

мышленнаго кризиса въ 1884—85 годахъ количество запасныхъ считалось на каждой фабрикѣ многими десятками и даже сотнями. Но и помимо этого почти на всѣхъ фабрикахъ этого рода, несмотря на то, что обыкновенно одинъ ткачъ управляется съ двумя станками, всегда есть извѣстное небольшое количество самоткачей, работающихъ только на одномъ станкѣ; слѣдовательно, всегда есть возможность, если не всѣ, то часть станковъ, съ которыхъ ушло нѣсколько человѣкъ, распредѣлить такъ, что они безъ работы не остаются“ [1]). Понятно, что для этихъ категорій рабочихъ отчужденіе отъ земли является не послѣдствіемъ, а предшествующимъ условіемъ перехода въ фабричные рабочіе. Притомъ связь рабочихъ съ фабрикою тѣмъ крѣпче, чѣмъ больше спеціальной подготовки требуется для ихъ работы и чѣмъ лучше вознаграждается ихъ трудъ. По общему правилу, какъ доказываетъ г. Дементьевъ, „чѣмъ больше въ производствѣ ручной трудъ отходитъ на задній планъ, чѣмъ больше рабочій превращается въ автомата при машинѣ, чѣмъ болѣе требуетъ оно спеціализаціи, тѣмъ меньше количество рабочихъ, сохранившихъ свою связь съ землею“. Г. Дементьевъ ошибочно заключаетъ отсюда, что „механическое фабричное производство имѣетъ явную тенденцію отрывать крестьянское населеніе отъ земледѣлія“,—какъ будто въ постоянные фабричные рабочіе попадаютъ крестьяне, имѣющіе еще возможность вести самостоятельное земледѣльческое хозяйство.

„Въ настоящее время, — по словамъ г. Дементьева, — лишь по очень немногимъ производствамъ фабрики сохраняютъ свой прежній, обычный когда-то для нашихъ фабрикъ характеръ заведеній, гдѣ населеніе работало лишь въ теченіе того времени въ году, которое остается отъ главнаго ихъ занятія—земледѣлія. Такой характеръ сохраняютъ рогожныя фабрики, на которыхъ рабочіе остаются преимущественно полгода, и во всякомъ случаѣ не болѣе восьми мѣсяцевъ. Такой же характеръ сохранили еще мелкія фабрики, стоящія на рубежѣ кустарныхъ заведеній, каковы: мелкія ткацкія, канительныя, фарфоро-живописныя и т. п. Но какъ только эти же фабрики расширяются до болѣе крупныхъ заведеній, хотя и ведущихъ свое производство исключительно ручнымъ трудомъ, такъ тотчасъ же начинаетъ замѣчаться вліяніе капитализма: на крупныхъ ткацкихъ фабрикахъ четвертая часть рабочихъ уже вовсе не уходитъ на полевыя работы, и круг-

[1]) Е. М. Дементьевъ, Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ. Изд. 2-е. Москва, 1897, стр. 7—9.

лый годъ остается на фабрикахъ; еще сильнѣе вліяютъ въ этомъ смыслѣ фарфоровыя и въ особенности ситценабивныя фабрики. Переходъ ручного производства въ механическое и неразрывно связанная съ нимъ концентрація его въ крупныя промышленныя учрежденія тотчасъ разобщаютъ рабочихъ съ землею настолько, что рабочіе, уходящіе на полевыя работы, составляютъ здѣсь лишь исключеніе. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что извѣстное число фабричныхъ рабочихъ составляютъ крестьяне безземельные; но одинъ ростъ фабричной промышленности показываетъ уже, что пополненіе первоначальнаго кадра рабочихъ должно было происходить во всякомъ случаѣ извнѣ, т.-е. изъ среды крестьянъ-земледѣльцевъ". Съ начала сороковыхъ годовъ до настоящаго времени, фабричная промышленность въ московской губерніи возросла весьма значительно; такъ, въ трехъ изслѣдованныхъ авторомъ уѣздахъ число фабрикъ до половины восьмидесятыхъ годовъ увеличилось на три-четверти, а число рабочихъ — почти втрое; въ одномъ коломенскомъ уѣздѣ количество фабрикъ за 40 лѣтъ болѣе чѣмъ удвоилось, число же рабочихъ выросло въ пять съ половиною разъ. „Одновременно съ общимъ ростомъ фабричной промышленности шелъ процессъ замѣны ручного труда механическимъ, сдѣлавшій особенно быстрые успѣхи въ послѣднія двадцать лѣтъ,—и какъ неизбѣжное его послѣдствіе—концентраціи фабричнаго производства, замѣны мелкихъ фабрикъ крупными мануфактурами. Число рабочихъ росло гораздо быстрѣе числа фабрикъ, и если въ 1843 году на каждую фабрику приходилось 90 рабочихъ, то въ настоящее время ихъ приходится уже 155". Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ г. Дементьевъ, „такой ростъ капиталистическаго производства былъ возможенъ только при наличности рабочихъ", и по приведенному выше свидѣтельству того же автора, на фабрикахъ чувствуется вообще избытокъ предложенія рабочихъ рукъ сравнительно съ спросомъ. Однако не всѣ рабочіе могутъ быть постоянными, годовыми, въ какихъ нуждается машинное производство; поэтому крупныя фабрики должны были выбирать для себя людей, не связанныхъ съ деревней въ лѣтнее время, и съ ними заключались особыя условія, устранявшія возможность оставленія работы на лѣто. При наймѣ рабочихъ фабриканты дѣлали различіе между двумя періодами года — зимнимъ и лѣтнимъ: зимою предоставлялось рабочимъ уходить раньше истеченія срока до Пасхи, о чемъ требовалось только предупреждать заранѣе; лѣтомъ же, съ Пасхи по октябрь, „этого права почти нигдѣ за ними не признается, и уходъ до сказаннаго срока непосредственно вле-

четъ за собою бо́льшую или меньшую скидку съ заработки". До недавняго времени фабриканты не стѣснялись произвольно лишать рабочихъ значительной части слѣдуемыхъ имъ денегъ въ случаѣ ухода съ фабрики въ теченіе лѣтняго періода по какимъ бы то ни было причинамъ; уходящій рабочій получалъ, напр., только половину заслуженной имъ платы, а на нѣкоторыхъ фабрикахъ отнимался даже весь заработокъ, въ видѣ штрафа или неустойки. На бумагопрядильной фабрикѣ Балина и Макарова, въ клинскомъ уѣздѣ, рабочіе, не желавшіе доживать срока до Пасхи, должны были заявлять объ этомъ за полтора мѣсяца, подъ страхомъ потери „всѣхъ заработанныхъ денегъ"; а кто отказывался послѣ Пасхи до октября, тотъ прямо лишался „всѣхъ заработанныхъ денегъ". Въ другихъ мѣстахъ сохранился обычай выдавать особую денежную награду рабочимъ, остающимся на фабрикѣ лѣтомъ; уходящіе же на полевыя работы „разсчитываются по полтиннику на рубль" и т. д. [1]) „Во всѣхъ подобныхъ мѣрахъ, конечно,—прибавляетъ г. Дементьевъ,—не было бы ни малѣйшей надобности, еслибы на фабрики шли только тѣ крестьяне, которые не могутъ прилагать своего труда къ землѣ". И это заключеніе, очевидно, невѣрно: оно вытекаетъ изъ предвзятаго взгляда, противорѣчащаго общеизвѣстнымъ фактамъ. Рабочіе стремятся покинуть фабрику на лѣтнее время независимо отъ того, есть ли у нихъ земля или нѣтъ; уходятъ и безземельные и безхозяйные, для которыхъ горячая пора сельскихъ работъ открываетъ возможность болѣе легкаго и привычнаго заработка на вольномъ воздухѣ, вдали отъ тяжелой фабричной обстановки. На этотъ мотивъ оставленія фабрики въ лѣтнее время, при усиленномъ спросѣ на земледѣльческихъ рабочихъ, указываетъ самъ же авторъ въ различныхъ мѣстахъ своей книги. Гдѣ фабричный трудъ обставленъ по-человѣчески и оплачивается хорошо, тамъ нѣтъ у рабочихъ стремленія къ уходу на полевыя работы къ землевладѣльцамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаютъ поводы къ особымъ мѣрамъ для удержанія рабочихъ на фабрикѣ въ лѣтніе мѣсяцы.

Между прочимъ, наиболѣе привязываетъ рабочихъ къ фабрикѣ существованіе для нихъ удобныхъ жилищъ при фабричныхъ зданіяхъ, и въ этомъ обстоятельствѣ г. Дементьевъ опять-таки видитъ одну изъ причинъ, способствующихъ „разобщенію рабочихъ съ землею". Нечего и говорить, что крестьяне, имѣющіе свои надѣлы съ усадьбами въ деревнѣ, никогда не стали бы

[1]) Дементьевъ, тамъ же, стр. 39 и др.

соблазняться перспективою жить въ фабричныхъ казармахъ: ихъ гонитъ въ эти казармы нужда, отсутствіе самостоятельнаго земледѣльческаго хозяйства и, слѣдовательно, уже совершившееся „разобщеніе съ землею“. На фабрикахъ съ ручнымъ производствомъ рабочіе живутъ въ мастерскихъ, часто съ своими семьями, располагаясь на верстакахъ или станахъ, подъ станами и въ проходахъ между ними; „здѣсь ткачихи убаюкиваютъ своихъ несчастныхъ дѣтей въ люлькахъ, подвѣшенныхъ къ потолку въ проходахъ между рядами становъ, безпрерывнымъ стукомъ батановъ“. При машинной работѣ, продолжающейся непрерывно днемъ и ночью, ночевка рабочихъ въ мастерскихъ дѣлается уже немыслимою, а необходимость держать рабочихъ у самой фабрики заставляетъ устроивать для нихъ спеціальныя жилыя помѣщенія, которыя обыкновенно имѣютъ видъ громадныхъ казарменныхъ зданій. Устройство жилья для рабочихъ—говоритъ г. Дементьевъ—позволяетъ имъ переселять свои семейства изъ деревни на фабрику, что̀ даетъ фабрикантамъ болѣе широкій просторъ въ пользованіи дешевымъ женскимъ и дѣтскимъ трудомъ; въ то же время укрѣпляются узы, соединяющія рабочихъ съ фабрикою. „Пока рабочій на фабрикѣ одинъ, семья же его въ деревнѣ, связь его съ землею еще не порвана; для него еще есть магнитъ, притягивающій къ деревнѣ, и онъ возвращается въ нее отъ времени до времени и на болѣе или менѣе продолжительный срокъ въ году для полевыхъ работъ. Держать же свою семью при себѣ на фабрикѣ, гдѣ нѣтъ спеціальныхъ казармъ, понятно, почти невозможно, и исключенія мы видимъ только у рогожниковъ, пріѣзжающихъ на фабрики въ составѣ полной семьи, и на нѣсколькихъ ручныхъ ткацкихъ фабрикахъ, гдѣ часть ткачей размѣщается со своими семьями въ мастерскихъ. Съ другой стороны, семьѣ, потерявшей или вообще не имѣющей работника-пахаря, замѣщающаго ушедшаго на фабрику, нечѣмъ жить. Низкій заработокъ на фабрикѣ не позволяетъ рабочему содержать свою семью въ деревнѣ, разъ она не въ состояніи пополнять сама его скудныхъ остатковъ отъ заработка,—и онъ перетаскиваетъ ее на фабрику, чтобы эксплуатировать трудъ жены и дѣтей. Но какъ только онъ перевелъ свою семью въ фабричную казарму, какъ только его жена и дѣти также поступили на фабричную работу, такъ отношенія его къ деревнѣ кончаются, и его дѣти роковымъ образомъ становятся спеціально фабричными рабочими“ (стр. 44). Въ чемъ же выражаются тѣ отношенія рабочаго къ деревнѣ, которымъ кладетъ конецъ переходъ его семьи на фабрику? Внѣшній фактъ этого перехода есть только

заключительное звено цѣлаго ряда обстоятельствъ, лишившихъ рабочаго всякой точки опоры въ земледѣліи. Еслибы въ деревнѣ было надъ чѣмъ трудиться, еслибы „работникъ-пахарь“ имѣлъ гдѣ производить свои полевыя работы, и еслибы трудъ его былъ нуженъ его семьѣ на мѣстѣ, то что побудило бы его уйти на фабрику и потянуть туда за собою своихъ близкихъ? Семьѣ „нечѣмъ жить“ въ деревнѣ не потому, что работникъ-пахарь ушелъ на фабрику и не оставилъ по себѣ замѣстителя въ хозяйствѣ, а напротивъ, работникъ поступилъ на фабрику потому, что ему съ семьею нечѣмъ кормиться въ деревнѣ, что никакого земледѣльческаго хозяйства у него уже нѣтъ, или оно окончательно подорвано, безъ надежды на поправленіе. Рабочіе берутъ съ собою свои семейства и водворяются съ ними на фабрикѣ уже послѣ того, какъ разрушены ихъ хозяйственныя связи съ родною деревнею; они помѣщаются, какъ попало, въ мастерскихъ, когда не устроено особыхъ жилищъ для рабочихъ, а существованіе такихъ жилищъ, вопреки мнѣнію г. Дементьева, не можетъ поэтому способствовать „разобщенію рабочихъ съ землею“. Авторъ самъ опровергаетъ это мнѣніе и даетъ вполнѣ правильную оцѣнку общаго экономическаго факта, который до сихъ поръ не признается и оспаривается многими подъ вліяніемъ самодовольнаго доктринерскаго оптимизма.

„Какъ бы то ни было,—говоритъ г. Дементьевъ,—какія бы причины ни способствовали преобразованію прежняго земледѣльца въ фабричнаго рабочаго, но эти спеціальные рабочіе уже существуютъ. Они только числятся крестьянами, но связаны съ деревней лишь податями, которыя вносятся ими при перемѣнѣ паспортовъ, ибо на самомъ дѣлѣ они не имѣютъ въ деревнѣ ни хозяйства, ни—сплошь и рядомъ—даже дома, обыкновенно проданнаго. Даже право на землю они сохраняютъ, такъ сказать, лишь юридически, и безпорядки въ 1885—86 годахъ на многихъ фабрикахъ показали, что эти рабочіе сами считаютъ себя совершенно чуждыми деревнѣ, точно такъ же, какъ крестьяне деревни въ свою очередь смотрятъ на нихъ, потомковъ своихъ односельчанъ, какъ на чуждыхъ пришельцевъ. Передъ нами, слѣдовательно, уже сформировавшійся классъ рабочихъ, не имѣющихъ своего крова, не имѣющихъ фактически никакой собственности,—классъ, ничѣмъ не связанный и живущій изо дня въ день. И онъ образовался не со вчерашняго дня. Онъ уже имѣетъ свою фабричную генеалогію, и для немалой своей части насчитываетъ уже третье поколѣніе“. Авторъ основываетъ свой выводъ отчасти на статистическихъ данныхъ; онъ собралъ точныя свѣдѣнія о

18.576 рабочихъ мужского пола путемъ личнаго опроса каждаго изъ нихъ, и оказалось, что изъ нихъ 55% имѣло отцовъ, работавшихъ или работающихъ на фабрикахъ.

Итакъ, особый наслѣдственный классъ фабрично-заводскихъ рабочихъ имѣется у насъ на лицо; онъ непрерывно пополняется свободными крестьянскими элементами, вытѣсняемыми изъ деревни естественнымъ ростомъ населенія и неблагопріятными хозяйственными условіями. Если считать, что со временемъ выдѣлится такимъ образомъ до 10% всей массы сельскихъ обывателей, то число промышленныхъ рабочихъ можетъ достигнуть внушительной цифры въ 7 или 8 милліоновъ, безъ всякаго ущерба для существующихъ основъ и размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія.

II.

Въ какомъ же положеніи находится эта важная и все болѣе возрастающая часть трудящагося народа, служащая фундаментомъ нашей крупной промышленности? Какъ отразилось процвѣтаніе фабрично-заводскихъ предпріятій на судьбѣ ихъ непосредственныхъ работниковъ и досталась ли послѣднимъ нѣкоторая доля матеріальныхъ выгодъ, обезпечиваемыхъ нашему промышленному классу при помощи покровительственной системы? Въ циркулярѣ, разосланномъ въ началѣ прошлаго года фабричнымъ инспекторамъ и напечатанномъ въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ газетахъ, положеніе нашихъ фабричныхъ рабочихъ характеризуется весьма утѣшительными чертами. „Въ нашей промышленности—сказано въ этомъ документѣ—преобладаетъ патріархальный складъ отношеній между хозяиномъ и рабочими. Эта патріархальность во многихъ случаяхъ выражается въ заботливости фабриканта о нуждахъ рабочихъ и служащихъ на его фабрикѣ, въ попеченіяхъ о сохраненіи лада и согласія, въ простотѣ и справедливости во взаимныхъ отношеніяхъ. Когда въ основѣ такихъ отношеній лежитъ законъ нравственный и христіанскія чувства, тогда не приходится прибѣгать къ примѣненію писаннаго закона и принужденія“. Фабричнымъ инспекторамъ предлагалось разъяснять рабочимъ „значеніе всего полезнаго и добраго, что для нихъ дѣлается не по обязанности, а по христіанскому побужденію и изъ благородныхъ помысловъ“; инспекторамъ предписывалось, далѣе, „слѣдить съ особеннымъ вниманіемъ за всякимъ проявленіемъ среди фабрикантовъ заботливости о рабочихъ и представлять описаніе учрежденій, устройствъ и порядковъ, имѣющихъ

цѣлью благо рабочихъ, дабы по опубликованіи ихъ затѣмъ во всеобщее свѣдѣніе обратить на нихъ вниманіе остальныхъ фабрикантовъ и пробудить въ нихъ благородное соревнованіе въ слѣдованіи добрымъ примѣрамъ". Циркуляръ напоминаетъ также, что „законъ призванъ одинаково ограждать справедливые интересы какъ фабрикантовъ, такъ и рабочихъ", и что въ случаѣ недовольства рабочихъ „даже стремленіе къ достиженію законныхъ правъ, но противозаконнымъ или насильственнымъ путемъ, будетъ неизбѣжно приводить не къ улучшенію, а къ ухудшенію ихъ положенія, ибо правительство при такихъ обстоятельствахъ не можетъ допустить осуществленіе желаній рабочихъ даже въ томъ случаѣ, еслибы фабриканты, подъ вліяніемъ угрозъ или по добродушію, изъявили согласіе на уступку" [1]). Разумѣется само собою, что патріархальность, выражающаяся въ христіанской филантропіи,—вещь прекрасная, но она можетъ имѣть такой характеръ только въ видѣ рѣдкаго исключенія, такъ какъ возвышенныя нравственныя чувства и побужденія вообще несвойственны обычному ходу промышленной дѣятельности. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ патріархальность отношеній проявляется въ чемъ-то совершенно другомъ — въ неограниченномъ господствѣ безъискусственнаго произвола, въ отсутствіи элементарнаго вниманія къ законнымъ правамъ и интересамъ подвластныхъ лицъ, въ откровенной и простодушной эксплуатаціи чужого труда. Для ограниченія этой патріархальности потребовались спеціальныя законодательныя мѣры, начиная съ закона 1882 года о дѣтскомъ трудѣ и кончая недавно изданными правилами 20-го сентября о продолжительности рабочаго дня. Въ подобныхъ законахъ не было бы, конечно, никакой надобности, съ точки зрѣнія упомянутаго циркуляра, свидѣтельствующаго о великодушныхъ заботахъ и помыслахъ фабрикантовъ относительно рабочихъ. Въ дѣйствительности нѣтъ ни малѣйшаго повода разсчитывать на великодушіе и благородство отдѣльныхъ хозяевъ, когда дѣло идетъ объ исполненіи прямыхъ обязанностей по отношенію къ непосредственнымъ труженикамъ крупной промышленности, обогащающей капиталистовъ и предпринимателей. Отъ хозяевъ вовсе не требуется, чтобы они занимались филантропіею; достаточно съ ихъ стороны исполнять только должное, удѣлять рабочимъ то, что слѣдуетъ имъ по праву, въ зависимости отъ степени ихъ участія въ созданіи доходовъ предпріятій. Нельзя отрицать, что патріархальность сказывалась у насъ во многихъ

[1]) „Новое Время", отъ 24 апрѣля 1886 г.

фабричныхъ порядкахъ и явленіяхъ, давно уже немыслимыхъ въ западной Европѣ. Напримѣръ, въ условіяхъ найма рабочихъ можно было встрѣтить такіе пункты: рабочій не имѣетъ права оставлять фабрику до истеченія срока безъ согласія хозяина, —въ противномъ случаѣ съ него взыскивается штрафъ въ размѣрѣ удвоенной платы за недожитое время; послѣ срока онъ тоже не можетъ уходить, если не заявилъ конторѣ мѣсяцемъ раньше о своемъ нежеланіи остаться; онъ долженъ тогда или прослужить еще одинъ мѣсяцъ, или уплатить штрафъ въ размѣрѣ мѣсячнаго жалованья; а что касается фабриканта, то онъ имѣетъ право уволить рабочаго до срока не только за неисполненіе обязанностей или за дурное поведеніе, но и „по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ“, съ уплатою заработанныхъ денегъ „по день служенія“; далѣе,—рабочіе считаются свободными отъ работъ въ праздничные дни, а именно въ воскресные дни и дни двунадесятыхъ праздниковъ, но въ то же время „рабочіе обязаны подъ страхомъ взысканія являться на работу въ праздничные дни, если въ томъ случится надобность“. Если происходили серьезныя недоразумѣнія между фабрикантами и рабочими, то обыкновенно также по причинамъ крайне патріархальнымъ; такъ, одна „очень большая мануфактура“ задержала выдачу денегъ рабочимъ на цѣлыхъ два мѣсяца, что̀ привело къ стачкѣ двухъ тысячъ рабочихъ [1]). Въ общемъ, положеніе фабричныхъ рабочихъ повсюду было такимъ, до какого можно было довести ихъ безнаказанно при отсутствіи или слабости государственнаго вмѣшательства; привычка къ лишеніямъ и невзгодамъ, полная непритязательность относительно житейскихъ удобствъ, природная выносливость, боязнь потерять даже то немногое, что̀ даетъ фабрика, — все это понижаетъ уровень матеріальнаго существованія нашихъ рабочихъ до того предѣла, когда человѣкъ уже мало чѣмъ отличается отъ животнаго.

Въ наиболѣе цвѣтущихъ промышленныхъ предпріятіяхъ особенно бросается въ глаза жалкое состояніе людей, трудомъ которыхъ вырабатываются богатства, радующія нашихъ протекціонистовъ. Новѣйшіе нефтяные промыслы и заводы — предметъ патріотической гордости проф. Менделѣева — представляютъ въ этомъ отношеніи столь же печальную картину, какъ и заурядныя старыя фабрики центральной Россіи. При недавнемъ осмотрѣ этихъ знаменитыхъ бакинскихъ промысловъ и заводовъ д-ръ Л. Бертенсонъ поражался видомъ бѣдствій, происходящихъ исклю-

[1]) А. А. Микулинъ, Очерки изъ исторіи примѣненія закона 3-го іюня 1886 г. о наймѣ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ Владимірской губерніи. Владиміръ, 1893, стр. 6—7 и 43.

чительно отъ пренебреженія къ необходимѣйшимъ жизненнымъ потребностямъ рабочихъ. „Чернорабочіе, подвергающіеся болѣе или менѣе продолжительному вліянію сырой нефти, особенно тѣ, которые, *при полномъ обнаженіи тѣла*, работаютъ на нефтяныхъ фонтанахъ и занимаются чисткой нефтяныхъ амбаровъ и цистернъ, поголовно страдаютъ болѣзнями кожи и подкожной клѣтчатки". Эти болѣзни кожи „часто мучительны и тягостны, а иногда опасны для жизни"; въ мѣстныхъ отчетахъ упоминается о двухъ случаяхъ, окончившихся смертью. Фонтанные рабочіе подвержены глазнымъ страданіямъ: „работая подъ ливнемъ нефти, люди, снаряжающіе и надвигающіе фонтанные щиты, уже по прошествіи нѣсколькихъ минутъ буквально не могутъ открывать глазъ, пока ихъ не промоютъ; не только нефть, какъ она есть, но ея пыль и газы сильно разъѣдаютъ глаза". Развитію сыпей у рабочихъ способствуетъ „недостатокъ воды для омовенія"; на нѣкоторыхъ промыслахъ отпускается рабочимъ такъ мало прѣсной воды, что ея не хватаетъ для самыхъ насущныхъ потребностей, иногда не только для мытья лица и рукъ, но даже для приготовленія пищи, и рабочимъ приходится очищать кожу отъ нефти сухой глиной или паклей. Этимъ объясняется отчасти и та необычайная грязь, въ которой вынуждены жить рабочіе. „При всѣхъ производствахъ рабочіе остаются въ своемъ платьѣ (бѣльѣ), или же,—у фонтановъ, и конечно въ лѣтнее время,—вовсе обходятся безъ него; большинство персовъ *работаютъ нагишомъ*. При фонтанныхъ работахъ не только не употребляется особой одежды изъ непромокаемой ткани, но даже нѣтъ смѣннаго бѣлья: въ той же сорочкѣ и въ тѣхъ же штанахъ, въ которыхъ люди работаютъ и которые насквозь пропитаны нефтью, они отправляются къ себѣ домой, причемъ иногда только смываютъ съ бѣлья часть нефти, погружаясь въ баки съ водой отъ отработавшаго пара". Понятно,—говоритъ г. Л. Бертенсонъ, — „что въ отсутствіи предохранительной одежды и въ постоянномъ ношеніи одного и того же бѣлья, крайне загрязненнаго, насквозь пропитаннаго нефтью, заключается прекрасное (!) условіе для развитія у рабочихъ разныхъ болѣзней и прежде всего сыпныхъ". Самыя незначительныя денежныя затраты признаются излишними, когда дѣло касается рабочихъ. Такъ-называемое тартаніе разстроиваетъ здоровье рабочихъ только потому, что промышленники дѣлаютъ экономію на числѣ тартальщиковъ. „По единогласному заявленію промысловыхъ врачей и горныхъ инженеровъ, близко стоящихъ къ нефтяному дѣлу, у тартальщиковъ, подъ вліяніемъ крайне однообразной работы, требующей сосредоточеннаго вниманія на

одномъ предметѣ въ теченіе многихъ часовъ (не менѣе 12—14), является переутомленіе нервныхъ центровъ и угнетеніе мозговой дѣятельности настолько сильное, что рабочіе становятся апатичными, безучастными къ внѣшнему міру, несообразительными и нерѣдко даже близкими къ состоянію идіотизма". При двѣнадцатичасовой работѣ тартальщиковъ, имъ приходится разбивать сутки на четыре смѣны, по шести часовъ каждая, изъ которыхъ двѣ смѣны идутъ на вахту, а двѣ — на отдыхъ; но „часть времени, предназначеннаго для отдыха, уходитъ на приготовленіе обѣда, чая, поѣздки въ городъ за покупками и т. п., а потому,—какъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ мѣстныхъ инженеровъ,—тартальщики часто, не отдохнувши вполнѣ въ шумной и тѣсной казармѣ, являются на вахту съ апатіей къ работѣ, разбитыми и сонными"; результатомъ такой физической усталости оказываются разныя несчастья, задержки въ работѣ и т. п. „Восьмичасовой трудъ тартальщиковъ, устраняющій всѣ эти недостатки, представляетъ то неудобство для фирмъ, что придется держать лишняго тартальщика на одну скважину, т.-е. ежемѣсячный расходъ на каждую скважину увеличится на сумму отъ 15 до 20 рублей". Дѣлать подобный расходъ для сохраненія здоровья рабочихъ не обязательно для промышленниковъ; поэтому тотъ же мѣстный инженеръ старался доказать, что „въ дѣйствительности нѣтъ увеличенія расходовъ отъ введенія лишняго тартальщика, ибо если послѣдній въ сутки будетъ вынимать даже одной желонкой больше обыкновеннаго, то вполнѣ окупитъ вышеупомянутый расходъ".

Д-ръ Л. Бертенсонъ удивляется, что здоровье рабочихъ само по себѣ не интересуетъ нефтяныхъ дѣльцовъ; но ограждать рабочихъ отъ злоупотребленій хозяевъ—дѣло той же государственной власти, которая принимаетъ на себя заботу о развитіи самой промышленности. Въ отчетѣ горнаго департамента за 1894 годъ заявлено, что „промышленники, стремясь возможно болѣе сокращать расходы на эксплуатацію промысловъ, доводятъ штатъ служащихъ до ненормально-ограниченнаго числа, заставляя послѣднихъ работать съ крайнимъ напряженіемъ; при довольно заурядныхъ на промыслахъ вечернихъ и ночныхъ работахъ число рабочихъ часовъ иногда достигаетъ 18-ти въ сутки; 14-ти-часовая же работа составляетъ постоянное явленіе". Многія несчастія при уходѣ за паровыми котлами происходятъ исключительно вслѣдствіе „переутомленія кочегаровъ". Мѣстная техническая коммиссія, выбранная съѣздомъ нефтепромышленниковъ, пришла къ заключенію, что наибольшее число этихъ несчастій „имѣло мѣсто при ночныхъ вахтахъ такихъ именно смѣнныхъ

сутокъ, когда кочегары испытывали наибольшее утомленіе",— ибо разъ въ недѣлю, при смѣнѣ ночныхъ дежурствъ на дневныя, кочегаръ стоитъ у паровыхъ котловъ даже 18 часовъ! „Двѣнадцать часовъ вахты въ сутки сами по себѣ, — разсуждала коммиссія,—уже должны дѣйствовать утомительно на кочегаровъ, а если взять во вниманіе, что паровые котлы, благодаря плохимъ качествамъ воды и недостаточно подготовленному штату кочегаровъ, являются наиболѣе опаснымъ элементомъ на промыслахъ, то становится очевидной необходимость уменьшить число суточныхъ рабочихъ часовъ для кочегаровъ. Уменьшеніе рабочихъ часовъ до восьми въ сутки должно не только сдѣлать службу кочегаровъ болѣе сносною, но и уменьшить число порчъ паровыхъ котловъ и остановокъ въ работахъ по буренію и эксплуатаціи скважинъ". Коммиссія рѣшила „собрать точный и по возможности обширный статистическій матеріалъ, чтобы возбудить ходатайство объ обязательномъ уменьшеніи числа часовъ работы кочегаровъ до восьми въ сутки". Д-ръ Л. Бертенсонъ опять-таки выражаетъ удивленіе, зачѣмъ понадобился въ этомъ случаѣ статистическій матеріалъ, къ тому же „обширный"; но, очевидно, предстоитъ еще сосчитать и сообразить, во сколько обходится порча паровыхъ котловъ и окупится ли наемъ лишнихъ кочегаровъ устраненіемъ убытковъ отъ происходящихъ нынѣ несчастій и остановокъ въ работахъ. Жизнь наемнаго кочегара ничего не стоитъ промышленнику, и облегчать работу приходится не ради сохраненія силъ и здоровья рабочаго, а ради сохраненія цѣлости котловъ. Человѣческій организмъ не имѣетъ цѣнности на промышленномъ рынкѣ, и заступаться за человѣка некому, если его не беретъ подъ свою охрану законъ. Вмѣсто одного рабочаго можно взять другого, безъ всякаго экстреннаго расхода, а разбитый котелъ или испорченная машина представляютъ реальную потерю для владѣльца. Оттого порча машины несравненно важнѣе для хозяина, чѣмъ поврежденіе работника; послѣднее интересуетъ его только въ той мѣрѣ, въ какой оно влечетъ за собою денежную отвѣтственность.

Тяжкія увѣчья очень часто причиняются рабочимъ только благодаря отсутствію необходимыхъ, дешево стоющихъ ограждений и щитовъ около машинъ; постоянно повторяются несчастные случаи даже отъ такихъ причинъ, которыя указываютъ на преступную сознательную небрежность и на упорное нежеланіе дѣлать малѣйшія затраты для обезпеченія безопасности рабочихъ. Такъ на бакинскихъ нефтяныхъ промыслахъ изъ года въ годъ заносятся въ статистическіе отчеты какія-то странныя цифры

„паденій рабочихъ съ вышки“; и въ 1896 году, какъ и въ предъидущіе годы, заявляется, что „самый верхъ вышки по прежнему не имѣетъ никакихъ огражденій для безопасности работъ у шкива“; какъ и прежде, „у весьма немногихъ фирмъ существуютъ подобныя огражденія въ видѣ помоста съ деревянными перилами“. Рабочіе гибнутъ изъ-за экономіи промышленниковъ и легко замѣняются другими; они гибнутъ различнымъ образомъ и отъ „паденія предметовъ съ вышки, на верху которой не должно быть свободно лежащихъ предметовъ“, и отъ того, что при работахъ употребляются цѣпи „сильно протертыя и имѣющія въ діаметрѣ вмѣсто дюйма четверть дюйма“, и отъ замѣны проволочныхъ канатовъ болѣе дешевыми подъемными цѣпями, нерѣдко разрывающимися, и т. д. Въ отчетахъ значится, что „упавшимъ брусомъ убило на смерть“, „упавшимъ шкивомъ переломило спину“, „упавшимъ маховикомъ переломило ногу“, „упавшими листами котельнаго желѣза двумъ рабочимъ переломило ноги“, „упавшей штангой убило на смерть“, а иногда говорится, что „исходъ неизвѣстенъ“. Бываетъ и такъ, что рабочій, подвергшійся несчастному „случаю“ или болѣзни, вовсе не попадаетъ въ отчеты, а уходитъ „неизвѣстно куда“. Весьма многіе, по словамъ д-ра Л. Бертенсона, „пріобрѣтая тотъ или другой недугъ, бросаютъ работы и уходятъ съ промысловъ не только съ легкими болѣзнями, но и съ весьма тяжелыми, требующими безотлагательнаго госпитальнаго леченія“. Очевидно, не одни патріархальные хозяева способны къ великодушнымъ христіанскимъ побужденіямъ; и простые, никому не вѣдомые работники даютъ имъ примѣръ безкорыстія, отказываясь отъ дарового содержанія въ больницахъ и не требуя платы за свои поврежденныя тѣла и за поломанные члены. А избѣгнуть поврежденій и недуговъ почти немыслимо для рабочихъ на бакинскихъ нефтяныхъ промыслахъ. Вотъ какъ описывается, между прочимъ, производство выдѣленія сѣрной кислоты изъ нефтяныхъ отбросовъ. Люди работаютъ въ закрытомъ помѣщеніи, не имѣющемъ никакихъ приспособленій для провѣтриванія, кромѣ нѣсколькихъ люковъ въ крышѣ; накопленіе паровъ сѣрнистой кислоты настолько значительно, что пребываніе въ такомъ помѣщеніи для человѣка непривычнаго становится невозможнымъ: мучительное стѣсненіе дыханія, при непрерывномъ кашлѣ, заставляетъ стремительно искать свѣжаго воздуха. „Неудивительно, что люди, которымъ приходится работать при такомъ производствѣ, особенно въ плохоустроенныхъ въ гигіеническомъ отношеніи заводахъ, представляютъ рядъ тяжелыхъ недуговъ, между которыми болѣзни дыхательныхъ

путей и зубовъ стоятъ на первомъ планѣ. Въ отчетахъ заводскихъ и промысловыхъ врачей указывается на преобладаніе этихъ болѣзней среди рабочихъ, имѣющихъ дѣло съ регенераціею сѣрной кислоты; при этомъ отмѣчается, что „тяжкія формы ларингита и бронхита съ кровохарканіемъ и одышкой не составляютъ рѣдкости"; „зубная же костоѣда—обычное у нихъ явленіе". На заводѣ Теръ-Каспарова „рабочіе почти поголовно больны, причемъ почти у всѣхъ *уничтожены зубы*".

Наконецъ, жилыя помѣщенія для рабочихъ соотвѣтствуютъ всей этой обстановкѣ промысловъ. „Свѣта въ нихъ почти всегда очень мало, вентиляціи—никакой; они сплошь наполнены нарами, на которыхъ въ повалку спятъ рабочіе; отопленіе почти во всѣхъ казармахъ нефтяное, производящее, вслѣдствіе первобытнаго устройства печей, грязь и угаръ, и грозящее постоянно пожаромъ, не говоря уже о той копоти, которую подобныя печи выдѣляютъ изъ трубъ. Есть и такія фирмы, которыя, въ видахъ экономіи, держатъ казарму на половинное количество своихъ рабочихъ, которые въ такихъ случаяхъ отдыхаютъ въ нихъ посмѣнно". Часто холостые рабочіе помѣщаются съ женатыми; въ тѣхъ же казармахъ, предназначенныхъ для спанья, приготовляется кушанье и печется хлѣбъ; нечистота и грязь господствуютъ повсюду. Нѣкоторые заводы не имѣютъ вовсе никакихъ помѣщеній для рабочихъ; „гдѣ и какъ ютятся рабочіе такихъ заводовъ—остается неизвѣстнымъ; быть можетъ, они и нанимаютъ для себя какіе-нибудь углы, но вѣроятнѣе всего, что они не пользуются опредѣленными помѣщеніями,—лѣтомъ *спятъ на открытомъ воздухѣ*, гдѣ-нибудь на дворѣ, или *на крышѣ заводскихъ строеній*, а зимою въ „пріемныхъ" и въ другихъ отдѣленіяхъ заводовъ—изъ тѣхъ немногихъ, которыя защищены отъ дождя и вѣтра" [1]). Такъ устроенъ бытъ рабочихъ на промыслахъ и заводахъ, возникшихъ въ новѣйшее время и пріобрѣвшихъ великую славу своимъ необыкновеннымъ матеріальнымъ процвѣтаніемъ и развитіемъ: а между тѣмъ, какъ мало нужно было бы для того, чтобы обезпечить сносное человѣческое существованіе несчастнымъ труженикамъ, погибающимъ неизвѣстно за что и почему, въ угоду мелкому корыстолюбію и рутинѣ! Нѣкоторой доли дивидендовъ, приносимыхъ нефтяною промышленностью, было бы достаточно для избавленія рабочихъ отъ незаслуженныхъ ими бѣд-

[1]) Бакинскіе нефтяные промыслы и заводы въ санитарно-врачебномъ отношеніи, І. Бертенсона, члена горнаго ученаго комитета. Спб., 1897. (Отчетъ о командировкѣ по распоряженію г. министра земледѣлія и госуд. имуществъ въ концѣ 1896 года). Курсивъ въ цитатахъ—нашъ.

ствій и для удовлетворенія болѣе чѣмъ скромныхъ жизненныхъ потребностей трудящихся.

III.

Могутъ сказать, что сравнительная новизна нефтяной промышленности, лихорадочный ходъ ея развитія и случайный, разноплеменный составъ рабочихъ, какъ и предпринимателей, не позволяли думать объ интересахъ рабочаго люда. Но тѣ же печальныя явленія мы видимъ въ большей части фабрикъ и заводовъ внутреннихъ губерній. Почти на всѣхъ большихъ мануфактурахъ рабочія казармы состоятъ изъ небольшихъ каморокъ, переполненныхъ жильцами; при смѣнной, ночной и дневной работѣ спальни набиты двойнымъ комплектомъ рабочихъ, замѣняющихъ другъ друга на однѣхъ и тѣхъ же нарахъ, причемъ о провѣтриваніи не можетъ быть и рѣчи. „Раздѣленіе половъ по отдѣльнымъ комнатамъ, — говоритъ г. Дементьевъ, — вовсе не составляетъ правила, и на преобладающемъ большинствѣ фабрикъ царитъ полное смѣшеніе половъ и возрастовъ: въ одной и той же спальнѣ, на однѣхъ и тѣхъ же общихъ нарахъ спятъ и дѣти, и взрослые, и мужчины и женщины, и женатые, и холостые. Понятно, что семейные рабочіе всячески стараются выгородить себя изъ остальныхъ и съ этой цѣлью отдѣляютъ свои мѣста на нарахъ какими-нибудь занавѣсками, часто просто изъ разнаго грязнаго тряпья. Иногда фабриканты идутъ на встрѣчу этому естественному стремленію рабочихъ и на помостѣ наръ дѣлаютъ дощатыя перегородки вышиною въ полтора аршина, такъ что на нарахъ образуется рядъ, въ полномъ смыслѣ слова, стойлъ на каждую пару“. Иногда для семейныхъ рабочихъ устроиваются гдѣ-нибудь въ углу или у печки перегородки, образующія каморки вмѣстимостью до одной кубической сажени, безъ оконъ; „въ эти-то шкафы на ночь кладутся человѣческія тѣла, какъ бы вовсе не нуждающіяся въ воздухѣ“. Часто рабочіе вынуждены мыть и сушить бѣлье въ этихъ же общихъ спальняхъ, за отсутствіемъ прачешныхъ; вентиляціи нѣтъ почти нигдѣ, и тяжелый, зловонный воздухъ, отравленный въ фабричныхъ мастерскихъ выдѣленіями обрабатываемаго сырья, окружаетъ рабочаго и въ его такъ называемой спальнѣ. Обстановка жизни рабочихъ сплошь и рядомъ напоминаетъ дурно содержимый хлѣвъ или скотный дворъ. Войдя, напр., въ мастерскую рогожной фабрики, „посѣтитель попадаетъ какъ въ лѣсъ: только раздвигая передъ собою всюду развѣшанную на жердяхъ и веревочкахъ мочалу, осто-

рожно передвигая ноги, липнущія къ полу, покрытому толстымъ, въ одинъ или два вершка, слоемъ грязи, попадая на каждомъ шагу въ наполненныя жидкою грязью выбоины, образовавшіяся мѣстами въ прогнившихъ и провалившихся доскахъ пола, натыкаясь на кадки съ водою, вокругъ которыхъ стоятъ цѣлыя лужи, рискуя ежеминутно придавить всюду ползающихъ по полу маленькихъ дѣтей (!), онъ добирается, наконецъ, до одного изъ оконъ, у котораго кипитъ работа". Вдоль стѣнъ съ окнами размѣщены „становины", нѣчто въ родѣ клѣтокъ, длиною въ четыре и шириною въ 2 1/2—3 аршина; это стойла, гдѣ рабочія семьи проводятъ все свое время и днемъ и ночью. „Здѣсь рогожники работаютъ, здѣсь же и ѣдятъ, и отдыхаютъ; здѣсь они спятъ, одни на доскахъ, положенныхъ на верхней рамѣ становинъ, такъ что образуется нѣчто въ родѣ палатей; другіе на кучахъ мочалы на полу... здѣсь же рожаютъ на глазахъ всего населенія мастерской; здѣсь, захворавъ, отлеживаются, если организмъ еще въ силахъ побороть болѣзнь, здѣсь же и умираютъ, хотя бы отъ заразныхъ болѣзней... Всегда жарко натопленныя и сырыя, вслѣдствіе крайняго переполненія живущими и безпрерывной мочки мочалы въ горячей водѣ, эти мастерскія не имѣютъ никакихъ искусственныхъ приспособленій для вентиляціи. Вездѣ, помѣщаются ли мастерскія въ деревянныхъ или каменныхъ зданіяхъ,— грязныя, никогда не обметающіяся и не бѣлящіяся стѣны ихъ— отсырѣлыя и покрыты плесенью; съ закоптѣлыхъ и заплесневѣвшихъ потолковъ обыкновенно каплетъ какъ въ банѣ, съ наружныхъ же дверей, обросшихъ толстымъ слоемъ ослизнѣлой плесени, текутъ буквально потоки воды" [1]). При поступленіи на фабрику, рабочіе являются „со всѣми своими дѣтьми, начиная съ грудныхъ, и по совершенно понятной причинѣ,—имъ некуда дѣвать своихъ дѣтей"; на пяти фабрикахъ, осмотрѣнныхъ д-ромъ Дементьевымъ зимою, оказалось 1.314 человѣкъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ, но только 1.125 человѣкъ изъ нихъ числилось въ разрядѣ рабочихъ, остальные же 189—дѣти различнаго возраста, уже съ пяти лѣтъ принимавшія, однако, участіе въ работѣ семьи; съ восьми же лѣтъ, до введенія закона о малолѣтнихъ, дѣти уже входили въ составъ рабочихъ, въ качествѣ „заводняжекъ". Въ числѣ условій договора найма ставится, между прочимъ, обязательство „не ходить по городу за подаяніемъ"; но это условіе не всегда исполняется рогожниками, и въ Коломнѣ нерѣдко можно встрѣтить дѣтей рабочихъ, выпрашиваю-

[1]) Дементьевъ, стр. 174—5 и др.

щихъ милостыню подъ предлогомъ, что у хозяина не хватило мочалы и они сидятъ безъ работы (стр. 148). И эти рабочія семьи, вынужденныя заниматься нищенствомъ въ свободное время, участвуютъ своимъ трудомъ въ послѣдовательномъ ростѣ нашей промышленности! Непосильный трудъ истощаетъ силы рабочаго и не избавляетъ его отъ нужды, доходящей до нищенства. Количество сна въ сутки составляетъ для рогожниковъ въ общемъ „только пять часовъ; суточное же число рабочихъ часовъ доходитъ до 18-ти". На коломенскомъ машиностроительномъ заводѣ, помимо чередующихся и спеціальныхъ смѣнъ, существуетъ еще сверхъ-урочная ночная работа для тѣхъ, которые отработали свои $11^1/_2$ денныхъ часовъ, вслѣдствіе чего „одинъ изъ наиболѣе короткихъ (!) на бумагѣ рабочихъ дней на самомъ дѣлѣ сводится обычно къ $14^1/_2$—$16^1/_2$ часамъ, а въ экстренныхъ случаяхъ даже къ $19^1/_2$ и $21^1/_2$ часамъ суточной работы и при томъ работы самой тяжелой". Система частыхъ смѣнъ (по 6 часовъ) не даетъ отдохнуть и выспаться работнику; онъ по неволѣ засыпаетъ при работѣ, „спитъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, несмотря на всю строгость наблюденія фабричной администраціи, несмотря на штрафы за это спанье, даже „сидя въ сортирѣ", какъ нерѣдко гласятъ правила, встрѣчающіяся на нѣкоторыхъ фабрикахъ". Другіе недостатки представляетъ порядокъ, принятый на бумаготкацкихъ и шерстопрядильныхъ фабрикахъ,—но онъ все-таки лучше для рабочихъ „денной смѣны". „Жалкій, блѣдный видъ безкровнаго, полусоннаго, ничего не выражающаго лица, дряблая кожа и дѣтскія мышцы прядильщиковъ, самоткачей и т. п., апатія и тупое безучастіе ко всему" —таковы внѣшнія отличительныя черты нашихъ рабочихъ; люди преждевременно старѣютъ и съ сорокалѣтняго возраста уже исчезаютъ съ фабрикъ, послѣ чего статистика теряетъ ихъ изъ виду. Куда же уходятъ они? „На кладбище,—отвѣчаетъ г. Дементьевъ:—но лишь немногіе изъ нихъ умираютъ на фабрикахъ. Нашъ рабочій идетъ умирать „на родину". Сплошь и рядомъ онъ знаетъ свою деревню лишь по наслышкѣ отъ отца, да изъ своего паспорта, но достаточно, если онъ знаетъ о существованіи тамъ какого-нибудь родственника,—онъ идетъ на родину". Земскіе врачи знаютъ по опыту, что „на другой же день по пріѣздѣ на родину вернувшійся съ фабрики рабочій будетъ сидѣть въ ихъ амбулаторіи со всѣми признаками различныхъ неизлечимыхъ легочныхъ страданій и по прошествіи очень короткаго времени будетъ отмѣченъ въ ихъ спискахъ: „умеръ отъ чахотки". При такихъ условіяхъ фабричный бытъ неизбѣжно приводитъ къ

„прогрессивному ухудшенію физическихъ качествъ населенія, т.-е. къ тому, что называется вырожденіемъ расы“ (стр. 249).

Вытекаютъ ли, однако, всѣ эти ужасы изъ самой сущности фабрично-заводскаго промышленнаго строя и оправдываютъ ли они тѣ мрачные пессимистическіе выводы, которые обыкновенно дѣлаются относительно пагубнаго дѣйствія капитализма самого по себѣ? На этотъ вопросъ нѣтъ и не можетъ быть другого отвѣта, кромѣ безусловно отрицательнаго.

Среди безотрадныхъ картинъ попадаются свѣтлыя точки, которыя содержатъ въ себѣ въ зародышѣ надлежащее рѣшеніе задачи. Описывая фабричныя безобразія разнаго рода, г. Дементьевъ неоднократно упоминаетъ объ одномъ „исключеніи“ — о раменской бумагопрядильной и ткацкой мануфактурѣ (бронницкаго уѣзда), гдѣ имѣются и „превосходно устроенныя жилища“ для рабочихъ, съ „очень порядочною мебелью“, и обязательныя нормы для распредѣленія жильцовъ по каморкамъ, и необходимыя приспособленія для вентиляціи, и гдѣ, между прочимъ, установленъ „превосходный обычай: всѣ рабочіе подвергаются періодическому освидѣтельствованію черезъ врача, и рабочіе, у которыхъ обнаруживаются признаки пагубнаго вліянія фабрики, по распоряженію фабричной администраціи переводятся временно на самое здоровое занятіе—въ чернорабочіе по двору“ [1]). Такъ же точно д-ръ Л. Бертенсонъ, говоря о возмутительной эксплуатаціи рабочихъ силъ на нефтяныхъ промыслахъ, указываетъ на „отрадное исключеніе“, представляемое фирмой Бенкендорфъ и К°, у которой „уже пятый годъ работа кочегаровъ и тартальщиковъ ограничена восемью часами, при чемъ ночная шестичасовая вахта замѣнена четырехчасовою“; и какъ это обыкновенно бываетъ, улучшеніе условій труда приноситъ прямую выгоду предпринимателямъ: даже мѣстная техническая коммиссія ссылается на примѣръ названной фирмы „въ подтвержденіе той истины, что съ уменьшеніемъ продолжительности работы промышленное дѣло только выигрываетъ“ [2]). Предъ нами отчетъ о современномъ состояніи одного изъ самыхъ крупныхъ и цвѣтущихъ предпріятій — о заводѣ и рудникахъ „Южно-русскаго днѣпровскаго металлургическаго общества“. Продолжительность рабочаго дня какъ на рудникахъ, такъ и на заводѣ установлена въ *десять* часовъ. Средній заработокъ заводскихъ рабочихъ, работающихъ попудно, поштучно и вообще задѣльно, ко-

[1]) Дементьевъ, примѣч. на стр. 176, 177, 179, 237 и 246.

[2]) Л. Бертенсонъ, тамъ же, стр. 44 и 48 (прим.).

леблется между 1 р. 77 к. и 1 р. 94 к. въ день; рудничные же рабочіе получаютъ въ среднемъ по 1 р. 20 коп. въ день. При заводѣ устроены двѣ колоніи—одна для служащихъ, а другая для рабочихъ. Первая состоитъ изъ 17 одно-этажныхъ и 5 двухъ-этажныхъ каменныхъ домовъ, заключающихъ въ себѣ 76 квартиръ; при всѣхъ домахъ имѣются ледники, погреба и прочія хозяйственныя принадлежности. На устройство этихъ домовъ затрачено 390 тысячъ рублей. Колонія для рабочихъ состоитъ изъ 93 одно-этажныхъ, частью каменныхъ, частью же деревянныхъ, обложенныхъ кирпичемъ домовъ, со всѣми необходимыми службами; устройство этой колоніи обошлось въ 223 тыс. рублей. Для снабженія водою обѣихъ колоній построено особое каменное водонапорное зданіе съ двумя желѣзными баками объемомъ въ 58 метровъ, установленными на высотѣ 18 метровъ; вода накачивается въ эти баки изъ каменнаго резервуара двумя насосами съ керосиновыми двигателями. Для служащихъ и рабочихъ существуетъ общество потребителей, помѣщающееся въ двухъ каменныхъ зданіяхъ, построенныхъ заводомъ и отданныхъ въ безплатное арендное содержаніе обществу; центральная лавка общества занимаетъ двухъ-этажный каменный домъ, а къ отдѣленію лавки примыкаетъ каменное же одно-этажное зданіе дешевой столовой для рабочихъ, содержимой обществомъ потребителей при пособіи отъ завода. Обороты общества составляютъ до 500 тысячъ рублей въ годъ. При заводѣ имѣется двухклассное училище на 365 учениковъ, въ каменномъ зданіи площадью въ 168 квадратныхъ саженъ; въ немъ шесть классныхъ комнатъ, свѣтлый, во всю длину зданія, шириною въ полторы сажени корридоръ, учительская, физическій кабинетъ, актовый залъ во второмъ этажѣ, двѣ комнаты для библіотеки, особыя помѣщенія для служителей, а въ подвальномъ этажѣ—калориферы. При училищѣ состоятъ: завѣдывающій училищемъ, два законоучителя, старшій учитель, старшая учительница, два младшихъ учителя, учитель пѣнія, учитель музыки, учительница рукодѣлій и учитель гимнастики. Курсъ ученія—пятилѣтній; ученіе—безплатное. Содержаніе училища обходится въ годъ около десяти тысячъ рублей. Заводская больница занимаетъ четыре каменныхъ зданія: въ первомъ — амбулаторія и аптека, со свѣтлымъ подвальнымъ этажемъ, въ которомъ помѣщается аптечная лабораторія; во второмъ — главная больница, въ семь палатъ, съ 34 койками, съ операціонною и перевязочною комнатами, съ помѣщеніями для ваннъ, умывальниковъ и т. п.; въ третьемъ—лечебница для заразныхъ больныхъ, на 24 койки; въ четвер-

томъ—кухня и квартиры для фельдшеровъ, провизоровъ и акушерки. При больницѣ состоятъ два доктора, четыре фельдшера, два провизора и одна акушерка. На больницу расходуется не менѣе 25 тысячъ рублей въ годъ; леченіе рабочихъ и ихъ семействъ — безплатное; сверхъ того, раненые и больные получаютъ пособія отъ завода въ размѣрѣ до 12.700 рублей въ годъ [1]). Днѣпровскій заводъ всего менѣе занимается при этомъ филантропіею; онъ только обезпечиваетъ себѣ отличный штатъ рабочихъ, довольныхъ своимъ положеніемъ, и, исполняя предъ ними свой долгъ, достигаетъ въ то же время блестящихъ практическихъ результатовъ въ развитіи своей производительности и доходности: за пять операціонныхъ лѣтъ, съ 1890 года, выдано акціонерамъ въ дивидендъ 82% съ акціонернаго капитала—до 1893 года по 10% и 12%, затѣмъ 20%, а за 1894—95 г. —30%; въ запасный и резервный капиталы отчислено болѣе милліона р., и на погашеніе заводскаго имущества—4¼ милл. рублей. Близорукіе капиталисты, жертвующіе своими рабочими изъ-за экономіи въ издержкахъ производства, должны быть принуждены закономъ дѣлать для рабочихъ то, что̀ дѣлается добровольно, по разумному разсчету, немногими отдѣльными предпринимателями, въ родѣ хозяевъ раменской мануфактуры, фирмы Бенкендорфъ и К⁰ и южно-русскаго днѣпровскаго металлургическаго общества. Государственная власть имѣетъ несомнѣнное нравственное право требовать, чтобы жизненные интересы трудящагося населенія были ограждены отъ произвола и чтобы покровительство, оказываемое нашей крупной промышленности, приносило нѣкоторую пользу и промышленнымъ работникамъ, наиболѣе нуждающимся въ покровительствѣ.

Л. Слонимскій.

[1]) Южно-русское днѣпровское металлургическое общество. Рудники и днѣпровскій заводъ. Москва, 1896, стр. 4—8 и 22.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1897.

Оффиціальныя свѣденія о неурожаѣ. — Проповѣдь недовѣрія къ земству. — „Страшныя слова", возводимыя на степень аргументовъ.—Своеобразная охрана народной нравственности. — Земство и до-реформенные порядки.—Вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій на западной окраинѣ имперіи.—Губернаторскій протестъ противъ земской адвокатуры. — Податные инспектора въ уѣздномъ съѣздѣ.—„Деревенская безопасность" полвѣка тому назадъ и теперь.

До половины ноября въ печати не появлялось общаго обзора мѣръ, принятыхъ центральною администраціей по поводу постигшаго значительную часть имперіи неурожая. Изъ оффиціальныхъ данныхъ, обнародованныхъ министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, видно, что 1897-ой годъ долженъ быть признанъ, съ этой точки зрѣнія, рѣшительно неблагополучнымъ, хотя недоборъ хлѣбовъ и не достигъ размѣровъ 1891 года. Неудовлетворительно (ниже 75% средняго сбора) рожь родилась на всемъ пространствѣ губерній курской, тульской, воронежской, черниговской и области донской, въ иныхъ уѣздахъ и округахъ не доходя и до половины средняго урожая. Во многихъ другихъ губерніяхъ, затронутыхъ неурожаемъ, есть уѣзды сравнительно мало пострадавшіе, но есть и такіе, гдѣ также собрано меньше 50%: сюда относятся губерніи орловская, рязанская, тамбовская, пензенская, нижегородская, саратовская, самарская, оренбургская, астраханская, бессарабская, таврическая, харьковская, московская, пермская и гродненская. Въ болѣе слабой степени неурожай коснулся еще губерній казанской, симбирской, херсонской, екатеринославской, полтавской, кіевской, подольской, волынской, могилевской, минской, витебской, курляндской, калужской, владимірской, вятской, с.-петербургской; здѣсь есть уѣзды, гдѣ собрано менѣе 75%. Немало, наконецъ, уѣздовъ, гдѣ урожай ржи составляетъ отъ 75 до 90%. Почти повсемѣстно плохъ и урожай яровыхъ хлѣбовъ, а также озимой пшеницы. Въ черноземныхъ губерніяхъ неудовлетворителенъ,

сверхъ того, сборъ картофеля, льну и конопли, скуденъ сборъ кормовыхъ средствъ. Все это вмѣстѣ взятое даетъ весьма неутѣшительную картину, мало смягчаемую тѣмъ, что „характерною чертою урожая настоящаго года является его крайняя пестрота", т.-е. существованіе въ одномъ и томъ же уѣздѣ, даже въ одной и той же волости полосъ, не вернувшихъ сѣмянъ, рядомъ съ полосами, давшими хорошую жатву. Вѣдь выведенныя для каждаго уѣзда цифры—среднія, выражающія общій результатъ изслѣдованія; если удовлетворительный, мѣстами, урожай повысилъ ихъ лишь весьма мало, то это указываетъ на совершенно бѣдственное положеніе сельскихъ обществъ или волостей, наиболѣе пострадавшихъ. Чрезвычайно неблагопріятно, вдобавокъ, то обстоятельство, что мѣстности, наиболѣе пораженныя неурожаемъ, принадлежатъ, бо́льшею частью, къ числу тѣхъ, на которыхъ особенно тяжело отразились голодные годы 1891-ой и 1892-ой. Въ спискѣ уѣздовъ, гдѣ урожай нынѣшняго года не составляетъ и половины средняго, мы находимъ и лукояновскій (нижегородской губерніи), и николаевскій съ новоузенскимъ (самарской губ.), и челябинскій (оренбургской губ.), и богородицкій, ефремовскій, епифанскій (тульской губ.), и богучарскій (воронежской губ.), и ливенскій (орловской губ.), имена которыхъ такъ глубоко врѣзались въ память во время печальной годины, пережитой Россіей пять-шесть лѣтъ тому назадъ. Повторяются, отчасти, и тѣ своеобразныя явленія, театромъ которыхъ были тогда нѣкоторые изъ названныхъ уѣздовъ. Въ злосчастномъ лукояновскомъ уѣздѣ, напримѣръ, вновь выступаютъ на сцену, вмѣстѣ съ прежними дѣятелями, и прежніе способы дѣйствій. Предводителемъ дворянства вновь избранъ г. Философовъ, кандидатомъ къ нему—г. Пушкинъ, игравшіе видную роль въ продовольственной коммиссіи 1891 года, благодаря которой русскій языкъ обогатился терминомъ: „лукояновщина". До вступленія ихъ въ должность продовольственная помощь, необходимая для уѣзда, была опредѣлена въ 250 тыс. пудовъ—но при нихъ начались сокращенія вшестеро, вдесятеро: въ одномъ участкѣ—съ 30 до 5 тыс. пуд., въ другомъ—съ 60 до 6 тыс. За предѣлами лукояновскаго уѣзда „сократительная политика" проявляется, можетъ быть, не такъ энергично, но признаки ея замѣтны во многихъ мѣстахъ—и скоро, по всей вѣроятности, обнаружатся и ея результаты, въ видѣ обостренія народной нужды. Возводить эту политику въ принципъ, пріискивать для нея теоретическія опредѣленія—остается, какъ и прежде, незавидной задачей реакціонной печати. А между тѣмъ, даже на ея страницахъ попадается иногда, какъ бы невзначай, яркое признаніе фактовъ, отрицаемыхъ ad majorem gloriam предвзятаго взгляда. „Предстоящій 1898-ой годъ"—читаемъ мы, напримѣръ, въ статьѣ г. Ромера: „Рус-

ская деревня" (Московскія Вѣдомости", № 259)—„болѣе чѣмъ когда-нибудь и во всякомъ случаѣ гораздо яснѣе, чѣмъ 1892-ой г., покажетъ намъ страшныя послѣдствія существованія изо дня въ день, безъ малѣйшей возможности, для огромнаго большинства, составить себѣ хотя бы какой-либо запасецъ... Если не въ 1898 г., то во всякомъ слѣдующемъ серьезный неурожай будетъ роковымъ ударомъ для народа, въ большинствѣ своемъ обезпеченнаго лишь кратковременною работой на недостаточныхъ клочкахъ земли". Само собою разумѣется, что бѣдственное положеніе массы, констатируемое этими словами, не можетъ быть устранено *одною* продовольственною помощью—но столь же очевидно и то, что стоящимъ на краю гибели помощь, хотя бы палліативная и временная, должна быть оказана, въ критическую минуту, быстро и въ широкихъ размѣрахъ: для хронически-больного особенно опасно всякое острое заболѣваніе. Ошибка, заключающаяся въ избыткѣ помощи, во сто кратъ лучше, чѣмъ ошибка, заключающаяся въ ея недостаткѣ... При наличности условій, не отрицаемыхъ даже г. Ромеромъ, менѣе всего цѣлесообразна проповѣдь систематическаго недовѣрія къ земству, усердно продолжаемая „Московскими Вѣдомостями". Напоминая, въ сентябрьскомъ обозрѣніи, исторію неурожая 1891-го года, мы привели неопровержимыя доказательства тому, что земская оцѣнка нужды, сначала навлекавшая на земство упрекъ въ легкомысленномъ преувеличеніи, не только, сплошь и рядомъ, оправдывалась на самомъ дѣлѣ, но оказывалась ниже дѣйствительной потребности. „Быть можетъ", — таковъ былъ нашъ заключительный выводъ,—„быть можетъ, гдѣ-нибудь и наблюдалось обратное явленіе; мы будемъ ожидать на этотъ счетъ точныхъ указаній московской газеты—но уже теперь, не рискуя ошибиться, позволяемъ себѣ утверждать, что *общимъ правиломъ*, въ 1891 г., было вѣрное опредѣленіе народныхъ потребностей именно земствомъ, а не администраціей, поздно и неохотно убѣждавшейся въ основательности земскихъ разсчетовъ". Что же намъ отвѣчаютъ на это, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ, „Московскія Вѣдомости" (№ 291)? Совершенно оставляя въ сторонѣ 1891-ый годъ, къ которому прямо относилась вся наша замѣтка, онѣ ссылаются на ходатайства, возбужденныя земствами полтавскимъ и тверскимъ: первымъ—въ 1892 г., вторымъ—въ 1896 г. Полтавское земство просило о двухмилліонной ссудѣ, но когда ему, вмѣсто этого, дано было, съ Высочайшаго соизволенія, лишь разрѣшеніе на позаимствованіе хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ сельскихъ обществъ, *оно не только обошлось своими запасами, но и далеко не израсходовало ихъ* (курсивъ „Московскихъ Вѣдомостей"). Для позаимствованія хлѣба изъ запаснаго общественнаго магазина на нужды того общества, которому магазинъ принадлежитъ, Высочайшее соизволеніе, какъ из-

вѣстно, не требуется. Отсюда слѣдуетъ заключить, что соизволеніе было дано на передачу въ пользованіе однихъ сельскихъ обществъ запасовъ, собранныхъ другими (какъ это дѣлается иногда—между прочимъ, и въ нынѣшнемъ году — при *пестромъ* урожаѣ, т.-е. при чередованіи благополучныхъ мѣстностей съ неблагополучными). Чтобы судить о значеніи этой мѣры, сравнительно съ ссудой, которую первоначально испрашивало полтавское земство, нужно было бы знать, какую цѣнность представлялъ собою хлѣбъ, дѣйствительно взятый изъ магазиновъ и израсходованный земствомъ. Объ этомъ „Московскія Вѣдомости“ не говорятъ ни слова—и смыслъ приводимаго имъ факта, если и допустить его точность, остается совершенно неяснымъ. Что касается до тверского губ. земства, то оно, по словамъ московской газеты, просило о ссудѣ изъ имперскаго продовольственнаго капитала 150 тысячъ рублей. Министерство внутреннихъ дѣлъ, находя, что размѣръ ссуды опредѣленъ гадательно, поручило тверскому губернатору собрать, черезъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ и главнымъ образомъ черезъ земскихъ начальниковъ, свѣденія о размѣрахъ продовольственной нужды. При исполненіи этого распоряженія многія селенія и даже цѣлыя волости отказались отъ ссуды, узнавъ, что ее придется возвратить казнѣ; раньше, на основаніи увѣреній „какихъ-то самозванныхъ друзей народа“, крестьяне полагали, что хлѣбъ будетъ имъ выданъ въ безвозвратное пособіе. Въ концѣ концовъ губернаторъ нашелъ возможнымъ возбудить ходатайство о ссудѣ лишь въ размѣрѣ впятеро меньшемъ противъ опредѣленнаго земствомъ. Признаемся откровенно—этотъ фактъ не имѣетъ въ нашихъ глазахъ никакой убѣдительной силы: зная, какія отношенія существовали, до самаго послѣдняго времени, между тверскимъ земствомъ и тверскимъ губернаторомъ, мы ничуть не удивляемся тому, что мнѣніе перваго не встрѣтило поддержки со стороны второго, и что изслѣдованіе, произведенное полиціей и земскими начальниками, привело къ результату, несходному съ выводами земскаго собранія. Недаромъ же московская газета еще недавно выдала земскимъ начальникамъ похвальный аттестатъ, удостовѣряя, что они всегда стоятъ „за полное отсутствіе необходимости въ продовольственной помощи“ или „за неизмѣримо меньшій“, сравнительно съ земскими разсчетами, размѣръ ея. Болѣе чѣмъ гдѣ-либо, конечно, такой аттестатъ подходитъ къ земскимъ начальникамъ тѣхъ губерній, гдѣ особенно обостренъ антагонизмъ между администраціей и земствомъ.

Воззрѣніямъ реакціонной печати на *примѣненіе* дѣйствующаго продовольственнаго устава вполнѣ соотвѣтствуютъ требованія, предъявляемыя ею къ его *пересмотру*: новый законъ о народномъ продовольствіи долженъ „достроить и упрочить исторически - сложившуюся

систему", отнюдь не измѣняя ея основныхъ началъ, т.-е. сословнаго характера продовольственныхъ средствъ и заимообразнаго характера продовольственной помощи. Чрезвычайно знаменательны аргументы, пускаемые въ ходъ для подкрѣпленія этого тезиса. Возражая противъ образованія, изъ общихъ бюджетныхъ средствъ, продовольственныхъ капиталовъ, изъ которыхъ, въ голодные годы, выдавались бы безвозвратныя пособія нуждающемуся населенію, „Московскія Вѣдомости" утверждаютъ, что при такомъ способѣ рѣшенія вопроса одна часть населенія существовала бы на счетъ другой. „Нашъ крестьянинъ"— такъ разсуждаетъ газета — „нашъ крестьянинъ, обращаясь къ государственной помощи, беретъ только ссуду, которую долженъ возвратить, и поэтому не испытываетъ на себѣ деморализующаго дѣйствія системы, пріучающей его жить на чужой счетъ... Продовольственные капиталы образованы сборами съ крестьянъ, и крестьяне же ими и пользуются. Кромѣ того, продовольственные капиталы никогда не выдаются безвозвратно, а всегда только въ ссуду, и поэтому, такъ же какъ и натуральные запасы, не имѣютъ ничего общаго съ развращеніемъ населенія содержаніемъ его на государственный счетъ... Было бы печально, если бы ко всѣмъ развращающимъ нашу деревню вліяніямъ прибавили еще одно новое вліяніе—искусственно привитое сознаніе *права на хлѣбъ*. А это неминуемо явилось бы, еслибы мы стали въ дѣлѣ продовольственной реформы на точку зрѣнія всесословныхъ сборовъ и безвозвратныхъ пособій"... *Право на хлѣбъ, существованіе одной части населенія на счетъ другой, содержаніе населенія на государственный счетъ* — сколько „страшныхъ словъ", нанизываемыхъ одно на другое, сколько „жупеловъ", долженствующихъ внушить спасительный трепетъ! *Право на хлѣбъ* — вѣдь это, пожалуй, нѣчто въ родѣ „права на трудъ"; содержаніе одной части населенія на счетъ другой—нѣчто въ родѣ содержанія бѣдныхъ на счетъ богатыхъ!.. Умыселъ здѣсь, очевидно, тотъ, чтобы выдвинуть на сцену пугало соціализма и заслонить имъ чисто практическій вопросъ, не заключающій въ себѣ ровно ничего „опаснаго". Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что установленъ новый, для всѣхъ обязательный сборъ на образованіе продовольственнаго капитала, или на тотъ же предметъ обращена часть общихъ бюджетныхъ средствъ, составляющихся изъ всей совокупности государственныхъ доходовъ. Что ненормальнаго было бы въ томъ, что изъ этого капитала были бы выдаваемы, въ голодные годы, безвозвратныя пособія крестьянамъ, нуждающимся въ хлѣбѣ? Вѣдь крестьяне были бы сами вкладчиками въ капиталъ, и притомъ вкладчиками главными—не по размѣру каждаго отдѣльнаго вклада, а по общему количеству вкладовъ и общей ихъ суммѣ. Между государственными расходами и теперь можно найти

немало такихъ, которые покрываются всѣми сословіями, но идутъ преимущественно или исключительно на пользу одного. Возьмемъ, для примѣра, хотя бы высшія учебныя заведенія, въ особенности привилегированныя: содержаніе ихъ оплачивается, вполнѣ или отчасти, изъ государственной казны, т.-е. изъ средствъ всего народа—а громадное большинство учащихся въ нихъ принадлежитъ къ такъ-называемымъ высшимъ общественнымъ классамъ иди даже къ одному только дворянству. Сюда же относятся доплаты изъ государственной казны, производимыя съ цѣлью облегчить заемщиковъ бывшаго общества взаимнаго поземельнаго кредита, да и вообще всѣ льготы, лицевая сторона которыхъ — выгода той или другой общественной группы, оборотная—обремененіе массы плательщиковъ. О математически-точномъ, строго-пропорціональномъ распредѣленіи удобствъ, доставляемыхъ расходомъ, между всѣми его участниками не можетъ быть рѣчи даже въ мѣстномъ обложеніи, тѣмъ болѣе — въ государственномъ [1]). Критеріемъ цѣлесообразности и справедливости расхода можетъ служить, поэтому, только его польза и необходимость — необходимость, конечно, съ точки зрѣнія не классовой и не сословной, а общегосударственной. Требованіямъ, такимъ образомъ поставленнымъ, продовольственная помощь изъ общихъ бюджетныхъ средствъ или изъ спеціальныхъ всесословныхъ сборовъ удовлетворяетъ въ несравненно большей степени, чѣмъ многое другое въ области существующаго или проектируемаго. Государство непосредственно заинтересовано не только въ томъ, чтобы населеніе, въ голодный годъ, было снабжено хлѣбомъ, но и въ томъ, чтобы оно было снабжено имъ на условіяхъ, допускающихъ возможно скорое и полное возстановленіе народнаго благосостоянія. Какъ бы своевременна и широка ни была помощь, она никогда не возмѣщаетъ и не можетъ возмѣстить *всѣхъ* потерь, причиненныхъ неурожаемъ. Разстройство хозяйства, и до бѣды еле-елѣ державшагося на сколько-нибудь сносномъ уровнѣ, продолжается и по минованіи голоднаго года. Чрезвычайно важно, поэтому, чтобы къ бремени, лежащему на крестьянинѣ при нормальныхъ условіяхъ—бремени, увеличившемуся неизбѣжной въ неурожайный годъ податной недоимкой, —не присоединялась еще обязанность срочнаго возврата продовольственной ссуды. Извѣстно, съ какими трудностями сопряжено взысканіе этихъ ссудъ, какъ часто оно не приводитъ къ цѣли, какая значительная доля продовольственныхъ недоимокъ, въ концѣ концовъ, слагается и списывается со счетовъ. Все это свидѣтельствуетъ съ достаточною ясностью о коренныхъ, неисправимыхъ недостаткахъ дѣй-

[1]) Мы говорили объ этомъ подробно въ ноябрьскомъ обозрѣніи, по поводу организаціи общественнаго призрѣнія.

ствующей системы, о безспорномъ преимуществѣ продовольственныхъ *пособій* передъ продовольственными *ссудами*... Народъ не составляетъ, въ настоящее время, той неразумной, темной массы, какую все еще видятъ въ немъ газетные защитники опеки и произвола. Въ организаціи безвозвратныхъ продовольственныхъ пособій, основанной на участіи всѣхъ сословій въ образованіи продовольственнаго капитала, крестьяне не усмотрѣли бы *права на хлѣбъ*, какъ на даровую подачку, обязательную для болѣе достаточныхъ классовъ населенія. Они поняли бы какъ нельзя лучше, что хлѣбъ, получаемый ими въ минуту невзгоды, купленъ, отчасти, на ихъ же деньги, уплаченныя въ благополучные годы, и что нельзя считать безусловнымъ такое право, пользованіе которымъ поставлено въ зависимость отъ признанія, въ опредѣленномъ порядкѣ и по отношенію къ каждому отдѣльному домохозяину, дѣйствительной и неотложной нужды въ помощи. О демонализующемъ вліяніи безвозвратныхъ продовольственныхъ пособій не могло бы, затѣмъ, быть и рѣчи. Въ настоящее время, получая продовольственную *ссуду*, крестьянинъ часто лелѣетъ мысль, что *фактически* ссуда обратится въ пособіе, т.-е. никогда не будетъ взыскана обратно. И въ этой мысли, конечно, нѣтъ ничего безнравственнаго, но она влечетъ за собою немало практическихъ неудобствъ: хозяйственное положеніе крестьянина остается, въ его собственныхъ глазахъ, не вполнѣ выясненнымъ, онъ живетъ въ постоянныхъ колебаніяхъ между страхомъ и надеждой. Гораздо лучше прямо замѣнить ссуду безвозвратнымъ пособіемъ и дать крестьянину возможность приняться за поправку хозяйства, потрясеннаго неурожаемъ.

Въ своей заботѣ о нравственности крестьянъ „охранительная“ печать идетъ дальше первоначально намѣченной цѣли—защиты основныхъ началъ дѣйствующаго продовольственнаго устава. „Развращающею“ населеніе оказывается не только безвозвратность продовольственныхъ пособій, но и неоплатность продовольственныхъ недоимокъ; сообразно съ этимъ лучшей, наиболѣе желательной формой помощи признается не продовольственная ссуда, а продажа хлѣба когда онъ становится слишкомъ дорогъ, по *болѣе или менѣе* доступнымъ цѣнамъ. Рекомендуется, поэтому, устройство центральныхъ запасныхъ магазиновъ, по образцу заведенныхъ нѣкогда министерствомъ государственныхъ имуществъ („Московскія Вѣдомости“, № 277). Безспорно, такіе магазины могли бы быть очень полезны; въ неурожайные годы гораздо удобнѣе было бы брать хлѣбъ, для раздачи нуждающимся, изъ центральныхъ складовъ, чѣмъ покупать его, поспѣшно и по дорогимъ, сравнительно, цѣнамъ, когда уже разразилось бѣдствіе. Возможно было бы допустить, рядомъ съ раздачей хлѣба, и продажу его изъ магазиновъ, для противодѣйствія чрезмѣрному повышенію цѣнъ

на хлѣбъ—но совершенно немыслимо *ограничиться* одной продажей хлѣба, *замѣнить* ею продовольственныя ссуды и признать ее устраняющею потребность въ продовольственныхъ пособіяхъ. Въ неурожайную годину *покупка* хлѣба, хотя бы и по цѣнамъ пониженнымъ противъ рыночныхъ, невозможна для массы нуждающихся, которые, распродавъ все свое скудное имущество и не находя заработка или не будучи въ состояніи работать, совершенно лишены и наличныхъ средствъ, и кредита. Для нихъ нѣтъ цѣнъ *болѣе или менѣе доступныхъ*—всякая цѣна для нихъ недоступна, и отказать имъ какъ въ пособіи, такъ и въ ссудѣ, значило бы обречь ихъ на голодную смерть. Провозглашать „лучшей, наиболѣе желательной" такую форму помощи, которою могутъ воспользоваться только немногіе, и притомъ наименѣе нуждающіеся—это явная насмѣшка надъ здравымъ смысломъ. Какъ составная и далеко не самая главная часть системы, центральные хлѣбные магазины имѣли бы, безспорно, свой raison d'être; какъ начацею, ихъ могутъ выдвигать на первый планъ только самозванные оберегатели крестьянской нравственности... Любопытно было бы знать, почему тѣ самые органы печати, которые такъ ревниво охраняютъ народъ отъ „деморализирующей" даровой помощи, всегда стоятъ за всякія льготы дворянству, крупному землевладѣнію, крупной фабричной промышленности, не опасаясь отъ того никакого ущерба для морали?

Въ другое время газетный походъ противъ продовольственныхъ пособій, противъ щедрыхъ продовольственныхъ ссудъ, противъ участія земства въ продовольственномъ дѣлѣ могъ бы быть оставленъ безъ вниманія; но въ настоящую минуту онъ опасенъ тѣмъ, что доставляетъ готовый запасъ предлоговъ для „невмѣшательства" или возможно-меньшаго вмѣшательства въ борьбу съ послѣдствіями неурожая. Несправедливо было бы, конечно, приписать *одной* реакціонной печати равнодушіе общества, отсутствіе въ его средѣ движенія, которое хоть сколько-нибудь напоминало бы одушевленіе 1891-го или даже 1892-го года; но едва ли можно отрицать, что постоянное повтореніе одной и той же пѣсни о неосновательности земскихъ ходатайствъ, о бдительности и трезвенной умѣренности земскихъ начальниковъ, о деморализующемъ дѣйствіи широкой продовольственной помощи способствуетъ образованію чего-то въ родѣ „сухого тумана", сквозь который нелегко пробиться лучамъ теплоты и свѣта. И теперь еще не упущено время для болѣе активнаго отношенія къ народному бѣдствію; но каждый уходящій день знаменуетъ собою, быть можетъ, невознаградимыя потери...

Враги всего независимаго и свободнаго хотѣли бы вытѣснить земство не изъ одного только продовольственнаго дѣла: они хотѣли бы совершенно стереть его съ лица земли или сохранить отъ него только однѣ формы, безъ внутренняго содержанія. Никогда еще, кажется, эта задушевная мысль мнимыхъ „охранителей“ не высказывалась такъ ясно, какъ въ полемикѣ противъ распространенія земскихъ учрежденій на окраины имперіи. „Созданное для того, чтобы быть помощникомъ и орудіемъ правительства въ дѣлахъ хозяйственнаго и экономическаго благоустройства, земство не замедлило выродиться въ какое-то *антиправительственное* установленіе, около котораго съ жадностью сгруппировались наши доморощенные конституціоналисты, видящіе въ немъ первую ступень къ осуществленію завѣтной ихъ мечты о вѣнчаніи зданія“. Такова характеристика зла, которое представляютъ собою земскія учрежденія: слѣдомъ за нею идетъ и указаніе лекарства. Насъ увѣряютъ, что „еслибы мѣстное хозяйство находилось въ вѣденіи тѣхъ же комитетовъ земскихъ повинностей, какіе существовали въ до-реформенное время, то, при незначительномъ, сравнительно, преобразованіи этихъ комитетовъ, они дали бы населенію нисколько не менѣе дѣйствительно полезнаго и дѣйствительно необходимаго, чѣмъ дали земскія учрежденія; не было бы только одного — не было бы политической игры и празднословія“. Распорядительные комитеты, завѣдующіе земскимъ хозяйствомъ въ неземскихъ губерніяхъ, дѣйствуютъ не совсѣмъ успѣшно только потому, что, „сохранивъ всѣ устарѣвшія и неудачныя черты до-реформенныхъ комитетовъ земскихъ повинностей, они не сохранили ни одной изъ ихъ хорошихъ сторонъ общественнаго представительства и контроля“; въ прежнихъ комитетахъ „присутствовали представители общества, т-е. дворянства и городовъ, а въ комитетахъ распорядительныхъ эти представители не присутствуютъ“ [1]). Итакъ, карты раскрыты: вмѣстѣ съ цѣлью—уничтоженіемъ земства—ярко выступаетъ на видъ и средство: возстановленіе, въ главныхъ чертахъ, до-реформенныхъ порядковъ и учрежденій. Такая откровенность была бы весьма похвальна, еслибы она не граничила съ безцеремонностью. Въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ ужъ нужно разсчитывать на невѣжество или легкомысліе читателей, чтобы говорить о „хорошихъ сторонахъ“ до-реформеннаго земскаго хозяйства и относить къ ихъ числу *контроль* и *общественное представительство*. Слишкомъ хорошо извѣстно, къ чему сводилось, въ до-реформенныхъ комитетахъ, участіе „депутатовъ“ отъ городовъ и дворянства. По словамъ А. А. Головачева, основаннымъ на личномъ

[1]) Это невѣрно: въ составъ губернскаго распорядительнаго комитета и теперь входятъ губ. предводитель дворянства и городской голова губернскаго города.

опытѣ, „ихъ права обратились въ пустую формальность: депутаты дворянства подписывали смѣты и утверждали отчеты, часто не видавъ ни тѣхъ, ни другихъ. Когда случайно возникали по земскимъ дѣламъ вопросы въ губернскихъ дворянскихъ собраніяхъ, то многіе удивлялись, что у нихъ есть по этому предмету права, и не находили нужнымъ ими пользоваться". По удостовѣренію кн. А. И. Васильчикова, отчеты о земскихъ повинностяхъ никогда не могли быть ревизованы, между прочимъ потому, что никогда не могли быть сведены самимъ начальствомъ. Тѣ изъ депутатовъ, которые „знали дѣло", шли прямо къ начальнику губернаторской канцеляріи и, „подписавъ листъ бумаги, гдѣ свидѣтельствовалось о разсмотрѣніи отчета, отправлялись въ обратный путь". Съ этими отзывами вполнѣ согласно заключеніе, къ которому пришла, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, правительственная коммиссія о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, на основаніи свѣденій, собранныхъ въ министерствахъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ: она нашла, что комитеты земскихъ повинностей не имѣли никакого значенія и были лишь мѣстомъ формальной канцелярской работы. И вотъ, такія учрежденія рекомендуются какъ нѣчто ни въ чемъ не уступающее земству, а кое въ чемъ даже превосходящее его! Болѣе рѣшительнаго приговора надъ реакціонными тенденціями не могли бы произнести и самые ревностные ихъ противники. Кто желаетъ водворить въ земскомъ хозяйствѣ мертвящую рутину и канцелярскій формализмъ, а слѣдовательно и неразрывно связанныя съ ними злоупотребленія, тотъ, очевидно, возстаетъ противъ земства во имя самыхъ невысокихъ побужденій—во имя ненависти ко всему живому, движущемуся, развивающемуся, несовмѣстному съ крѣпостническими привычками и узко-сословнымъ эгоизмомъ.

Плачъ по утраченномъ блаженствѣ до-реформенныхъ порядковъ раздается въ реакціонной печати все чаще и чаще, при каждомъ удобномъ и неудобномъ поводѣ. Подвернулся ей какъ-то „забытый законъ"—ст. 102 устава о земскихъ повинностяхъ, возлагающая на губернатора обязанность заботиться о возможномъ уменьшеніи и ограниченіи земскихъ расходовъ,—и вотъ, она разливается въ сѣтованіяхъ о томъ, что „благодѣтельное дѣйствіе" этого закона, до 1864 г. распространявшееся на всю имперію, теперь ограничено только однѣми не-земскими губерніями. Огражденіе государственною властью отъ „обремененія чрезмѣрно тяжелыми сборами на земскія повинности" составляло „весьма важную гарантію для поддержанія и развитія народнаго благосостоянія", и слѣдовательно *„въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, въ до-реформенное время у насъ существовало очень много цѣлесообразныхъ порядковъ, объ отмѣнѣ которыхъ можно вспоминать лишь съ величайшимъ сожалѣніемъ"*. Этотъ „крикъ сердца"

весьма характеристиченъ. Отъ „воспоминанія съ сожалѣніемъ“ только одинъ шагъ до попытокъ возстановленія „цѣлесообразныхъ порядковъ“—возстановленія отчасти уже и совершившагося, но грезящагося любителямъ старины въ гораздо болѣе еще широкихъ размѣрахъ. Имъ мало усиленія губернаторской власти, допущеннаго земскимъ положеніемъ 1890 года: они мечтаютъ о замѣнѣ земскихъ собраній или, по меньшей мѣрѣ, земскихъ управъ присутственными мѣстами, устроенными по общему бюрократическому типу, съ легкою лишь примѣсью декоративнаго сословнаго элемента. Жестокимъ опроверженіемъ этихъ мечтаній послужило бы, очевидно, всякое распространеніе круга дѣйствія новыхъ учрежденій, хотя бы „дополненныхъ и исправленныхъ“, т.-е. урѣзанныхъ и испорченныхъ—и вотъ почему реакціонная печать приходитъ въ ужасъ отъ одной мысли о введеніи земства въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ оно до сихъ поръ не существуетъ. По отношенію къ западной окраинѣ этотъ ужасъ усугубляется „обрусительскою“ враждою ко всему инородческому и иновѣрческому. И здѣсь на первый планъ выдвигается „жупелъ“, въ видѣ слѣдующей догадки о „господствующемъ впечатлѣніи“ реформы: „правительство, — скажутъ или подумаютъ поляки, при вѣсти о введеніи въ западныхъ губерніяхъ земскихъ учрежденій,—правительство *не можетъ* справиться съ извѣстными задачами и обращается за помощью къ выборнымъ польскимъ людямъ, къ представителямъ польской народной воли“. Wohl ausgesonnen, Pater Lamormain,—можно отвѣтить на это словами Шиллеровскаго Валленштейна, прибавивъ къ нимъ, впрочемъ, и продолженіе ихъ: „Wär' der Gedank' nicht so verwünscht gescheidt, man wär' versucht, ihn herzlich dumm zu nennen“... Въ самомъ дѣлѣ, не лишено хитрости стараніе возбудить мысль, что реформа будетъ истолкована какъ сознаніе правительства въ собственномъ безсиліи—но въ этой хитрости гораздо больше коварства, чѣмъ искусства; слишкомъ ужъ рѣзко бросаются въ глаза бѣлыя нитки, которыми она сшита. Вѣдь изъ того, что земство существуетъ въ центральной Россіи, никто, въ продолженіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ, не выводилъ заключенія о слабости, о несостоятельности правительства; гдѣ же основаніе предполагать, что такое заключеніе будетъ выведено изъ распространенія земскихъ учрежденій на западную окраину имперіи? Какимъ образомъ порядокъ, въ одномъ мѣстѣ признаваемый вполнѣ совмѣстнымъ съ правительственнымъ авторитетомъ, въ другой части той же страны можетъ оказаться для него опаснымъ? Что общаго между естественнымъ стремленіемъ къ объединенію государства подъ дѣйствіемъ однихъ и тѣхъ же, вездѣ и для всѣхъ одинаковыхъ законовъ—и добровольнымъ банкротствомъ правительственной власти, выдачей ею себѣ самой testimonium paupertatis?.. Нѣтъ, Ламор-

меновскій аргументъ никуда не годится и долженъ быть совершенно скинутъ со счетовъ. Немногимъ лучше и другая формула, придуманная нашими—sit venia verbo—земствофобами: „земскія учрежденія (на окраинахъ) откроютъ широкое поле для активной дѣятельности мѣстныхъ инородческихъ элементовъ и объединятъ всѣ мѣстныя, враждебныя русской культурѣ, силы". Это—пророчество безъ пророческаго дара, пророчество, вдохновляемое исключительно недовѣріемъ и ненавистью. Съ такимъ же, по меньшей мѣрѣ, правомъ можно утверждать, наоборотъ, что „инородческіе элементы", получивъ хоть какой-нибудь просторъ для „активной дѣятельности" на пользу родного края, посвятятъ ей часть тѣхъ силъ, которыя теперь пропадаютъ безплодно въ вынужденномъ бездѣйствіи или пассивной оппозиціи.

Поставивъ себѣ задачей нагромоздить какъ можно больше помѣхъ на пути развитія земскихъ учрежденій, реакціонная печать переходитъ отъ общихъ нападеній къ детальнымъ; за „страшными словами" слѣдуетъ нѣкоторое подобіе фактической аргументаціи. Сюда относятся статьи г. Кусторубова: „Земство и юго-западный край" („Московскія Вѣдомости", №№ 304, 305 и 306). Авторъ рекомендуетъ себя уроженцемъ, жителемъ и дѣятелемъ юго-западнаго края—но не даетъ ничего, кромѣ общихъ мѣстъ, которыя можно было бы, не выѣзжая изъ Москвы, заимствовать изъ старыхъ газетныхъ коллекцій. Нѣсколько словъ о Шейлокахъ-евреяхъ, паразитахъ-нѣмцахъ, неисправимо коварныхъ и лицемѣрныхъ полякахъ (между которыми лойяльны, и то лишь изъ-за матеріальныхъ интересовъ, одни крупные заводчики и землевладѣльцы), бѣдныхъ сѣрыхъ мужичкахъ-малороссахъ—и выводъ готовъ, невозможность введенія земскихъ учрежденій въ юго-западномъ краѣ считается доказанною. Какъ образецъ этого наѣзднической способа рѣшенія вопроса, приведемъ буквально сказанное г. Кусторубовымъ о малороссахъ: „Крестьяне (малороссы) слишкомъ еще темны, слишкомъ еще забиты ужаснымъ польскимъ игомъ, чтобы понимать и нести свою миссію во всей ея полнотѣ и важности. Это прекрасный матеріалъ, но ожидающій еще искусныхъ зодчихъ, чтобы быть использованнымъ въ ширь и въ глубь. Не забудемъ также мучительной еврейской кабалы, въ которой поголовно томится здѣшнее крестьянство и которая куда горше крѣпостной зависимости"... „Сплошь и рядомъ,—читаемъ мы дальше,—малороссъ, пройдя высшую школу, становится хохломаномъ. Пока хохломанство ограничивается предпочтеніемъ Старицкаго Шекспиру и культомъ діда Тараса, то оно только смѣшно; но съ нимъ нужно считаться, когда подъ нимъ разумѣется цѣлая федералистская программа, насчитывающая не мало послѣдователей. Такіе хохломаны—еще болѣе ярые враги

Руси, чѣмъ поляки. Ихъ идеалъ и историческій герой—Мазепа, первый активный хохломанъ-федералистъ". Ну, развѣ это не повтореніе избитыхъ клише, всѣмъ успѣвшихъ надоѣсть до тошноты? Проникающая ихъ фальшь особенно замѣтна именно въ примѣненіи къ земскому вопросу. Если малорусская крестьянская масса темна, то тѣмъ нужнѣе призваніе ея къ свѣту, достигаемое, между прочимъ, именно путемъ участія въ земскихъ учрежденіяхъ. Именно въ земствѣ она можетъ привыкнуть къ открытому заявленію своихъ нуждъ, къ открытой, мирной борьбѣ съ силами, ее угнетающими, все равно, коренятся ли онѣ въ старыхъ помѣщичьихъ традиціяхъ или въ новой еврейской эксплуатаціи; именно въ земствѣ она можетъ проникнуться сознаніемъ своей равноправности съ другими сословіями и національностями; именно въ земствѣ она можетъ найти, въ своей собственной средѣ или въ средѣ другихъ народолюбивыхъ элементовъ, тѣхъ „искусныхъ зодчихъ", о которыхъ говоритъ г. Кусторубовъ (искусныхъ, конечно, не въ его направленіи и духѣ). Ожидать появленія такихъ „зодчихъ" помимо и внѣ земства представляется тѣмъ менѣе основанія, что въ юго-западномъ краѣ, по собственному признанію г. Кусторубова, чрезвычайно сильно развитъ абсентеизмъ крупныхъ землевладѣльцевъ русскаго происхожденія и почти совершенно отсутствуютъ русскіе арендаторы и мелкіе землевладѣльцы... Занявъ мѣсто въ земствѣ, крестьяне-малороссы могли бы позаботиться, между прочимъ, и о болѣе широкомъ распространеніи въ ихъ средѣ начальнаго обученія. Пускай г. Кусторубовъ утверждаетъ, что „на родинѣ церковно-приходской школы (школа Ярослава Мудраго) только и должна существовать церковно-приходская школа": для всѣхъ тѣхъ, кого не убаюкиваетъ шумиха фразъ, совершенно ясно, что въ юго-западномъ краѣ, какъ и вездѣ, рядомъ съ церковно-приходской школой (и министерской, о существованіи которой г. Кусторубовъ почему-то забываетъ), есть мѣсто и для земской... Если оставить въ сторонѣ евреевъ, за которыми нынѣ дѣйствующее земское положеніе не признаетъ никакихъ избирательныхъ правъ, и нѣмцевъ, составляющихъ ничтожное меньшинство населенія, то программа г. Кусторубова можетъ быть выражена въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: „поляковъ не нужно пускать въ земство потому, что они поляки, малороссовъ—потому, что они малороссы" [1]). Какъ одна изъ безчисленныхъ варіацій на старую тему: *не пущать*, эта программа не имѣетъ даже достоинства оригинальности.

Въ виду крайней слабости доводовъ, выставляемыхъ противъ рас-

[1]) Такъ называемое „хохломанство", въ основаніи своемъ—не что иное, какъ совершенно естественное желаніе сохранить и оградить лингвистическія, этнографическія и культурныя особенности малорусскаго племени.

ширенія сферы дѣйствія земства, мы затрудняемся повѣрить извѣстію, съ торжествомъ провозглашенному петербургскимъ корреспондентомъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 307)—извѣстію о томъ, что мысль о введеніи земскихъ учрежденій въ губерніяхъ сѣверо-западнаго края, *какъ преждевременная*, оставлена *окончательно*, и не совсѣмъ еще рѣшенъ развѣ вопросъ о введеніи ихъ въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ. По словамъ того же корреспондента, изъ числа губернскихъ совѣщаній сѣверо-западнаго края за введеніе земскихъ учрежденій высказалось только одно ковенское, а губернскія совѣщанія юго-западнаго края высказались за него всѣ. Подчеркивается, при этомъ, то обстоятельство, что именно въ ковенской губерніи „преобладающимъ элементомъ населенія является не русскій, а тотъ, за автономію котораго распинаются теперь петербургскіе *литвоманы*“. Въ нашихъ глазахъ это обстоятельство также имѣетъ особое значеніе, но совсѣмъ не то, которое приписываетъ ему московская газета. Какой бы элементъ ни преобладалъ въ *населеніи* губерніи—въ *совѣщаніи*, составленномъ преимущественно изъ должностныхъ лицъ, господствовалъ, безъ сомнѣнія, элементъ русскій, и притомъ административный. Если ему не показалась страшной мысль о введеніи земства въ наиболѣе инородческой изъ сѣверо-западныхъ губерній, то не служитъ ли это лучшимъ доказательствомъ неосновательности опасеній, высказанныхъ, при сравнительно благопріятныхъ условіяхъ, совѣщаніями виленскимъ и гродненскимъ? Не знаменательно ли и то, что реформу, отвергаемую большинствомъ сѣверо-западныхъ губернскихъ совѣщаній, совѣщанія юго-западнаго края единогласно признаютъ желательною и осуществимою? Не наводитъ ли это на мысль, что рѣшающимъ моментомъ было и тамъ, и тутъ мнѣніе главнаго начальника края? Припомнимъ, что на вопросъ, поставленный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, сѣверо-западныя губернскія совѣщанія отвѣчали еще при жизни генералъ-губернатора Оржевскаго, высказавшагося противъ введенія въ сѣверо-западномъ краѣ земскихъ учрежденій... Корреспонденція „Московскихъ Вѣдомостей“ заканчивается словами: „окончательное рѣшеніе вопроса всецѣло зависитъ теперь отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, и послѣдуетъ не ранѣе будущаго года“. Итакъ, *преждевременность* введенія въ западныхъ губерніяхъ земскихъ учрежденій *окончательно* еще не признана? Будемъ надѣяться, что изъ противорѣчивыхъ свѣденій, сообщаемыхъ корреспондентомъ, ближе къ истинѣ послѣднее, и что *окончательное* рѣшеніе вопроса—зависящее, впрочемъ, не только отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, но и отъ государственнаго совѣта, которымъ вопросъ и возбужденъ—окажется несогласнымъ съ ожиданіями реакціонной печати.

Параллельно съ кампаніей противъ распространенія территоріальной сферы дѣйствій земства идетъ, по прежнему, походъ противъ существующихъ земскихъ учрежденій, противъ ихъ самостоятельности и самодѣятельности. Около года тому назадъ въ разныхъ земскихъ губерніяхъ почти одновременно возникла мысль о содѣйствіи сельскому населенію въ пріисканіи судебной или юридической помощи, которая въ сельской глуши, да и въ небольшихъ городахъ, обыкновенно отсутствуетъ вовсе или принимаетъ нежелательную форму подпольной адвокатуры. Съ этою цѣлью были устроены, на разныхъ основаніяхъ, земскія юридическія консультаціи. Первымъ вступило на эту дорогу лохвицкое (полтавской губерніи) уѣздное земство; но постановленіе его было опротестовано губернаторомъ и отмѣнено губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ, какъ выходящее изъ круга вѣдомства земскихъ учрежденій. На рѣшеніе присутствія лохвицкая уѣздная земская управа принесла, по уполномочію земскаго собранія, жалобу въ сенатъ, ссылаясь, между прочимъ, на § 11 ст. 2 Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, относящій къ вѣдомству земства воспособленіе земледѣлію, торговлѣ и промышленности. Само собою разумѣется, что вслѣдъ за этимъ на лохвицкое земство обрушились громы реакціонной печати. „Если подъ флагомъ воспособленія земледѣлію и т. п.—восклицаютъ „Московскія Вѣдомости“ (№ 296)—можно провести новый видъ земской бюрократіи, то спрашивается, чего нельзя будетъ еще провести подъ этимъ флагомъ? Если земскій адвокатъ можетъ воспособлять земледѣлію, то почему тому же земледѣлію не можетъ воспособлять земскій литераторъ, земскій актеръ, земскій художникъ“? Болѣе узкаго, буквоѣдскаго пониманія земской дѣятельности нельзя себѣ и представить. Ст. 2-я земскаго Положенія, намѣчающая, въ главныхъ чертахъ, содержаніе и предѣлы этой дѣятельности, вовсе не имѣетъ исчерпывающаго, рестриктивнаго значенія и никогда, даже въ эпоху наименьшаго довѣрія къ земству, не толковалась въ этомъ смыслѣ и правительствомъ. Въ какомъ параграфѣ, напримѣръ, предусмотрѣны, en toutes lettres, земскія статистическія изслѣдованія, постоянно допускавшіяся и до сихъ поръ допускаемыя администраціей, съ ограниченіями только во времени или въ деталяхъ? Какимъ параграфомъ разрѣшены земскія періодическія изданія, возникавшія въ разныхъ губерніяхъ и до сихъ поръ кое-гдѣ существующія? Что противнаго духу земскаго Положенія было бы въ устройствѣ на земскій счетъ, въ деревняхъ, театральныхъ представленій, съ цѣлью отвлеченія крестьянъ отъ пьянства и разгула? Если есть „земскіе литераторы“, т.-е. писатели, работающіе въ земскихъ изданіяхъ и получающіе вознагражденіе изъ земскихъ средствъ, то почему невозможны „земскіе актеры“? Еслибы, наконецъ, законъ и не оставлялъ мѣста

для „земскихъ литераторовъ и актеровъ“, то отсюда нельзя было бы еще вывести заключенія, неблагопріятнаго для „земской адвокатуры“. Съ профессіональною дѣятельностью массы населенія, о которой преимущественно (но не исключительно) должно заботиться земство, правильное устройство даровыхъ или дешевыхъ юридическихъ консультацій соединено тѣсною, непосредственною связью. *Косвенно* помочь крестьянину можетъ и газетная статья, и спектакль—но во-время и умѣстно данный юридическій совѣтъ помогаетъ ему *прямо*, предохраняя его хозяйство отъ трудно-вознаградимаго вреда или отъ совершеннаго разстройства. Что назначеніе суда состоитъ, между прочимъ, въ охранѣ земледѣльческой и всякой другой промышленности — это элементарная, азбучная истина; но столь же несомнѣнно и то, что такая охрана становится мнимой, если нѣтъ на лицо умѣнья пользоваться ею. Незнаніе, къ кому и какъ обратиться для защиты личнаго или имущественнаго права—отнюдь не меньшій источникъ разоренія, чѣмъ появленіе сибирской язвы или гессенской мухи, и болѣе чѣмъ странно утверждать, что земство, ведущее борьбу съ послѣдними, *должно* сложа руки смотрѣть на первое. Кромѣ § 11 ст. 2-й, существуетъ, наконецъ, еще § 3-й, предоставляющій земству оказывать пособія нуждающемуся населенію разрѣшенными закономъ способами —а въ устройствѣ юридическихъ консультацій нѣтъ, конечно, ничего противозаконнаго... Не трудно замѣтить, впрочемъ, что вопросъ о незаконности играетъ, въ данномъ случаѣ, только роль ширмъ, за которыми скрываются обычныя поползновенія реакціонной печати. „Земская адвокатура“ ненавистна ей какъ посягательство на полновластіе земскихъ начальниковъ. „Дѣятельность земскихъ адвокатовъ, еслибы таковая осуществилась,—читаемъ мы въ той же статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“,—прежде всего и главнѣе всего направится на борьбу противъ земскихъ начальниковъ, на противодѣйствіе ихъ и безъ того не легкой работѣ... Вмѣсто того, чтобы содѣйствовать торжеству права въ деревнѣ, земская адвокатура будетъ содѣйствовать элементамъ безправія и безпорядка... Ничего, кромѣ распложенія дрязгъ, апелляцій и кассацій, она не внесетъ въ деревенскую жизнь“. Какъ характерно это причисленіе „апелляцій и кассацій“ къ разряду *дрязгъ!* Какъ ясно выразилась въ немъ тенденція устранить критику дѣйствій и рѣшеній земскихъ начальниковъ — ту законную критику, путемъ обжалованія, которой долженъ желать, которую всячески долженъ облегчать судья, достойный этого имени! Откровенность газеты идетъ еще дальше. Упомянувъ, съ сожалѣніемъ, о „компромиссахъ, наложившихъ свою руку на прекрасно задуманный институтъ земскихъ начальниковъ“, она провозглашаетъ необходимость „стремиться къ тому, чтобы между земскимъ начальникомъ—этимъ народнымъ судьей (!)—и обывателемъ

никого не стояло". Предоставленные собственнымъ силамъ, „обыватели", въ огромномъ большинствѣ случаевъ, будутъ подчиняться рѣшеніямъ начальства, какъ бы они ни были несправедливы—и „институтъ", освобожденный отъ „компромиссовъ", исполнитъ все, чего отъ него ожидаютъ наши „охранители"... Компромиссомъ, съ ихъ точки зрѣнія, является даже... участіе податного инспектора въ рѣшеніи нѣкоторыхъ административныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ уѣздному съѣзду. Всякая попытка расширить это участіе встрѣчаетъ ожесточенное противодѣйствіе реакціонной печати, тѣмъ болѣе знаменательное, что рѣчь идетъ здѣсь уже не объ „интеллигентахъ" (земскихъ адвокатахъ), а о такихъ же чиновникахъ, какъ сами земскіе начальники [1]). „Разбавлять составъ уѣзднаго съѣзда—восклицаютъ „Московскія Вѣдомости" (№ 302)—элементами, не принадлежащими собственно къ крестьянскому управленію и неотвѣтственными за него, значитъ ослаблять административную силу этого органа, что̀ не можетъ остаться, конечно, безъ вреднаго вліянія на все крестьянское управленіе". Какимъ образомъ значеніе административнаго учрежденія можетъ быть подорвано административнымъ же элементомъ—это было бы совершенно непонятно, еслибы терминъ: „административная сила", въ устахъ московской газеты, не былъ синонимомъ „административнаго произвола". Чтобы разгуляться на просторѣ, произволъ долженъ быть сосредоточенъ въ рукахъ небольшой, однородной группы, связанной узами служебнаго товарищества и не выносящей сору изъ избы. Образованію такой группы мѣшаютъ представители „постороннихъ вѣдомствъ": въ административномъ присутствіи уѣзднаго съѣзда—податной инспекторъ, въ судебномъ — уѣздный членъ окружного суда и городской судья... Inde irae!

По странной непослѣдовательности, желаніе сдѣлать земскихъ начальниковъ безконтрольными и фактически безапелляціонными рѣшителями судебъ крестьянства идетъ рука объ руку съ стремленіемъ доказать, что земскіе начальники отлично, какъ настоящіе судьи, справляются съ своими судебными функціями. Иногда это стремленіе выражается въ крайне забавныхъ формахъ. Въ „Журналѣ Министерства Юстиціи" появилась недавно статья г. Рогеля объ условномъ осужденіи. „Московскія Вѣдомости" (№ 297) дѣлаютъ изъ нея слѣдую-

---

[1]) По словамъ „Русскихъ Вѣдомостей", участіе податного инспектора во *всѣхъ* дѣлахъ административнаго присутствія уѣзднаго съѣзда уже теперь практикуется въ десяти изъ тринадцати уѣздовъ московской губерніи. Оно признается полезнымъ какъ потому, что податному инспектору лучше всего извѣстно экономическое положеніе населенія, такъ и потому, что податные инспектора—почти всѣ люди съ высшимъ (бо̀льшею частью юридическимъ) образованіемъ, чего отнюдь нельзя сказать о большинствѣ земскихъ начальниковъ.

щую цитату: „въ судебной области земскимъ начальникамъ пришлось усвоить себѣ судебное правописаніе; ихъ протоколы и приговоры часто представляютъ просто повтореніе прежнихъ протоколовъ и приговоровъ мировыхъ судей, отъ которыхъ они получили, бо̀льшею частью, и письмоводителей". Изъ этого „признанія", самой газетою правильно называемаго „очень скромнымъ", дѣлается выводъ, что земскіе начальники —„по крайней мѣрѣ такіе же хорошіе, съ внѣшней стороны, судьи, какими были и представители мировой юстиціи", а затѣмъ высказывается *увѣренность*, что „въ недалекомъ будущемъ либеральная печать признаетъ и внутреннія достоинства земскихъ начальниковъ". Не слишкомъ ли поспѣшны всѣ эти заключенія? Что̀ общаго между „судебнымъ правописаніемъ", воспроизводящимъ ранѣе выработанныя внѣшнія формы, и судебнымъ творчествомъ, т.-е. живымъ примѣненіемъ закона къ живой дѣйствительности, развитіемъ правовыхъ нормъ въ ихъ истинномъ духѣ и смыслѣ? Самое „судебное правописаніе" не усвоено ли земскими начальниками именно и только благодаря тѣмъ „компромиссамъ", противъ которыхъ негодовала и негодуетъ реакціонная печать — напримѣръ, процессуальнымъ правиламъ 29-го декабря 1889 г., почти ни въ чемъ не измѣнившимъ постановленія судебныхъ уставовъ?.. Вмѣсто того, чтобы предугадывать будущія сужденія либеральной печати, „Московскимъ Вѣдомостямъ" слѣдовало бы тверже помнить кое-какіе отзывы ихъ собственныхъ сотрудниковъ, относящіеся къ ближайшему прошедшему и къ настоящему. Вотъ что̀ пишетъ, напримѣръ, г. Ромеръ въ № 311 московской газеты: „деревенскому наблюдателю не можетъ не броситься въ глаза совпаденіе остраго періода неурядицы съ нашею послѣдней уѣздною реформой... Я глубоко сочувствую основной мысли института земскихъ начальниковъ, признаю ее единственно правильною и благотворною для деревни, но отнюдь не восхищаюсь ея осуществленіемъ на практикѣ. По волѣ судебъ, *персоналъ земскихъ начальниковъ не только оказался значительно ниже личнаго состава бывшихъ мировыхъ судей*, но и поставленъ во многихъ отношеніяхъ весьма неудачно. Какъ ни прискорбно, но совершенно оправдывать земскихъ начальниковъ въ обостреніи сельской неурядицы — невозможно: кое-гдѣ они были ея попустителями, а кое-гдѣ даже и сами значительно ей содѣйствовали". Еслибы эти слова появились не на столбцахъ „Московскихъ Вѣдомостей", что̀ сказали бы о нихъ присяжные хвалители новаго института, видящіе въ немъ основу народной нравственности и народнаго счастья? И во что̀ обращаются, въ виду свидѣтельства г. Ромера, смѣлыя увѣренія „Московскихъ Вѣдомостей", что „земскіе начальники, какъ судьи, по меньшей мѣрѣ ни въ чемъ не уступаютъ бывшимъ мировымъ судьямъ" и что „благодѣтельное вліяніе дѣятель-

ности земскихъ начальниковъ на улучшеніе крестьянской администраціи и крестьянскаго суда подтверждается *всѣми* безпристрастными наблюдателями и изслѣдователями"?!..

Сообщая, отъ времени до времени, жалобы землевладѣльцевъ на деревенскіе безпорядки, на растущую „разнузданность" крестьянъ, на увеличивающееся число поджоговъ, остающихся нераскрытыми и ненаказанными, „Московскія Вѣдомости" (№№ 281, 290, 294) приписываютъ всѣ эти прискорбныя явленія „искаженію идеи должности земскихъ начальниковъ", недостаточному „споспѣшествованію" ихъ дѣятельности, малочисленностью ихъ, отсутствіемъ поддержки со стороны остального помѣстнаго дворянства. Что именно слѣдуетъ предпринять для искорененія зла—этого московская газета прямо не объясняетъ. Въ николаевскія времена—читаемъ мы въ статьѣ, всего ближе подходящей къ самой сущности вопроса,—„въ деревнѣ былъ порядокъ: всѣ порочные и буйные элементы населенія чувствовали надъ собой руку твердой власти и смиряли свою преступную волю и свои злыя наклонности, такъ какъ преступленія безнаказанными не оставались... Но если пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ справлялись вполнѣ успѣшно съ задачей охраненія безопасности и порядка, то какимъ же образомъ эта задача считается неосуществимою въ наше столь просвѣщенное и прогрессивное время? Неужели наши столь многоученые администраторы и судьи разрѣшаютъ ее хуже, чѣмъ капитанъ-исправники и уѣздные суды николаевскаго времени? Повидимому, это такъ и есть... Еслибы помѣщикъ (пострадавшій отъ поджога) явился къ мѣстному губернатору, какъ представителю верховной власти въ губерніи, съ просьбой оградить его личную и общественную безопасность, то въ девяти случаяхъ изъ десяти онъ получилъ бы въ отвѣтъ: обратитесь къ судебнымъ властямъ. А судебныя власти составили бы съ десятокъ протоколовъ, и тѣмъ дѣло бы и кончилось". Невѣрна, прежде всего, фактическая исходная точка этой аргументаціи. „Николаевскія времена" *казались* эпохой внутренняго спокойствія и мира, но не были ею въ дѣйствительности. Въ потемкахъ, царившихъ всюду и всего болѣе сгущавшихся надъ деревней, совершалось много мрачныхъ и кровавыхъ дѣлъ, оставшихся нераскрытыми или даже почти никѣмъ незамѣченными. Гласности тогда не было вовсе, сообщенія съ глухой провинціей были рѣдки и затруднительны, мѣстныя власти—далеки отъ населенія и доступны „воздѣйствіямъ" всякаго рода. Не особенно трудно было затушевать преступленіе, если виновный или подозрѣваемый обладалъ вліяніемъ или богатствомъ; но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда возникало слѣдствіе и доводило до обвинительнаго приговора, послѣдній оставался погребеннымъ въ канцелярской тайнѣ. Масса проступковъ или quasi-проступковъ вела за собою келейную

расправу на конюшнѣ или въ становой квартирѣ, не оставлявшую никакихъ бумажныхъ слѣдовъ, хотя, подчасъ, и равнявшуюся квалифицированной смертной казни. А отдача въ рекруты безъ очереди, а ссылка въ Сибирь по распоряженію помѣщика—какъ часто онѣ служили суррогатомъ судебнаго преслѣдованія, губившимъ жизнь, разорявшимъ и разрушавшимъ семью, но не производившимъ никакого шуму? Въ какой мѣрѣ была ограждена, при такомъ порядкѣ вещей, „деревенская безопасность“ — въ томъ смыслѣ, въ какомъ о ней говоритъ теперь реакціонная печать, т.-е. безопасность помѣщиковъ,— объ этомъ можно судить по тому, что въ періодъ времени съ 1835 по 1854 г., по неполнымъ даннымъ министерства внутреннихъ дѣлъ, убиты были крестьянами 131 помѣщикъ и 21 управляющій и сдѣлано 62 покушенія на жизнь тѣхъ и другихъ. Помимо дѣлъ объ убійствѣ и покушеніи на убійство, съ 1828 по 1854 г. производилось 547 дѣлъ о разныхъ видахъ неповиновенія крестьянъ, при чемъ въ первой половинѣ этого періода такихъ дѣлъ возникало, среднимъ числомъ, по 16 въ годъ, во второй половинѣ—по 31; а между тѣмъ, повторяемъ, множество случаевъ этого рода вовсе не доходило до судебнаго разсмотрѣнія. Весьма можетъ быть, что безъ наказанія, суроваго и жестокаго, обвиняемые, по всѣмъ указаннымъ выше дѣламъ, никогда не оставались; но всегда ли обвиняемые и обвиненные были и дѣйствительно виновными? Главною цѣлью розыска и суда, въ дѣлахъ о преступленіяхъ противъ помѣщичьей власти, не было ли *устрашеніе* окрестныхъ крѣпостныхъ, хотя бы и путемъ наказанія людей, далеко не вполнѣ изобличенныхъ? Ужъ не желаютъ ли наши „охранители“ примѣненія подобной „политики“ къ нынѣ возникающимъ дѣламъ о поджогѣ помѣщичьихъ построекъ и о другихъ посягательствахъ на личность и имущество помѣщиковъ? Въ такомъ случаѣ они должны просить о возстановленіи капитанъ-исправниковъ, земскихъ судовъ и всей полицейско-судебной организаціи до-реформеннаго времени; для новыхъ судовъ — а во многихъ случаяхъ, быть можетъ, и для новой администраціи—традиціонные пріемы расправы оказались бы не по силамъ... Московской газетѣ не нравится вѣроятный отвѣтъ губернатора помѣщику, жалующемуся на поджогъ: „обратитесь къ судебнымъ властямъ“. Что же долженъ, по ея мнѣнію, отвѣтить — и сдѣлать — губернаторъ? Прислать къ помѣщику, для охраны, цѣлый полицейскій отрядъ или хоть одного урядника? Но для этого нужно было бы увеличить во много разъ наличный составъ уѣздной полиціи, и увеличить его безъ увѣренности въ успѣхѣ, такъ какъ противъ поджигателя можетъ оказаться безсильнымъ самый бдительный и усердный надзоръ. Представить о назначеніи надъ поджигателями военнаго суда? Но, повторяясь часто, такія представленія

были бы равносильны просьбѣ объ отмѣнѣ всего существующаго судебнаго строя; да и военный судъ, притомъ, никого не можетъ осудить безъ доказательствъ, добываніе которыхъ нимало не облегчается изъятіемъ дѣла изъ вѣденія общихъ судебныхъ мѣстъ. Представить о какихъ-нибудь экстренныхъ экзекуціонныхъ мѣрахъ противъ цѣлаго селенія, пока имъ самимъ не будетъ обнаруженъ и выданъ настоящій виновникъ? Но это значило бы отодвинуться назадъ уже не на полвѣка, а на нѣсколько столѣтій, и нарушить самыя элементарныя начала справедливости, самыя основныя требованія государственной мудрости. Что пострадавшій отъ преступленія взываетъ къ мщенію и добивается его, не разбирая средствъ,—это понятно, хотя и печально; но что его вопли находятъ отголосокъ въ прессѣ, претендующей на серьезность и разсчитывающей на вниманіе—это характерный „признакъ времени". Не менѣе характерно и то, что вопросъ о безнаказанности поджоговъ и другихъ деревенскихъ преступленій связывается съ вопросомъ о мнимомъ безвластіи земскихъ начальниковъ. Чего же, наконецъ, хочетъ охранительная печать? Обращенія земскихъ начальниковъ въ слѣдователей и судей по важнѣйшимъ дѣламъ, если пострадавшимъ отъ преступленія является помѣщикъ? Предоставленія земскимъ начальникамъ права удалять своею властью „подозрительныхъ людей", ссылать ихъ въ Сибирь, отдавать въ солдаты? Предоставленія такой же власти всѣмъ помѣщикамъ, удовлетворяющимъ извѣстному сословному и имущественному цензу?... Пора перейти отъ намековъ и недомолвокъ къ точной, опредѣленной программѣ. Жалобъ мы слышали уже довольно, пускай намъ скажутъ, къ какой цѣли стремятся жалобщики и какими средствами предполагаютъ ея достигнуть?

Наше обозрѣніе было уже окончено, когда мы прочли въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" отчетъ о чрезвычайномъ губернскомъ земскомъ собраніи въ Воронежѣ, посвященномъ вопросу о продовольственныхъ нуждахъ губерніи. Мѣсяца два тому назадъ, губернское земство просило о ссудѣ въ $1^1/_2$ слишкомъ милліона рублей, но получило отказъ, мотивированный тѣмъ, что для продовольствія 522 тысячъ душъ нерабочаго возраста требуется—считая по 30 фунтовъ въ день, въ теченіе шести мѣсяцевъ, — 2.352 тыс. пуд. хлѣба, а въ запасныхъ магазинахъ числится 5.197 тыс. пуд. Губернская управа объяснила собранію, что хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ будетъ ѣсть и рабочее, и нерабочее населеніе, и притомъ не по 30 фун. на душу, а больше; на этомъ и былъ основанъ первоначальный ея разсчетъ, одобренный собраніемъ. Во время преній всѣ гласные находили, что 30 фун. на душу — слишкомъ мало, и что у крестьянъ нѣтъ ника-

кихъ излишковъ имущества, которые могли бы быть проданы для покупки хлѣба. Указывалось и на то, что земскія свѣденія о размѣрѣ продовольственной нужды сходятся съ административными. Въ виду всего этого, губернское собраніе вновь возбудило ходатайство о продовольственной ссудѣ, въ прежней суммѣ 1.560 тыс. рублей. Нужно надѣяться, что на этотъ разъ ходатайство его приведетъ къ желанной цѣли.

О СЕРЕБРѢ.

Письмо въ Редакцію.

Еще въ прошломъ маѣ, согласно резолюціи предшествовавшаго конгресса, президентомъ С.-А. Соединенныхъ Штатовъ Макъ-Кинлэемъ было отправлено въ Европу спеціальное посольство, составленное изъ трехъ лицъ: предсѣдателя Волькота, сенатора Союза отъ штата Колорадо, и членовъ эксъ-вице-президента Союза въ предшествовавшей администраціи Кливелэнда—Стивенсона, и извѣстнаго финансиста Пэна, изъ города Бостона. Единственной миссіей этого посольства было порученіе получить согласіе главныхъ европейскихъ государствъ на созваніе международной конференціи съ цѣлью возстановленія биметаллизма на всемірномъ рынкѣ. Посольство это, сначала заручившись согласіемъ и безусловной поддержкой Франціи, еще въ іюнѣ перебралось въ Лондонъ, и съ тѣхъ поръ настойчиво добивалось отъ министерства Солсбери не только согласія на участіе Англіи въ предполагавшейся конференціи, но и предварительнаго принятія въ принципѣ извѣстныхъ основаній для программы занятій. Еще 12 и 15 іюля состоялись первыя формальныя засѣданія, въ которыхъ приняли участіе уполномоченные представители Англіи, Франціи и Америки. Сенаторъ Волькотъ предъявилъ на этихъ засѣданіяхъ слѣдующій базисъ для тѣхъ уступокъ, на которыя, по мнѣнію Америки, должна бы была предварительно согласиться Великобританія: 1) открытіе индійскихъ монетныхъ дворовъ для свободной чеканки серебра, въ отношеніи 1 къ $15^1/_2$, и отмѣны закона о золотой валютѣ въ Индіи; 2) обмѣнъ одной пятой резерва звонкой монеты въ англійскомъ банкѣ на серебро; 3) возвышеніе предѣла признанія серебряной монеты legal tender [1]) до десяти фунтовъ стерлинговъ, изъятіе изъ обращенія золотой монеты въ десять шиллинговъ и выпускъ кредитныхъ билетовъ въ двадцать, обезпеченныхъ исключительно серебромъ и со всѣми прерогативами полнаго legal tender; 4) обязательство чеканить ежегодно извѣстное количество серебряной монеты; соглашеніе же о томъ, на какую именно сумму, предоставить рѣшенію предполагаемой международной конференціи; 5) открытіе англійскихъ монетныхъ дворовъ

[1]) Legal tender—такой монетный или кредитный денежный знакъ, который обязателенъ къ пріему при всѣхъ государственныхъ, общественныхъ и частныхъ платежахъ

для свободной чеканки серебряныхъ индійскихъ рупій и британскихъ долларовъ, которые обладали бы всѣми прерогативами полнаго legal tender во всѣхъ англійскихъ колоніяхъ и ограниченнаго десятью фунтами стерлинговъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ самомъ Соединенномъ королевствѣ; 6) введеніе соотвѣтственныхъ законодательныхъ мѣръ во всѣхъ колоніяхъ, и открытіе для свободной чеканки серебра монетныхъ дворовъ Египта; 7) измѣненіе общей монетной политики государства по плану въ родѣ извѣстнаго проекта Гюскиссона.

Представитель Франціи, баронъ де-Курсель, заявилъ, что его правительство не только готово открыть свои монетные дворы для свободной чеканки серебра въ отношеніи 1 къ $15^1/_2$, но и вполнѣ одобряетъ такую мѣру, считая ее крайне благодѣтельной для всемірнаго рынка, но не иначе, какъ подъ условіемъ принятія одновременныхъ соотвѣтственныхъ мѣръ и всѣми другими коммерческими націями. Франція не сочла бы, однако, одно открытіе индійскихъ монетныхъ дворовъ свободной чеканки серебра достаточной уступкой со стороны Великобританіи; не высказываясь опредѣленно относительно другихъ требованій сенатора Волькота, де-Курсель желалъ бы, кромѣ открытія индійскихъ монетныхъ дворовъ, какъ условія sine qua non, и чего-нибудь въ родѣ обязательства со стороны Великобританіи на покупку ежегодно не менѣе десяти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ серебра для чеканки въ теченіе опредѣленнаго, болѣе или менѣе долгаго, періода лѣтъ. Представитель Америки не имѣлъ никакихъ возраженій противъ такого условія, соглашаясь въ то же время предоставить вполнѣ какъ методы покупки, такъ и способы введенія въ обращеніе полученной такимъ образомъ серебряной монеты усмотрѣнію самого великобританскаго правительства. Главный представитель Англіи, министръ Гиксъ Бичъ, заявилъ, что, каковы бы ни были взгляды отдѣльныхъ членовъ сентъ-джэмскаго кабинета на биметаллизмъ вообще, кабинетъ этотъ, какъ цѣлое, безусловно и единогласно высказывается противъ открытія монетныхъ дворовъ самой Великобританіи для свободной чеканки серебра, и что предъявленныя членами совѣщанія остальныя требованія такъ сложны, что его правительству понадобится довольно долгое время, чтобы дать на нихъ опредѣленный отвѣтъ. Какъ показали послѣдствія, на его приготовленіе ушло все лѣто, слишкомъ три мѣсяца.

Благодаря разоблаченіямъ, сдѣланнымъ еще прошлой зимой лондонскимъ журналомъ „National Review“, изданіемъ, очень близко стоящимъ къ настоящему англійскому министерству, было извѣстно, что значительное и вліятельное его большинство, включая самого лорда Солсбери, Бальфура и Гошена, стоитъ на сторонѣ биметаллизма, и что вполнѣ убѣжденнымъ его противникомъ является одинъ Гиксъ Бичъ,

единственный изъ его членовъ, на опытѣ знакомый съ коммерческими и денежными „дѣлами“ вообще. Пресса Англіи и Америки, какъ по поводу этого раздѣленія, такъ и по поводу серебрянаго вопроса вообще, много разъ указывала на тотъ фактъ, что, помимо непосредственно заинтересованныхъ въ дѣлѣ владѣльцевъ серебряныхъ рудниковъ и тѣсно связанныхъ съ ними интересовъ, на сторонѣ биметаллизма неизбѣжно оказываются люди теоріи и отвлеченныхъ разсужденій, тогда какъ противъ него единодушно возстаетъ весь дѣловой практическій людъ, всѣ финансовыя, коммерческія и мануфактурныя сферы. Въ данномъ случаѣ сильвериты не могли бы и сами подобрать болѣе удачнаго для своихъ стремленій персонала англійскаго министерства, которое въ теченіе лѣта сдѣлало дѣйствительно все, что только можно было сдѣлать, въ пользу бѣлаго металла, — тѣмъ не менѣе сила событій оказалась сильнѣе его несомнѣнныхъ симпатій, и его отвѣтъ 22-го октября, къ которому я перейду ниже, нанесъ дѣлу серебра крайне тяжелый ударъ, если, можетъ быть, и не смертельный и окончательный, то, во всякомъ случаѣ, на долгое время уничтожающій его значеніе, какъ одного изъ двухъ монетныхъ металловъ, и свелъ его на уровень мелкихъ размѣнныхъ денегъ, какъ мѣдь, никель и т. д.

Выяснивъ требованія представителей Франціи и Америки на совѣщаніяхъ 12 и 15 іюля, сентъ-джэмскій кабинетъ, симпатизируя дѣлу серебра, немедленно началъ приводить нѣкоторыя изъ нихъ въ исполненіе, чтобы испытать ихъ вліяніе прежде, чѣмъ дать ожидаемый отвѣтъ. Онъ потребовалъ отъ управленія англійскаго банка замѣны одной пятой части его золотого резерва серебромъ, т.-е. задумалъ предварительно удовлетворить одно изъ самыхъ невинныхъ требованій сенатора Волькота. Банкъ безусловно отказался—тогда были сдѣланы значительныя искусственныя личныя перемѣны въ составѣ его управленія, которыя публика справедливо мотивировала именно этимъ отказомъ—такъ что въ концѣ концовъ получилась возможность легальнымъ образомъ опубликовать эту мѣру. Общественное мнѣніе, ожидавшее подобныхъ экспериментовъ, было на сторожѣ—и на другой же день начало организовать самый оживленный протестъ. И пресса, и общество, и всѣ вліятельныя дѣловыя сферы, самымъ единодушнымъ образомъ возстали противъ осуществленія новой мѣры — и не только его безусловная непопулярность была мгновенно доказана, но и со всѣхъ сторонъ послышались угрозы противъ приведенія ея въ исполненіе. Общественный взрывъ былъ такъ силенъ и вліятеленъ, что министерство должно было не только ретироваться въ данномъ случаѣ, но и не могло не видѣть абсолютной безуспѣшности дальнѣйшей политики въ томъ же направленіи. Англійскій купецъ вообще и лондонское Сити въ особенности, очевидно, и слышать не желаютъ о

какихъ-либо мѣрахъ въ пользу серебра, какъ бы ни симпатизировали ему правительственныя сферы, и самымъ эмфатическимъ образомъ наложили на нихъ свое всемогущее veto. Въ то же время индійскій вице-король, лордъ Эльджинъ, и его правительство, подкрѣпленные и всѣми военными властями, единогласно и очень рѣзко высказались противъ открытія индійскихъ монетныхъ дворовъ для свободной чеканки серебра. Въ виду только-что пережитаго Индіей сильнаго голода и переживаемаго ею теперь широко-распространеннаго возстанія, сильвериты полагали, что возможность „дешевыхъ и обильныхъ“ денегъ не можетъ не быть для нея заманчивой, хотя бы и временно,— они разсчитывали, что, во всякомъ случаѣ, въ правительствѣ страны окажется разногласіе, которымъ можно будетъ съ успѣхомъ воспользоваться такъ или иначе—но всѣ эти надежды разлетѣлись въ прахъ въ виду крайне опредѣленнаго, не допускающаго никакихъ сомнѣній или колебаній, единодушія всѣхъ властей.

Это безусловно-отрицательное положеніе, принятое по серебряному вопросу такими двумя могучими факторами въ государственной жизни Англіи, какъ общественное мнѣніе и индійское правительство, не оставило другого выхода министерству Солсбери, какъ отказаться отъ своихъ попытокъ въ пользу серебра,—и 22 октября американскому посольству былъ наконецъ данъ давно ожидаемый отвѣтъ, въ которомъ англійское правительство рѣшительно отказывается открыть индійскіе монетные дворы, или согласиться въ принципѣ на какія-либо изъ остальныхъ требованій, хотя и предлагаетъ вести дальнѣйшіе переговоры. Не подлежитъ сомнѣнію, что выяснившіяся такимъ образомъ сильверитскія симпатіи большинства кабинета настолько серьезно пошатнули его положеніе въ странѣ, что отставка лорда Солсбери, по всей вѣроятности, окажется только вопросомъ времени, и потому его любезная готовность продолжать переговоры есть въ сущности не что иное, какъ позолота самой горькой пилюли. Такимъ, по крайней мѣрѣ, образомъ, оцѣнила этотъ отвѣтъ вся пресса Англіи и Америки; Франціи, по всей вѣроятности, придется существенно измѣнить свое положеніе, и Америкѣ едва-ли удастся еще разъ придти съ нею къ такому же опредѣленному соглашенію.

Защитники серебра, зная взгляды отдѣльныхъ членовъ англійскаго министерства на биметаллизмъ, и принимая начатые имъ эксперименты въ пользу серебра, особенно эпизодъ съ резервомъ англійскаго банка, за признаки близкой побѣды, въ теченіе лѣта опять подняли утихшую-было за зиму агитацію, опять встревожили безусловныхъ сторонниковъ золота и въ Англіи, и въ Америкѣ, опять обострили весь вопросъ весьма существенно, и на этотъ разъ, введя опять весьма многихъ въ заблужденіе, повредили своему дѣлу гораздо

глубже, чѣмъ во время президентской кампаніи 1896 года. Они поставили все на ставку—и проиграли.

Отвѣтъ 22-го октября несомнѣнно самымъ существеннымъ образомъ отзовется на положеніи серебра какъ драгоцѣннаго металла на всемірномъ рынкѣ, а также и на монетныхъ и денежныхъ системахъ разныхъ государствъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которыя все еще пытаются удержать серебряную валюту какъ единицу. Значеніе Англіи на всесвѣтной денежной биржѣ такъ велико и подавляюще, что не только нельзя назвать ни одного отдѣльнаго государства, но и представить себѣ такой ихъ коалиціи, которая могла бы бороться съ нимъ съ какой-либо надеждой на успѣхъ—тѣмъ болѣе что, при настоящемъ положеніи, внутреннее противодѣйствіе всѣхъ денежныхъ и коммерческихъ элементовъ несомнѣнно будетъ парализовать въ любой странѣ теоретическія усилія даже могущихъ быть искренне расположенными къ биметаллизму правительственныхъ сферъ.

Въ то же время, въ теченіе всего прошлаго года, и во всемъ остальномъ цивилизованномъ мірѣ положительно все оказывалось противъ серебра такъ или иначе. Особенно повредила ему радикальная перемѣна фронта всѣхъ аграрныхъ массъ. Связавъ еще въ началѣ серебряной агитаціи вопросъ о цѣнѣ серебра съ цѣной на пшеницу и всѣ другіе земледѣльческіе продукты, сильвериты оказываются теперь совершенно безнадежно побитыми своимъ же собственнымъ, когда-то казавшимся имъ такимъ неотразимымъ и заманчивымъ, оружіемъ. Нижеслѣдующая оффиціальная таблица цѣнъ на бушель пшеницы и унцъ серебра въ теченіе прошлаго года на нью-іоркскихъ биржахъ говоритъ сама за себя какъ нельзя болѣе краснорѣчиво:

Цѣна на бушель пшеницы:				Цѣна на унцъ серебра:			
1	сентября	1896 года	67,2	1	сентября	1896 года	67,2
17	„	„ „	70,6	26	„	„ „	66,8
24	„	„ „	76,1	24	октября	„ „	65,6
8	октября	„ „	78,8	6	марта	1897 „	64,3
15	„	„ „	80,1	13	„	„ „	63,4
24	„	„ „	82,2	10	апрѣля	„ „	62,4
29	„	„ „	83,7	1	мая	„ „	61,8
5	ноября	„ „	87,1	26	іюня	„ „	60,4
11	марта	1897 „	92,7	24	іюля	„ „	59,7
18	„	„ „	93,8	31	„	„ „	58,4
15	апрѣля	„ „	94,2	4	августа	„ „	57,1
29	„	„ „	96,7	6	„	„ „	56,4
6	мая	„ „	98,1	11	августа	„ „	55,5
20	августа	„ „	99,0	16	„	„ „	54,3
25	„	„ „	100,7	17	„	„ „	53,1
27	„	„ „	102,5	23	„	„ „	52,1
1	сентября	„	103,2	1	сентября	„ „	51,2

Какъ читатель, конечно, усмотритъ и самъ изъ этой таблицы, тогда какъ 1-го сентября 1896 года за унцъ серебра можно было купить какъ разъ бушель пшеницы, ровно черезъ годъ за тотъ же бушель приходится платить уже два унца слишкомъ. Никакая софистика, никакія натяжки не могутъ уничтожить этого голаго факта. Серебро, очевидно, само по себѣ не вліяетъ на цѣны другихъ продуктовъ, а, напротивъ, и само безусловно подлежитъ законамъ спроса и предложенія и, въ данномъ случаѣ, перепроизводства.

Какъ непосредственный результатъ всего вышеизложеннаго, импортная торговля всѣхъ сохранившихъ еще серебряную валюту странъ въ теченіе всего прошлаго года была въ самомъ деморализованномъ состояніи, вызывая многочисленныя банкротства и крайне поощряя образованіе монополій всякаго рода. Неустойчивость денежныхъ знаковъ вызываетъ крайнюю неопредѣленность всякаго импортнаго дѣла, дѣлаетъ его рискованнымъ въ виду невозможности предусмотрѣть цѣнность предстоящихъ платежей. Еще прошлой весной нашла себя вынужденной перейти на золотую валюту Японія — за нею послѣдовала самая живая, самая культурная изъ южно-американскихъ республикъ — Чили. Въ теченіе лѣта то же сдѣлали Колумбія, Венецуэла, и, наконецъ, Перу, самый значительный, по отношенію количества добываемаго серебра къ народонаселенію, производитель этого металла во всемъ мірѣ. Всѣ республики Центральной Америки, конечно, сдѣлали бы то же самое, еслибъ не были погружены въ совершенный хаосъ своими хроническими революціями, въ настоящемъ году особенно упорными, кровопролитными и разорительными. Въ Мексикѣ диктаторъ-президентъ Діацъ все еще стоитъ за серебро — но общее разореніе и давленіе всего антуража и тамъ таковы, что вынужденный переходъ на золотую валюту, по всѣмъ видимостямъ, является только вопросомъ самаго короткаго времени. Серебро вездѣ уступаетъ силѣ фактовъ и логикѣ событій; его теоретическіе защитники, пытавшіеся такъ интенсивно, посредствомъ искусственныхъ законодательныхъ мѣръ, измѣнить всемогущіе политико-экономическіе законы, оказываются не только побитыми въ данный моментъ, но и постепенно утрачивающими всякій разумный raison d'être.

П. А. Тверской.

г. Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1897.

Парламентскій кризисъ въ Австріи и отставка министерства Бадени.—Австрійскіе политическіе вопросы и конфликты.—Рѣчь графа Голуховскаго.—Внутреннія дѣла во Франціи: дѣло Дрейфуса-Эстергази.—Странныя увлеченія французской печати.

Австрійскій парламентскій кризисъ, обострившійся въ послѣднее время до крайности, получилъ наконецъ надлежащую развязку: главный виновникъ происшедшихъ замѣшательствъ, графъ Бадени, вышелъ въ отставку 28-го (16-го) ноября, и образованіе новаго министерства поручено одному изъ нѣмецкихъ членовъ кабинета, барону Гаучу. Кризисъ тянулся уже слишкомъ долго; борьба партій и національностей переходила изъ парламента на улицу, угрожая кровавыми столкновеніями и междоусобіями; общественное возбужденіе, поддерживаемое неслыханными парламентскими сценами, настоятельно требовало какого-нибудь исхода. Министръ-президентъ пытался обуздать оппозицію насильственными мѣрами, опираясь на правительственное большинство въ палатѣ депутатовъ; но эти попытки превратили парламентъ въ арену грандіозныхъ скандаловъ, какихъ не бывало еще ни въ одномъ изъ западно-европейскихъ представительныхъ собраній.

Въ засѣданіи, продолжавшемся съ перерывами 23 часа, съ 4 на 5 ноября (нов. ст.), министерству удалось добиться перваго чтенія законопроекта о временномъ соглашеніи съ Венгріею; этотъ результатъ могъ быть достигнутъ только при помощи нѣкоторыхъ существенныхъ нарушеній парламентскаго устава, среди шумныхъ оппозиціонныхъ протестовъ, доходившихъ по временамъ до рукопашной схватки. Вице-президенты | Крамаржъ и Абрагамовичъ, поочередно предсѣдательствовавшіе въ палатѣ, способствовали общей неурядицѣ своими явными промахами; слово давалось не тѣмъ ораторамъ, которые имѣли на это право, или не по тому вопросу, который стоялъ на очереди, и каждое такое отступленіе отъ установленнаго порядка вызывало несмолкаемые крики. Вечеромъ 4-го ноября предоставлено было говорить депутату Люгеру о соглашеніи съ Венгріею, хотя засѣданіе формально продолжалось съ утра и не могло быть причислено къ тѣмъ спеціальнымъ вечернимъ засѣданіямъ, которыя назначены были для обсужденія указаннаго вопроса; оппозиція подняла

обычный шумъ, исключавшій всякую возможность преній. Депутатъ Вольфъ началъ громкимъ голосомъ какую-то рѣчь, пересыпанную остротами и рѣзкими выходками; потомъ смѣнилъ его пресловутый Шенереръ, обладающій еще болѣе сильными голосовыми средствами, и оба они заглушали и забавляли палату своими ораторскими упражненіями. Между прочимъ, когда даже Шенереръ не въ силахъ былъ перекричать противниковъ, онъ внезапно развернулъ плакатъ, на которомъ крупными буквами напечатано было: „Я прошу слова"; онъ настойчиво требовалъ отъ предсѣдателя, чтобы тотъ далъ ему говорить спокойно, и эти призывы невольно смѣшили собраніе. Между тѣмъ горсть депутатовъ устроила своеобразный концертъ, постукивая въ тактъ крышками пюпитровъ; другіе стали пѣть хоромъ, повторяя на разные тоны одно и то же слово—„Schluss"; наконецъ, Вольфъ началъ читать какую-то длинную газетную статью, а депутатъ Люгеръ все стоялъ на своемъ мѣстѣ, ожидая момента, когда ему позволятъ начать свою рѣчь. Вольфъ не переставалъ читать, и Шенереръ поддерживалъ его своими возгласами; приверженцы Люгера потеряли терпѣніе и осыпали ихъ обоихъ бранью, послѣ чего произошла серьезная свалка между младочехами и нѣмецкими націоналистами. Больше трехъ часовъ заняли эти невѣроятныя сцены; въ концѣ концовъ говорилъ и Люгеръ, который однако не произвелъ ожидаемаго эффекта своимъ краснорѣчіемъ. Оппозиціонный депутатъ Праде заставилъ еще палату слушать его рѣчь въ теченіе болѣе трехъ часовъ, и только утромъ состоялось голосованіе, которымъ рѣшено передать законопроектъ въ бюджетную коммиссію.

Если столько усилій потребовалось для перваго предварительнаго шага—передачи законопроекта въ коммиссію, то что же предстояло при второмъ чтеніи, когда отдѣльные пункты компромисса должны были обсуждаться по существу! Палата дошла до такого состоянія, когда разсчитывать на ея большинство не было уже возможности; должность президента оставалась вакантною, за отказомъ д-ра Катрейна, и ни одинъ изъ выдающихся нѣмецкихъ представителей большинства не соглашался выступить кандидатомъ на этотъ трудный и отвѣтственный постъ. Въ парламентѣ водворилась анархія, которая еще болѣе усилилась съ избраніемъ въ президенты ненавистнаго оппозиціи вице-президента Абрагамовича. Законопроектъ о соглашеніи съ Венгріею былъ какъ будто похороненъ въ бюджетной коммиссіи: послѣдняя продѣлывала въ маломъ видѣ то же самое, что дѣлалось въ палатѣ, только болѣе хладнокровно и систематично, безъ бурныхъ инцидентовъ. Министръ финансовъ Билинскій имѣлъ неосторожность заявить въ коммиссіи, что въ случаѣ непринятія проекта парламентомъ правительство можетъ воспользоваться правомъ короны принимать само-

стоятельныя рѣшенія, согласно одному изъ параграфовъ конституціи; но эта угроза возбудила сильное неудовольствіе внѣ австрійскихъ парламентскихъ сферъ—въ Венгріи, гдѣ подобное толкованіе конституціонныхъ правъ короны считается несогласнымъ съ законными правами венгерскаго государства. Венгрія находится въ политическомъ единеніи съ Цислейтаніею, а не только съ ея правительствомъ; мадьяры вовсе не расположены допускать примѣненіе исключительныхъ мѣръ въ такой области, которая одинаково касается обѣихъ половинъ монархіи. Въ разсчеты министерства графа Бадени никакъ не входило возбужденіе неудовольствія въ Венгріи, и неожиданная опасность конфликта съ этой стороны исключала мысль о замѣнѣ парламентскаго рѣшенія непосредственнымъ вмѣшательствомъ короны. Положеніе запутывалось все больше и больше. Графъ Бадени пробовалъ еще отыскать почву для соглашенія съ нѣмцами; онъ выступилъ въ палатѣ, 12 ноября, съ весьма примирительными словами и обѣщаніями. но долженъ былъ убѣдиться, что поздно ему думать о примиреніи. Либеральная нѣмецкая партія, въ лицѣ своихъ самыхъ умѣренныхъ представителей, отвѣтила категорическимъ отказомъ вступать въ какіе бы то ни было переговоры, пока не отмѣнены противозаконныя распоряженія о языкахъ; нѣкоторые ораторы прибавили вполнѣ откровенно, что министръ-президентъ потерялъ уже право на общественное довѣріе. Среди сторонниковъ правительства возникла мысль измѣнить нѣкоторыя частности въ спорныхъ распоряженіяхъ; при этомъ предполагалось ограничить требованіе знанія обоихъ языковъ только высшимъ персоналомъ чиновниковъ въ Чехіи, отсрочить вступленіе новыхъ правилъ въ обязательную силу на пять лѣтъ, вмѣсто трехъ, и подвергнуть пересмотру территоріальное распредѣленіе округовъ, признаваемыхъ чешскими, нѣмецкими и смѣшанными. Эти предположенія были лишь послѣдними запоздалыми отголосками политической программы, которую поддерживали вліятельные нѣмецко-клерикальные союзники министерства въ парламентѣ, но которая рѣшительно отвергалась оппозиціею. Время шло, а дальнѣйшія проволочки въ дѣлѣ возобновленія компромисса съ Венгріею представлялись уже крайне рискованными. Еслибы вопросъ не былъ разрѣшенъ до рождественскихъ вакацій обѣими палатами австрійскаго рейхсрата, то весь политическій строй имперіи поколебался бы въ своей основѣ, и система дуализма потерпѣла бы сильнѣйшій ударъ; Венгрія очутилась бы въ положеніи державы, связанной лишь формально съ другою половиною монархіи, и мадьяры могли бы легко соблазниться перспективою болѣе полной самостоятельности своего королевства, съ сохраненіемъ внѣшняго династическаго единства съ остальными частями владѣній Габсбурговъ. И безъ того обоюдное соглашеніе, имѣющее преимуще-

ственно финансовый характеръ, предлагается на этотъ разъ въ видѣ временной сдѣлки, на одинъ годъ, вмѣсто установленнаго закономъ договора на десятилѣтній срокъ,—такъ какъ правительство упустило время для обычныхъ подготовительныхъ мѣръ къ устройству необходимаго соглашенія; но было бы немыслимо допустить, чтобы даже продленіе существующихъ обязательствъ на одинъ годъ встрѣтило преграду въ разгорѣвшейся борьбѣ партій. Оппозиція имѣла въ своихъ рукахъ грозное оружіе, чтобы заставить удалиться графа Бадени; министръ-президентъ въ свою очередь обнаруживалъ твердую рѣшимость не покидать поля битвы.

При такихъ обстоятельствахъ должно было состояться второе чтеніе законопроекта о временномъ компромиссѣ съ Венгріею, въ засѣданіи 24 (12) ноября. Подробности этого засѣданія, сообщенныя въ свое время въ газетныхъ отчетахъ, кажутся просто фантастическими. Депутаты забрались на президентскую трибуну и вступили между собою въ отчаянную драку, вырывая другъ у друга колокольчикъ президента. Злосчастный Абрагамовичъ вынужденъ былъ нѣсколько разъ прерывать засѣданіе и требовать защиты отъ напора осаждавшихъ его лицъ; одинъ изъ членовъ правой вздумалъ обливать дравшихся водою; Шенереръ, если вѣрить одной телеграммѣ, поднялъ президентское кресло и размахивалъ имъ на воздухѣ, — подвигъ замѣчательный въ своемъ родѣ. Говорили, что въ давкѣ были пущены въ ходъ ножи; Вольфъ былъ брошенъ на полъ и подвергся побоямъ. Депутаты ломали кресла и пюпитры; „оскорбленія дѣйствіемъ“ сыпались во всѣ стороны. Понятно, что о второмъ чтеніи законопроекта не могло быть рѣчи. На другой день, 25 (13) ноября, повторилось то же самое. Главными героями были по прежнему Вольфъ и Шенереръ. Пострадавшій наканунѣ Вольфъ явился тѣмъ же неутомимымъ бойцомъ, какъ будто съ нимъ ничего не случилось. Члены большинства приняли, наконецъ, свои мѣры: рѣшено предоставить президенту право исключать шумящихъ депутатовъ на три засѣданія, а палатѣ — такое же право на тридцать засѣданій. Для обезпеченія принудительной власти президента и большинства назначаются полицейскія силы. Составленное въ этомъ смыслѣ предложеніе клерикала Фалькенгайна было объявлено принятымъ среди страшнаго шума. Дальнѣйшія сцены не поддаются уже описанію. Послѣ тщетныхъ усилій отстоять свою президентскую трибуну, Абрагамовичъ долженъ былъ поспѣшно закрыть засѣданіе и уйти. Парламентская неурядица достигла своего апогея; она перешла на улицу въ тотъ моментъ, когда въ палатѣ депутатовъ большинство готовилось укротить противниковъ посредствомъ насильственнаго ихъ удаленія, при помощи вооруженной стражи. День 26 (14) ноября былъ началомъ настоящаго бунта: на первый планъ выступаютъ предста-

вители рабочаго класса въ парламентѣ и толпы рабочихъ на улицахъ Вѣны; съ ними за-одно дѣйствуетъ публика въ трибунахъ палаты и университетская молодежь на улицахъ города. Въ палатѣ произошло сраженіе еще до открытія засѣданія; соціалисты овладѣли президентской трибуною и обратили президента въ бѣгство. Многочисленная стража явилась на мѣсто и очистила президентскую трибуну для Абрагамовича. Появленіе президента подъ охраною полиціи встрѣчено рѣзкими возгласами и бранью; наиболѣе шумѣвшій депутатъ Вольфъ, послѣ двухъ предостереженій, выводится изъ залы; такую же судьбу подготовляетъ себѣ Шенереръ. Вице-президентъ Крамаржъ смѣняетъ Абрагамовича; онъ удаляетъ еще девять депутатовъ. Полиція почти не выходитъ изъ залы засѣданія. На слѣдующій день исключенный Вольфъ незаконно пробирается въ залу и опять торжественно выводится; соціалисты не успѣли послѣдовать его примѣру и устраиваютъ демонстрацію на улицѣ. До вечера 16-го числа продолжались уличные безпорядки въ разныхъ городахъ Австріи; въ Вѣнѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, дѣло доходило до кровопролитія; были раненые и убитые. Жители бросали камни въ войска и въ полицію; крайнее возбужденіе господствовало съ обѣихъ сторонъ. Парламентъ фактически не существовалъ. Вмѣсто того, чтобы облегчить второе чтеніе законопроекта, правительство и слѣдовавшее за нимъ большинство палаты довели положеніе до такого пункта, когда дальше идти уже нельзя. Войска могли въ концѣ концовъ одержать побѣду надъ взволнованными толпами обывателей; но волненіе не улеглось бы, пока не исчезли его причины. Въ такой странѣ, какъ Австрія, и относительно такой національности, какъ нѣмцы, невозможно было разсчитывать на внѣшнее успокоеніе подъ вліяніемъ страха; нѣмецкіе патріоты не отступили бы передъ борьбою съ оружіемъ въ рукахъ, и разгорѣлось бы полное междоусобіе, причемъ армія была бы поставлена въ необходимость дѣйствовать противъ своихъ же соотечественниковъ для поддержанія авторитета графа Бадени. Тогда нечего было бы и думать не только о какихъ-либо необходимѣйшихъ законопроектахъ, но и объ общественной безопасности и внутреннемъ мирѣ въ предѣлахъ Австріи. Безпорядки тотчасъ прекратились въ Вѣнѣ, когда распространилась вѣсть объ отставкѣ министра-президента; невыносимому состоянію былъ положенъ конецъ послѣ того, какъ императоръ Францъ-Іосифъ, пріѣхавъ въ столицу, передалъ власть въ другія руки. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено было объ отсрочкѣ засѣданій парламента на нѣкоторое время, чтобы дать установиться новому правительству, съ Гаучемъ во главѣ.

Парламентскія событія въ Австріи давали много матеріала для разсужденій объ упадкѣ парламентаризма вообще. Небольшая горсть

депутатовъ останавливала своими безчинствами всю политическую жизнь страны и совершенно парализовала дѣятельность министерства, за которое стояло большинство въ палатѣ; Шенереръ и Вольфъ съ компаніей далеко перещеголяли ирландскихъ представителей, сотрудниковъ Парнелля, впервые возведшихъ обструкціонизмъ въ систему въ англійской палатѣ общинъ; они также далеко оставили за собою французскихъ буланжистовъ и радикаловъ, не разъ устраивавшихъ дикія сцены въ парламентѣ. Но парламентскіе нравы служатъ лишь вѣрнымъ отраженіемъ нравовъ общества, и если въ обществѣ борются между собою различные классы и элементы населенія, съ большею или меньшею страстностью, то та же борьба неизбѣжно проявляется и въ народномъ представительствѣ, пріобрѣтая еще болѣе рѣзкія и яркія черты вслѣдствіе сосредоточенности различныхъ національныхъ направленій, интересовъ и страстей въ предѣлахъ тѣсной парламентской арены. Волненія, овладѣвающія народными массами, получаютъ исходъ въ парламентскихъ стычкахъ, придаютъ имъ горячность и силу; то, что при другихъ условіяхъ принимало бы форму открытыхъ возстаній или революціонныхъ вспышекъ, какъ, напримѣръ, ирландское движеніе или буланжизмъ, замыкается въ стѣны парламента и создаетъ многочисленные отдѣльные эпизоды партійной борьбы, поражающіе насъ иногда своими характерными особенностями, непомѣрными увлеченіями участниковъ и всякаго рода излишествами. Еслибы Шенереръ и Вольфъ не имѣли за собою сочувствующей имъ массы нѣмецкаго населенія, и еслибы они своими буйствами не отстаивали интересовъ и требованій большинства своихъ австрійскихъ соплеменниковъ, то съ ними было бы очень легко справиться съ самаго начала, или, вѣрнѣе, они вовсе не стали бы буйствовать, такъ какъ нѣтъ основанія предполагать ихъ сумасшедшими. Шенереръ и Вольфъ съ компаніею, не давая жить министерству графа Бадени, употребляли безъ разбора всѣ доступныя имъ средства, чтобы добиться паденія кабинета, ненавистнаго австрійскимъ нѣмцамъ; они по-своему доставляли удовлетвореніе національнымъ чувствамъ тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые позднѣе, въ виду принятыхъ противъ парламентской оппозиціи укротительныхъ мѣръ, произвели уличные безпорядки въ Вѣнѣ и въ другихъ городахъ. Рукопашныя свалки въ парламентѣ какъ бы предупреждали кровавыя столкновенія на улицахъ; народныя толпы не собирались и не устраивали уличныхъ демонстрацій, пока успѣшно дѣйствовали за нихъ Шенереръ и Вольфъ съ компаніей въ палатѣ депутатовъ. Нельзя отрицать, что названные депутаты исполняли свою задачу съ нѣкоторымъ самоотверженіемъ, и что ихъ безобразные поступки играли видную роль въ событіяхъ, приведшихъ къ отставкѣ графа Бадени. Значительная часть австро-

нѣмецкаго общественнаго мнѣнія ободряла и поощряла ихъ своею поддержкою; даже солидныя германскія газеты, какъ напримѣръ „Кёльнская", отзываются съ похвалою объ ихъ „мужественныхъ", хотя и крайне безцеремонныхъ усиліяхъ, увѣнчавшихся заключительнымъ успѣхомъ.

Вражда нѣмецкаго элемента въ Австріи къ бывшему министру-президенту имѣла свои понятныя причины. Нѣмцы, привыкшіе издавна господствовать въ австрійскихъ земляхъ, увидѣли себя подъ владычествомъ польскихъ министровъ; даже во главѣ палаты депутатовъ былъ поставленъ полякъ. Графъ Бадени глубоко задѣлъ національное самолюбіе нѣмцевъ своими административными распоряженіями о языкахъ въ Чехіи; онъ не только низвелъ высоко-культурный языкъ нѣмецкаго народа на степень мѣстнаго языка, равноправнаго съ чешскимъ, но сдѣлалъ это собственною властью, безъ предварительныхъ переговоровъ и соглашеній съ нѣмецкою партіею въ парламентѣ, опираясь на численное большинство въ палатѣ депутатовъ. По существу эти распоряженія о языкахъ были справедливы и разумны: во всякомъ случаѣ, они не заключали въ себѣ ничего возмутительнаго для нѣмецкаго національнаго чувства; но самый способъ ихъ составленія, въ видѣ простыхъ канцелярскихъ приказовъ, имѣлъ въ себѣ нѣчто вызывающее и обидное. Графъ Бадени не отмѣнилъ этихъ актовъ и упорно оставлялъ ихъ въ силѣ до конца, несмотря на вызванную ими и все болѣе усиливавшуюся оппозиціонную бурю; онъ неоднократно выражалъ готовность подвергнуть вопросъ надлежащему законодательному разсмотрѣнію, но не дѣлалъ ни одного шага для оправданія и подтвержденія своихъ словъ, и этимъ давалъ поводъ обвинять его въ лицемѣріи, въ недостаткѣ правдивости и прямодушія. Какимъ образомъ могъ онъ надѣяться привести въ исполненіе свои циркуляры и сдѣлать ихъ обязательными для вполнѣ нѣмецкихъ и полунѣмецкихъ округовъ Чехіи,—остается совершенно непонятнымъ; загадочна также его рѣшимость держаться выработанныхъ административныхъ правилъ послѣ того, какъ невозможность практическаго примѣненія ихъ безъ законодательной санкціи сдѣлалась очевидною для каждаго. Графъ Бадени слишкомъ полагался на силу принужденія и мало цѣнилъ силу убѣжденія; онъ плохо понималъ важность законности и компромиссовъ въ общественной и политической жизни. Онъ какъ будто по ошибкѣ попалъ въ государственные дѣятели и всего менѣе былъ подготовленъ къ роли руководящаго министра въ конституціонной странѣ, особенно въ странѣ съ такими сложными и запутанными національными интересами и вопросами, какъ Австрія. Болѣе чѣмъ двухлѣтнее управленіе его австрійскими дѣлами (съ начала октября 1895 года) состояло изъ ряда ошибокъ, безтактностей

и искусственно созданныхъ конфликтовъ, которыхъ нельзя объяснить никакими разумными мотивами. Кромѣ упомянутыхъ выше распоряженій о языкахъ, министерская карьера Бадени ознаменовалась еще двумя актами, заставлявшими много говорить о немъ,—во-первыхъ, неудачнымъ споромъ съ городскимъ представительствомъ Вѣны по поводу избранія антисемита Люгера на должность городского головы, и во-вторыхъ, вызовомъ депутата Вольфа на дуэль и полученіемъ отъ него серьезной раны. Управленіе Бадени можетъ быть названо временемъ тяжелаго, упорнаго и продолжительнаго кризиса, сознательно вызваннаго безъ опредѣленной цѣли, и оно не можетъ оставить по себѣ другихъ воспоминаній, кромѣ тягостныхъ и непріятныхъ. Между прочимъ, бывшій министръ-президентъ оказалъ плохую услугу австрійскимъ полякамъ; онъ значительно способствовалъ возрожденію старой непріязни и антагонизма между нѣмецкимъ и польскимъ элементами въ Австріи. Въ австрійской печати стали опять возможны враждебные отзывы о полякахъ, и это настроеніе сказывается во многихъ инцидентахъ послѣдняго времени.

Политическій кризисъ въ Австріи не мѣшалъ вѣнскому кабинету дѣйствовать успѣшно въ области международной дипломатіи, о чемъ свидѣтельствуетъ тронная рѣчь императора Франца-Іосифа при пріемѣ делегацій, 17 (5) ноября. Въ этой рѣчи указывалось особенно на сближеніе съ Россіею, основанное на „общности взглядовъ и взаимномъ довѣріи“. Подробнѣе развилъ ту же мысль министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Голуховскій, 20 (8) ноября, въ объясненіяхъ, представленныхъ имъ въ коммиссіи венгерской делегаціи. Министръ съ полною откровенностью выяснилъ великія заслуги Австро-Венгріи въ новѣйшей восточной политикѣ и указалъ на недостатки, промахи и противорѣчія въ дипломатическихъ заявленіяхъ и дѣйствіяхъ Англіи. Онъ напоминаетъ, что первоначальное австрійское предложеніе о блокадѣ Крита, для предупрежденія вмѣшательства Греціи, было отклонено лондонскимъ кабинетомъ подъ вліяніемъ непріязненныхъ общественныхъ чувствъ относительно Турціи, послѣ армянскихъ избіеній; только впослѣдствіи великія державы прибѣгли къ блокадѣ, но уже не въ надлежащій моментъ. Предложеніе Германіи о блокадѣ греческихъ гаваней также не встрѣтило поддержки въ Лондонѣ, вслѣдствіе чего могла возникнуть греко-турецкая война. Упомянувъ о настоятельной необходимости провести извѣстныя реформы въ Турціи, министръ пояснилъ, что дѣло идетъ „не о реформахъ въ европейскомъ смыслѣ, а о созданіи сносныхъ человѣческихъ порядковъ, могущихъ обезпечить безопасность лицъ и имуществъ“; установленіе такихъ поряд-

ковъ зависитъ отъ власти султана, и оно требуется его собственнымъ авторитетомъ и положеніемъ; „только безсовѣстные совѣтники были бы въ состояніи отклонять его“ отъ рѣшимости ввести подобныя реформы. Тройственный союзъ остается важнѣйшимъ оплотомъ европейскаго мира; но общій миръ еще болѣе упрочивается крайне благопріятными отношеніями между Австро-Венгріею и Россіею. „Наши совмѣстныя дѣйствія съ петербургскимъ кабинетомъ, увѣнчавшіяся успѣхомъ, во время греко-турецкой распри,—сказалъ графъ Голуховскій, — положили этому начало и привели вскорѣ къ откровенному обмѣну мыслей, убѣдившему обѣ стороны въ отсутствіи такого рода разногласій, которыя не могли бы быть легко улажены при взаимной доброй волѣ. Какъ только было признано, что обѣ державы стремятся сохранить status quo, что Россія, подобно намъ, рѣшительно отвергаетъ всякіе завоевательные помыслы на Балканскомъ полуостровѣ, и что съ обѣихъ сторонъ существуетъ твердое рѣшеніе уважать независимость и самостоятельность отдѣльныхъ балканскихъ государствъ, не допуская никакого преобладающаго посторонняго вліянія на ихъ внутреннюю политику,—тотчасъ же образовалась почва для взаимнаго между нами соглашенія. При этихъ условіяхъ мы легко пришли къ сознанію, что наши обоюдные интересы вовсе не сталкиваются между собою, что, напротивъ, въ качествѣ ближайшихъ заинтересованныхъ въ восточномъ вопросѣ державъ мы имѣемъ полное основаніе держаться вмѣстѣ и оставаться въ постоянномъ общеніи, чтобы препятствовать нежелательнымъ увлеченіямъ и положить конецъ агитаціи смѣлыхъ умовъ на Балканскомъ полуостровѣ, которые до сихъ поръ всегда пытались играть нами для своей выгоды, противопоставляя насъ другъ другу. Предполагая строгое соблюденіе этихъ принциповъ, мы всегда готовы поддерживать самое тѣсное согласіе съ Россіею; поэтому въ недавно столь счастливо начатыхъ отношеніяхъ съ Россіею мы съ довѣріемъ усматриваемъ новый могущественный залогъ европейскаго мира“. Эти заявленія, конечно, весьма интересны и цѣнны въ устахъ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ; они очень рельефно обрисовываютъ внѣшнюю политику Австро-Венгріи за послѣдніе годы. Можно замѣтить въ нихъ только обычный оттѣнокъ оффиціальнаго оптимизма, въ связи съ похвальною свободою сужденій о другихъ государствахъ. Англія, въ свое время, не послушалась совѣтовъ графа Голуховскаго, и оттого критскій вопросъ не былъ благополучно разрѣшенъ; позднѣе, Англія опять-таки не исполнила желанія Германіи и Австро-Венгріи, вслѣдствіе чего разгорѣлась несчастная греко-турецкая война. Только Россія оказалась податливою, свободною отъ всякихъ самостоятельныхъ взглядовъ и интересовъ въ области восточныхъ дѣлъ, и за это хвалить ее

графъ Голуховскій, обѣщая идти съ нею рука объ руку съ полною довѣрчивостью. Подобная идиллія встрѣчается не часто въ сферѣ международной политики; она тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что особые политическіе интересы и взгляды Австро-Венгріи относительно балканскихъ дѣлъ несомнѣнно существуютъ и проводятся съ замѣчательнымъ искусствомъ, по оффиціальному признанію самихъ австрійскихъ дѣятелей. Такъ, при разсмотрѣніи бюджета Босніи, коммиссія венгерской делегаціи выразила правительству признательность за многополезное и полное такта управленіе занятыми провинціями, дающее возможность монархіи „столь почетно исполнять возложенную на нее задачу". Управляющій Босніею имперскій министръ финансовъ Каллай, въ своемъ отвѣтѣ, выразился одобрительно о мѣстномъ сербскомъ населеніи и засвидѣтельствовалъ свое безпристрастіе по отношенію къ православнымъ сербамъ, какъ и къ католикамъ; „православные сербы,—прибавилъ онъ,—добрый и трудолюбивый народъ, не поддающійся наущеніямъ тѣхъ немногихъ сбившихся съ правильнаго пути людей, которые стремятся увлечь за собою своихъ единоплеменниковъ". О какомъ истинномъ пути боснійскаго населенія говорилъ Каллай и какихъ людей называетъ онъ сбившимися съ дороги, готовыми увлечь за собою другихъ,—мы не знаемъ; но изъ этихъ словъ можно ясно видѣть, что Австро-Венгрія имѣетъ свою точно опредѣленную балканскую политику, которую и выполняетъ какъ нельзя лучше. Трудно предположить, чтобы эта политика совпадала съ русскою и соотвѣтствовала ей по своимъ цѣлямъ и стремленіямъ, какъ можно было бы думать, судя по рѣчи графа Голуховскаго.

Во Франціи вся политическая жизнь какъ будто затихла подъ гнетомъ неожиданныхъ, постоянно разростающихся разоблаченій и жестокихъ споровъ по дѣлу Дрейфуса. Публика успѣла уже забыть о французскомъ офицерѣ, осужденномъ, три года тому назадъ, за государственную измѣну, и если имя его иногда попадало въ печать, то только съ присоединеніемъ эпитета „измѣнникъ". Въ настоящее время очень многіе начинаютъ думать, что Дрейфусъ былъ жертвою судебной ошибки. Вице-президентъ сената Шереръ-Кестнеръ имѣлъ возможность окончательно убѣдиться въ этомъ; онъ рѣшился собрать необходимый фактическій матеріалъ для формальнаго возбужденія вопроса о пересмотрѣ процесса. Посвятивъ больше года на собраніе и провѣрку свидѣтельствъ и документовъ, находящихся въ связи съ дѣломъ Дрейфуса, Шереръ-Кестнеръ могъ, наконецъ, приступить къ исполненію своей чрезвычайно трудной и щекотливой задачи. Газеты изо дня въ день слѣдили и слѣдятъ за подробностями этой загадоч-

ной исторіи, успѣвшей съ самаго начала сдѣлаться предметомъ яростной полемики.

Не останавливаясь на фактахъ, сообщенныхъ уже газетами, мы невольно поражаемся поведеніемъ многихъ французскихъ публицистовъ въ дѣлахъ и вопросахъ, подобныхъ настоящему. Одни считаютъ преступнымъ посягательствомъ на достоинство арміи всякое сомнѣніе въ правильности приговора, постановленнаго французскимъ военнымъ судомъ, и заранѣе объявляютъ измѣнниками, продажными союзниками Дрейфуса—всѣхъ указывающихъ на возможность судебной ошибки; другіе съ такою же безпощадностью осуждаютъ безъ суда новыхъ обвиняемыхъ, имена которыхъ брошены кѣмъ-нибудь въ газетную прессу. Защитники Дрейфуса стараются во что бы то ни стало погубить майора Эстергази, какъ будто искупительная жертва непремѣнно нужна для очищенія общественной совѣсти. Въ свое время капитанъ Дрейфусъ былъ безповоротно осужденъ газетными патріотами тотчасъ же послѣ того, какъ его имя было кѣмъ-то названо въ печати, по поводу слуховъ о шпіонствѣ. Теперь многіе съ тою же непонятною жестокостью устроили систематическую травлю противъ злосчастнаго Эстергази, которому приходится непрерывно отбиваться отъ массы самозванныхъ обвинителей. Если онъ виновенъ въ чемъ-либо, то пусть его судятъ правильнымъ судомъ, пусть предъявятъ ему обвиненіе и укажутъ доказательства; тогда останется за нимъ еще право защиты и оправданія. Тѣ самые люди, которые вполнѣ здраво разсуждаютъ о возмутительной газетной кампаніи противъ Дрейфуса еще до начала его процесса, поступаютъ теперь столь же возмутительно съ Эстергази, который еще не былъ призываемъ ни къ какому суду и никѣмъ еще не былъ признанъ преступникомъ. Личность Эстергази, его семейная интимная жизнь, его частныя дѣла и долги, его письма къ разнымъ лицамъ и въ томъ числѣ къ женщинамъ, — все это стало публичнымъ достояніемъ съ той минуты, какъ въ его лицѣ найденъ замѣститель Дрейфуса въ качествѣ патентованнаго измѣнника. Братъ осужденнаго назвалъ Эстергази; на него намекалъ и Шереръ-Кестнеръ; его же называютъ всѣ газеты, прибавляя каждый день новыя убійственныя черты къ его преступному облику. Несчастнаго уличаютъ, ловятъ на противорѣчіяхъ, заставляютъ по неволѣ путаться, и затѣмъ принимаютъ эту спутанность за ясную улику виновности,— и все это еще прежде чѣмъ назначено надлежащее судебное разбирательство. Не противно ли видѣть эту всеобщую травлю всѣхъ противъ одного, подъ предлогомъ неограниченной гласности, которая тутъ абсолютно ни при чемъ? Ничего подобнаго не замѣчаемъ мы въ англійской журналистикѣ, пользующейся не меньшею свободою, чѣмъ французская. Уваженіе къ человѣческой личности не позволяетъ англичанамъ глумиться

въ такой мѣрѣ надъ элементарными чувствами порядочности и добросовѣстности. Дрейфусъ обвинялся и былъ осужденъ на основаніи сходства его почерка съ почеркомъ преступнаго письма, случайно выброшеннаго изъ помѣщенія германскаго посольства; въ этой бумажкѣ приведенъ былъ списокъ посылаемыхъ секретныхъ документовъ и матеріаловъ, которые могъ имѣть въ своемъ распоряженіи только офицеръ, состоящій въ дѣйствительной службѣ. Теперь начинаютъ соображать: не странно ли, что такое важное письмо, прямо свидѣтельствующее о секретныхъ сношеніяхъ нѣмецкихъ представителей съ французскими офицерами, оказалось выброшеннымъ вмѣстѣ съ мусоромъ изъ комнатъ германскаго посольства, какъ будто нарочно для того, чтобы дать матеріалъ для осужденія и гибели автора письма? Далѣе, припоминаютъ, что послѣ обнародованія сущности документа, поставленнаго въ улику Дрейфусу, германское правительство категорически удостовѣрило, что ни подобнаго письма, ни указанныхъ въ немъ матеріаловъ не было получено никѣмъ изъ военныхъ или дипломатическихъ представителей Германіи. Затѣмъ,—Дрейфусъ обладалъ большимъ состояніемъ и принадлежалъ къ богатой семьѣ, былъ счастливо женатъ и велъ правильный, скромный образъ жизни, никогда не имѣлъ долговъ или какихъ-либо денежныхъ затрудненій;—слѣдовательно, у него не могло быть абсолютно никакихъ мотивовъ къ такому страшному для офицера преступленію, какъ шпіонство въ пользу иностранной державы. Несчастіе его заключалось, вѣроятно, только въ томъ, что онъ держался въ сторонѣ отъ товарищей по службѣ, отличался скрытностью и замкнутостью, отчасти вслѣдствіе своего еврейскаго происхожденія, которое мало одобряется во Франціи, какъ и повсюду. Теперь находятъ, что преступное письмо не могло быть написано Дрейфусомъ, что почерки въ сущности совсѣмъ не похожи, и что писалъ его несомнѣнно Эстергази. Но для чего былъ бы написанъ документъ и какое можетъ онъ имѣть значеніе, если онъ никогда не былъ адресованъ въ иностранное посольство и никѣмъ не былъ полученъ изъ нѣмецкихъ дипломатовъ или военныхъ? Не была ли эта бумажка спеціально сфабрикована какимъ-нибудь мошенникомъ для полученія за нее денегъ отъ французскаго военнаго министерства? Подобная версія не представляетъ ничего невѣроятнаго, и самая возможность такого рода фактовъ должна бы побудить французскую печать съ большею осторожностью относиться къ обвиненіямъ, высказываемымъ произвольно, безъ надлежащей провѣрки. Если окажется, что въ самомъ дѣлѣ Дрейфусъ опозоренъ безвинно, то его процессъ останется въ дѣйствительности однимъ изъ ужаснѣйшихъ судебныхъ дѣлъ послѣднихъ десятилѣтій.

ОСНОВАНІЕ УНИВЕРСИТЕТА

ВЪ ПЕКИНѢ И РЕАЛЬНЫХЪ ГИМНАЗІЙ ВЪ РАЗНЫХЪ ПРОВИНЦІЯХЪ КИТАЯ.

Сознаніе необходимости усвоенія точныхъ западныхъ наукъ, какъ средствъ для борьбы съ тѣмъ же Западомъ, начавшее проникать въ умы лучшихъ китайцевъ задолго до несчастной для Китая войны съ Японіей, съ особенною силою стало проявляться послѣ нея и выразилось въ недавнее время въ докладѣ бывшаго наставника богдохана, министра и директора казенной библіотеки (Гуамь-Му-Цзней), извѣстнаго китайскаго ученаго, Сунь-Цзя-Най'я, относительно основанія университета въ Пекинѣ, и въ докладѣ ань-гуйскаго губернатора Дэнъ-Гуа-Си о необходимости открытія реальныхъ гимназій въ провинціяхъ, и въ указѣ богдохана, отъ 24-го ноября прошлаго года, касательно открытія университета и гимназій. Въ виду важности особенно перваго изъ этихъ документовъ мы позволяемъ себѣ привести его почти in extenso.

„Министерство иностранныхъ дѣлъ увѣдомило меня, что въ своемъ заключеніи, по поводу переданнаго на его разсмотрѣніе доклада товарища министра юстиціи Ли-Дуань-Фыня о необходимости учрежденія въ Пекинѣ высшаго учебнаго заведенія, оно просило, чтобы мнѣ предписано было выработать проектъ устройства его, на что и воспослѣдовало Высочайшее согласіе.

„Назначенный по представленію Цзунъ-Ли-Я-Мыня директоромъ казенной библіотеки, я въ составленныхъ для нея правилахъ также проектировалъ необходимость учрежденія высшаго учебнаго заведенія, такъ что осуществленіе этого предпріятія входитъ въ кругъ моихъ обязанностей, какъ директора. Скоро исполнится полгода со дня основанія этого учрежденія. Въ теченіе этого времени мною собраны были изъ разныхъ мѣстъ всевозможныя книги, начато печатаніе газеты, сообщающей въ переводѣ свѣдѣнія, заимствованныя изъ иностранныхъ газетъ, и дѣло начинаетъ принимать осязательныя, хотя и грубыя очертанія. Къ сожалѣнію, при недостаткѣ матеріальныхъ средствъ, мы можемъ только въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ пріобрѣтать физическіе и астрономическіе инструменты, принадлежности тисненія, собирать необходимыя книги и карты и разныя иностранныя телеграфныя извѣстія для того, чтобы хоть нѣсколько расширить горизонтъ свѣдѣній столичныхъ обитателей. О воспитаніи же молодыхъ талантовъ съ цѣлію приготовленія изъ нихъ будущихъ госу-

дарственныхъ дѣятелей, безъ увеличенія средствъ и образованія университета, нечего и думать.

„Основаніе въ китайской столицѣ высшей школы является первымъ въ этомъ родѣ опытомъ со времени вступленія Китая въ правильныя торговыя сношенія съ иностранцами. Если мы вздумаемъ удовольствоваться типомъ нашихъ старыхъ казенныхъ и частныхъ школъ, ограничивающихся преподаваніемъ классиковъ и составленіемъ диссертацій съ цѣлію полученія ученыхъ степеней, то какая польза въ постановкѣ дѣла на широкихъ основаніяхъ? Что же касается школъ типа иностранной коллегіи при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и провинціальныхъ для изученія иностранныхъ языковъ (и нѣкоторыхъ наукъ), въ которыхъ все вниманіе сосредоточено на изученіи языковъ, то онѣ, по самой большей мѣрѣ, могли дать не болѣе нѣсколькихъ десятковъ переводчиковъ. Не болѣе удовлетворительны, въ смыслѣ общаго образованія, и школы: при фу-чжоускомъ арсеналѣ, механическомъ заводѣ въ Нанкинѣ и морскіе и сухопутные корпуса въ Тянь-Цзинѣ, Нанкинѣ и Кантонѣ; всѣ они заключены въ узкія рамки своихъ спеціальностей, и если между воспитанниками ихъ попадаются люди мало-мальски подготовленные по своей спеціальности, то большая часть изъ нихъ не понимаетъ высшаго долга и прежде всего проникается отвращеніемъ ко всему китайскому. Благодаря этому, несмотря на то, что школы эти существуютъ по нѣскольку десятковъ лѣтъ, изъ нихъ не вышло ни одного надежнаго дѣятеля, который могъ бы послужить своему отечеству въ годину нужды. Причина этого, безъ сомнѣнія, заключается въ несовершенствѣ постановки дѣла образованія. Вотъ почему прежнія китайскія школы не могутъ служить образцомъ для основанія новыхъ школъ.

„Обращаясь къ западнымъ государствамъ, мы видимъ, что тамъ, за послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ, появилась масса талантливыхъ людей, благодаря которымъ внутреннее могущество и внѣшняя сила ихъ вдругъ поднялись, и повсюду появились школы. Основанныя въ ихъ столицахъ высшія школы поставлены на широкихъ основаніяхъ, располагаютъ вполнѣ достаточными средствами и насчитываютъ въ своихъ стѣнахъ сотни профессоровъ и тысячи воспитанниковъ. Кромѣ того, тамъ повсюду открыты среднія и низшія учебныя заведенія. Такимъ образомъ, въ борьбѣ съ Китаемъ иностранцы опираются не на одну только крѣпость своихъ судовъ и силу орудій, но и на массу готовыхъ выдающихся талантовъ.

„Такъ какъ, въ виду все болѣе и болѣе мѣняющихся обстоятельствъ, ощущается настоятельная потребность въ людяхъ образованныхъ для приготовленія къ борьбѣ, чтобы въ урокахъ прошедшаго они почерпали предостереженіе для будущаго, то намъ крайне необходимо про-

извести измѣненія въ нашемъ образовательномъ строѣ, сообразуясь въ этомъ случаѣ съ уставами иностранныхъ университетовъ. Университетское образованіе на Западѣ основано на строгомъ раздѣленіи на факультеты, но, при болѣе внимательномъ изслѣдованіи предметовъ, къ изученію которыхъ тамъ прилагаются стараніе и усилія, оказывается, что оно проявляется въ видѣ теоретическихъ и прикладныхъ знаній, причемъ преподаваніе послѣднихъ отличается большею обстоятельностью сравнительно съ первыми. Поэтому, несмотря на энергичное стремленіе къ достиженію всеобщаго благополучія и на постоянное возрастаніе матеріальнаго богатства и силы, западная Европа, благодаря раздѣленію на отдѣльныя политическія единицы, а также и ограниченности своей науки, не можетъ достигнуть того благоденствія, которымъ отличалась эпоха первыхъ мудрыхъ государей Китая. Вотъ почему система иностранныхъ университетовъ не можетъ быть цѣликомъ усвоена Китаемъ, не говоря уже о томъ, что немедленное осуществленіе ея потребовало бы такихъ громадныхъ матеріальныхъ затратъ, которыя въ данный моментъ не подъ силу Китаю. Вполнѣ сознавая всю трудность осуществленія этого новаго дѣла, къ этому слѣдуетъ еще прибавить и то, что малѣйшая неосторожность при учрежденіи такимъ великимъ государствомъ, какъ Китай, университета особенно въ столицѣ, привлекающей вниманіе всего міра, безъ сомнѣнія, вызоветъ только издѣвательства, не принеся никакой пользы въ современныхъ затрудненіяхъ, такъ что при такихъ условіяхъ лучше не браться за это дѣло. Въ неизмѣнномъ стремленіи къ осуществленію наилучшимъ и совершеннѣйшимъ образомъ этого важнаго вопроса, я (замѣчаетъ докладчикъ), продолжая собирать отовсюду необходимыя свѣдѣнія, имѣю честь почтительнѣйше представить на усмотрѣніе вашего величества предварительныя общія соображенія по настоящему предмету, заключающіяся въ слѣдующихъ пунктахъ:

„1) Необходимо предварительно опредѣлить общее направленіе. Въ Китаѣ, въ теченіе его пятитысячелѣтняго существованія, мы видимъ послѣдовательный рядъ мудрыхъ государей, при которыхъ дѣла правленія и просвѣщеніе находились въ цвѣтущемъ состояніи. Поэтому Китаю никоимъ образомъ невозможно, подобно Японіи, оставить все свое и приняться за чужое, всецѣло отказаться отъ своихъ наукъ и предаться западничеству. Вслѣдствіе этого при учрежденіи перваго университета въ китайской столицѣ, безъ сомнѣнія, китайская наука должна занимать въ немъ главное мѣсто, а науки иностранныя—второстепенное; китайская наука должна составлять сущность, а западная—являться практическимъ приложеніемъ; недостающее въ первой, или же съ теченіемъ времени утраченное въ ней, слѣдуетъ восполнять изъ второй. Словомъ, западная наука должна относиться къ китайской

какъ часть къ цѣлому. Эта основная идея, при учрежденіи въ Китаѣ школъ по западному образцу, должна проходить не только по университетскимъ факультетамъ, но и по всѣмъ провинціальнымъ школамъ, которыя имѣютъ быть основаны впослѣдствіи. Но еслибы при разработкѣ устава, въ видахъ достиженія совершеннѣйшей пользы, потребовались какія-либо измѣненія, то въ этомъ случаѣ, само собою разумѣется, не слѣдуетъ стѣсняться внѣшними формами и упорствовать въ соблюденіи старыхъ порядковъ, въ ущербъ благамъ, проистекающимъ отъ сообразованія дѣятельности съ требованіями времени.

„2) Слѣдуетъ построить зданіе для помѣщенія университета. Зданіе это, имѣющее состоять изъ аудиторій и жилыхъ помѣщеній, непремѣнно должно быть помѣстительное, пригодное для людей и для храненія инструментовъ и книгъ, потому что тѣсное и мизерное помѣщеніе послужитъ предметомъ насмѣшекъ со стороны иностранцевъ, которые, услыхавъ объ открытіи университета въ Пекинѣ, будутъ предпринимать туда путешествія. На первыхъ порахъ авторъ доклада проектируетъ построить главный корпусъ университета на 100 человѣкъ, а по сторонамъ его 4 училища, на 30 человѣкъ каждое, и оставить значительное пустое пространство, на которомъ разбить теперь садъ, а впослѣдствіи построить въ немъ библіотеку и музей.

„3) Для болѣе успѣшнаго и основательнаго изученія разныхъ отраслей знанія, авторъ проектируетъ раздѣлить университетъ на слѣдующіе факультеты: астрономическо-математическій, землевѣдѣнія съ присоединеніемъ горныхъ наукъ, философскій съ присовокупленіемъ обзора религій, политическій съ присоединеніемъ политическаго устройства западныхъ государствъ и законодательствъ, словесный съ присоединеніемъ иностранныхъ языковъ и литературы, военный съ присовокупленіемъ морского дѣла, земледѣльческій, техническій, коммерческій съ присовокупленіемъ свѣдѣній о пароходахъ, желѣзныхъ дорогахъ и телеграфахъ, и медицинскій. Обобщая древнее и новое, обнимая Китай и чужеземныя страны, совмѣщая въ себѣ теорію и практику, университетъ, при дальнѣйшемъ развитіи современныхъ вѣяній, послужитъ разсадникомъ для образованія выдающихся талантовъ и, несмотря на ограниченные размѣры въ началѣ, онъ явится краеугольнымъ камнемъ къ объединенію вселенной (?!).

„4) Для преподаванія въ университетѣ слѣдуетъ пригласить по два профессора изъ китайцевъ и иностранцевъ. Китайскіе профессора должны отличаться безупречнымъ поведеніемъ, глубокою ученостью и имѣть общее понятіе о сношеніяхъ Китая съ иностранцами; знакомство съ иностранными языками для нихъ необязательно. Иностранные профессора должны быть глубокими знатоками западныхъ наукъ и въ

то же время знать китайскій языкъ. При невозможности соблюденія послѣдняго условія, можно на первыхъ порахъ ограничиться однимъ иностраннымъ профессоромъ".

Въ каждую изъ 4-хъ школъ при университетѣ докладчикъ рекомендуетъ пригласить по одному китайскому и одному иностранному учителю, которые бы также отличались высокими нравственными качествами и дѣйствительнымъ знаніемъ. Иностранные учителя должны начать съ преподаванія англійскаго и французскаго языковъ, а если можно—также нѣмецкаго и русскаго.

„5) Въ выборѣ воспитанниковъ слѣдуетъ соблюдать осторожность. Предѣльный возрастъ студентовъ, поступающихъ въ университетъ, опредѣляется 25-ти-лѣтній. При поступленіи, студенты, смотря по степени познаній, раздѣляются на три разряда: къ первому относятся вполнѣ знакомые съ китайскими и иностранными науками; ко второму — основательно знакомые съ китайскими науками и нѣсколько понимающіе иностранныя науки, а къ третьему — знающіе иностранныя науки и имѣющіе грубое понятіе о китайской премудрости. Студентамъ перваго разряда выдавать содержаніе въ размѣрѣ 8 лянъ (рублей 12) въ мѣсяцъ, второго—по 6 и третьяго—по 4 лана. Контингентъ студентовъ образуется изъ воспитанниковъ, переводимыхъ изъ существующихъ школъ иностранныхъ языковъ, изъ лицъ, препровождаемыхъ разными правительственными учрежденіями, изъ кандидатовъ и студентовъ китайскихъ наукъ, занимавшихся иностранными языками и науками, поступающихъ по собственному выбору. Лица всѣхъ помянутыхъ категорій подвергаются строгому вступительному экзамену изъ китайскихъ и иностранныхъ наукъ. Кромѣ извѣстныхъ познаній для поступленія въ университетъ, требуется, чтобы аспиранты были характера кроткаго и происходили изъ честныхъ семействъ [1]).

„Предѣльнымъ возрастомъ для поступленія въ проектируемыя при университетѣ 4 школы опредѣляется пятнадцатилѣтній, какъ наиболѣе удобный для изученія языковъ. Въ началѣ, въ виду незначительныхъ штатовъ воспитанниковъ въ этихъ школахъ, въ нихъ пока могли бы поступать дѣти маньчжурскихъ чиновниковъ, до извѣстной степени знакомыя съ китайскимъ письменнымъ языкомъ; въ случаѣ недостатка, можно приглашать, чрезъ объявленія, дѣтей изъ сосѣднихъ деревень и селеній, но подъ условіемъ происхожденія ихъ изъ потомственныхъ ученыхъ семействъ. До перехода въ университетъ

[1]) Къ лицамъ, не имѣющимъ права экзаменоваться на ученыя степени, открывающія служебную карьеру въ Китаѣ, принадлежатъ: дѣти, внуки и правнуки ликторовъ, привратниковъ и другихъ низшихъ служителей присутственныхъ мѣстъ, парикмахеровъ и актеровъ.

воспитанники этихъ школъ не получаютъ никакого вспомоществованія и состоятъ на собственномъ содержаніи.

„6) Признавая необходимымъ расширить выходъ для окончившихъ курсъ въ университетѣ, докладчикъ, въ виду той важности, которая придается въ Китаѣ экзаменамъ на ученыя степени, открывающимъ широкую служебную карьеру, предлагаетъ учредить особые экзамены изъ современныхъ наукъ для опредѣленнаго числа студентовъ университета, съ предоставленіемъ выдержавшимъ таковые всѣхъ служебныхъ правъ и преимуществъ. Затѣмъ, невыдержавшимъ этихъ экзаменовъ, по испытаніи въ университетѣ, выдавать дипломы и, смотря по способностямъ, назначать переводчиками и состоящими при посольствахъ, или же размѣщать на службу при морскихъ и сухопутныхъ войскахъ сѣверно-поморскаго и южно-поморскаго отдѣловъ, а также при арсеналахъ и верфяхъ. Кромѣ того, ихъ можно будетъ назначать на учительскія должности въ школы, которыя будутъ открываемы въ провинціяхъ“...

Обращаясь къ экономической сторонѣ вопроса, или къ изысканію средствъ для осуществленія настоящаго предпріятія, докладчикъ прежде всего указываетъ на то, что въ иностранныхъ государствахъ на школы и вообще на образованіе расходуется столько же, сколько на содержаніе армій; въ Англіи на содержаніе столичныхъ университетовъ ежегодно расходуется 9.000.000 р. Благодаря этому, университеты отличаются тамъ широкою постановкою и даютъ массу образованныхъ и высокоталантливыхъ людей. Въ Китаѣ содержаніе коллегіи иностранныхъ наукъ и языковъ (Тунъ-Вэнь-Гуань) при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ обходится ежегодно болѣе 200.000 ланъ(400.000 сер. рублей); медицинская школа въ Тянь-Цзинѣ—100.000 ланъ; столько же обходится ежегодное содержаніе морского корпуса тамъ же; въ другихъ мѣстахъ Китая ежегодное содержаніе военно-сухопутныхъ и морскихъ школъ, а также школъ иностранныхъ наукъ и языковъ обходится приблизительно около 100.000 ланъ. Благодаря нерадѣнію, узкой постановкѣ дѣла и рутинѣ, а также и недостатку средствъ, ни одна изъ этихъ школъ, по мнѣнію докладчика, не дала до сихъ поръ ни одного государственнаго дѣятеля.

Сознавая всю важность такого учрежденія, какъ университетъ, имѣющаго служить разсадникомъ талантливыхъ слугъ государства, докладчикъ проситъ, чтобы главноуправляющимъ сѣверными и южными портами приказано было ежемѣсячно представлять въ министерство финансовъ для устройства университета по 5.000 ланъ. Такъ какъ, согласно предположенію докладчика, университетъ будетъ готовъ въ теченіе года, то, значитъ, устройство перваго университета въ китай-

ской столицѣ обойдется не болѣе 120.000 ланъ, и столько же—ежегодное содержаніе его.

Вотъ съ какими ничтожными умственными и матеріальными средствами думаютъ лучшіе люди Китая, не успѣвшіе, или не желающіе вполнѣ отрѣшиться отъ многовѣковой рутины Китая, основать первый разсадникъ универсальнаго знанія въ столицѣ Сына Неба!

Докладъ ань-гуй'скаго губернатора о необходимости открытія во всѣхъ провинціяхъ Китая реальныхъ гимназій для изученія европейскихъ положительныхъ наукъ въ общихъ чертахъ заключается въ слѣдующемъ:

Признавая въ настоящее время крайнюю необходимость самаго серьезнаго изученія западныхъ наукъ и въ то же время находя рѣшительно невозможнымъ и недостигающимъ желанной цѣли занятіе ими въ существующихъ нынѣ старыхъ школахъ, докладчикъ настоятельно рекомендуетъ учрежденіе въ главныхъ провинціальныхъ городахъ особыхъ школъ, въ которыя бы принимались здоровыя и способныя дѣти 13—15 лѣтъ, происходящія отъ честныхъ родовъ и знакомыя съ китайскими классиками и языкомъ. Преподавательскій персоналъ въ нихъ долженъ состоять изъ одного наставника и его помощника для китайскихъ предметовъ, а также одного наставника и его помощника для иностранныхъ наукъ. Китайскіе наставники, приглашаемые изъ мѣстныхъ ученыхъ, имѣютъ преподавать каллиграфію, правила для дѣтей, сокращенную китайскую исторію и географію и словесность. Наставники иностранныхъ наукъ, назначаемые изъ пекинскаго и шанхайскаго университетовъ, обязаны преподавать иностранные языки, письменный и разговорный, всеобщую исторію и естественныя науки. Школы эти причисляются къ школамъ 2-го разряда, тогда какъ высшія школы, или университеты, учрежденіе которыхъ въ Пекинѣ и Шанхаѣ удостоилось высочайшаго разрѣшенія, принадлежатъ къ учебнымъ заведеніямъ 1-го разряда; а такъ какъ учрежденіе первыхъ имѣетъ служить путеводителемъ для открытія вторыхъ, то докладчикъ проситъ, чтобы на содержаніе первыхъ изъ прямыхъ провинціальныхъ суммъ было отпускаемо ежегодно 8—10.000 ланъ. Штатъ воспитанниковъ этихъ школъ онъ опредѣляетъ въ 40—50 человѣкъ съ четырехъ-годичнымъ курсомъ. Окончившіе съ успѣхомъ курсъ наукъ будутъ удостоиваемы званія студентовъ, и лучшіе изъ нихъ переводимы для продолженія образованія въ университеты. Лица, получившія домашнее воспитаніе, также допускаются къ экзаменамъ на званіе студентовъ. Гимназіи открытыя на частныя средства, пользуются всѣми правами гимназій казенныхъ.

Этотъ докладъ по волѣ богдохана переданъ былъ на заключеніе министерства иностранныхъ дѣлъ, которое, вполнѣ соглашаясь со

всѣми основными положеніями губернатора и испрашивая на него высочайшаго соизволенія, въ то же время признаетъ излишнимъ и нецѣлесообразнымъ присвоеніе воспитанникамъ званія студентовъ, когда на нихъ съ удобствомъ можетъ быть распространено право воспитанниковъ прежнихъ иностранныхъ школъ—получать званіе студентовъ-переводчиковъ и, на основаніи, его участвовать въ общихъ китайскихъ экзаменахъ на ученыя степени, открывающихъ широкую служебную карьеру. Затѣмъ, по вопросу о наставникахъ, оно рекомендуетъ, чтобы, до открытія университетовъ въ Пекинѣ и Шанхаѣ, учебный персоналъ для гимназій былъ назначаемъ изъ иностранной коллегіи, состоящей при министерствѣ.

Такое заключеніе министерства вмѣстѣ съ первоначальнымъ докладомъ удостоилось 8-го марта сего года утвержденія богдохана.

Этими правительственными распоряженіями, впервые открыто признающими не только право гражданства въ Китаѣ за европейскою наукою, но даже положительной необходимости ея для поступательнаго его движенія, наносится тяжелый и даже, можно сказать, смертельный ударъ китайскимъ педантамъ, въ своемъ гордомъ ослѣпленіи не хотѣвшимъ признавать никакой другой науки, кромѣ китайской реторической и этико-политической премудрости, ставившей, въ лицѣ своихъ вліятельныхъ адептовъ, непреоборимыя преграды всякому вѣянію, идущему съ Запада.

Намъ кажется, что эти правительственныя мѣры должны встрѣтить полное сочувствіе въ средѣ здравомыслящихъ китайцевъ. Въ этомъ, до нѣкоторой степени, убѣждаетъ насъ лихорадочная жажда европейскаго знанія, охватившая, послѣ японско-китайской войны, особенно населеніе тѣхъ пунктовъ Китая, въ которыхъ имѣютъ пребываніе иностранцы. Китайцы, несмотря на ежемѣсячную плату въ нѣсколько долларовъ, настолько охотно отдаютъ своихъ дѣтей въ основанныя, большею частью, миссіонерами иностранныя школы, что содержатели послѣднихъ озабочены увеличеніемъ учебнаго персонала. На испытанія для поступленія на курсы русскаго языка, открытые въ концѣ прошлаго года въ Тянь-Цзинѣ, явилось болѣе 150 человѣкъ. Далѣе, въ китайскихъ газетахъ нерѣдко приходится читать просьбы мѣстной китайской интеллигенціи къ высшей власти объ исходатайствованіи разрѣшеній на открытіе реальныхъ школъ, содержаніе которыхъ она принимаетъ на себя, или же указываетъ частные источники для покрытія его. Такъ въ провинціи Шэнь-Си двое ученыхъ, представляя губернатору ходатайство объ учрежденіи въ главномъ провинціальномъ городѣ реальной школы, въ то же время ходатайствуютъ о разрѣшеніи имъ основать на акціяхъ бумагопрядильную и

ткацкую фабрику, часть прибылей которой ежегодно отчислялась бы на содержаніе проектированной школы.

По свѣдѣніямъ сообщаемымъ шанхайскою китайскою газетою „Шэнь-Бао", за исключеніемъ уже существующихъ въ столицѣ и въ открытыхъ портахъ иностранныхъ школъ, нынѣ таковыя, подъ разными наименованіями, открыты еще въ слѣдующихъ мѣстахъ: китайско-европейская семинарія въ Тянь-Цзинѣ, семинарія въ Сань-Си, два реальныхъ училища въ Су-Чжоу, нормальная школа въ Шанхаѣ, военная школа въ Ху-Бэй'ѣ, техническая въ главномъ городѣ провинціи Ху-Нань и семинарія въ уѣздѣ Сянъ-Сянъ, китайско-европейская семинарія въ Гуй-Чжоу, реальная гимназія въ Чжэ-Цзянѣ. Въ провинціяхъ Ань-Гуй, Шань-Дунъ, Фу-Цзянь, Цзянъ-Нань, Гуанъ-Дунъ и Гуанъ-Си также заводятся иностранныя школы разныхъ типовъ.

Въ этомъ стремленіи правительства и лучшихъ людей Китая къ усвоенію западной культуры нельзя не пожалѣть только того, что, въ видахъ экономіи, учебный персоналъ въ школахъ крайне хромаетъ, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно разсчитывать на какой-нибудь серьезный и ощутительный успѣхъ въ усвоеніи воспитанниками европейскихъ наукъ при одномъ наставникѣ на школу для всѣхъ иностранныхъ наукъ и, притомъ, наставникѣ изъ китайцевъ, который, внѣ всякаго сомнѣнія, и самъ не имѣетъ достаточной подготовки для занятія такой универсальной должности.

П. Поповъ.

Пекинъ.
6-го сент. 1897.

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЬ ЛѢТЪ СОЦІАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.

Письмо изъ Германіи.

I.

Въ сентябрѣ нынѣшняго года исполнилось 25 лѣтъ дѣятельности „Общества соціальной политики"—союза германскихъ экономистовъ, публицистовъ и людей практическихъ профессій,—поставившаго себѣ задачей—выясненіемъ условій народной жизни содѣйствовать необходимымъ экономическимъ реформамъ. Исторія Общества тѣсно связана съ выдающимися измѣненіями какъ въ законодательствѣ и отношеніи образованныхъ классовъ къ рабочему вопросу, такъ и во взглядахъ на основныя положенія политической экономіи. Было бы преувеличеніемъ приписывать дѣятельности „Verein für Socialpolitik" всю, или даже только преимущественную заслугу въ томъ, что теорія „laisser faire", невмѣшательства государства въ экономическіе и соціальные вопросы, совершенно исчезла въ Германіи; несомнѣнно были и другіе, болѣе могущественные факторы въ реальной жизни и не менѣе сильные аргументы въ теоріи, подъ ударами которыхъ разрушилась вѣра во всеобщее благоденствіе при господствѣ неограниченной конкурренціи. За „Обществомъ соціальной политики" остается, однако, та большая заслуга, что оно, въ періодъ опьяненія Германіи національной славой, первое громко стало взывать къ общественной совѣсти, къ разумно-понятому интересу господствующихъ классовъ, указывая на неотложность соціальныхъ реформъ.

Русско-нѣмецкому публицисту Эккардту (Eckardt), воспитывавшемуся въ Петербургѣ, редактировавшему затѣмъ газету въ Ригѣ и въ концѣ 60-хъ годовъ переѣхавшему въ Германію, принадлежитъ идея основанія „Общества соціальной политики"—въ противовѣсъ „Конгрессу нѣмецкихъ экономистовъ", въ которомъ нѣмецкое манчестерство 60-хъ годовъ пропагандировало свои мысли и свои интересы. Предложеніе Эккардта горячо привѣтствовано было кружкомъ молодыхъ экономистовъ, вышедшихъ изъ исторической школы. У одного изъ нихъ, молодого тогда профессора Шмоллера въ Галле, состоялось совѣщаніе при участіи старыхъ свѣтилъ науки, Рошера и Гильдебрандта. Рѣшено было предварительно созвать въ Эйзенахѣ конференцію для обмѣна мыслями о соціальномъ вопросѣ вообще и въ частности о фабричномъ законодательствѣ, жилищахъ бѣднѣйшаго населенія и рабочихъ союзахъ. Кружокъ обратился съ приглашеніемъ къ вы-

дающимся профессорамъ, журналистамъ, депутатамъ, чиновникамъ, фабрикантамъ. Многіе изъ приглашенныхъ отвѣтили категорическимъ отказомъ, но Родбертусъ, вѣроятно, былъ единственный изъ получившихъ приглашеніе, которому идеи молодыхъ экономистовъ казались еще недостаточно рѣшительными. Большинство же, вмѣстѣ съ Бамбергеромъ, видѣло уже въ самой попыткѣ критически отнестись къ общественнымъ и экономическимъ порядкамъ, посягательство на ихъ существованіе. Ставить вопросительный знакъ, по мнѣнію Бамбергера, значило дать оружіе въ руки противникамъ государства. Возбуждать же мысль о вмѣшательствѣ государства въ экономическую жизнь—значитъ „исходить изъ слишкомъ оптимистическаго представленія объ его (государства) мудрости и добродѣтели".

Въ чемъ же состояли идеи, которыя хотѣли проводить иниціаторы конференціи въ Эйзенахѣ? Шмоллеръ, привѣтствовавшій собраніе, формулировалъ свои мысли и мысли своихъ друзей въ слѣдующихъ словахъ, которыми заканчивалась его рѣчь:

„Мы требуемъ отъ государства, отъ всего общества и каждаго отдѣльнаго лица, желающаго принять участіе въ задачахъ своего времени, чтобы они были проникнуты высокимъ идеаломъ. Такимъ идеаломъ не можетъ быть что-нибудь иное, какъ привлеченіе все бо́льшей и бо́льшей части нашего народа къ участію въ благахъ культуры, въ образованіи и благосостояніи: вотъ великая и въ лучшемъ смыслѣ слова демократическая задача нашего развитія, да и вообще, вѣроятно, великая цѣль всемірной исторіи"...

Слова эти звучатъ теперь почти прописной моралью, но 25 лѣтъ тому назадъ, когда они произнесены были молодымъ профессоромъ политической экономіи, изъ Галле, одни увидѣли въ нихъ почти откровеніе, другіе — величайшую ересь. Для страны, какъ Германія, и тогда, конечно, не было ничего смѣлаго и новаго въ утвержденіи, что народъ можетъ быть допущенъ къ участію въ культурѣ. Никто не сомнѣвался также въ необходимости идеала въ общественной дѣятельности, хотя въ содержаніе идеала не всѣ вкладывали демократизацію знанія и богатства въ томъ смыслѣ, какъ его выражалъ молодой профессоръ. Но ставить задачей *государственной* дѣятельности привлеченіе народныхъ массъ къ благосостоянію—значило кореннымъ образомъ отрѣшиться отъ того взгляда на государство, который Лассаль сравнилъ съ понятіемъ о ночномъ сторожѣ. Въ образованномъ обществѣ, парламентѣ, прессѣ,—какъ это ни странно покажется въ эпоху, когда Бисмаркъ стоялъ на вершинѣ своей славы и почти диктаторски распоряжался Германіей,—даже въ правительствѣ господствовало убѣжденіе, что чѣмъ меньше общественная власть станетъ вмѣшиваться въ хозяйственныя и соціальныя отношенія, чѣмъ

меньше правительство станетъ „опекать“, тѣмъ лучше будетъ и ему самому, и обществу, и отдѣльнымъ людямъ. Между трудомъ и капиталомъ существуетъ естественная гармонія, интересъ ихъ совершенно одинаковъ: этого не понимаютъ только хранители цеховой старины и утописты-агитаторы. Зачѣмъ же вмѣшиваться, мѣшать естественному ходу вещей?

Ученые, предлагавшіе государству привлекать массы не только къ образованію, но и къ благосостоянію, слѣдовательно, или плохо знали свою науку, или совершенно не понимали жизни. Да и фразы, въ которыя они облекали свои мысли, производили подозрительное впечатлѣніе отголоска бредней, которыя у серьезныхъ нѣмцевъ могли вызвать лишь улыбку сожалѣнія. Культура, благосостояніе народа совпадаютъ съ великой цѣлью всемірной исторіи?—но вѣдь это почти тоже, что идея четвертаго сословія совпадаетъ съ идеей историческаго развитія, а тотъ, который сказалъ это, былъ несомнѣнный врагъ всего общественнаго порядка! Какъ же не назвать новыхъ экономистовъ „соціалистами каѳедры“, столь же, если не болѣе вредными, чѣмъ ихъ прототипъ? Правда, они энергично открещивались отъ этой клички, данной имъ журналистомъ Ошенгеймомъ въ „National Zeitung“. Въ вступительной рѣчи Шмоллера, изъ которой мы привели выше цитату, прямо сказано: „Не нивеллированіе въ соціалистическомъ смыслѣ нашъ идеалъ общества. То общество, по нашему взгляду, наиболѣе нормальное и здоровое, которое представляетъ лѣстницу различныхъ положеній (Existenzen, существованій), но лѣстницу, по которой легко переходить съ одной ступеньки на другую“. Сейчасъ же вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ, однако, сравненіе нынѣшняго общества съ пирамидой, въ которой только совсѣмъ наверху и внизу есть твердая точка опоры, и напоминаніе о великихъ народахъ, исчезнувшихъ или впавшихъ въ варварство, вслѣдствіе неумѣнія понять значеніе соціальнаго переворота. Съ осторожностью, естественной для оратора, желающаго соединить еще далеко не однородные элементы въ одну грушу, Шмоллеръ намѣчаетъ ближайшія требованія: онъ и его друзья не хотятъ упразднить свободу конкурренціи или уничтожить нынѣшнія наемныя отношенія труда къ капиталу; но работникъ дѣйствительно, а не лишь формально долженъ быть свободенъ, и для защиты его интересовъ необходимо допустить и соединеніе въ союзы, и фабричное законодательство. Государству нужно предоставить право изслѣдовать злоупотребленія, „вносить факелъ публичности“ въ промышленную жизнь, которая въ то же время—жизнь милліоновъ людей.

Ставя государство, какъ Шмоллеръ выражался, in den Fluss des historischen Werdens, т.-е. исходя изъ мысли, что его задачи измѣняются въ зависимости отъ условій времени, новая школа экономи-

стовъ естественно должна была придти къ противоположному взгляду съ тѣмъ, который тогда господствовалъ не только по отношенію къ практическимъ вопросамъ народнаго хозяйства, но и въ основныхъ вопросахъ экономической теоріи. Исходная точка новаго движенія была даже по преимуществу теоретическая. Во главѣ его стояли молодые политико-экономы, на которыхъ авторитетъ вѣчныхъ законовъ политической экономіи не производилъ уже впечатлѣнія, потому что они давно стали сомнѣваться въ существованіи естественныхъ законовъ, одинаковыхъ для всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ.

Бастіа для нихъ не былъ оракуломъ; что же касается Смита или Рикардо, то, не отрицая ихъ великихъ заслугъ предъ наукой (впослѣдствіи нѣкоторые противники „абстрактной" экономіи уже впадали въ бо̀льшую крайность), молодые нѣмецкіе экономисты разсматривали ихъ произведенія въ связи съ идеями вѣка, съ раціонализмомъ въ философіи и общественными и хозяйственными условіями Англіи конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Когда на первомъ съѣздѣ Гнейстъ замѣтилъ противъ Шмоллера, что вѣдь Смитомъ доказано, что законы политической экономіи и законы нравственности противоположны, Шмоллеръ отвѣтилъ, что такія выраженія стоятъ на равной доскѣ съ ссылкой на авторитетъ Монтескьё въ государственномъ правѣ, а Бруно Гильдебрандъ, въ слѣдующей книжкѣ своихъ „Jahrbücher", могъ подтвердить, что „со времени Листа, и еще раньше, историко-критическое отношеніе къ догматизму въ политической экономіи стало достояніемъ нѣмецкой университетской экономіи". Критицизмъ выражался еще рѣзче по отношенію къ тѣмъ французскимъ и англійскимъ эпигонамъ классической школы, которые пользовались почти такимъ же кредитомъ, какъ сама классическая экономія. Отрицая, напр., существованіе естественнаго закона заработной платы, какъ его формулировалъ Рикардо, новая нѣмецкая школа еще менѣе могла соглашаться съ позднѣйшими формулами рабочаго фонда, и отсюда вытекало глубокое различіе въ отношеніи къ практическимъ вопросамъ современности.

Для Принса-Смиса, одного изъ популярнѣйшихъ экономистовъ манчестерской школы тогдашней Германіи, рабочаго вопроса вовсе не существовало, потому что высота заработной платы естественно опредѣляется отношеніемъ рабочаго фонда къ числу рабочихъ рукъ. Экономисты же, вышедшіе изъ школы Рошера и Книса и изъ статистическаго семинаріума Энгеля, читавшіе Лассаля и Маркса, уже не могли удовлетворяться подобными формулами. Изученіе германскаго прошлаго и наблюденіе соціальнаго развитія Англіи приводили ихъ къ убѣжденію, что свободная конкурренція не ведетъ еще сама къ созданію лучшаго изъ міровъ, что фабричное законодательство не

актъ грубаго полицейскаго произвола, и стремленіе рабочаго класса къ поднятію своего положенія не противорѣчитъ ни законамъ экономіи, ни основаніямъ господствующаго порядка.

Изъ собранія для обмѣна мыслями по соціальному вопросу вышло „Общество соціальной политики", союзъ теоретиковъ и практиковъ, собирающійся періодически на конгрессы и имѣющій свое постоянное бюро, задача котораго—подготовлять темы для предстоящаго съѣзда и руководить научными изслѣдованіями, посвященными тѣмъ же вопросамъ. Хотя основныя идеи новаго Общества достаточно уже выяснились изъ дебатовъ и рефератовъ на первомъ совѣщаніи, учредители „Verein für Socialpolitik" сочли нужнымъ еще разъ формулировать ихъ въ „Воззваніи къ учрежденію Общества". Указавъ на опасность, грозящую дальнѣйшему развитію Германіи отъ борьбы капитала съ трудомъ, и на обязанности, налагаемыя ею на государство и все общество, составители воззванія прибавляютъ: одною изъ первыхъ задачъ является выясненіе условій жизни рабочихъ и ихъ отношеній къ предпринимателямъ, поддержка корпоративныхъ стремленій труда и попытки къ тому, чтобы довести враждующія стороны ко взаимному пониманію и мирному соглашенію. Изъ другихъ соціальныхъ и экономическихъ проблемъ, наиболѣе серьезныя, требующія изученія, относятся къ области народнаго воспитанія, гигіены, путей сообщенія, податной системы. Свое profession de foi учредители Общества высказываютъ слѣдующимъ образомъ: „общественный смыслъ и гуманность должны найти себѣ выраженіе также въ экономической жизни", и „вмѣшательство государства на нашъ взглядъ не необходимое зло, но и исполненіе одной изъ величайшихъ обязанностей—подчинить эгоизмъ личности и ближайшіе интересы класса высшему назначенію цѣлаго" (т.-е. государства и народа). Воззваніе подписано Рошеромъ, Книсомъ, Гильдебрантомъ, Зибелемъ, Энгелемъ, Гнейстомъ, Шмоллеромъ, Вагнеромъ, Брентано и нѣкоторыми др. экономистами, публицистами и практическими дѣятелями. Уже изъ списка именъ можно замѣтить, что во главѣ новаго общества стояли ученые, которыхъ нельзя было приписать къ радикальнымъ людямъ ни по ихъ политическимъ, ни по соціально-экономическимъ воззрѣніямъ. Правда, старшее поколѣніе играло больше роль декоративнаго элемента; движущей силой была тогдашняя молодежь, въ особенности Шмоллеръ, Брентано и Гельдъ, однако требовалось много страстности или невѣжества, чтобы приписывать и молодой группѣ намѣренія, аналогичныя соціаль-демократіи и направленныя противъ существующаго экономическаго строя.

Вліяніе систематической дѣятельности соціаль-политиковъ очень скоро стало замѣчаться въ печати и парламентѣ. На съѣздѣ стали

появляться депутаты, фабриканты; къ дебатамъ начали прислушиваться. Читая парламентскіе отчеты 1876 и 1878 гг., посвященные вопросамъ рабочаго или фабричнаго законодательства, вы замѣчаете, что въ рейхстагѣ уже цитируются аргументы „изъ Эйзенаха“ и рѣже ссылаются на благодѣянія свободной конкурренціи, несовмѣстимыя будто съ защитою женщинъ и дѣтей. Быстрые успѣхи Verein'a заставили и Бисмарка обратить на него свое вниманіе, не къ благу тѣхъ стремленій, которыми задались его учредители. Я не хочу здѣсь разбирать, насколько идеи соціаль-политиковъ оказали вліяніе на то, что̀ потомъ называли бисмарковскимъ государственнымъ соціализмомъ. Когда-то очень преувеличивали вліяніе на канцлера Адольфа Вагнера, часто смѣшивая его съ Германомъ Вагенеромъ, который одно время стоялъ очень близко къ Бисмарку, пока разоблаченія Ласкера не сдѣлали Вагенера, какъ „грюндера“, невозможнымъ на правительственной службѣ. Весьма вѣроятно, что идеи новыхъ экономистовъ имѣютъ свою долю заслуги въ законодательствѣ о страхованіи рабочихъ, хотя надо тутъ же прибавить, что къ другимъ идеямъ соціальныхъ политиковъ, какъ къ требованію фабричной инспекціи, улучшенія фабричныхъ законовъ, освобожденія профессіональныхъ союзовъ отъ административныхъ стѣсненій, Бисмаркъ оставался совершенно глухимъ.

Если мы говоримъ, что болѣе тѣсная связь съ Бисмаркомъ не была въ пользу идей, высказанныхъ при учрежденіи Verein'a, то имѣемъ въ особенности въ виду связь на почвѣ протекціонизма. Когда канцлеръ въ 1879 г. совершилъ свой переходъ въ лагерь аграріевъ и протекціонистовъ, ему нужна была санкція науки, и онъ ее искалъ у экономистовъ, противниковъ господствовавшихъ до тѣхъ поръ манчестерцевъ. Ожиданія его не обманули: нѣкоторые, хотя далеко не всѣ, откликнулись на его зовъ, и это положило начало расколу внутри Общества, тяжело отражавшемуся на его послѣдующей дѣятельности. Пока Общество громило старую школу за ея индифферентизмъ къ судьбѣ массы, за непониманіе или нежеланіе понимать, что не ограниченная ничѣмъ конкурренція ведетъ къ установленію права сильнаго,—до тѣхъ поръ оно имѣло на своей сторонѣ симпатіи и народа, и лучшихъ элементовъ въ зажиточныхъ классахъ. Выступая же за пошлины на хлѣбъ и за субсидіи крупнымъ заводчикамъ, соціаль-политики становились уже на сторону привилегированныхъ классовъ и реакціонныхъ политическихъ партій, тогда какъ до тѣхъ поръ ихъ сила въ томъ также состояла, что они стояли надъ партіями. Въ стенографическомъ отчетѣ о собраніи 1879 г. въ Франфуртѣ мы встрѣчаемъ даже такія неслыханныя до тѣхъ поръ замѣчанія въ скобкахъ, какъ: *одобреніе слѣва*, крики *на правой*. Правда, условія этого собранія исключительныя: оно

происходило въ разгарѣ борьбы, вызванной новой таможенной политикой, и въ собраніи присутствовали не только члены „Verein für Socialpolitik", но и ихъ антагонисты изъ „Экономическаго Конгресса". Однако, отчетъ справедливо называетъ въ этомъ случаѣ *лѣвой* защитниковъ свободной торговли, т.-е. всѣхъ членовъ экономическаго конгресса и тѣхъ членовъ „Общества соціальной политики", которые не перешли въ лагерь „національной" экономической политики. Во главѣ *правой* стоялъ Шмоллеръ, закончившій свой рефератъ словами: „когда, 13 лѣтъ тому назадъ, я и нѣкоторые другіе старолиберальные профессора въ Галле созвали собраніе, чтобъ выразить симпатіи анти-австрійской политикѣ тогдашняго графа Бисмарка, со всѣхъ сторонъ насъ встрѣтили какъ измѣнниковъ и близорукихъ доктринеровъ... Сегодня я съ гордостью вспоминаю объ этомъ днѣ, и я убѣжденъ, если мнѣ суждено будетъ еще прожить 13 лѣтъ, многіе изъ моихъ сегодняшнихъ противниковъ скажутъ тогда: Бисмаркъ въ 1879 г. былъ правъ, ставъ на путь національной торговой политики, подобно тому, какъ онъ былъ правъ въ своей общей національной политикѣ, создавшей объединеніе Германіи". Тѣ 13 лѣтъ давно прошли, но едва ли почтенный ученый съ гордостью вспоминаетъ теперь о своей рѣчи во Франкфуртѣ. Если даже допустить, какъ Шмоллеръ теперь выражается, что контраверзы о протекціонизмѣ и свободной торговлѣ вообще перестали быть принципами науки, то въ области практической экономіи онѣ, однако, все еще только спорныя положенія.

Въ томъ же собраніи Гельдъ, однако, съ мѣткой ироніей высказался и противъ основныхъ положеній своего друга Шмоллера, и его историческихъ доказательствъ, будто за періодомъ вольной торговли долженъ наступить періодъ національной защиты, и обратно. „Допустимъ, что это такъ,—отвѣчалъ Гельдъ,—но если война смѣняется миромъ, и обратно, то значитъ ли это, что какъ только наступаетъ война, я долженъ хвататься за старыя латы и шлемъ? Я понимаю, что въ экономической жизни условія мѣняются, но и средства тоже не вѣчны, а протекціонизмъ, по-моему, стоитъ на одномъ уровнѣ съ тѣми рвами, которые когда-то воздвигали между городомъ и деревней. Защита слабыхъ—прекрасная вещь, и когда на нее ссылаются, чтобы требовать школы для народа, это я понимаю; когда же защитой слабыхъ мотивируютъ поддержку одной отрасли промышленности противъ другой и противъ массы потребителей, то я отвѣчаю: докажите мнѣ прежде, что вы дѣйствительно защищаете слабыхъ, и что предлагаемыя вами средства достигаютъ цѣли? А этого вы не можете доказать".

Проф. Нассе, стоявшій до 1890 г. во главѣ Verein'a, и нѣкоторые другіе выдающіеся участники Общества стремились направить его

дѣятельность въ сторону вопросовъ, менѣе дававшихъ поводъ къ столкновеніямъ, но это не предупредило того, что между прежними союзниками все-таки расширялось разстояніе во взглядахъ на задачи экономической политики; параллельно съ этимъ рѣзче намѣчаются и противорѣчія въ научныхъ взглядахъ. Историзмъ Шмоллера расходился съ теоретическимъ анализомъ Вагнера; въ то же время Шмоллеръ, Вагнеръ и ихъ ученики, какъ въ теоретической экономіи, такъ и въ соціальной политикѣ отдалялись отъ Брентано и его послѣдователей: для первыхъ центръ соціальнаго вопроса лежалъ не столько въ массахъ, сколько въ бюрократіи, и ихъ лозунгомъ было—le roi de Prusse est le roi des gueux, тогда какъ Брентано и его возникавшая школа были чужды всякой сентиментальности какъ по отношенію къ государству вообще, такъ и къ прусскому въ особенности. На одной сторонѣ оказывались „государственные соціалисты" (при чемъ соціализмъ тутъ нужно понимать съ большой дозой соли). а на другой—либеральные соціаль-политики, возвращавшіеся къ старому принципу самодѣятельности, но въ современной оболочкѣ трэдъюніонизма. Если, тѣмъ не менѣе, и въ концѣ 70-хъ, и въ 80-хъ годахъ. „Verein für Socialpolitik" завоевывалъ себѣ почетное положеніе, если Гельдъ, отвѣчая на нападки Мориса Блока, могъ съ гордостью сказать: на нашей сторонѣ не только почти всѣ представители политической экономіи въ Германіи, но и въ Италіи вся профессорская молодежь—наши ученики, да и въ самой Англіи къ намъ начинаютъ присоединяться такіе выдающіеся молодые экономисты, какъ, напр., Ингремъ, Зиджвикъ, то этимъ Общество обязано было не столько своимъ собраніямъ и дебатамъ, какъ научнымъ трудамъ. До конца 70-хъ годовъ это преимущественно были труды Шмоллера и его учениковъ; въ 90-хъ годахъ столько же начинаетъ выдаваться школа Брентано, пріобрѣтаютъ также вліяніе относительно болѣе молодые ученые, или раньше стоявшіе въ сторонѣ, какъ Бюхеръ и Филипповичъ.

Отставка Бисмарка, отмѣна исключительнаго закона и знаменитые указы Вильгельма II по рабочему вопросу внесли оживленіе и въ конгрессы Общества и болѣе живую струю въ его труды. Шмоллеръ, ставшій въ 1890 г. президентомъ, сознался, что Бисмаркъ подъ конецъ былъ нетерпимъ къ чужому мнѣнію и недоступенъ опыту жизни и доказательствамъ научныхъ изслѣдованій. Брентано могъ съ гордостью констатировать, что его недовѣріе къ бюрократической опекѣ блистательно оправдалось на примѣрѣ послѣднихъ лѣтъ: замѣчательная система страхованія рабочихъ не предупреждала недовольство народа и такихъ массовыхъ вспышекъ, какъ возстаніе 100.000 углекоповъ. Годъ спустя, правительство сдѣлало большой шагъ впередъ въ законодательствѣ о защитѣ труда, что въ значительной степени было уступ-

кой идеямъ, которыя проводилъ „Verein für Socialpolitik“. Этимъ, однако, ограничилась пока вся положительная дѣятельность государства, тогда какъ германскіе соціаль-политики видѣли въ реформѣ фабричнаго права только начало новой эпохи реформъ. Въ самое послѣднее время правительство Вильгельма II круто измѣнило свой соціальный курсъ, поддавшись вліяніямъ фанатиковъ капитализма, съ барономъ Штуммомъ во главѣ. Для послѣдняго Шмоллеръ и Вагнеръ такіе же попустители и покровители соціаль-демократіи, какими они казались въ своей молодости, въ началѣ 70-хъ годовъ, доктринерамъ, обрушившимся на нихъ тогда съ несомнѣнно болѣе идеальными, болѣе честными и гораздо менѣе безкорыстными мотивами, чѣмъ нынѣшніе противники.

Остановимся еще въ нашемъ краткомъ очеркѣ прошлаго „Verein für Socialpolitik“ на томъ, что̀ составляетъ всѣми признанную заслугу —на его изслѣдованіяхъ. Труды Общества за эти 25 лѣтъ, изданные въ 74 томахъ, составляютъ обширную экономическую библіотеку, не имѣющую себѣ равной ни въ какой другой европейской странѣ. Разумѣется, не всѣ изслѣдованія отличаются одинаковой солидностью, глубиной мысли, талантливостью изложенія, тщательностью наблюденія; по каждому отдѣльному вопросу работа многихъ мѣстныхъ изслѣдователей, однако, почти всегда освѣщаетъ предметъ—и что̀ собственно составляетъ задачу такихъ трудовъ—накопляетъ матеріалъ, дающій законодателю и наукѣ возможность разобраться въ условіяхъ дѣйствительности. Бѣглый перечень нѣкоторыхъ, наиболѣе крупныхъ изслѣдованій даетъ представленіе о томъ, какъ многообразны явленія общественной и хозяйственной жизни, обращавшія на себя вниманіе въ Германіи за послѣднюю четверть вѣка и нашедшія выраженіе въ трудахъ Общества.

Первые годы дѣятельности „Verein für Socialpolitik“ совпадаютъ съ эпохой „грюндерства“. Колоссальный подъемъ промышленности только отчасти былъ продуктомъ французскихъ милліардовъ, въ бо̀льшей же степени еще послѣдствіемъ созданія большого внутренняго рынка, свободы передвиженія и отмѣны по всей Германіи препятствій свободѣ промышленности. Новыя предпріятія выростали какъ грибы, старыя увеличивались и превращались въ акціонерныя компаніи, часто разсчитанныя больше на быструю биржевую наживу учредителей, чѣмъ на продолжительную работу. Совершенно фантастическія представленія о ростѣ большихъ городовъ, безпочвенные разсчеты о доходности заводовъ, зрѣлище милліоновъ, „валявшихся“, какъ говорили тогда, „на улицѣ“, вовлекли въ биржевую игру и массу мелкаго мѣщанства, десятками лѣтъ раньше сберегавшаго свой грошенъ на грошенъ. Рабочій классъ получилъ небольшую долю участія

въ этой вакханаліи въ видѣ подъема заработной платы, но такъ какъ это было непрочно и происходило въ связи съ удлиненіемъ рабочаго дня до крайнихъ предѣловъ ночной работой и занятіемъ женщинъ и дѣтей, то рабочіе не производили впечатлѣнія довольныхъ. Конфликты съ предпринимателями обострялись, о взаимномъ довѣріи или мирныхъ переговорахъ не было рѣчи. Въ предпринимательскихъ сферахъ распространена была легенда объ особой маркѣ шампанскаго, выпиваемаго берлинскими рабочими; для рабочаго же всякій предприниматель былъ биржевой „грюндеръ".

Не удивительно, если труды „Общества соціальной политики" при такихъ условіяхъ прежде всего были посвящены *реформѣ акціонернаго законодательства*, вопросамъ о *нарушеніи договора* найма на работы, объ учрежденіи *третейскихъ судовъ* и *примирительныхъ камеръ*. Рядомъ съ острыми темами дня, Общество намѣчало и другія серьезныя задачи экономической и финансовой политики, не столь непосредственно связанныя съ борьбою классовъ,—напр., вопросы о *прогрессивномъ подоходномъ налогѣ и мѣстномъ обложеніи*, которымъ посвящены 3, 8 и 12 томы трудовъ Общества, объ устройствѣ *профессіональнаго образованія* и судьбѣ учениковъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ (т. 10 и 15). Съ конца 70-хъ годовъ въ кругу изслѣдованій Общества начинаютъ намѣчаться и крестьянскіе вопросы. Трехъ-томная работа „Die baüerliche Zustände in Deutschland" для своего времени была наиболѣе полной и достовѣрной характеристикой *аграрныхъ условій* въ различныхъ частяхъ Германіи, отъ восточныхъ провинцій Пруссіи съ латифундіями и сельскими батраками, до Бадена и Рейнской провинціи, съ преобладающимъ мелкимъ крестьянствомъ. Для иллюстраціи германскихъ условій, Общество обращается и къ изученію иностраннаго хозяйственнаго быта: рядомъ съ детальными монографіями о сельскихъ условіяхъ Германіи появляются болѣе общіе очерки Рейценштейна, Нассе и Эеберга объ аграрныхъ вопросахъ во Франціи, Англіи и Италіи (т. 27 и 29); параллельно съ изслѣдованіями объ организаціи труда и обезпеченіи инвалидовъ промышленности, Лексисъ и Фарнамъ знакомятъ въ трудахъ Общества съ союзами рабочихъ во Франціи и Соединенныхъ Штатахъ. Посвящая два тома своихъ изслѣдованій *квартирной нуждѣ* бѣднѣйшихъ классовъ, Общество удѣляетъ въ нихъ мѣсто условіямъ англійскихъ и французскихъ городовъ (т. 30 и 31). Наиболѣе пространныя работы, предпринятыя въ 80-хъ годахъ, касаются т.-наз. домашней (кустарной) промышленности, которой посвящены пять томовъ трудовъ, сельскаго растовщичества, устройства сельскаго управленія и вліянія торговли на цѣны—вопросовъ несомнѣнно очень серьезныхъ, но далеко стоявшихъ отъ жгучихъ вопросовъ современной жизни. Въ послѣдней главное мѣсто

занимали законодательство о страхованіи рабочихъ, борьба рабочихъ массъ противъ угнетавшаго ихъ исключительнаго закона и быстрое усиленіе аграрнаго и промышленнаго протекціонизма. Впрочемъ, „Verein für Socialpolitik", еще задолго до провозглашенія Бисмаркомъ начала принудительнаго страхованія универсальнымъ средствомъ разрѣшенія соціальнаго вопроса, указывалъ на значеніе страхованія въ обезпеченіи трудового народа и высказывался за усиленіе *отвѣтственности предпринимателей* (т. 5, 19, 21).

По обилію изслѣдованій, значенію поднятыхъ въ нихъ вопросовъ и достоинству отдѣльныхъ работъ послѣднее десятилѣтіе наиболѣе плодотворно въ дѣятельности германскихъ соціаль-политиковъ. Съ 1890 по 1897 годъ Verein'омъ издано 30 томовъ, охватывающихъ самые серьезные предметы экономической и соціальной жизни. Смѣна рѣзкаго протекціонизма системой торговыхъ договоровъ еще не была осуществлена, когда появились первыя монографіи Общества о *торговой политикѣ*, составляющія теперь четыре тома и дающія почти полный обзоръ торгово-промышленныхъ идей и тарифовъ, господствующихъ во всей Европѣ (ст. 49—51 и 57). Обширныя стачки конца 80-хъ годовъ вызвали превосходныя работы о стачкахъ и организаціи труда, вышедшія подъ редакціей Брентано, и статьи о *представительствѣ рабочихъ* (Ausschüsse). Аграрное движеніе дало поводъ къ изслѣдованію положенія *сельскихъ рабочихъ*, которое вышло въ трехъ огромныхъ томахъ (53—55), дополненныхъ работами о внутренней колонизаціи и о положеніи сельскихъ рабочихъ въ Англіи, Швеціи и Даніи (56, 59). Къ конгрессу 1894 года въ Вѣнѣ, въ первый разъ происходившему внѣ Германіи, подготовленъ былъ рядъ монографій о *синдикатахъ* предпринимателей. Тамъ же выработанъ былъ планъ обширнѣйшаго изслѣдованія о современномъ *положеніи ремесла* и мелкихъ промысловъ, наполняющаго девять томовъ, подъ редакціей проф. Блохера и Филипповича. Наконецъ, послѣдніе томы посвящены вопросамъ мелкаго *сельскаго кредита* и профессіональнымъ союзамъ рабочихъ.

II.

Юбилейный съѣздъ Общества, состоявшійся въ нынѣшній разъ въ Кёльнѣ, отличался необыкновеннымъ оживленіемъ. Собраніе находилось еще подъ впечатлѣніемъ нелѣпыхъ нападковъ Штумма, и это заставило молодыхъ дѣятелей Verein'а, несомнѣнно явившихся съ болѣе широкими требованіями, чѣмъ у основателей Общества, сплотиться съ послѣдними въ защитѣ элементарныхъ положеній соціальной политики. Руководители нынѣшняго съѣзда, выбирая для него Кёльнъ, разсчиты-

вали найти въ рейнскихъ заводчикахъ союзниковъ противъ патріархальныхъ мечтаній Штумма. Брентано это откровенно заявилъ въ своемъ тостѣ на банкетѣ участниковъ съѣзда, но отвѣтъ одного рейнскаго фабриканта, очевидно выражавшаго мнѣніе своего круга, былъ такъ высокомѣренъ, что вызвалъ потомъ очень справедливую отповѣдь куратора бонискаго университета, Ротенбурга. „Люди практической жизни,—съ нескрываемой ироніей замѣтилъ онъ,—склонны иногда смотрѣть сверху внизъ на совѣтчиковъ изъ круга ученыхъ, затрагивающихъ практическіе вопросы, какъ на теоретиковъ, не знающихъ будто требованій жизни. Я совѣтовалъ бы, однако, нашимъ предпринимателямъ читать книги нѣмецкихъ профессоровъ. Они убѣдятся, что ученые не только лучше ихъ теоретизируютъ, но и обладаютъ фактическими познаніями. Мало знать детали своей профессіи или своего угла: нужно знать и то, что̀ дальше нашего носа". Отвѣтомъ на вызывающій тонъ предпринимателей былъ и извѣстный, столько нашумѣвшій тостъ бывшаго министра Берлепша „за четвертое сословіе".

Мы, однако, не станемъ останавливаться ни на этихъ внѣшнихъ деталяхъ, ни на серьезныхъ, но требующихъ для себя отдѣльнаго очерка дебатахъ о мелкомъ кредитѣ и ремесленномъ вопросѣ. Относительно перваго замѣчу лишь, что съѣздъ далъ возможность всѣмъ направленіямъ высказаться и придти къ заключенію, что всѣ они дѣлаютъ доброе дѣло, работая надъ однѣми и тѣми же задачами, и что совмѣстными ихъ усиліями почти искоренено сельское ростовщичество. Между шульце-деличевскими и рейффейзенскими кассами существуетъ извѣстный антагонизмъ, но онъ касается лишь техники, организаціи, а не основныхъ мнѣній. Обмѣнъ мыслями между представителями этихъ кассъ, съ одной стороны, и т.-наз. „оффенбургскаго" союза съ другой, точно такъ же, какъ обсужденіе дѣятельности правительственной центральной кассы товариществъ можетъ повести къ смягченію спора, къ усиленію и теперь уже очень почтенной дѣятельности въ сельской взаимопомощи. Что касается мелкихъ промысловъ, то въ теоретическомъ отношеніи труды и дебаты Verein'а даютъ интереснѣйшій матеріалъ къ сужденію объ одномъ изъ фундаментальныхъ пунктовъ политической экономіи—о поглощеніи мелкой промышленности крупною. Дебаты въ Кёльнѣ обнаружили также, что, за исключеніемъ клерикальнаго соціаль-политика Гитце, всѣ экономисты и публицисты, изучавшіе положеніе ремесла въ Германіи, пришли къ заключенію, что возвращеніе къ обязательнымъ корпораціямъ цехового характера—утопія, отъ которой ремесленники напрасно ждутъ себѣ спасенія.

Что̀, однако, вызвало къ себѣ самое упорное вниманіе, на чемъ намъ нужно остановиться, какъ на характернѣйшемъ предметѣ въ

сужденіяхъ „Общества соціальной политики“, это—тема о союзахъ для профессіональной защиты труда.

Замѣчательно, что почти черезъ 30 лѣтъ послѣ введенія свободы коалицій въ Германіи все еще не прекращаются споры о правѣ труда коллективными усиліями добиваться улучшенія своей судьбы. На почвѣ формальнаго права, ключъ къ пониманію столь страннаго явленія въ Германіи съ наиболѣе сильной рабочей партіей лежитъ въ противорѣчіи между обще-имперскимъ и мѣстнымъ законодательствомъ. Промышленный уставъ 1869 г. провозгласилъ для всей Германіи: „всѣ запрещенія промышленникамъ и ихъ служащимъ, подмастерьямъ или фабричнымъ рабочимъ сговариваться и соединяться для улучшенія условій труда и заработка, въ особенности путемъ прекращенія работъ или отказа въ работѣ, равно какъ и наказанія за это, симъ отмѣняются“... Это начало ненаказуемости стачекъ въ томъ лишь случаѣ дало бы германскимъ рабочимъ возможность осуществить систематическую организацію труда, еслибы рядомъ съ нимъ господствовала свобода собраній и союзовъ. Въ дѣйствительности, однако, право союзовъ и собраній осталось нетронутымъ общимъ законодательствомъ, и въ Пруссіи, напр., до сихъ поръ находится въ силѣ законъ 1850 г., запрещающій союзамъ соединяться для осуществленія общихъ задачъ. Съ точки зрѣнія партикулярнаго права о собраніяхъ и союзахъ, саксонскіе союзы, напр., для прусскихъ рабочихъ—иностранные, съ которыми не слѣдуетъ сговариваться. Между тѣмъ задачи всякаго профессіональнаго союза тогда только могутъ быть достигнуты, если союзъ въ состояніи регулировать предложеніе рабочихъ рукъ по всему внутреннему рынку. Берлинскій или крефельдскій союзъ ткачей не въ силахъ предупредить конкурренціи ткачей изъ Хемница или Аугсбурга, разъ послѣдніе не принадлежатъ къ общей организаціи. Заставить же пришельцевъ угрозой, или даже насмѣшками и моральнымъ воздѣйствіемъ не вредить своимъ товарищамъ значитъ подвергнуться наказанію за принужденіе: ст. 153 Gewerbeordnung, помѣщенная вслѣдъ за статьей, провозглашающей свободу стачекъ, грозитъ за принужденіе, угрозу и давленіе тюремнымъ заключеніемъ до трехъ мѣсяцевъ.

Правда, вовсе парализовать рабочіе союзы законодательство не въ силахъ: въ Германіи насчитываютъ около 300.000 членовъ Gewerkschaften, 80.000 членовъ въ гиршъ-дункеровскихъ Gewerkvereine и не менѣе того въ католическихъ и протестантскихъ союзахъ рудокоповъ, болѣе или менѣе приближающихся къ типу профессіональнаго союза. Но что значатъ эти цифры въ странѣ съ $8^1/_2$ милліонами самодѣятельныхъ людей въ обработывающей промышленности, изъ которыхъ болѣе $2^1/_2$ милліоновъ работаютъ въ крупныхъ производствахъ? Да и возможно ли сравнить нѣмецкіе профессіональные союзы съ англій-

скими трэдъ-юніонами по стройности организаціи, богатству, вліянію на условія рабочаго договора?

Брентано и его ученики увѣряютъ, что не будь этихъ внѣшнихъ помѣхъ, рабочее движеніе въ Германіи давно уже потекло бы въ спокойное русло профессіональной организаціи, по образцу трэдсъ-юніоновъ Англіи. По ихъ мнѣнію, съ точки зрѣнія правительства и имущихъ классовъ, *не умно* лишать рабочихъ возможности соединяться въ союзы, преслѣдующіе ближайшія корпоративныя задачи, потому что этимъ усиливаются только успѣхи радикальной политической партіи, задающейся цѣлью уничтожить современный общественный и экономическій порядокъ. Здѣсь не мѣсто разбирать доказательства противъ идей нынѣшней рабочей партіи, приводимыя остроумнымъ мюнхенскимъ профессоромъ: мы хотѣли только отмѣтить, что въ научной литературѣ за устраненіе препятствій къ свободѣ коалицій наиболѣе горячо выступаетъ представитель школы, которая проникнута индивидуалистическими идеалами и считаетъ соціализмъ несовмѣстимымъ съ развитіемъ цивилизаціи. Если нужно привести еще менѣе подозрительный научный авторитетъ, то можно указать на покойнаго Гнейста. 25 лѣтъ тому назадъ замѣтившаго на первомъ съѣздѣ „Verein für Socialpolitik", что свобода собраній и право организоваться въ союзы—одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ, требующій себѣ признанія законодательствомъ. Нужно, — говорилъ Гнейстъ, — внести порядокъ и законность въ состояніе войны, въ которомъ находятся другъ къ другу капиталъ и трудъ. Оттого, что мы запретимъ рабочимъ организоваться, враждебныя отношенія между ними и предпринимателями не прекратятся, но только останутся хаотическими и выразятся въ вспышкахъ.

На томъ же первомъ съѣздѣ общества, Шмоллеръ еще подробнѣе и убѣдительнѣе мотивировалъ идеи, выраженныя въ словахъ Гнейста. Когда въ Германіи отмѣнены были наказанія за стачки, фабрикантовъ успокоивали, что рабочіе будутъ настолько благоразумны, что не воспользуются дарованнымъ имъ правомъ. Не дѣти же они, чтобы вредить себѣ самимъ. Дѣйствительность на первыхъ порахъ, однако, доказала, что новымъ правомъ стали пользоваться въ довольно-широкихъ размѣрахъ. Въ чемъ состояла ошибка? Она—отвѣчаетъ Шмоллеръ—заключалась въ томъ, что и предприниматели, и успокаивавшіе ихъ публицисты, смѣшивали право съ благодѣяніемъ. Экономическій порядокъ, при которомъ каждый предоставленъ себѣ самому, неминуемо ведетъ къ угнетенію слабаго сильнымъ,—справедливы ли были требованія, чтобы слабый, которому, наконецъ, развязали руки, не пробовалъ бороться? „Мы были такъ благородны,—говорятъ ему манчестерцы,—что сняли съ тебя цѣпи, когда на тебя нападали; будь

же благодаренъ и не пользуйся своими руками, не защищайся"! Возможно ли подобное требованіе?—Но вѣдь рабочіе вредятъ себѣ самимъ; какія страшныя суммы поглощаетъ помощь безработнымъ, сколько сотенъ тысячъ и милліоновъ талеровъ составляетъ потеря одной заработной платы? При этомъ забываютъ, однако, составить обратный счетъ: что̀ составитъ увеличеніе платы на 50 пфенниговъ въ день для десяти тысячъ рабочихъ, въ случаѣ выигрыша сраженія? Полтора милліона марокъ въ годъ. А вѣдь несомнѣнно, что не всегда рабочіе проигрываютъ. Кто безпристрастно изучитъ послѣдствія свободы коалицій, тотъ долженъ сказать, что положеніе рабочаго класса отъ нея значительно улучшилось. Это было бы невозможно при прежнихъ условіяхъ, хотя каждому отдѣльному предпринимателю нельзя сдѣлать упрека за то, что онъ подчиняется только силѣ соединенныхъ требованій труда. Было бы съ нашей стороны величайшимъ безуміемъ и близорукостью мечтать о возвращеніи къ порядку, при которомъ рабочіе изолированы,—продолжаетъ Шмоллеръ:—внутренняго мира мы не возстановимъ, массы станутъ озлобляться, умственный и нравственный уровень націи только понизится. Люди, борющіеся за лучшія условія труда, борются и за нравственные идеалы и, поднимаясь сами, поднимаютъ націю. Нельзя, конечно, отрицать, что борьба имѣетъ и свои вредныя черты, но когда германскіе предприниматели настаиваютъ на томъ, что ихъ частные интересы совпадаютъ съ выгодами большинства, то противъ этого безпристрастный научный изслѣдователь обязанъ категорически протестовать. Что̀ значитъ терроризмъ рабочихъ вождей или давленіе стачниковъ на собственныхъ товарищей въ сравненіи съ терроризмомъ властнаго хозяина, воля котораго не ограничена ни закономъ, ни соединеніемъ рабочихъ? Купцу и фабриканту простительно не думать о далекомъ будущемъ и оцѣнивать всѣ явленія по ихъ временнымъ чертамъ, экономистъ же обязанъ имѣть предъ собою болѣе широкія перспективы. Для него состояніе войны не идеалъ, но необходимая переходная стадія, которую можно только сократить, смягчить, давъ враждующимъ сторонамъ возможность заранѣе внимательно и благоразумно взвѣсить свои силы, сговариваться, достигнуть взаимнаго пониманія и уваженія. Слѣдовательно, задача экономической политики состоитъ не въ томъ, чтобы лишать трудъ права оставить свои условія, а въ томъ, чтобы вмѣсто случайныхъ соединеній рабочихъ одной фабрики или одной мѣстности возникли прочные союзы, хорошо организованные и выступающіе представителями нуждъ цѣлой профессіи. „Тогда демагогамъ не удастся больше увлечь за собою тысячи рабочихъ, толкнувъ ихъ на необдуманный поступокъ". Во главѣ корпоративныхъ союзовъ могутъ удержаться только люди, выдающіеся своими знаніями

рабочихъ условій, и чистотою своего характера пріобрѣвшіе прочное довѣріе товарищей. Между союзами рабочихъ и союзами хозяевъ возможны переговоры на равной ногѣ, и нѣтъ основанія больше опасаться, чтобы стачки возникли легкомысленно, во вредъ промышленности и самимъ рабочимъ. Изъ представителей обѣихъ группъ, предпринимателей и рабочихъ, составятся третейскіе суды и примирительныя камеры, рѣшенію которыхъ массы охотнѣе подчинятся, чѣмъ указу фабриканта. Шмоллеръ поэтому требуетъ, чтобы государство не становилось всегда на сторону хозяевъ, чтобы органы власти и общественное мнѣніе свыклись съ мыслью, что рабочіе въ правѣ соединенными силами, хотя бы и провозглашеніемъ стачки, добиваться высшаго заработка или лучшихъ условій труда и, наконецъ, чтобы устранены были всѣ препятствія къ основанію профессіональныхъ союзовъ, заключающіяся въ узкихъ законахъ о собраніяхъ и обществахъ.

Насъ могутъ спросить: нужно ли такъ долго останавливаться на взглядахъ, выраженныхъ выдающимися нѣмецкими экономистами четверть вѣка тому назадъ, и къ тому же для того времени не заключавшихъ въ себѣ ничего новаго, потому что идеи нѣмецкихъ профессоровъ въ этомъ отношеніи были лишь отголоскомъ дѣйствительности въ болѣе развитой промышленной странѣ? Вѣдь въ Англіи все то, что для „Общества соціальной политики“ составляло идеалъ, уже проникло въ дѣйствительность и головы заводчиковъ? Въ томъ-то и странность, отвѣтимъ мы, что въ Германіи, которую прокричали страною не только демократическаго, но и государственнаго соціализма, теперь, черезъ 25 лѣтъ послѣ того, какъ тѣ требованія были выражены въ Эйзенахѣ, они все еще остаются добрыми пожеланіями. А между тѣмъ слава передовой страны въ соціальной политикѣ установилась за Германіей не безъ основанія, она во многихъ отношеніяхъ заслужена. Страхованіе рабочихъ, при всѣхъ его недостаткахъ въ деталяхъ—одно изъ величайшихъ явленій XIX-го вѣка; фабричное законодательство Германіи въ нѣкоторыхъ существенныхъ вопросахъ, напр. въ работѣ дѣтей, прогрессивнѣе англійскаго. Почему же столь простая истина, такъ мало похожая на соціалистическій экспериментъ, какъ свобода профессіональныхъ союзовъ, до сихъ поръ встрѣчаетъ отпоръ со стороны правительства и предпринимателей? Послѣдніе отвѣчаютъ:—а оттого, что въ Англіи профессіональные союзы остаются на почвѣ ближайшихъ экономическихъ вопросовъ, интересовъ своей профессіи, тогда какъ въ Германіи они превращаются въ орудіе партіи. Брентано справедливо, однако, возражалъ германскимъ фабрикантамъ на конгрессѣ 1890 г. во Франкфуртѣ, что совершенно такіе же доводы противъ трэдъ-юніонизма раньше приведены были и въ Англіи, пока опытъ не показалъ ихъ полной несостоятельности. Что же касается отно-

шенія правительства, то тутъ ясно сказывается различіе между политическими условіями Англіи и Германіи. Въ Германіи рабочее законодательство возникло въ широкихъ размѣрахъ въ эпоху Бисмарка, параллельно съ исключительнымъ закономъ, лишавшимъ массы ихъ правъ, гарантированныхъ раньше конституціей. Zuckerbrot и Ruthe, какъ окрестили рабочіе соціальную полититику канцлера, не исчезла совсѣмъ послѣ отмѣны исключительнаго закона и паденія Бисмарка. Менѣе талантливые и болѣе нервные люди, ставшіе преемниками его власти, не умѣютъ спокойно выжидать: разочарованные въ ожиданіи народной благодарности, не понимая, что относительно очень развитой народъ желаетъ не только благодѣяній сверху, но и свободы въ цользованіи собственными силами, они повторяютъ вслѣдъ за такими фанатиками, какъ заводчикъ Штуммъ, что законодательство не должно мѣшать сохраненію патріархальныхъ отношеній между хозяиномъ и работникомъ. Какъ будто въ крупной обработывающей промышленности патріархальныя отношенія не исчезли уже безвозвратно!

Вотъ почему въ томъ же „Verein für Socialpolitik“ приходится повторять старыя рѣчи о правѣ труда соединяться, ограждать свои интересы. Читая рефератъ Геркнера, ученика Брентано, вы думаете, что слушаете его учителя, и семь лѣтъ, и даже четверть вѣка тому назадъ!

Проф. Эдгаръ Ленингъ, другой референтъ кёльнскаго съѣзда, тоже становится на точку зрѣнія и свободы коалиціи, и свободы собраній. Изученіе дѣйствующихъ законодательствъ, какъ административной и судебной практики, приводитъ его къ убѣжденію, что безъ свободы собраній не можетъ быть фактическаго права коалиціи. Противорѣчіе между формальнымъ правомъ и возможностью его осуществленія, по мнѣнію проф. Ленинга, нисколько не гарантируетъ того спокойствія и порядка, которые, очевидно, желаетъ защищать законодатель. Не имѣя возможности организоваться, рабочіе примыкаютъ къ соціаль-демократіи. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ очень характерно, что въ той части Германіи всего больше подача голосовъ за соціаль-демократическихъ кандидатовъ, въ которой существуютъ наиболѣе стѣснительные законы о собраніяхъ и союзахъ! Въ Гамбургѣ процентъ соціаль-демократическихъ голосовъ на выборахъ въ рейхстагѣ достигъ 59, въ Рейссѣ 56, Саксоніи 45, тогда какъ въ Баденѣ и Вюртембергѣ онъ не превышаетъ 12—14. Было бы, конечно, преувеличеніемъ отнести это явленіе только на счетъ законодательства о собраніяхъ: оно имѣетъ болѣе сложныя причины, среди которыхъ существеннѣйшая—степень развитія фабричной промышленности; но что и законы о собраніяхъ здѣсь имѣютъ свое значеніе, доказывается сравненіемъ, напр., Бадена съ Мекленбургомъ, страною еще болѣе, нежели Баденъ, земледѣльческой и относительно меньше

задѣтой развитіемъ крупной промышленности. Тѣмъ не менѣе въ Мекленбургѣ вдвое больше соціаль-демократовъ, чѣмъ въ Баденѣ. Слѣдовательно,—замѣчаетъ референтъ, — если быть даже крайне осторожнымъ въ выводахъ, нужно сказать, что строгіе законы о собраніяхъ и союзахъ не гарантируютъ отъ наиболѣе радикальныхъ рабочихъ движеній.

Проф. Ленингъ, однако, разошелся съ преобладающимъ большинствомъ съѣзда въ другомъ существенномъ пунктѣ: высказываясь за свободу собраній и коалицій, онъ въ то же время требовалъ усиленія наказаній за всякое понужденіе и давленіе, оказываемое стачечниками на всѣхъ рабочихъ, которые не желаютъ къ нимъ примкнуть. Уже нынѣшнее постановленіе промышленнаго устава, грозящее за принужденіе тюремнымъ заключеніемъ до 3-хъ мѣсяцевъ, вызываетъ ропотъ въ массахъ. Д-ръ Ястровъ привелъ на собраніи въ Кёльнѣ рядъ судебныхъ рѣшеній, доказывающихъ, что судьи въ этихъ случаяхъ бываютъ пристрастны и выносятъ рѣшенія, расходящіяся съ народной совѣстью. Это подтвердилъ и представитель сильнѣйшаго рабочаго союза Германіи, общества печатниковъ и наборщиковъ, точно также какъ и Максъ Гиршъ, извѣстный анти-соціалистическій руководитель нѣмецкихъ Gewerkvereine. На съѣздѣ оказались даже предприниматели—глава берлинскихъ пивоваровъ Резике, Брандтесъ изъ Гладбаха—которые, присоединились къ мнѣнію Ястрова, заявивъ, что по ихъ опыту, нынѣшнія наказанія могутъ быть отмѣнены. Отъ насилія нужно ограждать и фабрикантовъ, и рабочихъ, но наказывать за „моральное“ давленіе и совѣты—значитъ не понимать психологіи массъ и атмосферы, въ которой происходятъ столкновенія.

Нѣтъ сомнѣнія, необходимость бороться за идею фактическаго равенства и договоръ о наймѣ труда доказываютъ отсталость въ одной изъ существеннѣйшихъ областей соціальной жизни. Не забудемъ, однако, въ заключеніе нашего обзора, что эти 25 лѣтъ соціальной политики во многихъ другихъ областяхъ отмѣчены въ Германіи прогрессомъ. Вспомните, что еще недавно такую идею, какъ передачу государству всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, называли утопіей или соціализмомъ. Сколько упрековъ въ лжеученіяхъ пришлось выслушать Адольфу Вагнеру за его рефератъ на 2-мъ съѣздѣ (1873 г.) объ акціонерныхъ компаніяхъ, въ которомъ онъ выставилъ тезисъ: въ области, составляющей общій народный интересъ, какъ пути сообщенія, рынки, конки, желѣзныя дороги, водопроводы и т. д., акціонерныя предпріятія постепенно должны быть вытѣснены общественными. Вагнеръ при этомъ очень благоразумно еще оговаривался, что необходимымъ условіемъ для осуществленія такой реформы онъ считаетъ широкое развитіе самоуправленія, децентрализацію администраціи. Шмоллеръ,

замѣтивъ дурное впечатлѣніе отъ реферата, взялъ на себя роль утѣшителя и успокоителя. Никто и не думаетъ сейчасъ передать всѣ желѣзныя дороги государству, — это еще дѣло болѣе или менѣе далекаго будущаго! Ни ему, ни вѣроятно и Вагнеру не вѣрилось тогда, что черезъ 15 лѣтъ всѣ прусскія желѣзныя дороги будутъ въ рукахъ государства и дадутъ самый прочный базисъ и наиболѣе обильный источникъ государственному бюджету. Можно бы привести еще много подобныхъ примѣровъ. Брентано въ своихъ статьяхъ объ юбилеѣ Vereiп'а вспоминаетъ, какой страшной ересью показался на первомъ собраніи его рефератъ о фабричномъ законодательствѣ, — одинъ почтенный членъ собранія даже уѣхалъ по этому поводу изъ Эйзенаха. А между тѣмъ референтъ тогда требовалъ меньше того, что теперь осуществлено въ фабричныхъ законахъ Германіи.

Если и теперь, какъ 25 лѣтъ тому назадъ, въ парламентѣ и извѣстной части германской печати снова слышатся обвиненія противъ катэдръ-соціалистовъ, то не надо упускать изъ вида, отъ кого эти обвиненія исходили тогда и кто ихъ повторяетъ теперь? Въ началѣ 70-хъ годовъ признаніе справедливости въ нѣкоторыхъ требованіяхъ пролетаріата и нѣкоторыхъ положеніяхъ соціалистической критики вызывало обвиненіе въ покровительствѣ соціализму со стороны людей, какъ Трейчке и Бамбергеръ. Содержаніе ихъ идей односторонне, но это были люди съ опредѣленнымъ идеаломъ и широкимъ образованіемъ, несомнѣнные представители нѣмецкой культуры. Теперь же, въ концѣ 90-хъ годовъ, ихъ мѣсто заняли заводчикъ Штуммъ, дѣятели предпринимательскихъ картелей да прусскіе феодалы. Это уже не борьба идей, а призывъ задѣтыхъ въ своихъ интересахъ людей къ вмѣшательству власти противъ идей, ставшихъ достояніемъ новаго поколѣнія. Въ научныхъ кругахъ типъ стараго манчестерца совершенно вымеръ. Старые дѣятели „Verein für Socialpolitik“ и ихъ ученики занимаютъ почти всѣ каѳедры политической экономіи. Въ методахъ, въ теоретическихъ взглядахъ они теперь не могутъ быть причислены къ одной школѣ, но въ задачахъ соціальной политики программа, выставленная въ Эйзенахѣ, для нашего времени уже обязательна и въ научныхъ кругахъ не требуетъ больше доказательствъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи даже полезно, что старшему поколѣнію нынѣшнихъ соціаль-политиковъ еще приходится выслушивать обвиненія Штуммовъ. Это напоминаетъ имъ прошлое, когда ихъ тоже не признавали заслуживающими имя ученыхъ, а ихъ науку—вносящею смуту въ головы молодежи. Многіе изъ тогдашнихъ реформаторовъ, доживъ до сѣдины и высокаго положенія, становятся несправедливыми къ своимъ предшественникамъ и нетерпимыми къ мнѣніямъ и ученіямъ, въ такой же мѣрѣ заслуживающимъ названія научныхъ произведеній,

какъ ихъ собственныя изслѣдованія [1]), не говоря уже какъ работы ихъ учениковъ, которыя больше отличаются трудолюбіемъ въ собираніи матеріала, чѣмъ глубиной теоретической или философской мысли.

Въ чемъ заключается несомнѣнная заслуга „Общества соціальной политики", въ то же время указывающая на успѣхи общественной мысли за истекшее двадцатипятилѣтіе,—это—въ проникновеніи очень широкихъ круговъ имущаго и интеллигентнаго населенія и бюрократіи пониманіемъ соціальныхъ обязанностей. Въ парламентахъ, въ печати и обществѣ перестали относиться къ каждой соціальной мѣрѣ, къ каждому проекту въ пользу труда, какъ къ нарушенію законовъ политической экономіи. Увеличилось пониманіе, что можно защищать основанія современнаго порядка и нисколько не противорѣчить реформамъ, устраняющимъ наиболѣе рѣзкія его злоупотребленія. Это заслуга не только германскихъ соціаль-политиковъ,—поворотъ въ мнѣніяхъ совершался подъ давленіемъ самихъ массъ, организованныхъ въ политической партіи; самыя условія жизни разбивали понятія, усвоенныя при старомъ патріархальномъ строѣ. „Verein fur Socialpolitik" и его наиболѣе видные дѣятели своими трудами содѣйствовали, однако, пониманію смысла этого движенія, выясненію его фактическихъ основаній въ условіяхъ дѣйствительности. Въ этихъ предѣлахъ дѣятельность „Общества соціальной политики" несомнѣнно была плодотворна и оказала свое вліяніе далеко за предѣлами Германіи.

Г. Іоллосъ.

Берлинъ, 13-го (25-го) октября.

[1]) Особенно рѣзко и односторонне эти тенденціи обнаруживаются въ ректорской рѣчи Шмоллера, произнесенной 3-го (15-го) октября въ Берлинѣ. Она вышла отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: „Wechselnde Theorien und feststehende Wahrheiten etc. und die heutige deutsche Volkswirtschaftslehre (Berlin, 1897)".

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1897.

— А. Осиповичъ (А. О. Новодворскій). Собраніе сочиненій. Спб. 1897.

Въ настоящее время, вѣроятно, немногіе изъ русскихъ читателей знаютъ или помнятъ быстро промелькнувшаго писателя конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ, который писалъ подъ именемъ Осиповича. Это былъ Андрей Осиповичъ Новодворскій (1853—1882). Онъ успѣлъ написать немного и только теперь, въ настоящемъ изданіи, собраны его сочиненія, которыя давно слѣдовало бы издать, потому что онѣ запечатлѣны оригинальнымъ дарованіемъ и представляютъ любопытный литературный эпизодъ изъ жизни нашего общества тѣхъ годовъ. Если дѣятельность писателя вообще связана съ условіями его эпохи и съ фактами личной біографіи, которая представляетъ положеніе писателя въ средѣ современнаго общества, то относительно Новодворскаго эта связь особенно бросается въ глаза. На его сочиненіяхъ особенно ярко отразилась и его личная судьба, и общественное положеніе, которое ему всего болѣе пришлось пережить и наблюдать. Личная судьба его была тяжелая. Уроженецъ юго-западнаго края, онъ росъ въ очень бѣдной семьѣ; отецъ его, мелкій чиновникъ, не имѣвшій и не искавшій постороннихъ доходовъ, кромѣ ничтожнаго жалованья, только по счастливой случайности могъ помѣстить сына въ гимназію; но умеръ, когда мальчикъ былъ еще въ первыхъ классахъ; семья оказалась на рукахъ старшаго сына, которому было только тринадцать лѣтъ, и который уже съ этого времени сдѣлался репетиторомъ. Живой и даровитый юноша былъ прекраснымъ учителемъ, его охотно приглашали давать уроки; но это средство существованія было все-таки случайно, и семьѣ приходилось не однажды голодать въ буквальномъ смыслѣ слова. Во время этого учительства ему пришлось испытать много тяжелаго, напримѣръ, въ барскихъ домахъ или у педагогическихъ антрепренеровъ, которые брали

къ себѣ учениковъ за крупныя суммы и грошами платили преподавателямъ. Онъ мечталъ, конечно, объ университетѣ, но та же нужда не позволила ему пройти университетскаго курса. Въ 1876 онъ отправился въ Петербургъ и въ слѣдующемъ году появилась его первая повѣсть въ „Отечественныхъ Запискахъ“ подъ названіемъ: „Эпизодъ изъ жизни ни павы ни вороны“. Повѣсть обратила на себя вниманіе; послѣдовалъ затѣмъ рядъ новыхъ разсказовъ; положеніе его нѣсколько улучшилось, но онъ все-таки не выходилъ изъ нужды по необходимости содержать свое семейство. Въ своей юности это былъ человѣкъ крѣпкаго, какъ говорятъ, атлетическаго здоровья, но непосильный трудъ и нужда сломили его; у него началась чахотка; при пособіи литературнаго фонда онъ отправился въ Ниццу, но это не помогло, и онъ умеръ въ апрѣлѣ 1882.

„Ни пава ни ворона“, это типъ, къ которому онъ нѣсколько разъ возвращался; онъ долженъ былъ представить людей переходнаго общественнаго состоянія, когда исчезали старыя формы быта и еще не опредѣлились новыя; это люди, выроставшіе въ обычаяхъ прежней жизни и съ прежними привычками, но выбитые изъ колеи новыми общественными и экономическими условіями. Критика находила, что Новодворскій, которому этотъ типъ представлялся ясно какъ художнику, не успѣлъ осмыслить его для себя въ теоретическомъ отношеніи; и дѣйствительно, онъ слишкомъ расширялъ его и распространялъ между прочимъ на такія явленія жизни и литературы, которыя въ дѣйствительности стояли за предѣлами поставленнаго имъ временнаго типа. Безъ сомнѣнія, со временемъ онъ пріобрѣлъ бы болѣе ясную постановку общественнаго вопроса, потому что и здѣсь въ его произведеніяхъ сказывалось столько наблюдательности и столько своеобразнаго юмора и общественнаго чувства, что изъ него могъ вырости настоящій крупный писатель. Въ его послѣднихъ разсказахъ сказывается еще другая черта семидесятыхъ годовъ. Какъ извѣстно, это было время многочисленныхъ такъ-называемыхъ политическихъ процессовъ, захватывавшихъ иногда цѣлыя массы людей, именно молодого поколѣнія; напомнимъ, напримѣръ, процессъ „ста девяноста трехъ“, изъ которыхъ послѣ сенатскаго разбирательства была большая масса оправданныхъ. Писатель по простымъ цензурнымъ условіямъ не могъ говорить о самомъ существѣ этихъ волненій въ средѣ молодого поколѣнія, но онъ коснулся ихъ съ другой стороны, со стороны исходившихъ отсюда личныхъ и семейныхъ драмъ и трагедій. Нѣкоторые изъ принадлежащихъ сюда разсказовъ Новодворскаго (напримѣръ: „Тетушка“, „Исторія“) написаны съ такою силой, которая могла бы напомнить Достоевскаго и Салтыкова.

Въ личномъ характерѣ самого писателя, судя по разсказамъ близко

знавшихъ его людей, были довольно типическія черты тогдашняго молодого поколѣнія — живое общественное чувство; при личной добротѣ и мягкости, суровая, даже угловатая нетерпимость къ тому, что̀ стояло въ сторонѣ отъ поглощавшихъ его общественныхъ интересовъ. „Надломленный жизнью, — говорилъ о немъ въ некрологѣ одинъ изъ близкихъ ему тогда людей,—онъ сурово относился къ счастливцамъ, которымъ судьба не была мачихой, и поэтому многіе находили его сухимъ, черствымъ человѣкомъ. Одна барыня-сибаритка заговорила съ нимъ о любви, какъ съ литераторомъ, который долженъ тонко понимать страданія нѣжныхъ сердéцъ. Онъ сказалъ ей въ отвѣтъ: „сударыня, вы съ жиру бѣситесь“. Всякое внѣшнее проявленіе сентиментальности, восторгъ передъ картиной или вообще художественнымъ произведеніемъ онъ обрывалъ съ такой же грубостью. Это не потому, чтобы онъ былъ чуждъ такихъ восторговъ — онъ, напримѣръ, любилъ картины и даже самъ хорошо рисовалъ—а потому, что ему казалось уродливымъ явленіемъ расходовать нравственную эмоцію на то, что̀ можно назвать низшимъ родомъ нравственнаго наслажденія, и въ то же время игнорировать высшій родъ этихъ наслажденій“. „Ничто не можетъ быть выше нравственной красоты, — говорилъ онъ, — и мы живемъ въ такое время, когда красота эта достигаетъ идеала. Восторгъ передъ этой красотой поглощаетъ всѣ другіе восторги“.

„Но если онъ былъ грубоватъ и сухъ съ людьми, которыхъ не считалъ своими и которыхъ художническая прозорливость позволяла ему видѣть насквозь со всѣми ихъ мелкими, себялюбивыми побужденіями, зато онъ былъ нѣженъ и деликатенъ съ друзьями, которыхъ, впрочемъ, у него было немного. Горячее сердце его было открыто для нихъ, какъ и его убогій кошелекъ. Я никогда не зналъ болѣе обязательнаго и теплаго человѣка, какъ покойный А. О. Искренній и прямой, онъ никогда не лукавилъ съ людьми, былъ безукоризненно чистъ и умѣлъ беззавѣтно привязывать къ себѣ.

„Въ его манерѣ говорить, ходить, одѣваться, кланяться чувствовался южанинъ, нѣсколько застѣнчивый, но полный юмора, потому что тонкая наблюдательность и умѣнье схватывать смѣшныя стороны даннаго положенія никогда не покидали его, и даже когда онъ молчалъ, по его свѣтлымъ глазамъ можно было видѣть игру этого органическаго юмора, отъ котораго онъ не могъ отдѣлаться. На югѣ, на правомъ и на лѣвомъ берегу Днѣпра, можно нерѣдко встрѣтить людей весьма похожихъ на Новодворскаго, у которыхъ внутреннія терзанія и цѣлыя душевныя драмы прикрываются юморомъ, даже каламбуромъ. Это ужъ особенность расы. Нѣкоторые, читая разсказы Новодворскаго, полагали, что ему стоила большихъ трудовъ его манера писать. Но я зналъ хорошо этого человѣка и утверждаю, что, напро-

тивъ, ему стоило большихъ трудовъ не писать въ этой манерѣ, когда ему совѣтовали сохранить юморъ, придающій такой блескъ его произведеніямъ, но воздержаться отъ каламбурничанья, ибо каламбуръ всегда антихудожественъ.

„Обладая большой начитанностью и широкимъ умомъ, Новодворскій при томъ талантѣ, который несомнѣнно отличаетъ его произведенія, могъ бы выработать изъ себя съ теченіемъ времени крупную литературную силу. Но жестокая борьба за жизнь черезчуръ рано погасила этотъ благородный талантъ".

Его писательская манера была необычная, въ первыхъ произведеніяхъ какъ бы именно юношеская, неустановившаяся. Разсказъ постоянно чередуется съ размышленіями автора; событіе приводитъ ему на память иныя однородныя впечатлѣнія, между прочимъ литературныя; у него всегда наготовѣ цитата изъ русскаго поэта, изъ популярныхъ тогда писателей; онъ доходитъ до того, что прямо вводитъ не только въ свои разсужденія, но и въ самый разсказъ героевъ и героинь Лермонтова, Тургенева и т. д., какъ дѣйствующихъ лицъ его собственнаго повѣствованія; однажды является на сцену самъ И. С. Тургеневъ, тогда еще здравствовавшій. Это былъ писательскій капризъ, почти не употребительный въ произведеніяхъ художественнаго характера, и источникомъ его былъ тотъ юморъ, который былъ свойствомъ его ума и его дарованія, и въ которомъ дѣйствительно былъ отголосокъ расы. Дѣло въ томъ, что эти чужіе герои, которыхъ онъ вводилъ въ свои разсказы, были всѣмъ извѣстные типы, представлявшіе опредѣленный характеръ, общественную черту, складъ понятій и, играя этими именами, молодой писатель высказывалъ точку зрѣнія на прежніе и ближайшіе факты нашей поэзіи, которые были конечно отраженіемъ общественныхъ міровоззрѣній. Приводимъ отрывокъ.

На первыхъ страницахъ своего „Эпизода" Новодворскій приводитъ разговоръ, происходившій однимъ лѣтомъ въ Баденъ-Баденѣ между Тургеневымъ и его извѣстнымъ героемъ, Соломинымъ. Шла рѣчь о томъ лицѣ, котораго Новодворскій изображалъ въ видѣ „ни павы ни вороны", и отъ лица котораго разсказывается „Эпизодъ". Тургеневъ объяснялъ этого человѣка какъ потомка хорошей породы, измельчавшаго отъ постоянныхъ уколовъ самолюбія и нѣкоторыхъ неудачъ.

— „Я рѣдко посѣщаю Россію,—началъ г. Тургеневъ послѣ непродолжительнаго молчанія:—и совсѣмъ потерялъ его изъ виду; но такъ какъ члены этого семейства всегда служили к[illegible] столбами на дорогѣ россійскаго развитія, то я думалъ, что и [illegible] увижу, когда онъ достаточно разовьется и выяснится... Скажите, по-

жалуйста: онъ не покушался на самоубійство? Это — обыкновенный исходъ для такихъ уязвленныхъ натуръ".

Другими словами, молодой писатель, только-что являвшійся съ первымъ своимъ произведеніемъ, хотѣлъ сказать, что Тургеневъ не понималъ ихъ поколѣнія, что онъ личными уколами самолюбія и неудачами объяснялъ настроеніе, имѣвшее въ основѣ гораздо болѣе глубокія причины, между прочимъ именно гораздо бо́льшую, чѣмъ когда-нибудь прежде, чуткость общественнаго сознанія: быть можетъ, она была недоразвита, иногда болѣзненна въ своихъ проявленіяхъ, но во всякомъ случаѣ она уже не удовлетворялась прежними идеалистическими самообольщеніями. Чтобы объяснить недоразумѣніе, въ которое впалъ мнимый Тургеневъ, авторъ „Эпизода" самъ разсказываетъ свою исторію.

„Прежде всего — нѣсколько словъ о моихъ предкахъ: я увѣренъ, что вы, „прекрасная читательница", имѣете о нихъ самыя сбивчивыя понятія.

„Мой дѣдушка — „духъ отрицанья, духъ сомнѣнья" или, просто, „Демонъ" — умеръ естественною смертью, у себя въ постели, соскучившись, вѣроятно, летаньемъ безъ толку надъ вершинами Кавказа и нелѣпымъ препровожденіемъ времени—побѣждать сердца прекрасныхъ дамъ... Бѣдный дѣдушка! Онъ, въ сущности, былъ чрезвычайно добръ. Его „отрицанья и сомнѣнья" потому только казались ужасными нашей покойной бабушкѣ, что она, съ непривычки, склонна была видѣть величайшіе ужасы во всякомъ сомнѣніи; а между тѣмъ дѣдушка не отрицалъ и не сомнѣвался даже въ крѣпостномъ правѣ.

„Доброе старое время! Вы, конечно, его не помните. Ваша добрѣйшая бабушка была тогда очень молодою дѣвушкой, воспитывалась въ институтѣ, мечтала о конногвардейцахъ, „съ огнемъ въ глазахъ и думой на челѣ", и проливала слезы надъ извѣстной поэмой Лермонтова, гдѣ разсказывалось о моемъ дѣдушкѣ, тщательно прятала книжку отъ „возлюбленной maman", а на ночь помѣщала ее подъ подушку... Какіе сны ей снились! Сколько сладостныхъ грезъ, волнующихъ, подзадоривающихъ, уносящихъ воображеніе далеко, далеко, за вершины Кавказа, подъ облака, гдѣ въ безпорядочной массѣ смѣшивались огненные глаза, шелковистые усы, блестящіе эполеты, цѣлыя идиллическія картины жизни, исполненной любви—все, что̀ могло вырости въ душной, сжатой атмосферѣ института и жизни на алчущей воздуха и свободы душѣ!

„Тогда Аѳанасій Ивановичъ, какъ вамъ извѣстно, былъ еще молодцомъ, носилъ бѣлый жилетъ и только-что похитилъ Пульхерію Ивановну.

„Все это прошло. Ваша бабушка вышла замужъ за вашего ува-

жаемаго дѣдушку и сдѣлалась примѣрной хозяйкой. Многіе еще до сихъ поръ помнятъ ея безподобныя наливки, маринованные грибки, безподобныя варенья. Вамъ ужъ не сдѣлать такихъ... Вы помните, какъ она угощала гостей на балконѣ, что̀ выходилъ въ большой тѣнистый садъ? Ваша матушка сидѣла за самоваромъ, гости весело бесѣдовали, а вы, наскучивъ играть съ подругами, пріютились въ уголкѣ.

„Славный былъ вечеръ...

„Мой дѣдушка тогда умиралъ.

„У его постели собрались мы всѣ: отецъ—Печоринъ, я, мои братья: Рудинъ и Базаровъ. Я прекрасно помню эту минуту. У двери почтительно вытянулся крѣпостной лакей, во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ; у изголовья сидѣлъ отецъ, холодный и безстрастный, словно происходившее вовсе не къ нему относилось; мы, ребята, стояли; Базаровъ былъ угрюмъ и недоволенъ. Онъ, кажется, ругался про себя, что „заставляютъ торчать тутъ и слушать всякую чепуху отцовъ“. Рудинъ навзрыдъ рыдалъ, а я испытывалъ нѣчто неопредѣленное: то зареву во все горло, то вдругъ затихну и употребляю усилія, чтобъ не расхохотаться; то тоска какая-то найдетъ, то безпричинная злость разбирать станетъ—и все это въ одну и ту же минуту.

„Васъ, „прекрасная читательница“, можетъ быть, удивляетъ, что мы не назывались одною фамиліею? Это, конечно — вина біографовъ, окрестившихъ одного такъ, а другихъ иначе; но надобно сознаться, что избѣжать этого разъединенія было довольно трудно: одна фамилія неизбѣжно привела бы къ нѣкоторой сбивчивости; да притомъ, благодаря извѣстной вѣтренности батюшки, мы, т.-е. я и братья, произошли отъ разныхъ матерей, чѣмъ, можетъ статься, и объясняется нѣкоторое несходство нашихъ характеровъ.

„Въ комнатѣ, кромѣ упомянутыхъ лицъ, никого не было. Не было Онѣгина; потому что онъ — вовсе не братъ отца, какъ утверждали нѣкоторые, а только далекій родственникъ, десятая вода на киселѣ: отсутствовалъ также Обломовъ, по той простой причинѣ, что онъ— сынъ Онѣгина, а не Печорина. Заявляю это торжественно въ виду возникшихъ было недоразумѣній и выдумокъ.

„Старикъ вовсе не походилъ на обыкновенныхъ умирающихъ; онъ какъ будто по̀ своей волѣ, по принципу умиралъ. Лицо, правда, было очень блѣдно и исхудало, но глаза (какъ разъ такіе же, какъ и у отца) свѣтились ровнымъ блескомъ, голосъ былъ твердъ и спокоенъ, только тише обыкновеннаго. Онъ долго молчалъ, какъ бы желая дать Рудину время выплакаться. Ждать пришлось недолго. Рудинъ вдругъ пересталъ хныкать, скрестилъ на груди дѣтскія ручонки, опустилъ на грудь свою красивую, кудрявую головку и печально уставилъ на дѣда глаза, полные необыкновенной нѣжности. Въ комнатѣ сдѣлалось

тихо. Отчетливо постукивалъ часовой маятникъ („глаголъ временъ, металла звонъ", помню, вертѣлось у меня въ головѣ); такъ же неподвижно стоялъ лакей у двери, такъ же безстрастно сидѣлъ отецъ.

„Дѣдъ откашлялся, улыбнулся и началъ тихимъ голосомъ, ясно отчеканивая каждое слово:

— „Ну, ребята, вы видите, что мнѣ пора ad patres... Я, конечно, могъ бы это устроить и безъ всякихъ церемоній, не заставляя васъ скучать здѣсь, но мнѣ хочется сказать вамъ нѣсколько словъ на прощанье... Не хнычь, малый!—обратился онъ къ Рудину:—нечего плакать при финалѣ комедіи!..

„Онъ засмѣялся какимъ-то глухимъ, короткимъ смѣхомъ, отъ котораго я вздрогнулъ, словно изъ-за могилы хохотъ раздавался. Съ нашей стороны — ни звука, ни движенія; даже Базаровъ пересталъ ворчать подъ носъ и съ любопытствомъ прислушивался.

— „Да, это была комедія, довольно плохая комедія!—продолжалъ Демонъ.—Я имѣю полное право сказать... Чьими, бишь, словами? Ну, все равно! Память что-то плоха стала... Что-то въ родѣ слѣдующаго:

„Ахъ, какъ я жилъ, какъ шибко жилъ!
Могу сказать—двѣ жизни прожилъ!..
Жизнь, такъ сказать, на жизнь помножилъ
И нуль въ итогѣ получилъ"...

„Дѣдъ довольно живо продекламировалъ этотъ теперь общеизвѣстный отрывокъ (интересно знать: онъ сочиненъ до или послѣ смерти дѣдушки?) и снова захохоталъ замогильнымъ голосомъ.

— Вы, мальцы,—обратился къ намъ умирающій: — едва-ли много смѣкаете въ томъ, что я говорю, но все равно—слушайте: послѣ пригодится... Да!.. Всякія тамъ дамы доставляли мнѣ только мимолетное наслажденіе, и вся моя жизнь—безконечная скука... Скука, это—пустота. За тобою—пустота, передъ тобою—пустота, кругомъ—пустота! Это совсѣмъ чортъ знаетъ что!.. И знаете, отчего вышелъ такой скандальный итогъ жизни? (Дѣдъ воодушевился и привсталъ на постели). Оттого, что я потерялъ свой raison d'être!

„Ему словно трудно было выговорить это слово; онъ снова упалъ на подушку и продолжалъ уже спокойнѣе:

— Что такое я?..

— „Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья!"—восторженно продекламировалъ Рудинъ!—ты, дѣдушка—сила!

„Старикъ серьезно взглянулъ на мальчика, отецъ какъ-то печально улыбнулся, а Базаровъ проворчалъ: „дуракъ!"

— „Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья",—медленно повторилъ умирающій:—а что же я отрицалъ? я *все* отрицалъ, т.-е., говоря другими словами, *ничего* не отрицалъ, а такъ, интересничалъ, баловался... И

не признавалъ, впрочемъ, ничего. Это было просто полнѣйшее равнодушіе ко всему на свѣтѣ... (Дѣдъ зѣвнулъ).—О, еслибъ я могъ отрицать, т.-е. со смысломъ отрицать! Еслибъ я зналъ, что̀ отрицать!.. Ты, сынъ мой,—Печоринъ повернулъ къ нему голову—ты находишься въ болѣе счастливыхъ условіяхъ. Въ тебѣ больше мускуловъ, крови; ты не можешь летать, какъ я въ дни юности; ты, по необходимости, прикованъ къ человѣческому обществу, предметъ твоихъ отрицаній и сомнѣній опредѣленнѣе... Но ты пошелъ по ложной дорогѣ, и я хочу тебя предостеречь: затѣмъ и признаніе это затѣялъ... Посмотри на своихъ пострѣлятъ: это—живой укоръ твоей легкомысленности... Передай имъ, по крайней мѣрѣ... Уй-ди въ пусты-ню.

„Дѣдъ умеръ“...

„Лакей взвалилъ себѣ на плечи легкое тѣло дѣдушки, унесъ его къ мосту, что̀ на рѣчкѣ Летѣ, откуда и бросилъ въ воду бренные останки когда-то мощнаго духа... Sic transit gloria mundi...

„Не знаю, почувствовалъ ли потерю Печоринъ или нѣтъ—по лицу ничего нельзя было разобрать—но черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Демона онъ приказалъ запречь лошадей, уложить вещи и объявилъ намъ, что уѣзжаетъ навсегда, объявилъ въ ту минуту, когда уже надо было садиться въ экипажъ.

— Куда ты, батя?—спросилъ Рудинъ голосомъ, полнымъ слезъ.

„Печоринъ, сидя въ повозкѣ, неопредѣленно какъ-то махнулъ рукою. Кучеръ сталъ подбирать возжи.

— Да говори толкомъ: куда?—подскочилъ къ отцу Базаровъ.

— Въ пустыню!—послышалось намъ за грохотомъ колесъ.

„Мы, какъ говорится, остолбенѣли.

— Если человѣку нѣчего дѣлать въ Европѣ, то онъ поступаетъ очень умно, отправляясь въ Азію.

„Базаровъ проговорилъ про себя эту фразу и спокойно пошелъ въ комнату. За нимъ послѣдовалъ Рудинъ съ инстинктивною торопливостью слабаго человѣка, покорно слѣдующаго за сознающей себя силой...

„Я очнулся, послѣ двухнедѣльной горячки, въ чужой семьѣ. Братьевъ со мной не было. Ихъ отвезли тоже къ названнымъ отцамъ и матерямъ. Дальнѣйшая исторія того и другого вамъ извѣстна изъ превосходныхъ біографій, написанныхъ г. Тургеневымъ“.

Этотъ капризъ былъ, впрочемъ, единственный. Новодворскій любилъ, однако, дѣлать цитаты изъ русской литературы—мимоходомъ, напоминая какую-нибудь извѣстную фразу, выраженіе, которыя получали у него свою окраску, нерѣдко ироническую. Приведенный отрывокъ, какъ видѣлъ читатель, носитъ также этотъ иронической оттѣнокъ, характеристическій для поколѣнія, семидесятыхъ годовъ или,

собственно, еще для поколѣнія ему предшествовавшаго. Оно ставитъ себя въ генеалогическое отношеніе къ тому „духу сомнѣнья“, котораго воспѣвалъ Лермонтовъ и въ связь съ болѣе поздними представителями этого сомнѣнья, какихъ изображалъ Тургеневъ; но поколѣніе новѣйшее относится къ старому духу сомнѣнья очень недовѣрчиво, потому, очевидно, что считаетъ его слишкомъ неопредѣленнымъ, слабымъ, или просто считаетъ его поверхностнымъ капризомъ избалованнаго барича; исключеніе составляетъ развѣ только Базаровъ. Напомнимъ въ параллель къ этому подобное недовѣрчивое отношеніе къ старому „духу сомнѣнья“, какое высказывалось еще съ пятидесятыхъ годовъ, затѣмъ недовѣрчивое отношеніе къ „Отцамъ и Дѣтямъ“ Тургенева и позднѣе, къ его „Нови“. Когда то же настроеніе мы встрѣчаемъ опять у Новодворскаго, едва начинающаго писателя конца семидесятыхъ годовъ, это не была одна самонадѣянность молодости, а именно, историческая черта времени. Общественная жизнь съ конца сороковыхъ годовъ и послѣ эпохи реформъ переносила такія испытанія, какихъ не знала прежде: передъ общественнымъ сознаніемъ вставали трудные, наконецъ мучительные вопросы матеріальные и нравственные, и притомъ не только теоретическіе, а въ полной мѣрѣ реальные; совершался, съ освобожденіемъ крестьянъ и съ началомъ другихъ реформъ, цѣлый общественный переворотъ, но въ то же время оставались неудовлетворенными тѣ матеріальныя и нравственныя потребности, которыя давно созрѣвали въ обществѣ и съ этимъ переворотомъ становились тѣмъ болѣе настоятельными. Удовлетворенія этихъ потребностей не предвидѣлось и отсюда возникало то мрачное, впадавшее въ иронію настроеніе, которое можно наблюдать въ наиболѣе чуткихъ умахъ того времени, а также и у этого начинавшаго писателя.

Новодворскій не былъ, конечно, теоретикомъ; его настроеніе сказывалось въ тѣхъ картинахъ, какія носились передъ его воображеніемъ и передавались имъ въ его разсказахъ, гдѣ, замѣтимъ, несомнѣнно было не мало автобіографическаго. Но однажды мы находимъ у одного изъ его героевъ,—жертвы этого невыясненнаго, межеумочнаго положенія общественной жизни,—слѣдующее теоретическое разсужденіе.

Алексѣй Петровичъ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ разсказѣ „Наканунѣ ликвидаціи“, сынъ богатыхъ родителей (впослѣдствіи разорившихся отъ неумѣнья измѣнить свою жизнь въ новыхъ условіяхъ послѣ освобожденія крестьянъ), зараженный вѣяніями новаго наступившаго времени, не выносилъ своего домашняго быта, хотѣлъ начать новую жизнь, перепробовалъ нѣсколько разныхъ профессій, нигдѣ не находилъ удовлетворенія, и въ концѣ концовъ поселился

въ деревнѣ и сталъ „для себя—слесарь и садовникъ, а для людей—случайный учитель и случайный адвокатъ“... Онъ бесѣдуетъ съ другимъ подобнымъ неудачникомъ.

„Алексѣй Петровичъ закурилъ, откинулся на спинку стула и началъ спокойнымъ голосомъ, словно съ каѳедры:

— Вы знаете, что когда количество переходитъ черезъ свои крайніе предѣлы, т.-е. нуль или безконечность, то оно пріобрѣтаетъ противоположное значеніе, изъ положительнаго дѣлается отрицательнымъ. Какой баллъ вы получили изъ математики на выпускномъ экзаменѣ? Впрочемъ, это не важно... Другими словами: идея, разросшаяся дальше тѣхъ размѣровъ, на которые имѣетъ право по своей сущности, сама же производитъ себѣ противовѣсъ, противоположность. Я не могу сказать вамъ навѣрное, была ли жизнь моихъ „отцовъ“ нулемъ, т.-е отсутствіемъ всякой идеи, или представляла идею, доведенную до безконечности. Здѣсь неважно, насколько каждый отдѣльный носитель ея понимаетъ сущность своего знамени; достаточно инстинктовъ. Мнѣ кажется, что идея была. Это—идея личнаго счастья. наслажденія, эстетическая, если здѣсь можно такъ выразиться, идея. Это—уединеніе, замкнутость отъ всего, что считалось грязнымъ, что непріятно дѣйствовало на нервы... За стѣнами ихъ маленькаго рая была порка, оплеухи, ругань и вздохи, отъ которыхъ могло бы сдѣлаться дурно такой нѣжной барынѣ, какъ моя мать... Замѣтьте, что она мыла руки каждый разъ, когда ее случалось цѣловать какой-нибудь бабѣ, а отецъ ни разу не осквернилъ своей руки прикосновеніемъ какого бы то ни было орудія труда; только благородный мечъ, въ молодости, сжимала его выхоленная рука. На практикѣ такая постоянная забота о личномъ благополучіи приводитъ къ массѣ пустословія. пустяковъ и той же грязи, только вспрыснутой одеколономъ... Вы только представьте: пустяки, пустяки, кругомъ пустяки!.. Вы задыхаетесь, васъ душитъ масса пустяковъ. Эти пустяки по временамъ причиняютъ такія страданія своимъ жертвамъ, что человѣкъ не на шутку обогащается морщинами и сѣдинами; но вы все-таки проходите мимо съ улыбкой, потому что—это пустяки! И такъ—это была безконечность; дальше нельзя было идти. Я долженъ былъ или погибнуть, или изобразить отрицательную величину“ (стр. 386—387).

Въ подобномъ мірѣ идей вращался и самъ писатель. Ошибкой было бы сказать, что это была какая-нибудь тенденція: это была сама его природа, развившаяся въ условіяхъ его жизни и въ той общественной средѣ, которая его окружала. Условія и среда были таковы, что не было ничего удивительнаго въ томъ, что его взглядъ и его картины всего чаще мрачны. Это вовсе не былъ, однако, пессимистъ; его наблюдательность очень разнообразна, его постоянно

сопровождаетъ юморъ и шутка, онъ умѣетъ изображать весьма различныя стороны жизни и настроенія, и въ глубинѣ лежитъ несомнѣнное теплое чувство. По своему нравственному содержанію онъ, конечно, далеко выше очень многихъ представителей современной беллетристики, совсѣмъ утратившихъ смыслъ къ общественному интересу.

Къ книгѣ приложена вступительная статья, авторъ которой хотѣлъ дать характеристику Новодворскаго. Статья не совсѣмъ удачна. Относительно біографіи писателя авторъ ничего не прибавилъ къ тому, что было уже въ свое время разсказано въ некрологѣ г. Ясинскаго; характеристика слишкомъ напыщенна. Между прочимъ, мы читаемъ: „Въ 70-хъ годахъ умственное движеніе въ средѣ русской интеллигенціи достигло высшей ступени своего развитія. Забылись пылкія, но неясныя рѣчи Рудина, базаровская вѣра въ науку уступила мѣсто угрызеніямъ измученной совѣсти, потерявшей способность далѣе сопротивляться внезапно нахлынувшей волнѣ мучительно-тяжкихъ жизненныхъ впечатлѣній. Покаяніе за все историческое зло, за всѣ ошибки и сознательные грѣхи интеллигенціи (!) стало „во главу угла“ и заняло собою наиболѣе искренніе умы эпохи. Неопредѣленныя еще стремленія 30-хъ и 40-хъ годовъ получили яркое воплощеніе въ дѣлахъ и мысляхъ представителей эпохи Н. К. Михайловскаго, Гаршина, Новодворскаго и мн. др., когда изстрадавшійся „кающійся дворянинъ“ сталъ въ замѣтные ряды жизни и обратился въ носителя искреннѣйшихъ стремленій времени“.

Быть можетъ, бывали гдѣ-нибудь такіе „кающіеся дворяне“; но этотъ терминъ вообще едва ли удаченъ, когда авторъ замѣтки сводитъ къ такому „покаянію“ интересы нашей литературы и общественности послѣдняго времени. Отчего это „покаяніе“ принадлежитъ особенно семидесятымъ годамъ, и въ немъ ли дѣйствительно заключался основной мотивъ литературнаго и общественнаго броженія? Въ дѣйствительности, въ семидесятыхъ годахъ продолжалось движеніе, начатое гораздо раньше, не только въ сороковыхъ и тридцатыхъ годахъ, но еще въ концѣ прошлаго столѣтія, и развитіе интересовъ къ народу далеко превышало объемъ какихъ-либо спеціально дворянскихъ чувствъ. Это былъ вообще нравственный и общественный вопросъ, который простирался на цѣлую массу соціальныхъ понятій и явленій, и гдѣ дворянско-крѣпостныя отношенія входили только одною долею. Въ частности, въ примѣненіи къ Новодворскому этотъ терминъ является особенно страннымъ: въ чемъ провинился и въ чемъ долженъ былъ каяться этотъ человѣкъ, когда вся его жизнь и жизнь его семьи проходила въ настоящей нищетѣ?—Т.

— Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ, частью въ полномъ составѣ, частью въ извлеченіяхъ, съ важнѣйшими критико-біографическими статьями, біографическими примѣчаніями и портретами. Издается подъ редакціею С. А. Венгерова. Спб. 1897.

Этимъ шестымъ выпускомъ заканчивается первый томъ „Русской поэзіи", изданіе которой начато въ 1893. Достаточно взглянуть на этотъ шестой выпускъ, чтобы понять, почему изданіе значительно разрослось противъ предположеній г. Венгерова. Шестой выпускъ, напечатанный, какъ и всѣ другіе, плотнымъ мелкимъ шрифтомъ въ два столбца, большого формата, заключаетъ въ себѣ критико-біографическія статьи и примѣчанія, начатыя въ пятомъ выпускѣ, и масса находящагося здѣсь матеріала показываетъ обыкновенную заботливость издателя о полнотѣ собираемыхъ имъ свѣдѣній: немудрено, что трудно было разсчитать впередъ цѣлый объемъ изданія. Одинъ шестой выпускъ (135—413 и XXXIV стран.) при обычномъ способѣ изданія составилъ бы большой томъ. Въ концѣ, какъ заключеніе тома, помѣщенъ алфавитный указатель стихотвореній, напечатанныхъ въ изданіи; оглавленіе тома въ алфавитномъ порядкѣ поэтовъ и, наконецъ, списокъ сочиненій и журналовъ, откуда сдѣланы заимствованія въ первомъ томѣ. Наконецъ, г. Венгеровъ указалъ и внѣшній инвентарь перваго тома: въ составъ его вошло 1421 стихотвореніе 116-ти поэтовъ XVIII столѣтія и критико-біографическіе матеріалы, извлеченные изъ 251 источника; въ первый разъ появились здѣсь стихотворенія А. Т. Болотова и „Ода вольность" А. Н. Радищева; въ первый разъ собраны и воспроизведены по изданіямъ XVIII вѣка и начала XIX вѣка стихотворенія болѣе сорока поэтовъ.

Изданіе г. Венгерова уже однимъ первымъ, теперь законченнымъ томомъ, составляетъ великую заслугу неутомимаго издателя для разработки литературы XVIII вѣка. Это—огромное собраніе произведеній русскихъ поэтовъ прошлаго вѣка и множества историко-литературныхъ свѣдѣній. Если представить себѣ, что изданія XVIII вѣка составляютъ вообще большую рѣдкость и въ нѣсколько полномъ объемѣ находятся только въ большихъ библіотекахъ Петербурга и Москвы, и что издатель приложилъ къ своему труду большую заботливость о томъ, чтобы не пропустить ничего важнаго, то понятно будетъ значеніе книги, которая дѣлаетъ доступной и вводитъ въ обращеніе цѣлую массу данныхъ, которыя до сихъ поръ въ большинствѣ были очень мало извѣстны. Число писателей прошлаго вѣка, получившихъ новыя болѣе или менѣе обстоятельныя изданія, вообще очень не велико и ограничивается обыкновенно только самыми крупными именами, какъ Кантемиръ, Ломоносовъ, Фонъ-Визинъ, Державинъ, Хем-

ницеръ и два, три другихъ; нѣсколько второстепенныхъ писателей, вошедшихъ въ старыя изданія Смирнова, изданы обыкновенно не вполнѣ исправно и безъ всякаго историко-литературнаго объясненія. Издатель „Русской Поэзіи", сообщая достаточные образцы изъ крупныхъ писателей, даетъ еще выдержки изъ множества стихотворцевъ XVIII вѣка и иногда приводитъ ихъ произведенія сполна, и относительно всѣхъ вообще доставляетъ біографическія и иныя свѣдѣнія,— такъ что поэзія прошлаго вѣка представлена здѣсь въ такомъ обиліи, какъ это еще никогда не было сдѣлано.

Пожелаемъ, чтобы г. Венгеровъ скорѣе довершилъ свое предпріятіе: первый томъ его изданія есть уже великая заслуга для изученія нашей литературы прошлаго вѣка.

— Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ.—Географія.—Исторія.—Этнографія.—Археологія.—Современное положеніе.—Составилъ П. Ровинскій. Т. II. Часть 1. Спб. 1897.

Настоящая книга составляетъ продолженіе труда, первый томъ котораго явился въ 1888, какъ изданіе Академіи Наукъ. Первый томъ, обнимающій географическое описаніе Черногоріи и ея исторію до половины нынѣшняго столѣтія, представляетъ огромную книгу, почти до 900 страницъ, съ большой, весьма подробной картой страны. Дальнѣйшая работа такъ разрослась, что вышедшая теперь книга (XXIV и 778 стр.) является только первою частью второго тома: она посвящена этнографическому описанію черногорскаго племени и быта.

Уже теперь, пока не законченная, книга П. А. Ровинскаго есть монументальный трудъ, далеко превышающій все, что было до сихъ поръ писано о Черногоріи. Авторъ живетъ въ Черногоріи съ 1878 г. и за это время покидалъ ее только на сравнительно короткіе сроки. Онъ прибылъ въ страну уже опытнымъ славистомъ и этнографомъ. Еще въ началѣ 1860-хъ годовъ онъ жилъ долго въ Чехіи; въ концѣ тѣхъ годовъ онъ прожилъ около года въ Сербіи, и въ „Вѣстникѣ Европы" помѣщены были тогда его любопытные разсказы о той и другой странѣ. Въ промежуткахъ между славянскими путешествіями онъ предпринималъ далекія странствія—совсѣмъ въ противоположную сторону, въ Сибирь, Монголію, Китай, наконецъ въ Америку; и въ „Вѣстникѣ Европы" опять были его разсказы о странствованіяхъ по Монголіи. Много его работъ по славянской этнографіи, современной славянской исторіи помѣщено было въ другихъ журналахъ и въ ученыхъ изданіяхъ. Черногорія привлекла его въ то время, когда окончилась русско-турецкая война: въ Босніи и Герцеговинѣ водворялась Австрія; Черногорія получила приращеніе своей небольшой террито-

ріи, между прочимъ съ первымъ доступомъ къ морю, но пограничные столкновенія съ турками еще продолжались, и г. Ровинскому въ первые годы его пребыванія въ странѣ привелось видѣть во очію ту спеціальную сторону черногорскаго быта, знать которую было необходимо будущему этнографу Черногоріи—сторону военную: г. Ровинскій былъ ближайшимъ свидѣтелемъ черногорско-турецкой войны, въ которой принялъ участіе въ качествѣ брата милосердія или санитара...

Такимъ образомъ г. Ровинскій являлся въ Черногорію какъ ученый славистъ, какъ опытный путешественникъ и внимательный наблюдатель, съ полнымъ знаніемъ языка, которымъ овладѣлъ въ долгое пребываніе въ Сербіи, наконецъ еще съ однимъ драгоцѣннымъ качествомъ, которое много послужило всей его работѣ—съ теплой любовью къ народу, при которой онъ легко и свободно сходился съ народомъ и могъ узнать всю подноготную его матеріальнаго и нравственнаго быта... По внѣшнимъ условіямъ работа автора была далеко не легка; эти условія бывали даже крайне неблагопріятны; но трудно найти болѣе счастливыя внутреннія условія, и благодаря имъ г. Ровинскій могъ совершить свою замѣчательную работу.

Во введеніи къ своей книгѣ (т. I) авторъ очень скромно говоритъ объ этихъ условіяхъ своего труда. Сказавъ, что собираніе матеріала стоило ему многихъ лѣтъ, онъ говоритъ:

„...Мы ожидаемъ замѣчанія, что для такой маленькой страны потратить столько времени—слишкомъ много. Поэтому, не лишнимъ считаемъ дать, такъ сказать, отчетъ въ употребленномъ нами времени.

„Проще всего было бы дать описаніе своего путешествія; но это заняло бы слишкомъ много времени, а между тѣмъ не отвѣчало бы поставленной нами задачѣ. Мы сдѣлаемъ это, можетъ быть, впослѣдствіи; а покуда считаемъ своею обязанностью объяснить только, на что̀ и ка̀къ потрачено нами столько времени.

„Путешествуя на свой счетъ и страхъ, и потому не связанный никакими условіями, я съ одной стороны былъ совершенно свободнымъ человѣкомъ, а съ другой, завися отъ заработка, который—замѣтимъ мимоходомъ — былъ весьма трудный и скудный, я жилъ по пословицѣ: „не такъ, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ“; другими словами, я не былъ свободенъ ни въ распоряженіи своимъ временемъ, ни въ передвиженіяхъ. Не разъ приходилось засиживаться на одномъ мѣстѣ въ ожиданіи полученія своего заработка или просто выручки со стороны друзей.

„И то еще нужно сказать: славяне для меня всегда представляли не объектъ только для наблюденія и изученія, но и нѣчто нераздѣ-

лимое со мною. Я не только наблюдалъ и изучалъ ихъ, но жилъ съ ними и дѣйствовалъ. Такъ было со мною въ Чехіи, потомъ въ Сербіи, такъ случилось и въ Черногоріи.

„Въ 1879 г., когда не только вся Европа, но и всѣ части Балканскаго полуострова послѣ Берлинскаго конгресса вполнѣ предались мирнымъ занятіямъ, пользуясь всякій своимъ, что̀ кому досталось, одна Черногорія не получила своего и должна была добиваться своихъ правъ кровью"...

Началась черногорско-турецкая война.

„Во всѣхъ этихъ дѣлахъ я не могъ не принимать участія, то какъ свидѣтель, сообщая русскимъ газетамъ о происходящемъ, то ухаживая за ранеными и больными. Въ такомъ положеніи мнѣ приходилось оставаться на одномъ мѣстѣ отъ 3-хъ до 5-ти мѣсяцевъ. Потративъ такимъ образомъ болѣе года, я однако не успѣлъ еще побывать даже въ главныхъ мѣстахъ Черногоріи. Были у меня и другого рода порученія отъ черногорскаго князя или его правительства, исполненіе которыхъ я считалъ для себя вполнѣ обязательнымъ.

„Путешествуя такимъ образомъ, я не могъ, конечно, выполнять никакой научной программы, ни держаться опредѣленнаго плана, а пользовался только случаемъ и возможностью наблюдать кое-что и съ научною цѣлью.

„Вслѣдствіе такого рода условій и способа моего путешествія, у меня, безъ сомнѣнія, найдутся пробѣлы, несмотря даже на весьма продолжительное пребываніе въ Черногоріи.

„Одно только послужило мнѣ въ пользу въ смыслѣ научномъ: живя и дѣйствуя съ народомъ, я имѣлъ возможность узнать его гораздо лучше, чѣмъ явившись мимолетнымъ изслѣдователемъ. Изучить народъ не то̀, что изучить флору и фауну страны, для чего однако тоже нужно провести въ ней нѣсколько сезоновъ...

„И въ самомъ дѣлѣ, эта задача (изучить народъ) гораздо труднѣе, чѣмъ полагаютъ многіе изслѣдователи своего или чужого народа. Чтобы приблизиться къ ея выполненію, недостаточно пропутешествовать по странѣ и записать все то, что̀ обыкновенно считается этнографическимъ матеріаломъ: нужно пожить съ народомъ, чтобы дать этому матеріалу надлежащее освѣщеніе для его правильнаго пониманія и толкованія.

„Отмѣтивъ, сколько цвѣтовъ различаетъ народъ, или какая звуковая скàла входитъ въ кругъ его музыкальнаго творчества, вы можете рѣзко ошибиться въ выводахъ вообще объ его творческой способности въ области соотвѣтствующихъ тому искусствъ. Занося въ свой дневникъ явленія изъ нравственной жизни народа — его пороки и добродѣтели и сопровождающія ихъ преступленія или подвиги, вы

можете не понять истинныхъ свойствъ и характера народа, если не знаете обстоятельствъ, вызвавшихъ то или другое явленіе; а иногда нужно наблюдать фактъ нѣсколько разъ, въ различное время и при различныхъ обстоятельствахъ, и только тогда вы приблизитесь къ болѣе вѣрной его оцѣнкѣ". Авторъ приводитъ въ примѣръ совершенно противоположные отзывы о боевой способности черногорцевъ. „Кто же тутъ лжетъ или ошибается? Не лжетъ никто, а ошибочно заключеніе того, кто судитъ народъ по одному минутному съ нимъ знакомству, не принимая въ соображеніе ни его исторіи, ни особенныхъ обстоятельствъ той минуты".

Этой многосторонности наблюденія требовала, конечно, научная критика, но ей же научалъ и тотъ громадный практическій опытъ, который собранъ былъ нашимъ путешественникомъ въ его разнообразныхъ странствіяхъ, и въ помощь къ этому присоединялся собственный даръ точнаго наблюденія, который имѣлъ и свою нравственную основу въ сочувственномъ отношеніи къ наблюдаемому народному быту. Въ результатѣ получилась рѣдкая способность вникать въ крупныя черты и въ мелкія подробности этого быта, и въ данномъ случаѣ возможность описанія Черногоріи въ такихъ разнообразныхъ отношеніяхъ, какъ обыкновенно бываетъ не подъ силу одному наблюдателю. Съ тѣхъ поръ, какъ писано было введеніе къ книгѣ, прошло еще десять лѣтъ, посвященныхъ тому же изученію. П. А. Ровинскій знаетъ Черногорію какъ немногіе изъ самихъ черногорцевъ: онъ буквально исходилъ ее вдоль и поперекъ, и потому могъ дать подробнѣйшую ея карту, исправившую много прежнихъ топографическихъ ошибокъ; онъ подробно описываетъ ея природу, климатическія условія, ея произведенія, флору и фауну; разсказывая исторію, онъ пересматриваетъ всю существующую литературу предмета и роется въ рукописяхъ. Въ новомъ томѣ его труда предметъ его изученія составляетъ этнографія, и здѣсь, быть можетъ, еще болѣе поражаетъ разнообразіе и точность его наблюденій: всѣ эти факты собраны имъ самимъ на мѣстахъ, въ очевидно ближайшемъ знакомствѣ съ народною жизнью всѣхъ мѣстностей Черногоріи. Тѣ случайности путешествій, о которыхъ онъ такъ скромно говоритъ въ своемъ введеніи, не пропадали для него даромъ: вездѣ онъ дѣлалъ свои замѣтки, много разъ ихъ потомъ провѣряя и каждое заключеніе его основано на точномъ изученіи факта.

Первая половина второго тома заключаетъ четырнадцать главъ: Племенной составъ Черногоріи; Племя (его сущность, отправленія и организація); Семья или домъ и жизнь въ семьѣ; Черногорецъ, какъ отдѣльная единица, и его индивидуальныя свойства; Жилище со всею внутреннею и внѣшнею обстановкой; Народный костюмъ и относя-

щееся къ нему домашнее (женское) производство; Пища, питье и употребленіе табаку; Счетъ, мѣра, вѣсъ и монета; Земледѣліе; Скотоводство; Обработывающая промышленность; Пути сообщенія и средства передвиженій; Охота на звѣрей и птицъ и рыбная ловля; Досугъ (игры, пляска, пѣніе и другія забавы).—А. П.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ редакцію поступили нижеслѣдующія книги и брошюры:

Авенаріусъ, В. П.—Гоголь-студентъ. Вторая повѣсть изъ біографической трилогіи: „Ученическіе годы Гоголя". Съ 12 портретами и видами. Спб. 98. Стр. 334. Ц. 1 р. 50 к.

Александренко, В. Н.—Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII в. Т. I. Варш. 97. Стр. 549. Ц. 3 р.

Андреевскій, С. А.—Стихотворенія. 1878—87. Изд. 2-е. Спб. 98. Стр. 306. Ц. 1 р. 25 к.

Антона-Траверси, Камилла.—Тино ди-Лоренцо. Театральныя и біографическія замѣтки. Перев. съ итал. В. Л. Спб. 97. Стр. 18.

Бенъ-Ами.—Собраніе разсказовъ и очерковъ. Т. I. Од. 98. Стр. 292. Ц. 1 р. 25 коп.

Бертенсонъ, Л.—Бакинскіе нефтяные промыслы и заводы въ санитарно-врачебномъ отношеніи. Спб. 97. Стр. 69. Ц. 1 р.

Боткинъ, д-ръ Е. С.—О клиническомъ примѣненіи формъ растворенія бѣлыхъ шариковъ крови. Спб. 98. Стр. 24.

Брандтъ, А.—Учебникъ зоологіи для студентовъ, приноровленный къ программѣ испытанія въ государственной физико-математической коммиссіи. Съ 524 рис. въ текстѣ. Харьк. 98. Стр. 320. Ц. 2 р. 75 к.

Бѣлоусовъ, И. А.—Изъ пѣсенъ о трудѣ. Стихотворенія. М. 97. Стр. 48. Ц. 25 к.

Бунге, Н. А.—Къ вопросу о высшемъ техническомъ образованіи. Вып. 1—2. Кіевъ, 97. Стр. 12 и 9.

Бутми, Г.—Къ вопросу о денежной реформѣ. 2-е доп. изд. Одесса, 97. Стр. 185.

Ванъ-Мюйденъ.—Исторія швейцарскаго народа. Перев. съ франц. п. р. Э. Л. Радлова. Вып. 1, съ 35 политип. Спб. 97. Стр. 140. Ц. 1 р.

Венгеровъ, С. А.—Русскія книги. Съ біограф. данными объ авторахъ и переводчикахъ. Вып. XVIII: Библіотека—Бильбилистонъ. Спб. 97. Стр. 337-384. Ц. 40 к.

Весновскій, В. А.—Рабочій вопросъ на Уралѣ. Екатеринб. 97. Стр. 54.

Виноградовъ, В. И.—Начальная химія для школъ и самообразованія. М. 97. Стр. 203. Ц. 65 к.

Виреніусъ. А. С.—Раціональный способъ письма. Изд. 2-е. Спб. 98. Стр. 73.

Волковъ, Л.—Адамъ Мицкевичъ и его произведенія. Крит.-біограф. очеркъ. Варш. 97.

Гаршинъ, Всев.—Вторая книжка разсказовъ. Изд. 6-е. Изд. Комитета „Общества для пособ. нужд. литерат. и ученымъ". Спб. 97. Стр. 276. Ц. 1 р.

Гельмгольцъ, Г.—Популярныя рѣчи. Перев. слушательницъ Спб. высшихъ

женскихъ курсовъ, п. р. О. Д. Хвольсона и С. Э. Терешина. Ч. I. Изд. 2-е. Спб. 98. Стр. 145. Ц. 1 р.

Гирнъ, Густавъ.—Анализъ вселенной въ ея элементахъ. Перев. съ франц. М. 98. Стр. 517. Ц. 1 р.

Гобсонъ, Дж.—Эволюція современнаго капитализма. Изслѣдованіе машиннаго производства. Перев. съ англ. А. Свирщевскаго. Ярославль, 98. Стр. 468. Ц. 2 р.

Горацій, Кв. Флаккъ.—Оды. Кн. I. Перев. въ стих., съ примѣч. П. Порфирова. Спб. 98. Стр. 61. Ц. 50 к.

Грибовскій, В. М. (Гридень).—Студенческіе разсказы. Спб. 98. Стр. 408. Ц. 1 р. 50 к.

Гюго, В.—Отверженные, ром. Перев. съ франц. Т. I. Ч. 1, 2, 3. Изд. 2-е. Спб. 97. Стр. 670. Т. II. Ч. 4 и 5. Спб. 97. Стр. 498. Изд. 2-е. Ц. за 2 т. 3 р. 50 коп.

Дельбрюкъ, А.—Гамлетъ и его душевное состояніе. Перев. съ нѣмецкаго А. Цацкинъ. Харьк. 97. Стр. 32.

Деятовъ, Г. С.—Къ біографіи Ѳ. М. Рѣшетникова. Каз. 97. Стр. 45 in 12°. Ц. 5 к.

Дружининъ, Н. П.—Общепонятное законовѣдѣніе. Научно-практическое пособіе, съ прилож. образцовъ и формъ дѣловыхъ бумагъ, прошеній, жалобъ, договоровъ, завѣщаній и т. п. Библіотека „Дѣтскаго Чтенія“. М. 97. Стр. 262. Ц. 1 р.

Елагинъ, А. И.—Дворянское дѣло. Сборникъ статей. М. 98. Стр. 250. Ц. 1 р.

Ермиловъ, В. Е.—Великій артистъ-крестьянинъ М. С. Щепкинъ. Біографическій очеркъ. М. 97. Стр. 60. Ц. 25 к.

Зиммель, I.—Проблемы философіи исторіи, перев. п. р. В. Н. Линда. М. 98. Стр. 165. Ц. 60 к.

Златовратскій, Н. Н.—Сочиненія. Изд. 3-е. Въ трехъ томахъ, съ портр. автора. Т. III. М. 97. Стр. 350. Ц. за три тома 4 р.

Ивиновичъ.—Собраніе сочиненій въ 3 томахъ. Т. I. М. 98. Стр. 484. Ц. за томъ 2 р.

Кардуччи, Дж.—Очеркъ развитія національной литературы въ Италіи. Перев. съ итал. П. Риттера. Харьк. 97. Стр. 92. Ц. 70 к.

Карѣевъ, Н.—Указатель соціологической литературы. Спб. 97. Стр. 33.

Кизеветтеръ, А. А.—День царя Алексѣя Михайловича. Сцены изъ жизни Москвы XVII-го в. Библіотека „Дѣтскаго Чтенія“. М. 97. Стр. 18. Ц. 10 к.

Княжевичъ, Н.—Учебникъ топографіи для эскадронныхъ и сотенныхъ развѣдчиковъ. Изд. 2-е. Спб. 98. Стр. 44. Ц. 25 к.

Круловъ, А. В.—Деревенскія модницы. Разсказъ. М. 97. Стр. 35. Ц. 15 к.

——— Геніальный поморъ. Очеркъ жизни М. В. Ломоносова. Для дѣтей школьнаго возраста. М. 97. Стр. 67. Ц. 25 к.

——— Господа крестьяне. Деревенскіе силуэты (1890—1896 гг.). М. 97. Стр. 400. Ц. 1 р. 50 к.

Крэпелинъ, К.—Изученіе природы дома. Разговоры въ сумерки. Книга для юношества. Перев. съ нѣм. М. 97. Стр. 186. Ц. 1 р. 25 к. въ папкѣ.

Кутушевъ, кн. Г.—Корнетъ Отлетаевъ. Спб. 97. Стр. 326. Ц. 1 р.

Ланкестеръ, Эдв.—Полчаса съ микроскопомъ. Перев. съ англ. М. 1897. Стр. 214. Ц. 75 к.

Леоновъ, Макс.—Стихотворенія. Изд. 2-е. М. 98. Стр. 225. Ц. 75 к.

Линдеманъ, К. Э.—Основы общей зоологіи. Съ 175 рис. Спб. 97. Ц. 1 р. 60 коп.

Линевъ, Д. А. (Далинъ).—Вторая книга „не-сказокъ". Спб. 98. Стр. 283. Ц. 1 р. 50 к.

Лопухинъ, А. П.—Промыселъ Божій въ исторіи человѣчества. Опытъ философско-историческаго обоснованія воззрѣній блаж. Августина и Боссюэта. 2-е изд. Спб. 98. Стр. 124. Ц. 60 к.

Льдовъ, К.—Вопіющее дѣло объ оклеветаніи б. издательницы ж. „Новое Слово", О. Н. Поповой, въ „судѣ чести русскихъ писателей", по жалобѣ Я. Абрамова и А. Скабичевскаго. М. 97. Стр. 82. Ц. 30 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.—Бѣлое золото. Повѣсть. М. 97. Стр. 137. Ц. 50 к.

Мамонтовъ, И. И.—Указатель изданій мин. земледѣлія и государственныхъ имуществъ, по сельско-хозяйственной и лѣсной части, вышедшихъ со времени учрежденія этого вѣдомства. Спб. 97. Стр. 230.

Мечниковъ, Л. И.—Цивилизація и великія историческія рѣки. Географическая теорія развитія современныхъ обществъ. Перев. съ франц. М. Д. Гродецкаго. Спб. 98. Стр. 177. Ц. 1 р. 25 к.

Нетыкса, М. А.—Краткое руководство кузнечнаго дѣла, составл. для начинающихъ работать, а также воспитанниковъ технич. и ремеслен. школъ. Съ 232 политип. въ текстѣ. М. 97. Стр. 234. Ц. 60 к.

Ольшамовскій, Б. Г.—Обязательность для В. Кн. Литовскаго конституцій вольныхъ сеймовъ б. Польской Рѣчи-Посполитой, въ связи съ вопросомъ вымороченности по польско-литовскому законодательству. Спб. 97. Стр. 141. Ц. 1 р.

Орловъ, Ф.—Письма молодого солдата. Изд. 2-е. Спб. 98. Стр. 134. Ц. 55 к.

Острогорскій, Алексѣй Ник.—Педагогическія экскурсіи въ область литературы. М. 97. Стр. 298. Ц. 1 р. 50 к.

Самоквасовъ, Д. Я.—Доклады и пренія на VIII археологическомъ съѣздѣ. М. 97. Стр. 20 in 4°.

Сеньебосъ, Ш.—Политическая исторія современной Европы. Эволюція партій и политическихъ учрежденій. Ч. II. Перев. съ франц. Спб. 97. Стр. 793. Ц. 2 р.

——— Политическая исторія современной Европы. Эволюція партій и политическихъ формъ. 1814—1896 г. Перев. съ франц. п. р. В. Поссе, съ прилож. портретовъ выдающихся политическихъ дѣятелей. Т. I. Спб. 98. Стр. 353. Ц. за два т. 2 р. 50 к.

Старковъ, д-ръ И.—Физическое развитіе воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Спб. 97. Стр. 187.

Стоддардъ, В.—Сынъ оружейника. Перев. А. Н. Рождественской. Библіотека „Дѣтскаго Чтенія". М. 97. Стр. 95. Ц. 30 к.

Страсбургеръ, д-ръ Э., и *Нолль*, Ф.—Учебникъ ботаники для высшихъ учебныхъ заведеній. Общая часть. Перев. съ 2-го изд. п. р. д-ра А. Я. Гоби. Съ 232 рис. въ текстѣ. Спб. 98. Стр. 320. Ц. 2 р. 80 к.

Страшкевичъ, Л.—Взгляды Н. А. Милютина на учебное дѣло въ царствѣ польскомъ. Перев. съ польск. Спб. 97. Стр. 35 к.

Сумцовъ, Н.—Этюды объ А. С. Пушкинѣ. Вып. V. Варшава, 97. Стр. 69. Ц. 1—5 вып. по 1 р.

Сундукіанцъ, Габріэль.—Супруги, ком. въ 5 д. Перев. съ армян. Тифл. 97. Стр. 90. Ц. 75 к.

Тихомировъ, Д. И.—Педагогическіе курсы въ Москвѣ отъ московскаго уѣзднаго земства. 16 авг.—3 сент. 1897 г. М. 97. Стр. 94.

Тихоновъ, Вл. А.—Разбитые кумиры. Повѣсти и разсказы. Спб. 98. Стр. 353. Ц. 1 р.

Трайль, Г. Д.—Общественная жизнь Англіи. Т. II: отъ воцаренія Генриха VIII до смерти Елисаветы. Перев. съ англ. П. Николаева. Москва. 97. Стр. 514. Ц. 2 р. 50 к.

Петровъ, К. Ѳ.—Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Этимологія въ образцахъ. Изд. 6-е. Спб. 98. Стр. 118. Ц. 50 к.

Пэнъ, С.—Первый всемірный конгрессъ сіонистовъ въ Базелѣ. Съ прилож. портретовъ Герцля и Нордау. Полный отчетъ. Од. 97. Стр. 55. Ц. 35 к.

Ровинскій, П.—Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Т. II. Ч. 1. Спб. 97. Стр. 778.

Роміасъ, С.—Деревня нашего времени. Очерки. М. 97. Стр. 281. Ц. 1 р.

Ротъ, д-ръ О.—Клиническая терминологія. Перев. п. р. П. М. Ольхина. Спб. 98. Стр. 646.

Руссо, Ж.-Ж.—Исповѣдь. Перев. Ѳ. Н. Устрялова. Спб. 98. Стр. 589. Ц. 3 р.

Филипповъ, М. М.—Философія дѣйствительности. Исторія и критическій анализъ научно-философскихъ міросозерцаній отъ древности до нашихъ дней. Т. II. Спб. 97. Стр. 477—1176. Ц. полнаго изд. 7 р.

Ходскій, Л. В.—По поводу книги: „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства“, съ приложеніемъ отвѣта проф. А. И. Чупрову. Спб. 97. Стр. 94.

Царевскій, Ив.—Лучше поздно, чѣмъ никогда. По поводу статьи проф. Исаева о земледѣльцахъ изъ образованнаго класса Кутаисъ, 97. Стр. 14, in 16°. Ц. 10 к.

Южаковъ, С. Н.—Вопросы просвѣщенія. Публицистическіе опыты. Спб. 1897. VIII и 283 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Ясинопольскій, проф. Н. П.—О географическомъ распредѣленіи государственныхъ расходовъ Россіи. Кіевъ, 97. Стр. 584, съ „Приложеніями статистическихъ таблицъ, картограммъ и діаграммъ“.

Ястремскій, Ф.—Краткій очеркъ Минской губерніи въ физ.-геогр. и статист.-экономич. отношеніяхъ. Ч. I. Физико-географ. очеркъ Минской губ. Минскъ, 97. Стр. 94. Ц. 1 р.

Шерръ, І.—Всеобщая исторія литературы. Вып. 22. Подписка на все изданіе—7 рублей. Спб. 98.

Шостакъ, П. А.—Хлѣбные тарифы. Къ теоріи желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Съ 43 рис. Спб. 97. Стр. 198.

Шуфъ, Владиміръ (Борей).—На Востокѣ. Записки корреспондента о греко-турецкой войнѣ. Спб. 1887. Стр. 226.

Эйленбургъ, д-ръ Альб.—„Реальная энциклопедія медицинскихъ наукъ“. Медико-хирургическій Словарь, съ дополненіями и измѣненіями по новѣйшимъ источникамъ. Т. XXI. Э-ла-Шапель—Ѳиміамникъ ползучій. Алфавитный указатель. Съ многочисленными рисунками въ текстѣ. Спб. 98. Стр. 340.

Chambrun, le Comte de.—Wagner à Munich, Francfort, Nice. Par. 1898. Стр. 35.

Daragon, Henri.—Le Président F. Faure en Russie. Par. 1897. Стр. 140. Ц. 5 фр.

Langlois, Ch. V., et *Seignobos*, Ch., Introduction aux études historiques, Paris, 1898. VIII и 308 стр.

Picauron. J.—L'Apaisement, Poésies. Angoulême, 97. Стр. 72. Ц. 1 фр.

— Альманахъ-Ежегодникъ (на 1898-й годъ), П. О. Яблонскаго. Календарь и Сборникъ свѣдѣній полезныхъ и необходимыхъ каждому въ ежедневной жизни. Съ 1 портретомъ, 12 географ. картами, 24 карт. звѣзднаго неба, 8 табл. и 49 рисунк. Спб. 97. Стр. 497. Четвертый годъ изданія.

— Библіотека маленькаго читателя. № 1: Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. Кн. 1. Состав. В. Колышевъ. № 3: Ѳомка дуракъ. Разск. Ан. Догановичъ. М. 97. Ц. 25 и 20 к. № 5: Въ городѣ и деревнѣ, сборникъ разсказовъ для дѣтей, состав А. Ивинъ. М. 97. Стр. 72. Ц. 30 к. № 6: Новая звѣздочка, три разсказа А. Круглова. М. 97. Стр. 45. Ц. 20 к.

— Геологическія изслѣдованія и развѣдочныя работы по линіи сибирской желѣзной дороги. Вып. III. Спб. 96. Стр. 104 in 4°.

— Дешевая Библіотека. № 198: В. Гюго, Гернани, др. въ 5 д. (въ стихахъ). Перев. С. С. Татищева. Спб. 97. Стр. 91. Ц. 15 к.

— Документы Московскаго Архива министерства юстиціи. Т. I. М. 97. Стр. 569. Ц. 3 р.

— Изданія К. И. Тихомірова: 1) Воспитаніе телятъ молочной породы, проф. Придорогинъ. 2) Орошеніе луговъ, въ связи съ нхъ осушеніемъ, по системѣ Петерсона, В. Пржеціорскій. 3) О заразныхъ болѣзняхъ. Ф. Лавровъ. М. 97.

— Изданія фирмы „Просвѣщеніе": Серія сочиненій по естествознанію: Вып. 1. Человѣкъ, соч. пр. І. Ранке. Вып. 2. Жизнь растеній, соч. пр. А. Кернера. Ц. за всѣ 30 вып. 12 руб. Спб. 98.

— Матеріалы для исторіи Имп. Академіи Наукъ. Т. IX. 1748—49 (янв.—май). Спб. 97. Стр. 826.

— Международная Библіотека, № 49: Максъ Веберъ. Биржа и биржевыя сдѣлки. Перев. съ нѣм. Спб. 97. Стр. 47. Ц. 15 к.

— Отзывы о результатахъ введенія казенной продажи питей въ восточныхъ и южныхъ губерніяхъ, поступившіе въ министерство финансовъ отъ епархіальныхъ архіереевъ, начальниковъ губерній и другихъ лицъ. Спб. 97. Стр. 122.

— Полезная Библіотека: 1) О. Треворъ-Веттн. Во льдахъ и снѣгахъ. Переводъ съ англ. А. Филиппова; 2) Гр. Ф—та. Завоеваніе воздуха. Очерки изъ исторіи воздухоплаванія. Спб. 97. Ц. по 50 к.

— Сборникъ въ память А. С. Гацискаго. Съ портретомъ и списокомъ сочиненій. Н.-Новг. 97. Стр. 50.

— Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Томъ 10-й. Харьковъ, 1897. Стр. 111 и 223.

— Складка. Альманахъ. Року Божого 1897. Спорядувъ К. А. Билыловський. Въ пользу Общества для вспомоществованія нужд. переселенцамъ. Спб. 97. Стр. 193. Ц. 1 р. 25 к.

— Современный Календарь А. Д. Ступина—на 1898 годъ. Годъ 9-й. Стр. 72. Ц. 15 к.

— Труды Педагогическаго Отдѣла Харьковскаго Историко-филолог. Общества. П. р. проф. Н. Сумцова. Вып. IV. Харьк. 97. Стр. 146.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Arthur Symons, Studies in two literatures. London, 1898. Стр. 310.

Одна изъ характерныхъ чертъ современной литературы—ея космополитизмъ. Критики не замыкаются въ національной жизни, а прислушиваются къ голосамъ извнѣ, изучаютъ иностранныхъ писателей наравнѣ съ своими и считаютъ себя въ правѣ судить и оцѣнивать ихъ. Это исчезновеніе прежней замкнутости оказало очень благотворное вліяніе. Литературныя явленія различныхъ странъ пріобрѣтаютъ твердость и выпуклость, проходя черезъ разнородныя и болѣе безпристрастныя сужденія иностранныхъ цѣнителей. Литературное значеніе писателей и ихъ произведеній опредѣляется уже теперь широкимъ кругомъ общеевропейскихъ читателей и судей, и повсюду, во всѣхъ европейскихъ странахъ, появляются книги о писателяхъ безъ различія національности. Прежняя увѣренность въ томъ, что нужно быть соплеменникомъ писателя, чтобы понимать его, все болѣе исчезаетъ, и въ области литературы чувствуется возможность существованія одной общей république des lettres, гдѣ исчезнутъ пограничные столбы.

Даже въ Англію, жившую всегда въ себѣ и собою, начинаетъ проникать струя космополитизма. Молодое англійское искусство вошло въ очень близкое общеніе съ Франціей, а за нимъ и критика стала разбираться во французской жизни, какъ въ своей собственной, и устанавливать постоянную духовную связь съ литературными теченіями во Франціи. Книга молодого критика А. Симонса—одно изъ доказательствъ англійскаго пріобщенія къ общеевропейской жизни. А. Симонсъ называетъ свою книгу „Этюдами изъ двухъ литературъ“ и съ одинаковой легкостью и твердостью говоритъ о новыхъ и старыхъ писателяхъ Англіи и Франціи. Онъ самъ совершенно чуждъ всякой исключительности и замкнутости. Французская жизнь ему такъ же близка, какъ и англійская. Страницы, посвященныя современнымъ французскимъ поэтамъ и писателямъ, прочтутся во Франціи съ тѣмъ же интересомъ, какъ сужденія кого-либо изъ компетентныхъ французскихъ критиковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ сужденіяхъ объ англійскихъ писателяхъ Симонсъ не обнаруживаетъ никакихъ предвзятыхъ мнѣній

и говоритъ съ такой же объективностью, какъ говорилъ бы на его мѣстѣ критикъ, наблюдающій англійскую жизнь со стороны. Въ этой свободѣ сужденій, соединенной съ тонкимъ критическимъ чутьемъ, заключается интересъ книги Симонса. Онъ не только освобождается сразу отъ національныхъ вліяній въ своемъ изученіи двухъ литературъ, но и становится съ первыхъ же словъ внѣ всякихъ литературныхъ школъ и теченій. Книга его посвящена Жоржу Муру, романисту, извѣстному своими реалистическими романами. Самъ Симонсъ высоко цѣнитъ отвлеченную идеалистическую поэзію, но, посвящая книгу другу реалисту, показываетъ этимъ свою свободу отъ условныхъ разграниченій въ области искусства. „Развѣ кто-нибудь изъ насъ сомнѣвался,—говоритъ онъ въ предисловіи,—что художественное произведеніе имѣетъ одно только назначеніе—быть художественнымъ произведеніемъ, т.-е. отражать вѣчность красоты. Есть критики, для которыхъ искусство непремѣнно воплощается въ теоріи, въ извѣстныхъ принципахъ; есть ибсенисты, реалисты, неоромантики, люди, которые когда имъ предлагаютъ розу, говорятъ: „хорошо, но это не фіалка"! Я дѣйствительно не понимаю этого порабощенія духомъ школы и направленія. У меня есть своя собственная манера видѣть вещи, своя манера говорить ихъ,—у васъ (предисловіе написано въ видѣ письма къ Ж. Муру) собственное міросозерцаніе и собственная техника. Но для васъ, какъ и для меня, все, что прекрасно сдѣлано, кѣмъ бы оно ни было сдѣлано и въ какой бы ни было манерѣ, если оно только вѣрно самому себѣ, своему собственному пониманію вещей, является несомнѣннымъ произведеніемъ искусства. Увидѣть это и показать другимъ, которые, быть можетъ, не сразу увидѣли это, является радостнымъ долгомъ критика. И преимущество критика заключается часто въ томъ, чтобы видѣть прежде, чѣмъ другіе. Это,—скажете вы,—несущественно. Но важно видѣть вѣрно и подробно—и пренебречь недостаткомъ скорѣе, чѣмъ не замѣтить что-нибудь прекрасное".

Такая свобода отъ всякихъ партійныхъ взглядовъ составляетъ несомнѣнное достоинство молодого критика, и вся его книга свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ умѣлъ проявлять свободное отношеніе, о которомъ говоритъ. Книга его начинается рядомъ длинныхъ этюдовъ о Шекспирѣ. Въ нихъ онъ обнаруживаетъ свою историко-литературную подготовленность къ роли критика. Сами по себѣ эти очерки мало интересны и не вносятъ ничего новаго въ слишкомъ богатую область шекспирологіи, которая усиленно стремится доказать, что Шекспиръ—геніальный драматургъ, и что каждая изъ его драмъ имѣетъ свои особыя, вѣчныя достоинства. Но все это достаточно извѣстно, и нѣтъ никакого интереса читать въ подробныхъ и чрезвычайно добросовѣстныхъ очеркахъ Симонса подтвержденіе этого факта.

Но зато авторъ обнаруживаетъ большое знаніе національнаго прошлаго, пониманіе духа Елизаветинской поры, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень близкой современной Англіи. Симонсъ выходитъ изъ своихъ этюдовъ о Шекспирѣ вооруженнымъ для оцѣнки современныхъ писателей, и его сужденія пріобрѣтаютъ авторитетность послѣ того, какъ онъ почерпнулъ изъ глубины литературнаго прошлаго пониманіе національнаго англійскаго духа и изощрилъ свои сужденія и свой стиль на изученіи Елизаветинскихъ лириковъ и драматурговъ.

Наиболѣе интересны въ книжкѣ Симонса его очерки современныхъ англійскихъ поэтовъ. Онъ посвящаетъ обстоятельный этюдъ сравнительно мало извѣстной за предѣлами Англіи поэтессѣ Христинѣ Росетти, сестрѣ знаменитаго поэта-живописца. Онъ ее ставитъ выше м-съ Броунингъ, говоря, что въ послѣдней слишкомъ чувствуется женщина съ чисто-женской восторженностью и отсутствіемъ глубины. А Христину Росетти онъ считаетъ „поэтомъ среди поэтовъ", несмотря на то, что область ея творчества гораздо болѣе ограничена, чѣмъ широкіе гуманитарные сюжеты другихъ поэтессъ и романистокъ, какъ та же м-съ Броунингъ или даже Жоржъ-Зандъ. Христина Росетти жила среди сказочныхъ и религіозныхъ настроеній. Поэзія ея въ значительной степени предназначена для дѣтей, но въ этой ограниченной области она выказала власть надъ своей собственной душой и, благодаря умѣнью сообразовать свои силы, стала истиннымъ поэтомъ.

Главное качество, которое критикъ замѣчаетъ въ творчествѣ Христины Росетти,—это художественная законченность, тѣмъ болѣе поразительная, что она соединена съ большой простотой, выразительностью и естественностью, какую только высшее искусство можетъ извлечь изъ сложности и запутанности природы. Она всегда предпочитала самыя простыя слова и „ритмы", и искусство ея выражалось въ кажущемся отсутствіи всякой намѣренности. У рѣдкаго поэта встрѣчается такъ много короткихъ односложныхъ словъ, или такъ мало словъ, не входящихъ въ обыденную рѣчь. Въ ея поэзіи чрезвычайно мало описательныхъ оборотовъ. Она не гонится за необычайными эффектами въ области звуковъ или красокъ и менѣе всего ищетъ метафоръ. Несмотря на ея полу-итальянское происхожденіе, у нея нѣтъ и тѣни южной цвѣтистости, которая проявлялась въ поэзіи ея брата. Она—совершенная англичанка въ своемъ творчествѣ. Простыя, непріукрашенныя слова ея производятъ, однако, сильное впечатлѣніе. Въ нихъ чувствуется не только искренность, пламенность религіознаго чувства, но и особая фантастическая красота, переносящая васъ въ особый, недѣйствительный, но по-своему живой міръ. Сказочный міръ ей былъ близокъ какъ ребенку, и съ чисто-дѣтской вѣрой въ чудесное она создала поэтическую поэму „Рынокъ фей" (Goblin Market). Есть наивный, дѣтскій ужасъ и

привлекательность въ ея разсказахъ о привидѣніяхъ и мертвецахъ, которые томятся въ могилахъ и пытаются напрасно или, быть можетъ, не совсѣмъ напрасно, вернуться къ теплу и странности жизни. Она умѣетъ заразить читателя этимъ наивнымъ отношеніемъ къ чудесному, благодаря своей особой манерѣ описывать чудесныя происшествія просто и естественно. Она подходитъ съ довѣріемъ и какимъ-то родственнымъ чувствомъ къ тому, что̀ необычайно и неуловимо въ своей красотѣ. Міръ поэтическихъ вымысловъ является для нея привычной и дорогой родиной, и она умѣетъ ввести въ него читателя такъ, какъ этого не могли бы сдѣлать и болѣе сильные, но менѣе простые поэты. Поэтическій стиль никогда не является у нея чѣмъ-то обособленнымъ. Онъ—часть поэтическаго рисунка, и эта простота манеры отражаетъ ея душу. Проникновенность чувствъ и настроеній соединена въ ней съ природной сдержанностью. Эти контрасты внутренняго огня и сдержанной натуры, глубины чувствъ и наивности духа составляютъ сущность и красоту поэзіи Христины Росетти. Во всѣхъ ея поэмахъ, какъ любовныхъ, такъ и религіозныхъ, чувствуется аскетизмъ. Страсть проникнута какой-то высшей чистотой, и въ словахъ ея большей частью звучитъ грустное, но твердое отрѣшеніе. Этотъ мотивъ—воспоминаніе о погребенномъ чувствѣ, преданномъ вѣчной памяти и вѣчной печали, звучитъ во всѣхъ ея лучшихъ стихотвореніяхъ и поэмахъ, какъ, напримѣръ, „Порогъ монастыря“ (The Convents Threshold), которую братъ ея называлъ „жемчужиной аскетической страсти“. Наряду съ этой эмоціональной стороной ея творчества выдѣляется другая —умѣнье видѣть то, чего другіе не видятъ, чуткое пониманіе таинственной оболочки жизни. Это сказывается въ ея многочисленныхъ сказкахъ и поэмахъ изъ области чудеснаго, какъ въ „Goblin Market“, такъ и въ „Путешествіи принца“ (The Prince's Progress) и др. Есть еще и другія поэмы, тоже изъ области чудеснаго, какъ, напримѣръ, „Прошеніе призрака“ (The Ghost's Petition), „Бѣдный призракъ“ (The Poor Ghost), „Дома“ (At Home) и т. д. Въ нихъ сказывается мрачное настроеніе и мысль о смерти, которая такъ же неотступно преслѣдовала ее, какъ она преслѣдовала Леопарди или Бодлѣра. Но смерть не привлекаетъ ее, какъ итальянскаго художника, и не возбуждаетъ въ ней отвращенія, какъ у французскаго поэта, а только чувство грустнаго, но почти даже не тревожнаго интереса къ тому, существуетъ ли связь у умершихъ съ ихъ прошлой жизнью. Въ маленькихъ стихотвореніяхъ, мрачныхъ и фантастичныхъ, чувствуется странное влеченіе къ тому, что̀ за смертью. То же недовольство внѣшней преходящей дѣйствительностью и исканіе смерти слышится и въ ея религіозныхъ поэмахъ, напоминающихъ иногда средневѣковыхъ итальян-

скихъ поэтовъ, въ родѣ Якопоне-да-Тоди, по глубинѣ и сосредоточенности чувства.

И все-таки, вслѣдствіе обособленности своей поэзіи и отдаленности ея отъ непосредственныхъ мотивовъ жизни, поэзія Христины Росетти мало популярна, и только ея дѣтскіе стихи, наивные и легкіе, пользуются на родинѣ поэтессы большимъ успѣхомъ. А между тѣмъ, какъ справедливо утверждаетъ Симонсъ, Христина Росетти—одинъ изъ лучшихъ поэтовъ современности. Ее слѣдуетъ причислить къ группѣ прерафаэлитовъ, созданной ея же братомъ и сочетающей отвлеченныя мистическія настроенія съ поэтичностью образовъ и чуткимъ слѣдованіемъ за жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Другому современному поэту, молодому и мало извѣстному В. Е. Генлею (Henley), Симонсъ посвящаетъ интересный очеркъ о „Современности въ поэзіи“ (Modernity in verse). Генлей началъ писать не болѣе, какъ лѣтъ десять тому назадъ, и былъ прежде всего критикомъ въ „Atheneum“, въ „Magazine of Art“. Онъ сталъ защитникомъ непризнаваемыхъ въ Англіи литературныхъ талантовъ, и ему принадлежитъ „открытіе“ многихъ писателей, ставшихъ теперь знаменитыми. Онъ обратилъ вниманіе англійской публики на Мередита; ему же обязаны въ значительной степени началомъ своей славы Киплингъ и Стивенсонъ, и затѣмъ уже позже Генлей выступилъ съ нѣсколькими томиками стиховъ („A Book of Verses“, „London Voluntaries“ и др.). Симонсъ отмѣчаетъ особенности поэзіи Генлея; онѣ заключаются въ попыткѣ поэта ввести дѣйствительность, современную городскую жизнь и жизнь Лондона въ частности—въ поэзію, противопоставить поэзіи полей—поэзію городовъ, показать, сколько красоты проходитъ предъ нашимъ взоромъ въ густо населенныхъ улицахъ, если только мы умѣемъ видѣть и чувствовать красоту. „Въ Генлеѣ,—говоритъ Симонсъ,—народился поэтъ, который можетъ такъ расширить границы стиха, что вмѣстится въ нихъ Лондонъ, и я думаю, что мѣриломъ поэзіи, которая хочетъ быть современной, можетъ, въ самомъ дѣлѣ, стать ея способность включить въ себя Лондонъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что тамъ можно видѣть въ домахъ и на улицѣ. Быть современнымъ въ поэзіи, т.-е. представлять себя и все окружающее, рисовать дѣйствительность и все-таки оставаться поэтомъ—быть можетъ, самая трудная, но несомнѣнно и самая интересная изъ задачъ художника“.

Современность чувствуется въ нѣсколькихъ мелкихъ поэмахъ Броунинга, а „Современная любовь“ (Modern Love) Дж. Мередита наиболѣе полно воплощаетъ идеалъ такого рода поэзіи. Эта поэма—единственная въ своемъ родѣ въ англійской литературѣ. Скрытый трагизмъ пробивается лишь въ намекахъ и переходитъ въ иронію, придающую новое настроеніе стиху; въ остромъ, безпощадномъ стихѣ

Мередита, созданномъ изъ настроеній современной любви, отражается все, что̀ есть новаго, неяснаго, не выраженнаго въ проявленіяхъ страсти, все, что̀ есть страннаго и неожиданнаго въ любовныхъ ощущеніяхъ сложныхъ современныхъ натуръ. Такое же пониманіе современности и слѣдованіе манерѣ Мередита—замѣтно и у Генлея. Стиль его „Госпитальныхъ Сонетовъ“ очень близокъ къ поэмѣ Мередита. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ замѣтно вліяніе Вальта Витмена и склонность къ неправильному стиху Верлѣна и другихъ французскихъ символистовъ. Какъ „человѣческій документъ“ и какъ художественное произведеніе, сборникъ „Изъ госпиталя“ (In Hospital) имѣетъ большую цѣнность. Мѣсто ихъ возникновенія—старый эдинбургскій госпиталь, и въ нихъ говорится о впечатлѣніяхъ больничной жизни, о первомъ взглядѣ на трагическую обыденность лѣстницъ и корридоровъ, объ ужасахъ операцій, вида докторовъ, больныхъ и посѣтителей и, наконецъ, объ опьяняющемъ блаженствѣ освобожденія, возврата къ солнечному свѣту и красотѣ внѣшней природы. Самый сюжетъ уже представляетъ большую оригинальность. Половина стихотвореній отражаетъ личныя ощущенія; многое въ нихъ носитъ патологическій характеръ, но все-таки это истинная поэзія. Вмѣсто того, чтобы говорить объ условныхъ сюжетахъ поэзіи, Генлей задался задачей сдѣлать „непріятное предметомъ красоты“, и въ его странныхъ стихотвореніяхъ, поэмахъ и „ритмахъ“, какъ онъ называетъ свои неправильные, большею частью бѣлые стихи, онъ намѣтилъ рядъ впечатлѣній, совершенно особенныхъ въ своемъ родѣ. Его особая стихотворная манера заставляетъ насъ переживать вмѣстѣ съ нимъ длинныя безсонныя ночи, мятежность лихорадочнаго состоянія, слушать, какъ падаютъ изъ кранова капли воды, какъ бы „ударяющія струны сердца“ среди „пустынной полночи“, переживать грустныя мечтанія о веснѣ, которая чувствуется за окнами тюрьмы, радоваться развлеченіямъ въ видѣ новыхъ паціентовъ и случайныхъ рѣдкихъ посѣтителей. Стихи, передающіе всѣ эти ощущенія, непосредственно дѣйствуютъ на нервы и производятъ почти физическое дѣйствіе, не теряя, однако, художественности. И послѣ этихъ больничныхъ впечатлѣній, переданныхъ съ искренностью лично пережитаго чувства, Генлей воспроизводилъ и впечатлѣнія здороваго шумнаго Лондона въ сборникѣ „Лондонскіе добровольцы“ (London Volunteries). Новизна сюжета связана въ этомъ сборникѣ съ индивидуальностью манеры, лишенной, однако, всякой эксцентричности. Генлей остается вѣрнымъ традиціямъ языка, и съ этимъ лучшимъ образцомъ его поэтическаго творчества „современность“, по выраженію Симонса, „становится классической“.

Вторая половина книги Симонса, какъ мы упоминали, относится къ французской литературѣ и посвящена современнымъ или недавно

умершимъ французскимъ поэтамъ. Одинъ изъ самыхъ удачныхъ маленькихъ очерковъ въ этой части относится къ Катуллу Мендесу, о которомъ Симонсъ судитъ сурово, но чрезвычайно своеобразно. „К. Мендесъ,—говоритъ онъ,—имѣетъ странный, но едва ли завидный даръ быть во всѣхъ литературныхъ областяхъ не хуже другихъ. Его ранніе стихи, написанные въ манерѣ Гюго, трудно отличить отъ самого Гюго въ раннемъ періодѣ. Его парнасскіе стихи воплощаютъ типъ этого рода поэзіи. Когда же онъ устаетъ быть непогрѣшимымъ Леконтъ-де-Лилемъ, онъ становится двойникомъ Банвиля, или уподобляется Верлѣну. Въ прозѣ онъ писалъ романы, носящіе характеръ romans à clef, или щеголяющіе „человѣческими документами“, и всѣ они написаны мастерскимъ французскимъ языкомъ, нѣсколько извращеннымъ, но необычайно граціознымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сочинялъ изящно-непристойные коротенькіе разсказы, совершенные въ своемъ родѣ, и рядомъ съ ними невинныя сказки, поэтическіе балеты, либретто для оперъ, болѣе музыкальные, чѣмъ написанная къ нимъ музыка. Кромѣ того, онъ—самый великодушный и безпристрастный изъ французскихъ критиковъ, одинъ изъ лучшихъ говоруновъ въ Парижѣ, смотритъ, въ 50 лѣтъ, какъ свой собственный младшій братъ, и пользуется всеобщими симпатіями, какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ. Успѣхъ его вполнѣ заслуженный, потому что онъ, по-своему, истинный литераторъ. Но несчастіе его въ томъ, что онъ писатель, которому нечего сказать, или, другими словами, который можетъ говорить обо всемъ. Роковая черта творчества Мендеса—это то, что онъ выражаетъ не человѣческія, а парижскія чувства, и поэтому, что̀ бы онъ ни писалъ и сколько бы ни вкладывалъ искренности въ свои настроенія, его писанія остаются настоящими articles de Paris“.

Это одна изъ самыхъ вѣрныхъ характеристикъ французскаго писателя, къ которой ничего нельзя прибавить. А. Симонсъ выказалъ въ ней вѣрность критическаго чутья, не оставляющаго его и въ другихъ характеристикахъ французскихъ писателей.

II.

Maurice Barrès, Les Déracinés (Roman de l'énergie nationale). Paris 1897. Стр. 491.

Морисъ Баррѣсъ написалъ книгу,—онъ самъ называетъ ее романомъ, но едва-ли ее можно такъ назвать,—которая обращаетъ на себя вниманіе новизной замысла и серьезностью поставленной авторомъ задачи. Въ ней затрогивается сущность общественной жизни Франціи, разсматриваются элементы, создающіе общественный строй, и въ длин-

номъ рядѣ психологическихъ наблюденій показывается подготовительный періодъ въ жизни общественныхъ дѣятелей. Этимъ авторъ даетъ ключъ къ пониманію несостоятельности безвольной и безсильной національной жизни и рисуетъ условія, въ которыхъ сбивается съ пути національная энергія. Замыселъ Барреса—чисто-общественный и въ нѣкоторомъ родѣ патріотическій, потому что онъ противопоставляетъ разрушительное вліяніе нѣмецкой философіи бодрящему и жизненному вліянію историческаго прошлаго, національныхъ героевъ и т. д. Излагаетъ онъ эти идеи въ совершенно новой и потому еще не выработанной формѣ. Книга его представляетъ скорѣе сборникъ подготовительныхъ матеріаловъ къ роману, чѣмъ самый романъ. Но и въ этихъ наброскахъ проявляется странность манеры, соединеніе вымысла съ изображеніемъ дѣйствительности, чередованіе не-реальныхъ событій съ свѣдѣніями газетнаго свойства. Такъ, напримѣръ, къ одному изъ его героевъ приходитъ Тэнъ, описанный со всѣми подробностями его внѣшняго вида, манеры говорить и т. д. И названный философъ принимаетъ участіе въ разговорахъ и событіяхъ, придуманныхъ авторомъ для своихъ цѣлей. Точно также въ другомъ мѣстѣ другое изъ дѣйствующихъ лицъ Барреса отправляется на обѣдъ къ барону Рейнаху, и авторъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы разсказать прошлое и настоящее парламентской семьи Рейнаховъ и ея финансовое значеніе. Эта манера вводить дѣйствительность въ романъ—не совсѣмъ новая. До Барреса ею пользовался Анатоль Франсъ, у котораго еще въ послѣднемъ его романѣ, „Manéquin d'Osier", рѣчь идетъ о столь недавнихъ событіяхъ, какъ пожаръ на свѣтскомъ базарѣ. Золя, Додэ и др. тоже очень часто изображали дѣйствительныя парижскія происшествія, лишь слегка маскируя имена и обстоятельства. Но Барресъ идетъ дальше. Онъ стремится къ психологической правдѣ, хочетъ воплотить всѣ элементы современности въ жизненные и вполнѣ правдивые образы, и поэтому долженъ открыто говорить о всѣхъ вліяніяхъ, среди которыхъ воспитывается Франція, и о всѣхъ явленіяхъ общественной жизни, дающихъ опредѣленную физіономію изображаемой полосѣ національной жизни.

Въ „Déracinés" Барресъ создаетъ новый видъ общественнаго романа. Въ немъ отсутствуетъ обычное содержаніе романа — любовная интрига,—также какъ и отсутствуетъ другой основной элементъ романа—личная психологія героевъ. Они изображены не какъ индивидуальности, живущія своей обособленной и сложной жизнью, а какъ части цѣлаго, и жизнь ихъ разсматривается лишь постольку, поскольку она опредѣляетъ сначала ихъ подготовленность къ общественной дѣятельности, а потомъ и самую эту дѣятельность. Быть можетъ, и даже весьма вѣроятно, что у другого писателя такой намѣренно

ограниченный въ психологическомъ отношеніи родъ произведеній вышелъ бы сухимъ и узкимъ, но Барресъ пришелъ къ общественному роману путемъ цѣлаго ряда произведеній, носившихъ яркую печать индивидуализма. Нужно помнить, что онъ—создатель „эготизма", культа личности (culte de moi) въ французской литературѣ. Въ книгахъ „Sous l'oeil des barbares", „Un homme libre" и „L'ennemi des lois" онъ противопоставлялъ человѣка обществу, находилъ высшее благо въ проявленіи своего „я" и величайшее зло въ обществѣ, которое лишаетъ личность—ея неограниченной власти. Теперь, начавъ серію романовъ о національной энергіи („Déracinés"—первый изъ этихъ романовъ, и за нимъ должны слѣдовать два другіе: „L'appel aux soldats" и „L'appel aux juges"), Барресъ менѣе всего отказался отъ своихъ прежнихъ индивидуалистическихъ идей. Развитіе національной энергіи кажется ему возможнымъ лишь тамъ, гдѣ общество состоитъ изъ сильно развитыхъ индивидуальностей, которыя по-своему отражаютъ всѣ вліянія идей и людей. Все стадное исключено изъ его романа, какъ несущественное, какъ хоръ, не вносящій никакого новаго элемента въ общій строй жизни. Дѣйствующія лица Барреса — пять молодыхъ людей, уроженцевъ Лотарингіи,—самъ Барресъ уроженецъ Нанси въ Лотарингіи, и автобіографическій элементъ чувствуется во всѣхъ его полу-грустныхъ, полу-скептическихъ описаніяхъ провинціальнаго лицея. Каждый изъ пяти товарищей по школѣ имѣетъ строго выраженную индивидуальность; общія вліянія падаютъ на разную почву, различнымъ образомъ подготовляя каждаго изъ молодыхъ людей къ будущей жизни; и потомъ, когда жизнь дифференцируетъ стремленія и начинанія бывшихъ товарищей и друзей, они являются каждый представителемъ иной живой силы въ національной жизни; всѣ вмѣстѣ они представляютъ психологію общества, хотя каждый изъ нихъ повинуется законамъ своей индивидуальности. Такимъ образомъ, Барресъ достигаетъ своей цѣли: онъ рисуетъ только общій характеръ эпохи, не выходя за предѣлы того, что̀ характеризуетъ общественность, но достигаетъ онъ этого изученіемъ индивидуальностей по отношенію къ жизни общества.

Основная идея Барреса—показать безпочвенность интеллектуальнаго пролетаріата во Франціи. Воспитанная безъ всякихъ идеаловъ, оторванная отъ почвы всеобщимъ тяготѣніемъ къ Парижу, современная молодежь имѣетъ лишь слабый противовѣсъ въ случайныхъ взрывахъ чувства, извращеннаго столичными нравами. Захваченное всеобщей безпощадной борьбой за жизнь, цѣлое поколѣніе молодежи, выступившей съ запасомъ энергіи и съ душой, открытой свѣту, совершаетъ тѣ же уклоненія, которыя національная энергія представляла до нихъ, и заполняетъ собой безъ измѣненій все тѣ же услов-

ныя формы общественной жизни. Безъ положительныхъ идеаловъ и однимъ только дѣйствіемъ трезваго, критическаго ума—не можетъ возникнуть объединенная и сильная національная жизнь. Создавая людей безъ почвы, Франція осуждена на вѣчную борьбу партій, на узкую и мелкую политику и на вѣчную вражду классовъ. Побѣдителями изъ этой борьбы выходятъ тѣ, которые вступаютъ въ общественную жизнь съ пониманіемъ ея безпочвенности и приспособляются къ ней. Тѣ же, у которыхъ природная энергія не укладывается сразу въ приготовленныя жизнью извращенныя формы, оказываются побѣжденными; не покоряясь законамъ общественности, они или остаются внѣ ея, одинокими и чуждыми жизни, или же, сломанные въ борьбѣ за существованіе, они низко падаютъ и выбрасываются обществомъ, какъ преступники. Всѣ дѣйствующія лица въ романѣ Барреса—представители этихъ различныхъ категорій. На первомъ планѣ выступаетъ самый сильный изъ безпочвенниковъ—молодой профессоръ философіи Бутельé. Это — герой своего времени, идеалъ не понимающей его молодежи, искренній въ своей безпочвенности и въ убѣжденіи, что жизнь можетъ сложиться путемъ разсужденій и воспринятыхъ философскихъ принциповъ, безъ участія стихійныхъ элементовъ души, безъ любви и вѣры. Бутельé—пролетарій по рожденію, сынъ рабочаго, оторванный отъ семьи съ самаго дѣтства. Какъ герой демократической эпохи, онъ гордится своимъ народнымъ происхожденіемъ, но ничѣмъ не связанъ со средой, изъ которой вышелъ. Съ самаго дѣтства обративши на себя вниманіе блестящими способностями, онъ жилъ въ лицеѣ, никогда не тосковалъ о семьѣ и о родинѣ, жилъ исключительно умственными интересами и привязывался къ тѣмъ, съ кѣмъ чувствовалъ идейную общность. Всю страсть молодости онъ вложилъ въ выработку міросозерцанія и сдѣлался убѣжденнымъ кантіанцемъ, для котораго, однако, имѣла наибольшій вѣсъ критическая сторона ученія Канта. Таковъ Бутельé во время его назначенія профессоромъ философіи лицея въ Нанси. Блестящій и вмѣстѣ съ тѣмъ мертвый для жизни духа безпочвенникъ становится воспитателемъ и пророкомъ группы молодежи, идущей на встрѣчу жизни. Пятеро его учениковъ, самые воспріимчивые, нервные и энергичные, становятся созданіями и жертвами юнаго философа. Онъ увлекаетъ ихъ сразу широтой и благородствомъ своего ученія такъ же, какъ и блескомъ своего краснорѣчія. Онъ учитъ ихъ согласовать убѣжденія съ жизнью, быть людьми духа, презирать компромиссы жизни и на всѣ свои дѣйствія класть отпечатокъ своей личности, дѣлать только то, что они хотѣли бы сами возвести въ общее правило для всѣхъ. Покоривъ молодыя души этой идеалистической проповѣдью, Бутельé начинаетъ ихъ философское воспитаніе съ Кантовской критики, показываетъ имъ условность

всѣхъ понятій, немыслимость всего безотносительнаго, всякихъ вѣчныхъ идеаловъ, всего стоящаго внѣ категорій пространства и времени. Когда же, расшатавъ возможность вѣры въ молодыхъ сердцахъ, онъ начинаетъ имъ излагать законъ нравственности, какъ внутреннюю святыню, побѣждающую условность бытія, возбужденнымъ юношамъ это кажется жалкой попыткой загладить жестокую истину. Бутельѐ не имѣетъ времени развить положительную часть своего курса,—его перемѣстили въ Парижъ, и онъ считаетъ своимъ долгомъ принять повышеніе, повиноваться высшей власти республики, требующей его служенія въ другомъ мѣстѣ. Сами ученики, которымъ онъ предоставляетъ рѣшеніе своей судьбы, убѣждаютъ его, во имя воспринятыхъ ими принциповъ, уѣхать въ Парижъ. Онъ назначаетъ имъ тамъ свиданіе, увѣренный, что ихъ потянетъ туда привитая имъ энергія. Бутельѐ закончилъ такимъ образомъ задачу двоякаго разрушенія: онъ убилъ въ юношахъ связь съ родиной и домашнимъ очагомъ, воспитавъ въ нихъ скептическое отношеніе къ связямъ, не имѣющимъ идейныхъ основъ. Философское же ученіе его лишило ихъ положительныхъ критеріевъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, компанія молодыхъ людей изъ Лотарингіи попадаетъ въ Парижъ съ большимъ запасомъ энергіи и съ мечтаніями о завоеваніи Парижа. Жизнь каждаго изъ нихъ даетъ случай автору разглядѣть основы различныхъ областей общественной жизни. Политика выдвинута у него на первый планъ. На судьбѣ самого Бутельѐ онъ показываетъ переходъ отъ философской независимости къ примиренію съ парламентаризмомъ. Бутельѐ въ концѣ становится депутатомъ, сторонникомъ правительства. Вся система французскаго парламентаризма, мелкая политика партій, служитъ Барресу неисчерпаемымъ источникомъ обличеній. Онъ беретъ парламентскую жизнь Франціи въ моментъ смерти Гамбетты и доводитъ ее до порога панамскихъ скандаловъ, разсказывая закулисную сторону готовившейся парламентской катастрофы. Это — самая неинтересная часть книги; она состоитъ изъ ряда чисто газетныхъ статей о политикѣ дня, безъ всякихъ новыхъ обобщеній. Барресъ хочетъ показать уклоненія національной энергіи въ области политики и повторяетъ для этого слишкомъ уже часто повторяемыя нападки на государственный строй Франціи и на слабости парламентаризма. Гораздо интереснѣе другіе элементы, которые онъ вводитъ въ исторію національной энергіи. Такъ, онъ рисуетъ собраніе товарищей изъ Лотарингіи у гробницы Наполеона и вліяніе на нихъ идеи героизма, какъ чего-то воспламеняющаго, созидающаго и идущаго въ разрѣзъ съ общественностью. Въ нихъ зарождается на минуту искра идеализма, положительной вѣры, но это одна только искра,—потому что прошлое не въ силахъ

быть жизненнымъ принципомъ. Затѣмъ отдѣльныя случайности зарождаютъ въ каждомъ изъ бывшихъ товарищей вспышки положительныхъ увлеченій и вѣры. Къ одному изъ нихъ, писателю Ремерсбахеру, приходитъ Тэнъ, и разговоръ съ философомъ, прогулка съ нимъ по эспланадѣ Инвалидовъ, любовь философа къ природѣ и его оправдательныя рѣчи, побѣждаютъ скептицизмъ ученика Бутельé, являются болѣе сильнымъ двигателемъ въ его дальнѣйшей жизни, чѣмъ безотрадныя рѣчи прежняго учителя. Въ жизни другого изъ товарищей, Стюреля, очистительную власть имѣли женщины, изъ которыхъ онъ любилъ одну могучей чувственной страстью, а другую полюбилъ глубокой и тихой любовью. И благодаря этимъ счастливымъ случайностямъ, Ремерсбахеръ и Стюрель остаются внѣ уродливыхъ искаженій, которыя принимаетъ жизнь другихъ товарищей. Ихъ общественная совѣсть чиста, но зато они остаются внѣ кипучаго потока жизни, послѣ краткой попытки не измѣнять себѣ въ общественной дѣятельности. Всего нѣсколько мѣсяцевъ продолжается ихъ участіе въ газетѣ, основанной другимъ изъ бывшихъ учениковъ Бутельé. Они проводятъ свои философскія убѣжденія, но, конечно, газета живетъ не этимъ ученымъ балластомъ, а сдѣлками съ нанамской компаніей. Когда это выясняется, Стюрель и Ремерсбахеръ оставляютъ газету, погубивъ ее сначала своими слишкомъ открытыми протестами противъ субсидій.

Наиболѣе печальна судьба двухъ другихъ учениковъ Бутельé. Развившаяся въ нихъ подъ его вліяніемъ энергія превратилась въ жадность къ благамъ жизни, соединенную съ полнымъ безсиліемъ добиться чего-либо. Жадные и бездарные, уродливые и злобные, они являются самыми страшными представителями умственнаго пролетаріата. Всѣ предпріятія имъ не удаются, а привычки развитого ума все болѣе разжигаютъ ихъ влеченіе къ блеску; они падаютъ все ниже, становятся все болѣе злобными и все болѣе жаждутъ торжества. Конечный поступокъ ихъ жизни — преступленіе, убійство съ цѣлью грабежа, и одинъ изъ нихъ кончаетъ жизнь на эшафотѣ. Предварительно преступленіе его послужило блестящимъ случаемъ для одного изъ прежнихъ товарищей начать адвокатскую карьеру участіемъ въ cause célèbre. Адвокатъ этотъ—безпочвенникъ, приспособившійся къ своему положенію и потому торжествующій въ жизни; товарищъ же его поплатился головой за то, что, давши ему культурные аппетиты, общество не дало ему нравственнаго противовѣса, а собственная его личность не была достаточно сильна, чтобы воспитать въ немъ силы для борьбы. „Déraciné—décapité“—такъ озаглавливаетъ Барресъ главу о преступникѣ Рикадò. Самая исторія преступленія составляетъ мелодраматическій элементъ книги, едва ли, впро-

чемъ, удачный, какъ и вообще вся художественная сторона романа: въ ней нѣтъ обычнаго блеска и сжатости стиля Барреса. Авторъ слишкомъ занятъ изложеніемъ своихъ мыслей и часто впадаетъ въ резонерство, не заботясь о художественности образовъ и о самомъ изложеніи. Романъ задуманъ очень интересно, но не выполненъ до конца. Барресъ какъ бы не оставилъ себѣ времени быть краткимъ и издалъ книгу въ видѣ матеріаловъ для будущаго художественнаго произведенія.—З. В.

ПИСЬМО М. М. СТАСЮЛЕВИЧА

въ спб. Городскую Училищную Коммиссію, 16-го ноября 1897 г.

Шестнадцатаго ноября я могъ лично выразить мою глубокую признательность какъ самой Коммиссіи, благорасположенію которой ко мнѣ я обязанъ, прежде всего, настоящимъ праздникомъ, такъ и представителямъ различныхъ учрежденій, начиная съ мѣстъ моего воспитанія и образованія, Ларинской гимназіи и Университета, и кончая тѣми, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться, по разнообразнымъ предметамъ дѣятельности, въ теченіе пятидесяти лѣтъ моей самостоятельной жизни. Всѣ собрались въ этотъ день, по приглашенію Городской Училищной Коммиссіи, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать мнѣ великую честь, о которой я и не мечталъ, и привѣтствовали давно прошедшую и проходящую нынѣ мою дѣятельность на жизненномъ поприщѣ. Эта дѣятельность началась, лѣтъ 50 тому назадъ, исполненіемъ обязанностей преподавателя въ мѣстѣ моего воспитанія, въ 6-й линіи Васильевскаго острова, а къ концу 50-лѣтія я дожилъ до счастія видѣть себя недалеко оттуда, въ 7-й линіи, подъ кровлею перваго въ городѣ многокласснаго и по истинѣ *народнаго* училища. Подъ его именно кровлею оказалось мнѣ возможнымъ нынѣ благодарить всѣхъ, благосклонно почтившихъ устроенный мнѣ Коммиссіею праздникъ—своимъ присутствіемъ на немъ.

Считаю долгомъ теперь повторить такую же мою признательность и предъ тѣми, которые, за невозможностью присутствовать на праздникѣ, дали себѣ трудъ обратиться ко мнѣ съ своими привѣтствіями въ письмахъ или телеграммахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ повторить также и то, что было мнѣ необходимо высказать собранію, сверхъ моей признательности.

„Прежде всего, — говорилъ я, — каждый, вѣроятно, обратилъ въ настоящемъ случаѣ вниманіе на то, что отзывы о моей дѣятельности на различныхъ поприщахъ жизни были таковы, что ихъ счёлъ бы весьма лестными для себя и тотъ, кто, дѣйствительно, имѣлъ бы право признавать за собою какія-нибудь особыя и крупныя заслуги, сверхъ обязательнаго для всѣхъ исполненія принятаго на себя долга. Что же касается лично меня, то я сдѣлалъ бы крупную ариѳметическую ошибку, еслибы позволилъ себѣ, говоря школьнымъ языкомъ, провести знакъ равенства между собою и всѣмъ тѣмъ, что я слышалъ здѣсь,

пользуясь широко привилегіею всѣхъ юбиляровъ,—а и о юбилярахъ можно также сказать, видоизмѣнивъ извѣстное изреченіе: de jubilantibus aut nihil, aut bene! Для возстановленія истины въ настоящемъ случаѣ, мнѣ пришлось бы прибѣгнуть къ помощи другого ариѳметическаго знака — къ минусу. Если я не возьму на себя тотчасъ же рѣшенія такой задачи этимъ правильнымъ путемъ, то отчасти за недостаткомъ времени—оказалось бы слишкомъ много „минусовъ“,— а еще болѣе по предчувствію, не лишенному основанія, что я могу при этомъ остаться совсѣмъ безъ остатка, или получить такой скромный остатокъ, при которомъ было бы слишкомъ щедро дать даже простое русское—спасибо!

„Между тѣмъ, это — аксіома: „нѣтъ дѣйствія безъ причины“;— есть причина и этому празднику, и она такова, что нельзя не радоваться ея существованію. Такою причиною служитъ вовсе не моя личность; эта причина находится въ эту минуту въ средѣ самого собранія, которое я вижу предъ собою. Но, конечно, при этомъ и на мою долю выпало не малое счастье, которымъ, впрочемъ, могутъ свободно пользоваться всѣ, кто родился, вмѣстѣ со мною, въ самомъ концѣ первой четверти нынѣ истекающаго вѣка. И я, съ ними, также дожилъ, наконецъ, до такихъ дней, когда *народное просвѣщеніе*, этотъ единственно солидный устой *образованности* въ каждой странѣ, дождался своей очереди и даже, какъ будто, тѣснится на ближайшую очередь, находясь у всѣхъ не только на языкѣ, но у весьма многихъ и на умѣ; въ эту же минуту, и въ нашемъ собраніи, подъ кровомъ народнаго училища, я увѣренъ, что народное просвѣщеніе составляетъ даже преобладающую надъ всѣмъ мысль.

„Намъ скажутъ однако, что наше русское *образованное* общество ни въ чемъ не уступитъ любому образованному обществу въ какой бы то ни было странѣ; мы давно имѣемъ въ средѣ этого общества отдѣльныя личности, которыя стоятъ—въ литературѣ, наукѣ, художествѣ—на ряду съ лучшими ихъ представителями на Западѣ; въ послѣднее время нашихъ писателей начали переводить на иностранные языки; пожалуй, Льва Толстого читаютъ за границей если не болѣе, то и не менѣе, чѣмъ въ его отечествѣ; по выраженію же одного изъ поэтовъ прошедшаго столѣтія, мы имѣли уже тогда „собственныхъ Ньютоновъ“. Но этимъ кончается сходство и равенство нашей образованности съ западно-европейскою, и тутъ же начинается громадная разница. Въ то время, когда на Западѣ образованность является опирающеюся на широкомъ базисѣ народнаго просвѣщенія, у насъ она представляетъ, такъ сказать, оазисъ въ обширной пустынѣ народнаго невѣжества,—свѣтлое, даже яркое пятно на темномъ его фонѣ... Для измѣренія матеріальнаго, физическаго благосостоянія и

благоустройства избираютъ обыкновенно мѣриломъ per mille смертности въ городѣ, или въ цѣлой странѣ,—и говорятъ, что тамъ, гдѣ она превышаетъ 30 на 1.000, per mille, тамъ и для здоровыхъ субъектовъ жизнь дѣлается не безопасною,—и наоборотъ, гдѣ смертность падаетъ ниже 20, тамъ и слабое здоровье найдетъ себѣ подкрѣпленіе, не говоря уже о здоровыхъ организмахъ. То же самое можно сказать и о просвѣщеніи: тамъ, гдѣ % безграмотности особенно высокъ, умственная смерть рано поражаетъ людей, и имъ остается жить только для того, чтобы дождаться наконецъ и физической смерти. А мы едва возвышаемся,—не по образованности, а по народному просвѣщенію,—надъ странами, которыя мы сами же считаемъ малокультурными. Просвѣщеніе можетъ справедливо называться народнымъ только тамъ, гдѣ оно не ограничивается тѣмъ, что заимствуетъ у народа свой эпитетъ, но гдѣ весь народъ дѣлается его участникомъ и пользуется благами просвѣщенія нераздѣльно, какъ всѣ мы нераздѣльно пользуемся такими благами, какъ воздухъ и свѣтъ.

„Мнѣ думается, что такія мысли начинаютъ въ наше время раздѣляться многими и многими; особенно онѣ должны пріобрѣсть интенсивность въ такомъ собраніи, каково настоящее; и вотъ, эти мысли искали себѣ исхода, простого повода, чтобы высказаться—а потому для меня теперь сдѣлалось совершенно понятнымъ, что даже и я могъ послужить такимъ поводомъ къ настоящему празднику. Конечно, для меня лично представляетъ много лестнаго уже и то, что случайное событіе въ моей жизни могло послужить поводомъ къ выраженію любви, воодушевляющей такое высокообразованное собраніе, какъ настоящее,—къ народному просвѣщенію... Въ такомъ, однако, дѣлѣ и при его настоящемъ положеніи, недостаточно даже и любви, необходима страсть къ дѣлу народнаго просвѣщенія. Я вовсе не опасаюсь, что и эта страсть, какъ и всѣ страсти, можетъ оказаться скоропроходящею,—лишь бы надъ нами исполнился завѣтъ одного изъ великихъ германскихъ поэтовъ: „Die Leidenschaft flieht,—die Liebe muss bleiben“!

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 декабря 1897.

Вопросъ о вѣротерпимости и „С.-Петербургскія Вѣдомости“.—Ст. 39 устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій. — Газета „Свѣтъ“ и иновѣрческія церкви.— Нѣсколько словъ о духоборахъ. — Новыя открытія „Московскихъ Вѣдомостей“. — Крестьяне и земская школа. — Инцидентъ въ уржумскомъ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ.—К. К. Гротъ †.

Два года тому назадъ, когда „С.-Петербургскія Вѣдомости“ перешли подъ редакцію кн. Э. Э. Ухтомскаго, мы выразили надежду, что онѣ станутъ на сторону одной, по меньшей мѣрѣ, группы угнетаемыхъ и оскорбляемыхъ, *одного* изъ великихъ началъ, всего болѣе забытыхъ въ современномъ русскомъ обществѣ. Первые шаги обновленной газеты то оправдывали эту надежду, то колебали ее; теперь можно сказать утвердительно, что она не была напрасна. Примыкая во многомъ къ консервативной печати, „С.-Петербургскія Вѣдомости“ рѣзко отличаются отъ нея не только безусловной порядочностью тона и пріемовъ, но и отсутствіемъ фанатизма, сословнаго, національстическаго и вѣроисповѣднаго. Въ защитѣ инородцевъ и иновѣрцевъ онѣ проявляютъ, можно сказать, гражданское мужество и возвышаются иногда до истиннаго краснорѣчія. Въ виду ожесточенной травли „несогласно-мыслящихъ“, наполняющей собою столбцы реакціонныхъ газетъ и встрѣчающей, въ большинствѣ случаевъ, отпоръ вынужденно-сдержанный и потому недостаточно яркій, горячая проповѣдь вѣротерпимости, энергично поддерживаемая кн. Ухтомскимъ и его сотрудниками, производитъ глубоко отрадное впечатлѣніе. Самыя сильныя нападенія принципіальныхъ противниковъ не такъ тяжело ложатся на вѣсы, какъ упреки бывшихъ союзниковъ, понявшихъ, наконецъ, съ кѣмъ они шли рука объ руку, куда вела прежняя дорога. „Я былъ съ вами“ — восклицаетъ, по адресу „охранителей“, одинъ изъ отшатнувшихся отъ мрака и фальши, — „я вѣрилъ въ васъ, пока, работая надъ однимъ съ вами дѣломъ, не убѣдился, что въ каждомъ вопросѣ вы кривите совѣстью и наклоняете вѣсы по вашему произволу. Я былъ съ вами, пока не убѣдился, что вы требуете отреченія отъ совѣсти, ради служенія вамъ“... Замѣчательно, что открытыхъ возраженій на статьи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ слышится мало. Газету, очевидно, ненавидятъ, охотно подхватываютъ пущенное противъ нея, по личному вопросу, обвиненіе въ клеветѣ — но съ ней почти не спорятъ,

почти не борются съ ней одинаковымъ оружіемъ и на одинаковой почвѣ. Значитъ ли это, что борьба не ведется вовсе? Повидимому—нѣтъ... „Лицемѣры!“ — читаемъ мы въ той же статьѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“—„въ чемъ же ваша сила, если сила эта въ безгласности? Въ чемъ же ваша правда, если вы можете работать только подъ покровомъ тьмы? Въ чемъ же ваша истина, если она боится дневного свѣта“? Въ этихъ вопросахъ содержится и отвѣтъ; не даромъ же вопрошаемые хранятъ до сихъ поръ глубокое молчаніе. Маска снята съ нихъ рукою, еще недавно имъ дружественною — и они чувствуютъ себя безсильными, потому что не могутъ пустить въ ходъ обычныхъ обвиненій. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, заподозрить благонамѣренность людей, еще недавно сражавшихся въ томъ же лагерѣ и сохранившихъ вѣрность его девизу...

Отстаивая великій принципъ вѣротерпимости, „С.-Петербургскія Вѣдомости“ широко открываютъ свои страницы для сообщеній, выясняющихъ степень его осуществленія или неосуществленія въ русской дѣйствительности. Между этими сообщеніями особенное вниманіе обратило на себя, какъ и слѣдовало ожидать, письмо гр. Л. Н. Толстого. Въ концѣ апрѣля нынѣшняго года къ гр. Толстому пріѣхали самарскіе молокане, съ просьбою помочь ихъ горю; у нихъ въ трехъ семьяхъ бузулукскаго уѣзда, александровской волости, въ деревняхъ Землянкѣ и Антоновкѣ, отобрали отъ родителей пятерыхъ дѣтей, въ возрастѣ отъ 11 до 2 лѣтъ, на основаніи ст. 39 уст. о прес. и пред. прест. Молокане эти,—говоритъ Л. Толстой,—„подавали прошенія во всѣ инстанціи; я тоже сдѣлалъ что съумѣлъ, но всѣ наши ходатайства остались безуспѣшными“. Сопоставляя этотъ фактъ съ газетнымъ извѣстіемъ, будто бы миссіонерскій съѣздъ, засѣдавшій недавно въ Казани, рѣшилъ ходатайствовать передъ правительствомъ объ отбираніи дѣтей у раскольниковъ и сектантовъ—извѣстіемъ, вызвавшимъ горячія опроверженія и общее негодованіе,—гр. Толстой заканчиваетъ свое письмо слѣдующими словами: „отбираются дѣти у многихъ и многихъ раскольниковъ и сектантовъ по закону, на основаніи ст. 39-й, такъ что членамъ съѣзда совсѣмъ не о чемъ ходатайствовать. Возмущаться же, что люди ходатайствуютъ о томъ, что уже существуетъ и практикуется, по меньшей мѣрѣ неумѣстно“. Что отобраніе дѣтей не составляетъ единичнаго, случайнаго явленія—это подтверждается, между прочимъ, сообщеніемъ „Пріазовскаго Края“ (газеты провинціальной и, слѣдовательно, подцензурной) о событіи, происшедшемъ недавно въ мелитопольскомъ уѣздѣ (таврической губерніи). Во дворѣ сельскаго правленія с. Екатериновки собралось, по требованію начальства, до тридцати семействъ сектантовъ-шелапутовъ; пришли также священники и засѣдатель. Послѣдній прочиталъ циркулярное распоряже-

ніе объ отобраніи дѣтей, въ возрастѣ отъ 2 до 11 лѣтъ, у сектантовъ завѣдомо вреднаго толка и объ отдачѣ ихъ на воспитаніе благонадежнымъ жителямъ села, извѣстнымъ своимъ благочестіемъ и доброй нравственностью. Слушатели были, „какъ говорится, ни живы, ни мертвы; они какъ-то опустились, на лицахъ у всѣхъ замерло выраженіе безысходнаго, горькаго горя. Вдругъ, среди мертвой тишины, раздались раздирающіе душу крики женщинъ, которымъ материнское чувство подсказало угрожавшую опасность. Къ нимъ тотчасъ же присоединился плачъ дѣтей. Раздался приказъ засѣдателя подвести семью шелапута А., стоявшую первою въ спискѣ. Въ сопровожденіи сотскихъ, семья эта подошла къ крыльцу, и засѣдатель отобралъ 6-ти-лѣтняго мальчика А. для передачи кому-либо изъ односельчанъ, на которыхъ можетъ указать духовенство, и тутъ же обратился къ толпѣ съ предложеніемъ взять отобраннаго мальчика на воспитаніе. Желающихъ оказалось много. Тогда сотскій, по приказанію засѣдателя, подошелъ къ А., чтобы взять мальчика. Съ этого момента толпа совѣршенно забыла свои непріязненныя чувства къ шелапутамъ и плакала заодно съ ними навзрыдъ. Описывать все происходившее въ правленіи было бы слишкомъ тяжело. Одинъ священникъ вытиралъ слезы, другой какъ-то растерянно ухмылялся. Засѣдатель злился и старался перекричать всѣхъ, чтобы поскорѣе довести до конца начатое. Дѣтей отбирали сотскіе и передавали ихъ желающимъ взять на воспитаніе. Родители окончательно обезумѣли—цѣловали полы одеждъ у духовенства, обнимали ноги засѣдателю. Изъ всей этой невыразимо тяжелой картины особенно врѣзался въ память одинъ крестьянинъ, вдовецъ, лѣтъ 35. Онъ все время не выпускалъ изъ рукъ своей дѣвочки, лѣтъ 5—7. Онъ хотѣлъ-было уйти съ нею со двора сельскаго правленія, но нѣсколько сотскихъ остановили его и силою вырвали у него дѣвочку. Тогда онъ грохнулся, какъ подкошенный, безъ чувствъ на землю. Ни звука, ни стона онъ не издалъ. Всѣхъ какъ-то передернуло, потрясло это, но ретивый блюститель закона ударилъ его ногой, проговоривъ:—„Вишь, скотина, притворяется"! Однако, „скотина" долго не могъ очнуться, а когда пришелъ въ сознаніе, то сталъ шарить вокругъ себя руками, какъ будто что-то ища, хотя это и днемъ было". Воспроизведя эту поразительную картину, „С.-Петербургскія Вѣдомости" (№ 305, статья кн. С. Н. Трубецкого) вспоминаютъ о дѣлѣ Мортары [1]), взволновавшемъ, лѣтъ сорокъ тому назадъ, всю Европу и нанесшемъ папству „тяжелый нравственный ударъ, перевѣшивавшій

[1]) Малолѣтній сынъ болонскаго еврея Мортары, тайно окрещенный служанкой, былъ отобранъ отъ родителей и помѣщенъ въ домѣ неофитовъ въ Римѣ, для воспитанія въ католической вѣрѣ, а родителямъ было предложено или креститься, или навсегда отказаться отъ сына.

многія потрянныя сраженія". „Всякій вѣрующій и просвѣщенный русскій человѣкъ"—восклицаетъ кн. Трубецкой—„всякій отецъ содрогнется отъ боли и обиды при одной мысли, что подобныя вещи относятся не къ отдаленнымъ временамъ папскаго владычества, а совершаются и теперь... Можно ли серьезно говорить о такой мѣрѣ, какъ насильственное отнятіе дѣтей у сектантовъ, съ точки зрѣнія чисто полицейской? Можно ли видѣть мѣру предупрежденія и пресѣченія преступленій въ томъ, что̀ уже само по себѣ составляетъ преступленіе"?.. Не такъ просто и прямо смотрятъ на дѣло тѣ органы печати, которые считаютъ возможнымъ къ вопросу, глубоко затрогивающему сердце и совѣсть, приложить холодную мѣрку узкаго формализма. Таковы, напримѣръ, „Міровые Отголоски", противопоставляющіе письму гр. Л. Н. Толстого ограничительное толкованіе ст. 39 уст. о пред. и прес. прест. Газета разсуждаетъ такъ: ст. 39 относится только къ отступившимъ отъ православія, а не къ состоящимъ отъ рожденія въ расколѣ или сектантствѣ—да и отъ первыхъ дѣти могутъ быть отобраны, только если на то послѣдовала Высочайшая воля. Нужно, слѣдовательно, выяснить, были ли явившіеся къ Л. Н. Толстому молокане отступники отъ православія или рожденные въ сектантствѣ, и состоялось ли Высочайшее повелѣніе, о которомъ говорится въ ст. 39-й. Что формальное различіе, указываемое „Міровыми Отголосками", дѣйствительно существуетъ—этого мы не отрицаемъ; но развѣ оно разрѣшаетъ вопросъ, поставленный Л. Н. Толстымъ? Развѣ тому, кто самъ отступилъ отъ православія, легче разстаться съ своими дѣтьми, чѣмъ тому, кто по рожденію сектантъ или раскольникъ? Допустимъ, что всѣ или нѣкоторые шелапуты с. Екатериновки недавно уклонились отъ православія; развѣ это уменьшаетъ хоть сколько-нибудь ужасъ картины, нарисованной „Пріазовскимъ Краемъ"? Л. Н. Толстого и С. Н. Трубецкого возмущаетъ насиліе, совершаемое надъ чувствами родителей и дѣтей—а „Міровые Отголоски" успокоиваются справкой о легальныхъ условіяхъ и предѣлахъ этого насилія! Конечно, чѣмъ тѣснѣе область дѣйствія закона, идущаго въ разрѣзъ съ основными требованіями человѣколюбія, тѣмъ лучше—но нельзя же забывать, что главный источникъ горя заключается въ самомъ законѣ, а не въ способѣ его пониманія. Пока существуетъ законъ, всегда возможно, притомъ, и распространительное его примѣненіе. Если сообщеніе „Пріазовскаго Края" во всемъ согласно съ истиной, то приходится признать, что именно такимъ примѣненіе ст. 39-й (или аналогичной съ нею 57-й) было и въ настоящемъ случаѣ. Рѣчь идетъ, во-первыхъ, о *циркулярномъ распоряженіи*, между тѣмъ какъ, по смыслу закона, охранительныя мѣры принимаются по отношенію къ отдѣльному *лицу*, т.-е. сообразно съ обстоятельствами каждаго отдѣльнаго случая. Ни изъ чего не видно,

во-вторыхъ, чтобы циркулярное распоряженіе касалось только лицъ, вновь отступившихъ отъ православія; условіемъ отобранія дѣтей является только *вредный* характеръ секты, а не время, съ котораго къ ней принадлежатъ родители...

Лѣтъ сорокъ тому назадъ присяжные хвалители всего существующаго весьма охотно приводили два доказательства вѣротерпимости. господствующей въ Россіи: допущеніе спектаклей въ дни такъ называемой нѣмецкой масляницы, т.-е. въ понедѣльникъ и вторникъ первой недѣли великаго поста (причемъ предполагалось, что эти спектакли посѣщаются только иновѣрцами) и нахожденіе на Невскомъ проспектѣ и ближайшихъ къ нему улицахъ цѣлыхъ семи иновѣрческихъ церквей (армяно-грегоріанской, римско-католической. трехъ лютеранскихъ — нѣмецкой, шведской и финской—и двухъ реформатскихъ—французской и голландской). Спектакли во время нѣмецкой масляницы перестали играть роль въ этой аргументаціи, потому что они давно уже прекращены; но иновѣрческія церкви стоятъ на прежнихъ мѣстахъ, и ничто не мѣшаетъ пользоваться этимъ фактомъ, какъ иллюстраціей стараго тезиса: „странно домогаться того, что̀ уже имѣется на лицо въ достаточной или болѣе чѣмъ достаточной мѣрѣ“. Тѣмъ не менѣе, ссылка на обиліе иновѣрческихъ церквей вышла изъ употребленія: слишкомъ ужъ она наивна и банальна, чтобы можно было ожидать отъ нея серьезнаго дѣйствія. На насъ пахнуло, поэтому, чѣмъ-то давно забытымъ, когда мы узнали изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (подбирающихъ и сервирующихъ своимъ читателямъ всѣ подобныя крупицы), что „Свѣтъ“ опять пустилъ въ оборотъ старую пѣсню, освѣживъ ее ссылкой на французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Ганото, который, будто бы, въ бытность свою въ Петербургѣ, обратилъ вниманіе на иновѣрческіе храмы, слѣдующіе одинъ за другимъ въ самомъ бойкомъ мѣстѣ столицы. „Ясно“—восклицаетъ газета г. Комарова,—„что на Россію возводится завѣдомая клевета, когда приписывается ей нетерпимость по отношенію къ иновѣрцамъ. Въ клеветничествѣ недавно еще упражнялась иностранная печать, подъ вліяніемъ явныхъ и тайныхъ враговъ Россіи, а за послѣднее время, къ нашему стыду, нашлась русская газета, поющая въ унисонъ съ этими врагами нашего отечества“ (ясный намекъ на „С.-Петербургскія Вѣдомости“). По мнѣнію „Свѣта“, русскихъ слѣдуетъ обвинять не въ нетерпимости, а въ противоположномъ недостаткѣ. „Иновѣрческіе храмы могутъ быть терпимы, но не должны возвышать, выражаясь образно, свои главы надъ храмами господствующей въ государствѣ религіи. Не есть ли со стороны народа забвеніе этого правила уже не вѣротерпимость, а вѣрораспущенность“? Этому послѣднему выводу нельзя отказать въ ори-

гинальности: изъ близости петропавловской лютеранской или екатерининской католической церкви къ казанскому собору никто, кажется, еще не заключалъ, что въ моментъ постройки этихъ храмовъ въ Россіи царствовала „вѣрораспущенность"! Прибѣгая къ такимъ измышленіямъ, ревнители не по разуму выдаютъ самихъ себя: они показываютъ ясно, что между тѣмъ, что̀ они называютъ вѣротерпимостью, и тѣмъ, что̀ она есть на самомъ дѣлѣ, нѣтъ рѣшительно ничего общаго... Выходка „Свѣта", появляясь въ печати одновременно съ письмомъ Л. Н. Толстого и статьей кн. С. Н. Трубецкого, была бы только смѣшна, если бы она не служила отраженіемъ глубокаго мрака, господствующаго въ широкихъ слояхъ русскаго общества.

Намъ, и не намъ однимъ, неоднократно случалось говорить о бѣдственномъ положеніи закавказскихъ духоборовъ, выселенныхъ изъ прежнихъ мѣстъ жительства, нуждающихся въ самомъ необходимомъ, болѣющихъ и слѣпнущихъ среди непривычныхъ для нихъ климатическихъ и житейскихъ условій. Если вѣрить г. Скворцову, автору статьи въ „Миссіонерскомъ Обозрѣніи", эти духоборы, во-первыхъ, бунтовщики, уже два года выдерживающіе „своего рода войну" съ правительствомъ, во-вторыхъ—капиталисты, черпающіе средства для этой войны изъ какого-то „половиночнаго" капитала. Что у духоборовъ были коекакія суммы, благодаря которымъ они не сразу стали умирать съ голоду—объ этомъ и раньше упоминалось въ печати; но г. Скворцову, и ему одному, принадлежитъ возведеніе этихъ скудныхъ и теперь вѣроятно уже истощившихся средствъ на степень боевого орудія, въ сущности столь же реальнаго, какъ и самая война, для которой оно служитъ. Бунтующіе духоборы— это, прежде всего, явное противорѣчіе: ученіе духоборовъ не допускаетъ активнаго сопротивленія, безъ котораго, въ свою очередь, немыслимо понятіе о бунтѣ. Это, вдобавокъ, физическая невозможность: разсѣянные по разнымъ уѣздамъ, занятые заботой о насущномъ хлѣбѣ, подчиненные бдительному надзору, духоборы не могутъ и думать о борьбѣ, да еще съ кѣмъ?—съ могущественнымъ правительствомъ. Въ увѣреніяхъ г. Скворцова нельзя видѣть ничего иного, кромѣ полемическаго пріема, слишкомъ часто пускаемаго въ ходъ сильными по отношенію къ слабымъ... Сомнительной, по совершенно другимъ причинамъ, кажется намъ и достовѣрность свѣденій, сообщаемыхъ о духоборахъ въ „Русскомъ Трудѣ". По словамъ этой газеты, „сектанты, за отказъ отъ исполненія воинской повинности, присуждались прежде къ отдачѣ въ дисциплинарные батальоны. Наказаніе это не достигало своей цѣли, такъ какъ сектанты, состоя въ дисциплинарныхъ батальонахъ, упорно отказываются отъ исполненія всякихъ требованій начальства, и если и подчиняются затѣмъ извѣстнымъ требованіямъ, то лишь уступая силѣ, а не собствен-

ному убѣжденію. Изыскивая наиболѣе подходящій исходъ изъ такого нежелательнаго положенія вещей, министерство внутреннихъ дѣлъ остановилось на мысли о замѣнѣ практиковавшагося порядка высылкою сектантовъ, административнымъ порядкомъ, въ отдаленныя мѣстности имперіи, напримѣръ въ якутскую область, подъ надзоръ полиціи. Военный министръ также нашелъ, что въ интересахъ военнаго вѣдомства желательно освободиться отъ сектантовъ, которые, за полнымъ отказомъ нести военную службу, становятся для вѣдомства только лишнимъ бременемъ, и полагалъ, что срокъ ссылки долженъ соотвѣтствовать не только сроку дѣйствительной службы нижнихъ чиновъ подъ знаменами, но и сроку пребыванія ихъ въ запасѣ, т.-е. 18 годамъ, ибо ссылка на менѣе продолжительный срокъ можетъ послужить лишь поводомъ къ уклоненію отъ воинской повинности. Министръ юстиціи, съ своей стороны, не встрѣчалъ препятствія къ осуществленію вышеизложенныхъ предположеній. Въ виду сего, министрамъ военному и внутреннихъ дѣлъ представлялось цѣлесообразнымъ духоборовъ и другихъ сектантовъ, за отказъ нести военную службу, высылать впредь административнымъ порядкомъ въ якутскую область, на полный срокъ ихъ службы, т.-е. на восемнадцать лѣтъ, безъ права отлучки въ теченіе этого времени изъ предѣловъ области". Что отдача духоборовъ и вообще сектантовъ, отказывающихся отъ отбыванія воинской повинности, въ дисциплинарные батальоны прекращена, какъ не соотвѣтствующая цѣли—это слѣдуетъ признать весьма вѣроятнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно отраднымъ: болѣе мучительной кары нельзя себѣ и представить, а между тѣмъ факты удостовѣряли, что сдѣлать солдата изъ убѣжденнаго духобора совершенно невозможно. Менѣе правдоподобно, въ нашихъ глазахъ, извѣстіе о замѣнѣ дисциплинарнаго батальона ссылкой въ *якутскую* область, на *восемнадцать* лѣтъ, т.-е. такимъ суровымъ наказаніемъ, какое налагается, въ нормальномъ порядкѣ, только за тяжкія преступленія. Что̀ такое якутская область, и въ особенности тѣ ея части, куда обыкновенно направляются ссыльные — это слишкомъ хорошо извѣстно; восемнадцатилѣтнее пребываніе тамъ, безъ права отлучки— это почти погребеніе заживо. Числящіеся въ запасѣ, въ мирное время, почти ничѣмъ не отличаются отъ другихъ гражданъ: они могутъ жить гдѣ угодно, заниматься чѣмъ хотятъ и не несутъ никакихъ особыхъ тягостей, кромѣ двухъ-трехъ призывовъ на краткосрочные учебные сборы. Никакого соотношенія между бытностью въ запасѣ и вынужденнымъ пребываніемъ въ якутской области установить, такимъ образомъ, нельзя: это—величины совершенно разнородныя и несоизмѣримыя. Особенно яснымъ это должно представляться для лицъ судебнаго вѣдомства, привыкшихъ къ толкованію и примѣненію законовъ—

и вотъ почему наименѣе вѣроятнымъ изъ извѣстій, сообщаемыхъ „Русскимъ Трудомъ", слѣдуетъ признать одобреніе новой системы министерствомъ юстиціи... Въ войскахъ есть нестроевыя должности, сохраняющія свое эначеніе и въ военное время; замѣщеніе ихъ сектантами, отрицающими, по принципу, военную службу, было бы, повидимому, самымъ простымъ средствомъ уравнять сектантовъ съ громадной массой русскихъ подданныхъ, отбывающихъ воинскую повинность. Возможно было бы, также, примѣненіе того порядка, который существовалъ для меннонитовъ, присоединившихся къ сектѣ или прибывшихъ въ имперію до 1 января 1874 г.: они отбывали обязательные общіе сроки службы въ мастерскихъ морского вѣдомства, пожарныхъ командахъ и особыхъ подвижныхъ командахъ лѣсного вѣдомства.

Кто слѣдитъ изо дня въ день за главными органами реакціонной печати, какъ за мало привлекательными, но любопытными показателями политической погоды, тотъ, повидимому, не можетъ болѣе удивляться ихъ замашкамъ и пріемамъ. Геркулесовы столбы развязности достигнуты ими уже давно; дальше идти, повидимому, некуда, каждый новый полемическій перлъ долженъ быть только видоизмѣненіемъ прежнихъ. Невѣроятное, однако, оказывается иногда возможнымъ: къ знакомымъ „охранительнымъ" мотивамъ присоединился недавно еще одинъ, если и не совсѣмъ новый, то, во всякомъ случаѣ, давно не находившійся въ обращеніи: травля „либераловъ" усложнилась травлей „соціалъ-демократовъ". Интересно прослѣдить различные фазисы похода, быстро слѣдующіе одинъ за другимъ. Сначала предметъ кампаніи намѣчается лишь въ общихъ чертахъ. Соціалистическія доктрины—вѣщаютъ „Московскія Вѣдомости" (№ 287)—„могутъ проникать въ государства самыми различными путями, начиная съ ошибочныхъ мѣропріятій и кончая газетною и устною пропагандой. Примѣромъ такой пропаганды могутъ служить тѣ газеты, которыя, въ своихъ статьяхъ и корреспонденціяхъ, неизмѣнно становятся на сторону радикальнаго соціализма, въ его борьбѣ съ правительственною властью и имущими классами, и этимъ подстрекаютъ рабочихъ къ такой же борьбѣ противъ общественнаго и государственнаго строя". Въ связи съ сказаннымъ раньше нетрудно понять, что подъ именемъ государства здѣсь разумѣется Россія, а подъ именемъ „газеты, которыя", и т. д.—„Русскія Вѣдомости"; но точки надъ *і* все-таки не поставлены, и разсужденіе сохраняетъ, на первый взглядъ, характеръ отвлеченный. Не то мы видимъ нѣсколько дней спустя. Въ № 297 той же „бодрствующей" газеты сдѣлано нѣсколько выписокъ изъ берлинской корреспонденціи „Русскихъ Вѣдомостей", авторъ которой названъ „ярымъ русскимъ соціалъ-демократомъ"... „И гдѣ

же"—читаемъ мы дальше—„нашелъ себѣ пріютъ этотъ соціалъ-демократъ? На столбцахъ *Русскихъ Вѣдомостей*. Съ перваго взгляда это кажется невѣроятнымъ... Могутъ ли ученые мужи имѣть что-либо общее съ авантюристами соціалъ-демократизма? Оказывается, что могутъ... Чѣмъ объяснить эту нелѣпость? Очевидно, тѣмъ, что соціализмъ, какъ доктрина отрицанія существующаго строя, приходится по плечу именно нашимъ русскимъ либераламъ. Имъ нравится въ соціализмѣ именно самая его безсмысленная сторона. Умственному ничтожеству ничто такъ не пріятно, какъ отрицаніе. Вотъ почему соціалъ-демократія находитъ такую благодатную почву среди нашихъ либеральныхъ интеллигентовъ, вотъ почему и главный органъ ихъ всегда съ такою радостью сообщаетъ своимъ читателямъ объ успѣхахъ соціалъ-демократіи въ Западной Европѣ и съ такою тревогой отмѣчаетъ грозящія ей опасности"... Проходитъ еще нѣсколько дней—и либералы „Русскихъ Вѣдомостей" прямо уже зачисляются въ соціалъ-демократы („Моск. Вѣд.", № 309). И по какому поводу? По поводу вопроса о распространеніи избирательнаго права въ городахъ на квартиронанимателей, какъ плательщиковъ квартирнаго налога! Приравнявъ столь скромное desideratum къ западно-европейской всеобщей подачѣ голосовъ, „Московскія Вѣдомости" продолжаютъ: „существующій порядокъ не нравится людямъ, у которыхъ мысль работаетъ навыворотъ—и для того, чтобы удовлетворить этихъ господъ, нужно было бы перевернуть все зданіе вверхъ дномъ. Нужно *увѣнчать зданіе*, учредить *борьбу классовъ* и предоставить бразды правленія мудрецамъ *Русскихъ Вѣдомостей*". Относясь съ должнымъ пренебреженіемъ къ этой выходкѣ, „Русскія Вѣдомости" высказываютъ предположеніе, что „Московскія Вѣдомости" страдаютъ маніей соціализма, соединенной съ маніей величія. Намъ кажется, что въ этой маніи есть *система*. Реакціонная газета очень хорошо понимаетъ, что̀ значитъ, par le temps qui court, обвиненіе въ соціалъ-демократизмѣ, въ подстрекательствѣ рабочихъ къ борьбѣ противъ общественнаго и государственнаго строя...

Вполнѣ достойнымъ цѣли, съ которою предпринятъ походъ, является и способъ его веденія. Первая характеристическая его черта—крайняя безсаботность насчетъ фактовъ. Корреспонденція „Русскихъ Вѣдомостей", вызвавшая обвинительное усердіе реакціонной газеты, была посвящена вступительной лекціи новаго берлинскаго профессора Рейнгольда, бывшаго прежде судьею въ Висбаденѣ и приглашеннаго на каѳедру вопреки желанію факультета, по указанію и настоянію извѣстнаго фабриканта и депутата Штумма. Что Рейнгольдъ названъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" висбаденскимъ профессоромъ, тогда какъ въ Висбаденѣ никогда не было и нѣтъ университета—это еще промахъ сравнительно не серьезный и не имѣющій прямого отношенія

къ предмету спора; но ни того, ни другого извиненія нельзя примѣнить къ явно невѣрному объясненію мотивовъ, вызвавшихъ приглашеніе Рейнгольда. Германское правительство—такъ начинается статья „Московскихъ Вѣдомостей"—„обратило вниманіе на почти повсемѣстное плѣненіе каѳедръ политической экономіи представителями соціалистической доктрины и рѣшилось дать соціализму на этой почвѣ нѣкоторый отпоръ". Смѣлой газетѣ неизвѣстно, очевидно, рваличіе между соціализмомъ и катэдэръ-соціализмомъ. Послѣдній дѣйствительно представленъ въ берлинскомъ университетѣ такими крупными величинами, какъ Шмоллеръ и Вагнеръ, которымъ прусское министерство и хотѣло, быть можетъ, противопоставить Рейнгольда; соціализмъ или соціалъ-демократизмъ не владѣетъ въ Берлинѣ ни одной профессорской каѳедрой. Смѣлостью, и только смѣлостью блеститъ газета и тогда, когда она отрицаетъ неудачу первой лекціи Рейнгольда. Передъ нами лежатъ три берлинскія газеты, одинаково чуждыя соціалъ-демократическихъ стремленій: либеральныя „Berliner Tageblatt" и „Vossische Zeitung" и консервативная „Post" (органъ того самаго Штумма, который способствовалъ назначенію Рейнгольда). Къ лекціи Рейнгольда онѣ всѣ относятся неодобрительно, съ разницей только въ оттѣнкахъ. Мы ограничимся небольшой цитатой изъ „Post", знаменательной именно потому, что эта газета меньше, чѣмъ какая-либо другая, можетъ быть заподозрѣна въ тенденціозномъ нерасположеніи къ новому профессору. „Если дальнѣйшія чтенія его" (Рейнгольда) — говоритъ „Post"—„не будутъ существенно отличаться отъ первой лекціи, то можно опасаться, что они не только не подвинутъ впередъ правильное пониманіе предмета, но произведутъ смуту въ головахъ слушателей"... Съ легкомысленнымъ отношеніемъ къ фактамъ идетъ рука объ руку столь же легкомысленное отношеніе къ послѣдовательности мысли. Основаніе дѣйствующаго городового положенія формулируется „Московскими Вѣдомостями" такъ: „только люди, имѣющіе свое хозяйство, призываются къ управленію городскимъ хозяйствомъ"—и непосредственно вслѣдъ за этимъ идутъ ожесточенныя возраженія противъ распространенія избирательнаго права на квартиронанимателей, платящихъ квартирный налогъ (т.-е. занимающихъ квартиры опредѣленной цѣнности, не изъ числа самыхъ дешевыхъ: послѣднія, какъ извѣстно, свободны отъ квартирнаго налога). Одно изъ двухъ: или, по смыслу дѣйствующаго закона, въ городскомъ хозяйствѣ должны участвовать всѣ „имѣющіе свое хозяйство"—и въ такомъ случаѣ необходимо распространить избирательное право на квартиронанимателей, у которыхъ собственное хозяйство есть безспорно; или дѣйствующій законъ вовсе не имѣетъ смысла, приписываемаго ему „Московскими Вѣдомостями" — и въ такомъ случаѣ формула, выставленная

ими, оказывается лишенной всякаго практическаго смысла. Кто до такой степени не умѣетъ справляться съ элементарными требованіями логики, тому слѣдовало бы воздерживаться отъ общихъ разсужденій, въ особенности если они связаны съ заподозриваніемъ противника...

Нѣсколько недѣль тому назадъ намъ пришлось быть свидѣтелемъ факта, ярко рисующаго отношеніе крестьянъ къ земской начальной школѣ. Въ уѣздѣ, о которомъ будетъ идти рѣчь — уѣздѣ довольно глухомъ, хотя и не очень отдаленномъ отъ столицы, — земское школьное дѣло, если принять во вниманіе незначительность земскихъ средствъ, поставлено нехудо; но, главнымъ образомъ вслѣдствіе цѣлаго ряда неурожаевъ, въ поступательномъ его движеніи наступила, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, остановка, тѣмъ болѣе прискорбная, что для общедоступности начальнаго обученія въ уѣздѣ предстоитъ сдѣлать еще весьма много. Въ нынѣшнемъ году обстоятельства сложились нѣсколько благопріятнѣе, и въ земскомъ собраніи былъ поднятъ вопросъ объ открытіи новыхъ школъ, съ возможно меньшимъ увеличеніемъ земской смѣты. Въ эту смѣту вносилось, изъ года въ годъ, пособіе сельскимъ обществамъ на содержаніе сотскихъ и десятскихъ. Въ первый разъ оно было ассигновано, въ суммѣ 2.000 р., въ 1880 г., въ эпоху „диктатуры сердца“, когда носилась въ воздухѣ мысль о сближеніи сословій и привилегированные классы особенно чутко относились къ своимъ обязанностямъ передъ массой населенія. Благодаря этому особому настроенію, собраніе признало, что сельская полиція служитъ, de facto, *всѣмъ* землевладѣльцамъ, безъ различія сословій, и что земству слѣдуетъ принять на себя часть расхода, совершенно неправильно упадающаго на однихъ крестьянъ. Какъ только вѣтеръ подулъ въ другую сторону, начались попытки отмѣнить „легкомысленную“ ассигновку; но онѣ разбивались о противодѣйствіе крестьянъ и тѣхъ гласныхъ изъ числа землевладѣльцевъ, которые оставались вѣрными прежнему взгляду. Только тогда, когда у земства не было средствъ на открытіе новыхъ школъ, а потребность въ нихъ чувствовалась очень сильно, часть суммы, назначенной на сотскихъ и десятскихъ, обращалась, съ общаго согласія всѣхъ гласныхъ, на увеличеніе школьнаго бюджета. Двухтысячное пособіе на содержаніе сотскихъ и десятскихъ уменьшилось, такимъ образомъ, сначала до 1.700, потомъ до 1.000 рублей, но въ этой послѣдней цифрѣ продолжало держаться до нынѣшняго года, несмотря на то, что безсословное земство уступило мѣсто сословному, и въ средѣ гласныхъ отъ дворянъ постоянно существовала оппозиція противъ расхода, чуждаго, будто бы, дворянскимъ и землевладѣльче-

скимъ интересамъ. И что же? Какъ только былъ поднятъ вопросъ о систематическомъ увеличеніи числа земскихъ школъ, съ цѣлью приблизиться къ всеобщему обученію, тѣ самые гласные отъ крестьянъ, которые такъ усердно отстаивали ассигновку на сотскихъ и десятскихъ, предложили собранію обратить ее всецѣло на развитіе народнаго образованія. Условіе, при этомъ, они поставили только одно: чтобы никакого другого назначенія тысяча руб. на будущее время не получала, а шла исключительно на школьное дѣло. Само собою разумѣется, что въ этомъ смыслѣ и состоялось рѣшеніе собранія: оно постановило, чтобы въ смѣтной статьѣ на расходы по земскимъ школамъ тысяча руб. постоянно означалась какъ сумма, прежде служившая пособіемъ крестьянамъ на содержаніе сотскихъ и десятскихъ и только по желанію гласныхъ отъ крестьянъ обращенная на нужды народнаго образованія. Въ продолженіе той же сессіи собраніе, большинствомъ 17 голосовъ противъ 10, рѣшило употребить на новыя земскія школы и тѣ 400 рублей, которые оно раньше тратило на школы грамоты. Какъ отнеслись къ этому вопросу гласные отъ крестьянъ—съ достовѣрностью сказать нельзя, потому что баллотировка, по настоянію защитниковъ школъ грамоты, была тайная; но, судя по сказанному однимъ изъ крестьянъ во время преній, можно предполагать, что крестьяне очень хорошо понимаютъ всю недостаточность обученія въ школахъ грамоты, особенно при настоящей оторванности ихъ отъ земской школы.

Намъ часто приходилось замѣчать, что modus vivendi, установленный еще въ 1884 г. между начальными школами двухъ вѣдомствъ—свѣтскаго и духовнаго—подвергается нарушеніямъ со стороны послѣдняго и недостаточно охраняется первымъ. Нѣкоторымъ усиленіемъ охраны является недавній циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія, напоминающій о томъ, что передача начальныхъ школъ изъ одного вѣдомства въ другое (другими словами — передача земскихъ или городскихъ школъ въ вѣденіе духовенства) требуетъ предварительнаго утвержденія уѣзднаго училищнаго совѣта. Какъ *признакъ* настроенія, болѣе благопріятнаго для земской школы (настроенія, подтверждаемаго и увеличивающеюся готовностью помогать ей изъ средствъ казны), это распоряженіе имѣетъ безспорную важность; но какъ *гарантія* противъ очевидной ломки въ школьномъ дѣлѣ — оно крайне недостаточно. При настоящемъ составѣ училищныхъ совѣтовъ далеко не всегда можно ожидать отъ нихъ надлежащей твердости въ отстаиваніи свѣтской школы. Вотъ, напримѣръ, что сообщаетъ „Вятскій Край“: уржумскій (вятской губерніи) уѣздный училищный совѣтъ, въ экстренномъ засѣданіи, постановилъ перевести 42 дѣвочки изъ косолаповскаго земскаго училища въ косолаповскую церковно-приход-

скую школу и предоставить и на будущее время инспектору народныхъ училищъ и уѣздному наблюдателю церковно-приходскихъ школъ, по взаимному ихъ соглашенію, переводить учащихся изъ земскихъ школъ въ церковно-приходскія. Въ высшей степени странныя сами по себѣ, эти постановленія замѣчательны и по обстоятельствамъ, при которыхъ они состоялись. Принимали участіе въ нихъ только три лица: инспекторъ народныхъ училищъ, наблюдатель церковно-приходскихъ школъ и инспекторъ городского училища. Уѣздный исправникъ прибылъ уже въ концѣ засѣданія, потому что долженъ былъ присутствовать на торгахъ; остальные члены или не были извѣщены о засѣданіи, или не могли участвовать въ немъ изъ-за неотложныхъ служебныхъ занятій. Уѣздный исправникъ, явившись въ засѣданіе, пожелалъ ознакомиться съ обсуждавшимися до него вопросами и призналъ, что они не требовали созыва экстреннаго засѣданія, да еще въ такое время, когда большая часть членовъ совѣта не могла явиться въ засѣданіе. Не соглашаясь съ постановленіями совѣта, уѣздный исправникъ представилъ особое мнѣніе, въ которомъ протестуетъ противъ насильственнаго перевода сорока дѣвочекъ изъ земскаго училища въ церковно-приходскую школу, находя такую мѣру вредною для дѣла: родители могутъ скорѣе отказаться отъ обученія своихъ дѣтей, чѣмъ отдать ихъ въ церковно-приходскую школу, такъ какъ населеніе с. Косолапова почти исключительно раскольническое—и тогда дѣти останутся совсѣмъ безъ образованія. Постановленіе совѣта о предоставленіи инспектору и наблюдателю переводить дѣтей по ихъ усмотрѣнію уѣздный исправникъ считаетъ прямо незаконнымъ, потому что училищный совѣтъ не имѣетъ права передавать свои полномочія отдѣльнымъ членамъ, особенно въ рѣшеніи такихъ важныхъ вопросовъ. Уѣздная земская управа также признала неправильными приведенныя постановленія совѣта и обжаловала ихъ въ губернскій училищный совѣтъ... Не ясно ли, что одна возможность такихъ постановленій указываетъ на ненормальное положеніе, ненормальную роль училищныхъ совѣтовъ? Вѣдь нельзя же разсчитывать на то, что защиту законности и справедливости всегда будетъ принимать на себя, какъ это было въ данномъ случаѣ, уѣздный исправникъ! Необходимо возстановить самостоятельность земскихъ членовъ училищнаго совѣта; необходимо принять за правило, чтобы членъ совѣта отъ духовенства не былъ, въ то же время, наблюдателемъ церковно-приходскихъ школъ; необходимо, наконецъ, чтобы инспекторъ народныхъ училищъ не считалъ себя въ правѣ назначать, для рѣшенія важныхъ и вовсе не спѣшныхъ вопросовъ, экстренныя засѣданія совѣта и не могъ брать на себя вовсе несвойственную ему роль поставщика учениковъ и

учениць въ худо снабженныя ими церковно-приходскія школы (въ косолаповской церковно-приходской школѣ было всего 11 учениць). Замѣчательно, что въ данномъ случаѣ договоръ между двумя членами совѣта, инспекторомъ и наблюдателемъ—они же и искусственно-составленное большинство совѣта, — не былъ даже основанъ на началахъ взаимности: допущенъ былъ переводъ только изъ земскихъ школъ въ церковно-приходскія, но не обратно! Во что̀ обратились бы права земства по открытію и содержанію земскихъ школъ, еслибы вошло въ обычай „изъятіе“ учащихся изъ этихъ школъ, по соглашенію двухъ лицъ, одинаково чуждыхъ земству, или хотя бы по постановленію учрежденія, въ которомъ члены отъ земства—утверждаемые администраціей, т.-е. не всегда независимые—находятся въ постоянномъ и безнадежномъ меньшинствѣ? Во что̀ обратились бы—и это самое главное—права родителей, еслибы, помимо ихъ воли, дѣти ихъ передвигались изъ одной школы въ другую, какъ шашки на игральной доскѣ? Если въ одномъ и томъ же селѣ существуютъ двѣ школы, земская и церковно-приходская, то это значитъ, что потребность въ начальномъ обученіи очень велика; зачѣмъ же регламентировать ея удовлетвореніе, зачѣмъ мѣшать естественному распредѣленію дѣтей между обѣими школами? Мало ли можетъ быть причинъ для предпочтенія одной школы передъ другою — причинъ настолько же вѣскихъ, какъ и принадлежность дѣтей къ расколу? Въ одной школѣ учатъ хорошо, въ другой—дурно; въ одной школѣ бьютъ дѣтей, въ другой — обращаются съ ними ласково; изъ одной школы дѣти бѣгутъ, въ другую спѣшатъ какъ на праздникъ. Изъ-за чего же и для чего стѣсненія, принудительныя мѣры, могущія только повредить дѣлу народнаго образованія?.. Нельзя не быть благодарнымъ „Вятскому Краю“ за оглашеніе инцидента, приключившагося въ уржумскомъ училищномъ совѣтѣ; нужно надѣяться, что оно окажется достаточнымъ для предупрежденія подобныхъ явленій на будущее время.

30-го октября скончался *Константинъ Карловичъ Гротъ*, достигнувъ 82 лѣтъ отъ роду. Болѣе чѣмъ пятидесятилѣтняя его дѣятельность на различныхъ поприщахъ государственной службы и въ сферахъ административныхъ, по министерству финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, и въ средѣ высшихъ государственныхъ учрежденій, въ государственномъ совѣтѣ,—эта его дѣятельность отличалась всегда неослабною энергіею глубоко убѣжденнаго человѣка, прямымъ и открытымъ характеромъ и неутомимымъ трудолюбіемъ. Въ эпоху реформъ онъ началъ и довелъ до конца борьбу съ виннымъ откупомъ; еще до того, онъ принималъ участіе въ примѣненіи новаго тогда Городового Поло-

женія 1846 г. къ столицѣ, и позже, при составленіи смѣнившаго его Городового Положенія 1870 г., онъ находился въ числѣ его составителей и вмѣстѣ защитниковъ необходимости расширенія самодѣятельности городского общественнаго управленія. Самую прочную память по себѣ К. К. Гротъ составилъ на поприщѣ благотворительности. Ему обязано не только своимъ возникновеніемъ, но также организаціею и заботами о полномъ обезпеченіи въ будущемъ Александро-Маріинское училище для слѣпыхъ и вообще все дѣло призрѣнія слѣпыхъ и систематической борьбы съ глазными болѣзнями, не только въ столицѣ, но и въ имперіи. Такимъ образомъ, служа всю жизнь правдѣ, свѣту и добру, Константинъ Карловичъ и заключилъ ее превосходно—такимъ добрымъ дѣломъ, которое ему не забудется никогда.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Спб. Общества „Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ".

Общество „Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ" при основаніи своемъ поставило себѣ задачею устраивать народныя чтенія и доставлять нуждающимся возможность читать, безъ всякой съ ихъ стороны затраты, книги, журналы и газеты.

Общество полагало, что удовлетвореніе потребности въ чтеніи есть одна изъ самыхъ главныхъ и серьезныхъ обязанностей, лежащихъ на интеллигенціи. Рецидивъ безграмотности, встрѣчающійся и по настоящее время, ясно показываетъ, какъ мало еще сдѣлано въ этомъ отношеніи.

Вслѣдствіе этого, Правленіе Общества обратило особое вниманіе на организацію и развитіе безплатныхъ библіотекъ въ мѣстностяхъ, всего болѣе нуждающихся въ чтеніи.

Частые запросы со стороны частныхъ лицъ и учрежденій побудили Правленіе пойти на встрѣчу отдѣльнымъ попыткамъ и, выдѣливъ изъ своей среды особый органъ—„библіотечную коммиссію", возложить на него обязанность, помимо организаціи библіотекъ Общества, оказывать, по мѣрѣ возможности, содѣйствіе и частнымъ начинаніямъ.

Настоящимъ заявленіемъ Правленіе Общества доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что библіотечная коммиссія принимаетъ на себя устройство народныхъ библіотекъ, закупку и разсылку книгъ въ провинцію по выработанному ею каталогу, приходитъ на помощь совѣтомъ по устройству библіотекъ и вообще содѣйствуетъ всѣмъ начинаніямъ этого рода.

Библіотечная коммиссія въ теченіе минувшаго года устроила двѣ безплатныя библіотеки и подготовила къ открытію еще двѣ. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ не далъ возможности расширить кругъ дѣятельности коммиссіи, но Правленіе Общества „Помощь въ чтеніи" полагаетъ, что интеллигентное общество придетъ на помощь народному образованію и поддержитъ безплатныя библіотеки своимъ содѣйствіемъ.

Пожертвованія на существующія библіотеки и вновь открываемыя, а также средства (отъ 250 руб.) для устройства библіотекъ частныхъ

лицъ и учрежденій принимаются въ Правленіи (С.-Петербургъ, Фонтанка, № 18, кв. 18), съ обозначеніемъ: „въ библіотечную коммиссію“; справки же и совѣты по дѣламъ библіотекъ даются предсѣдателемъ коммиссіи (М. Д. Орѣховъ, Екатерингофскій пр., № 31, кв. 21) письменно или—по вторникамъ и субботамъ, отъ 6 до 8 ч. вечера—лично, и секретаремъ коммиссіи (д-ръ Мандельбергъ, В. Е., Садовая, № 88, кв. 15), по понедѣльникамъ и четвергамъ, отъ 4 до 6 час. вечера.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1897 году.

Въ 1897-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

	экз.		экз.		экз.
1. Кіевская. .	225	23. Тверская. .	62	45. Минская. .	48
2. Харьковск..	220	24. Примор. об.	62	46. Сибирская.	47
3. Херсонск. .	215	25. Новгородск.	62	47. Витебская .	46
4. Екатериносл.	163	26. Нижегород.	61	48. Виленская .	46
5. Саратовск. .	149	27. Иркутская .	60	49. Астраханск.	45
6. Таврическ..	131	28. Лифляндск.	59	50. Забайк. об.	45
7. Варшавск. .	122	29. Московская.	59	51. Псковская .	43
8. Тифлисская.	109	30. Гродненская	58	52. Уфимская .	42
9. Черниговск.	103	31. Рязанская .	58	53. Сыръ-Д. об.	39
10. Тамбовская.	83	32. Вятская. .	58	54. Оренбургск.	39
11. Полтавская.	83	33. Могилевск..	58	55. Ковенская .	35
12. Бессарабск.	82	34. Обл. В.Дон.	58	56. Закасп. об.	35
13. Курская . .	72	35. Кубанск. об.	58	57. Амурск. об.	33
14. Орловская.	78	36. Костромская	58	58. Енисейская.	32
15. Подольская.	74	37. Самарская .	56	59. Тобольская.	32
16. Воронежск..	65	38. Калужская .	53	60. Эстляндская	32
17. Волынская .	65	39. Бакинская .	53	61. Пензенская.	30
18. Пермская. .	64	40. Ярославская	52	62. Ломжинская.	30
19. Тульская. .	64	41. Терская об.	49	63. Акмол. об.	29
20. Владимірск.	64	42. Томская . .	48	64. Люблинская	27
21. Смоленская.	64	43. Кутаисская.	48	65. Плоцкая .	26
22. С.-Петерб. .	62	44. Казанская .	48	66. Вологодская	26

67. Архангельск.	25	78. Петроковск.	18	89. Кѣлецкая..	9
68. Курляндск.	25	79. Семирѣч. об.	18	90. Вазаская .	9
69. Эриванская.	24	80. Дагест. обл.	18	91. С.-Михельск.	7
70. Сувалкская.	24	81. Сѣдлецкая .	17	92. Тургайск. об.	6
71. Радомская .	23	82. Семипал. об.	17	93. Тавастгусск.	5
72. Ставропол. .	22	83. Ферганская.	16	94. Або-Бьернеб.	4
73. Самарк. об.	21	84. Выборгская.	16		
74. Елисаветпол.	21	85. Калишская.	13		4.822
75. Олонецкая .	20	86. Уральск. об.	13		
76. Карсская об.	20	87. Черном. окр.	12		
77. Нюландская	18	88. Якутск. об.	11		

II. Въ С.-Петербургѣ	1325
III. Въ Москвѣ.	589
IV. За границей	208
Всего: экз.	6.944

I. Сліозбергъ,
Управл. конторою журнала.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

ВЪ 1897 ГОДУ.

Авсѣенко, В. Г.—Столкновеніе, разсказъ (янв., 210).—Въ огнѣ, разсказъ (іюнь, 502).

Антокольскій, М. М.—Замѣтки объ искусствѣ (февр., 524).

Бальмонтъ, К.—Стихотворенія: 1) Аккорды; 2) Сфинксъ; 3) Падучая звѣзда (апр., 590).—Странствія Мальдуна, Теннисона (авг., 634).

Батюшковъ, Г.—Бабцды (іюль, 334).

Б—г—, А.—Дочь своего вѣка, пер. съ англ. (май, 211; іюнь, 665).—Гласъ народа, ром. К. Тельмана, перев. съ нѣм. (іюль, 194; авг., 712; сент., 157).—Два берега, ром. Вандерема (окт., 613; нояб., 286; дек., 652).

Боборыкинъ, П. Д.—По другому, романъ (янв., 119; февр., 567; мартъ, 5; апр., 459).

Брикнеръ, А.—Павелъ I и Густавъ IV (апр., 556; май, 147).

В—чъ, Л.—Наши сосѣди за Памирами (іюль, 161).

Васюковъ, С.—Мѣсяцъ въ Гельсингфорсѣ (окт., 664).

Вейнбергъ, П. И.—Изъ Гюйо, стих. (нояб., 174).

Виницкая, А. А.—Милый дѣдушка (авг., 509).

Воропоновъ, Ѳ. Ѳ. — Пересмотръ „Положеній о крестьянахъ“ (февр., 829).—Кризисъ и „мужикъ“ (апр., 813).

Ганзенъ, Ан.—Ярлъ Гаконъ, траг. въ 5 д., Ад. Эленшлегера, перев. съ дат. (іюль, 5; авг., 445).

Герье, В. И.—Второй годъ попечительствъ въ Москвѣ (окт., 584).

Г., Н.—Разбитая любовь, изъ Верлена (авг., 691).

Головинъ, К. Ѳ.—Баловень счастья (іюль, 128; авг., 537).

Горбовъ, Н. М.—Министерскія программы для начальныхъ народныхъ училищъ (нояб., 349).

Д., П.—Финляндскій сеймъ и его труды (іюль, 240).

Дингельштедтъ, Н. А.—Канцелярская тайна у насъ и за границей (мар., 315).

Друцкой-Сокольнинскій, кн. Д.—Сельско-хозяйственный кризисъ (мар., 288).—Народная школа въ деревнѣ (Внутр. Об.) (авг. 780).

Жемчужниковъ, А. М.—О жизни, стих. (янв., 5).—„Сидючи дома"... (мар., 187).—Прежде и теперь! (іюнь, 604).—Изъ далекаго прошлаго (дек., 754).

Іоллосъ, Г. Б.—Эрнстъ Энгель (февр., 854). — Общественное самоуправленіе въ городѣ Берлинѣ (апр., 771).—Двадцать-пять лѣтъ соціальной политики (дек., 827).

Ивашкевичъ, Як.—I. Сонеты Петрарки. II. Нога prima. III. День погасалъ (февр., 521).

Каренинъ, Влад.—Господинъ Калошкинъ, разск. (іюнь, 730).

Картавцовъ, Евг. Э.—Николай Христіановичъ Бунге (май, 5).

Карѣевъ, Н. И.—Замѣтка по поводу „изслѣдованія" г. Чечулина (янв., 427).—Профессорскій гонораръ въ нашихъ университетахъ (нояб., 384).

К., И.—Первыя частныя желѣзныя дороги (сент., 336).

Колтоновскій, А.—Стих.: I. Зима. II. Цвѣты (февр., 766).—Изъ Ады Негри (іюль, 263).

Кони, А. Ѳ.—Д-ръ Ѳ. П. Гаазъ (янв., 8; февр., 461).

Кочубинскій, А.—На Босфорѣ въ 1735 г. (окт., 515).

Лихачева, Е. I.—Начало женскихъ гимназій въ Россіи (мар., 162; апр., 534).

Л—кій, А.—Московскій университетъ (іюнь, 641; іюль, 58).

Л., О.—Женскіе медицинскіе колледжи въ Англіи и С.-Америкѣ (авг., 574; сент., 88).

Марковъ, В. П.—I. Поэма Мицкевича: Засада. II. Среди житейской суеты. III. Усталый день (янв., 251).

Марковъ, Евг. Л.—Очерки современнаго Пелопоннеса (февр., 640; мартъ, 126; апр., 627; май, 173; іюнь, 437).

Минскій, Н. М.—Два цвѣтка, стих. (янв., 63).

Михайлова, О. Н.—Изъ Гаммерлинга: „Sinnen und Minnen" (мар., 119).—Изъ Жюля Экара (іюль, 314).—Стих. (окт., 742). — Изъ Ш. Бодлера (дек., 593).

О.—Обороты и операціи казны въ 1896 г. по отчету государственнаго контроля (янв., 360).—Государственная роспись на 1897 г. (февр., 792).—По исполненію государственной росписи на 1896 г. (май, 324).

П., А.—Петръ В. за границей, въ 1697-98 г. (май, 298).

Поповъ, П. С.,— Реформаціонное движеніе въ Китаѣ (сент., 206; окт., 474; нояб., 85).

Правительственное сообщеніе (янв., 352).

Протопоповъ, С. Д.—Современная Аляска (янв., 188).

Пыпинъ, А. Н.—Германнъ Геттнеръ (янв., 309).—Н. С. Тихонравовъ и его научная дѣятельность (февр., 721; мар., 188).—Петръ В. въ народномъ преданіи (авг., 640).—Путешествіе за границу временъ Петра В. (сент., 244; окт., 692).—Ѳ. И. Буслаевъ (сент., 405).—Сильвестръ Медвѣдевъ (нояб., 248).—Новая книга о Петрѣ В. (дек., 710).

Раппапортъ, С. И.—Обыватели Лондона и ихъ бытъ (май, 406).—Англійская деревня (авг., 509).

Рихтеръ, Д.—Недвижимая собственность въ Россіи и ея современная судьба (окт., 815).

С.—Н. А. Варгунинъ, некр. (окт., 835).

Саводникъ, В.—Стихотворенія: I-II (сент., 308).

Салiасъ, гр. Евг. А — Экзотики, ром. въ 4 ч. (сент., 5; окт., 429; нояб., 41; дек., 465).

Ск—евъ.—Тобольская губернія въ 50-хъ годахъ. Матеріалы для біографіи В. А. Арцимовича (нояб., 5; дек., 571).

Слонимскій, Л. З.—Ученіе Маркса въ жизни и литературѣ (февр., 768). —Еще о денежной реформѣ (іюнь, 772).—Экономическія замѣтки (іюль, 318)—Карлъ Марксъ въ русской литературѣ (авг., 765. сент., 288; окт., 742).—Нашъ денежный вопросъ (нояб., 337). — Капитализмъ въ Россіи (дек., 756).

Соловьевъ, Вл. С.—Стих.: Память А. А. Фета (февр., 791).—Изъ Московской губерніи (авг., 780).—Судьба Пушкина (сент., 131).—Стихотворенія (окт., 514).—Родина русской поэзіи, стих. (нояб., 347).

Спасовичъ, В. Д.—Д. С. Мережковскій и его „Вѣчные спутники“ іюнь, 559).

Ст., М.—„Соединенныя“ начальныя училища въ г. Ригѣ. Личныя наблюденія и замѣтки (мар., 360).

Стасюлевичъ, М. М. — Письмо въ Городскую Коммиссію по народному образованію, 16 ноября 1897 г. (дек., 881).

Т.—Конецъ сороковыхъ годовъ (апр., 727) —Письма Н. М. Карамзина, вновь изданныя (май, 386).—Начало 50-хъ годовъ (іюль, 267).

Тверской, П. А. — Президентская кампанія въ С.-Амер. Штатахъ (янв., 68).—Новая администрація въ С.-Ам. Соединенныхъ Штатахъ (іюнь, 783).—Производительныя ассоціаціи въ Сѣв. Америкѣ (авг., 692).—Новые золотые пріиски въ С.-Америкѣ (сент., 363).—О серебрѣ (дек., 800).

Тернеръ, Ѳ. Г. — Переселенческое дѣло (мар., 75; апр., 425; май. 53).

Тихоновъ, Вл.—Начало конца, пов. (май, 86).

Толстой, гр. А. К.—Изъ переписки (апр., 592; май, 261; іюнь, 606; іюль, 93).

Тхоржевскій, И.—Изъ Сюлли Прюдомма (янв., 308). — Изъ М. Гюйо (май, 171).

Франкъ, Ив.—Къ свѣту, разсказъ арестанта. Перев. съ галицко-рус. (сент., 104).

Шенрокъ, В. И.—Н. М. Языковъ (нояб., 134; дек., 597).

Шпильгагенъ, Фр.—Фаустулусъ, романъ. Перев. съ нѣм. А. Б—г— (янв., 256; февр., 662; мартъ, 234; апр., 683).

Якушкинъ, В. Е.—А. И. Полежаевъ, его жизнь и поэзія (іюнь, 716).

Эеденъ, Фредерикъ, ванъ.—Маленькій Іоганнесъ. Перев. съ голланд. Е. Н. Половцовой (окт., 550; нояб., 176).

Эйнгорнъ, В.— Страница изъ біографіи Воина Ордина-Нащокина (фев., 883).

Ѳедоровъ, А. М.—Изъ Лонгфелло: „Голоса Ночи“ (май, 40).

Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе. — Итоги истекшаго года.—Комиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ, и мѣстная юстиція.—Характерные инциденты въ земскихъ собраніяхъ.—Губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе и земскія подготовительныя коммиссіи. — Сельско-хозяйственный совѣтъ и отношеніе земства къ мѣстнымъ органамъ м-ва земледѣлія.—Мѣры къ улучшенію городского хозяйства.—Отзывы въ печати о „Правительственномъ сообщеніи“ 5-го декабря 1896 г.—Postscriptum (Январь, 372).—Пересмотръ положеній о крестьянахъ.—Предѣлы и характеръ земской дѣятельности.—Вопросы объ освобожденіи земства отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ и объ отношеніи губернскаго земства къ уѣзднымъ.—Общая часть проекта уголовнаго уложенія: дѣленіе преступныхъ дѣяній, соучастіе, виды лишенія свободы, смягченіе наказаній.—Открытіе финляндскаго сейма (Февраль, 810).—Тульское губернское и алексинское уѣздное дворянство.—Рѣчь бывшаго спб. губернскаго предводителя дворянства. — Статья Б. Н. Чичерина о современномъ положеніи русскаго дворянства.—Еще къ вопросу о взаимномъ отношеніи губернскихъ и уѣздныхъ земствъ. — Мнимый „бюрократическій соціализмъ“ земскихъ учрежденій. — Письмо В. В. Пржевальскаго (Мартъ, 341).—Расширеніе полномочій главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ.—Безпорядки въ Шполѣ.—Авторитетныя свидѣтельства въ пользу земскихъ учрежденій.—Тамбовское дворянство и „Гражданинъ“.—Тенденціозныя нападенія на „странную книгу“.—Всесословная волость и реакціонная печать (Апрѣль, 792).—Именной Высочайшій указъ 27-го марта.—Высочайшій рескриптъ 13-го апрѣля.—Положеніе дворянства въ до-реформенную, реформенную и по-реформенную эпохи.—„Московскія Вѣдомости“ о „возстановленіи государственныхъ полномочій дворянства“.—Ссылка на „мудрые совѣты“ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ.—Что понимать подъ именемъ возвращенія къ прошедшему?—Вопросъ о судѣ присяжныхъ, общемъ и спеціальномъ, въ коммиссіи, пересматривающей судебные уставы. — Столѣтіе Удѣльнаго вѣдомства (Май, 335).—Измѣненіе порядка передачи періодическихъ изданій. —Различіе между основаніемъ изданія и его переходомъ въ другія руки.—Временной характеръ новой мѣры.—Недомолвки въ разсужденіяхъ „охранительной“ печати о дворянскомъ вопросѣ.—Мнимая солидарность интересовъ и мнимыя особенности „служилаго“ сословія.—„Ограниченный умъ подданныхъ“ въ старой Пруссіи.—Новые законы (Іюнь, 821).—Рожденіе Е. И. В. Великой Княжны Татьяны Николаевны. — Новыя льготы заемщикамъ Дворянскаго Банка.—Одна изъ „дворянскихъ программъ“.—Еще о „Дворянскомъ Отдѣлѣ“.—Дворянство и земство.—В. В. Чичеринъ и „охранительная“ печать.—Вопросъ о виленскомъ генералъ-губернаторствѣ. — Законопроектъ о надзорѣ за промышленными заведеніями.—Законъ о рабочемъ времени (Іюль, 357).—Народная школа въ деревнѣ.—Кн. Д. Друцкого-Сокольнинскаго (Августъ, 780).—Новое обостреніе продовольственнаго вопроса.—Легенды и дѣйствительность.—Мнимая негосударственность земства.—Попытка реабилитаціи „лукояновцевъ“.—Распространеніе области дѣйствій фабричнаго законодательства.—Сверхъ-урочныя работы по закону 2-го іюня. — Инструкціи и правила, предусмотрѣнныя этимъ закономъ.—Новыя законодательныя мѣры (Сентябрь, 313).—Общій характеръ отвѣтовъ губернскихъ совѣщаній на вопросы, относящіеся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ.—Составъ волостныхъ сходовъ.—Необходимость расширенія круга лицъ, платящихъ мірскіе сборы.—Быстрый ростъ этихъ сборовъ.—Всесословная волость и „попечители“ надъ крестьянскими сходами.—Губернскія продовольственныя совѣщанія. Обязательные земскіе и городскіе расходы (Октябрь, 764). — Мнѣнія губернскихъ совѣщаній по вопросу о сельскомъ общественномъ призрѣніи. — Недостатки существующаго порядка; неудачныя попытки его оправданія и даже его идеализаціи.—Проектируемыя совѣщаніями реформы: передача дѣла призрѣнія въ руки волости, учрежденіе волостныхъ попечительствъ, увеличеніе средствъ призрѣнія.—Всесословная волость, какъ единственная воз-

можная основа для правильной организаціи общественнаго призрѣнія.—Роль, при этомъ, земства и государства (Ноябрь, 364).—Оффиціальныя свѣдѣнія о неурожаѣ.— Проповѣдь недовѣрія къ земству.—„Страшныя слова", возводимыя на степень аргументовъ. — Своеобразная охрана народной нравственности.—Земство и до-реформенные порядки. — Вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій на западной окраинѣ имперіи.—Губернаторскій протестъ противъ земской адвокатуры. - Податные инспектора въ уѣздномъ съѣздѣ. — „Деревенская безопасность" полвѣка тому назадъ и теперь (Декабрь, 778).

II. Иностранное Обозрѣніе. — Политическія дѣла истекшаго года.—Событія на Востокѣ и дѣятельность дипломатіи.—Нашъ договоръ съ Китаемъ.—Положеніе дѣлъ въ различныхъ государствахъ Европы (Январь, 397). - Новый министръ иностранныхъ дѣлъ и его поѣздка въ Парижъ и въ Берлинъ.—Главнѣйшія современныя задачи русской дипломатіи и ея руководителя. — Восточныя дѣла. — Англо-американскій договоръ о третейскомъ судѣ (Февраль, 843).— Европейская дипломатія и критскій вопросъ.—Недоумѣнія и противорѣчія въ политическихъ извѣстіяхъ. — Послѣднія событія на островѣ Критѣ.—Нейтралитетъ и вмѣшательство броненосцевъ.— Патріотическія увлеченія въ Греціи и ихъ результаты (Мартъ, 370).—Военныя дѣйствія на о. Критѣ и участіе въ нихъ европейскихъ броненосцевъ.—Характеръ и значеніе нынѣшняго вмѣшательства Европы въ критскія дѣла.—Отношенія великихъ державъ къ Греціи и Турціи. —Новыя „армянскія звѣрства" и турецкія реформы.—Перемѣны въ программѣ дипломатіи.—Сближеніе между Сербіею и Болгаріею. — Письмо изъ Бѣлграда (Апрѣль, 824).—Греко-турецкая война и ея возможныя послѣдствія.—Побѣдоносная Турція и великія державы.—Дипломатическія недоразумѣнія.—Недовольство европейскою дипломатіею во Франціи и Англіи.—Туркофильство въ нашей печати.—Сближеніе между Австро-Венгріею и Россіею (Май, 357).—Греко-турецкая война и европейская дипломатія. —Странные взгляды нѣкоторыхъ газетъ на Турцію и на ея побѣды.—Замѣчанія о „курьезномъ" характерѣ военныхъ дѣйствій.—Греки и турки.—Бѣдствія войны и случайныя катастрофы.—Пожаръ въ Парижѣ.—Вильгельмъ II и его восточная политика (Іюнь, 843).—Юбилей королевы Викторіи и его политическое значеніе.—Постепенный ростъ демократіи и усиленіе монархическихъ чувствъ въ Англіи въ истекшее шестидесятилѣтіе.— Главные итоги царствованія.—Министерскія перемѣны въ Германіи.—Сѣверо-американская политика (Іюль, 379).— Мирные переговоры въ Константинополѣ. —Восточная политика державъ и турецкія дѣла.—Политическій кризисъ въ Австріи и роль графа Бадени.—Парламентскія рѣшенія въ Пруссіи и дипломатія фонъ-Микеля.—Пріѣздъ президента Фора въ Россію и современное положеніе Франціи (Августъ, 802).—Новое международное положеніе и франко-русскій союзъ. —Упадокъ германской гегемоніи и возможныя французскія иллюзіи.—Политическія дѣла въ Англіи.—Смерть испанскаго министра-президента Кановасадель-Кастильо (Сентябрь, 350).—Военныя празднества и политическія манифестаціи въ Венгріи. — Предварительный мирный договоръ между Турціей и Греціей.—Внутреннія дѣла въ Австріи и министерство графа Бадени.—Политическія дуэли.—Рабочее движеніе въ Англіи.—Волненія въ Индіи и судебные процессы противъ индійскихъ газетъ (Октябрь, 782).—Французскія политическія партіи.—Рѣчи Поэнкаре и Мелина.—Особенности парламентаризма во Франціи.—Административная рутина и ея послѣдствія.—Парламентскіе подвиги въ Австріи.—Министерскіе кризисы въ Греціи и Сербіи (Ноябрь, 399).— Парламентскій кризисъ въ Австріи и отставка министерства Бадени. - Австрійскіе политическіе вопросы и конфликты.— Рѣчь графа Голуховскаго. — Внутреннія дѣла во Франціи: дѣло Дрейфуса-Эстергази. — Странныя увлеченія французской печати (Декабрь, 806).

III. Литературное Обозрѣніе. — Т. Н. Грановскій и его переписка, т. I. —Т. Н. Грановскій и его время, Ч. Вѣтринскаго.—Этнографическіе матеріалы черниговской и сосѣднихъ съ нею губерній, вып. 1 и 2, Б. Гринченко.—Какашъ и Тектандеръ, перев. А. Станкевича.— Сборникъ историческихъ матеріаловъ изъ Архива Е. И. В. Канцеляріи, вып. 8, Н. Дубровина.—Т.—Регесты и надписи, сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи.—W.—Новыя книги и брошюры (Январь, 409).—Князь С. Волконскій, Очерки русской исторіи и литературы.—Вл. С.—Литературныя характеристики, Зин. Венгеровой.—Пѣснь о Роландѣ, перев. гр. де ла-Бартъ, съ предисл. акад. А. Н. Веселовскаго.— Сборникъ старинныхъ бумагъ въ музеѣ П. И. Щукина.—Т.— Новыя книги и брошюры (Февраль, 861).—Л. Мельшинъ.

Въ мірѣ отверженныхъ.—В. П. Авенаріусъ. Гоголь-гимназистъ.—А. М. Лобода. Русскій богатырскій эпосъ.—Ц.—Новыя книги и брошюры (Мартъ, 384).—Кн. Евгеній Трубецкой, Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ XI в.—Вл. С.—Н. Кондаковъ, Русскіе клады, т. I.—В. А. Бильбасовъ. Исторія Екатерины Второй, т. XII, ч. 1 и 2.—П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры, ч. II.—Н. Павловъ-Сильванскій. Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра В.—А. П.—Новыя книги и брошюры (Апрѣль, 836).—Собраніе сочиненій Н. И. Наумова.—Г. Могра, Послѣдніе дни одного общества.—Т.—Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона Крузе, соч. Дефо. Лазарильо изъ Тормесъ, и его удачи и неудачи.—А. П.—Р. Сенкевичъ, Quo vadis, ром. изъ временъ Нерона.—Д.—Новыя книги и брошюры (Май, 370).—Сборникъ Т. И. Филиппова.—Вл. С.—Новыя книги и брошюры (Іюнь, 856).—Минскій, При свѣтѣ совѣсти. Мысли и мечты о цѣли жизни. Изданіе второе.—І. С.—Императоръ Александръ Первый. Его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера.—Главныя теченія русской исторической мысли, П. Милюкова.—Очерки русской исторіи и русской литературы, кн. Сергѣя Волконскаго. Второе изданіе.—В. Ѳ. Миллеръ, Очерки русской народной словесности.—А. П.—Новыя книги и брошюры (Іюль, 390),—А. С. Хомяковъ, его жизнь и сочиненія, Валерія Лясковскаго.—„Призывъ“, сборникъ, изд. Гарина-Виндинга.— Русскія народныя сказки А. Н. Аѳанасьева, съ біографическимъ очеркомъ и пр., А. Грузинскаго.—Н. Никифоровскій, Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи; Простонародныя примѣты и повѣрья и пр. въ Витебской Бѣлоруссіи.—А. П.—Новыя книги и брошюры (Августъ, 815).—Имп. Александръ I, его жизнь и царствованіе Н. К. Шильдера. Т. II.—Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина. Т. I.—Русскій сѣверъ, А. П. Энгельгардта.—Изданіе Историч. Общества при Имп. Москов. Университетѣ. Годъ I.—Т.—Новыя книги и брошюры (Сентябрь, 371).—Отч. Имп. Публичной Библіотеки за 1894 г.—Каталогъ собранія рукописей Ѳ. И. Буслаева, состав. И. А. Бычковъ.—А. П. Юго-западный край, статистич. обозрѣніе, состав. И. Н. Толмачевъ.—Т.—Отпускная торговля и нѣкоторыя мѣры для ея развитія, П. И. Янжула.—Денежное обращеніе и его общественное значеніе, М. Шиппеля, перев. П. Струве.—І. С.—Новыя книги и брошюры (Октябрь, 794).—Матеріалы для біографіи Гоголя, В. П. Шенрока, т. IV.—Н. А. Бѣлоголовый. Воспоминанія и другія статьи.—К. К. Случевскій, По сѣверо-западу Россіи. Т. I: По сѣверу Россіи. Т. II: По западу Россіи.—Т.—С. А. Венгеровъ, Крит.-біографич. словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. V.—А. П.—Курсъ физики, О. Д. Хвольсона, т. I.—М. Ш-нъ.—Новыя книги и брошюры (Ноябрь, 411). А. Осиповичъ, Собраніе сочиненій.—Т.—Русская поэзія, п. р. С. А. Венгерова.—Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ, П. Ровинскаго.—А. П.—Новыя книги и брошюры (Декабрь, 847).

IV. Новости Иностранной Литературы.—I. Philippe Gille, Causeries du Mercredi. Paris, 1897.—II. Kuno Fischer. Shakespeare's Hamlet. Heidelberg, 1896 (Январь, 436).—I. Gerhardt Hauptmann. Die Versunkene Glocke. Ein deutsches Märchendrama. Berlin, 1897.—II. H. Taine. Carnets de voyage. Notes sur la province. 1863-1865. Paris. 1897.—III. Jules Lemaitre. Impressions de théatre. Neuvième série. Paris, 1896.—IV. Nikitin. Gedichte. Uebersetz. von Friedr. Fiedler. Lpzg. 1897 (Февраль, 888).—I. Alphonse Daudet. Le trésor d'Arlatan.—II. M. Salomon. Etudes et Portraits littéraires.—III. Remy de Gourmont. Le livre des masques.—З. В. Мартъ, 400).—I. H. Sudermann. „Morituri“.—II. A. Bartels. Die deutsche Dichtung der Gegenwart.—З. В. (Апрѣль, 856).—I. J. Legras, Henri Heine. Poète.—З.В.—II. Les événements politiques en Bulgarie depuis 1876 jusqu' à nos jours, par A. Drandar.—Л. С. (Май, 397).—I. Fernand Vandérem, Les deux Rives, roman.—II. E. Vigié-Lecocq, La Poésie Contemporaine.—З. В. (Іюнь, 864).—I. Charbonnel, Congrès universel des religions en 1900.—II. Les Mystiques dans la littérature présente.—III. Rostand, La Samaritaine.—З. В. (Іюль, 411).—I. Des Granges, Geoffroy et la critique dramatique sous le Consulat et l'Empire.—II. Fleury, Introduction à la médecine de l'esprit.—III. Jules Bois, L'Eve Nouvelle.—З. В.—IV. Brochkaus, Conversations-Lexicon: 14-te Auflage.—S. W. (Августъ, 831).—I. G. Deschamps, La Vie et les Livres, sér. 4.—II. H. Bérenger. La Proie.—III. Ad. Brisson, Portraits intimes, sér. 3.—З. В. (Сентябрь, 388).—I. Ed. Byré Nouvelles causeries historiques et littéraires.—II. C. Mendés, L'art au théatre.—III. G. Larroumet, Petits portraits et notes d'art.—З. В. (Октябрь, 821).—I. G. Meredith, The amazing Marriage.—II. W. Kawerau, Hermann Sudermann, eine kritische Studie.—III. Flaccs-Fok-

schaneanu, Anton Tschechow, Russische Liebelei. Sonja Kowalewska, Jugenderinnerungen.—З. В. (Ноябрь, 432). — A. Symons, Studies in two literatures.— M. Barrès. Les Déracinés. — З. В. (Декабрь, 868).

V. Изъ Общественной Хроники.— Мнимая „тройственность“ нашей начальной школы.—Начальныя школы и школьныя библіотеки въ тульскомъ уѣздѣ.— Народныя чтенія въ Уржумѣ.—Духоборцы на Кавказѣ.—Характерный судебный процессъ.—Бесѣда губернатора съ корреспондентомъ.—Чествованіе кн. А. И. Урусова и К. М. Станюковича.—Postscriptum (Январь, 447).—Б. Н. Чичеринъ и кн. С. Г. Трубецкой объ университетскихъ дѣлахъ. — Новая редакція „Московскихъ Вѣдомостей“.—Литературный сыскъ и отпоръ ему со стороны самой консервативной печати.—Нѣчто о „великихъ реформахъ“.—Юбилей В. Я. Аврамова.—Н. Ѳ. Здекауеръ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ † (Февраль, 903).—„Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей“.—Судъ чести, какъ самая характерная черта новаго учрежденія. — Несостоятельность аргументовъ, приведенныхъ въ печати противъ суда чести.—Инцидентъ въ обществѣ литературнаго фонда (Мартъ, 412).—Народное образованіе и газетный обскурантизмъ.—„Умныя вечеринки“ и „программа народнаго развращенія“.—Приватъ-доцентура богословія.—Предводители дворянства и дворянство.—Еще о союзѣ писателей.—А. Н. Егуновъ, И. А. Кейслеръ и А. Н. Майковъ † (Апрѣль, 865).—Ростущая литература по университетскому вопросу. —Статьи „Одного изъ многихъ“, кн. С. Н. Трубецкого и А. Ф. Филиппова; брошюра Н. Карѣева.—Пріостановка „Луча“. —По поводу 50-лѣтія со дня смерти Бѣлинскаго.—Юбилей А. А. Потѣхина.— Письмо въ Редакцію А. А. Поджіо, по поводу воспоминаній Н. А. Бѣлоголоваго (Май, 417).—Новыя общества грамотности.—Распоряженія въ области начальной школы.—Вопросъ о народной читальнѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Московскій городской голова.—„Пріемъ ироніи“, употребленный проф. Исаевымъ.—Юбилей А. Г. Неболсина.—М. В. Трубникова и Н. А. Любимовъ †.—P.-S. Еще статьи „Моск. Вѣд.“ о дворянскомъ вопросѣ (Іюнь, 875).—Двадцатилѣтіе городскихъ училищъ въ Петербургѣ.—Общество взаимопомощи учащихъ и учившихъ.—Памятникъ Мицкевичу въ Варшавѣ.—Пушкинъ и Катковъ.—Письма К. Н. Леонтьева и И. С. Аксакова.—„Московскія Вѣдомости“ о пріостановкѣ „Руси“.—Еще нѣсколько словъ о передачѣ періодическихъ изданій.—Адвокатура въ не-судебныхъ учрежденіяхъ.— Письмо въ Редакцію (по поводу воспоминаній Н. А. Бѣлоголоваго о А. В. Поджіо) (Іюль, 426).—Еще о новомъ законѣ 2-го іюня относительно продолжительности и распредѣленія рабочаго времени, и о дальнѣйшемъ развитіи этого закона.—Рѣчь г. товарища оберъ-прокурора св. синода 26-го іюня.—Лѣтніе курсы для учащихъ въ ц.-приходскихъ школахъ.—Двухклассныя училища духовнаго вѣдомства и приготовленіе въ нихъ учителей для школъ того же вѣдомства.— Школьные огороды, поля и т. под. при этихъ школахъ и ихъ дѣйствительное значеніе. — Вопросъ о распредѣленіи школьныхъ вакацій у насъ и за границей (Августъ, 853).—Неудобство неумѣренныхъ восторговъ.—Катковъ, изображаемый какъ „Прометей“, „Титанъ“ и „Пророкъ“, какъ спаситель и просвѣтитель Россіи. — Полное собраніе передовыхъ статей Каткова.—Одинъ изъ эпигоновъ славянофильства.—Раздвоящійся писатель.—Невѣроятная программа.—Первыя извѣстія о торжественномъ въѣздѣ Ихъ Величествъ въ г. Варшаву (Сентябрь. 411).—Нежелательные отголоски радостныхъ событій.—„Единеніе“ или „сліяніе“?—Полемическіе пріемы особаго сорта и „допросъ съ пристрастіемъ“.—Еще о памятникѣ Мицкевичу и о виленскомъ генералъ-губернаторствѣ. — Богословскій факультетъ въ Юрьевѣ (Дерптѣ).—Общество грамотности и начало его дѣятельности (Октябрь, 888).—Вопросъ о гонорарѣ за слушаніе университетскихъ лекцій.—Гонораръ и уставъ 1884 года. —Справедливо ли неравномѣрное распредѣленіе гонорара между учащими?— Значеніе гонорара для студентовъ.—Возможность совершенной отмѣны гонорара. —Два слова о нашихъ историко-филологическихъ факультетахъ.—Закладка памятника гр. М. Н. Муравьеву (Ноябрь. 445). — Вопросъ о вѣротерпимости и „С.-Петербургскія Вѣдомости“. — Ст. 39 устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій. — Газета „Свѣтъ“ и иновѣрческія церкви. — Нѣсколько словъ о духоборахъ. — Новыя открытія „Московскихъ Вѣдомостей“. — Крестьяне и земская школа.—Инцидентъ въ уржумскомъ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ. — К. К. Гротъ † (Декабрь, 884).

VI. Библіографическій Листокъ.— Г. И. Сазоновъ. Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству (1865-95).—Ходячія и мѣткія слова. Сборникъ М. И. Михельсона.—К. И. Маслянни-

ковъ. За десять лѣтъ (1886-1895). Изъ дневника неунывающаго хозяина.—Кн. Н., Шаховской. Сельско-хозяйственные отхожіе промыслы.—С. М. Барацъ. Задачи вексельной реформы въ Россіи (По поводу проекта устава вексельнаго 1893 г.) (Январь).—Давидъ Штраусъ. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, съ нѣм. п. р. Э. Радлова.—Оправданіе добра. Нравственная философія, Влад. Соловьева.—Сборникъ законовъ и постановленій для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ, ч. 1, изд. 2-е, В. И. Вешнякова.—Торговые музеи, И. И. Янжула.—Элизе Реклю. Земля и люди. Всеобщая географія, т. XVII, XVIII и XIX (Февраль).—Происхожденіе современной демократіи, т. III и IV. Макс. Ковалевскаго.—Тюремный міръ. Эм. Лорана.—Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ, п. р. А. Чупрова и А. Посникова. —Энциклопедическій словарь, т. XIX и XX.—Адресная книга г. С.-Петербурга на 1897 г., п. р. П. О. Яблонскаго (Мартъ). — Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, изъ архива мин. нар. просвѣщенія, т. II.—Въ странѣ вулкановъ. Путевыя замѣтки на о. Явѣ, кн. С. А. Щербатовой.—Философскій Ежегодникъ, годъ второй, Я. Колубовскаго.—Право и нравственность, Влад. Соловьева (Апрѣль).—Внѣшняя политика Россіи и положеніе иностранныхъ державъ, К. Скальковскаго.—Духовныя основы жизни. Владиміра Соловьева. Изд. 3-е.—Выборъ факультета и прохожденіе университетскаго курса. Н. Карѣева.—Курсъ физики, О. Д. Хвольсона. Т. I.—Самуилъ Ганеманъ. Очерки его жизни и дѣятельности. Д-ра мед. Л. Е. Бразоля.—Поэмы, Думы и Пѣсни. В. К. Булгакова (Май).—Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера Съ 450 иллюстраціями —Чайные округа субтропическихъ областей Азіи. Культуръ-географическіе очерки дальняго Востока. Проф. А. П. Краснова. Съ 101 рис. и 2 карт. —Власть и право. Философія объективнаго права. В. Ф. Залѣсскій.—Фритьофъ Нансенъ. В. Г. Бреггера и Н. Рольфсена, съ стихотворнымъ введеніемъ Бьёрнстьерне-Бьернсона Перев. съ датскаго А. и П. Ганзенъ (Іюнь).—А. Ѳ. Кони. Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ. Спб., 1897. —Н. Водовозовъ. Экономическіе этюды. Съ портретомъ автора. Изданіе М. И. Водовозовой. Москва, 1897.—К. Ѳ. Одарченко. Нравственныя и правовыя основы русскаго народнаго хозяйства. Москва, 1897.—Суевѣріе и уголовное право. А. Левенстима. (Юридическая библіотека, № 15). Изд. Я. Канторовича. Спб. 1897. —Правители и мыслители. Біографическіе очерки Ѳ. Литвиновой Съ 16 портретами. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1897 (Іюль).—Ник. Карышевъ. Трудъ, его роль и условія приложенія въ производствѣ (Образовательная библіотека. изданіе О. Н. Поповой, № 4 и 5).—В. Короленко. Въ голодный годъ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. Изданіе третье. —Политическая исторія современной Европы. Эволюція партій и политическихъ учрежденій. 1814 1896. Написалъ III. Сеньобосъ. лекторъ парижскаго университета. Ч. I. Переводъ съ французскаго (Августъ). —Письма Иннокентія, митрополита московскаго и коломенскаго, кн. 1, собран. Пв. Барсуковымъ. —Что нужно для поднятія сельскаго хозяйства въ Россіи? Д. П. Малютина.—Султанъ и державы, Малькольма МакъКолля (Сентябрь).—Натанъ Мудрый, Лессинга, въ перев. В. Крылова.—Народныя чтенія. В. Вахтерова.—Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ, Н. Бржескаго.—Процессы противъ животныхъ въ средніе вѣка. Я. Канторовича.—Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. V, С. А. Венгерова (Октябрь).—Исторія русской литературы, А. Н. Пыпина, т. I.—„Историческое Обозрѣніе", т. IX, п. р. Н. И. Карѣева.—Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ.— Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ. А. Тимофеева. Очеркъ коммерч. географіи, Д. Д Морева (Ноябрь). — Сборникъ Имп. Р. Ист. Общ., т. 99 и 100.—Экон. ист. Англіи, Д. Эшли. —Исторія Греціи, т. I, Ю. Белоха. — Общепонятное законовѣдѣніе. Н. П. Дружинина (Декабрь).

VII. Извѣщенія.—О пожертвованіяхъ на памятникъ Луи Пастеру въ Парижѣ (Январь, 460; Февраль, 917).— Отъ Имп. Военно-Медицинской Академіи (Мартъ, 424).—Отъ Россійскаго Общества Краснаго Креста (Апрѣль, 878).— I. Отъ Совѣта Юридическаго Общества при Имп. Спб. Университетѣ.—II. Отъ общества борьбы съ заразными болѣзнями.—III. Отъ Спб. Общества: „Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ" (Май, 433; авг., 865; сент., 428; окт., 849).— Отъ „Союза взаимопомощи русскихъ писателей" (Іюнь, 886).—Отъ Попечительства о домахъ Трудолюбія и т. д.; о подпискѣ на журналъ „Трудовая Помощь" (Ноябрь, 462). — Отъ спб. Общ. „Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ" (Декабрь).

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА

Ноябрь—Декабрь 1897.

Книга одиннадцатая.—Ноябрь.

стр.

Тобольская губернія въ пятидесятыхъ годахъ.—Матеріалы для біографіи В. А. Арцимовича, за время управленія его тобольскою губерніею (1854-58 гг.). I.—СК—ЕВЪ 5

Экзотики. — Романъ въ трехъ частяхъ.—Часть вторая: XI-XXII.—Гр. ЕВГ. А. САЛІАСА 41

Реформаціонное движеніе въ Китаѣ.—VIII-XVIII.—Окончаніе.—П. С. ПОПОВА 85

Николай Михайловичъ Языковъ. — 1803-1846 гг. — Біографическій очеркъ. — I-XIV.—В. И. ШЕНРОКА. 134

Изъ Гюйо.—П. И. ВЕЙНБЕРГА. 174

Маленькій Іоганнесъ.—De kleine Johannes, Fred. van Eeden.—V-XIV.—Окончаніе.—Перев. съ голланд. Е. Н. ПОЛОВЦОВОЙ 176

Сильвестръ Медвѣдевъ, по новымъ изслѣдованіямъ.—А. Н. ПЫПИНА. . . . 248

Два берега.—Les deux Rives, roman par Fern. Vandérem.—X-XVIII.—Перев. —А. Б—г—ъ. 286

Нашъ денежный вопросъ.—I.—Л. З. СЛОНИМСКАГО 337

Родина русской поэзіи.—Стих. ВЛАД. С. СОЛОВЬЕВА 347

Хроника.—Министерскія программы для начальныхъ народныхъ училищъ.—Н. М. ГОРБОВА. 349

Внутреннее Обозрѣніе.—Мнѣнія губернскихъ совѣщаній по вопросу о сельскомъ общественномъ призрѣніи.—Недостатки существующаго порядка; неудачныя попытки его оправданія и даже его идеализаціи. — Проектируемыя совѣщаніями реформы: передача дѣла призрѣнія въ руки волости, учрежденіе волостныхъ попечительствъ, увеличеніе средствъ призрѣнія.—Всесословная волость, какъ единственная возможная основа для правильной организаціи общественнаго призрѣнія. — Роль, при этомъ, земства и государства 364

Профессорскій гонораръ въ нашихъ университетахъ — Письмо въ Редакцію.—Н. И. КАРѢЕВА. 384

Иностранное Обозрѣніе. — Французскія политическія партіи. — Рѣчи Поэнкаре и Мелина. — Особенности парламентаризма во Франціи. — Административная рутина и ея послѣдствія.—Парламентскіе подвиги въ Австріи.—Министерскіе кризисы въ Греціи и Сербіи. 399

Литературное Обозрѣніе. — Матеріалы для біографіи Гоголя, В. И. Шенрока, т. IV.—Н. А. Бѣлоголовый, Воспоминанія и другія статьи.—К. К. Случевскій, По сѣверо-западу Россіи. Т. I: По сѣверу Россіи. Т. II: По западу Россіи.—Т.—С. А. Венгеровъ, Крит.-біографич. Словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. V.—А. П. — Курсъ физики, О. Д. Хвольсона, т. I.—М. Ш-нъ.—Новыя книги и брошюры. 411

Новости Иностранной Литературы.—I. G. Meredith, The amazing Marriage.—II. W. Kawerau, Hermann Sudermann, eine kritische Studie. III. Flaccs-Fokschanеanu, Anton Tschechow, Russische Liebelei. Sonja Kowalewska, Jugenderinnerungen.—З. В. 432

Изъ Общественной Хроники. — Вопросъ о гонорарѣ за слушаніе университетскихъ лекцій.—Гонораръ и уставъ 1884-го года.—Справедливо ли неравномѣрное распредѣленіе гонорара между учащими?—Значеніе гонорара для студентовъ, и т. д. 445

Извѣщеніе. — Отъ Попечительства о домахъ Трудолюбія, и т. д. 462

Библіографическій Листокъ.—Исторія русской литературы, А. Н. Пыпина, т. I.—„Историческое Обозрѣніе“, т. IX, п. р. Н. И. Карѣева, и т. д.

Объявленія.—I-IV; I-XVI стр.

Книга двѣнадцатая. — Декабрь. стр.

Экзотики.—Романъ въ трехъ частяхъ.—Часть третья.—Окончаніе.—Гр. ЕВГ. А. САЛІАСА. 465
Тобольская губернія въ пятидесятыхъ годахъ.—Матеріалы для біографіи В. А. Арцимовича, за время управленія его тобольскою губерніею (1854—1858 гг.).—II.—Окончаніе.—СК—ЕВЪ 571
Изъ Ш. Бодлэра.—Spleen et Idéal.—I-IV.—О. Н. МИХАЙЛОВОЙ 593
Николай Михайловичъ Языковъ. — 1803-1846 гг.—Біографическій очеркъ.—Окончаніе.—В. И. ШЕНРОКА 597
Два берега. — Les deux Rives, roman par Fern. Vandérem. — XIX-XXVIII.—Окончаніе.—Перев. А. Б—Г— 652
Новая книга о Петрѣ Великомъ.—Pierre le Grand, par K. Waliszewski.—А. Н. ПЫПИНА 710
Изъ далекаго прошлаго.—Стихотвор. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА 754
Капитализмъ въ Россіи.—I-III.—І. З. СЛОНИМСКАГО. 756
Хроника.—Внутреннее Обозрѣніе.—Оффиціальныя свѣдѣнія о неурожаѣ.—Проповѣдь недовѣрія къ земству. — „Страшныя слова“, возводимыя на степень аргументовъ.—Своеобразная охрана народной нравственности.—Земство и до-реформенные порядки.—Вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій на западной окраинѣ имперіи.—Губернаторскій протестъ противъ земской адвокатуры.—Податные инспектора въ уѣздномъ съѣздѣ.—„Деревенская безопасность“ полвѣка тому назадъ и теперь 778
О серебрѣ.—Письмо въ Редакцію.—П. А. ТВЕРСКОГО. 800
Иностранное Обозрѣніе.—Парламентскій кризисъ въ Австріи и отставка министерства Бадени. — Австрійскіе политическіе вопросы и конфликты. — Рѣчь графа Голуховскаго. — Внутреннія дѣла во Франціи: дѣло Дрейфуса-Эстергази.—Странныя увлеченія французской печати 806
Основаніе университета въ Пекинѣ, и реальныхъ гимназій въ разныхъ провинціяхъ Китая.—Письмо изъ Пекина.—П. С. ПОПОВА 818
Двадцать-пять лѣтъ соціальной политики.—Письмо изъ Германіи. Г. Б. ІОЛЛОСА 827
Литературное Обозрѣніе.—А. Осиповичъ, Собраніе сочиненій.—Т.—Русская поэзія Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ, С. А. Венгерова.—Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ, П. Ровинскаго, т. II, ч. I.—А. П. - Новыя книги и брошюры 847
Новости Иностранной Литературы.—I.—A. Symons. Studies in two literatures. II.—M. Barrès. Les Déracinés.—З. В. 868
Письмо М. М. Стасюлевича въ Городскую Коммиссію по народному образованію 881
Изъ Общественной Хроники.—Вопросъ о вѣротерпимости и „С.-Петербургскія Вѣдомости“.—Ст. 39 устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій.—Газета „Свѣтъ“ и иновѣрческія церкви.—Нѣсколько словъ о духоборахъ. — Новыя открытія „Московскихъ Вѣдомостей“. — Крестьяне и земская школа. — Инцидентъ въ уржумскомъ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ.—К. К. Гротъ †. 884
Извѣщенія.—Отъ Спб. Общества „Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ“. . 899
Матеріалы для журнальной статистики.—„Вѣстникъ Европы“ за 1897 г. . . 901
Алфавитный указатель авторовъ и статей въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1897 г. . 903
Библіографическій Листокъ.—Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества, т. 99 и 100. — Экономическая исторія Англіи, Дж. Эшли. — Исторія Греціи, т. I, Ю. Белоха.—Общепонятное законовѣдѣніе, Н. П. Дружинина.
Объявленія. — I-IV; I-XXII стр.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 99 и 100.

Настоящими двумя выпусками завершается серія первыхъ ста томовъ этого, можно сказать, монументальнаго изданія, обогатившаго отечественную исторію громаднымъ научнымъ матеріаломъ. Томъ 99-й содержитъ въ себѣ донесенія и другія бумаги англійскихъ пословъ, посланниковъ и резидентовъ при русскомъ дворѣ, начиная съ іюля 1742 г. по апрѣль 1744 г. Тѣ же самые годы обнимаетъ переписка французскаго посланника при русскомъ дворѣ, маркиза Шетарди, съ своимъ правительствомъ. Послѣдняя извлечена изъ парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Всѣ эти документы, какъ англійскаго, такъ и французскаго происхожденія, освѣщаютъ одновременно съ различныхъ сторонъ первые годы царствованія имп. Елисаветы Петровны.

У. Дж. Эшли, проф. экономич. исторіи въ Гарвардскомъ университетѣ. — Экономическая исторія Англіи въ связи съ экономической исторіей. Переводъ Н. Муравьева, подъ ред. Д. М. Петрушевскаго. Изд. М. И. Водовозовой. Москва, 1897. Стр. XVI+815. Цѣна 2 р. 75 к.

Въ послѣднее время появляется у насъ такое множество переводныхъ книгъ по экономической и культурной исторіи различныхъ странъ и особенно Англіи, что по невольѣ приходится поставить себѣ вопросъ: нѣтъ ли здѣсь избытка усердія со стороны переводчиковъ и издателей? Спросъ на сочиненія по экономическимъ вопросамъ и по исторіи культуры несомнѣнно увеличился въ нашемъ обществѣ; но это обстоятельство едва ли можетъ служить достаточнымъ объясненіемъ того, что на русскомъ языкѣ издаются теперь переводы обширныхъ англійскихъ трактатовъ, представляющихъ мало интереса для большинства читающей публики, между тѣмъ какъ болѣе капитальныя книги (напр., Фюстель де Куланжа) или болѣе доступныя и поучительныя (напр., сочиненія Арнольда Тойнби) остаются непереведенными. Объемистый трактатъ проф. Эшли доводитъ экономическую исторію Англіи только до XVI столѣтія; первая часть обнимаетъ эпоху отъ XI до XIV вѣка и состоитъ изъ трехъ главъ—о помѣстьяхъ и сельской общинѣ, о цехахъ и ремесленныхъ гильдіяхъ, объ экономическихъ теоріяхъ и законодательствѣ; вторая часть содержитъ свѣдѣнія о „суперматіи городовъ", о ремеслахъ, о шерстяной промышленности, объ аграрной революціи, о призрѣніи бѣдныхъ и объ ученіи канонистовъ. Русскій читатель едва ли вынесетъ что-нибудь существенное изъ книги Эшли, тѣмъ болѣе, что и переводъ не всегда понятенъ; такъ, уже въ предисловіи автора мы встрѣчаемъ выраженіе: „результатъ развитія *свободнаго держанія*", и едва ли кто догадается, что здѣсь идетъ рѣчь о свободномъ мелкомъ земледѣліи. Въ текстѣ также говорится о „свободныхъ держателяхъ", о „держателяхъ-обычникахъ" и т. п., хотя для передачи подлинныхъ терминовъ на русскій языкъ не трудно было подыскать болѣе подходящія выраженія, соотвѣтствующія юридическому смыслу крестьянскихъ поземельныхъ правъ и отношеній.

Ю. Белохъ, Исторія Греціи. Переводъ съ нѣмецкаго М. Гершензона. Т. I. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва, 1897. Стр. XIII+500. Ц. 2 р.

Сочиненіе Белоха принадлежитъ къ числу историческихъ трудовъ новой научной школы, придающей главное значеніе изслѣдованію внутреннихъ условій быта и культуры въ ихъ постепенномъ историческомъ развитіи; изложеніе внѣшнихъ событій основано на точно провѣренныхъ фактахъ, съ устраненіемъ сомнительныхъ преданій и позднѣйшихъ прикрасъ. Въ области греческой исторіи появилось за послѣдніе годы нѣсколько обширныхъ и цѣнныхъ работъ этого типа; отличительныя черты ихъ, какъ говоритъ переводчикъ въ предисловіи, — „недовѣріе къ традиціи и ея источникамъ и стремленіе привѣнить къ изученію греческой исторіи тѣ научные пріемы, которые выработаны новѣйшей исторіографіей въ другихъ ея областяхъ; каждый изъ авторовъ задается цѣлью изложить только то, что мы дѣйствительно знаемъ". Переводчикъ отмѣчаетъ и нѣкоторыя увлеченія и недостатки въ книгѣ Белоха: „осторожность часто переходитъ у него въ недовѣріе, скептицизмъ въ подозрительность; отвергая старыя гипотезы, какъ недостаточно обоснованныя, онъ нерѣдко замѣняетъ ихъ иными, если не болѣе произвольными, то и не болѣе убѣдительными". Вышедшій нынѣ въ русскомъ переводѣ первый томъ обнимаетъ исторію Греціи до Пелопоннесской войны включительно; второй томъ долженъ заключать въ себѣ изложеніе событій до Аристотеля и завоеванія Азіи.

Общепонятникъ законовѣдѣнія. Научно-практическое пособіе, съ приложеніемъ образцовъ и формъ дѣловыхъ бумагъ, прошеній, заявленій, жалобъ, договоровъ, завѣщаній, приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ и т. п. Н. П. Дружанина. М. 98. Стр. 262. Ц. 1 р.

Само оглавленіе книги говоритъ о составныхъ частяхъ ея содержанія, но еще не даетъ понятія о цѣли самого изданія и способѣ изложенія, существенно отличающемся отъ прежнихъ такъ называемыхъ „Письмовниковъ", гдѣ можно было найти готовыя письма для выраженія различныхъ чувствъ родственныхъ, дружескихъ, любовныхъ, а также поздравленій и т. п. Только въ приложеніяхъ помѣщенъ отдѣлъ „дѣлопроизводства", гдѣ даются образцы и формы различныхъ дѣловыхъ бумагъ; но главная цѣль изданія состоитъ въ распространеніи общихъ понятій о законѣ, для того, „чтобъ—какъ сказано въ Наказѣ Екатерины II—одинъ гражданинъ не могъ бояться другого, а боялись бы всѣ однихъ законовъ". Авторъ указываетъ на К. Д. Кавелина, который, незадолго до смерти, писалъ: „Хочу написать книгу, изъ которой всякій грамотный получилъ бы самыя элементарныя понятія о правахъ и обязанностяхъ, общественныхъ и политическихъ учрежденіяхъ и законахъ: у насъ ничего такого нѣтъ, а запросъ большой на такія свѣдѣнія". Вотъ именно такому запросу и старается отвѣтить авторъ въ своемъ опытѣ, который можно назвать опытомъ составленія популярной юридической энциклопедіи.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1898 г.

(Тридцать-третій годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . . . 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою. . . . . 16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . 17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . . . 19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Принимается подписка на годъ, первое полугодіе и первую четверть 1898 г.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и товарищества „Издатель“, Невскій просп., 60—40;—въ *Москвѣ:* въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха; и въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи;—въ *Варшавѣ:* въ кн. магаз. Н. П. Карбасникова, Новый-Свѣтъ;—въ *Кіевѣ:* въ кн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33;—въ *Одессѣ:* въ кн. магаз. Е. П. Распопова, Дерибасовская улица. *Иногородные* и *иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородніе, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородніе, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

DUE DEC 30 1915